

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXV-й.

ОКТЯБРЬ.

1894 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

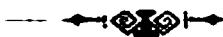
I. Воспоминания И. А. Тучково-Старого. IX — X. 1856 — 1860 г.	1—45	Книга вторая. Га. II. Зи- ту 1820-е	127—142
II. Изъ записокъ герцога Ев- гения Вюртембергскаго. I	46—66	VII. Литературные втіжки со- временниковъ о первомъ томъ "Мертваго Дорга". I — VIII. В. П. Ше- рока	143—178
III. За много лѣтъ. Военно- издѣлія Непобѣдимаго (1854 — 1857)	67—80	VIII. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ,ъ изъ кре- мль въ нову размытъ лицъ. IV. М. Д. Пе- сковскаго.	179—200
IV. За полстолѣтія. 1841 — 1852. Воспоминанія о перемирии. Доктора А. И. Милюнскаго. Частъ третій (1864 — 1892). Га. III.	81—100	IX. Кутузовъ въ 1812 году. Историческая характери- стика Д. П. Бутурліна. I. Сообщ. Н. К. Шил- деръ.	201—220
V. Наши институ-сентанты. А. О. Лебединъ въ его журнале „Спасіе Ист- ланія“. III. Н. Ф. Лу- бровъ и я.	101—126	X. Материалы и замѣтки. Письмо Шишкова инве- нтиру Александру I	221—230
VI. Автобиографія Юристи- го архимандрита Фотія.		XI. Библіографическій ли- стокъ (на оберткѣ).	

Портр. герцога Евгения Вюртембергскаго. Грав. Б. Адть.

Принимается подпись на „Русскую Старину“ под. 1894 г.

Можна получать журналъ за впередиѣ года, съ 4 стрл. обертки.

Приемъ по птѣмъ редакціі по средамъ отъ 11 до часа по полудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайшаго утвержденія Товарищ. «Общественное Попеч.»
Большая Невская 19.

1894.



Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1894

Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Шиллера.

VII.

А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк В. В. Огаркова. Съ портретомъ А. Кольцова и алфавитнымъ указателемъ стихотворений, изложенныхыхъ на музыку.

«Въ предисловіи къ своему очерку В. В. Огарковъ, между прочимъ, говоритъ: „Продолжу же поговорка со сною смерти Кольцова, между тѣмъ до сихъ поръ еще многое факты его биографіи остаются неясными, а любое разсказъ о его жизни и отношеніяхъ ее къ окружающимъ, считавшимъся прежде недостовѣрными, оказывается не совсѣмъ согласимъ съ действительностью.”

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ 1808 г., 3го октября, въ Воронежѣ. Чуди его, Василий Петровичъ, былъ изъ селянъ-праосоль. Мать погата, урожденная Чеснокова, была не грамотна, но красива, — съ добрыми, ласкими сердцемъ и недожиманіемъ умомъ. Василий Петровичъ, во времена рожденія сына, видѣвшись не за долго передъ тѣмъ изъ семьи своего отца, былъ уже чоловѣкомъ достаточнымъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ покупка имъ дома на Дворянской улицѣ, въ лучшій части города, что и упѣдалъ сбѣтъ божій будущій авторъ „Свѣсіи”. У маленькаго Алеши было „крѣстьянка” имя, ходившая, нпрочемъ, въ другихъ дѣтини. (Это была пора, когда „дѣностимъ” торговали, какъ тиароны: съ продавали остомъ, въ розницу и отдавали „за прокатъ”. Духовные, купцы, членники въ мѣщане—эстъ могли владѣть крѣстьянками).

Жизнь ребенка-Кольцова начнѣла не выдающаяся въ жизни дѣтей мѣщанскааго круга: по воспитанію его обращалось мало вниманія, скорѣе искаканаго; присмотръ былъ не особено щадительный: ребенокъ ползоялся свободой, бѣгая по улицамъ и, — какъ это обыкновенно бываетъ,—простужался, ушибался въ пр. Когда мальчику исполнилось девять лѣтъ, въ нему, для обученія гравюрѣ, пригласили сценографиста. Онъ сперро и недурно приготовился и поступилъ въ юдѣйское училище, по быль отгуда класть отцовъ на второго класса. Изъ этого ученья Кольцова и скончалась: его знанія были совершенно достаточны, но именемъ отца, для тѣхъ ролей, къ которымъ сынъ предназначался. Едва научившись читать, мальчикъ страстью отдался книжкамъ: его живое воображеніе рождалось фантасмагорическими образами склонъ, и онъ наѣхъ произведениями проѣтъ „Дяди Королевы” въ Ерусалимъ. Лазаревъ: „просыпалась цѣлое вечера. Въ шко-лѣ, замечательности Кольцова познчали звѣи толчокъ: онъ познакомился съ син-

патичными мальчишами, сыновья купца Б. Грина, у котораго была библиотека. Тамъ онъ уже познакомился романами Лѣфорта, Дикре-де-Мениля и др., и отъ наклонности ему сказать „Гыслачъ я одна почъ” не жить оторваться. Подъ влияніемъ этой садной книги онъ старался самъ написать что-нибудь похожее на прочитанное. Отецъ не за тѣмъ измѣл сына въ шинъ чтобы онъ былъ бакалавръ наль книжки онъ былъ нуженъ ему, какъ помощникъ торговника-заклѣтѣхъ. И вотъ уже съ мѣсяцами всплѣтается въ мѣрѣ грѣха думъ Кольцова практическая художественность,—та „проза жизни”, которой во имуществу можетъ быть поздана достоинство его отца. Кольцовъ вступаетъ въ „науку”: его посыдаютъ съ дѣловыми письмами къ купцамъ, отъ заболѣвшихъ отами денегъ, за покупки и, наконъ- конъ берегъ сына въ стѣнъ, въ гурт скота. Служащіи покупки на толкучкѣ-хотореніи Дикгріена рѣшили участъ Ко-лова: за него пробудилось страстное желаніе писать стихи. „Три вѣкія”—пер-шіе стихотворенія письса. Пробирѣа сочи-ниа Ломоносова, Державина, Богдановича и др., онъ много писалъ, подражая этимъ стихамъ. Стихотворѣніе у него накопилось ино-но не было суды, на приговоръ которъ онъ могъ бы положиться. И вотъ онъ об-щается къ Дм. Апт. Кашину, книгору-даку, обладавшему чуткою и синагогиче-душовъ, который подарилъ ему „Русск. Просходъ,” и хотя призналъ первые опыты поэтіи неудачными, но ободрилъ юношу поощрялъ за дальнѣйшее писательство. Зн-коиство стъ Кашинимъ было очень важ-ко будущаго поэта: оно служило для по- образовательной школы; а то обстоятель-ство, что Кашинъ поощрялъ сына юно- въ исправлялъ икъ, давало начинавшему стихотворцу силу про-граждаться въ своемъ призвании. Покину-личного благотворнаго вліянія на Кольцова, Кашинъ сослужилъ еще службу для него тѣмъ, что былъ, такъ сказать, дверью для входа въ литературу вружи, которыхъ считалось тогда вѣсколь ко въ Воронежѣ.

Флегматичный и сдержанній по виду Кольцовъ былъ однако способенъ на про-явленіе горячей страсти. У Кольцовыхъ же прислуга, у которой была дочь Дуняша замѣчательная красавица. Онъ подобралъ егъ, дѣвушку со всѣмъ выломъ юности, со всѣмъ энергіемъ чувствъ, но какую только способность 18—19 лѣтней возрастъ. Дуняша пѣ-вала виноградство, хотѣла спрятать это отъ сестеръ поэта. Возвращаясь пѣхъ поѣздила по дѣланью, Алексѣй Васильевичъ не нашелъ Дуняши: она вмѣстѣ съ матерью была про-дана какому-то лопинскому помѣщику. Это такъ потрясло поэта, что онъ заболѣлъ и, съза оправившись, устремилъся на поиски.



ПРИНЦЪ ЕВГЕНИЙ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ.

1788 † 1857.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1894 г.

ОКТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайши утвѣрд. Товарищ. „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., 39.

1894.

Воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой.

IX¹).

1856—1860 г.

Жизнь въ Лондонѣ.—Ворцель.—Саффи и его бракосочетаніе.—Юноша А. А. Герценъ.—Дворовые князя Ю. Н. Голицына въ Лондонѣ.—„Записки императрицы Екатерины II“.—Домашній обиходъ.—Прислуга.—Б. Н. Чичеринъ.—Переездъ въ Park-house, за Путненскій мостъ.—Дома въ Лондонѣ и ихъ внутреннее устройство.—Домашнія приключения.—Князь Юрий Николаевичъ Голицынъ и его концерты.—И. С. Тургеневъ и его „Фаустъ“.—Приемъ посѣтителей.—Докторъ Девиль.—Фурьеристы.—Европеусъ съ женой.—Г. Е. Благосвѣтловъ.—„Записки княгини Екатерины Романовны Дашковой“, въ русскомъ перевѣдѣ.
Сергѣй Петровичъ Боткинъ.—Александъ Серно-Соловьевичъ.

Я мало рассказывала еще о замѣчательныхъ личностяхъ разныхъ эмиграцій, съ которыми познакомилась въ Лондонѣ.

Между прочими, вспоминаю всѣми глубоко уважаемаго и любимаго польского эмигранта Ворцеля. Вѣроятно послѣ революціи 30-го года, онъ покинулъ Польшу, тамъ онъ оставилъ громадныя помѣстья, за его отсутствіемъ доставшіяся его малолѣтнимъ сыну и дочери. Впослѣдствіи сынъ поступилъ въ русскую службу, почему Ворцель никогда не поминаль о немъ. Небольшаго роста, худощавый, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, онъ казался весь поглощенъ заботами о своемъ отечествѣ, о нуждахъ соотечественниковъ-эмигрантовъ. Онъ былъ главой польской демократической партіи въ Лондонѣ. Рѣдко образованный, начитанный, очень симпатичный, съ изящными привлекательными манерами, Ворцель казался старѣе, чѣмъ былъ, такъ эта жизнь полная всякихъ лишеній и жертвъ кладетъ свою печать на эмигрантовъ.

Ворцель ничего не требовалъ и не получалъ отъ своихъ дѣтей, онъ жилъ уроками математики, которую зналъ въ совершенствѣ. Года черезъ полтора послѣ нашего прѣѣзда въ Лондонъ, по разстроенному здоровью, по упадку силъ, Ворцель былъ вынужденъ прекратить свои занятія. Онъ былъ очень друженъ съ Мадзини, во-ждемъ итальянской демократической партіи, и пользовался большимъ уваженіемъ со стороны англійскихъ революціонеровъ; имѣлъ даже друзей между ними. Нѣкоторые изъ нихъ поддерживали Ворцеля, когда уроки математики прекратились. Они помѣстили Ворцеля на квартиру къ г-ну Тейлеру, весьма симпатизирующему уже сильно больному вождю польской демократіи. Тейлеръ окружилъ Ворцеля возможнымъ комфортомъ и доставилъ ему медицинскую помощь. Получая на всѣ нужные для больного издержки деньги отъ его англійскихъ друзей, а иногда и отъ Герценя, онъ старался скрыть отъ Ворцеля, что послѣдній живетъ на чужой счетъ. Быть можетъ, Ворцель и догадывался, но ему нечего было дѣлать, болѣнь не позволяла ему зарабатывать, какъ прежде; тогда онъ дѣлился каждой копѣйкой со своими соотечественниками. Впрочемъ, пламенный польскій патріотъ и страдалецъ недолго пролежалъ. Его болѣнь заключалась преимущественно въ глубокомъ отчаяніи относительно родины. Эмиграція тоже не могла его радовать: онъ видѣлъ въ ней (какъ и во всѣхъ эмиграціяхъ) бездѣятіе, зависть, клеветы; утѣшительнаго ничего не было.

Герценъ любилъ бесѣдовать съ Ворцелемъ; онъ сталъ часто на-вѣщать его. Чувствуя близкую разлуку, Герценъ желалъ показать умирающему все уваженіе и симпатію, которыхъ всегда питалъ къ нему.

Ворцель былъ глубоко признателенъ за эти почти ежедневныя посѣщенія. Когда мы узнали, что Ворцель скончался, Герценъ, Огаревъ и я пошли съ нимъ проститься. Онъ лежалъ въ гробу на высокой скамье въ своей крошечной комнатѣ, изъ которой мебель была вынесена. Видъ этой пустой комнаты, печальный, кроткій обликъ покойника,—все производило удручающее впечатлѣніе, невольно думалось: «вотъ, гдѣ этотъ пылкій умъ успокоился, отказался отъ невольныхъ надеждъ, которыми жилъ и которая въ немъ боролись съ глубокимъ отчаяніемъ!» По нашему славянскому обычаю, я поцѣловала въ лобъ Ворцеля, и мы поспѣшили выйти на свѣжій

воздухъ: намъ было всѣмъ тяжело, и всего тяжелѣе было сознаніе, что онъ умеръ далеко отъ родины—послѣднія минуты изгнаниковъ должны быть ужаснѣе многихъ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи. На другой день были похоронны Ворцела. Герценъ и Огаревъ проводили, въ рядахъ польской демократіи, послѣдняго ея вождя. Съ тѣхъ порь она не имѣла ни главы, ни единства, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ.

Саффи продолжалъ посѣщать насть, прѣбжая изъ Оксфорда по субботамъ и оставаясь до воскресенія вечера. Рассказывая намъ о жизни Саффи, Герценъ передавалъ намъ, что онъ много лѣтъ назадъ былъ очень влюбленъ въ одну молодую дѣвушку изъ англійскаго аристократическаго дома и хотѣлъ на ней жениться. Крауфордъ, отецъ молодой особы, называемой «Жеоржиной», былъ англійскимъ посланникомъ въ Италіи въ продолженіе двадцати лѣтъ; Жеоржина родилась во Флоренціи, провела тамъ дѣтство и первые годы молодости, и хотя говорила отлично по-англійски, но душой была итальянка. Въ 1848 году она познакомилась съ Мадзини и увѣровала въ его взгляды на всю жизнь, сдѣлалась страстной итальянской патріоткой и не менѣе страстной дейсткотой¹⁾). Видясь у знакомыхъ съ Мадзини, Жеоржина обратила вниманіе на его молодаго друга и сподвижника, Ореліо Саффи, который часто сопровождалъ его. Молодые люди понравились другъ другу и даже позже почувствовали взаимную симпатію, но Жеоржина предвидѣла большія препятствія къ ихъ счастію со стороны отца. Дѣйствительно, Крауфордъ оказался непреклоненъ: онъ находилъ невозможнымъ бракъ съ иностранцемъ, вдобавокъ съ революціонеромъ; что касается до аристократическаго происхожденія, то Саффи тоже принадлежалъ къ аристократіи своей страны и носилъ титулъ графа, но, относясь съ отвращеніемъ ко всѣмъ аристократическимъ отличіямъ, онъ подписывалъ: «графъ Саффи» только на дѣловыхъ бумагахъ и вообще никогда не поминаль о своемъ аристократическомъ происхожденіи. Годы проходили, а Крауфордъ не смягчался. Саффи терялъ терпѣніе, ссорился съ своей невѣстой, иногда не бывалъ въ домѣ Крауфордовъ въ продолженіе цѣлаго года. Жеоржина называла это мало-

¹⁾ Мадзини проповѣдывалъ „демокт“ . Его девизъ былъ: „Dio e il popolo“.

душемъ и все ждала согласія отца. Въ нашемъ домѣ произошло примиреніе Саффи съ его невѣстой. Сначала мать пріѣхала съ старшой дочерью, чтобы познакомиться со мной; Герцена они давно знали, встрѣчали его съ Огаревымъ у Мадзини, у Мильнергинсонъ, изрѣдка Герценъ бывалъ и самъ у Крауфордовъ. Жеоржина сталаѣздить къ намъ съ сестрой. Она была весьма образована и начитана, знала хорошо латинскій и греческій языки. Цѣль ихъ посѣщенія, конечно, заключалась въ надеждѣ встрѣтить у насъ Саффи и прийти съ нимъ къ какому-нибудь заключенію. Послѣ многихъ свиданій между ними въ нашемъ домѣ, разнеслась хорошая вѣсть: хотя и очень неохотно, Крауфордъ далъ свое согласіе на бракъ меньшой дочери съ Саффи. Несмотря на двадцать девять лѣтъ, Жеоржина была очень симпатична: у нея были тонкія, правильныя черты лица, темносиніе глаза ея были исполнены ума и смотрѣли привѣтливо.

По случаю ея брака, я видѣла настоящую англійскую свадьбу. Старшая дочь Герцена, тогда лѣтъ четырнадцати, была приглашена, въ качествѣ *demoiselle d'honneur*, всего было десять очень молоденькихъ дѣвицъ, которыхъ, въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ вуалахъ, должны были сопровождать невѣсту въ англійскую церковь. Жеоржина была тоже въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ вуалемъ на головѣ, это было воспоминаніе Италии; въ Англіи дѣвушки вѣнчаются въ шляпахъ, и сопровождающія ихъ дѣвицы — тоже въ шляпахъ. Имѣя съ дѣствами отвращеніе къ праздникамъ, я должна была однако уступить настоятельной просьбѣ Жеоржини и быть на ея свадьбѣ. Въ назначенный день, въ десять часовъ утра, я поѣхала къ Крауфордамъ съ маленькой дочкой Герцена Ольгой; тамъ собралось уже очень много посѣтителей. Крауфордъ, въ черномъ фракѣ, встрѣчалъ каждого гостя у дверей салона; видъ его былъ холодный и сосредоточенный, какъ всегда. Мать и сестра невѣсты, всегда разговорчивыя и очень предупредительныя, казались озабочены и печальны,—разлука съ Жеоржиной была для нихъ очень тяжела. Наконецъ невѣста, совсѣмъ убранная, явилась въ гостиную въ сопровожденіи приглашенныхъ дѣвицъ. Саффи тоже пріѣхала съ нѣсколькими друзьями; въ гостиной находились еще братья невѣсты: старшій Эдуардъ, высокій, красивый мужчина, который впо-

следствии наследовалъ маоратъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ; изъ остальныхъ братьевъ, одинъ былъ военный, другой искатель дѣятельности, которой не нашелъ; оба они, болѣе или менѣе, бѣдствовали. Жеоржина съ сестрой тоже ничего не получили отъ родителей; старшая осталась дѣвицей. Впослѣдствіи, какая-то тетка оставила имъ обѣимъ по пяти тысячъ франковъ. Въ это время, Саффи тоже ничего не имѣлъ, онъ былъ изгнаникъ и жилъ только жалованіемъ, получаемымъ отъ Оксфордскаго университета. Бракъ Жеоржини былъ основанъ не на разсчетѣ, а на обоюдной симпатіи и на рѣшимости вмѣстѣ нести крестъ жизни. Много лѣтъ спустя, Саффи получилъ въ наследство отъ дяди маленькое помѣстіе съ домикомъ, возлѣ города Форми, гдѣ и поселился съ семействомъ.

Возвращаюсь къ моему разсказу: когда всѣ были въ сборѣ, Крауфордъ подалъ руку невѣстѣ и повелъ къ каретѣ; за нимъ все общество спѣшило на крыльцо,—экипажи подвезли нась всѣхъ къ церкви; Крауфордъ ввелъ dochь подъ руку и проводилъ ее до мѣста, гдѣ стоялъ уже женихъ, поклонился ему и отошелъ. Пасторъ спросилъ жениха и невѣstu, согласны ли они на этотъ важный шагъ въ жизни? Выслушавъ ихъ отвѣтъ, сказалъ имъ краткую наставительную рѣчъ, надѣль имъ кольца и благословилъ ихъ: невѣста стала на колѣни, женихъ послѣдовалъ ея примѣру. Помолаясь мысленно, они встали, и Саффи повелъ жену подъ руку къ выходу. Они отправились записывать бракъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, потомъ возвратились въ домъ невѣсты, прямо на верхъ: тамъ былъ приготовленъ для нихъ небольшой завтракъ. Жеоржина надѣла дорожное темное платье;ѣроятно, родные прощались съ ними на верху. Но гости, которыхъ было очень много, толпились въ двухъ смежныхъ салонахъ; столы были покрыты яствами, фруктами, сластями и винами всѣхъ возможныхъ сортовъ—недоставало только одного мѣста; было ужасно тѣсно, только несколько пожилыхъ дамъ сидѣли, молодые дамы, мушкины кушали стоя, короткіе знакомые и родственники уготтали, подавали шампанское, всѣ пили за счастіе и благополучіе молодыхъ, поздравляя родныхъ. Потомъ сдѣгалось движеніе въ толпѣ гостей; всѣ поспѣшили къ выходной двери: молодые спускались по лѣстницѣ къ ожидающему ихъ эки-

пажу; гости, стоя въ дверяхъ, обмѣнивались съ ними поклонами, поздравляли ихъ, болѣе близкіе къ нимъ жали имъ руки.

Я забыла сказать, что, незадолго до этой свадьбы, Герценъ рѣшился отправить сына въ Женеву; ему хотѣлось, чтобы молодой человѣкъ, живя отдельно отъ семьи, пріобрѣлъ немнога независимости въ чистомъ почти горномъ воздухѣ швейцарскихъ городовъ и продолжалъ уже самостоятельно болѣе серьезныя занятія. Во время посѣщенія въ Лондонѣ разныхъ, вольныхъ курсовъ, А. А. Герценъ былъ всегда первымъ на экзаменахъ, получилъ серебряную медаль и золотую, и разные лестные отзывы отъ читающихъ лекціи. Не помню всѣхъ предметовъ, изученныхъ имъ, но знаю, что онъ особенно занимался естественными науками, физикой, химіей и къ рождению Герцена дѣялъ вмѣсто сюрприза наглядные опыты, читалъ намъ лекціи съ очень ясными толкованіями, которыми его отецъ оставался очень доволенъ. Когда Герценъ отправилъ сына въ Женеву, онъ послалъ его къ известному натуралисту Карлу Фогту, съ которымъ былъ коротко знакомъ еще въ Ниццѣ. Пробывъ съ полгода въ Женевѣ, А. А. переехалъ въ Бернъ, въ домъ старика Фогта, отца знаменитаго натуралиста. Тамъ А. А. поступилъ въ университетъ, и, мнѣ кажется, пробылъ въ немъ года четыре, постоянно переписываясь съ отцомъ, который въ письмахъ постоянно напоминалъ о занятіяхъ, о чтеніи.

Пріятель Герцена, докторъ Девиль, всегда говорилъ, что это необыкновенное счастіе для А. А. имѣть такого требовательного отца. Раза два А. А. пріѣзжалъ повидаться съ семьей, это была большая радость, особенно для его старшей сестры, которая очень тосковала послѣ его отѣзда; вообще, отсутствіе его придавало какую-то тишину всему дому.

Однажды Герценъ получилъ по городской почтѣ письмо на русскомъ языкѣ, очень оригинальное, очень безграмотное — отъ дворовыхъ людей князя Юрія Николаевича Голицына. Послѣдній отправилъ служащихъ прямо въ Англію, а самъ, по ихъ словамъ,ѣхалъ въ Лондонъ черезъ Константинополь; на это, говорили они, у него были причины. Его прислуга, состоящая изъ пяти человѣкъ, пришла въ отчаяніе: князя еще нѣть, денегъ нѣть, кредита нѣть, и всѣ они ни слова не знаютъ по-англійски. Но міръ не

безъ добрыхъ людей: какъ-то они узнали про Герцена, что онъ живеть въ Лондонѣ, богатъ, добръ, жалѣть людей и пр. Все это было выражено въ письмѣ; читая это посланіе, Герценъ много смеялся, но тотчасъ отправился въ Лондонъ, розыскаль писавшихъ, помѣстилъ ихъ въ дешевый пансіонъ, далъ имъ денегъ на необходимыя издержки и поручилъ ихъ Тхоржевскому, къ которому они могли обращаться въ случаѣ недоразумѣній. Эти простые люди, успокоенные Герценомъ, ободрились, сердечно его благодарили и спокойно дождались князя Юрия Николаевича Голицына, который прибылъ только два мѣсяца позже.

Въ это время пріѣхалъ къ Александру Ивановичу одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшаго роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже неѣть на свѣтѣ, я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу разсказать о причинѣ, которая его привела въ Лондонъ. Послѣ его первого посѣщенія, Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ пріѣзду NN, онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ, продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь, это записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орѳографія—это вѣрная копія». Когда записки императрицы были напечатаны, NN былъ уже въ Германіи, и никто не узналъ о его побѣздѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести записки эти на русскій языкъ. Герценъ съ радостію выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяцъ переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню кто перевелъ упомянутыя записки на немецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что записки Екатерины II явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появлениемъ неслыханное впечатлѣніе во всей Европѣ. Издание быстро разошлись. Многіе утверждали, что Герценъ самъ написалъ эти записки, другие недоумѣвали, какъ онъ попали въ руки Герцена. Русскіе стремились только узнать, кто привезъ ихъ изъ Россіи, но эта тайна, которую, кроме самого NN, знали только три человѣка, обучившіеся молчанію при Николаѣ I.

Я забыла сказать относительно характера Герцена, что онъ

быль очень впечатлителенъ: вообще свѣтлаго, даже иногда веселаго и насыщиваго расположенія, онъ могъ, подъ какимъ-нибудь непріятнымъ впечатлѣніемъ, сдѣлаться внезапно мрачнымъ; такое настроеніе вызывалось особенно часто его разсѣянностью, которая въ ежедневныхъ мелочахъ жизни все возрастала; что касается до дѣлъ по типографіи, даже по денежной части, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до разныхъ личностей, онъ никогда ничего не забывалъ и былъ очень аккуратенъ. Когда онъ отправлялся послѣ завтрака въ Лондонъ, казалось, онъ думалъ обо всемъ: готовыя письма и корректура, — все было подъ рукой, онъ прощался съ веселымъ видомъ, но, минутъ пять спустя, раздавался ужасный звонъ: это былъ Герценъ, но уже съ мрачнымъ взглядомъ и раздражительнымъ голосомъ. « Я все забылъ, — говорилъ онъ съ отчаяніемъ, — а теперь поѣздъ уйдетъ, пока я пойду опять на желѣзную дорогу».

— Да поѣзжай въ омнибусъ, говорилъ ему сынъ, невольно улыбаясь надъ его отчаяніемъ.

Всѣ бросались искать, бѣгали въ салонъ, гдѣ онъ писалъ, въ его комнату и возвращались иногда безъ успѣха, нѣть ни писемъ, ни корректуры! оказывалось иногда, что они въ его карманѣ: къ несчастію, кармановъ было много въ его скортукѣ и въ плащѣ, надѣтомъ сверху отъ лондонской пыли,— тогда Герценъ еще болѣе сердился и принужденъ былъ идти чрезъ Фулямскій мостъ въ контору омнибусовъ; когда Герценъ, подходя къ ней, видѣлъ удаляющійся омнибусъ, приходилось тамъ ждать десять минутъ до отхода другаго омнибуса.

Разъ мнѣ случилось быть въ Лондонѣ съ Герценомъ для какихъ-то покупокъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на молодаго негра, который, въ одной изорванной блузѣ и нижнемъ платьѣ, отметалъ грязь передъ нами, подъ проливнымъ зимнимъ дождемъ. Негръ поклонился Герцену и попросилъ у него милостыню. Александръ Ивановичъ далъ ему мѣдныхъ денегъ и сказалъ мнѣ: « Намъ нуженъ служацій, не взять ли намъ этого негра, Жоржа? » — « Что же, отвѣчала я, это доброе дѣло». Герценъ не забылъ этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней, встрѣтивъ опять Жоржа, Александръ Ивановичъ спросилъ у него, не желаетъ ли онъ поступить къ намъ

въ домъ? Жоржъ ужасно обрадовался этому предложению, тогда Герценъ написалъ карандашемъ нѣсколько словъ къ Тхоржевскому и далъ эту записку Жоржу. Побывавъ нѣсколько разъ въ банѣ по распоряженію Тхоржевскаго и надѣвъ платье, присланное Герценомъ, Жоржъ явился къ памъ настоящимъ джентльменомъ. Ему объяснили, въ чёмъ состояла его должностъ: убирать салонъ и столовую, и отворять входную дверь, когда слышался звонокъ; эта послѣдняя обязанность была самая затруднительная — надо было узнать людей, инымъ никогда не отказывать, другимъ назначать часы, когда Герценъ былъ свободенъ, послѣ лунѣа всѣхъ принимать и пр. Понемногу Жоржъ привыкъ ко всему и очень изрядно исполнялъ возложенные на него обязанности. Въ нашемъ домѣ было постоянно три человѣка служащихъ: поваръ *François*, девушка, убирающая комнаты и прислуживающая за столомъ, потомъ горничная постарше, которая водила дѣтей гулять и на уроки, и чинила бѣлье всѣхъ домашнихъ.

François (итальянецъ) былъ помощникомъ повара, когда Герценъ жилъ въ Ниццѣ. Онъ имѣлъ довольно непріятныя свойства, напримѣръ онъ не умѣлъ говорить ни на какомъ языке, даже по-итальянски говорилъ плохо, такъ что надо было много труда или привычки, чтобы понимать его рѣчь, составленную изъ смѣшнія англійского языка съ патуа¹) итальянскаго, вдобавокъ *François* не умѣлъ ничего купить и платить за все вдвое, но для Герцена онъ былъ живымъ воспоминаніемъ благо, потому-то онъ и взялъ его съ собой изъ Ниццы, когда переселился въ Англію съ сыномъ.

Сколько разъ Герценъ мнѣ разсказывалъ, что *François* ѣздила на пристань встрѣтить Луизу Ивановну²), когда случилось на пароходѣ то страшное несчастіе, въ которомъ погибли мать и сынъ Герцена.

Александръ Ивановичъ стоялъ съ женой у воротъ своего дома, ожидая появленія коляски, которая должна была привезти дорогихъ путешественниковъ. Завида пустую коляску, они вскричали въ одинъ голосъ: «А гдѣ же они? Гдѣ наши?» *François* быстро

¹) Мѣстное народное нарѣчіе.

²) Мать Герцена.

сопель и приблизился къ Герцену. «Ихъ нѣть!» сказаль онъ, отвернувшись отъ Герцена, чтобы скрыть свое смущеніе, но послѣдній слышалъ дрожаніе, слезы въ его голосѣ. Натали поблѣднѣла и тихо сказала, прижимаясь къ плечу мужа: «Александръ, я чувствую, что никогда ихъ не увижу болѣе!»

Въ отвѣтъ на это, Герценъ, стараясь успокоить ее, сказаль, что это какое-то недоразумѣніе и что онъ самъ сейчасъ же пойдетъ на пристань, но внутри ему было очень тяжело, онъ чувствовалъ какой-то щемящій страхъ, потомъ онъ шепнулъ *François*: «тушите огни въ саду и уберите игрушки съ прибора Коли» — сѣль въ ту же коляску и уѣхалъ. Для бѣднаго Коли были приготовлены разные сюрпризы, а его не было уже въ живыхъ!

Мнѣ кажется, что я уже описывала наружность *François*: маленькаго роста, съ крупными чертами лица и добродушными глазами, на видъ ему было за сорокъ лѣтъ. До поступленія къ намъ Жоржа, у насъ была *housemad*¹⁾ *Maraia*, очень свѣжая и красивая издали, но вблизи немного рябоватая. Она ходила всегда въ свѣтломъ, чистомъ, ситцевомъ платьѣ, а на маковкѣ носила очень кокетливо маленький кружокъ изъ кружевъ, знакъ ея служебныхъ обязанностей. Всѣ англійскія хозяйки заставляютъ своихъ служанокъ носить на головѣ это кружево, для избѣжанія недоразумѣній. *Maraia* была кроткая и сдержанная, какъ всѣ англійскія горничныя, которая держать себя съ достоинствомъ и очень далеко отъ господъ, поэтому я очень мало знала и не имѣла бы ничего о ней сказать, но тутъ предъ нашими глазами разыгрался романъ, котораго мы вовсе не замѣтили; старый *François* влюбился въ молоденькую *Maraia* и рѣшился на ней жениться, хотя онъ почти не говорилъ по-англійски, а она вовсе не понимала по-итальянски. Для этого *François* отпросился у Герцена съѣздить въ Италію будто бы повидаться съ родными, но, на самомъ дѣлѣ, чтобы испросить позволенія у отца жениться на англичанкѣ. Вернувшись, онъ объявиль Герцену о своемъ намѣреніи, женился и уѣхалъ съ женой на родину. Вотъ почему у насъ произошла перемѣна: Жоржъ поступилъ на мѣсто *Maraia*, а *Jules* поваромъ, вмѣсто *François*. Жоржу все

¹⁾ Горничная.

нравилось въ нашемъ домѣ, только онъ не ладилъ съ маленькой Ольгой, которая была большая проказница: когда столь быль на-крыть, свѣчи зажжены и Жоржъ несъ какое-нибудь горячее блюдо, Ольга подкрадывалась и тушила свѣчи, и Жоржъ оставался съ миской или съ блюдомъ въ рукахъ въ совершенной темнотѣ. Жоржъ, который былъ дитя не менѣе Ольги, въ подобныхъ слу-чаяхъ приходилъ въ неописанный гнѣвъ и грозилъ иломать всѣ игрушки маленькой шалуньи. Такъ онъ провелъ у насъ мѣсяцемъ восемь или девять, въ концѣ этого срока, онъ вошелъ однажды къ Герцену по утру и сталъ просить разсчета. Александръ Ивановичъ, очень удивленный этой выходкой, спросилъ, чѣмъ онъ недоволенъ, что хочетъ уйтти? «О нѣть, мастеръ¹⁾), — отвѣчалъ Жоржъ, — я всѣмъ доволенъ, но я соскучился по морю, я уже годъ на землѣ, будеть, теперь надо опять на море — я скучаю, отпустите меня, а то я сдѣлаю какое-нибудь несчастіе!» Герценъ былъ вынужденъ согла-ситься на его просьбу. Уходя, Жоржъ говорилъ ему: «Я вами до-воленъ, я опять приду когда-нибудь».

Въ Laurel-hous'ѣ мы вздумали разъ съ Огаревымъ сдѣлать пред-ставление для дѣтей, это было до отѣзда А. А. въ Женеву. Я спила двѣ красныя рубашки для Герцена и для Огарева. А. А. надѣлъ какую-то шубу на изанку, представляя медвѣдя, а Огаревъ, въ красной рубашкѣ, изображалъ водильщика. Красная рубашка очень шла къ Николаю Платоновичу: съ его большой русой бородой и кудрявой головой, онъ былъ настоящій русскій крестьянинъ. Гер-цену, напротивъ, русская рубашка вовсе не пристала, онъ казался въ ней какимъ-то иностранцемъ. Не думая, чтобы это могло быть ему очень непріятно, я высказалась ему очень рѣзко на этотъ счетъ, и Герценъ никогда не надѣвалъ болѣе красной рубашки.

Въ этомъ же домѣ навѣстиль нась одинъ молодой русскій, Б. Н. Чичеринъ, но прежде надо сказать нѣсколько словъ объ его отцѣ. Николай Чичеринъ принадлежалъ отчасти къ московскому кружку, хотя жилъ болѣе въ Тамбовской губерніи; онъ былъ зна-комъ съ Грановскимъ, Герценомъ и особенно съ Кетчеромъ. Я слы-шала объ немъ, какъ объ очень достойномъ человѣкѣ, отъ дяди

¹⁾ Хозяинъ.

моего Антона Антоновича Жемчужникова. Дядя былъ сюсѣдъ и другъ Чичерина, котораго очень цѣнилъ. Осеню 1857 года старшій сынъ Чичерина—юноша, на котораго многіе возлагали такія горячія надежды, окончивъ курсъ въ Московскомъ университѣтѣ блестящимъ образомъ, вздумалъ навѣстить въ Лондонѣ пріятеля своего отца. Я была нездорова, не выходила изъ комнаты и потому ни разу не видала о немъ отзывы Герцена и Огарева. Сначала Чичеринъ имъ очень понравился большими развитіемъ, познаніями, блестящимъ умомъ, но вскорѣ они разочаровались въ немъ и поняли, что очень расходятся съ нимъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ: онъ былъ бюрократъ и доктринеръ. Чичеринъ провелъ болѣе недѣли въ постоянныхъ спорахъ съ Огаревымъ и Герценомъ. Герценъ и Огаревъ, хотя очень далекіе отъ славянофильства, находили, что Россія должна идти новыми, своими путями; они смотрѣли на свое отечество съ любовью и упованіемъ—а онъ не хотѣлъ или не могъ понять ихъ взглядовъ. Отношенія ихъ обострились въ послѣдніе дни.

— Нѣть, говорилъ Герценъ, мы въ немъ ошиблись, его умъ вредный...

Когда онъ уѣзжалъ изъ Лондона, Герценъ и Огаревъ старались разстаться съ нимъ беззлобно, Чичеринъ тоже какъ будто желалъ оставить ихъ подъ хорошимъ впечатлѣніемъ, но едва онъ достигъ Парижа, какъ прислалъ Герцену полемическое письмо съ рѣзкимъ требованіемъ, чтобы оно было напечатано въ ближайшемъ номерѣ «Колокола». Тонъ этого письма дерзкій, вызывающій очень разсердилъ Герцена; онъ былъ оскорблѣнъ, возмущенъ, что почти близкій, юноша, приѣхавшій къ нему по преданію семьи отца, могъ говорить съ нимъ, какъ съ врагомъ.

Герценъ отписалъ горячій отвѣтъ и разяснилъ, подтвердилъ свои взгляды и недоразумѣнія Чичерина. Я очень жалѣла, что не могла присутствовать при этихъ весьма интересныхъ спорахъ между Чичеринымъ и нашими, но въ это время совершилось самое важное событие всей моей личной жизни: рожденіе моей старшей дочери. Желая въ этой части моихъ воспоминаній по возможности не касаться до моей внутренней жизни, я бы прошла и это происшествіе молчаніемъ, но я вспоминаю одну странную случайность:

дня за два до упомянутаго событія, докторъ Девиль находился почти постоянно въ нашемъ домѣ; во второй день около одиннадцати часовъ вечера, раздался звонокъ, который меня страшно поразилъ, по какому-то предчувствію. «Какой странный звонокъ, воскликнула я, Monsieur Deville, кто бы это могъ быть? Если это моя мать изъ Россіи, вы ей позовите войти ко мнѣ?» Девиль никого не пускалъ ко мнѣ, кроме г-жи Шане (акушерки). «Да развѣ вы ожидаете вашу матушку?» спросилъ докторъ.

— Нѣть, но мнѣ кажется, это должна быть она, отвѣчала я.

— Это навѣрно ваша housemaid, которую посыпали за пивомъ, возразилъ Девиль, такъ какъ поздно, она не оставила калитку открытой, вотъ ей и пришлось звонить, но я все-таки пойду внизъ и удовлетворю ваше любопытство.

Чрезъ четверть часа, Девиль возвратился въ сопровожденіи моей матери.

— Такъ какъ вы удивительно умѣете отгадывать, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи привести вамъ вашу мать,—сказалъ мнѣ весело докторъ.

Герценъ находилъ, что нашъ домъ тѣснъ, и потому нанялъ вскорѣ неподалеку (въ Фуламѣ) за Путнейскимъ мостомъ домъ, называемый Park-house, съ большимъ садомъ, за которымъ простидался довольно большой огородъ. Моя мать переехала съ нами въ этотъ домъ и провела у насъ недѣль шесть. Хотя Park-house имѣлъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ, много преимуществъ надъ Laurel-hous'омъ, я все-таки жалѣла оставленный нами садъ, въ которомъ было гораздо болѣе цветовъ, чѣмъ въ саду Park-hous'a. Въ нашемъ новомъ помѣщеніи на той сторонѣ дома, которая была обращена къ саду, была крытая галлерея во всю длину дома, размѣры которого были очень велики; тамъ мы проводили большую часть дня. Внизу помѣщалась кухня, комнатка для мытья посуды и другая крошечная съ полками, куда вымытыя тарелки ставились на ребро и никогда не вытирались, а быстро сохли отъ теплого воздуха. Эти прибавочные отдѣленія къ кухнѣ находятся во всѣхъ англійскихъ домахъ; вообще Герценъ говорилъ всегда, что существуетъ такое однообразіе въ расположеніи комнатъ и даже въ разстановкѣ мебели въ англійскихъ домахъ, что онъ могъ бы съ заяв-

занными глазами найти любой предметь, любую комнату. Кромѣ кухни, внизу было еще помѣщеніе для мужской или для семейной прислуги. Въ первомъ этажѣ находились очень большая столовая, гостиная, раздѣленная на двѣ половины; въ одной Герценъ писалъ, въ другой заперевъ дверь въ упомянутую половину, можно было въ необходимомъ случаѣ, принять кого-нибудь посторонняго, дальше, черезъ коридоръ, была небольшая комнатка, пониже остальныхъ, гдѣ Наташа Герценъ (старшая дочь его) брала уроки. Во второмъ этажѣ были моя комната, дѣтская и большая комната, гдѣ помѣщались обѣ дочери Герцена; въ третьемъ этажѣ находились спальни Герцена и Огарева, комнаты ихъ были очень плохо меблированы, надъ ними въ послѣднемъ этажѣ жили горничны.

Прислуги въ Park-hous'ѣ было четыре человѣка, потому что взяли еще горничную для черной работы; а по субботамъ, какъ и во всѣхъ англійскихъ домахъ, брали поденщицу (*cheer-woman*), которая мыла и скоблила все въ домѣ, даже наружное крыльце. Мадзини рекомендовалъ Герцену хорошаго повара-итальянца, Тассинари, революціонера и горячаго итальянскаго патріота, съ семействомъ. Г-жа Тассинари, француженка, жила съ дѣтьми внизу и сначала не занимала никакой должности. Jules замѣнилъ негра Жоржа. Тассинари былъ лѣтъ пятидесяти, полный, свѣжий на видъ, несмотря на сѣдые волосы и длинную бѣлую бороду; у него было умное выразительное лицо и черные большие блестящіе глаза. Дѣйствительно, онъ очень хорошо готовилъ, и Герценъ былъ доволенъ имъ, но такъ какъ и на солнцѣ есть пятна, то и въ Тассинари былъ большой недостатокъ: ревность или зависть, хотя и грустно сознавать это, но эти два чувства какъ-то очень близки. Зависть его была особенно возбуждена горничной, которая, въ качествѣ няньки моей маленькой дочери, находилась очень много съ нами. Онъ постоянно придидался къ ней, не давая ей завтрака по утру, когда она опаздывала къ звонку и пр. Еще въ Laurel'-hous'ѣ у насъ была среднихъ лѣтъ нѣмка, Трина, которая читала съ дѣтьми по-нѣмецки и водила ихъ гулять. Она была у насъ болѣе полгода и, казалось, привыкла ко всемъ намъ. Jules сказалъ мнѣ разъ: „какъ жаль нашу бѣдную Трину, madame, прошедшее воскресеніе

она взяла у вაсть денегъ въ жалованье иѣздила къ сестрѣ въ омнибусъ, тамъ въ тѣснотѣ у нея вынули эти деньги".

— Что же она мнѣ ничего не сказала объ этомъ? спросила я.

— Да она стѣсняется, должно быть, отвѣчала Жюль.

Я пошла къ Огареву, къ Герцену и набрала такую же сумму, которую и вручила Тринѣ. Послѣдняя благодарила, но казалась сконфужена и не поднимала глазъ. Я думаю, что это была ловкая выдумка съ ея стороны. Вскорѣ послѣ этого случая, Трина вдругъ занемогла острымъ ревматизмомъ, ни одинъ членъ не двигался; когда до нея дотрогивались, она вскрикивала; сначала ей наняли сидѣлку и пригласили доктора, но вскорѣ она сама стала просить, чтобы ее помѣстили въ больницу. Герпенъ нанялъ для нея омнибусъ, ее снесли съ большимъ трудомъ на матрасѣ и отвезли шагомъ въ больницу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она выздоровѣла и снова поступила къ намъ. Въ это время мы собирались переѣзжать изъ Laurel-hous'a; тогда у Жюля пропали серебряные часы, и онъ недоумѣвалъ, кто могъ ихъ взять, и болѣе всего подозрѣвалъ садовника и его жену. Мнѣ были очень непріятны эти подозрѣнія, но у меня не было никакихъ положительныхъ данныхъ, которыми бы я могла убѣдить Жюля, что онъ ошибается. Мы жили въ Laurel hous'ѣ около двухъ лѣтъ, садовникъ былъ все тотъ же и никогда ничего не пропадало. Въ Park-hous'ѣ Трина продолжала навѣщать сестру свою, которая имѣла, кажется, булочную; она даже стала проситься почевать у сестры; такъ какъ мы жили далеко, это было крайне неудобно для меня, но я выносила это потому, что была очень довольна ею.

Разъ, въ то время, какъ Трина была у сестры, Тассинари вошелъ въ столовую съ очень озабоченнымъ видомъ.

— Madame, сказалъ онъ, вчера приходили изъ москательной лавки, гдѣ мы дѣлаемъ заборъ для дома, они вѣдь содержать тоже тяжелую почту, т. е. разсылаютъ по городу посылки.

— Да, такъ что же? спросила я.

— Сейчасъ увидите, отвѣчала напѣв поваръ,—знаете ли вы этотъ адресъ, madame? спросилъ онъ, подавая лоскутокъ бумаги съ какимъ-то адресомъ.

— Это имя Трининой сестры, сказала я, бросивъ быглый взглядъ на записку, поданную мнѣ поваромъ.

— Намъ даютъ знать, продолжалъ Тассинари, что на этотъ адресъ бываютъ очень частыя отправки изъ Park-hous'a и часто что-то звѣнить въ посылкахъ. Ящикъ все тотъ же, оттуда идетъ пустой, отсюда съ вещами... Я вѣтъ задержать послѣдній ящикъ, отправленный вчера на этотъ адресъ; не желаете ли поглядѣть, что въ немъ, madame?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала я съ живостью, — развѣ можно открывать чужіе ящики, это Трина что-нибудь посылаетъ сестрѣ, сказала я, дѣйствительно очень наивно для моихъ лѣтъ; но мысль, что она могла украсть, не приходила мнѣ даже въ голову, вдобавокъ я полагала, что это опять какая-нибудь придирка Тассинари. Тассинари улыбнулся. «Такъ я спрошу т-г Нерзен?» и постучался въ комнату, гдѣ занимался Герценъ. Послѣдній выслушалъ и далъ ему позволеніе принести ящикъ. Тассинари торжествовалъ: онъ живо явился съ ящикомъ, ловко вскрылъ крышку и сталъ выбирать вещи съ сіяющимъ лицомъ: тутъ были гардины, ленточки, дѣтскія рубашечки, чайные ложки и не помню, что еще — я стояла ошеломленная.

— Герценъ, сказала я, — неужели Трина могла... и не договорила.

Герценъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то состраданіемъ, ему жаль было мое разочарованіе.

— Могла, сказалъ онъ.

Онъ приказалъ Тассинари уложить всѣ вещи опять въ ящикъ и поставить его въ другую половину гостиной, потомъ отпустилъ Тассинари.

— Когда Трина вернется домой, сказалъ А. И. — покажи ей этотъ ящикъ, увидимъ, какое она дастъ объясненіе. Конечно, дѣло очень просто и ясно, но вотъ что имѣеть особенную важность: по англійскимъ законамъ мы обязаны преслѣдоватъ вора законнымъ порядкомъ, иначе подлежимъ сами большому штрафу, а я ни за что не предамъ суду никакого вора! Пусть ёдетъ въ Германію, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ дать ей аттестата, а не предавъ ее суду, не имѣемъ права отказать ей въ аттестатѣ.

Долго не возвращалась Трина, въроятно поджиная посланный ею ящикъ, наконецъ она явилась ко мнѣ въ гостиную съ извиненіями о своемъ продолжительномъ отсутствіи, но, увидавъ на столѣ ящикъ, ужасно поблѣднѣла и замолчала. Выслушавъ ея признаніе, что она поступила дурно только одинъ разъ, именно вчера, я передала ей совѣтъ Герцену возвратиться въ Германію, на что она тотчасъ же согласилась и дня черезъ три оставила нашъ домъ, также какъ и ирландка (*housemaid*), которая была съ ней за-одно и относила ящикъ въ москательную лавку.

Этотъ инцидентъ быль для насъ всѣхъ очень непріятенъ—мы грустно толковали о немъ, когда раздался звонокъ: изъ окна видно было, какъ отѣважала отъ крыльца открытая щегольская коляска, запряженная двумя сѣрыми въ яблокахъ лошадьми. Вошелъ высокій, широкоплечій, полный мужчина, о которомъ Жюль доложилъ съ почтеніемъ: «Prince Golitzin». Князь Юрій Николаевичъ, который поражалъ красивыми чертами лица, ловко представился Герцену и очень любезно благодарили его за оказанную помошь его служащимъ. Онъ выразилъ надежду, что ихъ знакомство не ограничится этимъ визитомъ, что Александръ Ивановичъ тоже посѣтить его и что они будуть часто видѣться. Все вицшнее было безукоризненно хорошо въ Юрія Николаевича, исключая того, что онъ немножко занялся; но между княземъ Голицынымъ и издателями «Колокола» было мало общаго, поэтому хотя Юрій Николаевичъ и бывалъ у насъ довольно часто, въроятно отъ скучи, Герценъ и Огаревъ рѣдко уступали его просыбамъ быть у него. Однажды онъ пригласилъ ихъ обѣдать въ назначенный день, тамъ они увидѣли барышню, увезенную княземъ изъ Россіи. Она была высокая, стройная, съ красивымъ симпатичнымъ лицомъ. Князь, знакомя ихъ, представилъ ее, какъ свою невѣstu; въ самомъ дѣлѣ, онъ намѣревался жениться на ней. Герценъ удивлялся, какъ въ Лондонѣ князь съумѣлъ устроиться по-русски, даже нашелъ домъ (какъ будто въ Москвѣ) съ воротами, которая гостепріимно были настежь открыты день и ночь, съ утра стояла у крыльца пара сѣрыхъ коней, запряженная въ коляску. Но черезъ годъ или полтора весь этотъ блескъ исчезъ. Юрій Николаевичъ скоро прожилъ все, что привезъ изъ Россіи, и вошелъ въ неплатные долги. Истошивъ свои средства, князь Голицынъ рѣшился *

дать несколько концертовъ. Онъ былъ страстный любитель и большой знатокъ музыки: его титулъ, необыкновенная красота, грація, искусство, съ которымъ онъ дирижировалъ оркестромъ — все это привлекало многочисленную публику на его концерты, которые были оригинальны великолѣпнымъ выборомъ пьесъ и прелестнымъ исполненіемъ и производили фуроръ въ Лондонѣ; англичане и особенно англичанки были отъ нихъ въ небываломъ восторгѣ; другаго эти концерты обогатили бы, а князя скорѣе вводили въ издерожки. Помню, что Юрий Николаевичъ былъ такъ внимателенъ, что настоялъ, чтобы я была хоть разъ на одномъ изъ его концертовъ. Съ трудомъ я рѣшилась оставить свою маленькую дочь, спящую, на попеченіе Наташи Герценъ и поѣхала въ Ковенъ-Гарденъ, гдѣ происходили концерты. Вспоминаю съ восторгомъ до сихъ поръ слышанныя мною вариаціи на тему «Камаринской» Глинки и девятую симфонію Бетховена съ женскимъ хоромъ въ 400 голосовъ — это было великолѣпно; князь дирижировалъ необыкновенно хорошо, со всѣми малѣйшими оттѣнками страстнаго и понимающаго музыканта. Зала была полна, изумленіе, восхищеніе читались на всѣхъ лицахъ.

Говорять, что, по выходѣ изъ Ковенъ-Гарденъ, Юрий Николаевичъ заказалъ ужинъ для всѣхъ музыкантовъ, а дамамъ-пѣвицамъ поднесъ по букету, такъ что, кромѣ убытоковъ, князь ничего не получилъ отъ своихъ успѣховъ.

Скоро пришлось князю Юрию Николаевичу разставаться съ его избалованными слугами, которые разсчитывали лучше жить въ Лондонѣ, чѣмъ жили въ Россіи, и предъявляли князю невѣроятныя требования. Тогда Юрий Николаевичъ пригласилъ Герцена для разбирательства его съ ними. Александръ Ивановичъ рассказалъ объ этомъ подробно въ запискахъ, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи. Уже давно князь отпустилъ своихъ сѣрыхъ неугомонныхъ коней, онъ сталъ єздить въ омнибусѣ, а потомъ сталъ просто ходить пѣшкомъ, даже онъ нѣсколько похудѣлъ. Наконецъ, его посадили въ тюрьму за долги: такъ какъ онъ обязался по контракту дирижировать оркестромъ въ Креморнъ-Гарденѣ, то изъ тюрьмы его везли туда съ полицейскимъ и тѣмъ же порядкомъ обратно въ тюрьму. Русскіе, навѣщавшіе князя, рассказывали, что къ нему

прѣжжалъ зять Б.... и предлагалъ уплатить всѣ его долги, кажется, 200 т. франковъ, съ однимъ условіемъ: возвратиться тотчасъ въ свою семью въ Россію. «Н..и..н..и..когда», отвѣчалъ Юрій Николаевичъ, хотя онъ нѣжно любилъ своихъ дѣтей и скучалъ о нихъ. Герценъ немало предостерегалъ Юрія Николаевича, что жизнь очень дорога въ Лондонѣ: не держа экипажа, не бросая зря денегъ, только съ типографіей, Александръ Ивановичъ проживалъ 50 т. франковъ, составляющіе его ежегодный доходъ; въ число тратъ входила единовременная помощь какимъ бы то ни было эмигрантамъ, или знакомымъ нуждающимся: можно смѣло сказать, что онъ никогда не отказывалъ, никогда не вспоминалъ о томъ, чтоб давать, а считалъ это обязанностью. По этому поводу онъ намъ разсказывалъ случай, который былъ съ нимъ до нашего прѣзда въ Лондонъ. Между нѣмецкими эмигрантами онъ встрѣчалъ, хотя и очень рѣдко, одного выходца, по фамиліи Нидергуберъ. Впослѣдствіи Герценъ слышалъ, что Нидергуберъ—шпіонъ австрійского правительства. Александръ Ивановичъ обратилъ мало вниманія на этотъ слухъ, потому что Нидергуберъ къ нему не ходилъ, а только на улицѣ раскланивался съ нимъ. Развѣ поздно вечеромъ въ квартирѣ Герцена раздался звонокъ, вошелъ Нидергуберъ. Александръ Ивановичъ немало удивился этому безвременному посѣщенію и холодно спросилъ, что ему угодно?—«Спасите мою жену, сказалъ вошедший съ волненіемъ, она должна родить, а въ домѣ нѣть ни дровъ, ни пищи, ни денегъ, ничего! неѣмъ будеть заплатить доктору, я самъ два дня уже ничего не єль». Герценъ молча подалъ ему пятьдесятъ франковъ. Нидергуберъ ужасно извинялся и благодарилъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкіе эмигранты рѣшили не допускать Нидергубера присутствовать при собраніяхъ эмиграціи, такъ какъ нашли доказательства его виновности. Тогда Нидергуберъ, зеленый отъ гнѣва, воскликнулъ: «положимъ, что я шпіонъ, но хорошъ же вашъ хваленый русскій революціонеръ Герценъ, онъ зналъ, что я шпіонъ, а далъ пятьдесятъ франковъ, когда моя жена родила! что вы скажете на это?» Послѣ нѣмцы спрашивали у Александра Ивановича, правда ли, что онъ давалъ денегъ Нидергуберу? Герценъ отвѣчалъ, что какъ ни гадокъ былъ ему Нидергуберъ, однако онъ находилъ, что

не имѣть права отказать въ помоци женщинѣ въ такую роковую для нея минуту. Главная черта въ характерѣ Герцена была доброта, жалость къ людямъ, на которыхъ онъ большею частью смотрѣлъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ.

Въ то время пріѣзжалъ Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ; каждый годъ онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ на нѣсколько дней; тогда онъ привезъ своего «Фауста», только-что написаннаго. Я рассказывала въ отрывкѣ «Воспоминаніе о И. С. Тургеневѣ», какъ онъ читалъ у насъ это произведеніе и не могъ простить Огареву слишкомъ рѣзкій тонъ замѣчаній по этому поводу.

Когда онъ навѣстилъ Герцена въ Park-hous'ѣ, то чистосердечно сознался, что ошибся, отсовѣтывая издавать «Колоколь», и самъ передавалъ множество анекдотовъ, подтверждающихъ вліяніе и силу «Колокола».

Въ эту эпоху пріѣзжало столько русскихъ, что прислуга дѣлала постоянно ошибки, наконецъ, Герценъ распорядился, чтобы всѣхъ русскихъ пріѣзжихъ впускали въ отдѣльную половину гостиной, куда я приходила узнавать, кто именно пріѣхалъ, надолго ли въ Лондонъ и пр. Тѣ, которые пріѣзжали только на день или два, нарочно, чтобы передать рукописи, должны были видѣть его немедленно, желая сообщить ему многое на словахъ; тогда Александру Ивановичу приходилось оставлять свои занятія. Когда бывали изъ Россіи люди, уже извѣстные Герцену лично или по ихъ трудамъ, онъ безконечно радовался имъ и бросалъ для нихъ свои обычные труды; въ такихъ случаяхъ я звала его тотчасъ къ пріѣжимъ, но большею частью говорила ему имена и проч., иными сама назначала свободный часъ Герцена, въ два или три часа по-полудни. Тогда, посидѣвъ съ посѣтителемъ, Герценъ предлагалъ ему отправиться вмѣстѣ въ Лондонъ, потому что воздухъ и движеніе были необходимы для Александра Ивановича послѣ усидчивой работы. Герценъ старался, чтобы русскіе не бывали у насъ по воскресеньямъ, потому что собиралось иногда такъ много гостей, что трудно было ручаться, чтобы не проникъ шпіонъ къ намъ въ этотъ день, но не легко было уговорить русскихъ быть осмотрительнѣе; они все-таки часто бывали и въ воскресенья, и часто безъ нужды были очень откровенны со всѣми и называли свои фамиліи, тогда

какъ всѣ наши говорили постоянно русскимъ или полякамъ, знакомя ихъ съ прѣѣзжими русскими: «нашъ соотечественникъ, имя не помню или не слыхала»; знакомя ихъ съ иностранцами, мы говорили: un compatriote, le nom de famille est trop difficile à prononcer, trop barbare pour des oreilles occidentales, appelez le par son nom de baptême: M-r Alexandre ou quelque autre nom.

Мнѣ кажется, ни одинъ человѣкъ не пострадалъ отъ неосторожности Герцена или его семейныхъ. Онъ никогда не соглашался дать записку своей руки къ кому-нибудь въ Россію, не любилъ тоже давать свои портреты, увѣряя, что это ненужная неосторожность. Къ несчастію, не могу сказать того же о Михаилѣ Александровичѣ Бакунинѣ; позже, когда онъ явился въ Лондонъ, имъ совершились очень необдуманные поступки, послѣдствія которыхъ были весьма печальны: онъ напоминалъ ребенка, играющаго огнемъ. Въ то время, какъ мы перѣѣзжали въ Park-hous, нашъ докторъ Девиль тоже менѣялъ свою квартиру, гдѣ случилась очень непріятная исторія: ему было необходимо, чтобы кто-нибудь изъ служащихъ былъ постоянно дома, такъ какъ, кромѣ ежедневнаго пріемнаго часа больныхъ, многие прѣѣзжали въ продолженіе дня, оставляли свой адресъ и звали къ себѣ доктора. Когда Девиль возвращался домой, ему подавали записки посѣтителей. Прежде, когда онъ имѣлъ только обыкновенную housemaid, случилось странное происшествіе: одинъ посѣтитель явился послѣ пріемнаго часа; housemaid сказала ему, что докторъ долго не прѣѣдетъ домой, но прѣѣзжій выразилъ желаніе подождать его, тогда housemaid впустила его въ пріемную и указала на книги и журналы, которыхъ было пропасть на столѣ, затѣмъ она оставила его одного; часа черезъ два, господинъ этотъ позвонилъ и сказалъ служанкѣ: «нѣть, мнѣ дольше нельзя ждать, проводите меня». — Оставьте доктору записку, сказала она. — «Я написалъ ему», отвѣчалъ тотъ.

Возвратясь домой, Девиль нашелъ въ маленькой комнатѣ (гдѣ принималъ по одиночкѣ больныхъ), смежной съ пріемной, замокъ ящика, въ который клалъ получаемыя деньги, сломаннымъ, денегъ ни гроша, но записку, разумѣется, безъ подписи: «Je vous remercie, cher citoyen, pour ce pr t involontaire, et ne manquera pas de m'en

acquitter dans l'autre monde».—Къ счастію доктора, въ ящикѣ оставалось мало денегъ. Девиль очень потѣшался надъ этимъ слушаемъ и тогда нанялъ женщину съ мужемъ, чтобы квартира никогда не оставалась пуста и чтобы привратница могла слѣдить за посѣтителями, но Девиль не зналъ, что она подвержена эпилепсії: однажды мужъ ея куда-то отлучился, въ то время въ припадкѣ она упала на горячую плиту и загорѣлась; придя въ себя, она стала бѣгать по квартирѣ и тѣмъ только усиливалась горѣніе и кое-гдѣ зажгла гардины, а дверь квартиры была заперта изнутри; наконецъ снаружи замѣтили уже дымъ, полиція открыла дверь и нашла умирающую женщину; пожаръ потушили, а несчастная жертва прожила іг҃ь сколько дней въ страшныхъ мученіяхъ, тогда Девиль рѣшилъ перемѣнить квартиру. Нужно сказать о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ соур d'Etat 1852 года и возвращенія Наполеона III, за участіе въ сопротивленіи новому властелину Франціи, Девиль былъ схваченъ и посаженъ съ многими другими на корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ ссылку (кажется, въ Каену). Корабль находился еще у англійскихъ береговъ, и такъ какъ Девиль былъ тогда уже профессоромъ медицины и былъ очень любимъ студентами, то они подали прошеніе Наполеону о томъ, чтобы его, вмѣсто ссылки въ Каену, высадили на англійскій берегъ; лондонскій ученый міръ тоже взволновался по этому поводу и тоже просилъ за него Наполеона, который согласился на ихъ общее желаніе.

Странно, что при всемъ вниманіі, обращенномъ въ Англіі на Девиля, никто не облегчилъ ему затрудненія, окружающія его со всѣхъ сторонъ въ этой незнакомой для него странѣ. Онъ вынужденъ былъ опять держать экзаменъ, чтобы получить право лѣчить въ Англіі. Кромѣ того, онъ отправлялся ежедневно въ больницу, тамъ доказывалъ свое знаніе, умѣніе и заслужилъ всеобщее уваженіе, но, несмотря на то, на каждомъ шагу, англичане старались вытьснить иноземца, и сначала Девилю было въ Лондонѣ и голодно, и холодно, и безпріютно. Наконецъ, онъ завоевалъ себѣ сносное положеніе, трудился и никому ни въ чемъ не былъ обязанъ, но за то у него осталось навсегда непріязненное чувство къ англичанамъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ былъ уже известенъ

въ Лондонѣ, получалъ до 30 т. франковъ въ годъ, жилъ хорошо и держалъ карету въ одну лошадь. У насъ онъ былъ годовымъ докторомъ, самъ велъ счетъ своимъ визитамъ, и когда Герценъ, въ концѣ года, спрашивалъ, сколько онъ ему долженъ, Девиль глядѣлъ бѣгло въ записную книжку и назначалъ очень умѣренную сумму, которую нужно было уплатить, не говоря, что его счетъ очень скроменъ, ибо тогда онъ вовсе бы разсердился и, пожалуй, пересталъ бы къ намъѣздить. Иногда онъ обѣдалъ у насъ съ прочими эмигрантами въ воскресенье. Однажды, улучивъ удобную минуту, я спросила доктора, нашелъ ли онъ себѣ новую квартиру для своей маленькой дочери; меня очень беспокоила неизвѣстность адреса доктора. Къ моему удивленію, Девиль мнѣ странно отвѣчалъ: — «Вы знаете, что я изгнаникъ, сказалъ онъ, за мной слѣдятъ, поэтому яѣзжу въ своей каретѣ въ отдаленный конецъ города, а тамъ беру извозчика и єду въ противоположную сторону, такъ дѣло не дѣлается скоро. Я видѣлъ много домовъ, но ничего не кончилъ, тайная полиція мнѣ ужасно мѣшаетъ. Когда выберу домъ и остается только подписать контрактъ, являются вдругъ небывалыя препятствія. Подпишу контрактъ, тогда и сообщу вамъ мой новый адресъ», сказалъ онъ въ заключеніе. Такое тщательное наблюденіе тайной полиціи за человѣкомъ, который былъ исключительно занятъ медицинской практикой, было немыслимо и составляло чистую фантазію доктора. Я рассказала Герцену о своемъ разговорѣ съ нимъ и спрашивала, смѣясь, не принимаетъ ли Девиль и меня за агента полиціи? Сначала Герценъ много смѣялся надъ этимъ, а потомъ сказъалъ серьезно:

— Девиль и мнѣ не говорить, на какой домъ рѣшился, хотя, очевидно, квартира уже избрана, вѣроятно, въ центрѣ города для его практики, но, право, я думаю, онъ съ ума сходитъ, онъ и всегда былъ странный, вдобавокъ онъ фурьеистъ: у этихъ фурьеистовъ умъ за разумъ заходить, голова набита параграфами и готовыми выводами, въ которые они вѣроятно безусловнѣе, чѣмъ христиане въ Евангелие,—хочешь послѣ обѣда я заведу его на эту тему?

Дѣйствительно, Герценъ завелъ споръ, о которомъ говорилъ

впередъ, и Девиль закидалъ его цитатами, параграфами, нумерациою которыхъ онъ не позабылъ; оказалось, что Девиль зналъ книги Контя и Фурье наизусть. Вспоминаю, что около этого времени изъ Россіи пріѣжалъ Европеусъ съ женой. Онъ былъ тоже страстный фурье-ристъ. Въ какое-то воскресенье Герценъ познакомилъ его съ Девилемъ, тогда было очень интересно слушать ихъ разговоры, наполненные цитатами, параграфами; споры, опроверженія, подтверждения,—все было выхвачено цѣликомъ изъ книги Фурье и лилось рѣкой. Герценъ мало вступалъ въ этотъ споръ, а скорѣй наслаждался имъ. Когда бойцы утомлялись, Герценъ подогревалъ ихъ разговоръ, пускалъ брандеръ,—какъ онъ говорилъ,—и они опять принимались разсуждать и спорить. Европеусъ былъ очень умный человѣкъ, но до того занять Контомъ и Фурье, что онъ забывалъ о настоящемъ Россіи; разсѣянный во всѣхъ вопросахъ, онъ казался сосредоточеннымъ только на важныхъ и отвлеченныхъ матеріяхъ. Жена его была англичанка; конечно, мы не успѣли узнать ее хорошо, но она была симпатична, казалась умна, даже остроумна. Позже, когда мы находились разъ въ Торкѣ лѣтомъ, она пріѣзжала и туда, чтобы повидаться съ Герценомъ; мнѣ нравились въ ней сдержанній англійскій характеръ и теплое чувство къ родинѣ ея мужа, чтѣ очень рѣдко встрѣчается въ иностранкахъ. Именно по этому чувству къ Россіи, она относилась съ большой симпатіей и благоговѣніемъ къ Герцену. Если ея нѣть уже на свѣтѣ, я могу передать ея разсказъ. Возвращаясь однажды въ Россію, послѣ краткаго пребыванія въ Англіи, она была арестована и отправлена въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе. Тамъ ее допрашивали:

- Была ли она въ Англіи?
- Была, отвѣчала она.
- Не была ли у Герцена?
- Конечно, была, отвѣчала г-жа Европеусъ.
- Почему была у Герцена?
- Потому что онъ известный, даровитый писатель. Какъ же быть въ Лондонѣ и не видать Герцена? прибавила она наивно.
- Развѣ она не знаетъ, что онъ государственный преступникъ?
- Никогда не слыхала, былъ отвѣтъ, а слышала, что онъ умный.

ученый, даже объдала у него и считала это за большую честь, за большое счастье...

Такъ ее и выпустили, наконецъ.

Тогда прѣѣжало много русскихъ, особенно весной и лѣтомъ: помню Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова, онъ былъ среднихъ лѣтъ, повидимому, добрый, честный человѣкъ, но такой молчаливый, то я не слыхала, для какой цѣли онъ пробылъ довольно долго въ Лондонѣ, помнится года два: онъ занимался переводами, за которые Герценъ платилъ ему; кромѣ того давалъ уроки русскаго языка старшой дочери Герцена, за что тоже получалъ вознагражденіе. Вспоминаю теперь, что онъ изучилъ въ это время англійскій языкъ и перевелъ съ англійскаго «Записки Екатерины Романовны Дашковой», которая состояла изъ двухъ большихъ томовъ и представляли необыкновенный интересъ; я читала ихъ съ увлеченіемъ по-англійски. Около этого времени прѣѣжалъ Сергій Петровичъ Боткинъ съ его первой женой; это было вскорѣ послѣ ихъ свадьбы. Сергій Петровичъ желалъ видѣть Герцена по преданію московскаго кружка и хотя былъ въ то время весьма застѣнчивъ, однако былъ и тогда очень симпатиченъ. Онъ много рассказывалъ Герцену о Пироговѣ, о крымской войнѣ, о баснословныхъ злоупотребленіяхъ, о кражѣ, простирающейся до корпіи, которую продавали тайно французамъ и англичанамъ. Сергій Петровичъ произвелъ на Герцена славное впечатлѣніе; впослѣдствіи Александръ Ивановичъ слѣдили съ гордостью и любовью за его успѣхами и не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Несмотря на то, что Герценъ и Боткинъ подолгу не видались, отношенія ихъ не охладились. Сопровождая больную императрицу, Боткинъ давалъ знать Герцену о своемъ прибытіи на западъ, даже сообщилъ ему, какъ распределено его пребываніе за границей.

Въ послѣдній разъ они видѣлись въ Парижѣ въ концѣ 69 года, передъ роковымъ извѣстіемъ о болѣзни старшой дочери Герцена, извѣстіемъ, которое имѣло такое рѣшающее дѣйствіе на болѣзнь Герцена.

Мы остановились тогда въ четвертомъ этажѣ Grand Hôtel du Louvre. Какъ-то вечеромъ разъ Боткины насъ навѣстили; она была уже очень больна, ее поднимали на время въ нашъ этажъ. Мнѣ

помнится одинъ интересный разговоръ того вечера Герцена съ Боткинымъ—о петербургскихъ нѣмцахъ. Боткинъ жаловался, что, несмотря на свое твердое, упроченное положеніе, ему ужасно трудно доставлять мѣста или опредѣлять молодыхъ русскихъ медиковъ, хотя бы они были вполнѣ достойны, потому что вездѣ, какъ муравьи, проникаютъ нѣмцы, поддерживая другъ друга и вытѣсняютъ русскихъ. Ненавидя Россію, они питаются ею, какъ піявки человѣческою кровью.

Между многими русскими, посѣтившими Герцена въ Park-hous'ѣ, нельзя пройти молчаніемъ одного, тогда еще очень молодаго человѣка, Александра Серно-Соловьевича. Онъ очень понравился Герцену, видно было, что, несмотря на свою молодость, онъ уже много читалъ и думалъ: онъ былъ умень и интересовался всѣми серьезными вопросами того времени. Не могу вспомнить, куда наши уѣзжали тогда на весь день, помню только, что имъ никакъ нельзя было остаться дома, а Серно-Соловьевичъ желалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы видѣть зоологический садъ. Я поѣхала туда съ дѣтьми Герцена и съ своей малюткой. Серно-Соловьевичъ сопровождалъ насъ и осмотрѣль очень тщательно весь садъ. Онъ былъ очень милъ и внимателенъ съ дѣтьми. Серно-Соловьевичъ пробылъ въ Лондонѣ еще нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ видался постоянно съ Герценомъ и съ Огаревымъ, къ которымъ относился съ большой теплотой иуваженiemъ. Въ то время дурныхъ качества его дремали, или не было еще тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали чѣмъ наружу. Позже мнѣ придется еще говорить о немъ, во время нашего пребыванія въ Château de la Boissière, близъ Жепевы. Больно вспоминать, какъ такой умный, развитой человѣкъ погибъ вдали отъ родины, изъ самолюбія, зависти и тоски, не принеся никакой пользы своему отечеству; но я не столько должна говорить о немъ, чтобы уяснить себѣ его личность, сколько потому, что въ отношеніи къ нему проявились такъ рѣзко въ Герценѣ присущія ему чувства великодушія, доброты и жалости, доходившія до невѣроятной степени.

Х.

Николай Серно-Соловьевич.—Желѣзно-дорожники.—В. И. Кельсіевъ.—Марко-Вовчекъ.—Случай у Трубнера.—А. А. Краевскій.—Н. Г. Чернышевскій.—Князь В. В. Долгоруковъ.—М. М. М—въ.—Русскія дамы.—Дрезденъ.—Сатири.—Т. П. Пасекъ.—Марко-Вовчекъ.—Грековы.—Въ Швейцарії.—Професоръ Фогтъ и его семья.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отѣзда Александра Серно-Соловьевича изъ Лондона, явился къ Герцену его старшій братъ, Николай Серно-Соловьевичъ. То былъ человѣкъ совершенно иной: занятый исключительно общими интересами, быть можетъ, онъ былъ нѣсколько менѣе даровитъ, менѣе интеллигентъ, чѣмъ его младшій братъ, но онъ имѣлъ большой перевѣсъ надъ нимъ въ другихъ качествахъ: онъ былъ необыкновенно прямаго характера; въ немъ были: рѣдкое благородство, настойчивость, самоотверженіе, что-то рыцарское, почему Герценъ съ первого свиданья прозвалъ его: «Маркизъ Поза». На открытомъ, благородномъ лицѣ его читалось роковое предназначеніе: можно ли было уѣхать такому прямому существу, упрямо, беззавѣтно преданному своимъ убѣжденіямъ, въ то трудное время, которое наступило послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ попытки польскаго возстанія? Тогда появился «Великороссъ»; намъ передавали, что его нашли у Николая Серно-Соловьевича, послѣ допросовъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь; вѣсть о его дальнѣйшей участіи не дошла до Герцена; младшій братъ его, Александръ, успѣлъ уѣхать или бѣжать въ Швейцарію.

Въ то время, какъ мы жили еще Park-hous'ѣ, прѣзжали къ Герцену два русскія семейства, т. е. два товарища по занятіямъ въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, каждый съ женой; у одного изъ нихъ была премиленькая дочка «Леля» лѣтъ четырехъ. Эти соотечественники наскъ очень радовали, напоминая намъ живо Россію, пѣніемъ подъ фортепіано русскихъ пѣсенъ; маленькая, черноглазая Леля, въ русскомъ костюмѣ, плясала подъ звукъ пѣсенъ. Герценъ и Огаревъ стояли взволнованные, грустные и обрадованные въ то же время, они мысленно переносились на родину, и прошедшее воскресало для нихъ... Эти пѣсколько свѣтлыхъ дней, проведенныхъ въ Лондонѣ этими двумя семействами, долго вспоминались нами, мы какъ-будто въ тѣ дни побывали въ Россіи.

Въ это же время прѣхалъ изъ Россіи Василій Ивановичъ Кельсіевъ съ женой, Варварой Тимоѳеевной. Послѣдняя была прямая, простодушная женщина, вполнѣ преданная мужу. Онъ былъ умный, самолюбивый и нерѣшительный. Кажется, онъ получилъ мѣсто въ Ситху, чтобы прослужить тамъ шесть лѣтъ и ѿхалъ туда на кораблѣ, который бросилъ якорь для стоянки близъ англійского берега. Кельсіева взяло раздумье, и онъ рѣшился не ѿхать въ Ситху, а отпра- виться въ Лондонъ; прѣхавъ въ столицу Англіи, онъ узналъ о Герценѣ и написалъ къ нему, прося у него работы; тогда Александръ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ на свиданье. Прежде чѣмъ при- думать найти ему работу, Герценъ желалъ узнать его лично, чтобы сообразить, чѣмъ онъ могъ заняться. Кельсіевъ явился въ назначен- ный день; разговорился съ Герценомъ о многомъ и, между прочимъ, рассказалъ Александру Ивановичу, какъ онъ ѿхалъ въ Ситху, а остался въ Англіи. Александръ Ивановичъ не одобрялъ мысль эмиграціи.

— Соскучитесь безъ дѣла, — говорилъ онъ Кельсіеву, — русскій здѣсь все, какъ отрѣзанный ломоть. Но Кельсіевъ объявилъ, что это дѣло рѣшенное и что онъ ни за что не пойдетъ въ Ситху. Кельсіевъ былъ филологъ, мнѣ кажется; онъ взялся перевести библію на русскій языкъ. Когда переводъ этотъ явился въ печати, и въ Россіи было дозволено переводить библію, Кельсіевъ съ жаромъ, со страстью, занялся этимъ дѣломъ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки русскаго языка Наташѣ Герценъ, такъ какъ Благосвѣтлова уже не было въ Лондонѣ; такимъ образомъ Кельсіевъ сталъ жить въ Лон- донѣ своимъ трудомъ, хотя и очень бѣдно.

Переписываясь довольно часто съ Александромъ Ивановичемъ, Тургеневъ прислалъ ему однажды малороссійскія повѣсти Марка- Вовчка, которыхъ привели Герцена въ неописанный восторгъ. Иванъ Сергеевичъ писалъ, что авторъ этихъ разсказовъ г-жа Маркевичъ очень милая, простая, некрасивая особа и что она намѣрена скоро быть въ Лондонѣ.

Дѣйствительно, г-жа Маркевичъ не замедлила явиться въ Лон- донъ съ мужемъ и маленькимъ сыномъ. Г-нъ Маркевичъ казался нѣжнымъ, даже сентиментальнымъ, чувствительнымъ малороссомъ; она, напротивъ, была умная, бойкая, рѣзкая, на видъ холодная.

Посидѣвъ въ салонѣ, мы вышли въ садъ, ихъ маленький сынъ обращался саду, бросился на лужайку и сталъ валяться по ней, мать останавливалась его, отецъ защищалъ:

— Маша,—говорилъ онъ нѣжно женѣ,—онъ восторгается природой, воздухомъ, оставь его.

— Но онъ можетъ восторгаться природой, — отвѣчала она рѣзко,—и не пачкая рубашку.

Она рассказывала Герцену, что вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, безъ любви, только по желанію независимости. Дѣйствительно, Тургеневъ былъ правъ, она была некрасива, но ея сѣрые, большие глаза были не дурны, въ нихъ свѣтились умъ и малороссійскій юморъ, вдобавокъ она была стройна и умѣла одѣваться со вкусомъ. Маркевичи провели только нѣсколько дней въ Лондонѣ и отправились на континентъ, гдѣ я ихъ впослѣдствіи встрѣтила, кажется, въ Гейдельбергѣ.

Едва Маркевичи оставили насъ, какъ Герценъ получилъ изъ Петербурга письмо, которое ужасно поразило насъ всѣхъ: ему сообщали, что у книгопродаца Трюбнера находится шпіонъ между приказчиками, а именно полякъ Михайловскій. Являясь за книгами къ Трюбнеру, русскіе обращались предпочтительно къ Михайловскому, потому что онъ немного говорилъ по-русски; они просили сообщить имъ адресъ Герцена. Михайловскій съ готовностью спѣшилъ вручить имъ написанный для нихъ желаемый адресъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался въ разговорѣ выдавать имя посытителя, чтѣ вовсе не представляло затрудненій, такъ какъ русскіе ужасно довѣрчивы и необдуманны. Въ концѣ письма было сказано, что Михайловскій, набравъ порядочное количество имёнъ, подальше доносъ, приложивъ списокъ, русскому посланнику въ Лондонѣ: послѣдній отправилъ все прямо къ государю. Къ счастію, государь, не прочитавъ, бросилъ списокъ въ каминъ. Это происходило до возмущенія въ Польшѣ; тѣмъ не менѣе Герценъ рѣшилъ удалить Михайловскаго изъ лавки Трюбнера; для этой цѣли Герценъ, Огаревъ, Тхоржевскій и Чернецкій собрались и отправились вѣтъ вмѣстѣ къ Трюбнеру. Герценъ сообщилъ послѣднему причину ихъ появленія; тогда Трюбнеръ попросилъ Герцена и его друзей въ сосѣднюю комнату, гдѣ вѣтъ сѣли и куда былъ вызванъ Михайловскій. Послѣднему были предложены

разные вопросы по поводу его поведения относительно русскихъ и доноса, сдѣланнаго имъ русскому посланнику; Михайловскій растерялся, ужасно поблѣднѣлъ, сталъ говорить несвязныя рѣчи, но оправдаться никакъ не могъ.

Отозвавъ Трюбнера въ сторону, Герценъ рассказалъ ему, какъ онъ узналъ о продѣлкахъ Михайловскаго, и просилъ Трюбнера не держать его долѣе, если онъ хочетъ продолжать имѣть книжныя дѣла съ нимъ (Герценомъ). Тогда изданія Александра Ивановича расходились очень хорошо, поэтому Трюбнеръ пожертвовалъ Михайловскимъ для Герцена. Наконецъ Михайловскій всталъ и сконфуженно удалился, говоря: «У насъ всегда называютъ шпionомъ всякаго, кто имѣеть новое пальто».

— Да обидьтесь, кричаль ему вслѣдъ Чернецкій. Но тотъ не повернулъ къ нему головы и вышелъ изъ лавки. Трюбнеръ казался удивленъ, что подъ глазами происходили вещи, о которыхъ онъ не имѣль ни малѣйшаго понятія и которые известны и Герцену, и въ Петербургѣ. Въ то время онъ боготворилъ Герцена до такой степени, что заказалъ Грасу (нѣмцу-скульптору) сдѣлать бюстъ Герцена. Грасъ лѣпилъ его, когда мы жили въ *Laurel-hous'*, бюстъ очень похожъ, и Трюбнеръ украсилъ имъ свою лавку.

Около этого времени у Герцена былъ Андрей Александровичъ Краевскій: едва-ли можно думать, чтобы Краевскій прїѣзжалъ въ Лондонъ по сочувствію къ дѣятельности Герцена, а скорѣй по тому неотразимому влечению, которое въ то время несло всѣхъ русскихъ къ британскимъ берегамъ: труднѣе плыть противъ теченія, чѣмъ по теченію. Объ этомъ свиданіи нечего рассказывать, кроме того, что Герцену было пріятно вспоминать съ Краевскимъ о многомъ изъ былага.

Нѣкоторое время спустя, явился въ Лондонъ человѣкъ, о которомъ говорила чуть не вся Россія, о которомъ мы постоянно слышали, который много писалъ, о которомъ постоянно упоминали въ печати, котораго не только хотѣлось видѣть, но хотѣлось узнать... Это былъ Николай Гавrilovich Чернышевскій. До его посѣщенія кто-то (не помню именно, кто) прїѣзжалъ отъ него изъ Россіи съ запросомъ къ Герцену; вотъ въ чёмъ состоялъ этотъ запросъ: если изданіе «Современника» будетъ запрещено въ Россіи, чего ожидали

тогда, согласенъ ли будетъ Герценъ печатать «Современникъ» въ вольной русской типографіи въ Лондонѣ? На это предложеніе Герценъ быль безусловно согласенъ. Тогда Чернышевскій рѣшилсяѣхать самъ въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ Александромъ Ивановичемъ.

Какъ теперь вижу этого человѣка: я шла въ садъ черезъ зало, неся на рукахъ свою маленькую дочь, которой было немногого болѣе года, Чернышевскій ходилъ по залѣ съ Александромъ Ивановичемъ; послѣдній остановилъ меня и познакомилъ съ своимъ собесѣдникомъ. Чернышевскій быль средняго роста, лицо его было не красиво, черты неправильны, но выраженіе лица, эта особенная красота некрасивыхъ, было замѣчательно, исполнено кроткой задумчивости, сосредоточенности, въ которой свѣтились самоотверженіе и покорность судьбѣ. Онъ погладилъ ребенка по головѣ и проговорилъ тихо: «У меня тоже есть такие, но я почти никогда ихъ не вижу».

Кажется, Герценъ и Чернышевскій видѣлись не болѣе двухъ разъ. Герцену думалось, что въ Чернышевскомъ недостаетъ откровенности, что онъ не высказывается вполнѣ; эта мысль помѣщала ихъ сближенію, хотя они понимали обоюдную силу, обоюдное влияніе на русское общество... Вѣсти, привезенные Чернышевскимъ, были не утѣшительны, исполнены печальныхъ ожиданій. На счетъ изданія «Современника» они столковались въ нѣсколько словъ: Чернышевскій обѣщаляръ, если нужно будетъ, высылать рукописи, и деньги, нужные на бумагу и печать, корректуру должны были держать Герценъ и Огаревъ, потому что Чернецкій не могъ взяться за поправки типографскія, по совершенному незнанію русскаго языка. Когда печатали второе изданіе номеровъ «Колокола» я держала корректуру, потому что это было очень легко: набирая съ печатанного, Чернецкій дѣлалъ весьма мало ошибокъ.

Однажды Герценъ получилъ изъ Парижа письмо по-русски: почеркъ быль незнакомый, рука твердая: это было посланіе отъ князя Петра Владимировича Долгорукова. Онъ писалъ, что оставилъ Россію навсегда и скоро будетъ въ Лондонѣ, гдѣ намѣренъ поселиться, слышаль много о Герценѣ и надѣялся сойдись съ нимъ при личномъ знакомствѣ. Молва гласила, что князь Петръ Влади-

мировичъ Долгоруковъ оставилъ Россію, потому что правительство не назначило его министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вознамѣревался отомстить тѣмъ, которые навлекли на себя его гнѣвъ.

Наконецъ князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ прибылъ въ Лондонъ и былъ у Герцена, наружность его была непривлекательна, несимпатична; въ большихъ карихъ глазахъ виднѣлись самолюбіе и привычка повелѣвать; черты лица его были неправильны, князь былъ небольшаго роста, дурно сложенъ и слегка прихрамывалъ, почему его прозвали: *le bancal*. Не помню, на комъ онъ былъ женатъ, только жилъ постоянно врозь съ женой и никогда о ней не говорилъ. Герценъ не чувствовалъ къ нему ни малѣшаго влеченія, но принималъ его очень учтиво и бывалъ у него изрѣдка съ Огаревымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, князь Долгоруковъ началъ печатать свои записки и въ нихъ сводилъ свои личные счеты, по совѣсти или нѣтъ, ему одному известно. Онъ былъ ужасно горячъ и невоздержанъ на языкъ въ минуты гнѣва, чтѣ впослѣдствіи обходилось дорого его самолюбію: когда ему давали отпоръ на его выходки и удалялись отъ него; скучая одинъ, онъ кончилъ тѣмъ, что извинялся и желалъ только, чтобы его простили. Помню, что онъ постоянно ъезжалъ къ намъ, когда мы позже жили близъ Лондона, въ Тендингтонѣ. Развѣ въ воскресенье у насъ обѣдало нѣсколько человѣкъ, между которыми были князь Долгоруковъ, Чернецкій и Тхоржевскій; это было послѣ варшавскихъ происшествій; разговорились, толковали о происшествіяхъ того времени... Вдругъ князь Долгоруковъ сталъ дерзко говорить о сумасбродствѣ поляковъ и грубо кричать, по своему обыкновенію, когда онъ выходилъ изъ себя. У Герцена голосъ былъ громкій и звучный, но онъ имѣлъ привычку говорить не возвышая голоса, исключая очень хорошаго расположения духа, тутъ онъ не выдержанъ и гнѣвно закричалъ:

— Я не позволю въ моемъ домѣ нападать на Польшу, это тѣмъ неделикатнѣе, что эта страна побѣждена и что за этимъ столомъ сидѣть поляки. Это происходило послѣ обѣда, мужчины сидѣли еще за столомъ, а я съ другими дамами перешла въ гостиную, гдѣ стояло фортепіано, сама я лично ничего не слыхала, а рассказывала со словъ Герцена. Черезъ нѣсколько секундъ въ гостиную вошелъ князь Долгоруковъ, онъ взялъ шляпу и трость, въ которой

скрывался кинжалъ и которая всегда была при немъ, потомъ вѣжливо раскланялся и ушелъ, не подавъ мнѣ руки, чтобъ меня нѣсколько удивило; по вскорѣ пришелъ Герценъ и подробно рассказалъ скору съ княземъ Долгоруковымъ.

Послѣдній долго не єздилъ къ намъ, потомъ извинился передъ Тхоржевскимъ и Чернецкимъ, и написалъ Герцену письмо, въ которомъ просилъ извинить его глупую выходку противъ поляковъ, и опять сталъ єздить къ намъ.

Тхоржевскій сопутствовалъ иногда князю Долгорукову въ его маленькихъ экскурсіяхъ въ морѣ или въ окрестностяхъ Лондона и увѣрялъ, что съ характеромъ князя Долгорукова трудно было найти какое-нибудь удовольствие или отдохновеніе въ этихъ прогулкахъ: каждое ничтожное происшествіе, каждое неточное исполненіе его желаній приводило князя въ неописанную ярость. Развѣ они были гдѣ-то у моря, взяли въ гостиницѣ комнату, встали по утру въ самомъ хоронемъ расположenіи духа; къ завтраку, къ несчастію, имъ подали черстваго хлѣба (надо замѣтить, что англичане считаютъ черствый хлѣбъ здоровье и предпочитаютъ его свѣжему, потому что изъ черстваго легче рѣзать тонкіе ломти, которые они намазываютъ масломъ и єдятъ въ большомъ количествѣ за вечернимъ чаемъ). Князь Долгоруковъ страшно разсердился, замѣтя черствый хлѣбъ на столѣ, вскочилъ, взялъ хлѣбъ и, выбѣживъ въ коридоръ, бросилъ его со втораго этажа внизъ: прибѣжалъ швейцарь, сбѣжалась ветерье (половой или гарсонъ, кельнеръ); для выдержаннаго англійскаго характера поступокъ русскаго князя былъ необъяснимъ. Они обратились съ соболѣзвованіемъ къ Тхоржевскому, спрашивая серьезно, не бываетъ ли еще другихъ припадковъ съ его спутникомъ? Разсерженный выходкой князя и разспросами слугъ, Тхоржевскій объяснилъ категорично на ломаномъ англійско-польскомъ языкѣ: «Prince very cross gentleman».

Возвращаясь къ нашей жизни въ Park-housѣ, вспоминаю, какъ разъ вечеромъ Жюль доложилъ Герцену: «Trois russes, deux messieurs et une dame». Это были Ш—вы и М. Л. М—овъ. Кажется, они были у насъ только два раза, потому что очень спѣшили оставить Англію. Ш—въ и особенно М—овъ очень понравились Герцену, эти люди казались понимающіе и вполнѣ преданные благу

России, но Ш—ва не произвела у насъ хорошаго впечатлѣнія и никому не была симпатична; въ ней было что-то эгоистическое, грубо; отъ нея вѣяло материализмомъ въ самой неприглядной формѣ. Пріѣзжали иногда и дамы однѣ. Я ъездила къ морю въ Каусь съ моей маленькой дочерью и ея няней. По возвращеніи въ Лондонъ, Герценъ мнѣ разсказывалъ объ одномъ посѣщеніи во время моего отсутствія: пріѣхала одна русская аристократка, на видъ лѣтъ пятидесяти, и представилась Герцену, говоря скоро: «Дочь адмирала, вдова генерала, мать генерала, такая-то, кажется, Бибикова». Герценъ съ трудомъ удержался отъ смѣха.

Мальвида фонъ-Мейзенбугъ жила все это время то на квартире, то у разныхъ пріятельницъ, но она мечтала о независимой жизни, о поѣздкѣ въ Парижъ, въ Италію, гдѣ она никогда не была. Она предложила Герцену взять съ собой его меньшую дочь, Ольгу, и погостить съ ней у г-жи Швабе, которая имѣла великолѣпное помѣстье въ Англіи. Она была вдова богатаго банкира и имѣла многочисленное семейство. Герценъ согласился па предложеніе Мальвиды; а такъ какъ г-жа Швабе поѣхала на зиму въ Парижъ, то Мальвида попросила Герцена отпустить Ольгу съ ней въ Парижъ, гдѣ ихъ пребываніе не могло стоить очень дорого, потому что они должны были жить у г-жи Швабе; въ сущности это былъ отводъ. Мальвида вскорѣ переехала на отдѣльную квартиру съ маленькой Ольгой.

Въ то время я получила изъ Россіи письмо, въ которомъ меня извѣщали, что моя сестра ъдетъ со всѣми дѣтьми въ Германію, для свиданія со мной; тогда я поспѣшила собраться съ путь съ своей маленькой дочкой, съ Наташой Герценъ, которую я должна была отвезти въ Дрезденъ къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель, урожденной Ернъ. Кромѣ того, съ нами ъхала m-iss Johanna Furgner, которая поступала къ моей сестрѣ; послѣдняя желала увезти ее съ собой въ Россію, для того чтобы пріучить дѣтей къ англійскому языку.

Мы доѣхали до Дрездена безъ особыхъ происшествій, за исключеніемъ того, что на какой-то таможнѣ съ насъ взяли восемь франковъ штрафа за шелковую матерію, которую Наташа Герценъ везла въ подарокъ какой-то родственницѣ своей бабушки, Луизѣ Ивановнѣ; тогда я переложила иначе всѣ вещи въ Наташиномъ че-

моданъ, и послѣ того мы благополучно достигли Дрездена, чemu Наташа не мало удивлялась, но, какъ болѣе опытная путешественница, чѣмъ она, я не клала ничего подозрительного по краямъ чѣмодана, но въ средину, а таможенные чиновники слишкомъ лѣнивы, чтобы выбирать все до дна изъ чѣмодановъ.

Приѣхавъ въ Дрезденъ, мы тотчасъ отправились къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель, но я ничего не помню изъ этого первого посѣщенія, потому что едва мы успѣли обмѣняться съ ней нѣсколькими словами, какъ она сказала, что сестра моя, Елена Алексѣевна Сатина, уже въ Дрезденѣ; тогда, взявъ мою маленькую дочь за руку, я поспѣшила къ двери, забывъ о всѣхъ присутствующихъ, потомъ воротилась, чтобы спросить, въ какой гостиницѣ она остановилась. Тогда послали за извозчикомъ; *m-iss J. Furner*, я и моя малютка сѣли въ коляску и поѣхали въ указанную гостиницу: никогда путь не казался мнѣ такъ долгъ, какъ въ этотъ разъ! Наконецъ мы доѣхали, вошли въ гостиницу и свидѣлись послѣ многихъ лѣтъ разлуки, послѣ многихъ перемѣнъ, особенно въ моей жизни! Мы обнимали другъ друга со слезами на глазахъ; дѣти сестры окружили меня и мою малютку: хотя она въ то время говорила только по-англійски, однако понимала русскую рѣчъ, потому что я постоянно говорила съ ней на родномъ языкѣ. Зять мой, Николай Михайловичъ Сатинъ, былъ тоже очень взволнованъ и обрадованъ нашей встрѣчей. Зная, что я должна была ѿхать съ Наташой Герценъ, онъ принялъ *m-iss Furner* за нее и горячо обнялъ и расцѣловалъ ее, такъ какъ онъ былъ въ юности друженъ съ ея отцомъ; на лицѣ *m-iss Furner* выразилось недоумѣніе, смущеніе... Я догадалась, въ чёмъ дѣло, и поспѣшила объяснить ей, что зять мой наѣвное принялъ ее за Наташу Герценъ. Николай Михайловичъ не замедлилъ извиниться въ своей ошибкѣ предъ смущенною *m-iss Furner*. Вскорѣ къ намъ присоединилась и виновница этого недоразумѣнья, Наташа Герценъ, съ г-жей Рейхель, тогда имъ рассказали про этотъ странный ціргрою, и всѣ мы не могли удержаться отъ смѣха и много смигались надъ этимъ страннымъ случаемъ.

Оставя Наташу Герценъ на попеченіи Маріи Каспаровны Рейхель, мы вскорѣ отправились съ сестрой Еленой Алексѣевной Сатиной и со всѣми нашими дѣтьми въ Гейдельбергъ, гдѣ я слыхала,

что мѣстоположеніе очень красиво, а жизнь недорога; вдобавокъ, Гейдельбергъ въ то время не представлялъ многолюднаго стеченія туристовъ, и мы могли вести жизнь самую уединенную. Николай Михайлович Сатинъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сѣзжать въ Лондонъ, навѣстить старыхъ друзей: Герцена и Огарева, которыхъ онъ горячо любилъ и которыми онъ былъ тоже любимъ. Съ поступленія въ Московскій университетъ, они почти не разставались, а когда ссылка ихъ раскидала по Россіи, они часто переписывались; впослѣдствіи собрались въ Москвѣ, примкнули къ кружку Станкевича, когда послѣдняго уже не было въ живыхъ, и сплотились въ тѣсную кучку профессоровъ и литераторовъ, известныхъ подъ именемъ московскаго кружка западниковъ, въ противоположность кружку московскихъ славянофиловъ.

Въ Гейдельбергъ я впервые увидѣла Татьяну Петровну Пасекъ, которая, слыша, что я нахожусь съ сестрой тоже въ Гейдельбергѣ, пришла сама къ намъ и была со мной, съ первого раза, какъ съ близкой. Она мнѣ рассказала о своемъ родствѣ съ Герценомъ, о своей дружбѣ съ нимъ и съ Огаревымъ, впрочемъ, все это было мнѣ давно извѣстно. Она звала меня къ себѣ, и я каждый день бывала, какъ у родственницы, съ своей маленькой дочерью. Тогда Татьяна Петровна переживала трудное время. Она прѣѣхала въ Гейдельбергъ со всѣми дѣтьми, которыхъ были уже юношами, я ихъ видела, но мнѣ мало приходилось разговаривать съ ними: старшій Александръ, красивый, привлекательной наружности, напоминаль отца, по словамъ Татьяны Петровны. Онъ былъ кандидатъ Московскаго университета; Татьяна Петровна, вообще, рѣдкая мать, любила его до безумія, гордилась имъ, мечтала везти его въ Лондонъ показать Герцену... мало ли плановъ, надеждъ было въ ея горячемъ сердцѣ относительно ея первенца! Судьба готовила ей иное: ея Александръ, страстно увлеченный одной особой, М—чъ, вдругъ отдалился отъ матери, которая передавала мнѣ ежедневно свои страданія и опасенія за любимаго сына, за ея дорогаго Сашу. Послѣдній оставилъ навсегда прежде горячо любимую мать и уѣхалъ въ Парижъ съ предметомъ своей страсти, тамъ года черезъ два тревожной жизни, онъ угасъ отъ грудной болѣзни, какъ его отецъ; предчувствіе не обмануло сердце матери! Вотъ почему Татьяна

Петровна мало говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: сердце изстрадалось за него! Между соотечественниками, навѣстившими въ Гейдельбергъ сестру Елену Алексѣевну, припоминаю Грекова съ женой, Ириной Аѳанасьевой: она была родственница Станкевичу и давно, еще въ Москвѣ, коротко знакома съ моей сестрой, въ домѣ которой я имѣла удовольствіе видѣть ее лѣтъ десять тому назадъ. Ея наружность была необыкновенно симпатична, хотя нельзѧ было назвать ее красивой: выраженіе ея лица было исполнено доброты, привѣтливости. Кромѣ того, къ ней влекло меня и всѣхъ знающихъ ее, потому что у нея былъ замѣчательный музыкальный талантъ: рѣдко чистый, мелодичный, сильный голосъ, контръ-альто, что для меня и для всѣхъ понимающихъ музыку — выше лучшаго исполненія на любомъ инструментѣ. Я любила слушать ее, особенно когда она пѣла страстныя и грустныя малороссійскія пѣсни; изъ всѣхъ этихъ мотивовъ меня поразила одна заунывая пѣсня, начинающаяся словами: «Вы простите, мои дѣтки». Это была любимая пѣсня Тимоѳея Николаевича Грановскаго; въ грустномъ, тяжеломъ настроеніи духа, нельзѧ было дослушать ее до конца, такъ какъ она потрясала всѣ фибры человѣческаго существа.

Какъ рѣдкосвѣтлое явленіе между людьми, Ирина Аѳанасьевна недолго радовала окружающихъ своей симпатичной натурой, своимъ задушевнымъ, глубоко потрясающимъ пѣніемъ. Вскорѣ послѣ ея замужества доктора запретили ей пѣть, или, лучше сказать, много пѣть,—вовсе не пѣть было для нея все равно, что не жить; доктора напали въ ней какое-то расположеніе къ аневризму. Когда ее, по обыкновенію, обступали всѣ, прося спѣсть еще что-нибудь, она отвѣчала намъ: «нѣть, будеть, будеть, мнѣ не велять много пѣть, сердце что-то не въ порядкѣ». Года два послѣ нашего свиданія въ Гейдельбергѣ, въ Москвѣ состоялся какой-то концертъ, устроенный любителями музыки; Ирина Аѳанасьевна принимала тоже въ немъ участіе. Она запѣла своимъ звучнымъ, симпатичнымъ голосомъ, вдругъ голосъ ея оборвался, и она склонилась; всѣ бросились къ ней, но она уже не дышала... Между присутствующими находился медикъ, который сказалъ: «все кончено, это разрывъ сердца».

Грековъ былъ неутѣшенъ; всѣмъ тяжело было сознаніе, что ея

голосъ смолкъ навсегда: онъ какъ птичка вырвался изъ клѣтки, взвился, залился послѣдней пѣсней и исчезъ безслѣдно...

Г-жа Маркевичъ (Марко Вовчекъ) была тоже въ то время въ Гейдельбергѣ; она приходила ко мнѣ нѣсколько разъ съ какой-то соотечественницей, фамилию которой я не могу припомнить, потому я встрѣтила г-жу Маркевичъ еще одинъ разъ съ мужемъ и съ маленькимъ сыномъ. Господинъ Маркевичъ казался очень озабоченъ и печаленъ; на добродушномъ лицѣ его читалось глубокое уныніе: онъ собирался обратно въ Россію съ нѣжно любимымъ ребенкомъ и старался склонить жену къ возвращенію на родину, но она была непоколебима: рѣшила остаться одна заграницей и привела въ исполненіе свое намѣреніе.

Еще до моего отѣзда изъ Лондона, Герценъ получилъ отъ сына письмо, которымъ былъ очень огорченъ и встревоженъ: Александръ Александровичъ находился въ Бернѣ, имѣлъ комнату и столъ въ домѣ старшаго профессора и влюбился въ его внучку Е. У., которая жила тогда у бабушки. Александръ Александровичъ просилъ у отца позволенія жениться на этой дѣвушкѣ, которой было только шестнадцать лѣтъ. Герценъ находилъ, что сынъ его тоже слишкомъ молодъ, чтобы рѣшиться на такой важный шагъ, вдобавокъ, на днѣ души его таилась задушевная мысль, что сынъ его если женится, то непремѣнно на русской: ту же мечту онъ питалъ и относительно дочерей, но ему не дано было увидѣть осуществленіе своихъ желаній относительно дѣтей. Долго переписываясь съ сыномъ по этому поводу, наконецъ онъ уступилъ просьбамъ А. А. и согласился на бракъ съ Е. У.

Ея семейство жило въ Америкѣ, но вскорѣ оно прїѣхало для свиданія съ родными въ Швейцарію. Мать и отецъ Е. согласились охотно на выборъ ихъ дочери, потому что знали Герцена и имѣли къ нему безпредѣльное уваженіе. Провожая изъ Берна семейство невѣсты, которое пробыло въ Европѣ болѣе полгода, А. А. заѣхалъ къ намъ въ Гейдельбергъ и познакомилъ меня съ своей невѣстой.

Вернувшись изъ Лондона, зять мой, Николай Михайловичъ Сатинъ сталъ собираться обратно въ Россію и вскорѣ простился съ нами. Мы побѣхали его провожать на дебаркадеръ желѣзной дороги со всеми дѣтьми, которыхъ, разставаясь не на долго съ отцомъ,

весело кричали ему въ пять голосовъ: «прощай, папа, прощай». Воодушевленная всеобщимъ волнениемъ, моя дочь повторяла тоже: «прощай, папа, прощай, папа». Какая-то русская иняношка подошла къ ней и сказала: «позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку за то, что вы такъ мило прощаетесь съ своимъ папой».

Вскорѣ мы покинули Гейдельбергъ, для морскихъ купаній намъ посовѣтовали ѿхать въ Блакенбергъ, тихое мѣсто, безъ малѣйшихъ удобствъ, потому мало посещаемое туристами; въ Блакенбергѣ была одна только гостиница, дѣны на пищу и комнаты были очень высокія, такъ какъ конкуренція вовсе не было; поэтому мы рѣшились взять маленькую квартиру, въ которой и размѣстились, хотя и не безъ тѣсноты. Купанье мнѣ не нравилось; надо было пройти по камнямъ большое пространство до моря, можетъ, съ четверть версты. На англійскихъ берегахъ купанье гораздо привлекательнѣе, ближе и лучше обставлено: пріѣзжіе пользуются хотя деревенскимъ комфортомъ, а въ Блакенбергѣ было слишкомъ много всякихъ лишній и неудобствъ, однако мы и не думали перемѣнить мѣсто съ такой большой семьей: дѣти то ловили въ морѣ медузъ и приносили показывать ихъ намъ, то, вооруженные лопаточками, забавлялись, роясь въ камняхъ и пескѣ. Сестра Николая Михайловича Сатина, Настасья Михайловна Стравинская, пріѣхала въ Блакенбергъ для свиданья съ нами. Она была съ мужемъ и съ трехлѣтнимъ ребенкомъ—сыномъ ея любимой племянницы. Такъ какъ Стравинские пріѣхали не на долго, то остановились въ гостинице, куда мы заходили каждый день за ними, чтобы идти вмѣстѣ къ морю на каменистый берегъ.

Помню, что въ Блакенбергѣ моей дочери минуло два года; въ этотъ день мы были удивлены и обрадованы пріѣздомъ нашего старого знакомаго, Павла Васильевича Анненкова, который былъ въ Лондонѣ и взялся свезти мнѣ письма и игрушки отъ нашихъ для моей маленькой дочери.

Мы вспоминали съ Анненковымъ 1848-й годъ, наше пребываніе въ Парижѣ во время юньскихъ дней; вспоминали и о тогдашнихъ близкихъ знакомыхъ, о Натальѣ Александровнѣ Герценѣ, которую онъ тоже очень любилъ и цѣнилъ, какъ я.

Скоро, незамѣтно пролетѣло время нашего свиданія съ сестрой,

и пришлось разстаться и съ ней; сестрѣ нужно было до холода возвратиться домой: тяжело, полно печальныхъ предчувствій было это послѣднее прощаніе... бояре мы не видались... По отѣзгадѣ сестры, я почувствовала страшное одиночество, оставшись съ моей малюткой, и рѣшилась съѣздить посмотретьъ Швейцарію, такъ какъ я никогда тамъ не была, вдобавокъ тамъ учился А. А. Герценъ. Пробывъ нѣкоторое время въ живописной Лозаннѣ, гдѣ я много гуляла по роскошнымъ садамъ и восхищалась совершенно новой для меня природой, которая имѣла на меня умиротворяющее, успокаивающее вліяніе... стада рогатаго скота, мирно пасясь по лугамъ и звеня колокольчиками различныхъ тоновъ, гармонировали съ остальнымъ, — пастухъ собиралъ скотъ своимъ особеннымъ пѣніемъ и игрой на флейтѣ, кажется, или на какомъ-то другомъ инструментѣ. Позже, я отправилась въ Женеву, гдѣ встрѣтилась съ А. А. Герценомъ и семействомъ его невѣсты. Они всѣ были со мной, какъ съ будущей родственницей, и требовали, чтобы я принимала участіе въ ихъ экскурсіяхъ съ моей малюткой. А. А. уговорилъ меня ѿхать въ Бернъ, куда онъ скоро возвратился для своихъ занятій. Онъ напечь мнѣ большую комнату, кажется, со столомъ и написаль, чтобы я прїезжала, что все готово. Тогда я отправилась въ Бернъ и поселилась тамъ на нѣкоторое время. А. А. познакомилъ меня со всѣми членами семьи Фогтовъ: во-первыхъ, со стариками у которыхъ онъ жилъ. Старый профессоръ Фогтъ былъ въ то время лѣтъ семидесяти, высокаго роста, худощавый и довольно молчаливый, но съ весьма умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. И смотря на свои преклонные годы, онъ имѣлъ больницу подъ своимъ вѣдомствомъ и ежедневно посѣщалъ ее, занимаясь ею очень серьезно. Жена его была довольно высокая, твердая, полная женщина, по чертамъ ея лица видно было, что въ молодости она была хороша собой; у нея былъ природный умъ, но она не получила никакого образования. Она была энергичнаго и прямаго характера и потому инымъ не нравилась. Менѣе всѣхъ ладилъ съ ней ея первенецъ, нынѣ известный натуралистъ, Карль Фогтъ. Онъ обвинялъ мать въ деспотизмѣ во времена его юности и потомъ остался на всю жизнь убѣждѣнъ, что она самое неуживчивое существо; подъ этимъ впечатлѣніемъ я съ ней познакомилась, но скоро оно

сменилось чувствомъ симпатіи и благодарности, потому что съ первого моего посѣщенія, г-жа Фогтъ сердечно полюбила мою малютку и, къ удивленію всѣхъ ея родственниковъ, давала ей забавляться разными бездѣлицами и позволяла ей даже дѣлать беспорядокъ, а сама разговаривала со мной, но бывало, что она прерывала наши бесѣды, чтобы поиграть съ ребенкомъ: иногда онъ накладывали платки на палки въ видѣ знамени и обѣ танцевали съ ними, дѣлая въ то же время разные энергичные возгласы. У г-жи Фогтъ было въ Бернѣ очень много внуковъ и внучекъ, но она къ нимъ не чувствовала никакой симпатіи, и когда они заходили къ ней, она не знала, что съ ними дѣлать, и въ видѣ любезности предлагала имъ каждый разъ умыться, потомъ отсыпала ихъ домой. Г-жа Фогтъ любила исключительно ту внучку, которая была обручена съ А. А. Герценомъ и которой въ то время не было въ Бернѣ.

Мнѣ иногда приходило въ голову, что ей должны наскучить мои частыя посѣщенія; тогда я пропускала день, но г-жа Фогтъ тотчасъ присыпала ко мнѣ А. А. узнать, здоровы ли мы и почему не были у нея; я откровенно объяснила причину, и потомъ, по ея желанію, ходила къ ней ежедневно.

Мнѣ случалось засидѣться у Фогтовъ и обѣдать или ужинать у нихъ; ихъ образъ жизни былъ самый простой, пища самая незатѣливая: тогда всѣ собирались въ столовую, гдѣ стоялъ огромный, круглый столъ—«исторический столъ», какъ говорили Фогты; всѣ блюда ставились прямо на столъ, средина котораго вертѣлась при малѣйшемъ прикосновеніи, каждому можно было брать, что ему нужно, безъ посторонней помощи; этотъ столъ былъ сдѣланъ по соображенію профессора Фогта, когда дѣти его были небольшія и всѣ находились еще дома, а обстоятельства профессора не позволяли имѣть прислугу. Когда онъ женился, онъ ничего не имѣлъ, кроме ничтожнаго жалованья, жена его тоже. Она любила рассказывать, какъ привязывала своего Карла шалью крѣпко себѣ на спину и готовила кушанье, мыла бѣлье, словомъ, исполняла всѣ домашнія работы, съ ребенкомъ на спинѣ. Впослѣдствіи, когда у нея было уже нѣсколько дѣтей, она была вынуждена брать помощницу на нѣсколько часовъ въ день. У нея было всего восемь человѣкъ дѣтей: четыре сына и четыре дочери. Я видѣла Карла Фогта, адво-

ката Емиля Фогта, и замечательно хорошаго доктора, Адольфа Фогта; Густава Фогта, меньшаго, я видѣла только разъ на семейномъ празднике Фогтовъ, но я не желала съ нимъ познакомиться, потому что слышала изъ вѣрнаго источника, что онъ ненавидитъ русскихъ. Трехъ дочерей старушки Фогтъ я тоже знала, четвертая не прѣѣзжала изъ Америки, но сказать о нихъ ничего не могу; они, какъ и снохи г.-жи Фогтъ, были нѣмки, дѣятельныя въ узкой сферѣ обыденной жизни, и только. Помню, какъ разъ А. А. зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ посланъ г.-жею Фогтъ, чтобы просить меня принять участіе въ ихъ семейномъ празднике, на который собиралась исключительно вся родня Фогтовъ. Разъ въ годъ Фогты занимали въ гостиницѣ просторную залу, музыкантовъ, заказывали ужинъ. Въ этотъ день собраніе было торжественно, потому что праздновали золотую свадьбу профессора Фогта. А. А. говорилъ мнѣ, что старушка Фогтъ будетъ очень недовольна, если я откажусь, какъ будто показывая отчужденіе отъ ихъ семьи; убѣдилъ меня согласиться и, уходя, сказалъ, что зайдетъ самъ за нами. И такъ мнѣ пришлось присутствовать при нѣмецкомъ празднике. Всѣ меня радушно приняли, особенно г.-жа Фогтъ; когда музыканты заиграли вальсъ, старый профессоръ обвилъ станъ своей подруги, и они кружились въ тактъ, ловко, не уступая ни въ чёмъ молодымъ; потомъ молодежь занялась танцами, а взрослые и старые—разговоромъ; изъ молодыхъ одинъ А. А. не танцевалъ, потому что въ отрочествѣ ему не пришлось практиковаться въ этомъ искусствѣ, а позже ужъ не хочется учиться такимъ пустякамъ. Этотъ праздникъ изображалъ для меня какую-то человѣческую пирамиду, внизу которой стоялъ старый профессоръ съ милой и симпатичной старушкой, а выше ихъ—дѣти съ женами, племяники, внуки, внучки... Я глядѣла на эти довольные, простодушныя лица, всѣ они близкіе другъ другу... а я, какъ я почувствовала себя одинокой на этомъ празднике, еслибы можно было, кажется, я убѣжала бы, чтобы избавиться отъ непріятнаго чувства, которое онъ возбуждалъ во мнѣ, а старушка Фогтъ приглашала меня такъ настойчиво, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе. Намѣренія и послѣдствія! Какъ это противуположно иногда, подумала я, но въ это время глаза мои опустились на мою маленькую дочь...

и я поняла, что все это вздоръ, что я не одна, что я счастливал мать.

Послѣ ужина, поблагодаривъ амфитріоновъ этого импровизованного праздника, я удалилась наконецъ съ своей маленькой дочерью, которая удивляла всѣхъ умѣньемъ держаться непринужденно и не слишкомъ смѣло въ чуждой для нея средѣ; она спокойно наблюдала за всѣмъ, что происходило кругомъ, и не просилась домой, какъ дѣлаютъ иногда черезъ-чуръ избалованныя дѣти. А. А. вызвался наѣзъ проводить домой по пустыннымъ улицамъ Берна, объятаго спомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого праздника, кто-то постучалъ въ мою комнату: «Негей!» —сказала я, думая, что это кто-нибудь отъ старушки Фогтъ или изъ какой-нибудь лавки, но, къ моему удивленію, я увидѣла передъ собой Николая Серно-Соловьевича. Онъ рассказалъ, что, узнавъ, что я пахожусь въ Бернѣ, нарочно прѣѣхалъ изъ Женевы, чтобы спросить, нѣтъ ли у меня писемъ или порученій въ Лондонъ, такъ какъ онъ собирался туда черезъ нѣсколько дней. «Пойдемте посидѣть на террасу, предложила я, тамъ лучше, чѣмъ въ этой пасмурной комнатѣ». Мы вышли и сѣли на скамью, дочь моя забавлялась, собирая цветы и травы; была поздняя осень, я слегка дрожала: «Зачѣмъ вы такъ легко одѣваетесь, сказалъ Серно-Соловьевичъ, вѣдь, право, холодно». —«Я забыла въ Лондонѣ зимній мантѣ, а покупать не стоить», отвѣчала я. Мы разговорились о Россіи; радовала только надежда на освобожденіе крестьянъ, а въ остальномъ мало было утѣшительнаго. Серно-Соловьевичъѣхалъ въ Лондонъ, а оттуда домой.

— Вы ошибаетесь, слишкомъ мало перемѣнъ, возразилъ онъ. На его вопросъ, буду ли писать въ Лондонъ, я отвѣчала: «я недавно писала, скажите, что вы меня видѣли, расскажите о нашемъ разговорѣ». Такъ мы разстались. Въ то время я видѣла Серно-Соловьевича въ послѣдній разъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ записокъ герцога Евгенія Виртембергскаго.

Г

ерцогъ Евгений Виртембергскій, генералъ-отъ-инфантеріи русской службы—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ императора Александра I въ борьбѣ съ Наполеономъ. Рожденный въ 1783 году и вызванный въ 1796 году императоромъ Павломъ I къ русскому двору, онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1798 году, на 16-мъ году отъ ро-ду,—въ генералъ-маиоры. Получивъ отличное военное образованіе, онъ на 19-мъ году уже вступилъ на боевое поприще въ Пултусскомъ сраженіи. Затѣмъ, участвуя въ дальнѣйшихъ дѣлахъ кампаніи 1806—1807 годовъ, онъ получилъ Георгія 4-й степени.

Посвятивъ себя теоретическому военному образованію, онъ со-ставилъ весьма обстоятельную записку «О Наполеонѣ и образѣ веденія войны противъ него». Въ 1811 году онъ состоялъ при арміи Кутузова въ Турціи, а въ 1812 году командовалъ 4-ю пѣхотною дивизіею. Подъ Смоленскомъ онъ во главѣ 4-го Егерскаго полка сдѣлалъ вылазку изъ города и заставилъ непріятеля, тѣснившаго Дохтурова, остановиться. Во время отступленія нашей арміи, онъ много содѣйствовалъ успѣху этого отступленія и за Бородин-ское сраженіе получилъ Георгія 3-й степени. Затѣмъ онъ участво-валъ въ разныхъ дѣлахъ и сраженіяхъ кампаній 1813 и 1814 годовъ. Подъ Лейпцигомъ онъ находился въ сильнѣйшемъ огнѣ. За

эти кампаниі онъ получилъ алмазные знаки Александра Невскаго, Владимира 1-й степени, Георгія 2-й степени и прусскій Краснаго Орла. Съ 1812 года онъ уже командовалъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ; при восшествіи на престолъ Николая Павловича, былъ назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Съ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ онъ участвовалъ въ Турецкой кампаниі 1828—29 гг., гдѣ въ дѣлѣ при Куртепе былъ раненъ, но оставался на полѣ сраженія до конца.

Послѣ паденія Варны, онъ уѣхалъ изъ арміи и изъ Россіи, и почти безвыѣздно жилъ заграницею, гдѣ и умеръ въ 1857 году.

I.

Пріѣздъ русскаго фельдъегера въ Штутгардъ. — Пожалованіе меня на тридцать-дѣтнемъ возрастѣ въ полковники русской службы.—Мое неудовольствие по этому поводу и отчалинѣ. — Пріѣздъ Дибича. — Мое свароженіе въ путь.—Попытка къ самоубійству.—Столкновеніе между Дибичемъ и Требра. — Встрѣча въ Гроднѣ. — Прибытіе въ Петербургъ. — Представленіе императору. — Бесѣда съ нимъ. — Представленіе императрицѣ. — Характеристика императора.

Конецъ 1796 года былъ для меня печальный. Припоминая теперь мечты, волновавшія меня въ то время, и причины, ихъ вызвавшія, я краснѣю и готовъ надѣяться ими смыться, но онѣ такъ удивительно совпадли съ прибытіемъ къ намъ русскаго фельдъегера, что его пріѣздъ произвелъ на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе, хотя я былъ, разумѣется, далекъ отъ мысли, что онъ будетъ имѣть какую-нибудь связь съ моей собственной судьбою. Надобно сознаться, что дѣтская фантазія рисовала мнѣ, въ ту пору, совершенно иное поприще, нежели поступленіе въ русскую службу, которая меня никакъ не интересовала, и мои тогдашнія мечты связались съ нею до нѣкоторой степени только впослѣдствіи.

Пріѣздъ фельдъегера встревожилъ не только меня, но и всѣхъ жителей Карлсруэ. Его прибытіе было вызвано вступленіемъ на престолъ императора Павла, который свидѣтельствовалъ свое постоянное благоволеніе къ отцу моему пожалованіемъ меня въ полковники русской службы. Фельдъегерь привезъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, матери моей алмазные знаки ордена св. Екатерины.

Родители ожидали, что перемѣна судьбы, предстоявшая мнѣ такъ

неожиданно, произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на мою дѣтскую душу, но они ошиблись въ родѣ этого впечатлѣнія.

Было положено объявить мнѣ о пожалованіи новаго чина торжественнымъ образомъ и, чтобы скрыть отъ меня приготовленія къ празднеству, я былъ отправленъ съ господиномъ Б. въ Бреславль, къ его брату, золотыхъ дѣль мастеру. Поэтому, возвращаясь изъ его мастерской, я не подозрѣвалъ моего неожиданного повышенія.

У подъѣзда карлсруэскаго замка меня встрѣтилъ хоръ мальчиковъ, пѣвшихъ гимнъ; дѣвочки, въ бѣлыхъ платьяхъ, усыпали мой путь цветами, и одна изъ лучшихъ актрисъ нашего театра привѣтствовала меня торжественною рѣчью. Когда я узналъ причину всей этой праздничной обстановки, я залился слезами, и вновь испеченаго полковника едва не посыкли.

Меня брали, называя неблагодарнымъ, но я объяснилъ, что хочу быть прусскимъ гусарскимъ корнетомъ, а вовсе не русскимъ полковникомъ, и что до такого высокаго чина я еще не доросъ.

Въ тотъ же вечеръ, на нашемъ театрѣ, былъ представленъ, въ честь мою, прологъ, при семъ меня изображала дѣвочка, въ моей собственной одеждѣ. Режиссеръ театра, г. Гагеманъ, авторъ нѣсколькихъ пьесъ и талантливый артистъ, не безъ хитраго умысла назвалъ меня въ свою стихотвореніи Петромъ, чтобы закончить его эффектнымъ предсказаниемъ: «Изъ Петруши выйдетъ, конечно, со временемъ Петръ».

Но весь трескучій эффектъ этой фразы и тутъ пропалъ, относительно меня, даромъ. Я былъ, въ эту минуту, какъ нельзя болѣе далекъ отъ великихъ мыслей и вовсе не думалъ о подражаніи образцамъ великихъ царей. Праздникъ закончился новыми слезами и новыми упреками. Я плакалъ на-верыдъ и кричалъ: «Этотъ оселъ назвалъ меня Петрушей—дурачкомъ»¹⁾). По истинѣ, г. Гагеманъ никогда не былъ такъ плохо вознагражденъ за свой трудъ.

Съ этого времени начались усиленныя заботы обо мнѣ господина Б., всѣ прочіе въ домѣ также подчинили меня строгой дисциплине; мои пышныя и длинныя кудри были превращены въ туго-заплетенную косу. Едва-ли я чувствовалъ себя когда-либо несчастнѣе, какъ въ эту эпоху моей жизни, и, къ стыду моему, долженъ сознаться, что я серьезно замышлялъ лишить себя жизни при помощи ножницъ.

Производство меня въ генераль-маиоры, послѣдовавшее уже въ 1798 г., и назначеніе шефомъ драгунскаго полка, окончательно сдѣлали изъ меня мученика. Казалось бы, подобная мысль вовсе не должна была прийти въ голову, относительно десятилѣтняго мальчугана, но

¹⁾) Въ нѣмецкихъ народныхъ сказаніяхъ Петруша то же, что у насъ Иванушка-дурачокъ.

Неожиданная милость императора всей России положила предель всемъ дальнѣйшимъ мечтамъ намѣченной имъ жертвы — какъ я называлъ себя въ то время. Дѣло не ограничилось теперь одной косою; на моей головѣ появились взбитыя пугли и напудренный вержетъ, меня одѣли въ зеленый мундиръ, въ узкій желтый камзолъ и такія же обтянутыя брюки и обули въ высокіе ботфорты съ золотыми шпорами. Я уже не могъ беззаботно бѣгать по полямъ, по лугамъ и по лѣсамъ; прыличнымъ, мѣрнымъ шагомъ проходилъ я теперь чрезъ замковую площадь изъ своего помѣщенія къ обѣду. Это стало главной цѣлью возможной для меня прогулки при тѣхъ оковахъ, которыми были стѣснены мои движения: при этомъ я нерѣдко запѣялся за палашъ, который стать моимъ неизмѣннымъ спутникомъ и причинилъ мнѣ въ дѣствѣ, такимъ образомъ, гораздо болѣе ранъ, нежели я нанесъ имъ во всю жизнь врагамъ Российской имперіи. Послѣдствіемъ столь недостаточнаго движения было то, что случается съ растеніями, когда ростъ ихъ бываетъ задержанъ. Я сталъ непомѣрно толстѣть, и мысль, что я превращусь, во всѣхъ отношеніяхъ, въ карикатуру, преслѣдовала меня неотступно. Еслибы у меня могло существовать по этому поводу малѣйшее сомнѣніе, то я долженъ бытъ убѣдиться въ этой печальной истинѣ при инспекторскихъ смотрахъ, на которые отецъ возилъ меня съ собою на показъ, какъ рѣдкаго звѣря. Когда эскадронные командиры, желая угодить своему начальнику, присыпали маленькому генералу ординарцевъ, то они, рапортуючи, не могли удержаться отъ смѣха, а въ окрестностяхъ Бреславля, гдѣ были расквартированы войска, деревенскіе мальчишки забросали меня однажды грязью, крича: «Постой, мы поподчуемъ русскаго генерала прусскимъ!» Тутъ уже терпѣніе мое лопнуло, я

вышелъ изъ себя, первый разъ въ жизни обнажилъ свой палашъ и ударилъ имъ одного изъ неучей по уху. Этотъ поступокъ заслужилъ неодобрение моего наставника, и меня присудили къ наказанію, которое считалось весьма строгимъ, но оживило меня, подобно лучу весеннаго солнца: я былъ лишенъ, на нѣсколько дней, права носить косу и всѣ военные доспѣхи. Какимъ счастьемъ была для меня эта исправительная мѣра!

Не разъ думалъ я въ это время о тѣхъ горемыкахъ, которымъ свѣтъ дарить иногда вѣчную свободу за нарушеніе какихъ-нибудь его глупыхъ предразсудковъ и этимъ оказываетъ имъ истинное благодѣяніе, и былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости слѣдующихъ словъ французскаго поэта:

De Paris au Bengal,
Du P  rou jusqu'  Rome,
Les plus sot animal
A mon avis, c'est l'homme!

Съ тому подобными воспоминаніями связано время, прожитое мною съ 1798 по 1800 г.; оно разнообразилось только нѣкоторыми занятіями, въ особенности моими любимыми музыкальными упражненіями и живымъ участіемъ, которое я принималъ во всѣхъ событияхъ политической жизни. Я не могу умолчать о безпредѣльномъ благоговѣніи, съ какимъ я относился въ то время къ Бонапарту, и долженъ сознаться, что къ русскимъ я питалъ непреодолимый страхъ, проистекавшій весьма естественно изъ той строгой дисциплины, которой меня подчи-нили; мою антипатію къ нимъ не могли побороть даже восторженныя похвалы, расточаемыя моимъ отцомъ Суворову за его побѣды въ Ита-лии. Впрочемъ, я не раздѣлялъ и восторга нашихъ друзей-французовъ при извѣстіи о битвѣ подъ Маренго; я досадовалъ, что нѣмцы были побиты. Пруссаки не признавали въ то время австрійцевъ своими со-отечественниками, а я былъ иного мнѣнія и вполнѣ понималъ чув-ство национальной солидарности; съ теченіемъ времени изъ него вы-работался болѣе космополитический взглядъ и болѣе широкая любовь ко всему человѣчеству.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я, осенью 1800 г., исторію 30-лѣтней войны Шиллера. Густавъ Адольфъ былъ моимъ идоломъ, но мнѣ понравилось также описание Семилѣтней войны Архенгольца; когда я читалъ о сраженіи подъ Прагою, то меня преслѣдовалъ образъ моего любимца Вильгельма, убитаго жениха Елеоноры, и я дѣлалъ усилия, чтобы представить его себѣ безъ косы и пуклей. Можетъ быть подъ влияніемъ этого чтенія я рѣшилъ тогда же, что ежели моимъ мечтамъ относительно писательской дѣятельности суждено сбыться, то я зай-мствую сюжетъ моего первого произведенія изъ исторіи 17-го вѣка.

Пріѣздъ престарѣлаго русскаго генерала, барона Дибича, разрушилъ всѣ эти мечты и окончательно выяснилъ мою будущую карьеру.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на меня безобразной фигурою этого необыкновенно маленькаго человѣка. Онъ походилъ на болванчика или на тѣхъ искривленныхъ фарфоровыхъ куколокъ, которыми украшаются столы, но и это сравненіе далеко отъ истины.

Уже одно извѣстіе о пріѣздѣ русскаго генерала потрясло мои нервы, а тутъ еще эта карикатура—истинное воплощеніе всѣхъ причудливыхъ нововведеній, которыми императоръ Павелъ искалъ свое войско.

Дибичъ служилъ когда-то юнкеромъ въ одномъ прусскомъ полку, стоявшемъ въ Варшавѣ. Во время Семилѣтней войны уже въ офицерскихъ чинахъ, этотъ рыжеволосый забіяка былъ раненъ при Цорндорфѣ, прослыть храбрымъ и способнымъ офицеромъ, и обратилъ на себя вниманіе самого Фридриха II, который приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ поручика по квартирмейстерской части. Въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II, Дибичъ командовалъ, въ чинѣ маиора, фузелернымъ баталіономъ, заявилъ себя нѣкоторыми изобрѣтеніями и получилъ, не знаю за какое сраженіе, орденъ pour le m{e}rite; но въ прусской арміи его не любили, какъ интригана и забіяку.

Однажды имъ было получено отъ имени короля письмо, въ которомъ онъ былъ ошибочно названъ подполковникомъ. На принесенную имъ, поспѣшно, благодарность, ему объяснили, что произошла ошибка, но онъ уже успѣлъ разгласить о монаршой милости своимъ сослуживцамъ и озnamеновать это событие амнистіей, какъ это дѣлаютъ коронованные особы, освободивъ отъ наказанія одного солдата, приговореннаго къ шпицрутенамъ.

Когда вся эта исторія обнаружилась, то онъ былъ осмѣянъ товарищами, съ досады вышелъ въ отставку и отправился въ Россію со своимъ старшимъ сыномъ, только-что отсидѣвшимъ за какой-то проступокъ въ Глацкой крѣпости.

На Рейнѣ, Дибичъ потерялъ втораго сына, подававшаго большія надежды, въ уваженіе чего былъ помилованъ старшій.

Старикъ и тогда относился съ особленіемъ любовью къ своему младшему сыну Ивану (впослѣдствіи фельдмаршаль), который воспитывался въ Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ и считался мальчикомъ прилежнымъ и многообщашимъ, и отецъ неоднократно, но безъуспѣшно, обращался въ это заведеніе съ просьбою уволить его въ русскую службу.

Своимъ быстрымъ повышеніемъ въ Россіи Дибичъ обязанъ одному сочиненію, въ которомъ онъ описалъ всю домашнюю жизнь Фридриха II

прикрасивъ єтотъ разсказъ массою ходившихъ о немъ анекдотовъ¹). Павель былъ въ восторгѣ отъ этого труда, и пріѣзжій иностранецъ сталъ предметомъ особаго вниманія съ его стороны; къ тому же, онъ стуменъ весьма ловко приоровиться къ капризамъ государя и къ его измѣнчивому нраву, и съ истинно стойческимъ терпѣніемъ переносилъ его шутки и подразниванія. Весьма вѣроятно, что Дибичъ передъ своею поѣздкою въ Силезію не давалъ себѣ даже отчета въ томъ, считаются ли его при дворѣ императора любимцемъ или шутомъ. Быть можетъ, онъ былъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и можетъ быть, званіе шута въ глазахъ государя было одною изъ почетнейшихъ должностей доброго старого времени, когда, по известной пословицѣ, подъ дурацкимъ колпакомъ скрывался нерѣдко болѣе проницательный умъ.

Дибичъ, со своей стороны, былъ также большой оригиналъ; его природныя качества были подавлены массою всевозможныхъ странностей. На мой взглядъ, онъ былъ скорѣе добродушенъ, нежели золь, но при этомъ до крайности хвастливъ, хитръ и остроумъ, обладалъ массою знаній, былъ типомъ царедворца и льстеца; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ гордъ, честолюбивъ и не прочь подставить ногу тому, кто становился ему поперекъ дороги. Императоръ принялъ его въ свою свиту подполковникомъ; вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ, сосланный въ Сибирь, успѣлъ добраться только до Твери, гдѣ былъ обрадованъ производствомъ въ генералы и назначеніемъ въ командиры тамошняго гарнизоннаго полка. Въ Твери онъ оставался не долго, снова былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ вмѣсто ожидаемой кары получилъ командорскіе знаки Мальтийскаго ордена и былъ назначенъ третьимъ директоромъ первого кадетскаго корпуса. Эта, сама по себѣ незначительная, должность была для него повышеніемъ, такъ какъ она приблизила его къ особѣ монарха, съ которымъ ему приходилось имѣть постоянныя сношенія.

Такъ разсказывалъ мнѣ неоднократно самъ Дибичъ о превратностяхъ своей судьбы;—правда ли все это, или нѣтъ, судить не берусь, но все его разсказы оканчивались обыкновенно припѣвомъ: «императоръ мой другъ!»

Для меня остается также неразъясненнымъ вопросъ, былъ ли Дибичъ, дѣйствительно, посланъ Павломъ I за мною съ порученіемъ доставить мене въ Россію, или его появленіе въ Германіи, въ отпуску, только случайно совпало съ повелѣніемъ императора привезти меня въ

¹) Baron v. Diebitsch: „Specielle Zeit und Geschâfts Eintheilung König Friedrich des II-ten, auf Befehl Kaiser Paul des 1-ten entworfen—1800 zum alleinigen aller hõchsten Gebranch im Jahre 1800 abgedruckt. St.-Petersburg. 1802.

Петербургъ и съ желаніемъ моихъ родителей. Самъ Дибичъ всегда торжественно увѣрялъ, что я долженъ смотрѣть на него, какъ на представителя Его Величества, которому поручено возвѣстить мнѣ его волю и милости, и что онъ посланъ съ цѣлью доставить мою персону въ сѣверную имперію.

Со времени появленія Дибича въ Карлсруэ, только и было рѣчи о предстоявшемъ путешествіи моемъ въ Петербургъ; снаряженіе меня въ путь подняло на ноги весь домъ, а приготовленіе къ конфirmaціи измучило старого инспектора нашей школы, Регеля; мнѣ же пришлось выучить болѣе пятидесяти страницъ катехизиса. Русскій канцеляристъ, бѣжавшій изъ французского плѣна, былъ приставленъ ко мнѣ въ качествѣ учителя русскаго языка и, чтобы не лишиться обѣда, я долженъ былъ ежедневно заучивать по десяти русскихъ словъ и по двѣ русскія фразы. Одинъ офицеръ началъ преподавать мнѣ тактику и фортификацію; предъ отходомъ ко сну, я отвѣчалъ ему по биркѣ военную терминологію и за недостающія слова получалъ, по разсчету, щелчки. Словомъ сказать, были употреблены всѣ старанія къ тому, чтобы выучить меня, какъ попугая, который съ самаго начала долженъ понравиться своему новому господину. Изъ всѣхъ моихъ мучителей, самая тѣжкая обязанность выпала, безспорно, на долю моего парикмахера: ему предстояла, ежедневно, почти неразрѣшимая задача—убирать мою голову по точному образцу ларика генерала Дибича. Я былъ въ положеніи барана, котораго ведутъ на закланіе, предварительно промучивъ его въ телѣгѣ, по тряской мостовой, и былъ увѣренъ, что хуже этого со мною уже ничего не можетъ случиться.

За мою неудавшуюся попытку лишить себя жизни при помощи канцелярскихъ ножницъ, я былъ такъ строго наказанъ по старо-прускому обычаю, ибо самоубійца судится въ Пруссіи наравнѣ съ дезертиромъ, лишающимъ короля слуги, что не дерзать болѣе помышлять о переселеніи въ вѣчность и предавался только размышленіямъ о суетѣ всего земнаго; но съ этого времени въ меня вселился какой-то демонъ, во мнѣ проснулась склонность къ сатирѣ, которой я до того времени въ себѣ не подозревалъ. За это, мнѣ сдѣланное, я сталъ мстить, объявивъ въ тайнѣ войну всѣмъ человѣческимъ предразсудкамъ.

Мнѣ была легка разлука со всей надѣвшей домашней обстановкою, но не съ моими родителями, братьями и сестрами, и не съ Карлсруэ. Я смотрѣть на мое поприще, какъ на жертву, которую я долженъ быть принести для пользы моихъ родителей; эта мысль поддерживала во мнѣ христіансскую покорность. Родители сами считали это убѣженіе, ими мнѣ внушенное, лучшимъ средствомъ для того, чтобы я помирился со своей судьбою; они чрезвычайно любили меня и были, со своей стороны, увѣрены въ моей безграничной къ нимъ преданности, хотя я

говорилъ о своей будущности съ иронической улыбкою и скрывалъ свои слезы.

14-го января, напутствуемый пожеланіями всѣхъ жителей Карлсруэ, я отправился въ путь. Сначала я твердо рѣшилъ быть совершенно равнодушнымъ и холоднымъ, какъ льдина, но разныя мысли, приходившія мнѣ на умъ, измѣнили мало-по-малу мое настроеніе и я сталъ напѣвать: «*Malborough s'en va t'en guerre; Dieu sait quand reviendra!*»

Съ генераломъ Дибичемъ, выѣхавшимъ ранѣе, и съ его дочерьми, которыхъ онъ везъ въ Россію, я долженъ былъ встрѣтиться только въ Варшавѣ, а пока я былъ ввѣренъ надзору прусского ротмистра ф. Требра, и при мнѣ состояли, кромѣ того, отставной военный хирургъ, слуга и старый гусарь.

Въ странное положеніе были поставлены Дибичъ и Требра,—руководители моей юности; я считаю, что столкновенія между этими залистливыми людьми были неизбѣжны, а такъ какъ ротмистръ оспаривалъ авторитетъ генерала, то это могло подать поводъ только къ спорамъ и враждѣ.

Я не любилъ г. фонъ-Требра по слѣдующей причинѣ. Будучи моимъ первымъ преподавателемъ военныхъ наукъ, которыя я началъ изучать передъ моимъ отѣздомъ въ Россію, какъ я уже говорилъ, онъ старался сискать мое расположеніе тѣмъ, что заплеталъ мнѣ косу очень низко, тогда какъ отецъ мой, съ рвениемъ достойнымъ лучшей доли, начиналъ плести ее у самой макушки, чтѣ, по его мнѣнию, было необходимымъ признакомъ исправнаго солдата. Я плакаль и кричалъ, но все же сострадательная услужливость моего учителя казалась мнѣ незаконной. Съ тѣхъ поръ я относился къ нему недовѣрчиво, и чувства не обманули меня, такъ какъ, выѣхавъ изъ Карлсруэ и оставвшись со мною одинъ, онъ не замедлилъ сбросить съ себя маску, выказаль себя человѣкомъ холоднымъ и безучастнымъ и позволять себѣ отзываться враждебно о людяхъ мнѣ дорогихъ, но все-таки мнѣ нравилось, что онъ не льстилъ мнѣ, подобно Дибичу; поэтому его обращеніе со мною, можетъ быть, было результатомъ извѣстнаго педагогического плана, а не его личнаго характера.

Г-нъ фонъ-Требра служилъ сначала въ рядахъ саксонскаго, затѣмъ голландскаго и наконецъ прусского войска, и, вслѣдствіе непріятности съ товарищами, долженъ былъ выйти изъ полка, которымъ командовалъ мой отецъ; затѣмъ онъ вступилъ въ бракъ съ придворной дамой моей матери, и ему было открыть, такимъ образомъ, доступъ въ нашъ домъ. Тридцати шести лѣтъ отъ роду, стройный, съ серьезнымъ и въ то же время хитрымъ выраженіемъ лица, онъ могъ очаровать своимъ обхожденіемъ всякаго, но, повидимому, былъ властолюбивъ; въ разговорѣ

онъ умѣль обратить на себя вниманіе и выказать свои обширныя познанія. Любимымъ его конькомъ была философія Канта.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ Виндавѣ; название это напоминаетъ мнѣ старика Йорка, бывшаго впослѣдствіи начальникомъ этого мѣстечка. Въ то время онъ командовалъ фузелернымъ баталіономъ и отдалъ мнѣ визитъ.

Вторая остановка была въ Петроковѣ; ночью мы были встревожены пожаромъ; загорѣлось такъ близко отъ насъ, что я чуть не выпрыгнулъ изъ окна въ одной рубашкѣ и меня съ трудомъ отъ этого удержали. Къ спасенію погибавшихъ были приняты всѣ мѣры, и я былъ свидѣтелемъ энергичныхъ дѣйствій фузелерного полковника Освальда и его команды; тутъ мнѣ пришлось впервые видѣть безтолковую суету польскихъ евреевъ. Несмотря на отчаянные вопли и крики, ими издаваемые, они ничего не предпринимали, чтобы отвратить грозившее имъ разореніе; это было весьма характеристично.

Дальнѣйшее путешествіе до Варшавы не ознаменовалось ничѣмъ достопримѣчательнымъ, но, въ общемъ, я нашелъ, что эта часть Польши, носившая въ то время название Южной Пруссіи, походила на страну, заброшенную Богомъ и отставшую, относительно цивилизациіи, на нѣсколько столѣтій отъ прочихъ государствъ Европы, которыхъ ей не удастся догнать до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ ходить грязный еврейскій народъ, высасывающій всѣ лучшіе соки мѣстнаго коренного населения. Всѣ лавки, всѣ шинки какъ бы по праву находятся въ рукахъ евреевъ; желая переночевать въ подобномъ шинкѣ, обыкновенно напоминающемъ собою Ноевъ ковчегъ, приходится зачастую раздѣлить соломенную подстилку, замѣняющую постель, съ самыми непривлекательными домашними животными, подвергаясь нападенію всевозможныхъ насѣкомыхъ.

Городъ Варшава, представшій нашимъ взорамъ, окруженный пустырями, показался мнѣ довольно величественнымъ; въ немъ было много красивыхъ зданій. Этотъ остатокъ прежняго величія, этотъ чисто-славянскій городъ, ставшій какъ бы времененнымъ пристанищемъ иноземцевъ, по характеру совершенно чуждыихъ его населенію, навѣль меня на мнѣгія размышленія. Можно разсуждать сколько угодно о несогласіяхъ, царившихъ здесь и бывшихъ причиной паденія Польши, все же противно было видѣть иноземный элементъ, насильственно привитый къ этому старому политическому организму. Я охотно вымелъ бы изъ Польши помеломъ, вмѣстѣ съ еврейской грязью, и тѣхъ многочисленныхъ чиновниковъ, которые, получая скучное содержаніе, какъ трутни вѣсли на чужое добро, стараясь выжать изъ него послѣднія капли крови, оставленные евреями, я хотѣлъ бы уничтожить военную выправку чисто Саллериской школы, при которой процвѣтали, во всей

красѣ, коса и штиблеты, вмѣстѣ съ нѣмецкой командою и всѣ тѣ мелкія нововведенія, которыхъ пруссаки насилиственно взвели во вновь доставшуюся имъ провинцію.

Въ Варшавѣ я удостоился впервые быть приглашеннымъ въ высшее общество и попасть въ кружокъ антинаціональный, собиравшійся у тамошняго губернатора, генерала Камера. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ гуманный и пользовался любовью населенія.

Въ гостиницѣ, гдѣ мы остановились и гдѣ я встрѣтился съ генераломъ Дибичемъ, разразилась первая гроза между моими руководителями; впослѣдствіи между ними также нерѣдко происходили столкновенія, какъ будто у нихъ было, что дѣлить.

Дочери генерала, по сравненію со мною, были дѣвушки уже вполнѣ зрѣлныя, но я вспоминаю съ благодарностью о ихъ дружескомъ ко мнѣ расположеніи. Дальнѣйшее путешествіе въ ихъ обществѣ было для меня пріятнѣе предыдущей поѣздки, но оно не ознаменовалось ничѣмъ особыеннымъ вплоть до русской границы.

Достигнувъ наконецъ этой границы, я увидѣлъ раскинувшійся на высотахъ противоположнаго берега Нѣмана городъ Гродно; у меня сильно забилось сердце, и всѣ чувства, волновавшія меня при мысли о неволѣ, которая ожидала меня въ Россіи, превратились въ одно нестерпимо жгучее чувство, отъ котораго у меня едва не захватило дыханіе «Еще одинъ шагъ, прощай моя свобода на вѣки», думалъ я. Только-что я готовился сойти съ парома и вступить на русскую землю, гдѣ меня ожидали, какъ я полагалъ, всяческія мученія и невзгоды и откуда быль немыслимъ возвратъ на родину, наскѣ остановилъ казацкій офицеръ, воспретивъ намъ сходить на берегъ. Генераль Дибичъ кричалъ и бѣсился, ссылаясь на именное Высочайшее повелѣніе; офицеръ, въ свою очередь, указывалъ на неполноту нашихъ паспортовъ и на свои инструкціи. Наконецъ прибѣжалъ управляющій таможнею, баронъ Гиресь, вѣроятно уже извѣщенныій о моемъ пріѣздѣ; весь запыхавшись, онъ разсыпался въ извиненіяхъ и пригласилъ насъ въ свою квартиру, чтобы выждать у него, какъ онъ заявилъ,—пока онъ уведомитъ мѣстныхъ властей о моемъ прибытии и пока онъ приготовится къ нашему торжественному приему, такъ какъ, по увѣренію Дибича и его дочерей, съ которыми не соглашался г. фонъ-Требра, Его Величествомъ было приказано оказать мнѣ, при вѣзда въ Россію, почести, подобающія члену императорской фамиліи.

Дѣйствительно, на улицахъ Гродно поднялась вскорѣ суматоха. Едва я окончилъ свой туалетъ, какъ второй директоръ Гродненскаго кадетскаго корпуса, полковникъ, баронъ Эльснеръ явился ко мнѣ отъ имени всѣхъ властей съ извиненіемъ, что наскѣ заставили ожидать, и успокоился, повидимому, только тогда, когда генераль Дибичъ объявилъ

ему свое удовольствие за оказанное усердие и обещала не взыскивать за то, что жители Гродно упустили изъ вида ожидать насть цѣлу нѣдѣль, стоя по болѣна въ сѣгу.

Наконецъ, приблизилась длинная процесія военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ парадныхъ мундирахъ, имѣя во главѣ шефа расположеннаго въ Гродно мушкетерскаго полка; этотъ генераль, говорившій только по-русски, подалъ мнѣ письменный рапортъ. Затѣмъ я отправился, въ сопровожденіи всѣхъ сановныхъ лицъ, въ приготовленную для меня въ городѣ квартиру, гдѣ меня встрѣтила красивая молодая дама-полька; ея любезное привѣтствіе было прервано рапортами всевозможныхъ ординарцевъ и дежурныхъ офицеровъ. На бывшемъ, вслѣдъ за тѣмъ, парадномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовала масса мнѣ неизвѣстныхъ знатныхъ особъ, я занялъ мѣсто, за роскошно сервируеннымъ столомъ, возлѣ моей прелестной хозяйки; ея очаровательный образъ носился эту ночь передо мною въ моихъ грезахъ. На слѣдующее утро мнѣ были представлены офицеры мѣстнаго гарнизона.

Между ними я встрѣтилъ много образованныхъ молодыхъ людей, которые почти всѣ говорили по-французски, и нѣсколькихъ лифляндцевъ, хорошо говорившихъ по-нѣмецки. Несмотря на пристрастіе императора Павла къ старо-прускому военному костюму, который я встрѣчалъ здѣсь на каждомъ шагу, я долженъ сознаться, что русские офицеры и въ немъ сохранили свойственную имъ молодцоватость. Попытавъ гражданскихъ чиновниковъ и дворянъ, служившихъ по выборамъ, я пришелъ къ убѣждѣнію, что въ Россіи поляки переносили въ то время свою участь съ большою покорностью, нежели въ южной Пруссіи, и были преданы императору Павлу; русские же, напротивъ того, называли его государемъ строгимъ. Мое дѣтское воображеніе было вполнѣ удовлетворено парадомъ мушкетерскаго полка, при чѣмъ его шефъ отдавалъ мнѣ честь. Правда, каждый солдатъ, отдельно взятый, въ своемъ зеленомъ кафтанѣ, съ синими отворотами и обшлагами, въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ, запрятанныхъ въ высокія черныя штиблеты, и въ маленькой, обшитой галуномъ шляпѣ, надвинутой на густо-напудренную голову, съ длинною косою, казался просто разряженною карикатурою, но, въ общемъ, полкъ имѣлъ довольно величественный и почти воинственный видъ. По замѣчательному совпаденію, этому самому мушкетерскому полку, впослѣдствіи называвшемуся Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ, суждено было выдержать подъ моимъ начальствомъ нѣсколько тяжелыхъ и жаркихъ сраженій. Я не подозрѣвалъ, въ то время, что многіе юноши, маршировавшіе передо мною во цвѣтѣ силъ, испустятъ послѣдній вздохъ на моихъ глазахъ.

Мои военные занятія въ Гродно чередовались съ осмотромъ различныхъ заведеній, въ томъ числѣ и кадетскаго корпуса, гдѣ въ моемъ

присутствії былъ произведенъ экзаменъ изъ иѣмѣцкаго языка. Я посѣщалъ также большія собранія и балы, на которыхъ моя прелестная хозяйка считала своею обязанностью познакомить меня со всѣми представительницами прекраснаго пола, жившими въ окрестностяхъ. Надобно сознаться, что пребываніе въ этомъ первомъ русскомъ городѣ дало мнѣ болѣе свѣтлый взглядъ на предстоявшую мнѣ жизнь въ Россіи, о которой я думалъ прежде съ такимъ опасеніемъ, но ненавистный этикетъ, неразлучный съ этими общественными собраніями, къ которымъ я вовсе не привыкъ, казался мнѣ, по-прежнему, скучнымъ и утомительнымъ; впрочемъ, меня вознаграждало за все это особое ко мнѣ благоволеніе моей прелестной хозяйки, которая, оставаясь со мною наединѣ, забывала всякий этикетъ, усаживала маленькаго генерала къ себѣ на колѣни, оказывала ему самыя милыя ласки и давала понять, что величайшія наслажденія въ жизни сопряжены съ страданіемъ, но что отъ этого отъ нихъ не слѣдуетъ отказываться. Я танцевалъ въ Гродно отъ всей души и былъ какъ нельзя болѣе весель.

Такъ проходило время, когда въ одинъ прекрасный день было решено двинуться наконецъ въ дальнѣйшій путь. Тяжело было прощанье съ Гродно, тѣмъ болѣе, что предстоявшая поѣзда, въ зимнее время, на курьерскихъ, представляла огромную разницу съ гродненскими празднествами. До Риги мы не видѣли ничего иного, кроме страшной военной дисциплины, при чемъ всевозможныя картины, во вкусѣ Гогарта, наскучили мнѣ до-нельзя. Уже въ день отѣзда я испыталъ цѣлый рядъ мученій, начиная съ завтрака у коменданта до вѣзда, при свѣтѣ факеловъ и подъ конвоемъ казаковъ, въ Мережь, где мы должны были ночевать. Этотъ день былъ для меня настоящей пыткою. На завтракѣ у коменданта подвергся немалому испытанию и мой музыкальный слухъ, которой немилосердно терзали полковые пѣсениники; выведенный изъ себя этимъ гамомъ, я воскликнулъ: «это хуже собачьяго воя!», но комендантъ преспокойно замѣтилъ, что это «чисто национальная русская музыка».

Мѣстность, отъ береговъ Нѣмана до Ковно, куда мы направились, казалась мнѣ болѣе привлекательной, нежели прусская Польша, и была даже живописнѣе. Въ Ригѣ я видѣлся съ моими двумя дядями, Людвигомъ и Александромъ, и съ теткою, и въ ихъ объятіяхъ отдохнулъ отъ крайне утомительныхъ церемоній, такъ какъ въ домѣ этихъ почетныхъ особъ я не пользовался никакими почестями, подобно тому, какъ маленькое свѣтило теряетъ свой блескъ въ присутствіи большихъ. Такимъ образомъ въ Ригѣ я отдавался очень дешево, если не считать вѣсколькихъ парадовъ, въ томъ числѣ и смотра того полка, который назывался впослѣдствіи Таврическимъ и коего я былъ шефомъ, когда императоръ Александръ назначилъ меня состоять по пѣхотѣ. Дядя мой,

герцогъ Людвигъ Виртембергскій, увѣрялъ меня, что императоръ Павелъ весьма благоволить къ моему отцу и что меня ожидаютъ, поэтому,ѣроятно, большія милости. Собственноручное письмо императора, получение мною по пути, на эстляндской почтовой станціи Торма, заключавшее въ себѣ выраженіе его удовольствія по случаю ожидаемаго прѣзыва моего, подтверждало, повидамому, слова дяди.

Вечеромъ, 6-го февраля, новаго стиля, я прибылъ въ Петербургъ и былъ отвезенъ, по приказанію государя, прямо въ зданіе первого кадетскаго корпуса, на Васильевскому острову. Тутъ меня встрѣтили множество офицеровъ, въ богато вышитыхъ серебромъ мундирахъ, и масса прислуги со свѣчами въ рукахъ; они ввели меня въ прекрасно убранные покои. Въ первой комнатѣ былъ накрытъ столъ на три прибора, съ прекрасной сервировкой. Тотчасъ явился въ мундирѣ кадетскаго корпуса генералъ съ нѣсколькими звѣздами и назвалъ себя первымъ директоромъ заведенія, княземъ Платономъ Зубовымъ.

Этотъ знатный вельможа, столь могущественный и влиятельный въ царствованіе Екатерины, съ самаго начала засвидѣтельствовалъ мнѣ свое никакое почтеніе и готовность исполнять всѣ мои приказанія.

— Ваше высочество! князь Платонъ Зубовъ, первый директоръ первого кадетскаго корпуса, долгомъ считаетъ увѣрить ваше высочество въ своей покорности и имѣть честь испрашивать вашихъ приказаний, сказаль онъ, представляемъся¹⁾.

Такъ какъ г. Требра увѣрилъ меня, что я буду воспитываться, какъ простой кадетъ, слѣдовательно въ князѣ я долженъ быть видѣть своего начальника, то я едва не подѣловалъ у него руку, но генералъ Дибичъ не только удержалъ меня отъ этого, но шепнулъ мнѣ, послѣ первого моего привѣтствія, на ухо: «онъ совсѣмъ не свѣтлость!» Въ этомъ онъ ошибался, такъ какъ Екатерина дѣйствительно пожаловала Зубову княжеское достоинство.

Я пріобрѣлъ, старался, сколько могъ, быть разговорчивѣе съ привѣтливымъ царедворцемъ и, кажется, при прощаніи, князь остался мнѣ гораздо довольнѣе, чѣмъ генералъ Дибичъ, который тотчасъ по уходѣ его схватилъ меня за руку и восхликалъ:

— Знаете ли вы, что это за человѣкъ? это одинъ изъ самыхъ порочныхъ царедворцевъ императрицы Екатерины, которые теперь при дворѣ все въ немилости. Передъ нимъ вамъ нечего слишкомъ кланяться!

Я отвѣталъ Дибичу, что въ придворныхъ интригахъ я еще ничего не смыслю.

¹⁾ „Monseigneur! le prince Plato Soubow, premier directeur du premier corps des cadets, vient assurer Votre Altesse de sa soumission, et a l'honneur de Lui demander ses ordres“.

Г-нъ фонъ-Требра, который по правиламъ этикета ожидалъ все время въ передней, занялъ за столомъ мѣсто возлѣ своего заклятаго врага, которого онъ еще болѣе ненавидѣлъ за тѣ преимущества, коими пользовался генералъ. Вскорѣ послѣ ужина благотворный сонъ сокрушилъ мои очи и заставилъ меня позабыть всѣ событія этого дня.

На слѣдующій день, рано утромъ, меня разбудилъ парикмахеръ и на-громоздилъ на моей головѣ цѣлое сооруженіе съ помошью пудры и помады. Затѣмъ на меня наложили новый, сѣтко-зеленый драгунскій мундиръ, съ красными отворотами и воротникомъ, и съ золотымъ аксель-бантомъ, это былъ все тотъ же костюмъ, который привлекъ однажды на смѣшившее вниманіе уличныхъ мальчишекъ; но, надоѣдо замѣтить, что при поспѣшности, съ какою была изготовлена моя обмундировка, почти всѣ предметы моего костюма не согласовались съ естественными размѣрами моего тѣла.

Лишь только туалетъ мой былъ оконченъ, какъ доложили о пріѣздѣ графа Кутайсова. Этотъ господинъ, въ красномъ малтийскомъ одѣяніи, съ блѣснѣющимъ тупеемъ, первый любимецъ государя, былъ родомъ турокъ, взятый въ пленъ ребенкомъ; онъ выросъ на глазахъ императора, занимая должность простаго слуги, затѣмъ былъ камердинеромъ Павла и наконецъ получилъ званіе оберъ-гофмейстера. Кутайсова не-павидѣли въ Россіи, но едва-ли справедливо, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы онъ дѣлалъ кому-нибудь зло. Минъ онъ показался человѣкомъ добродушнымъ и пріѣхалъ, отъ имени императора, освѣдомиться о моемъ здоровыи и пригласить меня на аудіенцію.

Я тотчасъ отправился съ генераломъ Дибичемъ въ Михайловскій замокъ, новый дворецъ, не задолго передъ тѣмъ построенный императоромъ Павломъ по близости Марсова поля. Эта новая царская резиденція,—огромное каменное зданіе, выкрашенное красною краскою и окруженное акзерциргаузами, представляла рѣзкую противоположность съ колоссальнымъ Зимнимъ дворцомъ, мимо котораго я проѣхалъ, точно такъ же, какъ небольшая статуя Петра I, стоявшая передъ вѣзdomъ въ Михайловскій дворецъ, мало походила на величественный памятникъ, которымъ я только-что любовался, сооруженный Екатериною на Сенатской площади, виновнику могущества Россіи.

Однако, всѣ мои сравненія и размысленія были прерваны, когда колеса нашего экипажа застучали подъ обширнымъ порталомъ замка; поблѣдѣвшее лицо моего спутника дало мнѣ понять всю важность наступавшаго, рѣшительнаго, момента. Судорожная дрожь, охватившая старика Дибича, угрожала окончиться апоплексическимъ ударомъ. Прикосновеніе его похолодѣвшей руки напомнило пожатіе командора въ Донъ-Жуанѣ, и я пришелъ, весьма естественно, къ заключенію, что не съ такими чувствами юдуть къ «другу», какъ величалъ обыкновенно

Дибичъ императора Павла. Мне казалось, что теперь онъ вѣхъ съ совершенно иными мыслями, болѣе близкими къ страху, который испытываетъ слабое существо, при приближеніи къ всемогущему вершина его судьбы.

Я былъ занятъ этими думами, когда меня вынули изъ кареты, въ которой высокіе сапоги мѣшали мнѣ сидѣть, такъ что я полулежалъ на колѣняхъ моего терпѣливаго спутника.

Медленно, какъ улитки, стали мы взбираться по лѣстницѣ, и дрожавшій отъ страха генераль воспользовался этимъ временемъ, чтобы повторить мнѣ разные совѣты и увѣщанія. Пройдя нѣсколько залъ въ парадныхъ комнатахъ, мы очутились, наконецъ, передъ роковыми створчатыми дверьми. Едва успѣлъ Дибичъ робко произнести: «Господи, помилуй насть!», какъ двери отворились, и мы увидѣли императора.

Худощавый, средняго роста, съ рѣзкими чертами и желтовато-землистымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ, какъ бы двѣ капли воды, похожъ на тѣ его портреты, которые мнѣ довелось видѣть ранѣе. На немъ былъ синевато-зеленый кафтанъ старомоднаго покроя, съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, но безъ отворотовъ, съ золотыми пуговицами и аксельбантомъ, бѣлые суконные штаны и ботфорты со шпорами; голова его была напудрена и завита, но коса довольно короткая. Въ мундирѣ, безъ шитья, была продѣта шпага, а на лѣвой сторонѣ груди блестѣли двѣ звѣзды. Взглядъ Павла не внушалъ страха и показался мнѣ даже благосклоннымъ.

По данной мнѣ инструкціи, я долженъ былъ преклонить предъ нимъ одно колѣно, но это мнѣ никакъ не удалось и кончилось тѣмъ, что, усиливаясь согнуть высокіе кожаные сапоги, я упалъ, наконецъ, на оба колѣна. Государь, вѣроятно, замѣтилъ мои стопческія усилия, улыбнулся, приподнявъ меня обѣими руками на воздухъ, посадилъ на стулья и сказалъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Садитесь, государь мой! какъ вы провели у насть ночь и что видѣли во снѣ? Генераль Дибичъ, видимо, былъ крайне смущенъ, когда я отвѣтствѣлъ:

— Ничего, Ваше Величество.

— Да, да, прибавилъ я, кивнувъ ему, я былъ слишкомъ утомленъ, чтобы видѣть сны. Дибичъ поблѣдѣлъ, но когда императоръ милостиво принялъ мой отвѣтъ, лицо его просияло.

— Вамъ у насть понравится, сказалъ затѣмъ государь, осматривая меня съ головы до ногъ. Сколько вамъ лѣтъ?

— Тринадцать, Ваше Величество.

— Когда вы вступили въ сѣѣть?

— Тринадцать лѣтъ назадъ, какъ я уже имѣлъ честь сказать.

— Я говорю не о томъ, замѣтилъ императоръ, улыбаясь, я спрашиваю, путешествовали ли вы, бывали ли въ обществѣ и...

Тутъ я прерваль его рѣчь, при чёмъ Дибичъ снова вздрогнулъ, а я, не смущаясь, заявилъ, что я еще мало видѣлъ людей и почти не выѣзжалъ изъ Карlsruhe; а впрочемъ, прибавилъ я, люди вездѣ одинаковы, и здѣсь они выглядятъ почти такъ же, какъ и у насъ!

— Меня радуетъ, возразилъ императоръ, смѣясь отъ души, при чёмъ Дибичъ просиялъ, какъ утренняя заря, — меня радуетъ, что вы такъ скоро освоились у насъ, а чего вы еще не знаете, тому скоро научитесь.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ я, жизнь слишкомъ коротка, чтобы научиться всему, что должно и что хотѣлось бы знать!

— Браво! вскричалъ государь, многозначительно и милостиво взглянувъ на Дибича.

Затѣмъ онъ всталъ со стула и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, сказалъ, уходя:

— Государь мой, я радъ, что познакомился съ вами, подождите! я представлю васъ императрицѣ!

Старикъ Дибичъ былъ тронутъ до слезъ и, воспользовавшись уходомъ императора, крѣпко прижалъ меня къ сердцу и облегчилъ волновавшія его чувства словами: «благодареніе Богу, государь милостивъ!»

Дѣйствительно, онъ былъ весьма милостивъ и въ наилучшемъ настроеніи духа; ничто не обнаруживало въ немъ того состоянія, которому онъ иногда подвергался, о чёмъ я слышалъ въ Ригѣ, въ домѣ моего дяди, по неосторожности нѣкоторыхъ лицъ, говорившихъ объ этомъ при мнѣ. Государь бесѣдовалъ со мною по-нѣмецки безъ малѣйшаго акцента; онъ отнесся ко мнѣ весьма любезно и держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ.

Императрица Марія Феодоровна также встрѣтила меня весьма ласково. При величественной осанкѣ, она казалась издали, съ первого взгляда, болѣе серьезной, нежели ласковой, тѣмъ болѣе, что, прищуривая глаза, она дѣлала гримасу, — но вблизи, прекрасныя черты ея правильнаго, открытаго лица дышали величайшою кротостью. Она была высока ростомъ, довольно полная, но при этомъ чрезвычайно стройна, а, благодаря изящному наряду и тонкой талии, казалась моложе своихъ лѣтъ.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и глядя на меня пристально, она замѣтила:

— Онъ откормленъ¹⁾.

— Онъ красивый мальчикъ²⁾, отвѣчалъ императоръ.

¹⁾ Il a l'air bien nourri.

²⁾ C'est un joli garçon.

Услыхавъ, что разговоръ идеть на французскомъ языке, я поспѣшилъ сказать привѣтствіе на этомъ языке, которому выучили меня г. Рикордо и г-жа Белонде. Императоръ, не давъ мнѣ докончить, спросилъ торопливо:

- Вы дома выучились такъ хорошо говорить по-французски?
- У француза, Ваше Величество.
- Ну такъ и по-русски выучитесь скоро.
- Трудно.
- А почему вы знаете?
- Отъ моего русского учителя.
- Такъ у васъ, въ Карлсруэ, былъ и русскій учитель?
- Былъ, Ваше Величество.
- Вотъ это превосходно, воскликнулъ императоръ, хлопая въ ладоши и, обратившись къ моей тетушкѣ, замѣтилъ:
- Право, иной нашъ молокососъ обрыкается весь свѣтъ и не привезетъ съ собою столько, сколько отъ ребенка пріобрѣлъ въ родительскомъ домѣ!

Не умѣя сдерживаться, я вмѣшался весьма некстати въ разговоръ, сказавъ:

- Ваше Величество ошибаетесь, я не могъ бы выдержать экзаменъ, но я буду учиться прилежно и, можетъ быть, пополню то, чего не знаю.
- Браво! браво! повторилъ государь нѣсколько разъ, не переводя духа, и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о путешествіяхъ.

Тутъ я невольно захотѣлъ блеснуть познаніями, пріобрѣтенными мною въ бесѣдахъ съ г. фонъ-Требра, и едва не разрушилъ моимъ неосторожнымъ заявлениемъ счастья, мнѣ улыбнувшагося, подобно тому, какъ ребенокъ опрокидываетъ нечаянно недостроенный имъ карточный домикъ.

— Вашему Величеству известно, сказалъ я, самодовольно, что отъ путешествія не поумнѣешь.

- Откуда вы это знаете? спросилъ Павелъ съ улыбкою.
- Какъ же, возразилъ я, удивляясь, что императоръ могъ въ этомъ сомнѣваться, какъ же, вѣдь Кантъ никогда не выѣзжалъ изъ Кенингсберга, а мыслями своими обнималъ весь свѣтъ!

При этихъ словахъ, лицо государя омрачилось, его измѣнившееся настроеніе выразилось обычнымъ, въ такія минуты, прерывистымъ дыханіемъ. Топнувъ ногою, онъ спросилъ меня строго:

- Развѣ вы, молодой человѣкъ, знаете что-нибудь о Канту?
- Къ счастью, я вспомнилъ, въ эту минуту, что Павелъ не любилъ философіи, и, спохватившись, я снискалъ окончательно его милостивое благоволеніе, отвѣтивъ:
- Сочиненій Канта, Ваше Величество, я не знаю; они были бы

для меня іероглифами; но самъ онъ сталъ такимъ историческимъ лицомъ, что обѣ немъ упоминаютъ при урокахъ исторіи.

Я попалъ въ цѣль вѣрю. Императоръ расхохотался и много разъ повторилъ: «*c'est excellent*¹⁾». Затѣмъ онъ взялъ меня за обѣ руки, сильно потрясъ ихъ, со странной гримасою обратился къ государынѣ, снова расхохотался и, какъ бы довольный собою, ударилъ себя нѣсколько разъ въ грудь, воскликнувъ: «*Savez - vous, que ce petit drôle a fait ma conquête*²⁾», затѣмъ, пославъ мнѣ рукою пощѣлуй, онъ удалился по-свистывая.

Императрица, озадаченная этой неожиданной веселостью и видимо стараясь угадать причину ея, могла произнести въ отвѣтъ только: «*j'en suis charmée*³⁾». Слова замерли на ея устахъ, и она тревожно смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся супругу. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, государыня сказала полуслуча, полусерьезно и слегка грозя мнѣ пальцемъ:

— Какой ты дерзкій мальчики! Здѣсь, дружокъ, надообно обдумывать слова больше, нежели въ Карлсруе, да и вообще молчаніе приличне ребенку, нежели говорливость. Подумай объ этомъ, если хочешь составить свое счастіе.

Надобно сознаться, что въ послѣднюю минуту обращеніе государя меня испугало, я боялся вспышки его гнѣва, а тетушка сразу пріобрѣла мое полное довѣріе.

— Ахъ, виѣ родины для меня нѣть счастія! воскликнулъ я, но воля родителей для меня священна.

— Такія чувства дѣлаютъ тебѣ честь, поэтому молчи изъ любви къ нимъ!

— Буду нѣмъ, какъ рыба; но позвольте мнѣ сказать одно слово въ свое оправданіе.

— Говори!

— Притворно наивный тонъ разговора мнѣ не нравится.

— Кто же заставляетъ тебя такъ говорить?

— Генераль Дибичъ; онъ говоритъ, что такъ какъ Фридрихъ II любилъ его, то...

Императрица вздрогнула при этихъ словахъ и, приложивъ руку къ моимъ губамъ, вскричала, не давъ мнѣ договорить:

— Ради Бога, не дѣлай такихъ сравненій! Ты добрый, невинный ребенокъ, но за тобою надообно смотрѣть, чтобы ты не ожегся. Говоря это, тетушка съ любовью прижалась меня къ своему сердцу и горячо

¹⁾ Превосходно.

²⁾ Знаете ли, этотъ плутышка завоевалъ мое расположение.

³⁾ Я очень рада.

подъяловаля меня; я почувствовалъ, что слова ся исходили изъ сердца и что она хотѣла въ своихъ объятіяхъ предохранить меня отъ опасностей, о существованіи которыхъ я, конечно, еще не могъ догадываться.

Какъ бы то ни было, я пріобрѣлъ въ этотъ день, совершенно незаслуженно, расположение обоихъ царственныхъ супруговъ; въ этомъ не было сомнѣнія.

Говоря о событияхъ того времени и о личности императора Павла, мнѣ представляется алтернатива между неблагодарностью за оказанное мнѣ благоволеніе и исторической правдой, но история произнесла уже свой приговоръ, а мнѣ остается только сказать, что, по моему мнѣнію, всѣ поступки этого государя, отъ природы склоннаго ко всему добруму и хорошему, заставлявшіе его нарушить подъ часть самыхъ законныхъ правъ людей, проис текали изъ его болѣзниеннаго состоянія.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что быстрыя перемѣны, происходившія въ его настроеніи, представляли собою картину болѣзниенного процесса.

Екатерина какъ нельзя болѣе заботилась о его воспитаніи и въ этомъ отношеніи ни въ чёмъ не могла упрекнуть себя, но все то, что дѣмалось по обязанности и въ интересахъ политики, не въ состояніи было замѣнить ребенку сердца матери.

Уже съ дѣтства въ немъ обнаруживались нѣкоторые болѣзниенные признаки, но при этомъ онъ былъ весьма развитъ и обладалъ многими основательными познаніями. Когда онъ бывалъ въ спокойномъ настроении духа, то своею любезностью легко могъ снискать расположение тѣхъ лицъ, которымъ были неизвѣстны обратная стороны его характера, изъ коихъ выдающимися были недовѣрчивость, боязнь, гнѣвъ, моменты мрачнаго настроенія и сладострастіе. Самой смѣшной изъ его причудъ было пристрастіе къ играхъ въ солдаты, а однимъ изъ хорошихъ качествъ, по свидѣтельству окружающихъ, была его всегдашняя готовность сознаться въ своихъ ошибкахъ и стараніе ихъ исправить. Онъ жаждаль рыцарскихъ подвиговъ, но и эта черта была сопряжена съ нѣкоторыми странностями.

Павель былъ уже въ немилости при дворѣ Екатерины II, которая назначила для его жительства Гатчинскій замокъ, гдѣ ему была представлена, впрочемъ, полная свобода дѣйствій. Здѣсь онъ окружилъ себя той толпой каррикатурныхъ личностей, которыхъ стали извѣстны подъ названіемъ его гатчинскаго войска, созданнаго по образцу Голштинскаго отряда Петра III и наводнившаго впослѣдствіи Россію иноземными высокочками.

На двадцатомъ году жизни Павель былъ обвенчанъ съ принцессою Дармштадтской, которая вскорѣ скончалась.

Болѣе значительное вліяніе имѣла на него вторая супруга, моя тетушка. Этой прелестной женщинѣ, идеалу красоты и добродѣтели, пришлось нести тяжкія оковы этого брака, благодаря тому странному взгляду, на основаніи которого заключаются брачные союзы дочерей владѣтельныхъ лицъ. Сознаніе своего долга и покорность судьбѣ ободрили благородную страдалицу; но ея высокія качества, подобно волшебной силѣ, дѣйствовали на впечатлительное сердце великаго князя, и ему удалось своею искренней любовью вызвать въ супругѣ взаимность, которой трудно было бы повѣрить, яжели бы она не была подтверждена самимъ цвѣтущимъ потомствомъ.

Во время своего путешествія, великий князь Павелъ Петровичъ выказалъ себя съ благопріятной стороны, а любезное обхожденіе его супруги также отразилось на немъ весьма выгоднымъ образомъ. Къ сожалѣнію, его характеръ былъ слишкомъ измѣнчивъ и не допускалъ постоянства.

Самые благодѣтельный планы и намѣренія, которыя Павелъ имѣлъ вначалѣ, носять характеръ чего-то странного. Стремясь уничтожить все созданное его предшественникомъ, онъ изумлялъ свѣтъ своими нововведеніями, а стараясь исправить свои ошибки, достигалъ еще болѣе печальныхъ результатовъ и дѣлалъ самыя противорѣчивыя распоряженія, которыя, разумѣется, могли бы породить безчисленныя затрудненія, ежели бы они не рушились обыкновенно сами собою нѣсколько дней спустя.

Безчисленныя ссылки въ Сибирь, которыя оканчивались зачастую поспѣшнымъ возвращенiemъ сосланиаго, превращались такимъ образомъ въ утомительныя прогулки; исключеніе изъ службы безъ уважительной причины смѣялось не рѣдко повышенiemъ безъ всякой мѣры и повода; всевозможныя взысканія и награжденія, похвала безъ причины и порицаніе безъ проступка, отличія, оказанныя по произволу, и обидное униженіе только-что повышенаго быстро слѣдовали одно за другимъ. Павелъ, собственно говоря, не былъ жестокъ; говорять даже, будто наказаніе кнутомъ лютеранскаго пастора Зейдера, за найденные у него запрещенные книги, было примѣнено только для вида. Но несомнѣнно, что, ненавистя якобинцевъ, Павелъ подозрѣвалъ и преслѣдовалъ въ каждомъ частномъ человѣкѣ революціонера.

(Окончаніе слѣдуетъ).



ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго ¹⁾.

(1854—1857 г.).

Съ отступлениемъ нашихъ войскъ изъ Севастополя, окончилась великая восточная война, ибо если послѣ того кое-гдѣ на театрѣ войны и происходили стычки (взятие Кинбурна, дѣйствія союзниковъ въ окрестностяхъ Евпаторіи и Керчи), то это были такъ сказать послѣднія вспышки догоравшаго пожара. Гроза прошла, атмосфера очистилась, и все говорило о мирѣ.

Вести противъ нась континентальную войну союзники не были подготовлены, для этого имъ пришлось бы увеличить свои силы, да кроме того создать громадныя, сухопутныя, перевозочные средства. Для этого нужно было довольно продолжительное время и деньги — деньги большія. А между тѣмъ восточная война и безъ того поглотила у Англіи въ Франціи громадные капиталы. Многія сотни миллионовъ рублей употребила и Россія на эту войну помимо потерь, понесенныхъ нами разореніемъ Севастополя и гибелю всего черноморского флота.

Два съ половиной мѣсяца послѣ отступленія изъ Севастополя полкъ нашъ оставался въ его окрестностяхъ, расположившись лагеремъ на полный отдыхъ. Послѣ трехъ-мѣсячной тяжкой службы въ оборонѣ Севастополя такой отдыхъ явился вполнѣ заслуженнымъ. Пользуясь продолжительнымъ досугомъ, я имѣлъ возможность быть на рѣкѣ Альмѣ и осмотрѣть поле битвы, происходившей 8-го сентября 1854 года. Я прїѣхалъ туда въ качествѣ фуражира, и пока мои солдаты укладывали на возы сено, купленное у мѣстнаго муллы, я успѣлъ сдѣлать бѣглый осмотръ поля битвы. Хотя со временемъ Альминскаго сраженія прошло тогда болѣе года (я былъ на Альмѣ въ концѣ сентября 1855), одна-

¹⁾ См. «Русскую Старину», 1894 г. сентябрь.

ко въ разныхъ мѣстахъ я видѣлъ валявшіеся на землѣ полустигнувшіе раны, осколки гранатъ, обрывки одежды и аммуниції, и кое-гдѣ кости людей и животныхъ. Я не напечь могилъ, гдѣ были похоронены союзниками трупы нашихъ убитыхъ, но полагаю, что въ настоящее время эти могилы удостоились уже хотя бы простаго деревяннаго креста... Позиція наша на рѣкѣ Альмѣ показалась мнѣ довольно сильною и, еслибы она была укрѣплена цѣлымъ рядомъ окоповъ, то по всей вѣроятности союзникамъ пришлось бы уклониться отъ битвы на Альмѣ. Укрѣпить нашу позицію было не трудно, если вспомнить, что войска наши простояли здѣсь цѣлыхъ 7 дней, ожидая встрѣчи съ непріятелемъ и оставаясь въ совершенномъ бездѣйствіи. Между тѣмъ по превосходству силъ непріятеля и дальновѣдности его ружей мы должны были вести съ ними войну окопную. Это отчасти уравновѣшивало бы шансы обоихъ противниковъ, какъ это показала оборона Севастополя.

Полкъ нашъ выступилъ во второй половинѣ ноября 1855 года, направляясь къ окрестностямъ Одессы. Уже на второмъ переходѣ къ сѣверу отъ Симферополя настѣгла снѣжная буря, а когда мы въ началѣ декабря прибыли въ Николаевъ, то здѣсь лежали уже глубокій снѣгъ и морозы достигали 10 градусовъ. На переходѣ нашемъ между рѣкою Бугомъ и Тилигульскимъ лиманомъ, наканунѣ 6-го декабря, морозъ усилился и достигъ 30 градусовъ, при чемъ у многихъ солдатъ и даже офицеровъ оказались отмороженными пальцы рукъ и ногъ. Слышно было, что въ другихъ полкахъ, бывшихъ въ это время въ походѣ, были довольно многочисленные случаи замерзанія людей.

Во время стоянки нашей въ окрестностяхъ Одессы весною 1856 года къ намъ нагрянулъ одинъ изъ страшныхъ спутниковъ тяжелой и продолжительной войны, такъ называемый военный тифъ. Отъ этой страшной эпидеміи умерло у насъ до трехъ сотъ человѣкъ. Повальный тифъ, похищающій жертвы не хуже вражьихъ пуль и бомбъ Севастополя. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, медицинскій персоналъ оказался слишкомъ малъ, да впрочемъ, что могъ онъ подѣлать съ военнымъ тифомъ? Тутъ прежде всего нужна иная обстановка для больныхъ, иная санитарная и гигієническія условія, а между тѣмъ тифозныхъ приходилось помѣщать въ тѣсныхъ, душныхъ и плохо вентилируемыхъ деревенскихъ хатахъ. Въ мартѣ 1856 года былъ заключенъ миръ, а ютомъ того же года нашъ полкъ былъ посланъ въ Измаиль исполнить одну изъ статей мирнаго договора—разрушить Измаильскую крѣпость, а затѣмъ передать эту часть Бессарабіи во владѣніе румынамъ. Измаиль въ это время считался въ числѣ лучшихъ городовъ въ Новороссійскомъ краѣ. Это былъ главный административный и торговый пунктъ южной половины Бессарабіи. Въ Измаилѣ существовала тогда обширная и сильная пограничная крѣ-

пость, таможня, карантинъ, въ томъ же городѣ былъ главный портъ нашей дунайской флотиліи, состоявшей изъ канонерскихъ лодокъ и пароходовъ. Торговля Измаила была довольно значительна хлѣбомъ, шерстью, саломъ, рыбой и лѣсомъ. Населеніе Измаила достигало 40 тысячъ душъ обоего пола, считая тутъ и горизонтъ крѣпости, и служащихъ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, а такихъ служащихъ было не мало. Послѣ разрушения крѣпости, вывода флотиліи и передачи города молдавскимъ властямъ, Измаиль сталъ быстро приходить въ упадокъ, отъ которого не оправился еще и теперь, поступивъ обратно въ наши владѣнія. Въ Измаилѣ мы застали нѣсколько полковъ, присланныхъ сюда съ тою же цѣлью, какъ и мы—разрушить крѣпость Измаила и Килии. Оборонительные казармы взрывали порохъ, а на валахъ работали тысячи солдатъ и разоряли земляные укрѣпленія, засыпая ими рвы. Вскорѣ вся крѣпость, еще такъ недавно довольно сильная, представляла одинъ развалины. Работы окончились, и къ осени войска выступили изъ Измаила, — остался только одинъ нашъ полкъ и пробылъ здѣсь осень и зиму 1856 — 57 годовъ. Постепенно выбывали изъ Измаила присутственные мѣста, служащія лица, упразднился карантинъ, таможня, дунайская флотилія перешла въ Николаевъ — городъ замѣтно опустѣлъ... Наконецъ прибыли въ Измаиль молдавскія власти и баталіонъ молдавскихъ войскъ. На другой день Измаиль и вся уступленная по договору часть Бессарабіи считались уже во владѣніи румынъ, при чмъ по этому случаю было отслужено ими въ мѣстномъ соборѣ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія турецкому султану.

Съ прибытіемъ румынскихъ или, какъ тогда ихъ называли, молдавскихъ войскъ, полкъ нашъ оставилъ Измаиль и вступилъ въ предѣлы Россіи.

Какъ только затихли громы восточной войны, мы не замедлили открыть походъ противъ интендантовъ и всякаго рода хищений, проявившихся съ такою силою и нахальствомъ въ эту войну. Этотъ своеобразный походъ вполнѣ отвѣчалъ настроению тогдашняго общественнаго мнѣнія, безпощадно осуждавшаго наши старые порядки, способствующіе этому хищенію. Усердная травля всякихъ интендантовъ, начальниковъ обозовъ, смотрителей госпиталей и прочихъ хозяевъ, пріобрѣтателей на счетъ казны, окончилась, какъ известно, судебнымъ процессомъ и осужденіемъ главнаго интенданта арміи, генерала Затлера, и некоторыхъ лицъ, а многие другие хищники, быть можетъ болѣе виновные, но не такъ высоко поставленные, вышли сухими изъ воды. Весь этотъ людъ, имѣвшій случай выгодно пристроиться къ казеннымъ деньгамъ, не представлялъ въ сущности ничего нового и необыкновенного, что могло быть объясняемо особыми обстоятельствами, вызванными вой-

ною. Взяточничество и всякия хищения были явлениями заурядными не въ одномъ только интенданскомъ вѣдомствѣ, а чуть ли не всюду, гдѣ можно было пріобрѣтать и устраивать безгрѣшные доходы на счетъ казны или на счетъ обывателя. Интенданты съ ихъ подвигами въ военное время стали бы невозможныи явленіемъ, если бы они не получили надежащей подготовки во время мира и не черпали силъ и увѣренности въ возможности этихъ подвиговъ, благодаря всему тогдашнему нашему строю и обстановкѣ.

Въ доказательство основательности такого мнѣнія я расскажу здесь одинъ изъ интенданскихъ подвиговъ въ Крымскую войну. Подвигъ былъ далеко не изъ крупныхъ, и окончился онъ вполнѣ благополучно для главнаго дѣйствующаго лица.

Главнымъ интенданствомъ было поручено одному изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ заготовить партию скота для продовольствія войскъ, причемъ закупка должна быть произведена въ ближайшій срокъ, въ ближайшихъ къ Крыму мѣстностяхъ. Чиновникъ получилъ авансомъ известную сумму и выѣхалъ по назначению. По прошествіи нѣ-котораго времени, онъ донесъ своему начальству, что скотъ купленъ по такой-то цѣнѣ (ниже справочныхъ цѣнъ), причемъ въ доказательство приложено удостовѣреніе мѣстныхъ властей. По свидѣтельству тѣхъ же властей, купленный чиновникомъ скотъ, хотя и очень хорошаго качества, но тощий и что въ такомъ видѣ было бы не удобно употребить его на довольствіе войска масною пищею, и что для этого скота нужно тучное пастище, и тогда недѣль чрезъ шесть онъ вполнѣ поправится и будетъ имѣть большой вѣсъ и стоимость...

Умныя рѣчи пріятно слушать, и начальство предписало чиновнику пріискать тучныхъ пастищъ и, панаюъ, пустить скотъ на выпасъ, для чего одновременно и высланы деньги. Спустя нѣсколько времени командированъ былъ нарочный чиновникъ для освидѣтельствованія годности скота. Онъ возвратился и донесъ, что смотрѣлъ скотъ и нашелъ его уже много поправившимся, но еще требующимъ мѣсяцъ времени для пребыванія на корму.

Недѣли черезъ двѣ отъ чиновника, купившаго скотъ и пустившаго его на пастище — получается печальное увѣдомленіе, что скотъ болѣеть и падаетъ. Къ донесенію приложено свидѣтельство подлежащихъ властей о числѣ павшихъ животныхъ и актъ о болѣзни ихъ, которая признается очень заразительной. Приложивъ къ своему донесенію эти доказательные документы, чиновникъ просилъ распоряженія начальства, какъ досутупить въ данномъ случаѣ?

Почта ходила медленно, время шло и шло. Чиновникъ каждый день сообщалъ, что надежь продолжается и неукоснительно представлялъ вѣдомость объ убыли скота и всякие оправдательные документы. Нако-

иецъ чиновникъ получилъ предписание начальства, чтобы остающійся здоровый скотъ убить—кожи продать, изъ мяса заготовить солонину, обѣ исполненіи сего немедленно донести и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Чиновникъ въ точности исполнилъ распоряженіе своего начальства и затѣмъ донесъ, что солонина заготовлена съ показаніемъ на то расходовъ и также о деньгахъ, вырученныхъ за продажу кожъ, стоимость боченковъ для солонины и вообще расходы по ея заготовленію были подтверждены надлежащими оправдательными документами. Распорядившись такимъ образомъ, чиновникъ терпѣливо ждалъ дальнѣйшихъ приказаний начальства. Прошло болѣе мѣсяца, а начальство и забыло о солонинѣ и командированномъ чиновнику. Лѣто было очень жаркое, и чиновникъ напоминалъ своему начальству о солонинѣ, которая, моль, быстро приходила въ негодность вслѣдствіе лѣтнаго зноя, такъ какъ помѣщенія вполнѣ удобнаго для ея содержанія не имѣется и наить негдѣ. Вслѣдствіе этого донесенія, чиновнику было предписано: негодную солонину уничтожить во избѣженіе вредныхъ послѣдствій для обывателей, а оставшуюся годную въ пищу продать и вырученныя за нее деньги передать въ казну. Это и было исполнено въ точности, причемъ въ доходъ казны поступило иѣсколько десятковъ рублей, взамѣнъ 18 или 20 тысячъ рублей, израсходованныхъ на заготовленіе партии скота. Вы скажете, что это ошибка, всегда возможная, благодаря излишнему формализму и канцеляршинѣ.

Дѣйствительно, и въ приведенномъ мною случаѣ сказались во всей силѣ канцелярская формалистика и умышленное откладываніе дѣла въ долгій ящикъ. Но они въ приведенномъ примѣрѣ играли лишь второстепенную роль, а вся суть интендантскаго подвига заключалась въ томъ, что вся эта операциѣ съ покупкою скота была произведена только на бумагѣ. Чиновникъ ограничился только тѣмъ, что про всякий случай приторговалъ у гуртовщика партию скота, а затѣмъ всѣ остальные дѣйствія, какъ-то покупка скота (ниже справочныхъ цѣнъ), наемъ пастбищъ, падежъ и проч. и проч.—оказывались только фикცіей... А вѣдь на все были представлены надлежащіе оправдательные документы, неподложные, а настоящіе, засвидѣтельствованные мѣстными властями. Понятно, что интендантскій чиновникъ пользовался обстановкой, въ которой онъ вращался, твердо помнилъ при этомъ правило дѣленія, и все окончилось благополучно по пословицѣ «рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ». Вѣдь вся махинація съ покупкой скота была бы немыслима, еслибы окружающая среда или вѣрнѣе тогдашній административный строй не способствовалъ бы этому. На эту тему можно было бы привести множество примѣровъ изъ того времени, но я ограничусь только тѣмъ, что окончу эту главу моихъ воспоминаній краткою біографіею полковника Д..., выдающагося дѣятеля со-

роковыхъ годовъ, подвизавшагося на комиссариатской службѣ еще до восточной войны.

Д..., какъ подобаетъ сыну бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, въ концѣ двадцатыхъ годовъ воспитывался въ кадетскому корпусу и выпущенъ въ гвардию офицеромъ. Здѣсь онъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе высшаго начальства, цѣнившаго его исполнительность и аккуратность. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ строю, Д... пристроился адъютантомъ къ очень высокопоставленному лицу. На новомъ мѣстѣ служенія онъ вскорѣ заявилъ себѣ не паркетныи шаркуномъ, а вполнѣ дѣловымъ человѣкомъ, вошелъ въ довѣріе къ своему могущественному патрону, который давалъ ему исполнять серьезныи порученія и письменныи занятія. И въ кабинетѣ своего начальника онъ умѣлъ вполнѣ ориентироваться и приспособиться ко всѣмъ требованиямъ, привычкамъ и даже капризамъ своего патрона. Предъ очи своего главнаго начальника Д... всегда умѣлъ являться вѣ-время, одѣтый съ соблюденіемъ мельчайшихъ требованій тогдашней военной формы и этикета. При этомъ не допускалъ въ своей одеждѣ и военныхъ ея аксессуарахъ ничего напоминающаго роскоши, чѣмъ любили въ то время щеголять иные свѣтскіе офицеры. Вообще Д... казался во всѣхъ отношеніяхъ дѣловымъ, но не лакированнымъ адъютантомъ.

Такихъ лакированныхъ офицеровъ было тогда не мало въ гвардіи, а особенно въ гвардейской кавалеріи, гдѣ на виѣшній лоскъ и щегольство тратились большія деньги. Д... состоянія никакого не имѣлъ, зналъ хорошо значеніе и силу денегъ, жилъ очень разсчетливо, не дозволяя себѣ никакихъ дорого стоящихъ развлечений, и соблюдалъ скромность и экономію даже въ одеждѣ.

Все это дѣлалось съ извѣстнымъ разсчетомъ и не могло не обратить вниманія начальника, который часто и охотно помогалъ нуждающимся офицерамъ, расходуя на это немалыи суммы изъ своихъ средствъ. При первомъ представившемся случаѣ, начальникъ деликатно освѣдомился у Д..., не нуждается ли онъ въ средствахъ?

Д... отвѣчалъ, что въ средствахъ онъ не нуждается, что онъ вполнѣ обеспеченъ для скромной жизни содержаніемъ, получаемымъ отъ казны, но, что, удѣляя часть этихъ средствъ на содержаніе матери, живущей въ провинціи, онъ долженъ жить съ большимъ разсчетомъ...

Такой отвѣтъ понравился начальнику, человѣку требовательному и вспыльчивому, но очень добруму, и онъ сказалъ:

— Это дѣлаетъ тебѣ большую честь! Служи, какъ служилъ, а я тебя не забуду.

Высокопоставленный начальникъ не забылъ своего обѣщанія, и по прошествіи нѣкотораго времени Д... былъ произведенъ въ полковники

по армейской пехотѣ и назначенъ управляющимъ комиссариатской комиссіей въ городѣ Кременчугѣ.

Въ тѣ отдаленные времена должностъ управляющаго комиссариатской комиссіей считалась очень выгодною, но крайне шаткою.

Здѣсь нужны были извѣстный тактъ, умѣніе приспособляться къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, умѣніе балансировать, а затѣмъ нужна была выдержка, та самая выдержка, которой не хватило даже извѣстному герой гоголевской поэмы Павлу Ивановичу Чичикову, когда ему удалось наконецъ присосаться къ таможнѣ.

Но у Д... всѣ эти качества оказались въ изобиліи. На новой должностіи онъ проявилъ обычную энергию, и оказался не только хорошимъ администраторомъ, но и финансистомъ. Кроме того Д... и тутъ сумѣлъ заслужить довѣріе начальствующихъ лицъ и знать, какъ ладить съ подчиненными, которыхъ держалъ однако въ строгой дисциплинѣ и решпектѣ. Съ вступленіемъ Д... на постъ управляющаго комиссариатской комиссіи, въ ней исчезла всякая халатность и манкированіе службой; введенъ былъ строгій режимъ и за всякое нарушеніе разъ установленного порядка чиновники зачастую попадали подъ арестъ на гауптвахту. Но все это дѣялось съ умѣніемъ, тактомъ, безъ вреда для будущности служащихъ, а потому не вызывало съ ихъ стороны жалобы, тѣмъ болѣе тайныхъ доносовъ, куда слѣдуетъ, хотя для этого недостатка въ матеріалѣ не было, по пословицѣ старыхъ приказныхъ: «кто Богу не грѣшень—царю не виновать».

Разнесть бывало Д... какого-нибудь столоначальника, напумить, накричать и въ заключеніе упречь на гауптвахту на пѣлый день. И удивляются комиссариатскіе люди, какъ это ихъ начальникъ такъ рискуетъ. Вѣдь этотъ чиновникъ, такъ сказать, правая рука Д..., всю подноготную знаетъ, не ровенъ часъ въ гнѣвѣ можетъ и каверзу учинить. Но Д... во всемъ сохранилъ равновѣсіе и при первомъ удобномъ случаѣ умѣлъ задобрить и поощрить чиновника, потерпѣвшаго отъ его строгаго режима.

Бывало, возвращается съ гауптвахты потерпѣвшій чиновникъ и идеть онъ къ себѣ домой сердитый, недовольный за причиненный ему конфузъ. Въ мысляхъ онъ проклинаетъ строгость своего начальника и готовъ при случаѣ подставить ему ножку. Вотъ ужъ и домъ близко: чиновникъ останавливается въ изумленіи, увидѣвъ, что гостиная и зала ярко освѣщены.

«Ну, такъ и есть, гости», думаетъ чиновникъ. «Даромъ, что моя благодѣрная хорошая хозяйка и женщина добрая, но такта у ней ни на гропъ... одно слово дура, какъ есть дура! Мужъ на гауптвахтѣ тожеется, а она гостей принимаетъ, соарѣ устраивать вздумала. Дура, какъ есть дура, да и только».

Съ такими небеселыми мыслями входитъ чиновникъ въ домъ, гдѣ встрѣчаетъ гостей, а во главѣ ихъ и самого управляющаго. Честь не малая, чиновникъ озадаченъ и обезоруженъ.

— А мы тутъ собрались у тебя, чтобы жену твою утѣшить, да кстати время пріятно провести, да отвѣдать превосходныхъ наливокъ, которыхъ жена твоя такъ мастерски приготовляетъ.

Чиновникъ благодарить за честь, низко кланяется, хозяйка сіаетъ отъ удовольствія, вечеръ проходить весело и скоро съ неизбѣжными преферансомъ, закуской и наливками.

На прощанія Д... крѣпко жметъ руку хозяину и говорить: — Ты въ претензіи не будь, знаешь сказано: служба службой, а дружба — дружбой! Нельзя иначе, порядокъ надобно соблюдать — понимаешь...

— Отлично понимаю и высоко цѣлю, говорить восхищенный чиновникъ, готовый присягнуть въ эту манту, что умѣё и находчивѣе Д... трудно найти. Этотъ и самъ не поскользнется и подчиненнаго не подведетъ. И припоминаетъ тутъ чиновникъ, что еще недавно его сослуживецъ попалъ подъ арестъ, а это обстоятельство не помѣшило ему получить чуть ли не другой день выгодную командировку. Такимъ образомъ, подчиненные Д..., меньшій комиссариатскій людъ оставался вполнѣ доволенъ своимъ начальникомъ, тѣмъ болѣе, что онъ благоразумно допускалъ ихъ къ участію въ дѣлѣ добычи, или такъ называемыхъ безгрѣшныхъ доходовъ. Умѣя ладить со всѣми и приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ, онъ ни разу не поскользнулся на скользкомъ комиссариатскомъ пути и даже въ борьбѣ со стихіями выходилъ побѣдителемъ, съ честью и пользой для себя.

Кременчугъ стоитъ при большой рекѣ, которая весною во время половодья причиняетъ нерѣдко много бѣдъ жителямъ, особенно когда наводненіе достигнетъ максимальныхъ размѣровъ. Такое необычайное наводненіе случилось въ то время, когда Д... управлялъ комиссариатской комиссией. Вода все прибывала и стала угрожать комиссариатскимъ складамъ. Тутъ-то и представился Д... прекрасный случай проявить свою дѣятельность и распорядительность. Подъ его личнымъ руководствомъ служители, состоящіе при комиссіи, и призванные на помощь нижніе чины квартирующихъ въ Кременчугѣ войскъ энергически отстаивали каждую падь земли, прилегающей къ складамъ.

Въ то время въ Кременчугѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе главный военно-начальникъ генералъ адъютантъ графъ Никитинъ, облеченный большою властью и пользовавшійся большимъ авторитетомъ у высшаго правительства. Д... умѣлъ заслужить милостивое расположение къ себѣ этого престарѣлого генерала. Графъ Никитинъ принималъ близко къ сердцу дѣло спасенія комиссариатскихъ складовъ и былъ очевидцемъ распорядительности и энергіи, проявленной Д... въ борьбѣ со сти-

хій. Но давно известно, что борьба съ нею нерѣдко не по силамъ человѣку. Вода все прибывала и прибывала и наконецъ ворвалась въ главный дворъ комиссаріатской комиссіи какъ разъ въ то время, когда тамъ находился графъ Никитинъ, а люди были заняты переноскою вещей изъ нижняго этажа въ верхніе. Все бросилось спасаться по лѣстницамъ на верхъ, а графъ выѣхалъ изъ затопленного двора на лодкѣ въ сопровожденіи управляющаго. Такимъ образомъ графъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ вода затопила нижніе этажи и находившееся тамъ казенное имущество, которое не успѣли перенесли на верхъ. Въ своемъ донесеніи высшему правительству графъ отдалъ должную справедливость необыкновенной дѣятельности и распорядительности Д..., оказанныхъ имъ въ дѣлѣ спасенія казенаго добра, часть которого если и была затоплена, то ужъ никакъ не по винѣ управляющаго комиссіей. Вследствіе этого донесенія, полковникъ Д... былъ награжденъ орденомъ, а убытки, причиненные наводненіемъ вещевымъ складамъ, приняты на счетъ казны, причемъ въ общемъ эти убытки были все же довольно значительны.

Бывшій сослуживецъ Д... по комиссаріату и приближенный къ нему чиновникъ, рассказывая мнѣ этотъ эпизодъ, замѣтилъ въ видѣ комментарія, что въ тотъ моментъ, когда вода ворвалаась во дворъ комиссіи и засыла склады,—тамъ въ дѣятельности остались только старыя рогожи да всякий ненужный хламъ...

Однажды вышло большое недоразумѣніе по поводу сдачи въ войско холста. Оказалось, что всѣ полки резервнаго кавалерійскаго корпуса генерала Сакена признали холстъ неотвѣчающимъ своему назначенію и отказались принять его. Предстояла для комиссаріатской комиссіи крупный скандалъ, который нужно было какъ-нибудь устранить. Достигнуть этого безъ доплаты, и притомъ довольно крупной,казалось невозможнымъ. Вся комиссія пріуныла, но Д... не унывалъ, и въ умѣ его созрѣлъ планъ дѣйствій. Поэтому, когда собралось присутствіе для обсужденія рокового вопроса, какъ быть съ холстомъ, управляющій уклонился отъ какихъ-либо решеній и объявилъ членамъ присутствія, что онъ немедленно выѣдетъ для ревизіи военныхъ госпиталей, которые въ то время состояли въ вѣдѣніи комиссаріатскихъ комиссій.

Сказано—сдѣлано, и Д... въ тотъ же день выѣхалъ на ревизію. Вся комиссія недоумѣвала, а иные комиссаріатскіе чины высказывали опасеніе, ужъ не рехнулся ли ихъ начальникъ? Тутъ до-зарѣзу нужно скорѣе покончить съ проклятымъ холстомъ, а управляющій вздумалъ ревизовать госпитали! Выбралъ удобное время—нечего сказать, какъ будто эта ревизія можетъ распутать дѣло?.. Оказалось однако, что эта ревизія и помогла бѣдѣ.

Пока комиссаріатскій людь ломалъ себѣ голову, теряясь въ догад-

кахъ о причинѣ внезапнаго отъѣзда ихъ начальника на ревизію госпиталей, Д..., въ сопровождѣніи чиновника, быстро катиль на четверть почтовыхъ, направляясь въ городъ Елизаветградъ, въ которомъ тогда находился одинъ изъ подвѣдомственныхъ комиссариатской комиссіи военыхъ госпиталей. Въ томъ же городѣ было мѣстопребываніе командаира корпуса войскъ, забраковавшихъ холстъ. Прибывъ въ Елизаветградъ и не останавливаясь уже на почтовой станціи, управляющій приказалъ везти себя въ госпиталь, куда явился совершенно неожиданно. Началась ревизія, причемъ Д... находилъ все въ порядкѣ, восхищался всѣмъ видѣннымъ и въ концѣ концовъ высказалъ мнѣніе, что госпиталь содержитъся въ образцовомъ порядкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и что онъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы смотрители сосѣднихъ госпиталей побывали здѣсь и научились уму-разуму. Въ заключеніе ревизіи управляющій обнялъ и поцѣловалъ смотрителя госпиталя, нѣкоего Тарасова, благодарилъ его за отличную службу и обѣщалъ представить къ наградѣ.

Между тѣмъ акапажъ, запряженный свѣжими лошадьми, уже ожидалъ Д... у госпитального подъѣзда. На прощаніе управляющій подозвалъ къ себѣ смотрителя и еще разъ благодарилъ его.

— Спасибо, братъ Тарасовъ, отъ всей души спасибо! Ревизія твоего госпиталя доставила мнѣ истинное удовольствіе, и я сожалѣю, что обѣ этомъ не могу лично доложить корпусному командиру. Его вѣдь нѣтъ въ городѣ, а ждать я не могу, служба требуетъ немедленнаго отъѣзда по дѣлу и при томъ крайне неспрѣятному. Ты знаешь, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, что весь вашъ корпусъ забраковалъ у меня холстъ; придирка одна, а сколько хлопотъ. Ну, прощай братъ, да не забудь доложить корпусному командиру, что я глубоко сожалѣю, что лишень быль счастья лично представиться его высокопревосходительству, чтобы свидѣтельствовать о результатахъ ревизіи госпитала, процвѣтающаго благодаря его просвѣщеніямъ попеченіямъ и покровительству.

Спустя четверть часа, Д... уже мчался по почтовой дорогѣ, направляясь обратно въ Кременчугъ, куда и прибылъ на слѣдующій день. Затѣмъ въ первомъ засѣданіи присутствія онъ заявилъ, что онъ надѣется самолично уладить дѣло съ вопросомъ о холстѣ.

Чтобы я могъ лучше уразумѣть суть этого дѣла, чиновникъ, разсказывавшій біографію своего бывшаго начальника, пояснилъ, что госпиталь дѣйствительно содержался въ порядкѣ, но что образцового, чудеснаго тамъ ничего не было. Но суть въ томъ, что смотрителемъ госпиталя былъ Тарасовъ, пользовавшійся особою милостью и расположениемъ корпуснаго командира, генерала Сакена, который всячески благодѣтельствовалъ и протежировалъ Тарасову, въ признательность за то, что онъ, бывшій когда-то фельдшеръ, пустилъ въ-время кровь женѣ Сакена и тѣмъ яко-бы спасъ ее чуть не отъ смерти.

На другой день послѣ отъѣзда управляющаго комиссіей, возвратился корпусный командиръ, и къ нему поспѣшилъ явиться смотритель госпиталя съ подробнымъ докладомъ о результатахъ внезапной ревизіи.

— Радуюсь за тебя, другъ мой, и въ свою очередь сожалѣю, что не могъ видѣться съ твоимъ достойнымъ начальникомъ. Вѣдь я его помню, когда онъ еще адъютантомъ въ Петербургѣ служилъ. Прекрасный служака и офицерь, да кромѣ того человѣкъ очень религиозный.

— Спѣшилъ опять очень обратно въ Кременчугъ, у него большая непріятность вышла.

— Жаль бѣднаго, вѣрно изъ Петербурга какая-нибудь бумага не-пріятная получена.

-- Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ Петербургѣ нашъ начальникъ на лучшемъ счету, имъ тамъ вполнѣ довольны, а вотъ это и нашъ у него весь холстъ забраковали.

— Какъ! забраковали? Минъ ничего пока неизвѣстно, я разслѣдую это дѣло, будь увѣренъ.

Разслѣдованіе вскорѣ было произведено и окончилось тѣмъ, что были потребованы къ корпусному командиру образцы забракованного холста, которое и было признано годнымъ, а стало быть приемка ихъ войсками корпуса сдѣлана для нихъ обязательной безъ всякихъ приплатъ со стороны комиссаріатской комиссіи. Такія приплаты практиковались въ тѣ времена и поступали въ пользу командировъ въ видѣ ресурсовъ на расходы полковаго хозяйства, но въ сущности для усиленія личныхъ средствъ командировъ и отчасти казначеевъ. Короче сказать, эти приплаты являлись тѣми же безгрѣшными доходами, о которыхъ зналъ и вышнее начальство, но смотрѣло на это злословіе пальцы. Въ приведенномъ мною случаѣ такая приплата составляла бы въ общемъ круглую сумму, такъ какъ приемщики отъ войскъ находили обыкновенную, такъ сказать, «нормальную приплату» недостаточною и требовали большаго, а въ концѣ концовъ обязаны были принять холстъ безъ всякой придачи.

Такимъ образомъ дипломатическая поѣздка Д... на ревизію госпиталя дала ему возможность заработать ему изрядный кушъ...

Проходили годы, и Д..., умѣло и ловко пользуясь обстоятельствами, умѣль въ бытность свою управляющимъ составить себѣ значительное состояніе, и, какъ человѣкъ практичный, самъ рѣшилъ, что пора и честь знать. Онъ умѣль во-время сказать себѣ: довольно! и призналь благовременнымъ выходъ въ отставку. Но для исполненія этого рѣшенія ему предстояла трудная задача—сдать комиссию. Извѣстно, что въ то время такая сдача не обходилась безъ приплаты со стороны сдатчика, причемъ сдача эта обходилась нерѣдко очень дорого. Чтобы

избѣжать такой «непріятности» или по возможности понизить ее до минимума, Д... придумалъ слѣдующую комбинацію.

Сохранивъ тайнѣ свое рѣшеніе выйти въ отставку, онъ испросилъ себѣ кратковременный отпускъ въ Петербургъ, а такъ какъ при отѣздѣ въ отпускъ нужно было сдать временно управлѣніе комиссіей старшему по себѣ чиновнику, то Д... и получилъ отъ него квитанцію о благополучномъ приемѣ отъ него комиссаріатской комиссіи. Сдача, конечно, была фиктивная и квитанція въ комиссіи обѣ этомъ приемѣ не придавали никакого значенія. Но каковъ былъ ужасъ и удивленіе временнаго замѣстителя управляющаго комиссіей, когда онъ узналъ, что Д... представилъ эту квитанцію высшему начальству въ Петербургѣ и подалъ въ отставку. По этому поводу въ комиссії, поднялся страшный переполохъ, но вскорѣ все успокоилось. Старшій членъ комиссіи, замѣститель Д..., получилъ отъ него письмо, въ которомъ сообщалось, что если сдача будетъ признана дѣйствительнымъ фактотъ и отъ него, Д..., не потребуется никакой приплата, то временно занимающей должность управляющаго комиссіей будетъ утвержденъ въ этой должности. Подумайте,—сочтѣвалъ Д... въ своемъ письмѣ,—вы не имѣете никакихъ связей и протекцій и не могли бы разсчитывать занять эту должность, но если вы согласитесь принять мое предложеніе, то я берусь устроить это дѣло. Временный замѣститель Д... счѣлъ для себя такую комбинацію выгодной и согласился признать сдачу комиссіи дѣйствительнымъ фактотъ и за это былъ назначенъ въ должность управляющаго комиссаріатской комиссіей.

Впослѣдствіи Д... рассказывалъ, что эта сделка стоила ему много дешевле, противъ того, во что обошлась бы дѣйствительная сдача комиссіи, практикуемая обыкновеннымъ порядкомъ.

Д... вышелъ въ отставку генераломъ, купилъ довольно крупное помѣстье на имя жены, зажилъ мирнымъ обывателемъ и впослѣдствіи принималъ вѣкоторое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ имѣніи своемъ онъ воздвигъ для себя громадный домъ-палаццо, чутъ ли не о 70 комнатахъ.

Заканчивая свой разсказъ, бывшій комиссаріатскій чиновникъ, приближенный Д..., добавилъ: Я посѣтилъ моего бывшаго начальника въ имѣніи и былъ принятъ имъ очень радушно. Мы долго вспоминали старину и въ заключеніе нашей бесѣды Д... сказалъ:

— Ты, любезный другъ, хорошо знаешь мое прошлое: служилъ я съ расчетомъ, жилъ съ расчетомъ, женился по расчету, умѣлъ удержаться съ честью на шаткомъ посту управляющаго, умѣлъ вѣремя забастовать. Кажется, что я послѣ этого могъ разсчитывать прожить свой остаточный вѣкъ безъ глупостей. Но видно никто не гарантированъ отъ ошибокъ. Взгляни на это махинице! сказалъ

Д..., указывая на свой палаццо. Скажи, ради Бога, зачѣмъ мнѣ по-надобилась такая громадина въ деревнѣ? Глупое тщеславіе, больше ничего! Я самъ чуть ли не ежедневно задаю себѣ вопросъ, зачѣмъ дернула меня нелегкая выстроить этакую громадину. А вотъ развѣ для того, чтобы прохожій или проѣзжій, глядя на такую диковинную постройку, посмѣялся да подумалъ: Вотъ дуракъ - то, не зналь, куда деньги тратить — вадумалъ въ деревнѣ строить домище о 70 комнатахъ себѣ на разореніе, людямъ на смѣхъ и удивленіе! Такъ-то, братъ, и твой бывшій начальникъ учинилъ подъ старость глупость превеликую. Выстрой я этотъ домъ въ большомъ городѣ, какой доходъ давалъ бы онъ, а теперь ничего не получаю отъ него кромѣ убытка и мученій совѣсти за глупо ухлопанныя деньги.

И въ качествѣ землевладѣльца Д... остался вѣренъ своимъ старымъ привычкамъ. У него въ имѣніи соблюдался образцовый порядокъ и даже дисциплина, всѣ и вся должны были существовать и работать для пользы владѣльца.

Нашему полку случилось квартировать одно время въ окрестностяхъ помѣстья Д..., и на землѣ его было отведено пастбище для подземныхъ юшадей нашего полковаго обоза. Для присмотра за юшадьми была назначена команда нижнихъ чиновъ при офицерѣ; это былъ мой близкій товарищъ и рассказывалъ, что онъ былъ принять владѣльцемъ имѣнія радушно, причемъ Д... отвелъ офицеру помѣщеніе въ своеемъ обширномъ палаццо, хотя и въ самой экономіи имѣлись квартиры вполне удобныя для холостаго офицера. Мой товарищъ былъ пріятно польщенъ такимъ вниманіемъ со стороны бывшаго комиссаріатскаго генерала, который однако не замедлилъ рассказать иллюзіи офицера.

Д.. самъ отвелъ квартиранта въ назначенную ему комнату и, во дворивъ въ ней офицера, сказалъ:

— Отводя вамъ помѣщеніе въ моемъ домѣ, я имѣлъ въ виду доставить вамъ удобства и соблюсти въ то же время и свои интересы... Вотъ извольте взглянуть, — продолжалъ онъ, подводя офицера къ окну. — Отсюда прекрасный и далекій видъ на окрестности, и чтѣ самое главное — отсюда, какъ на ладони, видно ваше пастбище. Отсюда вамъ весьма удобно наблюдать, присматриваются ли ваши люди за юшадьми, чтобъ не допускать ихъ дѣлать потравы. Фурштаты ваши уже предупреждены мною, что съ оконъ вашей квартиры видно все.

Во время квартированія фурштатской команды въ имѣніи Д... нижнимъ чинамъ удалось иловить и убить нѣсколько штуку молодыхъ волковъ. Солдаты притащили ихъ въ экономію, и здѣсь Д... немедленно отобралъ у нихъ убитыхъ животныхъ, выдавъ фурштаторамъ одинъ рубль на водку. Затѣмъ Д... распорядился представить шкуры волковъ въ свой уѣздный городъ, въ подлежащее присутственное мѣсто, и

получилъ установленное вознагражденіе за каждого волка по три рубли. Узнавъ объ этомъ, полковое начальство вступилось за интересы нижнихъ чиновъ и письменно обратилось къ Д... съ просьбою выдать означенныя деньги нижнимъ чинамъ. Но онъ наотрѣзъ отказалъ, доказывая, что волки пойманы на его землѣ, что и деньги за нихъ, по праву, принадлежать только ему.

Таковъ былъ видный комиссариатскій дѣятель давно минувшихъ временъ, никогда не упускавшій случая къ приобрѣтенію и неустанный заботившійся о своей пользѣ.

Теперь Д... лѣтъ уже двадцать покончился въ могилѣ, но, живи онъ въ наше время банковыхъ и желѣзодорожныхъ дѣлъ, онъ имѣлъ бы случай широко примѣнить свои способности и таланты на болѣе обширной и благодатной почвѣ.

Неизвѣстный.



ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА XII¹).

Посыщеніе госпитала граffомъ Коцебу.—Неудовольствіе его на меня. Требование его, чтобы я бытъ переведенъ.—Мои объясненія съ Козловымъ.—Вильде—домашній врачъ супруговъ Коцебу.—Докторъ Халубинскій.—Замѣчательная посѣщенія Уяздовскаго госпитала.—Военно-медицинскій инспекторъ Козловъ. Необходимость особой высшей школы для военныхъ врачей.

Вскорѣ посѣтилъ госпиталь самъ граff Коцебу и осматривалъ эвакуированныхъ изъ дѣйствующей арміи раненыхъ. При этомъ онъ сдѣлалъ мнѣ замѣченіе, что „въ госпиталѣ большая смертность послѣ операций“ и приказалъ показать трудныхъ больныхъ, которыхъ предполагается оперировать.

Подойдя къ одному изъ нихъ, онъ спросилъ меня:

— Какая предполагается операция этому больному?

— Ему необходимо ампутировать голень выше колѣна, потому что у него гнойные затѣки, угрожающіе піеміей, сказалъ я.

— Что такое піемія? я что-то забылъ это слово... опять скажу онъ.

— Піемія, ваше сіятельство, значитъ—гнойное зараженіе.

— Однако ему только угрожаетъ гнойное зараженіе... Къ чему же оперировать? замѣтилъ Коцебу.

¹ См. „Русскую Старину“ сентябрь, 1894 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. LXXXII. ОКТЯБРЬ.

Обратясь къ больному прежде, нежели я успѣлъ отвѣтить ему, онъ сказаль:

— Не соглашайся на операцію! Будешь здоровъ и безъ операціи!..

Я молчалъ, зная, что упрямство графа побѣдить нельзя и что неудобно въ присутствіи больнаго доказывать ему, что подобное вмѣшательство въ медицину неосновательно.

— Доносите мнѣ ежедневно объ этомъ больномъ... Нельзя такъ рѣзать руки и ноги, направо и налево... заключилъ онъ.

— Мы предпринимаемъ операціи въ крайности, и въ этомъ случаѣ необходимо предупредить гнойное зараженіе, рѣшился я сказать.

— Ну, а можете вы предупредить раненіе... Т. е. сдѣлать такъ, чтобы солдатъ не былъ раненъ въ сраженіи? замѣтилъ онъ.

— Это, ваше сіятельство, не входитъ въ область медицины, отвѣтилъ я.

— А какъ вы можете предупредить гнойное зараженіе?

— Наблюдая теченіе раненія и симптомы болѣзеннаго процесса... Есть же, ваше сіятельство, данные, по которымъ можно судить объ угрожающемъ гною зараженіи.

— Я не вѣрю этому! Знаю только одно, что у васъ громадная смертность послѣ операций...

— Смертность, ваше сіятельство, не больше той, которая всегда бываетъ послѣ большихъ операцій... Существуетъ точная статистика благополучныхъ и смертныхъ исходовъ послѣ операцій... и можно справиться—сколько обыкновенно умираетъ послѣ большихъ операцій... Напримѣръ, все это можно найти въ Военно-Полевой хирургіи Пирогова...

— Я хотѣлъ бы видѣть эту статистику. Пришлите мнѣ сочиненіе Пирогова, замѣтилъ графъ Коцебу и, сухо распротившись со мною, направился къ выходу.

Я не послалъ ему Военно-Полевой хирургіи, потому что не считалъ его юридически призваннымъ повѣрять чисто-медицинскіе специальные взгляды и мнѣнія врачей.

Графиня Коцебу имѣла громадное вліяніе на своего супруга. Домашнимъ врачемъ ихъ былъ, какъ уже выше замѣчено, ордина-

торъ Вильде. Онъ ежедневно посѣщалъ графа и графиню, въ утрен-
ние часы, и былъ свидѣтелемъ величайшей безхарактерности графа
Коцебу. Нерѣдко случалось, что, спривившись о погодѣ и узнавъ,
что она не хороша, графиня, въ присутствіи Вильде, заявляла своему
супругу: «Heute Paulhin wirds du nicht ausgeben». И супругъ ея,
командующій войсками округа и генераль-губернаторъ, подчинял-
ся своей супругѣ и оставался дома. Графиня Коцебу вмѣшивалась
во всѣ дѣла своего мужа. Скора съ начальникомъ штаба, княземъ
И., и его супругой—была дѣломъ графини. Еслибъ она не была
столь настойчива, а супругъ ея столь безхарактеренъ, то вѣроятно
не произошло бы съ княземъ И. того, что сказано выше, и тѣмъ
болѣе, что князь И., какъ начальникъ штаба, стоялъ на высотѣ
своего призыва и вмѣстѣ съ своей супругой принадлежалъ къ со-
лиднымъ и въ высшей степени почтеннымъ личностямъ. Равно и
гоненія на меня были воздвигнуты графиней, которая, какъ сооб-
щалъ мнѣ Вильде, имѣла въ виду замѣстить мѣсто главнаго врача
въ Уяздовѣ своимъ домашнимъ врачемъ въ Одесѣ, который слу-
жилъ въ тамошнемъ карантинномъ вѣдомствѣ. Какъ бы то ни было,
но послѣ изъявленія мнѣ资料а расположеннія въ двухъ упомяну-
тыхъ выше приказахъ по округу, Коцебу написалъ письмо къ
главному военно-медицинскому инспектору, Н. И. Козлову, о томъ,
чтобы мнѣ было дано другое, соотвѣтственное моему мѣсту, назна-
ченіе. Козловъ обѣщалъ исполнить это желаніе, но медлилъ, а я
ничего не зналъ о письмѣ Коцебу. Только А. А. Боголюбовъ од-
нажды намекнулъ мнѣ, что графъ Коцебу желалъ бы, чтобы я по-
лучилъ другое назначеніе. Съ того времени прошло болѣе года, а
новаго назначенія я не получилъ. Козловъ не торопился съ моимъ
перемѣщеніемъ, нерасположеніе Коцебу ко мнѣ возрастило съ каж-
дымъ днемъ, и раздраженный медленностью Козлова онъ вышелъ
изъ терпѣнія. Однажды, въ октябрѣ 1879 г., прискакалъ въ гос-
питаль верховой казакъ и привезъ мнѣ пакетъ. Распечатавъ па-
кетъ, я прочелъ слѣдующее:

«Его сиятельство, командующій войсками округа, просить глав-
наго врача Уяздовскаго госпиталя пожаловать къ нему сегодня въ
12 часовъ дня, въ Бельведерскій дворецъ, по дѣламъ службы».

Надѣвъ полную форму, я отправился въ Бельведерскій дворецъ

и былъ немедленно принять графомъ Коцебу. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у своего письменнаго стола, имѣя георгіевскій крестъ на шѣ. Движеніемъ руки онъ пригласилъ меня сѣсть на противуположной сторонѣ, какъ разъ противъ него, и между нами состоялся слѣдующій разговоръ:

— Вашему превосходительству извѣстно, что я не могу служить съ вами?

— Точно такъ, ваше сіятельство, мнѣ извѣстно это!

— Такъ что же вы думаете? Неужели вы полагаете возможнымъ оставаться на службѣ въ моемъ округѣ?

— Было бы странно, ваше сіятельство, желать этого, зная, что вы требуете моего перемѣщенія...

— Я полагаю! Уже болѣе года я настаиваю, чтобы вамъ дали другое назначеніе, а главное военно-медицинское управление не думаетъ объ этомъ.. Такъ я найду средство и безъ него: я просто напишу письмо государю императору и полагаю, что мое желаніе будетъ удовлетворено.

— Но я желалъ бы знать причины недовольства вашего сіятельства мною...

— Причинъ много! Я не хочу рыться въ бумагахъ и объяснять вамъ эти причины. Достаточно вамъ знать, что причины эти извѣстны мнѣ.

— Я удивляюсь, ваше сіятельство, что послѣ двухъ приказовъ по округу, въ которыхъ изъявленна мнѣ признательность вашего сіятельства, я имѣль несчастіе подвергнуться нерасположенію вашему... Я не знаю—чѣмъ я могъ заслужить это?

— Все это извѣстно мнѣ!.. Я не желаю вамъ зла!...

— Я вышелъ бы въ отставку, но мнѣ недостаетъ 3-хъ лѣтъ до полной пенсіи, а я человѣкъ бѣдный...

— Но я слышалъ, что вы выдаете двухъ дочерей замужъ и даете имъ около 100 тысячъ приданаго?

— Это совершенная неправда, ваше сіятельство! Тотъ, кто довѣль эту небылицу до свѣдѣнія вашего—лжецъ и вѣроятно мой врагъ.. У меня денегъ нѣть, но напротивъ есть долги...

— Какъ бы тамъ ни было, повторяю, что я вамъ ала не желаю... оставаться здѣсь вамъ нельзя.. не будете ли согласны при-

командироваться къ главному военно-медицинскому управлению, впредь до открытия соответственной вакансіи, съ получаемымъ содержаніемъ?

— Я согласенъ, ваше сиятельство!

Графъ Коцебу позвонилъ и приказалъ пригласить начальника штаба. Вшелъ князь Шаховской.

— Телеграфируйте Коалову, что я прошу прикомандировать доктора Ильинского къ главному военно-медицинскому управлению, впредь до открытия вакансіи, съ получаемымъ содержаніемъ, и чтобы Коаловъ отвѣтилъ мнѣ телеграммой.

Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, Коцебу сказалъ:

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Я увѣдомлю васъ о результатахъ.. Повторю еще разъ, что ала вамъ не желаю, но и остаться здесь вы не можете... Я уже представилъ на ваше мѣсто другаго кандидата... Вы уже около 12 лѣтъ состоите главнымъ врачомъ госпиталя, а такое долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ я нахожу неудобнымъ для службы, и этимъ я мотивировалъ замѣну васъ другимъ лицомъ.

Затѣмъ, я откланялся графу Коцебу и, сообразивъ все сказанное имъ, направился къ А. А. Боголюбову, какъ непосредственному начальнику моему. Ему я передалъ все, что сказалъ мнѣ Коцебу. Тутъ только Боголюбовъ открылъ мнѣ всю правду, и я узналъ, что письмо Коцебу къ Коалову прислано послѣднимъ къ Боголюбову изъ главнаго управления, съ предложеніемъ дать по нему объясненіе. Я прочелъ это письмо. Въ немъ было сказано, что „въ Уяздовскомъ госпиталѣ очень часто и много свидѣтельствуется новобранцевъ и что часто случаются нареканія, а потому графъ Коцебу просить главное управление дать главному врачу госпиталя (т. е. мнѣ) другое соответственное назначеніе“. Какая логика для командующаго войсками! Не лучше ли разслѣдовать, въ чёмъ дѣло, и если причина нареканій главный врачъ, то какое право имѣть графъ Коцебу просить о другомъ соответственномъ назначеніи, вместо того чтобы поступить по закону?

Нареканія на Уяздовскій госпиталь дѣйствительно были, но безъ нихъ никогда не обходилось въ странѣ, где употребляютъ всѣ усилия къ освобожденію отъ военной службы, въ странѣ, где много

лицъ живутъ и существуютъ тѣмъ, что прослыли всемогущими по увольненію заинтересованныхъ лицъ отъ военной службы. Эти господа берутъ деньги за увольненіе отъ службы на имя извѣстныхъ лицъ и обыкновенно выжидаютъ—не будетъ ли уволено то лицо, съ котораго взяты деньги по болѣзни, или другой причинѣ, отъ службы. Если состоится увольненіе, то взятые деньги остаются цѣликомъ у помянутыхъ гешефмакеровъ, а если не состоится увольненіе, то взятые деньги въ полномъ или въ половинномъ количествѣ возвращаются. Такимъ образомъ, ни въ чёмъ неповинные люди подозрѣваются въ со участіи съ такими ловкими обманщиками, а эти обманщики, между тѣмъ, занимаютъ хорошия квартиры,ѣздить въ собственныхъ экипажахъ и обѣдаютъ въ первоклассныхъ ресторанахъ... Молва же о томъ, что за деньги все можно сдѣлать, распространяется, и врачи подвергаются незаслуженнымъ нареканіемъ. Вотъ на это обстоятельство не обращалось должнаго вниманія, а слѣдовало бы обратить вниманіе тому же графу Коцебу.

Въ Уяздовскомъ госпиталѣ ежегодно свидѣтельствовалось въ мое время нѣсколько сотъ новобранцевъ, и еще при графѣ Бергѣ была учреждена для этого особая комиссія, въ составѣ которой входили посторонніе врачи (дивизіонные, полковые и пр.). Дѣло по освидѣтельствованію рѣшалось большинствомъ голосовъ. Главный врачъ былъ только членомъ этой комиссіи и имѣлъ одинъ голосъ. Состояніе здоровья находящихся на испытаніи удостовѣряли ordinаторы и консультанты, наблюдавшіе ходъ болѣзней и избиравшіе методы для лѣченія испытуемыхъ; предсѣдателемъ же комиссіи былъ начальникъ госпиталя.

Если бы не учреждали этой особой комиссіи, то дѣло другое: главный врачъ былъ бы отвѣтственнымъ лицомъ, но учрежденіемъ комиссіи, въ противность существовавшимъ узаконеніямъ, по которымъ главный врачъ отвѣтствуетъ за правильное заключеніе комиссіи о неспособности свидѣтельствуемыхъ къ военной службѣ, съ него сняли отвѣтственность, по этому предмету, такъ какъ единичный голосъ не былъ рѣшающимъ. Ясно было, что графъ Коцебу искалъ только причины и, конечно, въ виду существующихъ доносовъ, набросилъ на меня тѣнь, полагая, что главное управление уважить его домогательство, но оказалось противное: А. А. Боголюбовъ,

получивъ копію съ письма Коцебу къ Козлову, даъ заключеніе, изъ котораго явствовало, что, въ виду учрежденной еще при графѣ Бергѣ особой комиссіи для освидѣтельствованія новобранцевъ, я не могъ быть причиною нареканій и отвѣтственнымъ лицомъ. Вслѣдствіе этого, главное управлениѣ не спѣшило съ моимъ перемѣщеніемъ, находя, само собою разумѣется, извѣтъ Коцебу на меня не заслуживающимъ уваженія, а иначе нельзѧ объяснить медленность главнаго управлениѧ въ смѣщеніи меня съ должности главнаго врача. Все это ожесточало Коцебу, поставившаго себѣ задачею—удалить меня изъ Уяздова, и, ожесточая его, вредило мнѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, слѣдовательно, что воззвигнутое на меня гоненіе исходило отъ графини Коцебу, возненавидѣвшей меня. Не считая себя подчиненнымъ ей, несмотря на то, что она была предсѣдательницей дамскаго комитета общества Краснаго Креста и по этой причинѣ должна навѣщать раненыхъ, я не унижался передъ нею и не заискивалъ, какъ дѣлали многіе, знавшіе о влияніи ея на своего супруга и всѣми силами старавшіеся угодить ей. Многіе изъ нихъ начали учиться нѣмецкому языку, и даже нашелся одинъ (кѣкто В.), который нарочно, какъ говорили, ѣздилъ въ Ригу для изученія нѣмецкаго языка и чрезъ то, возвратившись въ Варшаву, сталъ говорить съ графиней Коцебу по-нѣмецки и шелъ въ гору.

Графина Коцебу не любила и презирала все русское, а потому все тѣ, кто не говорилъ по-нѣмецки, не пользовались ея расположениемъ и презирались. Такое грустное настроеніе высшей сферы, управлявшей краемъ, чувствовалось очень сильно. И что же могли сдѣлать русскіе противъ такого теченія? При Бергѣ тоже все нѣмецкое шло въ гору, и маюраты, за заслуги во время польского мятежа, почти исключительно были розданы нѣмцамъ, несмотря на то, что цѣль правительства при раздачѣ маюратовъ (какъ и послѣ мятежа 1831 года) была—усиленіе въ краѣ русскаго элемента. Но эта благая цѣль не была достигнута, и во времена нѣмецкаго господства въ Царствѣ Польскомъ, при Бергѣ и Коцебу, нѣмецкій элементъ очень въ краѣ усилился, не столько чрезъ раздачу маюратовъ нѣмцамъ, сколько переселеніемъ изъ-за границы и покупкою бывшихъ имѣній поляковъ нѣмцами, заѣзжими изъ Гер-

манія и другихъ сосѣднихъ мѣстностей, такъ что началась германізациѣ Царства Польскаго, побудившая правительство въ послѣднее время, какъ известно, положить конецъ упомянутой германізациѣ края запрещеніемъ нѣмцамъ пріобрѣтать имѣнія въ Привислянскомъ краѣ. Эта благодѣтельная мѣра, надо полагать, значительно опечалила сыновъ нѣмецкаго фатерлянда, исправивъ вмѣстѣ и ошибку бывшихъ покровителей ихъ.

О графѣ Бергѣ, впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, покровительствуя всему нѣмецкому, онъ, по крайней мѣре, не гнѣль русское и не преслѣдовалъ такъ явно, какъ Коцебу и его супруга. Уже то, что супруга Берга не мышалась въ дѣла, имѣло громадное значеніе.

Какъ командующій войсками, Коцебу не пользовался любовью подчиненныхъ.

Узнавъ отъ А. А. Боголюбова содержаніе письма Коцебу къ Козлову, я отправился немедленно въ Петербургъ и представился послѣднему.

Отправившись на квартиру къ нему, я нашелъ его сидящимъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ, сухо поклонившись мнѣ, перебиралъ какія-то бумаги и смотрѣлъ внизъ, не подымая на меня глазъ (это было знакомъ его дурнаго расположенія).

Наконецъ, видя, что я молчу, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Что скажете?

— Вашему превосходительству все известно, и вѣроятно вы знаете причину, приведшую меня къ вамъ: меня гонитъ графъ Коцебу.

— Что же я могу сдѣлать? Онъ не желаетъ имѣть васъ въ своемъ окружѣ...

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Я не знаю.

— Позвольте просить о другомъ назначеніи...

— Соответственныхъ вакансій нѣтъ! Прикомандировать васъ къ главному управлению, какъ онъ желаетъ, невозможно... Гдѣ же взять вамъ жалованье? Ваше, вѣдь, пойдетъ тому лицу, которое зайдетъ ваше мѣсто... А сверхсмѣтнаго кредита не дадутъ. Нужно изложить причины, а причина одна — нежеланіе Коцебу... Это не-

уважительная причина... Военный министр откажеть повергать на Высочайшее усмотрѣніе это дѣло.

— Я вышелъ бы въ отставку, но до полной пенсіи мнѣ остается еще три года.

— Если вы не боитесь слѣдствія по госпиталю, то я могу вамъ помочь... Если же боитесь, то я ничего не могу сдѣлать.

— Я прошу о слѣдствії.

— Въ такомъ случаѣ я предложу графу Коцебу назначить слѣдствіе по госпиталю, чтобы выяснить вашу вину, или согла-ситься на перемѣщеніе ваше въ Казанскій военный госпиталь, глав-нымъ же врачемъ, а главный врачъ Казанскаго госпитала займетъ ваше мѣсто.

Я согласился на эти условія.

Какъ все происходило дальше, не знаю; но только графъ Ко-цебу на запросъ Козлова отвѣтилъ, что онъ согласенъ на перемѣщеніе меня въ Казань, а на мое мѣсто согласенъ на назначеніе главнаго врача Казанскаго военнаго госпитала.

Такъ все это и совершилось.

Для характеристики Коцебу, не могу здѣсь не упомянуть объ одномъ событии, которое сообщено мнѣ домашнимъ врачемъ супру-говъ Коцебу, Вильде (ординаторомъ ввѣренного мнѣ госпитала, те-перь уже покойнаго).

Это событие слѣдующее:

Въ Варшавѣ былъ извѣстный практикъ, бывшій профессоръ главной школы и впослѣдствіи университета Халубинскій. Онъ былъ женатъ на сестрѣ упомянутаго врача Вильде. Халубинскій замѣчательенъ тѣмъ, что когда профессорамъ Варшавскаго универ-ситета предложили читать лекціи, вмѣсто польскаго, на русскомъ языкѣ, то, будучи большими польскими патріотами, онъ-отказался отъ этого и вышелъ въ отставку. Живя въ отставкѣ въ Варшавѣ, Халубинскій занимался частной практикой и весьма часто былъ приглашаемъ на консультациі. Вслѣдствіе своего патріотизма, онъ разъ навсегда отказался ѻзить къ больнымъ, или на консультациі, въ Варшавскую Александровскую цитадель, а потому, если встрѣ-чалась надобность, то больной, жившій въ цитадели, бралъ номеръ въ какой-нибудь гостиницѣ, и туда прѣбажалъ Халубинскій.

Случилось такъ, что въ цитадели заболѣлъ одинъ полковникъ и послалъ своего денщика за Халубинскимъ. Послѣдній объявилъ денщику, что если его баринъ желаетъ видѣть у себя доктора (т. е. его, Халубинскаго), то пусть займетъ номеръ въ гостиницѣ, и тогда только онъ пріѣдетъ къ нему. На возраженіе же денщика, что баринъ опасно боленъ и не можетъ выѣзжать, Халубинскій отвѣчалъ:

— Скажи твоему барину, что въ цитадель я не пойду... не пойду даже и въ томъ случаѣ, еслибы больной былъ не полковникъ, а даже твой и.....ъ.

Денщикъ передалъ слова Халубинскаго. Полковникъ очень разсердился и подалъ рапортъ по начальству, гдѣ изложилъ свою жалобу и все дѣло, какъ оно было. Рапортъ этотъ дошелъ до графа Коцебу. Когда Вильде, по обязанности врача, пришелъ къ Коцебу, то послѣдній, зная, что онъ родственникъ Халубинскаго, сказалъ ему:

— Передайте Халубинскому, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе на словахъ, потому что если онъ еще разъ позволить себѣ отвѣтить на приглашеніе къ больному такъ, какъ онъ отвѣтилъ денщику полковника N., то ему придется посидѣть въ цитадели.

На все это можно сказать только одно, а именно очень жаль, что Халубинскому съ первого разу не удалось посидѣть въ цитадели за выкинутый имъ фарсъ.

Изъ всего, что сказано выше о пребываніи моемъ въ должности главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя, явствуетъ, что слова моихъ предмѣстниковъ, сравнивавшихъ тотъ госпиталь съ маленькимъ адомъ и съ чистилищемъ за грѣхи, оправдались на мнѣ самому. Я прожилъ 12 лѣтъ въ должности главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя и кромѣ вѣчныхъ хлопотъ, заботъ, беспокойствъ, огорченій и подкоцовъ ничего не зналъ. Безконечное множество начальниковъ: командующій войсками, его помощникъ, начальникъ штаба, инспекторъ госпиталей, начальникъ госпиталя, военно-медицинскій инспекторъ, его помощникъ, каждый генералъ, — вотъ тотъ синклитъ, съ которымъ имѣть дѣло главный врачъ большаго госпиталя. Если къ этому прибавить еще то, что каждый командиръ полка, корпусный, дивизіонный и полковой врачъ имѣть право во

всякое время прийти въ госпиталь и навѣстить больныхъ своей части, и, при случай, такъ или иначе повлѣять на репутацію главнаго врача, а равно, если прибавить еще и тѣхъ 12 генераловъ, которые были назначены при графѣ Бергѣ для еженедѣльныхъ осмотровъ госпитала, то сдѣлается понятною трудность положенія главнаго врача, существующаго угодить такому множеству разнохарактерныхъ элементовъ. Одни только эти осмотры, повторяемые чуть ли не ежедневно, дѣлаютъ невыносимымъ бремя ближайшаго госпитального начальства и производятъ какую-то сумятицу, вслѣдствіе которой весьма часто оправдывается русская пословица: «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ мое время: безпрестанные звонки, оповѣщающіе о прибытіи того или другаго лица, сопровожденіе его по госпиталю дежурнымъ ординаторомъ, у котораго отнимается дорогое время, а прибывшіе больные въ прѣемномъ покой ждутъ, пока онъ проводить начальство и придется подать имъ нужное пособие и размѣстить ихъ по палатамъ; отвлечение отъ дѣла палатныхъ ординаторовъ, смотрителя отъ многосложныхъ обязанностей не только не приносить никакой пользы, но явный вредъ дѣлу. Каждый ревизоръ думаетъ, разумѣется, что кромѣ его нѣть другихъ ревизоровъ, и, забывая, что въ госпиталѣ лежитъ 1.500 взрослыхъ дѣтей (иначе нельзѧ назвать больныхъ нижнихъ чиновъ, не сдерживаемыхъ въ госпиталѣ каждую минуту военной дисциплиной), требуетъ невозможнаго, чтобы госпитальная палата уподоблялись едва ли не салону, и требуетъ этого, вполнѣ сознавая, что все это рѣшительно немыслимо.

Если прибавить къ этому разнохарактерность національности множества госпитальныхъ врачей, необученность и неуклюжесть госпитальной команды, сложность госпитального механизма, канцелярскую работу по отчетности и текущей перепискѣ, по мѣсячной и годовой ревизіи аптеки, по медицинскому совѣщанію, по дѣламъ госпитального комитета, по ремонту госпитальныхъ зданій, по освидѣтельствованію пришедшихъ въ негодность вещей и по приему новыхъ, а равно по приему дровъ и продовольственныхъ материаловъ и продуктовъ, по надзору за кухней и продовольствиемъ больныхъ, наконецъ, по лѣченію больныхъ и по производству хирургическихъ

операций, то выходитъ, что главный врачъ госпиталя, ординаторы и другіе чины являются тружениками въ полномъ смыслѣ слова, а между тѣмъ права по содержанію и по представлению къ наградамъ ниже, нежели въ полевыхъ войскахъ, въ которыхъ служба врачей, въ мирное время, несравненно легче врачей госпитальныхъ, такъ что изъ всего видно, что положеніе о военныхъ госпиталяхъ составлено лицами, не имѣвшими должнаго понятія о томъ, что такое военный госпиталь. И это дѣйствительно такъ и есть: новый госпитальный уставъ 1870 года составленъ при Коаловѣ, который никогда не былъ военнымъ врачомъ и быта военно-медицинской части и военныхъ госпиталей не зналъ. И это весьма естественно, потому что онъ до назначенія его на отвѣтственный постъ главнаго военно-медицинскаго инспектора, былъ профессоромъ Киевскаго университета — званіе почтенное, но не дающее опыта, необходимой для военного врача. Бытность Коалова начальникомъ академіи также не въ состояніи была сдѣлать изъ него практически опытнаго военного врача; притомъ специальность Коалова — внутреннія болѣзни, а не та часть медицины, на которой, какъ на незыблемомъ камнѣ, виждется преуспѣяніе военной медицины въ мирное и военное время. Я разумѣю военную гигиену и хирургію, со всѣми отраслями послѣдней (исключая акушерства). Но къ дѣятельности Коалова я возвращусь еще нѣсколько ниже.

Скажу теперь нѣсколько словъ о замѣчательныхъ посыщеніяхъ Уяздовскаго госпиталя и притомъ выдающимися лицами.

Такихъ посыщений въ мое время было нѣсколько.

Во время Высочайшихъ прїездовъ, госпиталь посыпалъ состоявшіе при государѣ императорѣ лейбъ-медики.

Изъ такихъ посыщений особенно памятны мнѣ посыщенія лейбъ-медику Кареллю. По прибытии въ Варшаву, къ нему обыкновенно должны были являться всѣ врачи, состоявшіе во главѣ тѣхъ или другихъ медицинскихъ управлений или учрежденій, причемъ ему подавался рапортъ о состояніи ввѣренной каждому части. Онъ назначалъ время осмотровъ. Являясь въ госпиталь въ назначенный день и часъ, Карелль обходилъ всѣ палаты, осматривалъ трудныхъ больныхъ, затѣмъ шелъ на кухню и пробовалъ пищу. Особенное вниманіе онъ обращалъ на больныхъ нижнихъ чиновъ — эстонцевъ.

Всегда приказывалъ мнѣ показать ему всѣхъ больныхъ этой народности, и, составивъ списки ихъ, отослать къ нему. Весьма часто, при этихъ осмотрахъ, онъ приказывалъ представить въ неспособные того или другаго эстонца, съ которымъ разговаривалъ нерѣдко на родномъ языкѣ. Иногда, по ходатайству Карелля, больнымъ эстонцамъ выдавались деньги, которая привозилась изъ придворной канцелярии какой-нибудь чиновникъ или флигель-адъютантъ. Русскіе солдаты завидовали эстонцамъ, награжденнымъ такимъ образомъ, и въ госпиталь нерѣдко было слышанъ ропотъ между больными. Смотры Карелля имѣли большое значеніе, потому что о результатѣ ихъ докладывалось государю императору Александру Николаевичу. Карелль принадлежалъ къ весьма дѣльнымъ и образованнымъ врачамъ и при осмотрахъ госпиталя вникалъ во всѣ подробности госпитального быта, и, въ виду всего этого, слабость его къ своимъ родичамъ-эстонцамъ была нѣсколько страннымъ явленіемъ. Всѣхъ посыпеній Карелля въ мое время было три. Первое посыпеніе было подробнѣе другихъ, и, уважая изъ госпиталя, Карелль сказалъ мнѣ:

— Я нашелъ госпиталь въ блистательномъ состояніи, о чемъ буду имѣть счастіе доложить Его Величеству. Во второе посыпеніе, пробуя пищу, онъ замѣтилъ, что ему попался нѣсколько жесткій кусокъ мяса; но вообще онъ былъ доволенъ осмотромъ госпиталя. Въ послѣдній разъ, при обходѣ отдѣленія умалишенныхъ нижнихъ чиновъ, къ Кареллю подошелъ одинъ отставной солдатъ и паль на колѣни.

— Ваше сіятельство! сказалъ умалишенный, я прослужилъ двадцать шесть лѣтъ и ни разу не видѣлъ моего императора... Сдѣлайте божескую милость: покажите мнѣ императора.

— Когда ты поправишься, я покажу тебѣ государя императора, отвѣталъ Карелль.

Видимо, Карелль былъ очень взволнованъ неожиданностью, съ которой большой паль предъ нимъ на колѣна. Онъ поспѣшилъ заѣтъ выйти изъ отдѣленія умалишенныхъ и сказалъ мнѣ:

— На будущее время мы не будемъ ходить по этимъ отдѣленіямъ. Это не безопасно!

Изъ другихъ посыпеній памятны мнѣ два посыпенія госпиталя главнымъ военно - медицинскимъ инспекторомъ Козловымъ. Эти

посещения ничемъ особеннымъ не отличались. Въ оба раза Козловъ прошелъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ по госпиталю, причемъ я представлялъ ему всѣхъ ординаторовъ, бывшихъ на своихъ мѣстахъ, въ отдѣленіяхъ. На больныхъ Козловъ не обращалъ никакого вниманія.

Въ 1879 году госпиталь посѣтилъ командированный по Высочайшему повелѣнію генераль-адъютантъ князь Голицынъ. Онъ осматривалъ только раненыхъ и раздавалъ имъ деньги: кому 1 р., кому 2, или 3 рубля; пробовалъ ихъ пищу, осматривалъ койки, бѣлье и платье и остался весьма доволенъ содержаніемъ и призываѣмъ раненыхъ.

Однажды посѣтилъ госпиталь его императорское высочество великий князь Николай Николаевичъ Старшій. Въ сопровожденіи громадной свиты, его высочество обошелъ весь госпиталь и, когда мы дошли до оспенного отдѣленія, то я доложилъ, что въ отдѣленіи помѣщаются оспенные больные и что посѣщеніе ихъ для его высочества не безопасно.

Великій князь остановился и, обратясь къ сопровождавшимъ его лицамъ, сказалъ:

— Какъ вы полагаете, господа, идти мнѣ въ оспенное отдѣленіе, или не идти?

Послышались голоса: Опасно! ваше высочество! не ходите!

— А вы какъ думаете? спросилъ меня великий князь.

— Я уже докладывалъ вашему императорскому высочеству, что это не безопасно... сказалъ я.

Великій князь подумалъ немного и сказалъ:

— Пойду! Суждено мнѣ получить оспу — заболѣю; не суждено — не заболѣю!

И мы пошли въ оспенное отдѣленіе, а вся свита ожидала въ коридорѣ.

Его высочество быстро прошелъ по тремъ палатамъ отдѣленія, не останавливаясь у больныхъ. Когда мы вышли изъ оспенного отдѣленія, то великий князь, обратясь къ свитѣ, сказалъ:

— Вотъ я и былъ въ оспенномъ отдѣленіи... Всё не страшно! а вы все струсили!

Затѣмъ великий князь предъ отѣздомъ благодарилъ меня за найденный порядокъ, замѣтивъ:

— Вашъ госпиталѣкъ недуренъ!

Сдѣлаю теперь краткій очеркъ дѣятельности Козлова, какъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. Карьеру свою по военно-медицинской части Козловъ началъ при Енохинѣ, когда онъ былъ вице-директоромъ бывшаго военно-медицинскаго департамента. Дѣятельность его до этого времени мнѣ мало извѣстна, а потому я не упоминаю о ней. При Енохинѣ Коаловъ всѣми силами старался занять мѣсто его. Дѣло, говорять, доходило до того, что военный министръ, Сухозанеть, который покровительствовалъ Козлову, однажды даже доложилъ государю императору Александру Николаевичу, что Енохинъ отказывается отъ должности директора военно-медицинскаго департамента въ то время, когда Енохинъ и не думалъ отказываться отъ этой должности. Тогда интрига была разрушена прямымъ заявлѣніемъ Енохина, что на него взведена напраслина. По смерти Енохина, когда на его мѣсто былъ назначенъ Ф. С. Цыбурина, Козловъ, недовольный этимъ назначеніемъ, оставилъ должность вице-директора и сдѣлялся только членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Потомъ онъ былъ начальникомъ академіи и наконецъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. Неурядицы въ академіи заставили его оставить мѣсто начальника. Какъ главному военно-медицинскому инспектору, ему также не посчастливилось, и опять онъ сдѣлялся только членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Нерасположеніе Козлова ко мнѣ было уже очевидно въ то время, когда онъ былъ вице-директоромъ во времена Енохина, и именно по поводу моей командировки заграницу, которой онъ не желалъ потому, что у него были другие кандидаты — нѣмцы. Сдѣлавшись военно-медицинскимъ инспекторомъ, онъ, возвращаясь изъ-за границы, чрезъ Варшаву, въ 1875 году посѣтилъ Уяздовскій госпиталь. Врачи госпиталя и военные врачи города Варшавы дали ему объѣдь, и, благодаря вліянію А. А. Боголюбова, старавшагося сгладить старинное нерасположеніе ко мнѣ Козлова, натянутость отношеній стала стушевываться, и, въ короткое время, Коаловъ, казалось, забылъ былое, такъ что на объѣдь онъ, между прочимъ, под-

няль бокаль и провозгласилъ тостъ «за здоровье мое, какъ представителя медицинской науки въ Варшавскомъ округѣ». Этотъ тостъ меня сконфузилъ, потому что представителемъ науки въ Варшавскомъ военномъ округѣ я считалъ всегда А. А. Боголюбова, какъ старшаго въ сравненіи со мною дѣятеля, опытнаго врача и отличнаго хирурга, не перестававшаго никогда слѣдить за современнымъ состояніемъ медицинской науки. Какъ бы то ни было, но все это сгладило отношенія Козлова ко мнѣ до той степени, что предъ отъездомъ изъ Варшавы онъ обѣщалъ мнѣ, безъ моей просьбы, мѣсто помощника военно-медицинскаго инспектора въ Варшавѣ, а потомъ и мѣсто А. А. Боголюбова, «который, сказалъ онъ, въ его присутствіи, вѣроятно, скоро попросится въ военно-медицинскій ученый комитетъ». Это было со стороны Козлова чисто медвѣжьей услугой для меня, потому что Боголюбовъ вовсе не думалъ уходить въ военно-медицинскій ученый комитетъ. Онъ ждалъ прибавки столовыхъ денегъ, о чмъ тогда только затѣвался вопросъ. Получая 846 руб. столовыхъ и разсчитывая со временемъ на увеличеніе ихъ до 2.000 руб., само собою Боголюбову не выгодно было перечисляться въ военно-медицинскій ученый комитетъ, гдѣ бы онъ могъ оставаться съ 846 руб. столовыхъ, несмотря на прибавку столовыхъ военно-медицинскимъ инспекторамъ. Боголюбовъ дѣйствительно выждалъ этой прибавки и тогда только оставилъ должность военно-медицинскаго инспектора. Такимъ образомъ, несообразительное предложеніе Козлова, что онъ, современемъ, имѣть въ виду назначеніе меня на мѣсто Боголюбова, могло бы мнѣ повредить только, и мнѣ оставалось увѣрить послѣдняго, что я не только не ишу его мѣста, но мнѣ, напротивъ, весьма пріятно какъ можно дольше оставаться на службѣ подъ его начальствомъ. Однако, Боголюбовъ, несмотря на многія свои хорошія качества, не забылъ упомянутаго обѣщанія Козлова — назначить меня современемъ на его мѣсто — и когда въ Варшавскомъ округѣ открылось мѣсто помощника военно-медицинскаго инспектора, представилъ въ свои помощники другаго врача, мотивировавъ это тѣмъ, что я, по должности главнаго врача, получаю больше столовыхъ и что мнѣ не выгодно ихъ потерять. Но, замѣтивъ о моихъ столовыхъ, онъ упустилъ изъ виду, что еслибы я получилъ упомянутое мѣсто его помощника,

то избѣгнулъ бы непріятныхъ столкновеній съ Коцебу; да и Козловъ, обѣщавъ мнѣ сначала мѣсто помощника, а потомъ медицинскаго инспектора, не исполнилъ ни того, ни другаго. Но вскорѣ уже трудно было сдѣлать что-нибудь, въ виду нерасположенія ко мнѣ Коцебу. Когда Козловъ посѣтилъ Уяздовскій госпиталь въ 1879 году весною, то былъ у Коцебу, и, на домогательство послѣдняго о моемъ переводѣ, обѣщалъ дать мнѣ другое назначеніе и опять не исполнилъ; а на обѣдь, который ему опять дали врачи госпиталя и военные врачи города Варшавы, онъ, послѣ сказаннаго мною спича, который я произнесъ по настоянію А. А. Боголюбова, уже не предложилъ за меня тоста, извинившись послѣ обѣда предо мною, что, въ виду нерасположенія ко мнѣ Коцебу, онъ не могъ на этотъ разъ предлагать тостъ за мое здоровье. Я отвѣчалъ ему, что не придаю тостамъ особаго значенія и очень радъ, что онъ не предложилъ тоста. На этотъ разъ мы разстались съ нимъ довольно сухо.

Величайшая слабость Козлова состояла въ томъ, что онъ очень любилъ нѣмцевъ и двигалъ ихъ въ гору, а къ русскимъ врачамъ не имѣлъ довѣрія. Это объясняется тѣмъ, что и самъ онъ былъ не русскаго происхожденія, и послѣ университета слушалъ еще курсы медицины въ Дерптѣ, гдѣ и онъ учился.

Прискорбно упоминать объ этомъ, но промолчать нельзя, потому что — гдѣ же будетъ тогда правда? Все это не только парализовало качества, которыя должны быть присущи главному начальнику всего военно-медицинскаго сословія, но и окончательно низводило Козлова съ подобающаго пьедестала. Всѣмъ извѣстна газетная полемика въ то время, когда онъ былъ начальникомъ военно-медицинской академіи и позднѣе, когда уже сдѣлался главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. Дѣло доходило до гигантскихъ размѣровъ, такъ какъ газетныя статьи очерчивали его дѣятельность весьма неприглядными красками, и удивительно только то, что изъ всего этого не вспыхнуло очень грандиозный скандалъезный процессъ! Пострадало нѣсколько лицъ, изъ коихъ одни были уволены отъ службы, а другіе, немногіе, преданы суду. Вообще, не ошибусь, если скажу, что управлѣніе Козлова отличалось большою халатностію, неурядицами и было весьма пристрастное; а потому ро-

путь въ военно-медицинскомъ сословіи, во времена Козлова, былъ очень большой.

Козловъ, какъ извѣстно, былъ редакторомъ военно-медицинскаго журнала. И на этомъ поприщѣ нельзя помянуть его дѣятельности особою благодарностю. Военно-медицинскій журналъ пополнялся часто статьями, вовсе не нужными для военныхъ врачей; да при томъ и протекція относительно помѣщенія статей въ журналѣ играла при Козловѣ величайшую роль, а потому литературные произведенія и труды военныхъ врачей весьма рѣдко попадали на страницы военно-медицинскаго журнала. Въ мое время военные врачи вовсе не были довольны журналомъ, посвященнымъ исключительно пользамъ военно-медицинскаго сословія, которое, при обязательной подпискѣ въ 5 руб. съ каждого врача, ежегодно давало на изданіе журнала очень крупную сумму, да еще платило извѣстный процентъ съ содержанія, за приложенія къ журналу, изъ которыхъ многія вовсе были не нужны и не praktичны для военныхъ врачей.

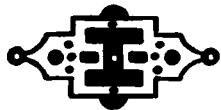
Въ Россіи давно ощущается потребность въ учрежденіи особой высшей школы для военныхъ врачей, въ родѣ парижскаго Val de Grâce, именно по той простой причинѣ, что кончившіе курсъ въ академіи и въ университетахъ врачи назначаются въ войска безъ практической подготовки къ той дѣятельности, которая ожидаетъ ихъ на службѣ.

Всѣмъ извѣстно, что не всѣ кончившіе курсъ въ военно-медицинской академіи врачи поступаютъ въ войска, да и самая академія не даетъ тѣхъ практическихъ познаній для военно-медицинской службы, которые желательны. При всемъ желаніи, академія, какъ по короткости пребыванія въ ней (необходимо считать только 2 послѣдніе года, потому что первые 3 года пребыванія въ академіи посвящаются теоретическимъ наукамъ), такъ и по многимъ другимъ причинамъ, не можетъ выпускать вполнѣ практическіе подготовленныхъ къ военно-медицинской службѣ врачей, а принявъ во вниманіе и то, что въ военно-медицинскую службу поступаютъ и врачи, кончившіе курсъ въ университетахъ, на медицинскихъ факультетахъ, гдѣ они не получаютъ никакой практической подготовки къ военно-медицинской службѣ, учрежденіе специаль-

наго для практической подготовки военныхъ врачей заведенія является наступною потребностю, подобно тому, какъ это существуетъ во Франціи, гдѣ нельзя попасть въ военные врачи, не пробывъ по окончаніи курса 2 лѣтъ въ Val de Grâce,—какъ въ специальной практической школѣ для будущихъ военныхъ врачей. Прикомандированіе къ академіи нѣкоторыхъ военныхъ врачей, гдѣ они специально занимаются хирургіей, и, по истеченіи одного года, получаютъ званіе полеваго хирурга, не можетъ служить доказательствомъ того, что специальная школа для подготовки военныхъ врачей не нужна, потому что выдерживаютъ на званіе полеваго хирурга не болѣе, какъ одинъ изъ 10 военныхъ врачей, даже и того меньше, между тѣмъ какъ каждый военный врачъ долженъ практически изучить хирургію, да и еще нѣкоторыя важныя для военного врача науки, таковы: хирургическая анатомія, офтальмологія, военная гигіена, военно-медицинская администрація etc. Слѣдовательно, не полезнѣе ли бы было для дѣла и для военныхъ врачей, а равно и для государства, вместо учрежденія женскихъ медицинскихъ курсовъ при Николаевскомъ военному госпиталѣ, учредить военно-медицинскую школу для практическаго приготовленія военныхъ врачей, на подобіе парижскаго Val de Grâce? Смѣло можно сказать, что только въ такомъ случаѣ будетъ изглаженъ величайшій пробѣлъ, существующій въ приготовленіи нашихъ военныхъ врачей къ ихъ практической дѣятельности, а средства къ приведенію въ исполненіе всего этого всегда найдутся. Стоитъ только вспомнить, что у насъ на Руси существуетъ множество большихъ военныхъ госпиталей, гдѣ и возможно учредить военно-медицинскія школы, предназначенные для практическаго образованія врачей, избравшихъ военно-медицинскую службу. Такимъ образомъ, къ услугамъ, безъ особыхъ для казны издержекъ, могутъ быть предоставлены военные госпитали въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ и Варшавѣ (Варшавскій Уяздовскій). Всѣ эти госпитали учреждены на 1.500 мѣстъ, считая запасныя мѣста, больныхъ вездѣ бываетъ много, и слѣдовательно имѣется громадный практическій матеріалъ, который до сихъ поръ пропадаетъ даромъ, т. е. вовсе не служить для усовершенствованія практическихъ познаній полковыхъ врачей.

На основаниі всего вышеприведенного необходимо согласиться, что Н. И. Козловъ, какъ военно-медицинскій инспекторъ, не стоялъ на высотѣ своего призванія и не обладалъ тѣми качествами, которыя желательны въ столь высокопоставленномъ начальнику всего военно-медицинскаго сословія!

(Продолженіе слѣдуетъ).



НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

III¹).

Браткая характеристика духовенства.—Его воспитание, положение въ обществѣ и отношение къ церкви.

Рѣзкая грань, издавна положенная между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, дѣлила его на двѣ части, совершенно непохожія другъ на друга въ имущественномъ, правовомъ и общественномъ отношеніяхъ. Бѣлое духовенство было бѣдно, черное же пользовалось относительнымъ благосостояніемъ: священники едва не прошли милостию, архіереи жили богато и славились роскошнымъ угощеніемъ. «Архіерею на Волгѣ жить хорошо, записалъ князь И. М. Долгоруковъ²),— рыба всегда живая и добрая».

Отдѣленное отъ другихъ сословій и замкнутое въ самомъ себѣ, бѣлое духовенство составляло какъ бы отдѣльное племя, не имѣвшее никакого значенія въ народѣ. Познаніями духовныхъ лицъ никто не пользовался, голосъ священника былъ слышенъ только въ церкви, и по своему положенію духовенство не было принято ни въ какомъ обществѣ.

Вся администрація находилась въ рукахъ чернаго духовенства, а бѣлое не имѣло никакихъ правъ и до 1802 года не было даже избавлено отъ тѣлеснаго наказанія. Поповъ и дьяконовъ сѣкли кнутомъ на площади, не только за уголовныя преступленія, но и хъ подвергали тѣлесному наказанію и съ цѣлью исправительною. Въ первой половинѣ 1800 года были наказаны кнутомъ два

¹) См. „Русск. Стар.“ сентябрь 1894 года.

²) Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній. „Чтениѧ“ 1870 г. Кн. I стр. 42.

священника: Даниловъ, Костромской губерніи Юрьевецкаго уѣзда¹⁾ и Ивановъ—Нижегородской губерніи села Окинина²⁾). Оба они были наказаны по приговору суда, но за маловажный преступление провинившагося священника архіереи безъ суда сажали на цѣль, заковывали въ кандалы или пожные колодки, бросали въ подвалы тюремы и сѣкли плетьями. «Наказываемый укладывался такъ, пишетъ Д. И. Ростиславовъ³⁾, чтобы владыка не вставая съ дивана могъ своими глазами видѣть, плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкли причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, но не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говоривалъ: У! жарко, бывало, дрожь пробѣгала по тѣлу. Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высыченъ самъ до крови».

Дѣло это было самое обыкновенное, никто не удивлялся и не возмущался. Въ нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ былъ устроенъ каменный не толстый столъ, покрытый овальною чугунною крышкою, на которую и сажали провинившагося, руки привязывали къ веревкамъ, другіе концы которыхъ прикреплялись къ кольцамъ, вѣданнымъ въ стѣны. Оставленный на такомъ неудобномъ сидѣніи въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, наказанный долженъ былъ стараться сохранить равновѣсіе, не могъ спать, переносиль страшныя мученія, и бывали случаи, что подвергнутые такому истязанію сходили съ ума и даже умирали. Впрочемъ, не одни архіереи расправлялись такъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, но настоятели монастырей и даже благочинные употребляли такія же средства⁴⁾.

Въ октябрѣ 1802 года черниговскій прокуроръ донесъ министру юстиціи, что по распоряженію первоприсутствующаго въ Конотопскомъ духовномъ правленіи протопопа Щербатскаго, священникъ Николай Андреевскій былъ посаженъ за пьян-

¹⁾ Отношеніе генераль-прокурора Обольянірова обер-прокурору Синода Д. И. Хвостову 2 июня 1800 г.

²⁾ Тоже, 17 мая 1800 г.

³⁾ Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина“ 1880 г. Т. 27, № 1, стр. 9.

⁴⁾ „Изъ прошлаго“ П. М. „Русский Вѣстник“ 1868 г. № 4, стр. 451.

ство на цѣль, оставленъ въ теченіе долгаго времени безъ всякаго присмотра и скоропостижно скончался отъ пост्रѣла. «Изъ сихъ обстоятельствъ усматривается,—доносилъ прокуроръ¹⁾,—что по духовной власти, вмѣсто долженствующей быть къ удержанію преступленій умѣренной строгости, употребляется жестокость безъ всякаго изслѣдованія о преступленіи и приговора для духовнаго правительства существующихъ».

Нерѣдко исправительнымъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ духовныя лица подвергались и отъ свѣтскаго начальства, хотя это было совершенно незаконно²⁾. Прокуроры и вообще свѣтская власть не имѣла права вымѣшиватьсь въ дѣла духовенства, и оно управлялось само собою, преимущественно единоличнымъ произволомъ архіерея.

Въ 1805 году анонимный бѣлгородскій житель, въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну, такъ характеризовалъ духовную власть, состоявшую изъ архіереевъ, консисторіи, духовнаго правленія и благочинныхъ. Онъ говорилъ, что архіерей—это губернаторъ, консисторія—губернское правленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, палаты гражданской и духовной; духовное правленіе—уѣздный судъ и полиція, и наконецъ, благочинные—городскіе и земскіе комиссары.

По свѣтской части стряпчій слѣдилъ за исполненіемъ обязан-

¹⁾ Отъ 31 октября 1802 г. Препровождая этотъ рапортъ митрополиту Амвросію, министръ юстиціи Г. Р. Державинъ сообщилъ ему высочайшую волю, „относительно умѣреннаго обхожденія съ духовными чинами“.

²⁾ Своеволіе свѣтскихъ властей относительно наказаній духовныхъ лицъ не всегда проходило даромъ. „Александръ, протопопъ въ Володимирѣ Димитріевскаго собора,—записалъ кн. И. М. Долгоруковъ,—человѣкъ, отъ которого я сильно пострадалъ въ моей жизни. Это тотъ самый попъ, который зашелъ однажды ко мнѣ на балъ мертвѣцы пьянъ и которого я велѣлъ посадить на стѣжу, пока вытрѣзвится, потому что архіерей въ то время въ городѣ не было. Сие пустое обстоятельство, не заслуживающее никакого вниманія, такъ горячо было принято у двора, потому что попъ Александръ былъ въ родствѣ съ сильнымъ и знаменитымъ Сперанскимъ, что нарижено слѣдствіе, которое рассматриваемо было въ Сенатѣ Московскому. Въ ономъ приговорили отдать меня подъ судъ за оскорблѣніе святыхъ; во при докладѣ о семъ государю, ему угодно было безъ суда написать въ конфірмаціи, чтобы меня отставить. И такъ исторія негодного этого попа, котораго, ни мало не оскорбляя религию, всегда назову такимъ по его худому поведенію, будетъ мнѣ такъ же, какъ и онъ самъ, во всю жизнь помнить“. (Капитоліе моего сердца. „Русскій Архивъ“ 1890 г. № 1. Приложеніе, стр. 10 и 11).

ностей уездного суда, полиции и магистрата; онъ наблюдалъ за соблюдениемъ законовъ во всей ихъ точности, заступался за уголовныхъ, обязанъ былъ отвращать взятки и поборы; о преступникахъ стряпчий доносилъ высшему начальству и извѣщалъ губернскаго прокурора. Послѣдній самъ и черезъ губернскихъ стряпчихъ наблюдалъ, чтобы законы были исполнены вездѣ въ точности, и давалъ заключенія по предложеніямъ губернаторскимъ. По духовной же части должности стряпчаго и прокурора соединялись въ лицѣ секретаря консistorіи, находившагося въ полной власти архіерея и консistorскихъ членовъ. Эта зависимость дѣлала секретаря безгласнымъ исполнителемъ всѣхъ приказаний начальства, хотя бы приказанія явно противорѣчили законамъ¹). Онъ не смѣлъ даже возражать благочиннымъ потому, что нѣкоторые, по особенной связи съ архіереемъ, а другіе съ его келейникомъ, могли оговорить секретаря и лишить его места.

Вторымъ лицомъ при архіереѣ, часто еще большимъ по значенію, чѣмъ секретарь, былъ келейникъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались такимъ влияніемъ, что имъ давали название приказно-служителей и даже вице-архіереевъ. Взятки, неслыханные поборы, притѣсненія—вотъ дѣйствія келейника. При участіи его провинившіеся паказывались не по мѣрѣ вины, а по количеству взноса; въ духовный чинъ производились не по достоинству, а потому, сколько заплачено. «Бездѣльники—въ чести, говорить бѣлгородскій житель, честные люди—въ гоненіи, все по прихотямъ и кого же?—келейника. Архіерей иногда одумается, но келейникъ, зная его слабости, пристрастіе, недостатки, зная его сквозь, умѣть оставить его спокойнымъ. Притомъ же архіерей сидѣть всегда въ четырехъ стѣнахъ и не можетъ ничего самъ собою видѣть и слышать, а видѣть и слышать келейникомъ,—словомъ, всѣ чувства архіерея за-

¹) Если секретарь былъ съ характеромъ и ему удавалось приобрѣсти довѣренность архіерея, то онъ пользовался всѣми благами міра. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ секретарь Черниговской консistorіи, Васильевскій, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, прибрѣгъ земли и крестьянъ. Говорили, что онъ имѣлъ секретную лавку, въ которой продавались подарки искателей его милости. (Воспоминанія Іосифа Самчевскаго. „Кievская Старина“ 1894 г., № 1, стр. 24 и 25).

ключаются въ келейникѣ: если скажеть, что солнце черное, онъ и тому повѣрить».

По словамъ Иосифа Самчевскаго ¹⁾, келейнику, стоявшему всегда на запятахъ архиерея и исполнявшему обязанности лакея, представлялись лучшія священническія мѣста, которыхъ онъ пропадавъ желающимъ. Отсюда происходило то, что богатые, но безграмотные дѣячки получали лучшіе приходы, а окончивши успѣшно курсъ семинаріи ожидали ихъ и получали худшіе.

Келейники наживали огромные капиталы, были горды своимъ положеніемъ, хитры и до крайности мистительны, люди безъ раскаянія, если можно назвать ихъ людьми. «Отъ такихъ неустройствъ, говорить бѣлгородскій житель въ концѣ своей записки ²⁾, не только низшей степени духовные здѣсь въ презрѣніи у насть, но и о самыхъ владыкахъ говорять съ малымъ уваженіемъ... Безпорядки духовныхъ дѣйствуютъ и на самую вѣру. О Святѣйшемъ Синодѣ не такъ думаютъ, по попущенію такихъ злоупотребленій, какъ надобно чтить сіе важное и знатное мѣсто».

Бѣлое духовенство было въ полномъ загонѣ, грубо и не образовано. Причиною тому было отсутствіе духовныхъ училищъ, изъ коихъ многія получили существованіе только въ началѣ XIX вѣка. Такъ семинаріи Пензенская, Орелбургская, Пермская и другія учреждены только въ 1800 году. «Если по тогдашнему воспитанію, — говоритъ московскій митрополитъ Филаретъ ³⁾, — положить десять лѣтъ на совершеніе полнаго учебнаго курса и принять въ разсужденіе, что надобно было время пріучить родителей отдавать дѣтей въ семинаріи, то должно заключить, что только 15 или 16 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ началѣ десятыхъ годовъ), какъ въ сихъ епархіяхъ начало родиться по небольшому числу ученыхъ священниковъ; следственno, продолжаетъ служить еще великое число священниковъ, получившихъ только домашнее причетническое образованіе».

¹⁾ Воспоминанія И. Самчевскаго. „Кievская Старина“ 1894 г., № 1, стр. 24 и 25.

²⁾ Архивъ Синода.

³⁾ Въ запискѣ, представленной при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23 ноября 1826 года.

Къ этому надо прибавить, что нѣкоторые епархиальные архіереи ставили священниками исключенныхъ изъ семинарій рослыхъ учениковъ философскаго и риторического классовъ, по-просту гайдуковъ, предпочитая ихъ причетникамъ совсѣмъ неучившимъ въ семинаріяхъ, и забывая, что они исключены изъ этихъ заведеній какъ неспособные или порочныи и слѣдовательно люди не благонадежные для священства. Такое ставленіе священниковъ было воспрещено указомъ Сунода только 8-го октября 1815 года и разрѣшено до-водить исключенныхъ изъ семинарій не выше діаконскаго чина.

Самое воспитаніе въ семинаріяхъ и даже духовныхъ академіяхъ не было примѣнено къ потребностямъ духовнаго служенія. Въ началѣ XIX столѣтія въ Россіи было четыре духовныи академіи (Петербургская, Московская, Кіевская и Казанская), 36 семинарій, 115 низшихъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ обучалось 29 т. человѣкъ, а на содержаніе ихъ отпускалось всего 185 тысячъ рублей или по 6 руб. 40 коп. въ годъ на человѣка¹). Сумма эта была, конечно, недостаточна, и своеокощные семинаристы содержались на счетъ родителей, смотря по достатку ихъ. Поэтому ни въ одѣждѣ, ни въ постеляхъ формы не было: одѣвались кто во что могъ. «Иные не имѣли лучшей одѣжды, какъ затрапезный сюртукъ, иногда не нашивали брюкъ; постели бывали разныи, отъ тюфяка до войлока, съ подушками, набитыми сѣномъ». Казенно-коштными семинаристами выдавали набитые шерстью тюфяки, шерстяныи одѣяла и подушки, набитыя перьями. Суконный сюртукъ выдавался на три года, старый отбирался и, перешитый, шелъ на одѣжду младшихъ учениковъ. Кормили очень плохо, и семинаристы были почти всегда голодны; пища приготавлялась небрежно и до отвратительности грязно; печеньй картофель считался лакомствомъ, да и тотъ покупался на свои деньги. Семинаристы сами мыли комнаты, чистили подсвѣчники, топили печи. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ классы не тошились совсѣмъ, и зимою было такъ холодно, что рта открыть было невозможно. Полы мылись раза два въ годъ, бѣлье мѣнялось черезъ двѣ недѣли, и рѣдкій изъ учениковъ былъ свободенъ отъ на-

¹) По этой расцѣнкѣ родители платили и за своеокощныхъ. Отецъ Фотія платилъ за него въ Новгородскую семинарію шесть рублей за помѣщеніе, пищу и ученіе. (Автобіографія. „Русская Старина“ 1894 г. № 4, стр. 100).

съкомыхъ, развивавшихся въ головѣ и бѣльѣ. «Былъ одинъ товарищъ у меня, говорить П. С. Казанскій¹), — который имѣлъ одну только рубашку и ту въ лохмотьяхъ. Поэтому не ходилъ и въ баню, не имѣя чѣмъ перемѣнить бѣлья. Другой товарищъ, сынъ сельскаго дѣячка, обремененного семействомъ, чтобы имѣть возможность внести деньги за свое содержаніе въ семинаріи, въ вакацію нанимался возить камень на шоссе». Нѣкоторые зарабатывали себѣ деньги пѣніемъ и чтеніемъ въ приходскихъ церквяхъ, уроками чистописанія, произношеніемъ по домамъ праздничныхъ стиховъ, рѣчей и діалоговъ. Были и такие, которые нанимались у хозяевъ носить воду, рубить дрова и служили вмѣсто чернорабочихъ поденщикомъ²). «Часто отъ глада томимый, Фотій запасалъ на случай недостатка дубовые орѣхи, или жолуди, ёлъ сырье, и печенные»³).

Въ общемъ семинаріи и прочія духовныя училища не имѣли ни систематической организаціи, ни правильной постановки учебныхъ курсовъ. Каждая семинарія управлялась по-своему, и преподаваніе въ ней шло по желанію и указанію мѣстного архіерея. Заботился онъ объ училищахъ, — дѣло шло удовлетворительно, не заботился, — и учителя и ученики, ничего не дѣляя, вмѣстѣ пьянствовали. Старые риторы, т. е. ученики — оставшіеся на 2-й годъ, всѣмъ обществомъ, человѣкъ по 40 и по 50, отправлялись въ кабакъ, выносили на лужайку четверку и распивали ее съ самодовольствіемъ.

Въ 1805 году псковскій губернаторъ Ламздорфъ жаловался архіерею Иринею, что по обнаружившимся покражамъ въ Псковѣ и по другимъ развратнымъ дѣйствіямъ «участіе въ нихъ семинаристовъ было несомнѣнно»⁴). Бѣгство изъ семинарій, воровство и кулачные бои случались нерѣдко. Бѣжавшихъ учениковъ отыскивали черезъ полицію, заковывали въ ножныя желѣза и присыпали въ консисторію подъ карауломъ. Изъ «Історіи Рязанской епархіи» можно видѣть, что бѣглецы считались десятками, а иногда въ семинаріи оставалась только половина, а другая находилась въ бѣгахъ.

¹) Воспоминанія семинариста. — „Православное Обозрѣніе“ 1879 года № 9, стр. 118 и 119.

²) Извѣшество. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 4, стр. 447.

³) Автобіографія Фотія. „Русская Старина“ 1894 г. № 4, стр. 104.

⁴) Членія въ обществѣ исторіи и древностей 1866 г. кн. I. „Смѣсь“, стр. 71 и 72.

Сами родители утаивали у себя бѣжавшихъ изъ семинаріи дѣтей, конечно, не отъ хорошей жизни, а отъ дурнаго содерянія и суроваго обращенія. Семинаристовъ били по щекамъ и подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. «Розги изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ,—говорить Д. И. Ростиславовъ¹⁾),—считались недостаточными; въ каждомъ изъ правленій семинарскихъ всегда висѣло нѣсколько ременныхъ плетей съ двумя и тремя хвостами; эти плети въ случаѣ надобности были приносимы въ классы и при помощи опытной и крѣпкой руки покрывали обнаженные части тѣла рубцами, которые оставались видными иногда спустя даже нѣсколько недѣль послѣ операциіи. При томъ, одну плеть, одну лозу находили недостаточными; часто и даже очень часто на наказываемаго сыпалась удари съ двухъ сторонъ; а чтобы онъ своими движеніями не мѣшалъ плети или лозѣ падать на тѣ именно мѣста, на которыхъ мѣтилъ экаекоторъ, или, какъ обыкновенно ихъ называли, съ куторъ, наказываемаго держали не только двое, а даже четверо и пятеро сторожей или товарищей».

Собственно говоря въ наказаніяхъ была своего рода постепенность; за первыя двѣ вины ограничивались выговорами, за третью наказывали «шелепами», то-есть палками, за четвертую плетыми, за пятую —тюремнымъ заключенiemъ на недѣлю и т. д.; за воровство заковывали въ кандалы, сажали въ семинарскую тюрьму и наказывали плетими. Самыми легкими наказаніями, по словамъ преосвященнаго Макарія, считалось стояніе на колѣнахъ съ истязаніемъ для рукъ и ногъ, голодный столъ, карцеръ, пали²⁾ и розги. Суровое обращеніе съ семинаристами было причиной того, что родители не охотно отдавали въ «науку» своихъ дѣтей и провожали ихъ въ бурсу съ горькими слезами. Въ семинаріи забирали тогда силою, и многие отцы считали счастлемъ для своего сына, если онъ, избѣгая школы, успѣвалъ остаться въ числѣ церковниковъ или приписаться къ крестьянскому сословію. «На школьнное ученіе,—говорить преосвященный Макарій³⁾),—смотрѣли какъ

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина“ 1880 г. т. XXVII, № 1, стр. 15.

²⁾ Пали—это ударъ изъ всей силы линейкой по концамъ всѣхъ пяти пальцевъ руки, сложенныхъ вмѣстѣ.

³⁾ „Нижегородскія губернскія вѣдомости“ 1849 г. Изъ прошлаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 4, стр. 450.

на повинность, какъ на военную службу, какъ на мѣсто истязаній. Только невольное и усиленное принужденіе могло собрать въ семинарію дѣтей. Потому весьма рѣдкіе съ любовью къ наукамъ проходили всѣ классы; большая часть учащихся съ первого же года смотрѣла вонь изъ семинаріи».

Семинаристы весьма часто были такихъ солидныхъ лѣтъ, что наука не шла имъ въ голову. Чтобы расположить ихъ окончить курсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить поступить въ духовное званіе, начальство разрѣшало имъ жениться и даже посвящало въ священники съ тѣмъ, чтобы они въ этомъ званіи докончили свое семинарское образованіе. Нѣкоторые женились безъ позволенія начальства, за долго до окончанія курса, и бывали случаи, что засидѣвшійся отецъ выходилъ изъ семинаріи, а старшій сынъ его поступалъ въ нее.

Во главѣ духовнаго воспитанія должна стоять прежде всего нравственность потому, что и глубокое изученіе догматовъ не принесетъ пользы, если человѣкъ останется безнравственнымъ. Догматы должны служить только опорою для нравственныхъ потребностей совѣсти и сердца каждого, обряды же только въ томъ случаѣ имѣютъ значеніе, когда ими развивается и поддерживается религіозное настроеніе. Этого-то и не было въ семинаріяхъ. «Если сохранились въ комъ-нибудь изъ насъ залоги добра,—говорить П. С. Казанскій¹⁾,—если вышелъ изъ воспитанниковъ нашей семинаріи какой-нибудь добрый священникъ, то единственно обязанъ онъ первоначальному воспитанію, молитвамъ родителей, дѣйствію благодати и урокамъ жизни, а не попеченію начальства. Оно ничѣмъ не возбуждало религіознаго чувства».

До преобразованія духовныхъ училищъ въ 1808 году, всѣ предметы, не исключая и русской словесности, преподавались на латинскомъ языке. Отъ этого многіе ученики отличались только знаніемъ этого языка и искусствомъ писать латинскіе стихи. «Для достиженія и поддержанія сей славы,—говорить митрополитъ Филаретъ²⁾,—ученики особенные усилия и большую часть времени употребляли на изученіе латинскихъ ораторовъ и стихотворцевъ. Отъ

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Православное Обозрѣніе“ 1879 г. № 9.

²⁾ Въ запискѣ, представленной при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го ноября 1826 года.

сего происходили священники, которые довольно знали латинскихъ и языческихъ писателей, но мало знали писателей священныхъ и церковныхъ; лучше могли говорить и писать на латинскомъ языкѣ, нежели на русскомъ; имѣли память обремененную множествомъ словъ, но умъ не оплодотворенный живымъ познаніемъ истины».

Богословіе преподавалось исключительно на латинскомъ языкѣ, и руководствомъ служила книга преосвященнаго Феофилакта, составлявшая не болѣе какъ выдержки изъ лютеранскаго богословія Буддея. Пристрастіе къ латинизму имѣло дурное вліяніе уже потому, говорить Филаретъ, что латинскій языкъ по первоначальному своему образованію есть языкъ народа языческаго, по теперешнему употребленію — языкъ церкви западной, а языккомъ церкви восточной никогда не быть и быть причины не имѣть. Логику преподавали по Бакмайстеру, риторику — по Бургю, а математику, исторію и географію считали предметами неважными и для преподаванія ихъ не находили достаточно знающихъ учителей. Въ послѣднихъ былъ огромный недостатокъ. Въ Коломенской семинаріи, гдѣ учился митрополитъ Филаретъ, было три учителя: одинъ доморошенный, другой окончившій курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и третій — въ Троицкой семинаріи, и изъ всѣхъ трехъ доморошенный оказался лучшимъ. Въ 1800 году въ Лаврской Московской семинаріи, куда перешель Филаретъ, философию учили молодой іеромонахъ Мельхиседекъ Минервінъ, который самъ былъ не твердъ въ этой наукѣ. Вообще философиа понималась очень трудно, но идеи западныхъ философовъ и энциклопедистовъ проникли и въ духовныя училища. Основаніемъ философиа было учение объ идеѣ безконечнаго, какъ основномъ пунктѣ нашей духовно-нравственной дѣятельности. Это учение излагалось словами Поарета, въ системѣ котораго вѣяль мистической духъ. Семинаристы увлекались системою «дружною съ откровеніемъ и говорящею сердцу и воображенію»¹⁾). Въ богословіи говорилось только о книгахъ священнаго писанія, да и то Ветхаго Завѣта. Общіе наши съ протестантами трактаты, напримѣръ о св. Троицѣ, объ искупленіи и т. п., прохо-

¹⁾ Воспоминанія П. С. Казанскаго. „Православное Обозрѣвіе“ 1879 г. № 9, стр. 104 и 105.

дились порядочно, а другіе, напримѣръ о церкви, совсѣмъ не были читаны¹). Богословскія понятія, излагаемыя на латинскомъ языкѣ, скованныя слишкомъ тяжелою школьнью терминологіею, трудно понимались учениками, а по выходѣ изъ семинаріи съ трудомъ перелагались на русскій языкъ, для сообщенія ихъ народу. Вся семинарская ученость заключалась преимущественно въ ораторствѣ. Студентовъ учили писать стихи, и если являлись поэтическія дарованія, то они заглушались провозою семинарской жизни, нуждами и лишеніями всякаго рода и, наконецъ, долблениемъ, не дающимъ пищи ни чувству, ни воображенію. Полное же незнанічество съ первоклассными нашими поэтами, читать которыхъ запрещалось, какъ нѣчто вредное и безнравственное, было причиною, что изъ воспитанниковъ семинарій не являлось поэтовъ, и стихи писались только по заказу.

Выѣсто испытаній и повѣрки знаній въ наукахъ устраивались такъ называемые диспуты, при которыхъ ученики раздѣлялись на двѣ стороны: съ какою твердостію одинъ защищалъ истину, съ такою же дерзостью другой усиливался доказать ложь; ловкое возраженіе было одобряемо не меныше, если не больше основательного опроверженія. «Отсюда—склонность къ спорамъ часто соблазнительныи и никогда не полезныи для наставленія народа, потому что и возраженіе и рѣшеніе ихъ большею частію въ школѣ выдуманы, въ школьнномъ видѣ представлены и не входятъ въ кругъ понятій, обращающихся въ народѣ».

Вообще положительныхъ знаній выносилось очень немного. «Конечно, догматы вѣры я зналъ, — говоритъ П. С. Казанскій²), — могъ разсуждать о нихъ, но исторію церкви христіанской зналъ мало. Философія почти вся улетѣла изъ головы. По-латыни могъ писать и читать безъ затрудненія. По-гречески нознакомился съ грамматиками Бюрнупа и Попова. По-нѣмецки могъ читать книги, но

¹) Дневникъ А. В. Горского съ примѣчаніемъ С. Смирнова, изд. 1885 г., стр. 88. Часть этого дневника была напечатана въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1868 г., подъ заглавиемъ: „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета, митрополита московскаго, записанныхъ А. Г.“.—То же самое было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г. № 12, подъ заглавиемъ: „Рассказы митрополита Филарета, записанные А. В. Горскимъ“.

²) „Православное Обозрѣніе“ 1879 г. № 9, стр. 107 и 108.

только при помощи лексикона. Мысль моя была довольно развита. Чтение аскетическихъ сочиненій и духовныхъ книгъ, изданныхъ въ Россіи во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, дало отчасти мистическое направленіе моимъ мысламъ. Но знанія людей, знанія жизни я не имѣлъ никакого. Что было бы со мною, еслибы я поступилъ въ священники въ село? Не могу и представить, что бы было при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Въ продолженіе всего ученія о пастырскихъ обязанностяхъ у насъ не было и рѣчи».

Воспитанный въ латинской схоластикѣ, съ знаніями сухими и холодными, съ недостатками одушевленія и совершенно незнакомый съ жизнью, семинаристъ дѣлался священникомъ и попадалъ въ обстановку, далеко не привлекательную. Сынъ бѣдныхъ родителей, а иногда и сирота, ничего не имѣющій, сдѣлавшись священникомъ, обязанъ былъ купить домъ своего предшественника и слѣдовательно съ первого шага войти въ долги. Въ большинствѣ случаевъ онъ самъ долженъ былъ обрабатывать землю, самъ хлопотать около дома, самъ припасать все необходимое для жизни; братъ же въ руки священные книги ему не было времени, да и купить ихъ было не на что, денегъ не хватало на самыя насущныя потребности. Многіе священники вместо сапоговъ носили лапти и въ нихъ служили въ церкви. Отправляя своего сына въ Петербургъ, отецъ Г. П. Павскаго спшилъ ему сюртукъ изъ единственной своей расы, а самъ остался ходить въ одномъ подряснике¹⁾). Отецъ Фотія зарабатывалъ деньги тѣмъ, что рубилъ и возилъ лѣсъ на крестьянъ. Но заработка этой были ничтоженъ, и въ іюль, передъ жатвою, въ домѣ вовсе не было хлѣба. Фотій собиралъ огородную траву, посыпалъ ее солью и тѣмъ насыщалъ себя.

Такая бѣдность заставляла духовенство входить въ дѣла неприятные и пользоваться руками прихожанъ въ пособіе къ воздѣлыванію земли. Это пользованіе, по тогдашимъ понятіямъ, было со-пряжено съ грѣхомъ и нарушеніемъ правилъ религіи, ибо крестьяне соглашались помогать священнику не иначе, какъ въ праздничные дни. Завися вполнѣ отъ прихожанъ и ихъ ничтожной платы за

¹⁾ Протоіерей Г. П. Павскій. „Русская Старина“ 1888 г., т. 27, № 1
i сгр. 115.

исполненіе требъ¹⁾), сельскій священникъ по необходимости долженъ быть приобрѣтать ихъ расположение, примѣняться къ ихъ обычаямъ, вкусы и даже пьянствовать вмѣстѣ съ ними. «Крестьяне, говорить современникъ²⁾, идутъ прямо съ паперти въ кабакъ, противъ храма Божьяго, отъ которого отдѣлялся только проѣзжю дорожей. Туда же, управившись въ церкви, спѣшать священно-служители. Послѣдніе, говоря правду, держали себя несообразно съ достоинствомъ духовнаго сана... Сколько разъ, возвращаясь съ полевой прогулки, мы находили отца Селивана лежащимъ на церковномъ погостѣ въ безпамятствѣ, съ раскинутыми врозь руками!»

Пьянство было господствующимъ порокомъ духовенства, дохолившаго въ этомъ отношеніи до полной неблагопристойности³⁾. Фотій старался удержать своего отца отъ этого порока, но за это былъ битъ по щекамъ мѣстнымъ священникомъ. Послѣдній былъ собутыльникомъ отца Фотія и вмѣстѣ съ нимъ пьянствовалъ; понятно, что вмѣшательство Фотія было непріятно попу.

«Дня черезъ три, либо менѣе,—писалъ Филаретъ дѣду⁴⁾,—сойду я на другую квартиру, именно къ дворнику Рождественскаго попа, къ такому же пьяницѣ, какъ и самъ попъ... Выданъ указъ (Сѵнода)⁵⁾, чтобы кутейники не хватались за вино, а знали бы кутью».

Но указъ не помогалъ, и священники продолжали пьянствовать, дрататься съ прихожанами у кабаковъ и на базарѣ, и тиранствовать въ семье. Достаточно прочитать записки Д. И. Ростиславова, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго⁶⁾.

Съ каждымъ днемъ по выходѣ изъ семинаріи, священникъ все

¹⁾ За молебенъ съ акаистомъ платилось 10 коп., безъ акаиста 5 коп. По сдѣланному въ 1824 г. въ канцеляріи Сѵнода расчлененію доходовъ, приходило среднимъ числомъ въ годъ на цѣлый причтъ 10 руб. 84 к. („Русский Вѣстникъ“ 1876 г. № 5, стр. 110. „Правосл. Собоюздникъ“ 1894 г. № 1, стр. 30).

²⁾ Первые годы жизни до поступленія въ школу. „Русский Вѣстникъ“ 1876 г. № 5, стр. 110.

³⁾ См. Чтенія въ Московскомъ обществѣ любителей духов. просвѣщенія 1870 г. кн. XII, 320.

⁴⁾ Въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1800 г. Письма къ роднымъ, стр. 4.

⁵⁾ Предписавшій архіереямъ принять мѣры въ искорененію пьянства въ духовенствѣ.

⁶⁾ См. „Русскую Старину“, т. 28, стр. 37—41.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. IXXXII. октаврь.

болѣе и болѣе дичалъ, грубѣлъ, забывалъ о своихъ обязанностяхъ, терялъ уваженіе къ церкви и религіи, и смотрѣлъ на свой санъ, какъ на ремесло извѣстной касты или цеха. Въ Уфѣ былъ священникъ Ласточкинъ, который во время причастія громко сказалъ одной дамѣ: «Что ты боишся что-ли ротъ-то открыть? Ну, куда я тебѣ лжицу просуну?»

Сконфуженная молодая дама открыла ротъ со всѣмъ усердіемъ.

— Смотри пожалуй, проговорилъ тогда священникъ: она никакъ ужъ и меня съ сосудомъ проглотить хочетъ¹⁾.

Сохранилось много свидѣтельствъ объ унижениіи церкви самимъ духовенствомъ, и мы приведемъ одно изъ нихъ. Въ селѣ Бѣлоумутѣ, отстоявшемъ не болѣе, какъ въ 150 верстахъ отъ Москвы, въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія дьяконъ Евѳимій Денисовъ въ стихарѣ шумѣлъ, прыгалъ и дѣлалъ такія «наглости», которыхъ свойственны только сумасшедшемъ. Неоднократно выбѣгалъ онъ изъ алтаря и въ присутствіи прихожанъ, оставшихся служить панихииду, произносилъ ругательныя слова. Случалось, что во время службы, дѣти запирались въ алтарѣ, бѣгали вокругъ престола, шумѣли и кричали. Причетники на горнемъ мѣстѣ, сидя на стульѣ, часто стригли волосы, вытирали руки ризами, вызывали другъ друга на кулачный бой, облокачивались на жертвенникъ и проч. «И посему, сказано въ концѣ донесенія²⁾, церковь наша толико уничижена, толико поругана, толико обезславлена студными ихъ дѣлами, что весьма прилично сказать о ней словеса Господни: «домъ мой — домъ молитвы наречется, вы же сотвористе его вертецъ разбойникамъ». И святый алтарь у нихъ не что иное, какъ торжище, гдѣ происходятъ безпрестанные счеты, повѣрки, крики и ругательства, что весьма обезображеніе сіе святое мѣсто и дѣлаетъ презрѣніемъ для самихъ прихожанъ».

Прихожане не уважали духовенство, а дворяне и помѣщики смотрѣли на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и держали въ загонѣ. Священники же напротивъ относились къ помѣщикамъ съ

¹⁾ Рассказы изъ недавней старинны И. Е. Листовскаго. „Русскій Архивъ“ 1884 г. № 2, стр. 290.

²⁾ Донесеніе о неблагочиніи. „Русская Старина“ 1878 г., т. 22, № 7, стр. 476—479.

подобострастіемъ. Встрѣчаясь, напримѣръ, съ дѣтьми помѣщика, священникъ, вмѣсто того, чтобы благословить ихъ, говорилъ: «А здравствуйте, молодые господа; пожалуйте ручку» и цѣловалъ ее.

Подобные пастыри не могли имѣть никакого вліянія на паству. «Могли ли они указывать на сучки своихъ прихожанъ, когда изъ ихъ собственныхъ очей торчали цѣлые бревна»¹⁾? Если они и поучали въ извѣстные праздники, то эти поученія не внушались имъ сознаніемъ священническаго долга, не вытекали изъ убѣжденія въ истинѣ и важности проповѣдуемаго, а были исполненіемъ предписанаго, часто виѣшнимъ очищеніемъ совѣсти.

Проповѣди поучительны и полезны только тогда, когда, примѣняясь къ потребностямъ времени, служатъ выраженіемъ господствующаго душевнаго настроенія или живымъ укоромъ порока, укоромъ, подкрѣпляемымъ всѣмъ доступными христіанскими истинами. Церковь призвана къ воздействию на общество живымъ словомъ проповѣди, приноровленной къ его потребностямъ и интересамъ. Но слово человѣка, не знающаго и не желающаго знать дѣйствительной жизни, не можетъ быть затрогивающимъ, мѣткимъ, интереснымъ и поучительнымъ. Большинство же проповѣдей того времени составлялось и говорилось по «Руководству къ церковному краснорѣчію, съ примѣрами изъ св. Писанія, Святыхъ отецъ и славнѣйшихъ ораторовъ христіанскихъ». Книга эта, какъ переведенная съ иностраннаго языка, мало была пригодна для православнаго проповѣдника; но и ею могли пользоваться лишь немногіе священники. Большинство не въ состояніи было написать проповѣдь и передать со смысломъ катехизическія понятія. Семинаристы готовились во священники,—пишетъ П.С. Казанскій,— «чтобы проходить эту должностъ такъ, какъ проходять ихъ отцы: служить обѣдни, совершать требы и разъ въ годъ сказать гдѣ-нибудь въ уѣздномъ соборѣ проповѣдь. Они готовились къ этому, списывая лучшія проповѣди учениковъ семинаріи и, если случится — профессоровъ. У иного до 200 проповѣдей наготовлено. А подумать о томъ, приложимы ли эти проповѣди къ тѣмъ слушателемъ».

¹⁾ Первые годы жизни до поступления въ школу. „Русскій Вѣстник“ 1876 г. № 5, стр. 110.

лямъ, которые будуть у нихъ, имъ и въ голову не приходило. И знаю изъ многихъ примѣровъ, что написать проповѣдь священнику самое величайшее мученіе. Даже не то, что написать, но и переписать готовую не въ состоявіи иные благочинные Московской епархіи. Тѣмъ менѣе можно ждать отъ нихъ бесѣды со своими прихожанами въ храмѣ Божіемъ¹⁾.

Еслибы такие пастыри стали поучать народъ, то при ихъ положеніи и низкомъ уровнѣ нравственности, они были бы похожи на того пастора, которому духовный сынъ его намекнулъ, что человѣкъ, преслѣдующій пьянство съ каѳедры, долженъ бы былъ прежде всего самъ вылѣчиться отъ этой болѣзни.

— Любезный другъ,—отвѣчалъ пасторъ,— мнѣ платить триста талеровъ въ годъ за то, чтобы я отучаль васъ отъ крѣпкихъ напитковъ, но чтобы мнѣ самому не пить ихъ... да я за это не возьму съ тебя и трехъ тысячъ²⁾.

При такихъ условіяхъ сельское духовенство не могло оказать пользы ни нравственности, ни религії. Черное духовенство того времени было въ общемъ не лучше бѣлаго. «Духовные сдѣлались совершенными торгашами,— писалъ М. Невзоровъ князю А. Н. Голицыну³⁾,— стараются только умножить свои доходы отдачею въ наймы домовъ, подваловъ, огородовъ и подобнаго. Свидѣтельствомъ тому служать всѣ подворья архіерейскія и монастырскія въ Москвѣ, составляющія гнѣзда трактиръ, харчевенъ, постоянныхъ дворовъ и лавокъ къ единой роскоши служащихъ. Религію же Христову и богопочитаніе они (духовные) заключаютъ только въ умноженіи золота, парчей и жемчуговъ церковныхъ, почему явные грабители, дѣлающіе въ монастыри и церкви вклады, становятся у нихъ лучшими христіанами; истинные же поклонники Іисуса Христа, старавшіеся о распространеніи истиннаго духа евангельскаго, почитаются отъ нихъ безумными, фанатиками и подвергаются гоненію... Всего же чуднѣе, что начальствующіе монахи нынѣ начали явно

¹⁾) Воспоминанія семинариста П. С. Казанского. „Православное Обозрѣніе“ 1879 г., № 9, стр. 109.

²⁾) Первые годы жизни до вступленія въ школу. „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г., № 5, стр. 111.

³⁾) Въ письмѣ отъ 27 января 1819 г. Рукопись Императорской публичной библіотеки. О. III, № 73.

говорить, что они не монахи, а начальники и правители церкви, а постригаются въ монахи только для поддержанія религіі».

— Для чего же они постригаются, — спрашивалъ Невзоровъ, — для чего даютъ страшные обѣты и клятвы? Неужели такимъ явнымъ клятвопреступлениемъ поддерживается вѣра Христова, и не служить ли это явнымъ соблазномъ и развратомъ?

Конечно, между темными пятнами были и свѣтлые точки, даже звѣзды, рѣзко выдѣлявшіяся изъ всего сословія, но и они отдали дань своему вѣку.

Когда, въ началѣ настоящаго столѣтія, по преобразованіи духовныхъ училищъ, учреждали на новыхъ началахъ Петербургскую духовную академію, то, за неимѣніемъ отечественныхъ ученыхъ, решено было на нѣкоторыя каѳедры пригласить ученыхъ изъ-за границы. Въ числѣ приглашенныхъ на каѳедру еврейскаго языка былъ извѣстный оріенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ, находившійся тогда въ Берлинѣ. Прежде католическій монахъ, по томъ принявший лютеранство и женившійся, Фесслеръ былъ масонъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ завелъ у себя домашнюю масонскую ложу. Около этого же времени появился въ нѣмецкихъ журналахъ разборъ его сочиненія «Терезія», въ которомъ сказано было, что Фесслеръ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній, потеряль первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался идеалистомъ. Вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ было обширно. «Я помню, — говорилъ Филаретъ¹⁾, — что одинъ студентъ вышелъ изъ академіи безъ вѣры въ Искупителя, какъ Бога». Фесслеръ признавалъ Иисуса Христа не болѣе, какъ величайшимъ философомъ. Онъ былъ удаленъ изъ академіи послѣ того, какъ подалъ конспектъ по древностямъ восточной церкви, где между прочимъ высказалъ мысль, что богослуженіе слагается изъ двухъ элементовъ: лирическаго и драматическаго.

Не одинъ, впрочемъ, Фесслеръ вселялъ въ своихъ ученикахъ такого рода идеи, но еще до преобразованія духовныхъ училищъ въ Петербургской академіи было много невѣрующихъ студентовъ²⁾.

¹⁾ Изъ воспоминаній Филарета. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 517.

²⁾ То же, стр. 518.

Графъ М. М. Сперанскій свидѣтельствуетъ, что во время пребыванія его въ Александро-Невской семинаріи былъ учитель, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдоваль ученія Вольтера и Дiderо¹). Съ такою подкладкою ученики переходили и въ Петербургскую духовную академію. Въ Киевской,— по словамъ И. О. Тимковскаго,— студентамъ не воспрещалось читать всякаго рода книги, и оѣ два раза сряду прочиталъ какъ благовѣстіе— не какъ поэму— «Юнговы ночи», въ переводѣ Гамалея. За «Юнговыми ночами» послѣдовало чтеніе «Oeuvres spirituelles par Fenelot» и проч.²). Миѳическая сочиненія читались съ большинствомъ увлеченіемъ и въ С.-Петербургской духовной академіи, въ особенности сочиненія Ю. Штиллинга и Эккардтаузена. «Св. отцовъ,— говоритъ Фотій³)— не давали читать изъ академической библиотеки, ибо никто совсѣма не подавалъ и примѣра. Толковники на св. писаніе были рекомендованы и выдаваемы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезные».

Наиболѣе образованное духовенство какъ бѣлое, такъ и черное, само увлекалось тогдашнимъ общественнымъ движениемъ: переводило творенія Жанъ-Жака Руссо⁴) или съ увлеченіемъ читало миѳической сочиненія. Въ числѣ послѣдователей мистицизма или по крайней мѣрѣ сочувствовавшихъ ему были: митрополиты Платонъ, Амвросій⁵) и Михаилъ; архіереи: Іоаннъ

¹⁾ „Духовный Вѣстникъ“ 1862 г., т. II, стр. 374.

²⁾ Мое опредѣленіе въ службу И. О. Тимковскаго. „Москвитянинъ“ 1852 г., № 18, стр. 6. Статья эта перепечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., тетр. 6, стр. 1378.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1878 г., т. VI, стр. 35.

⁴⁾ Протопопъ В. М. Протопоповъ переводилъ его для типографщика Селивановскаго. „Я люблю,— писалъ при этомъ Протопоповъ,— Жанъ-Жака (Руссо) не такъ, какъ антагониста религіи, а какъ умѣющаго трогать душу и разговаривать съ сердцемъ чувствительнаго писателя“. („Духовный Вѣстникъ“ 1862 г., т. III, стр. 373).

⁵⁾ Еще въ 1787 году митрополитъ Платонъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ слово на день Благовѣщенія. Онь имѣть цѣлью установить истинное понятіе о различіи между царствіемъ Божімъ и царствіемъ земнымъ. Слово же его, произнесенное въ Чудовомъ монастырѣ, говорить о рожденіи и духовномъ. Здѣсь Платонъ старался поставить внутреннее возрожденіе христіанства необходимымъ условіемъ явленія въ насть и среди насть царствія Божія и царствія Христова. Митрополитъ Амвросій проповѣдывалъ объ истинномъ блаженствѣ, пронтекающемъ отъ соединенія съ Богомъ.

тверской, Даниилъ могилевскій и витебскій, Симеонъ Крыловъ тульскій, Онисофоръ вологодскій, одесскій архимандріть Феофанъ и въ молодости Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Изъ бѣлага духовенства мы можемъ назвать: священника въ Балтѣ Феодосія Левицкаго, подольскаго—Федора Лисьевича и наконецъ дошедшаго въ этомъ отношеніи до фанатизма іеромонаха Іону, зеконоучителя Морскаго кадетскаго корпуса.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ наиболѣе выдающимся дѣятелемъ въ религіозномъ движениіи начала столѣтія былъ епископъ калужскій Феофилактъ, стоявшій во главѣ партіи нецерковнаго направленія¹⁾, занимавшійся преподаваніемъ въ С.-Петербургской духовной академіи анти-христіанской эстетики²⁾, переводившій Boehція, Ансильона и составившій руководство Богословія, заимствованное изъ лютеранской книги Буддея.

Землякъ Ломоносова, школьній товарищъ Сперанскаго, Феофилактъ Рusanовъ окончилъ курсъ въ Невской семинаріи и, по выходѣ изъ нея, довершилъ свое образованіе изученіемъ новѣйшихъ иностраннѣыхъ языковъ. Знакомый съ богатою французскою литературою и съ философию Канта, Феофилактъ любилъ говорить по-французски и оттого получилъ въ обществѣ название «французыскаго архіерея», а среди духовенства—Бріена³⁾). Это былъ скорѣе свѣтскій человѣкъ, чѣмъ архипастырь, увлекавшійся западнымъ движениемъ и большой поклонникъ Фенелона.

«О Фенелонѣ!—писалъ Феофилактъ⁴⁾,—какой блестательный умъ за честь бы себѣ не поставилъ быть творцомъ твоихъ произведеній! Какое добroe сердце не поревнуетъ тебѣ въ дѣлахъ живыя вѣry! Признаюсь вамъ, почтенный и любезный мой другъ, что до сего времени слегка только зналъ я о семъ тайникѣ благодати, и вы ничѣмъ лестнѣе одолжить меня не могли, какъ заманчивымъ вызовомъ короче съ нимъ мнѣ познакомиться. О, когда бы могъ я сблизиться съ вами по таинствамъ выхваляемой имъ духовности,

¹⁾ Изъ воспоминаній Филарета, записанныхъ А. В. Горскимъ. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 518.

²⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., декабрь, кн. II, стр. 762.

³⁾ Имя французскаго епископа, участвовавшаго въ революції.

⁴⁾ Сперанскому 16 ноября 1804 г. „Въ память М. М. Сперанскаго“. Изд. Императорской публичной библіотеки, стр. 381.

сколько лобызаю нѣжную и горячую его любовь ко Христу! Но ощущаю въ душѣ моей нѣчто насы раздѣляющее, и это меня тревожить. Мне кажется, что никогда не должно ходить по крайностямъ; и духовныя сочиненія Фенелона всемѣстно почти отзываются чрезвычайностію».

Эту чрезвычайность Феофилактъ находилъ въ стремлениі Фенелона уничтожить всѣ дѣйствія природы на человѣка, заставить умертвить самолюбіе, отказаться отъ земнаго благополучія и возвстановить сообщеніе съ божествомъ, то сообщеніе, которое имѣлъ первый человѣкъ до грѣхопаденія — словомъ, свести рай на землю.

Бывая часто у своихъ родственниковъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ, князь А. Н. Голицынъ, еще до назначенія оберъ-прокуроромъ Синода, имѣлъ случай узнать полезную административную дѣятельность Феофилакта. Съ поднятіемъ вопроса о преобразованіи духовныхъ училищъ, кн. Голицынъ вызвалъ Феофилакта въ Петербургъ, и ему повелѣно было присутствовать въ Св. Синодѣ. Поддержаный двумя близкими ему лицами — кн. А. Н. Голицынымъ и М. М. Сперанскимъ — Феофилактъ съ самого вступленія своего въ Синодъ занялъ тамъ первенствующее положеніе. Изящныя манеры, бойкость рѣчи и обширное образованіе привлекли на него всеобщее вниманіе. Онъ очень понравился императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и очаровалъ ее правильную и бойкою французскою рѣчью. Познакомившись съ религиозно-мистическимъ настроениемъ кн. Голицына и Сперанского, архіепископъ Феофилактъ часто бесѣдовалъ съ ними объ извѣстномъ шведскомъ мистикѣ и духовидцѣ Сведенборгѣ, которому самъ сочувствовалъ и совѣтовалъ прочитать его Филарету, тогда еще молодому іеромонаху. Склонный къ увлеченію всѣмъ таинственнымъ, Филаретъ послѣдовалъ совѣту, ознакомился съ мистическими сочиненіями, и первыя его проповѣди наполнены были мыслями главнейшихъ представителей мистицизма.

Митрополитъ Михаиль по воспитанію своему принадлежалъ къ Новиковскому «Дружескому обществу», учился тамъ вмѣстѣ съ А. Ф. Лабзинскимъ, и черезъ священника Малова находился въ сношеніяхъ съ sectою Татариновой. Проповѣди Михаила

имели вполнѣ мистический характеръ. Хожденіе въ церковь, поклоны, чтеніе наизусть молитвъ, совершеніе обрядовъ онъ называлъ наружнымъ богослуженіемъ, знаменіемъ истиннаго богослуженія, не составляющимъ его самого.—Наружное богослуженіе, по его словамъ, только тогда прятно Богу, когда соединено съ внутреннимъ, а безъ такого соединенія оно ничто, пользы не приносить и угодно Богу быть не можетъ¹).

— Мы, говорилъ Михаилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—съ духомъ сокрушеннымъ и съ сердцемъ смиреннымъ должны служить Богу не только тогда, когда во храмѣ находимся, когда молитвы дѣемъ, но должны тако служить всегда, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.—Внутренность наша должна быть походною церковью, а внутренний человѣкъ священникомъ, всегда въ ней передъ Богомъ служащимъ, всегда себя Ему въ жертву, въ чистотѣ и святынѣ приносящимъ.—Такое расположение сердца, такое положеніе духа, такое служеніе внутренняго человѣка имѣть важныя послѣдствія; оно дѣйствительно можетъ участвовать въ соединеніи съ Богомъ и слѣдовательно въ наслажденіи вѣчнымъ блаженствомъ.

Возвышенное богослуженіе на счетъ вѣшняго, митрополита Михаилъ, конечно, признавалъ равенство всѣхъ исповѣданій, не давалъ предпочтенія ни одному изъ нихъ и вмѣстѣ съ мистиками подрывалъ значеніе вѣшней церкви.

Таково было направленіе блестящихъ духовныхъ единицъ того времени. Все же остальное черное духовенство коснуло въ невѣжествѣ, ограничивая свою дѣятельность духовнымъ регламентомъ и грозными преданіями Петровскаго времени.

Англійскихъ миссіонеровъ удивляла терпимость нашего духовенства и его безучастіе въ вопросахъ религії.—«Если только,—писалъ Пинкертонъ²),—вы удержитесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвы за умершихъ и проч. — вы можете выставлять всѣ жизненные учे-

¹) Бесѣды митрополита Михаила, т. IV, 427.

²) А. Н. Пыпнъ.—Россійское біблейское общество.—«Вѣстникъ Европы» 1868 г. № 11, стр. 235.

пія Евангелія, безъ опасенія, чтобы трудъ быль отвергнутъ духовными властями».

«Въ нашей обрядной церкви, говоритъ Н. И. Пироговъ¹⁾), по крайней мѣрѣ во время моего дѣйства, а въ деревняхъ, какъ вижу, и теперь еще Евангеліе считается попами и прихожанами священнымъ не по содержанію, не по мыслямъ и изложенію въ немъ ученію, а священнымъ, какъ предметъ формально; такъ и слова молитвъ считаются священными, какъ слова,— слышанныя, прочитанныя они должны оказать благодатное и спасительное дѣйствіе на слушателя и читателя».

Растолковать слова Евангелія, внушить народу истины религії и бороться противъ безвѣрія духовенство было не въ состояніи. Правда, что въ началѣ настоящаго столѣтія появилось нѣсколько духовныхъ сочиненій, направленныхъ противъ невѣрія, но они, не разъясняя истинъ религії, имѣли часто полемический и даже юмористический характеръ.

Первымъ по времени сочиненіемъ, направленнымъ противъ ученія философовъ и мистиковъ, было появившееся въ 1803 году сочиненіе священника Московской единовѣрческой церкви Ивана Полубенского подъ заглавіемъ: «О вѣщнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка христіанина». Авторъ задался обширною программою: дать ясное и точное понятіе объ истинномъ смыслѣ и разумѣ Евангелія тѣмъ, которымъ оно не ясно; указать на слабыя мѣста философскихъ системъ; опровергнуть мнѣнія иностранныхъ писателей по церковнымъ и богословскимъ вопросамъ; писателямъ книгъ религіозныхъ дать необходимыя заставленія; открыть секретъ, узнать антихристовыхъ служителей; научить узнавать, кто уклоняеть въ сторону истинный смыслъ Христова ученія; представить въ ясномъ видѣ внутреннее теченіе христіанства; сокрушить ложночтимые истуканы; іерихонскія стѣны грѣха гласомъ трубнымъ поколебать и проч. проч. Авторъ изложилъ свои мысли въ трехъ томахъ, но, къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, сочиненіе это написано въ ироническомъ,

¹⁾ Въ своихъ посмертныхъ запискахъ. «Русская Старина» 1884 г. № 12, стр. 472 и 473.

сатирическомъ и комическомъ тонѣ¹⁾). Самая книга посвящена театраламъ, потому что церковь всегда будетъ недовѣрять театральной нравственности, медикамъ— потому что христіане по тѣлу имѣютъ большую связь (сношеніе) съ ними; слѣдовательно, чтобы всякий зналъ, что церковныя учрежденія соображены съ натурою человѣка и съ правилами самой медицины и что благонамѣренная медицина не можетъ противорѣчить церковнымъ учрежденіямъ. Наконецъ книга посвящалась еще и всѣмъ отѣзжающимъ заграницу. «Многіе,— говоритъ авторъ,—отѣзжаютъ на долгое время и съ перемѣною мѣста перемѣняютъ отечественные мысли въ разсужденіи самаго закона (христіанскаго). Для многихъ путешественниковъ медики и театральные служать вмѣсто духовниковъ: по совѣту однихъ управляютъ они свою наружность, а по наставленію другихъ свою внутренность. Для того предложены по возможности всѣ нужныя свѣдѣнія, чemu тамъ (особенно въ Парижѣ) полезному въ разсужденіи религіи научиться можно и отъ чего вреднаго предохраниться. По многимъ причинамъ мы совѣтуемъ путешествующимъ— на границѣ французской прочитать про себя символъ вѣры и въ мысленныхъ вмѣстительныхъ (скобахъ) включить слѣдующее: «Распятаго же за ны при (французѣ) Понтійстѣмъ Пилатѣ», прибавивъ къ тому въ мысли Руфиново замѣчаніе: «Iulianus in Gallia Christum abnegavit, т. е. Юліанъ въ Галліи Христа отвергся». Сie сказано по великому множеству французскихъ книгъ, предосудительныхъ для христіанства».

Въ такихъ вопросахъ, какъ религія, иронія и юморъ неумѣсты; только спокойное и безпристрастное изложеніе можетъ при-

¹⁾ Вотъ образчикъ юмора: «Неудивительно, что у Бога не всякий безъ разбора будетъ въ раю и что для тѣхъ, которые не хотѣли быть Ему у себя царемъ, есть особливый смирителный Мальмезонъ (т. I, 50).

Приглашая грѣшника къ покаянію, авторъ даетъ ему такие советы: «Не терай времени, сдѣтай послѣднее усиление, подвигнись свое произволеніе хотя маѣшь на страну спасенія и мудрости, чтобы потому можно было Христу Спасителю приняться налечить застарѣлую «неназѣчную» твою болѣзнь.— Ты сдѣлай сіе, буде хочешь, по-филосовски, только въ другомъ видѣ. Подвигнись, хотя черезъ силу, обернутся ко Христу такъ, какъ умѣрающій Вольтеръ употребилъ послѣднее усиление отворотиться отъ священника и такъ умеръ. Мы тебя не обязываемъ съискомъ къ строгому покаянію русскому во всей строгости слова. Пусть на первый разъ покажется по-нѣмецки, кто прѣшилъ по-русски. Пока до времени ligneus esto (т. I, 54).

нести пользу, и книга Полубенского не достигла той цѣли, съ ко-
торою писалась. Напротивъ, многие осуждали такой пріемъ, какъ
не соотвѣтствующій цѣли. Въ подобной полемикѣ нѣкоторые, въ
томъ числѣ и М. М. Сперанскій, видѣли тотъ главный недоста-
токъ, что авторы говорили въ своихъ сочиненіяхъ не съ истин-
ными христіанами, а съ безбожниками и дѣстами.

«Я считаю,—писалъ М. М. Сперанскій преосвященному Феофилакту¹⁾,—что первое нужно было, нежели послѣднє; мнѣ ка-
жется, что всякий пастырь долженъ стараться сохранить и усо-
вершить стадо, ему вѣренное; должно стараться, чтобы тѣ, кому
называются вѣрными, были таковыми не именемъ только, но и са-
мымъ дѣломъ; а чтобы невѣрные или овцы иже не суть отъ
двора его приведены къ нему были... Я не думаю, чтобъ споръ
и препинаніе съ противниками были лучшимъ къ тому средствомъ.
Споры возбуждаютъ только пытливость духа и рѣдко производятъ
убѣжденія».

Феофилактъ не раздѣлялъ этого убѣжденія и говорилъ, что рев-
ностный пастырь долженъ дѣйствовать противъ дѣстовъ, «кото-
рые своими издѣлками все испровергаютъ»²⁾. Онъ забывалъ, что
въ общей сложности дѣстовъ было менѣе, чѣмъ лицъ, привержен-
ныхъ къ религіи, исполнявшихъ всю обрядовую ея сторону, но не-
знакомыхъ съ внутреннимъ ея содержаніемъ, по недостатку толко-
ваній и наставниковъ.

— Приставленные ко мнѣ дядьки,—говорилъ императоръ
Александръ квакеру Греллэ-де-Мобилье³⁾,—имѣли нѣкоторыя до-
брья качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому
первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо
глубокими нравственными впечатлѣніями. Сообразно съ обычаями
нашей греческой церкви, меня пріучили формально повторять
утромъ и вечеромъ извѣстныя заученные молитвы; но этотъ обы-
чай, нисколько не удовлетворявший внутреннимъ потребностямъ мо-

¹⁾ Отъ 5 сентября 1804 года «Въ память графа Сперанского». Издание
Императ. публич. библіотеки, стр. 371 и 372.

²⁾ Письмо Феофилакта Сперанскому отъ 20 сентября 1804 г. Тамъ же,
стр. 370.

³⁾ Записки квакера «Русская Старина» 1874 г. № 1, стр. 18.

его религиозного чувства, скоро надоѣль мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное разсказаніе пробуждало во мнѣ потребность встать съ постели и среди ночной тишины бросяться на колѣни, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало по малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностью, грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ.

Воспитатель его, Лагарпъ, могъ сообщить ему лишь смутныя представленія о Богѣ. Законоучитель протоіерей Самборскій, человѣкъ самъ не богословскаго образованія, заботился только объ аккуратномъ исполненіи обрядовъ православія. Тѣмъ не менѣе потребность въ религіи выработала въ Александра универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни одному изъ нихъ всецѣло не принадлежавшую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію. Желаніе познакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ религіи заставило Александра, подъ предлогомъ осуженія болотъ Петербурга, выписать изъ Англіи квакера Даниила Виллера.

— Не осуженіе болотъ,—говорилъ Александръ впослѣдствіи квакеру Греллэ-де-Мобилье,— и не другая какая-либо нужда была причиной того, что я вызвалъ сюда нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей, нѣть, мною руководило желаніе, чтобы ихъ истинное благочестіе, ихъ честность и другія добродѣтели послужили для моего народа примѣромъ къ подражанію¹⁾.

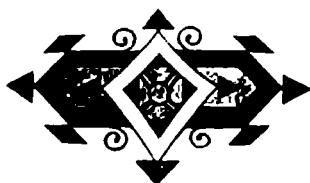
Не одинъ императоръ Александръ, но и многіе другіе были утомлены формами и обрядами внѣшней церковной жизни и искали внутренняго, существеннаго и дѣйствительнаго наставленія въ

¹⁾ Записки квакера о пребываніи въ Россіи, „Русская Старина“ 1874 г., № 1, стр. 14.

вѣрѣ. Но духовенство было немощно и бѣзсильно, чтобы прийти на помоць къ этимъ людямъ, въ сущности идолопоклонникамъ, и починъ въ разъясненіи внутренняго содержанія религії принялъ на себя люди свѣтскіе. Они впали въ крайности, быть можетъ, много пересказали лишняго въ своихъ доктринахъ толкова-ніяхъ, но принесли обществу несомнѣнную пользу на пути его нравственнаго очищенія, духовнаго возрожденія и усовершенство-ванія. Въ числѣ такихъ толкователей видное мѣсто занимаетъ Александръ Федоровичъ Лабзинъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевского архимандрита Фотія¹⁾.

ЛІТТО 1820-е.

Благопріятно Господне.

Се літто начинається скорбей крайнихъ и вмѣстъ Божіяго благоволенія.

Причина болѣзни отца Фотія и безпирізрѣаіе его въ болѣзни. — Тайная милостыня отцу Фотію въ крайней нуждѣ и болѣзни въ день Св. Пасхи. — Послѣднія проповѣдь въ С.-Петербургѣ и дары и посланіе дѣвицы г-жи Аны А. Орловой-Чесменской. — Первое свиданіе отца Фотія съ госпожою дѣвицею Анною и бесѣда его съ нею о Господѣ. — Первая бесѣда отца Фотія съ дѣвицею Анною о хульныхъ помыслахъ. — Въ бесѣдѣ на вопросъ о дѣйствіи отъѣзда дѣвѣ. — Послушаніе дѣвицы и иконъ поставленіе вездѣ нужно въ комнатахъ. — Опасность болѣзни и долговременность. — Свыше, а не отъ человѣкъ изліяніе удаляться въ Деревянцы, яко же Мосько пророку отъ Египта въ Хориагъ, и Илія отъ Израїля въ гору Божію и посвященіе въ игумена. — Неполная сострадательность въ крайней нуждѣ Фотію Михаила митрополита. — Свыше помошь, а не отъ человѣкъ. — Богородица посылаетъ все нужное на путь и въ обитель. Тайная милостыня Іоанна Д. Соловьевика. — Нечаянная тайная помощь благодати, милостыни въ крайности и нуждѣ. — Тайная милостыня отъ человѣка неизвѣстнаго, а людей извѣстныхъ.

Непрестанный трудъ въ проповѣди Слова Божія въ поученіи закону Божію дѣтей благородныхъ, юношей и всякаго рода взрослыхъ, иниціата, бѣдность во всемъ добровольная, непрестанное воздержаніе, постничество, уединеніе, жилище мало способное и здоровое къ монашескому пребыванію, нагота, скудость въ одѣяніи во время зими, всѣ удурученія тѣлесныя и невыгоды житейскія, подъятія Бога ради и спасенія души въ монашествѣ, по должности въ корпусѣ, изъ ревности къ Богу, за церковь и вѣру, за благо общее противу сектъ, обществъ тайныхъ, всякихъ нововведеній, еретическихъ и вредныхъ книгъ и дѣйствій наконецъ сокрушили у Фотія здравіе: жаръ и теплота, естественно изобиловавши доселъ въ тѣлесномъ его составѣ, простыли; врагъ наводилъ многія скорби; ни пить, ни ёсть почти ничего онъ не

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., сентябрь.

могъ; желудокъ испортился ¹⁾): съ трудомъ хлѣбъ съ водою и кашу могъ иногда єсть, питіе же его постоянное было простая вода, и то холодная. Во дни святаго и великаго поста сего лѣта начинай уже онъ совершенно въ силахъ истощеваться. На день Святага Пасхи за три часа почувствовалъ онъ толь великое ослабленіе, что минуть уже себя быти при самой смерти: умереть готовился совсѣмъ, у старца странника Аeonскаго іеромонаха исповѣдался, чая испустить духъ свой. Сie же сотворивъ о часѣ единонадесатомъ нощи, скорбѣль душою, что лишается срѣтить въ церкви праздникъ Христовъ Свѣтлое Воскресеніе, не можетъ пріобщиться служа обѣдню. Вотъ началь въ очахъ своихъ вдругъ чувствовать блистанія свѣта Божіяго, пріяль оживленіе въ тѣлѣ, восталъ съ одра, возмогъ ходить по кельи, чувствовалъ, что могъ идти въ церковь, куда пришель, просилъ себя по обычю облачить во вся одежды. Пришелъ часъ, и начинай службу на Пасху; въ крестномъ ходѣ около церкви поддерживали его штабъ и оберь-офицеры, и думали, что онъ отъ поста ослабѣлъ. Наконецъ, какъ совершилъ утреню и литургію безъ расхода при всемъ множествѣ начальниковъ военныхъ и дѣтей, послѣ пришель въ келью пачь на одръ, и сдѣлался смертно боленъ; у него по бѣдности ничего не было на день Св. Пасхи пріготовлено. Неизвѣстно даже ему было, былъ ли хлѣбъ простой; ему была нужна вода одна, которая хотя принесена была въ простомъ водоносѣ; но старецъ Аeonский, оставилъ его, отшель въ градъ, слуга же Фотіевъ старецъ воинъ совсѣмъ бросилъ его. Врагъ его такъ смутилъ, что онъ всю воду напрасно по двору розлилъ, какъ бы бѣсныій сдѣлавшись, дабы Фотію въ болѣзни не имѣть капли воды языкъ горящій отъ жару прохладить. Упившись отъ вина, онъ оставилъ его бѣднаго единаго лежать: и Фотій благодушно лежалъ. Приходили къ нему вельможи, приносили пасхи отъ корпуса и отъ себя, но какъ онъ ихъ и видѣть не могъ, то просилъ куда-нибудь бросить оныя, да не видить ихъ по болѣзни. Они же, другъ на друга озираясь, давали знать Фотію собою, что онъ близъ уже кончины и надежды нѣть ему жить; единъ же ему, любя его, явно о семъ проговорилъ: а Фотій въ недугѣ страдая сказалъ ему: и не умру, но живъ буду, и повѣмъ дѣла Господня (псал. 117, ст. 17). Пребывалъ въ болѣзни, единъ страдая безъ всякия помощи, безъ воды и утѣшенія. Ему нѣчто мало было принесено єсть, и питіе отъ врача и его руками дано; но все сie было

¹⁾ По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Фотій велъ самую строгую и воздержную жизнь: онъ дотого постился и изнурялъ себя, что желудокъ его скжася и отвердѣлъ и сдѣлался вообще маловосприимчивымъ. „Русск. Старина“ 1876 г. окт. 315—316. То же самое говорилъ и пользовавшій Фотія докторъ Соколовскій. „Русск. Старина“ 1875, сент.

сразу извержено; утроба его не принимала никоего ястія и питія. Срачицы не имѣть перемѣнить, въ одной потѣ лежалъ и страдалъ, болѣзни его усилились до того, что онъ очи имѣя не могъ смотрѣть, главу поднять и руками дѣйствовать. Поверженъ будучи въ болѣзnenный сонъ, лежалъ онъ брошенъ отъ всѣхъ. Тако боля и мучась день и нощь пребыть, страдалъ; на другой же день еле въ чувствѣ быль: не видѣть никакой ни откуду помощи, ожидалъ отъ Единаго Господа милости, всѣхъ скорбящихъ Утѣшителя и Отца страждущихъ за святое имя Его.

Когда тако лежай на одрѣ болѣзни своея быль въ нищетѣ, и покрова и утѣшенія ни откуду не имѣть, ни единаго сродника на какую-либо потребу во утѣшеніе, не помниль ни дня, ни нощи, стражда, и на свѣтъ очами возврѣть не могъ, старець Аeonскій подходитъ къ нему, говоря: Отче! тебѣ есть письмо, неизвѣстно, отъ кого принесено, и лежитъ оно въ средней комнатѣ на столѣ. Отвѣчай же Фотій старцу: я въ руки взять не могу и читать, а посему ты возьми оное, поднеси сюда ко мнѣ, распечатай его, и предъ очи мои держи, а я, перекрестясь, можетъ быть, не возмогу ли лежа прочитать какъ-нибудь. Старець, взявъ письмо, принесъ и держаць надъ грудью предъ лицемъ: лишь распечаталъ, хотѣть онъ изъять письмо, но не было его вовсе въ пакетѣ, а токмо въ пакетѣ ономъ вложена одна ассигнація въ сти рублей, другая—двадесять пять и третья—десѧть. Сіе Фотія такъ въ чувство удивленія повергло, что слезы у него долились и руки задрожали; ибо онъ имѣть въ болѣзни во всемъ нужду крайнюю, откуду тайная сія милостыня, не зналъ, и Господа благодаривъ, возопилъ къ нему глаголя тако: «вижу, яко Ты не оставилъ мя еси, Владыко Господи, отсель уповая на милость Твою и ревнуя за имя Твое Святое, не положу оружія моего за вѣру стоять, доколѣ сокрушатся верхи врагъ нечестивыхъ, еретиковъ и грѣшниковъ, враждующихъ на Церковь Святую и вѣру; ей, не пожалѣю ни души, ни тѣла и ничего, надѣяся на богатую Твою милость, неuboюся отъ темъ на мя нападающихъ, Ты вѣси въ нуждахъ время помогать, и когда хочешь, можешъ вся сотворить со мною ко славѣ Твоей, аще бы и вѣнецъ мученическій мнѣ предстояль; буди воля Твоя Святая во мнѣ; когда востану отъ одра моего, и живъ буду, вся дни живота моего Тебѣ предамъ и приложу трудъ въ трудъ въ словѣ и дѣлѣ вѣры, благочестія, въ одолѣніи нечестивыхъ». И тако привѣтъ тайную милостыню дрожащими руками, яко отъ руки Самого Бога съ небесъ, не зная вовсе, кто ему подаль, не пыталъ онъ, а Бога благодарилъ Единаго, Промыслителя и Подателя всѣхъ благъ, яко всякое даяніе и всякъ даръ свыше есть сходай отъ Него, Отца свѣтовъ.

Будучи законоучителемъ и настоятелемъ въ корпусѣ кадетскомъ, Фотій имѣть назначеніе проповѣдывать въ иѣкоторые дни Слово Бо-

жіе въ Казанскомъ соборѣ при архіерейскомъ служенії. Хотя быль еще онъ боленъ, но начавъ имѣть облегченіе отъ болѣзни, лежа и сидя на одрѣ, кое-какъ писалъ слово для сказыванія, мня, что надобно ему будеть говорить оное, а день уже вскорѣ приближается; ибо надежду нѣкую онъ имѣлъ, что будеть въ силѣ говорить. И такъ трудяся написалъ слово противу духа времени и развращенія; наступаетъ день говорить ему слово, онъ о силѣ Божіей находилъ себя способными сказать оное, хотя и немощенъ быль. Рѣка же Нева во время оно прошла, ледъ не-престанно шелъ и перевоза никакого не было никому; посему онъ даже терялъ надежду перебѣхать чрезъ Неву къ митрополиту и въ соборѣ; узнавъ сю краиность, боляринъ Михаилъ Александровичъ Барановъ, служа въ крѣпости, на военному суднѣ казенномъ повелѣлъ его перевезти, и для безопасности его быль самъ съ нимъ; будучи онъ перевезенъ, пошелъ къ митрополиту Михаилу на благословеніе явить слово, которое пріуготовилъ говорить, такъ какъ онъ долженъ быль служить самъ. Сей архипастырь, люби его, оставилъ въ лаврѣ до утра, и съ собою его привезъ въ соборъ Казанскій слово говорить. На обѣдни онъ быль весьма немощенъ. Насталь часъ ему говорить слово, пріобщеніе совершалось, онъ же слово говорилъ: слово было къ сердцу слушателей, но Фотій не зналъ, кто они; были они и посредѣ ихъ именитыя особы, а въ числѣ ихъ доселѣ ему неизвѣстная вовсе графиня дѣвица Анна¹⁾, коя послѣ бысть ему дщерь о Господѣ. Именитыя

¹⁾ Очень трудно выяснить вопросъ объ отношеніяхъ Фотія къ графинѣ А. А. Орловой. Тѣсная связь, возникшая между ними, служила соблазномъ для нѣкоторыхъ изъ современниковъ и вызывала даже замѣчанія у преосвященныхъ („Прав. Обозрѣніе“ 1872 г. письмо 12). Г. Миропольскій представляетъ эти отношенія въ томъ видѣ, что графиня сдѣлалась жертвою корыстолюбія Фотія („Вѣстникъ Европы“ 1878 г. ноябрь, 55, декабрь, 588); другой біографъ г. Поповъ („Труды Кіев. дух. акад.“ 1875 г. іюнь, 753—754) совершенно представляетъ для себя необъяснимымъ то, какимъ образомъ графиня Орлова могла подчиниться безотчетному деспотизму своего духовника. Недостойная тѣнь, брошенная нѣкоторыми на отношенія Фотія къ Орловой, предъ глазами беспристрастного историка является совершенно неумѣстною. „Не возможно допустить, говоритъ г. Карновичъ, чтобы между ними была связь подъ кровомъ лжи и лицемѣрія; невозможно, чтобы они могли дойти до такого кощунства, чтобы соединили свои имена и на иконахъ и на церковной утвари съ молитвой къ Богу о помилованіи ихъ“ („Русск. Старина“ 1875 г. юль, 327). Въ распоряженіи нѣкоторыхъ лицъ (Н. К. Шильдера) имѣется рукопись Фотія, заключающая въ себѣ сборникъ писемъ его къ графинѣ Орловой подъ заглавиемъ „Письма о дѣвствѣ“, содержаніе которыхъ въ основѣ подрываетъ недостойное предположеніе о грѣховныхъ отношеніяхъ Фотія къ своей духовной дочери. То же самое свидѣтельствуютъ письма Фотія, которыми располагаетъ редакція „Русской Старины“ (до 26 писемъ, „Русск. Стар.“ 1875 г. юль, 319). Миѣнію г. Миропольского, указывающаго

лица были, дабы слово послушать отъ усть его. Слово онъ сказавъ, постѣ литургіи, яко немощень сый весьма, взять былъ отъ болярина Михаила Александровича Баранова въ домъ его, дабы онъ могъ хотя мало тамъ покой принять. Ни пить же, ни ъсть не могъ онъ отнюдь ничего. Послѣ угощенія его, онъ боголюбецъ представилъ его опять на мѣсто, гдѣ его перевезли чрезъ рѣку въ крѣпость; а отъ крѣпости онъ пѣшишъ шель, стъ человѣкомъ его поддерживавшимъ въ келью свою; входить лишь въ свою келью, удивляется, что видитъ: плоды многіе, дары многіе, многія книги и писаніе, и вопроситъ: отъ кого все сіе? Ибо кто же принесъ, того уже не было. Читалъ посланіе и видѣлъ, что человѣкъ, его же онъ не видѣлъ николи и не зналъ лично еще, а токмо имя слышалъ едино,—сей человѣкъ вся сія благая прислали ему во утѣшеніе, слышавъ слово его въ Казанскомъ соборѣ и видѣвъ его болѣзниаго возлюбилъ Бога ради; это былъ человѣкъ именемъ, словомъ и дѣломъ исполненъ благодати Христовой, свыше отъ Бога посланная на помощь Фотію во дни скорби его, любимая отъ царя Александра и матери его царицы Маріи, отъ всего двора царскаго почтаемая, извѣстная милостію и щедротами ко всѣмъ бѣднымъ и напастуемымъ, дѣвица Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, изгнанному святелю Иинокентію много помочь дѣлавшая Бога ради, дабы такой свѣтильникъ прежде времени не погасъ. Фотій такъ радъ былъ писанію ея и дарамъ ея, что какъ бы съ небесъ отъ рукъ Божіихъ пріяль зародъ упованія, что о силѣ благодати поборая отселѣ возможетъ поборать враговъ вѣры; давно хотѣлъ видѣть лице пресвятыхъ сея дѣвицы, но не могъ; Богъ же самъ чрезъ нее предупредилъ Фотія. По болѣзни же ѿсть не могъ отнюдь ничего и потому и послалъ самъ въ даръ тѣмъ,

на корыстолюбивыя цѣли Фотія, можно противупоставить мнѣніе другаго болѣе беспристрастнаго писателя, который говорить о Фотіи, что его нельзя было купить и миллионами графини Орловой („Русскій Ивалидъ“ 1868 г. № 112. „Труды Киев. дух. акад.“ 1875 г. іюнь, 753). Полная характеристика отношений Фотія къ графинѣ Орловой можетъ быть представлена только послѣ обнародованія ихъ переписки, большая часть которой и теперь находится въ рукописяхъ. Напечатана самая ничтожная часть (Чтения въ общ. ист. п. древн. 1861 г. кн. I). Покойный редакторъ „Русской Старины“ въ библіотекѣ Юрьева монастыря видѣлъ около десяти томовъ („Русск. Стар.“ 1875 г. іюль, 319) писемъ Фотія къ графинѣ Орловой, свято сбереженныхъ сю п. переплетенныхъ въ книги въ 4 долю. Весьма много изъ ихъ переписки уничтожено самимъ Фотіемъ, какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ главъ его автобіографіи. Точно также въ литературѣ еще ничего не извѣстно о трехъ томахъ переписки графини со своимъ духовнымъ отцомъ, которые переписывалъ управляющій графини, Матвѣевъ, давшій слово въчего не разглашать о содержаніи переписки („Русскій Архивъ“ 1865 года, стр. 936. „Труды Киев. духовн. акад.“ 1875 г. іюнь, 751.).

*

ихъ же онъ любилъ. Сіе же было 1820-го года апрѣля 27-го дня по полуудни о часѣ 6-мъ.

Жаждущая пользы душевной, дѣвица г. Аниа, имѣя отъ роду 35 лѣтъ житія, изобилующая всѣми земными сокровищами, но ищащая сокровищъ небесныхъ, помышляя слышать слово на пользу души своей отъ презрѣннаго, немощнаго и болѣзненнаго отца Фотія, посыпала просить его, дабы онъ пріѣхалъ въ домъ ея и подалъ ей Божіе благословеніе. Отець Фотій, но немощи, извѣстилъ ее чрезъ вѣстника ея, раба, что болѣзненности ради своея не можетъ прибыть къ ней. Впрочемъ, не много прошло времени медленности прихода его: 1820-го года мая 2-го дня, не вѣдая ничего, именно былъ день рожденія дѣвицы сея праведныя, былъ званъ Фотій къ княгинѣ Софії М.¹) въ домъ; отъ нея отвезенъ²) прямо къ графинѣ Аниѣ; входить отець Фотій въ домъ дѣвицы Ании нечаянно; приемлетъ сей ангель земный незнакомаго подвижника³), какъ роднаго своего отца и Ангела Господня. Ангелоподобное пріятіе со всемъ любовью о Господѣ на лицѣ и во всѣхъ поступкахъ было написано: приемлетъ она благословеніе отъ него и лобзаетъ руку, не яко обычай есть мірскихъ людей, но яко невѣста небеснаго жениха; Ангель бо Господень, предстои, влагаль ей лісбовъ, слово и все внушеніе, что говорить и дѣлать въ бесѣдѣ съ отцемъ Фотіемъ. На лицѣ ея была яко луча нѣкоего свѣта таинственна, въ очахъ былъ зракъ душевнаго Божественнаго утѣшенія; въ словахъ невинность дѣвственная; въ поступкахъ простота, любовь Христова; въ одѣ-

¹⁾ Княгиня Софія Сергіївна Мещерская.

²⁾ Поповъ («Труды Кіев. духов. акад.» 1875 г. іюнь, 752) утверждаетъ, что только удаленіе въ Деревянницкій монастырь побудило Фотія приблизиться къ себѣ графиню и сдѣлать ее орудіемъ своихъ замысловъ. Передаваемыя здѣсь подробности личнаго знакомства Фотія съ графиней Орловой, совершенно не бывшія извѣстными г. Попову, нѣсколько подрываютъ указанное предположеніе.

³⁾ Это первое личное знакомство Фотія съ графиней Орловой Молодая и знатная графиня отличалась глубокою религіозностью и искала опыта руководителя въ своей духовной жизни и религіозныхъ подвигахъ. На первый разъ духовникомъ ея былъ старецъ Ростовско-Яковлевскаго монастыря іеромонахъ Амфилохій („Прав. Обозр.“ 1872 годъ, августъ). Въ 1818 году, графиня однажды явилась къ Богослуженію въ церковь втораго кадетскаго корпуса и слышала проповѣдь о. Фотія. Она была такъ поражена смиренностью проповѣдника („Русскій Архивъ“ 1870 годъ, 895), что рѣшилась позбрать его своимъ духовникомъ. Преосвящ. Иннокентій, проѣздомъ въ Пензу прожившій нѣкоторое время въ домѣ графини Орловой въ Москвѣ, одобрилъ ея выборъ. Послѣ этого графиня стала добиваться личнаго знакомства съ Фотіемъ и перѣѣхала съ этой цѣлью на житіе въ Петербургъ. Около двухъ лѣтъ искала она этого знакомства. (Елагинъ, „Жизнь графини А. А. Орловой“, стр. 25—26) и вотъ достигла его только теперь.

яїн скромность, пріличie; и съ первого взгляда Фотій узрѣлъ въ дѣвицѣ земного ангела въ плоти, и что въ тайни, среди міра, она есть раба Господня смиренная, и сосудъ благодати Христовой, не было никакихъ обычныхъ привѣтствій и рѣчей у ней; о Бозѣ было ея приглашеніе и о Бозѣ принятіе, и о Бозѣ была вся рѣчъ.

Старець, отець Фотій о часѣ 12-мъ дня пришель, сѣлъ и по обычаю иноческому не зреѣлъ дѣвицы въ лице. Дѣвица такъ же не могла зреѣть ему въ лице, но рядомъ сидѣли обое на единомъ диванѣ. По нѣкоему молчанію начала она прежде всего о душевныхъ нуждахъ слово свое съ нимъ говорить и вопросила: что дѣлать мнѣ отъ многихъ помысловъ моихъ? Смущаюся непрестанно, что якобы въ Бога не вѣрю, вѣть Бога на свѣтѣ; многіе помыслы неподобные нападаютъ на меня: не хощу я мыслить, но они приходятъ и мучатъ. Отче Фотіе, повѣдай мнѣ, како пособитъ? Желаю спасти душу мою, но не вѣдаю. На сіе Фотій сей дѣвицѣ сказалъ: не вѣруй помысламъ симъ и не смущайся отъ смущенія ихъ: какъ вѣтеръ все пройдетъ, токмо не соизволяй имъ, а отвергай; отъ врага діавола оные помыслы суть стрѣлы, но не могутъ уязвить тебя. Ты невиновата, что оные тебя смущаютъ: ты вѣнець отъ Бога получиши за то, что терпиши и терпѣти будешь скорбь отъ нихъ. Ты вѣру имѣши, Бога знаешь и любишъ Его. Врагъ, смущая, тѣмъ силится тебя въ уныніе привести; крѣпнися, одолѣвай помыслы и удаляйся суетъ многихъ мало по малу, яко учать святій.

Потомъ дѣвица Анна сказала: Отче! рѣши мнѣ слово, како духовное дѣвство блюсти? Фотій отвѣщалъ ей тако: что ты мнѣ говоришь о семъ, для тебя еще невѣдомомъ сокровищѣ? Блюди земное, тѣлесное дѣвство всецѣло и сохранно паче всего; когда соблюдешь по тѣлу совершенно, то само по себѣ духовное цѣло будетъ; съ тѣломъ душа неразлучна и въ сюзѣ. Аще стекляница не разбита, а цѣла, то вліянная масть благовонная и все что-либо потребное сохранно будетъ; аще ли стекляница диру будетъ имѣть и повержена будетъ, то какъ умно ни старайся себя увѣрить, что цѣлость есть въ стекляницѣ, но она будетъ не въ цѣлости, и вліянное прольется сквозь и не сохранится. Смыши, о дѣво, потребно весьма и паче всего дѣвицѣ единое сокровище свое сохранить, цѣлость дѣвства тѣлеснаго, а съ тѣмъ Богъ дастъ духовное. Безъ духовнаго дѣвства тѣлесное, яко безъ души есть тѣло. Безъ тѣлеснаго дѣвства духовное како можетъ на землѣ быть? Цѣломудріе и чистота можетъ быть у супруговъ и всѣхъ, но не дѣвство. Храни, что отъ Бога тебѣ дано видимо, то да сохранить въ тебѣ Богъ то, что есть и дается тебѣ невидимое сокровище. Когда дѣвица потеряетъ по плоти дѣвство, то не можетъ себя увѣрить, что она не потеряла и имѣть оное; когда же сохранила по плоти дѣвство, то не можетъ врагъ ее смутить, что потеряла. Важно есть и всего важнѣе въ

дѣвицѣ блюсти свѣтильникъ дѣства: блюди, о дѣвице, плоть твою въ непорочности, да будеть непорочеи умъ, чисто сердце и совершенья духъ, и со Христомъ сочетаешься; блюди, да будешь въ дѣствѣ дѣва мудра, а не юродивая. Не всѣ дѣвы видутъ въ небесный чертогъ Царствія Христова.

Дѣвица Анна посемъ Фотія взяла, провела по своимъ внутреннимъ покоямъ и ввела въ молитвенную комнату, гдѣ горѣла у неї неугасимая лампада; одръ былъ ея для покоя умѣренъ; тогда Фотій одръ ея благословилъ, знаменая десниццею, да будеть Ангель Хранитель во дни и въ ноши съ дѣвицею хранай ее, и молитвенникъ разгнувъ предъ святыми иконами прямо обрѣлъ място, идѣ же написано: Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлеи, ииспославый Духа Святаго, и тѣми уловлѣй въ селению, чеховѣ любче, слава Тебѣ; и согнувъ книгу, положилъ, замѣчаніе давъ о семъ дѣвицѣ: яко Духъ Господень исполнилъ ее тогда, и содѣствовалъ въ словѣ и бесѣдѣ, и что не просто есть, но отъ Бога устроено первое свиданіе. Со всею любовью дѣвица рада была ястiemъ и питиемъ угостить Фотія, испросила, дабы онъ болѣе съ нею пробылъ бесѣдуя. Онъ же все сіе видѣвъ и многое на пользу души ея въ невинное ея сердце имѣлъ отъ источника духа истины, восхотѣлъ по немоши своей скорѣе идти въ свою келью убогую. Дѣвица же была яко ангель въ сей день рожденія единъ, вся въ бѣломъ одѣяніи, котораго чистота соотвѣтствовала чистотѣ души ея. Благословилъ ее, на коняхъ ея былъ отвезенъ въ свое жилище.

Вторично она просила Фотія къ себѣ для посѣщенія ея. Несмотря на свою немощь великую и совершенное удаленіе отъ міра, помыслъ ему говорилъ, дабы онъ посѣтилъ сего ангела земнаго, дѣвицу. И помыслъ ему говорилъ, что можетъ быть имѣть сдѣлаться она орудіемъ врагу въ яву, и Богу въ избранъ сосудъ, когда придетъ время браны за вѣру и церковь; можетъ быть она будетъ угодна, виждъ изъ всего, что сія дѣвица, съ кою ты по Богу будучи единъ духъ, одолѣешь секты, общества тайныхъ, соблазны многіе пресѣчешь и многихъ обратишь на путь правды. Убо гряди, о Фотіе, не смотри на немощь твою великую; гряди и глаголи въ сердце дѣвицы чистое слово Божіе и ученіе отъ Святаго Духа, все глаголи, все она приметъ; свыше Богъ отверзаетъ двери сердца ея, и въ ней свое селеніе сотворить Вышній; будетъ она угодна Богу, и просвѣтится въ свое время, яко солнце; не убойся отъ слуха о ней; не вѣрь моловъ людей; ты видѣлъ лицѣ ея; Господь съ нею; во всемъ тебѣ слуга будетъ сія дѣвица, яко же и сватому Аѳанасію служащи была нѣкогда дѣвица; многія дѣвицы имѣнитыя, отъ царскаго дома, святыхъ въ словѣ и дѣлѣ Божіемъ послужили отъ вѣка; отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же возможно

(Лук. XVIII, 27) спастися сей дѣвицѣ въ богатствѣ. Гряди, о Фотіе, глаголи истину и правду, якоже ты знаешь и хощешь, сердце ея есть чисто, все направляя во благо; посѣй на доброй землѣ сердца ея съхна благія, да плодъ принесеть не тридесять и шестьдесятъ, а яко совершена дѣвица плодъ сторичный весь въ житницу царства небеснаго. Такъ послушавъ помысла, Фотій облекся во вся оружія Божія обычнаѧ въ хитонъ власнъ, вериги, несмотря на болѣнь свою, помолившися усердно, возсѣдь на колеснице, отъ нея присланную, поѣхалъ къ дѣвицѣ. Это былъ день маія осьмый, Іоанна Богослова. Дѣвица раба Господня, яко Ангелъ Господень, на крыліахъ, прилетѣла срѣтить Фотія: благословилъ онъ дѣвицу и внушенное обѣ иконахъ увидѣлъ исполненнымъ при первомъ шагѣ и радовался; ибо въ первый разъ не видѣлъ въ комнатахъ ея святыхъ иконъ нигдѣ; во единой комнатѣ только, гдѣ она принимала дѣвицу гостей и Фотія, былъ образъ малъ такъ, что въ углѣ и видѣть было неможено, яко вершокъ единъ и немнога болѣе. А въ сей день и часъ входя, Фотій увидѣлъ во всѣхъ углахъ иконы святыхъ поставлены: видѣвъ слова реченнаго имъ ей исполненія, позналъ отъ того, что благодать Святаго Духа обитаетъ въ дѣвицѣ Аннѣ и будетъ сосудъ для Святаго Духа, оружіе крѣпкое въ браніи противу врага діавола и спасется. Тогда сказалъ Фотію помыслъ: когда дѣвица сія именитая и богатая образа святые тотчасъ поставила въ своихъ всѣхъ кельяхъ, послушавъ тебя; то и во всемъ благомъ послушаешь тебя: не нужно болѣе уже испытывать, дабы имѣть тебѣ свидѣтельство о ея вѣрѣ, любви къ Богу и послушаніи; все исполнить она благое, что ты внушишь; она свыше отъ иныхъ тебѣ предается; прими ее въ дщерь и буди ей отецъ. Итакъ, похваливъ Фотій, благословивъ дѣвицу за поставленіе святыхъ иконъ, сѣлъ съ нею бесѣдоватъ; много о пользѣ душевной бесѣдоватъ съ сладостію; но какъ изъ блага онъ въ черное велѣлъ въ первое свиданіе одѣться дѣвицѣ, яко приличнѣе быть тако ей съ инокомъ въ бесѣдѣ, то дѣвица уже не въ бѣломъ въ сей день, а въ черномъ одѣяніи была облечена; между прочимъ желала угостить его ястіемъ и питіемъ, но по болѣзни не могъ онъ ничего употреблять; однакоже вмалъ прикоснулся пищѣ ея, благословляя тѣмъ ея трапезу, внушагъ святые посты, посты среды и пятка ей хранить строго. Она желала ему сдѣлать иѣкое утѣшеніе, но онъ не внималъ о семъ: какъ же онъ былъ бѣденъ книгами и почти нагъ былъ, то она желала ему все сдѣлать; но онъ не обратилъ вниманія и на сіе; ибо не имѣть попеченія ни обѣ чемъ: ни обѣ одеждѣ, ни обѣ пищѣ, ни о украшеніи, ниже о тѣлѣ и самой жизни.

По многой сладостной бесѣдѣ для души Фотій отправился въ свое място въ ея колесницѣ. День отъ дня онъ начиналъ болѣть болѣе. Она часто присыпала его наѣщать; онъ же просилъ единой милости у нея,

дабы хлѣбъ единый, и той черный, присыпала ему, а бояре ничего. Ничего есть онъ не могъ, ниже пить: аще крупицы нѣкія могъ братъ, то отъ присланного хлѣба ея, а иначе бы умеръ отъ глада во время оно. Все извергалось изъ чрева, что иное принимать хотѣлъ. Ему лежащему въ крайней болѣзни не было даже на чѣмъ лежать и чѣмъ одѣть себя; можно сказать, что онъ нагъ былъ, бѣденъ, хладенъ и гладенъ. Болярныя Ольга питала его млекомъ единственнымъ. Дѣвица же Анна хлѣбъ ему представляла и присыпала ему шубу добрую, легкую, и хотѣла все сдѣлать нужное, но онъ не желалъ. Наконецъ болѣзнь его на смертный одръ положила, многие предсказывали день его смерти и ожидали. Кн. Софія¹⁾ присыпала писаніе, дабы онъ уже къ смерти приготовился, и тѣмъ чрезъ нее врагъ хотѣлъ его смутить; при всемъ смущеніи имѣлъ онъ книгу духовную и разгнулъ почитать, что откроется вместо жребія, и открылись слова сіи: радость и облегченіе. Посему онъ вопреки написалъ Софіи, глаголя: иѣ у ииру, ио живъ буду и повѣмъ дѣла Господня (псал. 117, ст. 17). Впрочемъ, опасность болѣзни и въ продолженіе тридесати дней почти неяденіе заставили его исповѣваться и пріобщиться святыхъ таинъ. Въ сіе время враги на него вооружились: слухъ о сказанной проповѣди проходить. Канцелярія князя Голицына, ministra духовныхъ дѣлъ, смущаясь чрезъ директора Тургенева, требовала слово къ себѣ на судъ; онъ же не далъ, чувствуя въ болѣзности своей отъ того опасность: врагъ діаволь вооружилъ на него нечестивыхъ; онъ же чѣмъ чаялъ быть опаснѣе, тѣмъ съ большою ревностью отвѣты онъ посыпалъ, стоя за слово вѣры и благочестія. Наконецъ уже въ іюль мѣсяцѣ, не вѣмъ, коницъ образомъ, но присыпала отъ любви своея въ ястіе ему потребное болярныя Дарія, что дало безъ врачей пособіе ему къ выздоровленію. Въ болѣзни же сей ему помогали жены, дѣвицы-вдовицы, болярны-вдовицы: Дарія и Параскева все нужное присыпали во утѣшеніе ему и сладости въ горести отъ скорбей и болѣзней; болярны жены: Ольга млеко въ свое время теплое, Анастасія же Барапова овсяной кисель, а дѣвица Анна хлѣбъ, соль, одѣяніе; кн. Софія душевное утѣшеніе, яко сильная словомъ и дѣломъ у царя Александра, и мудрая жена; сродники же Фотія оставили, знать не хотѣли,ничѣмъ не помогали; отъ властей въ корпусѣ не видѣть утѣшения виѣшняго никогда кроме хладнаго сожалѣнія, даже его считая умирающимъ, находили за налишнее думать о пособія ему.

Въ оное время какъ Фотій болень былъ, былъ такъ же болень богоотступникъ ересіархъ боляринъ Беберь, надзиратель надъ всѣмъ кор-

¹⁾ Мещерская.

пусомъ, и Фотій говорилъ всѣмъ приходящимъ, кто какъ изъ насть будеть въ болѣзни: илютъ умреть Беберь¹⁾), яко не покаялся по глаголу моему, азъ же востану, буду живъ, здравъ наступлю на змievъ, на скорпіевъ и на всю силу вражю. Дѣйствительно, вскорѣ изступилъ изъ ума въ болѣзни, бѣсь на него и напалъ, Беберь старецъ седмидесятиѣтній, искалъ себя зарѣзать или удавить; самъ себѣ просилъ смерти; но отъ него все отдалили, скрывали. Наконецъ злѣ извергъ душу окаянныи онъ, и сыну своему Карлу Беберу далъ смертю своею пріяти въ чувство; почему послѣ кончины горькой отца сынъ нѣмецъ всѣ еретическія бумаги его тайныхъ предаъ огню, самъ отвратился отъ секты, яко мужъ благъ. Все сіе сынъ отцу Фотію, пришедъ, въ скорби своей повѣдалъ. Въ живыхъ лукаво себя прикрывалъ въ честности Беберь, онъ казался честнымъ, благимъ, но лута была смерть его, яко нечестивца. Лишь Фотій получилъ облегченіе, наступаетъ день и часъ ему его удаленія изъ Санкт-Петербургъ, по вліянію тайныхъ обществъ, враговъ всѣхъ недоброжелателей, ненавидѣвшихъ его за православіе, яко онъ сердцемъ чemu вѣровалъ, то устами въ правду исповѣдалъ предъ человѣками всюду, Господу послѣществующу и слово утверждающу (Марк. XVI, 20).

Лишь мало восталъ отецъ Фотій отъ одра смертныи болѣзни, восхотѣлъ явиться лично къ митрополиту Михаилу въ лаврѣ и тѣмъ всѣ слухи о себѣ уничтожить. Ибо одни, что онъ уже умеръ, ему говорили, другіе, что онъ не можетъ востать отъ болѣзни. Съ Божією помощію 15-го іюля пойхалъ онъ немощный, слабый: явился въ лавру и, слышавъ, что Михаиль на экзаменѣ находится при семинаріи Санкт-Петербургской, тотчасъ на экзаменъ пошелъ; и вшедъ, подходитъ по обычаю на благословеніе; іерархъ сей удивился, видя его худа, блѣдна, и благословляя сказалъ ему: ей, ты изъ мертвыхъ воскресъ и изъ гроба изшелъ. Онъ же отвѣщалъ: воистину Господь Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ меня воскресиль: не чаяль я быть живъ, но се живъ есмъ. Сѣль онъ на мѣсто ему приготовленное, по немощи не могъ до конца сидѣть, но изшелъ въ лаврѣ къ архідіакону Виктору,

¹⁾ Инспекторъ 2 кадетскаго корпуса, д. ст. сов. Беберь, одинъ изъ усердѣйшихъ масоновъ своего времени, съ 1805 года былъ начальникомъ ложи „Александра коронованного къ Пеликану“; въ 1809 три масонскія ложи образовали изъ себя общую директорію подъ наименованіемъ: „Велакой Директоіальной ложи князя Владимира къ порядку“, гроссмейстеромъ которой состоялъ Беберь. Послѣ закрытия Директоіальной ложи и образования вместо нея новой подъ названіемъ „Астреи“, Беберь носилъ званіе великаго наѣтнаго мастера—этой послѣдней. По смерти Бебера въ 1820 году, преемникомъ его по званію великаго мастера былъ известный Родионъ Кушелевъ. „Русская Старина“ 1877 г. т. XVIII, 461, 462, 463.

уклонился въ келью и возлегъ на одръ лежать. Не могъ идти также на трапезу, съѣзжъ, съ митрополитомъ. Послѣ, онъ отдохнувъ, явился въ домъ самому митрополиту принять благословеніе, и нѣтъ ли какихъ ему приказаний архиастырскихъ и наставлений. Пріемлетъ его Михаилъ любезно и бротко отечески между прочимъ говорить ему: не хощешь ли ты, отче Фотіе, настоятелемъ быть въ Новѣ-градѣ въ Деревянницкомъ монастырѣ игуменомъ? Сей вопросъ его, какъ неожиданный, удивилъ: ибо всѣ законоучители почти прямо въ архіерей производились; а рѣдко которые изъ корпуса, по неспособностямъ къ сану архіерейскому, посылались въ монастыри первоклассные и второклассные съ отличиемъ, хотя бы они совсѣмъ не были люди заслуженные; то какъ же Фотій, четыре года въ трудахъ законоучителя все здравіе и живость положившій, долженъ удалиться? Почекъ за тайное гоненіе себѣ удаленіе изъ Санкт-Петербургра въ Новъ-городъ¹⁾), а посему не размышляя, не говоря много, пріемля званіе сіе свыше себѣ, а не отъ человѣка, отвѣщаю митрополиту Михаилу тако: съ радостію готовъ есмь идти во игумена; ибо непротивно въ Деревянницахъ мѣсто моему спасенію: спасать душу можно и тамъ: что же миѣ еще нужно иное? Михаилъ ему сказалъ: готовъся же ты ко дню святаго пророка Иліи; почему я за тобою пришлю. Поѣхалъ Фотій въ корпусъ, долго размышляя о семъ; но возводя очи сердца своего къ Богу, воззваль, простирая руки на небо: на Тя, Господа, уповахъ, спаси мя. Дождался дна святаго пророка Иліи, званъ быть съ вечера къ митрополиту Михаилу, той спросилъ его опять: не раздумалъ ли ты идти въ Деревяницы? Хощешь ли? Онъ же отвѣщалъ: что уже сказано, то свято, твори со мною, что ты хощешь, вѣрою есть въ семъ воля Всевышнаго Бога; Той вѣдаетъ все устроить миѣ въ пользу. Почему на литургіи въ лаврѣ, въ церкви на кладбищѣ у праведнаго Лазаря²⁾), служа Фотій съ Михаиломъ заупокой обѣдню, и былъ посвященъ. Никогда такъ онъ не плакалъ, икоже

¹⁾ Здѣсь видно, что Фотій удаленъ былъ изъ Петербурга не по собственному его желанію, а по дѣйствію его враговъ — послѣдователей разныхъ тайныхъ обществъ. Фотій горько жаловался на свою ссылку въ Новгородъ („Русская Старина“ 1875 г. юль, 305). Г-нь Карновичъ впрочемъ утверждаетъ, что Фотій удаленъ былъ изъ законоучителей 2-го корпуса по вѣянію директора этого корпуса г. Маркевича („Русск. Стар.“ 1875 г. юль, 306). Г-нь Поповъ не высказываетъ никакихъ особыхъ предположеній о причинахъ перевода Фотія въ Деревянцій монастырь. „Труды Кіев. духов. акад.“ 1875. юнь, 728—729.

²⁾ Лазаревская церковь устроена была по повелѣнію Петра I, въ 1766 г. надъ могилою Наталии Алексѣевны и освящена въ 1717 году. Въ 1845 году усердіемъ графа Шереметева церковь обновлена и вновь освящена. Историко-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи, томъ VIII, 487.

плакалъ на сей литургії: слезы лились у него ручьемъ изъ очей. Послѣ службы званъ онъ былъ отъ Михаила митрополита на его трапезу, и ѿль и пилъ съ нимъ: съ Богомъ послѣ обѣда отвезенъ онъ въ корпусъ отъ архимандрита Товія при самомъ великомъ проливномъ дождѣ, громѣ и молніи.

Отъ болѣзни воставъ совершенно, помышляль отецъ Фотій объ отправленіи изъ корпуса въ Новъ-городъ; но такъ бѣденъ былъ, что онъ не иначе могъ отправиться, какъ пѣшкомъ; ничего не имѣль у себя денегъ; не на что было нѣкія вещи и книги отправить; а посему августи 2-го явился онъ къ Михаилу просить помоціи его, по примѣру другихъ, чтобы отправиться въ Новъ-городъ на коняхъ, дабы хотя книги отвезти. Ему Михаилъ сперва любовь явилъ, но послѣ во всемъ на дѣлѣ отказалъ въ исходатайствованіи помоціи; не обѣщааль даже ходатайствовать прогоновъ казенныхъ. Отъ чего залился овъ слезами, вскорбѣль много, что онъ виновенъ самъ въ его Фотіевомъ удаленіи. Сей владыка, видѣвъ его печаль, велѣль до утра быть въ лаврѣ, дабы получить лично отвѣтъ; поутру же, когда онъ пришелъ къ нему, ему обѣщааль исходатайствовать казенные прогоны, а болѣе ничего. Со скорбною душою и съ горестю сердца, шель онъ изъ лавры путемъ въ корпусъ, не вида ни земли, ни неба; весьма онъ былъ печаленъ. Идя же, пѣлъ стихи Богу и молитвы читалъ нѣкоторыя, недоволенъ Михаиломъ будучи, не видѣль въ немъ своего пастыря отца за всѣ понесенные труды, и пришедъ въ келью свою, въ скорби быль и сѣтованіи много.

Что дѣлать было ему въ крайности сей размыщляя наедиѣ, къ Богу воліяль о помоціи. Приходить вечеръ; онъ сидѣль на одрѣ; свѣтильникъ съ елеемъ горить предъ образомъ Святогорскія Божія Матери; такъ какъ былъ уже 9-й часъ вечера, погода же была не ясна, въ кельи было весьма темно; воліяль изъ глубины души, зря на образъ: «о, Госпоже, Царице и Владычице! вси меня оставили; Ты мя едина не остави; вѣси Ты печаль душа моя, о, надеждо ненадежныхъ, на Тя надѣющіхся, крѣпкая помошница! Ты мнѣ помози, яко благая, едина благодатная; Ты мя умудри». Съ симъ словомъ Фотій слышить у дверей кельи своеѧ, что нѣкто гласитъ молитву: «Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Изумившися въ нощи нечаянности гласа чуждаго, отвѣщааль: Аминь. Тотчасъ входить къ нему старецъ весь сѣдъ и старъ лѣтами, пріемлетъ благословеніе и говорить ему: слышно, что, отче Фотіе, ты вскорѣ отправляешься въ Новъ-городъ въ монастырь; что тебѣ нужно, скажи: кони ли для тебя нужны, или изъ вещей что, или деньги на дорогу, все будетъ исправлено. Обрадовался Фотій сему и думалъ, кто же сей есть глаголай? человѣкъ ли, или Ангелъ Божій? Познавъ, что воистину человѣкъ есть

сей, по внушенію же свыше, а не отъ человѣкъ, имъ все дѣлается, говорилъ ему: нужны мнѣ самому и для пути кони, какъ бы перѣхать мнѣ изъ Санкт-Петербургъ въ Новъ-городъ, на что говорить сей человѣкъ: сколько тебѣ нужно денегъ на дорогу? Онъ сказалъ ему: не привезши съ собою даровъ Богу, я не хощу прїѣхать въ святую обитель; мнѣ нужно на ладонь, свѣчи, елей, хотя немного денегъ: теперь всего хотя по одному пуду искупить желаю. Онъ ему тотчасъ далъ триста рублей и сказалъ: я еще къ тебѣ приду и еще дамъ, что нужно, когда будетъ отъѣздъ твой, и тотчасъ скрылся. Печаль Фотія исчезла: онъ видѣлъ явно помошь свыше отъ Божіей Матери, усердно къ ней Царицѣ Коневской молился, которая ему дала явно оную, когда всѣ его оставили и презрѣли въ мірѣ.

Наступаєтъ вечеръ Преображенія Господня, августи пятое число; приходитъ къ нему старецъ купецъ, бесѣдуєть съ нимъ; жалѣеть о немъ; и по бесѣдѣ, принялъ благословеніе, отшелъ во-своясь. Фотій же, желаю отдохнуть, послѣ началъ поправлять возглавіе свое: и се видить тамъ около ста рублей тайно вложено ему.

Въ день тезоименитства пришли къ отцу Фотію два пріятеля, изъ коихъ единъ тотъ, его же супруга Ольга его питала, любила всегда и помошь въ болѣзняхъ оказывала. Въ часть оный являлся старецъ сѣдъ, старъ, который въ иноци прежде у него былъ; кратко поздравляетъ его, пріемлетъ благословеніе, вручаетъ письмо и уходить: онъ же ходай и ничего не думая, письмо положилъ въ пазуху, думая прочитать послѣ; но боясь потерять, рѣшился распечатать и прочесть. Вотъ распечатывается, видить то, чего не видаль никогда, еще не разумѣть вовсе: смотрѣть и рассматривать странное для себя нѣчто. По надписи видить, ассигнація двѣсти рублей; поворачиваетъ: другая двѣсти рублей; далѣе обращаетъ, третія: двѣсти рублей; и четвертая: двѣсти рублей; и пятая двѣсти рублей: всѣ онѣ новыя. Никогда не видавъ такого рода ассигнацій, и не зная, что суть онія, удивлялся; но видя, что не мечта есть, и что хотя человѣкъ сіе присылаеть, но вѣровалъ, что сіе свыше есть даяніе, а не отъ человѣкъ: хотя чрезъ тайную десницу человѣческую, но воистину даяніе сіе есть Ангелъ Господень во плоти, а не человѣкъ. Тотчасъ онъ пріявъ, пришелъ ко иконѣ Богородицы, сказалъ: Ты мнѣ дала, о Госпоже, Царице и Владичице; Тебѣ я и отдаю, на что тебѣ нужно: и положить за образъ ея. Монастырь же Деревянницкій, въ который Фотій былъ сдѣланъ во итумека, самый бѣдный, разореный былъ; болѣе ста лѣтъ нѣкогда чудотворная икона Святогорскія, сирѣчъ, Коневскія Богородицы находилась: оную же продалъ нѣкій настоятель за мельницу въ Коневецъ, въ годъ по 400 рублей приносящу, а съ ней риза и копія оставлена въ Деревянницкой обители. Къ сей иконѣ ходилъ на покло-

иеніе въ Коневець и къ ней во игумена быль поставленъ отецъ Фотій. Въ Деревянницкомъ монастырѣ она называется Святогорской, а въ Коневцѣ Коневской¹⁾.

Сряду посемъ повечеру нѣкто человѣкъ приходитъ и даетъ ему также пакетъ, онъ же, развернувъ, видѣтъ полонъ денегъ ассигнацій: считаетъ и обрѣтаеть девять сотъ рублей. Таковая тайная милостыня преудивительная оживила его, и онъ явно видѣлъ отъ Бога помошь Единаго себѣ въ то время, какъ отъ владыки, могущаго ему сдѣлать всякую милость, лишенъ почти вовсе быль надежды всякия получить милость какую-либо за труды.

Въ сіе время скончалась нѣкая дѣвица благородная: она завѣщала свое приданое тысячу рублей послѣ кончины своей вручить собственно Фотію на обитель Деревянницкую. Почему она сумма была ему вручена. Болярныя именитая Елизавета графиня Чернышева также нѣкое сдѣлала на обитель подаяніе.

Смотря на милости, извѣтъ ему сдѣланныя, власти корпуса положили ему дать въ награду триста рублей. Устыдився отъ слуха о милостыняхъ, тайно свыше, а не отъ человѣкъ явно подаваемыхъ, Фотію также на путь законныя деньги исходатайствовалъ Михаилъ митрополитъ. Имѣніе же въ книгахъ состоящее, въ ладонѣ, свѣчахъ и елеѣ, все было отъ старца пришедшаго пріготовлено къ отправкѣ, и той ему еще вручилъ сумму немалую на путь. Фотій же не зная, како и съ кѣмъ взойти въ обитель, вызвалъ отца своего роднаго старца и съ нимъ пріѣхать въ обитель вознамѣрился.

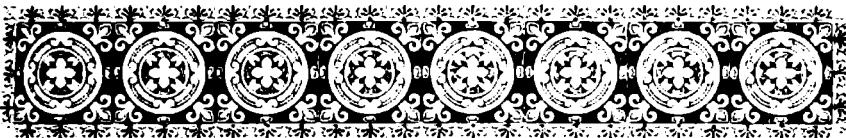
Все касающееся до должности было исправлено добрѣ, экзаменъ совершень въ законѣ надъ учениками при общемъ собраніи и лично предъ самимъ митрополитомъ Михаиломъ; и 14 сентября совершивъ Божественную службу въ церкви корпусной и благословивъ всѣхъ учащихся, всѣмъ давъ цѣмованіе, отецъ Фотій съ Богомъ отправился изъ Петербурга въ Новы-городъ 15 сентября. Симъ кончается Фотіево житіе постоянное въ С.-Петербургѣ навсегда уже. 16-го пріѣхалъ въ монастырь яко о часѣ девятомъ до полудня во время обѣдни. Быль

¹⁾ Въ эпоху смутнаго времени, когда Коневскій островъ перешелъ во владѣніе шведовъ (въ 1610 году), братія Коневскаго монастыря перемѣщена была въ Новгородскій Деревянницкій монастырь; туда же переведена была и вся монастырская церковная утварь и въ томъ числѣ Святогорская икона Пресвятаго Богородицы. По возобновленіи Коневскаго монастыря, въ 1799 году, съ разрѣшеніемъ митрополита Гавриила, чудотворная икона Божіей Матери изъ Деревянницкаго монастыря переведена была обратно въ Коневскій монастырь, пробывши въ Деревянницкомъ монастырѣ 189 лѣтъ. Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархії. т. I, отд. III, стр. 29. Должность настоятеля Деревянницкаго монастыря занималъ тогда (1789—1800) архимандритъ Лаврентій.

срѣтаемъ бѣдною братію и по чину входя въ церковь услышаль первый гласъ пѣсни сея: въ память вѣчную будеть праведникъ, отъ слуха зла не убоится. (Пс. III, ст. 6—7). По концѣ службы по надлежащему молился, поклонялся святымъ иконамъ, съ крестомъ быль введенъ въ кельи игуменскія и поселился въ нихъ, славя Бога за вся и пой пѣснь Ему: слава Богу, хотя я и убогъ, но съ нами Богъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ

о

первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ ¹⁾.

I.

Оявление въ печати «Мертвыхъ Душъ» не замедлило вызвать самые оживленные и разнообразные толки. Въ это время литературное значение Гоголя, а также и отношение къ нему современныхъ журналовъ и публики достаточно опредѣлились: число поклонниковъ поэта постоянно и замѣтно увеличивалось, а противники, несмотря на вѣскія опроверженія ихъ взглядовъ, упрямо продолжали повторять все тѣ же самые, давно опровергнутые, упреки. Такъ, «Сѣверная Пчела» въ статьѣ, принадлежавшей перу одного изъ издателей, Греча, продолжаетъ упорно настаивать на невѣроятности вымысла поэмы, подобно тому, какъ прежде та же газета признавала неправдоподобнымъ содержаніе «Ревизора», и на господствующемъ въ поэмѣ дурюмъ тонѣ. Почти половину рецензіи Гречъ наполнилъ выписками неправильныхъ, по его мнѣнію, выраженій, причемъ мелочность большей части замѣчаній является совершенно комической. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

¹⁾ Отзывы критики о „Мертвыхъ Душахъ“ мы разбираемъ подробно между прочимъ въ виду слѣдующаго замѣчанія А. Ф. Писемскаго: „Чѣмъ болѣе припоминаешь и вдумываешься въ судьбу произведеній Гоголя, въ его эстетическія положенія, въ призванія, тѣмъ болѣе начинаешь обвинять не столько его, сколько публику, критику и даже друзей его: всѣ они, какъ бы сообща, не давъ себѣ труда подумать объ истинномъ призваніи поэта, наперерывъ старались повѣлять на его впечатлительную душу — кто мыслью, кто похвалою, кто осужденіемъ, и потому, напустивъ ему въ глаза всяаго книжного и житейскаго тумана, оставили на распутьи“ („Отечеств. Записки“, 1855, X, отд. III, стр. 60).

«Открыла ротъ». Нѣтъ! Разинула ротъ. «Довѣренное письмо». Нѣтъ! Вѣрющее письмо. «Перины вынесены вонъ». А мы думали, что просто вынесены. «Лошади попятались назадъ». А почему не впередъ? «Кто-то выбѣжалъ впопыхахъ». Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать «запыхавшись». «Гдѣ такъ изволилъ засалиться?». Нѣтъ! Не засалился, а выпачкался. «При нихъ стоять учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкой». Нѣтъ! Стоявший при нихъ учитель поклонился и проч. Придиличность брюзгливаго грамматического авторитета доходить наконецъ до того, что Гречъ осуждаетъ почему-то выраженіе: «Помѣщикъ, кутящій во всю ширину удали и барства». Рядомъ съ этимъ перечислениемъ мнимыхъ стилистическихъ ошибокъ находимъ другой, еще болѣе забавный и нелѣпый: изъ книги выписаны сряду всѣ встрѣчавшіяся въ ней браннныя выраженія, какъ напр.: подлецъ, свинья, свинтусъ, и добросовѣстно отмѣчены страницы, гдѣ они употреблены, или напр. такія мѣста, гдѣ говорится объ утираніи мальчику носа, о блокахъ и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ впрочемъ нѣсколько поощрительныхъ выписокъ тѣхъ мѣсть, которыя имѣли счастье понравиться рецензенту, и въ заключеніе высказывается досада за мнимое равнодушіе автора къ своему таланту и за то, что онъ не хочетъ возвыситься хоть на столько, чтобы не уступать Поль де Коку. Вездѣ, даже въ передачѣ содержанія романа, слишкомъ замѣтно крайнее иерархическое расположение рецензента къ автору и поэмѣ: критикъ находитъ даже, что Чичиковъ жестоко смахиваетъ на Хлестакова въ «Ревизорѣ»: «тамъ вздорный мальчишка всполошилъ всѣхъ дураковъ и негодяевъ въ городѣ; здѣсь отъявленный негодяй привелъ въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; этотъ у всякаго спрашивается, не имѣть ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они вѣ-время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узель, впрочемъ, очень искусно завязанный. («Сѣверная Пчела», 1842 г. № 137, стр. 546—547) ¹⁾.

Еще невѣроятнѣе для современного читателя рецензія Сенковскаго, не отличающаяся даже хоть извинительной до нѣкоторой степени наивностью Греча. Сенковскій потратилъ на свою рецензію много самаго гротескаго остроумія, достаточно известнаго по выдержкамъ въ статьяхъ Бѣлинскаго и Чернышевскаго. Его нелѣпые глумленія вродѣ: «Я пыхчу, трепешу, прыгаю отъ восхищенія, объявляя вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности»; его искаженіе фамилии Чичиковъ въ Чихчиковъ и уѣвреніе что онъ, Брамбей, не чихаетъ, а произносить фамилию героя поэмы,—слишкомъ известны. Въ настоящее время для ознакомленія съ этой пустой

¹⁾ См. разборъ этой рецензіи Греча у Бѣлинскаго. Соч. VI, 561—566.

статьей достаточно перечитать въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго его извѣстный «Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ», тѣмъ болѣе, что тутъ же мы находимъ замѣчанія, совершенно подходящія и къ разбору Греча, напр. о томъ, что «грамматическія нападки рецензента и ложны, и пусты, и скучны» ¹⁾).

Сенковскій насыщается также надъ неправильнымъ языкомъ и мнимымъ иеніающествомъ выражений Гоголя, выписывая въ качествѣ ошибокъ такие примѣры, въ которыхъ никакой не предубѣжденный глазъ не можетъ найти даже незначительной погрѣшности, напримѣръ: «только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гости-ницы, сдѣлали кое - какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ». Сенковскій указываетъ здѣсь избытокъ причастныхъ формъ; онъ осуждаетъ также форму родитель-наго падежа въ словахъ: «картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра» и нѣсколькими страницами дальше поясняетъ, что, по его мнѣнію, слово ность имѣть въ родительномъ падежѣ носа, а шумъ, вѣтеръ и дымъ имѣютъ шуму, вѣтру и дыму ²⁾), надъ чѣмъ также по-смѣялся въ своемъ «Литературномъ разговорѣ» Бѣлинскій. Забавно, что Сенковскій придерживается и на практикѣ своей странной теоріи и часто самъ употребляетъ подобныя формы, напр. «екое искусство слогу», «артиліи моего бѣшнаго восторгу». Дѣлая такія мелочныя и произвольныя замѣчанія, большою частью совершенно ошибочные, Сенковскій старается выставить напротивъ ихъ вполнѣ естественными и невольно напрашивющимися на языкъ предполагаемаго читателя «Мертвыхъ Душъ», котораго критикъ постоянно останавливаетъ вос-клипаніями: «Ахъ, какой вы классик! Кто же теперь обращаетъ вни-маніе на времена, на ясность, на правильность?... Мы уже все это отмѣнили» ³⁾ или: «Безъ запаховъ и благоуханій, нѣтъ и не можетъ быть ни поэмы, ни поэзіи» ⁴⁾). Тотъ же предполагаемый читатель смѣется у него и надъ выраженіемъ: «з а д в и ж е н і я м и ж е н с к и хъ рука e я», т. е. ключницы, прибавляя, что у ключницы, вѣроятно, другихъ рукъ кромѣ женскихъ и не было ⁵⁾). На стр. 31, Сенковскій поучаетъ Гоголя, что союзу хотя должно соотвѣтствовать не и о, а однako, а на слѣдующей возмущается словами Гоголя по поводу Петрушки, что «русскіе не охотно знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ ужъ русскій человѣкъ! Сильная страсть зазнаться! Да чтобы, по случаю Петруши, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазна-

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. VI, 506.

²⁾ „Библіотека для Чтенія“ 1842, 9, стр. 28.

³⁾ „Библіотека для Чтенія“, 1842, № 9, стр. 26.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 29.

ваться», — говорить Сенковский от лица предполагаемого почтеннѣйшаго читателя — «надо предположить, будто весь народъ иначѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только, понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ себѣ въ ней равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я этого не люблю и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе». Въ томъ же духѣ ведется остальной разборъ. Любопытно, что натянутое предположеніе о сходствѣ Чичикова съ Хлестаковымъ, какъ мы видѣли, высказанное Гречемъ сначала, повторяется здѣсь: «Какъ Хлестаковъ у всѣхъ и каждого занимаетъ деньги, даже по двугривенному, такъ Чичиковъ ко всѣмъ и къ каждому єздить обѣдать и покупать послѣ обѣда мертвага души. Для довершения сходства у него есть и слуга, такой же, какъ у Хлестакова, съ той только (?) разницей, что слуга Чичикова, какъ вы сами видѣли, еще грязнѣ»¹). Вся эта натяжка понадобилась рецензенту, чтобы сказать, что суматоха, произведенная въ городѣ молвой о мертвыхъ душахъ, есть будто бы «точное повтореніе той, какую мы видѣли въ иѣкоторой комедіи подъ заглавиемъ «Ревизоръ»²).

Н. А. Полевой въ своей рецензіи, напечатанной въ издаваемомъ имъ «Русскомъ Вѣстнику», въ первыхъ строкахъ напоминаетъ собственный разборъ «Ревизора», въ которомъ онъ доказывалъ вредъ для Гоголя отъ неумѣренныхъ его «хвалителей», чтобы теперь еще яснѣ показать, какъ вѣрны были прежнія его сужденія и «до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости со-зидаетъ оно, идя путемъ превратнымъ»³). Затѣмъ приводятся сходные примѣры непониманія писателями сущности своего призванія въ иностраннѣхъ литературахъ. («Расинъ отказывался отъ театра и писалъ государственные проекты; Петrarка презиралъ сонеты и гордился своими латинскими стихами»)⁴). По мнѣнию Полеваго, Гоголь впадаетъ въ крупныя ошибки вездѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ своей настоящей сферы, которая заключается въ веселой и безцѣльной шуткѣ, какую мы видимъ напримѣръ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, полагаетъ критикъ, становится неправильнымъ и страннымъ языкъ Гоголя и тѣмъ болѣе уродливостей въ его произведеніяхъ. Въ доказательство приводится множество выдержекъ изъ поэмы «Римъ», о каторой критикъ отзывается, какъ о «наборѣ реторическихъ фразъ, натянутыхъ сравненій и дѣтскихъ наблюденій»⁵).

¹) Тамъ же, стр. 49.

²) Тамъ же.

³) „Русскій Вѣстникъ“, 1842, 6, стр. 34.

⁴) Тамъ же, стр. 35.

⁵) Тамъ же, стр. 36.

Обращаясь къ «Мертвымъ Душамъ», онъ идетъ еще дальше и начинаетъ свой разборъ восклицаніемъ: «Начнемъ съ содержанія— какая бѣдность!»¹⁾). «Мертвые Души», по мнѣнію критика, будто бы не болѣе, какъ сколокъ съ «Ревизора», такъ какъ здѣсь «снова какой-то мошенникъ привѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, и мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько—и конецъ поэмѣ!»²⁾).

Такая скучная исторія, говорить критикъ, растянута на цѣлыхъ 475 стр. Это будто бы каррикатура, съ которой искусству нечего дѣлать. На замѣчаніе Гоголя о добродѣтельномъ человѣкѣ Полевой возражаетъ: «вамъ скучны прежніе герои искусства, но покажите же намъ человѣка и людей, да человѣка, а не мерзавца, не чудовище, людей, а не толпу мошенниковъ». Затѣмъ повторяется старый упрекъ, что города, подобного изображеному, никогда неѣть и быть не можетъ, и что добро есть даже у кафровъ, чукчей и эскимосовъ. Указываются мнимыя погрѣшности противъ правдоподобія, напр. могъ ли Чичиковъ покупать мертвые души у первого встрѣчнаго, какъ могли пустить Ноздрева хмѣльнымъ на баль къ губернатору. Потомъ слѣдуетъ перечень «грязныхъ мелочей», преувеличеній, напр. «авторъ увѣряетъ васъ, что въ русскихъ погребахъ лютъ въ поддѣльную мадеру крѣпкую водку», что провинціальная барыня стыдится сказать: «я вы сморкала ность», «я плюнула»; на каждой страницѣ встрѣчаются слова: подлецъ, мошенникъ, бестія... Разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ Полевой называетъ прямо глупѣйшимъ и смѣется надъ частымъ повтореніемъ въ немъ вѣкоторыхъ словъ, особенно эта кой. По поводу словъ Гоголя: «Кажется, изъ усть нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улициѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя!» Полевой восклицаетъ: «если авторъ не шутить, то каковы же у него понятія о составленіи языка. Онъ хочетъ учиться языку въ харчевнѣ и обогащать языкъ взятыми тамъ поговорками»³⁾). Но особенно обратили на себя вниманіе критика тѣ мысли, которые были написаны въ виду обычныхъ на Гоголя нападеній, напр. на размышеніе о судьбѣ двухъ писателей, о необходимости избрать въ героя плутоватаго человѣка и проч. Оставаясь при своихъ мнѣніяхъ, Полевой возражаетъ: «да кто же требуетъ отъ васъ добродѣтельного человѣка? Отъ васъ требуютъ только человѣка и отказываются отъ несообразныхъ каррикатуръ, которыхъ вы изображаете намъ»⁴⁾); «Мертвые же Души» далеко не первъ созданія, а

¹⁾ Тамъ же, стр. 40.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1842, 6, стр. 47.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 50.

всего лишь одно изъ произведений, подобныхъ «Энейдѣ» на изнанку, баснямъ Измайлова, «Елисею» Майкова и повѣстямъ Нарѣжного. Полеваго въ «Мертвыхъ Душахъ» оскорбили наконецъ даже будто бы не патріотическія выходки Гоголя противъ русскаго народа, напр. «авторъ изображаетъ извозчика, который заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали. Эхъ, русскій народецъ, не любить умирать своею смертью!»¹⁾). Лирическія мѣста о русской пѣснѣ и птицѣ-тройкѣ также не понравились Полевому, увидѣвшему проявленіе необычайной гордыни въ выраженіи: «Русь, чего ты хочешь отъ меня?» и другое подобное мѣсто онъ безъ церемоніи называетъ просто «русской галиматіей»...²⁾).

II.

Отъ этихъ карикатурныхъ разборовъ «Мертвыхъ Душъ» доказывающихъ мелкую придирчивость или бессильную злобу критиковъ, перейдемъ къ другимъ, болѣе заслуживающимъ вниманія.

Оставляемъ безъ передачи всѣмъ известную статью Бѣлинскаго, въ которой знаменитый критикъ, указывая достоинства «Мертвыхъ Душъ», обращаетъ вниманіе особенно на глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность автора, которая заставляетъ его проводить черезъ свою «душу живу» явленія вицѣнаго міра и объясняетъ красоты какъ юмора, такъ и вдохновенныхъ лирическихъ отступлений въ «Мертвыхъ Душахъ». Замѣтимъ только, что проведеною въ началѣ статьи параллелью между критикой увѣренной въ себѣ и прямой—стъ одной стороны и критикой уклончивой—стъ другой, Бѣлинскій напоминаетъ читателямъ, что «Отечественные Записки» первыя и однѣ сказали и постоянно, со дня своего появленія и до сей минуты, говорять, что такое Гоголь въ русской литературѣ³⁾). Дѣло въ томъ, что это заявленіе Бѣлинскаго затронуло московскихъ друзей Гоголя, которые не могли потому этого забыть и простить; такъ уже много лѣтъ спустя, гораздо послѣ смерти Бѣлинскаго, Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шевыревѣ приводить стихи, сочиненные въ Римѣ въ 1839 г. въ честь Гоголя, въ доказательство того, что не Бѣлинскій, а онъ, Погодинъ, и Шевыревъ прежде всего оцѣнили Гоголя.

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

³⁾ „Отеч. Запискѣ“, 1842, 7, 1—12 и соч. Бѣлинскаго, т. VI, 394—416. Вероятно обѣ одной изъ этихъ статей говорить Герценъ. Соч. т. I, стр. 95.

Свою статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ 7 № «Москвитянина» Шевыревъ почти начинаетъ съ направленной противъ этого заявленія выходки противъ Бѣлинскаго, котораго онъ задѣваетъ здѣсь даже рядомъ съ Сенковскимъ и Гречемъ. Шевыревъ говорить о новомъ произведеніи Гоголя, что «одинъ безотчетно восхищается имъ, другое безотчетно его порицаютъ. Тамъ изъ нормы своей выволзла мелкая зависть въ видѣ газетчика и наводить свой шаткий и темный микроскопъ на немногія грамматическая ошибки, случайно вкравшіяся въ произведеніе. Но вотъ съ другой стороны, изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы выскочило наглое самохвальство въ видѣ криклиаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистую рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пылить на немъ свою тощую фигуру, сиится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и уѣрить васъ, что точно онъ вамъ его показалъ, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть. (Намекъ на Бѣлинскаго). Безмолвно возвышается произведеніе надъ высокой—непривѣтимъ трубачемъ его славы — и только обличаетъ собою его крохоту и умственное бессилие» ¹⁾). Хотя такое изображеніе всего менѣе могло бы быть справедливо въ примѣненіи къ Бѣлинскому, тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣній, что раздраженіе продиктовало о немъ Шевыреву эти позорныя и возмутительно несправедливыя строки ²⁾). Неправымъ оказывается здѣсь Шевыревъ также и въ другомъ отношеніи. Простая справка въ старыхъ книжкахъ журналовъ совершенно опровергаетъ его претензію на проницательность въ оцѣнкѣ и признаніи таланта Гоголя, такъ несправедливо оспариваемую имъ у Бѣлинскаго. Чтобы не повторять этого обстоятельно изложеннаго эпизода изъ исторіи нашей журналистики въ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь слѣдующихъ словъ изъ названнаго сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Въ разборѣ «Миргорода», — говоритъ онъ, — «г. Шевыревъ не дѣлаетъ ни малѣшаго намека на то, что можно считать Гоголя великимъ писателемъ; онъ кажется ему не болѣе, какъ хорошимъ беллетристомъ шутливаго характера. Мы видѣли, что за «Миргородъ» и «Арабески», искоторый другой критикъ (т. е., конечно, Бѣлинскій), уже назвалъ Гоголя главою русскихъ писателей, преемникомъ Шушкина» ³⁾. Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ полное право напомнить обидѣвшейся сторонѣ, что напр. «одинъ журналъ отказался

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1842, VII, 207.

²⁾ Такое же мнѣніе о „Мертвыхъ Душахъ“ см. въ письмѣ Свербеева къ Д. Ф. Самарину къ К. С. Аксакову. („Русская Старина“, 1890, II, 423).

³⁾ „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, стр. 142—143.

напечатать у себя повѣсть Гоголя «Носъ», находя ее грязною¹⁾ и что «кто постоянно слѣдить за нашей литературой, тот знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ»²⁾). Вообще вся полемика о «Мертвыхъ Душахъ» въ «Журнальныхъ и литературныхъ замѣткахъ» (1842 г.) явно относится къ Шевыреву, особенно же слѣдующія слова: «Почему жъ бы и не замѣтить того, что принадлежитъ вамъ по праву? Но люди не благодарны: вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы, и они же, за это, пошлютъ васъ на толкучай рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинять въ самохвальствѣ и проч.³⁾.

Но если прежде Шевыреву не сразу вполнѣ выяснилось важное литературное значеніе Гоголя, то теперь онъ отзыается уже восторженно о «Мертвыхъ Душахъ» и обѣщаетъ не разъ возвратиться къ немъ въ виду того, что такое капитальное произведеніе имѣть свойство возбуждать все новые мысли и вопросы, хотя все это не мѣшаетъ ему въ то же время, какъ выразился Чернышевскій, и тутъ говорить «очень уклончиво о значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы, о значеніи его для развитія общества и о смыслѣ «Мертвыхъ Душъ»⁴⁾). Все вниманіе критика устремлено на эстетическую оцѣнку произведенія, причемъ въ недовѣрѣ усердіи онъ на каждомъ шагу вдается въ странная и натянутая толкованія, признавая тонкій художественный тактъ автора въ мелочахъ совершенно безразличныхъ и не имѣющихъ значенія. «Критикъ слишкомъ далеко заходитъ» — говоритъ Чернышевскій, — «желая рѣшительно о каждой мелочи доказать, что она рѣшительно необходима именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помѣщена Гоголемъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что, выражаясь ученымъ образомъ, «необходимость облекается въ искусствѣ формой случайности», т. е. напримѣръ, Чичиковъ могъ бы встрѣтить на дорогѣ къ Манилову не одного, а двухъ или трехъ мужиковъ, деревня Манилова могла бы лежать налево, а не направо отъ большой дороги»⁵⁾ и проч.

Излагая содержаніе «Мертвыхъ Душъ», Шевыревъ нерѣдко выскаживаетъ мнѣнія, довольно странныя по мысли или по выраженію; напр. у него Чичиковъ «закаленъ въ самопожертвованіе мошенничества, какъ Ахилль въ свое бессмертіе»⁶⁾). По мнѣнію Шевырева «только у Коробочки могла произойти не совсѣмъ учитывая встрѣча

¹⁾ Соч. Бѣллинскаго, т. VI, 592.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Стр. 593.

⁴⁾ „Очерки Гоголевского периода русской литературы“, стр. 143.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 145.

⁶⁾ „Москвитянинъ“, 1842, VII, 210—211.

между индѣйскимъ пѣтухомъ и гостемъ Чичиковымъ¹), а мужики Коробочки имѣютъ длинныя прозвища потому, что «Коробочка себѣ на умѣ: ужь у ней чѣо ея, то крѣпко ея; и мужики также помѣчены особынными именами; какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжаласъ²). Въ томъ же духѣ и съ такими же приемами продолжаетъ Шевыревъ разбирать всю поэму, прибавляя къ пересказу содержанія собственныхъ соображеній въ родѣ того, что моль, «гдѣ же и встрѣтиться съ Ноздревымъ, если не въ трактире? и безцѣльно подбирая десятки синонимовъ къ выраженію «разбитной малый» вродѣ: «безалаберный, взбалмошный, ералашный» и проч. Но всего забавнѣе неожиданная симпатія Шевырева къ кучеру Селифану, которого онъ почему-то называетъ даже «не оцѣненный мъ», и слѣдующій блестящій перлы его критики: «Собакевичъ соединилъ въ себѣ породу медвѣжью и свиную; Ноздревъ очень похожъ на собаку, которая безъ причины въ то же время и лаетъ, и отрызается, и ласкается; Коробочку можно сравнить съ суетливой бѣлкой, которая собираетъ орѣшки въ своеи закрома; Плюшкинъ, какъ муравей, однимъ животнымъ инстинктомъ, все, что ни попадло, тащить въ свою нору; Маниловъ имѣеть сходство съ глупымъ потатуемъ, который, сидя въ лѣсу, надоѣдаетъ однообразнымъ крикомъ, и какъ будто мечтаетъ о чёмъ-то; Петрушка съ своимъ запахомъ превратился въ пахучаго козла; Чичиковъ плутовствомъ перещеголялъ всѣхъ животныхъ и тѣмъ поддержалъ славу природы человѣческой (?!)... Одинъ лишь кучерь Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру»³).

Читая теперь подобныя курьезныя строки, только изумляешься, какъ подобныя измысленія могли приходить въ голову и проникать въ печать и не сдѣлаться притомъ, что называется, «притчей во языцѣхъ». Шевыревъ въ одномъ мѣстѣ своей критики даже явно подражаетъ Простакову Фонвизина въ слѣдующемъ своемъ разсужденіи: «Особенная страсть у Ноздрева къ собакамъ и псарный дворъ у него въ большомъ порядкѣ: не происходитъ ли это отъ какой-то симпатіи? ибо въ характерѣ Ноздрева есть что-то истинно собачье»⁴). Такимъ образомъ, въ статьѣ Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», вообще говоря, мало оригинального, но зато это немногое дѣйствительно оригинально въ высшей степени, оригинально до искривленія. Каково, напр., слѣдующее разсужденіе Шевырева: «Замѣчательно, что Петрушка, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ и умѣя даже

¹) Тамъ же, стр. 213.

²) Тамъ же.

³) „Москвитянинъ“, 1842, VII, стр. 220.

⁴) Тамъ же, стр. 214.

читать, провоняль, а Селифантъ, будучи всегда съ лошадьми и въ ко-
нишнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую русскую природу¹). Если при-
бавить къ указанному раньше, что Шевыревъ по своему обыкновенію
кстати и некстати примѣщиваетъ вездѣ излюбленную Италию²), до
того, что это подало поводъ Бѣлинскому сказать: «вѣроятно, многимъ
случалось видѣть людей, которые побывали въ Парижѣ и, возвратясь
въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ!» Такъ
нѣкоторые критики, о чёмъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обой-
тись безъ Италии³) — то мы исчерпаемъ все существенное въ первой
статьѣ Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ».

Во второй статьѣ его есть по крайней мѣрѣ нѣкоторый нужный для
того времени разъясненія: такъ, въ началѣ статьи Шевыревъ, откло-
няя такого рода возраженіе, что, «странствуя по Россіи, вы согласи-
тесь скорѣе дать 30 верстъ крюку, чѣмъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь
Собакевичемъ или Ноздревымъ. (Какая же охота встрѣтиться съ ними
въ поэмѣ⁴), — указываетъ на различное значеніе многихъ непріятныхъ
явленій жизни въ дѣйствительности и въ искусствѣ: «Смотрите на
улицу: вотъ пьяница шатается по тротуару; вотъ извозчикъ наве-
сель мчится на удалой тройкѣ: вы, конечно, обойдете за нѣсколько
шаговъ этого пьяницу и не впустите извозчика, особенно съ его трой-
кой, въ вашу гостиную; но изобрази вамъ пьяницу Теньерь своей ве-
селой кистью, нарисуй вамъ Орловскій извозчика-лихача съ удалою
тройкой бессмертными карандашемъ своимъ,— и пьяница Теньеровъ и
тройка Орловскаго будуть красоваться въ вашей гостиной на самомъ
первомъ, почетномъ мѣстѣ, выше какихъ-нибудь другихъ важныхъ
картина, рисованныхъ кистью не столько искусство. Такова привилегія
художества⁵). Затѣмъ критикъ весьма удачно оцѣниваетъ значеніе
юмора Гоголя и слѣдить за тѣмъ, какъ свѣтлое настроеніе автора мѣ-
стами переходитъ въ глубокую, задушевную грусть. Вообще во второй
статьѣ мы встрѣчаемъ много дѣльныхъ и обдуманныхъ замѣчаній, много
вѣрно подмѣченного и тонко скваченного. Теперь, конечно, не новость
напр. такая мысль, что «зазорительный хохотъ пронесся, вмѣстѣ съ
«Мертвыми Душами», по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только ихъ чи-
тали; но тутъ не далеко слышать и видѣть, кто въ яркомъ смѣхѣ Го-
голя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти⁶); но тогда это было ясно

¹) Тамъ же, стр. 219.

²) Напримеръ „Плюшкинъ” такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы
его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлерѣи Доріа,
„Москвитянинъ”, 1842 г., № 7, стр. 218.

³) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.

⁴) „Москвитянинъ”, т. VII, стр. 211.

⁵) „Москвитянинъ”, т. VIII, стр. 346.

⁶) „Москвитянинъ”, 1842 г., VIII, стр. 348.

не всѣмъ, и дальниѣ примѣры и подтвержденія важны и заслуживають вниманія читателей. Весьма мѣто и вѣрно говорить также Шевыревъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» цѣлый городъ въ одно лицо, котораго всѣ эти господа только разные члены: одна и та же уѣздная безсмыслица, вызванная комической фантазіею, одушевляетъ всѣхъ, носится надъ ними и внушаетъ имъ поступки и слова, одно смѣшнѣе другаго. Такая-то безсмыслица олицетворяется и дѣйствуетъ въ городѣ N¹). Хорошо также замѣтилъ Шевыревъ слѣдующую постепенность въ переходѣ отъ свѣтлого настроенія къ печальному въ расположениіи отдѣльныхъ главъ первого тома «Мертвыхъ Душъ»: «Взгляните,—говорить онъ,—на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ. Сначала вы смеетесь надъ Маниловымъ, смеетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка. А герой поэмы? Много смеяться онъ вѣсъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и завода всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, — не правда ли, что вы глубоко задумались?»²). Слѣдующія затѣмъ соображенія критика о томъ, что «существо Гоголя двойное и раздвоившееся: одна половина смеется, а другая плачетъ»³) (по язвительной формулировкѣ словъ Шевырева въ возраженіяхъ ему Бѣлинскаго), во всякомъ случаѣ замѣчательна потому, что она могла и даже должна была явиться отголоскомъ слышаннаго критикомъ отъ самого Гоголя, что особенно вѣроятно въ виду слѣдующихъ словъ: «Если «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ» соответствуютъ Шпонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать еще высокихъ созданій въ родѣ «Тарасть Бульба», взятыхъ уже изъ русскаго міра»⁴). Но во всякомъ случаѣ Шевыревъ сильно поддавался въ данномъ случаѣ игрѣ фантазіи, подъ влияніемъ которой онъ представлялъ себѣ природу творчества Гоголя такимъ образомъ: «Взгляните на вихорь передъ началомъ бури: легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; первы, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются, скоро весь воздухъ наполняется его своеобразнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихре скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Свернула

¹) Тамъ же, стр. 351.

²) Тамъ же, стр. 350.

³) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.

⁴) „Москвитянинъ“, 1842 г. VIII, 351

молнія... Громъ раскатился по небу. Дождь хлынула потоками. Земля и небо смѣшились вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вторая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ намъ лирическое теченіе, горизонтъ раздающійся и величавый громъ другихъ рѣчей?¹⁾ Затѣмъ три основныя черты фантазіи Гоголя указываетъ Шевыревъ: первую, которую онъ называетъ «живое ясновидѣніе міра, переносимаго изъ бытія существеннаго въ бытіе идеального искусства», разумѣя подъ этимъ необыкновенное искусство художника передавать тонкія детали изображаемой картины, и поясняетъ свои мысли яркими и пластическими сравненіями (Шевыревъ между прочимъ приводить параллель къ сравненіямъ Гоголя изъ Гогнера и Данте), затѣмъ критикъ признаетъ фантазію Гоголя истиннолюбивою и говорить о жизненности и правдивости всѣхъ выведенныхъ типовъ и наконецъ—«хлѣбосольною», надѣ чѣмъ такъ посмѣялся Бѣлинскій. Хлѣбосольство это, по объясненію Шевырева, заключается въ слѣдующемъ:

«Читая «Мертвыхъ Душ», вы могли замѣтить, сколько чудныхъ полныхъ картинокъ, яркихъ сравненій, замѣтокъ, эпизодовъ, а иногда и характеровъ, легко, но мѣтко очерченныхъ, дарить вамъ Гоголь такъ, просто, даромъ, въ придачу ко всей поэмѣ, сверхъ того, что необходимо входить въ ея содержаніе». Слѣдуютъ примѣры: компаніонка за столомъ у Собакевича, бѣлокурый зять Ноздрева и проч. Шевыревъ сравниваетъ за это Гоголя съ богатымъ русскимъ хлѣбосоломъ, у котораго за столомъ кромѣ двухъ-аршинной стерляди и архангельской телятины подано еще «множество закусокъ, прикусокъ, подливокъ и дорогихъ соусовъ»²⁾. «Русское хлѣбосольство»—продолжаетъ затѣмъ Шевыревъ,—«даетъ печать свою и слогу: слово Гоголя—слово широкое, полное, разъемистое, плодовитое. Рѣчь его разсыпчатая, какъ слобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла; оно льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и periodъ его слишкомъ грунно начиненъ, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома»³⁾.

Въ заключеніе разбора статей Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», отмѣтимъ предлагаемыя имъ курьезныя поправки къ «Мертвымъ Душамъ»: «комический демонъ шутки»—говорить онъ—иногда увлекается до того фантазію поэта, что характеры выходятъ изъ границъ своей истины: правда, что это бываетъ рѣдко. Такъ, напр., неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхваливать свои мертвые души и пустился въ такую фантазію. Ско-

¹⁾ Тамъ же, стр. 356.

²⁾ „Москвитянинъ“, 1842 г., VIII, стр. 375.

³⁾ Тамъ же, стр. 375—376.

рѣ могъ бы увлечься ею Ноздревъ, если бы съ нимъ сладилось такое дѣло¹⁾ или напр. Шевыреву кажется, что «Коробочка съ виду только брохоборка и погружена въ одни материальные интересы своего хозяйства, но она непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ»²⁾, по поводу чего Ю. Ф. Самаринъ въ своихъ умныхъ замѣчаніяхъ о «Мертвыхъ Душахъ» въ письмѣ къ К. С. Аксакову возражаетъ весьма просто и дѣльно: «спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ знать, что Коробочка набожна»³⁾.

Вообще, по выражению Н. Г. Чернышевскаго, «первый томъ «Мертвыхъ Душъ» только прощаются Шевыревымъ Гоголю, ради слѣдующихъ»⁴⁾.

По поводу этой критики Шевырева мы должны сказать нѣсколько словъ о весьма любопытномъ письмѣ Ю. Ф. Самарина къ К. С. Аксакову. Самая важная строки въ этомъ письмѣ, касающіяся собственно статьи Шевырева, слѣдующія: «Мнѣ приходить на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека, и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумѣю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: «Коробочка вѣрно очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону». Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна. Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что все другія свойства старушки - помѣщицы, не высказанныы поэтомъ; вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ бы подумала и чѣмъ бы сказала. Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ, намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленія, провести его дальше, то не значить ли это что то немногое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ заключается тайна творчества, и выше ея вѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь изображаетъ, и каждое его лицо истинно, живо и полно, какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты—исчисленія свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и вообще этотъ родъ критики, отыскивающей, чего не высказано, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношеній къ чему-нибудь, если, та-

¹⁾ Тамъ же, стр. 366.

²⁾ „Москвитянинъ“, 1842 г. VIII, стр. 365—366.

³⁾ „Русская Старина“, 1890 г., II, стр. 422.

⁴⁾ „Очерки Гоголевского периода русской литературы“, стр. 153

кого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его создание, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямаго, такъ рѣзко обличаетъ свое безсиліе, такъ становится глупа и смѣшина, когда прилагается къ произведенію Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать), то не значить ли это, что оно исключительно и высоко художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на вѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ. Все, чтѣ она замѣчаетъ, чтѣ хвалитъ и чтѣ порицааетъ, не лежитъ въ произведеніи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержаніе¹⁾.

Не удовлетворялся статьей Шевырева и очень многими другими (по словамъ Ю. Ф. Самарина, о «Мертвыхъ Душахъ» было «несколько замѣчаний и очень много пустыхъ»²⁾) и предполагалъ самъ написать разборъ «Мертвыхъ Душъ», но послѣ раздумацъ. Тѣмъ большій интересъ получаетъ дальнѣйшее содержаніе письма, въ которомъ проводится та мысль, что одно отрицаніе не можетъ быть предметомъ художественного произведенія («одна тѣнь не составить картины»), но что «Мертвые Души» «есть не сатира, а поэма, глубоко захватывающая и отражающая жизнь, а Гоголю доступно пониманіе во всемъ ея объемѣ и во всей ея глубинѣ»³⁾), и поэтъ «полюбилъ ее и возвель въ ясное, свѣтлое созданіе искусства». «Одинъ огромный, неопровергнутый фактъ — возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь»⁴⁾). Такъ даже видя въ первомъ томѣ пока изображеніе темной стороны жизни, Ю. Ф. Самаринъ признаетъ уже и эту часть поэмы высоко стоящей въ эстетическомъ и общественномъ отношеніяхъ. «Конечно»—говорить онъ—«въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» мы видимъ темную сторону жизни; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже,—чего не дай Богъ,—что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться»⁵⁾). Ю. Ф. Самаринъ, сдѣдовательно, не прощалъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» ради послѣдующихъ, но прямо призна-

¹⁾ „Русская Старина“, 1390, II, 422—423.

²⁾ Тамъ же, стр. 421.

³⁾ Тамъ же, стр. 425.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же.

валь вполнѣ самостоятельное право его на высокую оценку, чѣмъ доказать свое безмѣрное критическое превосходство передъ Шевыревымъ.

Въ началѣ слѣдующаго 1843 г. «Москвитянинъ» не забылъ возвратиться къ однаждѣ затронутому извѣстному намъ вопросу въ статьѣ Шевырева «Критический перечень произведеній русской словесности за 1842 г.» Здѣсь высоко поставлена изъ статей петербургскихъ журналовъ только статья Плетнева, затѣмъ о Бѣлинскомъ сказано, что онъ по поводу «Мертвыхъ Душъ» сталъ будто бы безцеремонно хвалиться и кончилъ бранью на талантъ Гоголя (*sic*), котораго самъ же признавалъ міровымъ (?) геніемъ; наконецъ осуждаются критики, придиравшіеся къ изображенію низкой формы дѣйствительной жизни въ его поэмѣ и къ показавшимся имъ неприличными выраженіямъ. Характерно въ статьѣ Шевырева то, что онъ, все еще не будучи въ состояніи вполнѣ оценить Гоголя, ссылается между прочимъ въ оправданіе писателя на объясненіе его въ остальныхъ томахъ поэмы изображать уже не одно прошлое и комическое, но и возвышенное.

Вотъ подлинныя слова Шевырева: «Если бы Гоголь имѣлъ односторонній талантъ комика и способенъ былъ только къ изображенію низкой стороны дѣйствительной жизни, то трудно бы ему было сладить съ своими злонамѣренными критиками; но мы увѣрены, что онъ восторжествуетъ и докажетъ имъ, что, kleimya мѣткой ироніей все безобразіе низкой дѣйствительности, лучше и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь владѣющій у насъ первомъ, постигаетъ онъ все великое и прекрасное нашей русской жизни»¹⁾). Жаль, что эти слова никто не напомнилъ Шевыреву по смерти Гоголя, когда ему нельзя было бы апеллировать къ будущему, и пришлось бы по неволѣ или отказаться отъ приведенныхъ выше словъ, или сознать, что истинная оценка Гоголя была сделана не имъ, а именно Бѣлинскимъ.

Изъ остальныхъ отзывовъ о первой части «Мертвыхъ Душъ» остановимся вскользь на рецензіи «Литературной Газеты» и на брошюрѣ о Гоголѣ К. С. Аксакова, а потомъ перейдемъ къ прекрасному и обстоятельному разбору, написанному П. А. Плетневымъ. Что касается первой, то она почти исключительно состоитъ изъ пересказа содержанія поэмы, причемъ въ разныхъ мѣстахъ приводятся болѣе или менѣе обширныя выписки. Кромѣ этого въ началѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о рѣшительномъ преобладаніи въ русской литературѣ типовъ отрицательныхъ и комическихъ. Авторъ статьи уже ставитъ ниже Гоголя «даровитаго» Марлинскаго и его «Лейтенанта Бѣлозора», но еще упоминаетъ о Гоголѣ наряду съ другими «лучшими нашими нувеллистами».

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1843, № 1, стр. 285.

Основываясь на Сенковскимъ, Павловымъ и мн. Одоевскимъ. Авторъ съ грустью задаетъ себѣ такие вопросы: «неужели мы замѣчаемъ однѣ смѣшныя стороны и смѣемся, хотя въ половину горькимъ смѣхомъ». «Неужели» — продолжаетъ онъ — «мы любимъ видѣть на сценѣ только мелкие пороки и слабости?.. Отъ души смѣемся, глядя на Хлестакова и Землянику, и зѣваемъ во весь ротъ, когда передъ нами разглагольствуетъ Честонъ или Стародумъ». Но критикъ соглашается съ доводами Гоголя и признаетъ, что въ его «шуткѣ» о томъ, что «слѣдуетъ припрѣчь «плутоватаго человѣка», заключается «многое истины». Далѣе критикъ замѣчаетъ, что «Мертвые Души» названы поэмой, безъ всякаго сомнѣя, въ шутку, но что «если поэма, въ сравненіи съ романомъ, обхватываетъ собою болѣе огромную сторону жизни какого-либо народа, то «Мертвые Души» не безъ причины названы поэмой»¹⁾. Въ авторѣ критикъ признаетъ «рѣдкій даръ наблюдательности, знаніе тайнъ человѣческаго сердца, въ особенности порочной стороны его, умѣніе создавать характеры и изъ ихъ игры развивать дѣйствіе»²⁾.

Оканчивается рецензія указаниемъ на грязныя, по его мнѣнію, шуточки Гоголя, напр. о томъ, какъ буточникъ поймалъ у себя звѣря и тутъ же казнилъ его, и выраженіемъ нетерпѣнія, съ какимъ, въ виду прежде указанныхъ достоинствъ произведенія, ожидаются его послѣдующіе томы.

III.

Въ длинной вереницѣ критическихъ статей о «Мертвыхъ Душахъ» бросается въ глаза своей оригинальной эксцентричностью извѣстная брошюра К. С. Аксакова: «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Похожденія Чичикова», или «Мертвые Души». Любопытна литературная исторія этой статейки. Наконецъ брошюра появляется въ печати и обращаеть на себя общее вниманіе, изумляетъ однихъ, другихъ смѣшить и подвергается со всѣхъ сторонъ нареканіямъ за неумѣренный до постыдныхъ крайностей энтузіазмъ. Единственный сочувственный отзывъ объ этой брошюрѣ мы находимъ въ маленькой статейкѣ «Современника» (1842 г., т. XXVIII, № 4, стр. 82). Другой сочувственный отзывъ мы читаемъ уже въ частномъ письмѣ къ К. С. Аксакову Ю. Ф. Самарину (*«Русск. Стар.»* 1890, II, 421 и *«Русск. Арх.»* 1880, II, 298 — 302). Но мы не можемъ судить, насколько этотъ отзывъ

¹⁾ „Литературная Газета“, 1842 г. № 20, стр. 471

²⁾ Тамъ же, стр. 476.

быть искрененъ и насколько здѣсь говорило чувство деликатности автора. Также защищает К. С. Аксакова противъ рѣзкаго отзыва «Отеч. Зап.» Хомяковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шевыреву («Русск. Арх.» 1878, т. II, № 5, 61—62). Изъ особенно враждебныхъ брошюре отзывовъ слѣдуетъ отмѣтить отзывъ Сенковскаго («Библіотека для Чтенія», 1842, т. 54, отд. 6, стр. 12, «Московскій Благородный Пансионъ» Сушкина, прилож. 2 отд., стр. 22; и «Русск. Арх.», 1893, VIII, стр. 561, и «Репертуаръ» и «Пантеонъ» 1843, № 6, стр. 93). Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» осмѣялся даже сказать по адресу Гоголя: «Это плохо! Когда люди издаются на свои деньги такія похвальные брошюры, это очень плохо!.. Это показываетъ, что поэма нехороша» («Библіот. для Чтенія», 1854, т. 54, отд. 6, стр. 12).

Основная мысль брошюры заключается въ томъ положеніи, что въ «Мертвыхъ Душахъ» мы видимъ величавое эпическое созерцаніе древніхъ, утраченное въ продолженіе вѣковъ и снова возстающее передъ нами во всей своей неувядаемой красотѣ, и что у Гоголя мы встрѣчаемъ такую «полноту и конкретность созданія», какою отличаются только созданія Гомера и Шекспира. «Только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь» — говорить онъ — «обладаютъ этой тайной искусства»¹⁾). Подобно тому, какъ у Гомера мы видимъ «всѣ образы природы человѣка заключенные въ созерцаемомъ мірѣ, и,—соединенные чудно, глубоко и истинно, шумять волны, несется корабль, враждуютъ и дѣствуютъ люди»²⁾), такъ и поэма Гоголя «представляетъ цѣлую сферу жизни, цѣлый міръ, гдѣ, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ волны, всходитъ солнце, красуется вся природа и живеть человѣкъ»³⁾). Большинство читателей не подготовлено къ тому, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить поэму Гоголя, именно потому, что потеряло вкусъ къ истинной, классической красотѣ и приходить въ недоумѣніе передъ непривычнымъ, или лучше сказать, забытымъ характеромъ поэтическаго творчества. Въ первыхъ же строкахъ брошюры К. С. Аксаковъ заявлялъ о «Мертвыхъ Душахъ», что «передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами». Выясняется величие и всеообъемлющее значеніе древняго эпоса, юный критикъ отмѣчаетъ постепенное, по его мнѣнію, обмелѣніе его на западѣ и затѣмъ провозглашаетъ наступленіе новой эры художественнаго творчества въ поэмѣ Гоголя, въ которой «тотъ же глубокопроникающій и все видя-

¹⁾ „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя „Мертвые Души“ К. С. Аксакова.
стр. 14—15.

²⁾ Стр. 2.

³⁾ Стр. 4.

шій эпической взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе Гоголя чисто древнее, античное, и его произведеніе, слѣдовательно, имѣть значение всемірное. К. С. Аксаковъ замѣчаетъ далѣе, что «все—и муха, надѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ Засѣдателя до Чубараго, и даже бричка—все это, со всемъ своею тайною жизни, Гоголемъ постигнуто и перенесено въ міръ искусства». Въ грубую ошибку впадаютъ тѣ читатели и рецензенты, которые прежде всего хотятъ видѣть въ новомъ произведеніи анекдотъ, спѣшать искать связку романа, «на все это молчать поэма», потому что такое воззрѣніе въ отношеніи къ ней слишкомъ близоруко и грубо, оно устремляется на мелочи и частности и не видитъ отраженія въ поэмѣ «безбрежнаго океана жизни». Столь же недѣлѣмъ представляется автору брошюры недовольство нѣкоторыхъ критиковъ тѣмъ, что «лица у Гоголя смѣняются безъ особенной причины, тогда какъ это именно и является естественнымъ слѣдствіемъ истиннаго эпического созерцанія, въ которомъ «одинъ міръ объемлетъ всѣ эти лица, связавъ ихъ глубоко и неразрывно единствомъ внутреннимъ» и «древній, важный эпосъ является въ своемъ величавомъ теченіи!» Но особенно широкія надежды возлагаются К. С. Аксаковъ на продолженіе поэмы и видѣть въ первомъ томѣ,—безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ самого Гоголя,—лишь начало рѣки, «далѣйшее теченіе которой, Богъ знаетъ, куда приведеть насъ и какія явленія представить» ¹⁾). Уже въ первомъ томѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ описаніи скорой ѳзы Чичикова, критикъ предполагаетъ отчасти вскрытие завѣсы съ «общаго субстанціального чувства русскаго».

Вся статья вообще преисполнена самаго восторженного молодаго увлеченія, виущеннаго автору и личнымъ расположениемъ къ Гоголю, и неувядаемой прелестью его созданій—увлеченія, доходящаго дотого, что, соглашаясь признать слогъ Гоголя не образцовымъ, критикъ неожиданно восклицаетъ: «И слава Богу! Это быль бы недостатокъ» ²⁾). Хотя К. С. Аксаковъ имѣть здѣсь въ виду, какъ оказывается, вполнѣ справедливую мысль, что и въ самомъ слогѣ поэма Гоголя носить за себѣ яркую печать высокой оригинальности, которая составляетъ бесспорное достоинство и является вообще однимъ изъ существенныхъ украшеній гоголевскаго творчества, и что передъ общей, геніальной оригинальностью слога блѣднѣютъ мелочные грамматические и стилистические промахи и недосмотры, но все же мысль выражена довольно неожиданно и странно. Намъ нечего прибавлять, что упомянутія молодаго энтузиаста на воскрешеніе древнаго эпоса, «чуднымъ образомъ

¹⁾ Стр. 9.

²⁾ Бѣлинскій напротивъ, какъ известно, находилъ неправильности въ языкѣ Гоголя, но слогъ его признавалъ образцовымъ (Соч. т. XI, стр. 73).

возникшаго въ Россіи», совсѣмъ не оправдались въ томъ фантастическомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это авторъ, связавши при томъ, какъ видно изъ приведенного выраженія, свои литературныя увлеченія съ такими же чрезмѣрными патріотическими иллюзіями и зашедшій черезчуръ далеко въ своихъ мечтахъ. Укажемъ только, что самъ авторъ, вообще довольно часто повторяющейся въ своей статьѣ, нѣсколько разъ, послѣ самыхъ энергическихъ панегириковъ Гоголю, какъ бы начиная уже самъ смутно сознавать свое увлеченіе, дѣлаетъ оговорки, предупреждаетъ возможныя перетолкованія, наконецъ прямо заявляетъ, что молъ это многимъ покажется страннымъ, а между тѣмъ-де въ сущности справедливо и т. п. Отмѣтимъ еще, что К. С. Аксаковъ по справедливости высоко ставить гоголевскія сравненія, яркость изображаемыхъ имъ лицъ и характеровъ и проч., и заканчиваетъ свое разсужденіе довольно блѣднымъ впрочемъ патріотическимъ гимномъ русской народной пѣсни¹⁾).

Мы говорили уже, что на брошюру Аксакова напали со всѣхъ сто-
рои. Бѣлинскій счѣль себя вынужденнымъ отвѣтить на нее въ виду слѣдующихъ строкъ: «Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ винкнуть. Что касается до мнѣній пе-
тербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ исключая, можетъ быть, «Отечественныхъ Записокъ», которыхъ хвалять Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы». Такое упоминаніе объ «Отечественныхъ Запискахъ» могло подать по-
водь къ подозрѣнію въ единомысліи ихъ сть авторомъ брошюры — и
вотъ почему молчать было неудобно. Бѣлинскій возражаетъ Аксакову
слѣдующимъ образомъ: «Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное
выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ
что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи; онъ мо-
жетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Итакъ,
эпосъ не развился исторически въ романѣ, а снизошелъ до романа!
Итакъ, романъ есть не эпостъ нашего времени, въ которомъ выразилось
созерцаніе жизни современаго человѣчества и отразилась сама совре-
менная жизнь: иѣть, романъ есть искаженіе древняго эпоса»²⁾ Бѣлин-
скій объясняетъ своему противнику, что «Іліада» есть произведеніе
всемірное, а «Мертвые Души» даже и не могли выразить міроваго
содержанія за отсутствіемъ его въ изображаемой въ нихъ русской жизни;
что паеось обѣихъ эпопей различный («въ Іліадѣ» жизнь возведена
въ апоѳеозу; въ «Мертвыхъ Душахъ» она разлагается и отрицается)³⁾.

¹⁾ „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя“, стр. 16.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 434—435.

³⁾ Тамъ же, стр. 436.

Наконецъ Бѣлинскій выражаетъ изумленіе по поводу слишкомъ неумѣренаго возвеличенія Гоголя, причемъ между прочимъ указываетъ на странное превознесеніе его передъ Пушкинымъ, не удостоившимся стать даже наряду съ нимъ въ этой тріадѣ

Бѣлинскій былъ правъ, опасаясь недовѣрія союзничества со стороны Аксакова. Вскорѣ въ «Сынѣ Отечества» появилась статья К. Масальскаго, который, признавая въ Гоголя высокій комической талантъ, однако, находить преувеличеніемъ, а часто и недѣльнымъ, неумѣреніе его прославленіе чѣмъ-то поклонниками и людьми партіи. Авторъ статьи смѣется надъ тѣмъ, что Гоголя хотятъ произвести въ чинъ литературнаго генералиссимуса, а иные его уже пожаловали даже въ Гомеры, но что, быть можетъ, это шутки, основанныя на сходствѣ первыхъ словъ въ именахъ обоихъ поэтовъ; онъ удивляется также тому, что «всѣ гегелисты непремѣнно гоголисты», хотя между Гегелемъ и Гоголемъ ровно ничего общаго нѣтъ¹⁾). Отъ этихъ насмѣшекъ надъ увлечениемъ рецензента критикъ приходитъ къ намекамъ на темные расчеты литературныхъ приходовъ и къ насмѣшкамъ надъ критиками, которые «покуда еще ничѣмъ не доказали сами ни своего громаднаго ума, ни своего алмазнаго вкуса»²⁾).

Переходя къ разбору самой поэмы, критикъ находитъ въ ней отсутствіе содержанія, такъ какъ на 252 страницахъ поэмы авторъ разбѣжаетъ по помѣщикамъ и скапаетъ мертвыхъ душъ, а на остальныхъ 223 страницахъ совершаеть купчую крѣпость. Показавъ такимъ образомъ свое полное непониманіе поэмы, критикъ высказываетъ изумленіе по тому поводу, что рецензенты находили блѣдность содержанія даже въ «Мирошевѣ» Загоскина, а что же, моль «должно сказать въ этомъ отношеніи о поэмѣ «Мертвые Души»³⁾). Не видить критикъ и «красоты въ идей романа», потому что въ немъ выведены только одни плуты и ничтожные люди, кромѣ одной губернаторской дочки, которая совсѣмъ почти не обрисована. Снова повторяется жалоба на отсутствіе завязки и добродѣтельныхъ лицъ въ произведеніи. Критикъ не слишкомъ острумно сравниваетъ поэму съ холстомъ, измазаннымъ черной краской, на которомъ, выдавая его за картину, художникъ подпись: глубокая ночь. Наконецъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же, слишкомъ избитые, упреки Гоголю въ сальностяхъ и въ томъ, что авторъ «обманываетъ кисть въ недостойныя художника краски»⁴⁾). Но въ виду крайняго однообразія съ самыми незначительными варіаціями всѣхъ подобныхъ упрековъ,

¹⁾ „Сынъ Отечества“, 1842 г., VI, отд. критика, стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 11.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 19.

мы не рѣшаемся дальнѣйшимъ пересказомъ ихъ утомлять вниманіе читателей и отмѣтимъ еще только одно новое осужденіе Гоголя въ статьѣ «Сына Отечества» за нескромность въ извѣстныхъ словахъ: «Русь! что глядишь ты такъ и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полнаго ожиданія очи!» ¹⁾), и пр. Во всякомъ случаѣ ясно, что общее содержаніе разбора въ «Сынѣ Отечества» было неблагопріатно Гоголю и что въ немъ уже указывался одинъ дѣйствительный промахъ его сторонниковъ, т. е. собственно К. С. Аксакова; а между тѣмъ объ этой статьѣ К. Масальскаго «Журналъ Министерства Народнаго Пропаганды» отозвался такъ: «разборъ весьма дѣланный и прекрасно написанный» ²⁾). Отмѣтимъ кстати небольшую странность: книга «Сына Отечества» носить цензурную помѣтку отъ 31 мая 1842 г., тогда какъ брошюра Аксакова подписана 16-ымъ юня 1842 г., и притомъ онъ вышли въ разныхъ городахъ («Сынъ Отечества», какъ извѣстно, издавался въ Петербургѣ),—следовательно, слухи, предшествовавши напечатанію долго ходившей по мѣтарствамъ брошюры, успѣли давно достигнуть и до Сѣверной Пальмиры.

Впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ съ горечью вспоминалъ о нападеніяхъ печати на брошюру его сына и находилъ, что всѣ журналисты, говоря буквально, «взбѣсились» ³⁾ и что, перечитавъ ее нѣсколько разъ послѣ выхода, онъ былъ дотого удивленъ, что «даже на нѣкоторое время усомнился въ справедливости своего собственнаго взгляда и суда» ⁴⁾. Но эти слова только рисуютъ намъ неустойчивый характеръ Аксакова и шаткость нѣкоторыхъ его сужденій, — обстоятельство чрезвычайно важное для пониманія этой благородной, но вовсе не дальновидной и не всегда твердой въ убѣжденіяхъ личности: — и они же показываютъ въ данномъ случаѣ рѣшительное превосходство передъ Аксаковымъ Погодина въ отношеніи проницательности и житейскаго опыта.

Въ «Москвитянинѣ» появился вскорѣ отвѣтъ Бѣлинскому отъ К. С. Аксакова, сущность котораго именно и заключается въ обвиненіи «Отечественныхъ Записокъ» и за мнимое искаженіе словъ брошюры. Здѣсь снова мы встрѣчаемъ утомительныя повторенія и вдобавокъ наянутыя оправданія, вродѣ того, что «субстанциальное чувство не субстанція» и что «рецензентъ не хотѣлъ понять, что я не просто о скорѣѣ говорю; по желѣзной дорогѣѣдешь скорѣе, но не это любить русскій человѣкъ» ⁵⁾), и проч., — но особенно настаиваетъ не однажды на

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

²⁾ Томъ XXXVI, отд. 6, стр. 31.

³⁾ „Русскій Архивъ“, VIII, 1890 г., 74.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ „Москвитянинъ“, 1842 г., 9, 227.

томъ, что онъ-де сравнивалъ Гомера, Шекспира и Гоголя не вообще, а только въ отношеніи акта творчества, на что послѣ Бѣлинскій возражалъ, что и это сравненіе также отнюдь не выдерживаетъ критики. Но самое важное то, что ясъ вообще объясненія К. С. Аксакова базируются больше частностей, тогда какъ въ данномъ случаѣ имѣла значеніе исключительно общая постановка вопроса: въ своемъ чрезмѣрно неосмотрительномъ увѣлеченіи Аксаковъ, желая возвести Гоголя на недосягаемую высоту и указать для него совершенно исключительное почетное мѣсто во всемирной литературѣ, сгоряча не подумалъ о томъ, что въ послѣдней найдется не мало великихъ именъ, которыхъ не могутъ быть поставлены ниже имени Гоголя, и что въ возраженіе ему тотчасъ могутъ назвать Сервантеса, Вальтер-Скотта и Байрона,— и только оговорился въ подстрочномъ примѣчаніи, что романъ и повѣсть также имѣютъ свое значеніе, но что обѣихъ онъ не имѣетъ въ времени говорить. Въ этомъ уже состояло несомнѣнное отступленіе отъ основной мысли брошюры, надъ которымъ посмѣялся Бѣлинскій, сказавъ, что «эта вынوسка явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣль, искажался, снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же значеніе, кроме искаженія древнаго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ Константина Аксакова?»¹⁾). Такимъ образомъ слабая сторона брошюры была неопровергнуто доказана, и никакія оправданія отдѣльныхъ мыслей не могли уже имѣть значенія. Бѣлинскому стоило только напомнить въ нѣсколькихъ словахъ своему противнику исторію развитія эпоса и значеніе романа, которое, очевидно, представлялось Аксакову не достаточно ясно (такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что романъ представлялся ему дѣйствительно только искаженіемъ древнаго эпоса). Однимъ словомъ, рушилось именно самое основное положеніе брошюры, безъ котораго она утрачивала весь свой смыслъ. Притомъ признавая въ «Мертвыхъ Душахъ» воскрешеніе поэмы, какъ важнѣйшаго вида эпическихъ произведеній, Константинъ Аксаковъ упустилъ изъ виду поэмы Пушкина и Лермонтова и слѣдовательно и съ этой стороны попадалъ въ новую рискованную крайность. Бѣлинскій же оставался, разумѣется, вполнѣ на своей позиціи, не сходя съ нея ни на шагъ и снова твердо и отчетливо повторяя: «думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобы въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ—значить быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т VI, стр. 596.

выдавать за философскія истини»¹⁾). Послѣ этого теряли всякое значеніе все приведенные Аксаковыми оправданія. «Г. Константина Аксакова» — говорить Бѣлинский — «дѣйствительно не называлъ «Мертвыхъ Душъ» «Иліадой», а Гоголя — Гомеромъ: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюре; но онъ поставилъ «Мертвые Души» на одну доску съ «Иліадой», а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что правда, то правда»²⁾). Нѣсколько страницъ спустя Бѣлинский снова повторяетъ: «г. Константина Аксакова не называлъ Гоголя Гомеромъ, а «Мертвые Души» — «Иліадою»; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, древній эпосъ былъ уничтоженъ на Западѣ, а мы прибавили (и имѣли право) отъ себя: — Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ; — и что, во-вторыхъ, въ «Мертвыхъ Душахъ» древній эпосъ возрастаетъ передъ нами, а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право): — егоза «Мертвые Души» то же самое въ новомъ мірѣ, что «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что Гомеръ въ исторіи древняго искусства»³⁾.

Оставляя въ сторонѣ всѣ дальнѣйшія подробности спора Бѣлинского съ Аксаковымъ, т. е. собственно болѣе обстоятельное развитіе во второй половинѣ статьи знаменитаго критика — возраженій, лишь вкратцѣ намѣченныхъ въ началѣ ея, мы должны лишь напомнить о томъ, что въ этой именно статьѣ Бѣлинский по поводу выраженія Аксакова: «кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ», — не разъ повторяя эти слова, придаетъ имъ весьма знаменательный смыслъ опасенія за будущую судьбу поэмы; по нашему мнѣнію, здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова: «если самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмою», если содержаніе и герой есть субстанція русскаго народа,—то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку»⁴⁾). А такъ именно и было, и это-то самое и погубило Гоголя.

Въ статьѣ «Русская литература въ 1842 г.» Бѣлинский еще разъ упоминаетъ, но уже въ видѣ только намека, о взглядѣ Аксакова на «Мертвые Души», справедливо замѣчая на этотъ разъ, что и въ числѣ изступленныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, и «не подозрѣвающіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія и следовательно истиннаго величія этого произведенія», и «заявлять, что до сихъ поръ онъ лишь случайно говорилъ о «Мертвыхъ Душахъ» и преимущественно по поводу невѣрныхъ мнѣній объ этомъ произведе-

¹⁾ Соч. Бѣлинского, т. VI, стр. 531.

²⁾ Тамъ же, стр. 526.

³⁾ Соч. Бѣлинского, т. VI, стр. 531—532.

⁴⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 536.

деніи, во что обстоятельный разборъ поэмы еще предстоитъ впереди; къ нему Бѣлинскій предполагалъ, какъ извѣстно, какъ и вообще къ разбору произведений Гоголя, приступить уже по окончанію такого же разбора произведеній Пушкина. Это обѣщаніе онъ не разъ повторялъ и послѣ ¹⁾).

IV.

Совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ предыдущихъ критикъ стоять статья Плетнева, озаглавленная такъ: «Чичиковъ, или «Мертвые Души» Гоголя» и напечатанная первоначально въ «Современникѣ» подъ псевдонимомъ С. Ш. Когда до Гоголя дошло извѣстіе объ этой статьѣ, онъ очень заинтересовался ею и просилъ Плетнева прислать ее къ нему въ Римъ; хотя онъ вообще интересовался критиками на его сочиненія, но въ данномъ случаѣ ему уже заранѣе было указано кѣмъ-то на этотъ разборъ, какъ на одинъ изъ самыхъ интересныхъ и образцовыхъ. Когда Гоголь въ послѣдній разъ видѣлся съ Плетневымъ въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ юня 1842 г. (именно 4 юня), то редакторъ «Современника» слышалъ уже въ членіи автора отрывки изъ поэмы или даже, быть можетъ, весь первый томъ; онъ могъ также читать и въ корректурныхъ листахъ или въ привезенномъ Гоголемъ экземпляре; но если онъ успѣлъ уже получить о ней вполнѣ опредѣленное представление, то все еще не могъ приняться за критическую статью, не имѣя для того пока ни времени, ни свободного экземпляра книги. Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ въ день отѣзда Гоголя, Плетневъ сообщаетъ слѣдующее: «Нынѣшнюю весну провелъ здѣсь ²⁾ Гоголь. Сегодня опять отправляется за-границу. Онъ напечаталъ свой романъ «Мертвые Души». Это, безъ сомнѣнія, лучшее изъ всего, что только есть въ нашей литературѣ. Сколько комизма разнообразнаго, схваченнаго живѣемъ въ натурѣ и переданнаго со всею яркостью красокъ! Особенно это поражаетъ всякаго, когда онъ самъ читаетъ. Для его сочиненій нуженъ чтецъ, который бы напередъ изучилъ его: иначе досадно слушать, чувствуя, какъ гибнуть изумительныя красоты языка поэтическаго ³⁾.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Плетневъ сразу вполнѣ понялъ

¹⁾ Тамъ же, т. VI, 548—549 и т. XI, стр. 72.

²⁾ То-есть въ Россіи.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1277 и соч. Плетнева, т. III.

и оцѣнилъ по крайней мѣрѣ эстетическія достоинства «Мертвыхъ Душъ», но когда онъ задумалъ написать критику, то, въ виду существовавшихъ противъ него въ литературныхъ кругахъ предубѣжденій, рѣшился замаскировать свое авторство и весьма остроумно прикрылся инициалами одного изъ петербургскихъ земляковъ Гоголя, Семена Даниловича Шаржинскаго, проживавшаго тогда въ Житомирѣ. Название этого города было также подписано подъ статьей. Но такъ какъ Шаржинскій былъ личность мало извѣстная, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что, придумывая псевдонимъ, Плетневъ имѣлъ въ виду не только публику и журналистовъ, но прежде всего и самого Гоголя. Въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу Гоголь съ восхищеніемъ говорить о Шаржинскомъ, называя, его «преинтереснѣйшимъ и прелюбезнѣйшимъ человѣкомъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно»¹). Правда, Гоголь имѣть въ виду здѣсь подѣстовать на одного пріятеля въ смыслѣ самой лучшей рекоменданіи ему другаго, для котораго Гоголь и просильто немалаго, ходатайствуя о томъ, чтобы сразу выхлопотать ему мѣсто директора гимназіи въ Киевскомъ округѣ и еще по возможности въ самомъ Киевѣ, тогда какъ прежде Шаржинскій служилъ только въ таможняхъ да въ почтовомъ департаментѣ²). Тѣмъ не менѣе тотъ же Шаржинскій, имени котораго мы не встрѣчаемъ въ спискахъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Нѣжинской гимназіи (въ «Лицеѣ князя Безбородко»), и съ которымъ Гоголь сблизился, очевидно, только уже въ Петербургѣ, по словамъ Гоголя, служилъ когда-то и «по ученой части» иѣздилъ за-границу. Кажется, судя по всѣмъ этимъ даннымъ, Шаржинскій уже тогда былъ общимъ знакомымъ Плетнева и Гоголя и, можетъ быть, пользовался также вниманіемъ и покровительствомъ первого. Послѣ Гоголь хлопоталъ уже о томъ, чтобы Максимовичъ помогъ Шаржинскому устроиться въ Каменецъ-Подольскую или Винницкую гимназію; но вместо того мы видимъ его спустя нѣсколько лѣтъ въ Житомирѣ. Но намъ важно здѣсь, конечно, единственно то, что Плетневъ хотѣлъ почему-то замаскировать свое авторство статьи даже передъ Гоголемъ, на чѣмъ намекаетъ особенно подпись подъ статьей того города, въ которомъ жилъ Шаржинскій.

Не останавливаясь впрочемъ даже на соображеніяхъ относительно деликатныхъ причинъ, заставившихъ Плетнева прибѣгнуть къ указанному маневру, замѣтимъ только, что его намѣреніе «не вводить въ искушеніе пишущую братію», враждебно къ нему настроенню,—какъ это объясняетъ г. Кулишъ, несомнѣнно, со словъ самого Плетнева³),—

¹) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 220.

²) Тамъ же, стр. 221.

³) Тамъ же, стр. 501. Г-въ Кулишъ хорошо зналъ Плетнева и вмѣстѣ съ нимъ служилъ въ Слб. университетѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

оказалось въ высшей степени основательнымъ и достигло цѣли: статья не встрѣтила предубѣжденія и всюду была признана справедливой и дѣльной. Согласно этимъ видамъ автора и его критика совершенно свободна отъ полемическихъ выходокъ и увлечений и отличается отъ прочихъ спокойнымъ академическимъ тономъ. Первые строки статьи таковы: «къ вамъ, г. редакторъ «Современника», я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикоcновенныхъ къ дѣлу критики,— потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно, вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжий»¹⁾. И только.

Тотчасъ вслѣдь за приведенными строками, Плетнѣвъ намекаетъ косвенно на нелѣпость суждений «Сѣверной Пчелы», особенно поразительныхъ по своему безвкусію и безтактности. Съ своей стороны критикъ признаетъ какъ явный прогрессъ въ творчествѣ самого Гоголя, такъ и высокое значеніе его поэмы въ ряду остальныхъ выдающихся произведеній современной литературы. Странныи можетъ показаться только то небольшое несоответствіе, которое мы замѣчаемъ между приведеннымъ выше рѣшительнымъ утвержденіемъ въ письмѣ къ Жуковскому, что поэма Гоголя «есть лучшее въ нашей литературѣ» и сдержаннѣи и осмотрительныи заявлениемъ: «мнѣ кажется странно, говоря о Гоголѣ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время»²⁾). Такая осторожность, слишкомъ явно противоположная пылкой смѣлости К. С. Аксакова, какъ нарочно подходитъ подъ категорію того «уклончиваго» способа высказывать истины, относительно котораго Бѣлинскій имѣлъ безспорное право иронизировать, говоря, что это «способъ, какъ будто не противорѣчащий общему мнѣнію, болѣе намекающій, чѣмъ утверждающій»³⁾.

Но зато въ другихъ отношеніяхъ статья имѣть много положительныхъ достоинствъ: сравнивая ее съ другими статьями о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», за исключеніемъ, разумѣется, статей Бѣлинскаго, читатель не можетъ не оцѣнить многихъ ея крупныхъ преимуществъ; въ статьѣ много вполнѣ вѣрныхъ и частью довольно глубокихъ замѣчаній, и, конечно, совершенно нѣть тѣхъ нелѣпостей и курьезовъ, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, далеко не свободны даже статьи Шевырева. Важно притомъ, что Плетнѣвъ въ своей оценкѣ обращаетъ вниманіе именно на самые существенные и важные стороны, а не

¹⁾ Соч. Плетнѣва, т. I, стр. 476

²⁾ Тамъ же, стр. 477.

³⁾ Соч. т. IV, стр. 394.

толкует о мелких грамматических промахахъ или напримѣр о сходствѣ действующихъ лицъ «Мертвыхъ Душъ» съ тѣмъ или другимъ животнымъ, какъ мы видѣли это у Шевырева. О языкѣ Гоголя Плетневъ говоритъ, что въ немъ есть недосмотры, и въ самомъ дѣлѣ нельзѧ даже не согласиться, пожалуй, и съ Гречемъ въ неправильности выраженія: «были видны слѣды довольної усмѣшки» или формы причастія у з рѣтъ; но Плетневъ весьма основательно смѣется надъ тѣмъ, что «грамматическая критика возьметъ за то свой похваченный оброкъ съ автора» и объясняетъ ей, что «у Гоголя, въ замѣнѣ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ, безъ сомнѣнія, отъ посмѣшности изданія книги, есть положительные совершенства языка, красоты, вѣчно сияющія у гениальныхъ писателей: сжатость выраженій, мѣткость и точность словъ и неразъединимость ихъ отъ понятій», въ подтвержденіе чего приводится отрывокъ изъ описанія сада Плюшкина. Уже въ этихъ словахъ заслуживаютъ вниманія точныя опредѣленія и естественность, а также наконецъ несомнѣнная справедливость мысли.

Сужденіе о содержаніи книги еще цѣннѣе и значительнѣе. Прежде всего Плетневъ указываетъ въ поэмѣ именно то, что въ ней служить несомнѣннымъ и яркимъ проявленіемъ гениальности автора. Кто не согласится, напримѣръ, что, «въ усилии набросать, при заготовленной сценѣ, карикатурный или даже высокій характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искусствомъ, чтобы не сказать вѣриѣ—ремесломъ. Оно говорить много въ пользу труда и ничего можетъ не доказывать въ истинѣ таланта. Но отсутствіе усилия, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому безопаснѣ и все предоставившемъ одной природѣ»¹).

Вообще во всей первой половинѣ статьи Плетневъ обстоятельно и точно разъясняетъ самобытность и независимость таланта Гоголя. Указать все это тогдашнему обществу и даже представителямъ печати и критики было, конечно, необходимо. Плетневъ напримѣръ вѣрно замѣчаетъ, что у Гоголя «въ искусствѣ не видно авторскаго усилія приблизиться къ опредѣленной цѣли, какъ напримѣръ навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценой, растрогать идеальной картиной горестнаго положенія, красивымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной нечаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнью—и вместо того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою виутреннюю жизнь, это чудное виѣтилице всего виѣшняго»²).

¹) Соч. Плетнева, т. I, стр. 484.

²) Тамъ же, стр. 477.

Какими дѣтскими передъ этими глубокими и вѣрными замѣчаніями оказываются мелкія придирики «Сѣверной Пчелы» или Сенковскаго! На забавные упреки поемѣ, что въ ней нѣть ни завязки, ни плана, Плетневъ возражаетъ деликатно и тонко: «вы не подумаете, конечно, что поэма Гоголя начата безъ основной идеи, что искусство ему не покоряется, и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателей высшаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны достижению всякаго, а зарождающимъ ими мысли разнообразны, обширны и толпятся въ душѣ въ всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна»¹). О соблюдении вѣшнихъ литературныхъ приличий и требованій Плетневъ также справедливо говорить, что «всѣ правила сами по себѣ, конечно, должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюдений. Но примѣненіе этихъ правилъ есть опытъ, зависящій отъ силы каждого. Кто тѣ условія сознаетъ самъ собой, тотъ и действуетъ успѣшио; а кто ловить ихъ и безосознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически»²).

Изъ характеровъ, изображенныхъ Гоголемъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Плетневъ едва-ли справедливо признаетъ нѣсколько присочиненныхъ характеры Манилова и Плюшкина, и, можетъ быть, въ виду этихъ страницъ своей критики онъ подпись статью именемъ Шаржинскаго, чтобъ, вирочемъ, отнюдь нельзя считать доказаннымъ.

Намъ остается указать только одинъ примѣръ преувеличенной осторожности и уклончивости Плетнева, именно когда онъ, уже въ концѣ статьи, замѣчаетъ, что «кромѣ Жуковскаго, онъ не помнить, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестью природы и постигая искусство словесной живописи. Между тѣмъ, языкъ – это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и созидаются вдохновеніемъ. Послѣ всего этого предоставлю судить вами, хорошо ли языкъ Гоголя»³). Плетневъ предполагаетъ здѣсь предоставить читателю сдѣлать выводъ изъ его словъ избѣгая, кажется, смѣло и рѣшительно выразить свою мысль.

Затѣмъ укажемъ и въ статьѣ Плетнева слѣды интимныхъ бесѣдъ съ Гоголемъ объ его произведеніяхъ въ слѣдующихъ строкахъ: «на книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, по неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. То еще впереди, что въ

¹⁾ Стр. 478.

²⁾ Соч. Плетнева, т. I, стр. 479.

³⁾ Тамъ же, стр. 493.

поэмъ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ, странныхъ шаговъ героя¹).

V.

Въ числѣ вѣсмы дѣльныхъ и умныхъ статей по поводу первого тома «Мертвыхъ Душъ» назовемъ также разборъ М. Сорокина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостахъ», который, конечно, не можетъ претендовать на замѣтное мѣсто въ ряду другихъ критикъ, по-своей краткости и крайней непріятательности (большая часть его представляеть собою только изложеніе содерянія поэмы и краткія, хотя и вѣрныя и удачныя, характеристики главныхъ лицъ), но заслуживаетъ вниманія по вѣкоторымъ выраженіямъ въ немъ вѣрнымъ взглядамъ на разбираемое произведеніе.

Изъ трехъ послѣдовательныхъ статей въ первой указывается на сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой, и на повсемѣстные оживленные толки о ней, которые уже сами по себѣ являются несомнѣннымъ доказательствомъ ея крупнаго литературнаго значенія; затѣмъ въ числѣ достоинствъ произведенія приводятся: «зоркій взглядъ опытнаго, глубокомысленнаго наблюдателя, проникающаго въ природу, сердце и жизнь человѣка, рѣдкое умѣніе крупными широкими чертами живописать страсти, изъ ихъ игры созидать характеры и изъ развитія сихъ послѣднихъ выводить дѣйствіе, всегда согрѣтое пламенемъ истиннаго чувства; острая, колкая сатира, по наружности забавная и смѣющаяся, но въ сущности глубоко-грустная, внушенная негодованіемъ на пороки и слабости человѣческіе; языкъ иногда небрежный, но всегда живописный, оригинальный, сообразный характеру выражаемаго предмета—вотъ черты, которыми болѣе или менѣе ознаменованы всѣ беллетристическія произведенія Гоголя и которыхъ всѣ отпечатлѣлись въ душѣ его поэмѣ²).

Критикъ впрочемъ находитъ у Гоголя кое-гдѣ сгущенные краски и каррикатуру. Онъ вѣсмы высоко ставитъ изображеніе Чичикова, признавая его «вѣсмы типическімъ лицомъ, котораго еще не встрѣчали въ нашей литературѣ³) и мимоходомъ смеется надъ опрометчиво замѣченіемъ въ немъ мнимымъ сходствомъ съ Хлестаковымъ⁴). Изъ

¹⁾ Стр. 478.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1842, № 163, стр. 718.

³⁾ Тамъ же, № 164, стр. 722.

⁴⁾ См. выше.

характеровъ другихъ лицъ критику чрезвычайно нравится по выдержанности и оригинальности характеръ Ноздрева, также Манилова, которого онъ называетъ «человѣкомъ съ сердцемъ теленка и съ философией временъ «Бѣдной Лизы», и останавливается нѣсколько подробнѣе на Члюшкинѣ, въ которомъ «находчивая фантазія автора находитъ (sic) еще черты новыя и оригинальныя».

Общее заключеніе таково: «никогда еще прекрасный талантъ Гоголя не производилъ творенія столь обширного въ своемъ объемѣ, столь поразительного по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по яркости и вѣрности красокъ». Новое соображеніе Гоголя стоить высоко, что прежняя его произведенія являются передъ ними уже какъ бы миниатюрой, а что касается алобной полемики противъ поэмы, то критикъ напоминаетъ, что той же участіи подвергались также многія лучшія творенія Пушкина, Грибоѣдова и Лермонтова.

Въ своей послѣдней статьѣ Сорокинъ опровергаетъ мысль о сходствѣ Гоголя съ Поль - де - Кокомъ и говорить, что сходство это чисто вѣнчнее, состоящее въ томъ, что оба писателя нерѣдко срываются съ устъ читателя улыбку. Критикъ объясняетъ, что напротивъ разница между этими писателями весьма существенная, ибо «у Гоголя взглядъ на жизнь и общество столь же вѣренъ, сколько и глубокъ; онъ не простой забавникъ, а юмористъ, грустный и возвышенный, съ улыбкой на устахъ, но со слезой въ очахъ и со вздохомъ на сердцѣ»¹). Также рецензентъ отражаетъ и другіе ходачіе упреки, направленные противъ «Мертвыхъ Душъ», напримѣръ: «картины, рисуемые Гоголемъ, иногда бываютъ грязны. Это правда, но какова же и та природа, элементы которой служать содержаніемъ его твореній?» Не лишено основанія, по нашему мнѣнію, и слѣдующее замѣчаніе: обвиненіе, будто Гоголь не знаетъ языка и пишетъ варварскимъ слогомъ, имѣть нѣкоторую тѣнь истины, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы было къ чему привязаться...»²).

VI.

Всѣ разобранные нами отзывы о «Мертвыхъ Душахъ» относятся къ 1842 г., или къ самому началу 1843 г., но потомъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 г. появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще одинъ,

¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1842, № 165, стр. 727.

²) Тамъ же, стр. 728.

озаглавленный «Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя» и принадлежавшій перу Н. Д. Мизко. Статья была получена редакціей изъ Екатеринославля, что и отмѣчено въ концѣ ея. Для насъ она представляетъ большой интересъ, между прочимъ, потому, что ее высоко цѣнилъ самъ Гоголь, писавшій Языкову, что «лучшиe критики большую частью изъ провинціи. Одинъ изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ»¹⁾. Сочувственно отнеслась къ ней и редакція «Отечественныхъ Записокъ», не только охотно помѣстившая ее, но и рекомендовавшая ее вниманію читателей. Любопытно, впрочемъ, что впослѣдствіи, познакомившись лично съ авторомъ статьи, Гоголь на вопросъ Мизко, что, вѣроятно, статья его не попалась ему въ руки, такъ какъ въ предисловіи ко второму изданію онъ жаловался на молчаніе провинціаловъ о «Мертвыхъ Душахъ», уклончиво отвѣтилъ: «Кажется, я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе»²⁾. Между тѣмъ забыть такую статью, которую онъ былъ такъ доволенъ по ея содержанію и которую не могъ не цѣнить за обстоятельно переданные въ ней на первыхъ же страницахъ отголоски мнѣній провинціи³⁾, такъ сильно его интересовавшихъ и всегда усердно просимыхъ, едва-ли было ему возможно, особенно если имѣть въ виду извѣстную наклонность Гоголя интересоваться даже самыми пустыми рецензіями,—наклонность, приводившую положительно въ изумленіе Плетнева и многихъ другихъ⁴⁾). Не долженъ быть забыть эту критику Гоголь и потому, что нѣкогда онъ въ увлеченіи признавалъ ее лучшей, тогда какъ она, безъ сомнѣнія, не можетъ быть даже и сравниваема напр. съ критикой Плетнева.

Но она была въ высшей степени умѣстна и драгоценна въ свое время тѣмъ, что собрала и сгруппировала множество авторитетныхъ голосовъ противъ неѣпыхъ упрековъ, съ разныхъ сторонъ расточаемыхъ Гоголю. По нашему мнѣнію, въ этомъ ея главное значеніе, хотя въ то же время безпрерывныя цитаты на разныхъ языкахъ, черезезчуръ обильныя и далеко не всегда необходимыя, производить впечатлѣніе не особенно благопріятное, уже по самой пестротѣ точно на-показъ выставленныхъ доказательствъ учености. Довольно рѣзко бросаются въ глаза также рѣзкіе переходы отъ наивныхъ мнѣній провинціаловъ къ громкимъ именамъ капитальныx авторитетовъ всемирной литературы.

¹⁾ „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 476.

²⁾ „Записки о жизни Гоголя“, т. II, стр. 247.

³⁾ Толки о „Мертвыхъ Душахъ“, си. также въ письмѣ Ю. Ф. Самарина къ К. С. Аксакову („Русск. Стар.“, 1890, II, 423), но это—толки столичныхъ писателей. Письмо это было известно Гоголю.

⁴⁾ См. „Русскій Архивъ“, 1870, стр. 1291—1294. Соч. Плетнева, т. III, стр. 582—584 и „Записки о жизни Гоголя“, II, стр. 105.

туры. Но все это касается формы и нисколько не лишает статью ее серьезного внутреннего значения: есть много прекрасныхъ старыхъ мыслей и трактатовъ, которые должны бы быть известны всѣмъ, но о которыхъ иногда не худо напомнить даже людямъ не чуждымъ науки и литературы, и если Мизко высказывалъ мало самостоятельныхъ мыслей, но искусно и съ знаніемъ дѣла подбиралъ авторитетныхъ мнѣнія, которыми старался опровергать недѣлости, циркулировавшія не только въ провинциальномъ обществѣ, но и въ столичной печати, то вѣдь въ результатѣ это нисколько не мѣшало его статьѣ дѣйствительно быть одной изъ болѣе полезныхъ и дѣльныхъ въ длиномъ ряду критикъ на «Мертвыхъ Душъ», появившихся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ поэмъ.

Притомъ, кромѣ прекраснаго знакомства съ величайшими произведеніями всеобщей литературы, безъ котораго не мыслимъ такой въ общемъ успешный подборъ мнѣній приводимыхъ критикомъ авторитетовъ, мы находимъ у него весьма удачныя напоминанія въкоторыхъ общеизвѣстныхъ, но, несмотря на то, часто упускаемыхъ изъ виду фактовъ русской литературы. Такъ, одно изъ наиболѣе распространенныхъ обвиненій автора «Мертвыхъ Душъ»—въ выборѣ крайне непривлекательнаго героя поэмы — Мизко отражаетъ сравненіемъ съ извѣстными толками о «Цыганахъ» Шушкина («одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣда и еще собирается деньги съ глазѣющей публики»). Въ опроверженіе предполагаемой невѣроятности сюжета «Мертвыхъ Душъ» Мизко приводить весьма курьезный анекдотъ о томъ, какъ въ одномъ маленькомъ городишкѣ въ холерное время былъ распущенъ серьезно перепугавшій многихъ слухъ о томъ, что будто бы былъ полученъ списокъ лицъ, которымъ предстоитъ сдѣлаться жертвами холеры, и этотъ эпизодъ пересказывали люди, за полчаса толковавшіе о неправдоподобіи кутерьмы, произведенной въ губернскомъ городѣ №№ дамой просто приятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

Подробнѣе останавливаться на этой статьѣ мы не будемъ въ виду преимущественно отрицательнаго характера самой критики, хорошо опровергающей невѣрныя мнѣнія, но не высказывающей никакихъ положительныхъ взглядовъ кромѣ общаго признанія высокаго художественнаго и общественнаго значенія «Мертвыхъ Душъ» и указанія на глубокую жизненность всѣхъ выведенныхъ въ поэмѣ типовъ.

VII.

Въ своей статьѣ Мизко отмѣщаетъ между прочимъ сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой на общество; то же свидѣтельствуетъ наконецъ въ числѣ многихъ другихъ статей и рецензій «Сто рисунковъ изъ сочиненія Николая Васильевича Гоголя «Мертвые Души», изданіе Бернардскаго, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ». Эта статья, появившася уже нѣсколько лѣтъ послѣ выхода первого тома, указываетъ на факты очевиднаго вліянія «Мертвыхъ Душъ» на общество, причемъ выясняется, что въ окружающей жизни становилось весьма замѣтнымъ исчезновеніе многихъ мелкихъ привычекъ и обыкновеній, осмыслившихъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Такъ, конечно, и должно было случиться: крупные злоупотребленія и недостатки, а тѣмъ болѣе такія глубокія общественные язвы, какъ взяточничество и плутовство, успѣли настолько укорениться, что, нанося имъ смѣльные удары, сатира тѣмъ не менѣе могла достигать лишь весьма медленныхъ успѣховъ въ этой борьбѣ, такъ что даже теперь, послѣ сатиры не только Грибоѣдова и Гоголя, но и болѣе близкой къ нашему времени — Щедринской, эта гидра взяточничества часто не стыдится почти совершенно явно поднимать свою голову. Въ этой сфере дѣйствіе сатиры глубже и серьезнѣе, но не столь быстро и осязательно; зато въ области мелочей оно бываетъ иногда поразительно. «Судорожно оборваль на себѣ воротнички, манжетки и нарукавники страстный, беспокойный юноша и громко захочоталъ, оглядѣвъ свой красноватый, на диво сшитый фракъ и нѣжнаго цвѣта жилетъ, которыми еще за полчаса все знакомое ему человѣчество было совершенно довольно». Оказалось смѣшнымъ и жалкимъ очень многое такое, что до сихъ поръ почтalousь явленіемъ совершенно простымъ и правильнымъ. Куда дѣвалась такъ называемая Гоголемъ «благонамѣренная» наружность, чтосталось съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ¹). Не говоря объ огромномъ литературномъ вліяніи «Мертвыхъ Душъ», въ каждомъ читателѣ запечатлѣлось множество новыхъ образовъ и «оказалась значительная перемѣна не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ разговорномъ языкѣ, и въ самомъ быту живой половины публики»²). Появились новые слова, какъ напр. маниловка, выражавшаяся совершенно новыя понятія, явились литера-

¹: „Отеч. Записки“, 1857, отд. VI, 72 - 73.

²) Тамъ же, стр. 73.

турныхъ подражанія «Мертвымъ Душамъ», попытки передѣлать «Мертвые Души» для сцены ¹⁾ и наконецъ рисунки гоголевскихъ типовъ.

Переходя къ оцѣнкѣ послѣднихъ въ изданіи Бернардскаго, критикъ останавливается на разъясненіи той мысли, что каждое искусство имѣть строго опредѣленные предѣлы, вслѣдствіе чего иная задачи свойственны и доступны исключительно поэзіи, другія— живописи, и только немногія обомъ этимъ искусствамъ. Въ примѣръ послѣднихъ приводится описание сада Плюшкина; въ примѣръ же сюжетовъ, доступныхъ только или преимущественно поэзіи,— «Три пальмы» Лермонтова. Затѣмъ указываются недоступныя живописи поэтическія темы въ «Мертвыхъ Душахъ», наприм. въ описаніи дороги (въ концѣ поэмы), однообразно-ровнаго ландшафта Россіи и проч. Съ другой стороны большую трудность для художника представляется, по мнѣнію рецензента, изображеніе множества деталей и аксессуаровъ картинъ, указанныхъ самимъ авторомъ и которыхъ необходимо имѣть въ виду при передачѣ въ рисункѣ или на полотнѣ. Въ исполненіи рисунковъ художникомъ Агінимъ оказывается много недостатковъ: политипажи нерѣдко изображаютъ сцены, мало относящіяся къ главному сюжету, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно живописны: вѣзда Чичикова въ губернскій городъ, разговоръ мужиковъ о колесѣ. Петрушка и Селифанъ, вносящіе въ комнату чемоданъ, чиновники, играющіе въ висть у губернатора; но пропущены художникомъ многія другія, еще болѣе благодарныя для воспроизведенія въ живописи, сцены (садъ Плюшкина, фигуры двухъ бабъ, встрѣтившихся Чичикову въ усадьбѣ Манилова и влачащихъ изорванный бредень, фигуры въ черныхъ фракахъ на балу у губернатора). Изъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ болѣе удачны Ноздревъ и Собакевичъ; не дурины также Коробочка и Маниловъ, но лицо Чичикова вездѣ изображено слишкомъ отвратительнымъ, чего нельзя допустить въ виду известнаго изъ поэмы виѣшняго благообразія его физіономіи. Селифанъ въ изображеніи Агина похожъ больше на ямщика средней руки, чѣмъ на крѣпостнаго человѣка и барскаго кучера; также не удаченъ и Петрушка. Но зато изъ второстепенныхъ фигуръ заслуживаютъ упоминанія два мужика, толкующіе о колесѣ (въ самомъ началѣ поэмы), чиновники за вистомъ, жена и прикащикъ Манилова, Мижуевъ, зять Ноздрева, и многія другія.

Другой, уже вполнѣ одобрительный отзывъ о политипажахъ Агина появился въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1846, № 210); въ немъ прежде

¹⁾ Сцены изъ поэмы „Мертвые Души“, Н. Кулікова, отзывъ; см. „Отеч. Зап.“, 1852, т. LXXX, отд. 8, стр. 162; впослѣдствіи также „Мертвые Души“, сцены въ 5 картинахъ, изд. Театр. Библіотеки С. Ф. Разсохина, М. 1877, 4² 135 стр. О нихъ „Пчела“, 1877, № 43. „Сѣв. Вѣстникъ“ и „Театральная Газета“, 1877, № 124.

всего одобряется самая мысль издателей, избравшихъ для своего художественного труда такое прекрасное, замѣчательное и заинтересовавшее всѣхъ произведеніе, а также и исполненіе слишкомъ пятидесяти рисунковъ, въ числѣ которыхъ есть и такие, «лучше которыхъ нельзя и требовать, и наконецъ обращено вниманіе на то, что вся работа исполнена русскими силами («рисование и гравированіе производится русскими художниками; бумага на изданіе взята съ Невской фабрики Варгунина, рисунки печатаются въ лучшей типографіи Эдуарда Праца, но печатаѣтъ ихъ, подъ его надзоромъ, ярославскій мужичекъ»).

VIII.

Въ заключеніе нашего обзора литературы, вызванной первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», приведемъ любопытный отзывъ о немъ Н. Я. Данилевского¹⁾: «Чтобы найти произведеніе, которое могло бы стать наряду съ «Мертвыми Душами», должно подняться до «Донъ-Кихота». Внѣшнею цѣлью Гоголя было представить въ комическомъ видѣ злоупотребленія и плутовство чиновничества губернского міра и грубость помѣщичьяго быта, также точно, какъ внѣшнею цѣлью Сервантеса— осмыть странствующее рыцарство. Но у обоихъ художниковъ глубина ихъ поэтической концепціи захватила несравненно дальше ихъ прямой, непосредственной цѣли, по всѣмъ вѣроятіямъ совершенно безсознательно для нихъ самихъ. Донъ-Кихотъ вышелъ живымъ олицетвореніемъ до героизма возвышающихся благороднѣйшихъ душевныхъ качествъ, которыми недостаетъ поприща для плодотворной, нормальной дѣятельности, по причинѣ бѣдности содержанія испанской жизни. Еще вѣкъ тому назадъ испанскій геронъ могъ проявляться въ блистательной дѣятельности конквистадоровъ; во времена же Сервантеса испанскому герою не было практическаго выхода, ему оставалась только область фантазіи. И нашъ Чичиковъ есть своего рода герой, но—сообразно привитому намъ характеромъ вѣка возврѣнію — герой практической жизни, умный, твердый, изворотливый, не унывающій Уліссъ своего рода, только съ другой стороны, лишенный всякой идеальности стремленій, — ибо откуда имъ взяться въ жизни, отрѣшенной отъ своихъ началь и однакоже не усвоившой чужихъ — такъ что послѣднее невозможность,—съ другой же, немогущій направить своей дѣятельности на что-либо, дѣйствительно практически полезное, также по бѣдности содержанія

¹⁾ „Россія и Европа“, 1871 г. стр. 533, изд. 1888 г. стр. 548.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. LXXXII. ОКТЯБРЬ.

русской жизни, по ея узкости, стесненности, недостатку простора. Людямъ съ практическимъ складомъ ума приходилось обращаться къ цѣлямъ, чисто личнымъ, грубо-эгоистическимъ, къ хитросплетеніямъ плутовства, и притомъ плутовства, имѣющаго связь и соотношеніе съ учрежденіями государственными, которыя проникали собою всю русскую жизнь. Если характеръ героя русской трагикомической поэмы не привлекаетъ человѣческия чувства,— например герой испанскій, то зато мы лучше понимаемъ критику извращенія его природы общественной средою, тогда какъ сумасбродства Донъ-Кихота представляются лишь случайнымъ результатомъ его болѣзненной фантазіи, разгоряченной чтенiemъ неизѣпыхъ романовъ. Сообразно этому, вся обстановка «Мертвыхъ Душъ» несравненно выше обстановки «Донъ-Кихота», въ которомъ всего только есть, что два характера — ламанческаго героя и его наперника Санхо».

«Мертвые Души» были переведены на англійскій языкъ подъ заглавиемъ: «Русская жизнь», сочиненіе русскаго дворянина (Home «Life in Russia». By a Russian Noble). Но это была самая шарлатанская мистификація, въ которой переводъ произведенія Гоголя выдавался за оригинальное произведеніе о русской жизни, написанное будто бы природнымъ русскимъ, отдавшимъ свою рукопись какому-то англичанину на просмотръ неизбѣжныхъ въ рѣчи иностранца на чуждомъ языке грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, причемъ настоящій авторъ книги пожелалъ будто бы, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ (см. «Отечественные Записки», 1855 г., т. 98, отд. 7, стр. 30—31 и «Современникъ», 1855 г., т. I, Смѣсь, «Иностранная Извѣстія», стр. 95—96).

В. Шенрокъ.



Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV ¹⁾.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образования.

4.—Переписка съ барономъ Корфомъ земскихъ дѣятелей.

Указавъ на исключительное благородство, съ которымъ Кавказскій учебный округъ воспользовался дѣятельностью барона Корфа на пользу народнаго образования, необходимо еще замѣтить, что эта дѣятельность оказывала благотворнѣйшее культурное вліяніе и на всѣмъ протяженіи Россіи. Эта сторона дѣла весьма ярко отражена въ обширной корреспонденціи, официальной и частной, земскихъ учрежденій и лицъ. Корреспонденція эта во-очію доказываетъ, что баронъ Корфъ служилъ приближеннемъ и маякомъ для земскихъ учрежденій по всѣмъ вопросамъ, касающимся организаціи народнаго образования. Не имѣя возможности исчерпать всей этой, замѣчательно-поучительной въ общественномъ отношеніи, корреспонденціи, остановимся лишь на той части ея, которая представляеть наиболѣе общій интересъ. Будемъ придерживаться, по возможности, хронологического порядка въ письмахъ отъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, должностныхъ ихъ лицъ и просто земскихъ людей (т. е. гласныхъ или только избирателей).

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Статья Ваша въ 5-ой книгѣ „Вѣстника Европы“—„Вопросъ о народномъ образованіи въ московскомъ земскомъ собраніи 1868 года“—познакомила меня съ звуковой методой обучения грамотѣ, примѣненной въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Для обучения по этой звуковой методѣ, Вамъ составлено руководство. Успѣхъ приложенія къ дѣлу звуковой методы, видѣть съ искреннимъ сочувствіемъ Вашимъ къ дѣлу народнаго образования—не позволяютъ мнѣ, какъ земскому дѣятелю, не обратиться, какъ мнѣ

¹⁾ См. „Русск. Старину“ сентябрь 1894 г.

лично, такъ и отъ лица всѣхъ тѣхъ, которые искренно желаютъ успѣха народному образованію, съ покорѣйшей просьбой: выслать одинъ экземпляръ составленного Вами руководства для примѣненія звуковой методы въ школахъ нашего уѣзда, а также сообщить мнѣ, гдѣ можно приобрѣсти достаточное число экземпляровъ руководства, ибо, если дѣло привьется въ одной школѣ съ успѣхомъ, то Богучарскій училищный совѣтъ, конечно, не преминетъ снабдить всѣ сорокъ школъ Вашимъ руководствомъ...

1868 года, 17 июня.

И. Лисаневичъ.

Адресъ: Въ г. Богучарь, Воронежской губ., предсѣдателю уѣздной земской управы Ивану Алексѣевичу Лисаневичу.

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Ознакомившись изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ замѣчательной дѣятельностию Вашею по части сельскихъ школъ, я искалъ въ Петербургѣ, едва-ли не во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, Вашихъ отчетовъ, о которыхъ К. Д. Ушинскій сообщилъ мнѣ, что они напечатаны отдѣльными книгами. Къ сожалѣнію, всѣ мои поиски не привели ни къ чему, и я не нашелъ въ продажѣ отчетовъ Вашихъ. Это и побуждаетъ меня обратиться къ Вамъ непосредственно, съ покорѣйшею просьбою — не отказать мнѣ въ высылкѣ одного экземпляра трудовъ Вашихъ по народнымъ школамъ, по адресу: въ Самару, Петру Александровичу Рихтеру. Избранный земствомъ въ члены губернскаго училищного совѣта, я совершенно увѣренъ, что указанія Вашей опытности, проникнутыя глубокою любовью къ дѣлу народнаго образования, будутъ служить драгоценнымъ руководствомъ въ дѣлѣ, возложеннымъ на меня.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ искреннемъ сочувствіи къ Вашимъ трудамъ и въ глубокомъ моемъ уваженіи.

30 марта 1869 г.

П. Рихтеръ.

Самара.

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Недавно я обращался въ Александровскій училищный совѣтъ съ просьбою выслать намъ подробнѣю инструкцію, составленную для народныхъ школъ Александровскаго уѣзда, такъ какъ въ Борзенскомъ уѣзда мы начали вводить звуковую методу, по Вашему руководству. Не получивъ удовлетворительного отвѣта отъ Александровскаго совѣта, я беру смѣлость обратиться прямо къ Вамъ, Баронъ, съ всепокорѣйшею просьбою не отказать выслать намъ „учительскую инструкцію“, польза которой испытана уже Вами на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, позовольте просить экземпляръ Вашихъ интересныхъ печатныхъ отчетовъ, которые могутъ намъ указать пути къ преодолѣнію тѣхъ затрудненій со стороны духовенства и малограмотнаго люда, конъ ии встрѣтили при введеніи Вашей системы къ обученію грамотѣ.

Пользуюсь случаемъ выразить при этомъ автору „Руководства къ обученію грамотѣ“ самую теплую признательность отъ Борзенскаго уѣзднаго училищного совѣта, который въ настоящемъ обновленномъ своемъ составѣ призналъ это руководство за лучшее.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію, имѣю честь
быть Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйший слуга.

19 марта 1869 г.
Борзна.

Михаилъ Имшенецкій.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александрович!

Позвольте, Баронъ, принести Вамъ нашу теплую признательность за искреннее участіе въ дѣлѣ народного образования въ Борзенскомъ уѣздѣ. Въ то самое время, когда я былъ озабоченъ устройствомъ лѣтихъ педагогическихъ курсовъ для нашихъ сельскихъ учителей, которые не вполне ознакомились съ Вашимъ руководствомъ, прибыли въ Борзну, по Вашей рекомендации, гг. Кулябко и Ефимовъ. Училищный совѣтъ немедленно вошелъ съ ними въ соглашеніе. На прошлой недѣлѣ Ваши славные учителя объѣхали наши школы, въ которыхъ продолжаются еще занятия, и на мѣстѣ присмотрѣлись къ недостаткамъ, какіе существуютъ въ нихъ, сравнительно со школами Александровского уѣзда, III училищного участка, въ обученіи дѣтей чтенію и письму по звуковой методѣ.

25 мая 1869 г.
Борзна.

Вашъ покорнѣйший слуга
Михаилъ Имшенецкій.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александрович!

Принося Вамъ искреннюю признательность отъ лица земства Борзенского уѣзда за Ваше тѣлое участіе въ дѣлѣ распространенія грамотности, я считаю своимъ долгомъ препроводить Вамъ экземпляръ нашего отчета по народному образованію, а также букварь, изданный Борзенскимъ земствомъ. Изъ предисловій видно его назначение. Весьма желательно получить Вашъ отзывъ о немъ. Считаю нужнымъ присовокупить при этомъ, что на-дняхъ состоялось постановленіе нашего уѣздного собранія объ открытии 15 земскихъ школъ въ уѣздѣ, на содержаніе которыхъ земство ассигновало 6.585 рублей. Вслѣдствіе такого постановленія, наши школы будутъ избавлены отъ выѣзжательства сельскихъ обществъ, которымъ теперь, нерѣдко, смотрѣли на своего учителя, какъ на наѣмнага, требуя за свои гроши безмыслия обучения лѣтей по псалтырю и т. под. Весьма обажете меня, приславъ свой послѣдній отчетъ.

3 октября 1869 г
Борзна.

Имшенецкій.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александрович!

Борзенское уѣздное земское собраніе избрало 28 попечителей земскихъ народныхъ школъ. Приступая къ составленію инструкціи для попечителей школъ, я бы желалъ имѣть инструкцію, дѣйствующую въ Александровскомъ уѣздѣ. Не откажите, Баронъ, помочь мнѣ и въ этомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время въ Борзенскомъ уѣздѣ открыто 12 земскихъ школъ, правильно организованныхъ; большинство преподавателей — люди развитые

и преданные своему дѣлу. Всѣхъ учащихся болѣе 700; не исправно посѣщающихъ школу почти нѣть, вслѣдствіе существующаго правила обь исключеніи ученика, три раза не явившагося въ школу, безъ особо-уважительныхъ причинъ. Жаждя къ просвѣщенію пробуждается въ народѣ, вслѣдствіе чего открыты вечернія занятия для взрослыхъ въ трехъ школахъ...

Михаилъ Имшенецкій.

Милостивый Государь.

Баронъ Николай Александровичъ!

Весьма благодаренъ за инструкцію для народ. училищъ Александр. уѣзда, вчера именемъ полученню... На дняхъ получено у насть распоряженіе министра Толстого по поводу учительскихъ съѣздовъ. Этотъ новый тормазъ, изданный министерствомъ просвѣщенія, не можетъ не вызвать негодованія у людей, близко стоящихъ къ дѣлу образованія народа и непочиновнически относящихся къ нему. Въ ожиданіи Вашего отвѣта, прошу принять, Баронъ, глубокую нашу признательность за „Русскую Начальную Школу“ — настольную книгу нашихъ учителей.

Воротившись, на-дняхъ изъ вторичнаго объѣзда нашихъ земскихъ школъ (всѣхъ 16), я рѣшительно приписываю значительные успѣхи въ нихъ — Вашимъ практическимъ указаніямъ.

14 февраля 1871 г.

Борона.

Истинно Васъ уважающій

Михаилъ Имшенецкій.

Борзенскій уѣздъ, для школъ котораго такъ много сдѣлалъ баронъ Н. А. Корфъ, это — только примѣръ, но не исключение. Каждый, обращавшійся къ этому, изумительно доступному и энергическому, человѣку, непремѣнно получалъ отъ него просимое указаніе и руководство. Какъ разнообразны тѣ вопросы, по которымъ обращались къ барону Корфу, можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ къ нему, приводимыхъ нами именно для характеристики указанного разнообразія.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Душевно преданный дѣлу народнаго образованія, я съ неподдельнымъ чувствомъ радости прочелъ о тѣхъ успѣхахъ, коими обязано это дѣло, по милости Вашего неопѣненнаго труда, въ Александровскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ идетъ это дѣло у насть съ успѣхомъ. Въ нашемъ уѣздѣ, напримѣръ, оно страдаетъ, не отъ равнодушія общества къ нему, а отъ стремленія нашего училищнаго совѣта какъ можно болѣе открывать школы, безъ всякой заботы о дальнѣйшемъ ихъ существованіи. О педагогической же сторонѣ дѣла и рѣчи вѣтъ.

При такомъ порядкѣ вещей, лучшее средство, миѣ кажется, есть не проповѣдь, а дѣло; вотъ почему рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ моимъ покорнѣйшимъ прошльбою, если это возможно, рекомендовать для нашего попечительства сельского учителя, дабы сразу имѣть возможность поставить школу вашу на такихъ началахъ, отъ привитія коихъ результаты говорили бы самп за себя. По истинѣ, было бы величимъ и благимъ дѣломъ для вашего

земства воспользоваться такимъ случаемъ; а для меня немалою честью счи-
таться въ рядахъ сподвижниковъ Вашего прекрасного дѣла...

Дай Богъ, чтобы это, столь желанное наслажденіе, съ легкой и почтенной
руки Вашей, принесло бы въ нашемъ уѣздѣ и дало бы хоть часть тѣхъ
блестящихъ плодовъ, коими обязанъ Вашимъ трудамъ Александровскій уѣздъ.

Съ совершеннымъ къ Вамъ уваженіемъ

Вашъ покорнѣйший слуга

П. Дѣляковъ.

14 февраля 1871 г.

Село Мокрое, Тамбовск. губ., Елатомскаго уѣзда.

Господину Участковому Члену Александровскаго Училищнаго Совѣта,
Барону Н. А. Корфу.

Ваша неусыпная дѣятельность въ дѣлѣ народного образования сдѣлала
известнымъ имя Ваше по всей Россіи. Я увѣренъ, что не найдется человѣка,
искренно преданного педагогическому дѣлу, который произносилъ бы его
иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью.

Въ знакъ этой-то признательности, позвольте, уважаемый Николай Александровичъ, пропроводить къ Вамъ отчеты Саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта за два послѣдніе учебные года, чтобы Вы могли видѣть, что
разсыпаемыя Вами благотворныя сѣмяна пускаютъ хотя еще слабые отростки
не въ одномъ Александровскомъ округѣ, но и въ другихъ отдаленныхъ отъ
Васъ уголкахъ нашей обширной, но одинаково нами горячо любимой родины.

Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ то искренно-великое
почтение и сочувствіе, съ которымъ имѣеть честь быть

Вашъ, Милостивый Государь,

покорный слуга Вакуровъ,

предсѣдатель саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

8 мая 1872 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Пермская губернская управа издаетъ подъ мою редакцію „Сборникъ
Пермского земства“, двѣ книжки котораго, вышедшия въ настоящемъ году
Вамъ уже высланы. Во второй изъ нихъ напечатанъ докладъ губернской
управы собранію объ учрежденіяхъ учителльской семинаріи въ Перми. Не счи-
талъ себя вполнѣ компетентною въ данномъ вопросѣ, губернская управа
желаетъ знать мнѣніе нашихъ извѣстныхъ педагоговъ о проектѣ устава
предположенной въ Перми семинаріи, и потому я имѣю честь покорнѣйше
просить Васъ, въ интересахъ дѣла, высказать Ваше мнѣніе, по поводу озna-
ченного проекта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказать сообщить управѣ Вашъ
„Отчетъ о ревизіи школъ“ и „Инструкцію сельскихъ учителямъ“.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть Вашимъ

Милостивый Государь,

покорнѣйшимъ слугою Д. Смышляевъ,

предсѣдатель губ. земск. управы.

10 июня 1872 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

По поручению уездного собрания, управа составила докладъ объ устройствѣ народныхъ школъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, при чмъ главнымъ руководствомъ, при составленіи доклада, управа имѣла выработанный проектъ по этому предмету Александровскимъ венствомъ; инструкція же попечителемъ и наставникомъ управы, находя ихъ въ высшей степени практическими, признала безъ всякаго измѣненія. Сообщая Вамъ, Милостивый Государь, объ этомъ, управа просить Васъ и на будущее время не оставить сообщеніемъ обо всемъ, что сдѣлано Александровскимъ венствомъ къ улучшенню народнаго образования, такъ какъ дѣло это въ Изюмскомъ уѣздѣ новое, между тѣмъ народныя школы Александровскаго уѣзда занимаютъ первое мѣсто въ Россіи, чмъ онъ обязаны Вашей просвѣщенной дѣятельности.

Съ полнымъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь быть Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою, Федоръ Ковалевскій.

31 августа 1871 г.

Милостивый Государь,

баронъ Н. А.!

Ваші почтенные труды по дѣлу начального народнаго образования сдѣлали вми Ваше извѣстнымъ и уважаемымъ для всей образованной Россіи. Всякій, кто сколько-нибудь живо сочувствуетъ успѣху образования народа, естественно, долженъ высоко цѣнить мнѣніе такого опытнаго и просвѣщенаго дѣятеля, какъ Вы, о какомъ бы ни было предметѣ, входящемъ въ рядъ пособій для распространенія грамотности въ народѣ.

Вотъ почему, не имѣя чести быть Вамъ извѣстенъ, но по одному только искреннему и глубокому уваженію къ Вашему почтенной дѣятельности, я позволяю себѣ подвергнуть Вашему вниманію прилагаемую при этомъ книжку, написанную мною для деревенскихъ мальчиковъ и вообще для малограмотныхъ читателей.

Изданиее я дѣлаю опытъ относительно того, какъ крестьяне будутъ интересоваться подобнаго рода книжками. Болѣе подробно выраженные мысли мои объ этомъ Вы можете прочесть въ журнале "Народная Школа" (май, 1871 г.).

Всякое Ваше замѣчаніе на эту книжку, какъ бы оно ни было строго, было бы для меня драгоценнѣо, еслибы Вы нашли заслуживающимъ удѣлить нѣсколько минутъ Вашего времени на сообщеніе мнѣ Вашего безпристрастнаго мнѣнія.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и искренней преданности, съ коимъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

Семенъ Николаевъ Воробьевъ.

2 сентября 1871 г.

Село Благодать, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Зная Ваше искреннее служеніе общественной пользѣ, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой для народныхъ училищъ Ефремовскаго уѣзда.

Въ нашемъ уѣздѣ училищное дѣло только-что возникаетъ, нарождается; еще ничего не устроено, не направлено; все приходится начинать.

Теперь нашему училищному совѣту необходимо предстоять составить инструкцію для учителей, опредѣляющую ихъ обязанности и отношенія, какъ къ школѣ, такъ и къ училищному совѣту. Этимъ дѣломъ, за недосугомъ для другихъ членовъ совѣта, долженъ заняться я. Но я постоянно хвораю, а съ 24-го декабря и до сихъ порь лежу совсѣмъ въ постели. При томъ инструкція для учителей, дѣйствующая въ вашихъ школахъ, должна быть несравненно полнѣе и совершеннѣе той, какую я могъ бы составить, зная еще такъ мало вообще училищное дѣло, какъ начинающей. Поэтому Вы оказали бы училищамъ нашего уѣзда большую пользу сообщеніемъ мнѣ существующей у Васъ инструкціи для сельскихъ учителей.

При этомъ пользуюсь случаемъ выразить Вамъ, подъ какимъ отраднымъ впечатлѣніемъ нахожусь я эти дни, вслѣдствіе чтенія Вашей несравненной статьи объ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ („Спб. Вѣд.“). Земскіе дѣятели по народному образованію могутъ, послѣ этой статьи, чувствовать себя какъ бы нѣсколько удовлетворенными,—чтобы не совсѣмъ бросить своего дѣла.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и искренней преданности, съ коими имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнымъ слугою,

С. Воробьевъ.

23 января 1872 г.

Село Благодать.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Заботясь объ устройствѣ дѣла народного образованія въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, я счелъ возможнымъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ просьбой, если возможно, выслать въ Нѣжинъ имѣющуюся у Васъ инструкцію для народныхъ школъ и не отказать присылкой миѣ отчетовъ вашихъ. Кроме просьбы о присылкѣ вышеписанного, обращаюсь къ Вамъ за совѣтомъ: не можетъ ли окказать пользы дѣлу народного образованія, если образовать въ уѣздѣ особаго земскаго инспектора школъ. На обязанность его возложить сколь возможно частое посѣщеніе школъ, следить за педагогикой въ школахъ и руководить наставниками, имѣя цѣлью одно то, чтобы въ школахъ преподаваніе шло однообразно. Съ помощью же его можно бы устроить лѣтніе педагогические курсы для наставниковъ школъ...

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

Викторъ Баковичъ,

предсѣдатель нѣж. управы.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Жиздринское уѣздное земское собраніе, усмотрѣвъ изъ доклада управы о состояніи учрежденныхъ отъ земства сельскихъ школъ, что успѣхъ обученія въ нихъ главнымъ образомъ зависитъ отъ того, насколько учителя под-

готоулены въ дѣлу, и сознавая недостатокъ въ болѣе или менѣе подготовленныхъ учителяхъ въ своихъ школахъ, пришло къ убѣжденію о необходимости устроить въ лѣтнее—вакаціонное время съѣзда учителей народныхъ школъ для того, чтобы ознакомить ихъ съ новѣйшими, упрощенными методами начального обученія; вслѣдствіе чего поручило управѣ исходатайствовать разрешеніе на открытие съѣзда учителей и для этой цѣли пригласить специальнно знакомаго съ новѣйшими методами начального обученія педагога.

Управа, будучи мало компетентной въ дѣлѣ педагогіи и не желая приглашать педагога для съѣзда учителей чрезъ публикацію въ газетахъ, убѣжденна, что Вы не откажете ей въ этомъ дѣлѣ своимъ просвѣщенными содѣствіемъ. При этомъ я долгомъ считаю присовокупить, что съ самаго начала открытия по Жиздринскому уѣзду отъ земства народныхъ школъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, благодаря старанію и заботамъ нѣкоторыхъ попечительницъ школъ, былъ введенъ Вашъ методъ начального обученія, и учителя настолько усвоили его себѣ, что собственно успѣхи въ этихъ школахъ побудили наше земское собраніе обратиться въ столь въ настоящее время подозрѣніе мѣрѣ въ дѣлѣ народного образованія, какъ съѣзы учителей, съ цѣлью ознакомить ихъ съ однимъ изъ новѣйшихъ методовъ начального обученія и заставить сдѣлать его обязательнымъ въ своихъ школахъ.

Поэтому я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорѣйшей просьбой принять на себя трудъ предложить кому-либо изъ нѣвѣстныхъ Вашъ педагоговъ, основательно знакомому съ Вашимъ методомъ начального обученія, занять должность наставника въ имѣющемъ устроиться съѣздѣ учителей начальныхъ школъ будущимъ лѣтомъ въ городѣ Жиздрѣ...

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашъ, Милостивый Государь,
покорѣйший слуга.

А. Лазаревъ,
предсѣдатель жиздринской управы.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Ветлужское земство между прочимъ ассигновало нѣкоторую сумму для земской библиотеки, преимущественно съ цѣлью удовлетворить потребности въ чтеніи со стороны наставниковъ и наставницъ сельскихъ школъ, рассыпало, по ихъ требованію, книги изъ означенной библиотеки бесплатно. Раесчитывал на Ваше сочувствіе всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ земствомъ, чтобы подвинуть дѣло народного образованія, я принимаю смысльность обратиться къ Вашей опытности и покорѣйще просить сообщить Ветлужской управѣ списокъ книгъ, которыя, по Вашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяютъ сказанией цѣли, для немедленной ихъ выписки.

Надѣясь, что просьба Ветлужского земства встрѣтить съ Вашей стороны благосклонный приемъ, прошу Васъ принять увѣреніе въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи, которое съ давнихъ поръ питаетъ къ Вамъ.

Совершенно преданный Вамъ
Н. Козюпаковъ,
ветлужский предводитель дворянства.

18 апрѣля 1872 г.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Таврическое губернское земство предположило устроить въ своей губерніи образцовую народную школу. Но, прежде осуществленія такого предложенія, губернское земское собраніе, въ засѣданіи 19-го января 1878 года, поручило губернскѣй управѣ просить педагогическія общества и компетентныхъ лицъ, разсмотрѣвъ проектъ устройства образцовой народной школы, выказать свое заключеніе.

Во исполненіе такого порученія губернскаго земскаго собранія, губернская управа, прилагая при семъ печатный экземпляръ проекта ¹⁾ устройства образцовой народной школы въ Таврической губерніи, имѣть честь покорнѣйше просить Вашъ, Милостивый Государь, какъ лицо компетентное въ дѣлѣ педагогіи, не отказать въ разсмотрѣніи выработанного земствомъ проекта образцовой школы и присыпѣ управля Вашего мінія о цѣлесообразности проекта.

8 мая 1878 г.

Предсѣдатель В. Винбергъ.
Секретарь Курковскій.

Въ сношеніяхъ земскихъ людей и учрежденій съ барономъ Корфомъ весьма характерное мѣсто занимаютъ письма къ нему предсѣдателя новгородской губернской земской управы, Николая Николаевича Фирсова, который въ 1872 г. бросилъ земскую службу, уѣхалъ изъ Россіи и, поселившись преимущественно въ Италии, отдался литературной дѣятельности, подъ псевдонимомъ Рускина. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ писемъ:

Новгородъ, 12 января 1871 года.
Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Несмотря на то, что я не имѣю чести лично Васъ знать, я смѣло обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшою просьбою, относящеюся до дѣла, тѣсно связанного съ народнымъ образованіемъ.

Льщу себя надеждою, что Вы на меня за это не постынете и, насколько возможно, не оставите безъ вниманія моего письма.

Новгородское губернское земское собраніе, вслѣдствіе внесенного мною въ него предложенія за подписью 15 гласныхъ, въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ постановило открыть въ нашей губерніи женскую учительскую школу. Но такъ какъ вопросъ этотъ не былъ и не могъ быть вполнѣ разработанъ въ собраніи, то мнѣ съ моими товарищами по управѣ предстоитъ выработать все подробности проекта устройства школы въ веснѣ, а съ лѣта, или лучше съ осени, благословясь, пускать дѣло въ ходъ.

Много вопросовъ возникаетъ при первомъ приступѣ къ работе, и просьба, съ которой я имѣю честь обратиться къ Вамъ, заключается именно въ томъ, что бы Вы, Милостивый Государь, дозволили мнѣ выслушать Ваше мнѣніе по главнѣйшимъ изъ нихъ и, при случаѣ, обращаться за Вашимъ просвѣщеніемъ совѣтомъ.

¹⁾ За недостаткомъ мѣста, мы не приводимъ здѣсь самаго проекта образцовой школы.

М. П.

Школу предполагается устроить вблизи Новгорода или въ самомъ городѣ, на 50 или 60 человѣкъ (на первое время), съ трехъ-годичнымъ курсомъ; курсъ примѣнить къ программамъ земской же новгородской учительской школы; заведеніе, предполагается, будетъ закрытое; приниматься въ него будуть женщины и дѣвицы всѣхъ сословій. Баронъ Косинскій, начальникъ нашей мужской учительской школы, командируется за границу управой, для осмотра лучшихъ германскихъ „Schullehrer-Seminarien“.

Я выше сказаълъ, что есть много вопросовъ, которые хотѣлось бы всесторонне разсмотрѣть, и позволяю себѣ только главнѣйшіе изъ нихъ подвергнуть Вашему вниманію, а съ остальными позволю себѣ обратиться, если получу Ваше благосклонное на то разрѣшеніе.

Есть лица, утверждающія, что въ Россіи чрезмѣрно рано заботиться о подготовленіи женщинъ въ учителя сельскихъ школъ, ибо народъ мало довѣряетъ женщинѣ на этомъ постѣ. Думаю, что это происходитъ отъ того, что подготовка мужчины была по большей части выше женской, а не отъ чего другаго. Такъ ли это? Хотя это—вопросъ, не относящійся непосредственно до устройства школы, но знать Ваше мнѣніе, основанное на практикѣ, было бы важно. Необходимо ли, по Вашему мнѣнію, устройство учительской школы виѣ города при сельской обстановкѣ, или оно возможно и въ городѣ. Какъ въ виду обилия педагогическихъ средствъ, такъ и по экономическимъ расчетамъ было бы удобно устроить школу въ самомъ городѣ; но противъ этого дѣлаютъ два возраженія: первое,—что школа будетъ поставлена въ условій сельской жизни, и второе,—что въ нее легче можетъ проникнуть развратъ и по малой мѣрѣ—излишній увлеченія.

Затѣмъ весьма было бы приятно узнать Ваше мнѣніе касательно самыхъ программъ. Возможно ли приготовить хорошую учительницу въ 3 года? Каго-ко ве-раста преимущественно полезнѣе принимать?

Вотъ тѣ вопросы, отвѣтами на которые Вы, Милостивый Государь, крайне бы меня обязали. Если разрѣшите, я позволю себѣ беспоконить Васъ и дальнѣйшими сношевіями. Если Вы потрудитесь уведомить меня, когда Вамъ случится быть въ Петербургѣ, я постараюсь имѣть честь повидаться съ Вами. Не пожертвуете ли Вы двумя днями и не пожалуете ли въ Новгородъ взглянуть на нашу учительскую школу.

Вашъ взглядъ на нее навѣрно не остался бы безъ пользы для нея. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги

Ник. Фирсова.

17 февраля 1871 г.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Глубоко благодарю Васъ за отвѣтъ на мое письмо, по поводу учрежденія у насъ женской учительской школы и обѣщаніе сообщить Ваше подробное по этому предмету мнѣніе.

Боюсь одного, чтобы мое письмо не пришло къ Вамъ слишкомъ поздно. Ваше письмо, помѣченное 24-мъ января, было получено въ Новгородѣ только 15-го февраля. Судя по почтовымъ штемпелямъ, отъ Благодатного до Новгорода—18 дней, и мое письмо дойдетъ до Васъ не раньше 7—9-го марта.

Тѣмъ не менѣе, я пользуюсь Вашимъ обязательнымъ разрѣшеніемъ сооб-

шить на Вашъ судъ вѣкоторые вопросы большаго для меня интереса, въ виду постановки новаго дѣла.

Внося наше предложеніе объ учрежденіи женской учительской школы въ губернское собраніе, мы имѣли въ виду: 1) женщина не менѣе мужчины способна преподавать въ начальныхъ школахъ и обучать какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ безразлично; 2) трудъ сельской учительницы вполнѣ гармонируетъ съ женской натурой, и нѣтъ надобности отвлекать мужскія силы въ эту сторону, въ ущербъ множеству другихъ общественныхъ дѣлъ, для женщинъ не доступныхъ; 3) женщина имѣть менѣе разнообразный кругъ практической дѣятельности вообще, и потому можно рассчитывать, что она, при одинаковой съ мужчиной подготовкѣ, долже не покинуть должности учительницы.

Къ этому прибавлю личное мое мнѣніе. Мне кажется, что женщина успѣшище мужчины можетъ повлиять на ребенка, а следовательно—и сообщить ему надлежащія познанія, разумѣется—если она предана своему дѣлу.

Программу школы предполагается (но не рѣшено) приравнять къ программѣ уже открытой нашимъ земствомъ мужской учительской школы. Программы эти Вы найдете въ протоколахъ школы, сообщенныхъ Вами ранѣе новаго года. При поступлениі въ школу требуется только, чтобы юноша правильно читалъ, порядочно писалъ, понималъ прочитанное и умѣлъ его передавать.

Главныиѣ вопросы, насть занимающіе, суть слѣдующіе: 1) достаточна ли программа преподаванія? 2) достаточно ли 3-хъ лѣтъ для приготовленія учительницы? 3) составляетъ ли учрежденіе школы виѣ города необходимое условіе для успѣха дѣла? 4) должно ли быть заведеніе открытое или закрытое? 5) должно ли стремиться къ тому, чтобы ученицы выбирать по преимущество изъ крестьянокъ? 6) какого возраста предпочтительнѣе должны быть ученицы—около 16 лѣтъ или болѣе зрѣлаго? 7) не должно ли требовать отъ ученицъ при поступлениі болѣе обширныхъ знаній, чѣмъ тѣ скромныя, на которыхъ указано выше? 8) возможно ли допустить, чтобы преподавателями въ школѣ были и женщины, и мужчины, безразлично?

Если Вы, Милостивый Государь, будете столь обязателы, что почтите меня сообщеніемъ Вашего мнѣнія, то безконечно меня обяжете.

Я же съ своей стороны почту своимъ долгомъ сообщить Вамъ о тѣхъ рѣшеніяхъ, которые будутъ приняты управою по учрежденію школы, и о дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла, которое, я знаю, Васъ интересуетъ. На днѣхъ я буду имѣть удовольствіе выслать Вамъ журналъ послѣдняго губернскаго собранія и доклады управы по всѣмъ предметамъ земскаго хозяйства, въ томъ числѣ и по дѣлу народнаго образованія.

Примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности
Вашего покорнаго слуги
Н. Фирсова.

Считая невозможнымъ привести здѣсь всю обширную переписку г. Н. Н. Фирсова съ барономъ Корфомъ по специальному вопросу объ учрежденіи женской учительской школы въ Новгородѣ, необходимо, однако, замѣтить, что въ исходѣ 1871 года, когда баронъ Н. А. Корфъ поспѣшилъ Петербургъ, онъ, по особому приглашенію новгородской гу-

бернскій земской управы, посѣтилъ Новгородъ, обозрѣвалъ мѣстную мужскую земскую учительскую семинарію и присутствовалъ въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи, при обсужденіи вопроса объ учрежденіи женской учительской семинаріи.

Въ связи съ приведенными письмами Н. Н. Фирсова находятся письма князя Александра Иларіоновича Васильчикова, автора книги «О самоуправлѣніи», извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля и земскаго работника Новгородской губерніи. Приводимъ эти письма, представляющія большой общественный интересъ, такъ какъ въ нихъ затрагиваются разныя стороны внутренней нашей жизни. Первое письмо было написано кн. Ал. Ил. Васильчиковымъ барону Корфу въ 1870 году. Вотъ это письмо:

Ница. 16—28 марта.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Вы очень удивитесь, получивъ это письмо пѣръ дальнихъ странъ и отъ незнакомаго корреспондента, но вотъ объясненіе этого страннаго случая. Вы написали на-дняхъ письмо къ моему однофамильцу, П. А. Васильчикову, въ коемъ, признавъ его за автора книги „О самоуправлѣніи“, сообщаете ему Ваши замѣчанія по предмету начального образованія. Петръ Алексѣевичъ сообщилъ мнѣ Ваше письмо, и я долгомъ считаю объяснять недоразумѣніе, которое между нами вышло и которое даетъ мнѣ очень радостный для меня случай вступить въ переписку съ Вами, Милостивый Государь, и оправдаться передъ Вами въ вѣскоѣ заслуженномъ обвиненіи.

Мое мнѣніе о начальныхъ школахъ выражено не ясно и не полно въ первой части моего сочиненія; во второмъ томѣ, который нынѣ печатается, я посвятилъ 4 главы обзору иностраннѣй и русскихъ народныхъ училищъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію: что непосредственное, какъ хозяйственное, такъ и учебное, управление должно быть предоставлено земству, но что правительству—не губернскому начальству, а министерству народнаго просвѣщенія—должно принадлежать право ревизіи, инспекціи и общее руководство, не въ смыслѣ вышестоящства и постояннаго надзора, а только въ формѣ, можно сказать, отрицательной, то-есть,—что высшее учебное начальство имѣть право отнять субсидіи, ассигнованныя отъ казны на школы, и въ извѣстныхъ случаяхъ закрыть училище, если оно оказывается неудовлетворительнымъ или вреднымъ.

Мысль эту я старался развить со всевозможной осторожностью, обусловливавъ подобный правительственный распоряженія строгими правилами и прежде всего тѣмъ, чтобы казна давала земству субсидіи на школы притѣрно въ 50% общей стоимости народныхъ училищъ. Все это, разумѣется, предложенія и пожеланія, не имѣющія никакихъ шансовъ успѣха; но я предпринялъ мой трудъ въ виду не настоащихъ обстоятельствъ, а будущихъ и въ надеждѣ, что нынѣшняя безсмысличная реакція удержится не вѣчно. Коль скоро же мы допустимъ, что высшее управление (т. е. школьнное) въ рукахъ людей земскихъ, а не приказныхъ, что оно организовано правильно, какъ въ Англіи, Америкѣ, Бельгіи, то мнѣ кажется, что правительственный надзоръ не только не вреденъ, но даже полезенъ и необходимъ, ибо

дѣю народнаго образованія требуетъ, во-первымъ, затратъ, которыя многимъ мѣстностямъ недоступны безъ помощи казны, и во-вторыхъ—свѣдѣній, которыя не всегда находятся между людьми, преданными хозяйственнымъ занятіямъ. Я пришелъ въ этому убѣжденію въ особенности потому, что въ странахъ самаго неограниченаго самоуправлѣнія, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ новѣшее время прината была эта система инспекцій школъ посредствомъ ревизоровъ отъ правительства, и что большинство школъ добровольно подчинялись этому новому порядку. Такъ и я разумѣю: инспекція есть право, соотвѣтствующее обязанности казны давать субсидіи училищамъ.

Виноватъ я въ томъ, что не объяснилъ вполнѣ мою мысль, и не только для васъ, но и для многихъ читателей вся эта часть моей книги осталась совершенно темной; защищая принципъ самоуправлѣнія, я вдругъ какъ будто отрекся отъ одного изъ главныхъ его дѣйствій. Надѣюсь изгладить это впечатлѣніе во второмъ томѣ. Во всякомъ случаѣ, приму съ искреннею признательностью Вашія дальнѣйшія замѣчанія и буду надѣяться, что это первое и случайное наше сближеніе будетъ не послѣднее. Ваше письмо давно извѣстно всѣмъ людямъ, посвятившимъ себя земскому служенію, и мы въ Новгородѣ воспользовались многими Вашими указаніями.

Примите увѣреніе въ искренней преданности

Башего покорнаго слуги
князя А. Васильчикова.

P. S. Я здѣсь пробуду не долго, а настоящій мой адресъ: кн. Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, Петербургъ, Литейная, 30.

Новгородъ, 15 декабря.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Спѣшу Васъ увѣдомить передъ Вашимъ выѣздомъ изъ Петербурга, что проектъ нашъ о женской семинаріи не состоялся: отложенъ до будущаго собранія и вѣроятно далѣе. Такъ какъ вы мнѣ говорили, что хотите объ этомъ писать, то я нужнымъ счелъ Васъ увѣдомить обѣ этой перемѣнѣ. При съѣзданіяхъ посыпалась такія безобразныя предположенія, что, для спасенія дѣла, лучше было его отложить. Впрочемъ, я опишу (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“) комическую сцену этого засѣданія, гдѣ высказывались такие педагогическіе курьезы, что волосы становятся дыбомъ. Впрочемъ, что отложено, то еще не проиграно, а все-таки я правъ, что земскіе люди въ дѣлѣ народнаго образованія очень - очень еще слабы.

Весь Вашъ

Князь А. Васильчиковъ.

На мою статью хорошо бы было, еслибы Вы отвѣтили; я не подпишу ее и адресую изъ Новгорода, въ видѣ корреспонденціи.

Петербургъ, Литейная, 30. 4 янв. 72 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Вы можете быть слышали, что проектъ нашей учительской женской школы въ Новгородѣ провалился, т. е. не совсѣмъ, но отложенъ до нового

разсмотрѣнія. Я отчасти и радъ, что послѣдовало благоразумное рѣшеніе объ отсрочкѣ, потому что многочисленные ревнители народнаго просвѣщенія признались было дѣлать въ уставѣ такія и столько поправокъ, что изъ женской семинаріи вышла бы юдова школа. Но я хочу воспользоваться этой отсрочкой, чтобы нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ о женскихъ учительницахъ, очень туманный въ нашихъ провинциальныхъ умахъ,— и вотъ, что я придумалъ:

Напишу я Вамъ (и съ Вашего поводенія) письмо, которое начато въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, или въ „Вѣстнике Европы“ (гдѣ угодно?), съ описаніемъ нашихъ преній и главныхъ основавій нашего проекта.

Буду просить Васъ отвѣтить мнѣ и, въ чёмъ найдете нужнымъ, возвращать. Если предметъ потребуетъ дальнѣйшихъ разъясненій, то мы бы могли и продолжать эту переписку или полемику, разумѣется, самую миролюбивую и, если позволите такъ выразиться—дружескую. Вотъ моя всѣпокорѣйшая просьба, на которую ожидаю отвѣта, чтобы, по полученіи его, пустить мою статью.

Получили ли Вы первый номеръ „Гражданина“? По нѣкоторымъ статьямъ, передовыми и заднимъ, я вижу, что направление этого журнала—не мое и, кажется, не Ваше—и душевно радуюсь, что не вступилъ въ число патроновъ этого благонамѣренного изданія... Надо довольствоваться „Петербургскими Вѣдомостями“ и ихъ почтенными редакторомъ.

Ожидая Вашего отвѣта и оставаясь съ чувствомъ душевной преданности

Вашъ покорный слуга

Князь А. Васильчиковъ.

Петербургъ. Литейная 30. Январь 72 г.
Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Объ статьи Ваши прочель съ должнымъ вниманіемъ. Статья объ инспекціи народныхъ школъ уже принесла ту пользу, что обратила вниманіе на эту инструкцію, которая преподана незамѣтно среди общаго равнодушія къ этимъ жизненнымъ вопросамъ. Раздѣляя вполнѣ Ваше мнѣніе, я только надѣюсь, что эта централизаціонная попытка рушится сама собой отъ недостатка лицъ способныхъ къ этому дѣлу и отъ недостатка энергіи и послѣдовательности въ руководителяхъ. Наша земская самостоятельность держится и развивается только потому, что на мѣстахъ не находится никого, чтобы ей противодѣйствовать, и что одинъ человѣкъ въ уѣздѣ, если онъ дѣйствуетъ энергически и разумно, преодолѣваетъ всѣ препятствія, изъ коихъ главное—апатія.

Предложеніе Ваше объ обязательномъ обученіи принимаю вполнѣ; мысль эта—новая и совершенно соответствующая правильному развитію народнаго образованія.

Большихъ затратъ и общихъ проектовъ на первое время не нужно, и всякая мѣтропріятія, имѣющія значеніе общихъ государственныхъ положеній, осталась бы на первое время мертвую буквою—по недостатку дѣятелей въ большей части нашихъ уѣздовъ. Съ этой точки зреянія Ваше заявленіе очень важно, и я буду проводить эту мысль въ нашемъ земствѣ. Нѣкоторые поправки однако могутъ быть допущены. Напримеръ, я считаю, что заявленія одного уѣздааго собрания недостаточно и что надо его подкрѣпить постаново-

имеюемъ губернскимъ. У насть, въ Новгородѣ, уѣздовъ, дѣйствующихъ по части народнаго образования—3, бездѣйствующихъ—8; но и эти послѣдніе сейчасъ заставлять о введеніи обязательнаго обучения, чтобы не отстать отъ прочихъ, а дѣло все-таки не пойдетъ. Поэтому, мнѣ кажется, что пункты 4 надо бы подкрепить болѣе серьезными условіями, т. е. большими требованиями отъ земства и меньшими отъ крестьянскихъ обществъ. Но это—подробность, о томъ надо еще подумать, а предложеніе Ваше я, съ Вашего дозволенія, присвоюю себѣ и буду по нему дѣйствовать.

Прилагаю при семъ на предварительный Вашъ просмотръ письмо, которое Вамъ адресую, и желалъ бы напечатать его вмѣстѣ съ Вашимъ отвѣтомъ. До 1 марта я буду въ Петербургѣ, а послѣ поѣду на нѣсколько мѣсяцевъ за границу.

Вашъ покорный слуга

Князь А. Васильчиковъ.

Въ исходѣ 1872 года въ новгородскомъ земствѣ произошли очень крупныя перемѣны. Между директоромъ земской учительской семинаріи, барономъ М. О. Косинскимъ, и предсѣдателемъ губернской земской управы, Н. Н. Фирсовымъ, произошелъ рѣзкій разладъ. Послѣдствіемъ его было самоуправное увольненіе управою барона Косинскаго; съ другой же стороны, это самоуправство стоило Н. Н. Фирсову должностіи предсѣдателя губернской земской управы и, наконецъ, окончательного выхода его изъ состава земства. Этого именно обстоятельства и касается слѣдующее письмо кн. А. Ил. Васильчикова.

Петербургъ, 29 декабря, Литейная, 30.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Я сейчасъ прочелъ Вашу корреспонденцію обѣ учительской школѣ и могу только выразить Вамъ удивленіе, какъ Вы могли на такомъ разстояніи угадать и высказать такъ вѣрно, такъ мѣтко существо всего этого печальнаго эпизода. Слова мои, напечатанныя въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, переданы были не точно и не полно. Я защищалъ мнѣніе, совершенно согласно съ Вашимъ, что можетъ быть Кс. и слѣдовало уволить, но что образъ дѣятельности управы, при этомъ увольненіи, былъ возмутительный; я говорилъ, что тутъ дѣло идеть не о Кс. и Фирсовѣ, а о достоинствѣ педагогики, что если мы будемъ обращаться съ начальниками школы, какъ наши предки съ домашними учителями, то будетъ то же, что было. Въ педагоги пойдутъ только отставные унтер-офицеры и заплѣтные семинаристы. Я вышелъ изъ земства нарочно, чтобы придать этому дѣлу серьезное значеніе, и въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, поступилъ благородно, хотя многіе бранятъ меня за малодушіе.

Но на всѣхъ не угодишь, и я болѣе дорожу мнѣніемъ Вашимъ, чѣмъ пустословіемъ нашихъ земскихъ ораторовъ. Однако, не могу скрыть, что моя мѣра въ преусѣданіе народнаго образования въ Россіи въ послѣднее время сильно поколебалась; по крайней мѣрѣ компетентность земства въ этой части самоуправлениія кажется мнѣ все болѣе сомнительною. И еслибъ настоящее настроеніе народнаго просвѣщенія не было... такое, какъ оно есть, то

я бы подалъ голосъ за подчиненіе учительскихъ школъ администраціи. Вредъ, причиняемый такими дразгами и скандалами, какъ наше новгородское дѣло — неизмѣримый. Уже болѣе 6 мѣсяцевъ ученики не учатся, волнуются городскими сплетнями и подвергаются наѣзданію разныхъ совсѣмъ нѣдѣлѣній и надзирателей. Можете себѣ вообразить, что происходитъ въ умахъ крестьянскихъ мальчиковъ при такой обстановкѣ, и не грѣхъ ли приниматься за образованіе народа, когда сами образователи стоятъ еще такъ низко? Я принимаю это въ сердцу, потому что дѣло было начато хорошо, по крайней мѣрѣ съ душевнымъ участіемъ, и испорчено тѣми, которые съ самаго начала противились всѣмъ нашимъ начинаніямъ. Вѣтеръ подулъ на ихъ сторону — и они подняли свой флагъ.

Благодарю Васъ душевно, М. Г. Николай Александровичъ, за Ваши свѣдѣнія и указанія. Еще не рѣшено относительно срока моего выѣзда, но во всякомъ случаѣ, я пойду въ Женеву, если соберусьѣхать. Передъ выѣздомъ позвольте мнѣ еще разъ обратиться къ Вамъ, а покамѣстъ прошу принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и искренней преданности.

Вашъ покорный слуга

Благъ Васильчиковъ.

Три слѣдующихъ письма боязя Ал. Ил. Васильчикова относятся ко времени пребыванія барона Корфа за границею. Въ поясненіе первыхъ двухъ писемъ, необходимо замѣтить, что барономъ Корфомъ была устроена въ Женевѣ собственная школа, но не для корыстныхъ, промышленныхъ цѣлей, а единственno — для воспитанія своихъ дочерей. Какъ видно одинаково изъ приводимыхъ ниже писемъ кн. Васильчикова, баронъ Корфъ имѣть полную возможность устроить обширное учебное заведеніе для русскихъ дѣтей, вынужденныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, проводить школьніе годы за границею.

Гайдельбергъ. 30 августа, 73 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ,

Васъ удивить неожиданное содержаніе этого моего письма. Вотъ въ чёмъ дѣло: многіе изъ моихъ знакомыхъ уже нѣсколько разъ спрашивали меня — правда ли, что въ Женевѣ, подъ Вашимъ руководствомъ, открывается училище для русскихъ дѣтей. Я отвѣчалъ, что не знаю и что, при свиданіи съ Вами, Вы мнѣ этого не говорили. Но эти неоднократные вопросы внушили мнѣ самому мысль: не рѣшитесь ли вы на такое дѣло, на которое, можно сказать, Васъ вызываетъ общий голосъ соотечественниковъ? Первое условіе, разумѣется, денежныя средства, — и на это вотъ мое предложеніе: на первоначальное обзаведеніе набрать капиталъ это было бы мое дѣло; содержаніе же воспитанниковъ покрывать училищной платой, которая можетъ быть довольно высокою, потому что дѣти будутъ изъ семействъ, болѣе или менѣе зажиточныхъ, проживающихъ за границею. Прочія мои предположенія обусловливаются прежде всего Вашимъ руководствомъ: намѣрены ли Вы прожить нѣсколько лѣтъ въ Швейцаріи? Сколько нужно, чтобы основать, пустить въ ходъ и направить это дѣло? Разумѣется, что Вы не можете приковать себя къ чужимъ краямъ и къ такому специальному занятію. Это было бы даже для общаго нашего

воспитательного дѣла слишкомъ чувствительною потерю. Но польза такого училища (лицея) была бы большая: а) доктора ежегодно высыпаютъ изъ Россіи сотни мальчиковъ, которые не находятъ нигдѣ русского воспитанія и отыкаются отъ всего народнаго. б) Много семействъ проживаютъ за границей и должны отлучаться отъ дѣтей скрыва сердце. с) Убийственная программа, введенная гр. Толстымъ и К^о, заставляетъ многихъ по неволѣ бѣжать изъ нашихъ гимназій. д) Дѣти воспитывались бы въ средѣ совершенно свободной въ нравственномъ и физическомъ отношеніи.

Не развивая далѣе этой мысли, я только подвергаю ее Вашему обсужденію. Быду сегодня на морскія купанья (Angleterre. Isle de Wight. Shanklen). Черезъ 3—4 недѣли перѣду въ Женеву, гдѣ уже заказалъ себѣ квартиру, и проживу тамъ до декабря, а можетъ и болѣе; тогда на досугѣ потолкуюсь объ этомъ проектѣ, который меня серьезно заинтересовалъ.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъуваженіи.

Вашъ покорный слуга

Князь А. Васильчиковъ.

Парижъ, 29 января.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Безъ вины виноватъ передъ Вами, что не отвѣтилъ на Ваше письмо, которое я принялъ за отвѣтъ на мое. Дѣло въ томъ, что я все напмѣреваюсь быть въ Женевѣ и лично съ Вами общасниться, но что, напротивъ, семейный мои дѣла заставили меня жить въ Ницѣ иѣхать въ Россію, откуда я теперь возвращаюсь. Предложенія мои несолько различны отъ Вашихъ: я думалъ основать въ Женевѣ, подъ Вашимъ руководствомъ, постоянное училище для русскихъ дѣтей, но изъ письма Вашего увидѣлъ, что это Васъ стѣсняетъ и что вы согласны бы были только принять пансіонерокъ женскаго пола, между тѣмъ какъ я имѣлъ въ виду мальчиковъ.

Вотъ почему я и не продолжалъ череписки, надѣясь объясниться при свиданіи. Теперь же я вижу и съ искреннею радостію, что Вы возвратитесь на болѣе широкое поприще, чѣмъ Женева, и надѣюсь, что Васъ русская земля не выпуститъ болѣе обратно въ Швейцарію, и потому опасаясь, чтобы мое предложеніе не помѣшало Вамъ принять другія, — беру его назадъ, либо признаю, что въ 2 уѣздахъ Вы сдѣлаете 100 разъ больше добра, чѣмъ въ Женевѣ. — А читали ли Вы реєстрии гр. Толстому? Я хотѣлъ бы отвѣтчать: 1) что все, что до сихъ поръ сдѣлано по народному образованію, сдѣлано дворянами, въ качествѣ земскихъ людей — Корфомъ, Дашковымъ, Васильчиковъ (П. А.), Поповымъ (въ Череповцѣ), Качаловымъ и пр., которые всѣ — дворянине чистокровные; 2) что если направление ихъ дурное, то ужъ никакого другаго въ дворянствѣ нельзя найти, потому что бозьшая часть дворянъ съ такъ-называемыми благонамѣнными именами нисколько не интересуется и не занимается народною школою и учить никого не можетъ, потому что сама не доучилась. Я хотѣлъ бы Васъ просить напечатать объ этомъ вѣсколько словъ, или я напишу Гамъ письмо, которое Вы приложили бы къ Вашей статьѣ, — разумѣется, въ самыхъ мягкихъ тонахъ. Я еще можетъ быть увѣжу Васъ, если соберусь обратно въ Россію около конца марта.

Весь Вашъ
Князь А. Васильчиковъ.

Адресъ мой: Nice, Hôtel de Nice.

6—18 августа.

Я ужъ давно собираюсь Вамъ отвѣтить, многоуважаемый Николай Александровичъ, на письмо, которое Вы мнѣ прислали въ іюнѣ; но я откладывалъ, думая самъ єхать въ Карльсбадъ и тамъ Васъ встрѣтить. Важны обстоятельства мнѣ помѣшили позаботиться о моемъ здоровье, и теперь я долженъ отказаться отъ моей поѣздки и надежды Васъ видѣть. Я, — какъ Вы можете быть ссыпали, — поступилъ въ новую должность, которая до сихъ поръ была синекурою, а теперь сдѣлалась очень хлопотливымъ служеніемъ: меня вынѣшней весной выбрали въ предсѣдатели Славянскаго комитета; и я, больной и вовсе не свѣдущій въ этомъ дѣлѣ, разомъ попалъ въ самый разгаръ славянскихъ вопросовъ. Хотя я далеко не славянофиль, но признаю вопросъ этотъ серьезныи и могущимъ настъ вовлечь въ весьма тяжелыя компликаціи. Въ Россіи, особенно въ Москвѣ, настроеніе умовъ лихорадочное: офицеры, юнкеры, студенты подаются въ отставку, чтобы єхать въ Сербію, — и общественное мнѣніе такъ возбуждено, что трудно будетъ его унять. Впрочемъ, я всегда былъ того мнѣнія, что лихорадочные припадки лучше для народнаго здравія, чѣмъ маразмъ, а мы ужъ и впадали въ послѣднее время въ этотъ ведугъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, я не вѣрю, чтобы изъ броженія нашихъ умовъ и страстей вышло что-либо путное, то стараюсь обратить наше комитетъ на настоящее дѣло, и для этого желалъ бы привлечь въ оный людей съ авторитетомъ. Это значитъ, что я подумалъ и о Васъ и хотѣлъ бы, чтобы Вы меня уполномочили предложить Васъ въ члены (плата 5 р. въ годъ). Это Васъ не обязываетъ ни жить въ Россіи, ни къ какимъ-либо особымъ занятіямъ. Дѣло все впереди, и я даже думаю, что на этотъ разъ восточный вопросъ будетъ кое-какъ склоненъ, но непремѣнно расклентится очень скоро, и тогда надо будетъ большихъ усилий, не столько материальныхъ, сколько нравственныхъ, чтобы склонить всѣ на нашу сторону. Вообще, мнѣ бы хотѣлось собрать въ это Общество людей, которые бы сошлись въ мнѣніяхъ не только по славянскому вопросу, но и по другимъ, — п въ этомъ смыслѣ я и обращаюсь къ Вамъ. Первое и самое важное дѣло — это журналъ, который бы читался не только въ Россіи, но и въ славянскихъ земляхъ, и разбиралъ бы не столько дѣла высшей политики, сколько насущныи нужды и пользы; магъ ужъ разъ въ этомъ отказанъ, но теперь можетъ быть разрѣшать, и на этотъ случай позовите разсчитывать на Ваше сотрудничество.

Вотъ, Милостивый Государь Николай Александровичъ, моя просьба, на которую жду отвѣта.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ мою душевную преданность.

Князь А. Васильчиковъ.

Кромѣ кн. Ал. Ил. Васильчика, письма котораго только-что приведены нами, баронъ Н. А. Корфъ находился въ перепискѣ еще съ двумя Васильчиковыми: Петромъ Александровичемъ (не княземъ), проживавшимъ въ Москвѣ, котораго онъ и принялъ ошибочно за автора книги «О самоуправлѣніи», и княземъ Викторомъ Иларіоновичемъ Васильчиковымъ, жившимъ въ Тамбовской губернії, братомъ новгородского кн. Васильчика. И московскій Васильчиковъ — также

очень видные и заслуженные общественные дѣятели, особенно много по-трудившіеся на поприщѣ народного образованія, какъ на это было уже указано выше въ одномъ изъ писемъ графини Уваровой. Приведемъ письма сначала П. А. Васильчикова, а потомъ и кн. В. И. Васильчикова, такъ какъ голосъ ихъ имѣть немаловажное значеніе для оценки общественной роли барона Н. А. Корфа въ нашей внутренней жизни.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Прочитавъ съ большимъ удовольствіемъ, но сначала не безъ нѣкотораго недоумѣнія, а потомъ и смущенія, въ высшей степени интересное письмо Ваше отъ 25 января, и затѣмъ переславъ оное тому, къ которому оно дѣйствительно слѣдуетъ, именно весьма дальнему родственнику, хотя очень хорошошему знакомому моему, князю Александру Иларіоновичу Васильчикову, автору книги „О самоуправлѣніи“, спѣшу увѣдомить Васъ, что я привадлежу къ не-титулованной отрасли нашей фамиліи и къ гораздо болѣе скромному во всѣхъ отношеніяхъ разряду общественныхъ дѣятелей. Хотя письмо мое имѣть собственно цѣлью разыскать встрѣтившееся недоразумѣніе и, кроме того, что я долженъ предоставить автору книги отвѣтъ за себя, я не имѣю и времени въ настоящее время писать пространно, но не могу, однако, не сказать Вамъ, что я во многомъ раздѣляю мысль князя. Еслибы правительство могло назначить миллионы до 10, какъ отпускомъ изъ государственного казначейства, такъ и обязательными мѣстными сборами, на народное образованіе, еслибы при этомъ оно устроило хорошія учительскія семинаріи и организовало удовлетворительную инспекцію училищъ,—я бы вполгѣ примирился съ отстраненіемъ земства отъ дѣла народного образованія. Но, въ сущности, я ожидаю совершенно другаго: такого вмѣшательства правительства, которое, не поддержанное достаточными материальными пособіемъ и само по себѣ не дѣйствительное, отгонитъ только мѣстную самодѣятельность. Я боюсь введенія одной только административной регламентациіи, которая, кроме вреда, ничего не принесетъ; но при этомъ я не могу не обратить вниманія и на то, что не мало у насъ и училищныхъ совѣтовъ, которые ставятъ себя въ правительственные отношенія къ школамъ, которые преслѣдуютъ частное обученіе грамотѣ, требуютъ закрытия училищъ, существующихъ безъ узаконенаго разрѣшенія. И если со стороны нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, совѣтовъ, подобный образъ дѣйствій сопровождается дѣйствительнымъ материальнымъ и нравственнымъ пособіемъ народному образованію, то сколько за то изъ нихъ ограничиваются однимъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣлу?..

Я непремѣнно приобрѣту Вашу книгу, какъ скоро она появится, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не показать очень о томъ, что у Васъ нѣть болѣе экземпляровъ Вашихъ отчетовъ. Если бы я могъ получить хоть одинъ первый отчетъ Вашъ, то у насъ въ управѣ быль бы по крайней мѣрѣ полный экземпляръ Вашихъ отчетовъ.

Благодарю Васъ во всакомъ случаѣ очень за присланную Вашу книгу и, надѣясь, что Вы не откажете мнѣ въ удовольствіи продолжать начавшіса, хотя бы и подъ вліяніемъ недоразумѣнія, сношенія наши, прошу Васъ вѣрить искреннему уваженію глубоко преданнаго Вамъ

Москва. Марта 1, 1870 г.

П. Васильчикова.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Посылаю Вамъ при семь доклады, бывшіе на разсмотрѣніи московскаго губернскаго собранія настоящаго года, и также докладъ, который я представлялъ истекшей осенью подольскому уѣздному собранію. Первые два доклада, несмотря на всѣ свои недостатки и слабыя стороны, могутъ піти для Васъ тутъ интересъ, что заключенія ихъ приняты губернскимъ собраніемъ, и что поэтому они ведутъ за собою принятие мѣръ, успѣхъ которыхъ будетъ конечно зависѣть въ значительной степени отъ способа исполненія, но, во всякомъ случаѣ, мѣръ, весьма серьезныхъ по части народнаго образованія. Что касается до послѣдняго доклада, то препровождаю его къ Вамъ конечно не съ тою цѣлью, чтобы утруждать Васъ чтеніемъ онаго: посыпка этого доклада служить лишь только предлогомъ выразить Вамъ все искреннее сочувствіе мое Вашей дѣятельности, доказать Вамъ, что Вашъ примѣръ вызываетъ, хотя бы и слабыхъ, подражателей. Наконецъ, посыпая Вамъ образцы нашей здѣшней дѣятельности по части народнаго образованія, я руководствуясь болѣе корыстною цѣлью, — желаніемъ вызвать обмѣнъ, безспорно для насъ одинъ выгодный. Я прочелъ оба Ваши доклады за 1867 и 1868 годы; первого у меня былъ только одинъ экземпляръ, присланный Вамъ нашей управѣ, и этотъ кѣмъ-то у меня зачитанъ; экземпляръ втораго полученъ былъ мною отъ Васъ черезъ М. А. Бенкendorфа, и я очень виноватъ въ томъ, что до сихъ поръ не благодарили Васъ за эту присыпку. Такъ какъ я положительный профанъ въ дѣлѣ собственно преподаванія, то я началъ было просматривать послѣдній докладъ Вашъ единственно съ цѣлью узнать, какъ у Васъ организовано народное образованіе, кѣмъ поддерживаются училища, въ какой мѣрѣ участвуютъ въ нихъ содержанія мѣстныхъ крестьянскія общества и т. п. Но при этомъ я такъ увлекся Вашею книгою, что прочелъ ее отъ доски до доски, почти въ одинъ присѣсть. Книга Ваша вдохновляетъ одинаковый интересъ во всѣхъ тѣхъ, которые относятся съ участіемъ къ дѣлу народнаго образованія; и, въ виду удовлетворенія желанія многихъ лицъ познакомиться съ нимъ, я рѣшаюсь просить Васъ выслать мнѣ хотя по 3 или по 4 экземпляра обоихъ Вашихъ докладовъ. Смѣю надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ этомъ въ виду того, что Вы этимъ путемъ можете вызвать и подражателей Вашей плодотворной дѣятельности.

Въ заключеніе прошу Васъ извинить меня за нескромность и моей посыпки, и моей просьбы, и привѣтъ увѣреніе въ искреннѣмъ къ Вамъ уваженіи и сочувствіи

2 января 1871 г.

Москва.

Преданного Вамъ

П. Васильчикова.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Въ мартѣ прошедшаго 1871 года нѣсколько предсѣдателей губернскихъ управъ и членовъ всѣхъ различныхъ губерній собрались въ Москвѣ для взаимного обмѣна мыслей относительно предоставленного тогда на обсужденіе

віе земства вопроса о податной реформѣ. Результатъ подобнаго случайного съѣзда оказался дотого удовлетворительнымъ, что условлено было присутствовавшими лицами съѣхаться вновь въ концѣ минувшаго великаго поста, при чёмъ предметомъ будущаго совѣщанія назначены были вопросы: о народномъ образованіи, о земскомъ страховани и о народномъ кредитѣ. Но затѣмъ приближеніе политехнической выставки возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе соединить взаимный обмѣнъ мыслей по указаннымъ вопросамъ съ посвѣщеніемъ выставки, и, вслѣдствіе того, окончательно состоялось соглашеніе съѣхаться въ Москвѣ 27 іюня, при чёмъ предложены, какъ предметъ обсужденія, еще нижеслѣдующіе вопросы: устройство всесословныхъ волостей, мѣры противъ чумы рогатаго скота, опредѣленіе отношеній земства къ городамъ и участіе земства въ устройствѣ почтовой гоньбы. На случай, если бы Вы пожелали принять участіе въ означенному совѣщанію, имѣю честь уведомить Васъ, что предполагается собраться въ первый разъ 27 сего іюля вечеромъ, и что о мѣстѣ собранія можно будетъ узнать утромъ того же дня въ Московской губернскѣй управѣ, въ Денежномъ переулкѣ, у церкви Покрова въ Левшинѣ, въ домѣ Роговичъ. Вообще, весьма желательно было бы воспользоваться при этомъ присутствиемъ возможно большаго числа мѣстныхъ гласныхъ, специально занимающихся вышеисчисленными вопросами.

Пользуюсь синѣ слушаемъ, чтобы выразить Вамъ совершенное уваженіе, съ коимъ я имѣю честь быть Вашимъ, Милостивымъ Государемъ,

покорнымъ слугой

П. Васильчиковъ.

Іюня 3, 1872 г.

Москва.

Петербургъ, 28 октября.

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ.

Прочитавши отчетъ Вашъ за 18⁶⁷/₇₀ годъ и изучавши превосходное сочиненіе Ваше „Русская начальная школа“, я не могу воздержаться отъ выраженія моей глубокой признательности за неоцѣняемое наставление, какое Вы доставили всѣмъ намъ, неопытнымъ и неумѣльмъ дѣятелямъ земства. Каждый изъ насъ, если въ немъ есть хоть капля сочувствія къ начальникамъ, Вамъ проповѣдуюмы и словомъ и дѣломъ, долженъ неотступно съѣдовывать по начертанному Вами пути и благословлять судьбу, что на Русской землѣ есть доблестный поборникъ святаго дѣла, единствующій служить намъ, хотя и недослыхаемымъ, но руководящимъ примѣромъ. Извините, баронъ, что не будучи съ Вами знакомымъ, я рѣшился утруждать Васъ настоащимъ письмомъ, но вѣрюте, что общеніе съ Вами сдѣжалось для меня необходимую потребностью. Не откажите мнѣ въ нравственной поддержкѣ и дальнѣйшихъ совѣтахъ на поприщѣ, на которомъ я уже три года тружусь почти бесплодно и на которомъ Вы достигаете такихъ результатовъ, что мы по велиѣ должны прийти къ убѣждѣнію въ своей полной несостоительности. Къ несчастію, отъ Лебедяни, Тамбовской губерніи, до Александровска такое разстояніе, что иное общеніе, кроме письменнаго, врядъ ли можетъ

между нами установиться. Примите уверение совершенного уважения и превеличности, съ которыми имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга
и. Викторъ Васильчиковъ.

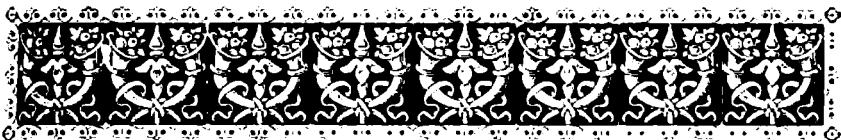
Тамбовской губ.
г. Липецкъ, село Трубетчино.

Такимъ образомъ, черезъ всѣ письма земскихъ дѣятелей сплошь проходитъ одинъ и тотъ же мотивъ: удивленіе къ почину барона Корфа, выраженіе ему благодарности и признательности за этотъ починъ и просьбы о совѣтѣ, указаніи, руководствѣ, разъясненіи и проч. Въ этомъ отношеніи баронъ Корфъ занимаетъ безусловно единственное мѣсто среди всѣхъ другихъ, наиболѣе заслуженныхъ даже, нашихъ общественныхъ дѣятелей.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)





КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина¹⁾.

1.

Прибытие Кутузова.—Бородинское сражение.—Оставление Москвы.—Фланговый марш съ Коломенской дороги на Калужскую.—Дѣла при Чирковѣ, Вороновѣ и Спасскомъ.



лагодаря признаннымъ дарованиямъ старика Кутузова, общественное мнѣніе давно уже указывало на него, какъ на единственного человѣка, способнаго вывести государство изъ того критического положенія, въ которомъ оно тогда находилось. Прибытие Кутузова въ армию произвело удивительное впечатлѣніе. Всѣ раздоры, всѣ интриги смолкли предъ неограниченной властью, которую онъ былъ облечень. Его лѣта, то обстоятельство, что онъ былъ русскій, его прежнія многочисленныя заслуги, его имя, столько разъ связанное съ побѣдою, — все внушило къ нему уваженіе и любовь, доказательства которыхъ солдаты проявили къ нему самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Сверхъ того, были слишкомъ недовольны Барклаемъ для того, чтобы не быть въ восхищении отъ событія, лишавшаго его всякаго влиянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Однако, возложенная на Кутузова задача была чрезвычайно затруднительна. Онъ нашелъ армию уже въ 180 верстахъ отъ Москвы. Не было уже болѣе времени помышлять о принятіи другой операционной линіи. Только одно сраженіе могло спасти древнюю столицу, но численное превосходство непріятеля не предвѣщало намъ побѣды. Быть можетъ, было

¹⁾ Переводъ съ неизданной французской рукописи.

бы выгоднѣе покинуть Москву безъ боя; мы каждый день ожидали подкрѣпленій; сплы же непріателя, истощаемыя ежедневными потерями, пополнять которыхъ препятствовала ему отдаленность отъ его базы, въ то же время постепенно таяли. Едва французы прошли Смоленскъ, какъ война приняла народный характеръ, чтѣ ужь заставляло предвидѣть уничтоженіе Наполеоновскихъ полчищъ. Бездѣ при приближеніи непріателя крестьяне покидали свои дома; уничтожали запасы, которые не могли увезти съ собою, нападали на одиночныхъ солдатъ и на маленькие отряды, отдѣлявшіеся отъ главной арміи, и убивали всѣхъ тѣхъ, кто попадалъ имъ въ руки. Было очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ намъ было какъ нельзя болѣе выгодно по возможности затягивать войну; принимая же сраженіе, мы бы дѣйствовали лишь къ выгодѣ Наполеона. Но съ другой стороны пожертвованіе Москвою было настолько велико и ужасно и могло имѣть на умы такое рѣшительное вліяніе, что никогда не рѣшатся осуждать Кутузова за попытку испытать воинское счастіе прежде, чѣмъ рѣшиться на такую крайность. Тотъ, кто предложилъ бы отдать Москву безъ выстрѣла неизбѣжно, прослышилъ бы измѣнникомъ въ глазахъ всего народа.

Къ моему величайшему сожалѣнію, я не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ важныхъ событій, которыя ознаменовали первые дни командованія Кутузова. Я серьезно заболѣлъ. Усталость, испытанная мною въ Смоленскѣ, окончательно свалила меня съ ногъ. 19-го августа я принужденъ былъ покинуть армію, чтобы отправиться въ Москву лѣчиться. Однако, я разскажу послѣдовательно обо всемъ болѣе важномъ, что произошло въ арміи во время моего отсутствія.

Въ виду того, что окрестности Гжатска не представляли достаточно хорошихъ позицій для того, чтобы дать на нихъ сраженіе, армія совершили еще нѣсколько переходовъ по направлению къ Москвѣ. Онѣ остановились наконецъ на Бородинской позиції, близъ Можайска. Были получены значительныя подкрѣпленія. Генералъ Милорадовичъ привелъ отъ 15 до 18 тысячъ регулярныхъ войскъ, а генералъ графъ Марковъ 10 000 московского ополченія. Прибытие этихъ подкрѣпленій заставило рѣшиться на сраженіе.

Правый флангъ арміи опирался на рѣку Москву и былъ прикрытъ обрывистыми берегами Колочи; село Бородино находилось впереди центра; лѣвый же флангъ тянулся до села Семеновскаго. Этотъ лѣвый флангъ былъ самой слабой частью позиціи, почему его и укрѣпили нѣсколькими редутами, возведенными на возвышенности впереди Семеновскаго. Другіе редуты, расположенные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга впереди всего фронта арміи, прикрывали грозные батареи, которая защищали позицію. Но не хватило достаточно времени

для окончательного устройства этихъ батарей, и онъ не были обнесены ни штурмфалами, ни палисадами.

24-го августа французская армія показалась на возвышеностяхъ лѣваго берега Колочи. Наполеонъ, обозрѣвъ нашу позицію, рѣшилъ тотчасъ же атаковать нашъ лѣвый флангъ и далъ приказаніе королю Неаполитанскому перейти Колочу съ своею кавалерією и одною пѣхотною дивизією, чтобы поддержать князя Понятовскаго, который съ своимъ корпусомъ направлялся къ Семеновскому по правому берегу Колочи. Атака началась въ четыре часа по полудни. Князь Багратіонъ со 2-ою арміею защищалъ позицію; несмотря на упорное сопротивленіе, оказанное имъ французамъ, эти послѣдніе овладѣли редутами, находившимися впереди Семеновскаго. Къ вечеру огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ.

Послѣ того, какъ редуты крайняго лѣваго фланга остались въ рукахъ непріятеля, этотъ лѣвый флангъ оказался въ крайне опасномъ положеніи, а Наполеонъ получилъ возможность развернуть большую часть своихъ силъ на правомъ берегу Колочи. Кажется, что эти соображенія должны были привести нась къ рѣшенію покинуть позицію, но Кутузовъ уже рѣшился сдѣлать величайшія усилія, чтобы спасти столицу. Однако, онъ принялъ всевозможныя мѣры, чтобы обезпечить себя отъ опасности быть обойденнымъ съ своего лѣваго фланга. 27-ая пѣхотная дивизія была поставлена слѣва отъ села Семеновскаго, а самые резервы изъ кавалеріи и пѣхоты были расположены за лѣвымъ флангомъ. Еще лѣвѣе находились лѣса, чрезъ которые пролегала старая дорога изъ Смоленска въ Можайскъ; такъ какъ эта дорога была вѣсколько короче новой, то непріятель могъ воспользоваться ею, чтобы предупредить нась въ Можайскѣ. Чтобы помѣшать ему въ этомъ, главнокомандующій расположилъ на ней корпусъ генерала Тучкова, поддержаній 10.000 московскаго ополченія. Цѣпь легкой пѣхоты составила связь этого корпуса съ лѣвымъ флангомъ всей арміи.

День 25-го прошелъ въ незначительной перестрѣлкѣ въ лѣсу и кустарникахъ, занятыхъ отрядами легкой пѣхоты. Съ обѣихъ сторонъ приготовлялись къ бою, который долженъ былъ рѣшить участь Москвы.

Наконецъ, 26-го было дано сраженіе самое кровопролитное, какое только представляютъ лѣтописи современныхъ войнъ. 120.000 русскихъ защищали грозныя позиціи съ бѣшенствомъ отчаянія. Они сознавали, что имъ надлежало спасти свою столицу и отомстить за оскорблѣніе, которое наносило русскому имени непріятельское вторженіе. Съ другой стороны, Наполеонъ всегда представлялъ своимъ Москву, какъ конецъ и награду ихъ трудовъ; поэтому, въ своемъ нетерпѣніи поскорѣе достигнуть ея, французы твердо рѣшились пройти по тѣламъ всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы преградить имъ дорогу. Сверхъ того, они сильно разсчитывали на искусство стоявшаго во главѣ ихъ великаго полководца

и на свое значительное превосходство. Сила французской армии достигала до 180.000 воиновъ.

Въ пять часовъ утра первые пушечные выстрелы вызвали на-
чало сраженія, а спустя нѣкоторое время корпуса Даву и Нея пошли
въ атаку села Семеновскаго и редутовъ, находившихся между этимъ
селомъ и Колочею. Король Неаполитанскій съ своею кавалеріею поддер-
живалъ начавшія наступленіе войска. Съ обѣихъ сторонъ загрохотали
многочисленныя батареи съ такою силою, какой до тѣхъ поръ никогда
не видѣли примѣра. Непріятель овладѣлъ ретраншементами съ удиви-
тельною смѣлостію ¹). Русскіе прогнали ихъ изъ окоповъ, но французы
снова бросились въ атаку, и тогда началась ужасная свалка. Страшная
борьба мужества съ непреклонною настойчивостью завязалась между
обѣими арміями. Однако, численное превосходство непріятеля давало
ему слишкомъ дѣйствительное преимущество. Редуты, перейдя нѣсколько
разъ изъ рукъ въ руки, подъ конецъ остались во власти французовъ.
Въ два часа по полудни непріятель расположилъ свои войска на мѣстно-
сти, которую занималъ нашъ лѣвый флангъ. Съ этой минуты сраженіе стало
стихать, и до наступленія ночи съ обѣихъ сторонъ производилась лишь
пушечная пальба. На правомъ флангѣ и въ центрѣ нашей армии не
происходило ничего важнаго. Вице-король, командовавшій на лѣвомъ
берегу Колочи, удовольствовался тѣмъ, что выбилъ изъ села Бородина
нашихъ егерей, которыхъ мы тѣмъ менѣе могли поддержать, что сюда
это было отдано отъ нашей позиціи Колочею. Корпусъ Тучкова также
принялъ весьма незначительное участіе въ дѣлѣ. Князь Понятовскій,
который былъ посланъ въ эту сторону, не предпринялъ ничего серьез-
наго. Занимались только перестрѣлкою въ лѣсу. Войска провели ночь
на полѣ сраженія. Отступила лишь одна гвардія Наполеона, чтобы при-
крыть его стоянку, для которой онъ выбралъ Колоцкій монастырь.

Между тѣмъ въ нашей армии не были еще расположены уступить
побѣду, и князь Кутузовъ намѣревался на слѣдующій день возобновить
бой; но полученная въ теченіе ночи донесенія командировъ корпу-
совъ, указавъ на понесенную громадную потерю, поставили главноко-
мандинаго въ необходимость измѣнить свое мнѣніе—6-й, 7-й и 8-й
пѣхотные корпуса, совершенно раздавленные, находились въ состояніи
такого полнаго разстройства, что оно ставило ихъ въ положительную
невозможность сражаться. Къ тому же всѣ наши резервы были дви-

¹) Князь Багратіонъ, командовавшій на лѣвомъ флангѣ, увида, съ какою
рѣдкою стремительностію вообразились французы на брустверы редутовъ, не
могъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: б р а в о!—Какъ величественъ этотъ
великодушный порывъ человѣка съ возвышенной душою, который на самой
погрѣбальной бранѣ воздаетъ справедливость своимъ врагамъ!

нуты въ дѣло и также были сильно разстроены, между тѣмъ цѣлая французская императорская гвардія не выпустила ни одного ружейнаго выстрѣла и не понесла ни малѣйшей потери. Сверхъ того, непріятель, вытѣснивъ съ позиціи нашъ лѣвый флангъ, тѣмъ самымъ заставилъ насъ потерять все преимущество, которое предоставляло намъ выгодное расположение нашей позиції. Упорствовать при такихъ обстоятельствахъ въ оспариваніи поля сраженія значило подвергаться слишкомъ вѣроятной погибели, поэтому князь Кутузовъ приказалъ отступать къ Москвѣ. Непріятель, пораженный еще страшными потерями, которыми онъ заплатилъ за свою победу, лишь слабо насъ преслѣдовалъ.

Таково было это достопамятное Бородинское сраженіе, въ которомъ обѣ стороны дрались съ безпримѣрнымъ до того времени остервенѣніемъ. Сами французы, которые въ теченіе двадцати лѣтъ непрерывныхъ войнъ вполнѣ уже освоились съ сценами ужаса, сознавались, что никогда не видали болѣе ужаснаго зрѣлища. У русскихъ было 15.800 человѣкъ убитыхъ, болѣе 30.000 раненыхъ и около 2.000 взятыхъ въ пленъ. Генералъ графъ Кутайсовъ, командовавшій всему артиллерию, былъ убитъ. Генералы: Тучковъ, князь Горчаковъ, графъ Воронцовъ и Бахметьевъ были тяжело ранены, а генералъ Лихачевъ былъ взятъ въ пленъ. Но самую чувствительную потерю для арміи была потеря князя Багратіона, раненаго въ ногу. Рана, которую сначала не признали опасною, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ухудшалась и не замедлила лишить Россію одного изъ лучшихъ ея генераловъ. Онъ умеръ 12-го сентября во Владимирской губерніи. Со стороны французовъ оказалось 18.000 человѣкъ убитыхъ, а число взятыхъ въ пленъ достигало 1.000 человѣкъ слишкомъ. Полагаю, что я не слишкомъ ошибусь, если опредѣлю всю потерю французской арміи въ 60.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, считая въ этомъ числѣ и раненыхъ. Генералы графъ Монбрѣнъ, графъ Коленкуръ, Комперь, Плозонть, Маріонть и Гюаръ были убиты и большое число ранено. Генераль Бонами, раненый 35 ударами штыка, былъ взятъ въ пленъ. Съ обѣихъ сторонъ было взято нѣсколько пушекъ, но число ихъ не было значительно.

Мнѣ кажется, что Наполеонъ совершилъ ошибку, атаковавъ лѣвый флангъ главной арміи. Не поступиль ли бы онъ лучше, совершая лишь ложныя атаки на этотъ лѣвый флангъ съ тѣмъ, чтобы направить главную массу своихъ войскъ на старую Смоленскую дорогу противъ корпуса Тучкова? Можно сказать съ увѣренностью, что этотъ послѣдній не могъ бы долго сопротивляться главнымъ силамъ непріятеля, и тогда наша армія была бы вынуждена покинуть позицію; если же она стала бы упорствовать на ея сохраненіи, то гибель ея сдѣлалась бы неизбѣжною. Въ самомъ дѣлѣ, непріятель, живо преслѣдуя Тучкова, могъ выйти на большую дорогу, въ тылъ напрѣдѣ арміи, которая такимъ образомъ ока-

залась бы отрѣзаною отъ Можайска и отброшеною, какъ бы въ западню, между рѣками Москвою и Колочею—ужасное положеніе, въ которомъ вся армія неизбѣжно подверглась бы полному уничтоженію. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Наполеонъ находился въ странѣ, которая была ему совершенно незнакома; у него не было картъ и никакихъ средствъ, чтобы достать себѣ надежныхъ приводниковъ; поэтому онъ почти никогда и не отваживался уклоняться въ сторону отъ большой дороги. Можно было бы также упрекнуть князя Кутузова за привлѣченіе сраженія въ томъ положеніи, когда флангъ былъ уже обнаженъ вслѣдствіе потери редутовъ впереди Семеновскаго. Чтобы отвратить эту невыгоду, кажется было бы болѣе подходящимъ перейти въ наступленіе съ 25-го еще августа; но я думаю, что Кутузовъ совершенно справедливо предполагалъ, что наши войска не были еще достаточно искусны въ маневрированіи, что наши генералы не умѣли еще управлять большими массами и что, вслѣдствіе этихъ причинъ, въ нашихъ наступленіяхъ оказалась бы несвязность, которой непріятель не замедлилъ бы воспользоваться, чтобы возобновить сцены, происходившіе подъ Аустерлицомъ. По моему мнѣнію, Бородинская позиція была дурно выбрана. Хотя на видъ и очень сильная, въ сущности она заключала въ себѣ много недостатковъ. Мы уже видѣли, что на своемъ лѣвомъ флангѣ она была доступна обходу по старой Смоленской дорогѣ и что для того, чтобы отстранить это страшное удобство, вынуждены были совершенно отдалить отъ позиціи цѣлый значительный корпусъ. Съ другой стороны, весь правый флангъ былъ парализованъ, и такимъ образомъ половина арміи не приняла участія въ дѣлѣ. Этотъ правый флангъ, расположенный слишкомъ выгодно для того, чтобы быть атакованнымъ, также не могъ предпринять ничего серьезнаго противъ непріятеля. Если предположить, что наше правое крыло перешло бы Колочу и что французы не оказались бы въ состояніи воспрепятствовать его успѣхамъ, то вице-король отступилъ бы тогда на селеніе Алексино, перешель бы около него обратно Колочу и здѣсь, въ случаѣ необходимости, былъ бы даже поддержанъ Наполеоновскою гвардіею. Ясно, что нашъ правый флангъ не могъ сколько-нибудь разумно лѣстить себя надеждою распространить еще далѣе свои успѣхи, которые не привели бы ни къ чому, такъ какъ они не помѣшили бы разбитію лѣваго крыла, и тогда войска праваго фланга очутились бы въ необходимости послѣдично отступить, чтобы не быть отрѣзанными отъ Можайска. Эти соображенія заставляютъ меня предполагать, что лучше бы сдѣлали, если бы послѣдовали совѣту генерала Бенигсена, который предлагалъ упереть правый флангъ о большую дорогу и оврагъ близъ деревни Горки, а лѣвое крыло протянуть почти до корпуса Тучкова. Такимъ образомъ оборона старой дороги была бы

связана съ обороною позиціи. Что касается до праваго фланга, то за него нечего было опасаться: непріятель никогда не отважился бы перейти Колочу потому, что онъ рисковалъ быть запертымъ между нашею арміею и реками Москвою и Колочею.

Очевидцы этого дня утверждаютъ, что бездѣятельность генерала Тучкова много способствовала потерѣ сраженія. Дѣйствительно, кажется, что Тучковъ могъ убѣдиться по слабости атаки Понятовскаго, что французы съ этой стороны не были особенно сильны, долженъ былъ оставить нѣсколько отрядовъ для охраны старой Смоленской дороги, а съ остальными своимъ корпусомъ направиться прямо къ селу Семеновскому, чтобы атаковать во флангъ правое крыло французской арміи. Эта атака, произведенная въ-время, могла имѣть важныя послѣдствія и, быть можетъ, могла бы даже решить победу въ нашу пользу. Но Тучковъ не воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ. Повинуясь старинной непріязни противъ князя Багратіона, онъ не захотѣлъ присоединиться къ главной арміи, чтобы не очутиться подъ начальствомъ Багратіона, который командовалъ всѣмъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи. Я воздержусь отъ всякихъ размышленій объ этомъ прискорбномъ событіи. Тучковъ былъ русскій. Но отечество не проститъ ли его памяти страшные укоры, которые совѣсть должна была ему дѣлать изъуваженія къ его прежнимъ заслугамъ, и въ особенности въ виду его смерти, причиненной раною, полученною имъ въ этомъ самомъ сраженіи, въ которомъ онъ имѣлъ несчастіе забыть на одно мгновеніе о своемъ долгѣ?

Отъ Можайска армія Наполеона шла тремя колоннами. 28-го Понятовскій съ правою изъ нихъ находился въ Оминскомъ, на большой дорогѣ изъ Калуги въ Москву; вице-король со лѣвою колонною былъ въ Рузѣ, а король Неаполитанскій съ авангардомъ средней колонны въ Кубинскомъ, на большой дорогѣ изъ Можайска въ Москву.—19-го непріятель сильно тѣсnilъ нашъ арьергардъ, что послужило причиной довольно жаркаго дѣла, въ которомъ потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны.

Немного оправившись отъ своей болѣзни, я присоединился къ арміи 30-го. Въ Москвѣ всѣ были убѣждены, что подъ Бородинымъ мы выиграли сраженіе и что наши войска преслѣдуютъ непріятеля, по направленію къ Гжатску; поэтому мое изумленіе было чрезвычайно, когда я нашелъ главную квартиру въ селѣ Вяземѣ, въ 37 верстахъ отъ Москвы 30-го, во вниманіе дня тезоименитства императора Александра, французы не производили непріязненныхъ дѣйствій, и ни одного ружейнаго выстрѣла не раздалось на аванпостахъ.

31-го русская армія расположилась бивуаками въ двухъ верстахъ отъ Москвы, на Поклонной горѣ, у Дорогомиловской заставы. Здѣсь было

построено нѣсколько ретраншаментовъ, чтѣ заставило предполагать, что дадутъ еще новое сраженіе прежде, чѣмъ допустить французовъ войти въ Москву. 1-го сентября вечеромъ, въ главной квартирѣ былъ военный совѣтъ. Беннигсенъ предложилъ идти на встрѣчу непріятелю и дать ему сраженіе. Но можно ли было льстить себѣ надеждою одержать побѣду съ арміею, совершенно разстроеною и численность которой простиралась лишь до 60.000 человѣкъ? И въ случаѣ весьма вѣроятнаго пораженія не обратилась ли бы Москва въ могилу для всей нашей арміи, вынужденной въ своемъ отступлѣніи слѣдоватъ по узкимъ улицамъ города? Шансы были слишкомъ невыгодны для того, чтобы благородный Кутузовъ рѣшился попытать счастія. Въ виду того, что для спасенія отечества сохраненіе арміи было важнѣе, чѣмъ сохраненіе столицы, очищеніе ея было рѣшено. Тогда дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы рѣшить, какую дорогу должна была избрать армія по выходѣ изъ Москвы. Барклай, который никогда ничего другаго не зналъ, какъ идти прямо назадъ, предложилъ избрать Владимирускую дорогу, вѣроятно, для того, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Камчатки и чтобы имѣть полную свободу предаться своей излюбленной склонности къ перпендикулярнымъ отступлѣніямъ, которую въ такомъ случаѣ онъ могъ бы исполнить безъ затрудненія вплоть до глубины Азіи. Другія лица желали, чтобы направились на Тверь съ цѣллю прикрыть Петербургъ. Для Россіи является счастіемъ, что ни одно изъ этихъ смѣшныхъ предложеній не было принято. Князь Кутузовъ понялъ, что самое существенное заключалось въ томъ, чтобы позаботиться о прикрытии южныхъ губерній, какъ самыхъ плодородныхъ и, не имѣя возможности направиться по Калужской или Тульской дорогамъ, которая непріятель могъ легко ему загородить, онъ рѣшился выйти чрезъ Коломенскую заставу. Весьма вѣроятно, что уже съ этой минуты онъ обдумывалъ тотъ величественный переходъ, который онъ исполнилъ нѣсколько дней спустя и который положилъ конецъ бѣдствіямъ Россіи.

2-го сентября наступилъ тотъ злополучный день, о которомъ та-
гостное воспоминаніе заставляетъ еще трепетать истинно-русскія сердца. Съ самого ранняго утра войска выступили въ походъ, чтобы пройти городъ. Легко можно вообразить себѣ уныніе, овладѣвшее всѣми умами, когда узнали, что столица будетъ отдана непріятелю. Я послѣднію отправился, чтобы самому разграбить домъ моего отца. Я приказалъ уничтожить все, чего не могъ увезти изъ него съ собою. Сдѣлавъ всѣ необходимыя по этому дѣлу распоряженія, я отправился къ Яузскому мосту, у котораго и соединился съ колоннами арміи. Мрачная тишина царствовала во всѣмъ городѣ. Во всѣхъ домахъ ставни были заперты, и на улицахъ встрѣчались лишь немногія лица, которыхъ спѣшили бѣжать, унося съ собою все, что было у нихъ болѣе драгоцѣннаго. Дви-

женіе армії также скорѣе имѣло видъ похороннаго шествія, чѣмъ военнаго марша. Угрюмый и угнетенный видъ войска достаточно показывалъ, насколько они были разстроены жестокою необходимостю оставить непріятелю древнюю Москву, которую они привыкли почитать душою русской имперіи. Въ рядахъ офицеровъ и солдатъ было можно видѣть многихъ, плакавшихъ отъ бѣшенства.

Не успѣли еще всѣ войска выйти изъ города, какъ у Дорогомиловской заставы показался король Неаполитанскій съ французскимъ авангардомъ и приготовился преслѣдоввать насъ. Готовившееся завязаться на улицахъ Москвы сраженіе могло привести къ совершенному уничтоженію нашего арьергарда; поэтому генераль Милорадовичъ рѣшился послать парламентера къ королю Неаполитанскому, чтобы объявить ему, что если французы нападутъ на него въ то время, когда онъ будетъ проходить городомъ, то онъ рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности и похоронить себя подъ развалинами города, который онъ немедленно прикажетъ поджечь. Эта угроза повела къ переговорамъ; послѣдствіемъ ихъ явилась конвенція, по которой король Неаполитанскій обязался не беспокоить выхода русскихъ изъ Москвы. Было даже условлено, что всѣ лица, принадлежавшія къ армії, равно какъ и весь военный багажъ, который французы нашли бы еще въ городѣ, имѣли право свободнаго выхода до 7 часовъ вечера. Это соглашеніе, честь котораго всецѣло принадлежитъ генералу Милорадовичу, оказалось весьма выгоднымъ для русской арміи, которая при поспѣшномъ очищении Москвы рисковала потерять большую часть своего обоза.

Въ этотъ самый день армія стѣлала пятнадцать верстъ по Коломенской дорогѣ. Главная квартира была въ Панкахъ. Корпусъ генерала Раевскаго составилъ арьергардъ арміи, а генераль Васильчиковъ получилъ командованіе надъ аванпостами. Мы расположились въ деревнѣ Вазовкѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы. Слѣдующій день прошелъ для насъ спокойно, исключая нѣсколькихъ минутъ бѣшенства, которое мы испытывали, услыхавъ пушечную пальбу, возвѣстившую вступление Наполеона въ Кремль. Въ городѣ начали показываться уже пожары; 4-го уже числа отъ сильно поднявшагося вѣтра огонь распространился съ невѣроятною силою, и въ самое короткое время весь городъ былъ въ пламени. Пожаръ продолжался нѣсколько дней, не прерываясь, несмотря на всѣ старанія французы потушить его. Большая часть города была превращена въ пепель. Изъ одиннадцати тысячъ составлявшихъ его домовъ уцѣлѣло лишь четыре тысячи. Не задолго передъ войною генераль графъ Ростопчинъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ. Въ продолженіе всей войны онъ умѣлъ убѣрощать волненіе черни, которую бѣдствія войны приводили въ отчаяніе. Болѣе ревностный гражданинъ, чѣмъ воинъ, графъ Ростоп-

чинъ вѣрилъ въ возможность защищать городъ шагъ за шагомъ и принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы воспламенить жителей величодушнымъ желаніемъ помогать въ этомъ отношеніи усиленіемъ армії. Рѣшеніе князя Кутузова очистить Москву было для его патріотической души громовымъ ударомъ. Но даже и въ эту минуту онъ не пренебрѣгъ ни малѣйшимъ средствомъ, остававшимся въ его распоряженіи, чтобы еще послужить родинѣ. Не имѣя уже возможности сдѣлать что-либо для спасенія порученнаго его заботамъ города, графъ Ростопчинъ рѣшился употребить въ пользу потерю Москвы, разоривъ ее въ конецъ. Этотъ планъ, достойный Сцеволы, былъ выполненъ съ болѣшимъ искусствомъ. Пока войска наши находились въ городе, невозможно было поджечь его, не повредивъ нашему отступленію. Но во многихъ домахъ были сложены горючіе материалы, а въ городѣ былъ разсѣянъ цѣлый отрядъ поджигателей, состоявшихъ на жалованіи и руководимыхъ нѣсколькими офицерами прежней московской полиціи, которые остались въ городѣ переодѣтыми. Ростопчинъ принялъ даже осторожность увезти съ собою пожарные трубы и другія вспомогательныя орудія для тушенія пожаровъ. Двадцать четыре часа спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву, огонь былъ подложенъ одновременно въ такомъ большомъ числѣ различныхъ пунктовъ, что большая часть города была охвачена пламенемъ.

Уничтоженіе Москвы было для Россіи событіемъ чрезвычайно благопріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря ему, Наполеонъ лишился средствъ, которыя онъ надѣлся найти въ Москвѣ. Къ тому же, разъ столица была уничтожена, то предложенія какихъ бы то ни было боязливыхъ рѣшений не могли уже имѣть мѣста. Тѣ, которые склонялись на миръ, чтобы сохранить сокровища Москвы, прида въ отчаяніе отъ ихъ потери, не могли уже болѣе помышлять ни о чёмъ иномъ, какъ только о мщениі. Столь важная, столь неслыханная жертва, какъ пожертвованіе столицы, достаточно высказывала энергию правительства, рѣшившагосяскорѣе принести всевозможная жертвы, чѣмъ покориться постыдному игу. Это рѣшеніе, выраженное такимъ блестательнымъ образомъ, возвышающее мужество русскихъ, въ то же время неизбѣжно должно было ослабить мужество непріятеля. Наполеонъ, направляя всѣ свои усиленія противъ Москвы, разсчитывалъ поразить тѣмъ Россію въ самое сердце, ибо почиталъ ее уже приведеною въ полнѣйший упадокъ взятиемъ ея древней столицы. Каково же должно было быть его бѣшенство, когда онъ увидѣлъ, что русскіе не придавали ей другаго значенія, какъ лишь громадной грудѣ камня, съ которою судьба Россіи нисколько не была связана, и что они готовились къ войнѣ съ небывалымъ еще усердіемъ? Съ этой минуты онъ долженъ былъ уже предчувствовать тѣ ужасныя бѣдствія, которыхъ ожидали его впереди. Къ тому же, такъ

какъ Москва начала горѣть лишь на другой день послѣ вступленія въ нее французовъ, представлялось легко убѣдить простой народъ въ томъ, что это непріятель поджегъ ее. Это мнѣніе, раздражая сельское населеніе, придало болѣе рѣшительный характеръ народной войнѣ, которая возгорѣлась въ тылу французской арміи.

4-го сентября наша армія покинула свой лагерь при Панкахъ, переправилась чрезъ Москву-рѣку по Боровскому мосту и заняла позицію на правомъ берегу рѣки Москвы. Главная квартира расположилась въ селѣ Куликовѣ. Въ тотъ же день генераль Себастіані, который командовалъ непріятельскими аванпостами, прислалъ къ намъ парламентера объявить намъ, что онъ получилъ приказаніе завладѣть возвышенностью, которую мы занимали и которая господствовала надъ всею равниной, простиравшеюся вплоть до самой Москвы, и что, во избѣженіе безполезного пролитія крови, онъ предлагаетъ намъ уступить ему эту возвышенность безъ боя. Въ виду того, что отступленіе нашей арміи вынуждало насъ отходить далѣе, то мы и приняли предложеніе непріятельского генерала. Но французы желали имѣть эту возвышенность лишь для того, чтобы скрыть отъ насъ движеніе своего авангарда, и лишь только они заняли эту возвышенность, какъ начали сильно тѣснить насъ. Генераль Раевскій, съ пѣхотою нашего арьергарда, уже послѣдовавъ за движеніемъ нашей арміи, и у генерала Васильчикова оставались лишь кавалерія, да около двѣнадцати орудій. Съ полуночи до вечера мы отставали шагъ за шагомъ мѣстность, начиная отъ деревни Вязовки, у которой началось дѣло, до села Панки, которымъ французы овладѣли лишь съ закатомъ солнца. Наши аванпосты провели ночь въ Жилинѣ, и главная часть арьергарда — въ Островцахъ.

Князь Кутузовъ рѣшилъ свернуть влѣво, чтобы приблизиться къ Смоленской дорогѣ и, следовательно, получить возможность преградить эту единственную операционную линію французской арміи. Эта планъ, указывающій на необыкновенную военную проницательность главнокомандующаго, былъ выполненъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Два перехода, совершенные по Коломенской дорогѣ, послужили къ тому, что явели въ обманъ непріятеля, который вообразилъ, что мы намѣрены снова перейти Оку. 5-го, съ ранняго утра, войска снова выступили въ походъ, и колонны, совершая лѣво-фланговый поворотъ, поднялись на правый берегъ рѣки Пахры, которая прикрывала это фланговое движение. Армія провела ночь на дорогѣ изъ Москвы въ Каширу. Пѣхота арьергарда оставалась цѣлый день на правомъ берегу рѣки Москвы, на возвышеностяхъ Боровскаго моста, между тѣмъ какъ кавалерія развлекала непріятеля незначительною стычкою на лѣвомъ берегу рѣки Москвы. Ночью эта кавалерія перешла также рѣку и раз-

*

рушила мостъ, послѣ чего весь арьергардъ направился по дорогѣ, по которой слѣдовала армія. По Коломенской дорогѣ оставили лишь два казачьихъ полка подъ начальствомъ полковника Ефремова. 6-го войска продолжали подниматься вдоль по рѣкѣ Пахрѣ, армія стала бивуакомъ на дорогѣ изъ Москвы въ Тулу; главная квартира расположилась въ селѣ Кутузовѣ. Арьергардъ былъ расположенъ въ городѣ Подольскѣ, на Пахрѣ. Эти два фланговые перехода, исполненные на глазахъ у непріятеля, представляли весьма опасную операцию, которую армія совершила сть полнымъ спокойствіемъ. Этимъ она была обязана генералу Васильчикову, который маневрировалъ съ рѣдкою точностью. Онъ успѣлъ настолько скрыть эти движенія отъ французовъ, что въ теченіе трехъ дней они не имѣли о нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Генераль Себастьяни, съ своимъ авангардомъ, гнался за двумя полками Ефремова вплоть до города Бронницъ, постоянно воображая, что онъ слѣдуетъ по слѣдамъ главной арміи. 8-го армія еще продолжала движеніе по Пахрѣ; она расположилась на старой дорогѣ изъ Москвы въ Калугу; главная квартира расположилась въ селѣ Красной Пахрѣ. Авантгардъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Милорадовича и расположенный въ селеніи Деснѣ, прикрывалъ фронтъ арміи, правый флангъ которой былъ защищаемъ позиціею资料 our арьергарда, бывшаго подъ командою генераловъ Раевскаго и Васильчикова и находившагося въ селѣ Луковиѣ, близъ впаденія рѣки Десны въ рѣку Пахру. Этотъ послѣдній переходъ совершилъ прекрасное круговое движеніе, которое наша армія описала вокругъ Москвы. Съ этой минуты, единственное сообщеніе непріятеля по Смоленской дорогѣ оказалось прегражденнымъ нашими партиями, которая, поддержанная нашою арміею, наводняли всю эту дорогу. Опирая нашу операционную линію на Калугу, мы выигрывали еще и въ томъ отношеніи, что получали возможность пользоваться обширными запасами, которые были собраны въ этомъ городѣ во время пребыванія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Смоленска.

Междудѣмъ непріятель, одумавшись, наконецъ, и прекративъ свои бесполезныя преслѣдованія по Коломенской дорогѣ, повернулся въ нашу сторону. 11-го сентября король Неаполитанскій показался въ окрестностяхъ Подольска. Въ тотъ же день нашъ арьергардъ покинулъ Луковиѣ, чтобы занять позицію въ двухъ верстахъ оттуда, въ селѣ Поливановѣ, въ которомъ находился мостъ чрезъ Пахру, что давало намъ возможность слѣдить одновременно сть болѣшимъ вниманіемъ за обеими берегами этой рѣки. 13-го непріятель занялъ селеніе Дубровицу и разсыпался по лѣвому берегу Десны, въ то время, какъ другія его колонны, выступившія изъ Подольска, появились на правомъ берегу Пахры и показывали видъ, что будто направляются на арьергардъ нашего праваго крыла по дорогѣ, которая ве-

деть изъ Подольска въ село Чириково, расположеннное почти на самой большой дорогѣ и въ пяти верстахъ позади Красной Пахры. Генераль Раевскій, сознавая необходимость занять эту дорогу, чтобы прикрыть сообщенія съ арміею, отдѣлилъ генерала Паскевича съ одвою пѣхотною дивизіею и съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Паскевичъ перешелъ Пахру въ Поливановѣ и направился къ селу Троицкому, въ окрестностяхъ которого встрѣтился съ графомъ Остерманомъ, которого князь Кутузовъ, самъ беспокоившійся за свои сообщенія, только-что отдѣлилъ съ его корпусомъ отъ арміи на эту же самую дорогу въ Чириково. Паскевичъ тотчасъ же отправилъ одного офицера къ генералу Раевскому съ извѣщеніемъ о своемъ соединеніи съ корпусомъ Остермана; но вслѣдствіе того, что офицеръ этотъ заблудился, мы были нѣсколько часовъ въ страшномъ безпокойствіи насчетъ этого отряда, который мы предполагали уже попавшимся въ середину непріятельской арміи. Тѣмъ временемъ Раевскій получилъ изъ главной квартиры приказаніе присоединиться къ арміи на позиціи у Красной Пахры. Вслѣдствіе этого приказанія, мы отступили и притомъ медленно, такъ какъ непріятель нисколько не тѣснилъ настъ. Въ то время, какъ совершалось это отступленіе, я отправился сѣдѣть объѣздъ нашихъ аванпостовъ, которые я нашелъ, по-прежнему, на своихъ мѣстахъ, то-есть, на лѣвомъ берегу Пахры, начиная отъ села Поливанова до устья Десны, а отсюда вдоль праваго берега Десны, кончая аванпостами генерала Милорадовича. Непріятель въ значительныхъ силахъ сталъ показываться на правомъ берегу Пахры. Окончивъ мой объѣздъ, я присоединился къ нашему корпусу, который, пройдя три или четыре версты, остановился близъ селенія Пыхчева въ силу полученной въ мое отсутствіе генераломъ Раевскимъ отмѣны первоначального приказанія. Этотъ генераль, узнавъ, что я только-что совершилъ осмотръ аванпостовъ, попросилъ меня самому отправиться въ главную квартиру, чтобы отдать тамъ отчетъ о ихъ положеніи. Прибывъ въ Красную Пахру, я явился дежурному генералу Коновницыну, который началъ съ того, что спросилъ меня, какія соображенія заставили настъ отступить отъ Поливанова. Я отвѣтилъ ему, что генераль Раевскій совершилъ это отступленіе лишь послѣ положительного приказанія, полученнаго имъ отъ его имени.

— Это странно, сказалъ мнѣ Коновницынъ, я никогда не отдавалъ подобнаго приказанія; но, можетъ быть, это ошибка, сдѣланная въ моей канцеляріи. Впрочемъ, такъ какъ мы знаемъ теперь, какъ произошло дѣло, то въ этомъ, признаюсь вамъ, большой бѣды нѣтъ; совсѣмъ тѣмъ мы провели здѣсь нѣсколько тревожныхъ минутъ, благодаря вашему отступленію. Здѣсь уже вообразили, что вы приведете за собою многочислен-

наго непріятеля, который принудилъ васъ покинуть вашу позицію.

Затѣмъ Коновницынъ пошелъ доложить обо мнѣ фельдмаршалу Кутузову ¹), который приказалъ привезти меня въ свой кабинетъ, где былъ собранъ въ это время военный совѣтъ, состоявшій изъ генераловъ Беннигсена и Барклая-де-Толли, генераль-квартирмейстера Толя и полковника князя Кудашева, зятя главнокомандующаго. Князь Кудашевъ прежде всего заставилъ меня объяснить ему положеніе нашихъ аванпостовъ, а равно и непріятельскихъ войскъ, послѣ чего начали разсуждать о томъ, что надлежало намъ дѣлать. На замѣчаніе кого-то, что мы рискуемъ быть обойденными, фельдмаршалъ отвѣтилъ:

— Дѣло идетъ уже не отомъ, чтобы узнать, будемъ ли мы обойдены; ясно, что мы обойдены уже. Въ настоащее время намъ необходимо принять мѣры, чтобы не быть отрѣзанными ²).

Тутъ Барклай предложилъ отвести армію по направлению къ Калугѣ и спросилъ у Толя, не имѣется ли для занятія какой хорошей позиціи позади Чирикова. Генераль-квартирмейстеръ отвѣчалъ, что онъ уже изслѣдовалъ всю мѣстность до Воронова, но что тамъ нѣтъ ни одной позиціи, на которой можно было бы удержаться.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Барклай, — отступимъ еще далѣе ³).

До этого времени совѣщеніе происходило съ большими спокойствіемъ и вполнѣ благопристойно, но предложеніе Барклая раздражило Беннигсена; въ порывѣ гнѣва, онъ вскочилъ съ своего стула и сталъ прохаживаться по комнатѣ своими длинными ногами, плюя, какъ никогда, и постоянно повторяя:

— Еще отступать, всегда отступать; хорошо известно, что господинъ Барклай очень любитъ отступленія ⁴).

По взбѣщенному виду Беннигсена я подумалъ, что онъ поколотить бѣднаго Барклая, который, совершенно ошеломленный его выходкою, принялъ еще болѣе растерянную позу, чѣмъ обыкновенно, и состроилъ такую жалкую и несчастную физіономію, что возбудилъ во мнѣ сожалѣ-

¹) Кутузовъ былъ возведенъ въ фельдмаршала за Бородинское сраженіе, которое онъ искусно скрыть выдать за побѣду.

²) Il ne s'agit plus de savoir si nous serons toujours tournés; il est clair que nous le sommes déjà. Maintenant il nous faut prendre des mesures pour ne pas être coupés.

³) Eh bien! retirons nous plus loin.

⁴) Encore se retirer, toujours se retirer, on sait bien que monsieur Barklay aime beaucoup les retraites.

шіе. Онь нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобы говоритьъ, но постоянно могъ только произнести: Ваше превосходительство... Беннигсентъ всякий разъ прерывалъ его цѣлымъ потокомъ браніи. Наконецъ фельдмаршаль, наскучивши этой сценой, рѣшилъ положить ей конецъ. Заморгавъ своимъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ, онъ сказалъ Беннигсену:

— Зачѣмъ вы горячитесь, любезный генералъ. Вы знаете, какъ я васъ люблю и уважаю. Вамъ стоитъ только высказать намъ ваше мнѣніе, и мы съ нимъ согласимся¹⁾.

Немногого смягченный, Беннигсентъ подошелъ къ столу, но, возвращаясь къ своему мѣсту и проходя мимо Барклая, онъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать ему еще:

— Что, отступать! Я думаю, что вы очень недовольны, генералъ, что у васъ нѣтъ еще другой Москвы, которую можно было бы отдать непріятелю²⁾.

Получивъ отъ фельдмаршала вновь приглашеніе высказать свое мнѣніе, Беннигсентъ предложилъ дать сраженіе непріятелю.

— Вотъ что хорошо, такъ хорошо,—возразилъ фельдмаршаль.—Все, что вы говорите, такъ разумно, что ничего другаго не остается, какъ всегда соглашаться съ вашимъ мнѣніемъ. Ну-съ, господинъ Толь, сдѣлайте ваши распоряженія, согласно приказаніямъ генерала³⁾.

Въ четверть часа была составлена диспозиція. Генералъ Милорадовичъ, находившійся съ 8-мъ пѣхотнымъ корпусомъ на Деснѣ, и Раевскій съ своимъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ должны были отступить къ Красной Пахрѣ, чтобы здѣсь совокупными силами защищать проходъ съ Пахры на большую Московскую дорогу въ то время, какъ главная армія, покинувъ свою позицію у Красной Пахры, спустится по правому берегу Пахры, чтобы атаковать и отбросить къ Подольску всѣ непріятельскія войска, находившіяся на правомъ берегу Пахры. Движенія эти должны были произойти на слѣдующій день, на разсвѣтѣ. По прочтеніи этой диспозиціи, фельдмаршаль тотчасъ же приказалъ снять съ нея копію и, врученіе мнѣ ее, сказалъ:

¹⁾ Pourquoi vous échauffer, mon cher général. Vous savez combien je vous aime et nous nous y conformerons.

²⁾ Hém? Se retirer! Je crois que vous êtes bien fâché, général, de n'avoir pas une autre Moscou à livrer à l'ennemi.

³⁾; Voilà qui est très bien. Tout ce que vous dites est si sage, que je ne puis faire autre chose, qu'être toujours de votre avis. Allons, monsieur Toll! faites vos dispositions d'apr s les ordres de général.

— Отправляйтесь, молодой человѣкъ, отвезите это генералу Раевскому¹). Такъ какъ уже было 10 часовъ вечера, я поспѣшилъ вернуться въ Пыхчево, чтобы сообщить всѣ эти новости Раевскому, который былъ имъ крайне удивленъ. Я самъ былъ немало изумленъ, вида вліяніе, которое Беннигсенъ оказывалъ на фельдмаршала; я совершенно не зналъ, что все это было не что иное, какъ шутка для развлечения пылкаго старика и что все то, что было рѣшено въ соѣтѣ, будеть передѣлано въ дружескомъ интимномъ кружкѣ. И дѣйствительно, въ полночь мы получили новый приказъ, которымъ насть извѣщали, что сраженіе не состоится, но что мы все-таки должны прѣбывать въ Красную Пахру, чтобы прикрывать отступленіе арміи.

Несомнѣнно, что, слѣдя плану Беннигсена, мы могли бы разбить короля Неаполитанского, находившагося съ 30—40.000 человѣкъ въ окрестностяхъ Подольска, въ то время, какъ главныя силы французской арміи оставались близъ Москвы. Но надо замѣтить, что въ это время не было еще извѣстно, что король Неаполитанский не былъ поддержанъ и Наполеона со всѣми его силами предполагали близъ Подольска. Принимая въ соображеніе это предположеніе, становится очевиднымъ, что фельдмаршаль былъ правъ, не желая сражаться между Красной Пахрой и Подольскомъ. Еслибы счастіе повернулось противъ насть, то непріятель могъ бы отрѣзать насть отъ Калуги и отбросить на Верю и Можайскъ! Съ этой минуты кампанія была бы для насть потеряна; Наполеонъ, вставъ между нашу арміею и нашими южными губерніями, лишилъ бы насть всѣхъ средствъ этихъ богатыхъ мѣстностей и заставилъ бы насть избрать Волоколамскую дорогу на Тверь или Старницу. Послѣдствія этого были слишкомъ опасны для того, чтобы Кутузовъ пожелалъ бы подвергнуть себя подобному риску; къ тому же онъ ожидалъ многочисленныхъ подкрѣплений по Калужской дорогѣ и весьма благоразумно рѣшился избѣгать генерального сраженія до прибытія этихъ подкрѣплений.

14-го сентября армія прошла около одиннадцати verstъ по Калужской дорогѣ до деревни Бабенкова. Нашъ арьергардъ и 8-й пѣхотный корпусъ пришли въ Красную Пахру. Генералъ Милорадовичъ, какъ старшій, принялъ командованіе надъ обоими соединившимися корпусами. У насть не было назначено общаго начальника для аванпостовъ. Они были раздѣлены по различнымъ частямъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего частнаго начальника. Эта многочисленность начальниковъ вредила пользѣ службы. 15-го сентября Милорадовичъ поручилъ генералу Васильчикову всю цѣнь аванпостовъ. Васильчиковъ согласился принять на себя это порученіе только съ условіемъ, что онъ не отвѣчаетъ за первый день своего командованія, такъ какъ онъ не зналъ даже распо-

¹) Allez, jeune homme; portez cela au général Raéffski.

ложеиія этихъ аванпостовъ. Скоро будеть видно, что онъ поступиль благоразумно, выговоривъ это условіе.

На правомъ флангѣ лагеря нашего арьергарда, въ Красной Пахрѣ, былъ обширный барскій домъ, въ которомъ помѣстились всѣ наши генералы. 15-го мы обѣдали совершенно спокойно. Постѣ обѣда генераль Васильчиковъ позвалъ меня, чтобы составить диспозицію для аванпостовъ. Мы развернули наши карты и, только-что принялися рассматривать ихъ, какъ вѣжалъ одинъ офицеръ, совершенно перепуганный, крича: Скорѣе, скорѣе, господа, на коней; непріятель въ саду! Поднялась страшная суматоха. Всѣ забѣгали, толкали другъ друга, кричали; одни спрашивали свои сапоги, другой — свою лошадь. Словомъ, произошло полнѣйшее столпотвореніе. Я имѣлъ лишь время собрать мои карты, бросить ихъ въ мѣшокъ и вскочить на коня, чтобы слѣдовать за генераломъ Васильчиковымъ, который уже пустился вскачь. Тревога не совсѣмъ была ложная. На самомъ дѣлѣ непріятеля не было еще въ саду, но онъ показался уже въ лѣсу, въ полуверстѣ отъ нашего дома. Необходимо было во что бы то ни стало задержать его, чтобы дать время части нашей кавалеріи, находившейся еще на лѣвомъ берегу Пахры, перейти эту рѣку. Васильчиковъ схватилъ полкъ гвардейскихъ гусаръ, первый подвернувшійся ему подъ руку, и повелъ его прямо на непріятеля, который начиналь уже выходить изъ лѣса. Гусары ударили на непріятеля и заставили его отступить въ лѣсъ. Для того, чтобы выбить его оттуда, намъ необходима была пѣхота. Васильчиковъ послалъ меня просить ее у Милорадовича, который приказалъ мнѣ сказать генералу Пассеку, чтобы тотъ шелъ къ намъ со 2-ою гренадерскою дивизією. Пассекъ, столько же желавшій драться, сколько я — покѣстися, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за мною со всемъ своею дивизією, удовольствовался тѣмъ, что далъ мнѣ одинъ только полкъ, который я и привелъ Васильчикову, донеся ему вмѣстѣ съ тѣмъ и о приказаніи Милорадовича, отдававшаго въ его распоряженіе всю дивизію.

Васильчиковъ отправилъ меня къ Пассеку положительно объявить ему, что онъ долженъ привести всю дивизію. Но Пассекъ, болѣе боявшійся идти навстрѣчу непріятеля, чѣмъ ослушаться Васильчикова, пустился въ разсужденія; онъ утверждалъ, что цѣлой дивизіи было слишкомъ много и, несмотря на мои представленія, послалъ еще лишь одну бригаду, а самъ съ остальными, остававшимися еще у него, тремя полками, не двинулся съ мѣста. Счастіе его, что въ эту самую минуту Васильчиковъ получилъ приказаніе не начинать серьезнаго дѣла, а ограничиться прикрытиемъ отступленія арьергарда, который оставилъ позицію у Красной Пахры. Все дѣло ограничилось незначительной ружейною перестрѣлкою. Французы не были въ достаточныхъ силахъ, и они

пришли совсѣмъ не съ намѣреніемъ застигнуть нась врасплохъ. Служба нашихъ аванпостовъ на правомъ берегу Пахры, находившихся подъ начальствомъ одного казачьяго полковника, фамилію котораго я болѣе не помню, отправлялась съ такою небрежностію, что непріятель про никъ до нашего лагеря, не встрѣтивъ ни малѣшаго патруля. Непріятель былъ не менѣе удивленъ, очутившись въ виду столь значительныхъ силъ, чѣмъ мы его появлениемъ. Арьергардъ расположился между Голохвостовымъ и Чириковымъ въ трехъ верстахъ впереди арміи; аванпосты остались близъ Красной Пахры. Корпусъ графа Остермана былъ расположенъ на проселочной дорогѣ, которая ведеть изъ Подольска въ Вороново. 16-го генералъ Васильчиковъ заболѣлъ, и генералъ графъ Орловъ-Денисовъ замѣнилъ его въ командованіи аванпостами.

17-го сентября непріятель двинулся впередъ по дорогамъ, которые ведуть изъ Подольска въ Чириково и Вороново. Кнізь Понятовскій занялъ даже въ два часа по-полудни Чириково, совершиенно ошибочно нами оставленное. Однако непріятель не воспользовался выгодою, которую доставляло ему занятіе этого села, чтобы утвердиться въ лѣсу, простиравшемся отъ Чирикова до Никольского и прикрывавшемъ флангъ арьергарда. Хотя онъ и выслалъ въ него нѣсколько пѣхоты, но въ такомъ незначительномъ числѣ, что наши егерскіе полки выгнали ее безъ особаго труда изъ лѣсу до его опушки; получивъ въ это время подкрепленіе, непріятельская пѣхота удерживалась здѣсь болѣе продолжительное время. Въ это же время, 27-ой пѣхотной дивизіи дано было приказаніе направиться въ лѣвый флангъ непріятеля. Но едва эта дивизія, двигавшаяся двумя колоннами, начала выходить изъ лѣсу, какъ была встрѣчена сильнейшимъ ружейнымъ огнемъ и картечными залпами съ батареи. По одной изъ тѣхъ случайностей, такъ часто бывающихъ на войнѣ, эта дивизія, проявившая много мужества во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ она до тѣхъ поръ участвовала, въ настоящемъ случаѣ дурно поддержала свою репутацію. Съ первыхъ же залповъ она не выдержала, отступила въ лѣсъ, гдѣ лишь съ большими трудомъ удалось привести ее въ порядокъ. Въ то время, какъ эти дѣйствія происходили на нашемъ правомъ флангѣ, въ центрѣ съ обѣихъ сторонъ ограничились довольно сильною артиллерійскою перестрѣлкою. Нашъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ казаковъ, находился подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова. Оставшись безъ должности вслѣдствіе болѣзни Васильчикова, я получилъ отъ графа Орлова позволеніе находиться при немъ во время дѣла. Около шести часовъ вечера непріятель выслалъ кавалерію на небольшую равнину вправо отъ Чирикова. Графъ Орловъ приказалъ одному казачьему полку атаковать ее, но этотъ злосчастный полкъ не имѣлъ мужества приблизиться къ непріятелю и вернулся къ намъ во весь опоръ. Взбѣшенный Орловъ осипалъ казаковъ ударами

себя плащемъ и приказалъ имъ немедленно снова двинуться въ атаку. Тогда я попросилъ у него позволенія отправиться вмѣстѣ съ ними. Онъ не только мнѣ это позволилъ, но даже попросилъ меня взять съ собою восемь гвардейскихъ казаковъ, бывшихъ въ его свитѣ.

— Я увѣренъ, — сказалъ онъ мнѣ, — что эти люди послѣдуютъ за вами всюду и что ихъ примѣръ побудить, надѣясь, идти впередъ и тѣхъ бездѣльниковъ.

Мы отправились и подѣхали къ непріятелю, который, видя, съ какою рѣшительностью мы приближаемся, не выдержалъ удара и отступилъ въ находившуюся за нимъ опушку лѣса. Мы только-что начали преслѣдовать непріятеля, какъ огонь батареи и сильные ружейные залпы, направленные изъ лѣсу, умѣрили нашъ пылъ и заставили насть вернуться на нашу позицію. Къ вечеру непріятель былъ совершенно выбитъ изъ лѣсу, и наши войска, продолжая съ успѣхомъ свои дѣйствія, съ наступленіемъ ночи овладѣли даже селомъ Чириковымъ. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ окончилось сраженіе.

У Тарутина былъ избранъ лагерь на сильной позиції при слияніи Истіи съ Нарою. Фельдмаршалъ рѣшилъ занять его, и 18-го армія оставила Бабенкову и пришла къ Богородскому. Арьергардъ занялъ ея мѣсто въ Бабенковѣ. 20-го армія прибыла въ Тарутино. Арьергардъ также двинулъся, чтобы слѣдовать за отступательнымъ движениемъ арміи. Непріятель настигъ насъ близъ Воронова. Мы сдѣлали ошибку, заставивъ нашу пѣхоту проходить Вороновскимъ дефилеемъ и допустивъ запрудить лежащую впереди этого селенія небольшую равнину всюю нашей кавалеріею, которая для своего отступленія могла воспользоваться лишь этимъ же самымъ, весьма труднымъ для прохожденія, дефилемъ. Къ счастью, непріятель не тѣснилъ насъ сильно и далъ намъ возможность отступить безъ потери. Непріятель занялъ Вороново и, такъ какъ было уже довольно поздно, то сраженіеказалось оконченнымъ, какъ вдругъ общій залпъ, послѣдовавшій по всей непріятельской линіи, заставилъ насъ снова взяться за оружіе. Только впослѣдствіи мы узнали причину этой странной пальбы. Графъ Ростопчинъ, владѣлецъ Вороновскаго барскаго дома, оставилъ на немъ надпись, оскорбительную для французовъ; лишь только они прочли ее, то чтобы отомстить за нее, они насъ и угостили этою пальбою. Если бы графъ Ростопчинъ былъ извѣщенъ объ этомъ происшествіи, то онъ раскался бы въ бесполезной хвастовской угрозѣ, которая стоила жизни нѣсколькимъ изъ нашихъ. Мы провели ночь близъ села Львова.

На слѣдующій день, около часу по-полудни непріятель возобновилъ сраженіе. Іть ту минуту, когда мы только-что выступили, чтобы медленно начать отступленіе, мы узнали, что одна непріятельская колонна обходитъ насъ съ праваго фланга. Кавалерія Корфа, находившаяся

сь этой стороны, вмѣсто того, чтобы стойко держаться, поспѣшио отступила. Непріятельскіе стрѣлки начали уже показываться у насъ въ тылу, на большой дорогѣ. Но и въ этомъ случаѣ французы не лучше съумѣли воспользоваться нашими ошибками, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Тѣ, которые обошли насъ, отступили передъ двумя или тремя пѣхотными полками, высланными противъ нихъ бѣглымъ шагомъ, и мы спокойно окончили наше отступленіе къ селу Винкову.

22-го корпусъ генерала Раевскаго былъ отозванъ къ арміи. Въ этотъ же самый день въ арьергардѣ, близъ села Спасскаго, происходило довольно жаркое дѣло, въ которомъ король Неаполитанскій былъ отбитъ съ урономъ. При этомъ наша кавалерія произвела блестательныя атаки. Два или три дня спустя 8-й пѣхотный корпусъ и 1-й кавалерійскій корпусъ также присоединились къ арміи; въ авангардѣ, на лѣвомъ берегу Нары, остались только 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса и казаки. Король Неаполитанскій, видя, что наша кавалерія поддерживается всею арміею, которая рѣшилась не уступать безъ боя Тарутинскую позицію, не пожелалъ болѣе завязывать дѣла и спокойно оставался въ своемъ лагерѣ, въ окрестностяхъ Винкова.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Материалы и замѣтки.

Письмо Шишкова императору Александру I¹).

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ прошедшую бытность мою съ докладами²), на представлениѣ мое о необходимости закрыть библейскія общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что правительству надлежитъ быть тверду въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнею ихъ перемѣною. Позволь мнѣ всегда внимавшій словамъ моимъ съ благосклонностію, Государь, на сіе изреченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ управляемъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣроночданнаго, но и по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать передъ Тобою мои чувства, если бы не надѣялся, что Ты хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешь ихъ, но не отвергнешь въ нихъ усердія къ Тебѣ. Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе. Итакъ, позволь мнѣ продолжать. Твердость правительства, конечно, есть должное и похвальное дѣло, но въ какомъ случаѣ? Когда нѣтъ никакихъ причинъ къ перемѣнѣ постановленія или когда оныя малы. Но если Ты постановилъ что-нибудь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ откроется, что постановлениѣ сіе приносить не пользу, а вредъ, тогда твердость

¹) Письмо это цѣлкомъ помѣщено въ запискахъ Шишкова, изданныхъ въ Берлинѣ въ 1870 г.; отрывки изъ него А. Н. Пыпинъ былъ напечатаны.

²) Довѣдьбы были 16-го ноября 1824 г.

Твоя будеть не похвальна, ибо Царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ, онъ можетъ и обмануть быть и самъ обманутъся. Угождающій Тебѣ станеть заглаживать Твою ошибку, уменьшать лудость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ и сбажеть, что отмѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ имя Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажеть: Государы терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь объявленіемъ оной открыть свое непредусмотрѣніе, есть по многимъ причинамъ неправильное о славѣ своей попеченіе. 1-е) Симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшить, между тѣмъ какъ всякий знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣть совершенства. 2-е) Давать насажденному злу къ общему всѣхъ вреду укореняться и рости для того только, чтобы не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ. 3-е) Всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сию ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, во только покажеть, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отсель неправымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеніе, а истинно преданные Тебѣ и отечеству охладѣютъ въ усердіи своеемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобы не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: я думаю, Государь, Ты помнишь исторію Грузинскихъ князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тоже по ходатайству библейскихъ обществъ, о проповѣданіи якобы христіанства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревле принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой указъ, донося, что принадлежность сихъ земель князьямъ Эристовымъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ Министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность безъ всякой ихъ вины было бы вѣ справедливо. Ты, Государь, далъ другой указъ, отмѣняющій силу первого. По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него, какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна первого указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: всеобщую радость и похвалы Государю. Сей поступокъ его обратилъ къ нему сердца всѣхъ: всѣ въ одинъ голосъ прославляли его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро онъ увидѣлъ неправость дѣла, то несмотря на прежнее свое рѣшеніе отмѣнилъ оное. Вотъ истинная слава Царей. Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народной! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ и осужденный похвалилъ судей за правосудіе. Сюлли, видя Генриха IV. готоваго къ предосужденію своему склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горилицы. Никто не осудилъ подданного, ни Царя, но всѣ даже и понятия взыраютъ съ удивле-

кіемъ на сей образецъ величія души того и другаго. Подобные поступки Царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремать въ потомствѣ.

Обратимся теперь къ библейскимъ обществамъ. Сначала могли они показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣкълюбиво, благонамѣренно и бого-боязливо; но теперь, когда по долговременному опыту открываются вѣрные свидѣтельства, обнаруживающія умышленность злораднаго ихъ плана, то не рассматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существенаго зла, какое отъ нихъ произошло, было бы для нихъ торжество, а для нась и вредъ, и понюшеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ; требование Твое справедливо; но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютѣшаго заговора извѣстны, чemu непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣреній. Во всѣхъ углахъ Россіи общество сіе торжественно распространилось; всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношениемъ пользы онаго; многие изъ самаго духовенства нашего сдѣлялись въ немъ членами.

Кто жъ могъ пойти противъ него, не подвергаясь за безплодную ревность свою претерпѣть гоненіе? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть, и могъ ли гласть быть услышанъ? Но нынѣ, когда на мѣренія и дѣянія сего общества стали обнаруживаться, когда, Государь, позволяешь Ты преданнымъ церкви и Тебѣ людямъ говорить правду, когда открылось, не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ, возвѣщающимъ, что библейское общество, согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобы почитать церковь нашу заблудшую, первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ царей и вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе можно прочитать въ ихъ книгахъ и видѣть не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? Какія еще нужны доказательства? Одно простое возварѣніе на нихъ показываетъ уже ихъ въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1) Отколѣ сіи общества волворились къ намъ?—отъ англинскихъ методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и никакой вѣры не имѣющіе, учить насъ христіанству? Развѣ мы какиенибудь дикие народы, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2) Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли, въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архиереи, засѣдающіе въ противность апо-

стольскихъ постановлений, вмѣстѣ съ лютеранами и католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидять съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое). Гдѣ жъ приличіе, гдѣ важность священнослуженія, гдѣ церковь? 3) Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастные изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговія, равняютъ съ церковною службою; и домъ беспрестольный, неосвященный, гдѣ въ прочіе дни пирують и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При толь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія библейскихъ обществъ, посмотримъ, въ чёмъ они состоятъ: 1) Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и одну религию: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именемъ тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи; а потомъ, обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики и тому подобныхъ; заразило многихъ, порабощаетъ царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2) Въ напечатаніи столько Библій, чтобы каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Что жъ изъ того послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобы Евангеліе, выносимое въ церкви съ такою торжественностью, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ завками, служило обверткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3) Въ переводѣ Библіи на всѣ языки, на турецкой, на татарской и пр. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ, и кто будетъ ихъ читать? 4) Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые слѣдовательно отдѣляются отъ прочихъ христіанъ: ибо какая нужда христіанину, который по самому званію своему есть членъ церкви, быть членомъ библейского общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чemu иному поведутъ сіи размноженные общества, какъ не къ тому, чтобы собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію, по внушеніямъ какого-нибудь еретика, или плута, подкупленного и посланного къ нимъ нарочно, чтобы, бѣясная священное писаніе криво и превратно, посыпать въ легковѣрныхъ

серда ихъ развратъ и неистовство, удобные сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣ всакаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія библейскихъ обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенные ими пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажется можетъ быть страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ настѣній.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ обществъ усматривается, о чёмъ прилагаемо было подлинное попеченіе, о пользѣ ли и утвержденіи православной нашей вѣры, или о противномъ тому. Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, не говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какого духа иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и одобрение проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ учение, и какія отъ того породились секты и расколы. Если библейскія общества стараются только о распространеніи благочестія, такъ они говорить, то для чего не соединенно съ церковью нашей, но особо отъ неї дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Если намѣреніе ихъ состоять въ преподаваніи христіанскихъ учений, то развѣ церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? Развѣ мы до библейскихъ обществъ не были христіане? И какъ же они учать насъ тому?—призываютъ учителей иностранцевъ и распускаютъ книги противныхъ христіанству! Вмѣстѣ съ Библиями разсылаются воззвания ко всеобщему бунту¹⁾! Мнѣ кажется, отъ нихъ то Христосъ въ Евангелии предостерегаетъ насъ сими словами: «блюдитесь, да никто же васъ прельстить, и мноzi бо пріидутъ во имя мое, глаголюще: азъ есмъ Христосъ, и мноzi прельстять». Чѣмъ больше соображаю я все, доселъ происходящее съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше нахожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенія къ намъ библейскихъ обществъ, слыхали мы столько толковъ о вѣрѣ и какихъ же? точно такихъ, о которыхъ Спаситель въ томъ же Евангеліи говоритъ: «апче кто речеть вамъ, се здѣ Христосъ, не имите вѣры, узрите мерзость запустѣній, стоящихъ на мѣстѣ святъ». Подлинно такъ,—мы видимъ это. Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умствованіями, разрывающими союзъ христіанского братства и любви, устремляются на потрясеніе единодушія и спокойствія народовъ? Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить вѣру

¹⁾ Намекъ на „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему мечтѣнію духа Христова“,—книгу, которая подверглась наиболѣшимъ нападкамъ со стороны противниковъ библейского мистицизма. Она была переведена съ французскаго И. И. Листребовыми и издана въ 1820 году. Архиепископъ Фотій отмѣтилъ ее какъ „антихристіанскую“. (См. статью А. Н. Пыпина, въ „Вѣсти. Евр.“ 1868 г., кн. 11, стр. 284, и кн. 12, стр. 724 и 736).

во Христа, твердять о Немъ, нарушая заповѣдь: да не пріемлещи имени Господа Бога Твоего всуе? Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга, и вмѣсто кротости и смиренія, предписуемаго намъ вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не пріемля новыхъ ученій, остаются при вѣрованіи своихъ отцовъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствіями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена: ложь называютъ правдою, буйство — свободою, своеволіе — естественнымъ правомъ, заиски — пустословіемъ, твердость въ вѣрѣ — пребываніемъ въ заблужденіи, преданность государю и отечеству — загрубѣлою стариной, странные и чужды всякой добродѣтели поступки и дѣянія — святостію? и что еще! даже самыя гнуснѣйшія страсти и преступленія свои выдаютъ за божескія внушенія!

Всемилостивѣйшій Государь! долгъ вѣрноподданного и преданности мои къ Тебѣ не позволяютъ мнѣ умалчивать мыслей моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребление оныхъ, выводились несоответствующія онимъ слѣдствія. Такъ напримѣръ, я имѣлъ счастіе изъ собственныхъ усть Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытымъ именемъ, пріобрѣти ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости Твоего сердца. Но что же изъ того послѣдовало? не избранный отъ верховнаго духовенства извѣстный благонравіемъ мужъ посыпался туда; но бѣглецъ, отступникъ отъ вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его для поступленія съ нимъ по законамъ, велико было отвѣтить: онъ тамъ, гдѣ ему быть должно. Не совершенно ли это противоположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобы добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблудшихъ овецъ, а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы сорвать и тѣхъ, которые не поколебались еще въ православії! — За книгу «Бесѣда на гробѣ младенца» (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу «Воззваніе къ человѣкамъ» (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сие, толь грозное для благонравныхъ и толь ободрительное для злонравныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ. Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустить ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ

подлинно хороша или подлинно худа? Въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, остановленъ Ты будешь мыслю, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажеть искореній видъ Твоего непредусмотрѣнія; но, Государь! еще осмѣлюсь повторить: какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы, туть ли, когда Ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное новымъ Твоимъ повелѣніемъ, или когда, закрывая то, чего закрыть невозможно, попустишь существовать вреду, проистекшему отъ направлениія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? И, конечно, могу обманыватьсь въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтреветно призвать самого Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное изъ печатныхъ актовъ описание ежегодного хода библейскихъ обществъ, изъ котораго можно видѣть какъ связь ихъ съ англійскими методистами, такъ и то же самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершение противныя всякой христіанской вѣрѣ и всякому правительству. Стараніе издавать таковыя книги вмѣстѣ съ библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить священное писание и дать свободу страсти и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастила. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ недавно привезеннаго сюда съ Дону есаула ¹⁾.

¹⁾ Есаулъ сей ¹⁾ схваченъ былъ съ нацисанцою имъ возмутителью противъ вѣры и правительства книгою ²⁾, основанную на правилахъ изданной въ свѣтѣ, переведенной съ иностраннаго языка книги подъ пазваніемъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченью духа Христова“ ³⁾. Онь призванъ былъ къ графу Аракчееву, въ присутствіи митрополита и архимандрита Фотія ⁴⁾, гдѣ, вмѣсто призвалія себя виновнымъ, укоряль ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей вѣры, презиралъ всякия угрозы и, напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть, ибо знаетъ, что погибелюю свою умножить ревность и число своихъ послѣдователей. Видя

¹⁾ По имени Евдамій Котельниковъ; онъ былъ основателемъ вновь появившейся между донскими казаками секты духоносцевъ. Объ обученіи Котельникова см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г. „Записку о крамолахъ враговъ Россіи“, ст. 1345—1349.

²⁾ Рукописная книга эта носила странное заглавіе „Начатки съ Богомъ острого серпа въ золотомъ вѣнѣ“ (тамъ же).

³⁾ „Воззваніе“ и еще другая книга, сочиненія Ив. Вл. Лопухина: „Черты аптурепей церкви“ признавались духоносцами за пророческія и читались въ собраний ихъ паравнѣ съ Библіей (тамъ же).

⁴⁾ Изѣстнаго архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря.

Кто знает, до какой степени распространена сія зараза? Между тымъ что можетъ быть опаснѣе отпадающихъ отъ истинной вѣры пустословіть и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти и все то, что имѣеть нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ ними ихъ звѣрства? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почтлю я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть библейскія общества и обратить строгое наблюденіе, чтобы порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Если нужно

его свирѣпымъ и непреклоннымъ, графъ Аракчеевъ и митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость; но архимандритъ Фотій просилъ, чтобы предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. Но нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, согласились на его представленіе. Опъ заперся съ нимъ одинъ въ кельи. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на краткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій, напротивъ, снималъ съ него вѣши, и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „Вотъ ты сердишься, а я нѣть; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я не прошу тебя, чтобы ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостью не выслушивать другъ друга?“ Есаулъ пѣсколько укротился; но первое свиданіе ихъ ничего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобы онъ, оставаясь наединѣ съ такимъ отчалившимъ суетѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Что жъ онъ на другой день сдѣлалъ? велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою ужинать есаула и говорить ему: „Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; можнѣкъ лежитъ передъ тобою; но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попустить тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходить ли тебѣ на мысль убить меня?“ Есаулъ, мужичинища дородный, взглянуль съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣтилъ ему: „Нѣть, не убью“. — „Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры“, — сказалъ Фотій. Такимъ образомъ мало-по-малу искореняя въ немъ ложный понятія о вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ священныхъ писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершенного раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручно подпись предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего есаула. Онъ говорилъ Фотію: „Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей, не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь возбудилъ ты во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ вѣры, отъ добродѣтели и достоинъ всякаго паказанія, по они бѣдные невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!“ Окончаніе симъ есауломъ послѣдовало такое, что вѣрѣло было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину.

закрытию ихъ придать иѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшися злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сдѣлать сіе разными образами: напримѣръ, предоставить Суноду донести о ненадобности болѣе оныхъ, или и безъ сего донесенія, дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библій, то почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ всѣ библейскія общества закрыть ¹⁾, и всѣ въ оныхъ дѣла пропроводить для храненія въ Святѣйшій Сунодъ, которому впредь по мѣрѣ надобности издавать Библіи на прежнемъ основаніи, какое было до введенія библейскихъ обществъ. Такимъ или подобнымъ образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чѣго они не могутъ, но лукавствами и хитростью, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государь! Я даю Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ Твоимъ въ томъ же мена уѣхѣши. Я держу свое слово и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что если я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непрѣятность или скучу, то Ты безъ гнѣва повелѣши мнѣ замолчать. Троиственный союзъ ²⁾ сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу восстания противъ христіянства и властей; но между тѣмъ оный, подъ иными видами (въ томъ числѣ и библейскими обществами) не перестаетъ оказываться и

(Позднѣйшая примѣска): Въ послѣдствії времени оказалось, что есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще алѣйшую прежней книгу ³⁾, въ которой насмѣшилъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои покѣрили притворному обращенію его въ православную вѣру и отречевію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ, духовно-нравственныхъ, книгъ, а особенно изъ книги „Воззваніе“. Онъ продолжалъ распространять свою ересь и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею свою молодую, пріяженную, какъ сказываются, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь; но Фотій не валился уже обращать его, а поручено было сіе одному изъ тамошнихъ монаховъ, который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него разбрался тою же ересью, и объявилъ о томъ письменно ⁴⁾.

¹⁾ Въ это время Русское библейское общество считало 289 частныхъ отдѣловъ. Въ теченіе своего двѣнадцати-лѣтнаго существованія, оно издало 876.106 экземпляровъ Библій и разныхъ ся частей. („Вѣсти. Евр.“ 1868 г., кн. 12: „Русское библейское общество“, стр. 740 п 741).

²⁾ Т. е. священный.

³⁾ Вѣроятно упомянутое въ „Запискѣ о крамолахъ“ и проч. „Дополненіе“ къ прежде написаннымъ имъ „Начаткамъ“.

⁴⁾ Согласно съ мнѣніемъ Фотія, Котельникова заперли въ Соловецкій монастырь. „Тамъ онъ раскался и умеръ, при отцѣ Александрѣ, въ 1845 или въ 1855 году, и, по отзыву его, святымъ человѣкомъ“. („Чтения“ 1868 г. I, Смѣсь. „Изъ Записокъ Фотія“, стр. 264).

рости. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято; но гдѣ и кѣмъ? въ малой землѣ великими державами¹⁾; а если въ великой землѣ, наводящей огромнотю и силу своею другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія того же самаго духа продолжаться будуть и, чего Боже сохрани, созрѣть и вспыхнуть, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собою, внутреннимъ своимъ несогласіемъ ослабила свои силы и чрезъ то подверглась ихъ надѣю господству? Всемилостивѣйшій Государь! Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знаявшую. Покажи себя защитникомъ православной вѣры своей и покровителемъ другихъ христіанскихъ вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси. Будь прямо Русскій Царь, надѣюющійся на своихъ вѣрноподданныхъ. Возвысь дворянъ, ограду Твоего престола. Будь отецъ народу, но не давай возмущать его преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ свое вольство. Да посѣтится между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба. Тогда Ты одинъ, посреди своего народа, сильно будешь всѣхъ царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣеть въ царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣриѣшими Тебѣ сердцами, и чужеземные козни не посмѣютъ и приблизиться къ предѣламъ Твоего царства. Ты защитишь народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы. Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага, адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбить Тебя, чужя страны прославлять, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятия. Государь! всякий, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ Тебѣ, не любить Тебя!



¹⁾ Революціонныя движенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ были подавлены въ 1822 г.

Выслать и разослать подписанье ШЕСТОЙ ТОМЪ
И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА СЛЕДУЮЩИЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО РОСКОШНОГО ИЗДАНИЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакцію магистра зоологіи К. И. Сент-Илера.
Издание Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политишажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуазъ-Леше, при содѣйствіи доктора Гааке.

— ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ, безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ нового третьего немецкаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ подписанка прекращена, а продаются по 6 р., съ перес. 6 р. 50 к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ, и подписанка принимается на каждый томъ отдельно.

Люди, желающие подпишатся на получение СЕДЬМАГО тома, который будетъ разосланъ въ декабре 1894 года, высыпаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересыпкой 5 руб. 50 коп. Въ отдельной продажѣ ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ стоятъ по 6 руб., съ пересыпкой 6 руб. 50 коп.

— Чтобы дать возможность каждому приобрести это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ седьмой томъ получать въ выпусками, не ожидая выхода полного тома, а потому:

1) При подписанкѣ вносится 1 руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній ШЕСТОЙ выпускъ будетъ разосланъ БЕСПЛАТНО. —

Для служащихъ допускается разсрочка со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписанка и на слѣдующіе томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подълч., 39 и въ Москвѣ, въ магазинѣ Картоографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія линіи, № 17.

— Подписывающіеся на VII томъ изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подълч., 39, на получение полного тома, за пересыпку не платить, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на получение тома выпусковъ не получаютъ. —

— Подписывающіеся теперь же на седьмой томъ могутъ подписатьсь и на первые шесть томовъ, при чёмъ какъ за первый, такъ за второй, третій, четвертый, пятый и шестой томы высыпаются по 5 руб. 50 коп. съ пересыпкой.

— Желающимъ получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплетахъ съ кожанымъ корешкомъ и углами приплачиваются: городские по 1 р. за каждый томъ, и ногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 6 фун.

Изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА

продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СТОЛИЦЪ и ПРОВИНЦІИ.

Главный же складъ въ книжной магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, уголъ Фонтанки и Лештукова пер., № 2.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собрание. Цѣна каждого тома (разваго 75 журнальныхъ листовъ)—1 р. 50 к. До 10 декабря 1898 г. вышли первые шесть томовъ: 1) Давидъ Коннерфильдъ, 2) Домбы и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Дорритъ. Большая ожиданія. 5) Нашъ общий другъ и Оливъ Твистъ, 6) Записки Пикникского клуба. Тяжелыя времена. 7-й томъ мечтается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, биографіей и 500 пис. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10 томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплѣты: для 1-томнаго изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ). Полное собрание всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, биографіей, написанной А. М. Скабичевскимъ, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ переплѣтѣ—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.

Сочиненія Н. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловской. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.

Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Шесть томовъ. Цѣна каждого—1 р. Перепл. для 2 том. выѣтъ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 9 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статьей Н. К. Михайловской. Ц. за два тома—3 р. Переплѣты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 8-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ф. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей М. Протопопова. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплѣты въ 50 к. и 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. Цѣна за все собраніе въ двухъ большихъ томахъ (до 1700 стр.) 3 р. Перец.—въ 50 к. и 1 р.

Большой альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина». 44 иллюстраціи съ портретомъ, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина». Тѣ же иллюстраціи, въ шаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплѣтѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ М. Е. М. Ц. въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Том. Карлсъ. Перев. В. I. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія К. Фланмарѣ французск. 350 стр. Ц. 80 к.

Грядущая раса. Фантастический романъ Эд. Бульвера. Переводъ съ А. Каменской. Ц. 50 к.

этот языок даёт русской поэзии несравненно большую первость ("Обойми, подойди", "Из заря туманной юности").

Однако же самых скептиков и подозрительных событий в жизни Кольцова являлся друг его съ А. И. Серебрянский, самое священника. Живой, начитанный и образованный, онъ является во многом прототипом для прасоза. Въ учителяхъ тѣмъ было замечено, что въ отношенияхъ ученика къ учителю не проявлялось педагогическое профессионального наставника, а было побожное, живое и разноплановое общение.

Въ 1831 г., вскорѣ послѣ знакомства съ И. В. Стакеневичемъ, въ "Листѣ" и въ "Литературной Газетѣ" появлялись стихотворения Кольцова. Черезъ Стакеневича это возникло съ В. Г. Балашевымъ, пущшнъ другонъ и учительемъ въ также-то кору живаго поэта. Въ 1835 г. Стакеневичъ издалъ стихотворенія Кольцова. Маленькая книжечка, поглощавшая въ себѣ всего 18 строкъ, доставила поэту большую известность въ литературномъ міре и дала возможность познакомиться съ "богомъ поэзіи" — Пушкинымъ. Вотъ въ пересказѣ словами автора содержание первыхъ трехъ строкъ этого очерка. Четвертая глава знакомитъ читателя съ жизнью поэта среди литераторовъ своей эпохи, а пятая — съ последними часами жизни Кольцова. Онъ умеръ 19-го ноября 1842 года. Въ шестой главѣ говорится о Кольцовѣ, какъ поэѣ.

Въ концѣ очерка В. В. Осипова помѣщены алфавитный указатель стихотворений Кольцова, возложенныхъ на музыку и упоминки о памятникахъ композиторами "старой" и "новой" эпохи. Между ними встречаются имена: Глинки, Даргомыжского, Рубинштейна, Мюсюки, Ломакина, Римского-Корсакова, Мусоргскаго, Конь, Бадаиньрева и др.

По мнѣнію виду книги издана превосходно, гравированный Гедановъ портретъ отличается безукоризненно.

Григорій де-Воззанъ. По болѣе знату. Путевые заметки. Часть вторая. Бирма. — Ява. — Китай. — Тонкинь. — Ко-китакъ. — Камбоджа. — Сіамъ. Соб. 1895. Цена 2 р. 25 к.

Въ сентябрьской книжкѣ, говоря о первой части труда посторонняго автора, мы въ краткомъ слогахъ познакомили читателей съ содержаниемъ этой действительно интересной въ познавательной книжкѣ. Вторая часть,ясь во содержаниѣ, такъ же и положеніи никаколько не уступаетъ первой. Начинается исторія Бирмы, приводить статистическая данныя о пространствѣ, количе-

ствѣ населенія ее, о торговлѣ и промышленности; подробно описывается Рангунъ (рисунокъ: Рангунская ступа). Во второй главѣ говорится о Пенгай-Гонгтапурѣ въ торговомъ значеніи послѣдняго. Порядокъ на Суматрѣ и финансовое положеніе голландскихъ колоній, жизнь и политика голландцевъ — входить въ составъ содержания третьей главы. Въ слѣдующей главѣ говорится о разведеніи генераль-губернатора — Бютензоргѣ ("Это сплошной варгъ съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ дачами"). У туземцевъ большия семейства и много детей. Браки бываютъ трѣхъ родовъ: 1) когда покупаютъ девушку, въ тогда она поетъ раба мужа; 2) когда покупаютъ мужа въ богатую семью, и 3) когда бракъ заключается на правахъ полнаго развенчанія. Въ пятой по десятую главахъ обращается на себя вниманіе сказавшій авторомъ о Гонг-Конгѣ и китайцахъ (клубъ, театръ, курилки-опіума, лѣтобанка, дентисты, протестантскія церкви для китайцевъ, похороны, войско, русскія фабрики). Въ десятой и одиннадцатой главахъ говорится о Тонкинѣ, Ашамѣ и Кохинхинѣ. Въ XII-й и XIII-й главахъ авторъ излагаетъ историческій и географическій очеркъ Камбоджскаго королевства и знакомитъ читателя съ жизнью и обычаями его обитателей. Въ XIV-й и XV-й главахъ говорится о Сема-Рапѣ, затѣмъ о Даикоръ-Натѣ по описанію китайскаго дипломата Чоуд-Гуана. Слѣдующая глава описываетъ такіе: Бакхенъ. — Въ столицѣ Ангкоръ Томъ. — Статуя прокаженнаго короля. — Пиннансъ-кость. — Бапумская пирамида. — Байонъ. — Сема-Рапъ. — Бакриевъ. Въ XVI-й главѣ д. де-Возза говорится о Батамбандѣ, о побѣдѣ въ Банионѣ и развалинѣхъ Ватека. Въ XVIII-й и XIX-й главахъ авторъ довольно подробно останавливается на истории Сіама, говорить о жизни сіамцевъ и ихъ религіи, а въ двадцатой главѣ подробно описываетъ Бангкокъ, разведенію сіамскаго короля, и Аютію, — прежнюю столицу Сіама. Описывая въ послѣдней, XXI-й главѣ, аудиенцію у короля въ прижее время и церемонію при восшествіи на престоль, а также доходы короля, авторъ о пынѣшнемъ сіамскомъ королѣ говоритъ, между прочимъ, сказанное: "Король, — можно сказать безъ преувеличения, — самый красавецъ и самый представительный изъ всѣхъ видѣвшихъ мною сіамцевъ" ... "поступъ царственна, онъ рождается среди насъ и очень хорошо сложенъ" (при книжкѣ приложеніи портретъ короля и королевы).

М. Н-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ.

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ деятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересыпкой.

Подписка принимается: для городскихъ подписанчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старинѣ», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛІНГА (бывшій Мелье и К°). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: Н. И. Карбасникова (Моковая, д. Кох), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Федорова). Въ отдѣлѣніяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблинна.

Гр. И ногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія исследованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи, проиществавшіи XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ деятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: перевѣска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и про дажія.—Человѣческая, переводы и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать отъ конторъ разныи тилюдукціи изданий журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (22 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (3 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (14 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (32 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (3 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (41 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двадцать книга, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двадцать книга, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 и 1893 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Редакторъ-издатель: С. Зыковъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXV-й.

НОЯБРЬ.

1894 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой. XI — XII. 1856 — 1880 г.	1 — 26	VI. Изъ записокъ герцога Евгения Виртембергскаго. II 154 — 173
II. Записки В. А. Исаарского. Гд. XVII — XVIII....		VII. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныя лица. IV М. Л. Несковскаго. 174 — 188
III. Иоанн шестидесятитысячникъ. А. О. Добрецъ въ его журнальѣ «Славянскій Вестникъ». IV. Н. О. Дубровина	58 — 91	VIII. Баронъ Ф. А. Бюллерь 189 — 192
IV. За полстолѣтія. 1841 — 1862. Воспоминанія о профессионѣ. Доктора А. Н. Калмыкаго. Часть третья (1864 — 1892) Гд. XIII	92 — 106	XI. Кутузовъ въ 1812 году. Историческая характеристика Д. П. Втузравиа. II. Сообщ. И. К. Шильдеръ. 193 — 213
V. Отчимы современниковъ о «Перепискѣ съ друзьями». Гоголя. I XIII. В. И. Шеврока	107 — 153	X. Записки М. Я. Ольшевскаго Конкаль съ 1841 1866 гг. Часть третья Главы XII — XIII 215 — 240
		XI. Библиографический стокъ (на оберткѣ).

Портр. барона Ф. А. Бюллера. Грав. К. Адть.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1895 г.

Можно получать журналъ за ветхіе годы, — 4 страницы, оберти.

Приемъ по пѣзмѣ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по попѣду.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.



Типографія Высочайше утвержденія Товарищества
Большаго Швейцаріи

1894

Но.



**Краткий курсъ истории военного искусства въ средніе и новые вѣка. Часть II. Исторія военного искусства въ по-
вые вѣка до вѣка Людовика XIV и Петра Великаго включительно. Книжка I-я. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ 29 чертежами, планами и картаами. Составилъ экстраординарный про-
фессоръ Николаевской академіи генераль-
ного штаба полковникъ Гейманъ СПб.
1894 г.**

Не вдаваясь въ оцѣнку труда г. Гей-
мана, какъ труда строго специального, мы
ограничишись передачею его содержания.

Глава I. Переходная эпоха. Возрождение военного искусства. — Трактатъ Маккіавелли о военномъ искусстве. — Столпіе войскъ въ переходную эпоху — Шхота. — Организація — Вооруженіе. — Военныя строи. — Военныя дѣйствія. — Переходные строи. — Кавалерія. — Рейтары. Разные виды легкой кавалеріи. — Карабіры. — Зарожденіе команда арагонскаго полка. — Вооруженіе кавалеріи. — Тактическія единицы. — Строй. — Обзоръ дѣйствій кавалеріи въ бою. — Заключеніе о кавалеріи въ переходную эпоху. — Значеніе ручного огнестрѣль-
наго оружія въ переходную эпоху. — Артил-
лерія. — Соразмѣрность между родами ору-
жія. — Военныя порядки и боевыя дѣйствія сокупности всѣхъ родовъ оружія. — Переход-
ные порядки. — Нижнеперное дѣло. — Воен-
ныя іерархіи и управліеніе. — Содержаніе въ привѣтіе войскъ. — Быть, духъ и дисциплина войскъ. — Строевое обученіе. — Стратегиче-
ское искусство.

Глава II. Эпоха Густава Адольфа. Результатъ неудовлетворительности по-
ленной системы западно-европейскихъ госу-
дарствъ. — Превосходство военной системы Швеціи въ шведской арміи. — Устроство войскъ, ихъ боевыя навыки и дѣйствія Шхота. — Сравненіе и заключеніе. — Кавалерія. — Артиллериа. — Военныя порядки и боевыя дѣйствія всѣхъ родовъ оружія въ со-
купности. — Марши — Расположеніе на отмѣкѣ. — Охраненіе. — Ориентированіе. — Военно-нижнеперное дѣло. — Содержаніе и продовольствіе войскъ. — Дисциплина и духъ войскъ. — Заключеніе.

**Глава III. 30-лѣтняя война. Полити-
ческое состояніе Германіи въ началѣ XVII ст. Практики и начало 30-лѣтней
войны. Дѣйствія имперскихъ и вообще па-**

толическихъ войскъ противъ протестантовъ и ихъ союзниковъ до прибытія въ Германію Густава Адольфа. — Открытие обстановки въ 1630 г. ко времени высадки Густава Адольфа въ сѣверной Германіи. — Высадка штурмъ въ устьѣ Одры. — Штурмъ Густава Адольфа и замѣненіе въ немъ. — Кампанія 1630 г. Кампанія 1631 г. до Бреитенфельдского сраженія. — Оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ отъ начала войны до Бреитенфельдского сраженія. — Сраженіе при Бреитенфельде 16 сентября 1631 г. — Разборъ и заключеніе. — Кампанія 1631 г. послѣ Бреитенфельдской сраженіи. — Кампанія 1632 г. — Переходъ Густава Адольфа черезъ р. Лехъ. — Вызывъ королемъ Баваріи и операции послѣ похода арміи Валленштейна. — Штурмъ бергштадтъ лагеря. — Операции на второстепенныхъ тѣтрахъ. — Операции короля и Валленштейна въ Баваріи и Саксоніи. — Оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ въ періодъ между Бреитенфельдскимъ и Людендѣскимъ сраженіями. — Сраженіе при Люденѣ 6 ноября 1632 г. — Разборъ и заключеніе. — Ходъ событий послѣ смерти Густава Адольфа — Заключеніе о военномъ искусстве Густава Адольфа въ отношеніи къ эпохѣ 30-лѣтней войны въ исторіи искусства вообще.

Глава IV. Вѣкъ Людовика XIV. Центральное состояніе и значеніе западно-европейскихъ государствъ — Преобразованіе Франціи — Низложеніе въ воинской системѣ европейскихъ государствъ. — Устроство войскъ. — Шхота. — Образованіе однороднѣхъ полковъ. — Единицы административныя и тактическія — Строй. — Преумноженіе знати и огня въ его силахъ. — Кавалерія. — Вооруженіе. — Единицы администраціи тактическіе. — Строй — Образъ дѣйствій въ бою. — Артиллериа — Военныя порядки и боевыя дѣйствія сокупности всѣхъ родовъ оружія. — Тактическое искусство — Нижнеперное искусство. — Обученіе войскъ. — Духъ и дисциплина войскъ. — Содержаніе продовольствіе арміи. — Военные учреждения для управления арміями. — Образъ мѣсцъ военныхъ дѣйствій. — Стратегическое искусство. — Сравненіе западной Европы съ восточномъ въ отношении военного искусства.

Глава V. 2-я ингерландская война. — Кампаніи 1674 и 1675 гг. въ зѣльзасскомъ театре военныхъ дѣйствій — Торопецъ, казнь и конвоидецъ — Завѣшеніе 1-й поддержанной войны — Вторая ингерландская война

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЬ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ІМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФІЛІЯНДСКІЙ
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоценную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Ерима, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августынной Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоенstвие которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпить Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудеть онъ, что сила и крѣпость святой Руси — въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Праородительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ Лицемъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя обѣ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“ на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе материалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго материала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, осѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ эпохъ, среди которой дѣствовали эти лица, и нравы современного имъ общества. Такого рода личные воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими поченными трудами содѣствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ф. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по истории русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣтительныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ periodическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примеру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будуть помещаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получать первую часть Записокъ В. А. Иисарского, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЬ И ВЫПУСТИТЬ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРЬ 1895 ГОДА

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлечений и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція «РУССКОЙ СТАРИНЫ» пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ-либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

— Иогородные подписчики адресуютъ свои требованія и высыпаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Киевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную ответственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».



БАРОНЪ
Ѳ. А. БЮЛЛЕРЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1894 г.

НОЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайши утвржд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

ГЛАВА XI¹⁾.

Переездъ въ Лондонъ.—Новое помѣщеніе. — Несостоявшаяся свадьба А. А. Герцена.—Русскій шпіонъ.—Докторъ Девиль.—И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой.—Извѣстіе въ Лондонѣ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.—Похороны „Колокола“.

Вскорѣ прислали изъ Лондона теплую одежду для меня и для моей малютки, и я рѣшилась оставить Швейцарію и возвратиться въ Лондонъ, несмотря на холодъ. Когда я пришла по обыкновенію къ г-жѣ Фогтѣ и стала ей рассказывать о моемъ намѣреніиѣхать въ Англію зимой, она покачала головой. Ей не нравился этотъ проектъ; кроме того она привыкла къ намъ, особенно къ моей малюткѣ, и ей жаль было разстаться съ нами.

— Нѣть, говорила она, по-моему не такъ надо бы сдѣлать, вамъ слѣдуетъ остаться здѣсь зиму, а весной Огаревъ или Герценъ пріѣдетъ за вами.

— Но это немыслимо,—возражала я,—Огаревъ страдаетъ такой болѣзнью, которая не позволяетъ емуѣхать одному; а Герценъ едва-ли рискнетъ проѣхать черезъ Германію, а черезъ Францію ему тоже нельзяѣхать. Стало быть никто за мнай не можетъ пріѣхать, и лучше, чтобъ яѣхала сама.

Я привела въ исполненіе это крайне необдуманное намѣреніе, и къ счастію моя дочь вынесла безъ болѣзни переездъ изъ Швейцаріи въ Лондонъ черезъ Парижъ, куда мнѣ писали заѣхать къ Мальвинѣ Мейзенбугъ, съ которой жила маленькая Ольга Герценъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1894 г.

Моя малютка имѣла къ ней большую привязанность, и всѣ наши хотѣли, чтобы дѣти свидѣлись хоть не на долго.

Переѣздъ въ Англію былъ труденъ, потому что было необыкновенно холодно. Наконецъ мы приѣхали вечеромъ въ Лондонъ. Герценъ и Огаревъ встрѣтили меня на желѣзной дорогѣ; моя маленькая дочь ихъ узнала, и обоюдная радость была безконечна.

Кебъ, взятый нами у дебаркадера, остановился передъ домомъ, стоящимъ отдельно; это былъ «Orseth house» (Westboro terrace Wybleton). Въ этотъ домъ переѣхали безъ меня. Наташа Герценъ находилась дома и съ ней вродѣ наставницы была англичанка miss Reeve, очень умная и образованная девушка среднихъ лѣтъ. Читая нѣкоторыя сочиненія Герцена, которыхъ были переведены по-англійски, miss Reeve написала Герцену сочувственное письмо и такимъ образомъ познакомилась съ нимъ.

Orseth house былъ домъ въ пять этажей, окруженный глубокимъ рвомъ. Внизу была кухня съ принадлежащими къ ней помѣщеніями и съ комнатой для повара. Въ слѣдующемъ этажѣ находилась столовая и возлѣ двѣ просторныя комнаты, гдѣ жили miss Reeve и Наташа. Оба эти этажа были ниже улицы. Въ третьемъ помѣщались: передняя съ входной дверью съ улицы, рабочій кабинетъ Герцена, очень просторный и большой салонъ, гдѣ стояло фортепіано, было два камина и только два окна; салонъ былъ не очень свѣтлъ. На верху находились три комнаты. Въ самой большой жилъ Огаревъ, потому что эта комната служила ему также рабочимъ кабинетомъ; рядомъ моя комната, гдѣ я жила съ моей малюткой, и далѣе комната Герцена. Выше, т. е. въ пятомъ этажѣ, были комнаты для женской прислуги, невысокія, маленькия, но свѣтлые и чистыя. Въ каждой стояла желѣзная кровать, стулъ, столикъ, умывальная принадлежности.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Англію, къ намъ приѣхалъ Александръ Александровичъ Герценъ съ своей невѣстой и съ ея семействомъ. Она провела недѣль шесть у насъ въ домѣ, а родные ея жили отдельно. Я только потому упомянула объ этомъ событии, что оно обрисовываетъ такъ хорошо характеръ Герцена. Хотя онъ былъ очень недоволенъ предстоящимъ бракомъ, но когда Е.... У.... приѣхала къ намъ съ женихомъ, Герценъ принялъ ее очень радушно,

обращался съ ней очень ласково, словомъ, былъ съ ней какъ съ до-
черью. Родители ея возвращались въ Америку, мы ихъ просили
оставить Е.... у насъ въ домѣ, чтобы она привыкла къ строю, къ
взглядамъ семьи; это было тѣмъ возможнѣе, что Александръ Але-
ксандровичъ Ѳхаль въ морское путешествіе съ Карломъ Фогтомъ на
цѣлые шесть мѣсяцевъ. Но мать не согласилась на это предложеніе,
говоря, что у насъ нѣтъ никого строгаго въ домѣ и что мы Е....
непремѣнно избалуемъ; и Е... должна была сопровождать своихъ
родителей въ Америку. Такъ какъ женихъ и невѣста были очень
молody, время, разлука охладили ихъ чувства, и бракъ этотъ не со-
стоялся.

Герценъ мнѣ рассказывалъ, что, во время моего отсутствія, г-жа
Оконель, занимающаяся живописью и вовсе незнакомая ему, на-
писала ему письмо и спрашивала его, не согласится ли онъ дать
ей пять сеансовъ, потому что она очень бы желала сдѣлать его пор-
третъ. Когда онъ пришелъ первый разъ, она приняла его очень
любезно, сказала ему, что много слышала о немъ и, занимаясь
живописью, желаетъ сдѣлать его портретъ для потомства. Каждый
разъ какъ Герценъ приходилъ, оканчивая сеансъ, она благодарила
его, говоря, что это большая честь для нея. Это была женщина лѣтъ
пятидесяти. Дальнѣйшая участъ портрета Герцена, сдѣланнаго ѿю,
мнѣ неизвѣстна.

Когда мы жили въ Orseth hous'ѣ, russkіе почти ежедневно явля-
лись къ Герцену; не мудрено было проникнуть и шпionу. Помню,
какъ къ намъ прѣхаль одинъ господинъ по фамиліи Хотскій, который
рассказывалъ, что будто былъ на-дняхъ на русскомъ кораблѣ, где
моряки, узнавъ, что онъ былъ уже у Герцена, сдѣлали ему овацию.
Хотскій остался ночевать на кораблѣ, и ему вместо подушки полу-
жили подъ голову «Полярную Звѣзду» и «Колоколь». Когда я
сопла вечеромъ въ гостиную, мнѣ пришлось тоже протянуть руку
Хотскому; но какое-то предчувствіе подсказало мнѣ, что его слѣ-
дуетъ осторегаться. Отвѣчая уклончиво на его вопросы относительно
присутствующихъ соотечественниковъ, я передала Герцену мои
опасенія. Онъ отвѣчалъ на это: «дѣйствительно, лицо его очень
несимпатичное».

Нѣсколько дней спустя, получено было изъ Петербурга письмо,

въ которомъ предупреждали Герцена, что г-нъ Хотскій, о которому шла рѣчь, служить въ третью отдельніи.

Узнавъ обо всемъ этомъ, итальянскіе революціонеры поручили двумъ лицамъ изъ своей среды постоянно и повсюду слѣдовать за г-номъ Хотскимъ, которому этотъ бдительный надзоръ вѣроятно не понравился, потому что онъ вскорѣ окончательно оставилъ Англію.

По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, время шло обычнымъ порядкомъ; каждое воскресеніе собирались эмигранты разныхъ странъ и нѣкоторые неосторожные соотечественники. Нашъ докторъ Девиль бывалъ чаще, чѣмъ прежде, и казался очень предупредителенъ, что было совсѣмъ не въ его характерѣ. Разъ Герценъ собирался на вечеръ съ Наташой, кажется, къ Мильнергинсону. Это случилось при Девилѣ, который, слыша, что Герценъ посыпаетъ Жюля за каретой, предложилъ свою и такъ настоятельно, что Герценъ наконецъ согласился воспользоваться его любезностью. Уступая просьbamъ Девиля, Герценъ сѣлъ съ Наташой въ карету, а Девиль сѣлъ на козлы возлѣ кучера. На другой день мы посмѣялись надъ перемѣной въ характерѣ Девиля. Нѣсколько дней позже, кажется, въ ближайшее воскресеніе, Девиль былъ опять у насъ и въ разговорѣ со мной выразилъ надежду, что и я поѣду когда-нибудь прогуляться въ его каретѣ съ Наташой и съ моей малюткой и что онъ намѣренъ заказать четырехмѣстную карету вмѣсто двухмѣстной, для того чтобы намъ было просторнѣе сидѣть въ ней. Онъ сказалъ, что желаетъ имѣть желтую карету. На эти слова Огаревъ возразилъ, что, по его мнѣнію, желтый цвѣтъ нѣдѣль для экипажа. Тогда Девиль пристально посмотрѣлъ на Огарева, ища какої-то тайный намекъ въ этомъ безразличномъ замѣчаніи.

Девиль становился все страннѣе, по моему мнѣнію, и втайне начинала находить, что желтый цвѣтъ идетъ къ нему.

Вскорѣ Девиль наѣхъ еще болѣе удивилъ; онъ имѣлъ объясненіе съ Герценомъ и просилъ руки его дочери, тогда очень молоденькой девочки, тогда какъ Девилю было за сорокъ лѣтъ. Крайне удивленный этимъ предложеніемъ, Герценъ благодарилъ его за честь, но отвѣчалъ, что Наташа такъ молода, что и не думаетъ о бракѣ.

Послѣ этого объясненія, болѣзнь Девиля стала еще рѣзче обозначаться. Мы кончили тѣмъ, что велѣли Жюлю не принимать его;

ио Девиль дарилъ и упрашивалъ прислугу, и Жюль, не понимая, какъ важно въ иныхъ случаяхъ послушаніе, впускаль Девиля, подвергнувъ разъ жизнь Герцена опасности.

Однажды утромъ рѣзко позвонили; это былъ Девиль. Увидавъ его уже въ передней, Герценъ попросилъ его въ салонъ. «А, скажаль Девиль, я узналъ, что вы дома, сегодня утромъ я хотѣль было вѣсъ убить, потомъ хотѣль застрѣлиться, теперь раздумалъ, продолжалъ онъ, цѣлуя Герцена». «Вы, можетъ, не вѣрите, взгляните, вотъ заряженный револьверъ...— Онъ его вынулъ изъ кармана и показалъ Александру Ивановичу.

— Теперь я опять добрый, счастливый и хотѣль бы видѣть всѣхъ людей счастливыми.

Насилу Герценъ уговорилъ его возвратиться домой.

Въ то время Юрий Николаевичъ Голицынъ очень бѣдствовалъ, но былъ на свободѣ, не помню, былъ ли онъ выпущенъ на поруки. Я сказала Огареву, что желала бы познакомиться съ прѣѣхавшей съ нимъ Юлией Федоровной, потому что она была очень одинока и должна была вскорѣ родить. Она мнѣ очень понравилась своимъ музыкальнымъ талантомъ и приводила меня въ удивленіе, играя Бетховенскія сонаты наизусть. Мы разговорились о ея положеніи, и я спросила, кого она намѣрена пригласить въ качествѣ доктора, такъ какъ въ Англіи ученыхъ акушерокъ тогда не было. Она отвѣчала мнѣ, что Юрий Николаевичъ хотѣль пригласить Девиля, потому что съ англичаниномъ ей невозможно было бы объясняться.

Мнѣ было весьма непріятно слышать это, но я не рѣшалась высказать ей мои опасенія относительно Девиля, и слишкомъ мало ее знала, чтобы давать ей совѣты. Я сказала только Юлии Федоровнѣ, что для себя намѣрена пригласить Пристлея.

Вскорѣ испросивъ у Наполеона III позволеніе о выѣздѣ въ Парижъ для свиданья съ больной дочерью Ольгой, Герценъ отправился съ Наташой въ Парижъ. Во время его отсутствія, мнѣ доложили разъ, что его спрашиваетъ французский аптекарь Жозо. Я вѣдьла отвѣтить, что Герценъ въ Парижѣ; тогда Жозо попросилъ меня принять его по важному дѣлу. Я пригласила его въ салонъ; онъ сѣлъ противъ меня, извиняясь, что обезпокоилъ меня.

— Я знаю, сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій, что ва-

ше семейство въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашимъ уважаемымъ докторомъ Девилемъ, а потому осмѣливаюсь спросить, не замѣчали ли вы или кто-нибудь изъ вашихъ что-нибудь странное за послѣднее время въ нашемъ уважаемомъ другѣ?

Я молчала, обдумывая, какъ отвѣтить на такой неожиданный вопросъ. Понявъ, вѣроятно, мое затруднительное положеніе, Жозо продолжалъ:

— Будьте увѣрены, что это останется между нами. Видите, я буду тоже вполнѣ откровененъ съ вами. Нѣсколько недѣль тому назадъ у моей служанки заболѣла нога такъ сильно, что она не могла почти ступить. Когда докторъ Девиль заѣхалъ по обыкновенію въ аптеку, я попросилъ его взглянуть на больную и прописать ей лѣкарство, на что онъ согласился очень охотно, осмотрѣлъ ногу и прописалъ рецептъ. Проводивъ и поблагодаривъ доктора, я отправился въ аптеку съ рецептомъ и тамъ развернулъ его. Это былъ наборъ словъ по-латыни, изъ котораго не выходило никакого смысла. Черезъ нѣсколько дней является въ аптеку посланный отъ больного съ подобнымъ рецептомъ, подписаннмъ докторомъ Девилемъ. Что же мнѣ дѣлать?! Мы обязаны исполнить немедленно предписаніе медика, а предписанія доктора Девиля безсмысленны, вредить же репутаціи доктора разглашеніемъ моихъ замѣчаній я не желалъ бы; докторъ Девиль такой прекрасный человѣкъ. По всему этому я желалъ спросить у васъ, не замѣчали ли г-нъ Герценъ или г-нъ Огаревъ что-нибудь странное, особенное въ ихъ пріятель докторѣ Девилѣ?

Я отвѣтала, что дѣйствительно странными доктора Девиля въ послѣднее время обратили вниманіе обояхъ друзей, что они предполагаютъ какую-то внезапную болѣзнь у доктора и что въ настоящее время докторъ Девиль настѣнно не пользуется. Жозо сказала, что, стало быть, его предположенія оправдались, встала и раскланялся.

На другой день по утру, но уже не рано, явился князь Юрій Николаевичъ Голицынъ и просилъ меня навѣстить Юлю Федоровну, если можно тотчасъ. Въ пять часовъ по утру, рассказывая князь Голицынъ, онъѣздилъ самъ за Девилемъ, который обѣщался быть немедленно у больной; однако время шло, а его все не было.

Наконецъ, въ исходѣ девятаго часа, онъ явился съ какимъ-то господиномъ на видъ очень порядочнымъ и хорошо одѣтымъ и, къ удивленію Юрія Николаевича, прошелъ съ нимъ прямо въ спальню Юліи Федоровны. Голицынъ поклонился незнакомцу и спросилъ его:

— Вы вѣроятно тоже докторъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ, я вовсе не медикъ; проводите меня пожалуйста отсюда, пока докторъ не смотрить на насъ, я вамъ расскажу, какъ я сюда попалъ.

Юрій Николаевичъ исполнилъ желаніе говорящаго. Когда они вышли въ садъ, незнакомецъ сказалъ ему:

— Я шелъ задумчиво по Regent street, двухмѣстная карета меня обгоняетъ, мужская голова выссовыvается изъ кареты, и незнакомый мужчина въ очкахъ зоветъ меня по-французски: «Monsieur, monsieur», кричалъ мнѣ господинъ изъ кареты, во имя чести, я требую, чтобы вы остановились». При этихъ словахъ, я поспѣшилъ подошелъ къ остановившейся каретѣ. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? — спросилъ я.

— Пойдемте со мной, не отказывайтесь, вы все узнаете послѣ; вы должны быть моимъ свидѣтелемъ, намъ нѣкогда терять время; во имя чести пойдемте. Я сѣлъ въ карету, и мы приѣхали сюда; болѣе я ничего не знаю, прощайте и извините мой неумѣстный визитъ, сказалъ незнакомецъ, кланяясь, и удалился.

«Юлія Федоровна, говорилъ князь Голицынъ, хотѣла о чѣмъ-то спросить доктора, но онъ ее не слушалъ, онъ говорилъ ей:

— Попробуйте мои волосы; не правда ли, какъ они мягки, а это потому, что я читаю Библію, чтѣ и вамъ совсѣмъ дѣлать.

«Видя, что Девиль не занимается больной, а только беспокоить ее своими пустыми рѣчами, я пригласилъ его напиться со мной кофе. Когда мы вошли въ столовую, все было уже на столѣ. Докторъ сѣлъ, разсѣянно пилъ, потомъ спросилъ:

— Князь, что мы пьемъ?

— Кофе, отвѣчалъ я, улыбаясь его разсѣянности.

— Вы меня отравили, вскричалъ онъ, я сейчасъ же обѣ этомъ заявлю полиції, всталъ и уѣхалъ.

«Не знаю, говорилъ смѣясь Юрій Николаевичъ, доносилъ ли онъ полиціи на меня или нѣтъ. Что же съ нимъ? Онъ въ самомъ дѣлѣ

съ ума сошелъ, жаль его, онъ былъ хороший докторъ и прямой человѣкъ. Однако, я заговорилъ, прибавилъ князь Голицынъ, надо сходить поскорѣй хоть за англійскимъ докторомъ; будьте такъ добры, посидите немного у насъ, вы хоть будете переводчицей, а то Юлия ни слова не знаетъ по-англійски».

Я пошла къ нимъ и взяла свою малютку, которая играла весь день въ ихъ саду съ своей нянечкой. Вечеромъ я сходила домой, чтобы уложить свою маленькую дочь, потомъ возвратилась къ Юлии Федоровнѣ. Добрая miss Reeve обѣщала никуда не отлучаться до моего возвращенія. Въ полночь у Юлии Федоровны родился сынъ; поздравивъ ее, я послѣшила отправиться домой. Князь Голицынъ проводилъ меня, но къ счастію мы тотчасъ встрѣтили полицейскаго, котораго я просила достать мнѣ карету, чтобы вернуться поскорѣй домой. Полицейскій поднесъ къ губамъ свистокъ и издалъ пронзительный звукъ. Вскорѣ послышался стукъ приближающейся кареты. Когда она подѣхала, онъ меня усадилъ въ нее и сказалъ, сколько слѣдуетъ заплатить.

Послѣ послѣднихъ похожденій Девиля у князя Голицына, для всѣхъ знакомыхъ доктора было несомнѣнно, что онъ психически боленъ. Но, несмотря на это, онъ продолжалъ ежедневно принимать больныхъ, пока не случилось какому-то горячему лорду заѣхать къ Девилю, чтобы попросить его дать ему что-нибудь отъ зубной боли. Девиль окинулъ его насмѣшившись взглядомъ и сказалъ:

— Я вамъ совсѣмъ надѣть кринолинъ.

Лорду не понравилась такая неумѣстная шутка, онъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ и довелъ до свѣдѣнія начальства, что докторъ Девиль сошелъ съ ума, а между тѣмъ принимаетъ ежедневно больныхъ.

Послѣдствіемъ этого заявленія было то, что ежедневный приемъ больныхъ у Девиля прекратился. Вскорѣ слухи о болѣзни доктора дошли и до его брата, который просилъ, чтобы братъ его, докторъ Девиль, былъ освидѣтельствованъ, а на имущество его было бы наложено запрещеніе. Когда нѣсколько докторовъ сѣхались въ квартире Девиля для освидѣтельствованія его и прибывшіе стали задавать ему разные вопросы, Девиль лукаво улыбнулся.

— Господа, сказалъ онъ, вы прїѣхали свидѣтельствовать меня, я

помню, мнѣ приходилось тоже дѣлать то, что вы дѣлаете нынче, задавать тѣ вопросы, которые вы мнѣ нынѣ предлагаете. Ну, что же, спрашивайте, я буду отвѣтить.

Доктора сконфузились и стали опровергать его догадки, но доктор Девиль стоялъ на своемъ.

— Зачѣмъ вы хотите меня обманывать, это безполезно, я глубоко убѣжденъ, что вы пріѣхали меня свидѣтельствовать, потомъ наложить арестъ на мое имущество, а меня засадить въ клѣтку въ очень пріятное заведеніе.

Дѣйствительно, всѣ эти предположенія сбылись. Доктора Девиля отправили съ полицейскимъ во Францію, гдѣ тотъ долженъ былъ сдать его въ домъ умалишенныхъ.

Оригинально, что самъ Девиль училъ полицейскаго, къ кому обращаться и какъ его сдать. Вскорѣ Девиль окончилъ тамъ жизнь.

По возвращеніи изъ Парижа, Герценъ разсказывалъ очень много о декабристѣ Волконскомъ, который показался ему очень симпатиченъ. Двоюродный братъ Герцена, Левицкій, сдѣлалъ тогда превосходную фотографію съ Герцена въ сидячемъ положеніи, облокотившагося на столъ. Фотографія эта уцѣлѣла у меня, я думаю, она очень извѣстна въ Россіи.

Послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, въ Парижѣ Герценъ впервые встрѣтился съ своей кузиной, Татьяной Петровной Пассекъ. Онъ много передавалъ о своемъ свиданіи съ ней, говорилъ, что Яковлевы дурно поступили съ ней, что они завладѣли ея честью; потому, когда Татьяна Петровна Пассекъ нуждалась въ деньгахъ, онъ давалъ ей, сколько она хотѣла, и никогда не спрашивалъ обратно. Въ меѧніяхъ онъ очень расходился съ другомъ юности. Татьяна Петровна Пассекъ была религіозна и находила въ монархическомъ правлениі спасеніе для своей родины.

Они спорили горячо, каждый крѣпко отстаивая свои убѣждѣнія, и разстались съ улыбкой, сознавая, что только могила умиротворить ихъ крайніе взгляды, но что, пока они живы, они будутъ борцами противоположныхъ лагерей.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Герцена изъ Франціи, къ нему пріѣхали гости, которые насъ всѣхъ очень интересовали: Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ и Левъ Николаевичъ Толстой. Перваго мы знали давно,

привыкли къ его капризамъ и маленьkimъ странностямъ, послѣднаго мы видѣли въ первый разъ.

Незадолго до отѣзда изъ Россіи, Огаревъ и я читали съ восторгомъ «Дѣтство», «Отрочество», «Юность» Толстаго, его рассказы о Крымской войнѣ.

Огаревъ постоянно говорилъ объ этихъ произведеніяхъ и объ ихъ авторѣ.

Прѣѣхавъ въ Лондонъ, мы спѣшили подѣлиться съ Герценомъ разсказомъ о новомъ, необыкновенно даровитомъ писателѣ. Оказалось, что Герценъ читалъ уже многое изъ его сочиненій и восхищался ими. Особенно удивлялся Герценъ его смѣлости говорить о такихъ тонкихъ, глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя, быть можетъ, испытаны многими, но которыхъ никѣмъ не были высказаны. Что касается до его философскихъ воззрѣній, Герценъ находилъ ихъ слабыми, туманными, часто бездоказательными.

Толстой у насъ въ домѣ, думали мы съ Наташой и спѣшили въ гостиную, чтобы взглянуть на замѣчательнаго соотечественника нашего, котораго читала вся Россія. Когда мы вошли, графъ Толстой о чёмъ-то горячо спорилъ съ Тургеневымъ. Огаревъ и Герценъ тоже принимали участіе въ этомъ разговорѣ. Въ то время (въ 61 году) Толстому было на видъ около тридцати пяти лѣтъ; онъ былъ средняго роста, черты его лица были некрасивы, большие сѣрые глазы исполнены какой-то проницательности и задумчивости. Странно только, что вообще выраженіе его лица никогда не имѣло того дѣтскаго добродушія, которое виднѣлось иногда въ улыбкѣ Ивана Сергеевича и было такъ привлекательно въ немъ.

Когда мы вошли, начались обыкновенные представленія. Конечно, Толстой и не воображалъ, съ какимъ трепетомъ мы пожали его руку и не говорили даже съ нимъ, а только слушали его разговоры съ другими. Онъ єздилъ къ намъ ежедневно. Спустя нѣсколько дней, стало очевидно, что, какъ писатель, онъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ какъ мыслитель, потому что онъ былъ иногда нелогиченъ; сторонникъ фатализма, онъ часто имѣлъ горячіе споры съ Тургеневымъ, въ которыхъ они говорили другъ другу весьма непріятныя вещи. Когда споры прекращались и Толстой былъ въ хорошемъ настроеніи, онъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на фортепі-

ано, солдатскія пѣсни, сочиненные имъ въ Крыму во время войны:

„Какъ восьмого сентября
Насъ нелегкая несла
Горы занимать, горы занимать“

и другія подобныя пѣсни.

Слушая его, мы много смеялись, но въ сущности было тяжело слушать о всемъ, что дѣлалось тогда въ Крыму. Какъ бездарнымъ генераламъ вручалась такъ легкомысленно участъ многихъ тысячъ солдатъ, какъ невообразимое воровство достигло высшихъ предѣловъ. Воровали даже корплю и продавали ее врагамъ, а наши солдаты терпѣливо умирали.

Въ 61 году, не задолго до освобожденія крестьянъ, разъ Герценъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ русскаго, который просилъ позволенія представиться ему. Письмо это было написано просто, но съ достоинствомъ и не безъ орографическихъ ошибокъ. Герценъ отвѣчалъ, какъ всегда, что радъ видѣть русскаго. Вскорѣ явился молодой человѣкъ и объяснилъ, что онъ крестьянинъ с. Промзина, Симбирской губерніи, по фамиліи Мартыновъ. Онъ былъ высокаго роста, стройный блондинъ съ правильными чертами лица, выраженіе котораго казалось немного холодное, насыщеннѣе и исполненное собственнаго достоинства. Онъ занялся какими-то переводами и прожилъ въ Лондонѣ довольно долго. Сначала Герценъ относился къ нему нѣсколько недовѣрчиво, но вскорѣ характеръ Мартынова такъ обрисовался рѣзко, что немыслимо было подозрѣвать его въ шпионствѣ. Мартыновъ отличался необыкновенно прямымъ нравомъ и рѣзко опредѣленнымъ возврѣніемъ; онъ вѣровалъ въ русскій народъ и въ русскаго земскаго царя.

Вообще Мартыновъ не былъ особенно разговорчивъ, но иногда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ.

Онъ любилъ дѣтей, часто разговаривалъ съ моей малюткой и уважая подарилъ ей на память черные бусы изъ высушенныхъ сѣмянъ какого-то кавказскаго растенія. Я сберегла ей эти бусы, и она уже большая носила ихъ и хранила.

Грустно сознавать, что этотъ вполнѣ вѣрноподданный русскій погибъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ, польскихъ демонстрацій и русскаго умиротворенія Польши, Мартыновъ рѣшился возвратиться въ Россію. На границѣ онъ былъ задержанъ и сосланъ въ Сибирь. За что, онъ не зналъ.

Но я забываю впередъ, а мнѣ придется говорить еще о немъ.

Слухи объ освобожденіи крестьянъ наконецъ подтвердились, перестали быть слухами, сдѣлались истиной, великой и радостной правдой. Читая «Московскія Вѣдомости» въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, Герценъ пробѣжалъ начало манифеста, сильно дернувшись за звонокъ, не выпуская изъ рукъ газету, бросился съ ней на лѣстницу и закричалъ громко своимъ звучнымъ голосомъ:

— Огаревъ, Натали, Наташа, да идите скорѣй!

Jules первый прибѣжалъ и спросилъ:

— Monsieur a sonn ? (Вы звонили?)

— Je ne sais pas peut-être mais que diable Jules allez donc les chercher tous, vite-vite; qu'est-ce qu'ils ne viennent pas? (Можетъ быть, но что же они не идутъ? Идите скорѣе, отыщите всѣхъ).

Жюль смотрѣлъ на Герцена съ удивленіемъ и удовольствіемъ.

— Monsieur a l'air bien heureux. (У васъ очень веселый видъ), сказалъ онъ.

— Ah! diable, je crois bien. (Да, я думаю), отвѣчалъ разсѣянно Герценъ.

Въ одну минуту мы всѣ сбѣжались съ разныхъ сторонъ, ожидая что-то особенное, но по голосу Герцена скорѣй хорошее. Герценъ махалъ намъ издали газетой, не отвѣчая на наши вопросы о томъ, что случилось, наконецъ вернулся въ свой кабинетъ, и мы за нимъ.

— Садитесь всѣ и слушайте, сказалъ Герценъ и стала намъ читать манифестъ. Голосъ его прерывался отъ волненія, наконецъ онъ передалъ газету Огареву и сказалъ:

— Читай, Огаревъ, я больше не могу.

Огаревъ дочиталъ манифестъ своимъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, хотя внутри онъ былъ не менѣе радъ, чѣмъ Герценъ, но все въ немъ проявлялось иначе, чѣмъ въ Герценѣ.

Потомъ Герценъ предложилъ Огареву идти вмѣстѣ прогуляться по городу, ему нужно было воздуха, движенья. Огаревъ пред-

почиталъ свои уединенные прогулки, но на этот разъ онъ охотно принялъ предложеніе своего друга. Въ восемь часовъ вечера они вернулись къ обѣду. Герценъ поставилъ на столъ маленькую бутылку кирасо; мы все выпили по рюмкѣ, поздравляя другъ друга съ великой и радостной вѣстью.

— Огаревъ, сказалъ Герценъ, я хочу праздновать у себя дома у насъ это великое событие. Быть можетъ, продолжалъ онъ съ одушевленіемъ, въ нашей жизни и не встрѣтится болѣе такого свѣтлаго дня. Послушай, мы живемъ какъ работники, все трудъ, работа, надо когда-нибудь и отдохнуть и взглянуть назадъ, какой путь нами пройденъ, и порадоваться счастливому исходу вопроса, который намъ очень близокъ, быть можетъ, въ немъ и наша лепта есть.

— А вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ Наташой, вы должны намъ приготовить цвѣтныя знамена и нашить на нихъ крупными буквами изъ бѣлого коленкору на одномъ: «освобожденіе крестьянъ въ Россіи 19 февраля 1861 года», на другомъ: «вольная русская типографія въ Лондонѣ» и пр. Днемъ у насъ будетъ обѣдъ для русскихъ, я напишу статью по этому поводу и прочту ее; эпиграфъ уже найденъ: «ты побѣдилъ, галилеянинъ». «Да, государь побѣдилъ меня исполненіемъ великой задачи». На русскомъ обѣдѣ я предложу у себя въ домѣ тостъ за здоровье государя. Кто бы ни отстранилъ препятствія, которыми замедляли шествіе Россія къ своему совершенствованію и благосостоянію, онъ дѣйствуетъ не противъ насъ. Вечеромъ будутъ приглашены не только русскіе, но всѣ иностранцы, сочувствующіе этой великой реформѣ, всѣ, которые радуются вмѣстѣ съ нами.

Наконецъ день праздника былъ назначенъ. Начались приготовленія: шили флаги, писали слова по-англійски, готовили плошки, разноцвѣтные стаканчики для иллюминаціи дома. Услыша о намѣреніи Герцена праздновать освобожденіе крестьянъ, князь Голицынъ вызвался написать quartetъ, который назвалъ «Emancipation», и исполнилъ его у насъ въ день празднества.

Въ назначенный день съ утра было не очень много гостей, только русскіе и поляки. Между прочими Мартыновъ, князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ, графъ Уваровъ; Тхоржевскій прїѣхалъ

позже всѣхъ; помню, мы были всѣ въ салонѣ, когда онъ вошелъ.

— Александръ Ивановичъ, не веселый праздникъ, въ Варшавѣ русскіе лютъ кровь поляковъ! сказалъ Тхоржевскій запыхавшись.

— Что такое? вскричалъ Герценъ.

— Не можетъ быть! кричали другіе. Тхоржевскій вынуль изъ кармана фотографическія карточки убитыхъ, только-что полученные имъ изъ Варшавы.—Тамъ были демонстраціи, разсказывалъ Тхоржевскій, поляки молились на улицахъ, вдругъ раздалась команда, русскіе выстрѣлы положили нѣсколько человѣкъ колѣнопреклоненныхъ¹⁾.

Всѣ окружили Тхоржевскаго, разсматривали карточки убитыхъ. Герценъ былъ блѣденъ и молчаливъ. Лицо его омрачилось, безпокойное, тревожное, грустное выраженіе смѣнило спокойное и свѣтлое.

Жюль доложилъ, что обѣдъ поданъ. Всѣ спустились въ столовую, на всѣхъ лицахъ замѣтно было тяжелое настроеніе. Обѣдъ прошелъ тихо. Когда подали шампанское, Герценъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и провозгласилъ тостъ за Россію, за ея преуспѣяніе, за ея благоденствіе, совершенствованіе и пр. Всѣ встали съ бокалами въ рукахъ, горячо отвѣчали, провозглашая другіе тосты, и чокались горячо. У всѣхъ сердце усиленно билось... Герценъ сказалъ краткую рѣчь, изъ которой помню начало. «Господа, нашъ праздникъ омраченъ неожиданной вѣстью, кровь льется въ Варшавѣ, славянская кровь, и лютъ ее братья-славяне!» Все стихло, всѣ молча усѣлись на свои мѣста.

Вечеромъ домъ былъ освѣщенъ; флаги развѣвались на немъ; князь Голицынъ дирижировалъ квартетъ въ салонѣ. По приглашенію Герцена въ «Колоколѣ», собрались кромѣ русскихъ и поляковъ итальянскіе эмигранты съ Мадзини и Саффи; французскіе, между

1) Для русскихъ нѣть надобности опровергать тѣ клеветы, которыя распространяли поляки у себя дома и за границею о русскихъ. Мы знаемъ, до какихъ униженій были доведены войска только ради терпимости, противупоставленной тогдашнимъ начальствомъ наглости поляковъ. Конечно, Герценъ не имѣлъ возможности проверять факты, а основывалъ свои сужденія исключительно на лжи.

Пр. редак.

которыми выделялись Луи Блань и Шоландье; нѣмцы, англичане и много незнакомыхъ поляковъ и русскихъ.

Минутами казалось, что Герценъ забывалъ о варшавскихъ событияхъ, оживлялся. Разъ даже стала на стуль и съ одушевлениемъ сказаль: «новая эра настаетъ для Россіи, и мы будемъ, господа, въ Россіи, я не отчаяваюсь, 19 февраля великий день!» Ему отвѣчали восторженно Кельсіевъ и какіе-то незнакомые соотечественники. Было такъ много народа на этомъ празднике, что никто не могъ сѣсть. Даже кругомъ нашего дома стояла густая толпа, такъ что полицейскіе во весь вечеръ охраняли нашъ домъ отъ воровъ.

Какой-то фотографъ снялъ видъ съ нашего дома, освѣщенного, украшенного флагами. На крыльцѣ виднѣлась фигура князя Юрія Николаевича Голицына. Эта фотографія находилась на оболочкѣ напечатанного квартета «Emancipation» князя Голицына. Одинъ экземпляръ сохранился у меня, но онъ былъ отобранъ вмѣстѣ съ книгами на русской границѣ.

Нѣсколько дней послѣ этого празднства, Герценъ написалъ статью подъ заглавіемъ: «Mater dolorosa», въ которой выражалъ сочувствіе къ пострадавшимъ полякамъ и напечаталъ ее въ ближайшемъ № «Колокола».

Прочитавъ эту горячую статью, Мартыновъ пришелъ къ Герцену и сказалъ ему:

— Похоронили вы, Александръ Ивановичъ, сегодня «Колоколь», нѣть, ужь теперь вы его не воскресите, похоронили.

Итакъ первый ударъ «Колоколу» былъ нанесенъ самимъ Герценомъ, тѣмъ что онъ показалъ сочувствіе къ пострадавшей Польшѣ. Самолюбіе было оскорблено, и всѣ мало-по-малу отвернулись отъ лондонскихъ изданій. Второй ударъ «Колоколу» былъ нанесенъ позже Михаиломъ Александровичемъ Бакунинымъ. Однажды послѣ обѣда мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, когда почтальонъ позвонилъ и Герцену подали огромное письмо. Оно было отъ Бакунина, который писалъ изъ Америки, описывалъ свое бѣгство изъ Сибири, сочувствіе къ нему въ Америкѣ.

XII.

Пріѣздъ Бакунина въ Лондонъ.—Посланые Жонда.—Нефтали.—Неожиданная встреча.—Потебня.

Бакунинъ выражалъ надежду быть скоро въ Лондонѣ и помочь обоимъ друзьямъ въ ихъ пропагандѣ, содействовать, сотрудничать въ «Колоколѣ» и проч. Дочитавъ письмо, Герценъ задумался и сказалъ Огареву:

— Признаюсь, я очень боюсь пріѣзда Бакунина, онъ навѣрно испортить наше дѣло. «Ты знаешь, Огаревъ, что о немъ говорилъ въ 48 году не помню Косидьеръ или Ламартинъ¹⁾: «notre ami Bacounine est un homme impayable le jour de la Révolution, mais le lendemain il faut absolument le faire fusiller, car il sera impossible d'établir un ordre quelconque avec un pareil anarchiste».

Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явлений. Вдѣбакъ Бакунинъ на западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаний, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр. Что касается до Бакунина, то онъ ничего не видѣлъ, не задавался никакими вопросами.

Я очень хорошо помню первое появленіе Бакунина въ нашемъ домѣ; вотъ какъ это произошло.

Былъ девятый часъ вечера, всѣ сидѣли за столомъ, а я по недѣлорю обѣдала въ той же комнатѣ, лежа на диванѣ. Услыша сильный звонокъ, Жюль побѣжалъ къ входной двери наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи посѣтеля; это былъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Не помню, говорила ли я раньше о его наружности. Онъ былъ очень высокаго

1) „Нашъ другъ Бакунинъ несочѣненный человѣкъ въ день революціи, но на слѣдующій день надо непремѣнно велѣть его разстрѣлять, потому что съ такимъ анархистомъ немыслимо учрежденіе какого бы то ни было порядка.”

роста, умное и выразительное лицо, въ его чертахъ было много сходства съ типомъ Муравьевыхъ, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ. При появлениі Бакунина всѣ встали. Мужчины обнимали другъ друга, Герценъ представилъ Бакунину дѣтей и Мейзенбугъ, которая случайно обѣдала съ нами. Поздоровавшись со всѣми, Бакунинъ подошелъ ко мнѣ. Вспомнилъ о нашемъ свиданіи въ Берлинѣ незадолго до дрезденскихъ баррикадъ, гдѣ онъ былъ взятъ и переданъ австрійцамъ.

— Не хорошо лежать, говорилъ онъ мнѣ съ оживленіемъ, выzdoravlivайте, надо дѣйствовать, а не лежать. Бакунинъ сѣль тоже за столъ, обѣдъ сталъ очень оживленъ. Послѣ Бакунинъ намъ рассказывалъ о своемъ заключеніи въ Австріи. Хотя я говорила уже о томъ, но хочу передать, насколько помню, его разсказъ.

Прикованный къ стѣнѣ въ подземельномъ тюремномъ замкѣ, онъ дошелъ до такой тоски, что рѣшился на самоубийство и стала глотать фосфоръ со спичекъ. Но эта мѣра была неудовлетворительна: причинивъ себѣ боли въ желудкѣ, онъ все-таки остался живъ. Года черезъ полтора или два такого существованія, разъ ночью, рассказывалъ Бакунинъ, онъ былъ пробужденъ непривычнымъ шумомъ. Двери шумно отворялись и запирались, замки щелкали; наконецъ шаги идущихъ приблизились, разные начальники вошли въ тюрьму: смотритель тюрьмы, сторожа и какой-то офицеръ. Бакунину приказали одѣваться. «Я ужасно обрадовался, говорилъ Бакунинъ, разстрѣливать ли ведутъ, въ другую ли тюрьму переводятъ, все перемѣна, стало, все къ лучшему. Меня повезли въ закрытомъ экипажѣ на желѣзную дорогу и посадили въ закрытый вагонъ съ крошечными окнами. Вагонъ этотъ, вѣроятно, переставляли, когда нужно было мѣнять поѣзда, меня не выводили ни на одной станції».

«Чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, я придумалъ просить поѣсть, но это не привело къ желанному результату, мнѣ принесли поѣсть въ вагонъ. Наконецъ мы добрались до конечной цѣли нашего путешествія. Меня вывели скованного изъ темнаго вагона на ярко освѣщенный зимнимъ солнцемъ дебаркадеръ. Окидывая бѣглымъ взглядомъ станцію, я увидалъ русскихъ солдатъ, сердце мое радостно дрогнуло, и я понялъ, въ чёмъ дѣло».

— Ну, повѣришили, Герценъ, я обрадовался, какъ дитя, хотя не

могъ ожидать ничего хорошаго для себя. Повели меня въ отдельную комнату, явился русскій офицеръ, и началась сдача меня, какъ вещи; читали официальная бумаги на нѣмецкомъ языкѣ. Австрійскій офицеръ, жиденький, сухощавый, съ холодными, безжизненными глазами, сталъ требовать, чтобы ему возвратили цѣпи, надѣтые на меня въ Австріи. Русскій офицеръ, очень молоденький, застѣнчивый съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, тотчасъ согласился на обмѣнъ цѣпей. Сняли австрійскіе кандалы и немедленно надѣли русскіе. Ахъ, друзья родные, цѣпи мнѣ показались легче, я имъ радовался и весело улыбался молодому офицеру, русскимъ солдатамъ. Эхъ, ребята, сказалъ я, на свою сторону знать умѣрать. Офицеръ возразилъ: не дозволяется говорить. Солдаты молча и съ любопытствомъ поглядывали на меня. Потомъ меня посадили въ закрытый экипажъ вродѣ курятника съ маленькими отверстіями вверху. Ночь была очень морозная, а я отвыкъ отъ свѣжаго воздуха. Вы знаете остальное, я писалъ, что былъ посаженъ въ Петрошавловскую крѣпость, потомъ въ Шлиссельбургскую, что Николай Павловичъ приказалъ мнѣ написать разсказъ о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ заграницей. Я исполнилъ его желаніе и въ концѣ моей исповѣди прибавилъ: государь, за мое откровеніе, простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи. По вocationи Александра Николаевича, я былъ сосланъ въ Сибирь; эта благодатная вѣсть застала меня въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ Сибири мнѣ было очень хорошо, Муравьевъ умнѣйший человѣкъ, онъ меня не тѣсnilъ, но пословица справедлива: какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсь гладить. Хоть и совѣтно, а пришлось и друзей обмануть, чтобъ вырваться на волю.

Однако предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ прѣѣзда Бакунина польская струнка живѣй забилась въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ «Колоколѣ» свои статьи; но, замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдельными брошюрами, или печатать въ изданіяхъ, называемыхъ: «Голоса изъ Россіи», потому что взгляды ихъ расходились, а Герценъ не желалъ печатать въ «Колоколѣ» тѣ статьи, съ которыми внутренне не былъ вполнѣ согласенъ. Главное несчастіе заключалось въ томъ, что взгляды

Огарева и Бакунина были какъ-то ближе, и послѣдній возымѣлъ большое вліяніе на первого. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда сознавалъ, что Огаревъ ошибается.

Въ то время русскіе еще много прѣважали, но болѣе съ упреками, съ замѣчаніями относительно симпатіи къ Польшѣ и заступничества за нее. На эти нападенія Герценъ отвѣчалъ рѣзко, что гуманность его девизъ, что онъ всегда будетъ на сторонѣ слабаго и что онъ не можетъ цѣной неправды купить сочувствіе соотечественниковъ. Въ тотъ же годъ, т. е. въ 1861 году, прѣѣхалъ изъ Россіи докторъ, по фамиліи Нефталь, съ женой. По чертамъ его лица, можно было угадать, что онъ еврей; впрочемъ, онъ и не скрывалъ своего происхожденія. Онъ былъ очень знающій медикъ, слѣдилъ постоянно за наукой, и въ его практикѣ были совершенно новые приемы. Но я сознаюсь, что отнеслась къ нему нѣсколько скептически, потому что не имѣла случая видѣть сама его знаніе на практикѣ. Замѣтно было, что Нефтали живутъ особенно уединенно. Нефталь бывалъ у насъ часто, а жена его все собиралась сдѣлать мнѣ визитъ. Не придавая ни малѣйшей важности визитамъ, я подумала, что она вѣроятно очень занята маленькимъ ея ребенкомъ, за три мѣсяца до того явившимся на свѣтъ, и потому я поѣхала первая къ ней. Когда мой кабъ остановился у дома, въ которомъ Нефтали занимали нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, замѣтно было, что какая-то закутанная фигура осматривала подъѣхавшій экипажъ и сидящую въ немъ. Потомъ мнѣ отперли дверь, и г-жа Нефталь меня очень любезно принялася. Послѣ моего посѣщенія, вскорѣ она стала присыпать къ намъ съ няней своего ребенка, который ежедневно гулялъ въ паркѣ съ моими дѣтьми. Но сама г-жа Нефталь все обѣщала и откладывала свой визитъ къ намъ. Наконецъ, Герценъ пригласилъ ее съ мужемъ отобѣдать у насъ. Нефталь спросилъ только, кто еще будетъ изъ знакомыхъ. Герценъ отвѣчалъ отрицательно, забывъ, что звалъ князя Долгорукова. Въ назначенный день Нефтали прїѣхали. Передъ обѣдомъ я сидѣла съ г-мей Нефталь на верху въ салонѣ, и мы недолго бесѣдовали тамъ, какъ раздался звонокъ, и вскорѣ появился князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ. Я немедленно познакомила князя съ г-жей Нефталь. Они пожали другъ другу руку, и завязался общій

разговоръ; потомъ Петръ Владимировичъ спросилъ у меня, гдѣ мужчины. Я отвѣчала, что они сидятъ внизу. Тогда князь всталъ, чтобы идти къ нимъ въ столовую; почтительно раскланиваясь съ г-жей Нефталь, сказалъ ей, что будетъ имѣть честь представиться къ ней на днѧхъ. Г-жа Нефталь, какъ свѣтская женщина, была тоже необыкновенно любезна съ княземъ; но когда онъ удалился, она съ трудомъ перевела духъ и, обмахиваясь платкомъ, сказала: «я боялась, что мнѣ сдѣлается дурно, я вамъ все разскажу». Я поспѣшила позовонить и велѣла подать свѣжей воды. Когда г-жа Нефталь выпила стаканъ воды и оправилась немножко, она мнѣ сказала слѣдующее. «Вотъ почему я къ вамъ не рѣшаласьѣхать, я боялась какой-нибудь встрѣчи, особенно съ княземъ Долгоруковыемъ; я чувствовала, что я его встрѣчу здѣсь. Сколько разъ онъ у меня обѣдалъ, вѣдь я была замужемъ за его двоюроднымъ братомъ и бѣжала съ Нефталемъ... я была очень несчастна въ замужествѣ... вѣроятно, князь меня узналъ такъ же хорошо, какъ я его, но какой тактъ, какая деликатность съ его стороны»...

Съ тѣхъ поръ князь Долгоруковъ бывалъ часто у г-жи Нефталь, обѣдалъ у нихъ, восхищался ихъ сыномъ. Это былъ дѣйствительно замѣчательный ребенокъ: очень большой для своего возраста, смуглый, кудрявый, съ огромными черными глазами, онъ могъ бы служить прекраснымъ моделемъ для изображенія Иоанна Крестителя въ дѣтствѣ. Отецъ его, какъ сказано выше, былъ еврей красивой наружности, а мать — грузинка изъ царственнаго дома грузинскихъ князей. Послѣ нашего отѣзда на континентъ въ 1864 году, Нефтали уѣхали на всегда въ Америку, гдѣ Нефталь пріобрѣлъ большую славу, какъ медикъ.

Между прочими соотечественниками, пріѣзжавшими къ Герцену, помню О. Онъ мало говорилъ, казалось, всматривался въ дѣятельность издателей «Колокола». Вскорѣ онъ сблизился съ Огаревымъ и усердно помогалъ ему въ изложеніи нуждъ народа въ брошюре подъ названіемъ: «Что нужно народу». Наружности онъ былъ довольно симпатичной, средняго роста, широкъ въ плечахъ, носилъ огромные усы, напоминающіе наружность покойнаго короля Италии Виктора Эммануила. О. прожилъ довольно долго въ Лондонѣ и въ то время относился очень сочувственно къ

Герцену и Огареву.

Около этого же времени явился въ Лондонъ одинъ молодой натуралистъ Борщевъ. Онъ былъ страстный естествоиспытатель. Кажется, онъ мало занимался внутреннимъ политическимъ строемъ Россіи, но энергично работалъ въ своей сферѣ и ждалъ только есть науки всѣхъ благъ для человѣчества. Онъ былъ весь поглощенъ изслѣдованіями, наукой. Въ молодости Герценъ тоже много и горячо занимался естественными науками и потому быть можетъ отнесся съ большой симпатіей къ Борщеву и не переставалъ говорить, что онъ былъ бы счастливъ, еслибы судьба послала его dochери такого мужа, какъ Борщевъ. Но Борщеву и Н. А. не суждено было встрѣтиться на жизненномъ пути.

Одно лѣто мы провели въ Торкей (въ Девонширѣ). Мальвида Мейзенбугъ пріѣхала туда изъ Италии съ Ольгой, я изъ Лондона съ Наташой и моей малюткой. Огаревъ и Герценъ только навѣща-ли насъ, но не могли жить постоянно въ Торкей, потому что обстоятельства требовали ихъ присутствія въ Лондонѣ, — дѣла вольной русской типографіи и пріемъ соотечественниковъ, которые пріѣзжали для свиданья съ издателями «Колокола» и привозили много материала для типографіи. Въ это лѣто Татьяна Петровна Пассекъ вздумала навѣстить Герцена. Она пріѣхала въ Лондонъ и телеграфировала ему; тогда онъ послѣшилъ оставить Торкей и встрѣтить ее на желѣзной дорогѣ. Мы всѣ ей очень обрадовались; она имѣла какой-то даръ привлекать къ себѣ людей своей мягкостью и чисто русскимъ добродушіемъ. Къ несчастью, она пробыла у насъ очень недолго. Скоро Мальвида Мейзенбугъ собралась и уѣхала въ Италию съ обѣими дочерьми Герцена; дорогой онъ заѣхали въ Ниццу, где была похоронена жена Герцена. Оттуда Наташа (старшая дочь Герцена) написала мнѣ въ Лондонъ, разсказывая о своихъ воспоминаніяхъ, относящихся до кончины ея ма-

тери. Это письмо было напечатано Т. П. Пассекъ въ одномъ изъ томовъ «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Въ бытность Бакунина въ Лондонѣ, между пріѣзжими изъ Россіи помню одного армянина по имени Н—овъ. Онъ былъ лѣтъ тридцати, не раслывій, неловкій, застѣнчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствія ко всему хорошему. Онъ обладалъ большими средствами, какъ замѣтно было и какъ мы слышали раньше отъ его товарища С. Окончивъ курсъ, кажется, въ Московскомъ университѣтѣ, онъ путешествовалъ для своего удовольствія, быть въ Китаѣ; по возвращенію въ Россію, слышалъ о «Колоколѣ», о Герценѣ и рѣшился побывать въ Лондонѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ къ Александру Ивановичу, онъ едва могъ говорить отъ замѣшательства. Однако потомъ обрадованный радушнымъ пріемомъ Герцена, бывать очень часто у насъ. Бакунинъ имѣ окончательно завладѣлъ; каждый день ходилъ съ нимъ по Лондону и настоялъ, чтобъ Н—овъ сдѣлалъ свою фотографическую карточку. Это желаніе было исполнено очень оригинально: Н—овъ снялъ свою карточку, сидя спиной съ газетой въ рукахъ. Этотъ странный человѣкъ прожилъ мѣсяца два въ Лондонѣ, совершенно довольный своимъ пребываніемъ въ Англіи и не принимая никакого участія въ дѣлахъ русской пропаганды. Однако на возвратномъ пути въ Россію, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ какую-то крѣпость на востокѣ, где вѣроятно его позабыли. Онъ погибъ отъ неосторожности Бакунина, который расхвалилъ его въ письмѣ къ комуто изъ своихъ родныхъ въ Россіи. Письма Бакунина, конечно, вскрывались на почтѣ. Было дано знать на границу, и Н—овъ поплатился за дружбу съ Бакунинымъ. Мы никогда не слыхали болѣе объ участіи этого вполнѣ хорошаго и достойнаго человѣка. Грустно признаться, что не одинъ Н—овъ пострадалъ отъ неосторожности Бакунина. Послѣдній въ письмахъ имѣлъ какуюто чисто дѣтскую невоздержанность на языке. Я не говорила еще о томъ, что до освобожденія крестьянъ пріѣзжали три члена

жонда, т. е. подпольного правления въ Варшавѣ; между ними помыло имя Дементовича. Они прѣѣзжали затѣмъ, чтобы заручиться помощью Герцена. Увидавъ ихъ, Бакунинъ началъ было говорить о тысячахъ, которыхъ Герценъ и онъ могутъ направить куда хотятъ. Но, слушая Бакунина, они вопросительно смотрѣли на Герцена, который сказалъ откровенно, что не располагаетъ никакой материальной силой въ Россіи, но что онъ имѣть вліяніе на нѣкоторое меньшинство своимъ словомъ и искренностью.

Сначала Герценъ убѣждалъ этихъ господъ оставить всѣ замыслы возстанія, говоря, что не будетъ пользы: Россія сильна, говорилъ Герценъ, Польшъ съ ней не тягаться. Россія идетъ путемъ постепенного прогресса, пользуйтесь тѣмъ, что она выработаетъ. Ваше возстаніе ни къ чemu не поведеть, только замедлитъ или даже повергнетъ всپять ходъ развитія Россіи, а стало быть и вашего. Передайте жонду мои слова. Въ чемъ же можетъ состоять сближеніе между нами, продолжалъ Герценъ. Жалъя Польшу, мы не можемъ сочувствовать ея аристократическому направленію; освободите крестьянъ съ землею, и у насъ будетъ почва для сближенія.

Но посланные жонда молчали или уклончиво говорили, что освобожденіе крестьянъ еще не подготовлено въ Польшѣ. Тогда Герценъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ не только русскіе не будутъ имѣть сочувствовать, но что и польскіе крестьяне поймутъ, что имѣ не за что подвергаться опасности, и примкнутъ въ концѣ концовъ къ русскому правительству, чтд позже и произошло въ дѣйствительности.

Такъ посланники и уѣхали обратно, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній.

Послѣ варшавскихъ волненій и во время мѣропріятій со стороны русского правительства для усмиренія покоренной страны, прѣѣзжалъ къ Герцену русскій офицеръ (Потебня), который оставилъ свой полкъ, но продолжалъ жить въ Варшавѣ, гдѣ онъ являлся во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ то въ статскомъ платьѣ, то въ одеждѣ ксендза или монаха. Иногда онъ сталкивался со своими сослуживцами по полку, но никто не узнавалъ его. Потебня былъ блондинъ, средняго роста, симпатичной наружности. Герценъ и Огаревъ его очень полюбили и уговаривали остаться въ Лондонѣ,

но онъ не согласился. Говорили, что онъ влюбился въ польку и перешелъ на сторону поляковъ. Онъ прѣзжалъ нѣсколько разъ въ Лондонъ; въ послѣдній разъ онъ говорилъ: «я не буду стрѣлять въ русскихъ, рука моя не поднимется». Оставайтесь съ нами, возражалъ Герценъ. «Нельзя», отвѣчалъ онъ съ печальной улыбкой.

Потебня былъ необыкновенно ласковъ съ дѣтьми. Моя старшая дочь, тогда четырехъ лѣтъ, очень полюбила его. Присутствуя часто при разговорахъ, но занятая своими игрушками, казалось, она ничего не замѣчала. Однако мы были разъ поражены ея словами, обращенными къ Потебню. Это было въ послѣдній вечеръ, проведенный имъ въ Orseth-housѣ. Молодой офицеръ посадилъ ее на колѣни и о чёмъ-то говорилъ съ ней. Вдругъ она сказала: «милый Потебня, не уѣзжай, останься у насъ». — «Нельзя, отвѣчалъ онъ, но я скоро прѣду, я вѣдь недалеко ёду, на югъ Франціи». — «О нѣтъ, сказала она, ты ёдешь въ Польшу, тебя тамъ убьютъ».

Тогда Герценъ вскричалъ: «насъ не слушаете, послушайте хоть голосъ ребенка, который вамъ дѣлаетъ такое тяжелое предсказаніе».

Но Потебня былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и уѣхалъ въ Польшу на другой же день. Русская пуля сразила его вскорѣ.

(Продолженіе будетъ).



ЗАПИСКИ ВАСИЛЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XVII¹⁾.

Выда́ль князя Виктора Ивановича.—Херсонское имѣніе Барятинскихъ.—Вліяніе степей на путешественника.—Скромная жизнь князя Виктора въ Николаевѣ.—Пребываніе мое въ Одессѣ.—Киевь и его святыни.—Вѣчные разъезды Барятинскихъ.—Недуги князя Александра Ивановича съ молодыхъ лѣтъ.—Благоговѣніе его предъ системою Шротта.—Печальный результатъ лѣчения княземъ по этой системѣ генерала Ягодина.

Когда отдаленъ былъ князь Анатолій, предстояло заняться отдаленіемъ другихъ братьевъ. Выше приведено уже было письмо къ мнѣ князя Александра Ивановича, которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что князь Викторъ Ивановичъ проситъ уступить ему Херсонское имѣніе. Такъ какъ дѣло это не представляло особыхъ затрудненій, то я и принялъся за него скоро послѣ окончанія дѣлъ князя Анатолія.

Херсонское имѣніе заключало въ себѣ до 23 т. десятинъ земли и было куплено покойнымъ княземъ, какъ я выше сказалъ, съ цѣлью сбывать туда избытки населенія въ Курскомъ имѣніи. Такимъ образомъ Херсонское имѣніе сдѣлалось для курскихъ крестьянъ второю Сибирью. И дѣйствительно, туда сбывалась преимущественно одна только, такъ сказать, бобыльная изгарь и вообще люди негодные и штрафованные. Между тѣмъ народонаселеніе тамъ постоянно росло, и имѣніе стало давать доходы, которые болѣе или менѣе отвѣчали тому капиталу, какой мы должны были дать каждому изъ братьевъ. Для князя Виктора имѣніе это предоставляло осо-

¹⁾ См. „Русск. Старину“ іюнь 1894 г.

былъ интересъ потому, что тогда онъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, привыкъ къ тому краю и любилъ его. У всякаго свои вкусы. На меня, напротивъ, тотъ край произвелъ самое непріятное впечатлѣніе. Управляя этимъ имѣніемъ сначала отъ имени князя Александра Ивановича, а потомъ отъ имени князя Виктора Ивановича, я долженъ былъ ознакомиться и съ хозяйственными его силами, и съ образомъ мѣстнаго его управлениія. Поэтому, не помню ужъ, въ какомъ году, мы отправились туда вмѣстѣ съ женою изъ Курскаго имѣнія, налегкѣ, въ двумѣстной коляскѣ. Именно при этой поѣздкѣ я предварительно посѣтилъ знаменитое Диканьское имѣніе Кочубеевъ въ Полтавской губерніи, прожилъ тамъ дѣвъ недѣли, окруженный всевозможнымъ комфортомъ, и затѣмъ потянулся безконечными, скучными, мертвыми степями въ Анатольевское имѣніе, лежащее верстахъ въ 40 отъ Одессы. Степи эти просто давили меня своею безжизненностю и заставили меня испытать самыя тяжелыя ощущенія. Въ самомъ дѣлѣ: Ѳдешь день, два, три, и рѣшительно ничего не видишь, кромѣ неба, да безграницныхъ сѣрыхъ степей, такъ что рѣшительно тоска возьметъ. Наконецъ, начинаешь чувствовать какую-то боязнь, что ужъ вовсе и не вырвешься изъ этого мертваго міра. Самыя станціи нисколько не ослабляютъ этого тревожнаго чувства. Теряясь въ безграницномъ пространствѣ и сливаешься съ голыми степями, не оживленныя ни однимъ деревцемъ—онѣ дѣлаются видимы только тогда, когда къ нимъ подѣшь и экипажъ остановится для перемѣны лошадей. Переговоры съ жидами, въ рукахъ которыхъ находятся большую частію эти станціи, не представляютъ также ничего жизненнаго и утѣшительнаго. Только добравшись до милаго городка Николаева, мы вздохнули немногого.

Остановившись въ городѣ у какого-то отставнаго матроса и занявъ дѣвъ или три весьма неизящныхъ комнаты, мы стали разспрашивать хозяина о князѣ Викторѣ: гдѣ и какъ онъ тутъ живеть и гдѣ теперь находится? Къ удивленію нашему, оказалось, что именно эти бѣдныя комнаты, которыя мы заняли, и составляли его постоянную и многолѣтнюю квартиру, которую онъ только недавно оставилъ, перейдя въ гостиницу клуба. Я съ трудомъ вѣрилъ этимъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ выставлялась или крайняя скромность

князя, или неприличная скучность. Но при свиданіи съ нимъ въ тотъ же день, онъ самъ подтвердилъ справедливость этихъ свѣдѣній. Князь былъ такъ любезенъ, что посыпалъ на съ нѣсколько разъ, и тутъ-то онъ подарилъ женѣ моей вывезенная изъ Иерусалима четки, о которыхъ я говорилъ выше. Выѣхать съ нимъ мы ѿздили на берегъ моря, смотрѣть яхту, которую онъ тогда строилъ и въ которой дѣлалъ потомъ кругосвѣтное путешествіе. Яхта эта поглотила у него много денегъ и дѣйствительно была роскошною, истинно княжескою вещью... Изъ Николаева мы отправились въ Анатоліевку и провели тамъ скучнѣйшихъ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ для меня и было однимъ развлеченіемъ — занятіе хозяйственными дрягами и обозрѣніе различныхъ частей имѣнія.

Сѣлавъ все, что считалъ нужнымъ и полезнымъ, я отправился съ женой въ Одессу и провелъ тамъ также недѣли двѣ. Сколько тяжелы впечатлѣнія, оставленные во мнѣ степеннымъ путешествіемъ, столько отрадны впечатлѣнія, оставленные въ насъ нашимъ одесскимъ пребываніемъ. Былъ сентябрь, по отзывамъ туземцевъ, лучшее время года въ Одессѣ, столь богатой, въ иное время, пылью или грязью. Остановились мы, разумѣется, въ лучшей гостиницѣ, которая называлась кажется «Петербургскою». Окна наши выходили частію на море, а частію на Ришельевскую улицу. Утро мы обыкновенно проводили въ магазинахъ, гдѣ молодая моя жена положительно зарывалась во всевозможныхъ тряпкахъ, относящихся къ дамскому туалету, въ ложномъ убѣженіи, тогда сильно распространенномъ, что одесские товары отличаются болѣю дешевизною. Возвращаясь въ гостиницу въ сопровожденіи многоразличныхъ ящиковъ, картоновъ, футляровъ, мы обѣдали у окна, выходящаго на море. Въ отношеніи обѣдовъ, сколько помню, существовала дѣйствительно поразительная дешевизна. Слуга-итальянецъ обыкновенно приносилъ карту блюдо, длиною съ Невскій проспектъ, на которой не было блюдо выше 15 к. Карта винъ представляла ту же дешевизну. Вечера, болѣею частію, мы проводили въ итальянской оперѣ, гдѣ басъ Берлендисъ особенно мнѣ нравился. Однимъ словомъ, мы провели время въ Одессѣ самымъ пріятнымъ образомъ. Обратный путь мы направили на Киевъ съ цѣллю взглянуть на русскія святыни и поклониться мощамъ угодниковъ. Когда кончился

скучный степной путь и когда мы увидѣли деревья и зелень, которые привѣтствовали наше вступлѣніе въ предѣлы Кіевской губерніи,—восторгу нашему не было предѣловъ. Казалось, мы вырывались изъ какого-то плѣна, куда послалъ насъ Господь въ наказаніе. Въ Кіевѣ мы пробыли дни три и, разумѣется, видѣли все, что дорого сердцу православнаго. Но въ то же время нельзя было не замѣтить и нѣкоторыхъ пятенъ на этой святой картинѣ. Такъ напр. монахи, приставленные къ кіевскимъ святынямъ, имѣли видъ не столько служителей алтаря, сколько самыхъ суровыхъ и безцеремонныхъ поборниковъ вещественной мзды, которая вообще не можетъ не портить самаго высокаго религіознаго настроенія. Съ другой стороны нѣкоторые предметы, какъ напр. міроточивыя главы въ пещерахъ, требовали уже такой слѣпой вѣры, которая не всегда подъ силу самому порядочному христіанину. На пути отъ Кіева до Курскаго имѣнія Барятинскихъ не представлялось уже ничего достопримѣчательнаго. Помню только, что въ тотъ самый день, именно 1 октября, когда мы возвратились въ Ивановское — мы должны были отправиться немедленно къ сосѣднему помѣщику Деменкову, на одинъ изъ тѣхъ роскошныхъ праздниковъ, о которыхъ я говорилъ выше...

1845 г. февраля 6-го, при содѣйствіи того же Полонскаго, совершился во второмъ департаментѣ С-Петербургской Палаты Гражд. Суда актъ, въ которомъ князь Викторъ Барятинскій, получая Анатольевское имѣніе, говорилъ: «получивъ таковой отдѣль слѣдующей мнѣ части имѣнія, признаю себя достаточно выдѣленнымъ и, оставаясь совершенно довольнымъ, обязуюсь за себя и моихъ наслѣдниковъ ничего болѣе изъ оставшагося послѣ родителя моего, тайного советника князя Ивана Ивановича Барятинскаго, имѣнія не требовать». Затѣмъ прибавлено въ актѣ: «Записка сю, какъ добровольно учиненную, поставляемъ въ священный долгъ сохранить на всегда въ полной ея силѣ и намъ, князь ямы Барятинскимъ, и нашимъ наслѣдникамъ, о передѣлѣ или измѣненіи нигдѣ не просить».

Князь Викторъ Барятинскій былъ очень красивъ собою, ~~и~~ красавецъ совершенно по-другому, чѣмъ его братья. Въ то время когда князь Александръ Ивановичъ былъ положительный блон

день, вообще весьма сходный съ портретомъ Валленштейна, который я видѣлъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а братья его, князь Владимиръ и князь Анатолій, тоже красивые, и особенно Анатолій, принадлежали къ числу личностей, которыхъ называютъ шатеневыми — князь Викторъ былъ рѣшительный брюнетъ. Голову онъ имѣлъ итальянца, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ и черными глазами. Но въ жизни его я не знаю ни одного факта, въ которомъ бы проявилась особенная рѣшимость или энергія, т. е. тѣ свойства, которыя принято приписывать смуглой половинѣ человѣческаго рода. Напротивъ, по характеру своему, онъ былъ тише, скромнѣе и застѣнчивѣе своихъ братьевъ и рѣшительно не могъ идти ни въ какое сравненіе съ блокурымъ княземъ Александромъ, у которого рѣшимость и упорство стояли на первомъ планѣ въ его свойствахъ. Манеры князя Виктора, кроткія и тихія, вполнѣ оправдывали разсказъ князя Александра, что отецъ ихъ готовилъ и предназначалъ князя Виктора въ духовное званіе. Отсюда же, т. е. изъ принциповъ, которые приняты были при его воспитаніи, произошло и то, что онъ не проявилъ никакого служебнаго честолюбія, тогда какъ одинъ изъ его братьевъ былъ фельдмаршаломъ, а другіе два: Владимиръ и Анатолій, командуя лучшими гвардейскими полками, Кавалергардскимъ и Преображенскимъ, можно сказать, рѣзались, соперничая на поприщѣ успѣховъ служебныхъ и придворныхъ. Напротивъ, женившись на Бутеневой, дочери бывшаго нашего посланника въ Константинополѣ, князь Викторъ рано и вовсе оставилъ службу, не дослужившись ни до какихъ особыхъ отличій. Поселившись въ Одессѣ, онъ купилъ тамъ великолѣпный домъ и весьма рѣдко появлялся въ Петербургѣ. Во времена пребыванія нашего съ княземъ Александромъ на Кавказѣ, онъ приѣзжалъ разъ туда на нѣсколько дней, которые проводилъ не очень весело, потому что чувствовалъ себя не очень хорошо и все возился съ медикаментами системы Леруа, предъ которою онъ также благоговѣлъ, какъ благоговѣлъ князь Александръ предъ системою Шротта. Въ свое время я велъ дѣятельную переписку съ княземъ Викторомъ; но изъ огромной массы писемъ его, сохранившихся у меня и, разумѣется, большую ча-стію относящихся къ дѣловымъ или, лучше сказать, къ денежнымъ

вопросамъ, я затрудняюсь привести здѣсь что-либо, представляюще особенный интересъ. Единственно въ доказательство, что я находился и съ нимъ всегда въ добрыхъ отношеніяхъ, нахожу нелишнимъ сдѣлать выписку изъ нѣкоторыхъ его писемъ. 1-го января 1845 г. онъ писалъ:

«Позвольте васъ благодарить за всѣ ваши труды и содѣйствіе въ управлѣніи моимъ имѣніемъ и приведеніе въ порядокъ дѣлъ моихъ. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ принять на себя трудъ управлять имъ еще въ теченіе года въ моемъ отсутствії»... 6 июля 1847 г. изъ Парижа: «намѣреваясь купить у брата князя Анатолія Ивановича одно изъ его имѣній, я желалъ бы знать: которое мнѣ было бы выгоднѣе купить—Дробово или Великій Хуторъ, и такъ какъ вы вѣроятно имѣете подобный объ этихъ имѣніяхъ свѣдѣнія, то прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе». 22 июля 1848 г. изъ Николаева: «мнѣ очень пріятно, что вы намѣрены посѣтить Анатоліевское имѣніе и что вы увидите на мѣстѣ распоряженія Дѣткина (мѣстнаго управителя). Но вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣю, что меня не будетъ къ этому времени въ Николаевѣ. Получивъ письмо отъ князя Анатолія Ивановича изъ Крыма, я спѣшуѣхать, чтобы съ нимъ встрѣтиться, и не могу сказать, къ какому времени возвращусь. Прошу васъ осмотрѣть во всѣхъ подробностахъ имѣніе, передать мнѣ ваше мнѣніе объ управлѣніи Дѣткина. Благодарю васъ покорно за извѣстія, которыя вы мнѣ даете о князѣ Александрѣ Ивановичѣ. Я до сихъ поръ никакихъ не получалъ и прошу васъ, если вы узнаете что-нибудь о дѣйствіяхъ и подвигахъ его на Кавказѣ, не оставить мнѣ передать».

Но князь Александра Ивановича въ моихъ разсказахъ я оставилъ не на Кавказѣ, а въ одной изъ безпрерывныхъ и многочисленныхъ его заграничныхъ поѣздокъ. Вообще я князя очень мало видѣлъ въ Петербургѣ, онъ вѣчно разѣзжалъ, то съ наследникомъ, то самъ по себѣ, такъ что почти всѣ фамильныя дѣла его дѣлались мною не только безъ личнаго его участія, но часто въ такое время, когда ни того, кто совершаешь актъ, ни того, въ пользу кого онъ совершается, нѣтъ на лицо. Само собою разумѣется, что все дѣгалось на основаніи довѣренностей; но иногда приходили такія трудныя минуты, что я невольно злобствовалъ на такое страшное равнодушіе этихъ господъ къ громаднѣйшимъ интересамъ и на беспомощное состояніе, въ какомъ они меня оставляли. Если князь Александръ любилъ разѣзжать, то въ этомъ мало отставали отъ него его родные. Вообще во мнѣ оставалось такое впечат-

тѣмъ, что всѣ они постоянно разѣзжали, начиная съ княгини Мары Федоровны, и что путешествія составляли любимое для нихъ препровожденіе времени. Когда князь Александръ Ивановичъ уѣзжалъ за границу самъ по себѣ, а не въ свитѣ наследника, то это могло имѣть единственную цѣлью свиданіе съ графами Келлерами, князьями Витгенштейнъ и другими знаменитыми родными, а еще болѣе съ англійскими друзьями, которые у него были въ оби-ли. Въ то же время князь сильно заботился тогда о своемъ здо-ровьи.

Кромѣ послѣдствій кавказской раны, которая никогда не имѣла серьезного проявленія, я не знаю положительно: какіе именно недуги тревожили тогда князя. Знаю только, что князь усердно лѣчился за границей. Быть можетъ, раннѣе припадки подагры, впо-слѣдствіи такъ зла развившейся, давали уже себя знать. Сначала онъ лѣчился у Присница; впослѣдствіи, когда проявился Шроттъ съ его системою жажды, голода и амплаговъ, князь перешелъ къ нему и до такой степени увѣровалъ въ его ученіе, что сталъ са-мымъ жаркимъ его защитникомъ. Шроттъ былъ буквально осыпанъ самыми щедрыми дарами князя. По возвращеніи въ Петербургъ, князь самъ сдѣлался вторымъ Шроттомъ и всѣмъ навязывалъ свою готовность излѣчивать всевозможные недуги. И дѣйствительно, онъ лѣчилъ покойную императрицу, которая имѣла рѣшимость ему вѣ-ряться; впрочемъ, хода и успѣха этого лѣченія я не могу знать по-дробно; но я знаю положительно, что князь лѣчилъ также графа Василія Перовскаго и лѣчилъ долго. Часто, возвратясь домой, князь говорилъ: Заѣзжалъ къ Перовскому.—Какъ идетъ лѣченіе, ваше сія-тельство? спрашивалъ я.—Ужъ не говорить, отвѣчалъ князь.—Нена-живите бѣды, ваше сіятельство, замѣчалъ я. Бѣды, однако, никакой не произошло, хотя я и не знаю, какимъ именно результатомъ увѣнча-лась медицинскіе подвиги князя. Онъ былъ просто поглощенъ систе-мою Шротта и только о ней и говорилъ безпрерывно. Вмѣстѣ съ однимъ изъ графовъ Сиверсовъ, который также лѣчился у Шротта, они составили и напечатали брошюру, изображающую несомнѣнное превосходство этой системы, чemu привели многочисленныя дока-зательства. Этого мало. Когда кто-нибудь приходилъ къ князю изъ его великосвѣтскихъ пріятелей, князь пристально на него смотрѣлъ

и пресерьезно замѣчалъ: «у тебя, братъ, глаза что-то нечисты; хо-чешь — вылѣчу». «Спасибо», отвѣчалъ тотъ, «и такъ обойдусь». Часто присутствуя при подобныхъ предложеніяхъ, такъ дурно при-нимаемыхъ, и не зная положительно, шутить ли князь или гово-рить серьезно, я невольно улыбался. Но однажды князь сказалъ мнѣ: «знаете, Василій Антоновичъ, когда я говорю о Шроттовскомъ лѣченіи, я вижу на вашемъ лицѣ недовѣрчивую улыбку. Повѣрьте, не пройдетъ и 5 лѣтъ, оно весь міръ перевернетъ». Потомъ онъ излагалъ ея основанія и доказывалъ непреложность ихъ. Онъ говорилъ, что всѣ наши болѣзни происходятъ отъ испорченной крови, что мы сами портимъ кровь, принимая въ нашъ организмъ пищи болѣе, чѣмъ ему нужно, и тѣмъ самымъ заставляя его отдѣлять излишніе и по-тому вредные соки въ кровь, что для возстановленія здоровья нуж-но очистить кровь, а это можно сдѣлать только голодомъ и жаждою, и т. п. Мнѣ ничего не оставалось, какъ внимательно слушать объ-ясненія князя, хотя существо ихъ нисколько меня не интересовало потому, что въ то время я былъ здоровъ и силенъ, какъ Геркулесь, и знать не хотѣлъ ни медицины вообще, ни различныхъ системъ ея въ частности.

Князь долго оставался вѣренъ Шротту и впослѣдствія перенесъ его лѣченіе на Кавказъ, гдѣ не только продолжалъ самъ лѣ-читься по его способу, но, какъ и въ Петербургѣ, лѣчилъ и дру-гихъ. Извѣстно, что онъ лѣчилъ такимъ образомъ нынѣшнюю свою жену и едва-ли не собственноручно завертывалъ ее въ мокрыя про-стыни, чѣмъ болѣе всѣхъ восхищался предъидущій ея мужъ.

Но лѣченіе это не обходило и безъ скандаловъ. Въ Тифлісѣ былъ доставленъ однажды больной казачій генераль Ягодинъ, че-ловѣкъ еще не старый, но страшно разстроившій свои жизненные силы различными излишествами. Туземные медики пичкали его всякими снадобьями, но дѣло не шло, и всѣ ждали смерти стра-дальца. Князь, презиравшій искренно или притворно всѣхъ докто-ровъ и осыпая ихъ всевозможными насыпками, вздумалъ вѣро-ятно прославиться и взять Ягодина на свое попеченіе. Его пере-несли во дворецъ намѣстника и завернули въ мокрыя простыни, при чемъ Ягодинъ замѣтилъ, что ему очень хорошо, и затѣмъ уснулъ. Князя чрезвычайно радовало такое хорошее начало, и спу-

стя часъ или два, онъ началъ отправлять посланныхъ, чтобы узнать: спить ли еще Ягодинъ или уже проснулся? Посланые приносили все одинъ отвѣтъ: спитъ! Наконецъ, князь нашелъ, что благодѣтельный сонъ достаточно подкѣпилъ уже силы больнаго, и приказалъ его разбудить. Стали будить, но Ягодинъ не просыпался, потому что спалъ непробуднымъ сномъ.

ГЛАВА XVIII.

Выѣхъ князя Владимира Ивановича.—Мое презрѣніе къ деньгамъ.—При-
вычка никогда не считать ихъ.—Замѣчательный карточный проигрышъ князя
Александра Ивановича.—Графъ А* А*.—Касторъ и Поллуксъ.—Тѣни, набѣ-
гавшія на дружбу князя Александра Ивановича съ графомъ А*.—Вѣчная
запутанность дѣлъ графа А*.—Дарованія А*.—Личность князя Владимира
Ивановича.—Лермонтовская „Роза Кавказа“.—Мнительность князя Влади-
мира.—Вторая поѣздка князя Александра Ивановича на Кавказъ въ 1845 году.—
Похищеніе вами чужаго человѣка.—Сухарная экспедиція.—Идеальная хра-
брость князя Воронцова.—Ростопчинское имѣніе въ Воронежской губерніи.—
Настоянія князя Александра Ивановича купить его, во что бы то ни стало,
для князя Владимира.—Мое упорство.—Графъ Ростопчинъ.—Комическія
проявленія мнительности князя Владимира Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

Въ декабрѣ 1843 г. я получилъ отъ князя, изъ Лондона, письмо
слѣдующаго содержанія: «Спѣшу отвѣтчать вамъ, любезный В. А.,
на письмо ваше, сейчасъ полученное мною. Я очень обрадовался,
увидавши, что дѣло Дробовскаго имѣнія приходитъ къ концу. Съ
княземъ Владимиромъ Ивановичемъ я тоже кончилъ здѣсь. Онъ со-
глашается взять сейчасъ капиталъ; слѣдственно, попрошу васъ, когда
можно будетъ, передать эти деньги князю Лобанову, уполномочен-
ному князя Владимира. Впрочемъ, оно не къ спѣху, и въ началѣ
будущаго года оно будетъ въ самую пору. Не забудьте, прошу васъ,
какъ можно скорѣе и аккуратнѣе кончить, употребивъ на то запас-
ный капиталъ, долги наши князю Кочубею и Давыдову. Я очень
настоятельно прошу кончить, особенно съ симъ послѣднимъ. За
ваше послѣднее письмо и добрыя вѣсти васъ весьма благодарю;
чрезъ шесть недѣль надѣюсь увидѣться съ вами»...

Приступая къ разсказу объ отдѣлѣ князя Владимира Ивановича.
я считаю не лишнимъ, предварительно, сказать, какими капиталами

*

располагали мы, совершая эти многоцѣнныя выдѣлы. Много, впрочемъ, говорить нечего. Не нужно много прозорливости, чтобы постигнуть: изъ какого кладезя мы черпали свои силы. Кладеземъ этимъ была, вѣчной памяти достойная, сохранившая казна. Сначала обращено было въ деньги свидѣтельство на 8 тыс. душъ, о кото-ромъ я говорилъ выше; потомъ туда же пошли одно или два, я ужъ не помню, дополнительныхъ свидѣтельства, такъ что, безъ преуве-личенія можно сказать, что я набивалъ полныя сани деньгамиope-кунскаго совѣта. Въ теченіе моей жизни много большихъ суммъ перешло чрезъ мои руки; но я имѣлъ правиломъ никогда не считать ихъ и, благодареніе Богу, въ моихъ рукахъ никогда не обнаружи-валось какого-либо прочета или недочета. Такъ точно и въ этомъ случаѣ я прямо бралъ отъ счетчиковъ миллионы и смотрѣль, какъ они укладывались въ сани. Эта манера производила на нѣкоторыхъ поразительное, а иногда и не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, имѣя постоянныя денежныя дѣла съ банкирскимъ до-момъ «Сегенъ и Дюваль», я долженъ былъ, вслѣдствіе различныхъ переводовъ заграницу или изъ-за границы, вносить въ его контору деньги или получать изъ его конторы деньги. Казначеемъ былъ тамъ родной братъ Сегена, почтенный, солидный и немножко суровый французъ. Онъ постоянно и сильно осуждалъ мою шикарную ма-неру, признавая ее совершенно неумѣстною и непрактическою въ денежныхъ дѣлахъ, и никакъ не допускалъ, чтобы я сдалъ или при-нялъ деньги безъ счета.

Помню еще случай, когда я долженъ былъ собственноручно сосчитать деньги. Предъ послѣднимъ отъѣздомъ князя Александра Ивановича изъ Петербурга (1862 г.), когда онъ предполагалъ возвратиться на Кавказъ, государь назначилъ ему на путевые расходы 10 т. р. Я зналъ, что это назначеніе послѣдовало, но не зналъ—исполнено ли оно практически; впрочемъ, это меня не очень-то и интересовало, потому что для подобныхъ домашнихъ дѣлъ при немъ состоялъ Зиновьевъ (Василий), милый господинъ, не имѣвшій, по удостовѣренію самого князя, никакихъ рѣшительно дѣловыхъ спо-собностей и исполнявшій единственную обязанность: рассказывать князю разныя сказки, да иногда обѣдать съ нимъ, когда нѣть при-глашенныхъ. Наканунѣ отъѣзда я спросилъ у Зиновьева совершенно

случайно: получиль ли онъ деньги? и вслѣдствіе отрицательнаго его отвѣта заявилъ этотъ фактъ князю. Онъ сказалъ только: «пожалуйста устройте это». Я тотчасъ написалъ бумагу министру финансовъ, далъ ее подписать князю и отправился съ нею лично къ Г. Рейтерну. Г. Рейтернъ приказалъ при мнѣ же написать бумагу въ главное казначейство и, пославъ ее съ особымъ курьеромъ, пригласилъ и меня отправиться туда. Получивъ въ главномъ казначействѣ 10 т. р., я привезъ эту сумму князю и спросилъ его: прикажеть ли онъ передать ее Зиновьеву. «Ахъ, нѣтъ! У него все это такъ сложно и хитро выходить. Прошу васъ, держите эти деньги у себя. Мы будемъ понемножку выдавать Пиленкѣ на расходы». Пиленкѣ, очень распорядительному офицеру, изъ числа состоявшихъ при князѣ, было поручено вести путевые расходы. Такъ какъ наше возвращеніе на Кавказъ должно было совершиться чрезъ заграничныя мѣста, то я заявилъ князю мысль, что сумму эту лучше обратить въ золото. Князь, по обыкновенію, отвѣчалъ: «Пожалуйста, устройте это!» Тогда я отдалъ пакетъ съ 10 т. р. нашему кавказскому банкиру въ Петербургѣ и чрезъ часъ или два получилъ отъ него два большихъ мѣшка, набитые золотомъ, съ обозначеніемъ, сколько въ которомъ находится. Что мнѣ было дѣлать съ этими полновѣсными мѣшками? Нисколько не думая, я одинъ изъ нихъ тотчасъ навязалъ Пиленкѣ, разумѣется, безъ счета, а другой, также безъ счета, отдалъ моему камердинеру, человѣку испытанной честности. Такъ мы отправились и доѣхали до Вильно. Извѣстенъ переворотъ, тамъ совершившійся, и передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. Когда настала минута нашего разставанія съ княземъ, я спросилъ его: кому передать деньги, остающіяся у меня на рукахъ, и когда князь велѣлъ передать ихъ Зиновьеву, который долженъ быть провожать его заграницу, я спросилъ Зиновьеву: будетъ ли онъ считать деньги?

— А вы сами считали? замѣтилъ Зиновьевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Тогда надо считать, сказалъ Зиновьевъ.

Въ моемъ камердинерѣ я нисколько не сомнѣвался; но въ Вильно мы столько разъ перемѣнили квартиры, съ моимъ камердинеромъ помѣщалось такъ много людей, принадлежавшихъ моимъ товари-

шамъ, наконецъ, переднія наши постоянно набиты были такимъ множествомъ трактирной прислуги и евреевъ-факторовъ, что я самъ менѣе всего удивился бы, еслибы въ нашемъ мѣшкѣ оказался какой-либо недостатокъ. Съ такими именно мыслями я рѣшился предпринять непривычное и непрѣятное занятие собственноручного пересчитыванія золота, на моихъ рукахъ находившагося. Къ счастію, все оказалось въ цѣлости и наличности, и такимъ образомъ дало новое подкрѣпленіе моему правилу.

Въ Тифлисѣ, между бѣдными и жадными туземцами, это правило производило особенный шикъ. Предь моимъ окончательнымъ отѣздомъ оттуда, я продалъ свою Каджорскую дачу одному изъ мѣстныхъ гражданъ Тамамшеву, считавшемуся богачемъ, за 8 т. р. с. Когда наступилъ моментъ уплаты денегъ, Тамамшевъ торжественно, съ какимъ-то благоговѣніемъ, представлять мнѣ пакетъ съ деньгами и просить пересчитать. «Зачѣмъ же», сказалъ я и, взявъ небрежно пакетъ изъ рукъ Тамамшева, тутъ же отдалъ его, не считая, моему камердинеру съ приказаніемъ отнести Мирзоеву, тоже армянину, который исправлялъ должность мѣстнаго моего банкира. Тамамшевъ былъ изумленъ въ высшей степени и на другой же день распространилъ этотъ дивнѣйший, по его понятіямъ, случай по всему Тифлису...

Получивъ громадныя суммы изъ опекунскаго совѣта, я имѣлъ цѣлію не только произвести ими уплаты капиталовъ, слѣдующихъ князьямъ Владиміру и Анатолію, но и образовать особый, запасный капиталъ погашенія такихъ расходовъ, которые не принадлежали къ разряду текущихъ. У меня былъ разсчетъ, во-первыхъ, погасить, по возможности, быстро всѣ настоятельныя частные долги, имѣя дѣло съ однимъ опекунскимъ совѣтомъ, а во-вторыхъ, раздѣленіемъ расходовъ текущихъ отъ расходовъ экстренныхъ, показать князю наши дѣйствительныя средства и сдержать его порывы въ предѣлахъ, соотвѣтственныхъ этимъ средствамъ. Сообразно этому раздѣленію, у меня устроена была и бухгалтерія. Увы! все это было хорошо въ системѣ и на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ неудержимо исчезали и текущіе доходы, и запасныя суммы, на которыхъ всею своею тяжестью легли запущенные долги самого князя, огромные московскіе долги князя Анатолія, платежи Давыдову и Кочу-

бю, о которыхъ князь говорилъ въ приведенномъ выше письмѣ. Не помню, когда именно, но мы скоро дошли опять до самаго стѣсненнаго положенія и вынуждены были искать случая и возможности сдѣлать гдѣ-либо большой заемъ. Затрудненія эти не могли оставаться неизвѣстными князю Льву Кочубею, и однажды, когда мы съ ямъ толковали подробно о положеніи нашихъ дѣлъ, Кочубей сказалъ:

— Знаете, В. А., у меня теперь есть свободная сумма въ банкѣ; я могу ссудить ее князю Александру Ивановичу по 8%.

Размѣръ этой суммы, равно какъ и срока, на который онъ намъ ее давалъ, я уже не помню; но я съ радостію спѣшилъ сообщить эту неожиданную готовность князю Александру Ивановичу. Въ миинуту моего прихода, князь лежалъ на диванѣ или на кушеткѣ. Когда я сообщилъ ему предложеніе князя Кочубея, онъ, ничего не отвѣчая, долго думалъ. Потомъ порывисто всталъ и, близко подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Я долженъ признаться вамъ, В. А., только не браните меня. Мнѣ самому совсѣмно. Я сдѣлалъ большую глупость.

Потомъ онъ рассказалъ мнѣ, что, постоянно находясь въ извѣстномъ кругу, онъ всегда былъ непріятно стѣсняемъ всеобщими настоящими принять участіе въ игрѣ и укорами, что онъ одинъ только не играетъ. Наконецъ, наскучивъ этими настоящими и укорами, онъ сказалъ однажды своимъ собесѣдникамъ: «Извольте, господа! Я поставлю нѣсколько картъ; но я игры терпѣть не могу и надѣюсь, что вы меня освободите уже отъ вашихъ укоровъ»... «Я не могу поставить мало,—продолжалъ князь,—когда какой-нибудь А*, у котораго рѣшительно ничего нѣть, ставилъ карты по 10, 20 и 30 т. руб. ас. Я поставилъ карту въ 50 т. р.—убили! я другую—убили! третью—убили!» Надѣюсь, довольно съ меня, господа! «сказалъ я и забастовалъ. Повторяю, что самъ считаю все это очень глупымъ, особенно при нашемъ трудномъ положеніи; но дѣлать нечего. Деньги эти, вы понимаете, надо прежде всего заплатить».

Я не могъ не скорбѣть внутренно, что ресурсы, предлагаемые княземъ Кочубеемъ, получали такое неожиданное и печальное назначеніе.

— Или не лучше ли такъ сдѣлать? сказалъ князь. Рискнуть

поставить еще одну карту въ 50 т. р. Или отыграюсь или буду долженъ 200 т. р. Какъ вы думаете?

— Счастье перемѣнчиво, отвѣчалъ я, отчего не попробовать. Проба была сдѣлана и крайне неудачно. Князь снова проигралъ, и мнѣ предстояла страшная возня съ расплатою счастливцамъ. Счастливѣйшимъ изъ нихъ, конечно, былъ А*. Впрочемъ, отъ него деньги эти, прежде, чѣмъ были уплачены, переходили, по карточнымъ переводамъ, другимъ личностямъ, которыхъ я уже не помню.

Такъ какъ А* выступилъ на сцену, то я и остановлюсь нѣсколько на этой замѣтальной личности, не заботясь о томъ, кстати ли это будетъ здѣсь или не кстати, также точно, какъ и не забочусь вообще о систематичности и стройности моихъ разсказовъ, т. е. о такихъ вещахъ, которыя требуютъ уже нѣкотораго литературнаго художества и во всякомъ случаѣ превышаютъ, быть можетъ, мои силы. Несмотря на то, что князь Александръ Ивановичъ назвалъ его, и то вѣроятно, въ минуту пораженія, о которомъ я выше говорилъ, «голышемъ», это былъ первый его другъ, истинный или только политическій, это другой вопросъ. При безпрерывныхъ отѣздахъ или прѣздахъ князя—обыкновенно мнѣ приходилось, по его желанію, разбирать и приводить въ порядокъ кучу бумагъ и писемъ, накопившихся у него и находившихся обыкновенно въ хаотическомъ состояніи. Бумаги и письма эти я долженъ былъ рассматривать и читать для того, чтобы опредѣлить дальнѣйшее ихъ положеніе. Такимъ образомъ я читалъ при самомъ князѣ письма къ нему государя, когда онъ былъ наследникомъ, и живо помню, что всѣ они отличались дружбою и тою ангельскою добротою, которая составляеть отличительную его черту и которая привлекла ему такую пламенную любовь народа. Между этихъ бумагъ письма графа А* составляли всегда значительную часть. При первомъ взглядѣ на эти письма, я былъ пораженъ, замѣтивъ подъ ними всегда одну и ту же подпись: Pollux. Когда я спросилъ у князя, что это значитъ, князь объяснилъ мнѣ, что, вслѣдствіе дружбы, которая ихъ связывала, они условились подписываться подъ своими письмами: князь—Castor, а графъ А*—Pollux. И, дѣйствительно—на видъ они были самыми образцовыми друзьями. Но за кулисами были черты, которая набрасывали

тѣнь сомнѣнія на искренность ихъ дружбы и во всякомъ случаѣ показывали, что въ качествѣ друзей—они не переставали быть царедворцами. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ:

Когда князь рѣшился бросить Кавказъ, гдѣ онъ уже былъ начальникомъ главнаго штаба, не будучи въ состояніи переносить грубаго и оскорбительнаго поведенія Муравьевъ — намѣреніе это не было никому известно, за исключениемъ княгини Мары Федоровны, которую онъ предупредилъ о своемъ сюда пріѣздѣ. Княгиня, зная мою привязанность къ князю, увѣдомила меня объ этомъ, а я, какъ-то случайно, передалъ это извѣстіе Отрѣшкову. На другой день Отрѣшковъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ у А* и заговорилъ о пріѣздѣ князя Барятинскаго, какъ о предметѣ, ему известномъ, но быть пораженъ смущеніемъ А*, который ничего не зналъ и тотчасъ впалъ въ какую-то странную задумчивость, изъ чего Отрѣшковъ заключилъ, что это обстоятельство не только не было пріятно для графа, но и видимо встревожило его. Вслѣдъ затѣмъ князь пріѣхалъ. Прибытіе его сюда было истиннымъ событиемъ для Петербурга. Всѣ думали, что самъ государь его вытребовалъ, чтобы имѣть въ немъ самого близкаго и надежнаго сотрудника и совсѣмъ въ существовавшихъ тогда трудныхъ обстоятельствахъ. Такъ думалъ и я, хотя на самомъ дѣлѣ далеко было не такъ. Самъ князь рассказывалъ мнѣ потомъ, что онъ явился здѣсь самовольно, что государь былъ этимъ недоволенъ, а императрица еще болѣе. Но это едва-ли было кому-либо известно, и имя князя Барятинскаго окружено было большими благоговѣніемъ. Всѣ видѣли въ немъ будущаго могущественнѣйшаго временщика, въ родѣ Потемкина, Аракчеева и др.

Я лично, послѣ сильныхъ столкновеній, о которыхъ расскажу въ своемъ мѣстѣ, пріотился тогда въ почтовомъ вѣдомствѣ, подъ начальствомъ милаго и доброго графа Владимира Федоровича А*. и былъ совершенно счастливъ. Хотя вѣдомство это не изъ числа важныхъ въ общей системѣ государственной администраціи, но меня тамъ хорошо цѣнили, и я игралъ замѣтную роль. По поводу прибытія князя я разсудилъ такъ: въ свое время я былъ нуженъ и полезенъ князю; теперь никакой во мнѣ надобности онъ имѣть не можетъ; наши близкія отношенія имѣли мѣсто тогда, когда онъ

былъ ротмистромъ и едва добрался до полковника; теперь онъ генераль-адъютантъ и на верху могущества; слѣдовательно, выводилья, теперь лѣзть къ нему на глаза, значить сказать: «сдѣлай что-нибудь и для меня; помнишь наши прежнія отношенія?» Мысль эта была мнѣ ненавистна и рѣшительно противна моимъ правиламъ и убѣжденіямъ. Я рѣшился просто не являться къ князю. Такъ прошло съ недѣлю или болѣе. Однажды пришелъ ко мнѣ старый и отставной его камердинеръ Новиковъ и сказалъ мнѣ: «я пришелъ передать вамъ, В. А., что князь каждый день по нѣсколько разъ спрашиваетъ о васъ и удивляется, что вы у него не были. Князь говорить, что вы всегда, прежде родныхъ, съ нимъ видѣлись. Когда я предлагалъ князю послать за вами, продолжалъ Новиковъ, онъ сказалъ: «не надо, если самъ не хочетъ придти. Ясно, что А—и его у меня отбили». Какъ возобновились наши сношенія съ княземъ—это будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ; но я привожу эти слова, какъ доказательство, что самъ князь смотрѣлъ на А* не совсѣмъ дружески. Когда возстановились наши свиданія и пошли разнородныя работы, часто случалось, что, пріѣхавъ къ князю, я не заставалъ его дома. Тогда камердинеръ его, наследникъ Новикова, знаменитый Исаи, молодой человѣкъ, чрезвычайно бойкій и смѣленый до такой степени, что часто замѣнялъ для князя секретаря, считалъ долгомъ передать мнѣ все замѣчательное, что произошло въ мое отсутствіе. Такъ въ одинъ изъ подобныхъ неудачныхъ моихъ пріѣздовъ Исаи таинственно сообщилъ мнѣ: «Ну, Василій Антоновичъ, какая стычка произошла съ А*. Когда онъ вошелъ сегодня къ князю, князь притворилъ всѣ двери и сказалъ ему: «послушай, я давно хочу съ тобою дружески поговорить. Наши отношенія такъ оставаться не должны. Съ самого моего пріѣзда я замѣчаю, что ты совсѣмъ сталъ не тотъ и имѣешь что-то про себя». А* началъ увѣрять, что онъ тотъ же, никакъ не перемѣнился и т. п., но князь перебилъ: «Не увѣрай! я хорошо все вижу и скажу тебѣ, что ты ведешь себя глупо. Я твоей дороги перебивать не стану, точно такъ же, какъ и ты моей не перебѣшишь. Лучше намъ оставаться прежними друзьями.» Потомъ сталъ обниматься.

Само собою разумѣется, что разсказать Исаю я привожу въ са-

момъ скатомъ видѣй, потому что всѣхъ подробностей не помню и потому, что этого очерка достаточно для того, чтобы видѣть, какія тучки набѣгали на дружбу князя съ А*. Общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, тогда положительно утверждало дѣйствительность борьбы, существовавшей между партіей графовъ А* и партіей Барятинскаго, или лучше самимъ Барятинскимъ, потому что я рѣшительно не знаю, кого бы можно было назвать принадлежащимъ къ партіи Барятинскаго. Самое назначеніе князя Барятинскаго намѣстникомъ кавказскимъ, скоро послѣ того послѣдовавшее, принято было, какъ результатъ прописковъ противной ему партіи, которая, во что бы то ни стало, желала сбить его изъ Петербурга и для этой цѣли готова была возвести его еще выше, лишь бы отдалить. Когда я заявилъ это мнѣніе князю — онъ отвѣчалъ: «что жъ? я очень благодаренъ враждебной партіи, если бы это и такъ было. Я ничего другаго не хочу!»

Графъ А* былъ милѣйшій и добрѣйшій господинъ. Одно его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ, подобно князю Анатолію Барятинскому, никогда не выходилъ изъ запутанныхъ дѣлъ. Отсюда происходило сомнѣніе въ чистотѣ его дѣйствій. Многіе думали, что это запутанное положеніе и давленіе долговъ заставляло его, какъ царскаго друга, принимать участіе въ нехорошихъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, графъ А* раздѣлялъ ту же народную нелюбовь, которая сопровождала его отца, и также незаслуженно. Когда приходилось говорить по этой части къ княземъ Александромъ Ивановичемъ, онъ также отвергалъ рѣшительно всѣ укоры, всѣ сплетни, которыми осыпали графа А*, и прибавлялъ: «всѣ должны быть довольны и Бога благодарить, что при царѣ находится такой порядочный и добрѣйшій человѣкъ!»

Ясность и правильность слога графа А* сама за себя говорила; прибавляю только, что письма его сверхъ того писаны бойкимъ и красивымъ почеркомъ. Видно, что перо — привычное орудіе въ рукѣ графа. И дѣйствительно: люди, ближе меня знавшіе обстановку графа, утверждали, что онъ много и быстро работалъ. Официальное его положеніе не было очень значительно и, конечно, не доставляло ему большихъ занятій; онъ былъ начальникомъ главной квартиры или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, но отдѣльная и

личные поручения государя заставляли его часто просиживать ночи и, сколько эти таинственные работы, столько же, если не более, любовь къ игрѣ — дѣлали то, что онъ большую часть дня спалъ и личный доступъ къ нему былъ чрезвычайно труденъ. Остается сказать, что А* былъ чрезвычайно представительной наружности, вполнѣ отвѣчающей положенію его, какъ царскаго друга. Видъ его былъ величественъ, манеры изящны въ высшей степени. Огромныя черныя бакенбарды, въ особенности, дѣлали его замѣтнымъ въ толпѣ царедворцевъ. Несмотря на прекрасную наружность, А* былъ далеко не крѣпкаго здоровья: различные недуги весьма рано его атаковали.

Возвращаясь къ нашимъ средствамъ, я долженъ сказать, что князь Александръ Ивановичъ, точно такъ же, какъ и я, хорошо понималъ, что держаться въ предѣлахъ этихъ средствъ и не выводить расходовъ изъ опредѣленнаго размѣра есть первое условіе благоустройства нашихъ дѣлъ. Въ этихъ видахъ, мы составляли различные бюджеты, сметы, планы. Но увы! На практикѣ все это разметалось въ прахъ, и мы, богатѣйшіе люди, на самомъ дѣлѣ нуждались столько же, какъ князь Анатолій Барятинскій и А*. Несмотря ни на какія соглашенія и самыя благоразумныя предначертанія, мы никакъ не могли сводить концовъ съ концами и тоже постоянно думали: гдѣ бы признанть? Когда князь Левъ Кочубей сѣдался, по моему предложенію, нашимъ добрымъ попечителемъ, я особенно выяснилъ ему причину нашего разстройства и просилъ его принять на себя трудную задачу сдерживать размашистые порывы князя. Онъ бойко и самоувѣренно выразилъ свою готовность, но скоро убѣдился, что это не такъ-то легко, какъ кажется, и въ августѣ 1848 г. прислалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «М. Г. В. А.! Вамъ вполнѣ извѣстны тѣ основанія, на которыхъ я принялъ на себя главное влияніе по дѣламъ князя Александра Ивановича. Они заключались въ удержаніи денежныхъ способовъ въ границахъ, могущихъ привести долги его къ порядку. Но когда я вижу безпрерывныя съ его стороны требованія, которыя превзошли утвержденный имъ бюджетъ, я считаю невозможнымъ быть полезнымъ ему въ той степени, какъ мнѣ желательно было. Поэтому я слагаю съ себя дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ его, при

всей искренней готовности удовлетворить потребности дружескихъ нашихъ отношений. Но, дабы не прерывать связи дѣль, едѣсь со- средоточенныхъ, я до возвращенія вашего въ С.-Петербургъ (я былъ тогда въ имѣніи князя) могу продолжать занятія мои по представлениамъ главной вашей конторы...»

Съ княземъ Владимиromъ Барятинскимъ, выдѣль котораго теперь я долженъ изобразить, я познакомился при самомъ началѣ моихъ сношеній съ княземъ Александромъ. Это былъ высокій, тон-коногой и въ то время гладко-остриженный господинъ, далеко уступающій по внѣшней красотѣ не только князю Александру, но князю Анатолію и князю Виктору. Мнѣ было известно, что предъ нашимъ знакомствомъ онъ только-что возвратился съ Кавказа, куда єздилъ, кажется, лѣчиться. Потомъ скоро сдѣлалось мнѣ известнымъ, что онъ сорвалъ тамъ ту знаменитую «Кавказскую розу», которая прославлена въ сочиненіяхъ Лермонтова. Фактъ этотъ сдѣлался вполнѣ достовѣрнымъ, когда, получивъ отъ князя Александра Ивановича слѣдующій ему капиталъ, князь Владимиrъ немедленно поручилъ мнѣ же отправить на Кавказъ, разумѣется, на другое имя 50 т. р., назначенныхъ этой розѣ. Розу эту я видѣть подлинникомъ въ 1853 году въ Кисловодскѣ и даже познакомился съ ней. Она вышла впослѣдствіи замужъ за нѣкоего ставрополь- скаго господина, имѣла кучу дѣтей и во время моего знакомства имѣла болѣе основанія называться тряпкой, чѣмъ розой. Это была маленькая, сморщенная, какъ печеное яблоко, и даже непріятная фигура, съ какими-то зеленоватыми глазами, хотя, по общимъ отзывамъ, въ ранней молодости она была дѣйствительно красавицей.

Князь Владимиrъ, въ началѣ нашего знакомства, былъ кава- лергардскимъ офицеромъ и впослѣдствіи поступилъ въ адъютанты знаменитаго князя Чернышева, бывшаго тогда военнымъ мини- стромъ. Въ этомъ званіи онъ сталъ ухаживать за старшою дочерью Чернышева, Елисаветою, впослѣдствіи не менѣе отца знаменитою «Бетси», и такъ успѣшно, что скоро женился на ней, получивъ въ приданое: домъ въ Большой Милліонной и 150 т. р. сер., изъ которыхъ 100 т. далъ отецъ, а 50 т. государь. Послѣ женитьбы, князь находилъ уже неудобнымъ оставаться адъютантомъ своего тестя и вышелъ вовсе въ отставку... Превращеніе это продолжалось,

впрочемъ, не долго, потому что, когда князь Александръ окончательно переходилъ на Кавказъ и оставлялъ званіе адъютанта наследника, онъ просилъ наследника взять на его мѣсто брата, князя Владимира, чтоб и было исполнено. Въ этомъ положеніи князь оставался довольно долго, а впослѣдствіи, получивъ чинъ полковника и генерала, назначенъ былъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Князь Владимира былъ до крайности мнителенъ. Эти свойства хорошо были известны братьямъ. Князь Александръ любилъ подсмѣиваться надъ его мнительностью, которая часто доходила до смѣшнаго. Въ минуту, когда наступалъ выдѣлъ князя Владимира, онъ тоже былъ гдѣ-то заграницею, какъ видно изъ письма, полученнаго мною отъ князя Александра.

Между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, возвратившись въ Петербургъ, собирался снова на Кавказъ. Это было въ 1845 году. Предъ отправленіемъ туда, онъ получилъ чинъ полковника, чemu радовался несказанно. Князь много разъ рассказывалъ, что онъ очень несчастливъ въ чинопроизводствѣ, и это происходило, по его мнѣнію, оттого, что у государя осталось въ памяти быстрое производство его въ ротмистры. Чинъ этотъ ему данъ, когда онъ прискакалъ курьеромъ изъ Дармштата отъ наследника съ известіемъ о помолвкѣ его съ тамошнею принцессою. По словамъ князя, онъ лѣтѣлъ истинно по-курьерски, не спалъ нѣскольконочей и, весь грязный, явился прямо къ государю съ радостнымъ извѣстіемъ. Это было рано утромъ; за всѣмъ тѣмъ государь повелъ князя, такъ, какъ онъ былъ, къ императрицѣ, которая была еще въ постели. Усадивъ князя подлъ постели, государь приказалъ рассказывать всѣ подробности. Затѣмъ, отпуская князя, государь сказалъ: «прощай, ротмистръ!» Это было въ апрѣль 1840 года, тогда какъ въ іюнь 1839 года онъ только-что получилъ чинъ штабсъ-ротмистра. Такимъ образомъ выходитъ, что отъ штабсъ-ротмистра до ротмистра князь служилъ нѣсколько мѣсяціевъ, а отъ ротмистра до полковника почти пять лѣтъ. Князь часто говорилъ, что если бы государь не давалъ ему, такъ сказать, прямо изъ своихъ рукъ чина ротмистра, скоро послѣ производства его въ штабсъ-ротмистры, и не держалъ въ памяти своей, что князь весьма быстро получилъ два чина, то чинъ полковника пришелъ бы къ нему гораздо

скрѣ. Какъ бы то ни было, князь, какъ я выше сказалъ, былъ очень радъ этому чину и, надѣвъ присланныя ему наслѣдникомъ густыя эполеты, отправился тогчаш къ своимъ друзьямъ Столыпинамъ. Но, возвратившись оттуда, онъ, съ признаками нѣкотораго неудовольствія, разсказывалъ мнѣ: «вообразите! когда я прѣѣхалъ къ нимъ, они вовсе не замѣтили моихъ новыхъ эполетъ. Этого мало: въ продолженіе вечера я хожу, говорю, а они не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, такъ что мнѣ стало немножко досадно, и я долженъ былъ самъ объявить имъ о своемъ производствѣ».

Затѣмъ относительно сборовъ и отправленія его на Кавказъ, я замѣчу одно обстоятельство, не лишенное нѣкотораго интереса. У князя находился въ должности втораго камердинера или помощника камердинера, наемный человѣкъ Михайло, принадлежавшій какому-то путейскому полковнику Коковцеву. Михайло имѣлъ прямую и главную обязанность — брить князя, и другую побочную — выдѣлывать разныя комическія штуки. Михайло былъ очень малаго роста, очень неуклюжъ, но кажется, дѣйствительно, имѣлъ комическія способности. Князь очень любилъ при мнѣ и при другихъ усаживать Михайлу въ свои кресла и заставлять изображать самого князя или кого-либо изъ его пріятелей. Михайло важно разваливался въ креслахъ, надувался, какъ пузырь, и начиналъ преважнымъ тономъ нести какую-нибудь чепуху. Князь хохоталъ. Другою любимою забавою князя было ссорить Михайлу съ камердинеромъ. Въ этой должности, какъ я сказалъ, былъ у него сначала Новиковъ, представительная, но довольно глупая фигура, изъ своихъ же вольноотпущеныхъ людей; но именно предъ этимъ отправленіемъ князя на Кавказъ, онъ рѣшился замѣнить растолстѣвшаго и неповоротливаго Новикова тѣмъ Исаемъ, о которомъ я выше говорилъ и который только-что кончилъ свое образованіе у какого-то француза по части цирульной и парикмахерной. Тотъ, кто будетъ читать эти строки, конечно, удивится, что я вывожу на сцену камердинеръ и лакеевъ князя; но я прошу къ этому удивленію не примѣшивать насмѣшекъ, потому что эти люди вовсе не шуточные. Начать съ того, что они лично извѣстны были государю, а — что еще важнѣе — имѣли вовсе не шуточное вліяніе на князя, какъ и всѣ камердинеры всевозможныхъ господъ, имѣющихъ у себя

камердинеровъ. Впослѣдствіи, когда князь былъ кавказскимъ на-
мѣстникомъ и главнокомандующимъ, военный людъ, включительно
до полковника, находили выгоднымъ пожимать руку Исаю, да и
генералы, вообще крайне ласковые и привѣтливые къ нему, не
прочь бы пуститься на эту штуку, еслибы рельефность подлости
не была ужъ черезъ-чуръ сильна. Когда князь бывалъ въ добромъ
расположеніи духа, онъ начинай, напримѣръ, Михайлъ сплетни-
вать, что Новиковъ или Исаи говорили ему то-то и то-то про
него, Михайлу. Сплетничанье это было иногда такъ удачно, что
Михайло сначала недовѣрчиво улыбался, потомъ начиналь огры-
заться, а потомъ просто ругать своего инимаго врага. Князю этого
только и нужно было. Удовольствіе его достигало высшей степени,
когда ему удавалось, или казалось, что удавалось, поссорить сво-
ихъ людей. Какъ бы то ни было, но князь къ Михайлѣ привыкъ
и любилъ его, быть можетъ, именно за то, что въ подобныхъ про-
казахъ князя онъ былъ первымъ номеромъ. Но когда, предъ от-
правленіемъ князя, Михайло обратился къ своему барину за
паспортомъ, тотъ отказалъ и приказалъ Михайлѣ поступить въ
услуженіе собственно къ нему, барину. Михайлѣ это крѣпко не
понравилось, князю тоже—и мнѣ поручено было уладить это
дѣло. Но всѣ мои переговоры и усилия были тщетны; въ этомъ
Коковцевѣ я встрѣтилъ какую-то отвратительную деревянную лич-
ность, которая отказывалась рѣшительно отъ всякихъ соглашеній
и требовала грубо возвращенія человѣка, такъ что, наконецъ, я
озлился и, каюсь, предложилъ князю увезти Михайлу безъ согла-
сія его грубаго барина и безъ паспорта. Такъ и сдѣжалось.

Извѣстно, что, въ эту поѣздку на Кавказъ, князь попалъ въ
знаменитую Ичкеринскую экспедицію, которую тамъ называютъ
«сухарной». Я устранилъ себя отъ разсказовъ, къ этой экспедиціи
относящихся, хотя послѣ, во время продолжительного моего пре-
быванія на Кавказѣ, мнѣ довелось слышать много интересныхъ по-
дробностей. Это повело бы меня ужъ черезъ-чуръ въ сторону. При-
веду здѣсь только собственный отзывъ князя Александра Ивано-
вича объ идеальной храбрости старика князя Воронцова. Князь
говорилъ, что храбрость эта была истинно джентльменская, всегда
спокойная, всегда ровная. Часто случалось, что во время сна глав-

нокомандующаго, раздавалась тревога въ самой главной квартирѣ. Князь Воронцовъ просыпался, спокойно вынималъ шашку и спокойно говорилъ: «господа, будемъ защищаться». Я полагаю, что такой отзывъ и такого человѣка, какъ князь Барятинскій, вполнѣ отвѣчаетъ славной памяти славнаго его предшественника. Что касается до бѣднаго Михайлы, то онъ погибъ въ этой экспедиціи. Уцѣльвшій Исаиѣ разсказывалъ мнѣ это событие слѣдующимъ образомъ: когда стали отступать отъ Дарго, начались бѣдствія нашего отряда. Горцы съ обѣихъ сторонъ страшно насѣдали на насъ и производили огромную потерю въ нашихъ рядахъ, осыпая ихъ пулями изъ-за деревьевъ, изъ-за скаль и изъ-за валовъ. Движеніе было медленное и опасное. Въ одномъ мѣстѣ надо было проходить чрезъ какую-то площадку, которая осыпалась градомъ вражескихъ пуль. Исаиѣ и Михайло, принадлежа къ общей прислугѣ главной квартиры, должны были также переходить это мѣсто. Михайло, увлекаемый судьбой, вообразилъ, что онъ можетъ такъ быстро проскакать это мѣсто, что ни одна пуля его не задѣнетъ. Исаиѣ и другіе его товарищи уговаривали его не дѣлать этого безразсудства и выждать, когда приказано будетъ двинуться; но Михайло, въ надеждѣ на свое молодечество и быстроту лошади, не послушался и ринулся впередъ... Только его и видѣли.

Можно представить, какъ любезны были новые мои переговоры съ грубымъ Коковцевымъ и какъ не легко было намъ съ княземъ откупиться отъ этого господина за похищеніе и гибель его Михайлы.

Едва князь уѣхалъ изъ С.-Петербурга, какъ я получилъ отъ него изъ Москвы отъ 3-го апрѣля 1845 г. письмо слѣдующаго содержанія: «Узнавши адѣсь, любезный Василій Антоновичъ, что Воронежское имѣніе графа Ростопчина продается весьма дешево и на весьма выгодныхъ условіяхъ, спѣшу писать о семъ къ вамъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вы всячески старались удержать его для князя Владимира Ивановича. Что имѣніе это чрезвычайно хорошо и соединять въ себѣ всѣ выгоды, въ томъ нѣть никакого сомнѣнія; оно заключается въ 3.200 душахъ; за него, кажется, хотятъ два миллиона и казенный долгъ, но выгода сего дѣла заключается въ чрезвычайныхъ разсрочкахъ платежей, потому что вся продажа

дѣлается изъ 500 т. р. ас., которые графу тотчасъ нужны. Натурально, что всѣ эти подробности для васъ однихъ пишу. Слѣдовательно, приступите къ дѣлу какъ можно скорѣе. Я не сомнѣваюсь, что вы успѣете въ немъ, какъ во всѣхъ другихъ, вами предпринимаемыхъ и увѣнчанныхъ совершеннымъ успѣхомъ. Это былъ бы блестательный конецъ великимъ нашимъ предпрѣятіямъ».

Всльдѣ затѣмъ изъ города Павловска, Воронежской губерніи, отъ 17-го апрѣля 1845 г., я получилъ другое письмо отъ князя: «спѣшу писать къ вамъ, любезный Василий Антоновичъ, чтобы вы не забыли препорученіе мое на счетъ имѣнія графа Ростопчина; это будетъ грѣхъ непростительный и невозвратный, если упустить этотъ случай. Графъ хочетъ 3 миллиона за имѣніе, нуждается въ деньгахъ, ему нужны 500 т., онъ готовъ на всѣ уступки и разсрочки. Имѣніе дать всегда отъ 200 до 250 т. р. доходу; непремѣнно купите, много охотниковъ; прошу васъ, любезный Василий Антоновичъ, во что бы ни стало — купить. Я увѣренъ, что вы и въ этомъ успѣете, какъ и во всѣхъ другихъ моихъ предпрѣятіяхъ».

Въ подобныхъ дѣлахъ князь былъ величайшій фантазеръ. Точно также, первоначально, онъ рѣшилъ купить для князя Анатолія Ивановича все Дробовское имѣніе, которое въ совокупности также стоило отъ 2.500 т. до 3 милл. Мои упорные расчисленія и настоящія разрушили, не безъ затрудненій, этотъ планъ. Я доказалъ, что покупать съ 1.200 т. то, чтѣсто стоитъ 3 милл., значитъ рисковать потерей 1.200 т. р. Я доказалъ, что лучше имѣть меньше, но чисто и твердо, чѣмъ много, но съ большими долгами. Всѣ эти соображенія, примѣненные къ дѣлу князя Анатолія, разлетѣлись прахомъ по отношенію къ князю Владимиру. Порученіе это было крайне непрѣятно и стѣснительно для меня. Я тотчасъ видѣлъ, что если мы купимъ имѣніе Ростопчина за 2.500 т. р., то, уплативъ ему принадлежащій князю Владимиру капиталъ въ 1.200 т., навяжемъ на свою голову 1.300 т. р.; что если 3.000 душъ этого имѣнія дѣйствительно будутъ давать постоянно и непреложно 200 т. дохода, то изъ этого дохода мы должны прежде всего уплачивать по крайней мѣрѣ 130 т. долгу, при невѣроятной даже разсрочкѣ его на 10 лѣтъ, да проценты на остальные суммы, въ первое время до 50 т. р., всего, по крайней мѣрѣ, до 180 т. Чѣмъ

же жить будеть князь Владимир? А если неурожай годъ или два? Что тогда? Путаница и разореніе и укоры князю Александру, такъ устроившему!

Тѣмъ не менѣе я долженъ бытъ въ дѣло и изучить его подробности. На первыхъ же порахъ оказалось, что имѣніе запро-дано уже тому же графу Левашову, который бытъ нашимъ со-перникомъ и по покупкѣ Дробовскаго имѣнія. Условленная цѣна была 2.500 т. р. Если бы покупщикомъ бытъ не графъ Левашовъ, я бы удовольствовался этимъ обстоятельствомъ и бытъ бы радъ, что оно разрѣшасть всѣ мои затрудненія. Но тутъ я обязанъ бытъ сдѣлать все, чтобы устранить совершенно тѣ опасенія, которыхъ мучили меня въ дробовскомъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, я вошелъ въ личныя сношенія съ графомъ Ростопчинымъ, въ полномъ убѣ-жденіи, что они только очистятъ мою совѣсть и не могутъ уже имѣть никакого серьезнаго результата.

Нѣть сомнѣнія, что никто такъ ясно и положительно не осу-ществляль собою гнилаго сучка отъ цѣннаго дерева, какъ этотъ господинъ. Гордый и ограниченный, въ одно и то же время, не-важный по выѣшности, отвратительный въ манерахъ, онъ вовсе не походилъ на аристократа. Я довольно много зналъ личностей изъ аристократическаго міра, но такого уродливаго не встрѣчалъ. Онъ бытъ обладателемъ знаменитой поэтессы, которая, еще болѣе, чѣмъ своими поэтическими произведеніями, была знаменита своимъ поведеніемъ. Но, повидимому, впечатлѣніе, произведенное мною на графа, не было похоже на то, какое онъ на меня произвелъ. При первомъ же свиданіи, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ терпѣть не можетъ графа Левашова и радъ разорвать съ нимъ всѣ условія и соглашенія, сразу показывая свои возвышенныя и честныя пра-вила; что ему гораздо пріятнѣе продать свое имѣніе князю Александру Ивановичу; что онъ даже готовъ уступить это имѣніе за 2.400 т., лишь бы отвязаться отъ графа Левашова, несмотря на то, что онъ платить 2.500 р. Въ заключеніе графъ требовалъ, что если я устрою это дѣло, то онъ очень радъ будетъ сдѣлать мнѣ вознагражденіе въ 50 т. руб. Все, что говориль графъ, изумляло меня въ высшей степени и ставило въ величайшее затрудненіе. Я не счелъ нужнымъ объяснять, до какой степени личное мое воз-

*

награжденіе неумѣстно и какъ подобныя сдѣлки оскорбительны для моихъ правилъ. Я даже видѣль въ этомъ нелѣпомъ предложеніи хорошую сторону. Во-первыхъ, оно, прежде всего, уменьшало цѣнность имѣнія на 50 т. р., если бы покупка его состоялась; если бы, напротивъ, она не состоялась, тогда самое это предложеніе служило бы князю доказательствомъ не столько моего безкорыстія, въ которомъ онъ и не сомнѣвался, сколько истиннаго стремленія оберегать наши дѣла и распоряженія отъ дурныхъ послѣдствій. Я положительно не зналъ, что дѣлать? Князь самъ пишетъ, что за имѣніе хотятъ 3 милл. и что я долженъ купить его во что бы то ни стало, т. е. заплатить даже и 3 милл., если это нужно. Съ другой стороны я могъ купить это имѣніе только за 2.350 т. р., блистательно перебивъ его у графа Левашова; но въ то же время я глубоко былъ убѣжденъ, что покупка эта гибельна. Мнѣ оставалось: или разрушить эту покупку, сохранивъ во всей чистотѣ Богомъ данныя мнѣ правила чести и добра, или, основываясь на приказаніи князя, купить имѣніе, выговоривъ себѣ хороший кушъ и затѣмъ раскланявшись съ княземъ... Но Богу угодно было охранять меня, во всю мою жизнь, отъ подобныхъ искушеній, и я всегда спалъ хорошо съ чистою совѣстью. У графа я просилъ нѣкоторой отсрочкѣ для необходимыхъ соображеній и сношеній съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. Я зналъ, впрочемъ, что эти сношения, при упорствѣ князя и плохомъ пониманіи практическихъ дѣлъ, ни къ чему не поведутъ, потому и не думалъ предпринимать ихъ. Мнѣ хотѣлось только протянуть время и собрать мнѣнія дѣловыхъ людей... Но прежде нежели я пришелъ къ какому-нибудь окончательному рѣшенію, я получилъ отъ князя Александра Ивановича новое письмо слѣдующаго содержанія:

«Спѣшу увѣдомить васъ, любезный Василій Антоновичъ, что свѣдѣнія, собранныя мною по имѣнію графа Ростопчина, пре-взошли многимъ первыя извѣстія, которыя я сообщилъ вамъ изъ Москвы. 3 т. богатыхъ мужиковъ, 32 т. десят. чернозему, 2 т. десят. прекраснаго лѣсу и славнѣйшій домъ и все это за 3 милл. ас., изъ которыхъ только 500 т. тотчасъ. Вотъ дѣло кладь и вѣнецъ всему начатому, если успѣете кончить въ пользу брата, князя Владимира Ивановича. Лишнимъ считаю говорить вамъ, сколько

я буду вамъ благодаренъ; послѣдствія покажутъ, если успѣете въ семъ столь важномъ дѣлѣ. Я съ нынѣшнею же почетою пишу г. Столыпину, прося его взять это дѣло подъ свое покровительство; его связи и доброе расположение ко мнѣ сдѣлаютъ его, я увѣренъ, дѣятельнымъ соучастникомъ въ семъ моемъ новомъ предприятіи. Я съ нынѣшнею же почетою пишу къ управляющему графа Ростопчина съ просьбою прислать къ вамъ всѣ нужные свѣдѣнія по имѣнію. Главное ваше дѣло остановить дѣло съ графомъ и выдать ему нужные деньги... Прошу васъ, немедля по полученіи моего письма, поѣхать къ Алексѣю Григорьевичу Столыпину и съ нимъ рѣшиться, какъ вести дѣло. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ васъ отвѣта и надѣюсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстія объ успѣхѣ...»

Безъ всякаго тщеславія могу сказать, что если дѣйствительно у меня были хорошія правила и хорошія способности, то нигдѣ они не имѣли такого приложенія, какъ въ этомъ дѣлѣ. Графъ Ростопчинъ предлагалъ мнѣ за покупку его имѣнія 50 т. р.; князь сулилъ за то же благодарность, которую послѣдствія покажутъ. Въ то же время ничего не было легче, какъ купить это имѣніе и за самую выгодную цѣну. Я, однакожъ, не дѣлалъ этой покупки, въ глубокомъ сознаніи, что она задавитъ насъ и такимъ образомъ не только терялъ права на обоюдную благодарность, но и рисковалъ навлечь на себя неудовольствіе князя. Это относится къ моимъ правиламъ и убѣженіямъ. Съ другой стороны, имѣя рѣшность не покупать имѣніе, я продолжалъ вести дипломатическіе переговоры съ графомъ, парализуя такимъ образомъ сдѣлку его съ графомъ Левашовымъ, и держалъ его весьма продолжительное время на привязи. Это относится къ моимъ способностямъ. О моемъ усердіи къ пользѣ князя я не говорю, потому что подобное усердіе не представляется ничего удивительного въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, принявшемъ на себя какую-либо обязанность. Помню, однакожъ, что и это простое усердіе должно было доводить до крайнихъ предѣловъ потому, что, въ минуты страшныхъ мученій, которая молодая жена моя, окруженнная бабками и докторами, испытывала при первыхъ родахъ, я оставлялъ ее и вѣрь переговоры съ графомъ. Если приведенное выше письмо князя мнѣ было непріятно въ томъ отношеніи, что усиливало настоянія, про-

тивных моимъ убѣжденіямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно и обрадовало меня въ высшей степени, давая мнѣ, въ лицѣ дѣловаго Столыпина, надежнаго сотрудника, избраннаго и назначенаго самимъ княземъ. Я тотчасъ поѣхалъ къ нему и изложилъ ему всѣ подробности дѣла. Съ своимъ свѣтлымъ умомъ Столыпинъ и минуты не колебался и вмѣстѣ со мной призналъ покупку Ростопчинскаго имѣнія положительно невозможнаю. Но положеніе дѣла еще болѣе улучшилось для меня, когда сдѣжалось известнымъ, что самъ князь Владимиръ, для котораго предназначалась эта покупка, долженъ скоро возвратиться въ Петербургъ. Въ виду этого важнаго обстоятельства, мы съ Столыпинымъ рѣшили поддерживать переговоры съ графомъ Ростопчинымъ, а окончательное рѣшеніе дѣла предоставить самому князю Владимиру, когда онъ приѣдетъ. Я былъ совершенно счастливъ. Всѣ мои личныя волненія и тревоги улеглись. Вопросъ о покупкѣ имѣнія я передавалъ въ руки того, до кого онъ болѣе всего касался, не измѣнивъ ни своимъ убѣжденіямъ, ни настоящимъ князя Александра.

Наконецъ князь Владимиrъ приѣхалъ, и отличительное его свойство — мнительность проявилась здѣсь во всемъ смѣшномъ блескѣ. Тотчасъ по приѣздѣ его, я сообщилъ ему письма князя Александра, готовность графа Ростопчина продать намъ имѣніе даже за низшую цѣну, противу той, за которую оно запродано графу Левашову, мои соображенія о невозможности, или, по крайней мѣрѣ, опасности этой покупки, и наконецъ мнѣніе Столыпина, совершенно сходное съ моимъ. Князь Владимиrъ вполнѣ согласился съ нашимъ мнѣніемъ и просилъ даже меня увѣдомить графа Ростопчина, что покупка состояться не можетъ, чтѣ, конечно, я и исполнилъ. Но это ничего не значило. Князь Владимиrъ всегда соглашался съ тѣмъ, кто послѣдній съ нимъ говорилъ. Отъ этого произошло, что чрезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ, вѣроятно наслушавшись въ аристократическихъ гостиныхъ различныхъ толковъ объ этомъ имѣніи, князь сказалъ мнѣ: «знаете, В. А., жаль, что мы упустили Ростопчинское имѣніе». — «Я этого не полагаю, ваше сиятельство. Почему вы перемѣнили ваше мнѣніе?» спросилъ я. — «Имѣніе прекрасное; всѣ говорять», отвѣчалъ князь. — «Да я никогда и не думалъ утверждать, что оно не прекрасно; я выражалъ только

убѣжденіе, что покупка его не по нашимъ силамъ и что она разорить насть», сказалъ я князю.— «Да, это такъ! однако же все-таки жаль», заключилъ князь. Это былъ первый опытъ дѣловыхъ моихъ сношеній съ княземъ и первое проявленіе его мнительности и шаткости. И то, и другое, конечно, не могло произвести на меня хорошаго впечатлѣнія. Мнѣ было просто досадно, что мои усердныя старанія, искренность и стойкость моихъ убѣжденій и наконецъ дипломатическая способности, что все это, положенное въ это дѣло, не только не оправдено по справедливости, а разлетѣлось въ прахъ. Этого мало. Нелѣпая сожалѣнія князя имѣли тутъ смыслъ, что какъ будто бы я именно упустилъ блестательное дѣло. Я сказалъ князю: «графъ Ростопчинъ такой человѣкъ, что съ нимъ церемониться нечего и можно возобновить переговоры, если только продажа имѣнія графу Левашову еще окончательно не состоялась. Хотите, я къ нему опять пойду?»— «Ахъ! это было бы величайшее счастіе! Какъ бы я былъ благодаренъ вамъ, если бы вамъ удалось восстановить это дѣло», сказалъ князь. Я тотчасъ отправился къ графу Ростопчину и, къ собственному моему изумленію, нашелъ его по-прежнему совершенно готовымъ продать имѣніе князю, на определенныхъ уже условіяхъ. «Если князь приѣдетъ сегодня часа въ два, мы можемъ съ нимъ совершенно кончить дѣло», заключилъ графъ. Съ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ я тотчасъ прилетѣлъ къ князю; но въ то время, когда я, съ сияющимъ отъ радости лицомъ, передавалъ ему этотъ радостный отвѣтъ, лицо князя помрачилось, и видно было, что онъ смущился и струсилъ. «Все это прекрасно», сказалъ онъ, «но согласитесь, что мнѣ неловко самомуѣхать къ графу. Подумають, что я перебиваю имѣніе у графа Левашова, а мнѣ этого никакъ бы не хотѣлось. Я, право, не знаю, что дѣлать?» бормоталъ князь. Я старался укрѣпить его всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ, доказать, что въ дѣлѣ, отъ которого зависитъ все будущее его благосостояніе, подобныя утонченныя церемоніи вовсе не къ мѣсту, что вся неделикатность относительно графа Левашова падетъ не на него, а на графа Ростопчина, что мы даже вовсе и не обязаны знать, есть ли другие покупщики, или нетъ и т. п.,—ничто не помогало. Князь твердилъ одно: «все-таки неловко, какъ хотите!» — «Что же теперь дѣлать?» спросилъ я не-

терпѣливо. « — Вотъ, если бы самъ графъ пріѣхалъ ко мнѣ — это другое дѣло! » сказаълъ князь. — « Помилуйте, ваше сіятельство », сказаълъ я: « гдѣ же это видано, чтобы продавецъ самъ ѻздила по домамъ и предлагала свое имѣніе? » — « Что же дѣлать; иначе мнѣ нельзя », запѣла снова князь. — « Хорошо », сказаълъ я, « я опять пойду къ графу и быть можетъ уломаю его и на это, хотя считаю это почти невозможнымъ ».

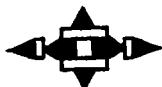
Графъ, къ которому я тотчасъ отправился, снова поразилъ меня, согласившись пріѣхать къ князю на другой день, часа въ два. Съ великимъ торжествомъ я привезъ этотъ отвѣтъ князю; но онъ не только не выразилъ никакого удовольствія, но, повидимому, еще болѣе струсила и просилъ меня убѣдительно присутствовать, на другой день, при предстоящемъ съ графомъ свиданіи. Свиданіе это состоялось, и я при немъ присутствовалъ. « И горе, и смѣхъ », какъ говорятъ русскіе люди. На французскомъ діалектѣ, съ покраснѣвшимъ лицомъ, князь началъ плести какія-то безсвязныя фразы, въ которыхъ съ трудомъ можно было понять только то, что онъ очень радъ купить имѣніе графа, но купить не можетъ. Графъ, какъ ни былъ самъ глупъ, тотчасъ понялъ, повидимому, съ какимъ господиномъ имѣть дѣло, бросилъ на меня насмѣшилый взглядъ и скоро уѣхалъ. Тѣмъ это смѣшное, но въ то же время крайне хлопотливое и непріятное для меня, дѣло и кончилось.

1845 г. 5 іюля я взялъ отъ князя Владимира такой же точно актъ, какій нами полученъ былъ отъ князя Анатолія, и содержаніе котораго приведено мною выше, а ему отдалъ 1.200 т. р. ас. На этотъ капиталъ, сколько мнѣ извѣстно, князь Владимира купилъ впослѣдствіи у котораго-то изъ князей Голицыныхъ Тамбовское имѣніе.

Здѣсь нужно замѣтить, что при выдаѣтъ князя Анатолія и выдаѣтъ ему капитала въ 1.200 т. р. у него не были вычтены московскіе его долги, о которыхъ я выше говорилъ и которые простирались до 400 т. р. Долги эти пали всею тяжестью на кассу князя Александра и такимъ образомъ выходило, что онъ получилъ не 1.200 т., а 1.600 т. р. Чтобы уравновѣсить по возможности между собою отдѣлы князя Анатолія и князя Владимира, князь Александръ, независимо отъ капитала въ 1.200 т. р., подарилъ князю Владимиру домъ, въ Сергиевской улицѣ, оставшійся послѣ сестры

княгини Марьи Ивановны Кочубей. Я уже не помню въ подробности оснований, на которыхъ домъ этотъ перешелъ князю Александру; знаю только, что княгинѣ Марьѣ Ивановнѣ предназначено было въ приданое 500 т. р. ас., но что до кончины ея выплачена была только половина этого капитала, на которую и купленъ былъ Сергиевскій домъ. Послѣ ея смерти домъ этотъ, по какимъ-то расчетамъ, сдѣлался собственностью князя Александра, а имъ подаренъ князю Владимиру, который скоро его продалъ.

(Продолжение слѣдуетъ).



НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ «Сионскій Вѣстникъ».

IV ¹⁾.

Рожденіе и юность А. Ф. Лабзина.—Поступленіе въ Московскій университетъ.—Первая служба.—Любовь къ чтенію книгъ св. писанія.—Первые литературные шаги.—Мысль о необходимости издавать религиозно-нравственный журналъ подъ заглавіемъ «Сионскій Вѣстникъ».—Сочувствіе къ журналу со стороны общества.—Затрудненіе въ изданіи и причины тому.—Прекращеніе журнала.

Лабзинъ былъ сынъ бѣдной дворянской семьи, имѣвшей всего четыре души дворовыхъ людей. Онъ родился въ Москвѣ 28-го апреля 1766 года и съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ большую любознательность и охоту къ наукамъ. «Я началъ учиться ариѳметикѣ, говорить онъ, будучи еще лѣтъ шести, для того только, что учитель, который приходилъ учить меня писать, въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что можно узнать, сколько разъ колесо отъ Москвы до Петербурга обернется и сколько иголокъ на дорогѣ уляжется. Сie показалось мнѣ невѣроятнымъ. Какъ можно, думалъ я, перечесть такую бездну иголокъ и успѣть пересчитать, пока колесо вернется?... Учитель мнѣ отвѣчалъ, что есть такая наука, помощью которой сie удобно исчислить можно».

- Какая эта наука? спросилъ Лабзинъ.
- Ариѳметика, отвѣчалъ учитель.
- Можно ли ей научиться?
- Можно.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1894 г.

— Можете ли вы научить меня этой науки?

— Могу.

— Батюшка, вскричалъ ребенокъ: — учи меня ариометикъ.

Съ этихъ поръ математика была любимымъ предметомъ Лабзина, а затѣмъ онъ чувствовалъ влечение къ чтенію священнаго писанія и духовныхъ книгъ. Еще до поступленія въ школу, онъ нѣсколько разъ прочиталъ Чети-Минею и, какъ самъ впослѣдствіи говорилъ, «ребаческимъ образомъ обрекъ себя на служеніе Богу»¹⁾.

Десяти лѣтъ А. О. поступилъ въ гимназію при Московскомъ университѣтѣ, основательно изучилъ латинскій языкъ и черезъ два года переведенъ былъ въ университетъ. Здѣсь онъ, какъ и многие изъ его товарищѣй, увлекся новѣйшею литературою и явился однимъ изъ замѣтныхъ ея дѣятелей. Обладая прекраснымъ даромъ слова, легкимъ стилемъ въ изложеніи своихъ мыслей и способностью къ стихотворству, Лабзинъ, будучи всего 15 лѣтъ отъ ро-ду, принималъ участіе въ изданіи «Вечерней зари», служившей продолженіемъ «Утренняго свѣта» и изданной въ трехъ частяхъ въ Москвѣ въ 1782 году²⁾.

Занятія новѣйшею литературою и тогдашняя мода привели его къ изученію Вольтера и къ нѣкоторому колебанію въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но явился, говорить Лабзинъ, какъ ангелъ благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ, и какъ солнце расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія.

Въ самый разгарь того времени, когда молодые люди съ жадностью перечитывали модныхъ писателей, Шварцъ, по собственному побужденію, открылъ лекціи въ своемъ домѣ, съ цѣллю поднять упавшую религію. Разбирая произведенія Гельвеція, Руссо, Спинозы, ла-Метри³⁾ и другихъ, онъ сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая различіе между ними, училъ своихъ слушателей находить достоинства и недостатки въ каждомъ писателе-

¹⁾ Собственноручная приписка Лабзина въ письмѣ его къ Новосильцову въ сентябрь 1806 г.

²⁾ „Вечерняя заря“ — ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и проч. Издали: Антоновскій Максимовичъ, Давыдовскій и проч.

³⁾ Одинъ изъ крайнихъ энциклопедистовъ.

лъ. Лабзинъ съ особеннымъ чувствомъ благодарности вспоминаетъ ту счастливую эпоху, которая составила все счастіе его жизни.

Лекціи Шварца произвели поразительное впечатлѣніе на слушателей, и простое задушевное слово его вырвало изъ руки многихъ безбожныхъ книги и замѣнило ихъ Библіею, которую до того считали книгою пригодною только для церквей¹). Теперь же Библія появилась въ университетѣ, и студенты, ученики Шварца, считали свою обязанностію въ свободныя минуты читать изъ неа что-нибудь. Въ числѣ ихъ былъ и Лабзинъ²).

Занимаясь въ университетѣ преимущественно изученіемъ языка древнихъ классиковъ, а впослѣдствіи основательно познакомившись съ ихъ произведеніями, Лабзинъ сохранилъ къ нимъ навсегда любовь и глубокое уваженіе. «Учась въ университетѣ, говорит онъ³), — я читывалъ древнихъ, какъ обыкновенно ихъ тамъ читаются только для языка и по выходѣ изъ училища бросилъ ихъ, ибо кто нынѣ любить читать латинскія и греческія книги? Но однажды, случайно, прочтя только Цицеронову книжку «О должностяхъ» я пораженъ былъ его чистыми понятіями о нравственности, и, обратясь къ чтенію другихъ авторовъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, сколь древніе вообще были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, нежели мы, имѣющіе писанное Евангеліе и называющіеся христіанами!»

Можно ли, спрашиваетъ Лабзинъ, сравнивать понятія Цицероновы о должностяхъ, о справедливости и честности, съ понятіями, напримѣръ, всѣми прославляемаго Бентама, у котораго всѣ права основаны на купеческихъ расчетахъ и барышахъ и который составилъ даже бухгалтерію для совѣсти⁴).

Ближайшее знакомство съ древними философами совершило переворотъ въ духовной природѣ Лабзина, и онъ призналъ въ истинной философіи единственную науку, распространяющуюся на всѣ знанія. По его мнѣнію, чистая философія, «склоняясь къ красотамъ природы», дѣлается поэзіею; изъясняя съ силою ощущенія свои—

¹) „Сіонікій Вѣстникъ“ 1818 г. февраль, стр. 223.

²) Приписка Лабзина въ письмѣ его къ Новосильцову.

³) „Сіонікій Вѣстникъ“ 1806 г. ч. I, январь, 22—23.

⁴) „Сіонікій Вѣстникъ“ 1806 г. № 1, 22.

краснорѣчіемъ; сообщая о свойствахъ и раздѣленіи въ природѣ вещей—естественною исторіею, физикою, химіею и проч. ¹⁾).

— Прочтя Оригеновы опроверженія на возраженіе противъ христіанства Цельсовы, говорить Лабзинъ, удобно видѣть можно, какъ малъ былъ Вольтеръ противъ Цельса, въ томъ самомъ, въ чёмъ они были одинаковы. И при всемъ томъ многимъ казались Вольтеровы насмѣшки и порицанія неопровергнутыми, тогда какъ Цельсовы, несравненно сильнѣйшія, достаточно были уже опровергнуты. Возвратясь послѣ Цицерона къ чтенію древнихъ философъ, я пересталъ удивляться новымъ и думаю, что крайнее уваженіе къ нимъ происходит либо отъ того, что за кучами ново-выходящихъ книгъ, древнихъ не читаются, либо отъ того, что ихъ не понимаютъ ²⁾.

Предавшись всею душою чтенію священныхъ книгъ, Лабзинъ 23 апрѣля 1773 года вступилъ въ общество мартинистовъ и черезъ пять дней, 28 апрѣля, въ день своего рожденія, далъ торжественный обѣтъ на служеніе Богу ³⁾. Въ 1784 году, по выходѣ изъ университета, онъ поступилъ переводчикомъ при Московскомъ губернскомъ правлѣніи и въ слѣдующемъ году произведенъ въ губернскіе секретари; въ 1787 году, въ чинъ коллежскаго секретаря, Лабзинъ перешелъ въ Московскій университетъ переводчикомъ при конференціи. Лѣтомъ этого года императрица Екатерина II, возвращаясь изъ путешествія въ Тавриду, прибыла въ Москву, и 28 іюня Лабзинъ, вмѣстѣ съ многими другими ⁴⁾, привѣтствовалъ ее торжественною пѣснью ⁵⁾. Эта пѣснь обратила на автора вниманіе императрицы, и онъ въ теченіе послѣдующей службы неоднократно

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. стр. 12.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. ч. I. стр. 23.

³⁾ Собственноручная приписка Лабзина въ письмѣ къ Новосильцову.

⁴⁾ Такъ представлены были императрицѣ оды отъ Московскаго университета (М. Хераскова, Зыбѣлина, Роста), отъ благороднаго университетскаго павіона (Н. Сипагина), отъ славяно-греко-латинской академіи и отъ Перервинской семинаріи (см. ст. Н. Бессонова, „Русскій Архивъ“ 1866 г. стр. 820).

⁵⁾ „Торжественная пѣснь Екатеринѣ II императрицѣ и самодержицѣ Все-російской на вождѣнійшее Ея Величества прибытіе въ столичный градъ Москву изъ предпріятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословленное я царствованіе, Тавриду и другія области, во всерадостный день воспоминія я всероссійскій императорскій престолъ, совершающій двадцати-пяті-гѣтіе прославнаго ея царствованія“.

былъ награждаемъ денежными выдачами. Владѣя бойкимъ, по тому времени, стихомъ, Лабзинъ перевѣль въ томъ же 1787 году «Женитьбу Фигаро», въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. де-Бомарше и въ слѣдующемъ году «Судью» въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Мерсье.

Принадлежа къ ограниченному въ то время обществу масонъ-мартинистовъ, Лабзинъ имѣлъ нѣсколькихъ сильныхъ покровителей, служившихъ преимущественно по почтовому вѣдомству (Ѳ. П. Ключаревъ и другіе), и въ 1789 году перешель въ секретную экспедицію С.-Петербургскаго почтамта.

Передъ отѣздомъ въ Петербургъ съ нимъ случилось одно обстоятельство, въ которомъ онъ видѣлъ Промыслъ Всевышняго, направляющій его по пути проповѣди, для поднятія упавшей религії. Бесѣдуя съ однимъ изъ невѣрующихъ, А. Ѳ. съ одного раза обратилъ его на путь истины и притомъ съ такою убѣдительностію, что тотъ возненавидѣлъ все земное, выразилъ желаніе отдать все свое имѣніе наставнику, а самъ пойти въ монастырь. «Происшествіе сіе,—говорить Лабзинъ,—случилось совсѣмъ неожидаемо, когда ни обращенный, ни обратитель ни малѣйшаго не имѣли о томъ намѣренія и когда они вмѣстѣ были въ банѣ. Оно такъ поразительно было для самого дѣйствующаго лица, что онъ снова подтвердилъ обѣтъ свой и при семъ невольно какъ-то вырвались у него слова молитвы: «не ввѣри мя человѣческому представителю»; и потому онъ тутъ же далъ обѣщаніе предаться такъ волѣ Вышняго, чтобы не только не искать ничего земнаго, но ниже искать чьего-либо покровительства. Случай сей представился ему такою святынею, что онъ не только не усомнился отречься отъ предложенія своего пріятеля, но не захотѣлъ принять ни малѣйшаго отъ него за то возданія, ниже какой другой услуги».

Въ Петербургъ Лабзинъ пріѣхалъ хотя и 22-хъ лѣтъ отъ роду, но съ совершенно установленнымъ характеромъ и убѣжденіями. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ продолговатымъ лицомъ, толстый и хромоногий. Онъ говорилъ бойко и обладалъ прекраснымъ даромъ слова¹⁾. В. И. Пантелей говорить, что, пріѣдя однажды въ

¹⁾ Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Рассказы академика Ѳ. Г. Соловцева. „Русская Старина“ 1876 г. № 1, стр. 118.

гости къ Державину, у которого собралось до 30 человѣкъ, онъ былъ пораженъ даромъ слова одного изъ гостей, заставлявшимъ всѣхъ его слушать¹).

— Кто это? спросилъ Панаевъ своего сосѣда.

— Лабзинъ, отвѣчалъ спрошенный.

Своимъ краснорѣчіемъ и обширными познаніями онъ оказывалъ громадное вліяніе на лицъ, его окружающихъ, и на тѣхъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. «Судьба послала мнѣ человѣка, говорить М. А. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ²), который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на настроение души моей и вообще на мой образъ мыслей. Это былъ А. О. Лабзинъ».

Страстный по природѣ, онъ не могъ любить въ половину, преводился человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка. Многіе считали его такимъ хитрецомъ, который проведеть кого угодно³). Деспотъ въ душѣ, Лабзинъ былъ гордъ, самолюбивъ, имѣлъ необыкновенно твердый, хотя и строптивый, характеръ. Постигшая его впослѣдствіи невзгода (ссылка) не смущила и не опечалила его: онъ остался такимъ же непреклоннымъ въ своихъ мнѣніяхъ, какимъ былъ и прежде. Сознавая самъ недостатки своего характера, Лабзинъ часто говорилъ: «если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ»⁴). Съ низшими себя онъ обходился вѣжливо и ласково, но всѣхъ, кто стоялъ выше его, терпѣть не могъ и держалъ себя съ такими лицами грубо, за что и пострадалъ впослѣдствіи. Впрочемъ, «его неукротимый характеръ нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремленій»⁵). Онъ искренно любилъ Россію и все русское; будучи человѣкомъ талантливымъ и образованнымъ и притомъ отлично владѣя перомъ, Лабзинъ неутомимо и безкорыстно трудился на пользу своего отечества, которому несомнѣнно припесъ значительную пользу. «Онъ оставилъ множество

¹) „Вѣстникъ Европы“ 1867 г. т. III, 248.

²) Извѣз записокъ М. А. Дмитріева. „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 6, стр. 837.

³) „Встрѣча съ мартинистами“ С. Аксакова. „Русская Бесѣда“ 1859 г. т. I, стр. 52.

⁴) Воспомин. о пережитомъ и перечувствованномъ А. П. Бѣляева. „Русская Старина“ 1880 г. т. XXIX, № 9, стр. 4.

⁵) Записки Д. П. Рувича. „Русское Обозрѣніе“ 1890 г. № 8, стр. 246.

трудовъ и переводовъ, которые въ значительной степени способствовали обогащению стиля и прибавили въ русскомъ языке много научныхъ терминовъ, созданныхъ имъ или истолкованныхъ яснѣе¹⁾. Заслуги Лабзина были оценены современниками, и впослѣдствіи онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Прослуживши въ почтамтѣ десять лѣтъ, Лабзинъ 17-го апреля 1799 года, въ чинѣ статского советника, былъ переведенъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ 6-го сентября того же года назначенъ конференцъ - секретаремъ Императорской академіи художествъ. Въ то же время ему было поручено, вмѣстѣ съ Александромъ Вахрушевымъ, составленіе исторіи державнаго ордена св. Ioанна Єрусалимскаго, которая и издана была въ пяти частяхъ, въ промежутокъ времени съ 1799—1801 г. Императоръ Павелъ I, особенно следившій за этимъ изданіемъ, пожаловалъ Лабзину двѣ тысячи рублей, дѣль табакерки съ брильянтами и 1-го января 1801 года назначилъ его историографомъ этого ордена.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью Лабзинъ удѣлялъ часы и для педагогической. Какъ конференцъ-секретарь, онъ приглашалъ къ себѣ по воскресеньямъ воспитанниковъ, училъ и заставлялъ ихъ пѣть русскія пѣсни²⁾), устраивалъ для нихъ домашніе спектакли и бесѣды религіозно - нравственного характера. Бывалъ у Лабзина, воспитанники, среди его христіанскихъ бесѣдъ, проводили время съ большимъ удовольствіемъ.

— Внѣшняя свобода наша,—говорилъ имъ Лабзинъ³⁾—, зависеть отъ обстоятельствъ и отъ общества, въ которомъ мы живемъ, отъ людей, съ коими имѣемъ дѣло, и потому не всегда во власти нашей; внутрення состоять въ освобожденіи ума отъ неправильныхъ мыслей и понятій, сердца—отъ неправильныхъ чувствованій и склонностей. Человѣкъ завистливый, раздраженный не такъ вещи видитъ; человѣкъ предубѣжденный не вѣритъ самимъ очевидностямъ; въ мутномъ источникеъ едва видно самое солнце въ полуночи.

¹⁾ Записки Д. П. Рунича. „Русское Обозрѣніе“ 1890 г. № 9 стр. 246.

²⁾ Записки Ф. Г. Солицева. „Русская Старина“ 1876 г. № 1, стр. 118.

³⁾ Въ рѣчи 1-го сентября 1803 года.—„Московскія Вѣдомости“ 1803 г., № 73.

Итакъ, для достиженія сей свободы нужно уму просвѣщеніе, сердцу—очищеніе. Къ первому содѣйствуютъ науки, ко второму—нравоученіе и религія.

«Я видѣлъ въ Лабзинѣ,— говорить А. Л. Витбергъ,— очень умного и пламенного человѣка. Предметы религіозные весьма занимали меня. Часто сужденія его объ обрядахъ греко-российской церкви имѣли на меня большое вліяніе, и я рѣшительно увидѣлъ что ежели для церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви, ибо заключаютъ столь много глубокихъ указаний.¹⁾.

Оставаясь конференц-секретаремъ, Александръ Федоровичъ 26-го октября 1804 года былъ переведенъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ министру военныхъ морскихъ силъ директоромъ департамента, и въ апрѣль 1805 года назначенъ членомъ въ государственный адмиралтейскій департаментъ. Служба по двумъ вѣдомствамъ не мѣшила Лабзину, по его выраженію, служить и Богу, и онъ дѣятельно занимался переводомъ и изданіемъ сочиненій религіознаго содержанія²⁾). Но въ числѣ книгъ, трактующихъ о благочестіи и религії, онъ не находилъ ни одной, которая была бы сообразна съ духомъ св. писанія, исключая книгу мистическихъ. Въ нихъ онъ нашелъ все, чтѣ нужно для внутренней жизни человѣка, все, чтѣ говорить сердцу, «научаетъ соединяться внутренно съ Богомъ, входить въ самого себя, отрекаться отъ всего, не слѣдя переваивать рану, но доходить до корня зла³⁾.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія читающей публики было такъ мало и число русскихъ книгъ для чтенія

¹⁾ Записки академика Витберга. „Русская Старина“, т. V, 521, 548.

²⁾ Въ 1803 году онъ перевѣлъ изъ сочиненій Эккардсаузена: „Отрывки“; „Путешествіе молодаго Костиса отъ востока къ полуодиню“, выдержавшее три издания; „Наставленіе мудраго испытанному другу“, выдержавшее два издания. Въ 1804 году — „Ночи или бесѣды мудраго съ другомъ“; „Облако надъ святлищемъ или вѣтто такое, о чѣмъ гордая философія и грезить не смѣеть“; „Ключъ къ таинствамъ природы“; „Важнѣйшия іероглифы для человѣческаго сердца“; „Днепропамбъ на бессмертие душа“, соч. Делия. Въ 1805 году онъ приступилъ къ переводу сочиненій Штиллинга и прежде всего появились: „Краткія нравоучительныя правила на каждый день для друзей христіанства“ и „Приключенія по смерти“.

³⁾ „Сионскій Вѣстникъ“ 1817 г., т. VI, стр. 173.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. LXXXII. ноябрь.

такъ ограничено, что библіотеку каждого легко было выучить наизусть.

«Въ цѣлой Москвѣ,—говорить Лабзинъ¹⁾,—существовала одна только университетская типографія и та стояла почти безъ дѣла; книжныя не лавки, но лавочки были только на Спасскомъ мосту. Новая книга была тогда рѣдкость, и, наконецъ, весь запасъ чтенія состоялъ изъ однихъ романовъ и нѣсколькихъ историческихъ книжекъ, такъ что предпріятіе печатанія книгъ духовнаго содержанія не только не представляло никакихъ выгода, но еще вело къ явнымъ убыткамъ, ибо надлежало родить прежде въ читателяхъ новый вкусъ. Я помню, какъ одинъ любитель чтенія, пришедши въ университетскую книжную лавку купить новенькихъ хорошошенькихъ книжекъ и находя въ оной (только) творенія Августина, Омы Кемпійскаго и подобныхъ, съ досадою вышелъ вонъ и пошелъ къ содер-жателю типографіи съ выговоромъ, для чего нынѣ не печатаются хорошия книги.

— Какія подъ симъ названіемъ вы разумѣете? спросилъ скромно хозяинъ гостя.

— Напримѣръ: «Маркизъ Глаголь», «Клевеландъ», «Желѣзная маска», «Дѣвица Гарви», отвѣчалъ посѣтитель.

— Что дѣлать, отвѣчалъ смиренно содер-жатель типографіи, — мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесутъ, а нынѣ такихъ книгъ они къ намъ не приносятъ».

При такихъ условіяхъ изданіе духовныхъ книгъ было сопряжено съ большою жертвою и убыткомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ осуждали и никто не читаль. Любителямъ духовнаго просвѣщенія приходилось выдерживать насмѣшки, нести издержки на плату переводчикамъ, на печатаніе и затѣмъ дарить эти книги даже богатымъ людямъ, чтобы только пріолучить ихъ къ чтенію религіозныхъ сочиненій. Упорно преслѣдуя цѣль, Новиковъ и его послѣдователи, въ томъ числѣ и Лабзинъ, достигли однакоже того, что книги духовнаго содержанія стали выходить на русскомъ языкѣ одна за другую. Такое насильственное, такъ сказать, распространеніе ихъ произвело нѣкоторый переворотъ въ обществѣ: явились охотники переводить,

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., февраль, 224, 225.

явился и читатели, но нельзя было не сознать, что распространение християнскихъ истинъ производилось все-таки безъ системы, при помощи изданія случайныхъ сочиненій. Ихъ читали лишь немногіе; большинство же общества или оставалось равнодушнымъ, или алобно подсмѣивалось надъ ними. Молодой писатель Пнинъ напечаталъ стихи, въ которыхъ подсмѣивался надъ истинами вѣры, говоря просвѣщенному своему другу: «Ты не мыслишь, какъ невѣжды, будто небо смеживается съ землею, какъ глазамъ простолюдина кажется; для тебя не нужно, чтобы кто сходилъ съ неба, дабы сдѣлать тебя добродѣтельнымъ и благополучнымъ».

Старшій цензоръ, Иванъ Осиповичъ Тимковскій, человѣкъ религіозный, не пропустилъ этихъ стиховъ, но Пнинъ жаловался въ главное управлѣніе училищъ, которое, основываясь на § 22 тогдашняго цензурнаго устава, разрѣшило ихъ напечатать. Будучи давнишнимъ искреннимъ другомъ Лабзина, Тимковскій рассказалъ этотъ случай и тѣмъ причинилъ ему такую боль, «какъ бы кто поранилъ его въ самое сердце»¹⁾: Чувство оскорблennаго самолюбія, грусть и какое-то уныніе овладѣли Лабзиномъ.

«До изобрѣтенія книгопечатанія, — писалъ онъ, — одни творенія великихъ умовъ или особливыхъ геніевъ разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ; прочія же рѣдко пользовались сею честію. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенные дарованія, и тогда книга была плодъ глубокаго размышленія и опыта, и была дѣйствительно подаркомъ для человѣчества; чувство и истина были видны на каждомъ листѣ ея. Поэтому-то сіи книги пережили вѣки, несмотря на политическія превратности, несмотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовъ.

«Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія знанія полились рѣкою во всѣ концы и быстрымъ своимъ потокомъ испровергли многія зданія ума, подмыли и подрыли самыя основанія долголѣтнихъ опытовъ и наводненіемъ своимъ иныхъ мѣста запрудили, другія опустошили. Мелочи всплыли наверхъ и скрыли подъ собою не мелочныя произведенія; люди стали ловить, что всплывало, а что всплывало, то

¹⁾ Письмо Лабзина Новосильцову безъ года и числа.

стало ловить людей; родилась страсть къ писанію, явились подражатели и кописты, явились подражанія подражаніямъ и копіи съ копій, а оригиналы исчезали, и творческій умъ какъ бы притиснутъ сталъ типографскимъ станкомъ.

«Прежде страсти и заблужденія имѣли свой предѣль; развратникъ и заблужденный могъ заражать только свой кругъ, свой вѣкъ, и пороки его исчезали и погребались вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ. Злоупотребленіе же книгопечатаніемъувѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, что только исходить изъ разгоряченной головы какого-либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается, и идетъ во всѣ стороны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается испровергнуть вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грёзы, четвертый порочныя ощущенія сердца и — все это читается и поглощается: читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами»...¹⁾.

— Всякій ли желудокъ, — спрашиваетъ Лабзинъ, — въ состояніи переварить все, что человѣкъ сѣсть? Всякій ли разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтеть? А между тѣмъ литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свое стряпье моднымъ снадобьемъ, чтобы лучше расщекотать вкусъ своихъ читателей. Но какія же мѣры употребить противу вредныхъ или опасныхъ книгъ, чтобы люди не заражались? Приведемъ здѣсь пословицу: клинъ клиномъ выбивать должно. Когда есть книги или соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противо-христіянскія, пусть выходять и христіянскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудить наше! ²⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Лабзинъ задумалъ издаватъ «христіанскій журналъ», какого ни на какомъ языке еще тогда не было.

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., кн. II, февраль, стр. 209—211.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., кн. II, февраль, стр. 219.

— Если позволяетъ писать противъ религія,—говорилъ онъ,— то гдѣмъ больше нельзѧ запретить писать за религію.

Сознаніе въ необходимости такого изданія укрѣпилось еще болѣе, когда переводчику Рейналю—извѣстного вольнодумца—выдана была субсидія и книга издана на казенный счетъ¹⁾). Предпринимая изданіе, Лабзинъ и Тимковскій согласились: первый писать противъ кевѣрія и разврата, а второй, по своему положенію цензора—помогать ему всѣми силами. Не скрывая отъ себя, что предпріятіе это можетъ навлечь много хлопотъ, они разсчитывали «на благость правительства и свободу, которую даруетъ оно умъ и сердцемъ». Имъ казалось, что «опасеніе, въ другое время основательное, нынѣ будетъ уже излишнее; что всякому дозволено приносить пользу своимъ соотчичамъ, чѣмъ кто можетъ; что въ христіанской націи христіанину о христіанствѣ разсуждать и говорить можно, и развѣ противъ онаго, а не въ пользу онаго писать воображенено быть можетъ»²⁾). Но еслибы предположенія ихъ оказались ошибочными и они встрѣтили бы затрудненія, то все-таки рѣшились преодолѣвать ихъ до времени, лишь бы только имѣть возможность слѣдить за всѣми сочиненіями, направленными противъ религіи, и писать въ защиту ея.

Прежде всего подобное изданіе должно было стать въ полную зависимость отъ духовенства, которое, не принимая никакого литературнаго участія въ обсужденіи вопросовъ религіи, могло сильно тормазить дѣло.

Въ указѣ Сенату 9-го февраля 1802 года было сказано: «Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27-го йюля 1787 года, коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящейся книги. Таковыя должны быть печатаны въ Сундской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Су-

¹⁾ Письмо А. Ф. Лабзина Н. Н. Новосильцову безъ года и числа.

²⁾ Записка Лабзина, посланная въ канцелярію Н. Н. Новосильцова для отправленія, куда слѣдуетъ, въ марта 1806 года.

нода состоящихъ, или же отъ комиссии народныхъ училищъ съ Высочайшаго дозволенія изданы и впредь издаваемы будуть»¹⁾.

На этомъ основаніи въ цензурномъ уставѣ 9-го юля 1804 года была включена 8-я статья, по которой «всѣ сочиненія до вѣры относящіяся и подлежащія печатанію въ духовныхъ типографіяхъ должны быть рассматриваемы духовною цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и епархиальныхъ архіереевъ».

Указъ 1787 года и учрежденіе для духовныхъ книгъ особой специальной цензуры въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ служили огромнымъ препятствіемъ для ихъ изданія и распространенія. Присылка рукописей изъ всей Россіи въ Москву и печатаніе ихъ въ однихъ синодальныхъ типографіяхъ, естественно, были большими затрудненіями для издателей. Были примѣры, что книги не выпускались потому, что въ нихъ находились идеи противныя философіи Вольфа или богословію Буддея, которая тогда преподавалась во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ. Нерѣдко случалось, что весьма хорошія религіозно-нравственный сочиненія не пропускались цензурою потому, что были написаны или переведены свѣтскими лицами, тогда какъ духовенство, само не писавшее ничего, находило, что только оно одно и можетъ издавать духовныя книги.

Всѣ эти обстоятельства и затрудненія заставляли Лабзина устранить свое изданіе отъ духовной цензуры, и онъ успѣлъ въ этомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія появилось много сочиненій о религії, изданныхъ свѣтскими людьми и напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ. Сначала правительство не обращало на это особеннаго вниманія, видѣло въ нихъ даже нѣкоторый противовѣсь распространившейся тогда философіи и учению энциклопедистовъ, но вспыхнувшая французская революція вызвала иной взглядъ на эти книги. Въ нихъ стали находить попытки къ распространенію ученія, чуждаго вѣрѣ и истинамъ, почерпнутымъ единственно изъ чистѣйшаго ученія Иисуса Христа.

Указъ 27-го юля 1787 года остановилъ распространеніе такихъ книгъ, подвергъ преслѣдованію ихъ издателей, и изданіе религіозно-

¹⁾ Полное Собрание законовъ, т. XXVII, № 20180.

правственныхъ сочиненій подчинили духовной цензурѣ. Но французская революція давно окончилась, политическая страсти улеглись, и общество, сознавая, что безъ религіи жить невозможно, стало само противодѣйствовать распространенію безбожія.

Въ то время, когда Вольтеръ и его послѣдователи наводняли Европу множествомъ антирелигіозныхъ книгъ и разсылали ихъ всюду за самую дешевую цѣну, въ той же самой Европѣ составлялись общества съ цѣлью такимъ же способомъ подкрѣплять истины христіанства. Въ Голландіи образовалось «Общество для защищепія христіанской религіи», которое ежегодно предлагало задачи и выдавало преміи за защиту и объясненія христіанства. Въ Россіи, хотя и не официально, масонство получило право на свое существованіе и, наконецъ, въ Англіи, еще въ 1795 году, по почину частнаго человѣка, образовалось «Біблейское общество», членами которого были люди всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Несмотря на различіе религіозныхъ убѣжденій членовъ относительно догматовъ и правилъ религіи, англійское біблейское общество дѣйствовало съ величайшимъ единодушіемъ и успѣхомъ. Съ 1795 года и по конецъ 1804 года оно роздало бѣднымъ Біблій и Нового Завѣта болѣе 179.000, другихъ же духовныхъ книгъ болѣе 500.000 экземпляровъ.

Такимъ образомъ противодѣйствіе анти-религіозному учению было начато не духовенствомъ, а людьми свѣтскими, и на этомъ основаніи Лабзинъ просилъ, чтобы ему было разрѣшено издавать журналъ съ разрѣшеніемъ гражданской цензуры. Онъ опирался на общія постановленія цензурнаго устава, состоявшія въ томъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было ничего противнаго высочайшей власти, гражданскимъ законамъ, христіанской религіи, установленіямъ церковнымъ, благопристойности, лично каждого и общественной безопасности.

Получивъ на то разрѣшеніе, Лабзинъ приступилъ къ изданію журнала подъ заглавіемъ: «Сіонскій Вѣстникъ». Онъ назвалъ журналъ свой прямо христіанскимъ, дабы самое слово сіе, вышедшее, такъ сказать, изъ употребленія, сдѣлать обыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ другими философскими, учеными и литературными терминами. Лабзинъ не имѣть и не искалъ себѣ по-

мощниковъ или сотрудниковъ; но «предавъ дѣло свое Промыслу, принялся за оное безъ размысленія и, такъ сказать, безразсудно»¹⁾.

Не имѣя никакихъ денежныхъ средствъ для начала такого дѣла и занимая двѣ административныя должности, А. Ф. ежедневно исписывалъ по нѣскольку листовъ, самъ хлопоталъ въ типографіи, цензурѣ и впослѣдствіи вель обширную переписку съ разными лицами по возбуждаемымъ ими вопросамъ. 1-го января 1806 года явился первый номеръ «Сіонскаго Вѣстника», имъ однѣмъ составленный и написанный. Поздравляя читателей съ новымъ 1806 г., Лабзинъ такъ объясняетъ цѣль своего изданія:

«Сколько поздравлений, говорить онъ²⁾, и желаній расточаемъ мы въ сей день, безъ мыслей, безъ разбору! И сколько сами принимаемъ ихъ. Иной надѣляетъ насъ честью и богатствомъ, другой здравиемъ и долголѣтнею жизнью, иной всѣми благами времени и вѣчности: но всѣ сіи щедрые дары оставляютъ каждого изъ насъ въ такой же нуждѣ и бѣдности, въ какой кто былъ. Единъ Все-вышній не дарить тщетнымъ и Его даянія не состоять въ пустыхъ желаніяхъ, а потому и обратимся лучше къ Нему съ нашими желаніями и о себѣ, и о другихъ, и съ благоговѣніемъ попросимъ: да дастъ Онъ друзьямъ и врагамъ нашимъ добродѣтелей исполненный годъ! Да сохранитъ и тѣхъ и другихъ, первыхъ къ услажденію, а вторыхъ къ исправленію нашей жизни! Да увеличится въ сей годъ между нами слава Его, и истинное христіанство, да проникнетъ оно въ чертоги, равно какъ и въ хижины. Да благословить Онъ воспитаніе дѣтей нашихъ въ ихъ возрастаніи, мужей въ ихъ подвигахъ и старцевъ въ ихъ немощахъ. Да постыдить каждого раба пороковъ и поможеть каждому подвизающемуся во благѣ. Да утѣшить всѣхъ скорбящихъ, болѣющихъ, умирающихъ и да будетъ къ намъ милостивъ. Мы же сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Ему предадимъ.

«Воть наши желанія и поздравленія читателямъ нашимъ. Остается намъ принести имъ даръ какой-либо, и въ сей даръ посвящаемъ мы имъ представляемый нынѣ журналъ нашъ, прося

¹⁾ Записка Лабзина Новосильцову, поданная въ мартѣ 1806 года.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ за 1806 г. мѣсяцъ январь, стр. 6 и 7.

всѣй и каждого принять онъ дружески и благосклонно, пользуясь имъ, если въ немъ найдутъ для себя что угодное и не гнѣвался, если мы въ чемъ не угодимъ ихъ вкусу.

«Мы начинаемъ его отнюдь не въ намѣреніи учить или наставлять кого; а, по свойственной человѣку сообщительности, хотимъ только подѣлиться съ ближнимъ нашимъ тѣмъ благомъ, которое сами любимъ и дорого цѣнимъ, и которое можетъ быть и ему столь же любезно. Книги есть всякия и на нашемъ языкѣ: кто любить читать, можетъ самъ избирать себѣ чтеніе; кто сего не любить для того и нашъ журналъ не помѣха: сего же рода книгъ, кажется, у насъ не довольно и христіанского журнала никогда еще не бывало, хотя въ другихъ земляхъ сіе не такъ необыкновенно... Чувствуя сами нужду заимствоватьсь по симъ матеріямъ отъ иностранныхъ писателей, вздумали помочь и другимъ чувствующимъ ту же нужду и не имѣющимъ, хотя впрочемъ пустаго, но по обстоятельствамъ важнаго преимущества,—знанія чужихъ языковъ. Позволено, я думаю, будетъ намъ сказать, что россіянину-патріоту даже обидно вообразить, что его соотчичъ, по неимѣнію только потребныхъ для него книгъ на природномъ его языкѣ, осужденъ не знать и не имѣть тѣхъ правъ, какими пользуется иногда слуга его, если онъ иностранецъ; тѣмъ болѣе оскорбительно было бы дозволить ему однѣ и тѣ же книги на чужомъ языкѣ читать, а на своеѣ нѣтъ, черезъ что всякий явно побуждаемъ быль бы предпочитать чужie языки своему».

Обѣщая посвятить свое изданіе христіанству, т. е. религіи и Св. Писанію, Лабзинъ высказывалъ надежду, что журналъ его «не такъ-то будетъ скученъ, какъ можетъ быть иной, по содержанію его себѣ представляеть»; что онъ будетъ заимствовать подходящія свѣдѣнія изъ другихъ журналовъ и книгъ, и что наконецъ содержаніе журнала будетъ приспособлено ко вкусамъ читателей, которыхъ издатель дѣлилъ на три категоріи: 1) ученыхъ, которымъ христіанство не противно и которые желали бы въ немъ увѣриться; 2) ученыхъ, которые вѣрять христіанству и любить его, и 3) просто вѣрующихъ, которымъ все то, что говорится о Спасителѣ, приятнo, угодно и любезно¹⁾.

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ на 1806 г. январь, стр. 10.

Первая книжка «Сионского Вѣстника» была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ. Тогдашніе издатели журналовъ имѣли обыкновеніе прилагать списокъ подписчиковъ поименно. Если сравнить число ихъ съ числомъ подписчиковъ «Сионского Вѣстника», то Лабзинъ имѣлъ полное право гордиться успѣхомъ своего журнала. По выходѣ первой книжки, онъ получилъ 400 руб. «отъ восхищающагося его изданіемъ»; зная, что подобный журналъ на первыхъ порахъ не можетъ вознаградить трудовъ и издержекъ на печатаніе, приславшій деньги выразилъ желаніе участвовать «перомъ и добромъ своимъ». Преосвященный Феофилактъ, епископъ калужскій, еще до выхода первого нумера, только по одному объявлению, подписался на 30 экземпляровъ «Сионского Вѣстника», а по выходѣ второй книжки было уже 93 подписчика въ Москвѣ, и изъ нихъ 33 человѣка духовныхъ особы. Митрополитъ с.-петербургскій Амвросій выразилъ свое сочувствіе журналу и не только рекомендовалъ духовенству читать его, но въ письмѣ къ лицу, просившему о пропускѣ одной духовной книги, совѣтовалъ исправить ее по примѣру «Сионского Вѣстника». — «Да простится издателю сія нескромность, писаль Лабзинъ¹⁾), когда онъ скажеть, что рѣдкій мужъ, достопочтенный нашъ отецъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), бывшій тогда еще въ Сергиевской лаврѣ, переписывалъ для себя «Сионскій Вѣстникъ», не имѣвъ возможности его купить». — Тогдашній митрополитъ московскій Платонъ домогался узнать имя издателя²⁾), самъ читаль и другимъ поручалъ читать съ тѣмъ, что не найдутъ ли они въ «Сионскомъ Вѣстникѣ» чего-либо противнаго вѣрѣ, говоря, что журналъ этотъ пристыжаетъ духовенство тѣмъ, что человѣкъ свѣтскій принялъ на себя роль проповѣдника.

¹⁾ Въ припискѣ на письмѣ къ Новосильцову

²⁾ Лабзинъ не выставлялъ своего имени на книжкахъ журнала, а подъ статьями подписывался Феопеметъ Мисайлова. Имя свое, по его словамъ, онъ скрывалъ „для того, чтобы суждение о журналь могло быть безиристрастнѣе, пбо когда мы знаемъ автора, то судимъ обыкновенно о сочиненіи его по нашему о немъ самому понятію, и одобляемъ или охуждаемъ оно потому, какъ расположены къ сочинителю“. Въ дѣлѣ же семъ, по таковому побужденію предиринатомъ, издатель искалъ, сколько можно, остататься самому равнодушнымъ. (Изъ записки А. Ф. Лабзина Н. Н. Новосильцову въ марте 1806 г.).

То же сочувствие къ изданію раздѣляли и другія духовныя особы, занимавшія высшія пастырскія должности, и о которыхъ мы упомянули выше. Только одинъ митрополитъ кіевскій Евгений, знаменитый ученый того времени, находилъ въ журналѣ нѣкоторые недостатки.

«Теперь скажемъ два слова о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», писалъ онъ¹⁾). Я его получаю и читаю часто до чувствительного умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли г. Л(абзину) издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи, а и это уже великое благодѣяніе человѣчеству! Большая часть сего журнала переводная съ нѣмецкаго изъ Штилинговыхъ сочиненій, а нѣчто и изъ мартинистскихъ—и это жаль, что въ чистую воду прямѣшивается и отрава секты... Но за многое хорошее, высокое и трогательное въ его журналѣ, я охотно извиняю его...»

Какъ бы то ни было, но это изданіе, первое въ своемъ родѣ на Руси, пріобрѣло множество читателей и продолжалось при громѣ шумныхъ рукоплесканій²⁾.

«A propos о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», писалъ Лопухинъ М. М. Сперанскому. Вѣдь хороший журналъ.—Желательно, чтобы ходъ его не остановился.—Издателю спасибо»³⁾.

По словамъ извѣстнаго юрьевскаго архимандрита Фотія, книги, написанныя Лабзиномъ, «почти всѣ ученые читали съ удовольствиемъ, въ семинаріи выписывали, хвалами превозносили его яко учителя вѣры. Архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочие многіе изъ духовныхъ, князья, бояре, ученые повторствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него».

«Сему идолу-человѣку клянялось начальство С.-Петербургской духовной академіи и Синодъ его чтиль»⁴⁾.

¹⁾ Въ письмѣ къ неизвѣстному 7-го іюля 1806 г. „Москвитянинъ“ 1848 г. ч IV, № 8, 173.

²⁾ Изъ записокъ Стурдзы. „Русская Старина“ 1876 г. № 2, 269.

³⁾ Отъ 19-го іюля 1806 г. „Русскій Арх.“ 1870 года.

⁴⁾ Записки архимандрита Фотія. „Русская Старина“ 1894 г. № 9 стр. 216.

Первая книжка «Сионского Вестника» была встречена съ большимъ сочувствіемъ. Тогдашніе издатели журналовъ имѣли обыкновеніе прилагать списокъ подписчиковъ поименно. Если сравнять число ихъ съ числомъ подписчиковъ «Сионского Вестника», то Лабзинъ имѣлъ полное право гордиться успѣхомъ своего журнала. По выходѣ первой книжки, онъ получилъ 400 руб. «отъ восхищающагося его изданіемъ»; зная, что подобный журналъ на первыхъ порахъ не можетъ вознаградить трудовъ и издержекъ на печатаніе, приславшій деньги выразилъ желаніе участвовать «перомъ и добромъ своимъ». Преосвященный Феофилактъ, епископъ калужскій, еще до выхода первого нумера, только по одному объявлению, подписался на 30 экземпляровъ «Сионскаго Вестника», а по выходѣ второй книжки было уже 93 подписчика въ Москвѣ, и изъ нихъ 33 человѣка духовныхъ особъ. Митрополитъ с.-петербургскій Амвросій выразилъ свое сочувствіе журналу и не только рекомендовалъ духовенству читать его, но въ письмѣ лицу, просившему о пропускѣ одной духовной книги, советовалъ исправить ее по примѣру «Сионского Вестника». — «Да не стится издателю сія нескромность, писалъ Лабзинъ¹⁾), когда скажеть, что рѣдкій мужъ, достопочтенный нашъ отецъ Филипп (впослѣдствіи митрополитъ московскій), бывшій тогда еще въ гіевской лаврѣ, перениссывалъ для себя «Сионскій Вестникъ» имѣвъ возможности его купить». — Тогдашній митрополитъ скій Платонъ домогался узнать имя издателя²⁾, самъ другимъ поручалъ читать съ тѣмъ, что не найдутъ Сионскому Вестнику чего-либо противнаго вѣрѣ, журналъ этотъ пристыжаетъ духовенство тѣмъ, что скій принялъ на себя роль проповѣдника.

¹⁾ Въ припискѣ на письмѣ къ Новосильцову

Лабзинъ не выставлялъ своего имени статьями подписывался Феопеметъ Михаилъ словами, онъ скрывалъ „для того, чтобы безстрастнѣе, ибо когда мы знаемъ чиненія его по нашему о немъ самомъ оное потому, какъ расположены къ вому побужденіи предпринятое, самому развилоимъ. (Изъ записки марта 1806

Краснорѣчіе, ясность и страстность изложенія¹⁾ привлекли къ «Сіонскому Вѣстнику» всеобщее вниманіе, заставили говорить о немъ и несомнѣнно произвели нѣкоторое вліяніе на тогдашнее русское общество. Всякая новость нравится и увлекаетъ и, по словамъ Д. П. Рунич, со времени св. Павла благородныя дамы любятъ вмѣшиваться въ штать всякаго начальника пропаганды. «Переводы и статьи Лабзина сгруппировали около него знаменитости и ничтожности, кающихся Магдалинъ и матерей семейства, видѣвшихъ въ его трудахъ противоядіе для философіи»²⁾.

Книжки «Сіонского Вѣстника» стали быстро расходиться, и издатель былъ въ правѣ сказать, что не обманулся въ своихъ предположеніяхъ, что любители христіанскаго чтенія есть и найдутся еще новые. Ободренный такимъ успѣхомъ, Лабзинъ напечаталъ въ мартовской книжкѣ статью «Дань благодарности», въ которой говорилъ, что, приступая къ изданію журнала, онъ не скрывалъ отъ себя тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено подобное предпріятіе. Друзья говорили ему о томъ же, но внутреннее убѣжденіе ободряло его и увѣряло, что «Сіонскій Вѣстникъ» найдетъ читателей, одобрителей и подкрѣпителей³⁾.

Надѣясь на сочувствіе общества и будучи готовъ во всякое время прекратить изданіе, Лабзинъ оставался зрителемъ, ожидающимъ послѣдствій своей работы. Послѣдствія не замедлили выказаться и съ выходомъ первыхъ двухъ книжекъ Вѣстника, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, призналъ, что «Сіонскій Вѣстникъ», какъ по своему названію, такъ и по статьямъ, содержащимъ разсужденія о религії, долженъ подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры, и поручилъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцову предписать о томъ цензурному комитету. Исполненія приказаніе министра, Новосильцовъ счелъ, однако же, необходимымъ просить разъясненія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Если «Сіонскій Вѣстникъ», по своему названію, подле-

¹⁾ Фотій сознается, что Лабзинъ „писалъ чисто и ясно сочинялъ“.

²⁾ Записки Д. П. Рунич, „Русское Обозрѣніе“ 1890 г. № 9, 245.

³⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. Мартъ, стр. 345.

житъ разсмотрѣнію духовной цензуры, то необходимо опредѣлить, вѣдь ли книги съ заглавіемъ, заимствованнымъ изъ Священнаго Писанія, должны быть разматриваемы также духовною цензурою. Къ такимъ книгамъ Новосильцовъ относилъ Мильтоновы поэмы: «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», трагедіи Расина: «Есеиръ и Атолія», «Размышленія о величіи Божіемъ» и многія другія. Такія изданія, говорилъ онъ, всегда подлежали разсмотрѣнію гражданской цензуры.

2) Принявъ за основаніе, что сочиненія, касающіяся вопросовъ религіи, съ цитатами изъ священнаго писанія, подлежать духовной цензурѣ, надо допустить, говорилъ Новосильцовъ, что многія книги, не только до метафизики и нравственности относящіяся, но и самыя повѣсти и романы должны также подлежать духовной цензурѣ.

«Изъ множества примѣровъ, писалъ онъ¹⁾), я приведу здѣсь только одинъ, именно, Матильду,—новый французскій романъ въ шести томахъ, отмѣнно одобряемый со стороны нравственности и стиля, взятый изъ Крестовыхъ походовъ и содержащій въ себѣ разсужденія о религіи христіанской и весьма многіе доводы и цитаты изъ священнаго Писанія. Но прилично ли духовной цензурѣ разматривать сіи и подобныя книги, которыхъ большею частію главный предметъ любовная интрига».

Новосильцовъ находилъ, что по смыслу § 8 цензурнаго устава вѣдѣнію духовной цензуры подлежать только книги церковныя, проповѣди, катехизисы и богословскія сочиненія, всѣ же остальные, какъ напримѣръ, переложенія духовныхъ псалмовъ и даже жизнь Иисуса Христа печатались всегда въ свѣтскихъ типографіяхъ и съ разрѣшеніемъ гражданской цензуры.

«Ожидаю на все сіе разрѣшенія вашего сіятельства, добавлялъ Новосильцовъ въ своеемъ заключеніи, которое тѣмъ нужнѣе, что цензоры, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, чтѣ принадлежитъ къ цензурѣ духовной и чтѣ слѣдуетъ къ ихъ разсмотрѣнію, невольнымъ образомъ могутъ учинить отступленіе отъ данного имъ предписанія и черезъ то навлечь новыя непріятности».

¹⁾) Графу Завадовскому отъ 31 марта 1806 г за № 87

Графъ Завадовскій былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе и въ теченіе трехъ недѣль не отвѣчалъ Н. Н. Новосильцову. Наконецъ 21-го апрѣля онъ сообщилъ мысль свою, «что цензура должна руководствоваться въ разсмотрѣніи оныхъ (духовныхъ книгъ) 22-мъ пунктомъ Устава о цензурѣ, въ которомъ скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію гражданской цензуры»¹⁾.

Пока шла переписка между попечителемъ учебнаго округа и министромъ народнаго просвѣщенія, Лабзинъ отпечаталъ апрѣльскую книжку и, не получая разрѣшенія на ея выпускъ, заявилъ Новосильцову, что если журналъ его выѣсто «чаемой имъ существенной пользы приносить мнимый вредъ», то онъ безъ ропота готовъ прекратить его изданіе, но при условіи: 1) дозволить ему объявить подписчикамъ, что онъ не сдерживаетъ даннаго публикѣ слова не по своей винѣ и 2) возвратить подпи-савшимся деньги обратно, о чёмъ и объявить въ газетахъ.

Не давая окончательнаго рѣшенія, Новосильцовъ поручилъ цензурному комитету отправить апрѣльскую книжку «Сіонскаго Вѣстника» на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго митрополита Амвросія, который не встрѣтилъ никакого препятствія къ ея выпуску²⁾, и 12-го апрѣля она была выпущена³⁾.

Задержка апрѣльской книжки отозвалась и на майской. Встрѣтивъ затрудненіе въ изданіи, Лабзинъ намѣренъ былъ прекратить журналъ и, пока не получилъ разрѣшенія на выпускъ апрѣльской, не составлялъ майской книжки; она также опоздала, чтобъ и засталило издателя выяснить читателямъ причину замедленія въ выходѣ и свое трудное положеніе. Въ статьѣ: «Извиненіе, благодареніе и отвѣтъ», Лабзинъ откровенно высказалъ всѣ встрѣченныя имъ затрудненія, свою готовность прекратить журналъ и то ободреніе, которое онъ встрѣтилъ со стороны митропо-

¹⁾ Письмо графа П. Завадовскаго Новосильцову 20-го апрѣля 1806 г № 186 Арх С.-Петербургскаго университета, дѣла цензурныя № 19

²⁾ Отношеніе Амвросія въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ 31-го марта 1806 г № 57.

³⁾ Предписаніе Новосильцова цензурному комитету 12-го апрѣля. № 96.

лита Амвросия¹). Въ заключеніи этой статьи онъ писалъ: «какъ не было еще на свѣтѣ такой книги, которая бы всѣмъ безъ исключенія нравилась, то безъ сомнѣнія и «Сіонскій Вѣстникъ», какъ имѣть своихъ пріятелей, такъ имѣть и непріятелей. Первые всякому милѣ, и потому мы съ ними только говорить и будемъ, а послѣднимъ съ почтеніемъ доложимъ, что «Сіонскій Вѣстникъ» ни на кого своимъ мнѣніемъ узъ не налагаетъ: всякихъ мысли, разсуждай и дѣйствуй, какъ ему лучше кажется. Той же свободы онъ и себѣ просить. Издатель имѣть, однакоже, удовольствіе видѣть, что число благопріятствующихъ «Сіонскому Вѣстнику» до нынѣ превосходитъ число непріятельствующихъ. Онъ просить и у неблагосклонныхъ къ нему любви и снисхожденія, ибо онъ хочетъ жить въ мирѣ со всѣми, и еслибы кому угодно было написать критику на «Сіонскій Вѣстникъ», то онъ готовъ помѣстить ону въ самомъ «Сіонскомъ Вѣстнике».

Эти первыя слова майской книжки, говорить Лабзинъ, «показываютъ точное состояніе издателя. Они написаны въ ночь послѣ исповѣди передъ Св. Причащеніемъ и лились на бумагу нѣкакимъ потокомъ. Вместо ослабленія отъ тревогъ, онъ чувствовалъ въ себѣ такую бодрость и крѣпость, какихъ дать (самъ) себѣ не можетъ и онъ, соблюдая пословицу: куй желѣзо, пока горячо и не отлагай дѣло до другаго дня, торопился издать сколько можно книгъ, предчувствуя, что наставшая гроза надъ главой его разразится»².

Гроза эта давно уже подготавлялась; за «Сіонскимъ Вѣстникомъ» тщательно слѣдили и находили въ немъ много отступленій отъ ученія православной церкви. Такъ митрополитъ Евгений находилъ³), что, говоря, будто бы во всѣхъ религіяхъ, подъ разными только символами, существуетъ истинная религія, Лабзинъ проповѣдуется индифферентизмъ; что, въ изъясненіяхъ Троицы и другихъ таинствъ откровенія, онъ вносить объясненія мистико-масонскія; что, желая яснѣе представить читателямъ духовность, издатель смѣло принимаетъ грубыя объясненія: сравниваетъ Евхаристію съ какою-то воплощенною солнечною ессенціею, вездѣ

¹) «Сіонскій Вѣстникъ» 1806 г., май, стр. 234.

²) Приписка на письмѣ къ Новосильцову

³) «Москвитянинъ» 1848 г. ч IV, № 8, 137.

присутствіе Божіє—съ воздухомъ, а недѣлмость—съ пламенемъ; допускаеть безпредѣльность тѣла Христова, а чтò пагубнѣе всего—приписываеть шаровидную форму и духу. Другие находили, что онъ признаетъ правителемъ земли не Бога, а солнце (стр. 3), Иисуса Христа называетъ не Богочеловѣкомъ, а божественнымъ человѣкомъ (стр. 209); что ветхозавѣтныхъ праотцевъ онъ не отличаетъ отъ мудрецовъ языческихъ; что онъ считаетъ богами миѳологическихъ Меркурія, Цеперу и Цибелу, сходившихъ съ небесъ, жившихъ на землѣ и учившихъ людей мудрости (стр. 41); что Аполлонъ былъ посланъ съ небесъ на землю отцомъ своимъ въ видѣ грѣшника; Купидонъ или Амуръ, существо небесное, былъ любовникомъ Психеи или души человѣческой и въ темнотѣ ночной даваль ей лобзанія (стр. 42, 43).

Слѣдя за страницами и строчками, противники Лабзина находили много мѣсть болѣе или менѣе противорѣчащихъ истинѣ, приводящихъ въ недоумѣніе, рождающихъ сомнѣніе и даже неприличныхъ. Всѣ эти накоплявшіяся замѣчанія сносились съ разныхъ сторонъ къ тогдашнему оберъ-прокурору Синода, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Прямой потомокъ воспитателя Петра Великаго, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ родился 8-го декабря 1773 года и черезъ двѣ недѣли лишился отца. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ матери, урожденной Хитровой, замѣчательной по уму и высокому образованію. Имѣя весьма ограниченное состояніе, мать была сильно озабочена будущою судбою сына, но знакомство съ довѣренною камеръ-юнгферою императрицы Екатерины II, извѣстною Марью Савишною Перекусихиною, вывело ее изъ затруднительного положенія. Перекусихина показала однажды императрицѣ девяти-лѣтняго князя, весьма бойкаго и остраго на отвѣты. Мальчикъ понравился Екатеринѣ, и она приказала помѣстить его въ Пажескій корпусъ. Тамъ онъ выучился хорошо танцевать и говорить по-французски, словомъ, получиль только свѣтское воспитаніе и очень плохое научное. Покровительствуемый Перекусихиной, князь А. Н. Голицынъ былъ привозимъ по праздникамъ изъ корпуса во дворецъ, гдѣ и игралъ съ малолѣтними тогда великими князьями Александромъ и Константиномъ

Павловичами. Одаренный отъ природы наблюдательнымъ и пытливымъ умомъ, живымъ характеромъ и неистощимою веселостью, князь Голицынъ нравился всѣмъ и скоро заслужилъ особую любовь и расположение къ себѣ Александра и былъ связанъ съ нимъ тѣсною дружбою. Императрица замѣтила ихъ взаимную привязанность, и когда Александру Павловичу исполнилось 12 лѣтъ, она назначила князя Голицына кавалеромъ къ его высочеству. Черезъ четыре года для женившагося Александра былъ составленъ особый дворъ, и князь Голицынъ назначенъ камеръ-юнкеромъ.

Въ тѣсномъ, интимномъ придворномъ кружкѣ онъ усвоилъ себѣ то блестящее и утонченное свѣтское образованіе, которымъ отличался до глубокой старости и «сдѣлялся царедворцемъ въполномъ смыслѣ этого слова, со всѣми хорошими и дурными сторонами этого положенія. При пытливомъ умѣ и необыкновенной живости характера, не получивъ солиднаго образованія, онъ всецѣло предавался каждому изъ увлечений, овладѣвшихъ имъ¹⁾).

Незадолго до кончины императрицы Екатерины, 23-хъ-лѣтній князь Голицынъ былъ назначенъ камергеромъ и въ первые три года царствованія Павла I пользовался его милостью настолько, что былъ пожалованъ командоромъ малтийскаго ордена. Вскорѣ, однако же, онъ подвергся опалѣ за рѣзкія и острыя слова, дошедшія до государя. Уволенный отъ службы, кн. Голицынъ былъ высланъ въ Москву, гдѣ пользовался громадною библіотекою графа Бутурлина, сгорѣвшою въ 1812 году. Пристрастившись къ чтенію, онъ, съ молодыхъ лѣтъ вольтеріанецъ и поклонникъ идеи французскихъ энциклопедистовъ, еще ближе познакомился съ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сошелся съ митрополитомъ Платономъ, который, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на религіозное настроеніе Голицына.

Съ воцареніемъ Александра I, князь былъ вызванъ въ Петербургъ, и на вопросъ государя, какую должность желаетъ занять, отвѣчалъ, что единственное его желаніе—быть безотлучно при императорѣ и проводить съ нимъ каждый день вмѣстѣ по нѣсколько часовъ. Оставленный въ такомъ положеніи, онъ велъ жизнь праздную, разсѣянную, какъ истый эпикуреецъ. Какъ-то однажды,

¹⁾ „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 4, стр. 479, 480.

„Русская старина“ 1894 г., т. LXXXII. Ноябрь.

во второй половинѣ 1803 года, онъ только вдвоемъ обѣдалъ съ государемъ.

— Я, Александръ Николаевичъ, имѣю на тебя виды, сказалъ государь.

— Готовъ исполнить повелѣніе Вашего Величества, отвѣчалъ Голицынъ.

— Я назначаю тебя оберъ-прокуроромъ Святѣшаго Синода.

Князь Голицынъ чистосердечно сознался, что вовсе не приготовленъ къ этой должности, и что государю извѣстны и образъ его мыслей, и образъ жизни.

— Ты можешь отговариваться какъ тебѣ угодно, говорилъ Александръ,—но все же ты будешь синодскимъ оберъ-прокуроромъ.

Голицынъ повиновался волѣ императора, и 21-го октября 1803 года послѣдовало его назначеніе¹⁾.

«Князь Голицынъ», писалъ М. М. Сперанскій²⁾, есть одинъ изъ весьма добрыхъ людей, весьма извѣстенъ государю и пользуется особеннымъ высочайшимъ вниманіемъ и довѣренностью».

Самъ не зная, какъ попалъ, говорить Стурдза, «въ святилище и въ завѣтную область христіанскихъ идей», князь Голицынъ, несмотря на недостатки образованія, на скучность познаній, въ особенности, по вопросамъ религіи, на праздную и крайне разсѣянную жизнь, по врожденному чувству приличія сразу остыпился, отказался отъ суетныхъ забавъ, принялъ за трудъ, обугдавъ колѣсть своего языка, бросиль кощунство и перемѣнилъ всѣ наружные прѣмы.

Только теперь и, притомъ, въ первый разъ, онъ принялъ за чтеніе Нового Завѣта, и «никто не могъ тогда подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ придворномъ вѣтрогонѣ произойдетъ такая рѣзкая перемѣна»; что человѣкъ этотъ сдѣлается чрезвычайно набожнымъ и, съ свойственнымъ его характеру увлеченіемъ, вдастся въ мистицизмъ и дойдетъ до хлыстовщины.

¹⁾ „Кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ и его время“. „Историческій Вѣстникъ“ 1882 г., № 4, стр. 9

²⁾ Костромскому епископу Евгению 12-го ноября 1803 г. „Въ память Сперанскаго“. Издание Императорской Публичной библіотеки, стр. 353.

Подъ предлогомъ новыхъ занятій, князь Голицынъ, уклоняясь отъ развлечений, сталъ знакомиться съ лежащими на немъ обязанностями и съ учениемъ православной церкви. Но, совершенно незнакомому съ догматами религіи, ему трудно было въ началѣ своей дѣятельности и собственными силами разгадать «Сіонскій Вѣстникъ»; поневолѣ приходилось подчиняться постороннему вліянію и смотрѣть на журналъ чужими глазами. Впослѣдствіи князь самъ сознался, что многія статьи журнала были написаны языкомъ для него непонятнымъ. Вместо того, чтобы обратиться къ совѣту людей опытныхъ, князь А. Н. Голицынъ, по собственнымъ его словамъ, сталъ въ положеніе людей, которые всегда думаютъ, что все то, «что не понятно или не существуетъ, принадлежитъ къ мистикѣ—слово, которое міръ не любить и все, что ему противно, симъ словомъ знаменуетъ». Въ сихъ понятіяхъ возникъ я, что оный журналъ есть произведеніе какого-нибудь тайного общества, ищущаго вредить религіи, а можетъ и правительству и, смотря съ ложной точки, я, думая защищать церковь, сдѣлался гонителемъ духа ея и вслѣдствіе сихъ заключеній представилъ Вашему Величеству о запрещеніи «Сіонскаго Вѣстника»¹⁾.

Императоръ Александръ поручилъ тогдашнему министру просвѣщенія, графу Завадовскому, и Новосильцову ближе познакомиться съ этимъ изданіемъ. Оба они отстаивали журналъ настолько, насколько можно стоять за дѣло имъ совершенно чуждое и которымъ они мало интересовались; но съ выходомъ юньской и юльской книжекъ «Сіонскаго Вѣстника» и они лишились этой возможности.

Въ юньской книжкѣ явилась статья «О предсказаніи Даніиломъ», въ которой дѣлалось сравненіе между апокалиптическимъ Аполлономъ и императоромъ Франціи Наполеономъ. Объясняя Навуходоносору сонъ, Даніилъ, будто бы, предсказывалъ о появлѣніи Наполеона, который покорить всѣ царства. Впрочемъ, прибавлялъ Лабзинъ отъ себя, основываясь на толкованіи этого пророчества, сдѣланномъ Юнгомъ Штиллингомъ, «съ верныя земли

¹⁾ Собственноручная всеподданѣйшая записка князя Голицына 1816 г., безъ мѣсяца и числа.



и всѣ царства, которых не принадлежали Римской имперіи, не должны быть полагаемы въ числѣ тѣхъ, кои истребятся» Наполеономъ¹⁾.

Послѣдній въ то время находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи и апогей своей славы. Его прославляли во Франціи до того, что въ одной изъ проповѣдей было сказано, что самъ Богъ, создавъ Наполеона, такъ утомился, что послѣ столь совершенного дѣла своего почувствовалъ нужду въ отдыхѣ.

Французы много занимались разными предсказаніями и пророчествами о Наполеонѣ и выдумали даже особое слово для этой способности человѣка, назвавъ ее *clairvoyance instinctive*—ясновидѣніе, врожденная прозорливость или прозорливость по инстинкту. Въ 1806 году Федоръ Буисъ, бывшій профессоръ ніеврской центральной школы, издалъ книгу подъ заглавіемъ «*Nouvelles considérations, puisées dans la clairvoyance instinctive de l'homme sur les oracles, les sybilles et les prophètes, et particulièrement sur Nostradamus²⁾ sur ses prédictions*»,³⁾. Въ этой книжкѣ, между прочимъ, были помѣщены предсказанія о кончинѣ Людовика XVI, королевы и дофина; о возвышеніи Наполеона до званія императора Франціи, долготѣ его царствованія, покореніи имъ всей земли, обѣ его могущества и завоеваніи Англіи.

Упоминая о выходѣ этой книги, Лабзинъ помѣстилъ въ юльской книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» особое «Примѣчаніе», въ которомъ сказано⁴⁾:

«Штиллингъ въ XI книжкѣ своего «Угроза», писанной еще въ 1801 году, говоритъ о нѣкоемъ властелинѣ, который явится въ Европѣ изъ низкаго состоянія и покоритъ себѣ всѣ царства древней Римской имперіи; и сказываетъ притомъ, что главною его цѣлью будетъ уничтоженіе всѣхъ исповѣданій вѣры и возстановленіе на мѣсто онъхъ новаго, дабы овладѣть всѣмъ человѣчествомъ,

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г., № 6, стр. 311.

²⁾ Искусный врачъ и астрономъ, жившій въ XVI вѣкѣ и бывшій въ большомъ уваженіи у французскихъ королей—Генриха II и Карла IX.

³⁾ „Новыя разсужденія, почерпнутыя изъ врожденной прозорливости человѣка обѣ оракулахъ, сибillaхъ и пророкахъ, и особенно о Ноострадамусѣ и его предсказаніяхъ“.

⁴⁾ «Сіонскій Вѣстникъ», 1806 г., ч. III, юль, стр. 115—117

если можно, и со стороны религії также, какъ со стороны политики. Разумъ, нынѣшная философія, нынѣшнее просвѣщеніе, говорить онъ, будуть первыми его послѣдниками. Наружные его поступки, ложныя добродѣтели, необыкновенный умъ прельститель такъ, что планъ его о введеніи натуральной религії, съ исключеніемъ всякой другой, будетъ одобренъ, принять и признанъ за величайшее благодѣяніе человѣчеству».

Въ порученіи Наполеона кардиналу Мори сочинить такую всеобщую религію Лабзинъ видѣлъ исполненіе пророчествъ Штиллинга и представлялъ себѣ, какъ она могла понравиться крикунамъ и льстецамъ, удерживаемымъ только уздою религії отъ обоготворенія порока и разврата! «Вѣроятно вымыщенная религія, прибавлялъ издаватель «Сіонскаго Вѣстника», на первый случай составлена будетъ для христіанскихъ только исповѣданій и потомъ примѣняема будетъ — какъ французская конституція, къ чему она въ началахъ своихъ и приспособлена будетъ,—такъ, что сначала пришьется къ ней, можетъ быть, іудейская, потомъ магометанская, а потомъ и всякая языческая. Пышность, великолѣпіе и всякое услажденіе чувствъ, безъ сомнѣнія, будутъ столпы ея, театральныя зрѣлища—украшеніемъ ея; основаніемъ же инишое просвѣщеніе, а божествомъ ея—разумъ человѣческий, ибо она будетъ его чадо, а не порожденіе Божіе.

«Штиллингъ, между прочимъ, говорить, что въ семъ предпріятіи новому сему Магомету (Наполеону) особенно способствовать будетъ нѣкое великое тайное общество, всюду распространившееся, глава котораго будетъ его (Наполеона) министромъ. Сей обоготворить своего монарха, заставить поклоняться ему, яко видимому божеству на землѣ, утверждая, что когда надобенъ людямъ чувственный предметъ поклоненія, то всего приличнѣе покланяться благодѣтелю міра. Дай Богъ, чтобы хотя въ семъ Штиллингъ ошибся! Только всѣ обстоятельства такъ согласуются съ его предсказаніями, что кажется они вѣрны. Самое тайное общество—и людина та ское подъ владѣніемъ Бонапарте сильно распространилось во Франціи; известно же, что оно не было бы терпимо, еслибы не было орудіемъ его».

Кромѣ этихъ двухъ статей въ №№ 5 и 7 «Сіонскаго Вѣстника»

были помѣщены: «Пневматологический анекдотъ», «Примѣръ дѣйствія простоты сердца», статья объ Эккардсгаузенѣ и его кончинѣ, «О дарѣ прозорливости», содержащая въ себѣ фантастическая пророчества, «Примѣръ доброго духовника», который особенно хвалился тѣмъ, что былъ неученый священникъ, и нѣкоторыя другія. Всѣ онѣ признаны были несообразными съ духомъ правительства и съ § 15 правилъ цензурнаго устава, и потому Н. Н. Новосильцовъ получилъ высочайшее повелѣніе объявить выговоръ цензурному комитету съ тѣмъ, чтобы онъ впредь въ разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе. Комитету предписывалось не дозволять печатать ничего такого, что съ одной стороны противно здравому разсудку, а съ другой можетъ произвести вредныя впечатлѣнія въ публикѣ, «особенно же въ простолюдинахъ большою частію суевѣрныхъ и охотно читающихъ книги, содержащія въ себѣ подобныя нелѣпости» ¹).

Лабзинъ протестовалъ противъ такого обвиненія, по его мнѣнію, не заслуженнаго.

«Ваше превосходительство, писалъ Лабзинъ Новосильцову ²), объявить мнѣ изволили, что журналъ мой въ другой уже разъ находитъ вами большія беспокойства. Дабы не случилось сего и въ третій разъ, я, какъ при первой тревогѣ, тотчасъ предложилъ мою готовность прекратить его, такъ и нынѣ то же повторяю.

«Всякая вещь къ сужденію о себѣ представляетъ двѣ стороны, и для справедливаго суда положительный законъ есть тотъ, чтобы выслушать обѣ: я же слышу судящихъ о томъ, что въ моемъ журналь находятся худаго; но не слышу, чтобы кто дѣлалъ при томъ вопросѣ: нѣть ли въ немъ чего и доброго? Почему почитаю себя обязаннымъ объяснить нѣсколько сіе дѣло, не съ тѣмъ, чтобы я домогался продолженія журнала, которое не принесетъ и мнѣ ничего, кроме тягости и новыхъ огорченій; но съ тѣмъ, чтобы успокоить нѣсколько тревогу сію, если она есть.

«Обвиненіе противъ меня, какъ ваше превосходительство мнѣ объявили, состоитъ въ томъ:

¹) Предписаніе Новосильцова цензурному комитету 24-го августа 1806 г.

²) Въ письмѣ отъ 20-го августа 1806 года.

«1) Что въ моемъ журналѣ говорится о пророчествахъ, а чрезъ сіе я способствую разсѣванію пустыхъ толковъ.

«2) Что отъ сего тѣ, которые такимъ толкамъ вѣрять, могутъ прийти въ уныніе и бездѣйственность, и

«3) Что упоминая о Бонапартѣ, тѣмъ самымъ я какъ бы склоняю людей на его сторону.

«Я имѣю честь представить объясненіе:

«На 1-е. Изъ первой строки первой моей о томъ піесы, помѣщенной въ юнѣ мѣсяцѣ, видна причина, почему она была написана. Прежде еще нежели существовалъ мой журналъ, о Бонапартѣ были уже разныя толкованія и у насъ и въ другихъ земляхъ. Предъ тѣмъ ходили по городу, и не между бородачами одними, толки о сходствѣ имени Наполеонъ съ апокалиптическимъ словомъ Аполліонъ. Сие обстоятельство захотѣлъ я обратить въ пользу, не къ устрашенію, а къ успокоенію, если бы кто сими толками и тревожился; ибо піеса моя заключена тѣмъ: «что и по самымъ симъ пророчествамъ могущество ни Наполеона, ни Аполліона не коснется Сѣверныхъ земель». Я думаю, сего нельзѧ справедливо почесть за устрашеніе.

«Написалъ я о семъ по симъ убѣжденіямъ: 1) что журналу свойственно содержать въ себѣ матеріи, которыми на то время въ публикѣ занимаются; 2) что даже полезнѣе писать о томъ, о чёмъ говорить, думаютъ и чѣмъ занимаются, нежели говорить о томъ, о чѣмъ слушать не хотятъ, и 3) что самое правительство удобно можетъ употребить такие журналы къ благотворнымъ своимъ видамъ, къ направленію или поправленію общаго мнѣнія, или заблужденія; особенно еслибъ нашелся такой писатель, который снискаль довѣренность у публики, и который бы тѣмъ лучше могъ употребленъ быть самимъ правительствомъ къ своимъ цѣлямъ.

«Изъ сего извлекается и причина, почему сіи піесы такъ написаны, какъ онѣ написаны; ибо журналы пишутся не для правительствующіхъ особъ, а для народа; а потому, чтобы быть имъ полезными, они должны и приурочены быть къ понятіямъ и вкусу народа. Правительство и народъ въ понятіяхъ своихъ часто весьма разнятся; что для первого есть маловажно, или сущій вздоръ, то для послѣдняго не кажется вздоромъ. Предсказанія хотя боль-

шая часть и въ народѣ не вѣрятъ, но всегда были и есть люди, ко-
торые имъ отчасти довѣряютъ. Для первыхъ никакія пророчества не
составительны, для вторыхъ одно простое увѣреніе, что они
вздоръ, не убѣдительны, и они столько же оному не повѣрять,
сколько тѣ не повѣрять пророчествамъ. Согласясь же съ ними въ
понятіяхъ, вывестъ изъ тѣхъ же началь доброе заключеніе, я не
думаю, чтобы сіе было вредно; полезно же быть можетъ потому,
что симъ способомъ убѣдить можно, а противорѣчіемъ никакъ.

«Отвергать вовсе пророчествъ я не могъ, потому что чрезъ сіе
я подвергся бы и осужденію народному, и осужденію законному;
ибо сіе было бы противно и мнѣнію народа, и Св. Писанію, въ ко-
торомъ и Новый Завѣтъ весь наполненъ сказаніями о пророчествахъ.
Въ такомъ случаѣ не только духовная власть, но и свѣтская могла
бы справедливо потребовать отъ меня отчета: почему я отвергаю
то, что утверждено Св. Писаніемъ?»

«На 2-е. Въ каждомъ человѣкѣ всегда найдется болѣе склон-
ности не вѣрить, нежели вѣрить неизвѣстному, и между читателями
«Сіонскаго Вѣстника», безъ всякаго сомнѣнія, также гораздо боль-
шее число найдется первыхъ, нежели вторыхъ. Но издаатель не раз-
сѣвалъ никакихъ пророчествъ, а говорилъ только о тѣхъ, которыхъ
уже были. Между пророкомъ и сказателемъ о пророчествѣ, безъ
сомнѣнія, есть великая разность; такими сказателями бываетъ
иногда цѣлый городъ, и естьли предполагается, что легковѣрные мо-
гутъ отъ того прийти въ уныніе и бездѣйственность, то почему жъ
равно не предполагать, что оно можетъ послужить и къ ободренію
ихъ? Ибо сказать: «что и по самыи пророчествамъ мы безопасны»,
кажется, ведетъ не къ унынію, а къ бодрости.

«Тѣ, которые говорятъ о семъ уныніи, безъ сомнѣнія, сами не
придутъ отъ сего въ уныніе; а тѣ, о которыхъ они такъ думаютъ,
не найдутъ причины унывать, когда слышать, что не только они
сами безопасны, но и другіе народы будутъ находить между ними
убѣжище, что Россія одна остается вѣрнымъ пристанищемъ для
всѣхъ притесняемыхъ и изгоняемыхъ властителемъ Франціи, и сіе
тѣмъ паче утверждаетъ славу ея. Тотъ, кто ободрялся мужествомъ
отъ одной мысли, что онъ сражаясь за домъ Пресвятаго Богоро-
дицы, естьли падетъ на полѣ браны, наслѣдить себѣ царствіе небес-

ное, тотъ, не съ большіемъ ли еще мужествомъ поднимаетъ оружіе при сей мысли, что онъ идеть точно противъ врага Христова, или Антихриста? Я думаю, полководцы иногда пользовались такими мыслями воиновъ: для тѣхъ же, которыхъ мужество одушевляется иными побужденіями, такія мысли и останутся только суевѣріемъ, для нихъ безвредными:

«Изъ сихъ двухъ мнѣній утверждаемое здѣсь, кажется мнѣ, гораздо вѣроятнѣе, нежели противное; по крайней мѣрѣ, для сужденія о семъ должно оба принять въ разсужденіе, а не одно первое.

«На З-е отвѣтствовать послѣ сего мнѣ ничего не остается. О Бонапартѣ говорять по всему свѣту, и онъ сдѣлался всеобщею матерью разговора. Написанное о немъ въ журналѣ не только не наклоняетъ никого на его сторону, но предупреждаетъ всякаго противъ него, если кто съ авторомъ будетъ согласенъ. Но какъ можетъ иногда и дозволенное законами быть непозволительно по обстоятельствамъ, то правительство можетъ всегда объявить о томъ свое запрещеніе, и я надѣюсь, что не поставлено будетъ въ вину частному человѣку, что ему не всѣ политическіе виды правительства извѣстны.

«Впрочемъ, въ собственномъ дѣлѣ никто не долженъ быть судьею, и мое намѣреніе есть только то, что, какъ при обвиненіи человѣка, тотчасъ являются усердные голоса, — даже и изъ тѣхъ, которые и дѣла сего прямо не знаютъ, и судить о немъ иногда не въ состояніи, — къ осужденію, а не къ защищенню его, то чтобы по крайней мѣрѣ представить и другую сторону для правильнаго сужденія.

«Въ заключеніе имѣю честь повторить, что нѣть моего намѣренія домогаться продолженія журнала; но почитаю долгомъ моимъ прибавить къ сему:

1) «Что таковой журналъ, еслибъ правительство избрало писателя, меныше для него сомнительного, можетъ послужить къ большой пользѣ, какъ то въ другихъ земляхъ само правительство и употребляется сіе средство.

2) «Что журналъ таковой, для успѣха и пріобрѣтенія довѣрія, долженъ непремѣнно писанъ быть въ духѣ народа и примѣняясь къ его понятіямъ, а не къ понятіямъ только философскимъ.

3) «Что такому журналу нужно явное, хотя малое, свидѣтельство благоволенія правительства, а ни съ которой стороны не можетъ быть выгодно показать, что частный писатель какъ-будто въ спорѣ съ правительствомъ. Кажется, нигдѣ нельзя меныше бояться вреда отъ книгъ и журналовъ, какъ у насть; ибо, во-первыхъ, у насть — и читателей, и писателей мало; во-вторыхъ, здѣсь писатель всегда въ рукахъ правительства и не можетъ никогда избѣгнуть отъ воли его, еслибъ оному не благоугодно было чтѣ написанное имъ; и русскую книгу, не такъ, какъ французскую или нѣмецкую, нельзя напечатать въ другихъ земляхъ, и нельзя найти ей читателей, кроме Россіи.

4) «Впрочемъ, никакая книга, какого бы рода ни была, не можетъ избѣгнуть того, чтобы нельзя было найти въ ней чего-либо, противнаго тому, или тому; и когда сама власть будетъ находить сіе противное, тогда и всѣ будутъ находить въ ней только противное. Естьли же та же власть то же самое одобрить, тогда и всѣ порицатели сами оправдывать книгу станутъ. Сей способъ правительство имѣеть всегда въ своей власти и можетъ, по благоразумію — своему, и подлинное зло обратить тѣмъ во благо.

«Наконецъ, я смѣю заключить, что кому извѣстна жизнь моя, я увѣренъ, что изъ таковыхъ никто, и самый врагъ мой, естьли не будетъ имѣть особыхъ причинъ вредить мнѣ, засвидѣтельствуетъ обо мнѣ, что и онъ не почитаетъ меня даже способнымъ къ чему-либо безчестному или бездѣльническому. Я увѣренъ также, что мудрое правительство пощадить честь гражданина и доброе имя, которого онъ никогда не потерялъ, почему смѣю просить ваше пре-восходительство обратить вниманіе правительства на положеніе гражданина, который преданъ ему и по чувству, и по долгу, и по частнымъ своимъ правиламъ. Смѣю просить довѣсть сіе мое объясненіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества; можетъ быть, милосердіе Его не отвергнетъ вовсе причинъ, мною представляемыхъ, усмотря изъ сего, что естьли я и навлекъ на себя Его монаршее неблаговоленіе, то, по крайней мѣрѣ, безъ намѣренія.

«Что касается до неблагорасположенія ко мнѣ нѣкоторыхъ особъ, или нѣкоторой особы, я не удивляюсь тому, ибо я писалъ не въ угодность чью-либо, а по собственному убѣжденію въ истинѣ,

и легко быть можетъ, что не попадъ на ея мысли. Въ такомъ слу-
чай, мнѣ остается желать сей особѣ, чтобы и она вступила на пра-
вый путь. Мой долгъ терпѣть, молчать и молиться за ненавидящихъ
и обидящихъ меня и исполнить то, чтѣ я не суетно написалъ, послѣ
отраженія первыхъ нападеній на мой журналъ, на первой страницѣ
нѣсяца мая».

Отправивъ это письмо, Лабзинъ былъ въ крайне удрученномъ
состояніи. Онъ сознавалъ, что многіе не сочувствуютъ его изданію,
самъ видѣлъ, что нѣкоторые вымарывали въ его журналѣ тѣ мѣста,
которыя имъ не нравились¹⁾), видѣлъ, что даже и любители «Сіон-
скаго Вѣстника» читаютъ его не такъ-то внятно и не понимаютъ
еще цѣли издателя или не вѣрятъ ей, и рѣшился отказаться отъ
продолженія изданія. Выпустивъ сентябрьскую книжку, тогда уже
напечатанную, онъ объявилъ, что прекращаетъ изданіе журнала
по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ его
воли зависящимъ.

Еще въ мартѣ, видя скопляющіяся надъ собою тучи и ожидая
грозы, Лабзинъ, рядомъ съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника», изда-
валъ ежемѣсячно сочиненіе Штиллинга «Угрозъ» и перевелъ со-
чиненія подъ заглавіемъ: «Преосвященный пастухъ» — Флейшера,
«О самопознаніи», «Пастырское посланіе», «Начальныя основанія
дѣятельнаго христіанства» и «Краткія правила на каждый день
года». Преслѣдуя одну и ту же цѣль — выпустить по возможности
болѣе книгъ религіознаго содержанія — онъ трудился неутомимо,
безъ устали; три типографіи работали на него въ одно и то же
время. Усиленные труды и перенесенныя огорченія надломили здо-
ровье Лабзина, и онъ тяжко заболѣлъ...

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“, 1806 года. Ч. III, стр. 233—235. „И сie не
удивительно, говорилъ онъ, ибо для чувственнаго человѣка, самостою-
щаго видимаго и который не находить нужнымъ перемѣнить свой образъ
мыслей, не только дѣянія, все св. писаніе будетъ не что иное, какъ только
сатира на него и, следовательно, безвкусная книга, почему она и не чи-
тается“ (замѣкъ на кн. Голицына).

ЗА ПОЛСТОЛЪТІЯ. 1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА XIII ').

Служба въ Казани.—Генералы Брунаръ и М—въ.—Выходъ въ отставку.—
Москва.—Неразрѣшеніе на редакторство.

Въ концѣ декабря 1879 года состоялся переводъ мой въ Казань на должность главнаго врача Казанскаго военнаго госпиталя, куда я отправился 27 февраля 1880 г. и прибылъ 7-го марта того года.

Командующимъ войсками Казанскаго военного округа въ это время былъ генералъ-отъ-инфanterіи, Андрей Осиповичъ Бруннеръ. На другой же день по прибытіи въ Казань, я представилъся ему. Онъ принялъ меня хорошо и полюбопытствовалъ узнать—почему я переведенъ изъ Уяздовскаго госпиталя въ Казанскій. Я объяснилъ ему причины въ краткихъ словахъ. Отъ него я отправился къ окружному военно-медицинскому инспектору Ю. А. Гольтерману, а на слѣдующій день вступилъ въ управлѣніе госпиталемъ. Казанскій военный госпиталь для обширнаго Казанскаго округа имѣлъ почти то же значеніе, какъ и Уяздовскій госпиталь для Варшавскаго

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1894 года.

обруга. Самый госпиталь былъ найденъ мною въ образцовомъ порядке. Командующій войсками, поѣтившій вскорѣ госпиталь, спросилъ меня — въ какомъ положеніи я нашелъ госпиталь? Я отвѣчалъ что нашелъ госпиталь въ отличномъ состояніи, чemu онъ былъ весьма радъ. Генераль Бруннеръ относился ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и всегда былъ очень ласковъ со мною, а не задолго до оставленія имъ поста командующаго войсками представилъ меня къ очередной наградѣ. Когда былъ упраздненъ Оренбургскій военный округъ и присоединенъ къ Казанскому, Бруннеръ оставилъ свой постъ. На его мѣсто былъ назначенъ генераль-лейтенантъ и генераль-адъютантъ М—въ. Въ это же время и медицинскій инспекторъ Гольтерманъ былъ переведенъ на такую же должность въ Виленскій округъ, а на его мѣсто назначенъ медицинскій инспекторъ упраздненнаго Оренбургскаго округа Лотинъ. Я пользовался довѣріемъ Гольтермана. Помощникъ послѣдняго, Томаровъ, человѣкъ больной, одержимый чахоткой въ послѣднемъ періодѣ, былъ капризный, самолюбивый и вздорный человѣкъ. Съ нимъ приходилось имѣть дѣло, когда онъ, по причинѣ отлученія Гольтермана, заступалъ его мѣсто. Тогда Томаровъ непремѣнно наѣзжалъ въ госпиталь и придиralся, между тѣмъ какъ самъ рѣшительно не понималъ дѣла и не зналъ практической медицины. Съ нимъ я не сошелся съ самого начала. Причиною былъ его подозрительный характеръ. Онъ вообразилъ, что я переведенъ въ Казань для того, чтобы впослѣдствіи занять его мѣсто, чего въ сущности не было. Изъ этого подозрѣнія проистекали всѣ его шахматные ходы противъ меня. Больше о немъ говорить не буду, потому что кромѣ сказанного сейчасъ и нечего говорить, хотя онъ до смерти своей оставался еще яѣкоторое время помощникомъ вновь назначеннаго инспектора Лотина, которому и старался представить меня въ неблаговидномъ свѣтѣ.

По удаленіи Бруннера и перемѣщеніи Лотина въ Казань на мѣсто Гольтермана, начались неудовольствія, сигналъ къ которымъ былъ поданъ распоряженіемъ начальника штаба Казанскаго округа Голенковскаго, которому, согласно новому тогда послѣдовавшему распоряженію, была предоставлена власть инспектора госпиталей. Онъ распорядился, чтобы при входѣ въ госпиталь былъ повѣшенъ

большой колоколь, который возвѣщалъ бы чинамъ госпиталя о прибытіи начальствующихъ лицъ. Выбрали колоколь пудовъ въ пять вѣсомъ, такой, какъ употребляется на колокольняхъ церквей; устроили перекладину и повѣсили этотъ злосчастный колоколь у самаго передняго входа въ госпиталь. Голенковскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при прїездѣ начальника госпиталя звонили въ колоколь 1 разъ, при прїездѣ какого-либо генерала—2 раза, при прїездѣ его, начальника штаба, Голенковскаго—3 раза, а когда прїѣдетъ командующій войсками, приказано было, стоявшему у дверей госпитальному служителю,—звонить какъ можно больше. Дѣйствительно, вскорѣ посыпалъ госпиталь командующій войсками. Поставленный у колокола служитель, увидавъ его, началъ немилосердно звонить въ только-что поставленный колоколь, такъ что генераль, остановивъ его, спросилъ о причинѣ звона. Служитель не могъ объяснить толкомъ, почему онъ звонить. Мнѣ дали знать о прибытіи командующаго войсками, и я направился на встрѣчу ему и подалъ рапортъ.

— Вы главный врачъ? спросилъ онъ меня (хотя отлично зналъ меня).

— Я главный врачъ госпиталя, ваше превосходительство!

— Почему у васъ такъ немилосердно звонять въ колоколь?

Я объявилъ ему причины и указалъ на распоряженіе начальника штаба Голенковскаго.

— Больнымъ нужно снокойствіе, а тутъ поднимаютъ такой звонъ, что я едва не оглохъ! Это безобразіе! Чтобы этого не было!.. Прикажите немедленно снять колоколь!..

Пошли дальше.

Въ корридорѣ генераль остановился и, указавъ на половики, спросилъ меня:

— Какіе у васъ половики?

Я не понялъ вопроса и отвѣчалъ, что «половики холщевые».

— Не о томъ я спрашиваю: объясните мнѣ, какое назначеніе половиковъ.

— Назначеніе половиковъ мнѣ, какъ доктору медицины, ваше превосходительство, извѣстно... отвѣчалъ я...

— Назначеніе половиковъ—зашитать полъ отъ грязи, сб-

заль онъ и продолжалъ: а почему же у васъ такие узкие половицки?

— Такие полагаются, ваше превосходительство, по уставу, былъ мой ответъ.

— Идемте дальше!

Вошли въ палату, гдѣ былъ трудный больной, съ которымъ случилась рвота, и служитель подчищалъ запачканный полъ.

— Это что такое? спросилъ меня генераль.

— Подтираютъ полъ, потому что съ больнымъ случилась рвота, былъ мой ответъ.

— Я вижу, что здѣсь готовятся къ моему приему, засылаютъ людей впередъ и подчищаютъ то, что грязно... сказалъ сердитымъ тономъ командующій войсками.

— Но, нельзя же, ваше превосходительство, оставить извержение рвотой... оно будетъ разлагаться и портить воздухъ, рѣшился я возразить на сдѣланное замѣчаніе.

— Я васъ прошу на будущее время, когда я приѣду въ госпиталь, оставлять все такъ, какъ есть, а не такъ, какъ хотятъ мнѣ показать госпиталь... Я хочу видѣть все такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ хотятъ мнѣ представить госпиталь, засылая впередъ людей для приведенія въ порядокъ помѣщеній... И теперь, вѣроятно, вездѣ посланы гонцы, которые подчищаютъ то, что нужно скрыть отъ меня... Я не буду сегодня осматривать госпиталь...

Я не возражалъ, зная, что безответственность лучшее средство для того, чтобы успокоить гнѣвнаго, да и никакое возраженіе не могло бы измѣнить предвзятость мнѣнія.

Командующій войсками направился къ выходу и уѣхалъ изъ госпиталя, оставивъ всѣхъ насъ въ недоумѣніи о причинахъ его недовольства.

На другой день я былъ потребованъ къ медицинскому инспектору Лотину.

Онъ сообщилъ мнѣ, что командующій войсками недоволенъ осмотромъ госпиталя и именно тѣмъ, что, желая скрыть отъ него беспорядки, засылаютъ людей впередъ подчищать полы; далѣе — онъ недоволенъ звономъ въ колоколь и тѣмъ, что половики въ коридорахъ узкие, и что онъ спрашивалъ окружного интенданта Розе-

стера, который заявил ему, что половики должны быть широкіе, потому что интендантство отпускает госпиталю холстъ для половиковъ въ полтора аршина шириною, а между тѣмъ, половики едва достигаютъ ширины три четверти аршина.

Я объяснилъ, что больного вырвало передъ самыми входомъ въ палату, и что нельзя же оставлять этого изверженія неубраннымъ, а потому это не указывается на беспорядокъ, а напротивъ, что въ госпиталѣ заботятся о чистотѣ помѣщеній и воздуха, что колоболь повышенъ и звонять въ него по распоряженію начальника штаба, генерала Голенковскаго, что половики по уставу должны быть три четверти аршина шириною, а если интендантство и отпускаетъ холстъ въ полтора аршина, то, вмѣсто слѣдуемыхъ госпиталю тысячи аршинъ половиковъ, холста отпускаютъ всего пятьсотъ арш., съ тѣмъ, чтобы мы сами разрѣзали холстъ пополамъ, въ длину, и получили бы тысячу аршинъ половиковъ, шириною въ три четверти аршина, т. е. такихъ, какъ это назначено по описанію госпитальныхъ вещей, приложенному къ госпитальному уставу. Наконецъ, я заявилъ, что вслѣдствіе всего этого я не вижу никакой вины съ моей стороны и удивляюсь тому, что окружной интендантъ, самъ не зная существующихъ узаконеній, дѣлаетъ такие неправильные доклады, налагающіе тѣнь на госпитальное управление въ умышленномъ стуживаніи половиковъ.

Военно-медицинскій инспекторъ Лотинъ обѣщался доложить объ этомъ командующему войсками; но въ душѣ онъ былъ доволенъ описанному выше неудовольствію командующаго войсками на меня. Я убѣжденъ въ этомъ по слѣдующимъ причинамъ:

Въ 1861—1863 г.г. я былъ командированъ на казенный счетъ за-границу, въ одно время съ Лотинымъ, и едва-ли онъ могъ забыть меня съ того времени, тѣмъ болѣе, что я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, между тѣмъ, когда я представлялся ему по прибытии его въ Казань на должность военно-медицинского инспектора и напомнилъ о нашихъ встречахъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и въ Петербургѣ, онъ сказалъ мнѣ: «не помню, кажется, я встрѣчался съ вами гдѣ-то». Эти слова имѣли такой смыслъ для меня: «Да! было время—и прошло; теперь я твой начальникъ—и ты этого не забывай». Забыть меня, или не

узнать Лотину нельзя было потому, во-первыхъ, что меня помнить и узнаютъ тѣ, съ которыми я встрѣчался назадъ тому лѣтъ тридцать (такъ ужь характерна моя физіономія), а во-вторыхъ, въ Парижѣ мы встрѣчались ежедневно, посѣщая одни и тѣ же курсы и клиники, да вдобавокъ я выигралъ у Лотина въ Парижѣ два пари, изъ которыхъ одно касалось религіозныхъ вопросовъ, а второе того, что я могу въ полчаса написать пять писемъ (я написалъ ихъ въ двадцать девять минутъ). Трудно допустить, чтобы Лотинъ, сдѣлавшись моимъ начальникомъ, не узналъ меня при представлениі, особенно же потому, что я напомнилъ ему о себѣ. Для всего этого были другія причины. Я уже говорилъ, что помощникъ Лотина, Томаровъ, былъ боленъ чахоткою въ послѣднемъ періодѣ, и скоро должна была открыться вакансія на его мѣсто. Я былъ первымъ кандидатомъ на это мѣсто, какъ бывшій главный врачъ Уяздовскаго госпиталя; но Лотинъ не желалъ имѣть меня своимъ помощникомъ. Это достовѣрно мнѣ известно, хотя о причинахъ я могу только догадываться, а именно я считаю за причины эти вышеизложенные пари, особенно первое. Но если это такъ, то Лотинъ не подумалъ о томъ, что бѣ молодости каждый изъ пасъ увлекался, читая философскія разсужденія, сочиненіе Ренана и т. п., и неужели могъ я ставить ему на видъ эти увлеченія молодости, этотъ результатъ не перебродившихъ мыслей и не окрыпшаго ума, еслибы я сдѣлался его помощникомъ? Я никогда не заикнулся бы объ этихъ событіяхъ, еслибы встрѣтилъ со стороны Лотина коллегіальные отношенія ко мнѣ, какимъ подобаетъ существовать между врачами, и которыхъ они никогда не смыываются съ долгомъ службы и дисциплины. Но пусть самъ Лотинъ додумается до того, что я встрѣтилъ съ его стороны, когда онъ, волею судьбы, сдѣлался моимъ начальникомъ.

Въ командующемъ войсками уже было посѣяно неудовольствіе ко мнѣ по поводу всего вышеизложеннаго. Оставалось подлить масла въ огонь. Я, какъ главный врачъ госпиталя, конечно, не могъ угодить всѣмъ и каждому, потому что, какъ известно, и Самъ Господь Богъ не можетъ угодить всѣмъ. Видя нерасположеніе ко мнѣ начальствующихъ лицъ, нашлись темные личности, которыхъ стали дѣлать на меня анонимные доносы. Между прочимъ доносили, что комиссіей для освидѣтельствованія неспособныхъ при

госпиталъ неправильно признанъ одинъ рядовой неспособнымъ къ службѣ.

Хотя, по закону, безыменные доносы ни во что не премлются и обращаются въ «поношениe тому, кто оные написаль», но тѣмъ не менѣе, доносамъ этимъ многими начальниками дается ходъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Я получилъ запросъ изъ окружнаго военно-медицинскаго управлени— на какомъ основаніи упомянутый рядовой уволенъ по III-й статьѣ, а не по I-й, въ нестроевую должность. Я отвѣчалъ, что у него былъ переломъ бедра въ верхней трети, костная мозоль послѣ котораго существуетъ по сiе время. и что переломъ этотъ обусловилъ укороченіе ноги. Было назначено переосвидѣтельствованіе рядового не въ губернскомъ по воинской повинности присутствіи, а въ уѣздномъ, потому что знали, что губернское присутствіе признаетъ госпитальное освидѣтельствованіе правильнымъ. Въ уѣздномъ же присутствіи повѣряли мои дѣйствiя уѣзденный врачъ и младший военный врачъ, который служить младшимъ ординаторомъ во ввѣренномъ мнѣ госпиталѣ. И такъ, въ этомъ случаѣ, начальникъ былъ отданъ на судъ его подчиненнаго, чтѣ, по закону и на основаніи здраваго смысла, составляетъ вопiющую несправедливость. Какъ происходило дѣло, мнѣ неизвѣстно, но я получилъ другое предписаніе изъ окружнаго военно-медицинскаго управлени, гласившее, чтобы я донесъ: «почему упомянутый рядовой не признанъ госпитальной комиссией подлежащимъ I ст. неспособныхъ (въ нестроевую службу), какъ онъ при переосвидѣтельствованіи признанъ теперь уѣзднымъ по воинской повинности присутствiемъ». Я отвѣчалъ на это предписаніе, что по точному смыслу расписанія болѣзней подъ лит. А., по причинѣ перелома бедра и укороченія ноги, онъ подлежалъ той статьѣ, въ которую назначенъ, и что пѣреосвидѣтельствованіе его въ уѣздномъ по воинской повинности присутствiи неправильно уже потому, что тамъ застѣаетъ младший ординаторъ ввѣренного мнѣ госпиталя, который, на основаніи существующихъ узаконенiй, не можетъ повѣрять дѣйствiй госпитальной комиссіи, въ которой присутствуетъ его начальникъ, главный врачъ госпиталя.

Несмотря на все это, я былъ призванъ къ инспектору Лотину,

который заявилъ мнѣ, что командующій войсками не желаетъ, чтобы я дольше служилъ въ его округѣ. При этомъ я просилъ отпускъ въ Петербургъ. По закону отпускъ зависить отъ окружнаго медицинскаго инспектора, но онъ сказалъ, не знаю почему, что не можетъ дать мнѣ отпуска безъ согласія командующаго войсками, а на другой день объявилъ мнѣ, что командующій войсками не разрѣшаетъ мнѣ отпуска. Какъ объяснить все это? Очень просто: Лотинъ зналъ что я въ Петербургѣ найду управу всѣмъ этимъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ меня, чтобы достигнуть моего удаленія изъ Казани. Видя такія отношенія ко мнѣ и разсчитавъ мою службу, я нашелъ, что мнѣ выгоднѣе уйти отъ зла и сотоврить благо.

По моему разсчету всей службы моей, считая кампаніи, было болѣе 31 года, а такъ какъ военно-медицинскіе чины получаютъ пенсію за 30 лѣтъ службы, то я подалъ въ отставку по домашнему обстоятельствамъ. Несмотря, однако, на все это, т. е. на то, что всей службы моей было болѣе 31-го года, мнѣ не хотѣли считать кампаніи и думали назначить половинную пенсію. Узнавъ объ этомъ, я написалъ письмо къ главному военно-медицинскому инспектору Рудинскому, въ которомъ изложилъ мои права на полную пенсію. Вслѣдствіе этого дѣло о разсчетѣ лѣтъ моей службы было переслано изъ главнаго военно-медицинскаго управлѣнія въ Главный штабъ, который призналъ, что бытность моя въ походахъ даетъ мнѣ право на полную пенсію, и высчиталъ продолжительность моей службы въ 31 слишкомъ годъ. Какъ назвать все это? Нельзя допустить, чтобы подлежащія власти не знали законовъ, а вышло такъ, что какъ казанское окружное военно-медицинское управлѣніе, такъ и главное управлѣніе явились знающими существующія о пенсіяхъ постановленія менѣе того, нежели зналъ ихъ я, подчиненный имъ врачъ, какъ это и выяснилось изъ разъясненія Главнаго штаба, гдѣ, конечно, царить безпристрастіе и полное знаніе законовъ. Вскорѣ я получилъ письмо отъ начальника военно-медицинской академіи А. М. Быкова, этой свѣтлой и гуманной личности, которое увѣдомляло меня о рѣшеніи по дѣлу моей пенсіи. Въ октябрѣ 1883 года вышла отставка моя съ полной пенсіей и эмеритурой. Эмеритуру я получилъ за 19-ть платныхъ лѣтъ.

*

Мнѣ не дали дослужить 4-хъ мѣсяцевъ для полученія эмеритуры за 25 платныхъ лѣтъ.

Обремененный семействомъ и лишившійся съ выходомъ въ отставку ежегодно около двухъ тысячъ рублей, я первое время страдалъ невыносимо отъ нужды и лишеній, но утѣшалъ себя тогда и утѣшаю теперь, что пострадалъ невинно.

Во всемъ этомъ я никакъ не виню командующаго войсками, генерала М—ва, потому что хорошо знаю, что онъ правдивый человѣкъ и для него все равно, кто бы ни былъ главнымъ врачомъ госпиталя въ Казани. Все это дѣло, какъ видно изъ вышеизложеннаго, уже должно было кончиться такъ, а не иначе.

Первое время по выходѣ въ отставку я поселился въ Казани, гдѣ оставался полтора года, потомъ на короткое время яѣздила на родину моего отца, въ Орловскую губернію, и, наконецъ, съ 1886 года постоянно живу въ Москвѣ.

Въ Казани, скучая бездѣльемъ послѣ отставки и желая подкрепить свои оскудѣвшія средства, я открылъ частную лѣчебницу. Въ этомъ дѣлѣ я столкнулся съ врачами, которые сильно противодѣйствовали моей лѣчебницѣ. Сначала дѣла лѣчебницы пошли блистательно, потому что городъ дѣйствительно нуждался въ подобномъ учрежденіи, но лѣчебница не могла сразу дать приглашеннымъ врачамъ того гонорара, который былъ желателенъ, и объ этотъ камень разбились всѣ мечты, такъ что вскорѣ я вынужденъ былъ закрыть лѣчебницу.

Въ Орловской губерніи я поселился въ г. Ливнахъ. Вскорѣ у меня появилась большая практика, но я встрѣчалъ громадное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ врачей, недовольныхъ моимъ пребываніемъ въ городѣ. Операций рѣшительно нельзя было производить, потому что не находилось ассистентовъ, такъ что, однажды, пришлось мнѣ отнимать огромную опухоль рѣшительно одному. Я не могъ выдержать такихъ непрѣязненныхъ отношеній къ врачамъ, которая встрѣтилась со стороны ливенскихъ коллегъ и собрались по наукѣ, и вскорѣ уѣхалъ оттуда, предоставивъ имъ пожинать дальнѣйшіе лавры.

Изъ всѣхъ врачей, съ которыми я сталкивался послѣ выхода моего въ отставку, самыя свѣтлыя воспоминанія остались о нѣкото-

рыхъ врачахъ въ Казани, которые не только отличались истинно-товарищескими отношениями ко мнѣ, но и показали себя гуманными и просвѣщенными личностями. Это суть: 1) Профессоръ Казанскаго университета Николай Андреевичъ Виноградовъ, которому я обязанъ тѣмъ, что онъ не только принималъ консультативное участіе въ моей лѣчебницѣ, являясь по первому зову и безвозмездно, но и всѣми мѣрами способствовалъ моей частной практикѣ. Это былъ прекраснѣйшій, добрѣйшій и истинно-просвѣщенный дѣятель. 2) Профессоръ хирургической клиники Левъ Львовичъ Левшинъ, прекрасный хирургъ, просвѣщенный дѣятель и добрый товарищъ. Онъ также безвозмездно консультировалъ въ моей лѣчебницѣ. 3) Гражданскій медицинскій инспекторъ Михаилъ Фомичъ Кривошапкинъ, до конца не оставлявшій меня своимъ участіемъ, прекрасный и добрый товарищъ. 4) Ксанфій Васильевичъ Соколовъ, добрый товарищъ и просвѣщенный врачъ, который всегда пользовался любовію не только своихъ пациентовъ, но и всѣхъ знающихъ его, и 5) Василій Гавриловичъ Купидоновъ, отличный врачъ, превосходный электро-терапевтъ, просвѣщенный дѣятель и хороший товарищъ. Оба послѣдніе также безвозмездно принимали больныхъ въ моей лѣчебницѣ. О ливенскихъ врачахъ не сохранилось у меня никакихъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Съ 1886 года, какъ уже сказано, я поселился въ Москвѣ. Въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Москва, гдѣ живеть и старается имѣть практику громадное число врачей (до 1.500 челов.), конечно, медицинская практика дѣло не легкое, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи медицинской практики Москва есть городъ въ высшей степени своеобразный. Здѣсь живеть множество богатѣйшихъ людей, особенно же купцовъ, для которыхъ бросить какіе-нибудь 100 и болѣе рублей непочемъ. Вслѣдствіе этого, многіе московскіе врачи, изъ такъ-называемыхъ профессоровъ-знатенитостей, назначили громадную плату, а именно по 100 рублей за вѣзденной визитъ и по 50 рублей за приемъ больного у себя на дому. Къ нимъ, разумѣется, и обращаются всѣ богачи не только въ легкихъ случаяхъ заболѣванія, но и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, такъ что никто изъ богачей не хочетъ оставить этотъ свѣтъ безъ участія въ его лѣченіи извѣст-

ной знаменитости. Побывавъ у больныхъ и осмотрѣвъ ихъ, эти медицинскія свѣтила назначаютъ для постояннаго лѣченія своихъ ассистентовъ, опредѣляя плату послѣднимъ по 10 рублей за визитъ. Такимъ образомъ, медицина у этихъ практиковъ-знаменитостей обратилась въ ремесло наживанія денегъ, и чѣмъ такой способъ обогащенія отличается отъ всякаго торгового предпріятія—пирго не возьмется объяснить. Такой порядокъ вещей возможенъ только въ Москвѣ, гдѣ богачи, не стѣсняясь тратой денегъ, полагаютъ, что дѣйствительно пользульному можетъ оказать только врачъ, назначившій громадную плату за визиты. Тутъ дѣло врача цѣнится, какъ товаръ: чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ онъ лучше. Не у всяаго врача хватить духа поступать такъ, какъ поступаютъ московскіе знаменитости-врачи, потому что если у человѣка есть совѣсть, то онъ не приѣгнеть къ такому странному и неоправдываемому законами совѣсти способу обогащенія, да вдобавокъ, еслибы кто и вздумалъ эксплуатировать такъ больныхъ, то для этого нужно быть прикрытымъ еще щитомъ профессорскаго званія, а слѣдовательно, и самое званіе это низвести съ того высокаго пьедестала, на котормъ подобаетъ ему быть. Многіе московскіе врачи нашли, впрочемъ, еще способъ увеличивать свою практику и брать высокій гонораръ. Для этого, въ послѣднее время, изобрѣтено званіе специалиста.

Еслибы дѣйствительно врачи-специалисты оправдывали свое название, то съ этимъ помирились бы многіе, но дѣло состоить въ томъ, что каждый, видя, что специалисты въ модѣ, дѣлается специалистомъ болѣзней, которыхъ зачастую онъ специально не знаетъ. Видя однако, что врачебныи знаменитостямъ люди платятъ по 100 и по 50 рублей за визитъ, врачи-специалисты назначили плату по 15, 10 и по 5 р. за визитъ. Вслѣдствіе этого и бѣднѣкъ-больной, подражая богатымъ, нерѣдко собираетъ послѣднія крохи и идетъ къ врачу-специалисту. Пріемныя врачей-специалистовъ всегда полны больными, которыхъ они, даже еслибы и дѣйствительно обладали вполнѣ своею специальностію, не могутъ осмотрѣть надлежашій образомъ, по недостатку времени, а слѣдовательно и лѣченіе не можетъ быть назначено правильное и вполнѣ успешное. А что сказать о тѣхъ врачахъ, которые только прикрываются щитомъ спе-

ціальности? Тутъ, разумѣется, больной не только не получить облегченія, но и даромъ истратить нерѣдко съ большими трудомъ и пожертвованіемъ добытыхъ деньги. И вотъ, нерѣдко случается такъ, что, побывавъ у врача-спеціалиста 10—15 разъ и истративъ всѣ деньги, а между тѣмъ не чувствуя облегченія, больной идетъ къ другому врачу, у которого не назначено большой платы за визитъ и, къ удивленію своему, получаетъ надлежащую помощь отъ честнаго врача, не прикрывающагося щитомъ спеціальности и не поставившаго задачей своей—наживать деньги во что бы то ни стало.

По причинѣ множества врачей въ Москвѣ, изъ которыхъ каждый ищетъ практики, сдѣлалось также необходимостю прибѣгать къ публикаціямъ въ газетахъ, чтобъ, по моему мнѣнію, составлять уже окончательное низведеніе медицины на степень торговаго предпріятія. На эту удочку ловится множество легковѣрныхъ, особенно изъ прѣѣзжихъ въ Москву провинціаловъ, которые по публикаціямъ ищутъ медицинской помощи. Приходятъ къ такому врачу, и онъ силится принять больнаго на вылѣчку, т. е., чтобы больной заплатилъ сразу за все лѣченіе впередъ. Многіе, напугавъ достаточно больнаго, вытягиваютъ у него 100, 200, 300 рублей за вылѣчку. Случается и такъ, что больной, заплативъ большія деньги за вылѣчку, не получаетъ вовсе облегченія и идетъ къ честному врачу, который и помогаетъ ему. Изъ всего этого явствуетъ, какъ ложно поставлено въ Москвѣ дѣло медицинской практики и поэтому, чтобы въ Москвѣ имѣть врачу хорошую практику, необходимо прежде всего спрятать въ кармань совѣсть и поставить цѣллю своей дѣятельности—нажить сколь возможно болѣе денегъ и въ самое короткое время, и притомъ не обращая вниманія на то, что дѣлается съ больнымъ при такомъ способѣ примѣненія медицинской помощи. Часто думаешь объ этомъ и изумляешься, спрашивая самого себя: гдѣ же совѣсть у этихъ господъ, и почему больные столь кротки, что не призовутъ на помощь законъ и правосудіе? Но еслибы еще только этимъ оканчивалось зло! Нѣтъ! Оно идетъ гораздо глубже. Нѣкоторые врачи имѣютъ явныя и тайныя ссудныя кассы и подъ видомъ практики дисконтируютъ векселя. Случилось даже и такъ, что одинъ врачъ, принадлежащий къ высшей корпо-

рації и сливущій за ізвѣстнаго спеціалиста, имѣлъ тайшую ссудную кассу, причемъ фельдшеръ его принималъ залоги и выдавалъ депьги, разумѣется, принадлежащія его принципалу!

Дѣло медицинской практики въ Москвѣ усложняется еще и тѣмъ, что женщины имѣютъ громадное вліяніе на репутацію врачей. Сколько въ Москвѣ самыхъ посредственныхъ врачей, которые пріобрѣли громадную практику чрезъ женщинъ! Тутъ пускаются въ ходъ самыя грязныя интриги, и первѣдкій домашній врачъ вмѣстѣ и домашній любовникъ! Нигдѣ не развито такъ вліяніе женщинъ на своихъ мужей, какъ въ Москвѣ, и вотъ, благодаря этому вліянію, все смазливое, но въ то же время грубое и невѣжественное въ медицинѣ находить поддержку въ женщинахъ и, проникаясь ложнымъ сознаніемъ своихъ дарованій и медицинскихъ познаній, морочить грубую и невѣжественную толпу. Наконецъ, на каждой почти вывескѣ врача написано «Докторъ—такой-то», и не на одной вы не найдете слова—«Лѣкарь». Что же послѣ этого докторская степень и къ чему она служить, если каждый не имѣющій докторской степени можетъ называться докторомъ? Почему же не назвать себя фельдмаршаломъ или генераль-адъютантомъ? За это, вѣдь, не погладять по головѣ, а за самозванное докторство гладить по головѣ. Что еще сказать о томъ, что многие фельдшера въ Москвѣ имѣютъ практику, какъ врачи, зарабатываютъ большія деньги, ъздятъ въ собственныхъ экипажахъ, держа по 3 и по 4 лошади, устроиваютъ консилюмы для своихъ больныхъ и на консилюмы эти прѣѣзжаютъ первѣйшія московскія знаменитости—врачи, которые, будучи отуманены огромнымъ гонораромъ, смотрѣть сквозь пальцы на эту беззаконную практику фельдшеровъ и тѣмъ окончательно унижаютъ свое собственное достоинство. По рецептамъ фельдшеровъ многія аптеки, не имѣя на то право, отпускаютъ лѣкарства, не желая потерять заработка и отговариваясь тѣмъ, что фамиліи фельдшеровъ сходны съ таковыми же врачей, стоящими въ медицинскомъ спискѣ, который обязана имѣть каждая аптека для того именно, чтобы лѣкарство не могло быть прописано лицомъ, не имѣющимъ права врачебной практики въ Россіи. Еслибы практикующій врачъ былъ обязанъ проставить въ рецептѣ свою ученую степень, имя и отчество, а равно и номеръ, подъ которымъ стоитъ

въ издаваемомъ алфавитномъ спискѣ, то аптекаря не имѣли бы отговорокъ, и безобразіе относительно незаконнаго отпуска лѣкарствъ изъ аптекъ по рецептамъ фельдшеровъ прекратилось бы.

Но довольно обѣ этомъ! Закончу мои слова слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Медицинское дѣло въ Москвѣ находится въ состояніи крайней степени деморализаціи, нравственнаго упадка и торговой спекуляціи».

Я прибылъ въ Москву въ то время, когда генераль-губернаторъ ея былъ князь Долгоруковъ. Вскорѣ послѣ прибытія моего, я получилъ предложеніе быть редакторомъ одной ежедневной газеты, которую хотѣлъ издавать въ Москвѣ одинъ солидный книгопрода-вѣцъ, и предложилъ мнѣ редактировать эту газету. При скучности моей пенсіи, я согласился на сдѣланное миѣ предложеніе. Желая успѣть въ разрѣшеніи изданія этой газеты, я нашелъ нужнымъ представиться генераль-губернатору князю Долгорукову и заручиться его согласіемъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что безъ его согласія это дѣло немыслимо. Въ одинъ изъ прѣемныхъ дней я отправился къ нему и представился, прося соизволенія его на редакторство мое въ предполагаемой газетѣ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я представилъ докладную записку и что онъ увѣдомить меня о своемъ рѣшеніи. Прождавъ тщетно болѣе мѣсяца, я направился въ генераль-губернаторскую канцелярію, гдѣ узналъ, что просьба моя доложена генераль-губернатору и что онъ оставилъ у себя мою докладную записку. Я ждалъ еще. Прошелъ другой мѣсяцъ, и отвѣта не было. Я понялъ, что онъ не желаетъ дать согласія. Вообще прѣемъ его, когда я представлялся ему, былъ на мой взглядъ довольно странный: онъ вышелъ ко мнѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ и держа обѣ руки въ карманахъ панталонъ; вся физіономія его изображала какъ бы удивленіе, что я рѣшился его утруждать. Желалъ бы я знать, что терялъ князь Долгоруковъ отъ того, что я буду редактировать газету? Ни на чёмъ не основанное упрямство—вотъ единственное объясненіе его несогласія, выраженаго въ столь странной формѣ, а между тѣмъ я по его капризу терялъ 3 тыс. руб. въ годъ, т. е. ту сумму, которая была предложена мнѣ ежегодно за редакторство и которую я могъ заработать честнымъ трудомъ. Да еслибы направление газеты не понравилось князю Долгорукову, то на нее

всегда могло бы быть наложено veto, и я терялъ бы на этомъ, а не онъ.

Не получивъ отвѣта отъ князя Долгорукова, я отправился въ Петербургъ и хлопоталъ о моемъ редакторствѣ въ главномъ управлении по дѣламъ печати. И тамъ я потерпѣлъ фiasco неизвѣстно по какимъ причинамъ и несмотря на то, что я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому и товарищу его Плеве. Прямаго отказа я нигдѣ не получилъ, но не удостоился и разрѣшения. Всѣхъ симпатичнѣе и лучше было пріемъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Повидимому, все дѣло затормазилось отъ несогласія князя Долгорукова. Издание газетъ и прежде и послѣ этого разрѣщалось сплошь и рядомъ, и даже лицамъ безъ высшаго образованія.

Сколько я могъ изучить Москву во время моего шестилѣтнаго пребыванія въ ней, физіология этого своеобразнаго города представляеть слѣдующія явленія. Самая большая часть богатыхъ людей занята болѣею частью празднымъ препровожденіемъ времени въ театрахъ, на балахъ, вечерахъ, маскарадахъ, у Омона, въ бывшемъ *Salon des variétés* у Яра, въ Стрѣлынѣ и въ другихъ ресторанахъ и загородныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, гдѣ прокучивается масса денегъ. Бываютъ и такія изъ ряда выходящія безобразія, о которыхъ публиковано въ газетахъ, что трое богачей, въ трое сутокъ, прокутили въ Эрмитажѣ 60.000 рублей! Любопытно спросить: что они ъли, пили и чѣмъ занимались въ эти трое сутокъ? Тутъ сюжетъ для всевозможныхъ догадокъ. Интеллигенція Москвы, съ малыми исключеніями, проводить время также въ пустыхъ занятіяхъ, причемъ карточная игра и театры, разумѣется, на первомъ планѣ. Мѣщанство и низшій классъ платить обильную дань Бахусу. Въ праздничные дни, на улицахъ, попадается безчисленное множество пьяныхъ, отъ которыхъ не только разить спиртомъ и сивухой, но слышны ругательныя слова самыми отборными и непечатными выраженіями. Развратъ въ Москвѣ достигаетъ высшихъ размѣровъ. Многое можно было бы говорить о Москвѣ и ея порядкахъ—но это значило бы раздразнить гусей.

А. Ильинскій.

КОНЕЦЪ.



Отзы́вы современниковъ о „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя.



I.

бзоръ журнальныхъ и газетныхъ статей ¹), вызванныхъ «Перепиской», мы начнемъ съ замѣтки барона Розена въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Цоэма Н. В. Гоголя объ Одиссѣ», — на томъ основаніи, что разбираемое здѣсь письмо Гоголя «объ Одиссѣ, переводимой Жуковскимъ», хотя и появилось годомъ раньше «Переписки», но потомъ самимъ авторомъ было включено въ его новую книгу. Собственно говоря, по этой статьѣ публика отчасти какъ бы заранѣе познакомилась съ «Выбранными мѣстами». Извѣстно, что въ ней Гоголь уже слишкомъ поддался какому-то болѣзненному увлечению и съ необыкновенной отвагой позволилъ себѣ иѣкоторыя не основанныя на фактѣахъ заключенія и даже мечты, причемъ крайне увѣренный тонъ автора поражалъ чрезвычайно рѣзкими диссонансами съ дѣйствительными правами его на смильое публичное поученіе, касающееся вопросовъ, ему недостаточно извѣстныхъ. Въ данномъ случаѣ крайностями необузданнаго энтузіазма Гоголь могъ бы невольно напомнить К. С. Аксакова, такъ смило поставившаго его, иѣсколькими годами раньше, на недосягаемой высотѣ рядомъ только съ

¹) Ими Гоголь чрезвычайно интересовался; такъ онъ поручилъ Арк. Ос. Россету высылать ему „всѣ толстые и тонкие литературные журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ“ („Русск. Стар.“, 1884. I, 166) Позднѣе онъ объяснялъ озадѣвшее пимъ передъ поѣздкой въ Палестину смущеніе духа дѣйствіемъ на него отзывовъ о „Перепискѣ“. (См. письма его къ А. О. Смирновой, „Соч. и пасынка Гоголя“, т. VI, стр. 409, и въ письмѣ къ Шереметевой, стр. 412, также соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 550.)

Гомеромъ и Шекспиромъ; возражать въ томъ и въ другомъ случаѣ было, конечно, вовсе не трудно. Баронъ Розенъ, лично знавшій Гоголя въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и уже тогда враждебно относившійся къ нему и къ его созданіямъ, не могъ пропустить благопріятнаго случая, чтобы не полгумиться надъ только-что напечатаннымъ письмомъ и объявить его въ насмѣшку небывалымъ произведеніемъ и даже «поэмою», язвительно намекая послѣднимъ словомъ на странный, по его мнѣнію, титулъ, присвоенный Гоголемъ «Мертвымъ Душамъ».

Критикъ «Сѣверной Пчелы» съ лукавымъ злорадствомъ предается ликованію по поводу предполагаемаго имъ жалкаго и рѣшительнаго фіаско либеральной критики, открыто провозгласившей гениальность Гоголя. Еще не приступая къ разбору письма, онъ пародируетъ извѣстныя слова о Гете, что «природа, разумѣется, изящная, хотѣла знать, какова она собою—т. е. пожелала посмотрѣться въ зеркалѣ,—и создала Гете»—такимъ образомъ: «неизящная, нечистая природа захотѣла смотрѣться въ криковъ зеркалѣ — и создала Гоголя»¹⁾). Затѣмъ следуетъ заявленіе критика о томъ, что паденіе таланта Гоголя, котораго естественно было и даже слѣдовало ожидать, превзошло теперь всѣ опасенія, въ доказательство чего и разбирается письмо объ «Одиссеѣ».

На слова Гоголя, что «Одиссея есть рѣшительно совершенѣйшее поэтическое произведеніе всѣхъ вѣковъ», что «Иліада передъ нею эпизодъ, что въ Европѣ ея не оцѣнили» и наконецъ, что «глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ ипсъ»²⁾, баронъ Розенъ, опровергая крайнее увлеченіе Гоголя, отвѣчаетъ указаніемъ отчасти несомнѣнныхъ фактовъ, по неизвѣстныхъ Гоголю, и настаиваетъ на недостаточной компетентности его въ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся говорить; отчасти же предается пустому и недостойному глумленію надъ своимъ противникомъ напр.: «Одиссея не оцѣнена въ Европѣ! Она, можетъ быть, не оцѣнена на хуторѣ близъ Диканьки!» Баронъ Розенъ указываетъ Гоголю извѣстныхъ переводчиковъ и цѣнителей Гомера въ ученой нѣмецкой литературѣ и наконецъ злобно насмѣхается надъ парадоксомъ Гоголя, что «нужно было сдѣлаться христіаниномъ»³⁾, дабы пріобрѣсть прозирающій взглядъ, глубоко воиззающійся въ жизнь, который никто не можетъ имѣть, кроме христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни». «Чудо!» смѣется критикъ: «для того, чтобы лучше передавать язычника, надоѣло быть христіаниномъ!»—Въ концѣ статьи высказывается сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы Одиссея, хотя бы пе-

¹⁾ „Сѣверная Пчела“, 1846 г., № 181, стр. 729.

²⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. 4, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 27.

реведенная и Жуковскимъ, могла оказать такое могущественное дѣйствіе на все русское общество, какое предсказывалъ ей Гоголь.

II.

Баронъ Розенъ на этотъ разъ оказался если не застрѣльщикомъ, то по крайней мѣрѣ первымъ по времени бойцомъ, за которымъ вскорѣ, по выходѣ уже самой «Переписки», посыпались со всѣхъ сторонъ ярыя нападенія на Гоголя, какъ справедливыя и внушенныя сожалѣніемъ объ упадкѣ его таланта, такъ еще болѣе—злорадныя и возмутительно-вагрыя. Какъ много появилось по поводу «Переписки съ друзьями» статей и какой шумъ она произвела уже въ самомъ началѣ, можно судить по слѣдующими начальными строкамъ одной изъ рецензій, именно въ «Финскомъ Вѣстникѣ», гдѣ сказано: «Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», а между тѣмъ, этотъ отзывъ напечатанъ уже въ февральской книжкѣ журнала, вышедшей, судя по цензурной помѣткѣ, 15 февраля 1847 г. »).

Въ числѣ злобныхъ рецензій на «Переписку» на первомъ планѣ ставимъ «Библіотеку для Чтенія». Досаднѣе всего то, что старые недоброжелатели Гоголя теперь высоко подняли голову и еще громче закричали, что «господинъ Гоголь долго начинай, долго обѣщай—и вдругъ среди началь и обѣщаній заключи поприще свое рѣшительной мѣрой»¹⁾ (*sic*), и что «интересный образъ поэта теряется въ густомъ

¹⁾ Въ этой коротенькой рецензіи отдается полная справедливость зарованію Гоголя и значенію его въ русской литературѣ; онъ прямо поставленъ здѣсь рядомъ съ Пушкинымъ, а въ отраженіе извѣстныхъ неѣпыхъ толковъ о захваливаніи Гоголя друзьями «Финскій Вѣстникъ» заявляетъ: „Нѣть, милостивые государи, публику нельзя мороочить словами: какъ вы нынѣ читите, какъ ии возвеличивайте въ своихъ похвалахъ писателя, но если факты не подтверждать вашихъ сужденій, громкія фразы ваши останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. («Финскій Вѣстникъ», 1847, 2, стр. 33). По поводу толковъ объ отреченіи Гоголя отъ своего таланта, «Финскій Вѣстникъ» судить очень дѣло и основательно: «Какъ странно вѣрить на слово писателю о достоинствѣ его произведеній, такъ точно право судить о неудовлетворительности или бесполезности прежнихъ созданій Гоголя принадлежитъ публикѣ, а никакъ не самому писателю». Въ „Перепискѣ“ рецензентъ находить множество парадоксовъ и противорѣчий.

²⁾ „Библіотека для Чтенія“, 1847, т. 80, отд. 6, стр. 42.

облакѣ усерднаго ему воскуренія¹⁾). Сенковскій потирали руки отъ удовольствія, что похвалы, которыми осыпали Гоголя, онъ «попираетъ ногами; онъ ему не нужны: потомство узнаетъ его величие»²⁾). Между прочимъ, онъ затрогиваетъ мимоходомъ даже Жуковскаго, шутливо называя его предтечей Гоголя, въ насмѣшку вадъ похваламъ ему въ статьѣ объ «Одиссѣѣ»³⁾). Далѣе осмысливается преувеличеннное смиреніе Гоголя рядомъ съ необычайной гордостью, признаніе самимъ Гоголемъ, что онъ «поэтъ пошлости», и ваконецъ, бѣдность общаго содержанія «Переписки». Приведя длинную выписку изъ втораго письма по поводу «Мертвыхъ Душъ», отличающагося особенной рѣзкостью выражений, рецензентъ восклицаетъ: «Изъ этого явствуетъ, что не легко было жить съ геніями, заслужившими монументы и торгующимися объ нихъ заранѣе съ потомствомъ; что даже опасно восхищаться ихъ произведеніями по своему разумѣнію. Малѣйшая неосторожность въ восторгѣ можетъ чинѣть самыя непріятныя послѣдствія, несмотря на преданность и на дружбу: геній какъ разъ напомнитъ своимъ обожателямъ, что онъ «не въ свои сани садится»⁴⁾). Вся книга, по словамъ рецензента, стоить изъ безсвязныхъ статей и въ ней нечего читать, хотя и попа-

¹⁾ „Сѣверная Пчела“, 1846, № 181.

²⁾ „Библіотека для Чтенія“, 1847, т. 80, стр. 43 (73?).

³⁾ Сенковскій съ особенной злобой задѣлъ Гоголя въ разборѣ стихотвореній Александры Бѣдаревой; вотъ что овъ тамъ писала: «Я держусь той теоріи, что женщина—разумѣется, молодая: старыхъ женщинъ вѣтъ въ природѣ, какъ вѣтъ старыхъ цѣтовъ, или старыхъ радугъ, что женщина не что иное, какъ воображеніе въ вырѣзаномъ платьѣ. Вместо сердца въ ней бываютъ „Мертвые Души“,—я хотѣла сказать: въ ней бываетъ поэма... Простите, что я такъ странно обмолвила; я печалень—Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе, самолюбіе книжное! Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Лютое самолюбіе! Посмотри, что ты сдѣлало изъ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился неназѣчно!. Типунъ вѣль на лыжѣ!—въ томъ числѣ и мы—вамъ, которые, когда явилась въ свѣтѣ позабвенная поэма, предсказывали.., что это тѣль кончится, что тутъ уже есть начаю болѣзни. Гомеръ отрекается отъ бессмертія, отъ удивленія народовъ, потому что народы не понимаютъ его» и проч. („Библіотека для Чтенія“, 1846, LXXXVIII. „Литературная Лѣтопись“, стр. 17—18). И. С. Аксаковъ, выѣ себя отъ справедливаго негодованія на Сенковскаго, писалъ Сергею Тимофеевичу: „Вообразите: Сенковскій объясняетъ публично, что Гоголь боленъ, вдался въ иллюзіи, не хочетъ продолжать „Мертвыхъ Душъ“ и такъ самолюбиво замечтался, что всѣхъ учить, даетъ наставленія. Все это сказано съ ругательствами и насмѣшками. Овъ не называетъ его Гоголемъ, но Гомеромъ, написавшимъ „Мертвые Души“. Названіе Гомеръ повторилъ онъ разъ двадцать на одной страничкѣ. Какой мерзялецъ“. И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 390—391).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 50.

даются чѣстами прекрасныя страницы о святости религіи и обязанности христіанина.

III.

Критикъ «Сѣверной Пчелы», нѣкто Л. Брандтъ, подписавшійся псевдонимомъ Я. Я. Я., не ограничился уже однимъ злобнымъ ликованиемъ по поводу предполагаемыхъ имъ горькихъ плодовъ неумѣренного литературнаго захваливанія, но позволилъ себѣ нѣсколько положительно дерзкихъ выходокъ по адресу какъ Гоголя, такъ и всегда высоко цѣнившихъ его произведенія «Отечественныхъ Записокъ». Послѣднія онъ называетъ «муравейникомъ», настѣхаясь надъ тѣмъ, что появившійся съ 1839 года журналъ пріютилъ у себя подвижниковъ новой школы, распространилъ ея странныя воззрѣнія на искусство, и ровно восемь лѣтъ оглашалъ литературный міръ русскій словою имени «литературныхъ заслугъ» Гоголя, а литературную славу его объясняетъ стечениемъ благопріятныхъ для него случайностей. По словамъ рецензента, все дѣло было будто бы въ томъ, что Гоголь появился именно тогда, когда «Московскій Телеграфъ» «высшими взглядами подготовилъ почву къ блужданію по верхушкамъ предметовъ», а публика была утомлена однообразiemъ формъ текущей литературы, которая была переполнена подражаніями правоописательнымъ и историческимъ романамъ, и цѣльмъ потокомъ альманаховъ, отъ которыхъ некуда было дѣваться, такъ что чуть не приходилось кричать караулъ, — вообще литература была наводнена тогда высокопарными трагедіями и торжественными одами и «вслѣдствіе такого расположенія изъ бельэтажа театральнаго готова (была) перешагнуть на грубыя скамья масляничнаго балагана» — и вотъ ей понравился неподдельный комизмъ и замысловатый малороссійскій юморъ Гоголя, понравился и «импровизированый самозванецъ Хлестаковъ, который изъ пустяковъ, по недоразумѣнію, надѣлалъ шуму въ безвѣстномъ городкѣ и въ журналистикѣ» — и Гоголь былъ провозглашенъ учителемъ и отцомъ натуральной школы. Послѣ этого отъ Гоголя много ждали, но онъ разрѣшился яко бы чичтожныи и «Мертвыми Душами», и наконецъ, подобно Наполеону послѣ Аusterлица и Friedlanda, пожелалъ заграницей отдохнуть на лаврахъ, особенно когда его объявили Гомеромъ и торжественно обѣщали цѣлый рядъ статей о его старыхъ произведеніяхъ¹). Послѣ

¹) Очевидный памекъ на Бѣлинскаго.

этого, по словамъ непризваннаго критика, высокомѣре и самомнѣніе Гоголя дошло дотого, что онъ заживо заговорилъ о памятникѣ самому себѣ, нескромно отклоняя отъ себя эту честь, которой, по мнѣнію «Сѣверной Пчелы», онъ не имѣлъ никакого права ожидать, такъ какъ «памятники остаются удѣломъ людей, или совершившихъ громкіе подвиги, или подворившихъ между соотечественниками своими высокія истинны, или по крайней мѣрѣ принесшихъ человѣчеству какую-нибудь существенную пользу», и изъ русскихъ писателей ими удостоены только Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, съ которыми, по мнѣнію критика, никакъ нельзя сравниваться Гоголю. По поводу же извѣстнаго его завѣщанія о портретѣ Брандтѣ даже имѣлъ дерзость сказать, что удѣль живыхъ литературныхъ извѣстностей одѣлъ лишь гипсовая карикатура Степанова, да забавный изображенія въ листкахъ веселой «Ераплаши» Неваховича. Еще подѣле въ серединѣ статьи неосновательный намекъ на то, что къ Гоголю «припѣнилась цѣлая фаланга юношей, съ дарованіями весьма сомнительными, но вооруженными непомѣрными притязаніями и страшной жаждой пріобрѣтенія славы и вещественныхъ благъ земныхъ, весьма привлекательныхъ, но, къ сожалѣнію, не добываемыхъ даромъ¹⁾.

Во второй части своей рецензіи Брандтъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ статей «Переписки», но на самомъ дѣлѣ онъ не столько разбираетъ книгу, сколько приводить выдержки чисто дѣйствительно неудачныхъ мнѣній и отдѣльныхъ мыслей, встрѣчающихся въ «Перепискѣ». Приведемъ два-три примѣра. Авторъ говоритъ: «нѣкоторые изъ лынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта, чтобы узнать его. Это просто вздоръ²⁾». «Дѣйствительно, говорятъ словами автора, это вздоръ» думать наоборотъ, что познаніе свѣта пріобрѣтается въ отчужденіи отъ него, взаперти. Или: въ статейкѣ «Совѣты» авторъ объявляетъ публикѣ, что онъ, «хотя ничуть не умнѣ никого»³⁾, по мастерѣ давать превосходные совѣты, за которыми къ нему обращаются и люди незнакомые, и всѣхъ онъ по крайнему разумѣнію своему надѣлять добрыми наставленіями». Послѣ этихъ и подобныхъ выдержекъ слѣдуетъ исчисление догадокъ о причинѣ, побудившей Гоголя издать свое послѣднее произведеніе. «Одни считаютъ новую книгу Гоголя плодомъ разстроеннаго болѣзненнаго воображенія; другіе видѣть здѣсь крайнія выходки непомѣрного самолюбія, избалованнаго безусловными восторженными похвалами нѣкоторыхъ критиковъ, и въ то же время раздраженнаго рѣзкими, хотя, по собственному сознанію

¹⁾ „Сѣверная Пчела“, 1847, № 74, стр. 294.

²⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 38.

³⁾ Тамъ же, стр. 75.

автора, и справедливыми замѣчаніями его противниковъ¹); теперь и думаютъ, что онъ имѣлъ въ виду обезоруживать послѣднихъ мною скромностью и строгимъ осужденiemъ написанного имъ; наконецъ, четвертые полагаютъ, что все это не что иное, какъ новый замысловатый жартъ малороссійскій, которымъ авторъ надѣялся озадачить публику и критику, запутать ихъ въ вопросахъ, надѣялся во всякомъ случаѣ заставить заговорить о немъ именно въ то время, когда продолжительное молчаніе его и разные слухи, приносившіеся изъ-за границы, давали поводъ думать, что литературное поприще его уже кончилось». Впрочемъ, въ доказательство своего безпристрастія авторъ критики указываетъ съ похвалой на статью «О существѣ русской поэзіи и ея особенности», действительно одну изъ лучшихъ въ книгѣ. Наконецъ онъ даетъ обѣщаніе возвратиться къ обстоятельному разбору произведеній Гоголя, начиная съ «Мертвыхъ Душъ».

Въ статьѣ Бранта необходимо отмѣтить еще слѣдующую диковинную выходку противъ почитателей Гоголя: «Забавно видѣть, какъ эти недавніе восторженные хвалители Гоголя мгновенно поворотили противъ него артиллерію своей критики, и вотъ еще вчерашній ихъ идеалъ литературного величія вдругъ стала для нихъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ и мишенемъ журнальной стрѣльбы»²).

IV.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились письма къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями» извѣстнаго Н. Ф. Павлова. Всѣхъ

¹) Кромѣ этой статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“, продолжались мелкія выходки противъ Гоголя; напр. въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, Булгаринъ глумился надъ тѣмъ, что „почтеннаго господина Гоголя, который никогда не возвышался надъ Поль де-Кокомъ и Пиго-Лебреномъ, провозгласили Гомеромъ“. Послѣ господина Гоголя выдвинули изъ толпы другаго молодаго человѣка, господина Достоевскаго, и называли его геніемъ равнымъ Гоголю“ („Сѣверная Пчела“, 1847, № 81, стр. 332). По поводу этого фельетона, мы находимъ нѣсколько страницъ въ „Современникѣ“ (1847, т. V, смѣсь, стр. 122—125), гдѣ въ отпоръ злорадству Булгарина обращено вниманіе на то, что напрасно „Сѣверная Пчела“ поспѣшила обольстить себя надеждой, будто бы литературное значеніе Гоголя пошатнулось, такъ какъ своими необыкновенными признаніями Гоголь произвелъ странное и не совсѣмъ выгодное впечатленіе на свой собственный счетъ (стр. 124), и что несправедливо, будто Гоголь изображаетъ одно мелкое и ничтожное, доказательствомъ чему служитъ „Тарасъ Бульба“, лицо художника Пискарева, наконецъ трагический элементъ есть въ „Шинели“ и „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Затѣмъ дается обѣщаніе, что въ „Современникѣ“ будетъ еще статья о Гоголѣ.

²) „Сѣверная Пчела“, 1847, № 75, стр. 299.

писемъ было четыре, но одно изъ нихъ почему-то осталось ненапечатаннымъ, а равно и въ копіи, находящейся въ архивѣ наследниковъ Гоголя, его не имѣется, изъ чего можно заключить, что оно осталось тайной для самого адресата. Письмамъ посчастливилось въ нашей литературѣ; они были перепечатаны дважды: въ первый разъ въ томъ же. 1847 году, въ «Современникѣ» (1847 г., т. 3, № 5, Смѣсь, стр. 1—16; т. 4, № 8, стр. 88—93) и въ 1890 г.—въ «Русскомъ Архивѣ». О нихъ дасть уже въ 1848 г. хороший и, кажется, не совсѣмъ заслуженный отзывъ Бѣлинскаго. Приводимъ здѣсь весь этотъ коротенький отзывъ: «Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято «Перепиской Гоголя съ друзьями». Можно сказать, что память объ этой книгѣ въ теперЬ поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголь онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобы показать его невѣрность собственнымъ своимъ начальамъ. Точность мысли, ловкость дialectики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!»¹⁾ Такой взглядъ Бѣлинского на письма и былъ, конечно, причиной перепечатки ихъ вскорѣ потомъ въ «Современникѣ». Но главное основаніе, по которому они были поставлены высоко Бѣлинскимъ, заключалось именно въ томъ, что письма стремились поразить Гоголя его же оружіемъ, и съ этой-то точки зрѣнія они, повидимому, непремѣнно должны были озадачить его, но на самомъ дѣлѣ, кажется, совсѣмъ не озадачили.

Въ началѣ своей первой статьи Н. Ф. Павловъ намѣренно противопоставляетъ убѣждѣнію Гоголя въ томъ, что его книга написана по внушенію свыше, другое, неутѣшительное предположеніе,—что, напротивъ, дьяволь напиталъ его слова духомъ неслыханной гордости²⁾), и, кажется, это была единственная мысль, которая, будучи родственна мистическимъ воззрѣніямъ Гоголя, проникла въ душу послѣднаго, заполняя ее по временемъ мученіями религіознаго страха, получившаго широкій доступъ въ нее вскорѣ благодаря суровымъ обличеніямъ е. Матвѣя. Безъ вліянія послѣднихъ, конечно, слегка возникшее сомнѣніе могло бы легко заглохнуть. Во всякомъ случаѣ, подъ указанными или иными впечатлѣніями Гоголь сталъ приписывать самый неуспѣхъ «Переписки» и неудачный въ ней мысли дьявольскому внушенію.

Затѣмъ, разбирая «завѣщаніе», Н. Ф. Павловъ намекаетъ на нѣсколько нескромное побужденіе, руководившее Гоголемъ, когда онъ

¹⁾) „Современникъ“, 1847, № 2; „Соч. Бѣлинскаго“, т. XI, стр. 440.

²⁾) „Русскій Архивъ“, 1890, т. стр. 286.

писалъ его; такое завѣщаніе онъ считалъ умѣстнымъ гдѣ-нибудь въ романѣ или повѣсти: «пусть принадлежитъ лицу, страдающему, безъ всякой надобности, въ полномъ развитіи здоровья, однимъ недугомъ—произвестъ небывалый эффектъ!» Затѣмъ все содержаніе «завѣщанія» Н. Ф. Павловъ признаетъ ложнымъ и неосновательнымъ. Онъ указываетъ на странность печатныхъ завѣщаній и говорить, что для того, чтобы «вступить въ бесѣду съ Россіей по случаю своихъ домашнихъ распоряженій, когда они могутъ исполниться безъ ея участія, на эту публичность надо имѣть право»¹⁾). Право это могло бы основываться на прежнихъ капитальныхъ трудахъ Гоголя, но онъ самъ уничтожилъ его своимъ отъ нихъ отреченіемъ. Если же принять его собственное объясненіе, что завѣщаніе написано на случай внезапной смерти вдали отъ родины «въ надеждѣ, что, можетъ быть, посмертный голосъ напомнить вообще объ осмотрительности» и удержать отъ «неразумной торопливости въ такомъ дѣлѣ, какъ погребеніе»,—то и это предостереженіе не можетъ достигнуть цѣли, такъ какъ соотечественники, отдѣленные огромнымъ разстояніемъ, при всемъ желаніи не были бы въ состояніи помочь дѣлу.

Затѣмъ Павловъ много дѣлаетъ возраженій по поводу обѣщаемой Гоголемъ «Прощальной повѣсти», напр.: «конечно, вамъ не слѣдовало бы упоминать, что вы плакали надъ нею, будучи еще дитятей: назначая ее на великое дѣло поученія людей взрослыхъ, вы даете имъ право требовать, чтобы она была задумана и оплакана въ менѣе нѣжномъ возрастѣ». Въ доводахъ Павлова вообще много спроведиваго и остроумнаго, но нѣтъ рѣшительно никакого желанія войти въ мысли и настроеніе автора. Павловъ старается отчасти, какъ это было тотчасъ же замѣчено Бѣлинскимъ, разбить Гоголя его же оружіемъ, но, по нашему мнѣнію, дѣлу сильно вредить въ его письмахъ тонъ глумленія, совершиенно исключающій возможность сколько-нибудь серьезнаго дѣйствія писемъ на душу Гоголя. Такъ Павловъ заявляетъ по поводу словъ Гоголя: «сердце наше услышить хотя отчасти строгую тайну жизни и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны»,—что пока въ письмахъ «собственно таинственного ничего нѣть и обѣщанной музыки еще не слышно». Для человѣка, у котораго хотя бы и полны мистицизма строки вырывались изъ глубины души, такой пріемъ убѣжденія могъ казаться только возмутительнымъ, вслѣдствіе чего пропадали или могли пропасть для него и такие удачные и вѣсѣкіе доводы, какъ напр.: «Одиссея» чрезъ три тысячи лѣтъ еще жива, благодаря автору, что онъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, II, стр. 288.

вадумалъ написать (sic) ее и не вступалъ въ духовную переписку съ друзьями; «Одиссея» еще заставляетъ насъ выскаживать мечтательная мысль и дѣлать несбыточные предсказанія, а множество такъ называемыхъ поученій лежитъ въ библиотекахъ неразвернутыми съ справедливо забытыми именами ихъ сочинителей». И здѣсь, къ сожалѣнію, неумѣстная колкость ослабляетъ значеніе довода для того, по чьему адресу онъ былъ направленъ.

Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подробности писемъ Павлова, изложенный въ недавней апологіи «Выбранныхъ мѣсть» П. А. Матвѣева, отмѣтимъ только, что эти письма были доставлены Гоголю Шевыревымъ вмѣстѣ со множествомъ печатныхъ отзывовъ о «Мертвыхъ Душахъ», причемъ второе письмо Павлова сопровождалось слѣдующими собственноручными приписками С. П. Шевырева:

«Вотъ тебѣ и второе письмо Павлова, любезный другъ. Извини, что не пишу къ тебѣ, какъ бы хотѣть. Дай сроѣ, окончу свой публичный курсъ. Тогда буду свободнѣе. Покамѣстъ посылаю тебѣ все здѣсь о тебѣ напечатанное. Обнимаю тебя. Твой С. Шевыревъ.

Далѣе слѣдуетъ новая приписка.

Апрѣля 16-го 1847 г. Москва.

«У великаго князя наследника родился сынъ Владимиръ и вчера Москва праздновала новорожденнаго.

«Книга твоя—тамъ, что ни пиши,—говорить, вся разошлась. Выходитъ ли ты новое изданіе въ томъ видѣ, какъ хотѣмъ?

«Второе письмо Павлова произвело менѣе дѣйствія. Говорить, что онъ тебѣ разбираешь юридически, какъ стряпчій. Нравится это таѣ называемой ультра-западной партіи, которая на тебѣ сильнѣе всѣхъ разсердилаась за книгу¹⁾.

Другая статья о «Перепискѣ съ друзьями», сильно нравившаяся Бѣлинскому, принадлежала Эдуарду Губеру и была напечатана въ № 33 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1847 г. (перепечатана въ сочиненіяхъ Губера, Спб., 1860 г., III, стр. 213—220). Приводимъ ее здѣсь вполнѣ: «Литераторъ съ огромнымъ дарованіемъ, съ мѣткими, наблюдательными взглядами, съ рѣшительнымъ направленіемъ и съ твердыми

¹⁾) Гоголь еще прежде полученія этого письма получалъ подобныя же несправедливыя сообщенія о баснословномъ будто бы успѣхѣ книги. Такъ 6 марта 1847 г. онъ писалъ Жуковскому изъ Неаполя: „въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры моей книги, хотя печатано было два завода“ („Сочиненія Гоголя“, т. VI, стр. 350). По поводу этихъ словъ г. Кулешъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „Неизвѣстно, кто сообщилъ Гоголю такое извѣстіе. Книга пошла тупо“. Мы видимъ, что такое извѣстіе сообщили Гоголю въ апрѣль 1847 г. Шевыревъ, но, очевидно, еще раньше Гоголь получилъ сходныя свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ Россіи.

убѣжденіями шелъ по дорогѣ, на которую ему указывало внутреннее призваніе: знаніе жизни и людей, умѣніе находить смышную сторону въ самыхъ мелочныхъ вещахъ, неровный, неправильный, но оригинальный языкъ и рѣзкое, неожиданное остроуміе наложили на всѣ его произведения особенный, странный, но самостоятельный характеръ. Нѣсколько книгъ, написанныхъ этимъ человѣкомъ, дали ему громкое имя, вѣрныхъ друзей, пламенныхъ поклонниковъ и неумолимыхъ враговъ: его хвалили до нелѣпости, его брали съ ожесточеніемъ; вся Россія читала его повѣсти; цѣлая школа пошла по его направлению и подражала его приемамъ: каждое новое произведеніе, неконченный отрывокъ, маленькая повѣсть дѣлались событиемъ въ литературѣ, возбуждали общее вниманіе и порождали споры. Кажется, все, что только можетъ требовать самое взыскательное самолюбіе, было удовлетворено; всѣ почести и волненія, которыя иногда выпадаютъ на долю литератора, были и его удѣломъ. Но вдругъ этотъ человѣкъ издастъ новую книгу, печатаетъ нѣсколько писемъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей, въ которыхъ онъ съ ожесточеніемъ возвастаетъ противъ собственного направленія, уничтожаетъ свои произведения и ругается надъ самимъ собой. Въ этой странной, удивительной книгѣ, литераторъ съ огромнымъ и признаннымъ дарованіемъ отрекается отъ самого себя, казнить съ непостижимымъ самоотверженіемъ всю свою прежнюю дѣятельность, опровергаетъ и осмѣиваетъ все то, чѣмъ восхищались его поклонники, что съ удовольствіемъ читала вся Россія. Послѣ этого литературного ауто-да-фе слѣдуютъ великолѣпныя обѣщанія на будущее время: новая великія созданія замѣнять старыя, ничтожныя произведенія; гордо, зрылое, испытанное дарованіе развернется съ новыми силами, поднимется и пойдетъ по новому пути. Россія услышитъ великія слова своего учителя, который, при самомъ непостижимомъ смиреніи, все-таки признаетъ себя орудіемъ судьбы, призваннымъ для исполненія ея таинственныхъ вѣлѣній. Но пока исполнятся всѣ эти великолѣпныя обѣщанія, пока явятся эти новыя безсмертныя созданія, литераторъ, въ задатокъ будущихъ благъ и въ испуленіе грѣховъ своей молодости, издастъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ и нѣсколько странныхъ, замысловатыхъ статей». Гоголь поступилъ весьма невѣжливо съ публикой и критикой, нападая на вкусъ читателей и судь литераторовъ, но, какъ бы то ни было, приговоръ надъ произведеніемъ принадлежитъ не писателю, а публикѣ. Гоголь отрицаєтъ свои прежнія произведенія и объявляетъ, что отнынѣ его сочиненія получаютъ иное направлениe, что вся Россія услышитъ въ нихъ плодотворное слово мудрости; но хотя было много поэтовъ и литераторовъ, которые открыто говорили о своемъ литературномъ значеніи, какъ напр. Державинъ въ «Памятникѣ», подобныхъ высокомѣрныхъ и самонадѣянныхъ заявлений еще никогда не было. Случалось также, что писатель,

постигнутый болѣзнями и у дверей гроба, съ ужасомъ оглядывался на прошедшее и искалъ утѣшения въ религіи; но тогда уже видно было искреннее смиреніе и не было хвастовства будущими подвигами. Гоголь же бесѣдуетъ съ русской публикой, какъ съ малолѣтними учениками, и оставляетъ имъ свое духовное завѣщаніе; онъ велитъ покупать только тотъ портретъ его, который гравировалъ Іорданъ; онъ просить не воздвигать монумента, а лучше во имя его «выrostи духомъ»—во всемъ этомъ много самолюбивыхъ странностей. Если Пушкинъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ «Переписки», указалъ ему на характерную особенность его призванія, чтобы въ художественной формѣ изображать пошлость, то теперь, отказываясь отъ своей литературной дѣятельности, Гоголь измѣнилъ своему призванію¹).

V

Въ числѣ рецензій, сочувственныхъ и благопріятныхъ для Гоголя, заслуживаетъ вниманія статья Аполлона Григорьевъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» подъ заглавиемъ: «Гоголь и его послѣдняя книга»—по тому взгляду, который положень въ ея основаніе. Григорьевъ обращаетъ особенное вниманіе на кажущееся ему недоразумѣніе противоположного литературного лагеря, поспѣшившаго сдѣлать Гоголя своимъ кумиромъ и тотчасъ же разочаровавшагося въ своемъ любимцѣ, лишь только появилась «Переписка съ друзьями» и даже еще раньше, когда была напечатана статья объ «Одиссѣѣ, переводимой Жуковскимъ». По мнѣнію критика, безъ сомнѣнія ошибочному, самая непрѣязненность встрѣчи журналистикой предисловія къ второму тому «Мертвыхъ Душъ» объясняется только послѣднею книгою Гоголя, о которой давно уже ходили темные слухи въ обществѣ^{(?) 2}); такъ же странно его предполо-

¹) Въ дополненіе къ обзору отзывовъ либеральной печати о „Перепискѣ съ друзьями“, отмѣтилось, что несочувствіе ея новому направленію Гоголя выражалось еще въ 1846 г. Такъ въ рецензіи „Отеч. Записокъ“, по поводу 2-го изданія I т. „Мертвыхъ Душъ“, выписывается всѣ строки предисловія, въ которыхъ Гоголь просить у своихъ читателей замѣчаній на поэму и по поводу словъ: „всякий человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другое не знаютъ“, сдѣлано такое возраженіе: „несмотря на очевидность этой мысли, мы полагаемъ, что величайшее достоинство втораго изданія „Мертвыхъ Душъ“ заключается въ тождествѣ его текста съ текстомъ первого изданія („Отечественные Записки“ 1846, XII, отд. 6, стр. 57).“

²) „Московский Городской Листокъ“, 1847, № 56, стр. 225.

женіе, что причиной высокой оцѣнки автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» было то, что «умственное отчаяніе заставило уѣхать, какъ за доску спасенія, за истину личную или вообще за личность».

Главная мысль всей статьи—та, что въ «Перепискѣ съ друзьями» действительно болѣзньственный моментъ развитія автора, но что будто бы эта болѣзнь—«не личная, гоголевская», а общая болѣзнь вѣка. Критикъ приводить слѣдующее объясненіе самого Гоголя: «духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смеется яъ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшие законы даютъ миру, какіе доселѣ еще никогда не давались—и міръ это видитъ и не смееть ослушаться! Что значить эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ, какъ мечть, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступить нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значить, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смеются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтренники, подъ ея дудку? Что значить эти такъ называемыя безчисленныя приличія, которыхъ стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значать эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ—постороннія, побочныя вліянія? Что значить, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ уображеній, правять мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что значать всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертить исходящая снизу и чистая сила—и міръ это видить весь, и, какъ очарованный не смееть шевельнуться?»¹⁾.

И проводить въ параллель этимъ словамъ сходныя по своей безотрадности размышленія кн. Одоевского, съ тѣмъ, впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что «о чёмъ Одоевскій говорить съ полунасмѣшиловой улыбкой мистика,—то самое Гоголь высказываетъ со всею энергию, со всей беспощадною послѣдовательностью стонка²⁾. Эта общая болѣзнь — недугъ безволія. «Дрянь и тряпка стать всяко человѣкъ». Это сказано

¹⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 218—219.

²⁾ „Москов. Город. Лист“ 1847 г., № 64, стр. 254

рѣзко, но это—безпощадная правда, и въ этомъ заслуга книги Гоголя. Если у Гоголя встрѣчаются странные совѣты, напр. одной дамѣ раздѣлить всѣ расходы на семь кучекъ, то здѣсь «странна только форма, а самое начало сосредоточенія силъ проведено вполнѣ, даже съ какой-то стихической жестокостью».

Переходя къ разбору отдѣльныхъ писемъ, Аполлонъ Григорьевъ высказываетъ часто и вполнѣ вѣрныя мысли, но онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на лучшія стороны статьи и слѣдовательно смотритъ на дѣло съ благопріятной для автора точки зрѣнія. Такъ, по поводу «Одиссеи, переводимой Жуковскимъ», онъ говоритъ, что это письмо «страждеть одной только излишней вѣрой Гоголя въ силу искусства и восприемлемость массы». Это было бы почти справедливо, если бы не приходилось прибавить: и недостаточное знакомство съ нѣкоторыми предметами, которыхъ касается Гоголь въ своей статьѣ (например о недостаточномъ изученіи Гомера въ Европѣ и проч.). Также защищается критикъ письма по поводу «Мертвыхъ Душъ», замѣчая, что о нихъ «говорено слишкомъ много всѣми, но всѣ, болѣе или менѣе, обращаютъ вниманіе на странности выраженій, на нецеремонность тона Гоголя, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ, но, собственно говоря, это — простодушная, безъискусственная, честная исповѣдь человѣка, который дорожитъ своимъ дѣломъ». Аполлонъ Григорьевъ признаетъ и нѣкоторыя излишества въ товѣ Гоголя, напр.—«принадки односторонняго патріотизма» въ его пятнадцатомъ письмѣ («Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время»), но такихъ излишствъ можно найти гораздо больше, нежели какъ это кажется критику (онъ также опровергаетъ замѣчаніе Гоголя, что будто слово просвѣщеніе ни въ какомъ языке не имѣть соответствующаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему вполнѣ соответствуетъ нѣмецкое *Aufklrung*).

Во второй статьѣ Аполлонъ Григорьевъ слѣдить за всей предшествующей дѣятельностью Гоголя, показывая, какъ постепенно отъ свѣтлого и беспечнаго настроенія Гоголь переходить къ грустному и задумчивому и какъ совершился этотъ переходъ отъ менѣе глубокаго и важнаго къ такому великому произведению, какъ «Мертвые Души». написавъ которое, Гоголь, будто бы ошибочно, былъ провозглашенъ главой натуральной школы, и привелъ современемъ къ печальной претензіи Достоевскаго дать гражданство созерцанію личности въ Макарѣ Алексѣевичѣ Дѣвушкинѣ и Варварѣ Алексѣевнѣ въ «Бѣдныхъ Людяхъ»...

VI.

Что касается «Письма къ Гоголю» Сто Одного, то мы при всемъ уваженіи къ почтенному автору не можемъ не признать его незначи-

тельнымъ и досадно-придирчивымъ; страннѣе же всего то, что письмо это написано человѣкомъ, который въ продолженіе всей своей достаточно известной ученой и литературной дѣятельности никогда не заявлялъ себя такимъ непріятнымъ образомъ и вообще не заявлялъ себя съ несимпатичной стороны. Не удивительно, что Гоголь не удостоилъ отвѣта именно такое письмо. Какъ бы ни ошибался онъ, какія бы странныя мысли ни заключались въ его предисловіи ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ», но его обращеніе къ публикѣ съ просьбой о замѣчаніяхъ и поправкахъ выходило прямо изъ души и ни въ какомъ случаѣ не заслуживало глумленія. Тонъ и характеръ обращенія А. Д. Галахова къ Гоголю въ этомъ письмѣ могутъ быть объяснены и оправданы только недовѣріемъ къ искренности Гоголя, въ данномъ случаѣ теперь совершенно доказанной. Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее предупрежденіе: «Я заранѣе долженъ объявить вамъ, что замѣчанія мои должны принести только мнѣ пользу, не принеся вамъ ни малѣйшей»¹⁾.

Авторъ письма просить быть къ нему снисходительнымъ и не оставить его безъ отвѣта; а между тѣмъ какое же онъ имѣть право ожидать послѣдняго, когда сдѣланная имъ постановка вопроса безусловно несогласна съ смысломъ предисловія къ «Перепискѣ съ друзьями», которое имѣло цѣлью вызвать искренний и задушевный отвѣтъ, а вовсе не предполагало язвительного словопрѣнія. Къ чему нужны были затѣмъ эти колкости, которыми нашпиговано все письмо, не имѣвшее, конечно, ни малѣйшихъ шансовъ на отвѣтъ и потому въ сущности совершенно безцѣльное. А. Д. Галаховъ нѣсколько разъ позволяетъ себѣ въ письмѣ такія выраженія, какъ напр., что его замѣчанія не должны быть тайной, такъ какъ «и безъ этого много тайнъ на землѣ и на небѣ — отъ судьбы человѣка до нѣкоторыхъ предисловій» или «будьте ко мнѣ снисходительны: разоблачите передо мною мистеріи предисловія, объясните то, что обыкновеному уму непонятно». Выпишавъ извѣстныя строки предисловія, заключающія въ себѣ просьбу исправлять невольные промахи автора, Сто Одинъ фамильярно восклицаетъ: «Похвальное признаніе, рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей литературы!» и затѣмъ безбожно придирается: «но меня интересуетъ не признаніе, а непонятное въ этомъ признаніи. Если вы сами утверждаете, что многое изображенено въ вашей книгѣ не такъ, какъ есть: слѣдовательно, вы знаете, какъ оно есть. Сознавая противорѣчіе между тѣмъ, что вы написали о русской землѣ, и тѣмъ, что, дѣйствительно, въ ней происходитъ, вы, слѣдовательно, сознаны, въ чёмъ ваша ошибка и какова дѣйствительность; другими сло-

¹⁾ „Отечественные Записки“, 1847, № 2, отд. V, стр. 77.

вами, вы уже поправили свою ошибку. Что же дѣлать здѣсь другимъ? зачѣмъ поправлять поправленное?». Не говоря о томъ, что здѣсь каждая строка, каждое слово просится на возраженія, вездѣ сквозить желаніе обидѣть и дать первостепенному свѣтилу литературы уже совершенно не прошіenny урокъ, потому что совсѣмъ не такихъ уроковъ просилъ и ждалъ Гоголь. Къ чему далѣе укоризненное сравненіе ложнаго смиренія Гоголя съ истиннымъ смиреніемъ Сократа? Но совершенно ужъ неумѣстно такое глумленіе: «Я пойду дальше вашего смиренія: «маю жизни человѣка, чтобы узнать одному и двухсотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ». Остановимся на этой цифрѣ. Двѣста человѣкъ нужны для того, чтобы узнать всю Русь! Отъ двухсотъ человѣкъ надобно вамъ получить письма. Съ ужасомъ представляю себѣ ваше положеніе, когда вы принуждены будете читать столько мнѣній, сколько головъ трудились надъ ними. Вы на опытѣ узнаете сущность вавилонскаго столпотворенія!» и проч.

Вообще, чѣмъ дальше читаешь письмо, тѣмъ грустнѣе становится за то, что оно написано такой почтеннной личностью, какъ покойный А. Д. Галаховъ, и невольно вспоминаются слова Гоголя: «какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ такомъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ»¹⁾). И еще ужаснѣе, что въ данномъ случаѣ нужно даже отбросить послѣднюю оговорку въ виду несомнѣнныхъ и всѣми признанныхъ качествъ благородства и честности у автора разбираемаго письма. Вѣдь безпримѣрная суровость къ Гоголю Бѣланского искушается не только святостью убѣжденія, но и тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое съ другой стороны больше всего способно было вдохнуть чудную неувидаемую жизнь въ каждую строку гениальнаго критика!

Конечно, главной причиной того тона и характера письма, о которомъ мы говоримъ, было недовольство Галахова Гоголемъ за предполагаемую въ немъ измѣну прежнему направленію и отреченіе отъ своего литературнаго прошлаго; но есть разница между горячимъ негодованіемъ и холодной, оскорбительной придирчивостью. Правда, въ самомъ концѣ письмо Галахова касается весьма существеннаго и важнаго именно для Гоголя вопроса, объясняя, что слѣдуетъ всего болѣе бояться на свѣтѣ увлеченія гипотезами и неосновательными доктринаами; это дѣйствительно доброе слово совершенно теряется среди такихъ выходокъ, какъ напр.: «Вы ничему почти не учились: я вдвойнѣ ничему не учился. Я меньше, чѣмъ дикарь: я кандидатъ въ дикари. Я даже не

¹⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 88

ребенокъ, а только претендую на ребенка. Не смѣю думать, чтобы я не родился¹) и проч. Единственнымъ дѣльнымъ замѣчаніемъ въ письмѣ мы считаемъ слѣдующее: «Припомните разнохарактерныя сужденія по случаю первого представлениія «Ревизора», подслушанныя вами при разѣздѣ театральномъ; что вы поняли въ этой сумятицѣ одобреній и порицаній? что вы изъ нея вынесли—ничего, кромѣ критической статьи, въ которой судящіе были осмыслены, и вѣдь ихъ было очень немногого, несравненно меньше двухъ сотень, нужныхъ для совершенного познанія Россіи»²). Но и здѣсь есть портящая дѣло безцѣльная колкость въ язвительномъ упоминаніи о двухъ сотняхъ и ошибочное мнѣніе, что сужденія, воспроизведенныя въ «Театральномъ Разѣздѣ», были въ самомъ дѣлѣ подслушанныя, а не извлеченные изъ журнальныхъ критик.

Совершенно иное впечатлѣніе производить на читателя горькое раздумье Бѣлинскаго по поводу предисловія ко второму тому «Мертвыхъ Душъ» въ его замѣткѣ о второмъ изданіи поэмы: критикъ глубоко скорбѣть, находя въ немъ оправданіе своему опасенію за талантъ Гоголя, и его шутки проникнуты грустной ироніей: искреннее сожалѣніе обнаруживается также въ его сѣтованияхъ на парадоксы статьи «Объ Одиссѣѣ, переведомой Жуковскимъ», подавшей поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ со стороны одного бездарнаго писателя (барона Розена)³).

VII.

Самой курьезной статьей, вызванной «Перепиской съ друзьями», была статья барона Розена «Ссылка на мертвыхъ»⁴), авторъ которой никогда былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ и выражалъ удивленіе по поводу частыхъ ссылокъ на него въ книгѣ Гоголя; такія посмертныя ссылки представляются ему сомнительными и недостовѣрными. «Въ иныхъ мѣстахъ»—говорить баронъ Розенъ—«такъ и кажется, что мертвый Леонидъ сбрасываетъ съ себя вретища пѣвца «Мертвыхъ Душъ», осмыпанного пепломъ. Въ другихъ же мѣстахъ фригіецъ говорить на могилѣ Аякса: «Меня не выразумѣлъ никто кромѣ Аякса, который нарекъ меня единственнымъ пѣвцомъ русскихъ пошлостей—и онъ правъ: я дѣйствительно Гомеръ Терситовъ!»—И мертвый Аяксъ вскакиваетъ отъ ужаса, что подобное прозвище можно считать за по-

¹) „Отеч. Записки“, 1847, II, стр. 82.

²) Тамъ же, стр. 78—79.

³) „Соч. Бѣлинскаго“, т. XI, стр. 73.

⁴) „Сынъ Отечества“, 1847, № 6

четный титулъ¹⁾). По словамъ барона Розена, послѣдній часто бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о Гоголѣ и въ словахъ, приводимыхъ о Пушкинѣ въ «Перепискѣ», совершенно не узнаетъ его сужденій. Чтобы доказать и разъяснить свою мысль, авторъ статейки разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, которое состоялось въ 1829 г. благодаря посредничеству Шевырева, а затѣмъ сближеніе между ними основывалось на благосклонномъ отношеніи Пушкина къ критическому таланту барона. Пушкинъ высоко цѣнилъ его отзывъ о «Борисѣ Годуновѣ», остался однажды чрезвычайно доволенъ его поправкой въ третьемъ стихѣ его извѣстнаго четверостишия «Загадка», относящагося къ барону Дельвигу вмѣсто: «Кто, славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ»—«Кто, славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ», напечатаннаго въ Альманахѣ барона Розена «Царское Село», и вообще любилъ бесѣдовать съ нимъ о литературѣ, цѣнилъ его будто бы вѣрная замѣчанія, причемъ часто высказывалъ и самъ много остроумнаго и замѣчательнаго. Когда на вечерахъ у Жуковскаго Гоголь нерѣдко читалъ «Ревизора» въ присутствіи признанныхъ литераторовъ и избранной публики и всѣ слушали съ восхищеніемъ, одинъ только баронъ не находилъ въ пьесѣ никакихъ достоинствъ и слушалъ дотолѣ невнимательно, что это не скрылось отъ тонкаго, проницательнаго взгляда автора. Это обстоятельство, обратившее на себя вниманіе Гоголя, сдѣлалось извѣстно и Пушкину, который и спросилъ у Розена наединѣ о причинѣ такой странной холодности къ пьесѣ. Узнавъ мнѣніе барона, которое онъ выслушалъ внимательно, Пушкинъ ничего не возразилъ ему и только при прощаніи, по словамъ Розена, «обратился съ неожиданной, но меня уже нисколько ни поразившей просьбой»²⁾). Когда Пушкинъ помѣстилъ въ своею журналѣ «Носъ» Гоголя съ извѣстной оговоркой, то, по мнѣнію барона, будто бы «самая форма рекомендаций была проникнута какимъ-то мѣфистофельскимъ сатирическимъ духомъ», а на вопросъ барона объ этой оговоркѣ Пушкинъ будто бы отвѣтилъ, что ея требовала странность фарса, и увѣрялъ, что онъ отъ души смылсяся при чтеніи «Носа».

«Стало быть, достовѣрно, что этотъ «Носъ» смѣшилъ Пушкина», говорить Розенъ: «но какимъ чудомъ»—продолжаетъ онъ—«отвратительная безсмыслица могла смѣшить Пушкина?»³⁾). Затѣмъ Пушкинъ будто бы говорилъ: «le public a du bon sens!» и однажды промолвили: «mais en fait de goût assez souvent—ни гу-гу»; правда, у самого пересказчика не достало духу сказать, будто эти слова были сказаны ими.

¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

²⁾ Тамъ же, стр. 26.

³⁾ Стр. 27.

по поводу «Носа», но онъ весьма прозрачно намекаетъ на то, что Пушкинъ могъ то же думать и объ этой повѣсти. Вообще, по мнѣнію барона, Пушкинъ «относительно произведеній Гоголя мистифицировалъ публику и своихъ друзей, да и самого себя желалъ бы обмануть, если бы это было возможно при чистотѣ его вкуса, при неподкупности его критического чувства»¹). Въ виду всего этого, авторъ статьи и полагаетъ, что Пушкинъ не безъ задией мысли произвелъ Гоголя въ «пѣвцы пошлости». «Есть чѣмъ хвалиться! Кому охота развѣдывать пошлость пошлого человѣка», продолжаетъ подсмѣивать Розенъ.

Кстати позволимъ себѣ передать разсказъ Розена о встрѣчѣ съ Гоголемъ за-границей, именно въ Римѣ, о чѣмъ онъ сообщаетъ въ той же статьѣ «Сынъ на мертвыхъ». Баронъ Розенъ утверждаетъ, что встрѣча была случайная и что онъ не искалъ ея, будучи увѣренъ, что Гоголю были переданы его рѣзкія сужденія о «Ревизорѣ»; но когда они увидѣлись, то Гоголь, къ великому его удовольствію, ни однимъ словомъ не обмолвился о своей комедіи, а «далъ бесѣдѣ такую геніальную форму и такое глубокое содержаніе, изъ которыхъ посторонній наблюдатель могъ бы вывести заключеніе, что, послѣ Пушкина, изъ писателей нового поколѣнія, осталось въ Россіи только двое высиреянныхъ геніевъ, по своему объему едва-ли могущихъ помѣститься въ обширной Россіи—Гоголь и я», но --продолжаетъ баронъ Розенъ—«природа дала мнѣ здравый, трезвый умъ (?), который никогда не философствовалъ о моихъ достоинствахъ и умственныхъ способностяхъ, а скорѣе видѣлъ всегда то, чего мнѣ еще недостаетъ и что мнѣ надо пріобрѣсть»²). Когда появилась потомъ критическая статья барона Розена на письмо Гоголя объ «Одиссѣѣ, переводимой Жуковскимъ», то, по словамъ его, его всюду и вездѣ благодарили, такъ что онъ даже удивился, что «въ публикѣ было столько безгласно недовольныхъ Гоголемъ»³). Курьезно, что въ одномъ мѣстѣ своей статьи баронъ Розенъ недовѣро показываетъ свои карты, выражая досаду на Гоголя за то, что онъ не говорить о немъ въ статьѣ о лирическихъ поэтахъ, какъ равно о Бенедиктовѣ и Подолинскомъ, тогда какъ напротивъ Пушкинъ имѣлъ высокое мнѣніе объ его талантѣ. Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ однажды, въ «Отрывкахъ дневника», сказавши о томъ, что ни Кукольниѣ, ни Хомяковъ не напишутъ хорошей трагедіи, прибавляетъ: «баронъ Розенъ имѣть больше галантія»⁴).

¹) Стр. 28.

²) „Сынъ Отечества“, 1847, № 6, стр. 31.

³) Тамъ же, стр. 9.

⁴) „Соч. Пушк.“, изд. литературнаго фонда, т. V, стр. 204. О томъ же баронѣ Розенѣ, какъ о драматургѣ, см. исклестный отзывъ Ф. В. Булгакина въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“, 1840, I, „Панорамический взглядъ на современное состояніе театра въ С.-Петербургѣ“, стр. 20.

Возражая на эту статью, «*Отечественные Записки*» ядовито и мѣтко насмѣхаются надъ необыкновеннымъ самомнѣніемъ барона Розена, таѣ дерзко хвастающагося своей небывалой или во всякомъ случаѣ безбожно преувеличеннай «дружбой» съ Пушкинымъ и комически восхликающаго: «гомерический Гоголь, мой римскій меценатъ, — обо мнѣ промолчалъ!»¹⁾ «*Отечественные Записки*», впрочемъ, впадаютъ въ другую крайность, когда, возражая Розену, что будто ничего не стоитъ изображать пошлость пошлого человѣка, утверждаютъ напротивъ, что для этого Гоголю необходимо было уметь «ясно понимать жизнь, зоркимъ глазомъ проникать въ малѣйшіе ея изгибы, видѣть отчетливо каждое ея проявленіе и хорошо знать внутреннюю связь этихъ проявленій»²⁾. Истина по серединѣ: Гоголь, конечно, не могъ писать безсознательно и наоборотъ, но и «*Отеч. Записки*» вмѣстѣ съ другими представителями тогдашней натуральной школы впали въ невольное преувеличеніе, признавая въ немъ вполнѣ сознательное творчество и «умѣніе понимать и выставлять жизнь, какъ она есть», и это тѣмъ болѣе странно, что тутъ же рядомъ «*Отеч. Записки*» высказываютъ убѣжденіе въ томъ, что «если Пушкинъ замѣтилъ въ Гоголѣ только талантъ выставлять ярко пошлость жизни, то это потому, что онъ, Пушкинъ, еще не успѣлъ совершенно избавиться отъ тяготѣвшаго надъ его временемъ романтизма и вполнѣ сознавалъ принципъ естественности или, если угодно, натуральности въ литературѣ»³⁾.

Нестерпимое самомнѣніе барона Розена и его буржуазное, тупое самодовольство не напрасно были осмѣяны «*Отеч. Записками*»: эти качества такъ и бываютъ ключемъ, такъ и обдаются противно-удушливой волной, какъ только онъ берется за перо, для придиричивааго глумленія надъ другими и безстыднаго прославленія самого себя. Такъ, по поводу направленной противъ него статьи Шевырева въ 4 № «*Москвитянин*» за 1843 годъ (отд. критики, стр. 110), баронъ Розенъ отклоняетъ защиту послѣднимъ Гоголя, основанную на искаженіи одного мѣста въ статьѣ «Объ Одиссѣѣ, переведимой Жуковскимъ», которая послужила предметомъ спора, на томъ основаніи, что въ № «*Московскихъ Вѣдомостей*», гдѣ была напечатана статья, пропущено слово глубже въ выраженіи Гоголя: «нужно было наконецъ сдѣлаться глубже хри-

¹⁾ «*Отеч. Записки*», 1847 г., LIII, отд. 8, стр. 66.

²⁾ Тамъ же, стр. 66.

³⁾ Въ „Библіографіи литературы о Гоголѣ“, напечатанной С. И. Пономаревымъ, въ № VII „Извѣстій Историко-Филологического Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, выразилась небольшая неточность: указывая въ числѣ другихъ эту статью „*Отеч. Записокъ*“, С. И. Пономаревъ ошибочно называетъ ее: „Новое возраженіе Гоголю“, тогда какъ статья представляеть возраженіе не Гоголю, а барону Розену.

стяниномъ, дабы пріобрѣсть тотъ презирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть кромѣ христіанина¹). Слово это гдѣ ужѣ было, однако, на своемъ мѣстѣ, въ той же статьѣ, перепечатанной въ «Современникѣ». Остальное содержаніе статьи касается или столь же неважныхъ препирательствъ, которыя воспроизводить здѣсь было бы неумѣстно, или прямо вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ Гоголю. Похвальбы же барона Розена таковы: «вы взвели грѣшную небылицу на чудовѣка, жизнь котораго—чиста²), таъ чиста, что никто къ ней не придерется».

Особенно характерны слѣдующія слова барона Розена: «Несогласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ я подавно не пропустилъ бы драгоценнаго слова: глубже! Я ухватился за него, какъ за находку, потому что это слово подало бы еще большій поводъ къ насмѣшкѣ надъ Одиссеевской поэмой Гоголя».

VIII.

Гораздо болѣе содержательна и любопытна критическая статья кн. Вяземскаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», озаглавленная: «Языковъ и Гоголь». Она отличается обычными литературными достоинствами автора и привлекаетъ своей искренностью; но далеко не свободна отъ ошибокъ. Больше десяти лѣтъ передъ тѣмъ, какъ извѣстно, изъ-подъ пера того же автора вышла одна изъ лучшихъ критическихъ статей о «Ревизорѣ», но время шло и обстоятельства измѣнялись, и это невольно оставило свой отпечатокъ на нынѣшней статьѣ Вяземскаго. Прежде критикъ защищалъ Гоголя отъ недѣлыхъ придирокъ «Библіотеки для Чтенія» и «Сѣверной Пчелы»— и онъ былъ не только остроумъ и краснорѣчивъ, но и во всемъ безусловно правъ. Теперь же для Вяземскаго вопросъ о Гоголѣ и его «Перепискѣ» тѣсно связанъ прежде всего съ вопросомъ о порожденной послѣднимъ натуральной школѣ и съ «не-призванными и непризнанными» его журнальными поклонниками. Извѣстно, что, несмотря на то, что Вяземскій былъ, несомнѣнно, личность весьма живая и умная, онъ рано остановился въ своемъ движении впередъ и какъ бы застылъ на всегда на дорогихъ для него воспоминаніяхъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Критическая дѣятельность Бѣлинскаго была ему уже непонятна и противна. Съ Гоголемъ же князь

¹⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV.

²⁾ Курсивъ подлинника.

Вяземскій былъ хорошъ и близокъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, но, простишись съ нимъ въ 1836 году, онъ не вѣръ съ своимъ прежнимъ знакомымъ никакой переписки, и мы даже не знаемъ, встрѣчались ли они, хотя не надолго, во время неоднократныхъ проѣздовъ Гоголя черезъ Петербургъ. Какъ складывалось потомъ міросозерцаніе Гоголя и какія въ немъ произошли перемѣны, и отчего—все это оставалось для Вяземскаго совершенною тайною. Между тѣмъ все это получаетъ въ данномъ случаѣ важное значеніе, потому что критикъ говорить не только о самой книжѣ и не ограничивается ея разборомъ, но судить также и о внутреннемъ переломѣ въ Гоголѣ, о его отношеніи къ возникшій натуральной школѣ и проч. «Передомъ былъ нуженъ»—говорить Вяземскій,—«но, можетъ быть, не такой внезапный, крутой». Уже въ этихъ словахъ сказался человѣкъ, слишкомъ отдалившійся отъ Гоголя и вмѣстѣ съ другими поддерживавшій въ литературѣ ложное представление о ходѣ личнаго развитія нашего писателя. Гораздо ближе знать положеніе дѣла Шевыревъ, справедливо говорившій, что «мысли и начала, которыя Гоголь развиваетъ въ своей книжѣ, конечно, явились въ немъ не со вчерашняго дня, начались съ его болѣзни, а безсознательно всегда накапливались въ его душѣ и служили тайнымъ источникомъ для его вдохновеній. Теперь только сильнѣе поднялись они со дна души его, сильнѣе имъ восчувствованы и сознаны» и. проч. ¹⁾).

Ошибался также Вяземскій, когда, возмущаясь послѣдователями Гоголя, говорилъ, что «отдельный голосъ Гоголя имѣлъ прекрасное и полезное значеніе, но на бѣду сто голосовъ подтаянули ему, и все дѣло испортили» ²⁾). Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія. «Въ духовной нишѣ своей, многіе непризванные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единимъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ». Но что же дурнаго въ томъ, что «имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія»: развѣ это не естественно и не законно? Вообще во всемъ началѣ статьи о Гоголѣ мы встрѣчаемъ у Вяземскаго больше всего нападки по адресу Бѣлинскаго и его послѣдователей, причемъ авторъ упустилъ изъ виду, что едва-ли было послѣдовательно съ его стороны радоваться тому, что Гоголь торжественно разорвалъ съ частью своего прошлаго ³⁾), тогда какъ даже нельзя сказать, чтобы это прошлое не нравилось теперь критику, но онъ поддался искушенію излить свое раздраженіе противъ ненравившейся ему литературной партии, и, замѣчая самъ нѣкоторую недовѣрочность своихъ словъ, тутъ же дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «то-есть не столько своего собственнаго прошедшаго, сколько

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10.

²⁾ „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 313

³⁾ Тамъ же, стр. 319.

того, которое ему придали съ одной стороны безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой—многочисленные и неудачные подражатели¹⁾). Но вѣдь здѣсь не было же заговора, и, слѣдовательно, существовала такая-то тѣсная внутренняя связь между писательскою дѣятельностью Гоголя и тѣмъ, что она породила и произвела въ литературѣ. «Я былъ всегда того мнѣнія»—продолжаетъ Вяземскій,—«что Гоголь самъ по себѣ и самъ за себя дарованіе необыкновенное, что онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, во что хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ»; говорить объ этомъ мнѣніи нѣть нужды, такъ какъ теперь никто, конечно, не рѣшился бы вычеркнуть изъ исторіи нашей литературы созданную Гоголемъ натуральную школу.

Произвольно и по-своему толкуетъ Вяземскій и охлажденіе Гоголя къ его прежнимъ созданіямъ: тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно происходило отъ новыхъ плановъ и надеждъ, князь Вяземскій, вспомнивъ свой конекъ, воскликнѣлъ: «Я очень понимаю, что наконецъ Гоголю должны были опротивѣть и самое имя его, и творенія, имъ написанныя²⁾». У Вяземскаго не выходитъ изъ головы, что Гоголя «хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя³⁾», и онъ слишкомъ смѣло объясняетъ появление «Переписки» тѣмъ побужденіемъ, что, когда «идолопоклонство, котораго онъ сдѣлался цѣлью, показалось ему смѣшно, то съ благородной рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ⁴⁾». Но факты биографіи этого вовсе не подтверждаютъ, и ни изъ чего не видно, чтобы Гоголь когда-либо тяготился расточаемыми ему похвалами. Напротивъ, въ своемъ письмѣ къ Вяземскому Гоголь упрекнулъ его именно за то, что онъ «выразился сурово о нѣкоторыхъ нападателяхъ, особенно о тѣхъ, которые прежде его выхвалили» (см. «Русскій Архивъ», 1866). Г-нъ Барсуковъ, расхваливая книгу Гоголя, довольно послѣдовательно, осуждая приведенные строки письма Гоголя къ Вяземскому (Біогр. Погодина, VIII, 588).

Между тѣмъ всѣми указанными выше соображеніями опредѣляется отношеніе князя Вяземскаго къ книгѣ Гоголя: ему досадно на «шарлатановъ», которыхъ Гоголь попалъ въ руки, потому что имъ нужны «блестящіе ярлыки» и онъ больше всего радъ, что новая книга своимъ содержаніемъ и тономъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ литературы.

¹⁾ Тамъ же, стр. 313.

²⁾ Тамъ же, стр. 314.

³⁾ Стр. 315.

⁴⁾ Тамъ же.

Мы сказали, что кн. Вяземский недостаточно былъ знакомъ съ предшествовавшимъ появленію «Переписки» настроениемъ Гоголя¹⁾; но несомнѣнно, что если онъ такимъ образомъ выходилъ въ своей критикѣ совершенно изъ произвольныхъ соображеній и смотрѣлъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, то съ другой стороны мнѣнія изъ его словъ пришлись потомъ Гоголю по душѣ и даже имѣли значительное вліяніе на позднѣйшій складъ его мыслей. Такъ имѣнію глубоко запалъ Гоголю въ душу слова Вяземскаго о томъ, что «самая истинна, если хотѣть доходить до настѣ, должна подчинять себя иѣкоторымъ условіямъ соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости. шадить наше упрамство, наши слабости и дурныя привычки» и что «въ картинахъ есть тайны оптики, перспективы; соблюденіе этихъ тайнъ приводить въ стройность предметы и оттѣнки ихъ, уравновѣшивасть впечатлѣнія, тогда какъ въ твореніяхъ Гоголя, какъ, впрочемъ, ии сильно и ии глубоко въ немъ художественное начало, вообще замѣтить недостатокъ въ хозяйственной распорядительности, въ разит-щеніи, въ домостроительствѣ книжнаго зданія. Не лукавствуя передъ собою, прямо и смѣло взглядываясь въ душу свою и въ душу ближнимъ, онъ не довольно лукавствуетъ передъ зрителемъ, т. е. передъ читателемъ²⁾). Вотъ это-то убѣжденіе и стало теперь какъ бы программой мнѣній Гоголя, ни за что не желавшаго разстаться съ завѣтными убѣжденіями, съ которыми онъ сжился, безъ которыхъ уже не могъ себя представить; теперь въ словахъ Вяземскаго онъ услышалъ отвѣтъ на затаянныя и, можетъ быть, не совсѣмъ выяснившіяся для него самого мысли, а одно выраженіе Вяземскаго: «Странно присвоить себѣ право дѣлать надъ живымъ тѣломъ анатомическіе опыты³⁾» въ веъма близкой варіаціи было воспроизведено въ первыхъ строкахъ «Авторской Исповѣди».

Переходя къ самому разбору книги, кн. Вяземскій совершенно спра-ведливо защищаетъ ея искренность и высоту нравственныхъ побужде-ній автора. Въ наши дни тѣ же мысли вновь развивалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ⁴⁾» г. Волынскій; но, во-первыхъ, дѣло далеко не состоится въ одномъ вопросѣ о чистотѣ намѣреній Гоголя, которая дѣйствительно не

¹⁾ Кн. Вяземскій по слухамъ также зналъ заранѣе о какихъ-то происхо-дящихъ въ Гоголѣ перемѣнахъ, но слишкомъ недостаточно и не изъ первыхъ источниковъ. Онъ говорилъ: «Уже за иѣсколько лѣтъ началось въ немъ ду-ховное преображеніе. Объ этомъ знали только иѣкоторые приятели, поклони-ные его сердечныхъ исповѣдей. Для нихъ и появление книги Гоголя совер-шеніе ожиданного событія». (т. II, стр. 320).

²⁾ „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 318.

³⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 241.

⁴⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, 1893, т. I.

подлежитъ сомнѣнію, а во-вторыхъ, кн. Вяземскій и тутъ постоянно сбивается съ настоящей дороги, признавая Гоголя правымъ въ томъ, что онъ, повинуясь свойствамъ своего таланта, рисовалъ пошлыхъ людей, но въ то же время прибавляя, что дурно дѣлали послѣдователи и подражатели Гоголя, что пошли по той же дорогѣ. Это движение князю-критику хотѣлось бы во что бы то ни стало остановить, и онъ спѣшилъ увѣрить, что послѣ Гоголя «не осталось ни одного живаго зерна» на этомъ полѣ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ такъ негодуетъ, чего боится, о чёмъ беспокоятся? Между тѣмъ кн. Вяземскій единственный грѣхъ Гоголя видѣть вѣдь въ томъ, что «онъ первый «Мертвыми Душами» далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, жалчай и, между тѣмъ, мелко-придирчивой»¹⁾). Весьма характерно здесь, что кн. Вяземскій косился на «Мертвые Души» и воскурять ею-мимъ «Черепискѣ! Вообще же кн. Вяземскій, а за нимъ и г. Волынскій говорятъ очень много справедливаго въ оправданіе Гоголя съ нравственной стороны, но оба они забываютъ, что это совсѣмъ не возраженіе противной сторонѣ. Такъ, кн. Вяземскій соглашается, что Гоголь сказалъ много лишняго въ статьѣ объ «Одиссѣї, переводимой Жуковскимъ», что «авторъ слишкомъ далеко заносится въ область благонамѣренныхъ мечтаній, и что тутъ воображеніе критика строить воздушные замки и срываетъ золотыя яблоки съ небывалыхъ деревъ». Но вѣдь это-то именно и говорили другіе, и то обстоятельство, что увлече-ніе вышло изъ доброго источника, ни на йоту не менѣяетъ сущности дѣла. То же самое можно повторить о сужденіяхъ Вяземскаго въ другихъ случаяхъ: о «Русскомъ помѣщикѣ», «Сельскомъ судѣ и расправѣ», о «Женщинахъ въ свѣтѣ». Такія мнѣнія не нужно опровергать: достаточно только сказать, что не въ этомъ дѣло. А съ этими словами Вяземскаго противной сторонѣ: «Гоголь только тѣмъ передъ вами и виноватъ, что вы не такъ мыслите, какъ онъ», можно даже совершенно согла-ситься, ибо искренность Гоголя была дѣйствительно заподозрѣна на-прасно, но вѣдь и Чернышевскій только немного иначе формулироваль-ту же мысль, что Гоголь «читалъ не тѣ книги, какія нужно».

Прибавимъ, что кн. Вяземскій во всякомъ случаѣ оказался на сто-ронѣ Гоголя въ значительной степени въ виду полемическихъ сообра-женій, но онъ самъ говорилъ: «если спросить меня: хочу ли, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежніе пути свои и шелъ исключительно по новому, который онъ проложилъ послѣднюю книгою своей? скажу, не запинаясь: нѣтъ, я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголемъ и нынѣш-нимъ можетъ послѣдовать и послѣдуетъ прекрасная сѣлка, полезная, мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка; теперь умѣрить и

¹⁾) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 329.

умирить въ себѣ автора¹). Прекрасное желаніе, но, къ сожалѣнію, показывающее, что взаимное пониманіе и сочувствіе Гоголя и кн. Вяземскаго было теперь только мнимое, что Вяземскій не имѣлъ вѣрного и яснаго представленія о томъ, что совершилось тогда въ душѣ Гоголя, и что онъ невольно наталкивалъ его своими словами совсѣмъ не на тотъ путь, на какой желалъ натолкнуть. Есть еще и другое доказательство этого: кн. Вяземскій совершенно въ разрѣзъ съ убѣждѣніями Гоголя утверждаетъ, «что въ «Мертвыхъ Душахъ» казалось Гоголю очень натурально сложить въ одну часть всю домашнюю черноту человѣка, весь хламъ и нечистоту общества, предоставляя себѣ въ послѣдующихъ частяхъ ввести читателя въ свѣтлые и праздничные покон. Подобное распределеніе грызти и противъ художественности, и противъ нравственной истины²). Здѣсь, защищая Гоголя, кн. Вяземскій нападаетъ именно на самую задушевную его мысль. Оттого и самъ Гоголь остался недоволенъ статьей кн. Вяземскаго³).

XI.

Что касается позднѣйшей критики Вяземскаго, то въ ней много справедливаго и особенно любопытно замѣчаніе объ отношеніяхъ къ Гоголю Жуковскаго и Пушкина, которыхъ здѣсь обрисованы очень вѣрно и замѣчательно согласно съ недавно напечатанными «Записками А. О. Смирновой⁴); но Вяземскій, говоря, что Гоголь самъ не думалъ стать во главѣ писателей, которые возбуждаютъ соціальные и политическіе вопросы и что его на это положеніе натолкнули, безусловно не правъ: на это положеніе натолкнули его не извѣнѣ, а именно особенности его таланта и призванія, и вотъ это-то именемъ осталось непонятнымъ Вяземскому до конца. Въ виду этого нельзя не признать безусловно справедливой слѣдующую поправку, сдѣланную въ статьѣ его г. Бр. Иск. въ 107 № «Сѣверной Пчолы» за 1847 г.; вотъ что замѣчаетъ этотъ критикъ: «Книга ваша нужна», говоритъ кн. Вяземскій, «потому что Гоголь былъ обязанъ разорвать съ частью того прошедшаго, которое придали ему его поклонники и подражатели. Но Гоголь нигдѣ этого не сдѣлалъ. Онъ просто признается безполезность и плохую отдачу прежнихъ сочиненій. Почему онъ пи-

¹) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 328.²) Тамъ же, стр. 318.³) Тамъ же, стр. 334.⁴) См. „Сѣв. Вѣстникъ“, 1893 г.

саль безполезныя книги? Этого онъ нигдѣ не объясняетъ. Почему плохо отѣльвать ихъ? Въ этомъ винить друзей своихъ, но не поклонниковъ и подражателей». «Какая странная мода завелась теперь на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а торопитъ... Чуть замѣтить, что хоть одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ. («Переписка», стр. 148 и 149). Кажется, ясно? Хвалители и подражатели Гоголя ни мало не торопили его¹). Затѣмъ столь же справедливо указывается, что Гоголь приписывалъ совершившійся въ немъ крутой поворотъ тому, что онъ видѣлъ передъ собою смерть, и поклонники тутъ ни въ чёмъ не виноваты²).

Но затѣмъ авторъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» повторяетъ грубыя ошибки своей газеты; такъ, соглашаясь съ кн. Вяземскимъ въ томъ, что будто бы справедливо все сказанное имъ о натуральной школѣ, онъ придаетъ совершенно иной смыслъ известнымъ словамъ Пушкина, что никто не умѣеть такъ ярко выставлять пошиаго человѣка, какъ Гоголь, придавая этому отзыву искаженный и далеко не лестный для Гоголя смыслъ и настаивая на излюбленномъ газетой сравненіи Гоголя съ Полльде-Кокомъ. На замѣчаніе кн. Вяземского, что Гоголь ничему не научился у своихъ хулиговъ, г. Бр. Иск., злоупотребляя аскетическими смиреніемъ нашего писателя, приводить собственные его слова: «въ критикахъ Булгарина, Сенковского и Полеваго есть мнѣо справедливаго, начинай даже съ данного мнѣа совѣта поучиться прежде русской грамотѣ». Затѣмъ критикъ дѣлаетъ иѣкоторыя замѣчанія объ отдѣльныхъ письмахъ Гоголя, которыя сводятся большою частью къ тому, что многое въ нихъ не ново, а другое не справедливо.

X.

Замѣчательно также письмо къ Вяземскому П. Я. Чаадаева, все по поводу той же статьи: «Языковъ и Гоголь». Письмо это можетъ быть раздѣлено на двѣ части: первая была написана раньше,—а вторая

¹) „Сѣверная Пчела“, 1847, № 107, стр. 427.

²) Так же, возражая кн. Вяземскому, что о духовномъ преобразованіи Гоголя до выхода его книги знали только немногие изъ его приятелей, „Сѣверная Пчела“ возражаетъ: „Нѣть, тутъ искажено дѣло: первому въ Гоголѣ знала читающая публика, и появленіе книги никого не удивило. Не знали, какія именно статьи въ ней будутъ, но подозревали уже ихъ духъ, ихъ направление. Статья объ „Одиссеѣ“ позмѣнила тайнѣ Гоголя и друзей его“ („Сѣверная Пчела“, 1847, № 107, стр. 427).

послѣ прочтевія «Переписки». Сначала Чадаевъ говорить о всеобщемъ бурномъ негодованіи, которое возбудилъ противъ себя своей книгой Гоголь. Все зло приписываетъ необдуманнымъ и неумѣреннымъ похваламъ, сбившимъ писателя съ его настоящей дороги и заставившимъ его вообразить себя чуть не пророкомъ. Вообще въ паденіи Гоголя онъ видитъ слѣдствіе печальной ошибки славянофиловъ: «Какъ вы хотите, чтобы въ наше надменное время, напыщенное народною спѣстью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобы голова у него не закружилась. Это просто не возможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшемъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то, само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ»¹⁾). Нашелся крошечный наставникъ—и вотъ его значеніе раздуто до невѣроятія. Замѣтимъ, что по недоразумѣнію К. Аксаковъ ту же ошибку Гоголя приписывалъ вліянію на него запада, тѣмъ странамъ, въ которыхъ Гоголь прожилъ столько лѣтъ. Та же мысль проводится и въ письмахъ Н. Ф. Павлова, первоначально напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г.

Такова основная мысль первой половины письма; во второй высказывается напротивъ согласіе съ ки. Вяземскимъ, что переворотъ въ Гоголѣ былъ необходимъ, и выражается чувство искренняго и горькаго сожалѣнія по поводу тѣхъ упрековъ и порицаній, которые со всѣхъ сторонъ сыпались на Гоголя. «Ему какъ будто не хотѣть простить, что, веселившя настъолько времени своей умною шуткой, ему разъ вздумалось поговорить съ нами не смѣясь, что съ нимъ случилось то, что ежедневно случается въ кругу обыкновенной жизни съ людьми, менѣе извѣстными, и онъ осмѣялся намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычая писателей, питающихъ сознаніе своего значенія...»²⁾). И далѣе: «Вы одни относитесь съ любовью къ книгѣ и къ автору: спасибо вамъ! Девъ ото дня источникъ любви у настъ болѣе и болѣе иссякаетъ, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ печатномъ! И такъ, спасибо вамъ еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую на любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что пересталъ настъ тѣшить и, съ чувствомъ скорби и убѣжденія, исповѣдуется передъ нами и ста-

¹⁾ „Московский Благородный Пансионъ“ Сушкина, 2 отд., прилож., стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

рается, по силамъ, сказать намъ доброе и поучительное слово¹⁾). Здѣсь, очевидно, въ Чаадаевѣ говорило прежде всего чувство хорошаго и благороднаго человѣка, откликнувшагося всей душой на такое же чувство, обнаруженное, по поводу толковъ о «Перепискѣ», другимъ, не менѣе благороднымъ и хорошимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе это письмо не имѣть, по нашему мнѣнію, никакого серьезнаго критическаго значенія.

XI.

Такимъ образомъ почти всѣ не только крупные, но и мелкіе органы периодической печати такъ или иначе успѣли высказаться о «Перепискѣ съ друзьями», а нѣкоторые даже не однажды—и только одинъ «Москвитянинъ», нѣкогда спѣшившій обыкновенно заранѣе объявлять о каждой литературной новинкѣ, только-что вышедшей изъ-подъ пера Гоголя, а часто даже и не приготовленной еще къ печати, занялъ теперь выжидательную позицію и хранилъ упорное молчаніе. Хотя по возобновлѣніи «Москвитянина» въ 1847 г. начался уже второй періодъ существованія этого журнала, но въ послѣдніе сороковые годы ничего еще почти не измѣнилось въ немъ и изданіемъ по-прежнему продолжали пока завѣдывать Погодинъ и Шевыревъ, какъ известно, принужденные вскорѣ теченіемъ обстоятельствъ передать дѣло «молодой редакціи».

Чѣмъ же объяснить молчаніе людей, считавшихся въ литературѣ наиболѣе близкими къ Гоголю и, безъ сомнѣнія, вдвойнѣ заинтересованныхъ его книгой? Мы знаемъ изъ косвенныхъ источниковъ, какъ напр. изъ сочиненія Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»,—что въ кругахъ близкихъ къ издателямъ «Москвитянина» книга Гоголя возбудила такое же сильное волненіе, какъ и вообще во всей литературѣ и въ обществѣ, а самъ С. Т. Аксаковъ кипѣлъ бурнымъ негодованіемъ противъ гоголевскаго мистицизма и предчувствуя паденіе такъ горячо цѣннаго могущественнаго таланта; наконецъ онъ именно одинъ изъ первыхъ вывелъ несправедливое заключеніе о томъ, что будто бы Гоголь отрекается отъ искусства и прежней своей литературной дѣятельности²⁾). Аксаковъ даже подыскалъ, но неудачно,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Подробное изложеніе мнѣній о „Перепискѣ“ семейства Аксаковыхъ см. въ книгѣ Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VIII. Мѣнѣ Ю. Ф. Самарина известно намъ лишь по слѣд. срокамъ письма И. С. Аксакова отцу отъ 1 февр. 1847 г.: „Осторожный Самаринъ, не имѣя еще свѣдѣній, какого мнѣнія о книгѣ Гоголя Александра Осиповна (Смирнова), пишеть о книгѣ чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого рѣшительного приговора, однако же видно, что онъ ею недоволенъ“ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 417).

причину гибели Гоголя: «О, недобрый былъ тотъ часъ и день», — говорил онъ, — «когда вы вздумали бѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій» (?). «Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственного ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанско смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходить безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствие есть уже бѣгство, измѣна ему» ¹⁾). Въ этихъ строкахъ Аксаковъ очень наивно проговорился, что не онъ и, конечно, не Шевыревъ и вся вообще ихъ клика принадлежали къ числу настоящихъ друзей Гоголя, а кто-то еще, о комъ въ кружбѣ таѣ называемыхъ московскихъ «друзей» говорили и вспоминали съ желчью и съ иѣкоторымъ отвѣткомъ зависти. Кто же были эти другие друзья, эти Маниловы, — это мы узнаемъ какъ изъ дальнѣйшей переписки самого С. Т. Аксакова съ Гоголемъ, такъ и изъ раздражительныхъ словъ К. С. Аксакова: «знакомство съ Смирновой, воспитанницей вашей, еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ» ²⁾). Въ серединѣ письма К. С. Аксаковъ повторяетъ мысли: уже годомъ раньше, какъ мы видѣли, высказанныя Гоголю его отцомъ, «Какъ могло случиться, что вы, Николай Васильевичъ, человѣкъ русский, такъ не понимаете, такъ не предполагаете русского народа; что вы, столько искренній въ своихъ произведеніяхъ, стали такъ глубоко не искренни? Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были вѣселя, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете, что ничего не значитъ для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится?.. «Книгу вашу», торжественно провозглашаетъ нашъ энтузиастъ свою анаему, — «считаю полнымъ выражениемъ всего зла, охватившаго васъ на западѣ» (!) Вы имѣли дѣло съ западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и дожь его проникла въ васъ» ³⁾.

Все это очень комично особенно въ виду совершенной неповинности Гоголя не только въ чрезмѣрномъ зараженіи западомъ, но даже и въ сколько-нибудь достаточномъ усвоеніи западныхъ идей; но для насъ важно собственно потому, что эти и подобныя имъ сужденія и толки

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 164.

²⁾ Тамъ же, стр. 153.

³⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, I, стр. 135.

не могли бы быть неизвестны издателямъ «Москвитянина», которые хорошо знали, что «въ Москвѣ не было вечерней бесѣды, разумѣется, въ тѣхъ кругахъ, куда проникаетъ мысль и литература, гдѣ бы не токовали о «Перепискѣ», не раздавались бы жаркие споры, не читались бы изъ нея отрывки»¹). Равно и въ семействѣ Аксаковыхъ не могли не вѣдать о сужденіяхъ Погодина и Шевырева. Положимъ, что Погодинъ былъ забытъ и оскорбленье «Перепиской», такъ что Шевыревъ о немъ рассказывалъ С. Т. Аксакову, что онъ даже горько плакалъ²); но странно и очень жаль, что о мнѣніяхъ Шевырева никогда не упоминается въ разсказѣ С. Т. Аксакова, а въ перепискѣ Гоголя съ Шевыревымъ, главнымъ образомъ, идетъ рѣчь объ оскорблѣніи Погодина и о необходимости передъ нимъ извиниться. Итакъ, повидимому, прямо относящихся къ дѣлу для разрѣшенія занимающаго насть вопроса данныхъ немного. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи открываются весьма любопытныя соображенія.

Вѣроятно, читатели согласятся съ нами, что нельзя же считать исключительной причиной молчанія «Москвитянина» о книгѣ Гоголя обиду, причиненную имъ одному изъ издателей. Кажется, необходимо признать также, что многое изъ того, что составило потомъ содержаніе статьи Шевырева, далеко не сразу выяснилось для самого автора, а тѣль какъ весь главный материалъ для нея могъ возникнуть лишь постепенно и нескоро, какъ это мы сейчасъ увидимъ, то и нельзя сомнѣваться, что критикъ чувствовалъ себя въ данномъ случаѣ просто не готовымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей первой половины 1847 г. Были ли у Шевырева совершенно опредѣленные взгляды на «Переписку» съ самого начала, какъ напримѣръ у Аксаковыхъ, мы этого ни изъ чего не видимъ, но имѣемъ наоборотъ явныхъ доказательства противнаго. Не имѣя подъ руками его подлинныхъ писемъ, мы, конечно, много теряемъ; но изъ отвѣтнаго письма Гоголя къ Шевыреву отъ 10 марта 1847 г. получаемъ некоторую возможность дѣлать заключенія о томъ, что было сказано Гоголю въ предыдущемъ письмѣ Шевыревымъ. Такъ мы узнаемъ, что, во-первыхъ, Шевыревъ сердился на Гоголя за темноту многихъ его словъ и выражений³) и что онъ нашелъ въ «Перепискѣ» слѣды состоянія переходнаго⁴); наконецъ,—что Шевыревъ также принадлежалъ къ числу людей, принявшихъ, по выражению Гоголя, книгу его себѣ за оплеуху,—потому, конечно, что имъ близка была честь друга. Шевыревъ, какъ видно, также не особенно

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1848, № 1, отдѣлъ критики, стр. 1.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, стр. 163.

³⁾ „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 353.

⁴⁾ Т. VI, стр. 351—352.

одобряль появленіе книги, такъ что Гоголь долженъ быть оправдываться: «Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои «Мертвыя Души» вышли то, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть »). Слѣдующее письмо къ Шевыреву во многомъ представляетъ только повтореніе прежняго, но любопытно одно замѣчаніе, доказывающее, что Шевыревъ (это видно впрочемъ изъ обоихъ писемъ Гоголя), дѣлая своему другу кое-какіе упреки, въ то же время иногда попадаетъ ему отчасти и въ тонъ («Слова твои о томъ, какъ черта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями» ¹⁾). Но особенно важно, что Гоголь назидаетъ здѣсь Шевырева: «Я не могу понять, отчего поселилась эта нѣтпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, было увидѣть хотя нѣкоторыя страданія, какія я долженъ быть выносить изъ любви къ искусству, желая себя приволить и принудить писать и создавать тогда, когда я не въ силахъ быть,—когда изъ самаго предисловія моего ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ» видно, какъ я занять одною и тою же мыслью и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыхъ мнѣ нужны для моего труда» ²⁾). Эти строки вдохновили Шевырева, который, посмѣтившись надъ недогадливостью «Отеч. Записокъ», теперь развязно заявляетъ: «Первый важный вопросъ при разборѣ «Переписки» касается того: имѣть ли она связь со всѣмъ предыдущимъ поприщемъ его (Гоголя), или представляетъ совершенный разрывъ съ нимъ? Не даетъ ли она ключа къ разгадкѣ предшествовавшихъ его произведеній, или, на противъ, отрицаетъ ихъ вовсе?» А затѣмъ слѣдуетъ развязное объясненіе: «Нѣкоторыя слова самого Гоголя подали поводъ не только недоброжелателямъ, но даже одному достойному приверженцу его таланта и новой книги, увлечься слишкомъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. Иные даже сочли Гоголя совершенно погибшимъ для искусства и видѣть въ его книгѣ полное отреченіе отъ него» ³⁾). Но еще увѣренѣе говорить теперь Шевыревъ на слѣдующей страницѣ: «Что касается до того, что Гоголь будто бы отказывается отъ искусства, то подобная мысль могла возникнуть только у тѣхъ, которые слегка прочли его книгу и не обняли всего ея содержанія» ⁴⁾).

Итакъ Шевыревъ именно обнялъ содержаніе книги! Къ сожалѣнію, намъ извѣстно документально, что если онъ и обнялъ содержаніе

¹⁾ Стр. 353.

²⁾ Т. VI, стр. 376.

³⁾ Т. VI, стр. 375.

⁴⁾ „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 1.

⁵⁾ „Русск. Архивъ“, 1890 г., II, 286.

«Переписки съ друзьями», то, во-первыхъ, не сразу и, что еще важнѣе не самостоятельно, а уже послѣ того, какъ на него оказали замѣтное вліяніе взгляды другихъ лицъ. Такимъ образомъ похвальба Шевырева оказывается крайне комическимъ. Любопытно, напр., что С. Т. Аксаковъ 16 января 1847 г. писалъ своему сыну Ивану Сергеевичу: «Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его. Шевыревъ даже хочетъ напечатать безпощадный разборъ его книги». («Русск. Архивъ», 1890, VIII, 163). Между тѣмъ кн. П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: «Наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣльбы баринъ на крестьянина человѣка, который въ домѣ его занималъ чѣсто сказочника и потѣшика и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи... Сказываютъ, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда былъ того мнѣнія, что вы, Хомяковъ и другие слишкомъ преувеличивали достопиство Гоголя (?!!), придавали ему произвольное значение, которое было ему не въ мѣру (?!!), и такимъ образомъ производило вредное дѣйствіе и на общее мнѣніе, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы не правы, если не сочувствуете книгѣ его. Разумѣется, въ ней много странностей, излишествъ, натаежекъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ (?!!) его, въ которыхъ вы видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ болѣзнякъ: былъ таковымъ прежде, каковъ нынѣ» («Русск. Арх.», 1884, № 6, стр. 311). Такой отзывъ критика не нуждается въ подробномъ разборѣ: кто же теперь согласится, что въ «Перепискѣ съ друзьями» столько же «странностей, излишествъ и натаежекъ», какъ и въ прежнихъ, т. е. лучшихъ созданіяхъ Гоголя. Но слѣды вліянія словъ Вяземскаго на будущую статью Шевырева не подлежатъ сомнѣнію.

Любопытно, что только послѣ известныхъ намъ писемъ Шевыревъ рѣшился писать критику, и Гоголь даетъ ему дальнѣйшія указанія, между прочимъ, что сказать въ насыщку надъ придирчивой и враждебной ему критикой Н. Ф. Павлова. Послѣдній писалъ Гоголю: «Не беру на себя обязанности наставника и просвѣтителя; пишу затѣмъ, чтобы прийти опять въ нормальное положеніе, въ какомъ находился я до изданія вашей книги». И вотъ по поводу этихъ словъ Гоголь пишетъ Шевыреву: «Для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что писать письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то сакнное чувство, въ какомъ онъ былъ передъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего неѣть нового, а что и есть нового, то ложь) сбила, однаждо, его совершенно съ прежнаго его положенія (какъ онъ называетъ) иormalnагo. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видѣть теперь, что этотъ возвратъ уже для него не воз-

можеъ и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ «Трехъ послѣднихъ повѣстяхъ»: пожалуйста этого явленія не пропусти изъ виду, когда восчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги»¹⁾.

Но Шевыревъ этого вопроса не коснулся въ своей критикѣ. За то онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду вполнѣ, конечно, законную просьбу Гоголя: «Когда будешь писать критику, то обрати вниманіе на главные предметы книги, о которыхъ разсужденія только и могутъ доставить пользу обществу»²⁾). Прежде всего здѣсь разумѣется, конечно, вопросъ, который Гоголь въ другомъ своемъ письмѣ признаетъ «всеобщимъ»³⁾), о томъ, оставилъ ли онъ поприще писателя и измѣнилъ ли направление. Этотъ вопросъ и рассматривается прежде всего Шевыревымъ, тогда какъ остальное содержаніе статьи его, кроме полемической части, посвящено вопросу о томъ, насколько Гоголь успѣлъ изобразить въ своихъ произведеніяхъ русскаго человѣка и какіе у него идеалы. Шевыревъ доказываетъ,— и на этотъ разъ онъ правъ—что рѣшительно заблуждались нѣкоторые изъ представителей критики, полагавши, что Гоголь смотрѣлъ тѣми же глазами на искусство, какъ и они. Въ этомъ авторъ рецензіи видитъ «наказаніе школы, которую Гоголь произвелъ самъ, конечно, не воображая, что она родится и выведеть отъ него свою родословную»⁴⁾). Справедливо также, но только отчасти, и другое замѣчаніе, сдѣланное по тому же поводу, именно, что указанное обстоятельство было причиной того, что «Гоголь поторопился открыть поскорѣ тайну своихъ внутреннихъ убѣжденийъ въ коренныхъ началахъ жизни русскаго народа, чтобы навсегда разорвать свои связи съ тѣми, которые добровольно навязывали ему себя, вовсе того не понимая»⁵⁾). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Шевыревъ высказываетъся въ томъ же смыслѣ чрезвычайно удачно и вѣрно, но, повидимому, какъ это ни странно, не желая придавать своимъ словамъ того значенія, которое они нечаянно у него получаются; такъ, онъ говоритъ: «Новая книга Гоголя разоблачила намъ тайну его убѣжденийъ, которая онъ прежде питалъ безсознательно и которая теперь высказываетъ искренно»⁶⁾.

Изъ другихъ мыслей, высказанныхъ Гоголю Шевыревымъ и повторенныхъ послѣднимъ въ его критикѣ, укажемъ слѣдующую. Въ письмѣ

¹⁾ „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 401.

²⁾ Тамъ же, стр. 401—402.

³⁾ Стр. 411.

⁴⁾ „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 28.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 12.

отъ 2 декабря 1847 г. Гоголь говорить: «Если нынѣшняя моя книга «Переписка» (по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ) способна распространить ложь и безнравственность, и имѣть свойство увлечь, то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ «Перепискѣ». Тамъ можно было разбирать меня въ пухъ и Павлову, и барону Розену, а здѣсь врядъ ли и Павловымъ, и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣздникамъ будетъ подъ силу со мной потягаться»¹). И такъ теперь Гоголь главную ошибку свою видѣлъ въ томъ, что онъ для проявленія въ общество своихъ мыслей не воспользовался столь привычной и послушной ему формой литературного изложения. Это же передаетъ и Шевыревъ: «Великій недостатокъ въ томъ, что все это» (т. е. существенное содержаніе «Переписки») выразилось не въ художественной формѣ, а въ видѣ поучительныхъ писемъ и размышленій: должно предположить, что сила творческая стала втупикъ передъ величіемъ задачи, или лучше, задача искусства столкнулась съ задачей дѣятельной жизни, передъ которой первая должна была покинуть. Вотъ почему вѣроятно, и второй томъ «Мертвыхъ Душъ» полетѣлъ въ огонь»²).

Важѣйшую часть статьи, какъ мы упоминали, составляютъ доказательства Шевырева, что Гоголь посвятилъ свое творчество преимущественно выясненію высокаго назначенія русскаго народа. Развивая эту мысль, критикъ утверждаетъ, что такова же была цѣль его прежде, но что этого не поняли его поклонники. Въ виду того, что къ послѣднимъ принадлежали преимущественно западники, Шевыревъ старается поставить на видъ, что Гоголь потому именно и смѣялся надъ пошлостями русскаго человѣка, что глубоко чувствовалъ его особое, высшее назначеніе. Въ доказательство Шевыревъ приводитъ слова Гоголя, что сатирические писатели «носили въ своей душѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка, а носить въ себѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка» — продолжаетъ онъ — «нельзя, не признавая въ немъ тѣхъ данныхыхъ, въ которыхъ заключается условіе возможности олицетворить этотъ идеалъ»³). Въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ при передачѣ мыслей, надо, впрочемъ, думать, Шевыревъ прибѣгаєтъ къ натяжкамъ и притомъ едва ли не навязываетъ Гоголю просто свои собственные сужденія, а однажды даже прямо и явно старается дополнить отъ себя недостающее, по его мнѣнію, у Гоголя. Согласно съ Аксаковыми, онъ полагаетъ, что Гоголь сдѣлалъ упущеніе, живя за-границей; иначе онъ бы замѣтилъ,

¹) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 431.

²) „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 12.

³) Тамъ же, стр. 13.

конечно, какъ развилось у насъ хвастовство совершенно иного рода, нежели желаніе поставить свои достоинства напоказъ и сказать Европѣ: «смотрите, нѣмцы, мы лучше васъ»; «хвастовство своей отдельной личностью на счетъ всего народа, который ни въ гротѣ ставить»¹⁾). Но здѣсь уже явно подмѣняется мысль, ограничивающая крайности славянофильства другою, направленною напротивъ,—на западниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ статьи Шевыревъ, въ упрекъ западникамъ, говорить вообще объ ихъ преклоненіи передъ личностью и замѣчаетъ, что они хотя «вопіютъ о личности, всего менѣе сознаютъ на дѣлѣ» и что «Гоголь ошибся въ своемъ расчетѣ и въ этомъ случаѣ поступилъ подъ вліяніемъ слишкомъ западнаго образа мыслей»²⁾), т. е. Гоголь разсчитывалъ пользоваться тѣми правами, которыя безусловно призналъ за пользующимся славой писателемъ на западѣ, и не ожидалъ, что его лишать этого неотъемлемо принадлежащаго ему права. Все это, конечно, показываетъ, что, исполняя завѣтъ Гоголя обратить вниманіе на главные предметы книги, Шевыревъ понялъ по-своему и то-и-дѣло упомянутое изъ виду значеніе послѣдняго слова, и вмѣсто того пуская въ ходъ свои собственные коньки. Зато Шевыревъ говорилъ совершенно въ духѣ цѣляхъ Гоголя, когда указывалъ на то, что «нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ о своихъ «Мертвыхъ Душахъ»—и изъ этихъ подробностей мы можемъ видѣть, какъ планъ ихъ ясенъ въ его воображеніи и что даже готовы слова нѣкоторыхъ лицъ и въ третьемъ томѣ. Шевыревъ, очевидно, имѣлъ въ виду здѣсь какія-то предполагаемыя слова Плюшкина въ 3-емъ томѣ³⁾), а также—что до сихъ Гоголь переносилъ въ искусство одну только пошлую, или, назовемъ точнѣе, одну неразумную сторону русской жизни и представлялъ намъ русскаго человѣка съ пользо-обхватомъ, и то спиной или изнанкой»⁴⁾), но что теперь ему предстоитъ иная задача⁵⁾). Неудачу Гоголя относительно втораго тома онъ не брался объяснить и вмѣсто того предлагалъ рядъ вопросовъ, напр. «какъ объяснить, почему послѣ Пушкина суждено было комику быть представителемъ нашей поэзіи? Почему онъ доходить до увѣренности,

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

³⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 73.

⁴⁾ „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10.

⁵⁾ Что эти задачи по спасамъ Гоголю, Шевыревъ доказывалъ малороссийскими повѣстями (изъ которыхъ, впрочемъ, слѣдовало указать лишь на „Тараса Бульбу“ и на нѣкоторые типы молодыхъ украинскихъ дѣвушекъ, кромѣ того на „Римѣ“ и „Портрѣтѣ“) и наконецъ ссылался на то обстоятельство, что Гоголь „обѣщаєтъ раскрыть другія высшія стороны въ русскомъ человѣкѣ, стало быть, самъ сознать въ себѣ эту силу“ („Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10).

что опошлыть въ искусствѣ добродѣтельный человѣкъ? Почему думаетъ, что и въ жизни стала «дрянь и трапка всякъ человѣкъ». Почему, когда пришло художнику вывести нѣсколько благородныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, то художникъ остался тѣмъ недоволенъ, нащель это натянутымъ,—и вотъ лѣтить въ огонь второй томъ «Мертвыхъ Душъ»? Отъ чего жъ въ извѣстное время поэтъ выпускаетъ охотнѣе въ свѣтъ Собакевичъ, Ноздревыхъ, Маниловыхъ и Шлюшкиныхъ и такъ далѣе, а изображеніе благородныхъ характеровъ лѣтить въ огонь? ¹⁾). Тѣмъ не менѣе послѣднюю задачу Шевыревъ признаетъ настолько важной, что, признавая наконецъ нѣкоторые немногіе недостатки въ «Мертвыхъ Душахъ», говорить: «Виноватъ и ты самъ, художникъ. Будь увѣренъ, что мы сумѣмъ оправдать тебя сами въ твоемъ комизѣ и въ твоемъ хохотѣ, насколько ты достоинъ и заслуживаешь оправданія, насколько ты самъ остаешься неволенъ въ своемъ смѣхѣ, и насколько въ немъ виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознайся въ томъ, что ты часто находилъ самоуслажденіе въ этомъ хохотѣ, черезъ мѣру заливался своимъ смѣхомъ, въ чемъ мы тебя и прежде попрекали, слишкомъ тѣшился своимъ даромъ смѣшить другихъ, и забывалъ иногда о тѣхъ глубокихъ слезахъ, которая тяготѣли у тебя на душѣ и забвеніе которыхъ отнимало у твоего смѣха глубину и силу, и отзывался онъ тогда чѣмъ-то пустымъ и даже приторнымъ ²⁾) (т. е. вѣроятно, въ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, которую очень не любилъ Шевыревъ). Мы не обвинили бы тебя, если бы ты самъ не обвинилъ себя въ этомъ своими же словами, которые невольно сорвались съ пера твоего, какъ бы въ собственное твое обличеніе: «Миѣ хотѣлось попробовать», говоришь ты, «чтобъ сказать вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственную пошлостью».

«Въ искусствѣ никогда не должно хотѣться пробовать; искусство должно быть свободно отъ всякихъ преднамѣреній личности. Стало быть, ты всегда смѣялся свободно и искренне по призыву вдохновенія? и чѣмъ же захотѣлось тебѣ попотчивать русскаго человѣка? его же пошлостью! Хорошо потчованіе, хорошо гостепріимство художника». Итакъ Шевыревъ здѣсь самъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вліялъ на Гоголя въ смыслѣ того направленія, которое погубило нашего писателя.

Мы разсмотрѣли все главное содержаніе статьи Шевырева, но кромѣ переданного нами въ ней есть любопытные полемические намеки

¹⁾ „Москвитянинъ“. 1848, I, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 27.

на Бѣлинскаго, Галахова, на редакцію «Отечественныхъ Записокъ», затѣмъ возраженія барону Розену и Н. Ф. Павлову, о которыхъ скажемъ ниже.

Укажемъ лишь еще нѣкоторыя натажки, допущенные Шевыревымъ въ его статьѣ, частью въ оправданіе Гоголя. Во-первыхъ, онъ, желая отразить упреки, сдѣланные Гоголю за совѣтъ помѣщику бранить крестьянъ словами: «ахъ ты невымытое рыло», приписываетъ ихъ «западной чопорности» (sic) и утверждаетъ, что, напротивъ, будто бы самъ упрекаютъ народъ «или глубоко презираютъ его, или позорятъ клеветами, или передразниваютъ (sic) для своей собственной потѣхи и другихъ», но что «гораздо важнѣе то высокое мнѣніе, которое писатель въ своихъ письмахъ обнаруживаетъ о русскомъ крестьянинѣ»¹). По по-воду «Одиссеи, переводимой Жуковскимъ», Шевыревъ нѣсколько уклончиво говорить, что эта статья «любопытна для насъ не столько эстетическими возврѣніями Гоголя, сколько мнѣніемъ его о критическихъ способностяхъ русского народа, который онъ, какъ художникъ, представилъ читающимъ «Одиссею» и разсуждающимъ о ней, и затѣмъ, намекая на мнимую близорукость либеральныхъ критиковъ, прибавлять, что «Гоголь въ грамотномъ народѣ признаетъ существование не однихъ Петрушекъ», подразумѣваются, какъ думаютъ, люди противоположного ему взгляда. Но вѣдь дѣло въ фактѣ, а не въ томъ, что представляется писателю! Кромѣ того Шевыревъ основательно приводить въ оправданіе Гоголя то, что его книгу сильно исказила цензура²), вслѣдствіе чего на нее пали также многіе лишніе упреки. О томъ же, почему Гоголь, будучи сильнѣе въ сферѣ творчества, избралъ иную форму изложенія своихъ идей, Шевыревъ приводить въ оправданіе необыкновенность явленія, чтѣ представляетъ какой-то странный кругъ въ доказательствѣ, такъ какъ онъ же говоритъ, что въ особенности временія надо было искать объясненіе причины, почему «художникъ, покрытый всеобщей славой въ своемъ отечествѣ, художникъ, котораго всякая книга разлеталась волшебно по всѣмъ концамъ Россіи, бросаетъ искусство, покидаетъ треножникъ вдохновенія и бѣжитъ въ учитель, хочетъ быть проповѣдникомъ»³); что виновата въ этомъ жизнь, «въ которой слишкомъ опѣнены наши начала; виновато искусство, что стало вступикъ передъ такими задачами, что пошлицы въ жизни идутъ у него въ героя, а герои жизни становятся пошли въ искусствѣ; виновато оно неблагоразумнымъ усердіемъ людей, впрочемъ, благонамѣренныхъ, которые, создавая карточныхъ герояевъ до-

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 16—17.

²⁾ „Москвитянинъ“, 1848, I стр. 7.

³⁾ Стр. 5.

бродѣтели, тѣмъ опошили саму добродѣтель; виноватъ и художникъ¹⁾, слишкомъ долго безпѣльно смѣявшійся и нескоро возвратившійся къ истиннымъ задачамъ искусства. Послѣдняя мысль опять оправдываетъ слова Чернышевскаго, что, по мнѣнію Шевырева, «первый томъ «Мертвыхъ Душъ» только прощается Гоголю ради слѣдующихъ».

XII.

Заканчиваемъ нашъ обзоръ печатныхъ статей, вызванныхъ «Перепиской съ друзьями», разборомъ писемъ къ Гоголю Ф. Ф. Вигеля, который, какъ известно, сталъ на сторону Гоголя именно тогда, когда отъ него все отшатнулись. (Ему понравилась «Переписка», тогда какъ прежнія лучшія созданія Гоголя онъ никогда не цѣнилъ высоко. Степень критического пониманія Вигеля видна уже изъ первыхъ строкъ его статьи: «сочинитель этихъ писемъ также высоко стоитъ надъ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», какъ сей послѣдній отстоитъ отъ Шаликова). Вигель привѣствуетъ Гоголя съ возрожденіемъ къ лучшей литературной будущности и поздравляетъ съ всеобщей возбужденій чимъ ненавистью «глупцовъ». Неожиданный будто бы благотворный переворотъ въ Гоголѣ авторъ письма объясняетъ себѣ тѣмъ, что Гоголь покаялся и обратился на истинный путь. Его всего болѣе радуетъ, что Гоголь отказался отъ своихъ поклонниковъ, которые считали его на своей сторонѣ, тогда какъ ему вдругъ «вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ томомъ, на которомъ какъ бы написано не нашимъ²⁾ (намекъ на известное стихотвореніе Языкова). Впрочемъ, вѣроятно, желая угодить Гоголю, онъ пишетъ далѣе: когда, въ первой молодости, создали въ себѣ идеалъ совершенства и начали искать его между вашими соотечами, когда, вместо того, встрѣчали вы множество гнусныхъ пороковъ — и, вооруживъ руку огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ герніемъ, съ ожесточеніемъ безъ милосердія, стали стегать въ нихъ: когда съ остервенѣніемъ вѣмъ рукоплескали». Эти рукоплесканія происходили будто бы отъ русофобства поклонниковъ Гоголя, отъ недостатка патріотического чувства въ обществѣ. И теперь съ досады Гоголя объявили сумасшедшими!..

По поводу замѣчанія Гоголя о спорахъ между славянофилами и западниками Вигель показываетъ свое полнѣйшее равнодушіе и несочув-

¹⁾ Стр. 26—27

²⁾ „Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ“, 2 отд., прилож., пр. 22; „Русскій Архивъ“, 1893, VIII, стр. 561—562.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. 1888. ноябрь.

ствіе къ обѣимъ партіямъ, и даже какъ будто бы непониманіе, въ чёмъ было дѣло. «Давно, давно, лѣтъ семь тому назадъ, случилось мнѣ быть въ одномъ изъ многочисленныхъ ихъ соборищъ; оглушенный, выходитъ я изъ него и ничего въ памяти моей не оставалось, кроме какихъ-то невнятныхъ звуковъ, неясныхъ ликовъ, полузабытыхъ именъ. Кто несетъ католицизмъ, кто гегелизмъ, кто коммунизмъ, кто во что гораздъ»¹). Характерное признаніе! Но за статью «Споры» критикъ дѣлаетъ упрекъ Гоголю, который любопытство между прочимъ по заключающемуся въ немъ намеку на то, что личность, къ которой обращена здесь рѣчь Гоголя, была имъ будто бы отгадана. Такъ онъ говорить: «какъ можно въ глаза, или въ письмѣ (что все равно) грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому, названиемъ гадкаго старишиши, если онъ не возьмется отъ негодованія. Не хорошо, какою бы короткостью ни почтить онъ васъ, сей незлобивый, безобидный, великий поэтъ»²). Здесь, кажется, намекъ на Жуковскаго [въ «Сѣверной Пчелѣ» по поводу той же статьи замѣчено: «загадка говорится о какомъ-то сочиненіи, которое намѣревается писать какой-то авторъ, въ лѣтахъ»]³). Также не одобряетъ Вигель печатныхъ упрековъ Погодину и, пользуясь выражениемъ самого Гоголя, сравниваетъ всѣ такія мѣста «съ засалеными бумагами», которые валяются въ гостиной, где все блестятъ позолотой, зеркалами и лакомъ портретовъ». Въ заключеніи статьи заслуживаютъ упоминанія слѣдующія строи: «вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворного слога увлекъ и обратилъ въ подражатели другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще выступившихъ. Такъ точно и вы красотой своихъ мыслей сильно подействовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опредѣшившаго»⁴).

XIII.

Послѣднимъ отголоскомъ литературнаго міра на «Перенску съ друзьями» были написанныя спустя два-три года по выходѣ ея въ свѣтъ, но напечатанныя лишь яѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ», три письма К. С. Аксакова къ Гоголю. Никакихъ дать на нихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 24; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 564.

²⁾ Стр. 22; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 562.

³⁾ „Сѣверная Пчела“, 1847, 107, 427.

⁴⁾ Стр. 24; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 564—565

нѣть, но два первыхъ письма не безъ основанія отнесены редакціей журнала къ 1848 г., потому что въ ихъ содержаніи есть ясныя указанія на то, что они принадлежать ко времени возвращенія Гоголя въ Россію изъ Иерусалима. Въ первомъ изъ этихъ писемъ Константина Сергеевича Аксаковъ поражаетъ своего корреспондента въ самое сердце уже восклицаніемъ: «о, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее юкетство! Хуже оно наружнаго. Знаю я этотъ грѣхъ!» ¹⁾ и проч. Затѣмъ онъ, сходясь въ этомъ сужденіи съ Бѣлинскимъ, а равно и со многими другими критиками, указываетъ на странность такихъ писемъ, какъ напр. письма о семи кучкахъ, и съ особеннымъ негодованіемъ отзыается о презрѣніи Гоголя къ простому народу: «не достаетъ», — говорить онъ, — «чтобы вы сказали, что тотъ, у кого больше душа, выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: поклоненіе передъ публикой и презрѣніе къ народу. Знаете вы знаемятое восклицаніе полицеймейстера: публика впередъ, народъ назадъ? ²⁾». Весьма справедливо упрекаетъ также Аксаковъ Гоголя въ томъ, «что онъ погрѣшилъ своимъ достоинствомъ, даромъ, художествомъ» ³⁾). Не ошибается онъ наконецъ и насчетъ искренности Гоголя, усматривая въ книгѣ ложь, хотя не въ смыслѣ обмана, но въ «смыслѣ внутренней неправды» (послѣднее, конечно, справедливо). За то Аксаковъ безусловно неправъ, когда пытается свалить всю вѣду на западъ... Гоголя особенно оскорбило въ этомъ письмѣ употребленное авторомъ слово ложь, такъ какъ нѣсколько туманное объясненіе Аксакова сперва было понято имъ невѣрно.

Второе письмо К. С. Аксакова къ Гоголю касается написанной въ то время первымъ драмы съ сюжетомъ изъ народной жизни, чрез-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1890 г., стр. 154.

²⁾ Здесь Аксаковъ напоминаетъ Гоголю анекдотъ, происхожденіе кото-
рого связываютъ обыкновенно съ его именемъ. Такъ Н. П. Лыжинъ разска-
зывалъ въ „Лѣтописахъ Русской Литературы“: „Когда (за границей, гости у
Жуковскаго) Гоголь вышелъ въ садъ, Жуковскій замѣтилъ, что за чудакъ
сталъ этотъ Гоголь, все молчитъ; прежде бывало разсказывать его конца нѣть.
Вотъ вамъ для образчика анекдотъ, слышанный мною отъ него. Во время
какого-то праздника въ кремлевскихъ воротахъ стоялъ народъ; надзира-
тель, команда городовыми, грозно кричалъ: „публика, проходи, а народъ по-
шелъ назадъ!“ Позвольте васъ спросить, замѣтилъ Гоголь, какая же разница
между народомъ и публикой?— „А вотъ какая, отвѣчалъ надзиратель, сква-
тить за бороду одного изъ мужиковъ, тыкая его довольно нецеремонно въ
зубы: это вотъ народъ; куда лѣзешь, пошелъ назадъ! а вы— публика, пожа-
луйтесь!“ Надо было послушать, какъ рассказывалъ Гоголь этотъ простой
случай, замѣтилъ Жуковскій“. („Лѣтописи Русск. Литературы и Древности“,
изд. Н. С. Тихонравова, 1859 г., кн. вторая, стр. 78).

³⁾ „Русск. Арх.“, 1890 г., I, стр. 155.

вычайно слабой и не имѣвшей успѣха на сценѣ, но заранѣе сильно заинтересовавшей Гоголя по непосредственному отношенію ея сюжета къ тѣмъ именно вопросамъ, которые его самого тогда мучительно занимали.

Съ мнѣніями и толками о «Перепискѣ», распространенными въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ, но не проникавшими въ печать, мы можемъ познакомиться, и то только отчасти, единственno изъ недавно напечатанныхъ нами въ «Русской Старинѣ» писемъ къ Гоголю Ишимовой и Извединовой, о которыхъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ¹⁾.

Къ числу искрѣннѣйшихъ почитателей Гоголя, не только какъ писателя, но и какъ человѣка, принадлежала, между прочимъ, Александра Осиповна Ишимова, прославившаяся педагогическими трудами и изданиями, изъ которыхъ, кромѣ ея «Русской исторіи для дѣтей», наибольшой известностью пользовалась очень распространенный въ свое время дѣтскій журналъ «Звѣздочка». Мы не можемъ определить точно, когда именно началось знакомство Ишимовой съ Гоголемъ, но, вѣроятно, не позже 1840—1841 годовъ, такъ какъ въ 1842 году Гоголь всего на нѣсколько дней заѣзжалъ въ Петербургъ, а между тѣмъ во время изданія «Переписки съ друзьями» Ишимова уже относилась къ нему, какъ къ старому знакомому. Впрочемъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что Гоголь зналъ Ишимову еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ—какъ въ виду давнихъ хорошихъ отиошеній его къ семейству Плетнева, такъ особенно на основаніи слѣдующихъ словъ письма Ишимовой отъ 31 декабря 1846 г.:

«Воспитанница моя Олењка, которую вы знали еще очень маленькой, проситъ меня поклониться вамъ и попросить васъ привезти ей отъ Святаго Гроба хотя нѣсколько песчинокъ²⁾. Изъ этихъ словъ очевидно, что Гоголь ласково и внимательно относился къ маленькой дѣвочкѣ, которая теперь, выросши, рѣшается передать ему свою почтительную просьбу.

Посредникомъ въ письмахъ и иныхъ сношеніяхъ Гоголя съ Ишимовой былъ всегда Плетневъ, почему надо думать, что у него-то они именно и познакомились и встрѣчались. Знакомство было, впрочемъ, довольно поверхностное и во всякомъ случаѣ не короткое.

¹⁾ Свѣдѣнія обѣ отзывахъ разныхъ духовныхъ лицъ о книгѣ Гоголя читатель можетъ найти въ трудахъ г. Барсукова о Погодинѣ (т. VIII, стр. 561—563).

²⁾ „Русская Старина“, 1893 г., кн. 6, стр. 555.

Когда печаталась «Переписка съ друзьями», Плетневъ, несмотря на строжайшее запрещеніе автора, показывалъ многимъ знакомымъ корректурные листы книги, и въ томъ числѣ не только Ишимовой, что и не скрывалось отъ Гоголя, но и совершенно незнакомому ему П. А. Кулишу¹). Вследствіе такой нескромности Плетнева, смутные слухи о предстоящемъ выходѣ книги не замедлили облетѣть литературные круги обѣихъ столицъ, переходя изъ устъ въ уста, разумѣется, въ сильно искаженномъ видѣ. Такъ мы читаемъ въ статьѣ Аполлона Григорьева въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», что о «Перепискѣ» давно уже ходили темные слухи въ обществѣ²). Иначе впрочемъ и быть не могло при сильнѣйшемъ интересѣ публики ко всему, что ни выходило изъ подъ пера Гоголя. Въ Москву молва о новой книжѣ проникла уже въ такомъ видѣ: «О Гоголѣ слухи все не лучше», писала В. С. Аксакова М. Г. Карташевской: «Говорять, онъ еще хочетъ издать книгу о русскомъ духовенствѣ³), не знаю, правда ли.. Отецъ писалъ письмо къ Плетневу, съ тѣмъ, чтобы остановить печатаніе всѣхъ этихъ странностей, но Плетневъ не согласенъ: намъ порукой Жуковскій, который одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя. Отецъ письма своего къ Гоголю никому почти не показывалъ, для того, чтобы Гоголь не обидѣлся.. Что-то онъ будетъ отвѣтчать! Мы мало имѣемъ надежды на успѣхъ, т. е. чтобы онъ взглянуль здравыми глазами на всѣ свои дѣйствія. Говорять даже, будто онъ цѣлые дни проводить съ монахами». Къ счастью о преждевременномъ распространеніи слуховъ на счетъ его книги Гоголь ничего не узналъ, и дѣло обошлось благополучно.

Г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» говорить по поводу прочтенія «Переписки», что книга произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его ведутъ на огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальная соцданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны: пламя хлещетъ въ гортынь печей, утолая неугодимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ всепожигающимъ потокомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣніе; вездѣ загадочное, повидимому безпорядочное, и зловѣшнее

¹⁾ Извѣстно также, что Плетневъ писалъ о перепискѣ И. М. Коптеву („Русскій Архивъ“, 1877, кн. 12, стр. 372).

²⁾ „Московский Городской Листокъ“, 1847, № 56, стр. 225.

³⁾ Эти слова напоминаютъ предположеніе барона Розена, будто Гоголь рѣшился сдѣлаться духовнымъ писателемъ. („Сынъ Отеч.“, 1847 г., № 6, стр. 50).

движение. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потерявъ свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всемъ его спутавшимся фабрикой. Такъ именно, по крайней мѣрѣ, на пишущаго эти строки подвѣтствовала «Переписка съ друзьями»¹). Иное впечатлѣніе произвѣла книга на самого Плетнѣва и на А. О. Ишимиову, хотя правъ былъ г. Кулишъ, полагавшій, что за автора «скжалось сердце у каждого истиннаго цѣнителя его таланта». Ишимиова написала Гоголю восторженное письмо, на которое получила вскорѣ отвѣтъ, оставшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. О томъ, что отвѣтъ былъ, мы узнаемъ изъ переписки Ишимиовой съ Гоголемъ и изъ слѣдующихъ словъ письма послѣдняго къ Плетнѣву: «Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А. О. Ишимиовой»²). Намекъ здѣсь сдѣланъ на предыдущее письмо отъ 11-го февраля 1847 года, когда Гоголь между прочимъ сказалъ въ концѣ письма: «Не благодарю тебя, покамѣстъ еще не за что, ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣланью моимъ»³). Еще разъ Гоголь приписываетъ въ концѣ письма къ Плетнѣву: «А. О. Ишимиову поблагодари за книжечку «Розенштраухъ». Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова—сущій перль»⁴). Замѣчательно, что А. О. Ишимиова послала свое письмо какъ будто тайкомъ отъ Плетнѣва, изъ опасенія, что «можетъ быть ему показалось бы письмо мое страннымъ, и онъ отговорилъ бы меня отправить его къ вамъ, а мнѣ не хотѣлось бы этого». Дѣйствительно, Плетнѣвъ, безъ всякаго сомнѣнія, сталъ бы оттоваривать ее — уже по той причинѣ, что письмо о не вышедшей книжѣ было бы получено Гоголемъ прежде ея напечатанія, и это могло бы его разсердить и огорчить. Между тѣмъ Александра Осиповна не хотѣла сказать Петру Александровичу, отчего я вздумала писать къ Гоголю, и сказала только, какъ она сама признавалась въ письмѣ, «что посылаетъ небольшую брошюрку о человѣкѣ, достойномъ памяти», хочу, прибавляла она, «при этомъ случаѣ поблагодарить васъ за книгу вашу»⁵). (Но это не значитъ — за присланный экземпляръ, а просто поблагодарить какъ автора данного сочиненія, потому что Ишимиова прочла уже первые отпечатанные листы книги въ корректурѣ у Плетнѣва).

Александра Осиповна, однако же, долго не рѣшалась отправить письмо и позволила себѣ это уже послѣ того, какъ «спросила у Петра

¹) „Записки о жизни Гоголя“, т. II, стр. 61—62.

²) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 838.

³) Тамъ же, стр. 337.

⁴) Тамъ же, стр. 346.

⁵) Тамъ же, стр. 354.

Александровича, можно ли обременить Гоголя чтеніемъ какого-нибудь письма и онъ сказаъ, что можно». Вообще она преполнена глубочайшаго благоговѣнія къ Гоголю, что видно особенно изъ послѣдующихъ словъ: «Простите пожалуйста, если я неумѣренно воспользовалась этимъ дозволеніемъ и заставила васъ потерять много драгоцѣнныхъ минутъ на это чтеніе»— и безъ убѣдительной просьбы не отвѣтать, пока «не будетъ у васъ совершенно лишнаго времени». Подобно Плетневу¹⁾, и Ишамова была увѣрена въ томъ, что «Переписка» произведетъ рѣшительный переворотъ въ русской литературѣ; она называла ее даже «святой» книгой. Въ порывѣ сильнаго восторга, она поспѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ Павскимъ и прочла ему нѣсколько главъ. На Павскаго, въ свою очередь, книга произвела весьма благоприятное впечатлѣніе. Удивительно послѣ этого, почему у Гоголя не заразились потомъ въ числѣ другихъ духовныхъ лицъ также сношенія съ Павскимъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1848 г., едва-ли Гоголь могъ не посѣтить Павскаго, но, можетъ быть, они не сошлись или случай помѣшилъ имъ видѣться.. Съ Ишамовой же Гоголь не разъ встрѣчался въ это время въ Петербургѣ, но случайныи и слишкомъ отрывочныи бѣсѣды съ нимъ не удовлетворили ея преувеличеныхъ надеждъ на свиданіе, и послѣ она писала: «При порядкѣ нашей общественной жизни ужъ лучше не жить вблизи съ тѣми, съ кѣмъ хочешь говорить иногда о чѣмъ-нибудь дѣльномъ: въ письмахъ мы еще какъ-то способны на вещи серьезныи, нежели въ обществѣ, и если бы вы были здѣсь, мнѣ и въ голову не пришло бы, что я могу сообщить вамъ нѣсколько словъ объ одномъ необыкновенномъ вечерѣ, который посланъ былъ Богомъ на мою долю»²⁾). Даѣте слѣдуетъ самый разскѣзъ объ этомъ...

Совершеннуу противоположность письмамъ Ишамовой по отношенію къ Гоголю представляютъ письма знакомой ея Извѣдановой, не лишенныи интереса, какъ одинъ изъ отголосковъ мнѣній о «Перепискѣ» съ друзьями не литературной толпы, а также потому, что самыи фактъ сбереженія этихъ писемъ Гоголемъ, несмотря на рѣзкія осужденія и дерзкія фразы по адресу его, ясно доказываетъ, что Гоголь не лицемѣрно дорожилъ упреками и невыгодными о себѣ отзывами даже людей вполнѣ дюжинныхъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что эти письма были пересланы Гоголю съ одобренія Плетнева, такъ какъ грубая брань противъ Гоголя и невѣжественные понятія, выраженные въ письмѣ,

¹⁾ Его отзывъ о „Перепискѣ“ см. въ „Соч. Плетнева“, т. III, стр. 582, „Русск. Арх.“, 1877. кн 12, стр. 371—73, гдѣ Плетневъ защищаетъ между прочимъ Гоголя отъ обвиненія въ напыщенномъ тонѣ статьи объ Одиссѣѣ, которая, по мнѣнію Плетнева, „вылилась отъ полноты убѣжденія“.

²⁾ Тамъ же, стр. 557.

сначала удерживали Ишимову отъ мысли послать ихъ, но Плетневъ былъ безусловно увѣренъ, что искреннее желаніе слышать о себѣ самые несдержаные отзывы не допустить Гоголя до чувства мелкой досады, хотя, по словамъ письма Ишимовой, ея корреспондентка «принадлежитъ къ довольно большому кругу въ Москвѣ и, вѣроюти, имѣть нѣкоторое вліяніе на знающихъ ее: о ней говорять, какъ о самой благочестивой, умной и доброй женщинѣ»¹). Плетневъ не ошибся: Гоголь сохранилъ до смерти эти нелѣпныя письма Извединовой, доказавъ на дѣлѣ вполнѣшую искренность жгучей жажды упрековъ. Но что это за письма! Если можно еще допустить мнѣніе о томъ, что сатира никого исправить не можетъ,—подобный взглядъ высказалъ и московскій министрополитъ Филаретъ по поводу первыхъ сочиненій Щедрина,—то вѣдь Извединова идетъ гораздо дальше: она жестоко осуждаетъ не только Гоголя, какъ представителя отрицательного направленія литературы, но и Пушкина, такъ какъ «сей послѣдній могъ бы сдѣлать много хорошаго, еслибы не употреблялъ умъ своей во зло»²). Особенно отзываются неподражаемой патріархальностью и наивностью взгляда слѣдующія строки замоскворѣцкой дамы, пользовавшейся известнымъ авторитетомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ Москвы: «Облагородьте ваше перо, пишите примѣры добродѣтели, и порочные устыдятся, и станутъ жить добродѣтельно»³). Такъ, безъ сомнѣнія, судило въ то время многое множество не литературныхъ людей, и вотъ почему они представляютъ не малый интересъ. «Да, Гоголь всѣхъ смѣшилъ! Жалко! употребить всю жизнь и такую краткую на то, чтобы служить обезьяной публикѣ»—такъ судили о литературной дѣятельности Гоголя не однѣ замоскворѣцкія дамы, съ Средней Донской. Еще забавнѣе ужасъ той же почтенной дамы по поводу рекомендаций Ишимовой юношеству сочиненій Гоголя: «я не хочу думать, чтобы вы, одаренная нѣжными чувствами ко всему истинно хорошему, были согласны возрастиль въ юныхъ сердцахъ отвращеніе отъ нашего отечества, отъ уваженія къ святителямъ православной церкви, отъ святыхъ обителей,—словомъ, отъ всего святаго и бросить ихъ въ объятія непонятной Гоголеаской поэзіи»⁴). Можно себѣ вообразить, какое удручающее дѣйствіе производили послѣднія слова на Гоголя, когда, подъ вліяніемъ словъ о. Матвѣя, онъ все болѣе начинать сомнѣваться въ пользѣ своихъ литературныхъ трудовъ и, быть можетъ, не разъ перечитывать эти строки⁵).

¹⁾ Тамъ же, стр. 555.²⁾ Тамъ же, стр. 563.³⁾ Тамъ же, стр. та же.⁴⁾ Тамъ же, стр. 567.⁵⁾ О письмахъ Извединовой см. замѣтки г. В. В.—ва въ „Русск. Вѣд.“ 1893 г. июнь.

Междуд тѣмъ несочувствіе новому направленію Гоголя, выразившемуся въ «Перепискѣ съ друзьями», встрѣчалось вообще весьма часто даже среди людей, отъ которыхъ по складу ихъ убѣжденій можно было ожидать самаго сочувственнаго къ ней отношенія. Въ извѣстной книгѣ Н. Барсукова «Жизнь и труды Погодина» мы между прочимъ читаемъ: «Дмитрій Григорьевичъ Бѣлавинъ сообщилъ намъ, что Дмитрій Дмитріевичъ Облеуховъ (†1889), женатый на его родной сестрѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ Бѣлавиной, зналъ лично Н. В. Гоголя по дому графа А. П. Толстаго. Облеуховъ, будучи человѣкомъ религіознымъ, кажется, долженъ былъ бы душевно радоваться душевному перерожденію Гоголя, выразившемуся въ «Перепискѣ съ друзьями», но онъ не разъ говорилъ, что это не призваніе Н. В. Гоголя писать въ подобномъ направленіи, и притомъ выражалъ свое сожалѣніе, что великий авторъ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора» съ появлениемъ «Переписки съ друзьями» — умеръ навсегда какъ писатель Россіи»¹⁾.

В. Шенрокъ



¹⁾) „Жизнь и труды Погодина“ Н. Барсукова, т. VIII, стр. 525.

Изъ записокъ герцога Евгения Виртембергскаго.

II¹⁾.

Особое вниманіе ко мнѣ императора Павла.—Испхея.—Кузины.—Лейбъ-гвардія.—Вечернія собранія при дворѣ.—Ужинъ.—Концертъ.—Очаровательная сосѣдка.—Скора Дибича съ фонъ-Требра.—Представленія императору въ аудіенцъ-залѣ.—Въ церкви.—Кончины императора Павла.—Карлсруэ.—Воспитатель Вольцогенъ.—Бреславль.—Путешествія.

Послѣ описанной аудіенціи, низкіе поклоны, которые придворные отдавали мнѣ, мальчику, свидѣтельствовали, что они уже видѣли во мнѣ любимца императора.

Когда мы спускались съ лѣстницы, то генералъ Дибичъ, почти задыхаясь отъ блаженства, бросился мнѣ на шею и въ радостномъ порывѣ потерялъ свой парикъ, а когда я помогъ ему поднять этотъ головной уборъ, то пѣстунъ за эту услугу даже поцѣловалъ мнѣ руку.

Только-что я возвратился домой, какъ камер-пажъ вручилъ мнѣ отъ имени императора знаки малтійского ордена—высшее отличіе, которое онъ оказывалъ приближеннымъ, и вслѣдъ затѣмъ начались нескончаемые ко мнѣ визиты. Когда всѣ придворные и военные лица, посѣтившія меня въ этотъ день, разѣхались, то я улучилъ наконецъ минутку спросить Дибича, что собственно означаетъ вся эта комедія, чему я обязанъ этими незаслуженными мною почестями и точно ли все это дѣлается по приказанію императора?

Генералъ отвѣчалъ, что когда я остался съ императрицею, то Его Величество позвалъ его къ себѣ, милостиво пожалъ ему руку и сказалъ: «Генералъ, благодарю васъ за сопровожденіе принца; я беру его подъ свое особое покровительство; онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія и будетъ пригоденъ для моихъ видовъ въ будущемъ. Вы будете состоять при немъ и должны находиться при немъ неотлучно. Ваше усердіе мнѣ необходимо; я полагаюсь на васъ и остаюсь къ вамъ благосклонный».

— Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ люди увидаются около васъ, продолжалъ Дибичъ, но позвольте сдѣлать вамъ одно замѣ-

¹⁾ См. «Русскую Старину», октябрь 1894 г.

чаніе: не довѣрайте никому, они всѣ фальшивы, какъ кошки, которая не выпускаютъ когтей до тѣхъ порь, пока боятся плеши хозяина.

— Боже мой, возразилъ я, развѣ они были бы не въ правѣ употребить всѣ силы къ тому, чтобы удалить подобнаго мнѣ иностранца-выскочку. Признаюсь, генераль, я этого не понимаю и буду просить императора, чтобы онъ измѣстилъ меня въ число простыхъ кадетъ, какъ это сначала предполагалось.

— Вотъ было бы прекрасно, воскликнулъ Дибичъ, полусмѣясь, полуспуганно, воля государя—законъ, и намъ не подобаетъ разсуждать о его приказавіяхъ. А что касается до кадетскаго корпуса, то это была не болѣе, какъ выдумка вашего г. Требра, чтобы вы не слишкомъ о себѣ возмечтали. Но я сразу сказалъ, что это никаку не годится, такъ какъ слишкомъ большое смиреніе здѣсь не кстати. Но даже, если бы вы и поступили въ корпусъ, то вы видѣли по директору, князю Зубову, что корпусъ съ момента вашего поступленія, считался бы только вашимъ зворомъ и что Его Величество хотѣлъ возвысить заведеніе присутствіемъ принца.

«Какая лисица! подумалъ я при этихъ словахъ; ты поносишь русскихъ вельможъ, а самъ, выскочка, не замѣчаешь, какъ унизительно твоё низкопоклонство передъ тринацатилѣтнимъ мальчикомъ, котораго государь удостоилъ своимъ благоволеніемъ».

Русскимъ было бы простительно относиться недружелюбно къ иностранцамъ, такъ какъ въ царствованіе императора Павла всѣ высшія должности были заняты пріѣзжими выскочками, а русские вельможи, оскорбленные этимъ предпочтеніемъ, со справедливымъ негодованіемъ, молча, переносили эту обиду. Но вслѣдствіе врожденнаго имъ чувства гостепріимства, всякий, мало мальски выдающійся своими способностями, иностранецъ встрѣчалъ въ Россіи радушный пріемъ.

Въ первый разъ я отдохнулъ отъ докучливыхъ визитовъ въ комнаты генерала, въ веселомъ кругу его знакомыхъ.

Какъ теперь помню, мы играли въ разныя игры (*petits jeux*) и было очень весело; припоминаю также, что я, по дѣтскому простодушію, обошелся можетъ быть слишкомъ фамильярно съ одной молодой дѣвушкой, которая изображала Психею и избрала меня Амуромъ, и этимъ нарушилъ вѣроятно правила приличія. Это ли обстоятельство вызвало гнѣвъ г. фонъ-Требра, или онъ вообще не одобрялъ препровожденія временя въ домѣ генерала,—какъ бы то ни было, онъ пожаловался тетушкѣ, и я болѣе не видалъ своей Психеи, а ежели блюстители моей нравственности описали мнѣ ее вѣрными красками, то она давно уже обратилась въ Медузу.

На слѣдующее утро, я не успѣлъ еще понѣхаться въ своихъ пуховикахъ, какъ г. фонъ-Требра, распахнувъ занавѣси моей кровати,

излилъ на меня цѣлый потокъ самыхъ серьезныхъ внушеній по поводу моего вчерашняго неприличнаго поведенія. Признаюсь, я плохо помню эти наставленія и совершенно не могу дать себѣ отчета, по какой причинѣ строгая и серьезная оберъ-гофмейстерина моей тетушки, графини Ливенъ, къ которой я явился въ этотъ день засвидѣтельствовать свое почтеніе, объявила мнѣ, что моя Психея заслуживаетъ розогъ и что я самъ, при первомъ удобномъ случаѣ, получу подобное вознагражденіе изъ рукъ государыни. Я порядочно струхнулъ при этомъ не особенно пріятномъ извѣстіи, не столько изъ опасенія за свою шкуру, сколько страдая за честь вновь испеченаго малтийскаго рыцаря, возвѣдавшаго передъ графинею побѣдоносно въ драгунскомъ мундирѣ, и принялъ заявленіе старой статсь-дамы за несомнѣнное доказательство искрѣ моего гувернера.

Отдавъ визиты нѣкоторымъ сановнымъ лицамъ, я отправился ю дворецъ, гдѣ ожидалъ возвращенія тетушки; признаюсь, я встрѣтился съ трепетомъ, но обѣщанного наказанія не послѣдовало. Тетушка приняла меня ласково и, такъ какъ я живо напомнилъ ей любимаго брата, то она была весьма растрогана и заплакала; когда же я поцѣловалъ ее въ плечо, она крѣпко скала меня въ своихъ объятіяхъ.

Впрочемъ, государыня сдѣлала мнѣ нѣсколько серьезныхъ замѣній, отозвалась неодобрительно о собраніяхъ, устраиваемыхъ въ кадетскомъ корпусѣ, и объявила, что я буду переведенъ въ другое помѣщеніе, но меня лично она не бранила.

Вскорѣ я увидѣлъ моихъ прелестныхъ кузинъ. Маріи Павловны было уже 15 лѣтъ; въ моихъ глазахъ она была взрослою дѣвицей, и своею добротою и привѣтливостью сразу завоевала мою симпатію и показала мнѣ свое расположение тѣмъ, что со свойственнымъ ей участіемъ и деликатностью слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ и выручала меня въ случаѣ какой-нибудь недовѣсти съ моей стороны. Екатерина Павловна—моя ровесница понравилась мнѣ гораздо менѣе. Болѣе серьезная и замкнутая, она была чрезвычайно развита для своихъ лѣтъ, сознавала свое превосходство и оттолкнула меня своимъ церемониальнымъ обхожденіемъ. Обѣ великия княжны были хороши собою; первая была похожа на мать, а вторая поразительно напоминала отца, но при этомъ была очаровательна. Въ этотъ же день я впервые увидѣлъ наслѣдника престола. Какой добротой и бротостью сиялъ взоръ красавца, двадцати трехлѣтняго великана князя! Александръ обратился ко мнѣ, мальчишкамъ съ самымъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ и то, вѣроятно, желая скрыть этимъ пріятное отпу; но его обращеніе со всѣми присутствовавшими преисполнило меня любви иуваженія къ нему. Кружокъ лицъ среди которыхъ я привѣтствовалъ его, состоялъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Я услыхалъ тутъ, между прочимъ, имя героя

прославившагося въ Италии, подъ начальствомъ Суворова, и воскликнулъ съ восторгомъ: «Это знаменитый князь Багратіонъ?»

Александъ улыбнулся моему, можетъ быть, не мѣстному любопытству, но подвѣль меня къ Багратіону, которому мое воскликаніе, видимо, было пріятно. Ласково взялъ меня за руку и указывая на великаго князя, онъ сказалъ:

— Ежели вы желаете видѣть что-нибудь замѣчательное, принцъ взгляните на восходящее солнце Россіи.

Константинъ Павловичъ, второй сынъ императора, коренастый и за видъ прѣтущій, былъ замѣчательно похожъ на отца; говорили, что характеръ у него далеко не такой добрый, какъ у Александра. Откланившись наследнику, я едва успѣлъ передъ разводомъ отдать визитъ генералъ-губернатору.

Возвращаясь изъ его дома, я встрѣтилъ императорскую лейб-гвардію, блестѣвшую на солнцѣ своими воинскими доспѣхами. Офицеры были въ зеленыхъ кафтанахъ, съ довольно простымъ золотымъ шитьемъ и асельбантами. въ бѣлыхъ панталонахъ и штиблетахъ, въ шляпахъ съ узкимъ галуномъ; въ правой рукѣ они держали такъ-называемые эспонтоны. Точно такие же зеленые кафтаны солдатъ были богато изу-гравлены золотымъ галуномъ, и ихъ остроконечные, старо-пруссій гренадерскія шапки, обложенныя мѣдью, не только придавали имъ величественный видъ, но положительно осаждали своимъ блескомъ. За то прочія принадлежности ихъ костюма, напудренныя головы, длиннѣшія косы и старомодный покрой мундировъ придавали имъ видъ скомороховъ, выведенныхъ для потѣхи публики; впрочемъ, эта мысль сразу исчезала при взглядѣ на ихъ грозныя и серьезныя лица, на ихъ строго-размѣренный торжественный шагъ, какъ будто они умышленно старались маршировать не спѣша, чтобы прибыть къ намѣченной цѣли какъ можно позднѣе, такъ что ежедневная смена караула походила скорѣе на шествіе солдатъ за похоронной процессіей или къ мѣсту казни.

Мнѣ не пришлось въ первые дни видѣть императора при этой церемонії. Впослѣдствіи мнѣ самому были отданы, однажды, при этомъ, воинскія почести, но чтобы дать понятіе о томъ, что происходило иногда за разводахъ, я разскажу одинъ случай, о которомъ говорилъ въ то время весь городъ; мнѣ передавалъ его со всѣми подробностями гораздо позже одинъ пріятель, бывшій свидѣтелемъ этой сцены.

«Когда я вышелъ изъ кареты», — такъ разсказывалъ мой другъ, — «и слуга оправилъ на мнѣ мундиръ, то караулъ уже подошелъ къ дверямъ зѣзерциргауза шаговъ на 50; въ эту минуту появился императоръ, окруженный свитою; карауль прошелъ мимо него, маршируя съ удвоеннымъ стараниемъ и стараясь изо всѣхъ силъ попасть въ тактъ раздававшейся безостановочно командѣ: «лѣвая, правая» (нога). Какъ одно-

образно ни звучали эти слова, но въ выражениі, съ которымъ они произносились, была большая разница, смотря по тому, слышалось ли въ нихъ удовольствіе или худое расположеніе духа. Со страхомъ прислушивалось большинство къ постепенно возраставшему раздраженію императора, и я ожидалъ уже, съ возбужденіемъ любопытствомъ, что разводъ сейчасъ окончится, какъ вдругъ, толпа придворныхъ, следившая за императоромъ, сплотилась воаѣ нѣго, и за раздавшимся шумомъ и крикомъ я не могъ ясно различить происшедшаго».

Мнѣ сказывали потомъ, что императоръ пришелъ въ большой гнѣвъ. Каково было послѣдствіе этого событія—заточеніе ли въ крѣпость, или ссылка въ Сибирь, или, наконецъ, быстрое повышеніе до чина полковника—я не знаю; но въ ту минуту, вспомнивъ одинъ случай, когда разгневанный императоръ приказалъ прогнать съ учебнаго плаца цѣлый полкъ, я испугался, какъ бы и тутъ не случилось что-либо подобное, и струхнулъ за свою собственную участъ, по пословицѣ: «съ кѣмъ попался, съ тѣмъ и къ отвѣту».

Въ первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ я былъ представленъ также великимъ княгинямъ: Елизавѣтѣ Алексѣевнѣ, супругѣ великаго князя Александра Павловича, и Аннѣ Феодоровнѣ, супругѣ Константина. Елизавета Алексѣевна, бывшая принцесса Баденская, обладала въ высшей степени привлекательной наружностью, была привѣтлива и, повидимому, весьма кроткаго характера, тогда какъ Анна Феодоровна, принцесса Саксенъ-Кобургская, но имѣла и тѣни достоинствъ ея царственной невѣстки, хотя лицомъ была, можетъ быть, и красивѣя ея.

На вечернихъ собраніяхъ у императора, на которыхъ мнѣ также было приказано являться, присутствовали, главнымъ образомъ, всѣ находившіеся въ Петербургѣ, члены императорской фамиліи, за исключеніемъ малолѣтнихъ: великой княжны Анны Павловны и великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Изъ прочихъ лицъ, присутствовавшихъ на эти вечера, между коими оберъ-гофмейстера, графы Ливенъ, была единственная дама, я помню только петербургскаго воеванаго губернатора, графа Палена, высокаго, статнаго мужчину пожалыхъ лѣтъ, привлекательной и въ то же время величественной наружности, съ хитрымъ выраженіемъ глазъ; графа Строганова, графа Нарышкина и графа Кутайсова. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Строгановъ былъ, кажется, любимцемъ императора. Онъ слылъ большимъ острякомъ и умницей и, несмотря на свою маленькую, тщедушную и сгорбленную фигуру, олицетворилъ собою истиннаго вельможу. Оберъ-камергеръ Нарышкинъ, человѣкъ высокий и плотный, котораго въ кружкѣ императора часто называли, въ шутку, «кузеномъ», такъ какъ мать Петра I была изъ дома Нарышкиныхъ, чѣмъ онъ не-

мало гордился, быть большой шутникъ и забавникъ; на его губахъ вѣчно скользила улыбка. Всѣ эти господа носили костюмъ мальтійскихъ кавалеровъ, за исключеніемъ графа Палена; на немъ былъ всегда бѣлый мундиръ. Генералъ Дибичъ присутствовалъ на придворныхъ вечернихъ собраніяхъ, вѣроятно, только въ качествѣ моего гувернера. Я не затрагивалъ этого щекотливаго вопроса, но былъ убѣжденъ въ этомъ потому, что онъ старался увѣритъ меня въ противномъ.

Передъ началомъ вечера, императорская фамилия собиралась предварительно въ покояхъ тетушки; мнѣ также было приказано явиться къ ней. Очень хорошо помню, что ровно въ половинѣ седьмаго раство-рились створчатыя двери и входилъ императоръ; пройдя съ легкимъ поклономъ мимо присутствующихъ, государь почтительно кланялся императрицѣ, ласково кивалъ головою великой княгинѣ Аннѣ Феодоровнѣ, потомъ, обыкновенно, обращался ко мнѣ особенно благосклонно, много разспрашивая меня, часто смеясь моимъ отвѣтамъ, иной разъ даже хлопалъ въ ладоши; затѣмъ, подавъ руку государынѣ, направлялся въ собраніе. Я, разумѣется, скромно оставался позади всѣхъ, пока серьезная, престарѣлая графиня Ливенъ, которую я въ то время генавидѣлъ, но къ которой впослѣдствіи относился съ чисто сыновнимъ почтеніемъ, не толкала меня въ спину, со словами: «ступайте!»

Гости встрѣчали императора въ небольшомъ парадномъ покоѣ, стоя въ принужденныхъ почтительныхъ позахъ. Долѣвъ всѣхъ Павель разговаривалъ, обыкновенно, съ военнымъ губернаторомъ, которому часто говорилъ что-то на ухо, причемъ графъ Паленъ вѣсколько склонялся на бокъ; затѣмъ государь обмѣнивался немногими словами съ графомъ Строгановымъ, и послѣ этого, всякий разъ, обращался къ генералу Дибичу, которого отзывалъ въ уголь и, указывалъ часто на меня, милостиво пожималъ ему руку и, какъ я замѣтилъ, къ величайшей до-садѣ присутствовавшихъ, увѣрялъ его въ своемъ милостивомъ благо-веденіи.

Но едва государь обращался въ сторону прочихъ царедворцевъ, какъ мрачныя лица всѣхъ приглашенныхъ прояснялись и вновь выражали удовольствіе.

Въ такихъ случаяхъ Строгановъ и Нарышкинъ соревновали между собою въ любезности относительно меня. Помня, однако, наставленія моего гувернера ни съ кѣмъ не разговаривать много, кроме импера-тора, я ограничивался односложными «да» и «нѣть» и на неотступные вопросы Строганова отвѣчалъ, что я новобранецъ-драгунъ и не могу вести разговора съ государственнымъ человѣкомъ и острякомъ. Эти слова, внущенные мнѣ моимъ хитрымъ наставникомъ, хорошо изучившимъ характеръ императора, производили весьма пріятное впечатлѣніе на Павла и располагали его еще болѣе въ мою пользу. Онъ потираль

себѣ, съ довольноымъ видомъ, руки, и по данному имъ знаку всѣ садились.

Государь занималъ съ своею супругою мѣсто на софѣ; прочіе размѣщались около стоявшаго передъ нею круглого стола; мнѣ полагалось сидѣть какъ разъ противъ императора. Онъ часто взглѣдывалъ на меня, благосклонно кивая мнѣ головою, но почти ничего не говорилъ съ своею семьею, а больше всего бесѣдоваль съ графомъ Строгановыемъ.

Даже мнѣ, несмотря на мою молодость, бросались въ глаза парадоксальная мысли, высказываемыя зачастую императоромъ, и я осаждалъ генерала Дибича по этому поводу вопросами на обратномъ пути изъ дворца.

Эти вопросы приводили хитраго царедворца въ немалое смущеніе. Конечно, я не могъ бы найти лучшаго наставника въ искусствѣ прітворства и придворныхъ интригъ.

Его взглѣды, противъ которыхъ нельзя было спорить, сводились въ общихъ чертахъ къ тому, что надобно дѣйствовать всегда согласно обстоятельствамъ, необходимо поддержать доброе о себѣ мнѣніе императора и сообразоваться съ его настроеніемъ.

— Только такимъ путемъ, добавлялъ онъ, стараясь прикрыть свои слова благовиднымъ предлогомъ,—вы можете сдѣлать пріятное вашимъ родителямъ и быть имъ дѣйствительно полезнымъ; къ этому обязываетъ васъ и долгъ передъ государемъ, который такъ сильно васъ любить.

Заговоривъ на эту тему, Дибичъ былъ неистощимъ, и потокъ его краснорѣчія кончался, обыкновенно, самымъ трогательнымъ изъявленіемъ признательности къ государю за расположение, которымъ онъ его удостоивалъ.

Этотъ хитрый человѣкъ старался встать въ каждомъ вопросѣ на нравственную точку зренія, чтобы этимъ заслужить мое довѣріе и расположение, которымъ онъ считалъ, вѣроятно, необходимымъ заручиться.

Совершенно иначе и гораздо честнѣе относился ко мнѣ г-нъ фонъ-Требра, съ пѣною у рта старавшійся доказать мнѣ ничтожество своего соперника.

Но довольно обѣ этомъ; вернемся къ вечернимъ собраніямъ у императора.

Эти собранія, точный снимокъ съ обычая, существовавшаго при дворѣ Фридриха II, не представляли сами по себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Разныя проходительныя обносились безпрестанно, а императоръ поддерживалъ съ себѣ веселое настроеніе.

Въ опредѣленное, по часамъ, время,—какъ все, что дѣлалось императоромъ Павломъ,—онъ вставалъ съ софы; за нимъ поднимались всѣ

присутствующіе. Императоръ удалялся на нѣсколько минутъ и по возвращеніи подавалъ руку императрицѣ, чтобы идти къ столу, накрытому въ съсѣдней залѣ. Ужинъ начинался, обыкновенно, въ половинѣ девятаго и ровно въ девять оканчивался.

Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, къ столу приглашались, обыкновенно, двѣ дежурныя статсъ-дамы и генераль-адъютантъ. Графа Строганова я видѣлъ всегда за столомъ противъ императора, по одну сторону которого сидѣла императрица, а по другую великая княгиня Елизавета Алексѣевна. Я помѣщался между великою княжною Марией Павловной и графинею Ливенъ. За каждымъ столомъ стоялъ пажъ, а позади государя два камеръ-пажа, въ алыхъ кафтанахъ, съ малтийскими крестами на груди—кандидаты въ капитаны арміи. У одного конца стола, опираясь на палку, стоялъ начальникъ пажей, въ чинѣ полковника, а у противуположнаго конца оберъ-гофъ-фурьеръ Крыловъ, также полковникъ, оба малтийскіе кавалеры.

Разговаривали за ужиномъ мало, потому что блюда смѣнялись такъ быстро, что едва оставалось время прикоснуться къ кушаньямъ и было уже не до разговоровъ.

Когда государь отвѣдывалъ мороженаго, которое подавалось всевозможныхъ сортовъ, то это служило знакомъ скораго окончанія ужина, который, дѣйствительно, кончался съ первымъ ударомъ девяти часовъ.

Пустяшный случай, происшедший со мною однажды за ужиномъ, имѣлъ большое влияніе на мою судьбу.

Едва успѣлъ я, въ тотъ же разъ, коснуться мороженаго, которое явно привлекало мои алчные взоры, красуясь на столѣ въ образѣ всевозможныхъ плодовъ тропическихъ странъ, какъ я замѣтилъ, по тутиному движенію прислуживающихъ, что государь готовъ встать изъ-за стола. Съ трудомъ могъ я выпутать свои шпоры, зацепившіяся за скатерть, притомъ все мои мысли были поглощены въ этотъ мигъ исключительно мороженымъ, поэтому, когда лакей быстро отдернулъ изъ-подъ меня стулъ, то я зашатался и головою впередъ, со всего размаха, полетѣлъ на полъ.

Это было такъ уморительно, что я самъ не могъ удержаться отъ хѣха, и я не успѣлъ подняться, какъ государь первый расхохотался—и у вторили всѣ присутствующіе. Но вдругъ его взоръ омрачился, и онъ взглянулъ сурово на великаго князя Константина Павловича, спросилъ меня съ участіемъ, не ушибся ли я, и послѣдно, въ самомъ турномъ настроеніи, вышелъ изъ залы.

Графиня Ливенъ кинула на меня взглядъ, исполненный гнѣва, а стушка сказала мнѣ, уходя: «*Vous êtes un étourdi, mon ami*»¹⁾.

¹⁾ Какой ты вѣтренникъ, мой другъ.

Великие князья продолжали смеяться, Мария Павловна пожала плечами, взглянувъ на меня съ состраданіемъ, а придворные, уходя, кланялись мнѣ еще ниже прежняго. Я остался, наконецъ, одинъ съ пажами, которые, не обращая вниманія на царскаго любимца, дружно напали на счастіе, по обычаю предоставленныя имъ и на которых я посматривалъ съ завистью.

Мнѣ пришлось ждать въ столовой, пока не были погашены чуть ли не послѣднія свѣчи, такъ какъ генераль Дибичъ былъ неожиданно позванъ къ императору и долго оставался въ его покояхъ.

Когда онъ вернулся наконецъ и мы уѣхали съ нимъ въ карету, то мой гувернеръ неожиданно поднялся со своего сидѣнія, опустился на колѣни и, наклонившись ко мнѣ быстро, схватилъ мои руки.

— Что я слышалъ, любезный другъ, воскликнулъ онъ, какъ хмѣльной, — возможно ли это, мыслимо ли, вѣроятно ли это?

— Да что же такое случилось, ваше превосходительство? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Вы будете великимъ княземъ! воскликнулъ Дибичъ, покрывая вновь мои руки поцѣлуюми.

Не знаю, до чего бы онъ дошелъ, ежели бы я не остановилъ его восторга разными вопросами, на которые онъ однако не счелъ въ ту минуту своевременнымъ отвѣтить мнѣ. Когда же мы подъѣхали къ дому и намъ навстрѣчу выбѣжали слуги, то среди всевозможныхъ увѣреній въ преданности съ его стороны, я разслышала многозначащія слова: «онъ хочетъ усыновить васъ». Эти слова чудились мнѣ въ ту ночь и во снѣ.

Я не могу выяснить, какимъ образомъ возникло и чѣмъ могло быть вызвано подобное намѣреніе императора Павла; въ то время я не подозрѣвалъ даже всего значенія этихъ словъ, а впослѣдствіи не имѣлъ никакихъ доказательствъ справедливости того, о чѣмъ Дибичъ говорилъ мнѣ съ такою увѣренностью.

Мои отношенія къ тетушкѣ составляютъ одинъ изъ необъяснимыхъ фактовъ моей жизни. Она относилась ко мнѣ до самой смерти съ истинно материнской любовью. Во все periods моей жизни, въ дѣтствѣ, юношествѣ и въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ она одинаково и открыто выражала это расположение, называя себя моей второй матерью.

Тетушка искренно любила меня и хорошо знала мой характеръ: она запѣщала мнѣ не на память только одинъ перстень, но для меня съ нею связано много неопѣненныхъ и незабвенныхъ воспоминаний.

Важная роль, которую играли въ моей жизни эти личные отношенія, послужитъ мнѣ извиненіемъ, что я увлекся воспоминаніями и оторвался отъ разсказа, къ которому теперь и возвращаюсь.

Я уже говорилъ, что тетушка хотѣла помѣстить меня отдельно отъ

кадетского корпуса. Въ этомъ случаѣ она дѣйствовала вопреки повелѣнію императора, назначившаго моимъ ближайшимъ воспитателемъ генерала Дибича, который служилъ въ этомъ заведеніи; но въ то время уже многое дѣжалось безъ вѣдома государя, и окружающіе ловко умѣли обходить его приказанія. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Миѣ былъ отведенъ первый этажъ сосѣдняго съ корпусомъ дома, по 1-й линіи Васильевскаго острова. Близость корпуса соотвѣтствовала желанію императора, а помѣщеніе меня отдельно отъ кадетъ удовлетворяло требованіямъ этикета, но генералъ Дибичъ былъ крайне недоволенъ этой комбинаціей и считалъ ее результатомъ интригъ г. фонъ-Требра. Въ скоромъ времени я и самъ испыталъ, вслѣдствіе этого перемѣщенія, нѣкоторыя непріятности.

Однажды, послѣ обѣда, я получилъ отъ тетушки записку, въ которой она собственноручно извѣщала меня, что по приказанію императора я долженъ явиться въ тотъ вечеръ въ концертъ. Положеніе было прескверное: генералъ Дибичъ не былъ у меня въ то время, а г. фонъ-Требра никакъ не соглашался на то, чтобы я уведомилъ Дибича объ этомъ приказаніи.

Услыхавъ мое возраженіе, что я не рѣшалъся явиться во дворецъ безъ генерала, мой гувернѣръ окончательно вышелъ изъ себя, и когда медлить долѣ было невозможно, онъ вскричалъ, наконецъ, совершенно взмолниванный: «Ну, дѣлайте какъ хотите, пишите ему!»

Я тотчасъ написалъ генералу, но онъ не явился, и миѣ пришлосьѣхать съ г. фонъ-Требра; но такъ какъ онъ не выѣхъ пріѣзда ко двору. то крайне раздраженный, онъ предоставилъ меня моей собственной судьбѣ у дверей концертной залы, откуда доносились уже знакомые звуки любимой государемъ увертюры изъ «Ифигенія» Глюка. Когда я отворилъ дверь въ залу, послышалось недовольное «тс!..»

Опозданіе считалось государемъ преступленіемъ, но нѣть правила безъ исключенія, и, къ общему изумленію всѣхъ присутствующихъ, императоръ не только ласково привѣтствовалъ меня, но извинился, что концертъ начать безъ меня, и пригласилъ меня занять оставленное миѣ, въ первомъ ряду, мѣсто.

Онъ самъ подвелъ меня къ великой княгинѣ Елизавѣтѣ Алексѣевнѣ; такъ какъ мой стулъ оказался послѣднимъ съ правой стороны и возлѣ него, полукругомъ, шелъ второй рядъ стульевъ, то я очутился столь близкимъ сосѣдомъ одной очаровательной молодой дамы, что наши колѣни невольно соприкасались; я началъ извиняться, и такимъ образомъ между нами завязался разговоръ, продолжавшійся во всѣ антракты между пьесами.

Моя сосѣдка была одѣта весьма изящно; блескъ ея драгоцѣнныхъ камней свидѣтельствовалъ о ея знатномъ происхожденіи, а небольшое

количество цѣнныхъ вещей, составлявшихъ ея уборъ, говорило въ пользу ея вкуса. Эта дама приняла, впослѣдствіи, особое участіе во мнѣ и будетъ играть въ моемъ разсказѣ большую роль, поэтому съ моей стороны покажется совершенно страннымъ, что я не освѣдомился тогда объ ея имени, которое со временемъ отъ меня утаили.

Ежели бы меня теперь спросили, почему я не цююбытствовалъ узнать ея фамилію, то мнѣ пришлось бы съ краскою стыда сознаться, что эта дама произвела на меня, тринадцатилѣтняго мальчика, такое непонятное впечатлѣніе, что я боялся выдать его своими разспросами. Вотъ причина, по которой я не узналь ея имя, когда это было возможно; потомъ его скрыли отъ меня по причинамъ, о которыхъ я только догадывался, не будучи въ нихъ вполнѣ увѣренъ.

Отвѣчая на вопросы великой княгини и другихъ особъ, я съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ, въ свою очередь, о стоявшихъ передъ нами артистахъ, въ старомодныхъ костюмахъ, какъ вдругъ посреди нихъ явилась величавая красавица, которую вывелъ на сцену господинъ весьма маленькаго роста. Первые звуки ея очаровательного голоса удостоились громкаго браво и аплодисментовъ императора. Это была г-жа Шевалье, одна изъ извѣстнѣйшихъ пѣвицъ того времени, которая пользовалась, какъ говорили, особымъ благоволеніемъ императора. При дворѣ, подобная вещи недолго остаются тайною, поэтому неудивительно, что обѣ этомъ узналь и я, мальчугантъ; впрочемъ, въ то время я не давалъ еще себѣ яснаго отчета въ слышанномъ, равно какъ и въ тѣхъ чувствахъ, которыхъ по временамъ начинали волновать меня и которыхъ я не объяснялъ себѣ, несмотря на рано приобрѣтеннюю опытность и на то, что я смущался при видѣ каждого хорошенькаго женскаго личика. Носился слухъ, будто эта очаровательная особа заняла мѣсто красавицы княгини Гагариной, рожденной Лопухиной, которая пользовалась ранѣе благосклонностью Павла.

Концертъ окончился, по обыкновенію, ужиномъ, который прошелъ этотъ разъ безо всякихъ приключений.

Перенесемся теперь въ мою комнату, гдѣ я, на слѣдующее утро, едва вставъ съ постели, увидѣлъ Дибича.

Маленький генералъ пыталъ гнѣвомъ, и надо сознаться, имѣлъ на то полное право. Онъ не получилъ моей записки, и посланный на его вопросы прямо заявилъ, что г. фонъ-Требра запретилъ ему передавать ее и даже отнѣлъ у него мое посланіе. Такимъ образомъ Дибичъ пропустилъ концертъ и считалъ себя уже въ немилости у императора. Мое увѣреніе, что отсутствіе генерала вовсе не было замѣчено, только усилило его гнѣвъ, проявленіе котораго сдерживалось вѣсколько моимъ присутствіемъ. Но едва я удалился въ свою спальню, чтобы переодѣться, какъ между мною завистливыми педагогами разразилась

перебранка. Все громче и громче доносились до меня ихъ гнѣвные голоса. Только-что я успѣлъ одѣться, готовыйѣхать ко двору, какъ ко мнѣ вѣжалъ, весь запыхавшись, слуга, кричавшій: «Господи! они спѣшились за волосы!»

— Боже мой! воскликнулъ я, г. фонъ-Требра пропалъ! Дѣйствительно, хотя фонъ-Требра и былъ силенъ, но за то было за что схватить его, тогда какъ маленький Дибичъ столько разъ въ день терялъ свой парикъ, что онъ и теперь могъ, безъ ущерба для своей головы, оставить его въ рукахъ своего противника. Но оказалось, что генераль лежалъ, безъ парика, подъ столомъ, а разодранная одежда моего втораго губернера свидѣтельствовала о происшедшей кулачной расправѣ, за окончанiemъ которой я не безъ злорадства скѣдилъ въ замочную скважину вмѣстѣ съ моимъ хирургомъ и двумя слугами, раздѣлявшими мою антипатію къ г. фонъ-Требра. Первымъ, весьма естественнымъ моимъ побужденiemъ было прийти на помощь болѣе слабой сторонѣ, но, увидѣвъ генерала въ столь надежной позиції, я сталъ наслаждаться его оборонительными дѣйствіями и съ любопытствомъ смотрѣть, какъ онъ по кошачи фыркалъ и плевался во всѣ стороны, швыряя въ ненавистнаго противника все, что ему попадалось подъ руку изъ одежды: его шпага, табакерка, носовой платокъ и—даже парикъ летали взадъ и впередъ по комнатѣ, которая была наполнена пудрою, иссившею въ воздухѣ.

Правда, Дибичъ первый началъ драку, но и фонъ-Требра не остался у него въ долгу, поэтому я мысленно осудилъ ихъ обоихъ. «И эти люди должны служить мнѣ примѣромъ!» думалъ я.

Когда я вошелъ въ комнату, они поняли, что ихъ честь зависитъ отъ моего молчанія, и я обѣщаю не выдавать ихъ, ежели они помирятся.

Съ этого, еще дышившагося, поля битвы экипажъ помчалъ сражавшихся въ ихъ примирителя въ императорскій замокъ.

Этотъ разъ тетушка впервые встрѣтила меня строгимъ выговоромъ. Я былъ принятъ въ отдаленной комнатѣ, и возлѣ государыни стоялъ ея генераль-адъютантъ женского пола въ угрожающей позѣ. Ежели бы тутъ присутствовало еще третье лицо, то я принялъ бы его за палача.

Мнѣ было предъявлено мое вчерашнее письмо къ генералу Дибичу, которымъ г. фонъ-Требра воспользовался, какъ оказалось, чтобы пожаловаться на меня. Въ этомъ письмѣ говорилось, что я, къ крайнему моему сожалѣнію, не могъ, по винѣ г. Требра, уведомить генерала своеевременно и что ежели онъ не придетъ тотчасъ, то мы не будемъ въ состояніи ждать его.

Я оправдывался тѣмъ, что самъ императоръ назначилъ генерала моимъ непосредственнымъ воспитателемъ и что мнѣ приказано не яв-

ляться безъ него ко двору, но императрица видѣла въ моемъ поступкѣ злой умыселъ противъ человѣка, приставленнаго ко мнѣ моими родителями. Я ни разу не видѣлъ ее столь разсерженной, и ни разу не осыпала она меня столь горькими упреками, принявъ на себя добровольно обязанности моихъ отсутствующихъ родителей. Она бранила меня тагъ, какъ можетъ бранить только родная мать, и совершенно обезоружила меня, когда я стала возражать ей, объяснявъ, что она считаетъ себя моей матерью и смотрить на меня какъ на своего сына. Поэтому я выслушалъ терпѣливо ея наставлениія и предоставилъ ей чинить на мою правосудіе. Хотя я и подумывалъ, слушая ее, что она мать довольно строгая, но все же я былъ убѣжденъ, что ея выговоры, правда, мою не особенно заслуженные, были вызваны ея строгими нравственными принципами, тѣмъ болѣе, что она не задумалась высказать порицаніе любимцу императора, не обращая вниманія на благоволеніе ко мнѣ ея всемогущаго супруга. Я же со своей стороны стойко выдержалъ характеръ и, несмотря на всю мою злобу къ виновнику пережитыхъ мною непріятныхъ минутъ, не нарушилъ данного мною слова. Это сознаніе, или несомнѣнное доказательство любви и заботливости, которымъ тетушка старалась загладить воспоминаніе о сдѣланномъ мнѣ выговорѣ, или наконецъ убѣжденіе въ моей невинности и моя собственная любовь къ моей преемной матери были причиной того, что слезы, которыя я пролилъ въ этотъ день, не оставили ни малѣйшей тѣчи на памятіи моей благодѣтельницы.

Изъ злосчастнаго кабинета, находившагося въ самомъ отдаленномъ концѣ покоевъ моей тетушки и въ которомъ я болѣе никогда не былъ, перенесемся теперь въ роскошное зало или, лучше сказать, въ длинную галлерею Михайловскаго дворца, где по воскресеньямъ собирались офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ и высшій генералитетъ, стоявшіе тутъ по старшинству чиновъ. Я стоялъ впереди всѣхъ. Рядомъ со мною находились три брата Зубовы: Платонъ, Валеріанъ и Николай, затѣмъ многіе другіе генералы, въ томъ числѣ и Дибичъ. У противоположной двери, откуда ожидали императора, помѣщались всѣ вновь произведенные, явившіеся благодарить и представлявшіеся иностранцы, въ числѣ которыхъ былъ на этотъ разъ и г. фонъ-Требра. Гр. Паленъ, осмотрѣвъ представившихся, занялъ място, въ ожиданіи императора, во главѣ ихъ.

Когда створчатыя двери распахнулись, въ собраніи пронеслось шепотомъ: «государь»; всѣ невольно подтянулись. Первымъ былъ представленъ по списку и преклонилъ предъ императоромъ колѣно мазуръ въ морскомъ мундирѣ. Большинство удостоилось ласковаго привѣтствія, а иныхъ, въ томъ числѣ и г. фонъ-Требра, государь сказалъ вѣсколько милостивыхъ словъ. Обратившись затѣмъ къ прочимъ присутству-

шамъ, государь замѣтилъ меня, поспѣшилъ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько самыхъ любезныхъ вопросовъ и даже извинился, что долженъ оставить меня по обязанностямъ службы. На стоявшихъ возлѣ меня Павелъ не обратилъ никакого вниманія и прошелъ на другой конецъ зала, гдѣ, обходя ряды, принималъ рапорты командировъ гвардейскихъ полковъ, въ томъ числѣ и великихъ князей. Подъ конецъ онъ опять подошелъ ко мнѣ, вновь любезно привѣтствовалъ меня, холодно сказалъ нѣсколько словъ братьямъ Зубовымъ и гораздо ласковѣе обратился къ нѣкоторымъ другимъ изъ присутствовавшихъ, въ особенности къ Дибичу.

Когда государь отошелъ отъ насъ настолько, что можно было позво-лить себѣ говорить шепотомъ, то хитрый гр. Платонъ Зубовъ обратился ко мнѣ съ льстивыми словами. Императоръ тотчасъ замѣтилъ это, воз-вратился ко мнѣ и ласково посмотрѣлъ на князя.

По удаленіи Павла изъ аудиенц-зала, всѣ устремились въ покой, гдѣ собирались придворныя дамы на парадный выходъ и гдѣ я долженъ былъ дожидаться великихъ князей Александра и Константина Павло-вичей, которые были еще заняты своими частями, чтобы вмѣстѣ съ ними идти въ гостиную, куда собиралась императорская фамилия.

Въ ожиданіи ихъ, я имѣлъ возможность разсмотрѣть толпу собравшихся придворныхъ дамъ и, любуясь ими, позабылъ непріятное событие того утра. Какую массу я увидѣлъ тутъ великолѣпныхъ нарядовъ, давшихъ мнѣ понятіе о блескѣ русскаго двора и о чрезвычайномъ богатствѣ русскихъ вельмож! Глядя на изящныя фигуры дамъ и на ихъ оригинальные платья, блеставшія золотомъ, серебромъ и драгоценными каменными, мнѣ казалось, что женскія моды давно минувшихъ временъ сочетались тутъ со вкусомъ новѣйшаго времени, чтобы заплатить дань красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Эта мысль пришла мнѣ на умъ въ особенности въ ту минуту, когда я увидѣлъ среди этой прелестной толпы знакомую мнѣ молодую даму, которая занимала этотъ разъ болѣе подобавшее ей почетное мѣсто и была такъ же прекрасна, какъ вчера.

Какъ возгордился я, увидѣвъ, что она меня замѣтила и подозвала къ себѣ. Пригласивъ меня сѣсть возлѣ нея, она сказала, что я своею откровенною бесѣдою смущилъ и встревожилъ ее вчера, но заслужилъ ея полное сочувствіе.

Затѣмъ съ выраженіемъ грусти, она взяла меня за руку и продол-жала взволнованнымъ голосомъ: «Хотите быть моимъ другомъ? Я буду охранять васъ! Обращайтесь ко мнѣ всякой разъ, когда что-либо встре-вожитъ васъ. Я часто бываю при дворѣ; только не говорите никому о нашей дружбѣ, подъ этимъ условіемъ я сама буду откровенна съ вами. Довольно того, ежели вы знаете, что мы живемъ въ тяжелыя времена, когда самыя блестящія надежды измѣняютъ и когда надобно бояться самыхъ могучихъ покровителей».

Въ сущности ея слова были для меня совершенной загадкою, и я отнесъ мысленно къ числу опасностей, о которыхъ она мнѣ наимекала, тѣ шалости, изъ-за которыхъ я могъ лишиться благоволенія императора. Но въ ту минуту я боялся только потерять участіе и довѣріе моего новаго друга, и ничто въ мірѣ не могло бы меня заставить нарушить ея тайну, таѣ какъ я питалъ къ ней самыя серьезныя чувства, какія только можетъ питать тринадцатилѣтній мальчикъ.

Изъ пріемныхъ комнатъ императоръ отправился въ аудієнц-залъ, ведя подъ руку императрицу, а когда окончилось представленіе, всѣ присутствующіе двинулись въ дворцовую церковь; государь со своею августейшою супругою заняли царское мѣсто, а прочіе, въ томъ числѣ и я, стали посреди церкви. Я всталъ возлѣ упомянутой молодой дамы, которая во время богослуженія нашла случай объяснить мнѣ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ православнаго богослуженія. Стройное пѣніе пѣвчихъ, которое надоѣдно слышать, чтобы понять сильное впечатлѣніе, какое оно производить на воспріимчивую душу, подействовало на меня такъ глубоко, что я унесся духомъ въ иной, высшій міръ.

Особенно горячо молилась моя сосѣдка, когда во время ектеніи было произнесено имя наслѣдника - цесаревича: «На него надоѣдо смотрѣть, какъ на Спасителя, сказала она, онъ долженъ быть вашимъ кумиромъ».

Эти слова были пророческія; они выражали тѣ чувства, которыхъ я питалъ къ Александру въ первые годы его царствованія, но могъ ли я, мальчикъ, осыпанный милостями государя и отъ него вполнѣ зависѣвшій, имѣть собственную волю или идти противъ него въ то время, когда натянутыя отношенія, существовавшія между государемъ и его сыномъ, ни для кого не составляли тайны?

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Начавшіяся занятія препятствовали мнѣ, по-прежнему часто, являться ко двору, впрочемъ, я присутствовалъ на всѣхъ официальныхъ собраніяхъ; не было ни малѣшаго сомнѣнія въ томъ, что благоволеніе ко мнѣ императора увеличивалось съ каждымъ днемъ, точно такъ же, какъ и предупредительность придворныхъ, а равно расположение государыни и участіе ко мнѣ моей юной покровительницы.

До 9-го (21) марта въ моей жизни не произошло ничего особеннаго, поэтому мы пройдемъ это время молчаніемъ и перенесемся прямо на придворный концертъ, гдѣ я очутился вновь рядомъ съ той дамой, которая оказывала мнѣ такое вниманіе. Мрачное настроеніе духа, всѣхъ угнетавшее, чувствовалось въ тотъ вечеръ болѣе, нежели когда-либо. Казалось, будто и пѣніе г-жи Шевалье не интересовало императора, какъ всегда. Великая княгиня Елизавета Алексѣевна сидѣла молча и печально. Александръ Павловичъ также былъ повидимому озабоченъ.

Павель смотрѣлъ сердито и разстроенно; меня удивило, почему, при подобномъ настроеніи, онъ не отмѣнилъ вовсе концерта.

По окончаніи концерта, императоръ, какъ всегда, удалился, но его отсутствіе продолжалось этотъ разъ дольше обыкновенного. Когда двери распахнулись, онъ подошелъ къ императрицѣ, стоявшей справа, ближе всѣхъ остальныхъ, остановился передъ нею, а потомъ предъ обоми великими князьями, затѣмъ подошелъ къ гр. Палену, шепнувъ ему что-то на ухо и послѣдно направился къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча.

Гробовое молчаніе царило за ужиномъ; когда же всѣ встали изъ-за стола, то императоръ быстро удалился, никому не поклонившись.

Выѣдя изъ столовой, я встрѣтилъ моего друга въ плохо освѣщенному коридорѣ. Она прошептала нѣсколько словъ на ухо генералу Дибичу, который отвѣчалъ почтительно: «къ вашимъ услугамъ»...

Съ этихъ поръ я никогда болѣе не видѣлъ ее.

Когда она удалилась, я рѣшился, наконецъ, спросить генерала, кто эта дама?

— Право, отвѣчалъ онъ съ видимымъ смущеніемъ, при дворѣ бываетъ такъ много знатныхъ особъ, что я не могу сразу припомнить имена всѣхъ.

— Но что же она вамъ сказала?

— Гр. Паленъ просилъ меня забрать къ нему завтра утромъ.

На другой день концерта, въ воскресенье утромъ, я засталъ императора въ лучшемъ настроеніи духа. Во время пріема, Дибичъ говорилъ мнѣ, что императрица и великие князья вѣроятно въ чѣмъ-нибудь провинились наканунѣ передъ государемъ. Проходя мимо меня, Павель благосклонно пожалъ мнѣ руку, какъ бы желая этимъ сказать: «Мнѣ некогда съ тобою заняться, но ты можешь разсчитывать на мое расположение».

По утру 12-го (24) марта, г. фонъ-Требра объявилъ мнѣ о кончинѣ императора Павла.

Тетушку я увидалъ въ глубокомъ траурѣ; она была очень серьезна, печальна и мрачно настроена.

Теперь по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ все вокругъ меня измѣнилось.

О блестящей карьерѣ, которой приближенные отчасти желали, отчасти опасались для меня и которая предстояла мнѣ вслѣдствіе особыго ко мнѣ благоволенія покойнаго государя, теперь не могло быть и рѣчи; я могъ выдвинуться, только благодаря своимъ способностямъ и моему собственному старанію. Почтѣ, которымъ я пользовался при дворѣ такъ незаслуженно, уступилъ мѣсто болѣе строгой дисциплинѣ, коей подчинилъ меня мой второй гувернеръ, окончательно заступив-

шій мѣсто генерала Дибича; я пересталъ явљаться ко двору; боязь замкнутая жизнь конечно способствовала моимъ научнымъ занятіямъ. Время отъ времени я бывалъ у тетушки, но она всякий разъ производила мнѣ нѣчто въ родѣ экзамена, а остальные придворные едва замѣчали меня. Что касается меня, то я чувствовалъ себя гораздо пріятнѣе и довольнѣе съ тѣхъ поръ, какъ я очутился на болѣе подобающемъ мнѣ мѣстѣ, и, несмотря на свою молодость, краснѣлъ при мысли, что я былъ всѣмъ обязанъ не моимъ личнымъ достоинствамъ, а только пріхоти покойнаго императора.

Рискуя смертельно надѣяться, я могъ бы приступить теперь къ подробному описанію Петербурга, казавшагося мнѣ особенно привлекательнымъ въ лѣтніе мѣсяцы, но это будетъ совершенно лишнее, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что это прекрасный городъ, съ его восхитительными островами и прелестными окрестностями съ ихъ загородными дворцами и дачами. Также излишне будетъ описывать подробно печальную церемонію похоронъ императора Павла. Длинной вереницею тянулась процессія отъ Михайловскаго замка чрезъ Васильевскій островъ въ крѣпость—новое мѣсто упокоенія царей. Траурная шляпа невѣроятныхъ размѣровъ, съ огромными полями и длинный плащъ страшно мѣшили мнѣ идти вслѣдъ за особами императорской фамилии; ничего не вида предъ собою, я уходилъ впередъ другихъ и споткнувшись падалъ возлѣ самой колесницы. Окружающіе, несмотря на торжественную обстановку печальной церемоніи, не могли удержаться отъ улыбки, при видѣ моего неоднократнаго паденія; одинъ разъ самъ Константинъ Павловичъ отвелъ меня на мое мѣсто, сказавъ: «Держись за меня, чтобы тебя опять не столкнули».

На моихъ глазахъ произошелъ слѣдующій случай, возбудившій много пересудовъ: Ѳхавшій въ процессіи парадный рыцарь въ золотыхъ латахъ лишился чувствъ подъ тяжестью вооруженія и упалъ съ лошади, что было сочтено суевѣрнымъ народомъ за дурное предзнаменованіе.

Можно сказать вообще, что молодой императоръ относился ко мнѣ вѣжливо, но на парадахъ и аудіенціяхъ держалъ себя со мною скрѣе холодно, нежели любезно; несмотря на это, я былъ въ восторгѣ отъ него и отъ новой, гораздо болѣе изящной обмундировкы лейбъ-гвардіи.

Лѣтомъ 1801 г. мнѣ предстояла неожиданная радость: императрица рѣшила отправить меня обратно въ Германію для довершенія моего образованія. И такъ, по прошествіи полугода, я очутился вновь въ Карлсруэ, возвратившись съ востока къ родному очагу съ искреннимъ стремленіемъ къ образованію и къ дальнѣйшему усовершенствованію. Я покинулъ Петербургъ богатый опытомъ, но бѣдный познаніями, не-

смотря на всѣ старанія моихъ прекрасныхъ учителей, изъ коихъ назову: Крафта, Бинтума, Германа, Фрейганга и т. д. и, несмотря на мое собственное стараніе воспользоваться ихъ уроками, я прожилъ въ Россіи слишкомъ короткое время, чтобы мои занятія могли принести плоды.

Я пробылъ въ Карлсруэ до 1802 г.; это время не связано для меня ни съ какими особенными воспоминаніями, кромѣ того, что я занимался сочиненіемъ нѣсколькихъ музыкальныхъ произведеній. Въ годовщину того самаго дня, когда я уѣхалъ въ Россію, 14 января 1802 г. г. фонъ-Требра отвезъ меня въ Бреславль. Онъ оставилъ място въ нашемъ домѣ и передалъ меня другому воспитателю, барону Лудвигу фонъ-Вольцогену, брату адъютанта моего отца, который въ чинѣ поручика состоялъ въ Прусскомъ пѣхотномъ полку князя Гогенлоэ-Ингельфингена. Уроженецъ Тюрингена, онъ окончилъ образованіе въ Штутгардтѣ, въ Académie militaire¹⁾, затѣмъ служилъ въ рядахъ виртембергского войска, а съ 1794 г. числился въ прусской арміи. Вольцогенъ первый изъ моихъ наставниковъ далъ мнѣ болѣе широкій взглядъ на вещи и своимъ обширнымъ умомъ имѣлъ на меня большое влияніе. И у него были, конечно, свои особенности и недостатки, какъ у всякаго смертнаго. Онъ поражалъ, при первой встречѣ, своею холоднотою и казался человѣкомъ гордымъ, высокомѣрнымъ и обладающимъ слишкомъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, но этотъ взглядъ измѣнялся при ближайшемъ знакомствѣ; поручикъ былъ пріятѣйшій въ мірѣ собесѣдникъ, который въ остроумномъ и интересномъ разговорѣ всегда выказывалъ запасъ самыхъ обширныхъ познаній. Къ тому же его взгляды были въ высшей степени честные; этимъ онъ заслужилъ мое искреннюю привязанность и платилъ мнѣ взаимностью. Снискавъ мое уваженіе, онъ щадилъ, съ своей стороны, мое юное самолюбіе и относился ко мнѣ съ любовью, строго исполняя свой долгъ, за что и до конца жизни буду къ нему питать искреннюю признательность.

Во время моего десяти-мѣсячного пребыванія въ Бреславльѣ, которое прерывалось только поѣздками въ Карлсруэ, я сдѣлалъ несравненно большия успѣхи, нежели прежде. Вольцогенъ былъ однимъ изъ моихъ усердѣйшихъ преподавателей, и его уроки шли успѣшнѣе другихъ. Онъ старался побѣдать врожденную мнѣ застѣничность, съ которой я безуспѣшно боролся въ Петербургѣ, поѣзжая со мною вечера, балы, вообще бывая въ дамскомъ обществѣ, но это не принесло особенной пользы, такъ какъ я скоро подмыть разницу здѣшнаго обхожденія съ утонченными манерами петербургскаго двора. Не надобно было обладать слишкомъ большою проницательностью, для того чтобы замѣтить, что

¹⁾ Всѣяная академія.

патріотический задоръ, выражавшійся только въ презрѣніи ко всему иноzemному, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой ограниченности. Поэтому хвастливый тонъ прусскихъ офицеровъ былъ мнѣ крайне противенъ. Они отличались въ то время еще нѣкоторою грубостью, напоминавшей былые времена. Такъ напр. на одномъ балѣ, молодые прапорщики напали на меня и обычнымъ тогда способомъ принудили меня пить съ ними вино. Я возвратился домой безъ чувствъ. Въ день рождения короля, мой сосѣдъ комендантъ заставилъ меня выпить цѣлый бокалъ рейнвейна за здоровье Его Королевскаго Величества и полъ-бокала за здоровье королевы. Послѣ этого геройскаго подвига я проснулся довольно поздно въ своей кровати съ болью въ желудкѣ и буквально не могъ дать себѣ отчета въ случившемся. Воодѣ моей кровати сидѣлъ Вольцогенъ; онъ рассказалъ, какъ меня безъ чувствъ пронесли домой, и видя, что я былъ чрезвычайно сконфуженъ, старался успокоить меня, увѣряя, что на обѣдѣ всѣ были болѣе или менѣе выпивши, начиная отъ губернатора до послѣдняго гостя.

Въ ноябрѣ 1802 года я уѣхалъ съ Вольцогеномъ изъ Бреславля и, будучи всего пятнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ въ университетъ въ Эрлангенѣ. Проѣздомъ въ этотъ городъ я посѣтилъ поля битвы при Колинѣ и Прагѣ, въ Богеміи.

Занимаясь въ университетѣ, я совершилъ въ 1803 году вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько путешествий, посвящаючи много времени музыкѣ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за политическими событиями и за возобновившимися непріязненными дѣйствіями между Англіей и Франціей. Всеобщее вниманіе было обращено въ то время на войска, со-редоточенные близъ Булони; всѣ ожидали высадки французовъ, интересовались мѣрами обороны, которая будутъ предприняты англичанами, и болѣе всего честолюбивыми замыслами Наполеона и благороднымъ намѣреніемъ Александра помочь слабому противъ сильного.

Что касается моихъ путешествий, то я отправился въ 1803 г. изъ Бреславля первый разъ на празднства, устроенные моимъ дядей, герцогомъ Виртембергскимъ въ Штутгартѣ, по случаю избрания его въ курфирсты. Онъ оказалъ мнѣ по этому случаю всевозможные знаки благоволенія, назначилъ на мое содержаніе ежегодно 1.500 гульденовъ и выказалъ мнѣ чисто отеческое расположение, но я долженъ сознаться, что, несмотря на выдающійся умъ, онъ напоминалъ нѣкоторыми взглядами и слабостями императора Павла.

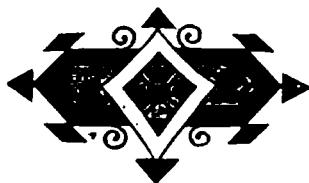
При огѣнѣ личностей я не могъ никогда руководствоваться благоволеніемъ, мнѣ оказаннымъ.

Вольцогенъ нерѣдко говорилъ, что я захожу въ свое мѣсто безпристрастіи слишкомъ далеко, игнорируя долгъ признательности. Онъ высказывалъ мнѣ и нѣкотороя другія правила житейской мудрости, которыми,

обыкновенно, руководствуются люди въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но эти правила расходились съ самыми сокровенными моими убѣждѣніями, и я доказывалъ ему всѣми силами, что у всякаго человѣка свой характеръ, и что я не могу измѣнить своихъ взглядовъ, слишкомъ расходившихся въ этомъ случаѣ съ его воззрѣніями.

Все мною разсказанное свидѣтельствуетъ, что мнѣ пришлось перейти до 1803 года, т. е. въ первыя пятнадцать лѣтъ моей жизни, весьма много достопримѣчательныхъ событий.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образования.

5.—Оцѣнка заслугъ и низкая злоба¹⁾.

Замѣчательно плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа, имѣвшая распространеніе на всю Имперію, конечно, не могла не вызвать признательной оцѣнки со стороны наиболѣе просвѣщенной части общества. Это выразилось, между прочимъ въ томъ, что въ 1870 г. петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ; въ 1871 году Московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Насколько, дѣствительно, почетно, напримѣръ, избраніе бывшаго педагогического общества, обѣ этомъ, между прочимъ, можно судить изъ слѣдующаго письма известнаго уже намъ Ф. Н. Мѣдникова, бывшаго редакторомъ издателемъ «Народной Школы» и принимавшаго дѣятельное участіе въ педагогическомъ обществѣ.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ.

Спѣшу уведомить Васъ, что въ засѣданіи совета сиб. Педагогическаго общества 10 сего января Вы избраны Почетнымъ членомъ общества. Сообщая Вамъ о семъ, я въ то же время имѣю честь поздравить Васъ и пожелать Вамъ еще долгаго, полезнаго служенія народному образованію. Отъ души радъ, что общество наше почтило Ваша общественныя, несомнѣнныя заслуги на поприщѣ народнаго образования. Вотъ списокъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены: Вы, графъ Д. А. Толстой, И. Д. Деляновъ, князь П. И. Ливенъ, графъ С. Г. Строгановъ, Н. И. Пироговъ, бывшій министръ нар. пр. Головинъ, Н. В. Исаковъ и изъ иностранцевъ—Любенъ.

О новомъ Вашемъ званіи будетъ объявлено въ засѣданіи общества 17 января и, по всейѣ вѣроятности, около этого числа Вы получите официальное уже извѣщеніе отъ предсѣдателя общества, П. Г. Рѣдкіна.

Душевно Васъ уважающій

Ф. Мѣдниковъ.

1870 г. 11 января.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1894 г., октябрь.

Въ слѣдующемъ году баронъ Корфъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Къ указаннымъ фактамъ необходимо добавить еще, что во время пріѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественные отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетнаго члена, онъ былъ официально приглашень въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й С.-Петербургской военной гимназіи. Въ присутствіи великой книги Евгенія Максимилиановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи Петербургскаго воспитательного дома, въ частной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Быть приглашенню въ «торжественное собраніе» академіи наукъ, по случаю «празднованія дня ея учрежденія» (29-го декабря). Кроме того, онъ имѣлъ свиданіе съ Головиннымъ, предшественникомъ графа Толстаго по управлению министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ графомъ С. Г. Строгановымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образования и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями. Высокопоставленныя лица, съ которыми видѣлся въ Петербургѣ баронъ Н. А. Корфъ, сами искали съ нимъ свиданія.

Въ бытность въ Петербургѣ, баронъ Корфъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ народнаго просвѣщенія о положеніи и нуждахъ народнаго образования, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательнаго обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣданія съ Толстымъ баронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образования.

Вообще, послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямотаки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями. Онъ достигъ, можно сказать, апофеоза педагогической славы. Заслуги его были наконецъ общепризнаны. На вниманіе, оказанное ему графомъ Д. А. Толстымъ, т. е. министромъ народнаго просвѣщенія, баронъ Н. А. Корфъ былъ въ правѣ смотрѣть даже, какъ бы на правительственную санкцію. А это имѣло для него громадное значеніе, въ виду той по истинѣ самоотверженной преданности, съ какою онъ служилъ дѣлу народнаго образования.

Нужно замѣтить, что, со времени введенія земскихъ учрежденій, главная часть журнальной дѣятельности барона Корфа была посвящена преимущественно полемикѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія,—

и воть почему именно. «Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 года земскими учрежденіями была предоставлена полная самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскими собраніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядитель но-исполнительной власти дала возможность проявиться на мѣстахъ частному и общественному почину и самодѣятельности въ области народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и начало постепенно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летаргіи. Только въ силу предоставленной земству самостоятельности, баронъ Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ, оставаясь простымъ земскимъ дѣятелемъ, могъ выступить въ роли организатора разумной народной школы и дать толчекъ этому дѣлу на всю Имперію. Но затѣмъ обстоятельства круто измѣнились. Въ началѣ 70-хъ годовъ послѣдовала инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе. Инструкція эта кореннымъ образомъ измѣнила весь порядокъ открытія народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ это было установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго говоря, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денежн., забота о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всяаго отношенія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ, безъ права вліятельного голоса въ выборѣ, назначеніи и увольненіи педагогическаго персонала народныхъ школъ.

Такой оборотъ дѣла настолько удручалъ барона Н. А. Корфа что—какъ указано въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ графини П. С. Уваровой—онъ намѣревался даже вовсе прекратить свою земскую дѣятельность по народному образованію Но, послѣ поѣзденія Петербурга и бесѣдъ съ графомъ Д. А. Толстымъ, баронъ Н. А. Корфъ склоненъ былъ смотрѣть на указанный неблагопріятный оборотъ, какъ на временное и случайное какое-то недоразумѣніе.. Поэтому, возвратившись въ свой уѣздъ, онъ былъ преисполненъ желанія отдаваться дѣлу народнаго образованія съ еще большимъ увлеченіемъ и непоколебимо вѣрою въ его прочность. Но здѣсь, на родинѣ и мѣстѣ общественного служенія, его ожидало жестокое разочарованіе и безмыслии-суроый нравственный ударъ, совершиенно, конечно, незаслуженный имъ.

Тотъ именно триумфъ, который выпалъ въ Петербургѣ на долю Н. А. Корфа, какъ общественнаго дѣятеля, и которымъ землевладѣльцы Александровскаго уѣзда должны бы были только гордиться за представителя изъ своей среды,—наоборотъ, до послѣдней крайности раздражилъ темную мѣстную землевладѣльческую силу. Давно уже тяготясь барономъ Корфомъ, какъ главною помѣхой распоряжаться «земскимъ

пирогомъ» по своему усмотрѣнію, они, наконецъ, положительно потеряли разсудокъ оть всероссійской славы, выпавшей на долю барона Н. А. Корфа, и, при помощи темныхъ происковъ и низкихъ интригъ, забаллотировали его, на съездѣ землевладѣльцевъ для выбора земскихъ гласныхъ. Не трудно представить себѣ, какъ изумила и возмутала всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей эта дерзкая и безумная выходка,—это грубо-пренебрежительное, даже ненавистническое отношеніе къ общепризнаннымъ заслугамъ барона Н. А. Корфа на пользу всего государства. Со всѣхъ концовъ Россіи барона Корфа забросали сочувственными письмами. Изъ этой обширной и поучительной корреспонденціи мы ограничимся лишь слѣдующими письмами, придерживаясь и въ этомъ случаѣ хронологического ихъ порядка.

31 мая. Тульская губ., село Пажилино.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ,

Сейчасъ прѣѣхалъ beau-frère Левшина и сообщилъ мнѣ грустное извѣстіе о забаллотированіи вашемъ въ гласные. Что дѣлать и какъ привыкнуть къ этой мысли? Какъ себѣ представить, что это возможно, что это могло случиться? О причинахъ я не спрашиваюсь, ибо у насть, въ матушкѣ Россіи, еще многое дѣлается безъ всякой причины; но, Боже, когда же всему этому безобразію будетъ конецъ, когда будемъ мы болѣе дорожить нашими рѣдкими, честными и безкорыстными дѣятелями?

Левшинъ, не зная мѣстности, не знакомый съ вашими дѣятелями, не могъ мнѣ дать никакихъ подробностей; онъ мнѣ сказалъ только одно, и то я не хочу этому вѣрить. Онъ увѣряетъ, что Вы рѣшились покинуть и училишный совѣтъ. Неужели это правда? Неужели у Васъ хватитъ духу поднять руку на все эти школы, разбить, такимъ образомъ, въ минуту гнѣва то, надъ чѣмъ Вы такъ трудились, то, что можетъ принести такъ много пользы нашей бѣдной, умной, но многострадальной Россіи?.. Я не вѣрю этому и не повѣрю до тѣхъ поръ, пока Вы сами мнѣ объ этомъ не напишете. Еслибы Вы такъ поступили, то я бы совершенно потеряла всякую вѣру въ способность нашихъ дѣятелей работать единственno для пользы дѣла, работать неустанно, несмотря ни на какія минутныя бури и певагоды.

Знаю тоже отъ Левшина, что старикъ Буйницкій не захотѣлъ баллотироваться и даже заплакалъ послѣ сдѣланной Вамъ непріятности. Дай Богъ Вамъ побольше такихъ честныхъ людей; дай Богъ, чтобы и онъ раздѣлилъ мое мнѣніе на счетъ продолженія трудовъ Вашихъ по школамъ и присоединился къ моимъ просыбамъ, чтобы заставить Васъ, любезный Николай Александровичъ, продолжать Ваши труды и опыты.

Не могу писать болѣе, ибо павѣстіе о сдѣланной Вамъ непріятности слишкомъ сильно на меня подействовало.

Жаль мнѣ, что я прежде Вамъ не писала и даже не отвѣтила Вамъ на Ваше письмо отъ января мѣсяца, но всю зиму мнѣ пришлось очень частоѣздить въ Москву, гдѣ страдалъ и умиралъ медленной смертью мой бѣдный старикъ-отецъ. Теперь мы его недавно похоронили, и я привезла мать мою къ сестрѣ, чтобы развлечь и повеселить ея бѣдную, наболѣвшую душу. Завтра

отправляемся обратно къ себѣ въ Порѣчье, куда и прошу писать; отвѣчайте скорѣе, а то мы въ половинѣ іюня отправляемся съ мужемъ за границу, куда его посылаютъ учиться. Я надѣялась прежде увидѣть Васъ здѣсь въ Порѣчье, разсчитывая на то, что Вы посѣтите московскую выставку, но теперь съ нашимъ путешествiемъ видно приходится отказаться отъ этой мысли.

Копчу, жму Вашу руку и прошу Васъ какъ можно скорѣе отвѣчать мнѣ, дабы я могла спокойно работать, не теряя надежды и вѣры въ силу характера нашихъ политическихъ дѣятелей.

Графиня Уварова.

14 іюня 1872 г.
г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Извѣстie, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, который устроилъ земство Александровскому училищному совѣту, спачала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дикихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различные курьезы на Руси довольно часты. Съ своей стороны, я имѣю только къ Вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу. Несмотря на пошлости, Васъ окружшающія, и несправедливости, которыми Вамъ платятъ за великое, честное и добре Ваше дѣло,—не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ Васъ душевно, теперь и всегда будуть чтитъ Вашу память, какъ человѣка, дѣятельно сдѣлавшаго доброе дѣло. Примите увѣреніе въ моей глубокой преданности и полномъ уваженіи.

В. Евтушевскій.

Екатеринодаръ, 15 іюня 1872 г.

Душевно уважаемый
Николай Александровичъ!

Съ глубокимъ прискорбiemъ прочиталъ я о сдѣланной противъ Васъ подлости враговъ Вашихъ; они сдѣлали преступленіе не только противъ Васъ, но и противъ того святаго дѣла, которому Вы служите такъ честно. На грустныя размышленія наводить судьба нашихъ общественныхъ дѣятелей. Неужели честныхъ побужденія, энергія, любовь къ дѣлу, стремленіе хоть сколько-нибудь поднять этотъ бѣдный народъ, погрязшій въ невѣжествѣ,—неужели эти возвышенныя стремленія должны встрѣчать со стороны темныхъ личностей постоянное противодѣйствiе въ видѣ подпольной и открытой борьбы и встрѣтить, наконецъ, преграду, и отъ кого же? Отъ людей завистливыхъ, нечестивыхъ и невѣжественныхъ! А, вѣдь, находятся еще господа, считающіе себя авторитетами педагогіи, обзывающіе дѣятеля за то, что онъ стоитъ на почвѣ живой дѣятельности, а не витаетъ среди кабинетныхъ фантазій. Какъ они много смыслить! Неужели и теперь сии не отрезвятся?

Сегодня я посыпаю попечителю отчетъ о вашихъ школахъ; онъ вышелъ очень большой, на 40 листахъ, и состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой описаны четыре школы, обратившія особенное мое вниманіе: Времьевская, Андреев-

скам, Богодарская и Темрюкская; во второй – представлень общий очеркъ школъ, распадающейся на два отдѣла: обученіе и причины преуспѣянія школъ. Первый отдѣлъ заключается въ изложеніи учебной программы, обусловленной неизначительностью продолжительности учебнаго времени, въ характеристикѣ школъ по успѣхамъ обученія и въ характеристики преподаванія каждого учебнаго предмета, причемъ подробнѣ остановился на общеобразовательныхъ съѣдѣніяхъ „Нашего Друга“; отдѣлъ оканчивается школьною дисциплиною, потому что обученіе въ школахъ уѣзда проникнуто воспитательными цѣлями.

Второй отдѣлъ состоить изъ слѣд. рубрикъ: училища. помѣщ.; учебн. пособія и библ.; наставники и попечители; степень исправности посѣщеній учениками школъ; содержаніе школъ; дѣятельность учи. совѣта; необходимость повторительныхъ классовъ.

Работа моя замедлилась какъ по причинѣ трудности ея, такъ и вслѣдствіе служеб. обязанностей: я присутствовалъ на экзаменахъ, былъ въ Кубан. сим. и велъ значительную отпиську. Еду въ Москву 20 числа этого мѣсяца; тамъ думаю кончить и начатую для „Вѣстника Европы“ статью: „Возможна ли у насъ рациональная народная школа?“ Извѣстно же вышло Вашъ свою карточку, а по возвращеніи — и отчеты.

Отъ души благодарю Васъ за радушное и лестное приглашеніе, которыми едав-ли удастся мнѣ воспользоваться: времени мало; въ началѣ августа я долженъ быть на мѣстѣ, ибо учит. съѣздъ начнется съ 15 августа и будетъ продолжаться три мѣсяца. Вопросъ этотъ решенный, хотя разрешеніе еще не получено.

Искренно уважающій Васъ

Н. Блюдовъ.

21 июня 1872 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Извѣстіе, обнародованное здесь въ газетахъ, о невыборѣ Васъ на занимаемую Вами съ такою достоинствомъ честью должность члена училищаго совѣта Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ., произвело на меня и членовъ моей редакціи самое тяжелое впечатлѣніе. Въ этомъ актѣ нельзя не видѣть самого грубаго и, можетъ быть, умыщенного непониманія той несомнѣнной пользы, которую Вы такъ настойчиво и безкорыстно приносите народному образованію. Кто же можетъ не сожалѣть, что такая плодотворная и высокая по своей цѣли дѣятельность прекращена не по винѣ самого дѣятеля, а по причинамъ, которыя, въ глазахъ всѣхъ лучшихъ нашихъ людей, не имѣютъ никакого оправданія?.. Грустный, по-истинѣ, фактъ!

Примите же, глубокоуважаемый Николай Александровичъ, въ минуту Вашего тяжелаго испытанія, мое искреннее душевное соболѣзнованіе. Въ поступкѣ съ Вами я вижу не оскорблѣніе Вашего лица, а оскорблѣніе, брошенное цѣлой Россіи, глубокую рану, нанесенную всему народному образованію. Какъ редакторъ журнала, посвященнаго народному образованію, я не могу оставить этого факта безъ вниманія, а потому и постараюсь, въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ, посвятить Вамъ нѣсколько теплыхъ, отъ души сказанныхъ, словъ.

Душевно Васъ уважающій

О. Мѣдниковъ.

*

Большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее коллективное письмо или адресъ бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за подпісью предсѣдателя совѣта и всѣхъ его членовъ (четырехъ человѣкъ):

Милостивый Государь

Баронъ Николай Александровичъ!

Въ то самое время, когда мы, по предложению г. предсѣдателя нашего училищнаго совѣта, слушали—сь цѣлію пріобрѣтенія для нашихъ народныхъ училищъ, какъ руководства—изданную Вами книгу „Русская Начальная Школа“, и, когда Вашимъ всестороннимъ уясненіемъ и вѣрымъ изъ опыта добытымъ педагогическимъ взглѣдомъ на дѣло образованія дѣтей нашего простаго народа, и вообще Вашимъ просвѣщеніемъ умомъ и полезною дѣятельностью въ сердцѣ каждого изъ насъ вообуждено было чувство истинной благодарности Вамъ, какъ другу науки и благодѣтелей въ семъ отношеніи нашего края,—мы поражены были грустнымъ газетнымъ извѣстіемъ (50 № „Бирж. Вѣд.“ 1872 г.), что Александровскій уѣздъ, въ которомъ Вы живете и такъ полезно дѣйствуете, въ лицѣ своихъ представителей, не избралъ Васъ гласнымъ за текущее трехлѣтіе, и тѣмъ, конечно, лишилъ Васъ возможности дѣйствовать на избранномъ Вами съятомъ поприщѣ путемъ официального порядка, и что достойные въ семъ, Вами созданномъ, дѣлѣ Ваші сотрудники—члены училищнаго совѣта—не пожелали послѣ этого сохранять за собою званіе членовъ Александровскаго училищнаго совѣта, въ составѣ коего самымъ способнымъ дѣятелемъ они справедливо считали Васъ.

Милостивый Государь! Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20 мая сего 1872 года въ Александровскомъ земскомъ собраніи, ясно говорить самъ за себя, и особенно онь понятѣнъ для насъ, служащихъ и трудащихся за одномъ съ Вами многотрудномъ поприщѣ начального народнаго образованія въ изнѣшнихъ слояхъ нашего простаго русскаго люда.

Изъ опыта мы знаемъ, что одного недоброжелательного слова, превратнаго перетолкованія дѣла обучения дѣтей грамотѣ достаточно для того, чтобы расшатать еще не окрѣпшее довѣріе нашего простаго народа къ тому или другому учредителю начальныхъ народныхъ школъ и тѣмъ вовлечь пародъ въ гнусныи порокъ неблагодарности за истинныи благодѣянія.

Но тѣмъ не менѣе совершившееся у васъ событіе не могло не произвести на Вашу благородную душу впечатлѣніе самое тѣжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорблениія, а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерпъ, которыхъ—въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ—терпѣть нашъ простой народъ по своей неразвитости, всѣдѣствіе неспособности его мыслить самостоятельно о предметахъ самой насущной надобности, каково есть толковое образованіе ума и осмысленное воспитаніе сердца въ дѣтскомъ возрастѣ путемъ науки, и по неумѣнію, въ силу этого, цѣнить и дорожить людьми, съ такимъ самоотверженіемъ трудающимися въ семъ дѣлѣ.

А потому, не безъ основанія мы думаемъ, что Вы, Милостивый Государь, въ виду всѣхъ сихъ соображеній, въ данномъ случаѣ весьма снисходительно отнесетесь къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться, подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самого грустнаго свойства, изъ которыхъ оно современемъ можетъ выйти, но не иначе, какъ чрезъ самоотверженіе лицъ истинно-служащихъ и истинно-любящихъ свою отчизну, свой народъ.

Александровское земство съ 20 мая сего 1872 года лишило Васъ въ семъ дѣлѣ возможности дѣйствія офиціальнымъ порядкомъ, который служилъ Вамъ, такъ сказать, подспорьемъ въ трудномъ дѣлѣ начальнаго образованія, что составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ заботъ возлюбленшаго нашего Монарха. Но оставилъся при Васъ и съ Вами неотъемлемо Богомъ данная Вамъ гениальная способности и практическій, вѣрный взглядъ на дѣло начальнаго образованія, Ваше въ семъ особое умѣніе, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ Вашихъ силъ—въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильны преграды, воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.

Мы несомнѣваемся, Милостивый Государь, что избранное Вами поприще, на которомъ уже такъ многоплодно Вы на пользу общую потрудились, по-прежнему будетъ для Васъ пріятнымъ и отраднымъ путемъ, коимъ Вы, не остававливаясь, шли къ предположенной Вами весьма благодѣтельной по своимъ послѣдствіямъ святой цѣли—учрежденію толковыхъ начальныхъ школъ, и вмѣстѣ съ Вашиими достойными сотрудниками не перестанете считать себя слугою одного съ вами дѣла и быть нашими союзникомъ, стремящимися къ одной чрезвычайно важной цѣли: толковому образованію и развитію ума и осмысленному воспитанію сердца дѣтей того класса людей, которые—по самому своему положенію—больше всего имѣютъ въ этомъ нужду.

Просимъ принять увѣреніе въ высокомъ нашемъ почтеніи къ
Вамъ, съ которымъ имѣемъ честь быть

(Слѣдуютъ подпись).

Но указанная забаллотировка барона Корфа вовсе еще не закрывала ему доступа къ земской дѣятельности. Забаллотированный дворянами, онъ былъ избранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ юзданыхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ появляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный и газидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитации съ стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его въ Александровскомъ юздаѣ, такъ какъ немедленно послѣ забаллотированія на съѣздѣ имѣвъладѣльцевъ онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Екатеринославъ. Единодуше, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа (конечно, не безъ ротиводѣйствія притомъ со стороны тайныхъ его недоброжателей),—актъ единственный въ лѣтописяхъ нашего общественнаго управлениія вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени поучительный. Крестьяне очевидно понимали, за что именно выбираютъ они барона Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ гласный земства. Значить, у крестьян было уже сознательное отношеніе къ народному образованію, была уганическая связь съ народными школами, насажденными неусыпными судами и заботами барона Н. А. Корфа.

Это дружное, сознательное и достойное отношеніе крестьянъ было съ уваженіемъ отмѣчено въ свое время печатью и нашло задушевный кликъ со стороны лицъ, состоявшихъ въ перепискѣ съ барономъ Кор-

фомъ, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ двухъ писемъ къ нему:

Тифлисъ. 3 іюля 1872 г.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Прочти отчетъ г. Блюдова о командировкѣ его къ Вамъ, вмѣняю себѣ въ приятную обязанность изъявить Вамъ, баронъ, и Вашимъ почтеннѣмъ со-трудникамъ, членамъ училищнаго совѣта, глубочайшую благодарность отъ всего кавказскаго учебнаго вѣдомства, а отъ меня лично—въ особенности, за ту предупредительность, съ которой Вы знакомите всѣхъ нашихъ кавказ-цевъ съ устройствомъ Вашихъ школъ, и за Ваше чисто-русское радушіе къ намъ и гостепріимство. Отчетъ Блюдова, конечно, будетъ напечатанъ въ монхѣ циркулярахъ, и Вы его получите отъ меня.

При этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное наслажденіе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если Васъ не хотѣли или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единогласный выборъ Васъ крестьянами къ своимъ представителямъ ясно показалъ, что благотворная Ваша дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія, вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ; а это, не сомнѣваюсь въ томъ, въ глазахъ нашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочув-ствующихъ Вамъ, конечно, выше и дороже всего. Да подастъ Вамъ Богъ силь и здоровыя долго трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ Вы стихали вполнѣ заслуженное Вамъ сочувствіе и уваженіе.

Глубоко уважающій Васъ.

Ян. Нѣвѣровъ.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Я полагаю, что Вы живете въ такой счастливой мѣстности, гдѣ высоко цѣнится образованіе, умственное развитіе и соответствующія тому права доказанныя Вами на самомъ себѣ публично и печатно, а между тѣмъ читаю и слышу, что и тамъ нашлись люди, не только не способные оцѣнивать дар-витеѣшаго своего собрата, но и противодѣйствующіе его избранію. И только лю-ди, не имѣюще дипломовъ, поддержали Ваше избраніе, по нравственному и чутью къ правдѣ, или въ оппозицію людямъ тщеславнымъ и безсердечнымъ къ пользѣ другихъ.

Сегодня въ третій разъ слышу отъ бывшаго члена земской управы осуж-дениеalexandrovskаго дворянства, тѣхъ членовъ его, которые, думая полу-жить Вамъ черные шары, положили ихъ самимъ себѣ—въ осуждение отъ вѣ-сколькихъ уѣздовъ и губерній, въ глазахъ лицъ, глубоко уважающихъ такихъ лицъ, какъ Вы, баронъ, солидарныхъ съ Вами въ расположениіи пре-пятствовать растратѣ общественныхъ суммъ для личныхъ цѣлей, вместо вѣ-траты на общественную пользу.

Покорѣйше прошу принять это письмо за выраженіе истиннаго моего къ Вамъ почтенія, за выраженіе сочувствія многихъ къ личной дѣятель-ности Вашей и за осужденіе тѣхъ, которые неразумно дѣйствовали для устра-ненія Васъ отъ такой службы, къ которой все другіе патріоты старались бы привлекать всѣми силами.

Гдѣ избиратели и сами кандидаты на всѣ земскія должности, на основа-заніи шляхетскіхъ правъ, погубившихъ Польшу, тамъ порядка, честности и уваженія къ другимъ не можетъ быть.

Объ этомъ долженъ скорбѣть всякий, кому общество дорого въ процвѣтаніи, а не въ разложениі.

И въ нашей губерніи, для какой-то цѣли, положительно отказываются въ правѣ участія въ общихъ дѣлахъ личныхъ дворянамъ, несмотря на размѣръ ихъ недвижимой собственности и пенсіи выше 900 р. въ г.

Что жъ, лица эти хуже другихъ тѣмъ, что сами себѣ заслужили имя и честное обеспеченіе отъ честныхъ трудовъ? Такія пенсіи не даются взяточникамъ до достижениія ими генеральскихъ чиновъ.

Съ отличнымъ почтаніемъ имѣю честь быть
усердѣйшимъ Вашимъ слугою

Ив. Гаврушкичъ.

г. Остеръ.

6 июля 1872 г.

Послушаемъ, однако, что говорилъ самъ баронъ Н. А. Корфъ о своемъ забаллотированіи. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ отъ 1-го июня 1872 г., т. е. вскорѣ же послѣ забаллотированія Х. Д. Алчевской, съ которой находился въ очень дѣятельной перепискѣ.

20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣзда землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировокъ побавиться отъ честного человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то безучастное отношеніе къ воплощющей нагости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившими баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, по и не промолившими ни одного слова протеста. Нужно Вамъ знать, что я былъ въ лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собраний въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизионной комиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта; всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школы уѣзда болѣе 5.000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ ли я какую-нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старалось дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками и опп. и однѣмыми господинами, который, по моей инициативѣ, не избрали вновь въ мировые судьи, успѣвшіи вооружить противъ себя все населеніе своимъ судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались триицыами. Впрочемъ, и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаются за позоръ давольить баллотировать себя; впрочемъ, и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они

служили вмѣстѣ со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня утѣшаетъ,—что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я въ теченіе 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ человѣка, три члена училіщнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училіщнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1.200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны піательщиковъ и будущихъ руководителей училіщнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образования словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, где пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что и не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опыты состоялись; найдутся люди, то будетъ въ дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части терроріи Александровскаго уѣзда къ Маріупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обопѣхъ уѣздахъ, Александровскомъ и Маріупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. первы, и крайне разстроено. Впрочемъ, будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному пельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.

Искренно Вамъ предавный

Баронъ Н. Корфъ.

Нескучное.

Но, какъ мы видѣли уже изъ приведенныхъ выше писемъ, «друзей» у барона Н. А. Корфа оказалось очень много. Педагоги, частны лица, общественные учрежденія—всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть Александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары самой же себѣ»,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое дружное сочувствіе барону Корфу всей здравомыслящей части общества, несмотря на то, что блестящее избраніе его на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ не только затмило и посрамило недостойную выходку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дало ему должное нравственное удовлетвореніе,—баронъ Корфъ, однако, осенью 1872 года, прервалъ свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхавъ съ семействомъ въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ тамъ до 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти барона Корфа оставался невыясненнымъ, давая поводъ къ са-

инымъ разнообразнымъ истолкованіямъ причины отъѣзда его заграницу, доходившимъ нерѣдко до обвиненія. Но въ извѣстной уже читателямъ брошюре нашей «Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность» причины отъѣзда его заграницу разъяснены фактически (стр. 64—69)—и неѣтъ никакихъ поводовъ обвинять, по этому поводу, барона Корфа въ чемъ бы то ни было. Отсылая интересующихся детальнымъ разъясненіемъ къ названной брошюре, ограничимся лишь самыми общими указаніями.

Въ основѣ отказа барона Корфа отъ земской дѣятельности лежать тѣ именно ограниченія земства въ дѣлѣ народнаго образованія, о которыхъ было уже сказано нами раньше. Дѣйствительно, хотя первоначальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» (14-го іюля 1864 г.) и оставалось не отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физическаго мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фактически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, самостоятельно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему приходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимое, подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашиватъ разрѣшений.

И еслибы не случилось такой именно метаморфозы, гидра темной силы Александровскаго уѣзда никогда не рискнула бы взять подъ сомнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала бы баллотировать этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. Цо своей безупречной честности, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому громадному вліянію, которое болѣе и болѣе завоевывала себѣ баронъ Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельности былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не занимая никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею головою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ малѣйшее пополненіе съ чьей бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно пополненіями и была проникнута «гидра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го іюля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа,—на него и набросилась темная сила, увлекшая своимъ теченіемъ людей, индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блестательную побѣду въ общемъ результатахъ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него—самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія,—чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора должны были руководо-

дить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогаго ему дѣла, онъ отказался отъ него и тѣмъ действительно спасъ его. Какъ это ни странно, но весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. По народному образованію земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло. Но не то, конечно, было бы, еслибы баронъ Корфъ оставался при дѣлѣ: оно непрѣжно тормазило бы изъ личной мести къ инициатору его. Значить, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Не входя въ дальнѣйшія подробности относительно отѣзда заграницу, возвратимся къ указаннымъ выше фактамъ общественного признания заслугъ барона Корфа и добавимъ къ нимъ еще и присужденіе ему золотой медали вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1873 г. Вотъ два не лишнѣхъ значенія документа по этому предмету:

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ!

Считаю уместнымъ сообщить Вамъ свѣжую новость, касающуюся дорогаго Вамъ дѣла народного образования. Вамъ можетъ быть известно, что вольно-экономическое общество уѣдѣляетъ ежегодно одну изъ своихъ золотыхъ медалей на вознагражденіе дѣятельности по народному образованію, какъ литературной, такъ и непосредственной. Для присужденія этой медали избирается ежегодно комиссія изъ комитета грамотности, докладывающая этому комитету въ его годовомъ апрѣльскомъ засѣданіи; затѣмъ дѣло передается въ совѣтъ общества, и самая медаль присуждается въ годовомъ октябрьскомъ засѣданіи общества. Въ прошломъ году такое присужденіе медали проходило въ первый разъ, безъ моего участія (я былъ въ Новгородѣ), и медаль увѣличала книгу бесспорно полезную, хотя, говоря прямо и честно, мнѣ странно, что для такого первого увѣличенія былъ избранъ Водовозовъ, человѣкъ почтенный, но однимъ словомъ не звѣда первой величины, въ особенности по народному образованію. Конечно, дѣло не обошлось безъ педагогического кумовства.

Въ нынѣшнемъ году комиссія состояла изъ товарища предсѣдателя комитета Ф. И. Мѣдникова, А. Ф. Петрушевскаго (автора „Разск. про старое время“), А. П. Пятковскаго, Л. Т. Михайловскаго и меня. Въ засѣданіи 5 февраля комиссія постановила увѣличать золотую медалью вольно-экономического общества Васъ, глубокоуважаемый дѣятель по народному образованію русскаго народа, мотивировавъ ея присужденіе Вашими сочиненіями: „Земскій вопросъ“, отчетами Алекс. учили. совѣта и „Русскою Школою“, а главное — Вашею непосредственную дѣятельностью по народному образованію. Пріятная обязанность составленія доклада по этому присужденію возложена комиссіею на меня.

Въ составъ такого доклада, по обычаю, входитъ краткая педагогическая біографія увѣличиваемой личности. Для нея необходимы даты, т. е. числа, какъ окончавія курса въ учебномъ заведеніи, такъ и преимущественно изданія различныхъ трудовъ и вступленія въ дѣятельность по народному образованію. Желая, чтобы мой докладъ былъ по возможности точенъ и близокъ къ истинѣ, я позволяю себѣ почтительнѣйше просить Васъ, глубоко и

искренне уважаемый дѣятель по земскому дѣлу народного образованія, не отказать въ сообщеніи такихъ данныхъ. Адресъ мой: Итальянская, противъ Греческой церкви, д. № 69, кв. № 1.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте мнѣ, Николай Александровичъ, быть первымъ по времени поздравленія Вашъ съ золотою медалью Императорского вольно-экономического общества, которую и я лично, и единомышленные со мною 3 члена комиссіи сознавали, что Вамъ, какъ самому энергичному дѣятелю по народному образованію въ Россіи, она слѣдовала еще въ прошломъ году.

Глубокоуважающей и преданный Вамъ
баронъ Михаилъ Косинскій.

7 февр. 1873 года.

4 февраля 1874 года. Сиб.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

По порученію Спб. Комитета Грамотности, имѣю честь препроходить при семъ:

1) Отношеніе къ Вамъ Комитета за № 1, и 2) Грамоту на Ваше имя отъ Вольно-Экономического Общества, за № 828.

Вмѣстѣ съ симъ высылается Вашъ именемъ и золотая медаль, присужденная Вамъ 31 октября 1873 г. за Ваши услуги, оказанныя народному образованію.

О получении какъ медали, такъ и другихъ документовъ, покорнейше прошу почтить меня увѣдомленіемъ.

Объ Вашъ здѣсь—ни слуху, ни духу. Что вы подѣлываете? Правда ли, что Вы приглашены въ Мариупольское земство для завѣдыванія народными школами? Здѣсь произошла большая перепалка: запрещена, какъ говорять, Наградная азбука, Блинова. По поводу этой азбуки уволенъ и избѣгаетъ Вамъ А. И. Кочетовъ. Симашкѣ также предложено выйти въ отставку. Журналъ его стоять въ шаткомъ положеніи, несмотря на всю поддержку его С. Миропольскимъ. Есть и другія, 'не безъинтересныя' новости, но писать Вамъ рѣшительно некогда. Работы гибель.

Душерно Вамъ преданный

О. Мѣдниковъ.

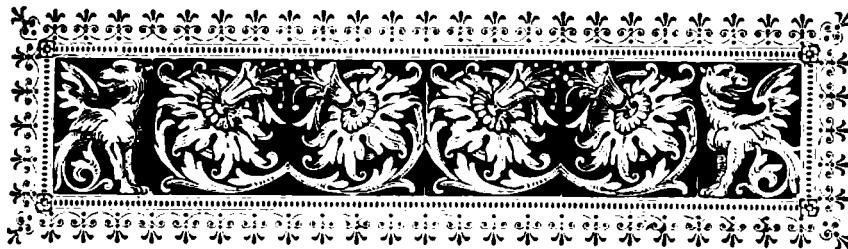
Неудачные вопросы въ концѣ письма Мѣдникова могутъ, пожалуй, навести на предположеніе, что баронъ Корфъ, уѣхавъ заграницу, и думать забылъ о нашемъ народномъ образованіи. Этотъ взглядъ проскальзываетъ, даже и въ нѣкоторыхъ біографіяхъ барона Корфа. Но въ брошюрѣ «Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность» разъяснено фактически (стр. 64—77), что во все время своего пребыванія заграницей онъ необыкновенно усердно служилъ первомъ родному школьному дѣлу. Считая излишнимъ входить здѣсь въ подробности по этому предмету, въ доказательство необыкновенной плодовитости цара барона Корфа въ этотъ періодъ его жизни,

укажемъ для примѣра на то только, что за 6^{1/2} первыхъ мѣсяцевъ пребыванія его въ Женевѣ онъ написалъ три статьи для «Вѣстника Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей для «Недѣли» и 16 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, всесцѣло посвященныхъ Россіи и русскому школьному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руководствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа.

М. Песковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ)





Баронъ Θ. А. Бюллеръ.

(Начальникъ главаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Баронъ Θ. А. Бюллеръ, выпущенный въ 1841 году изъ училища Правовѣдѣнія, получилъ первоначальное домашнее воспитаніе. Особенность этого воспитанія заключалась въ томъ, что онъ до 11-ти-лѣтнаго возраста не имѣлъ учителей: ихъ вполнѣ замѣняла ему мать. Засимъ юноша провѣль 3 года пансионеромъ во 2-й С.-Петербургской гимназіи. Тутъ началась развиваться въ молодомъ человѣкѣ наклонность къ русской литературѣ, въ коей онъ продолжалъ упражняться въ теченіе тѣхъ 5-ти лѣтъ, которыя провѣль въ училищѣ Правовѣдѣнія. Вполнѣ приготовленный къ юридическому поприщу, баронъ Бюллеръ поступилъ 17-го июня 1841 года на службу въ канцелярію Правительствующаго Сената. Въ 1843 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась велико-свѣтская повѣсть барона, озаглавленная «Ничего». Въ этомъ же году отецъ его скончался, и желаніе его ознакомиться съ управлѣніемъ отдаленныхъ отъ центра губерній побудило его проситься въ Астрахань къ сенатору князю Гагарину, ревизовавшему этотъ край.

Въ эту поѣздку онъ обогатился юридическими познаніями, и въ немъ обнаружилась та приверженность къ православной вѣрѣ, которая внушена была ему его матерью. Будучи посланъ на границу Кавказа, онъ, между прочимъ, донесъ сенатору князю Гагарину, что на всемъ 500-тысѣчномъ протяженіи почтовой дороги отъ Астрахани до Кизляра, не видѣлъ ни одной церкви. Это обстоятельство было включено во всепод-

данийшій отчетъ князя Гагарина п., когда онъ, уже въ званіи члена Государственного Совета, представилъ императору Николаю Павловичу, то государь самъ вспомнилъ о семъ и приказалъ ему немедленно войти по этому предмету въ сношеніе съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, гр. Протасовымъ¹⁾.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, баронъ Бюллеръ награжденъ былъ не только слѣдующимъ чиномъ за отличіе, но и званіемъ камеръ-юнкера, которое впослѣдствіи носилъ 15 лѣтъ сряду; тогда же онъ былъ назначенъ секретаремъ 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Крайнее переутомленіе заставило его выйти въ отставку.

Проведя два года заграницей, баронъ Бюллеръ продолжалъ свое юридическое образованіе, изучая законодательства, посещая лекціи въ заграничныхъ университетахъ.

Во время пребыванія барона въ Парижѣ, ему случилось присутствовать въ соборѣ Notre Dame, при произнесеніи Лакордеромъ весьма ѳдкой проповѣди о мнимомъ преслѣдованіи униатовъ въ Россіи. Баронъ Бюллеръ былъ такъ возмущенъ наглою клеветою, что написалъ возраженіе, въ которомъ доказывалъ, на основаніи историческихъ данныхъ, что лишь римская церковь способна на фанатическая преслѣдованія и что они-то именно нѣкогда побудили Малороссию отпасть отъ Польши. Это возраженіе было послано въ С.-Петербургъ и вручено одною высокопоставленной особою императору Николаю Павловичу, который, «найдя, что трудъ барона Бюллера выполненъ ума и благородныхъ чувствъ», — отозвался, однакоже, — «что признаетъ излишнимъ печатать его, не считая рѣчи Лакордера заслуживающею полемики», чтò и было объявлено автору, вслѣдствіе чего это возраженіе на проповѣдь Лакордера сохранилось лишь въ корректурѣ²⁾.

Когда въ 1850 году здоровье барона было вполнѣ восстановлено, встрѣча съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде въ Киссингенѣ дала неожиданный оборотъ его карьерѣ. Графъ вспомнилъ,

¹⁾ Впослѣдствіи барону Бюллеру удалось выстроить каменную трехпрестольную церковь въ Рязанскомъ имѣніи его жены и пятиглавую каменную же церковь въ Подольскомъ имѣніи, доставшемся его сыну, въ мѣстности, окруженней католиками, евреями и раскольниками, собрать средства на сооруженіе каменной часовни на Александровской станціи Варшавской желѣзной дороги, въ память благополучнаго туда возвращенія императора Александра Николаевича изъ Парижа, а за послѣднее время устроить домовыя церкви въ Московскому главномъ архивѣ, при Московскихъ николаевскихъ: жевакинъ училищѣ и институтѣ, на его загородной дачѣ.

²⁾ Этотъ уникъ принадлежитъ нынѣ библиотекѣ Московского главнаго архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ.

что все его предки были дипломатами и, принявъ его на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вскорѣ назначилъ его секретаремъ генерального консульства въ Молдавіи и Валахіи. По удаленіи въ 1853 году господарей и назначенія генераль-адъютанта Будберга предсѣдателемъ обоихъ дивановъ, баронъ Бюллерь рекомендованъ былъ ему директоромъ канцеляріи Н. К. Гирсомъ (нынѣ министромъ) для сформированія канцелярія временнаго русскаго правительства въ Яссахъ и управлѣнія оною.

Осенью, вслѣдствіе занятій княжествъ австрійскими войсками, баронъ Бюллерь, съ послѣдними казаками, перебрался за р. Прутъ.

Зиму 1854—1855 г. баронъ Бюллерь провелъ въ Петербургѣ, состоя при азиатскомъ департаментѣ. Вслѣдъ за назначеніемъ князя А. М. Горчакова министромъ иностранныхъ дѣлъ, барону Бюллеру ввѣренна была II экспедиція Особой канцеляріи, где, между прочимъ, составлялись для государя политическія обозрѣнія изъ иностранныхъ журналовъ. Кроме того, онъ былъ членомъ главнаго управления цензуры отъ министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ напрасно старался отстоять Парусъ И. С. Аксакова), и ему поручено было цензурованіе политическаго отдѣла петербургскихъ газетъ и политическихъ обозрѣній ежемѣсячныхъ журналовъ. Баронъ Бюллерь много хлопоталъ о предоставлениі русскимъ газетамъ права полемизировать съ иностранными и, наконецъ, въ 1862 году политическая цензура была упразднена. Въ 1860 году баронъ пожалованъ въ камергеры, въ 1861-мъ проповѣденъ въ действительные статскіе совѣтники, а въ 1866 году назначенъ гофмейстеромъ Высочайшаго двора. Въ началѣ 1873 года состоялось его назначеніе директоромъ Московскаго главнаго архива, на мѣсто умершаго тогда князя М. А. Оболенскаго, управлявшаго архивомъ 34 года, а въ 1874 году ему удалось, въ теченіе двухъ недѣль, перевести архивъ въ новое зданіе съ Солянки на Воздвиженку и устроить его тамъ. Это новоселье было ознаменовано посѣщеніемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II 22-го августа того же года. Въ 1882 и 1889 годахъ баронъ Бюллерь пожертвовалъ архиву свою собственную библиотеку слишкомъ въ 2.000 томовъ, 644 автографа и 14 томовъ фамильного архива, за что оба раза удостоился Всемилостивѣйшей благодарности, причемъ Высочайше повелѣно присвоить этому собранію наименованіе Библіотечнаго отдѣла барона Федора Андреевича Бюллера. Еще въ 1882 году, стараніями директора, вслѣдствіе соглашенія между гг. министрами Императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, состоялось 22 октября Высочайшее повелѣніе о перенесеніи въ архивъ государственного древнехранилища картій, рукописей и печатей, составленного въ 1851 году изъ архивскихъ документовъ, временно помѣщенныхъ въ Царскихъ теремахъ.

Чрезъ это чрезвычайно облегчилось пользованіе оними для ученыхъ изслѣдователей въ читальняхъ архива, такъ какъ допускать ихъ къ занятіямъ во дворцѣ не было возможности.

Съ назначеніемъ въ Москву открылось для барона Бюллера новое поприще. Дотолѣ политico-бюрократические труды известны были только императору Александру Николаевичу и министру иностранныхъ дѣлъ. Управление же обширнѣйшимъ въ Россіи архивомъ доставило барону Бюллеру европейскую известность.

Какъ правовѣдъ, лично известный принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, баронъ Бюллеръ, по его ходатайству, въ 1878 году былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ и въ этомъ званіи завѣдывалъ учебною, а временно и хозяйственnoю частями Московскаго Елисаветинскаго института, равно какъ больницею императора Павла I, гдѣ безбоязненно посѣщалъ заразныя палаты и бараки тифозныхъ больныхъ, а также Шереметевскимъ домомъ призрѣнія. Съ 1886 года онъ управляетъ самымъ обширнымъ въ Имперіи институтомъ, Московскими Николаевскими сиротскими, гдѣ болѣе 600 воспитанницъ. Въ минувшемъ году баронъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей своей служебной въ высшей степени плодотворной дѣятельности.



КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина¹⁾.

II.

Тарутинскій лагерь.—Дѣло 6-го октября.—Возвращеніе русскихъ въ Москву.—Сраженіе подъ Малоярославцемъ.—Отступленіе французовъ.—Сраженіе подъ Вязьмой.—Дѣло подъ Дорогобужемъ и Лаховыми.

Мы дошли до интересной эпохи во всемирной истории—до паденія человѣка, который въ теченіе 12-ти лѣтъ порабощалъ Европу своей волѣ. Первые отблески московскаго пожара заставили уже побѣдить счастіе Наполеона. Однако, онъ все еще продолжалъ быть властелиномъ Европы и находился съ грозною арміею въ столицѣ и въ сердцѣ государства единственнаго народа, который еще осмѣливался защищать свою свободу. Но въ то самое время, когда надъ его головою собирались уже грозныя бури, горизонтъ Россіи начиналъ проясняться и предвѣщалъ ей окончаніе ея бѣдствій.

Лагерь, занятый русскою арміею подъ Тарутиномъ, хотя по виду и очень сильный, въ сущности заключалъ въ себѣ большиe недостатки. Фронтъ, прикрытый Нарою, былъ неприступенъ. Правый флангъ былъ также силенъ. Онъ находился на возвышенности, отъ зо спускающейся къ берегамъ Нары, образующей довольно обширную равнину, которая благопріятствовала дѣйствію нашей артиллеріи и движеніямъ кавалеріи. Левый флангъ составлялъ слабую сторону. За одной высоты съ нашей первою линіею находилась небольшая южнина, пересѣченная оврагами и стѣсненная между рѣчкою Истьею и большими лѣсомъ, въ который опиралось лѣвое крыло второй линіи. Надъ этой небольшою равниной вполни гospодствовали высоты лѣваго берега Истии. Лѣсь, слишкомъ обширный, для того, чтобы быть занятымъ какъ слѣдуетъ, предоставлялъ непріятелю, который

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., октябрь.

„Русская Старина“ 1894 г., т. LXXXII. ноябрь.

пожелалъ бы атаковать его, полную возможность обойти нашъ лѣвый флангъ прежде, чѣмъ мы успѣли бы это замѣтить. Онъ простирался почти до тыла нашего лагеря и, уменьшая его глубину, тѣмъ самымъ сильно ослаблялъ его. Войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 2-й и 6-й пѣхотные корпуса составляли первую линію по берегамъ Нары. Она была прикрыта редантами и люнетами, и прикрывалась съ боковъ второю линію, которая, будучи длиннѣе первой, огибала ея фланги. Эта вторая линія была составлена изъ 4-го, 5-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ. На лѣвомъ флангѣ 7-й пѣхотный корпусъ, примыкавшій къ этой линіи въ косвенномъ направленіи, служилъ продолженіемъ этой линіи въ лѣсу. На правомъ флангѣ и на одной высотѣ съ ею состояло 1-й и 2-й кавалерійскіе корпуса были расположены къ ней также подъ косымъ угломъ. Позади 5-го пѣхотного корпуса былъ расположенъ 8-й пѣхотный корпусъ, составлявшій пѣхотный резервъ, а за нимъ помѣщались 1-ая и 2-ая кирасирскія дивизіи, которая составили кавалерійский резервъ. 4-й кавалерійскій корпусъ стоялъ въ резервѣ позади лѣваго фланга, на маленькой равнинѣ посреди лѣса. Надо замѣтить, что каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ двухъ линій, почему точнѣе было бы сказать, что армія была расположена въ четыре линіи, не считая резервовъ. Всѣ эти войска, за исключеніемъ 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ и 1-й кирасирской дивизіи, были расположены бивуаками на указанныхъ имъ въ лагерѣ позиціяхъ. 1-я же кирасирская дивизія, которую очень берегли, была расположена, по квартирамъ въ деревняхъ, на правомъ флангѣ лагеря. Что касается до двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, то они, какъ мы уже обѣ этомъ сказали, находились въ авангардѣ, на лѣвомъ берегу Нары.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій со времени своего вступленія въ Москву мирныхъ предложеній съ нашей стороны, рѣшился наконецъ самъ вызвать ихъ, пославъ Лористона къ фельдмаршалу съ просьбою о перемирії. Лористонъ пріѣхалъ въ главную квартирѣ 23-го сентября вечеромъ. Въ бесѣдѣ съ княземъ Кутузовымъ, онъ много говорилъ о мирѣ. Хитрый фельдмаршаль съ своей стороны выказалъ миролюбивое расположение. Онъ взялся довести до свѣдѣнія императора Александра сдѣланныя ему предложения и испросить его повѣлѣнія по этому предмету. Однако онъ отказался вступить въ переговоры, отговариваясь тѣмъ, что не имѣлъ на это необходимыхъ полномочій. Равнымъ образомъ онъ не принялъ и предложенного ему перемирія, и все ограничилось словеснымъ договоромъ не производить нападеній на аванпостахъ до получения отвѣта императора Александра. Поведеніе въ этомъ случаѣ фельдмаршала было настоящей побѣдою, которую онъ одержалъ надъ непріятелемъ и которая доста-

вали намъ гораздо болѣйшія выгода, чѣмъ могло бы принести намъ выигранное сраженіе. Нисколько себя не компрометтируя, Кутузовъ успѣлъ внушить Наполеону обманчивыя надежды, которыя побудили его продолжить свое пребываніе въ Москвѣ,— важная ошибка, въ которой онъ не замедлилъ раскаяться.

Въ виду того, что село Тарутино находилось впереди лагеря, главная квартира не могла въ немъ оставаться. 24-го она была перенесена въ селеніе Леташевку, въ четырехъ верстахъ позади лагеря.

27-го король Неаполитанскій иѣль на аванпостахъ свиданіе съ генераломъ Милорадовичемъ. Онъ жаловался, что наши партизаны нападали на его фуражировъ и захватывали ихъ, не принимая во вниманіе заключенного условия. Милорадовичъ представилъ ему, что условіе это, какъ заключенное лишь по отношенію къ аванпостамъ, никакимъ образомъ не можетъ распространяться на дѣйствія партизановъ на флангахъ и въ тылу арміи. Король Неаполитанскій возразилъ ему: Такъ вы желаете, чтобъ я не послалъ больше фуражировать; но такимъ образомъ мои люди умрутъ съ голоду¹).—Это какъ будетъ угодно вашему величеству, отвѣчалъ ему Милорадовичъ.—Въ такомъ случаѣ, возразилъ король, я уничтожаю условіе и объявляю вамъ, что черезъ два часа вы будете атакованы²).—Мы ожидаемъ васъ, ваше величество, сказалъ Милорадовичъ, разставаясь съ королемъ. Однако, несмотря на эту угрозу, французы не атаковали настѣ, и на аванпостахъ все было спокойно.

Въ это время генералъ Васильчиковъ получилъ въ командованіе 4-й кавалерійскій корпусъ. Корпусъ этотъ состоялъ изъ четырехъ, драгунскихъ полковъ: Киевскаго, Харьковскаго, Черниговскаго и Новороссійскаго, изъ Ахтырскаго гусарскаго и Литовскаго уланскаго полковъ, всего изъ шести лучшихъ полковъ нашей кавалеріи. Высшими начальниками въ этомъ корпусѣ состояли генералъ-майоръ Панчуладзеъ и полковники Эммануэль, Васильчиковъ, Юзефовичъ и Стакельбергъ. Такъ какъ мнѣ пришлось прослужить всю остальную часть кампаніи съ этими господами, то я имѣлъ полную возможность подробно изучить ихъ.

Генералъ Панчуладзеъ—одна изъ тѣхъ странныхъ личностей, которая оказывается гораздо лучше своей репутаціи. До смысла

¹⁾ Vous voulez donc que je n'envoie plus fourager; mais de cette facon mes gens mourront de faim.

²⁾ En bien! j'anulle la convention et je vous declare que vous allez tre attaques dans deux heures.

трусливый въ своихъ разговорахъ, онъ никакъ не бываетъ имъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему всегда и всюду чудились одни лишь ужасы. Малѣйшая пыль, поднимавшаяся на горизонтъ со стороны непріятеля, представлялась ему цѣлою необозримою арміею, готовою опрокинуться на насъ. Въ особенности пушки: онъ видѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ будто они ссыпались цѣлымъ дождемъ. Его постоянныя прічи-танія обь опасностяхъ, которыя, по его мнѣнію, наимъ угрожали, обратились у насъ даже въ пословицу. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ былъ храбръ и спокойенъ на полѣ битвы. Впрочемъ, человѣкъ съ здравымъ смысломъ, не большаго ума и почти безъ образованія, добросовѣстно точный въ исполненіи получаемыхъ имъ приказаній, неумѣство строгий къ своимъ подчиненнымъ, часто вспыльчивый, чрезмѣрно болтливый, прибавьте къ этому маленькую, надутую, невзрачную фигурку, и вы получите точный портретъ этой странной личности.

Полковникъ Эммануэль—дѣйствительно выдающійся человѣкъ и, если ему дадутъ надлежащій ходъ, то онъ пріобрѣтетъ громкое имя во главѣ армій, для предводительствованія которыми онъ, кажется, созданъ самимъ небомъ. Основательный и глубокій умъ, соединенный съ обширнымъ образованіемъ, позволилъ ему пріобрѣсти драгоценныя военные качества. Онъ добръ, прямодушенъ, храбръ, однимъ словомъ, вполнѣ благородный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его храбрость такъ прекрасна, такъ всегда и вездѣ ему присуща, такъ спокойна, что видѣть его въ пылу боя доставляетъ истинное удовольствіе. На губахъ его постоянно блуждаетъ добродушная и спокойная улыбка и въ то время, когда онъ угощаетъ у себя за обѣдомъ, и когда находится въ двадцати шагахъ впереди полка, который онъ ведетъ въ атаку. Онъ твердъ, но не придирчивъ къ своимъ подчиненнымъ, которые настолько же боятся его, насколько уважаютъ и любятъ. Въ первые дни командованія Васильчикова между нимъ и Эммануэлемъ возникли было кое-какія незначительныя недоразумѣнія; но оба они были созданы для того, чтобы взаимно оцѣнить другъ друга; поэтому размолвка ихъ не была продолжительна, и они не замедлили искренно подружиться.

Полковникъ Васильчиковъ, братъ генерала,—человѣкъ пылкой и выходящей изъ ряда храбрости. Доброта характера заставляетъ подчиненныхъ страстно любить его. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ для командованія полкомъ.

Полковникъ Юзефовичъ—человѣкъ совершенно противуположный двумъ предшествующимъ, съ которыми онъ имѣеть общаго одну только храбрость. Въ остальномъ, насколько характеръ первыхъ открытъ и прямодушенъ, настолько характеръ послѣдняго скрытъ, хитръ и лукавъ. Онъ изучилъ военное искусство скрѣе какъ умнѣй-

человѣкъ, нежели какъ военный, одушевляемый ревностью къ своему дѣлу. Поэтому видно, что онъ схватилъ лишь нѣкоторыя поверхностныя понятія, но не пріобрѣмъ познаній истинныхъ основъ искусства, которыя могутъ быть усвоены лишь прилежнымъ размышленіемъ. Однако, разговоръ его внушаетъ уваженіе обыкновеннымъ людямъ, благодаря шарлатанству, которымъ онъ обыкновенно приправляетъ свою бесѣду. Онъ настолько привыкъ говорить напыщеннымъ тономъ о всѣхъ своихъ поступкахъ, что даже вредить своей несомнѣнной храбрости закваскою баxальства, которое онъ слишкомъ часто при этомъ примѣщиваетъ. Надменный и грубый къ своимъ подчиненнымъ, онъ не любитъ ими. Онъ всегда весьма охотно появляется предъ непріятелемъ и любить битвы, но онъ любить еще больше атаки, направлennыя противъ какого-нибудь отдалившагося обоза, и другие подобные случаи, при которыхъ онъ можетъ удовлетворить своей небольшой склонности къ грабежу (*soul humeur ил rei pillarde*). Впрочемъ, его дѣятельность и блитательность сдѣлаютъ его весьма полезнымъ для арміи во всѣхъ случаяхъ, когда съумѣютъ употребить его надлежащимъ образомъ.

Полковникъ Стакельбергъ — очень чопорный, молчаливый, скучный вѣмецъ и притомъ болѣе сильный тѣломъ, чѣмъ умомъ. Военный уставъ руководить имъ во всѣхъ его поступкахъ и движенияхъ, и онъ храбръ лишь потому, что уставъ предписываетъ быть таковыми всѣмъ военнымъ.

Таковы были высшіе офицеры нашего корпуса. Надѣюсь, что всѣ тѣ, которые особенно близко знакомы съ ними, согласятся, что высказанные мною обѣ этихъ лицахъ мнѣнія продиктованы самыми добросовѣстными безпредвзятіемъ. Возвратимся къ изложенію событій.

Армія въ своемъ лагерѣ у Тарутина получила значительные подкрепленія, посланные княземъ Лобановымъ. Она была вновь организована и представляла уже внушительные силы, которая къ первымъ числамъ октября могли доходить до 100.000 солдатъ. Всевозможного рода припасы стекались въ нее изъ Калуги и смежныхъ губерній. Войска, хорошо накормленыя и отдохнувшія отъ своихъ трудовъ, благодаря пребыванію въ лагерѣ, были готовы возобновить кампанію.

Въ то время, какъ у насъ царствовали изобиліе и должный порядокъ, нищета и крайняя нужда во всемъ были удѣломъ непріятеля. Наши партизаны, наводнявшіе весь край, овладѣвали всѣми его отрядами, посланными на болѣе далекія разстоянія, и ограничивали его средства существованія незначительными запасами, которые онъ могъ находить лишь въ тѣсной окружности, занимаемой его войсками вокругъ Москвы. Несмотря на такое положеніе и на малую надежду заставить насъ согласиться на миръ, Наполеонъ упорно оставался

въ Москвѣ. Онъ все еще не могъ рѣшиться начать отступленіе, которое обнаружило бы передъ Европою первый уронъ, понесенный предводительствуемыми имъ самимъ арміями. Запертый въ Кремль, онъ помышлялъ лишь о продовольствіи своей гвардіи; всѣ остальные корпуса не получали уже болѣе никакого провіанта и существовали лишь тѣмъ, что каждый отдѣльный солдатъ могъ достать себѣ самъ; отсюда, совершенно естественно, — недостатокъ дисциплины, который въ самое короткое время привелъ къ разложению эту еще тѣль недавно столь блестящую армію и превратилъ ее въ беспорядочное и необузданное сборище разбойниковъ. Въ особенности чрезвычайно страдала кавалерія; большая часть лошадей пала отъ истощенія; другія были убиты для того, чтобы послужить пищею войскамъ; тѣ же, которыхъ оставались еще въ живыхъ, были настолько худы, что не имѣли уже болѣе силы бѣжать. Артиллерійскія лошади находились въ такомъ же положеніи. Независимо отъ нашихъ партизановъ, крестьяне сосѣднихъ съ театромъ войны мѣстностей вели противъ непріятеля дѣятельную войну, которая уносила у него много народа. Крестьяне эти, ободряемые небольшими успѣхами, которые они ежедневно одерживали, нападали уже на отряды въ 200 человѣкъ и болѣе.

При такихъ обстоятельствахъ Бенигсенъ предложилъ фельдмаршалу атаковать короля Неаполитанскаго, который, съ своимъ авангардомъ, по-прежнему, все еще находился около села Винкова. Графъ Орловъ - Денисовъ, командовавшій аванпостами, произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи и нашелъ, что ее можно обойти лѣсами, въ которые опирался ея лѣвый флангъ. Было ясно, что можно было легко разбить этотъ стоявшій одиноко авангардъ; но фельдмаршалъ долго не соглашался атаковать его. Онъ справедливо говорилъ, что даже разбитіе всего этого корпуса не вознаградить насъ за неудобство, которое послѣдуетъ отъ пробужденія Наполеона отъ его летаргического состоянія, которое такъ нравилось ему въ Москвѣ и въ которомъ держать какъ можно болѣе было для насъ такъ выгодно. Но, наконецъ, осаждаемый неотступными просьбами Бенигсена и другихъ главныхъ начальниковъ арміи, Кутузовъ сдался, и нападеніе было рѣшено. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Бенигсенъ. Для этой цѣли въ его распоряженіе были назначены 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные корпуса, десять казачьихъ полковъ графа Орлова-Денисова и 1-й кавалерійскій корпусъ. Остальная часть арміи должна была поддерживать войска, предназначенные къ веденію атаки. 5-го октября, въ 7 часовъ вечера, армія выступила изъ своего лагеря, чтобы перейти Нару. Находившіеся въ распоряженіи Бенигсена корпуса двигались тремя колоннами: правая, бывшая подъ началь-

ствомъ графа Орлова и состоявшая изъ десяти казачьихъ полковъ, 20-го егерского полка и 1-го кавалерийского корпуса, была назначена для обхода непріятельской позиціи и для захожденія въ тыль ея лѣваго фланга. Средняя колонна, состоявшая изъ 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ и предводимая лично Бенингсеномъ, должна была атаковать съ фронта лѣвый флангъ непріятеля. Графъ Остерманъ, съ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, составлять лѣвую колонну; онъ получилъ приказание оставаться въ эшелонномъ порядке между войсками, назначенными къ атакѣ, и остальной арміею; однако, онъ долженъ быть подвигаться впередъ по мѣрѣ усиленія атаки. 5-й и 6-й пѣхотные корпуса, вмѣстѣ съ двумя кирасирскими дивизіями, составляли центръ арміи на большой дорогѣ. 7-й и 8-й пѣхотные корпуса, имѣя впереди себя 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, составляли лѣвое крыло подъ начальствомъ генерала Милорадовича. Мы имѣли приказаніе произвести фальшивыя атаки въ моментъ, когда начнется настоящая, съ цѣлю отвлечь вниманіе непріятеля, а когда онъ начнетъ отступать, то следовать за нимъ, не завязывая съ своей стороны серьезнаго дѣла. Согласно диспозиціи, атака должна была быть произведена врасплохъ и начаться 6-го октября, на разсвѣтѣ, но, при выполненіи ся, произошли замедленія, причина которыхъ мнѣ неизвѣстна. Первые пушечные выстрѣлы, произведенные второю колонною праваго фланга, должны были послужить къ началу сраженія, но эти выстрѣлы послышались лишь тогда, когда солнце взошло уже совершенно. Вслѣдствіе этого, неожиданность не была совершенною; французы замѣтили уже необыкновенное движеніе на нашихъ аванпостахъ и въ ту минуту, когда Бенингсенъ приказалъ 2-му пѣхотному корпусу выступить изъ лѣса, то непріятеля нашли уже построившимся на высотахъ, впереди села Дмитровскаго. Онъ стоялъ твердо, и съ обѣихъ сторонъ завязалась канонада. Въ эту минуту графъ Орловъ выѣхалъ въ тыль французамъ, которые, приведенные въ смущеніе его внезапнымъ появленіемъ, покинули свою позицію въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ преодолевали, но не настолько живо, какъ бы надлежало это сдѣлать. Поразившій ихъ ужасъ былъ такъ великъ, что Васильчиковъ почелъ вполнѣ своевременнымъ воспользоваться имъ, чтобы ударить на ихъ правое крыло, которое бѣжало мимо насть. Наше лѣвое крыло было занято въ это время прохожденіемъ весьма труда Бинковскаго дефилея, и его успѣли пройти лишь четыре эскадрона драгунъ. Васильчиковъ, не желая упустить непріятеля, повелъ въ атаку эти четыре эскадрона противъ линіи отъ десяти до двѣнадцати эскадроновъ, которые, хотя и построились передъ нами, но нерѣшительностію своихъ движений не обѣщали устоять и, дѣйствительно, несмотря на свое огромное численное превосходство, видя наше приближеніе, обрат-

тились въ бѣгство. Около полудня приказано было прекратить преслѣдованіе, и это было сдѣлано вслѣдствіе полученнаго ложнаго извѣстія о прибытіи въ Вороново значительнаго непріятельскаго корпуса, пришедшаго на помощь къ королю Неаполитанскому. Войска остановились близъ села Васильевскаго. Къ ночи армія возвратилась въ свой Тарутинскій лагерь, оставивъ въ Винковѣ авангардъ, составленный изъ 2-го и 4-го пѣхотныхъ и 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ подъ общимъ начальствомъ Милорадовича.

Дѣло 6-го октября, хотя и не вполнѣ удавшееся, тѣмъ не менѣе причинило непріятелю значительную потерю. Непріятель потерялъ 2.000 человѣкъ убитыми, у него было взято 1.500 человѣкъ въ пленъ, отнято одно знамя, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ, огромное количество обоза, въ числѣ котораго находился багажъ самого короля Неаполитанскаго. Потери нашей арміи можно опредѣлить приблизительно въ 500 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Генералъ Багровугъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ въ самомъ началѣ сраженія. Впослѣдствіи утверждали, что во время дѣла фельдмаршалъ употребилъ все возможное для того, чтобы предпріятіе это не имѣло успѣха, что онъ останавливалъ корпуса, которые по диспозиціи должны были идти впередь. Я не ручаюсь за достовѣрность этого слуха, но если это дѣйствительно справедливо, то, конечно, оно не дѣлаетъ чести фельдмаршалу. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ полное основаніе противиться этому предпріятію, но, разъ давши на него свое согласіе, ставить препятствія къ его исполненію значило поступить противъ своего достоинства и вмѣсть съ тѣмъ нарушить долгъ отечеству.

Одна изъ самыхъ важныхъ выгодъ, приобрѣтенныхъ нами въ этотъ день, состояла въ томъ, что мы убѣдились собственными глазами въ ищетъ, царствовавшей во французской арміи. Достаточно замѣтить, что въ кухнѣ资料 самого короля Неаполитанскаго мы нашли ободраныхъ копчекъ и вареное лошадиное мясо. Поэтому можно составить себѣ понятіе о хорошемъ столѣ, которымъ должны были пользоваться въ остальномъ лагерѣ.

Пораженіе короля Неаполитанскаго было, какъ и предвидѣлъ фельдмаршалъ, громовымъ ударомъ, разбудившимъ Наполеона. На другой же день, то-есть 7-го октября, онъ выѣхалъ изъ Москвы и прибылъ, съ своею арміею, къ Деснѣ, чтобы принять и поддержать короля Неаполитанскаго. Императоръ французовъ, видя наконецъ, что онъ не долженъ болѣе разсчитывать на миръ, понялъ, что онъ не можетъ терять ни одной минуты для того, чтобы приблизиться къ Польшѣ. Принужденный начать продолжительное отступленіе съ совершенно изнуренными войсками, онъ захотѣлъ обезпечить его, проведя свою армію по новымъ мѣстностямъ, не пострадавшимъ еще отъ войны.

Съ этою цѣлію онъ попытался обойти нашу Тарутинскую позицію съ нашего лѣваго фланга и, выйдя на дорогу въ Боровскъ, прибыть ранѣе насъ въ Калугу. 9-го октября французская армія пришла въ Игнатьево, а 10-го—въ Фоминское. Эти два фланговыхъ перехода были скрыты ея арьергардомъ, который оставался въ Вороновѣ до 11-го октября, а въ этотъ день послѣдовалъ за арміею. Въ этотъ же день, 11-го октября, въ два часа утра, маршаль Мортѣ, который оставался въ Москвѣ, взорвалъ Кремль и очистилъ городъ, который и былъ занятъ генераломъ Иловайскимъ. Этотъ генералъ командовалъ корпусомъ ¹⁾, бывшімъ подъ начальствомъ генерала Винценгероде, который наканунѣ неосторожно допустилъ захватить себя въ плѣнъ въ южныхъ Москви.

Въ нашей арміи не имѣлось точныхъ свѣдѣній о движениихъ непріятеля. Генералъ Дороховъ, находившійся съ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Боровска, далъ знать, что непріятель усиливается въ Фоминскомъ, почему и подумали, что это былъ корпусъ, посланный туда Наполеономъ для того, чтобы связать свою главную армію, которую все еще предполагали между Вороновыми и Десною, съ операционною линіею отъ Можайска до Смоленска. Рѣшено было овладѣть этимъ корпусомъ и съ этою цѣлію 10-го октября отдѣлили генерала Дохтурова съ его 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Дохтуровъ, находясь въ пути къ Фоминскому, получилъ наконецъ донесеніе отъ одного изъ нашихъ партизановъ—Сеславина, объявившаго, что онъ узналъ, что французская арміядвигается отъ Игнатьева къ Фоминскому. Эти извѣстія побудили Дохтурова остановиться въ селѣ Аристовѣ и испросить новыхъ приказаний. Въ главной квартирѣ сначала не хотѣли повѣрить донесенію Сеславина и, для того, чтобы убѣдиться въ его справедливости, намъ приказано было раннимъ утромъ 11-го октября произвести, съ нашимъ кавалерію, большую рекогносцировку, которую мы и довели до Воронова, не встрѣтивъ непріятеля, такъ какъ всѣ войска его, бывшія съ этой стороны, уже прослѣдовали за своей арміею. Тогда не осталось уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно движения Наполеона, и вечеромъ 11-го октября наша армія выступила изъ Тарутинского лагеря и двинулась къ Малоярославцу. Нашъ арьергардъ провелъ ночь въ Тарутинѣ. Генералъ Дохтуровъ также получилъ приказаніе направиться къ Малоярославцу, и онъ чуть было не пришелъ туда слишкомъ поздно. Вице-король, составлявшій, съ своимъ 4-мъ корпусомъ, французский авангардъ, прибылъ 11-го вечеромъ къ Малоярославцу, на лѣвый берегъ Лужи, и въ теченіе ночи приказалъ исправить

¹⁾ Корпусъ этотъ во время пребыванія французовъ въ Москвѣ держался на Петербургской дорогѣ, въ окрестностяхъ Клина.

мость черезъ нее. 11-го октября главная квартира Наполеона находилась въ Боровскѣ.

12-го октября, въ пять часовъ утра, Дохтуровъ прибылъ къ Малоярославцу и выгналъ изъ него нѣсколько французскихъ отрядовъ, которые вступили туда ночью. Тогда вице-король приказалъ придвигнуться своему коршусу. Несмотря на выгодное положеніе позиціи и упорное сопротивленіе нашихъ войскъ, французы вновь вступили въ городъ. На улицахъ дрались съ еще болѣшимъ, противъ прежнаго, ожесточеніемъ. Во время этого боя съ обѣихъ сторонъ приблизились арміи къ полю сраженія. Наконецъ, по прибытіи нашей, фельдмаршалъ подкрѣпилъ корпусъ Дохтурова, пославъ къ нему одинъ за другимъ 8-й и 7-й пѣхотные корпуса. Бой продолжался съ тѣмъ же ожесточеніемъ до 11-ти часовъ вечера. Городъ, восемь разъ переходившій изъ рукъ въ руки, остался во власти непріятеля, и однако наши войска удержались въ переднихъ домахъ города и около окрестныхъ заборовъ. Къ вечеру нашъ арьергардъ соединился съ арміею. Въ это же самое время прибылъ и Наполеонъ съ своею арміею, которая заняла позицію на лѣвомъ берегу Лужи. Въ этомъ сраженіи при Малоярославцѣ французы потеряли до 5.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; наша потеря была не менѣе значительна.

Фельдмаршалъ сначала имѣлъ намѣреніе возобновить на слѣдующій день сраженіе; но ночью онъ перемѣнилъ свое мнѣніе. 13-го октября, въ часъ утра, войскамъ приказано было отступить на позицію въ третъ или четырехъ верстахъ отъ города, на Калужской дорогѣ. Въ то же самое время Наполеонъ, подъ впечатлѣніемъ понесенной имъ значительной потери, приказалъ очистить городъ и отдаваль распоряженія къ отступленію своей арміи. По заслуживающей вниманія странной случайности, этотъ самый городъ, за обладаніе которымъ еще наканунѣ дрались съ такимъ ожесточеніемъ, оказался теперь покинутымъ обѣими сторонами одновременно. Однако, французы первые одумались и, замѣчая отступленіе нашихъ войскъ, снова вступили въ городъ; армія ихъ даже вышла за городъ и развернулась на позиціи, которую мы занимали наканунѣ. День прошелъ въ рекогносцировкахъ со стороны французовъ, которые въ своихъ разведкахъ доходили даже до нашихъ аванпостовъ, но, видя по оказанному нами имъ сопротивленію, что у насъ и не думаютъ объ отступленіи, не пожелали завязать серьезнаго дѣла.

Въ то время, какъ главная французская армія двигалась къ Малоярославцу, князь Понятовскій получилъ приказаніе двинуться на Веру, а оттуда направиться чрезъ Медынь на Калугу. 13-го октября авангардъ его показался около Медыни, но находившійся въ окрестностяхъ этого города, съ нѣсколькими казачими полками, полковникъ

Иловайскій атаковалъ князя Понятовскаго, положилъ на мѣстѣ 500 человѣкъ, отнялъ у него 5 пушекъ, взялъ въ плѣнъ генерала Тышкевича и отбросилъ остатки его корпуса къ Верей. Событіе это въ связи съ полученными новыми приказаніями побудило князя Понятовскаго прекратить свое движеніе на Медынь.

Хотя Наполеону и удалось вытѣснить насть изъ Малоярославца, онъ ничего отъ этого не выигралъ. Онъ имѣлъ намѣреніе предупредить насть въ Калугѣ и завязать сраженіе 12-го октября, лишь въ надеждѣ одолѣть одинъ корпусъ и тѣмъ открыть себѣ путь въ Калугу. Вместо того, чтобы достигнуть этого результата, онъ увидѣлъ себя остановленнымъ всею нашою арміею, которая преграждала ему эту дорогу и вызывала его на сраженіе, принятие котораго не входило въ его планы. Хотя Наполеонъ и имѣлъ надъ нами численное превосходство, онъ все-таки не отважился вступить въ генеральное сраженіе съ разстроеннымъ войсками, которыхъ уже весьма слабо повиновались приказаніямъ своихъ начальниковъ. Онъ рѣшилъ отступить на Можайскъ съ тѣмъ, чтобы отсюда возвратиться на Смоленскую дорогу, которую онъ надѣлся найти еще свободною. Наполеонъ находился въ жестокой необходимости заставить свою армію пройти по этой, совершенно опустошенной, дорогѣ. 14-го октября французская армія возвратилась въ Боровскъ. Маршалъ Даву, съ своимъ корпусомъ, остался въ арьергардѣ предъ Малоярославцемъ. Въ этотъ же день, въ 5 часовъ утра, наша армія оставила свою позицію съ тѣмъ, чтобы занять новую, болѣе выгодную, которую нашли въ 14 или 15 verstахъ позади, на большой дорогѣ. Это отступательное движеніе было одною изъ величайшихъ ошибокъ и могло имѣть самые опасныя послѣдствія, еслибы французы замѣтили его. Дѣйствительно, стимъ необдуманнымъ отступленіемъ мы открывали непріятелю путь изъ Малоярославца на Медынь и давали ему возможность направить свое отступленіе чрезъ Медынь, Юхновъ и Елью на Смоленскъ и пройти новыми мѣстностями, нисколько не пострадавшими отъ войны.

Можно подумать, что въ это время мы говорились съ французами отступить каждому изъ настѣ въ свою сторону. Въ ночь съ 14-го на 15-ое октября, чтобы приблизиться къ нашей арміи, мы отодвинули нашъ авангардъ къ селу Асанасьеву, а въ это же время французскій рерьергардъ очищалъ Малоярославецъ и направлялся къ Боровску. 15-го октября, раннимъ утромъ, наши аванпосты извѣстили объ исчезновеніи непріятельскихъ аванпостовъ. Тотчасъ же генералъ Милорадовичъ передвинулъ нашъ авангардъ впередъ и приказалъ вновь занять Малоярославецъ. Онъ хотѣлъ немедленно выступить въ походъ, чтобы разгѣдовать непріятеля. Тщетно представляли ему, что непріятель мѣль уже передъ нами на сколько часовъ впереди, что мы безполезно

лишь утомимъ наши войска, не имѣя возможности нагнать его, и что лучше было бы прямо направиться на Гжатскъ, гдѣ мы могли бы еще предупредить французовъ. Милорадовичъ не хотѣлъ слѣдоватъ по этому направленію, и пришлось употребить всевозможная старанія, чтобы убѣдить его подождать по крайней мѣрѣ въ Малоярославцѣ приказаний изъ главной квартиры. Намъ, тѣмъ менѣе, не было надобности идти на Боровскъ, что Платовъ, съ своими казаками, пошелъ уже по этой дорогѣ.

Быть можетъ, меня упрекнутъ въ томъ, что я сужу по совершившемуся уже событию, но я не могу скрыть, что, по моему мнѣнію, Наполеонъ совершилъ большую ошибку, не давъ сраженія послѣ битвы подъ Малоярославцемъ. Онъ долженъ былъ всемъ рискнуть, чтобы постараться открытою силою пробить себѣ дорогу въ Калугу и тѣмъ избавить себя отъ крайняго бѣдствія быть вынужденнымъ отступать по опустошенной Смоленской дорогѣ, на которой армію его ожидала вѣрная гибель. Я вполнѣ сознаю, что отсутствіе дисциплины въ его войскахъ заставляло его страшиться пораженія, но, вѣроятно, со мною согласятся, что, съ другой стороны, его численное превосходство представляло ему еще нѣкоторую надежду на успѣхъ. Къ тому же, даже самое полное пораженіе не могло для него имѣть болѣе гибельныхъ послѣдствій, чѣмъ отступленіе по Смоленской дорогѣ, между тѣмъ какъ выигранное сраженіе открывало ему сохранившіяся области и, быть можетъ даже, доставило бы возможность занять хорошія зимнія квартиры между Калугою и Смоленскомъ, отбросивъ напа армію къ Орлу и Тулѣ.

Когда въ нашей главной квартирѣ узнали обѣ отступленій непріятеля на Боровскъ, то боялись, чтобы онъ не попытался еще разъ прорваться къ Калугѣ по дорогѣ чрезъ Вереку на Медынь, и, чтобы воспрепятствовать ему въ этомъ, фельдмаршаль приказалъ перевести армію на эту дорогу и расположить ее близъ Полотняныхъ Заводовъ. Эта позиція была тѣмъ лучше выбрана, что, прикрывая Калугу со стороны Медыни, она въ то же время приближала нась и къ Вязьмѣ, и къ Гжатску, чрезъ которые долженъ былъ проходить непріятель, если онъ рѣшился на полное отступленіе. Милорадовичу также было приказано перейти на дорогу въ Медынь. Такъ какъ мы получили это приказаніе уже очень поздно, то могли сдѣлать лишь самый небольшой переходъ до села Чернолокни, гдѣ и провели ночь. На слѣдующій день мы прибыли въ село Адамовское, по дорогѣ въ Медынь. 15-го октября главная квартира Наполеона была въ Верѣ, маршалъ Ней съ авангардомъ въ Можайскѣ, а маршалъ Даву съ арьергардомъ въ Боровскѣ.

Фельдмаршаль Кутузовъ, узнавъ, что французская армія направлялась на Можайскъ, рѣшилъ самъ приблизиться къ этому городу. 17-го

октября армія перешла въ Кременское. Нашъ авангардъ былъ выдвинутъ къ Егорьевскому, къ перекрестку дорогъ изъ Медыни въ Можайскъ и Вересу. Я хорошо знаю, что впослѣдствіи переходъ этотъ осуждали, такъ какъ онъ дѣйствительно представляется довольно ошибочнымъ, ибо онъ не приближалъ наць къ важному пункту—Вязьмѣ; но слѣдуетъ замѣтить, что въ это время не знали еще, что Наполеонъ уже рѣшился направиться по Смоленской дорогѣ, и что поэтому было также весьма возможно, что онъ направится чрезъ Волоколамскъ, Зубцовъ, Ржевъ, Бѣлынъ, Велижъ и Суражъ на Витебскъ; путь этотъ хотя на самомъ дѣлѣ и болѣе длинный, но несравненно болѣе выгодный по отношенію къ продовольствію, въ которомъ непріятель никогда бы не нуждался въ областяхъ, не бывшихъ еще театромъ военныхъ дѣйствій. Въ томъ случаѣ, если бы французы выбрали эту дорогу, Кутузовъ, идя прямо на Вязьму или оставаясь даже на своей позиціи у Полотняныхъ Заводовъ, не былъ бы уже болѣе въ состояніи воспротивиться такому движенію непріятеля. Такимъ образомъ, онъ поступилъ весьма благоразумно, приблизившись къ Можайску, чтобы не терять непріятеля изъ виду.

Наконецъ были получены положительныя извѣстія о движениіи Наполеона на Гжатскъ. Тогда уже не оставалось болѣе сомнѣнія въполномъ отступлениіи французовъ по Смоленской дорогѣ. Теперь дѣло шло лишь о ихъ преслѣдованіи, но вопросъ о томъ, какъ его направить, возбудилъ у наць разногласіе. Невѣжды желали, чтобы мы следили за ними, сильно напирая на ихъ арьергардъ. Эти люди совсѣмъ не понимали, что, заставляя нашу армію проходить по областямъ опустошеннымъ и которыхъ будуть еще болѣе разорены послѣ прохода французовъ, мы подвергли бы ее вѣрной гибели и безъ особено въ то же время дурныхъ послѣдствій для непріятеля потому, что хорошо извѣстно, что арьергардъ, если только онъ ведетъ себя такъ, какъ слѣдуетъ, никогда не можетъ испытывать большихъ потерь. Дѣло это представится неоспоримымъ, если захотять принять въ соображеніе, что арьергардъ, атакуемый и отбрасываемый къ своей арміи, съ каждымъ шагомъ отступленія усиливается потому, что, отступая, приближается къ своимъ главнымъ силамъ, между тѣмъ какъ побѣдоносный авангардъ ослабляется пропорционально разстоянію, на которое онъ удаляется отъ своей арміи, которая, по необходимости, должна подвигаться медленнѣе и, слѣдовательно, не въ состояніи уже поддерживать его надлежащимъ образомъ. Люди болѣе свѣдущіе, напротивъ того, предлагали двигаться прямо на Вязьму, чтобы преградить дорогу непріятелю и принудить его дать сраженіе, чтобы вновь открыть свои сообщенія. Въ этомъ сраженіи шансы были бы на нашей сторонѣ потому, что, въ случаѣ потери его, мы имѣли бы свободный путь отступленія

на Юхновъ; пораженіе же непріятеля безусловно повлекло бы за собою совершенную гибель его арміи, которая, будучи отрѣзана отъ своихъ сообщеній, была бы поставлена въ жестокую необходимость или положить оружіе, или же разбрѣжаться съ тѣмъ, чтобы каждый спасался какъ могъ. Эти правдоподобные соображенія представлялись намъ настолько убѣдительными, что мы были крайне раздражены противъ фельмаршала, не принявшаго ихъ во вниманіе, и мы просто-на-просто обвиняли его въ трусости. Хотя я также разбрѣжалъ это заблужденіе, но справедливость обязываетъ меня сознаться теперь, что мы разсуждали тогда, какъ неопытная молодежь, и признать, что не намъ было осуждать дѣйствія опытааго полководца, мудрыхъ соображеній которого мы не въ состояніи были оцѣнить. Благоразумный Кутузовъ совершенно вѣрно разсуждалъ, что если бы непріятель былъ вынужденъ на ми искать свое единственное спасеніе въ сраженіи, то страхъ придалъ бы ему новые силы, благодаря которымъ онъ могъ бы еще разъ разбить насъ или по меньшей мѣрѣ заставить насъ слишкомъ дорого заплатить за побѣду. Къ тому же результатъ полной побѣды не могъ обѣщать намъ ничего другаго, какъ уничтоженіе французской арміи; а развѣ продолжительное отступленіе, какое долженъ былъ совершать непріятель, постоянно беспокоимый нашими войсками, чрезъ опустошенныя области и во время, когда наступавшая зима угрожала своею суроностью, не обеспечивало ли оно намъ того же результата и при томъ не подвергая насъ тѣмъ же опасностямъ и сберегая кровь столь для настъ драгоценную. Эти причины побудили фельмаршала избѣгать генерального сраженія и слѣдовать рядомъ съ непріятелемъ, параллельно съ его движениемъ, но не упуская въ то же время случая отрѣзать корпуса, составлявшіе его арьергардъ, чтобы такимъ образомъ разбивать ихъ въ одиночку. Вслѣдствіе этого плана онъ сдѣкалъ слѣдующія распоряженія: главная армія пѣзъ Кременского направилась окольными дорогами на Вязьму; нашъ авангардъ, состоявшій, какъ я уже говорилъ, изъ 2-го и 4-го пѣхотныхъ и 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ, направился по другой дорогѣ, промежуточной между тою, по которой пошла армія, и большою Смоленскою; Платовъ, съ своими базаками и пѣхотною дивизіею Паскевича, долженъ былъ слѣдовать за французами по большой дорогѣ, между тѣмъ какъ многочисленные легкіе отряды, разбрѣзжая впереди и съ фланговъ французской арміи должны были затруднять ея движеніе и препятствовать фуражировкамъ по окрестностямъ. Я не помню, чтобы мнѣ приходилось читать въ какой-либо исторіи предшествовавшихъ войнъ о какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ могли бы дать понятіе объ этомъ параллельномъ преслѣдованіи. Глубокому генію Кутузова предназначено бы-

ло оставить потомству примѣръ, который составить эпоху въ военныхъ лѣтописяхъ.

18-го октября, мы съ нашимъ авангардомъ прибыли въ Шахово, а на слѣдующій день—въ Марьино. Въ тотъ же день, на разсвѣтѣ, Платовъ атаковалъ французскій арьергардъ близъ Колоцкаго монастыря и сильно пресѣдовалъ его до Греднева, наисъ ему потерю въ 800 человѣкъ убитыми, 200 пленными и взялъ два знамени и 27 орудій. Непріятель начиналъ уже сознавать дурное состояніе своихъ лошадей; онъ принужденъ былъ бросить большое число ихъ изъ дорогѣ, такъ какъ онъ не могъ болѣе двигаться, оставить множество обоза и даже возвратъ на воздухъ большое число зарядныхъ ящиковъ. Такъ какъ вся армія Наполеона проходила по одной только дорогѣ, то онъ вынужденъ былъ раздѣлить ее на корпуса, которые слѣдовали другъ за другомъ, собирая между собою значительныя дистанціи, облегчая тѣмъ какъ самое движеніе, такъ и продовольствіе, недостатокъ котораго съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Самъ Наполеонъ, съ своею гвардіею, шелъ во главѣ колонны.

20-го мы намѣрены были уже продолжать наше движеніе на Гжатскъ, какъ болѣе обдуманное изученіе карты привело меня къ убѣждѣнію, что мы безполезно совершимъ этотъ путь и рискнемъ не настигнуть непріятеля. Вслѣдствіе этого я предложилъ идти прямо на перерѣзъ, чрезъ Никольское и Воронцовъ, на Царево-Займище, село на большой дорогѣ изъ Гжатска въ Вязьму, и отъ котораго мы находились на равномъ разстояніи, какъ и отъ Гжатска. Генералъ Васильчиковъ тотчасъ понялъ выгоду моего предложения и пожелалъ заставить генерала Милорадовича согласиться на измѣненіе данного направления на Гжатскъ, но ему трудно было бы успѣть въ этомъ безъ присутствія принца Евгения Биртембергскаго, который поддержалъ мое мнѣніе и убѣдилъ Милорадовича послѣдовать ему. Около полудня, съ двумя нашими кавалерійскими корпусами, мы прибыли на высоты Воронцова. Съ колокольни этого села мы открыли корпусъ Даву, который проходилъ по большой дорогѣ въ ужаснѣйшемъ беспорядкѣ. Баталионы, эскадроны, артиллерія, обозъ,—все шло какъ ни попало и въ такомъ беспорядкѣ—какого нельзѧ себѣ вообразить. Еслибы мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы напасть на эту чудовищную колонну, то могли бы нанести ей большой вредъ и захватить у нея много пушекъ и пленныхъ. Васильчикову сильно хотѣлось попытать счастья; но, къ сожалѣнію, генералъ Корфъ, командовавший 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, былъ старше его по службѣ и не пожелалъ на это согласиться, отговариваясь тѣмъ, что онъ не имѣетъ на это счетъ приказаний со стороны генерала Милорадовича, который въ это время обѣдалъ въ тылу авангарда. Корфъ отказался поѣхать туда снова, го-

воря, что не желаетъ имѣть видъ, какъ будто онъ даетъ уроки своему начальнику. Такимъ образомъ мы оставались совершенно спокойно въ теченіе почти трехъ часовъ въ созерцаніи этого страннаго движенія непріятеля. Къ вечеру прибылъ принцъ Евгений Виртембергскій съ своею дивизіею, составлявшою авангардъ пѣхоты. Такъ какъ онъ былъ старше по службѣ Корфа, то и рѣшилъ произвести атаку, которую онъ намѣренъ былъ поддержать своею лѣхотою. Мы уже выступили въ дорогу, какъ въ это время пріѣхалъ Милорадовичъ и приказалъ намъ снова остановиться по причинамъ, которыми я никогда не могъ вполнѣ объяснить себѣ. Мы провели ночь между Воронцовъ и Царево-Займищемъ, въ двухъ верстахъ отъ этого послѣдняго села. Въ этотъ день главная квартира Наполеона находилась въ Вязьмѣ, а фельдмаршала Кутузова—въ селѣ Силенкахъ, близъ дороги изъ Юхнова въ Гжатскъ.

21-го, на разсвѣтъ наши войска были уже въ строю. Милорадовичъ рѣшился таки наконецъ атаковать непріятеля, но этотъ послѣдній не былъ настолько любезенъ, чтобы подождать насъ, и воспользовался ночью, чтобы совершенно уйти отъ насъ. Вместо французовъ, которыхъ мы все еще разсчитывали застать въ Царево-Займище, мы встрѣтили тамъ Платова, сѣдовавшаго съ своими казаками за ними по пятамъ. Тогда Милорадовичъ, видя, что мы упустили французовъ, рѣшилъ снова идти рядомъ съ ними и ускорить движеніе, чтобы постараться предупредить ихъ въ окрестностяхъ Вязьмы. Мы провели ночь въ селѣ Охотинѣ, сдѣлавъ переходъ болѣе, чѣмъ въ 30 верстъ.

Непостижимо, что Наполеонъ, видя крайнюю нужду, которую испытывала его армія на Смоленской дорогѣ, не подумалъ свернуть изъ Гжатска на Сычевку, чтобы затѣмъ направиться чрезъ Бѣлы и Портѣ на Витебскъ. Вместо того, чтобы поступить такимъ образомъ, онъ по-прежнему упорно шелъ на встрѣчу тѣмъ бѣдствіямъ, которыхъ ожидали его на Смоленской дорогѣ. Можно предположить только одну единственную разумную причину такого страннаго поведенія. Это именно то, что онъ уже болѣе не заботился о сохраненіи своей арміи и что онъ помышлялъ лишь, какъ бы поскорѣе обеспечить спасеніе своей собственной особы, выбрая для этого извѣстную уже ему и притомъ самую короткую дорогу. Быть можетъ, что санъ государя и давалъ ему право поступать такимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что обыкновенный генералъ не могъ бы этого сдѣлать, не навлекая на себя проклятія своего отечества, негодованія своихъ современниковъ и презрѣнія потомства.

22-го октября, на разсвѣтъ, нашъ авангардъ вновь выступилъ въ походъ. Мы, съ нашимъ кавалеріемъ, выѣхали впередъ и къ восьми часамъ утра прибыли на возвышенности, господствующія надъ большой дорогой, между Вязьмою и селомъ Федоровскимъ. Корпусъ вице-ко-

роля находился уже близъ Вязьмы, тогда какъ корпусъ Даву только еще началъ выходить изъ Федоровскаго, и его авангардъ, приближавшійся къ нашей возвышенности, следовалъ въ такомъ беспорядкѣ, который можно сравнить развѣ только съ тѣмъ, въ какомъ этотъ самый корпусъ проходилъ мимо настъ у Царева-Займища. Находившійся съ нашей кавалеріею Милорадовичъ разрѣшилъ теперь Васильчикову произвести атаку. Полковникъ Эммануель, во главѣ Ахтырскаго гусарскаго и Киевскаго драгунскаго полковъ, произвелъ блистательную атаку и, несмотря на кустарникъ, затруднявшій его движеніе, опрокинулъ непріятеля и выскакалъ на большую дорогу. Харьковскій драгунскій полкъ проскакалъ даже чрезъ большую дорогу. Однако, онъ сдѣлалъ это, не получивъ на то приказанія и лишь съ тою цѣлью, чтобы разграбить непріятельскій обозъ, бросившійся въ эту сторону. Еслибы въ эту минуту вся пѣхота нашего авангарда находилась на разстояніи ружейнаго выстрѣла и могла бы поддержать настъ, то корпусъ Даву былъ бы совершенно отрѣзанъ; но вслѣдствіе непростительной ошибки пѣхоты эта выступила въ походѣ такъ поздно, что находилась далеко еще позади. При такихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, было бы гораздо благоразумнѣе сдѣлать изъ нашей атаки внезапное нападеніе съ цѣлью постараться захватить какую-либо добычу и затѣмъ отступить; но Милорадовичъ приказалъ намъ удерживаться на нашей позиціи до прибытія пѣхоты, которую привести онъ обѣщалъ какъ можно скорѣе. Вслѣдствіе такого приказанія Ахтырскій полкъ былъ оставленъ на большой дорогѣ, а остальная кавалерія развернулась на идущихъ параллельно къ ней высотахъ; левый флангъ былъ расположены въ двѣ линіи, а правый—только въ одну. Батарея въ двѣнадцать орудій была поставлена на холмѣ, господствовавшемъ надъ всею этою мѣстностью и находившемся на лѣвомъ флангѣ линій расположенія нашей кавалеріи, между нею и Ахтырскимъ полкомъ. Другая батарея, въ шесть орудій, была поставлена впереди центра, на другой возвышенности, менѣе высокой, и третья батарея, также въ шесть орудій, находилась впереди праваго фланга. Казаки были расположены за кавалеріею, на продолженіи той же возвышенности, и стояли фронтомъ къ большой дорогѣ, къ сторонѣ Вязьмы. Въ теченіе болѣе получаса мы стояли на нашей позиціи; но вотъ, наконецъ, показалась передъ нами главная часть корпуса Даву и въ то же время вице-король, извѣщеній нашей канонадою обѣ опасности, въ которой находился Даву, вернулся назадъ и занялъ возвышенность, съ которой можно было зайти въ тылъ нашему лѣвому флангу. Теперь положеніе вещей совершенно измѣнилось; непріятельские егеря, прокравшись подъ защитою кустарника, чуть-было не овладѣли центральною батарею, которая принуждена была спасаться вскачъ. Съ другой стороны Ахтырскій полкъ былъ вынужденъ

покинуть занимаемую имъ позицію на большой дорогѣ. Грозныя непріятельскія батареи громили со всѣхъ сторонъ нашу батарею, возведенную на холмѣ лѣваго фланга, а пѣхоты колонны, которымъ вице-король приказалъ спуститься въ кустарникъ, находившійся въ тылу нашего лѣваго фланга, настолько серьезно угрожали этому флангу, что наша вторая линія кавалеріи принуждена была повернуть налево кругомъ. Харьковскій полкъ, который, какъ мы уже сказали, перешелъ большую дорогу, очутился, благодаря этому, въ крайне затруднительномъ положеніи и былъ спасенъ лишь присутствіемъ духа и рѣшительностью командовавшаго имъ полковника Юзефовича. Онъ, видя, что полкъ его отрѣзанъ, бросился въ кустарникъ и, пронесясь во весь опоръ между непріятельскими колоннами, присоединился къ лѣвому флангу казаковъ. Юзефовичъ исполнилъ свое отступленіе, не потерявъ ни одного человѣка. Смѣость этого маневра привела французовъ въ такое изумленіе, что они и не подумали даже выстрѣлить по отступавшимъ. Юзефовичъ привелъ ихъ въ еще большее замѣшательство, закричавъ одной изъ ихъ колоннъ, чимо которой онъ произнесся почти подъ самымъ носомъ: «друзья, не стрѣляйте, дарю вамъ жизнь!» (*Mes amis, ne tirez pas; je vous fais grâce de la vie.*) Это довольно забавное бахвалство удалось ему потому, что непріятель дѣйствительно не стрѣлялъ. Поведеніе Юзефовича въ этомъ случаѣ нѣсколько загадило его вину въ томъ, что онъ отважился на предпріятіе, не получивъ на него приказанія. Между тѣмъ, несмотря на обѣщаніе Милорадовича, наша пѣхота не прибывала, и положеніе наше сть минуту на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Я подѣхалъ къ полковнику Эммануэлю, чтобы подѣлиться съ нимъ моимъ безпокойствомъ. Онъ также былъ того мнѣнія, что мы не можемъ долѣе держаться, и поручилъ мнѣ предложить Васильчикову приказать намъ отступить. Я согласился на это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ также пойхалъ со мною, чтобы поддержать мои слова. Мы отправились къ Васильчикову и сообщили ему наши наблюденія. Онъ согласился съ нами, что дѣло шло дурно, но, однако, сказалъ намъ, что отступленіе наше было еще преждевременнымъ, и что онъ рѣшился подождать еще нѣсколько времени столько разъ обѣщанной пѣхоты, которая должна же была, наконецъ, прибыть. Чѣмъ въ особенности заставило его помедлить съ нашимъ отступленіемъ, такъ это то, что мы не могли совершить его, не покинувъ холма, съ котораго батарея наносила большой вредъ колоннамъ Даву, проходившимъ по большой дорогѣ. Быть можетъ, будуть удивлены, видя генерала Васильчикова дающимъ повсюду приказанія, тогда какъ Корфъ былъ старше его по службѣ; но этотъ послѣдній принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые скрываются въ критическая минуты, предоставляя командованіе

тѣмъ, кто, по чувству своего долга, пожелаетъ принять его на себя. Наконецъ, около десяти часовъ вечера, показался съ своею пѣхотною дивизіею принцъ Евгений Виртембергскій, который и направилъ ее немедленно противъ колоннъ вице-короля, подходившихъ уже къ подошвѣ возвышенности, на которой была расположена батарея лѣваго фланга, и когда командовавшій этой батарею артиллерійскій офицеръ дѣлалъ уже распоряженія о прикрытии орудій. Нѣсколько баталіоновъ были посланы противъ егерей Даву. Непріятель былъ отброшенъ, и наша батарея спасена. Главная часть нашей пѣхоты пришла вскорѣ послѣ принца Евгения; но было уже слишкомъ поздно: корпусъ Даву имѣлъ достаточно времени, чтобы пройти, и въ эту минуту мимо насъ проходили его послѣднія войска. Слѣдовавшій за ними Платовъ не замедлилъ также показаться на возвышенности нашего праваго фланга. Тогда, со всѣми соединенными нашими силами, мы пустились преслѣдовывать два корпуса вице-короля и Даву по направленію къ Вязьмѣ. Сраженіе продолжалось весь день. Непріятель послѣдовательно былъ выгнанъ изъ трехъ разныхъ позицій, занятыхъ имъ съ цѣлью замедлить наше преслѣдованіе и прикрыть городъ Вязьму, который къ вечеру былъ взятъ штыками генераломъ Чоглоковымъ, съ помощью 11-ой пѣхотной дивизіи. Шедшій во главѣ этой колонны Перновскій полкъ первый вошелъ въ городъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. Взятие Вязьмы закончило сраженіе. Со стороны непріятеля оказалось около 1.800 человѣкъ убитыхъ; сверхъ того, онъ потерялъ три пушки, одно знамя и 3.500 человѣкъ плѣнными. Нашу потерю убитыми и ранеными можно считать около 1.000 человѣкъ.

Въ то время, когда мы дрались подъ Вязьмой, наша главная армія подошла къ этому городу; но Кутузовъ, вѣрный своему рѣшенію избѣгать генерального сраженія, остановился въ окрестностяхъ села Быкова, расположенного на дорогѣ между Вязьмою и Юхновымъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отдалъ къ намъ на помощь генерала Уварова съ кирасирами. Къ концу сраженія Уваровъ прибылъ къ Вязьмѣ, но большое болото, отдѣлявшее его отъ поля сраженія, помѣшило ему принять участіе въ дѣлѣ, и онъ вернулся къ арміи, обмѣнявшись съ непріятелемъ нѣсколькими ядрами.

23-го авангардъ снова выступилъ въ походъ. Цѣхата и два кавалерійскихъ полка направились по большой дорогѣ. Остальная кавалерія, по причинѣ крайнаго недостатка въ фуражѣ на большой дорогѣ, была принуждена слѣдовать окольными путями, влѣво отъ большой дороги. Въ этотъ день главная квартира была въ селѣ Быковѣ, 24-го она была переведена въ Красное, а 25-го въ Гаврюково.

Осень, которая къ нашему величайшему огорченію до сихъ поръ тояла прекрасная, готовилась, наконецъ, уступить мѣсто зимѣ. Мы

*

ожидали наступлениѧ дурнаго времени съ тѣмъ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, что вполнѣ понимали, что ему суждено нанести послѣдній смертельный ударъ, который долженъ довершить бѣдствіе французской арміи. 25-го пошелъ снѣгъ и начался морозъ. Дороги сдѣлались скользкими и почти непроходимыми для упряженыхъ лошадей непріятеля, который не успѣлъ подковать ихъ зимними подковами. Ночные бивуаки сдѣлались смертельными для изнуренныхъ солдатъ, которые притомъ не были достаточно тепло одѣты, чтобы переносить суровость наступавшей зимы. Съ другой стороны съѣстные припасы становились все болѣе и болѣе скучны. Съ этого времени начались сцены ужаса, которыми ознаменовывалось отступленіе французовъ. Уже не десятками, а пѣтыми сотнями заразъ погибали люди отъ истощенія и стужи; вся дорога была усыпана трупами и представляла ужасную картину сплошного поля сраженія. Тѣ, которые не были очевидными свидѣтелями этихъ ужасающихъ событій, съ трудомъ повѣрять будущимъ о нихъ повѣствованіямъ. Я буду помнить всю жизнь ужасное зрѣлище, которымъ мы были поражены на большой Дорогобужской дорогѣ, близъ Болдинскаго монастыря. Три француза жарили четвертаго, умершаго нѣсколько минутъ тому назадъ отъ голода. Одного этого примѣра достаточно для того, чтобы дать вѣрное понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыхъ тяготы надъ непріятельской арміею.

26-го октября генералъ Милорадовичъ нагналъ у Дорогобужа непріятельской арьергардѣ и послѣ двухъ-часового боя принудилъ его очистить этотъ городъ, съ потерю болѣе 1.500 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Въ этотъ же день наша кавалерія присоединилась къ главному авангарду. Наконецъ Наполеонъ, видя, что все болѣе и болѣе возраставшая затрудненія замедляютъ его движеніе, рѣшилъ облегчить его, для чего и приказалъ вице-королю вести тяжелый обозъ арміи, подъ прикрытиемъ 4-го корпуса, на Витебскъ, слѣдя изъ Дорогобужа чрезъ Духовщину и Порѣчье. Остальные корпуса арміи должны были, по-прежнему, слѣдовать по Смоленской дорогѣ. Вице-король, выступивший изъ Дорогобужа 26-го октября утромъ, будучи стѣсненъ слѣдовавшимъ съ нимъ обозомъ, не могъ подвигаться быстро. Скоро онъ былъ настигнутъ Платовымъ, который сильно его преслѣдовалъ въ теченіе 26-го и 27-го октября, побилъ у него много народа, захватилъ въ пленъ 2.800 человѣкъ и 64 орудія, которыхъ французы вынуждены были бросить за неимѣніемъ лошадей. Съ другой стороны городъ Духовщина оказался уже занятымъ казаками. Вице-король, безъ сомнѣнія, не имѣвшій вѣрныхъ свѣдѣній, вѣроятно, подумалъ, что это были значительный корпусъ, который преградилъ ему дорогу, а потому, не чувствуя себя въ силахъ вступить въ сраженіе, чтобы пробить себѣ путь, рѣшилъ послѣ переправы черезъ Вопь снова свернуть на Смоленскую

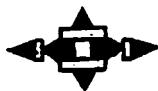
дорогу. Онъ исполнилъ это передвиженіе довольно успѣшно по тогдашнимъ обстоятельствамъ; но все-таки онъ принужденъ былъ бросить на Волѣ еще 23 орудія, которыхъ 29-го и были взяты генераломъ Платовымъ.

Послѣ дѣла при Дорогобужѣ генералъ Юрковскій, съ двумя кавалерійскими полками, преслѣдоваль французовъ до Днѣпра близъ Соловьева; въ теченіе двухъ дней, 27-го и 28-го октября, онъ взялъ у нихъ около 1.000 пленныхъ, 21 орудіе и 60 зарядныхъ ящиковъ, которые они вынуждены были бросить.

Французская дивизія генерала Бараге д'Илье, прибывшая изъ Германіи на подкрѣпленіе главной арміи, была расквартирована по дорогѣ изъ Смоленска въ Елью; одна бригада стояла въ с. Лаховѣ, а остальная часть дивизіи въ с. Долгомостѣ. Можно предположить, что этой дивизіи забыли отдать приказаніе отступать, и она совершенно спокойно оставалась на своихъ квартирахъ. 28-го октября графъ Орловъ-Денисовъ, подкрѣпленный партизанами Давыдовыми, Фигнеромъ и Славянскимъ, атаковалъ и окружилъ бригаду, расположенную въ Лаховѣ. Командовавшій ею генералъ Ожеро (братья маршала Ожера) послѣ недолгаго сопротивленія положилъ оружіе со всемъ бригадою въ составѣ 60 офицеровъ и 2.000 солдатъ. Остальная часть дивизіи, находившаяся въ Долгомостѣ, отступила къ Смоленску.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



З а м ъ т к а .

Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старинѣ“, за вынѣшній годъ, помѣщена чрезвычайно интересная и любопытная статья „Нашъ мистики-секта и ты“, принадлежащая талантливому перу Н. Ф. Дубровина, который мастерски нарисовалъ картину жизни французского и русского общества конца прошлаго и началъ настоящаго столѣтій. Но, описывая „просвѣтителей“ нашеаго дворянства, большинство которыхъ было безъ образования, напрѣкъ уважаемый историкъ, какъ „къ числу диковинокъ и исключений“, относить двухъ учителей графа Д. Н. Блудова—Реми и графа де-Фонтенъ. Быть, однако, еще образованный, но прямо революционеръ—губернаторъ сына вѣльможи и первого богача А. С. Строганова, звали его—Роммъ, который, путешествуя со своимъ воспитанникомъ заграницей, сдѣлалъ якобинцемъ и своего Телемака.

Во время пребывавія въ Парижѣ Роммъ при революціи сдѣлалъ членомъ законодательного собранія, участвовалъ въ конвентѣ и даже въкоторое время былъ его предсѣдателемъ. Ввелъ во Франціи такъ называемыя революціонныя календарь и подписалъ смертный приговоръ Людовику XVI.

Въ январѣ 1790 г. Роммъ основалъ клубъ „Друзей закона“, и въ него вступили молодой графъ Строгановъ. Друзья закона собирались у знаменитой мегеры Тирань-де-Меркюръ, появившейся въ засѣданіяхъ съ саблемъ и двумя пистолетами за поясомъ, въ амазонкѣ кроваваго цвета. Ова прославилась своюю наглостью при взятіи Бастилии и водила въ Версаль толпу парижскихъ женщинъ. Вотъ эта-то Тирань и сдѣлалась фавориткою гр. Павла, жившаго въ Парижѣ подъ именемъ Огера, и этому Огеру, 7-го августа 1790 года, былъ выданъ дипломъ на званіе члена въ якобинскомъ клубѣ за волнистую знаменитаго его президента Барнава.

Въ Петербургъ стаин приходитъ не только слухи, но и письма изъ русскаго посольства о томъ, какъ ведеть себя молодой графъ Строгановъ, членившійся въ званіи адъютанта князя Потемкина-Таврическаго и разгуливавшій по улицамъ Парижа въ красномъ фригійскомъ колпакѣ. Узнавъ обо всемъ этомъ, императрица Екатерина II вознегодовала, и нашему послу Симолину приказано было выслать его изъ Парижа. Графа Строганова привезъ въ Россію Н. П. Новосильцовъ (впослѣдствіи бывшій предсѣдателемъ Государственнаго Совета) и отвезъ его къ его матери въ подмосковное село Братцево, где молодому графу пришлось прожить довольно долго.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, графъ Павель Алекс. Строгановъ, въ 1802 году, получилъ чинъ тайного советника, званіе сенатора и назначеніе въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, но вслѣдъ всѣхъ чиновъ было то, что онъ, какъ другъ дѣтства монарха, находился въ небольшомъ кругу избранныхъ советниковъ и самыхъ близкихъ людей Александра Павловича.

Въ 1807 г. Строгановъ, съ чиномъ генерал-майора, былъ зачисленъ въ военную службу, и въ эту кампанію отличился въ бою подъ Гудштадтомъ, где взялъ обозъ маршала Даву. Участвовалъ въ кампаніи 1812 г., онъ отличился во многихъ дѣлахъ въ 1813 года, а въ 1814 году онъ взялъ съ собою въ армию въ единственнаго сына своего, который подъ Кроаономъ былъ убитъ.

Жильберъ Роммъ, по словамъ профессора исторіи бежансонскаго университета Пэнго (см. его книгу „Les fran ais en Russie et les russes en France“, Paris, 1886), явился въ Россію, какъ сотрудникъ скульптора Фальконета, которому было поручено исполненіе памятника Петра Великаго, подробное описание кого читатель найдетъ въ нашей статьѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ въ 1883 году.

Сообщилъ И. Н. Божеряновъ.

Записки М. Я. Ольшевского.

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XII¹).

Князь А. И. Барятинский главнокомандующій и начѣстникъ Кавказа.

Въ октябрѣ 1856 года, по распуску войскъ дѣйствовавшаго въ Азіатской Турціи корпуса и окончанія дѣла, я возвратился въ Тифлісъ изъ Александриополя по той самой дорогѣ, по которой я ѿхалъ въ февралѣ 1855 года. Но въ то время я совершилъ этотъ путь по грязной и лишенной растительности дорогѣ. Теперь же я совершилъ это путешествіе по сухой и окруженнѣй еще зеленѣющими полями и лѣсами дорогѣ. Мрачный же и скучный въ февралѣ 1855 года Тифлісъ я засталъ веселящимся, радующимся:

Въ это время года Тифлісъ всегда бываетъ особенно хорошъ. Температура воздуха самая умѣренная и пріятная. Ясно-голубое небо рѣдко когда заволакивается тучами, а и того рѣже дуетъ удушливый или рѣзкій, холодный вѣтеръ. Только по утрамъ бываетъ довольно прохладно.

Зуриа, бубенъ, пѣсни, пляски, хлопанье ладошь раздаются, а «ала-верды», смѣшанные съ громкимъ «ура», слышатся въ разныхъ концахъ Тифліса. Огромные туры рога, азарпеші, кулы, наполняемыя искрящимся кахетинскими, несмотря на свою величину, быстро осушаются пирующими. По временамъ являются и бокалы съ пѣняющимся шампан-

¹) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1894 г.

скимъ, и тогда громкое, продолжительное «ура» заглушает отрывистое «салаверды».

Но Тифлисъ радуется и веселится не только хорошей погодѣ, изобилію урожаю винограда, прекращенію тяжелой войны; онъ ликуетъ и готовится еще къ большему ликованию — по случаю назначенія нового главнокомандующаго и намѣстника.

Назначенію князя Баратинскаго всѣ непрітворно радовались и не по одной психической причинѣ — желать перемѣнъ. Безпечный и веселый грузинъ радуется, что будетъ имѣть случай поджиговать, а слѣдовательно, показать себя, оружіе и коня. Алчный армянинъ мечтаетъ о тѣхъ огромныхъ барышахъ, которые перепадутъ на его долю, потому что знаетъ роскошную жизнь князя Александра Ивановича. Сильно радуются стройныя, черноокія красавицы, потому что онъ знаютъ любезность молодаго и красиваго главнокомандующаго. Болѣе же всѣхъ радовались служащи, которые подавлены были холодной надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьевъ. Много было выпито восторженныхъ тостовъ, много прогремѣло громкій «ура» въ честь нового главнокомандующаго, и не въ одномъ Тифлисѣ, а на всѣмъ Кавказѣ. И такія восторженныя овации происходили отъ душевной радости, потому что освобождались отъ тяжелаго кошмара, давившаго Кавказъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ.

Въ октябрѣ оба главнокомандующіеѣхали по разнымъ направлѣніямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишающійся такой огромной власти и почестей. Прощальный приказъ, съ которымъ онъ обратился къ войскамъ, отчасти служитъ тому доказательствомъ.

Въ то время, когда Н. Н. Муравьевъѣхалъ на мирное житіе въ свое подмосковное помѣстье, князь Александръ Ивановичъ шмыгъ на пароходѣ по Волгѣ и Каспійскому морю. Съ теплой душой и благими намѣреніями стремился онъ къ любимому имъ Кавказу, гдѣ онъ началъ, въ 1835 году, свое боевое поприще корнетомъ; гдѣ въ Даргинскую экспедицію 1845 года командовалъ баталіономъ, а съ 1847 по 1850 годъ былъ командромъ славнаго Кабардинскаго полка; гдѣ съ 1851 по 1853 годъ былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, а потомъ, до половины 1855 года — начальникомъ главнаго штаба, и гдѣ онъ такъ славно окончилъ генераль-фельдмаршаломъ. Что онъ преданъ былъ душою Кавказу, — каждый зналъ это, кто съ нимъ служилъ. Что онъ изучилъ Кавказъ и понималъ непріятеля, котораго онъ долженъ покорить своему отечеству, — доказали самыя событія. Высокая же любовь и преданность къ нему его подчиненныхъ и войска — выражены были неподдельнымъ восторгомъ и рядомъ празднествъ, сопровождавшихъ

князя Барятинского отъ Петровска, где онъ высадился съ парохода, до Тифлиса.

2-го ноября Тифлисъ, въ особенности улицы, ведущія отъ Эриванской заставы до Сіонскаго собора и отъ этого собора до дома главно-командующаго, а равно Головинскій проспектъ съ утра начали кипѣть народомъ и принимать праздничный видъ. Дома украшались разноцвѣтными флагами и азіатскими коврами, вывѣшиваемыми на балконахъ и въ растворенныхъ окнахъ. Амкары ¹⁾ съ знаменами и значками, сопровождаемые гудѣніемъ зуны и бубень, раздававшихся въ разныхъ мѣстахъ Тифлиса, направлялись въ одну сторону — къ Эриванской заставѣ. Туда же направлялись толпы уличныхъ гулякъ и мальчишекъ.

Къ полуночію, Лейбъ-Эриванскій и Грузинскій grenадерскіе полки, вызванные изъ своихъ штабъ-квартиръ Манглиса и Вѣлаго Ключа, съ прочими войсками, составлявшими тифлисскій гарнизонъ, начали выстраиваться на Эриванской площи и по Головинскому проспекту до дома главнокомандующаго. Къ тому же времени начали сѣзжаться въ Сіонскій соборъ, въ парадныхъ мундирахъ, всѣ служащіе военные и гражданскіе чины, а равно тифлисское дворянство, купечество, почетное гражданство и депутаты, присланные изъ другихъ мѣстъ Кавказа. Не было недостатка и въ роскошныхъ туалетахъ женъ и взрослыхъ дочерей, прѣживавшихъ одновременно со своими мужьями и отцами, или въ отдѣльныхъ экипажахъ.

Все это дѣгалось для встречи князя Барятинского, вѣзвавшаго въ Тифлисъ черезъ Эриванскую заставу. По предварительно составленному церемоніалу, онъ около полуночія долженъ былъ прибыть въ Сіонскій соборъ, откуда, послѣ молебствія и торжественной присяги, отправиться къ себѣ въ домъ. И все совершилось съ предписанной точностью и приличествующею сану царскаго намѣстника торжественностью, при громѣ салютной пальбы съ Метехскаго замка, тѣмъ болѣе, что и погода благопріятствовала этому торжеству.

Двѣ недѣли, со дня прїезда князя, Тифлисъ веселился и не могъ успокониться отъ разнаго рода удовольствій. Днѣмъ парады, разводы, скачки, обѣды; по ночамъ спектакли-gala, рауты, балы съ иллюминациями и фейерверками.

Съ назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ Кавказскою арміей и намѣстникомъ Кавказа, вотъ на какія главныя административныя единицы дѣлился этотъ обширный и разнородный по своему населенію край и кто были правители такихъ глав-

¹⁾ Амкары уподоблялись старшинамъ цеховыхъ ассоціацій. Подъ амкарствами же слѣдуетъ разумѣть разныя цеховые общества промышленной и ремесленной дѣятельности. Амкары пользовались огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ народѣ.

М. О.

ныхъ единицъ. Такой обзоръ облегчить мое изложение и уяснить читателю тогдашнее состояніе Кавказа и трудность управления имъ.

На «Кавказской лині» былъ командующій войсками генераль-лейтенантъ Козловскій, не замѣтительный ни своею наружностью, не обращавшій на себя вниманія ни по воспитанію и образованію, но за то пріобрѣтшій извѣстность своею мужественною неустрашимостью и опытностью въ кавказской войнѣ. Викентій Михайловичъ, во время своей сорока-лѣтней боевой службы на Кавказѣ, много пережилъ опасностей, хотя ни разу не былъ раненъ, и всегда съ честью выручалъ изъ нихъ какъ самого себя, такъ и своихъ подчиненныхъ.

Князю Барятинскому хорошо были извѣстны не только служебная карьера генерала Коаловскаго, но его оригинальная частная жизнь и рассказываемые про него многіе анекдоты. Вѣдь Александръ Ивановичъ въ Даргинскую экспедицію 1845 года, командуя баталіономъ, состоялъ подъ прямымъ его начальствомъ, а спустя два года принималъ отъ него Кабардинскій полкъ. Князю извѣстно было, что Викентій Михайловичъ никогда не былъ и не могъ быть такимъ администраторомъ, чтобы могъ управлять какъ слѣдуетъ Кавказскою линіей, даже чисто въ военному отношении. Его дѣло было начальствовать отрядомъ, и то по предварительному указанію; построить укрѣпленіе или штабъ-квартиру; взять аулъ или прорубить просеку; въ особенности его любимымъ занятіемъ было прокладывать дороги черезъ лѣсныя трущобы. Такимъ дѣломъ занимался Викентій Михайловичъ и во время двухъ-лѣтняго командинія Кавказскою линіей, когда все его вниманіе и вся его дѣятельность сосредоточивались на пространствѣ между Большою и Малою Лабой, гдѣ собираемый имъ войска прокладывали просеки и дороги, строили Псебайское укрѣпленіе и вмѣстѣ штабъ-квартиру для Севастопольского полка и устраивали Мало-Лабинскую линію.

По этимъ причинамъ генералъ Козловскій, несмотря на любовь и уваженіе къ нему новаго главнокомандующаго, не могъ остаться на занимаемомъ имъ мѣстѣ въ то время, когда должно было совершиться завоеваніе Кавказа. При томъ и Кавказская линія, какъ главная административная единица, утратила свое прежнее значеніе. Поэтому генералъ Козловскій получилъ мѣсто, по собственному желанію, въ Петербургѣ, въ одномъ изъ высшихъ учрежденій военнаго вѣдомства¹⁾, гдѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфanterіи и окончилъ тихо и мирно свою жизнь въ 1871 году. Кавказская же линія, сообразно тогдашнему географическому и этнографическому положенію, была раздѣлена на двѣ части.

¹⁾ Онъ былъ назначенъ членомъ существовавшаго въ то время генераль-аудиторіата, соответствующаго нынѣшнему главному военному суду.

М. О.

Пространство, заключающееся между Кубанью, Чернымъ моремъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, населенное черкесскими и абазинскими племенами, съ казачьими поселеніями по Кубани и Лабъ, составляло «правое крыло Кавказской линіи». Оно было ввѣreno начальству генералъ-лейтенанта Филипсона. Григорію Ивановичу хорошо была известна эта часть Кавказа, потому что онъ съ 1836 года, по окончаніи курса въ военной академіи генерального штаба, провелъ на ней всю свою служебную карьеру. Сначала онъ завѣдывалъ штабомъ на Черноморской береговой линіи, потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказской линіи и, наконецъ, наказнымъ атаманомъ Черноморского казачаго войска.

Пространство, обитаемое кабардинцами, чеченскими племенемъ и кумыками, и огражденное съ одной стороны главнымъ Кавказскимъ и Андійскимъ хребтами, Сулакомъ и Каспийскимъ моремъ, а съ другой—Малкою и Тerekомъ, съ казачьими поселеніями какъ на этихъ рѣкахъ, такъ и на Сунжѣ, составило «левое крыло Кавказской линіи». Это пространство, превышавшее первое въ территоріальномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, было ввѣreno генералъ-лейтенанту Евдокимову, бывшему до того начальникомъ праваго фланга той же линіи. Главнокомандующій, зная съ давнихъ порь Николая Ивановича за храбраго, твердаго, непреклоннаго и исполнительного начальника и ввѣряя ему такой трудный и важный постъ, вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ исполнить съ точностью все то, что на него будетъ возложено. И, какъ увидимъ, князь Александръ Ивановичъ не ошибся въ Евдокимовѣ и черезъ него достигъ желаемаго и прizвательности своего отечества.

Междуд правымъ и левымъ крыльями Кавказской линіи находилась Ставропольская губернія, граничаща: на западъ съ Черноморіемъ, на югъ—съ землею Донскаго войска и на востокъ—съ Астраханскою губерніею. Разнородное населеніе этой губерніи, состоящее изъ государственныхъ и частью помѣщичьихъ крестьянъ и кочующихъ ногайцевъ и трухменъ, простиравшись до 400 душъ обоего пола. Ставропольская губернія дѣлилась на уѣзы: Ставропольский, Пятигорскій, Моздокскій и Кизлярскій. Губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій советникъ Брянчаниновъ, человѣкъ очень разумный и хорошо знавшій свое дѣло.

Пространство, заключающееся между Каспійскимъ моремъ, Сулакомъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, носило название «Прикаспійскаго края». Въ составъ этого края входили: владѣнія шамхала Тарковскаго, Мехтулинское ханство, Самурскій и Дербентскій округи ¹⁾ съ

¹⁾ Въ составъ Дербентскаго и Самурскаго округовъ входили: а) бывшія ханства Кубинское и Дербентское; б) существующія ханства Казыкумукское

прилегающими къ нимъ непокорными обществами аварского и лезгинского происхождения. Начальникомъ этого края былъ до 1858 года генераль-лейтенантъ князь Орбелани, а потомъ генераль-адъютантъ баронъ Врангель. Князь Григорій Дмитревичъ, первый привѣтствовавшій главнокомандующаго на кавказской территории, въ Петровскѣ, былъ вызванъ, согласно его желанія, въ Тифлисъ, гдѣ вскорѣ и получилъ высшее назначение. Заступившій его мѣсто баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, бывшій до того кутаисскимъ генераль-губернаторомъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій со взятиемъ Гурии и плѣненіемъ Шамиля, на Восточномъ Кавказѣ, окончилъ свое славное боевое поприще—назначеніемъ членомъ военного совѣта, каковое мѣсто онъ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и въ званіи генераль-адъютанта занималъ до своей смерти.

Обращаясь къ послѣднему военно-административному отдѣлу, известному подъ именемъ «Лезгинской кордонной линіи», въ составъ которой входили Тушетія съ Шаво-Хевсуріей, за-Алазанская Кахетія и Джаро-Белаканскій округъ съ ингелойцами. Эта линія, имѣвшая проженія болѣе трехсотъ верстъ, съ находящимися на ней войсками, укрепленіями и постами, имѣла единственную цѣлью охранять Кахетію и вообще Тифлисскую губернію отъ хищничества дидойцевъ, анцуццевъ, капучинцевъ, джурмутцевъ, елисуйцевъ и другихъ мелкихъ обществъ лезгинского происхожденія, живущихъ за главнымъ сѣнговымъ хребтомъ. Главнокомандующій, по своемъ прибытіи на Кавказъ, ввѣрилъ Лезгинскую линію генераль-лейтенанту барону Бревескому, тому самому, который былъ начальникомъ Владикавказскаго округа, когда князь Барятинскій былъ начальникомъ лѣваго фланга, и которому онъ такъ усердно помогалъ своими войсками, при движеніи Шамиля въ іюль 1852 года къ Назрану и Владикавказу. Ипполитъ Александровичъ, окончившій курсъ въ военной академіи генерального штаба, былъ хладнокровнымъ, неустрашимъ и распорядительнымъ начальникомъ. На него, какъ своего товарища-сослуживца, князь много разечитывалъ и надѣялся; но, къ сожалѣнію, преждевременная смерть, послѣдовавшая отъ раны, полученной имъ при взятіи капучинского аула Китури, отняла у отечества полезного слугу. Послѣ локойнаго барона Бревескаго командующимъ войсками на Лезгинской линіи снова былъ назначенъ генераль-лейтенантъ князь Меликовъ¹⁾). Это тольѣ самый князь Ле-

и Кюранское, управляемыя своими ханами; с) Кайтагъ—гдѣ правителями были уцмі; д) демократическое общество Акушинское, Даргинское, Сургинское и Цудахарское, и е) Табасарань, управляемая вадіами и старшинами. М. О.

¹⁾ Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ начальствовалъ Лезгинской линіей до назначенія главнокомандующимъ князя Барятинскаго, и въ его правление этой линіей совершился разгромъ Кахетіи въ 1854 году. М. О.

ванъ Ивановичъ, который, въ чинѣ генерала-оть-кавалеріи и въ званіи генераль-адютанта, около двадцати лѣтъ начальствовалъ Дагестанской областью или бывшимъ Прикаспійскимъ краемъ, а въ 1880 г. быгъ назначенъ помощникомъ намѣстника кавказскаго.

Затѣмъ, все Закавказье дѣлилось: на Тифлисскую, Шемахинскую и Эриванскую губерніи, правителями которыхъ были военные губернаторы, и на Кутаисское генераль-губернаторство, впрочемъ, образованное уже при князѣ Барятинскомъ, въ 1857 году.

Тифлисской губерніей, въ составѣ которой входили Карталинія и Кахетія, дѣлившіеся на уѣзды: Тифліскій, Горійскій, Душетскій, Сигнахскій и Телавскій, управляли генераль-маиоры сначала Лукашъ, а потомъ Калгеръ. Съ первымъ, малоувѣдѣющимъ въ администрації, любимцемъ Н. Н. Муравьевъ, не помню, что случилось; послѣдній же окончилъ свое земное поприще, иѣсколько лѣтъ тому назадъ, сенаторомъ.

Шемахинскую губернію составляли ханства: Ширванское, Шекинское, Ганджинское, Карабагское, Талышинское и Бакинское, образовавшія уѣзды: Шемахинскій, Нухинскій, Елисаветпольскій, Шушинскій, Ленкоранскій и Бакинскій. Правителями этой, самой обширной и населенной, губерніи¹⁾ были генераль-маиоры: князь Тарханъ-Муравьевъ и Колюбакинъ. Первый былъ человѣкъ умный, любившій въ особенности вмѣшиваться въ дѣла молоканъ, какъ сектаторовъ, которыхъ въ Шемахинской губерніи было болѣе, сравнительно съ другими мѣстами Закавказья. Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ, назначенный изъ тифлисскихъ вице-губернаторовъ и, въ отличие отъ своего младшаго брата, прозывавшійся «мирнымъ», былъ на самомъ дѣлѣ тихъ и притомъ честенъ и вполнѣ свѣдущъ въ администраціи. Оба эти генерала покоятся вѣчнымъ сномъ съ шестидесятыхъ годовъ.

Эриванская губернія, примыкавшая съ запада къ Азіатской Турціи, а съ юга къ Персіи, состояла изъ уѣздовъ: Ахалцихскаго, Александровольскаго, Эриванскаго, Баязетскаго и Нахичеванскаго. Правителями этой губерніи, составленной изъ ханствъ и пашалыковъ, приобрѣтенныхъ послѣ войнъ съ Персіею — въ 1826 по 1828, а съ Турціею — въ 1828—1829 годахъ, были генераль-маиоры Назаровъ и Колюбакинъ 2-й, лѣтъ пятнадцать тому назадъ умершіе. Послѣдній изъ нихъ, человѣкъ безспорно умный, но до крайности раздражительный и поэтому прозывавшійся «немирнымъ», былъ потомъ кутаисскимъ генераломъ.

¹⁾ Въ Шемахинской губерніи считалось до миллиона душъ обоего пола, тогда какъ населеніе Тифлисской губерніи доходило до 600.000, а Эриванской только до 450.000 душъ обоего пола.

М. О.

нераль-губернаторомъ, окончилъ же свое земное поприще сенаторомъ, въ Москвѣ.

Наконецъ, «Кутаисское генераль-губернаторство», образованное въ 1857 году, составили: Кутаисская губернія, Мингрелія, Абхазія съ Самурзаканью и Сванетія. Кутаисская губернія¹), существовавшая и прежде, была образована изъ Имеретіи и Гуріи, и дѣлилась на уѣзы: Кутаїскій, Шорапанскій, Озургетскій и Гурійскій. Мингрелія и Абхазія управлялись своими владѣтелями, первая—Дадіанами, а послѣдняя—Шарвашидзе. Самурзакань составляла отдѣльное приставство. Сванетія дѣлилась на Вольную и Княжескую; первая управлялась старшинами, вторая княжескою фамиліею Дадешкиліані. Первымъ кутаїскимъ генераль-губернаторомъ былъ генераль-адъютантъ баронъ Врангель, менѣе чѣмъ черезъ годъ назначенный командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Заступившій его мѣсто генераль-лейтенантъ князь Эристовъ, нынѣ состоящій при намѣстникѣ кавказскомъ, проживаетъ въ своемъ помѣстіи.

Оканчивая этимъ обзоръ административныхъ единицъ, на которыхъ дѣлился Кавказъ въ управление имъ князя Баратинскаго, обращаясь къ главному штабу и главному гражданскому управлению, откуда исходили всѣ распоряженія главнокомандующаго и намѣстника,

Главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ главнокомандующаго по управлению Кавказской арміей, числительность которой доходила до 200.000 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, саблями и шашками²),

¹⁾ Кутаисская губернія была образована въ намѣстничество князя Воронцова, и послѣднимъ ея губернаторомъ былъ генераль-лейтенантъ князь Гагаринъ, убитый изъ мести въ своемъ домѣ, въ Кутаїсѣ, владѣтелемъ Сванетіи княземъ Дадешкиліаномъ, судимымъ и разстрѣяннымъ за это преступленіе.

М. О.

²⁾ Представлю приблизительно въ общихъ чертахъ числительность тогданѣй Кавказской арміи, принимая списочное состояніе баталіона въ 1.000, эскадрона и сотни въ 120, а батареи, среднимъ числомъ—въ 100 человѣкъ.

Гренадерская, 19, 20 и 21-я пѣхотные дивизіи, каждый полкъ пяти-баталіонного состава, считая въ томъ числѣ стрѣлковый баталіонъ полка, всего 80 баталіоновъ, или 80.000 чл.

4 отдѣльныхъ стрѣлковыхъ, 2 саперныхъ и 16 Кавказской резервной дивизіи—всего же 22 баталіона, или 22.000

Кавказскихъ, Дагестанскихъ, Закавказскихъ и бывшихъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, не менѣе 45-ти баталіоновъ, или 45.000

Драгунская дивизія—четыре полка или 24 эскадрона.

Приблизительно до 50-ти полковъ Черноморского, Кавказского линейного и Донского войска, чтоб составить до 300 со-тепъ, всего же кавалеріи до 40.000

арміей, дѣйствовавшею на четырехъ отдѣльныхъ театрахъ и разбросанной на сотни верстъ на каждомъ изъ этихъ театровъ, былъ начальникъ главнаго штаба генераль-маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, одновременно прибывшій въ Тифлісъ съ княземъ. Близкайшими помощниками начальника главнаго штаба Кавказской арміи были: генераль-квартирмейстеромъ генераль-маіоръ Карлгофъ, дежурнымъ генераломъ вашъ покорный слуга, читатель, и правителемъ канцеляріи полковникъ Лимановской¹⁾). Николай Ивановичъ Карлгофъ былъ впослѣдствіи начальникомъ главнаго управления иррегулярныхъ войскъ и окончилъ свою жизнь, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, членомъ военнаго совѣта. Владимиръ Антоновичъ Лимановской, нынѣ оставной генераль-лейтенантъ, поступилъ въ 1861 году на мое мѣсто дежурнымъ генераломъ, а потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго округа.

Продовольствіе почти двухсотъ-тысячной арміи находилось въ опытныхъ, надежныхъ и знающихъ краї рукахъ. Генераль-интендантомъ былъ генераль-маіоръ Колосовскій, хорошо радѣвшій объ обезпечениіи продовольствіемъ арміи. Иванъ Григорьевичъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта оставившій службу въ 1868 году, до своей смерти, постигшей его въ 1879 г., жилъ въ Харьковской губерніи.

Артиллерія находилась подъ начальствомъ добраго и старого слуги, въ настоящее время умершаго, генераль-лейтенанта Мейера. Строевая и материальная части этого специального рода оружія, по тогдашнимъ требованиямъ, были въ хорошемъ состояніи. Только доставка пороха, снарядовъ и даже самыхъ орудій была не всегда удачна и обходилась дорого.

Наконецъ, инженерное вѣдомство состояло подъ начальствомъ генераль-лейтенанта, сначала Ганзена, а потомъ Кесслера, нынѣ умершихъ. Эти генералы были известны какъ знающіе свое дѣло инженеры, но только бругъ ихъ дѣятельности былъ самый незначительный. На Кавказѣ крѣпостей не строилось, а укрѣпленія были незатѣйливыя. Казен-

Артиллерія, состоящая изъ пѣшихъ и конно-казачьихъ батарей, а также подвижной гарнизонной, и простирающаяся чи-
момъ до 200 орудій, съ командами арсенальными и крѣпост-
ными, не превышала.

.	7.000
-----------	-------

А всего 194.000 чел.

¹⁾ Главный штабъ, въ томъ составѣ, въ которомъ я его видѣлъ описывать, именно на основаніяхъ «о большей дѣйствующей арміи», былъ образованъ спустя годъ послѣ назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ князя Барятинскаго. До того же, вмѣсто генераль-квартирмейстера, дежурного генерала генераль-интенданта, были оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ и оберъ-правоохранитель. Канцеляріи же начальника главнаго штаба и правителя по штату не полагалось.

М. О.

ныя капитальные зданія рѣдко когда возводились; устройство же штаб-квартиръ по преимуществу возлагалось на полковыхъ командировъ и другихъ ближайшихъ начальниковъ частей. Даже не брались съ помощью траншейныхъ работъ такие укрѣпленные дагестанскіе аулы, какъ Чохъ, Салты¹). Главными дѣятелями инженерного искусства были саперы. Они руководили работами по проложенію дорогъ, устройству мостовъ во время самыхъ военныхъ дѣйствій и т. п.

Прежде, чѣмъ коснусь подробнаго изложенія въ слѣдующей главѣ военныхъ событій, упомяну о главныхъ дѣятеляхъ и помощникахъ князя Барятинскаго, какъ намѣстника Кавказа, а также опишу въ общихъ чертахъ, что сдѣлано княземъ Александромъ Ивановичемъ полезнаго, до края относящагося.

До 1858 года главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ князя по гражданскому управлению Кавказомъ былъ генераль-отъ-инфантеріи князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, побѣдитель турокъ подъ Башка-дымларомъ и Кюрюкъ-дара²). Со смертью князя Бебутова, послѣдовавшего въ мартѣ 1858 года, власть по гражданскому управлению, сосредоточенная въ одномъ его лицѣ, раздѣлилась: предсѣдателемъ совѣта намѣстника бытъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Орбеліанъ, а тайный совѣтникъ Круzenштернъ³) былъ сдѣланъ начальникомъ граж-

¹⁾ Начиная съ 1846 года, система военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ, въ главныхъ чертахъ, установилась слѣдующая: въ Чечнѣ—зимнія экспедиціи, состоящія въ прорубкѣ просекъ, проложеніе черезъ лѣса дорогъ и въ уничтоженіи въ нихъ ауловъ и хуторовъ; въ Дагестанѣ—лѣтнія экспедиціи, имѣвшія цѣлью постепенное углубленіе въ горы, съ овладѣніемъ укрѣпленными аулами не только открытою силою, но и посредствомъ траншей и подступовъ. Такимъ образомъ, въ 1846, 1847 и 1848 годахъ брались аулы Гергебиль, Чохъ, Салты. Но сколь полезны были зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, столь мало выигрывалъ Дагестанъ отъ лѣтніхъ экспедицій, на которыхъ тратилось безъ пользы много времени, денегъ и людей. Поэтому, послѣ 1848 года, наступательный движенія въ горы Дагестана прекратились, и не производилось болѣе осады укрѣпленныхъ ауловъ.

М. О.

²⁾ Въ 1854 году начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи князь Барятинскій, по желанію главнокомандующаго, былъ назначенъ помощникомъ командающимъ дѣйствующими корпусомъ въ Азіатской Турціи, князь Бебутовъ, и участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ въ томъ году противъ турокъ. Въ кюрюкъ-дарскомъ сраженіи, предводительствуя семью баталіонами эриванцевъ и грузинцевъ при трехъ батареяхъ, занимавшихъ центръ нашей позиціи, князь Александръ Ивановичъ съ геройскимъ мужествомъ и неустрашимостью атаковалъ съ этими войсками въ три раза превосходящаго непріятеля и, нанеся ему совершенное пораженіе, способствовалъ къ одержанію 24-го июля полной и славной победы. Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ вполненъ заслуженною наградой главному герою этого дня. М. О.

³⁾ Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліанъ въ 1861 году управлялъ Кавказской арміей и намѣстничествомъ, а въ слѣдующемъ году былъ про-

данского управления. Канцелярия же намѣстника, которой Алексѣй Федоровичъ Крузеиштернъ былъ до того директоромъ и въ которой со-средоточивалась вся переписка, относящаяся до края, раздѣлилась на пять департаментовъ. Эти дорого-стоющіе департаменты, а нѣкоторые изъ нихъ—оказавшіеся бесполезными, по ничтожеству производившихся въ нихъ дѣлъ, можно считать однимъ изъ неудавшихся нововведеній и учрежденій князя Барятинскаго, во время его пяти-лѣтнаго управления Кавказомъ¹).

Князь Александръ Ивановичъ, стремясь всею душою къ наслажденію и развитію всего хорошаго въ дорогомъ и любимомъ имъ Кавказѣ, не упускалъ изъ виду малѣшаго обстоятельства, могущаго служить къ усовершенствованію этого края, и въ его намѣстничество были затронуты самые насущные вопросы.

Такъ, приняты самыя энергическія мѣры къ возстановленію порядка и прекращенію почти повсемѣстныхъ разбоевъ за Кавказомъ. Обращено вниманіе на лучшее устройство и содержаніе городовъ, въ особенности Тифлиса, гдѣ, кромѣ другихъ улучшеній, разведенъ прекрасный Александровскій садъ на обширномъ пустырѣ въ центрѣ города, на который до того выбрасывались всевозможныя нечистоты. Данна полная свобода въ религіозномъ отношеніи «молоканамъ» и «духоборцамъ»,—не какъ вреднымъ сектаторамъ, а какъ полезнымъ сельскимъ хозяевамъ, сильно стѣсненнымъ въ этомъ отношеніи его предмѣстникомъ, породившимъ немалыя злоупотребленія со стороны администраціи. Оказано покровительство ингелойцамъ, сосѣдямъ Джаро-Белаканскаго округа, когда-то бывшимъ христіанамъ, какъ грузинамъ, при обращеніи ихъ снова въ христіанство съ разными притѣсненіями и обманами. Приняты разныя мѣры и употреблены значительныя денежныя средства на лучшее устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ и на заведеніе пароходства по Кубани; если же первый мало улучшился, а послѣднее предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, то винить слѣдуетъ исполнителей. Возбужденъ сложный и дорого-стоющій вопросъ о владѣльцахъ Мингрелии, Абхазіи и Сванетіи, оконченный, по своей запутанности, только въ 1866 году.

Независимо этого, постоянною и главною заботой князя-намѣстника было приведеніе по всему краю въ лучшее состояніе сообщеній и до-

изведеній въ генералы-отъ-инфanterіи. Въ настоящее время онъ членъ Государственнаго Совѣта и живетъ въ Тифлисѣ.

Алексѣй Федоровичъ въ 1863 году оставилъ Кавказъ въ званіи статс-секретаря и въ настоящее время живетъ въ Ревелѣ. М. О.

¹) Сколько мнѣ помнится, назначеніе князя Орбеліаніи предсѣдателемъ совѣта послѣдовало годомъ раньше учрежденія департаментовъ. Эти послѣдніе открыли свое дѣйствіе 1-го января 1859 года. М. О.

рогъ, въ особенности построение прекраснаго шоссе на Квинанскомъ перевалѣ черезъ главный Кавказскій хребетъ. Устройство этого шоссе, съ почтовыми станціями и роскошными въ нихъ помѣщеніями для проѣзжающихъ было большинствомъ благодѣяніемъ для нихъ, какъ испытавшихъ до того множество затрудненій и опасностей. Объ этомъ, мнѣ знакомомъ предметѣ, я желаю поговорить нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ закончу мой настоящій разсказъ.

Проехажая по такъ называемой Военно-Грузинской дорогѣ семидесяти-пяти-верстное разстояніе между Владикавказомъ и Квишетомъ, въ особенности по грандіозному Дарьяльскому ущелью, ваше сердце и теперь не разъ єкнетъ, когда колесо вашего экипажа будетъ касаться обрывистаго берега бѣшенаго, все разрушающаго Терека, въ то время, когда вы столкнетесь съ ёдущимъ вами на встрѣчу путникомъ. Васть, какъ тогда, такъ и теперь, будуть пугать огромные снѣжные завалы, обрушивающіеся ежегодно на дорогу въ Байдарскомъ ущельи ¹⁾ и на Гудъ-горѣ. Но только теперь вы не будете встрѣчать тѣхъ остановокъ и опасностей, которыми подвергались проѣзжающіе до устройства шоссе—на Бѣшеної балкѣ ²⁾, чтò въ двухъ верстахъ отъ станціи Казбекъ и на двадцати-верстномъ разстояніи между Коби и Квишетомъ.

Случалось цѣлыхъ сутки употреблять на переездъ этого разстоянія и платить десятки рублей за наемъ быковъ и осетинъ для перевоза вашего багажа, а перевозка экипажа доходила и до сотни рублей. Цѣлыхъ недѣли проходили, что не было проѣзда черезъ перевалъ по причинѣ метелей, заваловъ и расчистки ихъ. Десятки проѣзжающихъ собирались въ Коби и Кайшаурѣ, претерпѣвая лишенія отъ холоднаго и тѣснаго

¹⁾ Байдарское ущелье—единственное мѣсто, где бываютъ частые, большие, ежегодные, снѣжные завалы, падающіе на самую дорогу. Въ особенности огромны бываютъ завалы съ утесомъ Кулагина и Маюршина, называемыхъ такъ потому, что подъ однимъ изъ нихъ погибъ, если не ошибаюсь, купецъ Кулагинъ, а подъ другимъ погребена жена неизвѣстнаго маира. Эти завалы бываютъ иногда столь огромны, что заваливаютъ не только дорогу и р. Байдару, но и перебрасываются на другой берегъ. Они падаютъ съ такою неожиданностью и стремительностью, что если проѣзжаютъ подъ ними въ моментъ паденія, то погибель неизбѣжна. Рѣдкій годъ проходилъ безъ нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ.

М. О.

²⁾ До 1857 года не разъ случалось съ проѣзжающими, что они, доѣхавъ до Бѣшеної балки, должны были или возвращаться назадъ въ Ларсъ и тамъ дожидаться, пока она успокоится, или съ большою опасностью переправляться черезъ нее. Бѣшество этой балки происходило въ то время, когда за песчаныхъ и каменистыхъ утесахъ, съ которыхъ она береть свое начало, выпадалъ не столько продолжительный, сколько проливной дождь; тогда съ невѣрою быстротой несшися камни все разрушали. Теперь черезъ эту балку перекинутъ красивый, американской системы, мостъ.

М. О.

помѣщенія и недостатка въ продовольствіи. Дороговизна на самые необходимые и обыкновенные предметы была страшная. Смотритель или сторожъ станціи, а также жалкій духанщикъ бралъ съ васъ не втридорога, а—сколько хотѣлъ.

Такъ было до 1857 года. Но съ устройствомъ частыхъ, хорошихъ казармъ и съ помѣщеніемъ въ нихъ постоянныхъ частей войскъ, обязаннныхъ наблюдать за исправнымъ состояніемъ дороги и скорою расчисткой заваловъ, проѣзжающими затрудненія и опасности начали устраниться. Съ открытиемъ же въ 1860 году шоссе, съ точностью изслѣдованныго и съ искусствомъ устроеннаго инженеръ-подполковникомъ Статкѣвскимъ, миновала и медленность въ проѣздѣ.

Теперь вы совершаете перѣездъ отъ Коби до Земомлетъ, почти равняющійся отъ Коби до Кайшаура, въ самое дурное время года, когда и огромный снѣгъ, и частые завалы,— самое большое въ пять часовъ, а при хорошемъ состояніи дороги васъ везетъ тройка лошадей съ такою же скоростью, какъ и по всякому другому шоссе. Теперь если и случится сильная метель, или упадетъ большой завалъ, то сообщеніе, самое большое, прекращается на сутки—другія, потому что имѣется достаточное число постоянныхъ рабочихъ рукъ.

Въ настоящее время, проѣзжающіе на станціяхъ Кобійской, Гудурской и Земомлетской имѣютъ теплое, просторное и даже съ нѣкоторою роскошью помѣщеніе. Не будете голодать, потому что всегда найдется, что съѣсть и выпить. Нѣть произвола на необходимыя потребности, потому что на нихъ существуетъ такса. Можете посыпать депеши въ Тифлисъ, Ставрополь и другія мѣста Россіи, потому что существуетъ телеграфное сообщеніе¹⁾.

Всѣмъ этимъ обязаны не только проѣзжающіе, но и самый край—князю Барятинскому, съ настойчивостью сдѣлившему за скорѣйшамъ устройствомъ удобнаго и безпрепятственнаго сообщенія черезъ Кавказскій хребетъ и не жалѣвшаго для этого ни средствъ, ни денегъ. Это одно сооруженіе можетъ служить для него неувядаемымъ памятникомъ на Кавказѣ.

¹⁾ Въ томъ прекрасномъ состояніи, какъ описывается мною это шоссе, я нашелъ его въ 1865 году, когда, оставляя Кавказъ, проѣзжалъ по немъ въ послѣдній разъ, изъ Ставрополя въ Тифлисъ и обратно. Надѣюсь, что оно находится въ такомъ же состояніи и въ настоящее время, какъ главное и кратчайшее сухопутное сообщеніе съ Закавказьемъ.

М. О.

ХIII.

Покорение Восточного Кавказа и падение Шамиля.

Князь Александр Иванович Барятинский, по назначению главно-командующимъ на Кавказъ, обратилъ особенное вниманіе на Чечью и Дагестанъ, исключительно въ военномъ отношеніи. Онъ вполнѣ сознавалъ, что съ паденiemъ Шамиля должна окончиться вѣковая борьба съ горцами.

Сознаніе это основано было на самыхъ положительныхъ фактахъ, очень хорошо ему известныхъ. Онъ, какъ бывшій начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, изучившій въ подробности Чечню и чеченцевъ, не разъ сходившій съ Шамилемъ и разившій его, зналъ, что если Чечня и сопротивляется намъ, то отрицательно. Онъ зналъ, что чеченцы питаютъ больше ненависти къ Шамилю, нежели къ намъ, что они доведены до крайняго изнеможенія въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Если же сами чеченцы не рѣшались сбросить съ себя иго Шамиля, то потому только, что находились подъ обаяніемъ страха деспотической власти. Онъ вполнѣ сознавалъ и то, что съ паденiemъ Чечни долженъ пастъ и Дагестанъ.

Для осуществленія идеи князя Барятинского въ покореніи Восточного Кавказа и приведенія въ исполненіе его плана, нуженъ былъ точный, энергический и съ твердою, непреклонною волею исполнитель. И такой выборъ его палъ на генераль-лейтенанта Евдокимова, бывшаго въ то время начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ, какъ говорится, былъ темнаго происхожденія и воспитывался, какъ онъ и самъ выражался, на мѣдный грошъ. Сколько известно, его родитель дослужился до штабъ-офицерскаго чина изъ простаго званія; домашнее же его воспитаніе и школьнное кавказское образованіе ограничились знаніемъ русской грамоты. Но, будучи отъ природы одаренъ положительнымъ, здравымъ умомъ, онъ успѣлъ усовершенствовать себя основательно въ этой грамотѣ и пріобрѣсти достаточныя свѣдѣнія, касающіяся военнаго дѣла, потому что съ первыхъ же дней своей службы умѣлъ рельефно выставить себя передъ своими товарищами. Подпоручикъ Апшеронскаго полка, Евдокимовъ былъ взятъ въ 183* году генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшимъ въ то время войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, въ штабъ, гдѣ, состоя до маюorskаго чина, былъ назначенъ койсубулинскимъ приставомъ¹⁾.

¹⁾ См. общирную и интересную біографію Клюгенау, составленную И. Гржигорьевскимъ и напечатанную въ „Русской Старинѣ“, т. XI, стр. 131—152, 497—515; т. XII, стр. 545—554; т. XIV, стр. 144—162, 377—387, 645—658; т. XVI, стр. 351—382.

М. О.

На этомъ мѣстѣ Николай Ивановичъ, какъ гласить сгустая молва, хотя не явился безкорыстнымъ дѣятелемъ, но умѣлъ пріобрѣсти расположение иуваженіе дагестанцевъ за знаніе туземнаго языка и свою храбрость. Послѣдня свидѣтельствовалась двумя тяжелыми ранами: одна въ животъ кинжаломъ, полученная имъ въ Унцукулѣ въ 1842 г., во время управлениія имъ Койсубу, а другая пулѣ въ лицо. По этой послѣдней ранѣ онъ извѣстенъ быть въ горахъ подъ именемъ уч-геза, то-есть трехъ глазаго, потому что эта рана составляла какъ бы третій глазъ.

Прослѣдимъ дальнѣйшее повышеніе Николая Ивановича до назначенія его начальникомъ лѣваго крыла Кавказской линіи. Въ 1844 году, въ чинѣ подполковника, онъ назначается командиромъ Волжской бригады, а выѣтъ съ тѣмъ и ближайшимъ охранителемъ кавказскихъ императорскихъ водъ. Черезъ два года получаетъ въ командованіе Дагестанскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго онъ былъ при концѣ своей жизни. Въ 1854 году, въ чинѣ генераль-маиора, назначается начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, где и остается до конца 1856 года.

Главнокомандующему хорошо было извѣстенъ генералъ Евдокимовъ, потому что онъ не разъ встречался съ нимъ въ Дагестанѣ на ратномъ полѣ. Князь Барятинскій хорошо зналъ не только о боевыхъ способностяхъ Николая Ивановича, но и вѣдаль его недостатки.

Избравъ его главнымъ своимъ сподвижникомъ и дѣятелемъ при покореніи Восточнаго Кавказа, князь Александръ Ивановичъ если сквозь пальцы смотрѣлъ на его страсть къ пріобрѣтенію, за то зорко слѣдилъ за ходомъ дѣйствій въ Чечнѣ. Не разъ указывалось ему бумажно—какъ дѣйствовать; а въ ноябрѣ 1858 года князь Александръ Ивановичъ, вызвавъ генерала Евдокимова въ Тифлісъ, высказалъ ему въ рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе за медленность въ дѣйствіяхъ и за частое его отсутствіе изъ отряда. Евдокимовъ послѣ этого былъ особенно строгимъ и точнымъ исполнителемъ указаний главнокомандующаго, проявивши энергию, силу воли и твердость характера въ преодолѣніи препятствій, какъ природныхъ, такъ и противопоставленныхъ непріятелемъ.

Очертимъ заслуги и дѣятельность во время трехъ-лѣтняго пребыва-
нія его на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи.

Генералъ Евдокимовъ, по прибытии своемъ въ Грозную въ концѣ 1856 года, обращаетъ главныя силы, подъ его начальствомъ состоящія, на знакомую уже намъ Большую Чечню. Устроивъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ укрѣпленія Хаби-Шевдонское на Мичикѣ и Шалинское на Бассѣ и прорубивъ просѣки черезъ лѣса у ауловъ Маюр-Тупа, Гельдигена и Автура, онъ довершилъ начатое еще въ 1850 году. Это

было важно въ томъ отношеніи, что мы, владѣя прямымъ сообщеніемъ черезъ всю Большую Чечню, не только заставляли ея обитателей—или принести покорность, или спасаться въ горы, но приобрѣтали возможность дѣйствовать по Аргунскому ущелью и къ Ведено.

Для достижения этого бѣгъ положительнымъ образомъ, нужно было разгромить враждебное намъ населеніе Малой Чечни, гнѣздавшееся въ лѣсныхъ трущобахъ Черныхъ горъ, что и было исполнено самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ мало-чеченскіе аулы, а въ томъ числѣ и наимѣ Дубы, истреблены, жители же переселены на плоскость.

Конецъ 1857 года былъ употребленъ на экспедицію въ Аухъ, где—истребленіемъ ауловъ, проложеніемъ необходимыхъ просѣкъ и построениемъ укрѣпленія Кишень¹⁾—генералъ Евдокимовъ обеспечилъ Кумыкскую плоскость отъ беспокойныхъ сосѣдей и открылъ кратчайший путь на Бортунай въ Дагестанъ.

1858-й годъ начался экспедиціей въ Аргунское ущелье, замѣчательное по своей длины и громадности горъ, которыми оно обставлено, а также по своей производительности и большому населенію.

На четвертой верстѣ отъ Воздвиженского начиналось это ущелье, закрытое высокими, поросшими вѣковымъ лѣсомъ, горами. Крутой и узкій спускъ, защищенный завалами, вѣль съ высоты 30—40 сажень къ Дачу-Борзю—аулу, расположенному на возвышенномъ мысѣ, образованномъ Шато или Чанти и Шаро-Аргунами, которые, слившись, составляютъ знакомый уже намъ Аргунъ, протекающій собственно по Большой Чечнѣ.

Для отвлечеія вниманія Шамиля съ чеченцами отъ такой едва доступной природной преграды, были распущены преждевременные слухи о движеніи генерала Евдокимова на Автуръ, а оттуда по Хулхулаускому ущелью къ Ведено. Для убѣжденія же непріятеля въ этихъ слухахъ собирается особый отрядъ у Бердыкеля, на правомъ берегу Аргуна, который наканунѣ занятия Аргунскаго ущелья, а именно 15-го января, идвигается по направлению на Автуръ. Такая демонстрація вполнѣ удалась, и Дачу-Борзой былъ занятъ съ самою незначительной перестрѣлкой и потерей для нашихъ войскъ, направленныхъ изъ Воздвиженского по обоимъ берегамъ Аргуна.

Занять позицію въ Дачу-Борзовѣ, генералъ Евдокимовъ остается на ней до тѣхъ поръ, пока не обезпечиваетъ самымъ надежнымъ образомъ сообщеніе съ Воздвиженскимъ, не прорубаетъ просѣки, не пролагаетъ дороги впередъ по ущелью на разстояніе по возможности дальнее и не уничтожаетъ окрестные аулы.

¹⁾ Такое название это укрѣпленіе получило отъ разоренія аула Кишень-Ауха, на мѣстѣ которого оно было построено.

М. О.

Исполнение этого было соединено съ многими трудностями и препятствиями. Для возстановления сообщения съ Воздвиженскимъ не легко было устроить мостъ черезъ пѣнящійся Шаро-Аргунъ, сдѣлать широкій и удобный спускъ почти по отвѣсной высотѣ въ 40 саженъ и вырубить вѣковой лѣсъ. Не легко было проложить сообщеніе впередъ между отвѣсными горами и вѣковымъ лѣсомъ. Не легко было добраться до ауловъ Измайлъ-Юрта, Дуютина и Улусъ-Керта, расположенныхъ на высокихъ горахъ, перерѣзанныхъ глубокими ущельями съ дремучимъ лѣсомъ и притомъ упорно защищаемыхъ жителями и тавлинцами, бывшими подъ начальствомъ сына Шамиля, Кази-Магомы. Послѣ всего этого не будемъ удивляться тому, что нашъ отрядъ находился на дачу-борзайской позиціи болѣе мѣсяца.

Но и дальнѣйшее движеніе по ущелью Шаро-Аргуна не могло быть быстро, потому что нужно было прокладывать дорогу черезъ высокія горы, глубокія пропасти и густые лѣса. Нѣсколько разъ приходилось останавливаться въ раздумья передъ отвѣсными скалами, куда направить путь — вправо или влево. Хорошо, если не поражали пули непріятеля и не катились камни, пускаемые имъ съ высоты.

Съ такими затрудненіями было совершено занятіе хребта Дарганъ-Дука, съ котораго виднѣлись окрестности Ведено, оставленныя слѣва назади. Встревоженный Шамиль, оставилъ нашъ отрядъ въ покой на Дарганъ-Дукѣ, сосредоточиваетъ свои силы у Ведено. Но генералъ Евдокимовъ, зная дальнѣйшія трудности пути къ Ведено съ этой стороны и считая занятіе въ то время резиденціи Шамиля преждевременнымъ, ограничивается разработкой дороги по этому направленію и въ концѣ марта отступаетъ къ Дачу-Борзою. Найдя здѣсь заложенное Аргунское укрѣпленіе оконченнымъ и оставя часть войскъ для охраненія ущелья, онъ прекращаетъ на время военные дѣйствія. Это было необходимо и въ тѣхъ видахъ, чтобы дать отдыхъ утомленнымъ и обносившимся войскамъ.

Однако, войска лѣваго крыла не остаются въ покой и во время этого отдыха. Шамиль, желая показать свое значеніе и послѣ претерпѣнныхъ имъ пораженій и отомстить мало-чеченцамъ за отложеніе ихъ, возмущаетъ противъ насъ назрановцевъ и, пользуясь беспорядками въ окрестностяхъ Владикавказа, вторгается въ началѣ юня съ огромнымъ ополченіемъ тавлинцевъ въ Малую Чечню. Но потерпѣвъ сначала пораженіе на Натхой и окончательно разбитый на Фартангѣ, отказывается отъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Назрановцы же за свое восстаніе и намѣреніе овладѣть Назрановскимъ укрѣпленіемъ — строго наказываются.

Съ 1-го іюля снова начинаются наступательные дѣйствія вверхъ по Аргунскому ущелью. Обойдя Дарганъ-Дукъ и завалы, на немъ

устроенные Шамилемъ, справа по Чанти-Аргуну, генераль Евдокимовъ съ быстротою переваливается черезъ новый хребетъ Мискинъ-Дукъ и овладѣваетъ аулами Варанда и Зонахъ, гдѣ, чтобы имѣть опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, закладывается укрѣпленіе.

Но и Шамиль не остается въ бездѣйствіи. Переѣдя со всѣмъ своимъ ополченіемъ, простиравшимся до 10.000 конныхъ и пѣшихъ, съ Даргансъ-Дука на перевалъ, находящійся между нашимъ отрядомъ и Большиими Варандами, онъ укрѣпляется на немъ. Однако, несмотря на всѣ усиленія Шамиля преградить намъ дальниѣшій путь по Аргунскому ущелью, онъ не успѣваетъ въ этомъ. 30-го іюня, послѣ упорного боя, генераль Евдокимовъ занимаетъ не только Большия Варанды, но и лежащія за этимъ ауломъ Шатоевскія равнины.

Не удалась Шамилю и новая его демонстрація къ назрановцамъ и галашевцамъ. Вмѣсто достижения желанной цѣли, онъ претерпѣлъ воное пораженіе подъ Назраномъ, одновременно съ тѣмъ, какъ сынъ его Кази-Магома и шатоевскій наибъ Батока были разбиты въ глубинѣ Аргунскаго ущелья, гдѣ закладывается Шатоевское укрѣпленіе—штабъ-квартира Навагинскаго полка.

Не ограничиваясь этимъ, генераль Евдокимовъ продолжаетъ настойчиво и энергически дѣйствовать вверхъ по Аргунскому ущелью, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока Шамиль, смущенный рядомъ неудачъ и пораженій, не удалился въ Ведено, пока находившіяся съ нимъ толпы не разошлись по домамъ и пока шатоевцы съ своимъ наибомъ, заключеннымъ до того нашимъ врагомъ, и другія общества не принесли полной и искренней покорности.

Оставивъ необходимыя войска для охраненія и довершенія Шатоевскаго и Евдокимовскаго укрѣпленій, изъ коихъ послѣднее было заложено въ восьми верстахъ отъ первого, у бывшаго аула Итумъ-Кале, Николай Ивановичъ въ половинѣ августа возвратился во Владикавказъ. Долгое же пребываніе въ немъ генерала Евдокимова, а черезъ то медленность въ дѣйствіяхъ и болѣзньность въ войскахъ и были причиной вытребованія его главнокомандующимъ въ Тифлѣ въ ноябрѣ, дабы, выразивъ ему свое удовольствіе, побудить его къ новой дѣятельности.

И, дѣйствительно, начавшіяся генераломъ Евдокимовымъ въ концѣ декабря, съ новою энергией, военные дѣйствія были направлены исключительно противъ Ведено.

Съ плоскости Большой Чечни можно было съ успѣхомъ дѣйствовать наступательно на Ведено двумя путями: по Хулхулаускому ущелью и по Бассу. Несмотря на то, что послѣдній путь былъ кружнѣе и, подобно Хулхулаускому ущелью, былъ гористъ и лѣсистъ, но онъ былъ предпочтеннѣе по той главной причинѣ, что, двигаясь на Ба-

сынъ-Берды, Таузенъ и Алистанджи, мы обходили Ведено не только съ фланга, но и съ тыла, тогда какъ, следуя по Хулхулау, должны были штурмовать крутую гору и вести противъ Ведено фронтальную атаку.

Больше мѣсяца употреблено было на прорубку лѣса, устройство колесного сообщенія и построение укрѣпленій въ Басынъ-Берды, Таузенъ и Алистанджи. Войска наши должны были бороться не только съ сильнымъ непріятелемъ, собраннымъ Шамилемъ, но и съ природой. Нужно было истребить огромное количество вѣковыхъ деревьевъ, устроить мости черезъ стремительные потоки и глубокія пропасти. И все это совершилось въ страшную грязь и распутицу, стоявшія войскамъ неописанныхъ трудовъ, лишеній и болѣзней.

Преодолѣвъ со стойкостью и мужествомъ всѣ препятствія, противопоставленныя природой и непріятелемъ, генералъ Евдокимовъ выступаетъ 7-го февраля изъ Алистанджи и, миновавъ глубокій, крутой и лѣсистый оврагъ Арджинъ-Ахъ, является передъ Ведено. Одна часть отряда располагается на Харачайскихъ высотахъ, командующихъ Ведено и находящихся на сообщеніи съ Андіей, а другая занимаетъ ауль Джантемиръ-Юртъ, отстоящей отъ него верстахъ въ двухъ.

Однако и послѣ прибытія къ Ведено не тотчасъ приступается къ осадѣ и штурму его. Нужно было предварительно озабочиться обезпечениемъ сообщенія и подвозомъ продовольствія. Исполненіе этого встѣчало большія затрудненія не столько отъ непріятеля, сколько отъ страшной распутицы, по причинѣ постоянно дурной погоды, продолжавшейся въ концѣ февраля и начала марта, что сильно вліяло и на здоровье солдатъ. Только къ половинѣ марта возстановилось безпрепятственное сообщеніе съ плоскостью, и только къ этому времени отрядъ былъ обезпечены продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для открытия осады.

Ведено, бывшее 14 лѣтъ резиденціей Шамиля, пріобрѣло большое значеніе въ глазахъ горцевъ. Они смотрѣли на него, какъ на мѣсто пребываніе своего повелителя и имама, какъ на административное сре-доточіе, изъ котораго исходили всѣ главнѣйшія распоряженія, какъ на сборный пунктъ и гнѣздо мюридизма и какъ на хранилище общаго народнаго достоянія—казны. Занятіе этого аула, нанося сильный нравственный ударъ могуществу имама въ Чечнѣ, открывало прямой путь въ Андию и во внутрь Дагестана¹).

¹⁾ Въ 1861 году я былъ въ Ведено,—временной штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, и осмотрѣлъ въ подробности не только мѣсто, гдѣ жилъ Шамиль, но и окрестности резиденціи владыки горъ. Въ томъ же году я проѣхалъ по Аргунскому ущелью до Евдокимовскаго укрѣпленія. Обѣ эти поѣздки я совершилъ по обязанностямъ службы, какъ начальникъ кавказской резервной дивизіи, для осмотра расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ баталіоновъ вѣренной мнѣ дивизіи.

М. О.

Ведено находилось на равнинѣ, перерѣзанной двумя глубокими оврагами, по которымъ въ отвесныхъ берегахъ струились притоки Хулхулау, и обставлена со всѣхъ сторонъ крутыми и высокими хребтами. Оно состояло изъ трехъ частей: Шамиль-Ведено, расположенного на правомъ берегу западнаго притока Хулхулау, Заумаханъ или Старого Ведено, находящагося на противоположномъ лѣвомъ берегу, и Дыхны, лежащаго на другомъ восточномъ притокѣ.

Шамиль жилъ въ первой части, и жилище его составляло большой четыреугольникъ, окруженный высокимъ частоколомъ и рвомъ, который заключалъ въ себѣ два двора. Внутренній дворъ или сераль Шамиля былъ застроенъ зданіями, въ которыхъ помѣщались онъ самъ, его жены дѣти, прислуга. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ жилъ самъ Шамиль, находилось межкемэ, казначейство и кунацкая для пріема наибовъ и другихъ лицъ, прѣзвавшихъ къ нему по служебнымъ дѣламъ. На вѣнчнемъ дворѣ помѣщались мюриды, составляющіе его охранную стражу. Тутъ же находились 8 заржавленныхъ орудій съ лошадьми и прислугой. На этомъ же дворѣ собирался, въ случаѣ надобности и во время празднествъ, народъ.

Ведено было защищено съ западной и восточной сторонъ отвесными обрывами овраговъ, надъ которыми оно было расположено; сѣверная его сторона, обращенная къ Большой Чечнѣ и Сунжѣ, какъ открытая, была укрѣплена двумя толстыми параллельными глиняными стѣнами, удаленными одна отъ другой шаговъ на пять, между которыми устроено было блиндированный ходъ. По флангамъ этихъ стѣнъ возвышались туръ-bastionы, обстрѣливающіе два рва, впереди находящіеся и пролегающіе по сторонамъ обрывистаго оврага. Независимо этого, впереди западнаго оврага, по высотамъ Леня-Корта, было устроено шесть отдѣльныхъ редутовъ сильныхъ профилей. По умѣреннымъ сѣдѣніямъ, защитниковъ Ведено считалось до 7.000 человѣкъ съ 8-ю орудіями.

Такъ какъ ключомъ укрѣпленной позиціи непріятеля считался редутъ, находившійся на сѣверо-западномъ углу и называвшійся Андійскимъ, потому что защищался андійцами, то противъ него и были открыты осадные дѣйствія. Устроенная противъ него батарея открыла свои дѣйствія 17-го марта, а вслѣдъ затѣмъ постоянно устраивались батареи и на другихъ пунктахъ. 1-го апрѣля рѣшилась участъ Ведено. Бомбардируемое съ трехъ сторонъ на близкомъ разстояніи, оно было оставлено своими защитниками, безпрепятственно изъ него вышедшими. Ведено пало, а съ нимъ окончательно пало властование Шамиля не только надъ плоскимъ, но и надъ горнымъ пространствомъ, обитаемымъ чеченскимъ племенемъ. Даже чеченцы, въ лѣсахъ которыхъ совершались, не далѣе 15-ти лѣтъ, столь кровавыя побоища, безпрекословно покорились.

Послѣ взятія Ведено, Шамиль избралъ своимъ мѣстопребываніемъ аулъ Килатъ, на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу, въ Гумбетовскомъ обществѣ, гдѣ находилось тринацдцать орудій, все имущество и семейство имама. Какъ самый Килатъ, такъ и правый берегъ Андійскаго Койсу, были сильно укрѣплены. Кази-Магома наблюдалъ съ партіею дорогу изъ Технущала, по которой могъ наступать генералъ Евдокимовъ. Но рѣшительныя и продолжительныя дѣйствія въ Дагестанѣ раньше июня невозможны, какъ по трудности перехода по горамъ, покрытымъ снѣгомъ, такъ и по неимѣнію подножнаго корма.

По предварительному плану, составленному самимъ главнокомандующимъ¹⁾, съ наступленіемъ юля открылись военные дѣйствія въ Дагестанѣ съ трехъ сторонъ.

¹⁾ Радуюсь, что слѣдующій разсказъ можетъ подтвердить мои слова и убѣдить невѣрющіхъ, что покореніе Кавказа совершилось по плану князя Барятинскаго, заблаговременно имъ составленному и зрею-обдуманному. Этотъ разсказъ я передаю со словъ бывшаго въ 1859 году старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, впослѣдствіи же ставроцольскими губернаторомъ, Георгіемъ Константиновичемъ Властовомъ. Время, къ которому относится этотъ разсказъ—8-е августа 1859 года. Мѣсто дѣйствія аулъ Конхиатъ на Андійскомъ Койсу (гдѣ находилось наше укрѣпленіе Преображенское), куда прибылъ чеченскій отрядъ во главѣ съ княземъ Барятинскимъ, съ которымъ совершилъ этотъ походъ и самъ разсказчикъ, едва не утонувший въ Койсу во время переправы черезъ эту быструю рѣку.

«Вечеромъ 8-го августа, по возвращеніи изъ Караги, князь Александръ Ивановичъ, узнавъ о приключеніи со мною,—началь Георгій Константиновичъ Властовъ,—послали за мною. Высказалъ мнѣ свою радость по случаю моего спасенія и, по обыкновенію, пошутилъ надъ моимъ умѣньемъ плавать, онъ перешелъ къ совершающимся событиямъ и, вспоминая то время, когда я служилъ подъ его начальствомъ въ Кабардинскомъ полку, сказалъ:

— Могъ ли тогда кто-нибудь изъ насъ думать, что мы достигнемъ такихъ результатовъ: и мы теперь стоимъ на Койсу. Шамиль спасается бѣгствомъ, и мы пдемъ по пятамъ его. Но я знаю, что есть люди, которые все, что совершается, приписываютъ счастью, случаю; я хочу вамъ показать, что это не случай, а планъ, обдуманный во всѣхъ деталяхъ. Передайте мнѣ ту книгу, гдѣ на оберткѣ 1858 годъ,—прибавилъ онъ, указывая въ уголъ палатки, въ которомъ лежало пять—шесть книгъ въ листъ, переплетенныхъ въ желтую кожу.

«Я былъ одинъ у князя, и, когда исполнилъ его желаніе, то онъ сказалъ:

— Отъщите мое письмо къ государю императору отъ 26-го апрѣля этого года и прочтите его! Это знакъ моего особаго къ вамъ довѣрія.

«И когда я прочелъ это замѣчательное письмо, которое есть важный исторический документъ для оцѣнки князя Барятинскаго, тогда я убѣдился вполнѣ, что кампанія противъ горцевъ была сознаваема княземъ въ мельчайшихъ деталяхъ, прежде чѣмъ началось исполненіе послѣд资料аго рѣшительнаго движения трехъ отрядовъ въ сердце горъ.

Чеченский отрядъ, подъ начальствомъ графа Евдокимова ¹⁾), состоящій изъ 12-ти баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, 10-ти сотень казаковъ и милиции и 14-ти орудій, двинулся изъ Ведено черезъ Технущаль на Андійское Койсу. При этомъ отрядъ находился князь Барятинский, прибывшій туда съ начальнымъ главного штаба изъ Тифлиса, въ половинѣ юля.

Дагестанский отрядъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Врангеля, состоящей изъ 10-ти баталіоновъ, 2-хъ эскадроновъ, 3-хъ сотень казаковъ и милиции, при 12-ти орудіяхъ, наступалъ отъ Бортуна черезъ Мичикаль въ Гумбетъ.

Лезгинский отрядъ, подъ начальствомъ князя Меликова, состоящей изъ 9-ти баталіоновъ, 6-ти орудій и милиции, дѣйствовалъ изъ Тушетія, черезъ Дидо и Богось, въ долину Андійского Койсу.

Къ концу юля эти три отряда, начавши свои дѣйствія съ разныхъ сторонъ, вошли въ связь между собою на Андійскомъ Койсу, въ нѣдрахъ неприступныхъ Кавказскихъ горъ. Баронъ Врангель прибылъ къ главно-командующему въ чеченской отрядѣ, расположенный у Конхиатли, где строилось Преображенское укрѣпленіе, послѣ упорного боя съ мюридами у Сагритлогского моста и принесенія покорности Гумбетомъ, Койсубу и Аваріей. Князь Меликовъ прибылъ туда же черезъ Богоссій хребетъ, по изъявленіи покорности Дидо, Анцухомъ, Капучей и другими обществами, живущими надъ Лезгинской линіей.

Между тѣмъ Шамиль, видя себя обойденнымъ съ фланговъ и получая свѣдѣнія о принесеніи намъ покорности самыми преданными ему обществами и на памяти, бросилъ укрѣпленный Килатъ со всѣми орудіями и скрылся. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ и Кази-Магома, оставивъ безъ боя устроенные имъ завалы и Карату, свое мѣстопребываніе.

На пути своего бѣгства Шамиль видѣлъ ясно, что время его могущественнаго влиянія на умы дагестанцевъ прошло. Его не только не слушали, но жители Куяды даже не пропустили своего бывшаго грознаго владыку и имама черезъ свои земли и отняли у него, во время перестрѣлки, тридцать двѣ выручныхъ лошади, съ разнымъ имуществомъ и деньгами.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дній тайного скитальчества, Шамиль

— Я свидѣтель,—присовокупилъ разсказчикъ,—и надѣюсь, что важные документы, заключающіеся въ рукописныхъ книгахъ, всегда сопровождавшихъ князя Барятинского, не будутъ потеряны для исторіи.

Чувствительно благодарю Георгія Константиновича Властова за сообщеніе и разрешеніе мнѣ сдѣлать извѣстнымъ этотъ его разсказъ.

М. О.

¹⁾ За взятие Ведено и вообще покореніе Чечни Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ и возведенъ въ графское достоинство съ потомствомъ, котораго у него, впрочемъ, не было. М. О.

съ четырьмя стами мюридами укрылся на горѣ Гунибъ, гдѣ заблаговременно было заготовлено продовольствіе, а равно порохъ и снаряды для четырехъ орудій, тамъ находившихся.

Шамиль не ограничился природною крѣпостью Гуниба, а употребилъ всѣ средства сдѣлать эту гору совершенно неприступною. Онъ подорвалъ порохомъ тѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность пробраться; заградилъ всѣ тропинки толстыми стѣнами и башнями. Вездѣ были заготовлены кучи камней для скатыванія на атакующихъ.

8-го августа прибылъ подъ Гунибъ дагестанскій отрядъ и обложилъ своими войсками эту гору, а черезъ 10 дней, послѣ торжественнаго проѣзда черезъ Карату, Гумбетъ, Койсубу, Аварію, Тилитль и Чохъ, прибылъ туда же и самъ главнокомандующій¹⁾.

Первоначально предположено было овладѣть Гунибомъ посредствомъ правильной осады, къ чему уже и было приступлено съ восточной стороны, къ веденію подступовъ. Но на третій день послѣ открытія инженерныхъ работъ, а именно 25-го августа, Гунибъ былъ взятъ штурмомъ, и Шамиль сдался военнопленнымъ.

Первыми вскарабкались, по одиночкѣ, ночью апшеронцы, а крики «ура» и выстрѣлы ихъ, съявившимися здѣсь мюридами, были сигналомъ къ штурму Гуниба и прочими войсками. Перестрѣлка и борьба завязалась и на пругихъ пунктахъ; въ особенности она была кровава, хотя непроложительна, съ поднимавшимися въ гору ширванцами, гдѣ погибло много мюридовъ, павшихъ подъ ударами штыковъ.

Между тѣмъ, въ то время, когда наши войска, окруживъ сакли, въ которыхъ находился Шамиль съ оставшимися въ живыхъ мюридами, съ ними перестрѣливались, прибылъ князь Баратинскій. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя сакли окружеными со всѣхъ сторонъ нашими солдатами, только ожидавшими приказанія въ нихъ ворваться, рѣшился безусловно сдаться²⁾). Онъ былъ увезенъ въ аулъ Кегерь, гдѣ находилась ставка главнокомандующаго, 127-го августа отправленъ съ старшимъ сыномъ своимъ Кази-Магомой въ Петербургъ.

¹⁾ Этотъ проѣздъ по Дагестану замедлился по случаю болѣзни князя. Онъ сильно страдалъ подагрою, такъ что два раза въ значительныхъ дозахъ долженъ былъ принимать „кольчикумъ“. Такіе пріемы сильно подорвали его коровье.

М. О.

²⁾ До сдачѣ Шамиля военнопленнымъ, было объявлено княземъ, что отъ, кто убьетъ его, будеть преданъ смертной казни. Пq этому случаю тотъ е Г. К. Властовъ передалъ мнѣ слышанныя имъ слова отъ князя: „Что, гдавая это приказаіе,—говорилъ онъ съ обычными юморомъ,—я боился, го у мусульманъ откроются, пожалуй, мощи Шамиля, или будуть ходить на эклоненіе его крови“.

М. О.

И сколько страшныхъ беспокойствъ и тяжкихъ мученій пережилъ властитель Чечни и Дагестана, пока не убѣдился, что жизнь его вѣнч опасности. Думалъ ли въ то время этотъ деспотъ имамъ о милостаѣ, пролитыхъ на него государемъ, что будетъ доживать свой вѣкъ въ такомъ довольствіи, котораго онъ не испытывалъ, живя на свободѣ и будучи властителемъ? ¹⁾.

Позволяю себѣ думать, что чеченцы и дагестанцы благословляли, а, пожалуй, и теперь не перестаютъ благословлять то время, когда кончилась кровавая и тяжелая для нихъ война съ нами.

Честь и слава князю Александру Ивановичу Барятинскому, который, соображаясь съ полнымъ знаніемъ края и непріятеля, умыть со средоточить на важномъ театрѣ военныхъ дѣйствій главныя силы и ввѣрить ихъ лицу, съ точностью и безпрекословно исполнившему его преднаречанія. Принявъ же самъ главное начальство, съ искусствомъ направилъ войска вглубь Дагестана, съ замѣчательною быстротою преслѣдовалъ по стопамъ Шамиля и, не давъ ему опомниться, захватилъ Гунибъ и завершилъ паденіе Восточного Кавказа. Честь и слава частнымъ исполнителямъ, въ особенности же твердому, энергическому и неутомимому графу Евдокимову, на плечахъ котораго лежала вся тяжесть покоренія Восточного Кавказа. Слава и кавказскимъ войскамъ, всегда съ мужествомъ, неустрасимостью и самоотверженіемъ подвизавшимся на полѣ брани, а въ послѣдніе три года совершившимъ немовѣрные труды и перенесшимъ невыразимыя лишенія.

Но заслуга отечеству князя Барятинского не ограничивается покореніемъ Восточного Кавказа и пѣненіемъ Шамиля. По его энергическому почину и благороднымъ распоряженіямъ, какъ главнокомандующаго, приступлено было къ завоеванію и Западнаго Кавказа.

Не по распоряженію ли князя Барятинского направлены, въ 1860 году, въ Кубанскую область всѣ свободныя войска, а въ особенности стрѣлковые батальоны всей арміи? А отъ сосредоточенія такой массы нарѣзного оружія и хорошихъ стрѣлковъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и совершилось скорое покореніе Западнаго Кавказа.

Не по желанію ли и даже настоятельному его требованію, вступилъ въ командованіе войсками, на Западномъ Кавказѣ находящимися, генераль-адютантъ графъ Евдокимовъ, и не по преднаречаніямъ ли князя Александра Ивановича началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія въ то время, когда генералъ Филиппонъ назначенъ былъ, въ концѣ

¹⁾ См. подробности о жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ въ Запискахъ пристава при немъ, полковника Пржечлавскаго „Русская Страна“ над. 1877 г., т. XX, стр. 253—276, 471—506; т. XXI, стр. 41—64, 265—280.

М. О.

1860 года, послѣ Дмитрія Алексѣевича Милютина, начальникомъ главнаго штаба арміи?

Не по почину ли князя Барятинскаго приведена въ исполненіе строгая, но, увы, необходимая мѣра, породившая много толковъ и порицаній,—это насильственное переселеніе горцевъ въ Турцію и водвореніе на Западномъ Кавказѣ христіанскаго населенія?

Недоброжелатели кн. А. И. Барятинскаго выставляли эту мѣру не только жестокою, безчеловѣчною, а даже вредною, въ томъ собственно отношении, что этимъ переселеніемъ мы дали туркамъ большой и воинственный контингентъ. Хотя въ такихъ толкахъ и осужденіяхъ и была доля правды, но нельзя было равнодушно слушать такихъ антигностовъ, которые силились доказать, что не следовало вовсе допускать переселеніе закубанцевъ въ Турцію, а достаточно было ихъ выселить изъ горъ и лѣсовъ на открытые мѣста подъ надзоромъ нашей администраціи, подобно тому, какъ это было сдѣлано на Восточномъ Кавказѣ съ чеченцами и лезгинами.

Съ покореніемъ Восточнаго Кавказа не было надобности выселять чеченцевъ и лезгинъ за предѣлы той земли, на которой они до того жили. Достаточно было выселить изъ лѣсныхъ трущобъ и глубокихъ ущелій болѣе непокорные аулы на открытое и плоское пространство, и, окруживъ ихъ нашими укрѣпленіями, подчинить строгому надзору нашей военной администраціи. Что этого было достаточно, доказало на опыте самое время. Двадцать лѣтъ прошло со времени покоренія Восточнаго Кавказа, а кромѣ возстанія нѣсколькихъ чеченскихъ ауловъ, возбужденныхъ Алибекомъ и его приверженцами, и въ самомъ началѣ усмиреннаго, да волненій, возникшихъ въ послѣднюю войну, въ Чечнѣ и Дагестанѣ царили тишина и спокойствіе.

Не то было бы съ Западнымъ Кавказомъ, еслибы его прежніе обитатели были, подобно чеченцамъ и дагестанцамъ, выселены изъ горъ и лѣсовъ на открытое и плоское пространство той же территории, на которой они и до того жили. На Западномъ Кавказѣ спокойствіе могло существовать при одномъ только условіи: если абадзехи, шапсуги, убыхи и другія общества будутъ удалены за предѣлы той земли, на которой они до того жили—будетъ ли это степное по эту сторону Кубани пространство ¹⁾, или Турція. Въ противномъ же случаѣ, такое спокойствіе

¹⁾ Закубанцамъ, до выселенія ихъ въ Турцію, предлагались для ихъ поселенія: пространство между Лабою и Кубанью и пустыннѣй степныхъ мѣстъ, находящіяся по правую сторону этой послѣдней рѣки. Но они отвергли это предложеніе, какъ по климатическимъ причинамъ, такъ, главное, изъ нежеланія находиться подъ постояннымъ и строгимъ надзоромъ администраціи власти.

М. О.

безпрестанно нарушалось бы поисками и подстрекательствами турецкаго правительства; въ послѣднюю же войну, съ появлениемъ судовъ и высадкою турецкихъ войскъ на восточномъ берегу Чернаго моря, неминуемо возстало бы все магометанское населеніе. Но этого не случилось, потому что въ настоящее время Западный Кавказъ пересталъ быть «магометанскимъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и поиски турецкаго правительства. И единственno отъ такой только перемѣны состава населенія Западнаго Кавказа и могло быть достигнуто прочное его покореніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).



1674 г. — Сражение при Энци-
хай — Отступление Тюренна на левый
берег Рейна. — Вторичный переходъ на
левый берегъ Рейна. Вторичное отступление
Тюренна на левый берегъ Рейна —
трауръ имперцемъ и началась — Сраже-
ние при Энцихай и его послѣдствія. — На-
слѣдие Тюренна на квартироное расположо-
ніе имперцемъ — Сражение при Тюрк-
штадт въ его послѣдствія. — Оценка и заклю-
чаніе — Кампания 1675 г. Маневры Мон-
туака. — Переходъ Тюренна на правый
берегъ Рейна и его послѣдствія. — Войнѣ у
Французской арміи — Смерть Тюренна. — От-
ложеніе французовъ за Рейнъ. — Операциіи
имперцевъ послѣ перехода въ на левый
берегъ Рейна. — Окончаніе 2-й подерланд-
ской войны. — Оценка дѣйствій обоихъ про-
тивниковъ въ кампаніи 1675 г. Оценка
заслугъ Тюренна, какъ полководца
Главы VI. Войны З-я подерланд-
ской и за нидерландское наследство.
— Полководцы этого времени —
Принцъ Евгений Савойскій, какъ полководецъ. З-я поддер-
ландская война — Люксембургъ — Война за
наследство. — Кампания 1706 г.
старшей Италии. — Переходъ Вандома
наступленіе — Операциіи принца Евгения
противъ Вандома. — Дѣйствія подъ Туриномъ —
Иланъ принца Евгения — Переходъ
принца Евгения на правый берегъ р. По и
наследствія — Остановка и демонстраціи
принца. — Маршъ-маневры французовъ
помощь къ Медаи и обоихъ противни-
ковъ къ Страсбургу въ далѣѣ къ Турину —
зажженіе обѣихъ сторонъ подъ Туриномъ
трехътысячной подонокъ армій. — Плавъ принца
Евгения. — Маршъ-маневры принца Евгения
зажженіе подъ Туриномъ. — Отступление
французовъ къ Савойю. — Покореніе союз-
ныхъ всей старшей Италии. — Оценка
обѣихъ сторонъ въ заключеніи —
Характеристика операций съ 1707 до 1712 г.
Подавленіе операций. — Оценка дѣйствій
имперцевъ и принца Евгения — Общее заклю-
ченіе о принце Евгении.

За эти же шесть главами слѣдуетъ от-
дельная глава: Заключительные ви-
ды, затѣмъ приложения: Воечная ли-
нагрудка. Главная ей представителемъ:
Маккавелли 2) Монтекуколи 3) Феки-
ко. Цюсегоръ. б) Фоларъ б) Мон-
те Сансонеттій. Но въпрочемъ виду книги
это излишне

С. Соловьевъ Россійская Импера-
торская армія. 16 наградныхъ таблицъ
формъ обмундирования Собѣ 1894 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

Изданіе, подобныхъ труду г. Соловьева, въ
западно-европейскихъ и другихъ государствахъ много, и они расходятся въ громад-
номъ количествѣ экземпляровъ. Г. настѣ, въ
Россіи, уже давно чувствуется недостатокъ
въ подобного рода таблицахъ, и поэтому
нельзя не пріѣтствовать попытку г. Соловьева
—дать полную наградную таблицу формъ
обмундирования русской арміи.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ
говоритъ, что цѣль этого изданія двоякая:
во-первыхъ, дать каждому члену объ устройствѣ
стѣ въ составѣ русской арміи и, во-вторыхъ,
наглядно познакомить съ формами обмун-
дирования.

Прежде всего авторъ дѣлаетъ краткій
очеркъ состава россійской арміи, затѣмъ
указываетъ штатную численность отдѣль-
ныхъ частей россійскихъ войскъ и ихъ рас-
пределеніе по округамъ и корпусамъ въ
мирное время; потомъ приводится полный
справочникъ частей русской арміи, съ обознач-
еніемъ праздниковъ и старшинства сфор-
мированія полковъ, отдѣльныхъ частей и
новоучебныхъ заведеній, и, наконецъ, ал-
фавитный указатель россійской арміи.

Всѣхъ таблицъ постнадѣлать: I. Облас-
тедельные чертежи. — II. Гвардейская пѣхота. —
III. Гвардейская кавалерія. — IV. Гвардей-
ская пѣшія артиллерія. Гвардейскіе части,
не входящіе въ составъ корпуса. — V. Гре-
надерскій корпусъ. — VI. Армейская пѣ-
хота. — VII. Линейные батальоны. — VIII. X.
Армейская кавалерія. — XI. Полевая артил-
лерія. — XII. Инженерные войска. — XIII. Армей-
ская пѣхота. Военно-медицинско-вѣдом-
ство. — XIV. Казачья войска. — XV. Воено-
учебные заведенія. — XVI. Учебная за-
сти. — XVII. Вензелевыя изображенія въ во-
юющихъ въ россійской арміи.

Самыя таблицы въданы прекрасно и да-
ютъ полное представление объ многоразлич-
ныхъ русскихъ военныхъ формахъ, и, безъ
сомнѣнія, будутъ пользоваться большими
спросомъ на нашемъ книжномъ рынке, тѣмъ
богѣ, что онѣ вполнѣ доступны по своей,
доволі по себѣстоцѣ, ценѣ.

Н. Н.-шъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЬ ВЪЗДѢНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересыпкой.

Подписка принимается: для городскихъ подпischиковъ: въ С.-Петрбургѣ—въ конторѣ «Русской Старинѣ», Фонтанка д. № 145, въ санкт-петербургѣ газетѣ А. О. ЦИНВЕРЛИНГА (бывшій Мель въ Кѣ.). Иноймъ при д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Москвѣ, д. Боя), Н. И. Мамонто (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гости дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовскаго (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблинѣ.

Гр. И ногородные обращаются всѣхъительство: въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, п. 4.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческіе памѣтники, очерки, рассказы о пѣнѣть эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи, имущественны XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы биографіиъ достопамѣтныхъ русскихъ дѣятелей: людей государства, ученыхъ, военыхъ, писателей духовныхъ и сѣбѣскіхъ, артистовъ и тунцовъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: очерки, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Записи о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы о даяніяхъ.—Челобитныи, переписка и документы, расчущіе быть русскаго имѣства прошлаго временіи.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать отъ конторахъ редакции следующія издѣлія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд.	(39 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ	(21 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ	(20 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1879 г., второе изд.	(3 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ	(40 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1881 г., 12 кни., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	8
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ	(40 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ	(31 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ	(31 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ	(41 экз.), съ портретами,	8
«Русская Старина»	1889 г., двадцать книгъ,	съ портретами,	8
«Русская Старина»	1890 г., двадцать книгъ,	съ портретами,	8
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	8
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	8

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

№ХХV-я.

ДЕКАБРЬ.

1894 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Памятъ Императора Александра III.	1 - XVI	стника Д. П. Бутурлина. III. Сообщ. А. К. Шильдеръ.	133 - 154
II. Василиановъ Н. А. Туристъ Острозъ. XIII - XIV. 1866 - 1890 г..	1 - 27	УIII. Записки М. Я. Ольшевскаго. Канкътъ съ 1841 - 1866 гг. Частъ четвертый. Главы I - IX.	155 - 197
Ш. Записки В. А. Никарскаго. Гл. XIII - XIX.	28 - 62	IV. Погребеніе константино-польского патріарха Григорія У съ Одесѣ. Сказ. В. Жемакова.	198 - 213
IV. Записки Д. Н. Ростиславова, профес. Соб. духовной академіи. Главы IXXX - LII.	63 - 81	V. Заведеній братъ на Уралѣ въ 1829 году. П. Л. Шиловъ....	214 - 230
V. Свѣдѣнія объ Иоаннѣ и мѣни Антониитѣ, прѣплющихъ царя Иоанна Алексеевича....	82 - 97	VI. Изъ Надѣи. П. Л. Юдинъ	231 - 241
VI. Исторіи императора, А. О. Дальцъ въ чю- жующихъ «Сынокъ Петербурга». V. Н. О. Дубровина.	98 - 132	VII. Систематическое оглавле- ніе тома восемьдесятъ втораго (июль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь)	
VII. Путуровъ въ 1812 году. Историческая характеристика.		VIII. Библиографіческій при- ставокъ (на обраткѣ).	
ЧЛЖКЕНІЯ: 1) Портретъ болѣе почившаго Императора Александра II. Грав. К. Адгэ. Указатель личныхъ имѣнъ изъ «Русской Старинѣ» нац. 1894 г. № 1) Объясненія: а) отъ печати газеты «Новости дня»; б) журнала «Живописное Обозрѣніе»; в) газеты «Сынъ Отца- ства» и г) «Домашняя библиотека» съ подшивкою за 1895 г.			

Прилагается подпись на „Русскую Старину“ подъ 1895 г.

Можете получить журналъ за истекшіе года, съ 4 стр. обертки.

Пріемъ по хлѣбуъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Технографія Енгельмана управлялъ. Товарищъ «Общественное Попечение»,
Басманная Переулокъ, 29.

1894.



Николай Васильевич Гоголь и его „Переписка съ друзьями“. Историко-литературный очерк П. А. Матвеева. Спб. 1894. ХХIII + 153. Цена 1 р 50 к.

В предисловии к своему труду П. А. Матвеев говорит, между прочим, следующее: „О Гоголѣ такъ много было говорено и написано, что обыкновенно считаютъ оцѣнку его произведеній и личности предметомъ достаточно почерпаннымъ“... „Взвѣшилъ за „Переписку“, а захотѣлъ поспоминать точнѣе и ближе съ тѣмъ, чѣмъ написано о Гоголѣ писателями (В. Г. Бѣлинскаго и Н. Г. Чернышевскимъ) и вообще въ нашей литературѣ, и пришелъ къ другому заключенію, убѣдившись, что надежда на оцѣнку произведеній и личности Гоголѣ еще впереди — дѣло будущаго“. Даѣшь авторъ разбираетъ мнѣнія различныхъ писателей о Гоголѣ; тутъ мы находимъ имена: В. Г. Бѣлинскаго, А. Н. Пищика, Губера, Н. Ф. Павлова, Н. Г. Чернышевскаго, Аксаковыхъ, П. А. Кулеша, А. М. Стабицкаго, П. Н. Поземаго, В. В. Розанова, ии. П. А. Вазенсеваго, Н. Я. Чадасова, П. П. Барсукова и друг.

Трудъ г. Матвеева состоять изъ восьми главъ.

Въ первой главѣ авторъ опредѣляетъ място Гоголя въ нашей литературѣ, говорить о влияніи его на нашихъ писателей сороковыхъ годовъ и начатыхъ, произведеніемъ его книгою *Выбранія изъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями*.

Во второй главѣ говорится о Гоголѣ постѣ постановки на сценѣ *Ревизора*, о письмахъ къ Шуткину, Погодину и др., и о поѣздкѣ его за границу. Даѣшь авторомъ приводятся: отзывъ Н. С. Аксакова объ отношеніяхъ къ Гоголю его московскихъ почитателей, выдержки изъ писемъ Николая Васильевича изъ Парижа и Рима изъ разныиъ лицъ по поводу различныхъ обстоятельствъ. Въ концѣ этой главы авторъ упоминаетъ о поездкѣ Гоголя въ Москву, — прѣѣздѣ, который „возвѣзъ тамъ громкую и общую радость.“

Въ третьей главѣ говорится о перѣлѣмѣ въ воспоминаніяхъ Гоголя, его Автографской исповѣдѣ въ статьѣ: *Споры; затѣмъ о пребываніи въ Вѣнѣ и Римѣ* (изъ юбилея о болѣзни Гоголя сильно очаровали его московскихъ друзей), о возвращеніи въ Россію съ окончаніемъ перваго тома *Мертвыхъ Душъ* и объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину, по отзыву С. Т. Аксакова.

Содержаніе четвертой главы составляютъ сороковые годы и перенѣтия, произведенія ими въ память обществѣ, отзывы о нихъ П. К. Шебальскаго и О. М. Достоевскаго, письмо В. О. Самарина къ Н. В. Гоголю относительно молодежи того времени (это въ высшей степени забоимчивое письмо, по-

мѣченное 1846 годомъ, было напечатано, исориагировано В. И. Шекропашко во щитницу видѣ, въ „Русской Старинѣ“ 18 года, №. VII); въ концѣ этой главы говорится о кружке Герцена въ Бѣлинскаго.

Въ главѣ пятой упоминается обѣ отъ Гоголя изъ Москвы, его болѣзни и смерти въ рабѣ надъ надъ самообразованіемъ Николай Васильевъ вспоминаетъ духовъ писателей и творенія отцовъ Церкви (чи то С. Т. Аксакова по поводу преслѣдованія Порфирия книга *Подражаніе Христу* Фомы Кемпійскаго...). Я тогда читалъ бы Кемпійскаго, когда ли съѣхѣ изъ родинки, вдругъ ли меня сажаютъ, какъ малчика, это стекле, не знать можно убѣждений, какъ еще? — въ ужасное время, всѣ кофей въ раздѣлѣ чистѣ изъ главъ, изъ уроковъ. И скажу, я досадилъ, вѣдѣ и ятальну переписку съ Аксакомъ, искающъ духовную помощи и съѣѣтъ, и продолжалъ работать надъ *Мертвыми Душами*. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложении авторъ раскрываетъ исторію происхожденія *Вѣроятныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями*, упоминаетъ о первомъ уничтоженіи рукописи второй части *Мертвыхъ Душъ* („Не легко скрыть лѣтній трудъ, производимый съ такимъ удѣленіемъ извѣрженіемъ, гдѣ всакая страница досталась потратиться, гдѣ было и то, что составляло лучшія помыслы и занимало мою душу“). Не вѣдѣася, скоромъ времени, всѣстество болѣзни, эта честь *Мертвыхъ Душъ*, Н. В. Гоголь скажетъ („не хѣдѣася ни какъ“) сказать прѣную полезную книгу — *Выбранія изъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями* эта антично-драматическая воспѣваемость, воиномъ отразившаяся въ изложеніи книги, обѣзмѣя боязнь Гоголя умереть, но вслѣдѣи своего долга, какъ писателя.

Въ шестой главѣ говорится о Порѣпѣ съ друзьями, ее особенности: содержанія и формѣ; причемъ авторъ въ изложѣ подробно оставляется на тѣхъ торкахъ отдалѣхъ этой книги (*Жизнь въ свѣтѣ*, „Что такое слово“, „Греческіе поэмѣ“, „Просвѣщеніе“, „Нужно любить Россію“, „Нужно проѣзжать по Россіи“ др.).

Въ седьмой главѣ, между прочимъ, говорится о статьѣ Гоголя о русской почѣ и приводится сдѣланія имъ характеристики Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Щекинова, Пушкина, Крылова и др. писателей.

Въ восьмой, заключительной главѣ съ его очерка г.-и Матвеева касается вопросъ: какое наиболѣе произведение на автора Церкви и въводимаго противъ него бра и какъ она отразилась на его литературизмѣ; патѣнъ авторъ говоритъ разногласіяхъ и ватахахъ въ общемъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣръю своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе материалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто исторического материала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпохи, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современного имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтеннymi трудаами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ф. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенкера, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о пѣмъхъ эпохахъ; 5) Жизненописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по истории русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ее исторіи; 11) Отзывы о содеряніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ periodическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будуть помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Иисарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваются **50** коп.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ», чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЪ И ВЫПУСТИТЬ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРѢ 1895 ГОДА

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлечений и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція «РУССКОЙ СТАРИНЫ» приобрѣла отъ брата автора полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ-либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

— И ногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высыпаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».



ВЪ БОЗЪ ПОЧИВШІЙ
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III
† 20 октября 1894 года.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1894 Г.

ДЕКАВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., 39.
1894.



ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

I.

20-ое октября 1894 года будеть долго и очень долго памятно России. Въ 2 часа 15 мин. пополудни она лишилась Государя, чистаго душой, горячо и всѣмъ сердцемъ любившаго свое отечество, безъ устали трудившагося на благо подданныхъ и принесшаго самого себя въ жертву на пользу и счастье России.

Императоръ Александръ Александровичъ родился 26-го февраля 1845 года и скончался въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, на 50-мъ году отъ роду. Будучи вторымъ сыномъ Императора, онъ не предназначался царствовать, но вѣцій поэтъ, какъ бы угадывая будущее, обращался къ ребенку, въ день его крещенія, съ слѣдующими пожеланіями:

Да будетъ же Твой вѣкъ Россіи благодатенъ!
Какъ родомъ, такъ душой—будь Николаю внукъ!
Да будешь Ты землѣ и небесамъ пріятенъ
И брату-первенцу всегда по сердцу другъ!

Какъ Невскій Александръ—будь князь благочестивый,
Какъ новый Александръ, герой позднѣйшихъ лѣтъ,
Будь Александръ Миролюбивый!
Смиреніемъ будь великъ—любя небесный свѣтъ!

Благословенному достойно смиренный,
Еще величія Россіи Ты прибавь,
И имя русское во всѣхъ концахъ вселенной —
Свою жизнію прославь.

Пожеланія поэта оправдались съ изумительною точностью.

Императоръ Александръ III былъ истинно русскій Царь, представитель лучшихъ свойствъ русскаго человѣка, богатырь по внѣшности и по характеру и неутомимый работникъ на престолѣ. Это былъ человѣкъ идеальной семейной добродѣтели, твердый въ словѣ, неизмѣнныи въ дружбѣ и всецѣло преданный своему долгу.

Вступивъ на престолъ при крайне печальныхъ обстоятельствахъ, послѣ событія 1-го марта, Императоръ Александръ Александровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ обезпеченію внутренняго спокойствія и устранить чрезвычайно опасное броженіе умовъ. Въ обществѣ не было одушевленія и сплоченности. Недоразумѣнія въ правительственныхъ сферахъ достигали до хаоса, и всѣ ждали твердаго слова съ высоты трона.

Знакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣль въ то еще время, когда былъ наслѣдникомъ престола, Александръ III скоро освоился съ своимъ положеніемъ и въ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 года, спустя два мѣсяца послѣ вступленія на престолъ, точно и опредѣленно высказалъ народу будущую программу своего царствованія.

«Гласъ Божій, — говорилъ онъ, — повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.

«Да ободрятся же пораженные смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнью ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ, земля Наша не разъ переживала великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій съ вѣрою въ Бога, устроящаго судьбу ея. Посвящаю себя великому Нашему служенію, Мы приываемъ вѣрноподданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю

Русскую,—къ утверждению вѣры и нравственности, къ добромъ воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ подвигу порядка и правды въ дѣйствіяхъ учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, воалюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Поднимая авторитетъ власти и сознавая ея значеніе, въ Божій почившій Императоръ понималъ и свое трудное положеніе. Всеобщее недовольство высказывалось всюду и даже въ печати. Дворянство потеряло всякое значеніе и разорилось; широкое самоуправлѣніе дано было народу, не подготовленному пользоваться полученными правами; освобожденные крестьяне, получившіе гражданскія права, были оставлены безъ всякаго надзора и руководства.

Но прежде всего необходимо было положить предѣль дѣятельности политическихъ злоумышленниковъ, и Монархъ съ полнымъ довѣріемъ обратился къ своему народу. Въ немъ искалъ Онъ опоры, и въ первые дни царствованія при с.-петербургскомъ градоначальникѣ былъ учрежденъ совѣтъ изъ выборныхъ отъ столичнаго населенія. Въ обеспеченіе же въ будущемъ судьбы Россіи, въ случаѣ внезапной кончины Императора и въ виду несовершеннолѣтія Наслѣдника, установлено было регентство. Запрещеніемъ нѣкоторыхъ periodическихъ изданій уничтожалась та почва, на которой сѣялись сѣмена политического недовольства, вызываемаго тогдашнимъ внутреннимъ положеніемъ страны. Россія не оправилась еще отъ тяжелой въ экономическомъ отношеніи турецкой войны 1877—1878 гг. и послѣдовавшаго вслѣдъ затѣмъ голода 1880 года. Послѣ реформъ предыдущаго царствованія внутреннее положеніе Имперіи находилось, можно сказать, въ переходномъ состояніи, требовало установленія твердыхъ началь, сообразныхъ со складомъ русской жизни. Чуткое сердце Царя поняло, что для блага Россіи Ему предстоитъ иной путь дѣйствій.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иная ждутъ Тебя дѣла.

Затмился сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанеть вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой..

**

Этому борению и исканию святой правды и было посвящено все тринацати-лѣтнее царствование Императора Александра III. Ему приходилось упрочивать и собирать въ одно цѣлое разрозненные и разнорѣчивыем механизмы управления, устранить обозначившіяся недостатки и погрѣшности, уничтожить вкравшіяся злоупотребленія. Спокойная и полная авторитетной власти оценка произведенныхъ въ предыдущее царствование реформъ привела къ пересмотру городового и земского положеній, судебныхъ уставовъ и къ установлению надзора за крестьянскимъ самоуправлениемъ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ.

Съ цѣлью развить экономическія начала въ государствѣ—учрежденъ былъ крестьянскій земельный банкъ, облегчавшій крестьянамъ способы къ покупкѣ земли и дававшій средство поднять упавшее сельское хозяйство. Впослѣдствіи учрежденъ и дворянскій банкъ, при пособіи котораго дворянство могло упорядочить свое хозяйство и, такъ сказать, прикрѣпиться къ землѣ.

3-го мая 1883 года, незадолго до коронаціи, были дарованы раскольникамъ значительныя гражданскія льготы и право болѣе свободного отправленія богослуженія. Въ дни же коронаціи они призваны были къ охранѣ порядка и благочинія въ Москвѣ, направлѣнъ съ прочими подданными. 14-го мая, наканунѣ коронаціи, была отмѣнена подушная подать съ безземельныхъ крестьянъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; наполовину понижена для бывшихъ помѣщичихъ крестьянъ нѣкоторыхъ губерній и на одну десятую повсемѣстно. Вообще, правительство принимало мѣры къ поднятію благосостоянія платящихъ классовъ населенія. Изъ губерній были вызваны свѣдущіе люди для обсужденія цѣлаго ряда вопросовъ: объ устройствѣ питейной торговли, о повиженіи выкупныхъ платежей и проч.

Слѣдя по пути обновленія мѣстнаго управления вообще и въ особенности крестьянскихъ учрежденій, изданы были правила о наймѣ рабочихъ, учреждена фабричная инспекція, изданъ законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ и упорядоченъ переселенческій вопросъ. Для помощи переселенцамъ учреждены поселенческие участки и конторы и дозволено крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ, переселяться на казенные земли, причемъ понижена аренда

и уничтожены многія стѣснительныя условія оброка. Рядомъ съ этимъ установленъ обязательный выкупъ бывшихъ помѣщицкихъ крестьянъ.

Въ юнѣ 1890 года Высочайше утверждено новое земское положеніе, усилившее участіе въ земствѣ крупныхъ земледѣльцевъ и увеличившее въ немъ значеніе сословнаго элемента. Ровно черезъ годъ издано новое городовое положеніе, съ цѣлью согласовать порядокъ дѣйствій городскаго общественнаго управления съ дѣятельностью земскихъ учрежденій. Въ прошломъ году установлена неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, и ограничено право передѣловъ крестьянскихъ общинальныхъ земель.

Уменьшенія народныхъ платежей правительство старалось достичнуть сокращеніемъ расходовъ казны, деньги которой берутся изъ народнаго кармана. Вообще, дѣятельность финансового управления сводилась къ водворенію порядка во всѣхъ отрасляхъ государственного хозяйства и въ послѣдніе годы ознаменовалась значительнымъ подъемомъ курса. Развитіе русской промышленности, равномѣрное огражденіе и оживленіе всѣхъ ея отраслей было особою заботою Императора, и съ этою цѣлью въ 1891 году изданъ новый таможенный тарифъ. Съ этого времени интересы русской промышленности поставлены на самый первый планъ и съ нею связаны самыемъ тѣснымъ образомъ и общій миръ, и будущее благосостояніе русского народа. Введеній таможенный тарифъ ограждаетъ интересы отечественной промышленности, а отчисленіе въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ значительно уменьшаетъ расходы государства.

Благотворныя финансовые реформы дали возможность усилить и реорганизовать нашу армію. Императоръ Александръ III сознавалъ, что отечеству нашему необходима армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современного развитія военного дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя миръ, вооруженные силы Россіи должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, которыя доставляются имъ увеличивающимися народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими

условіями. На этомъ основанії были приняты мѣры къ усиленію боевой готовности арміи, и съ этою цѣлью произведено перевооруженіе ружьями новой системы. Улучшены способы обученія и строевой подготовки, измѣнена организація кавалеріи, увеличено число резервныхъ войскъ, и разработаны вопросы, связанные съ созывомъ ополченія. Издано новое положеніе о полевомъ управлениі войскъ, военные гимназіи переименованы въ кадетскіе корпуса, и улучшенъ бытъ офицеровъ прибавкою содержанія.

Возрожденіе, рядомъ съ этимъ, Черноморскаго флота и усиленіе Балтійскаго — обезпечивають намъ вѣнѣніе могущество Россіи. Внутреннее же могущество состоить въ единеніи гражданъ, въ исполненіи ими своего долга и обязанностей. То и другое достигается цѣлесообразнымъ воспитаніемъ молодаго поколѣнія. Въ сознаніи, что правильное воспитаніе подготавливаетъ полезныхъ слугъ, любящихъ свою родину и стремящихся принести ей пользу, Императоръ Александръ III обращалъ особенное вниманіе на воспитаніе юношества. По его указанію былъ пересмотрѣнъ и въ 1884 году утвержденъ новый университетскій уставъ, призывающій къ серьезному научному труду, преобразованы среднія и низшія учебныя заведенія, а начальныя школы переданы въ вѣдѣніе православной церкви, на попеченіе Святѣйшаго Синода.

Въ дѣлѣ воспитанія правительство предприняло рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, удовлетворяя дѣйствительнымъ потребностямъ практической жизни, не отрывать дѣтей отъ среды, въ которой они родились, и не дѣлать ихъ безполезными пролетаріями. Такъ, были учреждены сельско-хозяйственные, желѣзно-дорожные и ремесленные школы; учрежденъ новый технологическій институтъ въ Харьковѣ. Пріемъ слушательницъ на медицинскіе женскіе курсы былъ прекращенъ, а въ замѣнѣ того были открыты женскія училища съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ.

Царствованіе Александра III отмѣчено стремленіемъ къ обезпечению материальнаго и духовнаго благосостоянія народа. Обезпечивая материально духовенство, увеличениемъ содержанія, правительство призывало его къ образованію народа въ правилахъ нравственности и въ духѣ православной религіи.

Для подготовки такихъ воспитателей народа, былъ утвержденъ

новый уставъ духовныхъ академій и семинарій, образованы духовно-учебные округи, образованы епархиальные училищные совѣты. При такихъ условіяхъ учрежденныя церковно-приходскія школы вполнѣ обеспечиваютъ будущее образованіе народа на почвѣ религіозно-нравственной.

Дворянство призвано принять участіе въ жизни деревни, содѣйствовать развитію сельского хозяйства, а слѣдовательно и экономического благосостоянія государства. Словомъ сказать, всѣ стремленія въ Бозѣ почившаго Государя направлены были къ тому, чтобы преобразованія основывались на строго-национальныхъ началахъ, съ устраниенiemъ всякихъ сепаратическихъ стремленій. Русскій царь трудился надъ слитіемъ въ одно цѣлое разныхъ частей своего государства. Онъ положилъ предѣлъ возрастанію землевладѣнія иностранцевъ на западѣ и югѣ Россіи, возвратилъ нѣкоторымъ городамъ ихъ прежнія русскія названія, ввелъ русскій языкъ въ дипломатическую переписку, подчинилъ Кавказъ управлѣнію центральной власти, уничтожилъ нѣкоторыя привилегіи прибалтійскихъ губерній, принялъ мѣры къ ограниченію льготъ Финляндіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласовались съ общимъ государственнымъ строемъ Россіи. Строго национальный характеръ правительства высказался и въ мѣрахъ къ обрушенню напихъ окраинъ, на которыхъ было перенесено дѣйствие общихъ государственныхъ учрежденій, введены судебные уставы и русскій языкъ. Пріобрѣтенныя владѣнія въ азіатской Россіи соединены съ Имперіею постройкою Закаспійской желѣзной дороги и началиомъ постройки съ двухъ концовъ Сибирской, заложеніе которой связано на всегда съ именемъ нынѣ царствующаго Императора.

Какъ человѣкъ вполнѣ русский, Александръ III любилъ все русское, и прежде всего, прошлое своей родины. Никогда исторія Россіи не получала столь широкаго развитія, какъ въ кратковременное царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя. Правдивый по влечению сердца, Онъ смотрѣлъ на нее широко, былъ самый снисходительный редакторъ, и съ его разрѣшенія вышли такие исторические труды, которые при иныхъ условіяхъ не появились бы въ свѣтѣ. Въ серьезныхъ историческихъ трудахъ Онъ видѣлъ свѣтъ, правду, пользу и поученіе грядущему поколѣнію. Еще въ 1866 году по его

почину и подъ его предсѣдательствомъ, образовалось «Русское историческое общество», имѣвшее цѣлью собирать, обрабатывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіеся». Въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Сборника исторического общества» были напечатаны сообщенные тогда Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ «Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ц. Лагарпу». Въ 1873 году Общество получило наименование Императорскаго и, со вступлениемъ на престолъ, въ Бозѣ почившій Государь соизволилъ оставаться все время почетнымъ предсѣдателемъ Общества, принимая въ дѣятельности его постоянное и сердечное участіе.

Никто изъ членовъ Общества не забудеть, съ какимъ вниманиемъ и интересомъ относился Государь ко всѣмъ чтеніямъ, и какъ хорошо Онъ самъ былъ знакомъ съ исторіею Россіи и русского народа въ главнѣйшихъ проявленіяхъ его жизни. Сборники Общества, которыхъ издано до настоящаго времени около ста томовъ, заключаютъ въ себѣ драгоценныя матеріалы по русской исторіи, заимствованные изъ русскихъ и иностранныхъ архивовъ. Только при покровительствѣ Вѣнценосца, многіе матеріалы могли явиться въ печати во всей своей полнотѣ. Императоръ Александръ Александровичъ особенно интересовался предпринятымъ Обществомъ біографическимъ словаремъ, въ который должны были войти выдающіеся дѣятели Русской земли на всѣхъ поприщахъ службы и знанія. Среди безпрерывныхъ трудовъ и заботъ о благѣ народа, Государь находилъ время читать эти біографіи, искаль въ нихъ правдивое освѣщеніе лицъ и событий. Онъ внимательно читалъ русскія газеты, любилъ русскую музыку, русскую литературу и придавалъ имъ высокое значение. Наиболѣе выдающіеся наши композиторы, поэты и писатели или ихъ семейства получали пенсію отъ щедротъ Государя, признававшаго, что литераторы, содѣйствуя просвѣщенію и воспитанію русского народа, приносить пользу не менѣе лицъ, находящихся на государственной службѣ.

Таковъ краткій перечень внутренней жизни Россіи за послѣднія тринацдцать лѣтъ, жизни твердой, опредѣленной, безъ шатаній и колебаній...

II.

Спустя мѣсяцъ послѣ вступленія на престоль, Императоръ Александръ III объявилъ иностраннымъ державамъ ¹⁾, что будетъ охранять общій миръ и посвятить себя, прежде всего, дѣлу внутренняго государственного развитія, тѣсно связанному съ успѣхами гражданственности, съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

Внѣшняя политика Его Величества, говорилось въ депешѣ, будетъ вполнѣ миролюбивою. Только долгъ защищать честь свою можетъ отвлечь Россію отъ внутренней работы.

Объявленіе это вызвало недовѣріе со стороны многихъ правителей иностранныхъ державъ.

«Не скрою,— говорилъ маркизъ Сальсбюри, уже послѣ кончины Александра III ²⁾,— что въ самомъ началѣ я питалъ нѣкоторыя опасенія относительно того положенія, которое Онъ займетъ; но уже за долго до того времени, когда я устранился отъ дѣль, краснорѣчіе фактовъ и безпрерывный опытъ убѣдили меня, что мы обязаны русскому Царю благодарностью, которую трудно выразить словами, за миръ, обеспеченный Европѣ Его самообладаніемъ и Его столь возвышенными христіанскими принципами. Человѣкъ, руководимый менѣе возвышенными побужденіями, во множествѣ случаевъ поддался бы мимолетному раздраженію и, если бы Императоръ не обладалъ твердою волею надъ самимъ собою, въ Европѣ могла бы возгорѣться война. Александръ III оставляетъ потомству память о характерѣ, внушавшемъ благодарность всѣмъ націямъ и достойномъ глубокаго изученія и подражанія со стороны всѣхъ будущихъ правителей—все равно, избраны ли они народомъ, или являются потомками королей».

И дѣйствительно, заслуга Императора Александра III въ дѣлахъ внѣшней политики громадна. Онъ проявилъ здѣсь великодушие, настойчивость и спокойствіе, недоступное ни угрозамъ, ни

¹⁾ Въ циркулярной депешѣ 4 апрѣля 1881 г.

²⁾ 26 октября (7-го ноября) 1894 г. на митингѣ въ Лондонѣ.

лести и съ полною прямотою раскрывавшее самыя тонкія политическія интриги.

Изъ памяти Императора Александра III не изгладилось впечатлѣніе, что обѣ нѣмецкія державы, вслѣдь за Санть-Стефанскимъ миромъ, вошли съ Англіею въ соглашеніе, направленное къ тому, чтобы лишить Россію плодовъ ея побѣдъ, и въ то время, когда Россіи пришлось довольствоваться незначительнымъ исправленіемъ Бессарабской границы, Австрія и Англія, не принимавшія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, завладѣли: одна Босніею, а другая—островомъ Кипромъ. Сверхъ того, Государь видѣлъ, что въ Бухарестѣ, Бѣлградѣ и Софіи ведется постоянная интрига, съ цѣлью ослабить вліяніе Россіи на Румынію, Сербію и Болгарію. Еще въ октябрѣ 1879 года Германія и Австрія заключили тайный союзъ противъ Россіи и въ 1882 г. гр. Кальноки публично заявилъ венгерскимъ делегаціямъ, что, въ случаѣ нападенія Россіи, Австрія одинокою не будетъ.

Несмотря на все это, Александръ III въ мартѣ 1884 года не отказался отъ возобновленія тройственного союза императоровъ, по которому союзники обязывались соблюдать полный нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ объявитъ войну четвертой державѣ, которую могла быть только Франція. При этомъ Бисмаркъ предлагалъ включить статью, въ которой говорилось, что нейтралитетъ не будетъ нарушенъ даже и въ томъ случаѣ, если два государя совмѣстно вступятъ въ войну съ четвертою державою. Такое предложеніе возмутило рыцарскій характеръ Александра III, и Онъ рѣшительно отказался скрѣпить договоръ въ такой формѣ. Подписанный въ Скерневицахъ трактатъ, 15 сентября 1884 года, гарантировалъ нейтралитетъ на три года и притомъ только въ случаѣ войны двухъ государствъ одинъ на одинъ.

Трактатъ этотъ не возстановилъ полного согласія Россіи съ Австріею, и интриги послѣдней въ Придунайскихъ областяхъ особенно обострились, когда болгарскій князь Александръ Баттенбергъ уволилъ русскихъ министровъ, нарушилъ трактатъ и объединилъ обѣ части Болгаріи и, наконецъ, сверженный въ 1886 г., пытался опять вернуться въ Болгарію. Одна телеграмма русскаго Царя заставила принца Баттенбергскаго отказаться отъ послѣдняго

намѣренія, очевидно вызванного интригами Австріи, имѣвшей за собою и Германію. Чтобы положить предѣль такому положенію тѣль, Императоръ Александръ III, въ томъ же 1886 г., приказалъ возобновить дипломатическія сношенія съ Франціею, сношенія, приведшія потомъ къ взаимному сближенію двухъ государствъ.

Пользуясь тѣмъ, что Скерневицкій договоръ имѣлъ силу до 15 сентября 1887 года, Бисмаркъ употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить Францію отказаться отъ союза съ Россіею. Онъ грозилъ пустить ей кровь, нарушилъ франкфуртскій договоръ о пребываніи французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи и проч. Видя опасность, угрожающую Франціи, Императоръ Александръ отправилъ императору Вильгельму собственноручное письмо, содержаніе которого хотя и не известно, но известно то, что придирки къ Франціи прекратились, и взамѣнъ того была объявлена тайная война Россіи на Берлинской биржѣ. Война эта велась упорно и дошла дотого, что германскій банкъ запретилъ выдачу ссудъ подъ русскія бумаги. Въ то же время, не безъ участія, конечно, Бисмарка и Австріи, на болгарскомъ престолѣ внезапно появился принцъ Фердинандъ и, съ окончаніемъ срока Скерневицкому трактату, Россія уступила свое мѣсто Италии.

Въ ноябрѣ Императоръ Александръ III, отдавая визитъ императору Вильгельму, посѣтилъ Берлинъ, и Бисмаркъ, разсчитывая одержать дипломатическую побѣду, испросилъ аудіенцію у русскаго Царя. Поводомъ къ тому высказывалось желаніе доказать, что Онъ не принималъ никакого участія въ болгарскихъ интригахъ, и показать какіе-то документы. Опытный «желѣзный канцлеръ» заранѣе разсчитывалъ на побѣду надъ Императоромъ, еще не искусившимся во лжи и политическихъ интригахъ; но, увы! потерпѣлъ полную неудачу. Что происходило на этомъ свиданіи, намъ не известно, но, по словамъ очевидцевъ, Бисмаркъ вышелъ изъ кабинета Государа съ искаженными чертами лица. Политический корабль германскаго канцлера, полный интригъ, разбился о гранитную сѣверную скалу. Онъ наткнулся на чѣчто возвышенное, для него недоступное — на прямоту и здравый смыслъ русскаго Царя. Ложь и интриги утонули въ лазурномъ морѣ чистой души Александра III, и союзъ Германіи съ Россіею сталъ невозможенъ.

Тогда въ февралѣ 1888 г. во всѣхъ офиціальныхъ органахъ Берлина, Вѣны и Буда-Пешта опубликованъ былъ текстъ первой Австро-Германской конвенціи, заключенной еще въ 1879 году и направленной противъ Россіи. Вслѣдъ затѣмъ была напечатана рѣчь Бисмарка, въ которой онъ, между прочимъ, говорилъ: «Мы, нѣмцы, ничего и никого въ мірѣ не боимся, кромѣ Господа Бога»; въ Болгаріи Стамбуловъ объявлялъ смертный приговоръ всѣмъ изобличеннымъ въ приверженности къ Россіи, купилъ у Австріи 10 тысячъ ружей, а австрійскій императоръ поздравлялъ принца Фердинанда съ возстановленіемъ порядка въ Болгаріи. Все это дѣгалось, чтобы вывести изъ терпѣнія Императора Александра III и завлечь Россію въ активныя дѣйствія. Но и эта интрига не удалась, встрѣтившись съ полнымъ спокойствіемъ и твердостью русскаго Государя. Извѣстными словами: «Я за Болгарію не пожертвую ни однимъ русскимъ солдатомъ» Императоръ разрушилъ всѣ направленія противъ него козни.

Однако, оставаться въ такомъ положеніи было невозможно, и сближеніе съ Франціею становилось необходимымъ для обѣихъ державъ въ видахъ сохраненія европейскаго мира. Сближеніе это, въ силу вещей, произошло самymъ естественнымъ образомъ. Въ декабрѣ 1887 года французскому рынку былъ предложенъ первый русскій заемъ въ 500 миллионовъ франковъ. Операдія эта удалась какъ нельзя лучше и затѣмъ была повторена въ 1889 и 1890 годахъ. Сочувствіе Франціи къ Россіи обнаружилось ясно и определенно, но обѣ державы все еще стояли одиноко, и Европа оставалась подъ постояннou угрозою тройственного союза, одинаково нерасположенного и къ Россіи, и къ Франціи. Союзъ этотъ разсчитывалъ на невозможность сближенія правительства республики съ Царемъ-Самодержцемъ. Но Александръ III первый перешагнулъ чрезъ это препятствіе и упрочилъ миръ. Кронштадтъ, Тулонъ и Парижъ явились свидѣтелями безкровныхъ побѣдъ въ пользу мира. Когда, при встрѣчѣ французскихъ моряковъ, Императору замѣтили, что у французовъ національный гимнъ «марсельеза», Онъ спокойно отвѣчалъ: «Ну такъ что же? Не могу же я сочинить имъ другаго гимна» — и выслушалъ его стоя. Этотъ поступокъ произвелъ такое восторженное впечатлѣніе въ Европѣ, что описать его невозможно.

Послѣдующіе шаги Царя еще болѣе упрочили за нимъ имя Миротворца и повели къ тѣснѣйшему сближенію единственнаго неограниченного Монарха во всемъ мірѣ съ демократическою французскою республикою.

— Имѣйте довѣріе ко мнѣ,— сказалъ Императоръ французскимъ морякамъ въ Петергофѣ,— интересы нашихъ народовъ общіе.

Слова эти были приняты съ восторгомъ, и впослѣдствіи французы говорили, что передъ ними стоялъ колоссъ, импонировавшій міру своею славянскою мощью. Дипломатическая Европа была сбита съ пути и изъ надменной стала почтительной. У Англіи вдругъ явилось желаніе, чтобы эскадра адмирала Жерве посѣтила Лондонъ; германскій императоръ отмѣнилъ всѣ стѣснительныя мѣры относительно французовъ, посѣщавшихъ и жившихъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. «Кто-то, — говорить Альфредъ Рамбо, — замѣтилъ тогда Императору, что миръ находится въ вашихъ рукахъ столь же всецѣло, какъ эта чашка съ кофе. — Въ такомъ случаѣ будьте покойны,— отвѣчалъ Государь, — ни того, ни другаго я изъ рукъ не выпущу».

Онъ сдержалъ свое слово и тѣмъ заслужилъ благодарность всего человѣчества. Европа оцѣнила характеръ и основные принципы, руководившіе дѣйствіями почившаго Императора. Эти принципы вызывали симпатіи и друзей, и недруговъ, и только одинъ Александръ III былъ въ состояніи осуществить извѣстное выраженіе: «Имперія — это миръ». Его слова были тверды и неизмѣнны, и политическое знамя Россіи было поднято высоко его мощною державною рукою. Избавивъ Россію отъ иностранныхъ опекуновъ, Онъ поставилъ ее на самое почетное мѣсто, какъ опору мира, какъ хранительницу правды въ международныхъ сношеніяхъ. Съ этихъ поръ судьба Европы находилась въ рукахъ русскаго Царя.

«Малѣйшая ошибка со стороны Александра III, — говорить «Daily News», — повергла бы Европу въ колоссальную войну: и вѣчно память ему пребудетъ, что ни одной ошибки Онъ не сдѣлялъ».

Достаточно вспомнить одинъ только болгарскій вопросъ, чтобы оцѣнить все величие русскаго Императора, принесшаго въ жертву личное самолюбіе интересамъ и пользѣ Россіи. Вызывающій образъ

дѣйствій правительства маленькаго государства, созданного кровью русскаго народа, могъ легко вызвать вооруженное вмѣшательство и нарушить миръ. Противники мира шумѣли, произносили воинственные рѣчи, пробовали запутать Россію въ сѣти дипломатической лжи, но Царь спокойно устранилъ ложь, какъ богатырь прорвалъ разставленныя сѣти и выходилъ побѣдителемъ. Противъ Россіи заключались двойственные, тройственные и священные союзы, имѣвшіе честолюбивые виды и грозившіе нарушеніемъ мира. Русскій Царь оставался спокойнымъ, сильнымъ своимъ словомъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Ими Онъ побѣдилъ Европу, «заставивъ цѣнить миръ и вѣрить ему, русскому Царю, вѣрить чистому его сердцу».

«Въ послѣднія 13 лѣтъ, — говоритъ «Times», — общий миръ многократно зависѣлъ отъ рѣшенія Царя, и все человѣчество обязано ему всѣми благами мирной жизни. Онъ пользовался своимъ могуществомъ для того, чтобы избавить міръ отъ грознаго бича войны». Миръ не былъ нарушенъ и тогда, когда была отклонена попытка вмѣшательства Англіи въ наши средне-азіатскія дѣла. Владѣнія Россіи на востокѣ увеличились на 214.854 кв. версты, и присоединеніе этой территории совершилось не кровью, а путемъ нравственнаго обаянія русскаго знамени и первенствующаго положенія Россіи среди европейскихъ державъ. Въ твердость, прямоту и справедливость въ Бозѣ почившаго Императора вѣрили настолько, что Америка и Франція не затруднились избрать его третейскимъ судьею въ происшедшемъ между ними столкновеніи.

Неудивительно послѣ того, что вѣсть о болѣзни русскаго Царя обратила на себя всеобщее вниманіе. Подводя итоги, взвѣшивая политическое положеніе Европы, всѣ вдругъ увидѣли, какой это чистый и честный человѣкъ, всегда спокойный, искренній, любящій, стремившійся къ правдѣ, ненавидѣвшій ложь и обманъ. Всѣ стали высказывать опасеніе, что, съ потерей Царя, сторонники мира лишаются въ немъ могущественного предводителя, въ сердцѣ котораго было только одно желаніе: содѣйствовать культурному и умственному развитію человѣчества. Говорилъ Онъ мало, дѣлалъ много.

Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь его, но взоры

были краснорѣчивѣе рѣчей. Добрый, мягкий взглядъ, привѣтливая улыбка, свѣтившаяся въ голубыхъ очахъ, такъ и влекли къ себѣ душу народную, а въ голосѣ слышались звуки, всѣхъ ободряющіе. Не видѣли его господственаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но всѣ видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды и насилия. Императоръ Александръ III былъ истиннымъ христіаниномъ, возвысившимъ значеніе своей родины, любившимъ ее превыше всего и служившимъ ей до самопожертвованія, до послѣдняго бленія своего благороднаго и чистаго сердца. Онъ далъ все, что могъ только желать русскій народъ отъ своего Царя и что высказано поэтомъ:

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы,
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

Будь блага поданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенъя покровитель:
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Императоръ Александръ III скончался какъ праведникъ, исполнившій все, что ему указано было волею Всевышняго. Онъ разстался съ жизнью, какъ разстаются съ нею люди съ чистой совѣстю, съ горячою вѣрою въ Бога и въ бессмертие души. Окруженный всѣми, кого Онъ такъ горячо любилъ и съ которыми разставался на вѣки, Онъ успокоивъ ихъ и тихо отходилъ туда, где нѣть болѣзней и печалей...

Не стало державного радытеля Россіи, и всѣ государи, главы державъ, правительства и народы съ небывалымъ единодушемъ и искренностью присоединились къ глубокой печали, поразившей Россію и лишившей Европу поборника добра и правды.

Если съ именемъ Императора Александра II соединенъ титулъ «Освободителя», то нынѣ въ Бозѣ почившему будетъ принадлежать наименование «Миротворца и устроителя земли Русской». Да будетъ же память Его священна и неизгладима въ сердцахъ подданныхъ и сопровождается всегда теплою молитвою объ упокоеніи чистой души возлюбленного сына Россіи, помазанника Божія Александра.....



Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

XIII ¹⁾).

Великороссъ". — Михайловъ. — "Земля и Воля". — Экспедиція. — Бакуніна въ „Швецію” — Пріездъ Бакуніної въ Лондонъ. — Ненавистный шпіонъ. — Guénot de Mussy. — Отъездъ Кельсієва въ Тульчу. — Вопросъ трехъ русскихъ. — Гончаръ. — Отъездъ Кельсієвої въ Тульчу. — Гарібальди въ Лондонѣ. — Нашъ праздникъ.

Возмущеніе въ Варшавѣ принесло ожидаемые плоды. Началась реакція; изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти, тамъ появилось общество «Земля и Воля». Огаревъ и Бакунінъ приняли предложеніе быть членами этого общества, но Герценъ сильно противъ этого возставалъ. «Мы стоимъ отдѣльно, говорилъ онъ имъ, наша программа извѣстна, намъ смѣшно быть членами какогобыто ни было общества». Въ Петербургѣ издавались листки подъ заглавиемъ «Великороссъ». Общество было возбуждено, особенно молодежь, вездѣ были обыски. При обыскѣ у Михайлова былъ найденъ листокъ «Великоросса» и улики, доказывающія, что Михайловъ самъ печаталъ эти листки. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Польское восстаніе не было еще подавлено, и Бакунінъ рѣшился принять въ немъ участіе. Это было необходимое послѣдствіе всей его многолѣтней пропаганды въ пользу Польши. Хотя послѣдній былъ въ высшей степени образованный, начитанный, обладалъ большими познаніями и блестящимъ, находчивымъ умомъ, великолѣпнымъ даромъ слова, но при всемъ томъ въ немъ была дѣтская черта — слабость: жажды революціонной дѣятельности въ что бы ни

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1894 г.

стало. Такъ какъ Герценъ постоянно смѣялся надъ его конспираторскими страстишками (какъ онъ ихъ называлъ), то Бакунинъ передъ отѣзdomъ изъ Лондона обратился къ мнѣ съ просьбой писать подъ его диктовку какую-то запутанную азбуку, для того чтобы я могла разбирать его телеграммы и сообщать ихъ обоимъ друзьямъ. Относясь къ нему съ большимъ уваженіемъ, я исполнила съ готовностью его желаніе, но, разумѣется, все это было совершенно лишнее, и я ни одной шифрованной телеграммы не получала и не разбирала.

Въ то время поляки вездѣ искали возбудить къ себѣ сочувствіе. Наконецъ они набрали въ Лондонъ человѣкъ восемьдесятъ волонтеровъ изъ эмигрантовъ всѣхъ націй и наняли пароходъ, который долженъ былъ ихъ высадить (не помню гдѣ), откуда волонтеры прошли бы въ Польшу. Странно было то обстоятельство, что Ж., представитель Жонда въ Лондонѣ, и польские эмигранты обратились за наймомъ парохода именно къ той компаніи, которая вела крупныя дѣла (продажа угля) съ Россіей. Бакунинъ отправился съ этой экспедиціей. Подъ предлогомъ, что нужно запастить водой, капитанъ бросилъ якорь у шведскихъ береговъ. Тутъ простояли двое сутокъ; на третій день спросили капитана, скоро ли въ путь; тогда онъ объявилъ, что далѣе не пойдетъ. Тутъ волонтеры подняли шумъ, гвалтъ, но ничего не могли сдѣлать съ упрямымъ капитаномъ. Бакунинъ отправился въ Стокгольмъ для принесенія жалобы на предательство капитана. Онъ слышалъ, что братъ короля очень образованный и либеральный, и надѣялся透过他的哥哥的影响力来迫使船长继续航行。 Однако надежды Бакунина не осуществились. Общество въ Стокгольмѣ было очень образовано, горячо сочувствовало всему либеральному. Бакунинъ во все время былъ очень хорошо принятъ братомъ короля и чествуемъ обществомъ, какъ русскій агитаторъ 48 года. Ему безпрестапно давали обѣды, дѣлали для него вечера, пили за его здоровье, радовались счастію его лицезрѣть, но ничего не помогли относительно капитана. Прочие эмигранты рѣшились на отважный поступокъ: наняли лодки и продолжали трудный путь. Вдругъ поднялась страшная буря, и всѣ эти несчастные смѣльчаки погибли въ безполезной борьбѣ съ разъяренной стихіей.

Пока Бакунинъ проживалъ въ Швеціи, надѣясь, что соберутъ вторую экспедицію, жена его явилась изъ Сибири въ Лондонъ. Въ то время меня не было дома; я была въ Осборнѣ съ дѣтьми по совѣту доктора Guénot de Mussy, котораго мы приглашали для дѣтей послѣ удаленія Девиля. Guénot de Mussy оставилъ Францію въ 48 году, сопровождая бѣжавшаго короля Людовика-Филиппа, и съ тѣхъ порь дѣлилъ изгнаніе Орлеанскаго дома и былъ медикомъ выкопоставленныхъ изгнанниковъ. Я обязана вѣчной признательностью этому достойному медику, который, приглашенный мною въ важныхъ случаяхъ, всегда вылечивалъ дѣтей и кромѣ того давалъ мнѣ для нихъ гигиеническіе совѣты, которые были мнѣ необыкновенно полезны. Такъ и въ этомъ случаѣ. Онъсовѣтовалъ недѣли на три ѿхать къ морю, чтобы укрѣпить здоровье старшей дочери послѣ скарлатины и спасти меньшихъ отъ возможной заразы, перемѣнивъ въ то время обои къ комнатѣ, где хворала моя дочь. Меньшая дѣйствительно не подверглась этой ужасной болѣзни, которая и нынѣшней зимой производитъ опустошеніе въ крестьянскихъ семьяхъ по всей нашей окрестности. Прѣѣзжая во время болѣзни кого-нибудь изъ малютокъ, Guénot de Mussy сказалъ мнѣ однажды: «сегодня среда, обыкновенно я провожу этотъ день въ Орлеанскомъ замкѣ, но я пожертвовалъ своимъ долгомъ, чтобы успокоить васъ. Мы, медики, видимъ много матерей, но такихъ, которыхъ исключительно живутъ для своихъ дѣтей—не часто. Вотъ почему я прѣѣхалъ сегодня и не хотѣлъ отложить до другаго дня».

Помню, что въ то время Герценъ мнѣ писалъ въ Осборнѣ о необыкновенномъ случаѣ, бывшемъ въ нашемъ домѣ въ мое отсутствіе.

Какой-то пріятель Василія Ивановича Кельсіева возвращался въ Россію и непремѣнно желалъ взять съ собой нѣсколько номе-ровъ «Колокола» и портреты Герцена. Послѣдній очень протестовалъ противъ этого, говоря, что это безуміе, что «Колоколь» евреи достаютъ и въ Россіи, а портреты—вздоръ, изъ-за котораго не стоять рисковать. Но Кельсіевъ настоялъ, и пріятель его унесъ портреты и «Колоколь», говоря, что въ его чемоданѣ двойное дно, которое вовсе не замѣтно.

Позже Герценъ получилъ изъ Петербурга неподписанное пись-

мо, въ которомъ было сказано, что когда N (пріятель Кельсієва) пошелъ домой съ портретами и «Колоколомъ», одинъ изъ гостей прошелъ прямо на телеграфную станцію и донесъ, что N везеть «Колоколь» и портреты и чтобы осмотрѣли двойное дно его чемодана. На границѣ двойное дно чемодана было тотчасъ вскрыто, венцы вынуты, а N задержанъ.

Что стало съ нимъ впослѣдствіи, неизвѣстно.

Кто же былъ этотъ неизвѣстный шпіонъ? думалъ Герценъ съ своими окружающими. Припоминали всѣхъ, кто былъ въ это воскресенье въ *Orseth house*, и не могли никакъ добраться до истины. Все были люди почтенные, вѣрные; кто же погубилъ N. — такъ это и осталось тайной навсегда. Было еще странное происшествіе во время моего пребыванія у моря. Однажды Герценъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда Жюль доложилъ ему, что его спрашиваетъ очень молоденькая и хорошенъкая особа.

— Спросите имя, Жюль, вѣдь я всегда вамъ говорю, сказалъ Герценъ нѣсколько съ нетерпѣніемъ.

Жюль пошелъ и тотчасъ вернулся съ изумленнымъ выражениемъ въ лицѣ.

— Eh bien, сказалъ Герценъ.

— M-te Bacounine! comment monsieur pas possible? говорилъ безсвязно Жюль, вѣроятно мысленно сравнивая супруговъ. Герценъ слышалъ, что Бакунинъ женился въ Сибири на дочери тамошняго чиновника-поляка; не она ли ужъ явилась, подумалъ Герценъ. Поправя немного свой туалетъ, онъ пошелъ въ гостиную, гдѣ увидаль очень молоденькую и красивую блондинку въ глубокомъ траурѣ.

— Я жена Бакунина, гдѣ онъ? сказала она. А вы — Герценъ?

— Да, отвѣчалъ онъ, вашего мужа нѣть въ Лондонѣ.

— Но гдѣ же онъ? повторила она.

— Я не имѣю права вамъ это открыть.

— Какъ, женѣ! сказала она обидчиво и вся вспыхнула.

— Поговоримте лучше о Бакунинихъ. Когда вы оставили его братьевъ, сестеръ, какъ бишь называется ихъ имѣніе, вы были у нихъ въ деревнѣ — какъ зовутъ сестеръ и братьевъ, я все перезабылъ, перепуталъ...

Бакунина назвала ихъ деревню и вообще отвѣчала въ точности на всѣ вопросы. Бакуны ей помогали достать паспортъ и средства на долгій путь.

Это былъ со стороны Герценъ чисто экзаменъ, сдѣланный ей, чтобы убѣдиться, что она не подосланный шпіонъ. Наколецъ Герценъ повѣрилъ, что она дѣйствительно жена Бакутина, и предложилъ ей перѣѣхать въ нашъ домъ и занять пока мою комнату. Позывавъ мою горничную, Герценъ сказалъ ей, чтобы она служила Бакуниной, что было затруднительно только потому, что Бакунина не знала ни одного слова по-англійски.

Но все-таки Герценъ не открылъ Бакуниной, гдѣ находится ея мужъ, что ее очень оскорбило и оставило въ ея душѣ слѣды какого-то непріятнаго чувства противъ Александра Ивановича.

Когда я вернулась изъ Осборна, Бакунина перѣѣхала уже на ту квартиру, гдѣ жилъ до отѣзда ея мужъ. Мы съ ней хорошо познакомились, но она болѣе всего сошлась съ Варварой Тимоѳеевной Кильсіевой. Она рассказывала послѣдней многое изъ своей жизни и о своемъ бракѣ. «Мнѣ гораздо болѣе правился одинъ молодой докторъ, — говорила она, — и кажется, я ему тоже правилась, но я предпочла выйти за Бакутина, потому что онъ герой и всегда былъ за Польшу. Хотя я родилась и выросла въ Сибири, я люблю свое отечество, ношу трауръ по немъ и никогда его не сниму».

Въ ней было много дѣтскаго, наивнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и милаго, искренняго. Въ то время мы получили отъ Бакунина телеграмму на мое имя такого содержанія: «Наталья Алексѣевна, поручаю вамъ мою жену, берегите ее». Впрочемъ, вскорѣ онъ вызвалъ ее въ Швецію, и мы большими обществомъ проводили ее на желѣзную дорогу, отправляющуюся въ Дувръ. Тогда именно мнѣ пришлось въ первый разъ спуститься въ подземный дебаркадеръ, который находился не въ большомъ разстояніи отъ Orseth hous'a, изъ котораго поѣзда отправлялись на противоположный конецъ Лондона. Фонари были зажжены, вагоны новые, красивые; мы весело болтали и не замѣтили, какъ прошли двадцать минутъ. Передъ отѣздомъ изъ Лондона, Бакунина позвала пась всѣхъ обѣдать и угостила польскими кушаньями очень вкусными и которыми особенно радовались наши друзья-поляки Чернекскій и Тхор-

жевскій. Послѣдній былъ большой поклонникъ женской красоты и, еслиъ обѣдь былъ бы и плохъ, да хозяйка красива, онъ все-таки былъ бы въ восторгѣ.

Пріѣзжая въ Лондонъ, русскіе иногда поминали о маленькой русской колонії, состоящей изъ выходцевъ-раскольниковъ, которые оставили Россію, кажется, при Петрѣ III и пріотились въ Турецкой имперіи. Они основались въ мѣстечкѣ, названномъ ими «Тульчей». Кажется, они не платили податей Портъ, но должны были ей помогать противъ враговъ, исключая Россіи, и имѣли выбраннаго начальника, который хотя и простой крестьянинъ изъ некрасовцевъ, являлся ко двору въ Константинополь и носилъ ордена, пожалованнныя Оттоманской Портой. Въ то время начальникомъ некрасовцевъ былъ Гончаръ, о которомъ я еще буду говорить, потому что познакомилась съ нимъ лично, когда онъ навѣстилъ Герценъ въ Тедингтонѣ. Эти разсказы о Тульчѣ сильно заинтересовали Кельсіева. Василій Ивановичъ Кельсіевъ былъ человѣкъ талантливый и самолюбивый; онъ скучалъ въ Лондонѣ безъ опредѣленнаго дѣла, занимаясь только переводами, иногда уроками. Онъ понялъ наконецъ, что Герценъ былъ правъ, когда отсовѣтывалъ русскимъ эмигрировать изъ ихъ отечества. Вдругъ «Тульча» показалась издали Кельсіеву обѣтованной землей. Онъ рѣшился ѻхать туда сначала одинъ, а потомъ намѣренъ былъ вызвать жену свою, безмолвную и преданную спутницу, которую пока оставилъ съ маленькой дочкой Марусей на нашемъ попеченіи. Герценъ не могъ убѣдить Кельсіева подождать узнать пообстоятельнѣе о Тульчѣ. Кельсіевъ былъ горячій и упрямый. Разъ рѣшившись на что-нибудь, онъ не допускалъ никакихъ возраженій. Жена его, кроткая и восхищеннная его умомъ, никогда не опровергала его фантазіи. Итакъ, онъ уѣхалъ въ Тульчу.

Мы собирались уже оставить Лондонъ, потому что Герценъ находилъ удобнѣе и дешевле жить въ то время въ окрестностяхъ Лондона. Въ пятнадцати минутахъ по желѣзной дорогѣ отъ Лондона было мѣстечко, называемое «Тедингтонъ» и состоящее изъ длинной улицы, гдѣ были раскинуты загородные дома съ большими роскошными садами позади домовъ и частые домики съ различными маленькими лавками для удобствъ занимающихъ большие дома.

Тамъ Герценъ нашелъ довольно просторный домъ съ большимъ садомъ, куда мы и перѣхали всѣ, также и Варвара Тимофеевна съ Марусей. А типографію перевезли въ домикъ тоже съ садомъ, отстоявшій отъ нашего не болѣе какъ на десять минутъ ходьбы. Туда перебрался Чернецкій съ своей сожительницей Маріанной; дѣтей у нихъ не было.

Нашъ новый домъ имѣлъ только одно большое неудобство. За нимъ была какая-то фабрика, и часто въ саду пахло растопленнымъ саломъ. Но докторъ, навѣстившій насъ въ Тедингтонъ, увѣрялъ, что это совершенно безвредно для дѣтей, и потому мы смиренno выносili эту непріятность. Изъ нашего интимнаго кружка одинъ Тхоржевскій остался въ Лондонѣ, за то онъ прїѣзжалъ въ Тедингтонъ по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю: отчасти по дѣламъ, отчасти по привычкѣ къ нашему семейству, котораго онъ былъ какъ бы необходимымъ членомъ. Онъ ямѣлъ къ Герцену и ко всемъ намъ безконечную преданность, которую доказалъ даже послѣ кончины Герцена.

Передъ нашимъ отѣздомъ изъ Лондона, Герцена разъ посытили трое русскихъ. Они казались еще очень молоды, едва кончившіе курсъ въ какомъ-то университетѣ. Герценъ былъ такъ пораженъ ихъ разговоромъ, что не спросилъ ихъ имена, а впрочемъ говорилъ позже, что и не жалѣлъ объ этомъ. Вотъ что онъ разсказывалъ о свиданіи съ ними: они начали съ того, что рассказывали Герцену, какъ съ польского восстанія стали тѣснить учащихся, какъ всѣ свѣтлыя надежды Россіи мало-по-малу померкли. Конечно, Герценъ слышалъ уже обо всёмъ этомъ; онъ возразилъ: «Что же дѣлать, надо выждать, когда реакція пройдетъ, тогда Россія опять будетъ развиваться и исполнять свои историческія задачи».

— Но это долго, возразилъ одинъ изъ нихъ, — въ молодости терпѣнья мало; мы прѣхали затѣмъ, чтобы слышать ваше мнѣніе; мы хотимъ пожертвовать собой для блага отечества и для того рѣшились на преступленіе...

— Не дѣлайте этого, возразилъ съ жаромъ Герценъ, — это будетъ бесполезная жертва, и она поведетъ къ еще большей реакціи, чѣмъ польское восстаніе. Обѣщаите мнѣ честно оставить эту мысль, помните, что этимъ поступкомъ вы принесете только большой вредъ

отечеству. Возьмите любую историю, и вы найдете въ ней подтверждение моихъ словъ.

Они сознались въ незрѣлости ихъ мысли и уѣхали убѣжденные.

И такъ, катастрофа 1881 года была отодвинута на восемнадцать лѣтъ!

Въ Тедингтонѣ, однажды Герценъ получилъ изъ Парижа русское письмо на клочкѣ бумаги, очень нечетко и странно написанное, въ которомъ было сказано, что такого-то числа Гончаръ, начальникъ некрасовцевъ, будетъ на дуврскомъ дебаркадерѣ для свиданія съ Александромъ Ивановичемъ, которому Гончаръ желаетъ здоровья и всѣхъ благъ земныхъ. Герценъ понималъ, что Гончару, какъ раскольнику, будетъ трудно въ нашемъ домѣ относительно пищи, и потому велѣлъ Жюлю сдѣлать обѣдъ преимущественно изъ свѣжей рыбы, омаровъ и пр.

На слѣдующій день въ назначенный часъ, Герценъ поѣхалъ въ Лондонъ на дуврскій дебаркадеръ и тамъ встрѣтилъ Гончара; они тотчасъ узнали другъ друга. Гончаръ можетъ быть видѣлъ фотографическія карточки Герцена, но послѣдній не видалъ, конечно, карточекъ Гончара.

Вечеромъ они прибыли въ Тедингтонъ. Гончаръ былъ небольшаго роста, лѣтъ пятидесяти на видъ, некрасивый, украшенный турецкими орденами. Онъ былъ очень сдержанъ и малорѣчивъ, особенно въ первый вечеръ. Въ его чертахъ соединялось выраженіе добродушія и хитрости; можно было поручиться, что этотъ человѣкъ никогда не проговорится. Небольшіе сѣрые глаза его были исполнены ума и нѣкотораго лукавства. Онъ скоро привыкъ къ намъ и сталъ разговорчивѣе. Въ оборотахъ его рѣчи было что-то восточное.

Сначала мы посидѣли немного въ гостиной; скоро Огаревъ вернулся съ обычной прогулки, только ждали его появленія, чтобы погодить обѣдъ. Горничная доложила, что супъ на столѣ. Мы перешли въ столовую и сѣли за столъ, но бѣдный Гончаръ съ брезгливостью раскольника посматривалъ на постныя блюда и наконецъ рѣшился выпить стаканъ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ продолженіе всего его пребыванія въ Тедингтонѣ, молоко и хлѣбъ были единственной его пищей. Впрочемъ, онъ казался очень равнодушенъ ко всему

матеріальному. Онъ не говориль, затѣмъ прѣхалъ даже наединѣ съ Герценомъ; но послѣдній поняль, что Турція начинала тѣснить некрасовцевъ, и они желали бы скорѣй получить поддержку отъ революціонной партіи, тѣмъ отъ русскаго правительства, къ которому относились недовѣрчиво и даже побаивались, и желали убѣдиться, располагаетъ ли партія Герцена какой-нибудь моральной силой или нѣтъ. Конечно, Герценъ никого не обманывалъ и не преувеличивалъ свое вліяніе въ Россіи, и Гончаръ могъ убѣдиться, что ничего особеннаго не могло выйти изъ его поѣздки. Но все-таки онъ былъ доволенъ узнать русскаго, о которомъ поминалось иногда въ газетахъ всей Европы и котораго политическія измѣненія могли выдвинуть легко впередъ.

Меня, какъ хозяйку дома, Гончаръ называлъ постоянно „старухой“, хоть въ то время мнѣ не было и тридцати пяти лѣтъ. Онъ былъ очень дружелюбенъ ко мнѣ и къ дѣтямъ. Когда онъ пожелалъ идти въ русскую типографію, я вызвалась показать ему дорогу и старшая моя дочь побѣжала за нами. Ей было около пяти лѣтъ, но Гончаръ находилъ, что она мала, чтобы идти за нами пѣшкомъ, и несъ ее на рукахъ туда и обратно.

Кельсіева много разспрашивала его о своемъ мужѣ. Голчаръ хвалилъ его, но говориль, что онъ не нашелъ себѣ еще дѣла и принимается то за ту, то за другую работу. «Возьмите меня съ Марусей, сказала Варвара Тимофеевна умоляющимъ голосомъ, вѣдь это было бы для насъ такое необыкновенное счастіе; гдѣ мнѣ одной доѣхать до него».

Гончаръ, добродушный и жалостливый, тотчасъ согласился взять ихъ съ собой.

Помню, что Герценъ гладилъ Марусю по головѣ и говориль ей ласковыя рѣчи, а въ голосѣ его слышны были слезы. Ему жаль было этого бѣднаго, слабаго ребенка, котораго судьба уносila далеко отъ насъ, не зная зачѣмъ. Обыкновенно Герценъ помогалъ всѣмъ и даль Варварѣ Тимофеевнѣ нужные деньги на дорогу, и она уѣхала съ Марусей подъ покровительствомъ Гончара. Она трогательно прощалась съ нами и такъ просто, сердечно благодарила за все.

Жалѣю, что утратила письма Варвары Тимофеевны и ел мужа

изъ Тульчи. Бѣдные! много они тамъ настрадались и наглядѣлись на многое. Помню, что Варвара Тимофеевна говорила въ одномъ письмѣ: «вы не имѣете понятія объ узкости здѣшней жизни; люди (а не дѣти) ссорятся за стеклянку, говорять съ искаженными лицами о томъ, чья собственность какая-нибудь стеклянка!» Позже Василій Ивановичъ писалъ о своемъ полномъ разочарованіи. Между прочимъ говорилъ: «насъ человѣкъ пять эмигрантовъ, между которыми былъ и одинъ офицеръ. Дѣла нѣть, существовать трудно; иногда я хожу на поденщину на желѣзную дорогу, работа трудная. Но что тутъ за интеллигенція? Вечеромъ собирались у одного изъ товарищѣй и долго толковали о безвыходномъ нашемъ положеніи, объ удручающей тоскѣ. Въ концѣ вечера офицеръ сталъ просить вѣревку у одного изъ насъ, ему отвѣчали грубой шуткой: «не повѣситься ли вздумалъ?» Не помню, дали ли ему или нѣть, но онъ ушелъ, а мы и не замѣтили этого. Поздно, когда пошли домой, одинъ изъ насъ хотѣлъ взять палку отъ собакъ и для того зашелъ подъ сарай и вдругъ закричалъ: «идите сюда скорѣй!» Всѣ бросились къ нему. Офицеръ висѣлъ на перекладинѣ и покачивался. Мы разрѣзали узелъ и сняли его, но онъ былъ уже безжизненный трупъ! и подумавъ, кто-то изъ насъ сказалъ: «а вѣдь умно сдѣлалъ, право!»

Позже Василій Ивановичъ писалъ мнѣ, описывая послѣдніе дни жены, которая во время холеры находилась въ больницѣ съ дѣтьми; она умирала чахоткой. «Въ больницѣ скжалились надъ нами, писалъ Кельсьевъ, и дали намъ ширмы, которыми мы отгородились отъ остальныхъ больныхъ. Жена мнѣ напомнила наше обѹдное обѣщаніе не скрывать другъ отъ друга приближеніе смерти. «Скажи, говорила умирающая, правду, что со мной, это смерть?» — «Смерть, мой другъ, смерть», отвѣчалъ я. И дѣйствительно, ея скоро не стало!» За ней послѣдовалъ мальчикъ, родившійся въ Тульчи. Василій Ивановичъ рыль могилы и хоронилъ своихъ; никто ему не помогалъ въ его хлопотахъ объ усопшихъ. Дней черезъ пять послѣ смерти матери и Марусю холера унесла. «Еслибъ она осталась жива, я добылъ бы шарманку, посадилъ бы себѣ на спину Марусю и дошелъ бы пѣшкомъ до васъ, тамъ бы и оставилъ ее», говорилъ Василій Ивановичъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ изъ Тульчи.

Впослѣдствіи, когда онъ писалъ свои замѣчательныя статьи объ евреяхъ (я забыла подъ какимъ псевдонимомъ), Герцелъ узналъ его по слогу. Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Тедингтонъ, совершилось событие, о которомъ говорили во всѣхъ газетахъ. Приглашенный Мадзиньевской партіей Гарибальди собирался посѣтить Англію; но прежде чѣмъ окончательно рѣшиться, онъ письменно спросилъ англійскаго министра: пріятно ли это будетъ англійскому правительству? Послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Послѣ этого въ непродолжительное время (кажется, въ лѣто 1863 года), Гарибальди исполнилъ желаніе своихъ друзей. Прежде чѣмъ разсказать, что мнѣ известно о пребываніи Гарибальди въ Лондонѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ Мадзини съ Гарибальди, съ этимъ героемъ, которому удивлялись двѣ части свѣта: Европа и Америка.

Въ нашъ вѣкъ не было личности болѣе любимой и оцѣненной всеми народами, чѣмъ личность этого простаго рыбака, родившагося въ Ниццѣ. Мадзини былъ старѣе его; развитой, образованный, начитанный, высокаго ума, большихъ познаній человѣкъ, Мадзини съ 48 года еще молодой, но уже фанатикъ, былъ во главѣ республиканскаго движенія. Гарибальди, Саффи и другіе, всѣ были добровольно подчинены ему; вотъ что и пріучило Мадзини никогда не слышать возраженій. Однако позже вліяніе это много потеряло своей силы послѣ многочисленныхъ неудачъ, когда Мадзини былъ вынужденъ самъ искать себѣ пріютъ въ гостепріимной Англіи. Впрочемъ, онъ и тамъ не оставался въ бездѣствіи. Онъ безпрерывно посыпалъ людей почти на вѣрную гибель и самъ подвергался часто страшной опасности. Онъ возвращался въ свое отечество переодѣтый то католическимъ священникомъ, то монахомъ, то итальянскимъ воиномъ. Зъ карманъ онъ имѣлъ постоянно нѣсколько паспортовъ, чтобы споконовать тревожную полицію. По этому поводу, Мадзини разъ передавалъ мнѣ о своихъ странствіяхъ изъ Англіи въ Италію. Мадзини было легче, чѣмъ кому-либо другому, укрываться, потому что онъ былъ одинаково популяренъ въ замкахъ итальянской знати и въ самыхъ бѣдныхъ лачугахъ. Однажды онъ находился у весьма Ѳданого крестьянина. Послѣдній сказалъ Мадзини, что вся полиція а ногахъ и разыскиваетъ его. Боясь павлечь отвѣтственность па

этого преданного крестьянина, Мадзини живо собрался и вышел въ поле. Вскорѣ онъ замѣтилъ полицейскаго, который осматривалъ его продолжительно, и наконецъ, подошелъ къ нему:

— Давайте паспортъ, сказалъ онъ грубо.

— Паспортъ? повторилъ Мадзини, прикидываясь удивленнымъ, да вѣдь я просто гуляю, иду недалеко.

— Все равно, давайте паспортъ, повторилъ полицейской.

Мадзини вынулъ свой бумажникъ и, порывшись въ немъ, подалъ ему паспортъ.

— Хорошо, сказалъ полицейскій, дайте еще другой.

— Какъ другой, возразилъ Мадзини съ удивленіемъ, развѣ имѣютъ по два паспорта?

— У васъ только одинъ! воскликнулъ радостно бдительный порядка.

— Разумѣется, отвѣчалъ Мадзини.

— Ну, такъ идите съ Богомъ, я думалъ, что вы Мадзини, намъ сообщено, что у Мадзини всегда три паспорта. И полицейскій спокойно удалился.

Въ другой разъ Мадзини находился въ замкѣ преданныхъ ему людей. Вдругъ хозяйка дома говорить ему, разстроенная, что она только-что узнала, что его ищутъ; подозрѣваютъ, что онъ въ замкѣ, и хотятъ окружить замокъ со всѣхъ сторонъ. Что дѣлать? Они взглянули въ окно и увидѣли, что дѣйствительно множество солдатъ и полицейскихъ расположилось кругомъ замка.

„У меня явилась внезапно блестящая мысль!“ вскричала хозяйка дома и, обратившись къ слугѣ, она приказала сказать кучеру, чтобы онъ немедленно заложилъ лошадей въ дорожную карету. Мадзини понялъ, въ чёмъ состояла блестящая мысль хозяйки. Онъ прильпилъ черную бороду съ усами и бакенбардами. Когда карета была подана, Мадзини подалъ руку высокопоставленной соотечественницѣ и храбро прошелъ къ каретѣ мимо всѣхъ полицейскихъ, которые приняли его за мужа уважаемой владѣлицы замка и почтительно поклонились.

Возвращаясь къ Гарибальди, я должна сказать, что всего больше удивлялись той простотѣ, съ которой онъ совершалъ геройскіе подвиги, и совершенному его безкорыстію.

Выгнавъ послѣдняго Бурбона съ неаполитанскаго престола, онъ могъ бы сдѣлаться главой въ этомъ королевствѣ. Нѣтъ, онъ не береть ничего для себя, онъ желаетъ только единства Италии и подносить эту двойную корону Виктору Эммануилу, не прося, не желая никакого вознагражденія. Когда онъ былъ не нуженъ отечству, онъ умѣлъ, положивъ оружіе, стушеваться въ частной жизни, но и тамъ онъ остается необыкновеннымъ человѣкомъ.

Кто не слыхалъ сотни рассказовъ, касающихся его отваги и безпредѣльного самоотверженія. Но тѣмъ не менѣе между нимъ и Мадзини произошло какое-то охлажденіе, и ихъ примиренію, этому важному событию въ революціонномъ мірѣ, было суждено совершиться въ нашемъ домѣ. Но надо разсказать по порядку.

Мадзини желалъ пріѣзда Гарибальди, потому что полагалъ, что при популярности послѣдняго ему не трудно будетъ набрать денегъ у англичанъ для совершенія дальнѣйшихъ революціонныхъ плановъ Мадзини. Гарибальди согласился на доводы и просьбы мадзинистовъ.

Когда мы прочли въ газетахъ день пріѣзда Гарибальди, Герценъ предложилъ мнѣ юхать съ нимъ въ Лондонъ, чтобы видѣть вѣзду Гарибальди. Огаревъ не поѣхалъ съ нами, потому что толпа дѣйствовала на него удручающимъ образомъ. Дѣйствительно, безъ преувеличенія, это былъ царскій вѣзду! Великъ англійскій народъ, когда отдается своимъ симпатіямъ! Онъ, который обыкновенно кажется такой сдержаннаго, холоднаго, въ дни этихъ проявленій, я чувствую, что нельзя не любить этотъ народъ болѣе всякаго другаго.

По улицамъ, ведущимъ къ дебаркадеру (расстояніе въ нѣсколькоихъ верстахъ), въ который долженъ быть прибыть Гарибальди, все было покрыто народомъ. Экипажи съ трудомъ проѣзжали и то шагомъ. Балконы и окна были уbraneы коврами и цветами; у колоннъ на выступахъ домовъ вездѣ, гдѣ было возможно, пріютились люди въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: иные держались одной рукой и висѣли надъ толпой, они чуть не падали. На всѣхъ лицахъ видно было выраженіе какого-то напряженія, нетерпѣливаго ожиданія. Вездѣ, гдѣ можно было, были устроены, подмостки и я стояла тоже на какихъ-то подмосткахъ и стояла уже четыре

чата, а Гарибальди все не было. Боясь оставить дѣтей на такой неопределенный срокъ, я вернулась въ Тедингтонъ, а Герценъ дождался появленія Гарибальди.

XIV.

Пріѣздъ Гарибальди въ Лондонъ.—Праздникъ въ Тедингтоиѣ.—Печальный по-слѣдствія.—Вѣсть о кончинѣ моего дяди Павла Алексѣевича Тучкова, москов-скаго генералъ-губернатора.—Тяжелое раздумье.—Борнаусъ.—Возвращеніе въ Лондонъ.

Возвратясь домой послѣ восторженной встречи Гарибальди, Герценъ былъ очень взволнованъ. Хотя онъ видѣлъ не разъ многочисленное стеченіе народа, но никогда онъ не замѣчалъ такого единства и одушевленія въ выраженіи всѣхъ присутствующихъ. Вотъ что я помню изъ его разсказа.

Онъ долго еще дожидался. Наконецъ сдѣлалось движение въ толпѣ, и вдругъ пробѣжалъ по ней гулъ на далекое разстояніе: „ѣдетъ!“ — Это что-то особенное; я нахожу, что этотъ звукъ, вырывавшійся сразу у многочисленной толпы, подобенъ реву волнъ, когда море сильно взволновано, или шуму водопада въ ~~близкому~~ разстояніи. Это что-то электрическое и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное, захватывающее духъ отъ какого-то сообщающагося волненія. Потомъ наступила полнѣйшая тишина.

Всѣ глаза устремились въ ту сторону, откуда раздавался далекій звукъ приближающихся экипажей. Наконецъ вдали показались коляски и кареты. Въ первой коляскѣ сидѣлъ Гарибальди съ кѣмъ-то изъ сопровождающихъ его. Онъ былъ одѣтъ, какъ всегда, въ традиціонномъ сѣромъ плащѣ, накинутомъ сверхъ красной блузы съ морскимъ воротникомъ и широкими рукавами. Блуза была заправлена въ панталоны, или лучше сказать въ широкія шаровары. На шеѣ былъ платокъ, завязанный простымъ узломъ (какъ завязываютъ всегда матросы) спереди; на головѣ круглая сѣрая шляпа. Замѣчательно, что во все время своего пребыванія въ Лондонѣ Гарибальди являлся въ этомъ костюмѣ на всѣ обѣды и вечера, даваемые въ его честь англійской чопорной аристократіей.

Но возвращаюсь ко моему рассказу. При появлении Гарибальди, въ толпѣ раздались со всѣхъ сторонъ дружные возгласы: « vive Garibaldi! well come in England! » Многіе бросились къ коляскѣ и цѣловали плащъ Гарибальди; другіе выпрягли лошадей изъ коляски. « Зачѣмъ это, зачѣмъ? », говорилъ Гарибальди, но его не слушали. Раздался визгъ раздавленной въ толпѣ собаки. « Бѣдная, сказала Гарибальди, я причина ея конца, какъ это досадно».

Вмѣсто лошадей люди съ восторгомъ повезли на себѣ своего почетного гостя къ той гостиницѣ, где онъ долженъ былъ остановиться. Многочисленная толпа провожала его и долго стояла подъ его окнами, радостно и громко привѣтствуя его. Гарибальди вышелъ на балконъ и сердечно благодарили. Въ этотъ день Герценъ едва успѣлъ пожать руку Гарибальди, потому что послѣдній, сильно потрясенный неожиданнымъ, горячимъ прѣемомъ англичанъ, нуждался въ совершенному покой. Герценъ не видалъ народнаго вождя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и нашелъ въ немъ большую перемѣну. Гарибальди постарѣлъ и слегка прихрамывалъ.

На другой день Герценъ и Огаревъ съ утра уѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ для свиданія съ Гарибальди. Просидѣли у него довольно долго, но говорить съ нимъ оть души, обо всемъ, что ихъ интересовало, было не мыслимо; разговоръ ихъ ежеминутно прерывался. Гарибальди докладывали, что такие-то желаютъ представиться ему; что онъ званъ къ такому-то на обѣдъ; на вечеръ туда-то; подавали ему письма, поздравительныя и пригласительныя телеграммы изъ множества городовъ Англіи. И всѣ эти вопросы онъ долженъ былъ обсуждать и на все диктовать отвѣты своему секретарю, назначать дни и пр. Въ его свитѣ нашлись распорядители, которые направляли его, куда они хотѣли (вѣроятно, Гарибальди по привычкѣ и по мягкости характера не могъ освободиться отъ ихъ вліянія). Эти приближенныя старались преимущественно, чтобы Гарибальди не отказывался отъ приглашеній аристократіи, которая, если вѣрить молвѣ, замѣта необыкновенное влечение народа къ итальянскому вождю, желала, такъ сказать, украсть Гарибальди у него, самымъ обаятельнымъ образомъ прикрывая это насилие симпатіей.

Въ отель, где стоялъ Гарибальди, съ утра гремѣла музыка; дирижировавшій оркестромъ считалъ за особенное счастіе и честь

играть для Гарибальди. Каждый день были назначены часы для приема желающих видеть народного героя. Музыка, не умолкающая ни на минуту, придавала еще более торжественности этим приемамъ. Въ дворахъ стоялъ швейцарь, громко провозглашавшій фамилии тѣхъ лицъ, которыхъ проходили въ дверь, чтобы представиться Гарибальди. Послѣдній привставалъ съ дивана, кланялся и ему кланялись; иные жали ему руку и обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ не успѣвалъ опуститься на диванъ, какъ слышался другой возгласъ, и другой посытитель занималъ мѣсто предъидущаго.

И такъ въ продолженіе почти всего дня; живяя китайская тѣни! Во время представленія, одинъ англичанинъ буквально вырвалъ у Гарибальди палку, на которую послѣдній привыкъ опираться, и замѣнилъ ее щегольской тростью въ золотой оправѣ. Напрасно Гарибальди отказывался отъ обмѣна, англичанинъ настаивалъ. Вообще англичане бываютъ очень настойчивы, когда решаются завладѣть какой-нибудь рѣдкостью. Гарибальди было очень непріятно, и онъ нехотя подчинился насилию, жалѣя о своемъ привычномъ костыль.

Друзья Гарибальди расположились въ другой комнатѣ и тихо бесѣдовали о томъ, где же и когда состоится явное, официальное свиданіе Гарибальди съ Мадзини.

— Вѣдь это чадъ, угаръ! воскликнулъ вполголоса одинъ изъ нихъ.— Бѣдный Гарибальди, да онъ мученикъ здѣсь; что общаго между нимъ и англійской аристократіей, подхватилъ другой.

Сидя въ этомъ обществѣ, Герцену пришла мысль звать къ себѣ Гарибальди. У насъ бы онъ навѣрное встрѣтился съ Мадзини, и было бы наконецъ между ними это явное сближеніе, которое должно было имѣть такое серьезное влияніе на сторонниковъ этихъ народныхъ вождей. Кромѣ того Герценъ думалъ, что хорошо, что народный герой, заслужившій такую всеобщую симпатію, поѣтить домъ русского изгнаника.

Едва приемъ оканчивался, какъ окружающіе Гарибальди напоминали ему, что онъ уже принялъ приглашеніе на обѣдь къ такому-то лорду. Гарибальди не возражалъ, но со вздохомъ объявлялъ,

ЧТО ОНЪ ГОТОВЪ ИСПОЛНИТЬ СВОЕ ОБѢЩАНІЕ, ХОТЯ И ЧУВСТВОВАЛЪ БОЛЬШУЮ УСТАЛОСТЬ.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть не на Гарибальди (его я надѣялась видѣть у насть), а на народные восторги. Они дѣйствительно не охладѣли во все время пребыванія Гарибальди въ Лондонѣ. Съ этой цѣлью я побѣхала въ Лондонъ съ Герценомъ. Когда Гарибальди юздила по городу, навѣщаю своихъ друзей или знакомыхъ, толпа, узнавъ его, бѣжала за нимъ до цѣли его поѣздки и оставалась тамъ до его выхода. Мы вошли въ толпу, бѣжавшую за Гарибальди, и очутились противъ квартиры одной знакомой намъ англичанки, страстной мадамистки, м-гс Носс. Слыша несмолкаемая привѣтствія народа, м-гс Носс взглянула въ окно и увидала насть. Она подозвала полицейскаго и, указавъ ему на Герцена въ круглой шляпѣ, просила провести насть къ ней въ домъ. Полицейскій отвѣчалъ почтительно, что готовъ исполнить желаніе лэди, и вышелъ послѣдно. Къ несчастію, впереди стоялъ какой-то господинъ, тоже въ круглой шляпѣ, и вель подъ руку замѣчательно толстую даму. Полицейскій, принявъ ихъ за насть, обратился къ нимъ, прося ихъ войти въ домъ по приглашенію М-гс Носс. Они послѣдовали за полицейскимъ; увида Гарибальди, наговорили ему тысячу любезностей, благодарили лэди, которая доставила имъ такое счастіе и пр., и удалились въ совершенному восторгѣ. М-гс Носс это происшествіе очень насыщило, она не рѣшилась послать вторично полицейскаго за нами.

Наконецъ въ одну изъ своихъ ежедневныхъ поѣздокъ въ Лондонъ, Герценъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе пригласить Гарибальди отобѣдать въ Тедингтонѣ. Но въ окружающихъ Гарибальди онъ встрѣтилъ большое сопротивленіе своему плану; республиканская известность Герцена очень мѣшала въ глазахъ этихъ тайныхъ реакціонеровъ. Они стали доказывать генералу (какъ они называли Гарибальди), что онъ не можетъ успѣть быть въ Тедингтонѣ. Генераль прїѣхалъ всего на пять дней, и всѣмъ днямъ росписаніе было уже сдѣлано; но на этотъ разъ Гарибальди удивилъ всѣхъ своей настойчивостью. «Герценъ давнишній другъ, сказалъ онъ, какъ бы то ни было, я буду у него».

— Но карета не можетъ поспѣть... началъ было одинъ изъ его клерковъ.

— Не беспокойтесь о каретѣ, возразилъ Герценъ, я пріѣду въ каретѣ за Гарибальди, и мы вмѣстѣ отправимся въ ней въ Тедингтонъ.

Такъ это и устроилось вопреки волѣ распорядителей.

Собираясь въ Тедингтонъ, Гарибальди поручилъ кому-то изъ болѣе важныхъ приближенныхъ, не помню кому именно, кажется, своему доктору, узнать у англійскаго министра, не будетъ ли непріятно англійскому правительству, если онъ приметъ приглашенія, присланныя ему рабочимъ классомъ изъ разныхъ промышленныхъ городовъ Англіи.

Теперь мнѣ остается разсказать о нашемъ празднике.

Получивъ обѣщаніе Гарибальди быть непремѣнно въ Тедингтонѣ въ условленный день, Герценъ отправился къ трактирщику Кюну и заказалъ ему обѣдъ къ назначенному дню. Этотъ заказъ потребовалъ много времени, потому что Герценъ желалъ выбрать самъ нѣсколько итальянскихъ блюдъ; а Кюнъ, необыкновенно польщенный, что выборъ Герцена падъ именно на него, предлагалъ и то, и другое, бытъ многорѣчивъ и вмѣстѣ такъ веселъ и забавенъ, что Герценъ съ трудомъ удержался отъ смѣха и вырвался наконецъ отъ Кюна, говоря, что вполнѣ довѣряетъ ему во всемъ. Потомъ Герценъ заѣхалъ къ Тхоржевскому, далъ ему нѣсколько поручений для нашего обѣда и рассказалъ ему о назначенному днѣ для праздника въ Тедингтонѣ. Очень радуясь успѣху Герцена, Тхоржевскій сказалъ, что пріѣдетъ въ этотъ день съ утра, чтобы помочь въ чемъ-нибудь по дому. Оттуда Герценъ заѣхалъ къ Мадзини, рассказалъ ему подробно о борьбѣ съ окружающими Гарибальди и о своей побѣдѣ надъ ними. Мадзини былъ очень доволенъ, что все такъ уладилось. Герценъ далъ ему полное право приглашать изъ итальянской эмиграціи всѣхъ, кого желаетъ самъ видѣть въ Тедингтонѣ. Мадзини былъ въ очень хорошемъ расположениіи духа. Онъ радовался, что увидить Гарибальди запросто и безъ всякихъ официальныхъ помѣхъ. Герценъ сказалъ ему, что звалъ Сафи съ женой, встрѣтятся ихъ у Гарибальди, и разстался съ нимъ спѣша домой.

Чернецкій, какъ ближайший нашъ сосѣдъ, пришелъ вечеромъ по

дѣламъ типографіи и, услыша вѣсть о нашемъ обѣдѣ, обѣщалъ прійти пораньше съ Маріанной, которая могла много мнѣ помочь въ распоряженіяхъ по хозяйству.

Помню, что въ день праздника, взглянувъ въ окно рано по утру, я увидѣла огромную фуру,ѣхавшую съ желѣзной дороги прямо къ намъ. Фура была послана Кюномъ, который отправилъ къ намъ все, что нужно для приготовленія обѣда у насъ. Всевозможные провизіи, закуску, десерты, вина, купленныя самимъ Александромъ Ивановичемъ, и между которыми помню бѣлую марсалу, долженствовавшую напомнить дорогому гостю о родинѣ его Ниццѣ, откуда и она была. Разумѣется, были присланы и повара, и прислуга.

Приглашенные были большею частью итальянцы, англичанки-мадзинистки и нѣсколько поляковъ. Русскихъ, кажется, не было, потому что въ то время не было прѣважихъ изъ Россіи въ Лондонъ. Какой-то итальянскій патріотъ, кондитеръ или поваръ, уже очень старый, просилъ, какъ милость у Герценя позволенія приготовить десертъ. Онъ сдѣлалъ мороженое: на красной скалѣ былъ представленъ шоколадный конь и на немъ всадникъ, у которого вместо знамени было въ рукѣ (люнской работы) изображеніе Гарибальди, тисненное сѣрымъ и краснымъ шелкомъ. Вечеромъ, когда мы уставые расходились по своимъ комнатамъ, Герценъ снялъ съ мороженаго изображеніе Гарибальди и сказалъ мнѣ: «спрячь его въ воспоминаніе нашего праздника; мнѣ грустно только, что старшихъ дѣтей не было тутъ въ этотъ день!»

Этотъ снимокъ, несмотря на мои перебѣзы и скитанія, сохранился у меня до сихъ поръ.

День праздника былъ для меня совершенно испорченъ одной непріятной случайностью. Вставъ рано въ этотъ день и напившись наскоро кофе, я присутствовала при завтракѣ дѣтей, а потомъ сошла внизъ и стала приводить все въ порядокъ: разставляла мебель съ горничной, какъ мнѣ казалось удобнѣе, убирала забытыя дѣтскія игрушки и пр. Огаревъ имѣлъ привычку вставать гораздо позже всѣхъ въ домѣ и пить кофе одинъ; но обыкновенно, услыша, какъ онъ звонитъ въ столовой, чтобы Жюль подалъ ему горячій кофе, Герценъ сходилъ къ нему съ «Теймсомъ» въ рукѣ и передавалъ ему

новости, толковалъ съ нимъ о типографіи и оставался почти во все время съ нимъ. Въ этотъ день Герценъ ночевалъ въ Лондонѣ и долженъ былъ прѣхать только въ шестомъ часу съ Гарибальди. Поэтому Огаревъ пилъ кофе одинъ; моя старшая дочь, тогда пятилетній ребенокъ, побѣжала за нимъ въ столовую. При ней случилось то, чего я всегда боялась: Огаревъ вдругъ упалъ въ припадкѣ эпилепсіи. Онъ былъ въ продолженіе всей жизни подверженъ этимъ припадкамъ. Малютка этого никогда не видала, вѣроятно испугалась и со слезами побѣжала искать меня. Ей встрѣтился Жюль; удивленный ея слезами, онъ сталъ ее разспрашивать, но она отвѣчала только, что ей нужно меня, а чтобы онъ шелъ скорѣе въ столовую къ Огареву. Оказавши послѣднему нужную помощь, Жюль позвалъ меня; тогда моя дочь уже не плакала: «бѣдный цапа, сказала она мнѣ на ухо, онъ упалъ». Испуганная ея смущеннымъ видомъ, я взяла ее за руку и ушла съ ней въ поле, чтобы развлечь и успокоить ее. Мысль о празднике совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Когда мнѣ показалось, что она спокойна, мы вернулись домой. Гости уже начинали сѣѣзжаться; Маріанна хлопотала съ Жюлемъ въ столовой, разставляя вазы съ фруктами, цвѣты; дѣти играли въ саду.

Въ шестомъ часу парная карета подѣхала къ садовой калиткѣ. Толпа народа, вѣроятно изъ Тедингтона и окрестныхъ мѣстъ, узнавъ, что ждутъ къ намъ Гарибальди, спѣшила за своимъ любимцемъ и со всѣхъ сторонъ окружила экипажъ. Нѣкоторые лица движениемъ толпы были вытѣснены съ улицы въ садовую калитку. Герценъ вышелъ первый, ему жали руки; одна дама даже поцѣловала его въ плечо. Когда Гарибальди, опираясь на новую трость, ступалъ на мостовую, раздался радостный возгласъ: «Vive Garibaldi, well come!» Гарибальди снялъ шляпу и кланялся во всѣ стороны; выраженіе его кроткаго лица было исполнено любви и радости; онъ былъ изъ народа и искренно радовался народнымъ восторгамъ.

Когда Гарибальди въ сопровожденіи Герцена вошелъ въ домъ, Мадзини вышелъ ему на встрѣчу, и они дружески пожали другъ другу руку. Начались представленія нѣкоторыхъ лицъ неизвѣстныхъ еще Гарибальди; потомъ обмѣнѣлись привѣтствій со всѣми. Вошли въ гостиную, но не успѣли въ ней хорошенъко разговориться, какъ

вошел Жюль и доложил, что кушанье подано. Герценъ такъ распорядился потому, что зналъ, что Гарибальди не могъ долго оставаться у насъ. За обѣдомъ Гарибальди казался очень доволенъ, даже весель. «Какъ мнѣ хорошо у васъ, Герценъ, говорилъ онъ, тутъ нѣть ни этикета, ни стѣсненія; кругомъ друзья, итальянцы. Даже въ выборѣ блюда и вина я знаю вниманіе друга Герцена; онъ хотѣлъ напомнить мнѣ мою родину». Когда подали марсалу, Гарибальди всталъ съ бокаломъ въ рукѣ. Лицо его просияло тѣмъ ему присущимъ выражениемъ любви и кротости. «Была печальная эпоха, сказалъ онъ, когда Италия, скованная, дремала, чувствуя свое безсиліе, одинъ человѣкъ не спалъ; этотъ человѣкъ—Мадзини, мой учитель; онъ разбудилъ насъ, я пью за его здоровье!»

Тогда все зашумѣло, загремѣло, всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались, говорили съ оживленіемъ, у многихъ были слезы на глазахъ. То, чего такъ пламенно желала партія Мадзини, совершилось публично. Потомъ было сказано не мало рѣчей, и Россію не забыли. Ей предсказывали блестящую будущность, провозглашали тосты за осуществленіе всѣхъ этихъ пожеланій. Потомъ перешли опять въ гостиную. Тамъ стояло уже мороженое, о которомъ я говорила. Старикъ-итальянецъ, подавшій его, схватилъ руку Гарибальди и прильнулъ къ ней губами. Онъ крѣпко жалъ ее обѣими руками и говорилъ сквозь слезы, что онъ сражался въ Неапольѣ съ Гарибальди. Послѣдній обнялъ старика и улыбнулся ему своей особенной улыбкой. Старикъ удалился, сказавъ, что теперь можетъ спокойно умереть; желаніе его увидать еще разъ Гарибальди исполнилось наконецъ.

Вдругъ меня вызываютъ въ переднюю. Тамъ стоялъ хозяинъ нашего дома. «Пожалуйста представьте меня генералу», говорить онъ мнѣ. Но я не рѣшаюсь, жалѣю беспокойть дорогаго гостя и боюсь неудовольствія Герцена. Къ счастію, послѣдній выходитъ въ эту минуту, я передаю ему просьбу доктора Clariton'a. Герценъ тоже отказывается исполнить докучную просьбу англичанина. Тогда послѣдній отважно входитъ самъ въ салонъ и представляется Гарибальди и, мало того, просить Гарибальди послѣдовать за нимъ въ садъ, чтобы посадить тамъ одно деревцо. Герценъ не хотѣлъ этого допустить, говорилъ, что у Гарибальди болитъ нога; но по-

следний уже всталъ и сказалъ съ добродушной улыбкой доктору Clariton'у, что онъ готовъ исполнить его желаніе. Я проводила Гарибальди въ садъ, тамъ уже былъ Clariton, опередившій насъ, и деревцо было уже тамъ и ямка была готова. Съ тѣхъ поръ домъ нашъ сталъ называться «Garibaldi's house». Посадивши деревцо, Гарибальди вернулся въ гостиную и усѣлся на диванъ попокойнѣе; а дамы окружили его, многія изъ нихъ стали на колѣни около него, а я стояла облокотившись на спинку кресла. Хотя я раздѣляла ихъ восхищеніе и симпатію къ Гарибальди, но мнѣ не нравилось это колѣнопреклоненное положеніе. Это видимо стѣсняло нашего гостя; онъ просилъ дамъ сѣсть, но онъ восторженно отвѣчали, что имъ хорошо и что онъ никому не уступать своихъ мѣстъ.

Мнѣ очень памятенъ разговоръ, который завязался тогда. Обращаясь къ Герцену, Гарибальди сказалъ: «Мнѣ такъ хорошо здѣсь такъ отрадно, сегодня особенно, я такъ счастливъ съ прѣзда въ Англію, вообще мнѣ такъ хорошо, что я боюсь, мнѣ страшно, потому что такое настроеніе духа уже два раза въ моей жизни смынялось на очень мрачное; такъ было передъ кончиной моей жены Аниты, потомъ передъ кончиной матери, вы помните, Герценъ?» «Подумайте, прѣѣжаю въ Англію, и вдругъ этотъ неслыханный прѣемъ и кто же! англійскій народъ, котораго считаютъ за холоднаго; и онъ такъ принималъ меня, простаго рыбака, моряка. Я понимаю, что это незаслуженно; но послѣ этого всего надо ожидать что-нибудь тажелое, а то человѣкъ забылся бы, сошелъ съ ума»...

Это предчувствіе не обмануло стараго вождя. Едва онъ успѣлъ возвратиться въ Лондонъ, какъ услышалъ отвѣтъ англійскаго министра. Гарибальди позволяли принять четыре или пять приглашеній не болѣе, находили, что здоровье генерала не позволяетъ ему такъ много разѣѣжать и пр.

— Но я чувствую себя очень хорошо, какъ никогда, отвѣчалъ удивленный Гарибальди.

— Нѣть, генераль, вы заблуждаетесь, возразилъ знаменитый врачъ, присланный отъ министра, вамъ хуже, прибавилъ онъ тихо, почтительно наклоняясь.

Гарибальди задумался; помолчавъ, онъ сказалъ: «если я не

могу принять всѣхъ приглашеній, я не приму никакихъ и готовъ уѣхать завтра же обратно.

— Нѣть, нѣть, этого не желаютъ, надо пробыть еще нѣсколько дней, уѣхать такъ поспѣшио неловко, сказалъ медикъ.

И Гарибальди подчинился этому требованію и согласился оставаться. Опять съ утра музыка играетъ, неутомимые лорды и леди представляются; Гарибальди по-прежнему поднимается и кланяется; но его свѣтлое настроеніе уже отлетѣло навсегда; онъ остался на нѣсколько дней, но ужь это не Гарибальди, а автоматъ.

Газеты наполнены извѣстіями о плохомъ состояніи здоровья героя и о его скромѣ отѣздѣ на Капреру. Англійскій народъ ловко обмануть. Бѣднякъ, узналъ ли онъ хоть когда-нибудь, какъ его любимецъ дорогой гость Англіи дорожилъ именно его любовью, его призываю и какъ герою не позволили отиться этому чувству счастія. Мрачный, задумчивый Гарибальди оставилъ Англію, закутанный въ непроницаемые туманы, и возвратился на свой малень-кій островъ, облитый теплыми лучами южного солнца. Прощаясь съ Герценомъ на дебаркадерѣ, Гарибальди сказалъ ему: «Пріѣзжайте ко мнѣ въ гости съ семьей, это будетъ отлично». Посѣщеніе Гарибальди не принесло всѣхъ плодовъ, ожидаемыхъ мадзинистами. Правда, англійская аристократія хотѣла собрать большой капиталъ и купить землю въ Капрерѣ, чтобы весь островъ принадлежалъ Гарибальди и впослѣдствіи его сыновьямъ. Но старый вождь, благодаря за предложеніе, отказался отъ такого царскаго подарка. «Не въ богатствѣ будетъ ихъ счастіе, сказалъ онъ; я приму ваше пожертвованіе, если вы дадите сумму на нужды нашей матери Италии». Но аристократія, боясь революціоннаго духа, отказалася на-отрѣзъ исполнить желаніе читамаго гостя.

Вскорѣ послѣ отѣзда Гарибальди изъ Англіи, Герценъ, про-бѣгая по обыкновенію газеты по утру, сказалъ мнѣ: «Вотъ новость! твой дядя скончался послѣ трехдневной болѣзни: разрывъ сердца».

Эта вѣсть меня очень поразила, и слышать это, какъ газетную новость! Я не только жалѣла дядю, котораго любила и уважала, и знала, что дѣятельность его не безплодна, но я особенно жалѣла о моемъ отцѣ, который горячо любилъ брата и терялъ въ немъ друга. Я не могла думать безъ ужаса о его горѣ, и вѣсть съ тѣмъ можетъ

сувѣрная мысль овладѣла мной. Воть смерть постучалась къ намъ; теперь надо ждать еще и еще удары, такъ было въ нашей семье, такъ бываетъ обыкновенно...

Въ подтверждение горестной вѣсти, получены были наконецъ письма отъ моего отца и отъ тети Марии Алексѣевны. Она рассказывала о быстромъ ходѣ болѣзни, о томъ, что послѣ кончины дяди нечѣмъ было похоронить его. Такъ какъ жалованье было взято впередъ, то вдова его, Елизавета Ивановна Тучкова, возвратила деньги въ казну. Тогда Москва показала, какъ она умѣла цѣнить службу и попеченія своего безкорыстнаго генераль-губернатора (вѣроятно, Москва не часто была избалована такими преданными личностями, какъ дядя). Городъ собралъ большую сумму (не помню цифры), изъ которой сдѣлали похороны, поставили памятникъ, а изъ остатковъ соорудили памятникъ нетлѣнній: четыре стипендіи въ Московскомъ университѣтѣ, именуемыя тучковскими стипендиатами.

Мы были еще въ Тедингтонѣ, когда въ августѣ или въ сентябрѣ наскъ навѣстилъ Alfred Talandier, пріятель Герцена и горячій его поклонникъ. Talandier жилъ въ Лондонѣ уроками музыки, французского языка, литературы и исторіи. Но онъ скучалъ среди праздныхъ французскихъ эмигрантовъ и сталъ искать каѳедры, тѣмъ болѣе, что онъ женился, имѣлъ уже маленькую дочку, а уроковъ было недостаточно для семейной обстановки. Послѣ многихъ хлопотъ и, кажется, при содѣйствіи Герцена, онъ получилъ наконецъ място преподавателя французского языка и литературы въ военномъ учебномъ заведеніи въ Сентгерсѣ. Иногда Talandier бралъ отпускъ и посвящалъ все свободное время Герцену, котораго любилъ болѣе всѣхъ въ Лондонѣ. Помню, что въ этотъ пріѣздъ мы гуляли съ нимъ въ полѣ. Дѣти мои рвали весело ежевику, покрывавшую сплошными ягодами живую городьбу, а мы, ходя по дорогѣ, бесѣдовали о всемъ, что было въ его отсутствіе. Я рассказала ему о своей утратѣ, говорила ему, что не могу преодолѣть въ себѣ какого-то чувства опасенія за близкихъ, и спросила, что онъ думаетъ объ этомъ. Вместо того, чтобы меня успокоить, Talandier согласился со мной. По его замѣчаніямъ, несчастье рѣдко бываетъ безъ повтореній. Мы повернули и тихо пошли къ дому; дѣти ве-

село бѣжали за нами. Впослѣдствіи я не разъ вспоминала эту прогулку, этотъ разговоръ.

Послѣ годового пребыванія въ Тедингтонѣ, мы провели лѣто у моря въ Борнмаусѣ. Туда прѣѣхала Мальвида фонъ Мейзенбугъ съ дочерьми Герценя. Тутъ въ послѣдній разъ въ Англіи, мы собрались все; но обѣ этомъ пребываніи ничего не могу передать, потому что не было ничего общепрѣимущественнаго. Вкусивши жизни въ Италии, ни Мальвида, ни дѣти не хотѣли слышать о какой-нибудь перемѣнѣ. Иногда Герценъ юздила къ нимъ въ Италію на мѣсяцъ или на два; его мечта была, чтобы сынъ его женился на образованной дѣвушкѣ и чтобы сестры могли жить съ братомъ, но этой мечтѣ не суждено было осуществиться.

По возвращеніи въ Лондонъ, Герценъ сталъ подумывать о перенесеніи типографіи въ Женеву, т. е. о перѣѣздѣ на континентъ. Съ польскаго восстанія, «Колоколъ» не расходился по-прежнему; изъ Россіи присыпалось меныше рукописей, чѣмъ бывало. Это видимо огорчало Герцена. «Мы стары, говорилъ онъ, нигилисты считаютъ насъ за реакціонеровъ, пора честь знать, пора заняться какой-нибудь большой работой». Но Огаревъ не унывалъ. Онъ думалъ, что въ Швейцаріи будетъ болѣе прѣїзжихъ русскихъ, и дѣло типографіи опять закипитъ.

Пока Герценъ и Огаревъ приводили въ порядокъ всѣ дѣла, готовясь къ отѣзду, я побѣхала въ Парижъ съ дѣтьми, думая, что легче туда прѣѣхать изъ Россіи моимъ роднымъ для свиданія со мной. Я не боялась парижскаго климата для дѣтей, полагая, что Парижъ и Лондонъ почти одинаковы въ санитарномъ отношеніи.

Тутъ разразился надъ моей головой такой ударъ, отъ кото-раго я долго не могла опомниться и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ все перѣѣзжала съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не могла успокоиться.



ЗАДИСКИ ВАСИЛИЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XIX ^{1).}

Выдѣлъ сестеръ князя Александра Ивановича.—Ольга Ивановна Давыдова.—Княгиня Леонида Ивановна Витгенштейнъ.—Религиозность этихъ дамъ.—Сестра князя—англичанка Елизавета.—Неудачный процессъ князя по поводу ея съ англичанами.—Оппозиція нашимъ дѣйствіямъ по раздѣлу со стороны княгини Маріи Федоровны.—Комитетъ, который долженъ былъ разсмотрѣть эти дѣйствія.—Благотворительное, въ пользу нашу, заключеніе этого комитета.—Планы князя возвратить въ составъ родового имѣнія части, выдѣленныя матери и теткѣ, графинѣ Толстой.—Неудача этихъ плановъ.

Такимъ образомъ главные шаги по исполненію общаго фамильного плана князя Александра Ивановича были сдѣланы. Оставалось привести въ порядокъ наследственные отношенія къ его сестрамъ: Ольгѣ Ивановнѣ Давыдовой и княгинѣ Леонилѣ Ивановнѣ Витгенштейнъ.

Выше сказано, что Ольгѣ Ивановнѣ, прежде нежели князь Александръ достигъ совершеннолѣтія и создалъ этотъ планъ, отдана уже была въ натурѣ часть Курскаго имѣнія. Какъ только князь Александръ взялъ бразды правлѣнія, онъ тотчасъ воротилъ эту часть опять въ составъ общаго имѣнія, а взамѣнъ ея выдалъ векселя на сумму, равнуюющейся ея стоимости. Эта именно сумма и составила тотъ долгъ Давыдову, погашенія котораго князь такъ настоятельно требовалъ въ письмахъ ко мнѣ.

Княгинѣ Витгенштейнъ недвижимаго имѣнія выдѣляемо не было, и она получила свое приданое деньгами. Мужъ ея, князь Левъ Витгенштейнъ, казался мнѣ самымъ любезнымъ человѣкомъ, и личная

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1894 г., ноябрь.

мои сношения съ нимъ отличались особенною любезностью. У меня сохранились иѣкоторые изъ его писемъ, но въ нихъ нѣть ничего особенно замѣчательнаго, и всѣ они имѣли болышею частію слѣдующій характеръ: «Покорно прошу извѣстить меня: отъ котораго числа вы получили послѣднее письмо отъ князя Александра Ивановича, откуда и что онъ пишетъ о своемъ возвращеніи сюда?» Князь Витгенштейнъ рѣдко показывался въ Петербургѣ; однажды только онъ долго жилъ здѣсь по процессу, который вель, кажется, съ какимъ-то графомъ Тышкевичемъ. Процессъ этотъ въ свое время производилъ большой шумъ въ Петербургѣ. Извѣстно, что онъ на княжнѣ Баратинской женился во второй разъ, а прежняя жена его была знаменитая княгиня Радзивилль, принесшая ему огромныя имѣнія и какія-то тоже огромныя права на другія имѣнія, вслѣдствіе которыхъ князь Витгенштейнъ, при содѣйствіи нѣкоего Кожуховскаго, успѣлъ выиграть массу выгодныхъ дѣлъ. Этого Кожуховскаго, получившаго за это дѣло 1 или 2 т. душъ и сдѣлавшагося такимъ образомъ тоже богатымъ человѣкомъ, я также видѣлъ въ Петербургѣ постоянно вертѣвшимся около князя Витгенштейна, въ родѣ собаченки. Какими внутренними достоинствами обладалъ этотъ Кожуховскій, я не знаю, но по виду это была гнусная и подленькая фигурка польского шляхтича самаго низшаго разбора. Ясно было, что самъ Витгенштейнъ не имѣлъ къ нему никакого уваженія, потому что часто, при другихъ, хлопалъ его по лысинѣ ладонью, на что тотъ подло и униженно улыбался.

Какъ Давыдова, такъ и княгиня Витгенштейнъ, повидимому, проникнуты были страшною религіозностью. Ольга Ивановна, кажется, по шести разъ пріобщалась въ теченіе великаго поста, а у Леонилы Ивановны, просто, какъ говорится, зашелъ умъ за разумъ, такъ что, оставивъ православіе, она перешла въ католическую вѣру. Ольга Ивановна имѣла симпатичное, но простое лицо, не представлявшее особенной красоты, тогда какъ Леонила Ивановна и на мои глаза, и по убѣжденію князя Александра Ивановича, была блестящей красавицей. Стройная, смуглая, бойкая, она, подобно князю Виктору, имѣла видъ великолѣпной италіанки. У Ольги Ивановны была куча дѣтей мужскаго и женскаго пола, и все крайне некрасивыхъ, при чѣмъ отцовскій наслѣдственный носъ игралъ замѣтную

роль. Старшіе два сына, которыхъ я зналъ еще дѣтьми и весьма уродливыми, впослѣдствіи выравнялись немножко, служили при князѣ на Кавказѣ и скоро сдѣланы были флигель-адъютантами. Были ли дѣти у княгини Леонилы Ивановны, я не знаю, потому что Витгенштейны почти постоянно жили въ заграничныхъ своихъ имѣніяхъ; но знаю, что у князя Витгенштейна собственно былъ сынъ, оставшійся отъ прежней жены, Радзивилль, блестящій молодой человѣкъ, именуемый «Питеромъ». Онъ былъ военнымъ агентомъ пашимъ въ Парижѣ и въ особенности извѣстенъ былъ тѣмъ, что страшно разорялся на знаменитѣйшую изъ камелій, извѣстную всему Петербургу «Розалію Леонъ».

Все это я долженъ, удерживаясь за нить фамильныхъ дѣлъ, заключить тѣмъ, что Ольга Ивановна Давыдова (3 августа 1844 г.) и княгиня Леонила Ивановна Витгенштейнъ (22 мая того же года) выдали намъ совершенные въ той же Петербургской палатѣ гражданскаго суда акты такого содержанія, что, получивъ все, чтобъ имъ слѣдовало по наслѣдству изъ отцовскихъ имѣній, они остаются своимъ выдѣломъ совершенно довольны и болѣе ничего, ни онъ сами, ни наслѣдники ихъ, въ счетъ слѣдующихъ имъ частей, требовать не должны.

Была еще сестра у князя—Елизавета, оставшаяся послѣ первого брака отца его, князя Ивана Ивановича, съ лэди Шернборнъ. Извѣстно было, что дѣвушка эта была хронически больная и оставалась на попеченіи своихъ англійскихъ родственниковъ съ материнской стороны. Князя Александра, при исполненіи общаго его плана фамильныхъ дѣлъ, обстоятельство это сильно тревожило. Замѣтно было, что онъ боялся, что въ лицѣ этой сестры явятся англичане, предъявлять претензію на имѣніе и перепутаютъ всѣ наши предназначтанія. Подъ вліяніемъ этого опасенія, князь рѣшился самъ загѣять съ ними процессъ, подробностей котораго я не знаю, но общая цѣль котораго, сколько мнѣ извѣстно, заключалась въ томъ, чтобы отнять эту дѣвушку у англичанъ и взять на свое попеченіе. Вотъ выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ князя по этому предмету:

Отъ 19 (31) октября 1843 г. князь изъ Лондона писалъ мнѣ, между прочимъ: «Мнѣ нужны сюда отъ 20 т. до 25 т. р. асс. на счетъ княжны Елизаветы Ивановны, для которой у меня здѣсь очень

важный процессъ, который стоитъ много денегъ. Князь Анатолій Ивановичъ изъяснить вамъ важность сего дѣла и пребыванія моего здѣсь. Вся прошлая посылка уйдетъ вѣроятно расходомъ на это дѣло, и мнѣ не останется чѣмъ жить, если вы скоро не подошлете резервы».

Отъ 7 января 1844 г. изъ Лондона же: «Любезный В. А. Я скоро ожидаю конца моему процессу и надѣюсь—въ мою пользу. Прошу прислать мнѣ на подъемъ, на расплату и на возвращеніе, какъ можно скорѣе, денегъ. Не знаю вашихъ тщерепныхъ способовъ, предоставляю опредѣленіе количества совершенно на вашу совѣстливость».

Отъ 11 (23) марта оттуда же: «Процессъ въ первой инстанціи проигранъ; не знаю, какъ будетъ во второй; станетъ онъ весьма дорого, а проку можетъ и не быть»...

По всей вѣроятности сюда же относится и слѣдующее письменное приказаніе князя, полученное мною въ имѣніи, во время первой моей поѣздки туда въ 1843 году: . . Въ случаѣ нынѣшнимъ лѣтомъ явятся любопытные иностранные путешественники и захотятъ увидать заведеніе и устройство экономіи, то не велите имъ ничего показывать, отговариваясь, что безъ моего особенного приказанія это невозможно. Прикажите, впрочемъ, обходитьсь съ ними вѣжливо». Но англичане осматривать имѣніе князя не прѣѣзжали, никакихъ претензій не предъявляли, отнять у нихъ княжну Елизавету не дозволили, и все это дѣло заключено особымъ актомъ, въ той же Петербургской палатѣ совершеннымъ, по которому князь Александръ обязался, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все имѣніе, принять удовлетвореніе княжны Елизаветы, если бы таковое представилось необходимымъ, на полную свою отвѣтственность, не привлекая уже къ тому никого изъ братьевъ и сестеръ.

Я, кажется, сказалъ уже, что общій планъ князя по устройству фамильныхъ дѣлъ подвергался различными толкамъ и сомнѣніямъ. Многіе находили этотъ планъ положительно фантастическимъ и неосуществимымъ. Понятно, что и мои дѣйствія по исполненію этого плана сопровождались сомнѣніемъ и недовѣремъ, которыхъ усиливались постепенно, по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ окончанію задачи. Большая часть этихъ сомнѣній принадлежала княгинѣ Марѣ

Федоровнѣ. Съ одной стороны она увлекалась возврѣніями и убѣжденіями старика Векрота, которого она считала непогрѣшимымъ авторитетомъ; съ другой—она не могла покириться съ мыслью, что любимецъ ея, князь Викторъ, можетъ считаться правильно отдѣленнымъ, когда онъ получилъ одно только Херсонское имѣніе, на которое она вмѣстѣ со всѣмъ населенiemъ Курскаго имѣнія, среди котораго такъ долго жила, привыкла смотрѣть съ смертніемъ. Сомнѣнія княгини, конечно, раздѣляли многіе изъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ ея, по убѣженію, или изъ одной угодливости—это другой вопросъ. Какъ бы то ни было — эти сомнѣнія, это недовѣріе стало тревожить самого князя, столь возвышенного относительно всѣхъ материальныхъ интересовъ. Это колебаніе стало проявляться и въ его объясненіяхъ со мной, колебаніе, тѣмъ болѣе понятное, что онъ постоянно плавалъ на верху всѣхъ дѣлъ и не могъ имѣть положительного знанія или убѣженія, все ли чисто и хорошо внизу. Осаждаемый и быть можетъ въ душѣ оскорблѣемъ недовѣрчивымъ участіемъ непрошенныхъ контролеровъ, а съ другой стороны тѣснімый моими доводами, соображеніями, доказательствами неизѣпости этого недовѣрія, князь прибѣгнулъ къ любимой имъ штуцѣ, впослѣдствіи часто употребляемой имъ въ административномъ мірѣ Кавказа: онъ призналъ за благо учредить особый комитетъ, для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла и отдать меня на съданіе этому комитету, устранивъ себя отъ всякаго личнаго въ немъ участія. Однимъ словомъ, онъ какъ будто говорилъ: «все сдѣлалъ Инсарскій, а не я; разберите: правильны ли его дѣйствія!»

Княгинѣ предложено было избрать представителя ея возврѣній и убѣжденій, и выборъ ея палъ на генералъ-адъютанта князя Алексея Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, который считался ея другомъ. Князя Лобанова я очень хорошо зналъ лично и постоянно имѣлъ съ нимъ сношенія по продажѣ нашихъ хлѣбовъ на его Орловскіе винокуренные заводы. Говорили, что онъ вообще былъ человѣкъ, отличавшійся жестокостью; но я никакихъ опытовъ его жестокости не знаю и постоянно видѣлъ въ немъ человѣка любезнаго и дѣловаго, а это послѣднее свойство мнѣ болѣе всего было нужно, ибо я по опыту зналъ, какъ тягостно и неудобно имѣть дѣло съ дураками. Нашимъ представителемъ явился, разумѣется, князь Левъ

Кочубей, человѣкъ тоже умный и опытный. Въ этомъ комитетѣ должны были присутствовать всѣ братья князя, а я обязанъ быть изложить всѣ мои подвиги. Едва-ли нужно говорить, что, какъ ни глубоко я былъ убѣжденъ въ правильности моихъ дѣйствій по отношенію къ данной мнѣ задачѣ, тѣмъ не менѣе я не могъ сохранять безматежного спокойствія, зная, также по опыту, что умъ человѣческій составляетъ орудіе, хотя весьма сильное, но весьма разнородное въ своихъ проявленіяхъ и что часто какой-нибудь важный баринъ, единственно для того, чтобы отличиться, начнетъ ломаться и пороть дичь и, сбивъ съ толку другихъ, запутается и испортитъ все дѣло.

Наконецъ день этого знаменитаго засѣданія насталъ. Утромъ 11 декабря 1845 г. я получилъ отъ князя Владимира слѣдующую записку: «Стѣшу васъ извѣстить, что совѣщаніе наше должно совершиться сегодня, въ часъ по-полудни у князя Алексія Яковлевича Лобанова, въ присутствіи его и князя Льва Викторовича Кочубея. Не угодно ли вамъ взять съ собою всѣ бумаги, относящиця къ нашему раздѣлу...». Въ этотъ день, какъ нарочно, я чувствовалъ себя очень нехорошо. Но я сознавалъ, что какой бы дѣйствительный и истинный предлогъ моего уклоненія отъ участія въ этомъ засѣданіи я ни привелъ, онъ не имѣлъ бы никакой силы, и мое уклоненіе отнесено было бы къ моей трусости предстать предъ этимъ комитетомъ и представить ему сущность дѣла.

Въ этомъ сознаніи, я рѣшился, хотя бы полумертвый, явиться въ комитетъ. Предъ отѣздомъ туда, я заѣхалъ къ князю Александру Ивановичу, который, напутствуя меня, какъ посторонний, своими добрыми пожеланіями, просилъ о рѣшеніи комитета уведомить его тотчасъ и для этого оставить нѣсколько словъ въ квартирѣ Бетанкура, почтеннаго кавалерійскаго генерала и большаго пріятеля князя, потому что въ этотъ день онъ назначилъ у него обѣдать.

Съ лихорадочнымъ жаромъ, въ назначенный часъ, я явился въ комитетъ, гдѣ рѣшительно были уже всѣ и только ожидали моего прибытія. Я тотчасъ изложилъ сущность дѣла, представивъ присутствующимъ, что князья Барятинскіе, по особому соглашенію, до меня еще составленному, оцѣнили свои части въ 1.200 т. р.; что на этомъ основаніи князь Александръ Ивановичъ не только выпла-

тиль князьямъ Владиміру и Анатолію эти капиталы, но сверхъ того князю Владиміру даль домъ, стояцій приблизительно 300 т. руб., а за князя Анатолія принялъ на себя уплату долговъ его до 400 т. р.; что князь Викторъ, взамѣнъ капитала, самъ выразилъ желаніе получить Херсонское имѣніе, въ которомъ до 30 т. десят. земли и которое, сколько по близости къ Одессѣ, столько же и по размѣру доходовъ, какіе оно приносить, можетъ быть оцѣнено, приблизительно, полагая по 50 р. за десятину въ 1.500 т. руб. «Комитету», — заключилъ я, — «предстоитъ решить: правильны ли дѣйствія князя Александра Ивановича, который благодаренъ будетъ за всякое указаніе, какое комитету угодно будетъ сдѣлать, и готовъ тотчасъ исполнить все то, что признано будетъ комитетомъ справедливымъ».

Уже во время самого доклада, яснаго, сжатаго и бойкаго, я слышалъ со стороны братьевъ князя подтвержденіе всего того, что я говорилъ, а со стороны главныхъ судей — шопотъ одобренія, такъ что, когда я кончилъ докладъ, я имѣлъ уже полное убѣжденіе, что дѣло наше выиграно. И, дѣйствительно, князь Лобановъ-Ростовскій и князь Кочубей тотчасъ уполномочили меня передать князю Александру Ивановичу, что дѣйствія его они признаютъ не только правильными, но и щедрыми въ высшей степени и что князь Викторъ Ивановичъ, по глубокому убѣждѣнію ихъ, не только не въ проигрышѣ противъ братьевъ, но несомнѣнно богаче ихъ, получивъ прекрасное имѣніе, которое съ каждымъ днемъ должно возрастать въ своей цѣнности.

Этотъ, въ высшей степени драгоценный для меня отзывъ, столь блестательно оправдавшій всѣ наши дѣйствія, въ оцѣнкѣ которыхъ самъ князь Александръ Ивановичъ выказалъ замѣчательную слабость, я тотчасъ отвезъ, поговору съ нимъ, въ квартиру Бетанкура, въ видѣ нѣсколькихъ словъ, набросанныхъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги. Едва-ли нужно говорить, въ какой степени князь былъ доволенъ такимъ результатомъ. Потомъ онъ говорилъ, что и Кочубей, и князь Лобановъ-Ростовскій передавали ему, какое блестящее впечатлѣніе произвелъ на нихъ мой докладъ, прибавляя, что «этотъ человѣкъ далеко пойдетъ».

Чтобы по возможности приблизиться къ заключенію моихъ раз-

сказовъ, собственно къ фамильнымъ дѣламъ князя относящихся, я долженъ замѣтить, что преднаречанія его не ограничивались собственно сосредоточіемъ въ одно цѣлое только тѣхъ частей, которыхъ подлежали раздѣлу между братьями и сестрами. Соображенія его о сооруженіи зданія маюранта въ родѣ Барятинскихъ обнимали не-сравненно обширнѣйшій кругъ. У него была мысль возвратить даже и то имѣніе, которое, какъ я выше сказалъ, дано было покойнымъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ сестрѣ своей и послѣ ея смерти досталось сыну ея, известному графу Александру Николаевичу Толстому, долговязому спортсмену, котораго часто можно было видѣть на такой же долговязой англійской кобылѣ во всѣхъ улицахъ Петербурга. Мысль эта, разумѣется, передана была мнѣ для изысканія способовъ къ ея осуществленію и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщена была самому графу, который при первоначальныхъ соглашеніяхъ былъ готовъ передать свои «Деревеньки» (такъ называлось имѣніе), если будутъ опредѣлены соотвѣтственные основанія и условія. Въ этихъ-то основаніяхъ и была вся задача. Князь Александръ Ивановичъ имѣлъ богатое воображеніе; но когда приходилось разрабатывать его мысль и примѣнять ее къ практикѣ, тутъ онъ былъ малосостоятеленъ. Затрудненія и неудобства, предъявляемыя этою практикою, только приводили его въ негодованіе и если ихъ нельзя было устранить, то онъ прямо обвинялъ того, кому сообщилъ свою идею для осуществленія. Оттого-то онъ и цѣнилъ тѣхъ, крайне немногихъ, людей, которые могли быстро схватывать его мысль и также быстро находили возможность ея примѣненія. Практическое примѣненіе мысли возвратить имѣніе отъ графа Толстаго страшно мучило меня и князя. Мы составляли различные проекты, передѣлывали, исправляли ихъ, помню даже, что ссорились нѣсколько разъ, наконецъ, подносили наши произведенія графу. На нашъ проектъ графъ дѣялъ различныя замѣнанія, выставлялъ его неудобства и замѣнялъ этою своимъ. Съ проектомъ графа мы дѣлали то же. Однимъ словомъ, работы и хлопотъ было много, но толку мало: дѣло не состоялось, и я даже не помню, на какихъ началахъ предназначалось, какъ съ той, такъ и съ другой стороны его совершить и на какихъ именно спорныхъ точкахъ эти стороны разъѣхались.

Также точно князь имѣлъ мысль возвратить имѣніе, выдѣлен-

*

ное княгинѣ Марьѣ Федоровнѣ, и также точно составлялись проекты по этой части, основанные, сколько помню, на производствѣ княгинѣ, взамѣнъ имѣнія, пожизненныхъ платежей; но и это дѣло также не имѣло никакого успѣха. Нѣть сомнѣнія, что княгиня, столько же, какъ и князь, упорная въ своихъ убѣжденіяхъ, сохранила, несмотря на заключеніе комитета, о которомъ я выше говорилъ, во всей неприкословенности ту мысль, что любимецъ ея, князь Викторъ, все-таки обижень, противъ братьевъ, при общемъ раздѣлѣ, и потому рѣшилась вознаградить воображаемый ею ущербъ въ его достояніи своимъ имѣніемъ, которое, послѣ ея смерти, дѣйствительно и перешло, по сдѣланному ею завѣщанію, въ его владѣніе.

ГЛАВА XX.

Переселеніе князя Александра Ивановича на Кавказъ. — Недовѣріе его къ князю Воронцову. — Толки по поводу его перехода на Кавказъ. — Планы князя о своей женитѣбѣ. — Громадные сборы къ переселенію. — Возня съ кучерами. — Капельмейстеръ и регентъ — Дютшъ — артистъ въ музыкальномъ и переносномъ смыслѣ. — Хлопоты моп съ нимъ. — Знаменитый день отъѣзда князя. — Продомы. — Толпы приятелей. — Принцъ Александръ Гессенскій — братъ императорицы. — Фрейлина Гауке, по выражению неизнакомца — «Никитка». — Кутежъ на Средней Рогаткѣ. — Отпѣтыи флотилии съ людьми и имуществомъ князя.

Возвратившись въ 1845 году съ Кавказа, послѣ знаменитой Даргинской или сухарной экспедиціи, князь мало жилъ въ Петербургѣ, а большую частію оставался заграницей. По возвращеніи оттуда, князь въ началѣ 1847 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и командиромъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, т. е. Кабардинскаго, одного изъ знаменитѣйшихъ кавказскихъ полковъ. Я живо помню, во-первыхъ, письма князя Воронцова къ князю Александру Ивановичу, которыми князь Воронцовъ предлагалъ ему, въ самыхъ лестныхъ и любезныхъ выраженіяхъ, это назначеніе; а во-вторыхъ, величайшее недовѣріе князя и къ этому предложенію, и особенно къ этимъ любезностямъ. Фактъ этотъ поразилъ меня въ высшей степени. Я никакъ не могъ понять, для чего и по какимъ убѣжденіямъ, князь Воронцовъ, намѣстникъ

кавказскій и главнокомандующій, будеть предлагать молодому чловѣку, хотя и другу наслѣдника, служить у себя и въ то же время скрывать въ этомъ предложеніи не только неискренность, но даже непріязненность къ этому чловѣку. Въ своеобразномъ и до крайности подозрительномъ умѣ князя такое противорѣчіе укладывалось просто и было для него совершенно ясно. Когда я выражалъ князю свои недоумѣнія съ легкимъ намекомъ, что, по всей вѣроятности, онъ ошибается, князь замѣчалъ: «Полноте, вы его не знаете». Приводя это странное и немножко темное обстоятельство, я имѣю цѣлую заявить, что въ минуту назначенія князя полковымъ командиромъ и окончательного отправленія его на Кавказъ, князь Александръ Ивановичъ не имѣлъ къ князю Воронцову положительно ни довѣрія, ни привязанности и напротивъѣхалъ туда съ величайшими сомнѣніями. Но удивительнѣе всего то, что это недовѣріе и эти сомнѣнія, какъ послѣдствія показали, имѣли основаніе, и князь Александръ Ивановичъ не ошибался. Когда, чрезъ иѣсколько лѣтъ, князь, въ чинѣ генераль-маіора, прѣхалъ въ Петербургъ и когда наши бѣды отличались продолжительностью и особенною откровенностью, князь горько жаловался на князя Воронцова. Чѣмъ объяснить все это? Я, въ моихъ размышеніяхъ, останавливался, между прочимъ, на слѣдующихъ предположеніяхъ: можно думать, что князь, въ стремлѣніи къ Кавказу и той блестящей карьерѣ, которую, въ своей безпримѣрной прозорливости могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ ходатайству наслѣдника, и князь Воронцовъ, подавляемый этимъ ходатайствомъ, вынужденъ былъ, противъ своей воли, пригласить князя къ себѣ на службу, не имѣя къ нему никакой личной симпатіи, или самъ государь почему-либо поручилъ князю Воронцову взять его къ себѣ на Кавказъ, и тотъ, волею-неволею, долженъ былъ дѣлать любезное предложеніе князю, который, зная таинственные пружины, хорошо видѣлъ неискренность его любезностей и потому имѣлъ не вѣриль. Но, подобно одному изъ героевъ Гоголя, я долженъ сказать, что «до всего этого я своимъ умомъ дошелъ», и не придаю моимъ умозаключеніямъ рѣшительно никакой достовѣрности. Достовѣрно то, что назначеніе князя на Кавказъ въ то время произвело большой шумъ въ Петербургѣ. Всѣ удивлялись, какимъ образомъ такой богатый и блестящій чловѣкъ и другъ наслѣдника

рѣшается бросить Петербургъ съ его роскошью и удобствами, и придворную жизнь, въ которой онъ выросъ, и закабалиться на Кавказъ. Многіе полагали, что это удаленіе невольное, что вообще безпрерывные разѣзы князя за границу и на Кавказъ, и наконецъ, окончательное его туда назначеніе суть послѣдствія Высочайшей воли.

Сколько по характеру своему, до вредной степени искреннему, столько и по близости отношеній, въ которыхъ я тогда находился къ князю, я однажды коснулся этого щекотливаго вопроса и передалъ ему общественные слухи, къ нему относящіеся... Князь долго молчалъ и потомъ сказалъ мнѣ: «Знаете, любезный Василій Антоновичъ, эти слухи меня погубятъ. Я вамъ скажу, откуда они идутъ».

«Однажды въ бытность мою заграницею въ какой-то дрянной нѣмецкой газетѣ былъ пущенъ какой-то нелѣпый слухъ. Изъ этой дурацкой газеты эта нелѣпость пошла бродить по свѣту и вредить мнѣ».... Трудно, конечно, думать, чтобы князь не имѣлъ сказать еще чего-нибудь по этой части; но еще труднѣе полагать, что мнѣ, простому и ничтожному человѣку, князь могъ передать всю истину и всѣ подробности этой, страшной, для него самого тайны. Сюда же, кажется, долженъ относиться мильштѣй и очаровательный разсказъ князя, известный всѣмъ, кто только его зналъ, что онъ женится никакъ не раньше шестидесяти лѣтъ; что онъ женится отнюдь не для супружескихъ наслажденій, а только для того, чтобы вмѣстѣ съ женой чай пить; что онъ возьметъ себѣ не какую-нибудь дѣвицу или даму непорочную, которая могла бы за всякую неосторожность своего супруга глаза ему выпаровать изъ любви и ревности, а какую-нибудь знаменитую и по роду, и по легкому поведенію барыню, которая прошла и испытала все и успокоилась. «Лучшее наше препровожденіе времени», говорилъ князь, «будетъ—разсматривать наши кондуктные списки, мы будемъ видѣть, кто были ея любовниками и моими любовницами, замѣчая другъ другу ошибки въ выборѣ или похваливая взаимно вкусъ, съ которыми дѣлялся этотъ выборъ»... Опытные въ великосвѣтскихъ интрижкахъ, они сдѣлялись бы покровителями всѣхъ молодыхъ сердецъ, неопытныхъ по этой части. У нихъ были бы, по словамъ князя, великолѣпные пріемы, на которые ссыпался бы весь аристо-

кратический Петербургъ, и они сами выѣзжали бы торжественно на балы, въ театры... Ихъ, милыхъ и знатныхъ старичковъ, всѣ бы любили, и они тихонъко и пріятно дожили бы послѣдніе свои дни. Послѣ его смерти, жена его пошла бы за его гробомъ съ бѣльмъ платкомъ у глазъ и т. д.

Но никакимъ перомъ нельзя передать той прелести, которой князь отг҃нялъ этотъ милый планъ его женитьбы и супружеской жизни на особый манеръ. Я уже говорилъ, что у него было блестящее воображеніе; въ то же время онъ владѣлъ истинно неподражаемымъ даромъ самаго плѣнительнаго рассказчика. Никто такъ не умѣлъ отг҃нить комическая подобности разсказа, какъ князь, и въ то же время удержаться въ предѣлахъ благородства и изящества, чуждыхъ всякой утрировки. Но здѣсь рѣчь не столько о прелести плана, который я только-что привелъ, сколько о самой сущности его. Можно думать, что онъ не могъ создаться самъ собою и что въ основаніи его лежало какое-нибудь серьезное обстоятельство. Отказываясь отъ любви той, которая должна быть его избранницей, онъ, быть можетъ, носилъ въ груди своей любовь другой, любовь, которую онъ желалъ сохранить чистою и неприкосновенною во всю жизнь и даже въ сферѣ супружества. Но еслибы кто-нибудь призналъ такое умозрѣніе фантастическимъ—я спорить никакъ не буду и безъ битвы перехожу къ послѣдующимъ разсказамъ.

Сборы къ переселенію князя на Кавказъ были великолѣпны въ высшей степени. Повидимому, онъ хотѣлъ показать тамъ вполнѣ свое богатство и свою роскошь. Безъ преувеличенія можно сказать, что едва-ли когда-нибудь и какой-нибудь полковой командиръ отправлялся къ полку такъ, какъ князь Александръ Ивановичъ. Почти вся петербургская обстановка переносилась туда. Изъ людей оставались только тѣ, которые сами не желали переселяться на Кавказъ. Князя очень огорчало то, что любимый его кучерь Константинъ не соглашался съ нимъѣхать, удерживаемый здѣсь увѣщаніями своей жены. Обстоятельство это, повидимому ничтожное, дало намъ много хлопотъ. Ежедневно почти являлись бородатые кучера, вызывавшіесяѣхать съ княземъ, выпрашивая огромное жалованье; но всѣ они не нравились князю, который имѣлъ некоторую претензію читать по лицамъ людей ихъ внутреннія свойства.

Наконецъ это дѣло ему страшно надоѣло, и онъ однажды сказалъ мнѣ: «Вы умѣете лучше меня все дѣлать. Прошу васъ, потрудитесь найти мнѣ кучера. Всѣ эти рожи мнѣ ужасно не нравятся. Бороды, которую они цѣнятъ такъ дорого, мнѣ вовсе и не нужно. Я бы желалъ одного изъ тѣхъ кучеровъ, къ какими ѿзять по Невскому гвардейскіе прапорщики на своихъ парочкахъ: ловкаго и вертляваго».

Здѣсь надо сказать, что съ переходомъ моимъ къ дѣламъ Барятинскаго я тотчасъ предположилъ завести свой экипажъ. Съ этою цѣллю я въ первую же поѣздку мою въ Курское имѣніе князя Барятинскаго купилъ тамъ, на Коренной ярмаркѣ, пару доброѣзжихъ битюговъ, которые, впрочемъ, оказались мнѣ не нужными, потому что, тотчасъ по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, князь подарилъ мнѣ пару великолѣпныхъ вороныхъ рысаковъ съ своей конюшни, изъ которыхъ одного звали «Соколомъ», а другаго «Полканомъ». Въ эту же поѣздку въ имѣніе, я былъ разъ какъ-то пораженъ необычайною быстротою, съ которой однажды почтовый ямщикъ доставилъ меня изъ Рыльска въ Ивановское. Помню—была свѣтлая, лунная ночь; я летѣлъ въ коляскѣ четверкой съ такою непостижимою быстротою, что невольно думалъ, что не духи ли какіе подхватили мою коляску и мчать меня въ невѣдомыя страны. Я весьма часто проѣзжалъ Рыльскъ и никогда ничего подобнаго не испытывалъ. Когда я прилетѣлъ въ Ивановское, я приказалъ ямщику оставаться тамъ до утра, именно съ цѣллю взглянуть на него при дневномъ свѣтѣ и по возможности разъяснить тайну быстроты, меня поразившей. Оказалось, что это былъ курчавый, смуглый парень, съ пріятною физіономіею,—Андрей, крестьянинъ Барятинскихъ, живущій въ ямщикахъ на рыльской станції. Когда я выразилъ ему изумленіе, съ какою страшною быстротою онъ меня мчалъ, Андрей, улыбнувшись, замѣтилъ только: «Лошадки добрыя». Само собой разумѣется, что «на-водка» была соразмѣрна впечатлѣнію, на меня произведеному. Тѣмъ дѣло и кончилось. Заведя въ Петербургъ свой экипажъ, я скоро, по собственному опыту, узналъ, что-за почтенный это народъ—кучера и что претензія пріобрѣсти хорошаго кучера во всѣхъ отношеніяхъ должна быть отнесена къ числу мечтаний неосуществимыхъ. Вы непремѣн-

но получаете или честнаго парня, не умѣющаго ъздить, или ъздока, но прогорѣлаго мошенника. У меня перебывали и тѣ и другіе. Случалось, что, чинно прѣхавъ съ женою въ театръ или на балъ, я при выходѣ находилъ, что мой кучерь съ экипажемъ и лошадьми составляетъ предметъ травли всѣхъ жандармовъ и буточниковъ и съ налитыми виномъ и кровью глазами все ломаетъ и все путаетъ. Въ одинъ изъ печальныхъ моментовъ состоянія моей шталмейстерской части вдругъ предсталъ предъ моими глазами курчавый Андрей. Оказалось, что изъ ямщиковъ онъ поступилъ въ кучера, жилъ въ губернскомъ городѣ Курскѣ, Харьковѣ и др. и наконецъ добрался до Петербурга. Я несказанно ему обрадовался и тотчасъ взялъ его себѣ. Андрей по преимуществу былъ ъздокъ и ъздокъ замѣчательный: у него лошади положительно летали; извѣстныхъ приемовъ петербургскихъ кучеровъ, конечно, онъ не зналъ; но это было дѣло второстепенное, и я былъ убѣжденъ, что Андрей скоро его постигнетъ. Такимъ образомъ, когда князь сказалъ мнѣ, чтобъ ему нужно, мнѣ тотчасъ пришла въ голову мысль: не подходитъ ли мой Андрей къ этому идеалу.

Я передалъ князю исторію, которую выше рассказалъ, намекнуль о его свойствахъ и объ искусствѣ ъздить. Князь просилъ меня послать сейчасъ же за нимъ. Андрей явился, низко поклонился князю и встярхнулъ своими кудрями. Князь, взглянувъ на него, тотчасъ сказалъ: «Ступай!» Потомъ, быстро обернувшись ко мнѣ, князь сказалъ: «Знаете, В. А.. Если бы вы заставили меня написать портретъ кучера, какого я желаю, это былъ бы портретъ资料 Andreя. Я именно, точь въ точь, желалъ такого кучера. Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ его уступите».

Такимъ образомъ статья эта была кончена, но къ сожалѣнію Андрей не оправдалъ ожиданій. Какъ всѣ таланты великороссийскаго происхожденія, онъ началъ пить, чему конечно содѣствовала скуча однообразной жизни въ кавказскомъ укрѣплѣніи и почти совершенное отсутствие всякихъ занятій по его части, потому что всякия прогулки въ укрѣплѣніи были сопряжены съ опасностями, далеко превышающими удовольствіе. Извѣстно, впрочемъ, что какъ-то князь желалъ показать графу Карлу Ламберту своего призового рысака, присланного также изъ Петербурга, и отправился съ нимъ

въ дрожкахъ; но Андрей, вѣроятно порядкомъ нагруженный, ихъ вывалилъ или опрокинулъ и такъ неудачно, что графъ Ламберть повредилъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ постоянно ходилъ уже съ костылемъ. Кончилось тѣмъ, что князь вынужденъ былъ прогнать Андрея, который съ тѣхъ поръ не умѣлъ уже порядкомъ поправиться и болтался то въ Закавказье, то въ Петербургѣ.

Возвращаясь въ послѣдний разъ и окончательно съ Кавказа въ 1863 г., я пріѣхалъ на Балтийскую станцію, первую отъ Владикавказа изъ горныхъ станцій и, не выходя изъ своей кареты, дождался перемѣны лошадей. Вдругъ предъ окномъ кареты предстала фигура огромнаго, съ такою же бородою, человѣка, въ кучерскомъ костюмѣ. Въ этой фигурѣ я уже съ трудомъ узналъ моего прежняго Андрея. Оказалось, что на этой станціи онъ несется обязанности старосты, тогда какъ съ его фигурой, съ его искусствомъ, да только безъ его поведенія, онъ въ Петербургѣ могъ бы быть однимъ изъ знаменитѣйшихъ кучеровъ.

Кстати расскажу о пріобрѣтеніи и отправленіи на Кавказъ и другихъ артистовъ,—артистовъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ. Князь выразилъ желаніе имѣть на Кавказѣ, во-первыхъ, капельмейстера для музыкантовъ и, во-вторыхъ, регента для пѣвчихъ.

Пріисканіе капельмейстера онъ предоставилъ графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому, известному музыканту и столь же известному меценату всѣхъ музыкантовъ, а пріисканіе регента Алексѣю Федоровичу Льзову, который въ то время управлялъ придворною капеллою. И тотъ и другой избрали двѣ личности, соответствующія, по ихъ убѣжденію, желанію князя, и передали ихъ мнѣ, на дальнѣйшее мое попеченіе и распоряженіе. Эти господа сдѣлались истинными моими мучителями.

Графъ Віельгорскій избралъ г. Дютша, впослѣдствіи пріобрѣвшаго громадную известность въ музыкальномъ мірѣ, а тогда прошаго музыканта въ оркестрѣ Гунгеля, что-то въ родѣ первой скрипки. Если г. Дютшъ былъ артистъ въ смыслѣ музыкальному, то онъ былъ еще болѣе артистъ въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ кутежа и беспорядочности. Сначала я думалъ, что буду имѣть дѣло съ человѣкомъ солиднымъ. Онъ явился ко мнѣ съ письмомъ графа Віельгорского, подпись подъ условіе, взялъ значительную сумму на подъемъ,

назначилъ день отъѣзда и затѣмъ скрылся въ самомъ положительномъ и обширномъ значеніи слова. По крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца я только и занимался изловленіемъ этого господина. Когда наступилъ и прошелъ день, назначенный имъ самимъ для отъѣзда, я отправилъ одного изъ своихъ людей въ квартиру Гунгеля разузнать, что это значитъ, и во всякомъ случаѣ пригласить Дютша ко мнѣ. Тамъ сказали, что хотя Дютшъ дѣйствительно живеть у Гунгеля, но въ квартирѣ его бываетъ рѣдко, а ночуетъ еще рѣже; но что во всякомъ случаѣ ему передадутъ мое требованіе, какъ скоро онъ явится. Проходить снова нѣсколько дней, и я снова посылаю къ Гунглю, гдѣ и отвѣчали, что Дютшу передано мое требованіе. Я не зналъ, что думать и что дѣлать, какъ вдругъ встрѣчаю моего бѣглеца въ одному изъ театральныхъ маскарадовъ, обѣщанного масками. Дютшъ началъ извиняться предо мною и назначилъ новый, уже самый положительный, по его словамъ, срокъ для отъѣзда. Проходитъ, конечно, и этотъ срокъ, и я опять не вижу Дютша до тѣхъ поръ, пока, также случайно, не встрѣчу его въ театрѣ, на Невскомъ или гдѣ-нибудь изъ увеселительныхъ мѣстъ, причемъ производятся новыя извиненія и новые назначенія срока для отъѣзда. Долго я такъ мучился съ нимъ и предлагалъ уже графу Віельгорскому разорвать съ нимъ всякия условія и отношенія, но тотъ убѣждалъ меня вооружиться терпѣніемъ въ томъ вниманіи, что Дютшъ замѣчательный талантъ и что на Кавказѣ онъ не будетъ имѣть тѣхъ соблазновъ и развлечений, которыя здѣсь сбиваются его съ толку. Конецъ концовъ былъ тотъ, что въ одно прекрасное утро Дютшъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ кредиторовъ и объявилъ, что онъ радъ быѣхать, да эти господа его непускаютъ и требуютъ уплаты долговъ. Мнѣ стоило большаго труда и значительныхъ пожертвованій, чтобы освободить его отъ этой толпы и усадить въ дорожную зимнюю повозку, вмѣсть съ регентомъ. Я вздохнулъ свободно, когда они дѣйствительно начацъ отправлялись; мнѣ даже было весело представлять себѣ, какимъ образомъ эти путешественники будутъ объясняться между собой. Дютшъ не говорилъ по-русски, регентъ ни слова не зналъ ни по-французски, ни по-немецки. Но я ошибался, полагая, что мои мученія кончились. Напротивъ. При отправленіи Дютша я вру-

чиль ему сумму, необходимую на проѣздъ къ мѣсту назначенія, основанную сколько на прежнихъ примѣрахъ, столько же на нодробномъ исчисленіи прогонныхъ, суточныхъ, водочныхъ и всякихъ другихъ расходовъ. Не тутъ-то было. Изъ Воронежа я получилъ отъ него письмо, что всѣ деньги у него вышли, что дальнѣе Ѹхать онъ не можетъ и что, наконецъ, будетъ сидѣть въ Воронежѣ до тѣхъ поръ, пока не получить отъ меня суммы, вполнѣ достаточной на проѣздъ. Мнѣ, конечно, ничего не оставалось, какъ выслать денегъ этому ужасному артисту.

Съ рѣгентомъ была возня другаго рода, съ значительною пріемью комизма. Львовъ остановился на слѣдующей комбинації. Былъ въ капеллѣ нѣкто Яновскій или Яковскій, по обыкновенію взятый туда мальчикомъ изъ малороссійскихъ семинаристовъ. Мальчикъ этотъ отличался особымъ пониманіемъ красоты церковнаго пѣнія. Когда онъ выросъ и потерялъ тотъ голосъ, которымъ пѣлъ въ капеллѣ, онъ былъ выпущенъ оттуда и поступилъ въ хоръ Сергиевскаго монастыря, гдѣ и былъ чѣмъ-то въ родѣ учителя или помощника регента. Я самъ видѣлъ его тамъ. Это была маленькая, толстенькая фигура съ краснымъ лицомъ, въ подряснике и съ длинными, какъ у причетниковъ, волосами. Львовъ полагалъ, что если его взять оттуда, да подъучить, кажется, генераль-басу или чемуто въ этомъ родѣ, то это и будетъ именно то, что нужно князю. Такъ и сдѣлано, хотя я помню, что красивый Игнатій (Брянчаниновъ), настоятель монастыря, сильно боролся за эту маленькую фигурку и въ похищеніи ея видѣлъ злоумышленіе противъ него Львова. Въ одно прекрасное утро эта фигурка, которую я привыкъ видѣть въ формѣ дьячка, предстала мнѣ, облеченнная во фракъ, съ обстриженными волосами.

Всегда затѣмъ началось подъучиваніе генераль-басу, за что я и выплачивалъ Яновскому, для доставленія по принадлежности, значительныя деньги, которыя, какъ мнѣ казалось, шли не столько на музыкальное образованіе у своихъ же старыхъ товарищѣй, сколько на веселое, купно съ ними, препровожденіе времени.

Изъ послѣдующихъ свѣдѣй, дошедшихъ до меня о подвигахъ этихъ господъ на Кавказѣ, видно, что Дютшъ, какъ музыкантъ, не только оправдалъ, но даже превзошелъ ожиданіе. Онъ быстро обра-

зоваль у князя великолѣпный хоръ и оркестръ музыкантовъ, и потомъ сдѣлалъ то же въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ. У князя онъ оставался, впрочемъ, не долго, и они скоро разстались, чemu, конечно, былъ причиною до крайности своенравный и беспокойный характеръ Дютша. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Петербургъ, служилъ при императорскихъ театрахъ, писалъ разныя музыкальныя вещи и наконецъ поставилъ цѣлую оперу «Кроатку», пользуясь вообще высокою музыкальною репутациею. Что касается до Яновскаго, то на него имѣли неосторожность, какъ на полковаго регента, надѣть военный мундиръ. Онъ вообразилъ, что онъ воинъ, и скоро совсѣмъ спился. Впослѣдствіи онъ тоже возвратился въ Петербургъ и по-прежнему пріютился къ тому же Сергиевскому монастырю, гдѣ я снова его видѣлъ, но уже въ довольно жалкомъ видѣ.

Но я по обычаю своему всегда забѣгаю впередъ. Всѣ эти господа отправлены были на Кавказъ послѣ отѣзда князя, и мнѣ, конечно, предстояло прежде описать день этого отѣзда. День этотъ, конечно, былъ однимъ изъ лучшихъ дней князя. Въ моихъ воспоминаніяхъ онъ остается особенно рельефенъ по той противуположности, въ какой онъ находился съ днями невольного возврата князя впослѣдствіи въ Петербургъ, днями тяжелыми, днями унынія и почти отчаянія. Предъ наступлениемъ отѣзда князя—онъ уже мало былъ доступенъ и для меня. Ежедневно, съ ранняго утра, его осаждали самыми блестящими визитами. Казалось, весь Петербургъ взволновался его отѣздомъ, и всѣ желали его видѣть и напутствовать своими добрыми пожеланіями. Время это было временемъ величія князя, подобно тому времени, когда онъ появился въ Петербургѣ послѣ покоренія Кавказа и взятія Шамиля. Толпы друзей и приятелей почти не выходили изъ его кабинета. Этихъ друзей, истинныхъ или ложныхъ, въ тотъ моментъ, было такъ много, что я затрудняюсь, да и не нахожу необходимымъ перечислять ихъ. На первомъ планѣ, конечно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ слuchаяхъ, стояли А* и Ламбертъ. Объ А* я уже говорилъ и довольно подробно. О Ламбертахъ много говорить нечего.

Младшій изъ нихъ, графъ Карлъ, впослѣдствіи неудавшійся варшавскій намѣстникъ, былъ чрезвычайно пріятный и, казалось, умный человѣкъ, съ самыми деликатными, можно сказать, плѣ-

нительными, манерами. Къ сожалѣнію, въ Кавалергадскомъ полку, котораго онъ былъ командиромъ, онъ оставилъ невыгодную репутацію. Самъ князь Александръ Ивановичъ, когда заходила рѣчь о графѣ Карлѣ Ламбертѣ, дѣлалъ о немъ отзывы, далеко не лестные. Я живо помню, разъ на Кавказѣ, кажется, по поводу назначенія графа Ламбера начальникомъ военныхъ поселеній, князь сказалъ однажды: «Кажется, его считаютъ государственнымъ человѣкомъ и сильно ошибаются». Между тѣмъ положительно можно сказать, что при такомъ взглядѣ самъ князь былъ главною причиною назначенія графа Ламбера варшавскимъ намѣстникомъ. Вотъ какъ это было. Когда князь, въ 1861 году, больной, безъ ногъ, прѣхалъ изъ Дрездена въ Петергофъ и когда вслѣдствіе возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ волненій—обрабатывался важный вопросъ объ образованіи тамъ нашего управлениія, известно было, что графъ Ламбертъ пред назначенъ былъ уже въ составѣ этого управления. Предварительно прѣѣзда князя, я былъ присланъ отъ него изъ Дрездена курьеромъ съ письмомъ государю и, вступивъ въ сношенія съ Милютиномъ, управлявшимъ уже тогда военнымъ министерствомъ, узналъ, что графу Ламберту пред назначенается мѣсто варшавскаго генераль-губернатора. Съ появлениемъ князя, стало очевиднымъ, что этотъ вопросъ подчинился его вліянію. Ламбертъ просто не выходилъ отъ него, Милютинъ, Герштенцвейгъ и другія личности, соприкасавшіяся съ этимъ вопросомъ, ежедневно, а иногда по нѣскольку разъ въ день, бывали у него. Я живо помню, что въ теченіе этого времени, князь, однажды, говорить мнѣ: «Меня, право, удивляютъ эти рутинные взгляды и стѣсненія разными пустыми формами. Толкуютъ: то молодъ, то чинъ непозволяетъ... Какой вздоръ! Когда нуженъ человѣкъ, дай ему все: и власть, и чины!» Для меня было ясно, куда это относится. Кончилось тѣмъ, что графъ Ламбертъ назначенъ былъ намѣстникомъ варшавскимъ, а Герштенцвейгъ тамошнимъ генераль-губернаторомъ, изъ которыхъ одинъ скоро сбѣжалъ съ своего поста, а другой застрѣлился. Объ этомъ событии, разумѣется, много было различныхъ толковъ. Говорили, между прочимъ, что вслѣдствіе возникшихъ тотчасъ по прѣѣздѣ этихъ господъ въ Варшаву неодумѣній и разногласій между ними—они рѣшились стрѣляться

по жребию, т. е. изъ нихъ долженъ застрыльиться тотъ, кому достанется жребий. Онъ достался Герштенцвейгу, и онъ застрылился.

Но тутъ была и другая сторона. Герштенцвейгъ, чрезвычайно красивый, ловкий господинъ, типъ истиннаго царедворца и въ то же время весьма дѣловoy человѣкъ, былъ необыкнаго самолюбія и, состоя при старикѣ Сухазанетѣ, предмѣстникѣ Милотина, дежурнымъ генераломъ, несомнѣнно разсчитывалъ завладѣть со временемъ министерствомъ. Разумѣется, первымъ шагомъ для этого было — занять позицію товарища военного министра. Но князь Барятинскій имѣлъ свои расчеты провести въ военные министры Милотина, своего начальника штаба, и убѣдилъ государя, что лучшаго выбора нельзя сдѣлать. Такимъ образомъ, когда открылось мѣсто товарища военного министра, оно досталось Милотину, а не Герштенцвейгу. Герштенцвейгъ, давно знавшій о проектахъ, которые должны были перебить ему дорогу, и потому, весьма естественно не имѣвшій дружелюбныхъ чувствъ ни къ Барятинскому, ни къ Милотину, при назначеніи послѣднаго товарищемъ министра и особенно при вступлении его въ управление министерствомъ, очутился въ ложномъ и стѣснительномъ положеніи. Между тѣмъ у него была значительная партія и въ министерствѣ, и во дворцѣ, само собою разумѣется, враждебная Барятинскому и Милотину. Прозорливый Барятинскій, вмѣшившись въ дѣло, вѣроятно тотчасъ понялъ всѣ эти отношенія и разсчитывалъ назначеніемъ Герштенцвейга въ Варшаву избавить Милотина отъ борьбы съ сильнымъ и ловкимъ соперникомъ, и въ то же время парализовать партію, желавшую возвышенія его въ министерствѣ. Съ своей стороны Герштенцвейгъ, видя, что министерство у него ускользаетъ и что тутъ уже ждать нечего, вѣроятно охотно готовъ былъ перенести свои честолюбивыя цѣли на варшавское поприще, разсчитывая въ непродолжительномъ времени столкнуть слабаго Ламберта. Но когда онъ увидаль, что и здѣсь, съ первого шага, дѣла пошли не въ ту сторону, а прямо въ ущербъ его планамъ, Герштенцвейгъ рѣшился покончить съ жизнью, тѣмъ болѣе, что такой конецъ, какъ говорили тогда, былъ довольно употребителенъ въ его родствѣ, и нѣкоторые изъ его родныхъ также покончили самоубійствомъ.

Но, возвращаясь назадъ, я долженъ съ вѣроятностью предпо-

ложить, что вниманіе читателя не можетъ не остановиться, повидимому, на противорѣчіи отзывовъ князя о Ламбертѣ, которые я выше привелъ, съ желаніемъ его поставить Ламбера на одну изъ высшихъ степеней государственной администрації. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что противорѣчіе это принадлежитъ отнюдь не моимъ разсказамъ, но натурѣ князя, натурѣ, чрезвычайно своеобразной, мудреной и не поддающейся никакимъ опредѣлительнымъ выводамъ. Было много случаевъ, въ которыхъ онъ крѣпко, какъ дубъ, стоять съ своими убѣжденіями, и ни воля отца (въ учрежденіи маюратовъ и избраниіи карьеры), ни воля матери (въ выдѣль князя Виктора), ни воля даже государя (въ женитьбѣ на Столыпиной) не могли поколебать ихъ; но было много и такихъ случаевъ, въ которыхъ князь, подобно, какъ въ отношеніи Ламбера, проявлялъ самое поразительное противорѣчіе своихъ взглядовъ и мнѣній. Если благосклонный читатель не откажется, въ свое время, отправиться со мною на Кавказъ — тамъ эти случаи предстанутъ рельефнѣе его вниманію.

Теперь мнѣ остается сказать, что наружность графа Ламбера была самая представительная; онъ не былъ красавцемъ, но его совершенно голая и хорошо образованная голова была чрезвычайно эффектна. Онъ опѣшивѣлъ еще въ молодости. Я помню однажды, когда Ламбертъ сидѣлъ у князя, какъ то стали разбирать, кто изъ насъ троихъ моложе? Къ несказанному удивленію оказалось, что Ламбертъ моложе князя и меня. Я съ оттѣнкомъ сильного недовѣria смотрѣлъ на голую, какъ колѣно, голову графа Ламбера, тогда какъ у князя были роскошныя свѣтлые кудри, а въ густотѣ моихъ черныхъ волосъ, въ то время, ломались гребни. Князь, замѣтивъ точку моего недоумѣнія, сказалъ: «Чтѣ вы смотрите на его голову? Это ничего не значитъ. Онъ, плутъ, нарочно вытравилъ свои волосы, чтобы его считали старикомъ и скорѣе сдѣлали какимъ-нибудь министромъ или главнокомандующимъ». И дѣйствительно, онъ скоро состарился, конечно, не столько отъ трудовъ, сколько отъ различныхъ недуговъ, которые рано его посѣтили. Въ минуту назначенія его варшавскимъ намѣстникомъ онъ былъ страшнѣе своею худобою, представлявшо изъ него совершенный скелетъ. Когда въ августѣ 1861 г. наступилъ день всеобщаго разѣзда: го-

сударь ъхалъ по Россіи, Барятинскій опять за-границу, а Ламберть въ Варшаву, происходило всеобщее прощаніе. Я помню, что Ламберть, распростишись съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, вышелъ къ намъ въ приемную и началъ съ нами прощаться. Когда онъ сталъ лобзаться съ княземъ Владиміромъ Барятинскимъ, у нихъ вышло какое-то замѣшательство, одно изъ тѣхъ, которыхъ нерѣдко случаются при этой операциі. Ламберть, съ улыбкою обратившись къ намъ, сказалъ: «Вотъ чудакъ! ищетъ у меня щекъ, когда ихъ давно уже нѣтъ».

Мои личные отношенія къ графу Ламберту всегда были чрезвычайно пріятны. Онъ любилъ толковать со мною о хозяйственныхъ дѣлахъ, имѣя въ Херсонской губерніи довольно значительное имѣніе. Я даже помогалъ ему кое въ чемъ и часто переписывался съ нимъ. Беру на удачу одно изъ его писемъ: 30 апрѣля 1847 г. «Спѣшу васъ уведомить, любезный Василий Антоновичъ, что я получиль увѣдомленіе отъ моего управляющаго, что отвѣтъ изъ Херсонской палаты государственныхъ имуществъ имѣеть быть отправленъ 24 сего апрѣля и, какъ обѣщають, совершенно благопріятный. Надѣюсь на ваше содѣйствіе и прошу сдѣлать мнѣ одолженіе навѣдаться въ министерствѣ, чѣмъ премного обяжете» и т. д.

Братъ его Іосифъ былъ тоже милый и привѣтливый господинъ; но не представляль собою ничего замѣчательнаго. Впрочемъ, по разсказамъ князя, онъ былъ въ высшей степени искусный рассказщикъ разныхъ и преимущественно малороссійскихъ анекдотовъ, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что самые скромные, такъ сказать, изъ этихъ анекдотовъ онъ умѣлъ облекать въ такую форму, что пускалъ ихъ смѣло и въ дамскомъ обществѣ, и во дворцѣ...

Но я бы никогда не кончилъ, если бы задался претензію обрисовать всѣ личности, имѣвшія видъ пріятелей князя. Скажу только, что при его отѣздѣ, во главѣ этихъ пріятелей, стоялъ принцъ Александръ Дармштадскій, братъ императрицы¹), имѣвшій несчастіе сойтись съ одною изъ фрейлинъ, Гауке, и потому жениться на ней. Я видѣлъ эту персону и никакъ не могу постигнуть, чѣмъ она могла очаровать принца. Приведу истинный случай. Однажды съ женой мы

¹⁾ Въ бозѣ почившей Маріи Александровны.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. LXXXI. ДЕКАБРЬ.

были въ Павловскѣ. Часовъ въ 6 вечера къ вокзалу подъѣзжаетъ великая княгиня Александра Іосифовна верхомъ и съ нею Гауке, тоже верхомъ. Ихъ окружали нѣсколько свитскихъ офицеровъ на лошадяхъ. Александра Іосифовна сіяла красотой, такъ что подъ нея ма- ленькая смуглая Гауке представляла жалкій видъ. Мы стояли въ толпѣ другихъ, смотрѣвшихъ на кавалькаду. Вдругъ ко мнѣ обращается пожилой военный господинъ съ длинными усами и почтеннымъ лицомъ и спрашиваетъ: « Кто это съ великою княгинею? » Я отвѣчалъ, что одва изъ фрейлинъ—Гауке. « Помилуйте—это Никитка, совершенный Никитка! » сердито замѣтилъ онъ и отошелъ прочь. Что именно хотѣлъ выразить этотъ почтенный незнакомецъ, мы съ женой никакъ не могли понять; во всякомъ случаѣ слова его не заключали, конечно, въ себѣ ничего лестнаго.

Въ назначенный для отѣзда князя день,—день, какъ теперь помню, свѣтлый и ясный, вся компанія его друзей, рѣшившаяся сдѣлать ему шумные проводы, рано собралась къ нему. Скоро прибыли два или три омнибуса огромныхъ размѣровъ, пріисканные и нанятые гдѣ-то для этого случая. Въ этихъ громадныхъ и оригинальныхъ экипажахъ все общество должно было отправиться на Среднюю Рогатку, блаженная памяти, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный обѣдъ и соотвѣтствующій тому кутежъ. Въ урочный часъ оно разсѣлось по мѣстамъ и съ грохотомъ, шумомъ и смѣхомъ двинулось къ цѣли, изумляя проходящихъ и проѣзжающихъ. Само собою разумѣется, что и я тутъ примкнулъ. На Средней Рогаткѣ произошелъ, конечно, разгуль блестящихъ и широкихъ размѣровъ. Вино лилось рѣкой; сняты были мундиры; въ свое время появилась досто-славная жженка; раздались пѣсни, князь переходилъ изъ объятій одного къ другому. Наконецъ, насталь часъ окончательной разлуки и окончательного отѣзда. Князь сѣлъ въ свой великолѣпный дормезъ; извѣстный Исаи копшой вскочилъ на козлы, и лихая четверка помчалась стрѣлой...

Теперь мнѣ остается сказать обѣ отправленіи на Кавказъ без-численныхъ предметовъ, которые должны были составить княже-скую обстановку на Кавказѣ. Начать съ того, что надо было отпра-вить множество людей, подъ предводительствомъ знатнаго въ со-ставѣ княжеской дворни Кудрявцева. Этотъ Кудрявцевъ былъ ти-

помъ дворецкихъ знатныхъ домовъ. Довольно полны, благообразны, съ солидными манерами, онъ не только имѣлъ большой вѣсъ между всѣми другими придворно-служителями; но пользовался уваженiemъ князя и княгини Мары Федоровны, онъ былъ дворецкимъ еще при покойномъ князѣ, а послѣ его смерти въ этой же должности состоялъ у княгини, которая много терпѣла отъ его капризовъ и избалованности. Не знаю, дѣйствительно ли или только по какому-нибудь предубѣжденію, но только Кудрявцева считали одареннымъ необычайнымъ вкусомъ во всѣхъ частяхъ домашства. Нечего и говорить, что онъ былъ великій художникъ въ отношеніи всѣма важныхъ у нашихъ аристократовъ вопросовъ: какъ убрать напр. столь, какъ подать и какъ принять. Въ домѣ князя, сначала нераздѣльномъ съ княгинею, эти вопросы имѣли наибольшее значеніе. Обѣдъ, напримѣръ, былъ у нихъ дѣломъ, въ высшей степени торжественнымъ, и мнѣ, конечно, не разъ доставалась честь принимать въ этомъ дѣлѣ личное участіе.

Достаточно сказать, что самъ князь всегда переодѣвался къ обѣду и иначе не присутствовалъ на немъ, какъ въ мундирѣ. Но Кудрявцева считали артистомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Если княгиня, безспорно одаренная самымъ изящнымъ вкусомъ, предлагала убрать на новый ладъ какую-нибудь комнату или расположить иначе цвѣты—Кудрявцевъ являлся тутъ полнымъ властелиномъ, грубо отвергалъ идеи княгини и настаивалъ на свою, а когда княгиня не соглашалась, онъ бросалъ все и уходилъ. Какъ бы то ни было, но когда государь или императрица посѣщали княгиню, они всегда говорили важному Кудрявцеву, постоянно сияющему бѣлымъ жилетомъ и бѣлымъ галстукомъ: «здравствуй, Кудрявцевъ». Этого-то господина княгиня уступала князю, чтобы аранжировать его кавказское домашство.

Понятно, что, привыкнувъ въ теченіе жизни къ самимъ широкимъ во всемъ размѣрамъ, Кудрявцевъ забиралъ съ собой бездну серебра, фарфора, стекла, столоваго и всякаго другаго бѣлля, погребъ винъ и необъятный запасъ всевозможныхъ коместиблей. Чтобы лучше выставить всю грандиозность и пышность всей обстановки, которую князь желалъ окружить себя на Кавказѣ, мнѣ кажется, достаточно сказать, что туда отправлялись, между прочимъ,

*

бильярдъ, шѣвческое платье, ливреи для людей, экипажи разныхъ фасоновъ и, наконецъ, призовой вороной рысакъ, о которомъ я выше говорилъ, купно съ курчавымъ Андреемъ. Мнѣ стоило большаго труда найти подрядчика, который бы взялся доставить все это изъ Петербурга прямо на мѣсто. Кавказъ и доселѣ пугаетъ нашихъ русскихъ промышленниковъ, а тогда онъ представлялся еще болѣе таинственнымъ и грознымъ. Наконецъ выискался какой-то отчаянныи изъ небогатыхъ подрядчиковъ, который рѣшился самъ сопровождать княжеский караванъ и хотя заключилъ со мною формальныи условія, но, чуждый всякихъ знаній о кавказской сторонѣ, основывался главнѣйше на надеждѣ, выражаемой обыкновенно словомъ: «не обидите». Подрядчикъ этотъ купилъ два корабля, именуемые, кажется, «тихвинками», нагрузилъ ихъ, елико можно, наняль рабочниковъ и въ одно прекрасное утро, какъ говорится, оставилъ берега сѣверной Пальмиры. Плаваніе и вообще шествіе этого каравана къ мѣсту назначенія продолжалось невыносимо долго и сопровождалось различными приключеніями, въ числѣ которыхъ недостатокъ денегъ, разумѣется, занималъ первое мѣсто. Кудрявцевъ, которому поручено было высшее наблюденіе за благополучнымъ плаваніемъ этой флотиліи, положительно осыпалъ меня письмами изъ всѣхъ городовъ, мимо которыхъ она проходила, съ описаніемъ этихъ приключений и требованіемъ помощи. Кончилось тѣмъ, что предпримчивый подрядчикъ умеръ въ Астрахани, но мѣстныи власти взяли караванъ подъ свое попеченіе и, хотя съ большими затрудненіями, но доставили его таки на мѣсто.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академии.

ГЛАВА XXXIX¹⁾.

О Балашовѣ.

Въ то время, какъ мы, ученики, въ каникулы 1824 г., жили въ домахъ отцовъ своихъ, въ Рязани случились два замѣтнѣйшия для нея происшествія: смерть архіепископа Сергія и потомъ трехдневное пребываніе императора Александра I въ Рязани. Но при описаніи этихъ событій, особенно послѣдняго, нужно будетъ говорить о двухъ тогдашнихъ рязанскихъ знаменитостяхъ: о генераль-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ Рюминѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу нужнымъ тутъ же, кстати, сказать и о другихъ рязанскихъ гражданахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ особахъ, чтобы потомъ уже не отвлекаться отъ другихъ предметовъ эпизодами. Въ этомъ случаѣ мои замѣтки будуть относиться не къ одному 1824 г., а ко всему семилѣтнему моему житию въ Рязани; въ иныхъ же случаяхъ, особенно говоря о духовенствѣ, я коснусь и давно минувшихъ лѣтъ. Но предварительно нахожу нужнымъ поговорить о двухъ тогдашнихъ знаменитостяхъ: о генераль-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ и богачѣ Рюминѣ. Обѣ эти знаменитости были, какъ тогда носилась молва, въ нѣкоторомъ смыслѣ соперниками. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкомъ близкимъ къ императору, даже его любимцемъ, и имѣлъ громадную въ пяти губер-

¹⁾ См. „Русск. Старину“ сентябрь 1894 г.

ніяхъ власть. Другой тоже пользовался расположениемъ государя, официальной власти не имѣлъ, но его громадное состояніе и умѣніе жить давали ему возможность имѣть обширное вліяніе на Рязань. Для Балашова, какъ тогда говорили, Александръ прѣзжалъ въ Рязань, но квартировалъ по собственному выбору даже противъ желанія Балашова у Рюмина.

Генераль-оть-инфантеріи Александръ, кажется, Дмитріевичъ Балашовъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ въ 1812 г. и участвовалъ въ интригѣ, посредствомъ которой Сперанскій долженъ былъ отправиться изъ столицы въ ссылку. Послѣ онъ былъ сколько-то времени министромъ полиціи и потомъ, не припомню уже, въ какомъ году, сдѣлся рязанскимъ генераль-губернаторомъ. Кажется, эту перемѣну не слѣдуетъ считать чѣмъ-то въ родѣ немилости императора къ нему. Вмѣсто званія ministra полиції, Балашовъ, получивъ подъ названіемъ генераль-губернатора въ управлѣніе пять губерній: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Воронежскую, явился порядочнымъ царькомъ, который по числу подданныхъ былъ сильнѣе каждого изъ членовъ тогдашняго германского союза, исключая австрійского императора и прусскаго короля; его въ шутку, а иногда въ насмѣшку, и называли рязанскими царькомъ. О томъ, какъ этотъ знаменитый любимецъ Александра I жилъ и дѣйствовалъ въ Рязани, я, конечно, много слыхалъ и даже видалъ, будучи ученикомъ въ Рязани, но гораздо болѣе узналъ отъ бывшаго рязанскаго купца Андрея Михайловича Шенна и бывшаго предсѣдателя рязанской палаты уголовнаго суда Евграфа Ивановича Стромилова. Первый при Балашовѣ былъ богатымъ и предпріимчивымъ купцомъ. Онъ очень нравился генераль-губернатору ловкимъ исполненіемъ казенныхъ подрядовъ, пользовался расположениемъ у его самого и приближенныхъ его. У Шенна, — другая его фамилія была Гладкой, — я жилъ на квартире около четырехъ лѣтъ, когда онъ уже былъ чуть не стольтнимъ старикомъ и жилъ уже очень не богато, если не бѣдно, любилъ вспоминать про то время, когда при Балашовѣ онъ игралъ роль значительного лица въ Рязани, у которого въ гостяхъ бывали и губернаторы. Съ Стромиловымъ я познакомился по рекомендациіи моего батюшки, тотчасъ по переселеніи моемъ въ Рязань въ 1852 г.,

и пользовался его расположениемъ до самой его смерти въ 1868 году. Онъ, какъ почти постоянный житель и служака Рязани, тоже хорошо зналъ Балашова, хотя ему, кажется, не былъ извѣстенъ.

Не знаю, почему Балашову вздумалось поселиться въ Рязани, которая и тогда, какъ нынѣ, была хуже Орла, Тулы, Воронежа и Калуги. Поселившись въ Рязани, онъ жилъ, какъ знаменитый русскій вельможа и администраторъ. Занималь онъ на лучшей улицѣ города огромный домъ; у подъѣзда его квартиры всегда стоялъ военный карауль изъ двухъ солдатъ. Куда бы онъ ни ѻхалъ по городу, его провожалъ конный жандармъ, а въ торжественныхъ случаяхъ, напр. въ такъ называемые царскіе дни, при проѣздѣ его въ соборъ къ молебну, галоппировали сзади его экипажа два жандарма и ѻхалъ въ дрожкахъ или саняхъ полиціймейстеръ. Нечего уже говорить о томъ, что рязанскіе жители, изъ уваженія ли къ генераль-губернатору, или изъ боязни попасть въ полицію за мнимое неуваженіе къ власти, снимали свои шапки и кланялись его высокопревосходительству.

Нечего о томъ говорить, что къ нему ежедневно являлись съ рапортами и докладами разнаго рода чиновники. Но во всѣ праздники было у него въ квартирѣ нѣчто въ родѣ большихъ и малыхъ придворныхъ выходовъ. Покойный Шеннъ мнѣ рассказывалъ, что часу въ 12-мъ послѣ обѣдни обыкновенно всѣ болѣе или менѣе значительныя лица, не только изъ чиновниковъ, но и изъ помѣщиковъ и купцовъ, считали нужнымъ являться въ приемную залу генераль-губернатора. Тутъ они дожидались появленія рязанскаго принца, иногда часикъ и болѣе. Наконецъ онъ выходилъ, всѣ выстраивались и кланялись. Начинался обходъ; съ тѣмъ милостиво разговаривали, тому протягивали руку, иному отвѣчали на поклонъ тоже чѣмъ-то похожимъ на поклонъ, мимо другаго проходили посмотрѣвшіи только, а то и вовсе не взглянувшіи на него. Не обходилось и безъ болѣе замѣтныхъ выражений неудовольствія начальства; дѣлались выговоры, замѣчанія за тѣ или другія неисправности. Если кто не очень усердно являлся на эти выходы, то ему напоминалось, что его какъ-то давно уже не видно. Результатомъ всего этого было то, что наибольшая часть лицъ, имѣвшихъ право и вмѣстѣ обязанность являться къ этому двору, стара-

лись угодить вкусу начальника и являлись если не каждый праздникъ, то не осмѣшивались пропускать многое къ ряду праздники. Въ высоко-торжественные же праздники, Пасху, Новый годъ и т. п., эти сходбища были уже очень многочисленны. Только не знаю, почему и когда, а сходбища эти бывали и до обѣдни, и послѣ нея. Мы, мальчишки, нарочно бывало хаживали на Соборную улицу, чтобы видѣть, какъ за генераль-губернаторомъ, мчавшимся въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ соборъ къ молебну, мчались съ одинаковою быстротою на разныхъ разстояніяхъ дрожки, кареты, коляски, сани и проч., въ которыхъ сидѣли разные чиновники съ шитыми воротниками. По окончаніи обѣдни, иногда тотъ же поѣздъ мчался къ дому генераль-губернатора. Самого его высокопреосвященства карета, запряженная четвернею лошадей шугомъ, вскорѣ тоже отправлялась къ царскому намѣстнику.

Управляя пятью губерніями, посылая множество предписаній и получая еще гораздо болѣе разныхъ донесеній, Балашовъ долженъ былъ имѣть большую канцелярію при себѣ. Она помѣщалась въ особомъ зданіи, которое въ прежнія времена служило квартирой для губернаторовъ. Въ ней подобно тому, какъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, правителемъ дѣлъ былъ чиновная особа, какой-то Кавелинъ, въ то время, какъ я учился уже въ Рязани, едва-ли не действительный статский советникъ, по крайней мѣрѣ квартирой ему служилъ очень большой домъ. Охотниковъ поступить въ составъ канцеляріи было очень много; для этого прїезжали даже изъ Петербурга такъ называемыя матушкины дѣтки; для рязанскихъ жителей считалось за честь попасть въ число ея дѣятелей, но, кажется, составъ чиновниковъ ея вообще былъ хороший. Службой этой интересовались не только потому, что она доставляла лучшее содержаніе, нежели губернскія присутственныя мѣста, но и потому, что генераль-губернаторъ любилъ ея чиновникамъ, какъ лицамъ извѣстнымъ если не ему самому, то его правителью дѣлъ, раздавать мѣста въ присутственныхъ мѣстахъ не только губернскихъ, но и уѣзденыхъ. Разсказывали про остроту одного господина, который былъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Рязанской губерніи. На предложенный ему вопросъ, что онъ видѣлъ

въ нихъ особеннаго, онъ отвѣчалъ: « Я вездѣ встрѣтилъ только бывшихъ чиновниковъ генераль-губернаторской канцеляріи ».

Независимо оть канцелярскихъ были при Балашовѣ чиновники по особымъ порученіямъ и какіе-то экстраординарные чиновники, которыхъ нельзя встрѣтить по губернскимъ мѣстамъ. Такъ напр. въ Рязани существовалъ оберъ-полиціймейстеръ, которому подчинялись уѣздные городничіе, не знаю только одни ли рязанскіе, или всѣхъ вообще цяты губерній; или уже не въ каждой ли губерніи было по оберъ-полиціймейстеру. Были и другіе какіе-то экстраординарные чиновники. Это сдѣлалось известнымъ при императорѣ Николаѣ. Скоро по воцареніи его, Балашова, какъ члена Государственного Совѣта, вы требовали въ Петербургъ, и кажется, безъ него-то производилъ ревизію по генераль-губернаторству какой-то сенаторъ, который и донесъ, между прочимъ, что генераль-губернаторъ превысилъ свою власть, устанавливая самъ собою новыя должности, къ числу которыхъ, разумѣется, причислена была и должность оберъ-полиціймейстера. Отѣзжая въ Петербургъ, Балашовъ раздѣлилъ свою канцелярію на двѣ части, одну оставилъ въ Рязани, а другую взялъ съ собою въ Петербургъ. Но вскорѣ генераль-губернаторство было уничтожено, и въ Рязани опять воцарились губернаторы, не замѣняемые уже болѣе яркимъ свѣтиломъ генераль-губернатора.

Самъ по себѣ Балашовъ былъ, кажется, въ Рязани честнымъ человѣкомъ. Будучи еще оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, онъ нажилъ хорошее состояніе; въ Рязани уже можно было быть или казаться честнымъ. Но приближенные его, по крайней мѣрѣ не всѣ, причислялись къ числу бесчестныхъ. Шеннъ мнѣ разсказывалъ характеристический анекдотъ про оберъ-полиціймейстера, милостью котораго, по всей вѣроятности не совсѣмъ безкорыстно, онъ пользовался. Одинъ городничій сдѣлалъ какою-то важный промахъ и долженъ былъ явиться въ Рязань для объясненій къ оберъ-полиціймейстеру. Но прежде, нежели предстать предъ своего грознаго судью, онъ счелъ за лучшее предрасположить его въ свою пользу приличною взяточкою и для совѣта явился къ Шенну. На общемъ совѣтѣ они положили попробовать смягчить разгнѣваннаго судью подобающимъ его чести приношеніемъ.

Шеннъ отправился для переговоровъ. Явившись къ оберъ-полиціймейстеру, онъ сказалъ: «А вѣдь такая-то птичка (разумѣя подъ этимъ названіемъ виновнаго городничаго) прилетѣла сюда, да не знаетъ, какъ къ вамъ ей явиться, съ однимъ ли крылушки или съ двумя» (подъ крылушкомъ подразумѣвалась сотня рублей).

— Ну, вотъ еще, отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеръ, какъ же можно птичкѣ летать съ однимъ крылышкомъ! У какой же ты птицы нашелъ только одно крыло?

Но этотъ чиновный зоологъ нашелъ лучшимъ, чтобы крылушки были принесены къ нему не самою птичкою, а Шенномъ. Церемонія исполнена, явившемуся послѣ того городничему сдѣлано было на словахъ приличное внушеніе, и потомъ онъ отпущенъ съ миромъ въ богоспасаемый свой градъ для вознагражденія понесенныхыхъ имъ убытковъ въ качествѣ птички. Разумѣется, и мой любезнѣйшій хозяинъ Шеннъ не остался безъ вознагражденія за свои праведные переговоры.

Балашовъ старался улучшить по своимъ понятіямъ вѣроятныя его управлению губерніи. Въ Рязани улучшенія его главнымъ образомъ коснулось улицъ. До него онѣ не были вымощены, исключая двухъ или трехъ улицъ; тротуаровъ или вовсе не было, или они такъ устраивались, что прогулки по нимъ не отличались удобствами. Отъ этого и происходило, что въ прежнее время на немощенныхъ улицахъ, по которымъ впрочемъ ходило и їздило много народа, не было почти возможности ни пройти, ни проѣхать. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ кареты, сѣхавшія съ Соборной улицы на Семинарскую немощенную, проѣхавши нѣсколько десятковъ саженей, останавливались, хотя бывали запряжены даже четырьмя лошадьми. Несмотря на неутомимую дѣятельность кучерскихъ и форейторскихъ кнутовъ, лошади отказывались далѣе двигаться. Тогда долговязые лакеи отворяли дверцы кареты, выносили барынь на мостовую или тротуары Соборной улицы, а на выручку кареты изъ грязи въ помощь лошадямъ приглашались люди и приносились веревки, и послѣ усердной общей работы, и еще болѣе усерднаго крика вытаскивали кое-какъ карету.

Въ этомъ отношеніи Балашовъ дѣйствительно сдѣлалъ много хорошаго для Рязани. Конечно, и до сихъ поръ около трети улицъ

еще не имѣютъ мостовыхъ; но почти всѣ вымощенные улицы сдѣланы такими при Балашовѣ; при немъ также чуть не вездѣ тоже были устроены и тротуары. Конечно, они не отличались совершеннымъ, такъ сказать, без грязиемъ въ дурную погоду, но все-таки можно было по большей части ихъ пройти, не опасаясь завязнуть въ грязи или оставить въ ней сапоги. Чтобы облегчить устройство мостовыхъ для города, Балашовъ своею властью установилъ особую пошлину со всѣхъ вѣзжающихъ въ Рязань, разумѣется, крестьянъ. Изъ нихъ каждый у заставы долженъ былъ дать не менѣе трехъ небольшихъ булыжниковъ; или заплатить сколько-то копѣекъ. Поэтому въ то время у заставъ Московской и Астраханской, гдѣ стояли мытари, собиравшіе пошлину, стояли порядочные кучи булыжника. Велики ли кучи составлялись изъ грошей, я не знаю, ихъ не выставляли напоказъ, а укладывали по карманамъ.

Несмотря на слишкомъ ясную пользу, доставляемую тротуарами, домохозяева рязанскіе были очень недовольны распоряженіями генераль-губернатора. Не только тротуары, но и мостовая едва-ли тогда не устраивались на счетъ домохозяевъ, по крайней мѣрѣ семинарія, несмотря на всѣ хлопоты, должна была на свои, а не на городскія деньги вымостить улицу противъ своего дома и двора. Но если устраивались мостовые противъ домовъ частныхъ владѣльцевъ на городской счетъ, то все-таки деньги для этого, какъ небывалый прежде расходъ, вынимались изъ кармановъ домовладѣльцевъ подъ видомъ особой пошлины. Потомъ введено было освѣщеніе города фонарями по многимъ улицамъ; опять нужны были деньги. А наконецъ на болѣе видныхъ улицахъ слѣдовало мести ежедневно и тротуары, и мостовую, для чего слѣдовало нанимать дворника. Очевидное дѣло: опять страдалъ карманъ гг. домовладѣльцевъ. Но сюда присоединилась новая бѣда. Балашовъ старался истребить мошенничество и кулачество въ торговлѣ, приказывалъ смотрѣть за вѣсами, мѣрами, за тѣмъ, чтобы купцы не стѣсняли крестьянъ, торговавшихъ со своихъ возовъ въ базарные дни и пр. Рязанскимъ купцамъ-кулакамъ надобно было или отказаться отъ своихъ мошенническихъ и кулаческихъ преданій, или тратить деньги на подкупъ полиціи. Но и послѣднее не всегда помогало. Генераль-губернаторъ, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, любилъ ходить по

городу и рынку въ партикулярномъ платьѣ и часто самъ имѣлъ случай видѣть купеческія продѣлки; тутъ, разумѣется, доставалось уже и полиція, которая старалась вымѣстить это на купцахъ. Словомъ сказать, рязанскимъ домовладѣльцамъ и торговцамъ-кулакамъ не нравился генераль-губернаторъ по многимъ причинамъ. Иногда даже вслухъ ругали его.

Однажды какой-то мѣщанинъ нашелъ возможность высказать ему очень колкую остроту, которую съ удовольствіемъ повторяли жители Рязани. При Балашовѣ выстроили новый въ Рязани острогъ на подобіе какого-то рыцарскаго замка съ четырьмя башнями по угламъ, съ высокою оградою кругомъ двора, съ желѣзными воротами. Балашовъ, пришедши въ партикулярномъ платьѣ осматривать работы, увидѣлъ толпу зѣвакъ и, подошедші къ ней, сказалъ: «ну, что, ребята, каковъ домикъ?» — «Хорошъ», отвѣчали ребята, дѣйствительно не узнавшіе генераль-губернатора, или только показавшіе видъ, что не узнаютъ его. Но онъ продолжалъ: «И знаете ли, вѣдь этотъ домъ строится для васъ, ребята?»

Тогда мѣщанинъ, который, какъ тогда говорили, только притворился незнающимъ генераль-губернатора, отвѣчалъ ему съ улыбкою:

— Э, баринъ, полно шутить надъ нами, куда намъ въ такомъ домѣ жить? Хоть бы твоей милости посчастливилось въ немъ пожить.

Балашовъ, разумѣется, не продолжалъ болѣе разговора.

Но особенно Рязань должна быть благодарна ему за улучшеніе пожарной команды, которая, конечно, существовала и до него, но очень мало помогала во время пожаровъ. Балашовъ, какъ бывшій петербургскій оберь-полиціймейстеръ, дѣйствительно устроилъ ее очень хорошо; при немъ ни одному пожару не позволили истребить много домовъ.

Не одни купцы-кулаки и домовладѣльцы рязанскіе не любили Балашова; чиновники высшіе и средніе едва-ли не болѣе горожанъ его ненавидѣли. Губернаторъ, предсѣдатели и совѣтники палатъ и прочая губернская чиновная знать принуждены были находиться подъ постояннымъ надзоромъ его высокопревосходительства, вѣчно быть, по пословицѣ, въ струнку, постоянно ожидать, что вотъ по жалобѣ какого-либо мужика или мѣщанина придется

давать непріятнія объясненія предъ высшею властю на счетъ задлженія или неправильнаго рѣшенія какого-либо дѣла. Менѣе важные чиновники могли испытывать подобнаго рода непріятности, притомъ не отъ одной высшей власти, но и отъ ближайшаго своего начальства. Кромѣ того, не будь въ Рязани генераль-губернатора, каждый изъ менѣе важныхъ чиновниковъ могъ лелѣять себя надеждою получить болѣе выгодную должность или въ губернской администраціи, или гдѣ-либо въ уѣздномъ городѣ сдѣлаться хоть секретаремъ уѣзданаго суда. А тутъ при генераль-губернаторѣ канцелярія его была неистощимымъ разсадникомъ, изъ котораго добывали преимущественно чиновниковъ для занятія болѣе или менѣе важныхъ должностей.

Деревенское народонаселеніе было, подобно городскому, очень недовольно генераль-губернаторомъ и имѣло поводы считать свои жалобы на него справедливыми. Балашову хотѣлось исправить хоть такъ называемыя большія дороги по вѣреннымъ ему губерніямъ. Дороги были дѣйствительно въ дурномъ положеніи: въ грязное время во многихъ мѣстахъ почти не было проѣзда; мосты черезъ ручьи и рѣчки сгнили, а на болотахъ, которыхъ такъ много въ Мещорѣ мостовины въ осенне и особенно весеннее время были за плыву. Мой дядя, Василій Мартыновичъ, возвратившись въ 1818 году изъ семинаріи въ Туму къ Пасхѣ, разсказывалъ, что жь съ его товарищами переправлялись въ такъ называемомъ Сороковомъ (сорока-верстное пространство между деревнями Злаково и Ершово, покрытое въ то время сплошнымъ лѣсомъ) ю болотамъ слѣдующимъ образомъ: мостовины стояли на плыву, лѣкія изъ нихъ болѣе частию опускались въ воду, когда на нихъ становился человѣкъ, но въ разныхъ разстояніяхъ между ними находились довольно толстые бревна, способныя выдержать человѣка. И потому семинаристы въ одиночку бѣжали по менѣе тонкимъ мостовинамъ, чтобы какъ можно менѣе на нихъ находиться и помъ уже для отдыха останавливались на толстыхъ.

Само собою, и легкія мостовины нерѣдко погружались прежде, ежели ступившій на нее успѣвалъ сойти съ нея, а иногда и толстые бревна повертывались или тоже погружались отъ тяжести двухъ-рѣхъ человѣкъ; результатомъ этого было то, что семинаристы опу-

скались въ воду даже до пояса. Кромѣ того верстовые столбы, эта привилегія нашихъ большихъ дорогъ, поставленные едва-ли еще не при Екатеринѣ, подгнили и только кое-гдѣ были видны, какъ остатки давно минувшихъ лѣтъ. Наконецъ самыя версты въ очень многихъ мѣстахъ почему-то состояли изъ 700, а не изъ 500 саженей.

Улучшени¤ Балашова начались съ того, что всѣ дороги вновь были измѣрены, измѣреніе это произведено было не вездѣ съ большою точностью. Мой батюшка однажды спрашивалъ рязанскаго знакомаго исправника, отчего это по такъ называемому Сороковому бору версты не вездѣ равны?

— Эхъ, батюшка, отвѣчалъ исправникъ, измѣряли мы дорогу въ жаркое время; часто надобно было отдыхать; для этого мы и избирали мѣста посуше, потѣнистѣе, гдѣ бы можно было съ удобствомъ расположиться; вотъ тутъ въ благодарность и ставили верстовой столбъ. Ну, а иногда слѣдовало бы его поставить прямо въ болото; разумѣется, тутъ онъ скоро бы сгнилъ; вотъ мы и искали для него мѣстечка посуше. Но все-таки такъ или иначе верстовые столбы были разставлены.

Затѣмъ ширину дороги назначили въ 30, если не болѣе саженей, хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ иногда нужно было пройти нѣсколько верстъ, чтобы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь; просторъ полный! По ту и другую сторону дороги рыли канавы не менѣе аршина глубины не только въ низменныхъ или ровныхъ мѣстахъ, но даже и на буграхъ, гдѣ вода и безъ того не могла держаться. Затѣмъ около канавки на обѣихъ сторонахъ ея земля шириной до $1\frac{1}{2}$ — 2 саженей поднималась надъ прощею дорогою на четверть аршина, или немного болѣе, въ видѣ, такъ сказать, небольшой террасы, для составленія которой землю брали съ остального пространства дороги (земля изъ канавъ укладывалась неширокимъ возвышеніемъ въ родѣ вала, на вѣшней сторонѣ дороги), и старались придать ему форму такую же, какую имѣютъ городскія мостовые изъ булыжника, т. е. средина дороги должна была имѣть небольшую высоту, и отъ средины къ террасамъ въ ту и другую сторону дорога должна была понижаться и давать возможность стекать къ террасамъ. Самыя террасы усаживались двумя рядами

деревьевъ, березъ или ветель, кажется, въ разстояніи другъ отъ друга на двѣ сажени.

Деревья посадили; ветла, конечно, не церемонна; она легко принимается, если какая-либо вѣтвь и даже коль, покрытый корою, воткнулся въ землю; но для березы нужно выбрать время, да еще прибавить хоть небольшое умѣнье. А такъ какъ насаждатели-крестьяне не отличались особеннымъ искусствомъ въ этомъ отношеніи, то и насажденія ихъ не принадались; даже и тѣ, которыхъ привѣли съѣхать, были поломаны, обгрызаны и вырыты домашними животными, пасшимися на поляхъ, гдѣ лежали дороги. Въ слѣдующій годъ нужно было вновь приниматься за насажденіе, и для сбереженія ихъ отъ животныхъ приказано каждое дерево огораживать круглымъ плетнемъ изъ ивовыхъ прутьевъ; такие плетни, представлявшіе собою форму опрокинутаго усѣченного конуса, назывались въ народѣ кошолками. Деревья подъ защитою ихъ начали приниматься, но появившіяся ихъ вѣтви стали встрѣчать препятствія своему росту въ стѣнкахъ кошолокъ; и потому, кажется, года черезъ два вѣльно было кошолки отбросить прочь, а около каждого дерева вбить по четыре кола, скрѣпить ихъ внизу и вверху связками изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ.

Всѣ описанныя работы могли бы называться легкими, еслибы ихъ производили крестьяне ближайшихъ деревень къ той или другой части дороги. Но премудрая наша администрація, опекающая съ незапамятныхъ временъ и до сего дня, раздѣлила дороги каждого уѣзда по всѣмъ крестьянамъ его такъ, что развѣ нѣкоторые счастливицы-деревни имѣли доставшіеся имъ участки на своихъ поляхъ, или недалеко отъ себя. Нѣть, надобно было крестьянамъ ѻхать на свои участки даже за 20—30 верстъ и болѣе. Живи они вблизи своего участка, они могли бы, отдѣльвая его, ночевать, обѣдать и ужинать дома, а нужная деревья даромъ брать изъ своихъ лѣсовъ. А теперь надобно было отправляться за 20—30 и болѣе верстъ, платить за ночлегъ или остановиться цыганскимъ таборомъ по срединѣ дороги, запастись сѣстными припасами и потомъ самыя деревья добывать въ сосѣднихъ деревняхъ за большую или меньшую плату. Это было въ первый годъ, на слѣдующій затрудненія увеличились, потому что понадобились уже не одни де-

ревья, но и кошолки; потомъ еще черезъ года два, нужно было опять прѣхать и покуپать по четыре кола для каждого дерева.

А между тѣмъ его высокопревосходительство или самъ лично увидить, или узнаеть отъ своихъ довѣренныхъ чиновниковъ и знакомыхъ, что аллеи по террасамъ плохо разрастаются, что лѣтнай-мужики не умѣютъ защищить деревьевъ отъ овецъ и свиней или уравнять по ватерпасу дорогу, а исправники плохо смотрять за этимъ общеполезнымъ и крайне необходимымъ дѣломъ. И вотъ шлются выговоры исправникамъ; эти принимаются распекать заѣдателей (становыхъ приставовъ тогда еще не было), и въ концѣ концовъ отвѣчаетъ мужицкій карманъ, мужицкое лицо, мужицкіе волосы и мужицкія заднія мягкія части или спины; расходъ березовыхъ и иловыхъ прутьевъ увеличивается.

Но улучшеніе дорогъ повлекло за собою для крестьянъ и другія тягости, кромѣ описанныхъ мною. По дорогамъ нужно было устроить мосты, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были нужны, и дѣйствительно устроили, но даже и тамъ, гдѣ въ нихъ не было надобности. Словомъ, мнѣ случалось видѣть мосты, по которымъ почти никогда неѣздили, потому что подъ ними почти тоже никогда не бывало воды; подъ ними обыкновенно во время лѣтнихъ жаровъ овцы и свиньи скрывались, чтобы насладиться ихъ тѣнью. Причиною такого излишняго усердія было то обстоятельство, что устройство мостовъ возложено было не на крестьянъ той или другой деревни, а на деньги, которые слѣдовало набрать съ крестьянъ цѣлаго уѣзда. Планы на мосты составлялись и торги на устройство самыхъ мостовъ производились въ городахъ чиновниками. Но архитекторы наши издавна отличаются умѣньемъ составлять сметы вдвое, даже втрое противъ того, что слѣдуетъ употребить на постройку, а чиновники умѣютъ такъ производить торги, что подрядчики дѣлаютъ небольшую сбаку противъ сметы, и затѣмъ избытками своихъ барышей дѣлятся со своими благодѣтелями; рука руку моетъ. Напр. въ Мещорѣ крестьяне сами плотники, лѣсу у нихъ было въ то время вдоволь; нужно было только срубить деревья и привезти къ извѣстному мѣсту, иногда въ 2—3-хъ верстахъ и даже менѣе. Такимъ образомъ мостъ обошелся бы для крестьянъ только немногими рабочими днями. Но премудрая администрація отдавала все

съ торговъ извѣстнымъ своимъ любимцамъ по смѣтнымъ почти цѣнамъ, отчего и происходило, что за мостъ, который бы обошелся во 100 р., платили 1.000, даже 2.000 рублей; за мостъ, котораго постройка не потребовала 10—20 руб. платили по 150—200 руб. Конечно, мужикамъ не на что было бы за это сердиться, если бы сами чиновники платили свои деньги. Но дѣло состояло въ томъ, что деньги собирались со всего уѣзда и чиновниками щедрою рукою отдавались подрядчикамъ и вмѣсть съ тѣмъ попадали въ карманы гг. чиновниковъ. Точно такимъ же образомъ устраивались станціонные дома въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находились почтовыя станціи. Конечно, дома вышли очень удобны и красивы, даже въ настоящее время эти дома въ бывшемъ генераль-губернаторствѣ Балашова лучше, нежели въ другихъ губерніяхъ, кромѣ домовъ, устроенныхъ казною на шоссейныхъ дорогахъ. Но за то чего стоили и дома, и мосты! Шенінъ, какъ бывшій подрядчикъ на множество такихъ построекъ, бывало не могъ о нихъ говорить безъ особаго воодушевленія. «Вотъ такъ было времячко, Дмитрій Ивановичъ, можно было и самому нажить копѣйку, да и другимъ у служить. Тысячи такъ и летѣли въ карманъ».

Нынѣ, когда деревья, посаженные по большими дорогамъ, разрослись въ пятидесяти-лѣтнія деревья и во многихъ мѣстахъ составляютъ почти настоящія тѣнистые аллеи, нынѣ многіе восхищаются ими и превозносятъ Балашова. Но мужикъ двадцатыхъ годовъ балашовскихъ губерній не имѣлъ поводовъ приходить отъ нихъ въ восторгъ. Ему приходилось на нѣсколько дней уѣзжать изъ дома за 20—30 и болѣе verstъ отъ дома, жить тамъ подъ открытымъ небомъ, находить защиту отъ дождя въ своей телѣгѣ, рогожкѣ или зипунѣ, промокнуть иногда чуть не до костей, схватывать лихорадки и ревматизмы, питаться однимъ хлѣбомъ, а когда онъ выходилъ, добывать или за деньги, или въ видѣ милостыни въ сосѣднемъ селеніи или хлѣбъ или даже сухари у поповъ, рыть канаву нерѣдко подъ дождемъ въ грязи. На слѣдующій годъ опять отправляться туда же устраивать кошолки и послѣ вбивать и обвязывать колышки; въ награду за эти труды получать пощечины, зуботычины, а иногда приходилось лежать и подъ розгами. Потомъ изъ своего же кармана надобно было давать рубли на мосты и на

почтовые станции. Хоть и мужикъ, а онъ понималъ, что дороги могли и не имѣть аллей, что мосты и станции можно было устроить по цѣнѣ въ десять разъ дешевле, что ему можно было отвести участокъ близъ его же деревни, а не посыпать чутъ не за тридевять земель куда-то.

Но по большинству дорогамъ главная, такъ сказать, грязь находится не на поляхъ, а въ селеніяхъ; я очень много помню сель и деревень, которыхъ улицы просыхали развѣ только въ самое жаркое лѣто; къ числу ихъ принадлежали и Тума—моя родина. Балашовъ рѣшился было осушить и селенія, но неудачно. Для этого онъ предписалъ прорыть по улицамъ близъ домовъ канавы и отгородить ихъ отъ средины улицы балюстрадою, состоявшую изъ столбиковъ, выдававшихся надъ поверхностью земли на аршинъ и соединенныхъ между собою двумя брусками вверху и внизу. Сверхъ того приказано было посадить противъ домовъ деревья, чтобы и тутъ образовалось нѣчто въ родѣ аллей. Смѣшно было смотрѣть, что такія канавы и балюстрады устраивались вездѣ и тамъ даже, гдѣ селеніе стояло на косогорѣ, и потому вода сама собою стекала въ низменныя мыста. Но и тамъ, гдѣ были вырыты канавы, онъ только стѣснили и еще болѣе загрязнили улицы. Напр. въ Тумѣ духовенство, считая себя привилегированнымъ сословіемъ, не хотѣло рыть канавы противъ своихъ домовъ. Да и тамъ, гдѣ по цѣломъ селенію прорыты были канавы, для воды не были приготовлены стоки, гдѣ-либо за домами или въ полѣ, и потому канавы не только наполнялись, но и переполнялись водою. Бруски между столбиками да и самые столбики сперва были поломаны, и проѣзжие особенно ночью попадали въ самыя канавы, откуда уже вытащить колеса лошади не могли; надобно было непремѣнно искать пособія у жителей, которые частенько не прочь были продавать подороже свое пособіе, не говоря уже въ родѣ слѣдующихъ: «Экъ тебя, лѣшай, угораздило! Куда тебя черти занесли? Развѣ ты ослѣпъ? Развѣ нѣтъ дороги?» и пр. Посаженные же деревья почти нигдѣ не приялись.

ГЛАВА XL.

О Рюминѣ и иѣкоторыхъ другихъ рязанскихъ жителяхъ-мірянахъ.

И до Балашова и послѣ Балашова и при Балашовѣ жила въ Рязани туземная, можно сказать, самородная знаменитость—статскій советникъ Гавріилъ Васильевичъ Рюминъ, о которомъ даже и теперь, слишкомъ черезъ 40 лѣтъ послѣ его смерти, рассказываютъ легендарныя преданія. Несмотря на то, что въ 1824 г. ему уже было за 70 лѣтъ, въ Рязани было еще иѣсколько стариковъ, его сверстниковъ, которые видѣли его дѣтство и знали былые его занятія. Рюминъ по своему происхожденію былъ мѣщанинъ, въ дѣствѣ и молодыхъ лѣтахъ добывалъ себѣ хлѣбъ разноскою аладьевъ, блиновъ, пирожковъ и разною мелочною торговлею и, разумѣется, былъ очень бѣденъ, перебиваясь по поговоркѣ, со дня на день кое-какъ, гдѣ сытый, а гдѣ и впроголодь. Еще незадолго до 1824 года, жилъ-былъ въ Рязани бѣдный мѣщанинъ Харинъ, которому когда-то Рюминъ остался долженъ три денежки за алады или блины. Харинъ, подвыпивши, имѣлъ обыкновеніе подходить къ дому бывшаго своего собѣдняги, а теперь сдѣлавшагося богачомъ, и кричалъ ему съ улицы: «Эй, Гаврюшка, что же ты мнѣ не отдаешь три денежки, которая и Богъ знаетъ когда зайдѣ у меня? Отдай, говорю тебѣ; покою тебѣ не дамъ!». Ему отдавали не разъ не денежки, а рубли и ассигнаціи, но онъ приговаривалъ, принимая впрочемъ ихъ: «Это не то; иѣть, ты отдай мнѣ три денежки такія, какія ходили тогда, какъ ты у меня зайдѣ аладьевъ на три денежки». Разумѣется, пьяничугѣ доставалось и отъ полиціи, и отъ лакеевъ Рюмина, но онъ все-таки любилъ напоминать богачу о своихъ трехъ денежкахъ.

О томъ, какъ Рюминъ сдѣлялся богачемъ, носились различные слухи; но всѣ они сходились въ томъ, что, бросивъ алады, пирожки, блинцы и другіе предметы мелочной торговли, пошелъ, по тогдашнему выраженію, по кабацкой части; сначала пристроился гдѣ-то подносчикомъ, т. е. помощникомъ цѣловальника, потомъ самъ сдѣлялся цѣловальникомъ; тутъ его замѣтилъ тогдашній бо-

*

гачь и откупщикъ-рязанецъ Мальшинъ, сдѣлавъ своимъ агентомъ, помощникомъ и пр. Поговаривали даже, что Рюминъ умѣль не совсѣмъ добросовѣтно понажиться около своего благодѣтеля, но, какъ бы то ни было, только онъ скоро сдѣлался самъ откупщикомъ и зачислился, разумѣется, въ первую купеческую гильдію. Отсюда уже было не далеко до званія коммерціи совѣтника, а почислившись нѣсколько лѣтъ коммерціи совѣтникомъ, хоть можетъ быть ровно ничего не послѣдовавши по части русской коммерціи, можно уже было получить чинъ надворнаго совѣтника. Сверхъ того, Рюминъ сдѣлалъ много крупныхъ пожертвованій; особенно говорили, что въ 1812 г. едва-ли не до миллиона пожертвовалъ на тогдашнія военные нужды. Все это давало ему ордена, чины, извѣстность. О немъ узналъ покойный императоръ Александръ I, видѣлъ, полюбилъ его и былъ крестнымъ отцомъ одного или нѣсколькихъ дѣтей его, и, когда прїезжалъ въ Рязань, всегда останавливался въ домѣ Рюмина. Однажды Балашовъ, будучи недоволенъ за что-то Рюминымъ, приготовилъ квартиру для государя въ другомъ какомъ-то домѣ. Но государь, когда его подвезли къ отведенной для него квартирѣ, сказалъ: «Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина» и велѣлъ везти себя туда. Старикъ на всякий случай приготовился, и императоръ нашелъ прежнюю свою квартиру въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ заставалъ ее прежде.

Но Рюминъ, награждаемый чинами и орденами, не забывалъ того, что ему ихъ доставляло, т. е. деньги. Какъ ловкій и обортливый откупщикъ, онъ жилъ и наживался и, сдѣлавшись дворяниномъ, началъ покупать крестьянъ на нажитыя деньги. По смерти его, случившейся, кажется, въ 1827 г., оказалось, что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, какъ тогда говорили, болѣе 10.000 душъ крестьянъ и до 15 миллионовъ рублей денегъ. Этотъ бывшій блинщикъ и подносчикъ, сдѣлавшійся статскимъ совѣтникомъ, богачемъ и кумомъ государя, кажется, не забывалъ о прежней своей бѣдности и былъ очень хорошимъ помѣщикомъ относительно своихъ крестьянъ. Оброкъ на нихъ налагалъ очень не большой, рублей по 20—30 съ тягла, снабжалъ крестьянъ землею болѣе нежели въ достаточномъ количествѣ, а главное—его фамилія служила имъ защитою противъ чиновничихъ придиrokъ. Рюминскаго кресть-

занна опасались поприжать и исправникъ, и засѣдатель, и стряпчай, и даже все временное отданіе, составлявшееся для производства какого-либо слѣдствія; развѣ только къ бурмистрамъ Рюмина любили заѣзжать напиться чаю, поѣсть и попить. Послѣ этого не удивительно, что крестьяне Рюмина жили хорошо; нищіе между ними были рѣдкость. Въ Тумѣ и около нея рюминские крестьяне были самыми зажиточными.

Не забывалъ онъ, какъ выражались духовные, и церквей Божіихъ. Въ Рязани онъ выстроилъ второй этажъ соборной колокольни и передѣлалъ теплый соборъ. Затѣмъ священники, въ приходѣ которыхъ находились рюминские крестьяне, смѣло могли идти къ барину ихъ; почти не было примѣра, чтобы по объясненіи церковныхъ нуждъ онъ отказалъ въ пособіи просимаго, но большую частью всегда давалъ порадочную сумму. Мой батюшка при постройкѣ каменной церкви и въ разныхъ другихъ случаяхъ являлся къ нему не одинъ разъ; покойникъ говорилъ, что былъ принимаемъ самимъ вѣжливымъ образомъ; случалось даже, что онъ занимался съ однимъ батюшкою и, выслушавъ его нужды, просилъ посидѣть, напиться чаю и разговаривалъ съ нимъ по часу, по два, оставляя даже своихъ гостей. Два раза батюшка имѣлъ случай видѣть его казначейство. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ такъ описывалъ. Выслушавъ разсказъ о нуждахъ тумской церкви, Рюминъ позвалъ свою ключницу и спросилъ моего батюшку: «Пойдетъ ли отецъ протопопъ въ мою кладовую?»

Она была устроена у него на одномъ изъ угловъ его дома безъ оконъ. Сначала была, кажется, деревянная красная дверь, потомъ следовала желѣзная съ нѣсколькими замками. Когда обѣ двери были отворены, батюшка, вошедши за ключницею и Рюминомъ въ кладовую, увидѣлъ большой желѣзный сундукъ, прикованный цѣпями со всѣхъ сторонъ. Сначала Рюминъ попробовалъ висячіе замки, потомъ велѣлъ ключницѣ отпереть сундукъ и, когда крышка открылась при помощи какого-то механизма, онъ быстро осмотрѣлъ внутренность сундука, гдѣ батюшка замѣтилъ кучи ассигнацій и мѣшкіи монеты.

Старикъ сказалъ ключницѣ: «возьми вонъ въ томъ углу тысячу рублей». Взявъ ее въ руки, онъ велѣлъ запереть сундукъ, попро-

бовалъ каждый замокъ, послѣ того какъ его заперла ключница; то же самое сдѣлалъ съ замками дверными. Пришедши въ одну изъ комнатъ онъ ключницѣ велѣлъ положить связку ключей въ тотъ ящикъ комода, откуда она ихъ прежде вынула, и ключъ отъ него уже положилъ къ себѣ въ карманъ. Отдавши батюшкѣ деньги и попросивши непремѣнно пересчитать ихъ, онъ сказалъ: «я, батюшка, въ комодѣ мало держу денегъ, а въ кладовую самъ всегда хожу за ними, это надежнѣе».

Настоящимъ, впрочемъ, благодѣтелемъ Рюминъ былъ для рязанской аристократіи, какъ помѣщичьей, такъ и чиновничьей; для купцовъ, кажется, онъ былъ не очень доступенъ, по крайней мѣрѣ они у него едва-ли бывали гостями; какъ-то обѣ этомъ мало тогда говорили. За то имѣвшіе свободный входъ въ домъ Рюмина чиновники и помѣщики находили тамъ всегда щедрое угощеніе. Кажется, особыхъ приемныхъ дней не было; едва-ли не каждый день двери были отворены для желающихъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяина. Надобно полагать, что иногда у старика бывали гости даже и среди дня; такъ по крайней мѣрѣ разсказывалъ мой батюшка. Однажды, пришедши къ Рюмину до обѣда, онъ былъ принять имъ въ одной изъ залъ и слышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ происходила карточная игра. Сидѣть ему пришлось довольно долго. Чрезъ нѣсколько времени одинъ господинъ вышелъ изъ той комнаты, гдѣ была игра, и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Этотъ спросилъ его: «Счастливо ли играли вы? и получилъ въ отвѣтъ: «Выиграль». Потомъ одинъ за другимъ вышли еще три человѣка, и каждый изъ нихъ доложилъ хозяину, что онъ тоже остался въ выигрышѣ. Рюминъ, оставшись одинъ съ батюшкою, сказалъ: «Вотъ, батюшка, всѣ четверо остались въ выигрышѣ, всегда такъ любятъ хвастаться и врать».

Но и прочимъ жителямъ Рязани Рюминъ доставлялъ разныя удовольствія. Нѣсколько лѣтъ онъ содержалъ на свой счетъ въ Рязани театръ, который по тогдашнимъ слухамъ приносилъ ему до 10.000 руб. чистаго убытка. Я самъ никогда не бывалъ при представленіяхъ на этомъ театрѣ, но слыхалъ, съ какимъ восхищеніемъ рассказывали богословы и философы о томъ, что они тамъ видѣли и слышали. Особенно хвалили какую-то оперу подъ названіемъ

«Русалка». Потомъ всѣмъ городскимъ жителямъ, разумѣется, по-рядочно одѣтымъ, открыть былъ во все лѣтнєе время входъ на загородную дачу Рюмина. Она находится близъ самаго города и даже до сихъ поръ служить чуть не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать свѣжимъ полевымъ воздухомъ, имѣя возможность прикрываться подъ тѣнью деревьевъ и прогуливаться по хорошо утрамбованнымъ дорожкамъ. При старицѣ Рюминѣ она содержалась гораздо лучше, нежели при сынѣ и внуکѣ его; тогда небольшая деревенька крѣпостныхъ крестьянъ только и имѣла обязанность содержать рощу въ чистотѣ. Ежегодно на этой дачѣ Рюминъ въ какіе-то семейные праздники устраивалъ очень порядочные фейерверки, которые отличались особеннымъ великолѣпіемъ, когда онъ выдавалъ двухъ своихъ дочерей, одну между прочими за генерала Павленко, бывшаго послѣ начальникомъ рязанскаго ополченія въ Крымскую войну.

Чтобы посоперничать съ Рюминымъ, Балашовъ устраивалъ тоже фейерверки въ день именинъ своей жены, но въ самой Рязани можно сказать въ центрѣ ея на пустой землѣ близъ дома гимназіи. Но эти фейерверки, не говоря уже томъ, что какая-либо шальная ракета могла произвести пожаръ въ лучшихъ улицахъ города, были гораздо хуже рюминскихъ, а потомъ скоро и прекратились по случаю смерти жены генераль-губернатора. Эта смерть доставила рязанцамъ возможность видѣть самое пышное для города погребеніе. Не говоря уже о томъ, что отпѣваніе происходило въ соборѣ, что въ погребальной церемоніи участвовало все рязанское духовенство подъ предводительствомъ самого архіерея, погребальное шествіе сопровождалось цѣлыми тысячами зѣвающаго народа всѣхъ сословій отъ собора до Московской заставы (могила для покойницы приготовлена была гдѣ-то не въ Рязани), не знаю почему, но и у насъ въ этотъ день не было класса, и мы тоже смотрѣли съ удивленіемъ на балдахинъ надъ дрогами, гдѣ стоялъ гробъ, на траурное одѣяніе лошадей и людей, на горящіе факелы и пр.

Соперники скоро одинъ за другимъ не только разстались между собою, но и навсегда оставили Рязань. Балашовъ, какъ я уже говорилъ, уѣхалъ въ Петербургъ, такъ сказать, членствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Дошла очередь и до Рюмина; но онъ от-

правился тою дорогою, по которой приходится вѣдь людамъ рано или поздно отправляться. Разбогатѣвши, вѣроятно, онъ въ былые времена не захотѣлъ довольствоваться нашимъ зеленымъ виномъ, несмотря на то, что оно ему доставило и богатство, и почтѣ, и даже маленькую знатность; должно думать, принялъся за шампанское и другія вина западнаго происхожденія, за что Бахусомъ и былъ наказанъ, наживъ болѣзнь богачей. За долго еще до моего переселенія въ Рязань, я слыхалъ, что Рюминъ весь опухъ, что ноги и руки его въ язвахъ, что его каждый день обкладываютъ пластырями, что пальцы его на рукахъ толсты отъ опухоли и пластырей, и всегда при людяхъ покрыты перчатками. Такъ описывала народная молва подагру и хирагру, которыми рязанскій Лукулль страдалъ, кажется, не одинъ десятокъ лѣтъ. То же самое молва гласила, что онъ будто бы лѣчился не одними пластырями и подражалъ царю Давиду. Въ какой степени справедливо это,—сказать я не могу. Но о вліяніи подагры и хирагры на стараго Селадона я самъ имѣлъ возможность судить, когда онъ прѣѣжалъ къ намъ на такъ называемые публичные экзамены. Несмотря на то, что онъ даже свое имя подписывалъ очень дурно и не умѣлъ хорошо читать, а читалъ одни векселя, контракты и т. п., его съ особеною заботливостью приглашали въ семинарію на экзамены, чтобы онъ оцѣнилъ своимъ откупщикымъ взглядомъ наши ученыя занятія и своимъ высокимъ вниманіемъ поощрилъ насъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ. Какая, бывало, тревога поднимается при его прѣѣздѣ! Онъ еще гдѣ-то тамъ съ трудомъ, при помощи двухъ здоровыхъ лакеевъ, вылезаетъ изъ кареты, едва перестанавливаетъ ноги съ одного приступка лѣстницы на другой и кое-какъ тащить ихъ даже по ровному тротуару, а въ залѣ уже вслухъ говорять: «Гаврила Васильевичъ прѣѣхалъ, Гаврила Васильевичъ прѣѣхалъ!». Экзаменъ престанавливается; ректоръ, инспекторъ спѣшать навстрѣчу высокому милостивцу; прочие смотрятъ на дверь, даже самъ преосвященный какъ бы чувствуетъ, что является новое свѣтило, готовое затмить его. Наконецъ, свѣтило вступаетъ въ залу; все встаютъ; оно едва передвигается, принимаетъ благословеніе отъ другаго свѣтила, впрочемъ, безъ лобзанія благословляющей десницы, подаетъ свою десницу тѣмъ, кого считаетъ достойнымъ того, прочимъ—поклонъ головою, усаживается рядомъ

съ преосвященнымъ, получаетъ отъ самого ректора конспекты тѣхъ наукъ, изъ которыхъ долженъ происходить экзаменъ; тутъ-то наконецъ вспоминаютъ обь нась, движениемъ головы, или рѣсицъ, или руки, приказываютъ намъ садиться. Все мало-по-малу утихааетъ, и прерванный экзаменъ вновь начинается. И удивительное дѣло! Вѣрно среда имѣть волшебное дѣйствие. Этотъ бывшій профессоръ аладьевъ и блиновъ, подносчикъ и откупщикъ предлагалъ тоже вопросы, которые выслушивались и рѣшались съ достодолжнымъ вниманіемъ къ его если не уму, то карману. Вотъ тутъ-то бывало мы и смотрѣли во всѣ глаза.

Но и рязанская медицина со своими пластырями и давидовскіе компрессы не могли спасти Лукулла рязанскаго отъ костлявой старухи съ ея косою. Рюминъ скончался, какъ я уже говорилъ, въ 1827 г. Его наследники-дѣти озабочились доставить при этомъ случаѣ рязанскимъ жителямъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль. Покойникъ лежалъ въ одной изъ залъ своего огромнаго дома, на возвышенномъ катафалкѣ въ великолѣпномъ гробѣ, покрытомъ богатѣющею парчею, обставленномъ подсвѣчниками съ толстѣйшими свѣчами. Высшая рязанская публика приглашалась на двукратно совершившіяся панихиды при гробѣ въ каждый день; духовенство соборне г҃ло со святыми упокой и вѣчную память. Прочей средней и низшей публикѣ дозволено было почтить память покойника своими поклонами во время панихидъ. Двери дома были отворены для всякаго желавшаго войти въ нихъ; нужно было только при входѣ вытираТЬ ноги. Гробъ былъ поставленъ гдѣ-то далеко отъ передней, нужно было проходить по длинному ряду комнатъ, гдѣ лакеи разставлены были въ приличномъ траурномъ одѣяніи; доходили до катафалка и до гроба; тутъ позволялось не надолго остановиться, поклониться покойнику и отправляться далѣе, но ио другимъ комнатамъ; такъ что посѣтители имѣли возможность любоваться чуть не всѣми комнатами втораго этажа дворца покойнаго. Самое же перенесеніе тѣла изъ дома въ Троицкій монастырь и отпѣваніе тамъ происходило не очень торжественно. Разумѣется, драги, балдахинъ, траурныя лошади и кучера, факелы и еловыя вѣтви,— все это было, какъ слѣдовало. Хотя архіерей, жившій въ то время въ Петербургѣ, не могъ быть при погребеніи, но все-таки духо-

венства подъ предстательствомъ нашего ректора было вдоволь; пѣвчіе со всеусердіемъ пѣли Святый Боже. За гробомъ въ приличномъ траурѣ шли четыре сына покойнаго, безъ фуражекъ, несмотря на холодное время и трехъ-верстное разстояніе между домомъ и монастыремъ. Но охотниковъ провожать гробъ нашлось не очень много; по улицамъ стояло вездѣ порядочное количество зѣвающихъ, но они не присоединялись къ печальной церемоніи, въ которой за гробомъ шло едва-ли 200 человѣкъ.

Такъ какъ ректоръ и инспекторъ были въ церемоніи, то нѣкоторые изъ насъ, въ числѣ ихъ и я, нашли возможность уйти изъ семинаріи и присоединиться къ погребальному шествію. Къ этому насъ побудилъ слухъ о томъ, что ректоръ станетъ говорить проповѣдь. И слушали мы ее. Много мнѣ случалось слыхать надгробныхъ словъ; въ то время была особенная на нихъ мода, особенно въ семинаріяхъ; даже мальчишкѣ въ 14—16 лѣтъ сочинялись рѣчи, проповѣди, даже стихи, и произносились въ церкви у гроба, или на кладбищѣ при опущеніи въ могилу. Разумѣется, тутъ не щадили пышно пустыхъ фразъ, потому что настоящихъ дѣлъ мыслей трудно было пріискать къ такимъ черезъ-чуръ обыкновеннымъ случаямъ. Но проповѣдь Иллюдора, при погребеніи была, кажется, образчикомъ нелѣпаго семинарскаго пустоглаголенія. Самая низкая лесть относительно покойника, пересоленная, такъ сказать, похвалы его добродѣтельямъ, множество церковно-бблейскихъ словъ, соединявшихся въ надутыя выраженія, опошленные мысли о суетѣ міра сего, о тлѣнности благъ земныхъ и пр., — все даже намъ, семинаристамъ, не имѣвшимъ почти никакого литературнаго вкуса, и то показалось слишкомъ натянутымъ и невыносимо-приторнымъ.

Скажу нѣсколько словъ о наслѣдникахъ-дѣтяхъ рязанскаго Лукулла; о замужествѣ двухъ дочерей я уже говорилъ; оставалось еще четыре сына: Николай, Александръ, Василій и Иванъ; между ними-то раздѣлено было богатое наслѣдство отца; дочери уже прежде были снабжены приданымъ. Николай былъ сыномъ достойнымъ своего отца, любилъ и былъ способенъ беречь и наживлять деньги, и за эту вѣроятно способность награжденъ былъ отцомъ болѣе, нежели другіе сыновья. По тогдашимъ слухамъ, крестьяне были будто бы раздѣлены поровну между сыновьями; каждому досталось

будто бы съ чѣмъ-то по три тысячи душъ или около того. Но деньги едва-ли не всѣ или по крайней мѣрѣ болѣшею частію достались Николаю, и онъ постарался поскорѣе прибрать ихъ подъ свой непосредственный надзоръ. Еще при жизни отца, овъ жилъ въ особомъ домѣ, почти визави съ отцовскимъ дворцомъ. Пока еще тѣло отца стояло въ дому, сундукъ оставался тамъ же въ кладовой. Но лишь тѣло торжественно отправили въ Троицкій монастырь, какъ лица, уполномоченный Николаемъ Гавриловичемъ, едва-ли не съ болѣшею торжественностью перенесли въ домъ его, разумѣется, со всѣми пачками и мѣшками, въ немъ хранившимися. Второй—Александръ почему-то считался дуракомъ; вѣрно ли это, не знаю, но я замѣтилъ, что онъ болѣе всѣхъ дѣтей плакаль и во время перенесенія тѣла отца, и во время погребенія. Василій и Иванъ были юноши лѣтъ 20-ти или немного болѣе. Александръ скоро умеръ, и я ничего не могу сказать о немъ. Василію достались деревни Тумского прихода и окрестностей этого села. Это былъ едва-ли не самый лучшій, по отношенію къ крестьянамъ, изъ сыновей Рюмина. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца своего, онъ рѣшился на рѣдкій во время крѣпостничества поступокъ, на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Поступокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что старшій братъ Николай давалъ ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этотъ человѣкъ недолго пожилъ. Иванъ жилъ въ Петербургѣ; о немъ знаю я только то, что онъ состоялъ членомъ тамошняго тюремнаго комитета, и тоже не очень долго жилъ; всѣ эти три брата не оставили по себѣ потомства, даже едва-ли были женаты. Одинъ Николай долженъ былъ увѣковѣчить свою фамилію. Получивши миллионы рублей и тысячи крестьянскихъ душъ въ свое владѣніе, онъ пошелъ по слѣдамъ папаши, сдѣлялся однимъ изъ почетныхъ нашихъ откупщиковъ и нажилъ, какъ долго говорили, громадное состояніе. Рязанскоѣ дворянство чуть ли не слишкомъ 30 лѣтъ постоянно выбирало его почетнымъ попечителемъ своей гимназіи. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно оказалъ огромные услуги ей. Не говоря уже о томъ, что купивши отцовскій дворецъ у своего брата, кажется, Василія, онъ его подарилъ для благороднаго пансиона; отъ него ежегодно были дѣлаемы болѣе или

менеё значительныя пожертвования, общая сумма которыхъ превышала сотню тысячъ. Но этотъ богачъ, по уничтоженіи откуповъ, пустился въ разныя неудачныя спекуляціи, конечно, не сдѣлался бѣднымъ, но пересталъ быть богатымъ человѣкомъ и оставилъ единственному своему сыну не Богъ знаетъ какое состояніе. Сынъ этотъ представляеть какую-то тощую, исхудалую, изношенную физіономію, и единственный сынъ его тоже не обѣщаєтъ быть здоровымъ. Очень не удивительно поэтому, что потомство нашего богача въ четвертомъ колѣнѣ пресвѣтится.

ГЛАВА XLI.

О Симонѣ и Амвросії, рязанскихъ архіепископахъ.

Теперь бы слѣдовало взяться за третью рязанскую знаменитость, за архіепископа Сергія. Но мнѣ пришлось очень много слышать о трехъ его предшественникахъ. Свѣдѣнія эти могутъ характеризовать тогдашнее духовенство, и потому я нашелъ нужнымъ здѣсь изложить ихъ.

Симонъ архіерействовалъ въ Рязани нѣсколько десятковъ лѣтъ, преимущественно въ прошедшемъ столѣтіи и немного въ нынѣшнемъ. По всѣмъ разсказамъ, которые мнѣ удалось слышать, это былъ честный, добродѣтельный и ученый архипастырь, оставившій по себѣ очень хорошую память. Сколько разъ мнѣ случалось въ дѣствѣ слышать старыхъ священниковъ, разсуждавшихъ о какомъ-либо современномъ архіерѣ и приговаривавшихъ: «Э, что это за архіерѣ! Вотъ Симонъ — такъ уже владыка былъ, настоящій архипастырь! Дай Богъ ему царство небесное!»

По тогдашнему времени онъ принадлежалъ къ ученымъ, т. е. нашимъ богословамъ, продолжалъ заниматься науками и въ архіерейскомъ санѣ, и составилъ у себя очень большую библіотеку, которую и завѣщалъ послѣ своей смерти въ Рязанскую семинарію. Батюшка мой, учившись еще въ семинаріи во время кончины преосвященнаго, рассказывалъ, что очень значительная часть пожертвованной библіотеки была распродана не только начальству-

щими лицами, но даже семинаристами, составлявшими каталогъ книгъ. Тѣ брали, что ни было, можетъ быть лучшаго, и эти хватали, что подъ руку попадалось, и при выходѣ изъ архіерейскаго дома припрятывали гдѣ-либо подъ платьемъ или выбрасывали изъ оконъ на дворъ, гдѣ напередъ подговоренные знакомые подбирали выброшенное. Несмотря на происшедшую отъ этого громадную растрату, все-таки въ семинарскую библиотеку поступило очень много книгъ, такъ что во время моего ученья въ семинаріи едва-ли не половина ея состояла изъ этихъ книгъ. Онѣ были, разумѣется, преимущественно богословскаго содержанія на латинскомъ языкѣ. При пересмотрѣ ихъ легко можно было замѣтить, что онѣ у прежняго владельца не просто стояли въ шкафу, а читались и читались со вниманіемъ, потому что рѣдкая изъ нихъ не имѣла на поляхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукою преосвященнаго. На немногихъ книгахъ, которыхъ мнѣ случалось брать изъ библиотеки, когда я обучался въ философіи и богословіи, попадались мнѣ такого рода замѣтки.

Занимаясь ученостью, владыка былъ очень внимателенъ къ единственнымъ тогда лицамъ, которыхъ въ Рязани можно было назвать учеными, т. е. наставникамъ семинаріи и также къ семинарии. Онъ очень часто приглашалъ учителей іn согрое на вечера и даже обѣды къ себѣ. Конечно, тутъ что-нибудь ёли и пили, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорили и объ ученыхъ предметахъ и, главное дѣло, наставники находили ободреніе своихъ трудовъ во вниманіи владыки къ нимъ. Лучшіе же изъ нихъ: Іеронимъ, Ириній, Осипъ Евсеевичъ Срезневский и др. пользовались особыннымъ его расположеніемъ.

Замѣчательно, что этотъ честный и умный архипастырь, истинный монахъ по неукоризненной своей жизни, любилъ доставлять жителямъ Рязани удовольствія и даже весело проводить время. Въ за-городной архіерейской рощѣ, известной подъ именемъ Ново-Павловки, или Ново-Павловской, онъ живалъ самъ въ лѣтнее время. Въ саду былъ очень недурной дачный домъ и три пруда съ рыбью. Конечно, рыбью пользовался только владыка и его приближенные, но садъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ въ немъ прогуливаться. Были въ немъ устроены хорошия дорожки, бесѣдки, скамейки; дѣтямъ позволялось играть по лугамъ, взрослые приходили съ самоварами и пили чай. Уверяли меня, что даже иногда вла-

дыка въ особенные праздники нацималъ музыкантовъ для удовольствія собиравшейся публики; приближенные же и знакомые владыки находили привѣтъ и угощеніе въ его покояхъ. Самые семинаристы въ такъ называемыя рекреаціи прихаживали въ Ново-Павловку, чтобы поиграть и повеселиться здѣсь. Владыка самъ выходилъ къ нимъ, покупалъ для нихъ лакомства, вступалъ въ разговоры съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошу вновь замѣтить, что Симонъ вовсе не былъ нѣчто въ родѣ *bon-vivant*; нѣть, онъ вельь настоящую монашескую жизнь, но былъ настолько уменъ и добръ, настолько имѣлъ свѣтлый взглядъ на христіансскую религію, что мірскія развлеченія и удовольствія не считалъ препятствіемъ къ благочестію.

Преемникомъ Симона былъ Амвросій, переведенный въ Рязань, кажется, изъ Вятки и привезшій съ собою своего родственника Алексія Сидоровича Полянскаго, который, какъ онъ самъ любилъ хвастаться, учился вмѣстѣ съ Филаретомъ московскимъ въ Троицкой семинаріи и по пріѣздѣ въ Рязань скоро сдѣланъ былъ учителемъ философіи, священникомъ и послѣ каѳедральнымъ протоіереемъ; въ этой должности онъ прослужилъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Амвросій во многихъ отношеніяхъ не былъ похожъ на своего предшественника и принадлежалъ къ новому поколѣнію архіереевъ, взявшихъ за образецъ для себя тогдашняго московскаго митрополита Платона. Онъ еще не былъ грубъ, недоступенъ, непривѣтливъ, гордъ относительно своихъ подчиненныхъ, но своимъ обращеніемъ и тономъ давалъ имъ замѣтить, что между имъ, представителемъ Іисуса Христа, и между пими, преемниками галилейскихъ рыбаковъ, находится дистанція огромнаго размѣра: монахъ въ глазахъ его уже былъ гораздо выше попа и даже протопопа. Зато онъ любилъ имѣть дѣло и вести хлѣбъ-солъ съ вліятельными мірянами: помѣщиками и чиновниками; богатыхъ купцовъ, которые стоили бы архипастырской благосклонности, тогда въ Рязани не было. Можно сказать, что онъ жилъ, такъ сказать, на два дома, принимая своихъ гостей и у себя, и рекомендуя имъ познакомиться съ своимъ родственникомъ Полянскимъ. Объ этомъ я очень хорошо узналъ отъ бывшаго предсѣдателя рязанской уголовной палаты Стромилова. Онъ въ дѣствѣ со своимъ отцомъ бывалъ въ Рязани. Отецъ однажды сказалъ ему: «Ну, Евграфъ, пойдемъ, я тебѣ покажу двухъ важныхъ поповъ;

одинъ изъ нихъ и въ церкви стоять въ шапкѣ (въ митрѣ?), а другой славно угощаетъ», — подъ первымъ разумѣя Амвросія, подъ вторымъ Полянскаго. У того они не очень долго посидѣли, за то у Полянского и въ этотъ день, и послѣ проводили время очень долго. Стромиловъ, какъ довольно живой мальчикъ, не могъ усидѣть въ комнатѣ и, пока отецъ его говорилъ съ хозяиномъ, онъ успѣвалъ побывать не только въ саду и на дворѣ, но и въ кухнѣ. По его словамъ, у Полянскаго былъ поваръ съ помощникомъ, чтѣ тогда было совершеннаю рѣдкостью для какого-либо священника. Своими средствами Полянскій, разумѣется, не могъ жить на столь широкую ногу; пособія для такой жизни онъ получалъ отъ щедрой руки своего сановнаго родственника.

И самъ владыка, какъ человѣкъ знающій свѣтскія приличія, любилъ отплачивать визиты, конечно, далеко не всѣмъ своимъ послѣтиелямъ, на чтѣ не достало бы и времени, но тѣмъ, кого онъ находилъ достойнымъ своего вниманія. Какъ хозяинъ и гость, владыка былъ, какъ говорится, душою компаний, но все-таки старался удерживать важность, которая необходима для поддержанія архіерейскаго сана. Этотъ архіерей часто былъ боленъ, почему нерѣдко не могъ отправлять въ торжественные дни богослуженія. Это однажды подало поводъ большой неловкости со стороны одного неразумнаго помѣщика.

Въ Рязани, или лучше около Рязани, въ своемъ имѣніи, селѣ Шумошахъ, жилъ помѣщикъ Кабановъ, не отличавшійся хорошими умственными способностями. О достоинствахъ можно заключить по слѣдующему анекдоту. При императорѣ Павлѣ рязанскимъ губернаторомъ былъ нѣкто Кавалинскій, человѣкъ умный и дальний. Происходя изъ духовнаго званія, онъ былъ очень не богатъ, и такъ какъ при Павлѣ было небезопасно взяточничество, то Кавалинскому приходилось нерѣдко добывать себѣ деньги взаймы безъ отдачи. Кабановъ не отказывалъ ему въ этой услугѣ; за то и самъ считалъ себя въ правѣ относиться къ нему за разрѣшеніемъ трудныхъ для него вопросовъ. Онъ отдалъ своего малолѣтняго сына въ какой-то московскій пансіонъ. Кавалинскій, увидѣвшись съ нимъ въ довольно большомъ обществѣ, спросилъ его: «Ну, что, каково успѣваетъ вашъ сынъ въ пансіонѣ?» Кабановъ отвѣчалъ: «Очень хорошо, ваше пре-

восходительство, очень хорошо; меня увѣдомляютъ, что онъ уже дошелъ до именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

И эта рекомендаций успѣховъ сына разсмѣшила гостей, но Кабановъ успѣль еще болѣе развеселить ихъ.

— А что, ваше превосходительство, продолжалъ онъ говорить Кавалинскому, позвольте васъ спросить, что это такое за имя существительное и прилагательное; сдѣлайте милость, объясните мнѣ, а то я не понимаю.

— О! объяснить не трудно, отвѣчалъ Кавалинский; вотъ если напр. сказать, что Кавалинский дуракъ, такъ это будетъ не существительное, а прилагательное имя. А если сказать, что Кабановъ дуракъ, ну, это будетъ уже существительнымъ, а не прилагательнымъ, именемъ. Понимаете ли теперь, что такое имя существительное и прилагательное?

Кабановъ отвѣчалъ: «Понимаю, понимаю», хотя къ потѣхъ собесѣдниковъ вовсе не догадался о всей колкости противъ него, высказанной приятелемъ его губернаторомъ.

Вотъ эта-то умная голова однажды вздумала прочитать небольшую проповѣдку Амвросію. Владыка по причинѣ болѣзни не служилъ во время Пасхи и въ другіе предшествующіе ей и послѣдующіе за нею праздники. Жители Рязани, можетъ быть, и не были въ буквальномъ смыслѣ недовольны имъ, но все-таки многоонько говорили обѣ этомъ. Владыка выздоровѣль и сталъ выѣзжать къ своимъ знакомымъ. Однажды его пригласили едва-ли не къ губернатору на какой-то семейный праздникъ, на которомъ присутствовало очень много гостей. Архіерей былъ очень веселъ и говорливъ; бесѣда шла оживленная и увлекательная. Въ это-то время вдругъ и Кабановъ вздумалъ принять участіе въ разговорѣ.

— А что, ваше высокопреосвящество, сказалъ онъ, позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ.

И архіерей, и хозяинъ, и гости не ожидали особенно умнаго чегонибудь отъ вопрошающаго; всѣ приготовились выслушать что-либо глуповатое, смѣшное, но не обидное.

— Сдѣлайте милость, съ улыбкою сказалъ владыка, изволите спрашивать, я готовъ отвѣчать вамъ,—сказалъ архіерей.

— А вотъ что, ваше высокопреосвященство, позвольте васъ

спросить, отчего это вы не служили ни въ Пасху, ни въ другіе праздники? Публика вами очень недовольна.

Всѣ, разумѣется, остолбенѣли, услышавъ такой глупый и неприличный вопросъ; архіерей сначала сконфузился, но скоро, собравшись съ духомъ, всталъ и разсерженный сказалъ:

— Развѣ публикѣ не извѣстно, что я былъ нездоровъ? Развѣ болѣзнь не извиняетъ меня? Не нарочно ли меня сюда и пригласили, чтобы мнѣ сдѣлать публичный выговоръ? Прощайте.—Эй, человѣкъ, вѣли подавать мнѣ карету!

Сказавши эти слова, владыка величественно пошелъ изъ гостиной. Хозяинъ и почетные гости обступили его, стали упрашивать его, говорили, что публика вовсе и не думала обижаться имъ, что всѣ напротивъ искренно сожалѣли о его болѣзни и теперь очень рады, видя его въ добромъ здоровыи. Амвросій, видя общее къ нему вниманіе, а можетъ быть разыгравая всю сцену для эффекта, пріостановился, началъ смягчаться; просьбы оставаться въ домѣ усилились со стороны и хозяина, и гостей.

— Ну, когда такъ, сказалъ владыка, извольте, я остаюсь, но только, чтобы Кабанова здѣсь не было.

И несчастному дураку хозяинъ немедленно указалъ двери.

Заговорившись обѣ Амвросіи, я и забыть было сказать о томъ, въ чёмъ преимущественно онъ старался подражать Платону. Послѣдній, какъ извѣстно, отличался особеннымъ умѣньемъ торжественно совершать богослуженіе. Покойный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, протоіерей Кочетовъ, на своихъ лекціяхъ рассказывалъ намъ, что будто-бы даже иностранцы любили видѣть Платона при совершениіи имъ литургіи и изумлялись его савновитости и величию. Въ этомъ-то отношеніи Амвросій могъ называться подражателемъ Платона. Еще и теперь по преданію говорятъ, что ни при одномъ архіерѣ не было такъ величественно и торжественно совершающими богослуженіе въ Рязани, какъ при Амвросіи.





С ВЪДЪНІЯ

объ Иоаннѣ или Иванѣ Антоновичѣ, правнуку царя
Иоанна Алексѣевича¹).

Мачевныя судьбы правнука царя Иоанна Алексѣевича, Иоанна или Ивана Антоновича, рожденного отъ брака принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ²), известны по исторіи. «Незаконно», — какъ выражалась о немъ позже императрица Екатерина³), во младенчествѣ опредѣленному къ всероссійскому престолу и въ томъ же еще сущемъ младенчествѣ совсѣмъ Божіимъ низложенному изъ вѣки». Еще при семъ низложеніи его 25-го ноября 1741 года было ему съ небольшимъ пятиадцать мѣсяцевъ⁴). Импе-

¹) Почерпнуто цѣль рукописей, находящихся въ Императорской С.-Петербургской публичной библиотекѣ.

²) Анна Леопольдовна, или, какъ называли ее тоже иногда, Анна Барловна, родилась въ 1718 г. въ Ростокѣ отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургского, и Екатерины, дочери старшаго брата Петра Великаго царя Иоанна. Получивъ при крещеніи, по лютеранскому обряду, имя Елизаветы, Екатерины, Христины, опа, по смерти отца, привезена была матерью въ 1722 г. въ Москву, но скоро лишилась и матери, осталась въ сиротствѣ и въ 1733 г. бывъ миропомазана въ греко-россійское вѣроисповѣданіе, наречена Анной. Бракъ ея совершился въ 1739 г. въ С.-Петербургѣ. Супругъ ея былъ родомъ племянникъ Шарлотты-Христины, супруги несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, и братъ знаменитаго герцога Фердинанда, раздѣлавшаго военные подвиги и славу Фридриха Великаго.

³) Манифестъ 1764 года августа 17 дnia.

⁴) Родился 12 августа 1740 года.

ратрица Елизавета Петровна, принимая престолъ своего родителя, манифестомъ 28 ноября возвѣстила всенародно, что «въ разсуждѣніи принцессы Анны и принца Ульриха Брауншвейгскаго къ императору Петру II по матерямъ свойства и изъ особливой природной къ нимъ императорской милости, не хотя причинить имъ никакихъ огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствиемъ предавъ всѣ ихъ къ ней разные предосудительные поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ во отечество всемилостивѣйше отпра- вить повелѣла». Но политическія уваженія и вѣроятно совѣты приближенныхъ не позволили императрицѣ исполнить сего преднамѣренія. Вся брауншвейгская семья: младенецъ Іоаннъ, младшая его сестра Екатерина и оба ихъ родителя были тайно заключены въ Динаминскую крѣпость близъ Риги, подъ надзоромъ генерала Василия Федоровича Салтыкова, а оттуда, спустя годъ, переведены въ городъ Ораненбургъ или Раненбургъ, принадлежащий нынѣ къ Рязанской губерніи. Но, повидимому, и это мѣсто признано было неблагонадежнымъ для видовъ правительства. Въ 1744 году родилась мысль заточить изгнанниковъ на крайній сѣверъ Россіи, въ Соловецкій монастырь.

Съ сей эпохи начинается дѣло, хранящееся въ числѣ рукописей Императорской публичной библіотеки.

1744 года юля 27 послѣдовалъ, на имя дѣйствительнаго камергера Николая Андреевича Корфа¹⁾, Высочайший указъ за собственноручнымъ подписаніемъ императрицы²⁾. Ему предписывалосьѣхать въ Ораненбургъ и, взявъ съ собою Пензенскаго пѣхотнаго полка маіора Миллера, оставить его въ верстахъ трехъ не доѣзжая города, а самому, по прїездѣ туда, вручить приложенные указы: одинъ л.-гв. Семеновскаго полка капитану Вындомскому, а другой л.-гв. Измайловскаго полка маіору Гурьеву; затѣмъ изгото- вить, какъ наискорѣе коляски и прочіе путевые припасы, отправ-

¹⁾ Имѣвъ въ замужествѣ двоюродную сестру императрицы Елизаветы Петровны графиню Скавронскую, онъ былъ вице-съдѣйствіи генераль-аншефомъ, генераль-полиціймайстеромъ, сенаторомъ и андреевскимъ кавалеромъ и умеръ въ 1766 г.

²⁾ Указъ сей, какъ и всѣ прочіе на имя Корфа, находится въ дѣлѣ по- длинникомъ.

вить Вындорского впередъ для заготовленія по пути нужного числа подводъ и, когда получится отъ него донесеніе о поставкѣ онъхъ до Переяславля-Рязанскаго, то тотчасъ ночью, взявъ напередъ принца Ioanna, отдать его съ рукъ на руки упомянутому маюру Миллеру, тоже съ приложеннымъ указомъ и, снабдивъ Миллера подорожною, въ слѣдъ ему немедленно отправиться въ назначенный тѣмъ указомъ путь; на другой день ночью же взять принцессу Анну съ мужемъ ея и остальными дѣтьми¹⁾, съ находящимися при нихъ людьми, а въ числѣ ихъ штабъ-лѣкаремъ, съ нужными на проѣздъ и на первое время лѣкарствами, и доѣхать съ ними всѣми, въ сопровожденіи маюра Гурьевы и прапорщика Писарева, 3-хъ унтер-офицеровъ и 30 избранныхъ, лучшихъ и трезвыхъ солдатъ, къ Архангельску чрезъ Переяславль-Рязанскій, Владиміръ, Ярославль въ Вологду; послѣ чего у Архангельска на приготовленныя морскія суда, и слѣдовать въ Соловецкій монастырь, гдѣ оставить принцессу съ мужемъ, дѣтьми и сказанными служителями въ командѣ у упомянутыхъ Гурьева и Писарева и солдатъ. Гурьеву для всего того отправленія велѣть взять всякихъ стѣстныхъ припасовъ, посуды поварской и столовой и бѣлля по препорціи персонъ, также и извѣщей посланныхъ отъ двора на шитье платья и обуви сколько необходимо, чтобы тѣмъ не отвѣтить и въ проѣздѣ мѣшкотни лишней не учинить: ибо нужно къ Архангельску поспѣть по малой мѣрѣ въ половинѣ сентября, дабы доѣхать моремъ до указаннаго мѣста; въ пути же припасы на пищу покупать, гдѣ что сыскать можно, а въ Архангельскѣ по отѣзду въ море, коляски и всѣ путевые припасы сдать въ губернское вѣдомство. По прибытии въ монастырь, арестантовъ ввести въ онъ и размѣстить ночью, чтобы ихъ никто не видѣтель, на пищу ихъ и на прочія нужды, что потребно, брать отъ архимандриза за деньги, а чего у него нѣтъ, то гдѣ сыскать можно будетъ, «чтобъ въ потребной пищи безъ излишства нужды не было, токмо какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ, столъ не такой пространный держать, какъ прежде было, но такой, чтобы можно человѣку сиду быть и тѣмъ, что тамъ можно сыскать, безъ излишнихъ при-

¹⁾ Сверхъ Екатерины, у нея родилась въ Динамидѣ другая дочь, Елизавета.

хотей». Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось Корфу доносить императрицѣ, адресуя въ кабинетъ Ея Величества, изъ Ораніенбурга, какъ отпустить принца Иоанна и самъ съ остальными пойдеть; потомъ изъ Переяславля, Владимира, Ярославля, Вологды, Архангельска и наконецъ Соловецкаго монастыря; а какъ все тамъ устроить, то возвратиться зимнимъ путемъ къ высочайшему двору, чрезъ Олонецъ, въ Москву или Петербургъ, давъ маюру Гурьеву инструкцію о содержаніи принцессы съ мужемъ, дѣтьми и служителями такъ, чтобы ихъ никто не только изъ живущихъ въ монастырѣ и прѣѣжающихъ, но и служители и караульные, кромѣ находящихся при нихъ женскаго пола и одного караульнаго, не видаль и съ ними говорить не могъ.

Приложенные при семъ указы были:

1. Капитану Вындомскому: ъхать изъ Ораніенбурга до Архангельска для учрежденія становъ и поставки на нихъ подводъ, въ разстояніи отъ 25 до 30 верстъ, а гдѣ случатся города, не ближе отъ нихъ двухъ или трехъ верстъ; гдѣ же нѣтъ сухопутнаго проѣзда, тамъ приготовить барки и суда, а въ Архангельскѣ требовать таковыхъ отъ конторы надъ портомъ и въ случаѣ недостатка отъ губернатора, какія обыкновенно по Бѣлому морю ходятъ. По мѣрѣ заготовленій рапортовать Корфу, и для исправленія сего дѣла—взять съ собою изъ находящихся въ Ораніенбургѣ л.-гв. полковъ 2 унтер-офицеровъ и 12 солдатъ.

2. Маюру Гурьеву: во взвѣтіи и отвозѣ принца Иоанна съ семьею и прислугою состоять ему въ командѣ у Корфа, доколѣ послѣднему вѣльно быть у того дѣла.

3. Маюру Миллеру: «быть ему въ командѣ у Корфа и когда Корфъ отдастъ ему младенца 4-хъ лѣтняго, то онаго принять, посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для сбереженія и содержанія того младенца, а именемъ его назвать Григорій».

Съ тѣмъ посланнымъ и 6-тью человѣками солдатъ ъхать въ Соловецкій монастырь по тракту, который укажеть Корфъ, а сказывать ъдучи, что посланъ отъ Корфа напередъ для осмотра приготовленныхъ подводъ и переправъ, а о имѣніи при себѣ младенца никогда и никому не объявлять и его никому, ниже подвозщикамъ

не показывать, имѣя всегда коляску закрытую, а находящемуся при младенцѣ солдату или слугѣ, или обоимъ вмѣстѣ, ни съ другими солдатами, ни съ подвозчиками и ни съ кѣмъ ни о чёмъ не говорить и ни на какие вопросы никому не отвѣтить. Въ Архангельскѣ, прїехавъ на суднѣ, пристать къ стоящему противъ города острову и тутъ требовать приготовленнаго Вындомскимъ морскаго судна, въ которое посадить младенца ночью, чтобы никто не видаль, и отправиться въ Соловецкій монастырь, гдѣ его ночью же, закрывъ, пронести въ четыре покоя и тутъ съ нимъ жить такъ, чтобы кромѣ его, Миллера, солдата его и слуги, никто онаго Григорія не видалъ, и занять Миллеру двѣ камеры, самыя крайнія, третью держа пожнею для выхода, а четвертую для посланныхъ съ нимъ 6-ти солдатъ, изъ коихъ и караулъ у дверей содержать, а младенца изъ камеры, гдѣ онъ посаженъ будетъ, отнюдь не выпускать, и быть при немъ днемъ и ночью слугѣ и солдату, чтобы въ двери не ушелъ или отъ рѣзвости въ окошко не выскочиль; о состояніи же его рапортовать Корфу, а по отбытіи сего послѣднаго, Гурьеву, и для сихъ рапортовъ приходить ночью, чтобъ его, Миллера, никто не зналъ.

Сверхъ сихъ указовъ, тогда же даны были особыя предписанія:

1. Полковнику Чортову: юхать въ Соловецкій монастырь и выбрать тамъ покой пристойные на такое употребленіе, какъ онъ, Чортовъ, въ Ораніенбургѣ сдѣлалъ, съ той стороны монастыря, гдѣ въ оный входа нѣть. Покоевъ нужно: въ одномъ мѣстѣ четыре, и ходъ къ нимъ по монастырю перегородить деревомъ, оставя одинъ входъ, чрезъ ту перегородку, малою дверью; въ другомъ мѣстѣ, но не далеко отъ первого, двадцать; при первыхъ четырехъ покояхъ имѣть одну, а при другихъ двадцати двѣ поварни и онѣ двадцать покоевъ съ поварнями также огородить деревомъ, если тутъ нѣть каменной или другой перегородки.

2. Архимандриту Соловецкому: такого же содержанія, съ приложеніемъ, что въ сихъ покояхъ надлежить жить нѣкоторымъ людямъ, опредѣленнымъ отъ Ея Величества, и чтобы о всѣхъ сдѣланныхъ, по соглашенію съ Чортовымъ, распоряженіяхъ, онъ «никуда рапорту не посыпалъ и извѣстія никакого ни письменнаго, ни словеснаго не давалъ, подъ лишеніемъ священства, монашества и живота, но содержаль оное тайно».

Всѣ вышеприведенные указы послѣдовали въ Москвѣ, гдѣ тогда имѣла свое пребываніе императрица и гдѣ при ней находился Корфъ. Собираясь въ дальний путь, онъ не могъ отправиться въ Ораніенбургъ прежде 2-го августа, а между тѣмъ наканунѣ своего отѣзда представилъ вице-канцлеру графу Михаилу Иларіоновичу Воронцову ¹), что какъ 4-хъ лѣтній младенецъ, бывъ отпущенъ отъ людей, которые съ нимъ живутъ и къ которымъ онъ привыкъ, не можетъ быть спокойенъ, то не будетъ ли позволено взять съ принцемъ Иоанномъ и отдать вмѣстѣ съ нимъ маюру Миллеру находящихся при немъ сидѣлицу и кормилицу, которыхъ посадить въ одинъ съ нимъ экипажъ, чтобы онъ не плакалъ и не кричалъ, чрезъ то не утаеніе дѣла, а больше онаго разглашеніе послѣдовать могло.

Императрица однако же па сie не соизволила, и баронъ Черкасовъ отъ 4-го августа далъ знать Корфу о волѣ Ея Императорскаго Величества, чтобы онъ поступалъ по прежде данному указу.

За симъ въ тотъ же день Корфу дана была дополнительная инструкція слѣдующаго содержанія:

1. Служителей при арестованныхъ лицахъ взять изъ Ораніенбурга: фрейлину Бину-Менгденъ ²), камеръ-юнгферу Штурмъ, для принца Антона и «обрѣтающихся при немъ» одного камердинера, обоихъ принцевъ, кормилицъ и камерь-лакея Чаплинскаго; также 2-хъ поваровъ, поваренныхъ и скатертныхъ учениковъ по одному и хлѣбныхъ двухъ, брантмейстерскаго ученика одного, прачекъ двухъ, портного одного и башмачника одного ³).

2. Сержантовъ, капраловъ и рядовыхъ взять не изъ гвардіи, какъ указомъ предписано было, а изъ полевыхъ полковъ; оставшимся же въ Ораніенбургѣ чинамъ л.-гвардіи объявить, «что долговременною ихъ службою и вѣрностю при той комиссіи Ея Величество изволитъ быть довольна и вскорѣ велить имъ возвратиться къ своимъ командамъ».

¹) Представленіе это, вмѣстѣ съ Корфомъ, подписанъ находившійся при кабинетѣ Ея Величества баронъ Иванъ Черкасовъ.

²) Двоюродная сестра камерь-коллегіи президента Менгдена, который при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины заточенъ былъ въ Колымскій острогъ.

³) Сверхъ того быть взяты штабъ-хирургъ Манзей.

3. Если противная погода не позволитъ ѿхать отъ Архангельска къ Соловецкому монастырю, то зимовать въ Корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ на возмѣрѣ, отъ города въ 30 верстахъ, объявивъ архимандриту онаго такой же указъ, какой данъ Соловецкому.

4. Ключи отъ того и другаго монастырей имѣть Корфу, а по его отбытии—Гурьеву, и монаховъ держать архимандриту неисходныхъ; ворота же для входу и выходу отпирать въ день не рано и запирать ввечеру не поздно, и когда заперты будуть, то до другаго дня ни для какой нужды монастырской не отпирать; да и архимандриту быть въ монастырѣ неисходну.

5. Полковнику Чортову отъ самой Вологды вездѣ по дорогѣ объявлять спрашивающимъ, что посылается въ поморье знатная особа, съ немалою командою для осмотра соляныхъ промысловъ и дѣйствія обѣихъ, по дошедшемъ Ея Величеству свѣдѣніямъ, на каковой конецъ онъ впередъ ѿдѣтъ; а иногда сказывать, что отправляется туда по обѣщанію молиться въ Соловецкій монастырь.

6. Корфъ имѣть объявить архимандриту Соловецкаго монастыря, чтобы приходящихъ туда по обѣщанію и на труды изъ разныхъ странъ Россіи людей никого не принималъ и въ монастырь не пускалъ, а которые уже тамъ есть, тѣхъ бы выслалъ воинъ кромѣ пріѣзжающихъ по обѣщанію только помолиться или молебенъ отпѣть, которыхъ однакожъ потомъ сейчасъ выслать; караулъ у воротъ содержать не послушникамъ, а солдатамъ. Взять отъ архимандрита реестръ всѣмъ имѣющимся въ монастырѣ монахамъ и послушникамъ и реестръ сей представить, запретивъ ихъ перемѣнять.

7) Письма, съ которыми архимандритъ, за какою-либо нуждою монастырскою, въ монастырскія вотчины пошлетъ, объявлять прежде Корфу.

Корфъ пріѣхалъ въ Ораніенбургъ 10 августа.

Отсюда начался рядъ весьма частыхъ донесеній его самой императрицѣ, вице-канцлеру графу Воронцову и въ кабинетъ, на которыхъ онъ получалъ отвѣты частію въ высочайшихъ указахъ, частію въ письмахъ Воронцова и частію въ отношеніяхъ кабинета, за подписаніемъ упомянутаго выше барона Черкасова. Это видно изъ имѣющагося въ Императорской библіотекѣ дѣла; но само оно, къ сожалѣнію, содержитъ въ себѣ лишь высочайшіе указы, письма

Черкасова и отпуски писемъ Корфа къ Воронцову въ нѣмецкомъ подлинникѣ съ французскимъ переводомъ¹), а писемъ Воронцова и рапортовъ Корфа къ императрицѣ въ немъ не оказалось, такъ что содержаніе послѣднихъ видно только отчасти изъ писемъ, при которыхъ онъ препровождалъ эти рапорты Воронцову. При всемъ томъ и имѣющіяся въ дѣлѣ бумаги представляютъ довольно любопытныя подробности. Сущность ихъ состоять въ слѣдующемъ: по прибытии въ Ораніенбургъ, Корфъ нашелъ тамъ все, какъ онъ выражался, въ самомъ жалкомъ положеніи. Не только ничего не было приготовлено къ дальней поѣздкѣ, но, писалъ онъ, нѣтъ и фунта перцу, не говоря уже о другихъ прянностяхъ, и нѣтъ даже рюмки какого-нибудь вина. Экипажи оказались также въ величайшей неисправности и притомъ, какъ арестанты приведены были въ Ораніенбургъ зимою, то тогдашнія повозки не могли уже служить для настоящаго переѣзда. Замѣчательно еще одно: свѣдѣнія высшаго правительства о касавшемся до арестантовъ, при всей строгости надзора, были такъ недостаточны, что камеръ-лакей Чаплинскій, напримѣръ, котораго по инструкціи предписывалось взять съ собою, оказался отпущенными еще во время содержанія ихъ въ Динаминдѣ. Самъ принцъ найденъ былъ болѣеннымъ отъ дурнаго качества питья, а мать его, повидимому, опять беременная, нѣсколько уже дней лежала въ постели. Корфъ, тотчасъ по прїездѣ, посыпалъ и ее, и ея мужа. Появленіе его до такой степени ихъ поразило и встревожило, что онъ не рѣшился на первый разъ открыть имъ что-нибудь о своемъ порученіи и ограничился только поклономъ отъ императрицы. Донесеніе свое о томъ онъ заключилъ вопросомъ: «Должно ли, если болѣань принцессы усилится, предпринимать путь и потомъ продолжать его, или же остановиться, и должно ли также допустить къ ней бабку и священника, когда бы въ послѣдствіи потребовалось?» Сверхъ того говоря о находившейся при принцессѣ, пользовавшейся ея любовью и довѣренностю и однакожъ не

¹) Корфъ умѣлъ говорить и читать по-русски, но не умѣлъ писать и даже фамилию свою подписывалъ на русскихъ бумагахъ латинскими буквами. Изъ дѣла видно, что онъ очень долго наставлялъ о присыпкѣ ему секретаря для составленія рапортовъ на русскомъ языкѣ, но, кажется, это требованіе и до конца удовлетворено не было, и вѣроятно, что онъ употреблялъ на это дѣло кого-нибудь изъ состоящихъ въ его распоряженіи офицеровъ.

предназначенной въ отправлениѣ, фрейлинѣ Жули или Жулії ¹), Корфъ намекалъ, что если не взять ее съ собою, то принцесса придетъ въ совершенное отчаяніе.

Весь отвѣтъ на это заключался въ присылкѣ изъ Москвы нужныхъ путевыхъ припасовъ на 9-ти подводахъ. Прочіе вопросы оставлены безъ разрѣшенія, можетъ статься и за поѣздкою, которую предприняла тогда императрица въ Кіевъ. Между тѣмъ приготовленія въ путь оттянулись до конца августа. Наканунѣ дня, назначенаго къ отѣзду, арестантамъ объявлено было о томъ чрезъ маіора Гурьева; они приняли эту вѣсть съ плачемъ и рыданіемъ, но съ изъявленіемъ безусловной покорности Высочайшей волѣ. То же самое повторилось потомъ и передъ самимъ Корфомъ. Принцесса и мужъ ея въ слезахъ говорили, что это новый для нихъ ударъ, потому что отправлениѣ ихъ свидѣтельствуетъ о большой еще немилости Ея Величества, тогда какъ они готовы лучше умереть, нежели навлечь на себя ея неудовольствіе своими поступками, по чemu самому и покоряются безропотно новой перемѣнѣ въ своей судьбѣ, но просить только довести о горестномъ ихъ положеніи до свѣдѣнія государыни и принять написанное къ ней письмо ²). Затѣмъ, Корфъ велѣль имъ уложить свои вещи, каждому особо, такъ какъ недостатокъ лошадей не позволяетъ вѣхать всѣмъ виѣсты, и этимъ же предлогомъ прикрыть оставленіе фрейлины Жулії, говоря, что она пріѣдетъ послѣ, отчего принцесса впала въ крайнее уныніе.

Печальный поѣздъ тронулся наконецъ 29 августа въ указанномъ порядкѣ. Сперва въ 11-ть часовъ ночи, отправленъ быль маіоръ Миллеръ съ маленькимъ (*mit den Kleinen*), т. е. съ принцемъ Іоанномъ; а потомъ ровно черезъ сутки послѣдовали за нимъ и прочіе.

Отступленіе отъ инструкціи допущено было только въ томъ, что съ принцемъ слѣдоваль еще одинъ поваренный ученикъ для приготовленія кушанья въ дорогѣ, а при родителяхъ его взяты

¹) Жулія или Юліана Менгденъ родная сестра упомянутой выше Біллы.

²) Корфъ неоднократно принималъ и пересыпалъ письма ихъ къ императрицѣ; но содержаніе сихъ писемъ, равно и того, чтобы были на нихъ отвѣты, неизвѣдно.

были, сверхъ указанной прислуги, еще одинъ тафельдекерскій и одинъ мундштейндскій ученики и два кухонные мужика. Корфъ представлялъ при томъ, что для прислуги принцу и стирки бѣлья необходимо было бы имѣть при немъ сидѣлицу, которая могла бы еще нагнать ихъ въ пути, и что принцъ Антонъ желаетъ имѣть при себѣ нѣмѣцкаго пастора, такъ какъ ни онъ, ни люди его уже столь давно не причащались и не были у службы Божіей; но и эти представленія Корфа остались безъ отвѣта, точно такъ же, какъ и первыя.

Поѣздка шла чрезвычайно медленно и съ большими затрудненіями. Препятствія возникали съ одной стороны отъ положенія принцессы, явно уже обнаруживавшагося и побудившаго даже разъ пустить ей кровь; съ другой, отъ необыкновенно дождливой осени, совершенно растворившей дороги, и безъ того уже дурныхъ. Миллеръ съ принцемъ Ioannomъ всегда оставались впереди на одни сутки. Принцесса скоро замѣтила, что разлучена съ Жуліею и сыномъ на всегда, но, горько жалуясь на жестокосердіе тѣхъ людей, проискамъ коихъ приписывала эту разлуку, сохраняла еще однако надежду, что милосердіе императрицы возбуждено будетъ письмомъ, которое къ ней отправила. И она и мужъ ея часто изъявляли опасеніе, что ихъ везутъ туда же, куда сами они нѣкогда отправили Бирона, тѣмъ болѣе, что Корфъ на вопросы ихъ отговаривался неувѣдѣніемъ и увѣреніями, что каждые три дня получаетъ приказанія, куда слѣдовать.

По пути избѣгали останавливаться въ городахъ и даже иногда совсѣмъ ихъ объѣзжали проселками, что среди бездонной грязи еще болѣе замедляло путь. Со второй половины сентября, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, стали появляться снѣгъ и ледъ, что внушало Корфу величайшія опасенія. Экипажи, писалъ онъ отъ 2-го октября, проѣхавъ уже 140 верстъ за Шенкурскъ, не возможно поставить на зимній ходъ, такъ какъ въ томъ краѣ водятся только самыя узкія сани для ѳзы въ одну лошадь, чemu отвѣтствуетъ и ширина зимнихъ дорогъ. Съ другой стороны, посланный впередъ Чортовъ доложилъ, что въ это время перѣѣздъ въ Соловецкій монастырь невозможенъ, да и въ Корельскій нельзя проѣхать отъ Архангельска иначе, какъ моремъ на пространствѣ 30 старыхъ и

60 новыхъ верстъ, съ опасностю быть занесу бурею въ открытое море. Вслѣдствіе того Корфъ умолялъ вывести его изъ затрудненія, разрѣшивъ, гдѣ провести зиму?

Императрица отвѣчала указомъ отъ 11-го октября. Предписывалось продолжать путь по прежнему повелѣнію, а когда наступить зима и выпадетъ снѣгъ, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ застанеть, поставить коляски на сани и зимнимъ путемъ ѻхать до Корельского монастыря, гдѣ и зимовать. Указъ сей, казавшійся въ противорѣчіи съ представленіемъ, сопровождался объяснительнымъ письмомъ барона Черкасова.

Онъ писалъ, что если отъ Архангельска нѣтъ сухаго пути до Корельского монастыря лѣтомъ, то съ наступленіемъ зимы онъ откроется рѣкою и берегомъ по льду; а касательно зимнихъ повозокъ совѣтовалъ: «набрать мужичьихъ саней сколько потребно и нарубивъ березовыхъ или иловыхъ деревъ тонкихъ, сіи деревья расколоть и распарить на огнѣ, сдѣлать изъ нихъ вязья въ такую ширину саней, какъ нужно по коляскамъ, а если и не сыщется удобнаго для вязья дерева, то можно поперегъ саней положить бруски и на оные поставить коляски, а ежели скудость въ полозьяхъ будетъ, то еловыя деревья съ корнями, которыхъ тамъ довольно, на полозы употребить можно, и тако жъ на оные поставить коляски и положить колеса и ѻхать безъ нужды». Черкасовъ прибавилъ, что въ случаѣ распутицы, впрочемъ по тамошнему климату невѣроятнаго, можно остановиться гдѣ-либо на время въ жильѣ, которое тамъ нерѣдко встрѣчается. Но еще до полученія этихъ приказаний, оттепели, а потомъ внезапные морозы сдѣлали дороги совершенно безпроѣздными, и донесенія изъ Архангельска свидѣтельствовали, что отъ плавучаго льда и низководья переправа въ монастырь уже невозможна. Вслѣдствіе того, Корфъ предписалъ Вындовскому приготовить для него въ Холмогорахъ архіерейскій домъ, въ двадцати комнатахъ, гдѣ предоставлялось удобство размѣститься со всемъ командою до весны. Поездъ прибылъ туда наконецъ 9 ноября.

Корфъ, донося, что ѻхать дальше нельзя за идущимъ на Двинѣ льдомъ и что это мѣсто гораздо способнѣе для комиссіи, нежели Корельскій монастырь, гдѣ слишкомъ мало комнатъ, а по ветхости зданія вездѣ такъ и продуваетъ, что никакимъ огнемъ согрѣть нельзя,

ходатайствовалъ о дозволеніи имѣть при принцессѣ священника, которому бы совершать службу Божію безъ огласки.

Отвѣтъ на сіе послѣдовалъ не прежде, какъ чрезъ мѣсяцъ, а именно въ указѣ 5 декабря: «за неспособностью Корельского монастыря», — сказано было, — «тутъ быть до весны на Холмогорахъ, и въ этомъ домѣ, гдѣ обрѣтается».

Затѣмъ дозволялось допустить къ совершенію божественной службы въ крестовой церкви архіерейскаго дома, одного чернаго священника съ дьячкомъ и пономаремъ, но съ тѣмъ, чтобы ни они «извѣстныхъ персонъ, ни сіи персоны священника и причетниковъ видѣть и съ ними говорить не могли; а если принцессы или кто изъ служителей пожелаетъ въ будущій великий посты исповѣдываться или причаститься, то сего въ Холмогорахъ не допускать, отложивъ до прибытія въ Соловецкій монастырь, гдѣ и духовникъ особливый опредѣленъ будетъ; если же кто заболѣтъ къ смерти и въ таковомъ нужномъ случаѣ, означенный черный священникъ кого исповѣдуетъ или причастить, то уже сего священника въ Холмогорахъ не оставлять, а взять съ собою въ Соловецкій монастырь, да и до отѣзду туда велѣть ему жить въ архіерейскомъ домѣ безвыходно и ни съ кѣмъ изъ тамошнихъ жителей его видѣться и говорить не допускать».

Такимъ образомъ все брауншвейгское семейство, покамѣсть еще временно, водворено было въ Холмогорахъ, древнемъ городѣ Архангельской губерніи, на Двинскомъ островѣ, въ 27 верстахъ отъ Архангельска. Жизнь ихъ тамъ текла вѣроятно такъ же, какъ прежде въ Ораніенбургѣ и Динаминдѣ: одни со своимъ несчастіемъ и своими горестями, они, кажется, и тутъ были въ томъ же разлученіи съ принцемъ Иоанномъ, которое наблюдалось въ дорогѣ и предназначено было для Соловецкаго монастыря. Являлись иногда знаки благотворительной о нихъ памяти со стороны императрицы. Такъ въ концѣ 1744 года прислано было въ Холмогоры по Высочайшему повелѣнію «для употребленія извѣстныхъ персонъ три актола венгерскаго вина и двѣ дюжины разныхъ гданскихъ водокъ». Заключенные, — доносилъ Корфъ, — не знаютъ, какъ выразить свою благодарность за дозволеніе имѣть священника и за присланное вино, — и сами пишутъ о томъ императрицѣ.

Между тѣмъ сближался конецъ беременности принцессы. Оказывалась надобность приготовить бабку и кормилицу. Найти первую всегда можно было въ Архангельскѣ, но пріисканіе послѣдней, при повелѣнной тайнѣ, представляло особенные трудности. Корфъ самъ для тогоѣздилъ въ Архангельскъ и съ большими лишь усилиями успѣлъ уговорить одну нѣмку, жену тамошняго мастероваго, но и то увѣривъ, что береть ее для собственной своей жены и принявъ на себя порученіе о пятерыхъ дѣтяхъ ея. Едва она и бабка (Анна-Марія Донардъ) привезены были въ Холмогоры, какъ принцесса 19 марта 1745 года разрѣшилась сыномъ. По слабости матери и младенца,—онъ былъ окрещенъ уже 21 числа съ наречениемъ его Петромъ, въ присутствіи Корфа и Гурьева, приставленнымъ, по прежнему указу, къ церкви архіерейскаго дома, крестовымъ іеромонахомъ Иларіономъ Поповымъ. Но и здѣсь приняты были самыя строгія мѣры осторожности. Отъ Попова отобрана сlijдующая подписька: «1745 года марта 19, призванъ іеромонахъ Иларіонъ Поповъ къ незпаметной персонѣ для отправленія родительскихъ молитвъ, которыя, какъ нынѣ, такъ и впредь, имѣть мнѣ скрытно и ни съ кѣмъ объ опомъ, куда призванъ быть и за чѣмъ не говорить, подъ опасеніемъ отнятія чести и лишенія живота, въ чемъ я подпишуясь». Такою же подпиською обязана и бабка, при отпускѣ ея обратно въ Архангельскъ.

Прежде этого события Корфъ неоднократно представлялъ и императрицѣ и кабинету, что комиссію во всѣхъ отношеніяхъ лучше бы и удобнѣе оставить въ Холмогорахъ, нежели перевозить въ Соловецкій монастырь: ибо чтобыѣхать туда, надо спускаться до устьевъ Двины на малыхъ судахъ, а тамъ пересаживать опять на большія, чего нельзя было исполнить съ соблюденіемъ предписанной тайны. Сверхъ того, приводялъ онъ, на Соловкахъ поставлена жизненныхъ припасовъ повлекла бы за собою большія издержки потому, что ихъ надобно привозить съ Устюга или Архангельска, тогда какъ въ Холмогорахъ легко доставать нужное изъ сосѣднихъ деревень. Наконецъ, онъ упоминалъ и о томъ, что съ Соловецкимъ монастыремъ престаектся всякая коммуникація на семь мѣсяцевъ. и все это время невозможно имѣть никакихъ донесеній.

Изъ всѣхъ сихъ причинъ уважена была наконецъ послѣдняя.

По крайней мѣрѣ она одна означена въ данномъ Корфу 29 марта 1745 года указѣ: чтобы извѣстныхъ персонъ содержать впредь до указу на Холмогорахъ, въ томъ же домѣ. Прибавлялось только условіемъ, чтобы Соборную церковь, въ которую обыватели ходятъ, огородить кругомъ крѣпкимъ и высокимъ заборомъ, отступя отъ нея во всѣ стороны сажень по 5 или болѣе, какъ мѣсто позволить, дабы никто на архіерейскомъ дворѣ и гдѣ команда расположена, ничего видѣть не могъ, и съ тою же цѣллю входъ въ сей церкви сдѣлать съ одной восточной стороны, прорубя въ деревянной оградѣ одни небольшія ворота, а прежнія съ сѣверной стороны оставить для входу и выходу одной лишь команды.

Въ томъ же указѣ Корфу давалось дозволеніе возвратиться къ Высочайшему двору съ тѣмъ, чтобы извѣстныхъ персонъ и команду свою онъ сдалъ маюру Гурьеву. Сверхъ того вовлагалось на него, при отѣзданіи своемъ, спросить у принцессы, кому отъ нея отданы или розданы алмазныя вѣщи ея, такъ какъ многихъ изъ нихъ не является, и объ отзываѣ ея по возвращеніи лично донести императрицѣ. Въ отношеніи по тому же предмету она приписала собственноручно: «А ежели она (т. е. принцесса) запираться станетъ, что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жулію (Менгденъ) розыскивать; то ежели ея жаль, то она бы еї до такого мученія не допустила».

Наконецъ къ указу приложена была еще особая бумага, тоже за подписаніемъ императрицы, слѣдующаго содержанія: «ежели по волѣ Божіей слѣчится и иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому умереть, особенно же принцессѣ Аннѣ или принцу Ioannu, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тотчасъ то мертвое тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить потому жъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ожидать указу и сіе содержать въ крѣпкомъ секрѣтѣ, чтобы объ томъ другіе не вѣдали, и какъ отсюда пойдете, то объявить о томъ маюру Гурьеву словесно, чтобы онъ такъ поступалъ, а сіо цидулу съ собою къ намъ привезть¹»).

Все сіе, за разлитіемъ рѣкъ и поврежденіемъ дорогъ, получено

¹) При дѣлѣ находится она только въ копії.

было Корфомъ уже въ маѣ, что вмѣстѣ съ разными по указу распоряженіями дозволяло ему выѣхать изъ Холмогоръ не прежде половины іюня.

Симъ оканчивается находящееся въ Императорской публичной библіотекѣ дѣло, къ которому приложены только еще данная отъ Корфа къ Гурьеву инструкція (списанная съ указовъ) и разныя счетные выписки.

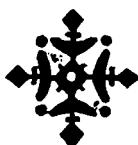
Изъ другихъ источниковъ известно, что принцъ Іоаннъ впослѣдствіи (но когда и какъ) перемѣщенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ по поводу покушенія Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручика Мировича освободить его для возведенія на престоль былъ умерщвленъ въ ночь съ 4 на 5 іюня 1764 года¹⁾ приставленными къ нему: капитаномъ Васильевымъ и поручикомъ Чекиннымъ. Прочie члены Брауншвейгской семьи долго томились въ Холмогорскомъ заточеніи.

Сверхъ упомянутыхъ выше: Екатерины, Елизаветы и Петра, въ 1746 году родился еще сынъ Алексѣй, и рожденіе его сопровождено было смертю матери²⁾). Принцъ Антонъ, потерявъ наконецъ оть слезъ зрѣніе, умеръ въ 1774 году 4 мая. Только уже въ 1780 году императрица Екатерина, удостовѣрясь, что освобожденіе дѣтей его не можетъ имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій, предположила отправить ихъ въ датскія владѣнія и поручить тамъ въ покровительство родной сестры ихъ отца, вдовствовавшей королевы датской Юліаны-Маріи, которая согласилась на то съ особеннымъ удовольствіемъ и чувствомъ признательности. Устройство дѣла было препоручено назначенному тогда генерал-губернаторомъ ярославскимъ, вологодскимъ и архангельскимъ Мельгунову. Послѣ 39-лѣтнаго заключенія, изъ коихъ 36-ть прошли въ Холмогорахъ, оба принца съ сестрами ихъ отправлены были въ Данію, на русскомъ суднѣ «Полярная Звѣзда». Мѣстомъ для жительства ихъ тамъ назначенъ былъ небольшой городъ въ Ютландіи, отдаленный и отъ моря, и отъ большихъ дорогъ.

¹⁾ На 24 году отъ роду.

²⁾ Тѣло ея перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Умерла 28 лѣтъ.

При отправлении императрица надѣлила ихъ щедрою рукою. сверхъ богатыхъ запасовъ для одежды и прочаго, имъ дало 2.000 червонныхъ на карманныя деньги, каждому брату и каждой сестрѣ назначено ежегодно пенсію по 8.000 руб., всего 32 т. и впослѣдствіи пожаловано еще 40 т. талеровъ на обзаведеніе для нихъ дома. Выѣхавъ изъ Холмогоръ въ ночь съ 26 на 27 июня 1780 года, они отправлены были въ дальнѣйшій путь 29 числа и послѣ труднаго морскаго плаванія до Аальборга, прибыли въ Горсенсъ¹⁾ сухимъ путемъ уже 13 октября. Дальнѣйшая ихъ жизнь текла въ отдаленіи отъ двора и свѣта и хоть на свободѣ и съ сохраненіемъ титуловъ принцевъ и принцессъ, но съ постояннымъ за ними надзоромъ. Елизавета умерла первая²⁾ 20 октября 1782 года, по томъ за нею послѣдовали: 22 октября 1787 года Алексій³⁾ и 30 января 1798 года Петръ⁴⁾; Екатерина дожила до 9 апрѣля 1807 года⁵⁾. Съ нею престѣклось потомство брата Петра Великаго. Несмотря на постепенное уменьшеніе семейства, опредѣленная всѣмъ четыремъ пенсія въ 32.000 рублей производилась вполнѣ до самой смерти Екатерины. Императоръ Александръ I велѣлъ находившимся при Горсенскомъ дворѣ людямъ обратить въ пенсію, изъ русской казны, полные ихъ оклады, а послѣ ихъ смерти производить сю пенсію ихъ вдовамъ.



¹⁾ Горсенсъ при Горсенфіордѣ, съ 4 т. жителей, съ хорошею гаванью, (второжденіе известнаго командро Бернига, въ Сѣверной Ютландіи въ Кургускомъ округѣ).

²⁾ 40 лѣтъ отъ роду. Родиласъ въ заточеніи въ Динаминдѣ.

³⁾ На 41 году отъ роду. Родиласъ въ заточеніи въ Холмогорахъ.

⁴⁾ 53 лѣтъ отъ роду. Родиласъ въ заточеніи въ Холмогорахъ.

⁵⁾ Около 66 лѣтъ отъ роду.

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ „Сионскій Вѣстникъ“.

V ').

Масонская ложа Лабзина и его взглядъ на масонство.—Мистицизмъ въ проповѣдахъ.—Вліяніе отечественной войны на мистическое настроеніе императора Александра и общество.—Мысль о возобновленіи „Сионскаго Вѣстника“. Сознаніе князя Голицына въ томъ, что онъ былъ неправымъ гонителемъ и виновникомъ запрещенія первого изданія журнала.—Рескрипт императора А. Ф. Лабзину и пожалованіе ему ордена св. Владимира 2 степени.—Объявление объ изданіи „Сионскаго Вѣстника“.—Интересъ, возбужденный журналомъ.—Лабзинъ находитъ, что заслуги его недостаточно цѣнятся правительствомъ.—Желаніе его быть сенаторомъ и тайнымъ советникомъ.—Назначеніе вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Съ прекращеніемъ изданія «Сионскаго Вѣстника» Лабзинъ, какъ человѣкъ съ твердою волею, опредѣленнымъ направленіемъ и посвятившій себя на «служеніе Богу» не могъ оставаться празднымъ. Послѣдователь Новикова и ученикъ Шварца, онъ съ грустью смотрѣлъ на современное направленіе, принятое масонствомъ, и рѣшился основать особую ложу, или скорѣе братство.

Новиковъ и его друзья въ свое время принесли огромную пользу религіи, дѣлу воспитанія юношества, распространенію просвѣщенія, помощи страждущимъ и благотворному противодѣствію сильному тогда ученію энциклопедистовъ. Но попытка Новикова установить масонство въ Россіи на прочныхъ началахъ не увенчалась успѣхомъ, и онъ самъ, какъ известно, подвергся преслѣдованію правительства. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія масонство получило у насъ совершенно иной характеръ. Оно не было

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1894 года.

разрешено официально, но было терпимо отчасти потому, что, являясь лишь тѣнью того, что было при Новиковѣ, не вызывало опасеній со стороны правительства.

Междудыни позднейшими масонами было много такихъ, которые въ мутной водѣ ловили рыбу,—или пользуясь сотовариществомъ съ выдающимися и влиятельными лицами, разсчитывали получить черезъ нихъ выгодную должность, чинъ или орденъ¹⁾.

Недовольные своимъ общественнымъ положеніемъ лица, воскращая масонство въ Петербургѣ, надѣялись обратить на себя вниманіе и составить себѣ партію приверженцевъ. Основывая ложи, они вербовали въ нихъ неопытныхъ новичковъ полезныхъ для ихъ личныхъ интересовъ.

«Нѣсколько братьевъ, московскихъ калѣкъ,—говорить Д. П. Руничъ²⁾,—помогали имъ, и съ разрешеніемъ правительства основалось въ Петербургѣ нѣсколько масонскихъ ложъ, подъ управлениемъ гросмейстеровъ, не знавшихъ даже катехизиса и болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ ученики. Образовалась русская ложа и нѣмецкая ложа, вмѣшивавшая въ себѣ братьевъ всѣхъ оттѣнковъ. Бездѣйствие нашло убѣжище противъ скучи, и шампанское заставило забыть ничтожество цѣли этихъ собраній. Уже не боялись прослыть за масоновъ, и полиція убѣдилась болѣе, чѣмъ когда-либо, что она могла спать спокойно во время масонскихъ собраній».

Въ нихъ не удары молотка, а звукъ отъ раскупориванія бутылокъ, возбуждалъ всеобщее вниманіе и призывалъ братьевъ къ дѣятельности.

— Лабзинъ не могъ сочувствовать такому направлению и образовывать себѣ братство, ближе подходившее къ истинному масонству, на которое онъ не смотрѣлъ какъ на дѣтскую игру, или на маску, прикрывающую политическія стремленія. Членами его ложи были: Поздѣевъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Граббе, законоучитель Академіи Художествъ Сперанскій, пасторъ 2-го кадетскаго корпуса Эвенгофъ, законоучитель морскаго кадетскаго

¹⁾ „Встрѣча съ мартинистами“. С. Аксакова. „Русская Бесѣда“, 1859 г., т. I.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. „Русское Обозрѣніе“, 1890 г. № 9, стр. 243.

корпуса Иовъ¹⁾), А. П. Мартыновъ и другіе. Секретаремъ братства былъ Бѣляевъ, отецъ декабриста, другъ и приятель Лабзина, въ обращеніи которого съ братьями былъ слышанъ тонъ господина и повелителя²⁾.

Лабзинъ видѣлъ въ масонствѣ только первыя ступени, по которымъ человѣкъ могъ бы возвыситься до нравственнаго усовершенствованія и внутренняго очищенія, безъ чего «масонство сдѣлалось бы,—говорить Д. П. Руничъ³⁾,—какъ это доказываютъ факты, столь же ненужнымъ, какъ внешняя религія, не отражающаяся на дѣйствіяхъ того, который исповѣдуется ей, и не проводящая въ жизнь доктрины, которымъ она учитъ. Все Евангеліе говорить только объ обновленіи, воскресеніи, о тѣлесной смерти, за которой слѣдуетъ нравственная или духовная жизнь».

Разъясненіе этой духовной жизни и составляло всю суть дѣятельности Лабзина. Какъ глава, какъ гросмейстеръ своего небольшаго кружка, онъ умѣлъ наэлектризовать братьевъ, и они, вѣря въ чистоту его намѣреній, въ правильность его взглядовъ, легко подчинялись грубости его манеръ и дерзости въ обращеніи, происходившихъ отъ необузданности его характера. Лабзинъ не церемонился съ своими учениками и считалъ ихъ своими покорными слугами. Деспотизмъ былъ такъ развитъ въ этой ложѣ, что Лабзинъ, напримѣръ, заставилъ А. П. Мартынова играть на сценѣ въ тотъ день, когда онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца.

— Мужчинѣ стыдно поддаваться грустному чувству,— говорилъ онъ Мартынову.

Такое обращеніе возбуждало страхъ въ молодомъ С. Аксаковѣ, и въ ложѣ Лабзина онъ видѣлъ какой-то католическій фанатизмъ, напоминающій тайныя и инквизиторскія судилища среднихъ вѣковъ. Здѣсь всѣ обряды масонства соблюдались самымъ строгимъ образомъ: употребляли церемоніи при принятіи новыхъ членовъ, пѣли соответствующіе стихи во время занятій и за ужиномъ⁴⁾.

¹⁾ Этотъ Иовъ, бывшій также въ сектѣ Татариновой, 18 мая 1818 г. лишился ума и умеръ сумасшедшімъ.

²⁾ „Воспоминанія Бѣляева“. „Русская Старина“ 1880 г. № 9, стр. 4; „Встрѣча съ мартинистами“. С. Аксакова „Русская Бесѣда“, 1859 г., т. I, 51.

³⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1890 г., № 9, стр. 244.

⁴⁾ „Встрѣча съ мартинистами“. С. Аксакова, „Русская Бесѣда“, 1859 г., т. I, стр. 55—59.

Лабзинъ не могъ допустить въ своей ложѣ того шарлатанства, которымъ проникнута была большая часть масоновъ начала XIX вѣка, и позднѣе высказался неодобрительно противъ такого направленія общества.

«Нынѣ,—писалъ онъ князю А. Н. Голицыну¹⁾—правительствомъ дозволены или терпимы масонскія ложи. Развелось множество ложъ и каждая ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только принимаетъ новыхъ членовъ, которыхъ напримѣнно теперь уже болѣе тысячи. Что въ этомъ? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за-что, ни про-что? Кажется, либо не позволять ложи, либо поставить ихъ на хорошую ногу, а то,—я могу сказать вашему сіятельству,—есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только не вѣрующіе, но и не скрывающіе своего невѣрія. За что жъ давать развращать молодыхъ людей, вступающихъ иногда туда и не съ худымъ намѣреніемъ? Не разсудите ли, ваше сіятельство, представить о семъ государю, хотя не какъ о дѣлѣ, а между разговорами.

«Не та моя цѣль при семъ, чтобы побудить опять запретить ложи, ибо съ одной стороны я боюсь, чтобы, исторгая плевели, иногда не по-вредить и пшеницы; съ другой—представляется мнѣ, что не по слѣ-пому же можетъ быть случаю, то, что такъ строго въ Россіи запреща-лось, такъ свободно нынѣ производится. А моя цѣль только та, какъ если бы ваше сіятельство увидѣли, что попы, исправляющіе службу, сами смѣются надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, или бы выѣсто обхода вокругъ бу-пели, при крещенії, плясали въ присидку, (то) не пожелали ли бы вы перемѣнить сихъ попою? Впрочемъ, можетъ быть, гораздо лучше упо-требить во благо тѣ способы, которые по че-му-то стали возможны, позовительны и угодны многимъ, нежели пріискивать, придумывать и изобрѣтать новые.

«Мое дѣло было исполнить нудящее меня какое-то побужденіе ска-зать вамъ это; впрочемъ, все сіе предоставляю совершенно вашему bla-гогоразсудженію

«Я пишу сіе единственно для вашего сіятельства. Я написалъ, но вы не слушайте меня, если что не такъ, ибо я и самъ не хочу, чтобы было все по-моему, потому только, что по моему».

Строго религіозный Лабзинъ не могъ видѣть пренебреженія къ религіи, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, и утѣшаль себя только тѣмъ, что дѣятельность его по изданію «Сіонскаго Вѣстни-ка» не прошла безслѣдно и отразилась въ духовной литературѣ.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 28 мая 1816 г. Троицкынъ день, 10 часовъ вечера.

Отголоски мистицизма, говорить П. Знаменский¹⁾, слышны были въ тогдашихъ проповѣдяхъ «сохранившихся въ многочисленныхъ по духовнымъ семействамъ рукописяхъ и отчасти въ изданныхъ въ печати; многія духовныя лица успѣшно усвоивали языкъ мистиковъ и очень близко подражали статьямъ «Сіонскаго Вѣстника». Наиболѣе самобытнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), увлекавшій тогдашнее общество своими проповѣдями.

«Отврати, говорилъ онъ²⁾, вѣрующая душа, очи твои, еже не видѣти суеты; обратися въ покой твой и въ тайнѣ ищи тихаго безмятежнаго царствія Божія въ себѣ самой. Царствіе Божіе въ утрѣ васъ есть (Лук. 17, 21). Въ живой вѣрѣ и въ твердомъ упованіи, въ чистой совѣсти, въ ангельской любви—здесь царствіе Божіе».

Здѣсь, по словамъ Филарета, зачинается, рождается, обитаетъ и владычествуетъ Христосъ; здѣсь нѣть никакихъ бѣдъ, ни голода, ни жажды, «ибо Царь нашъ питаетъ рабовъ своихъ манною сокровенною» (Апок. 2, 17); нѣть ни скорбей, ни унынія—Онъ есть радость; ни болѣзней, ни смерти—Онъ есть жизнь; ни гоненій и угнетенія, — «идѣ же бо Духъ Господень, ту свободу» (2 Кор. 3, 17). Небесное дыханіе сего Духа, освѣжая воздухъ души, вливаетъ благовонный миръ въ сердце. Въ немъ, наполненномъ Духомъ Господнимъ, всегда ясное небо: ни тучи сомнѣній не закрываютъ свѣта Божія, ни громъ гнѣва Его не потрясаетъ слуха въутренняго.

Проповѣдь эта произвела громадное впечатлѣніе на слушателей. Многіе, и въ особенности мистики, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту проповѣдника, встрѣтили живое слово, дотолѣ ими не слыханное; всѣ читали эту проповѣдь, выспрашивали себѣ ея экземпляры, старались познакомиться съ Филаретомъ³⁾. Послѣдній произносилъ свои проповѣди преимущественно на боль-

¹⁾ «Чтениа изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I.». П. Знаменского, стр. 179.

²⁾ Въ 1810 г., въ своей проповѣди на день Благовѣщенія. См. «Сочиненія Филарета», т., изд. 1873 г., т. I, стр. 134.

³⁾ «Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета». «Вѣра и разумъ», 1884 г., маѣль, стр. 23.

шіе праздники, когда въ Александро-Невскую лавру собиралось много молящихся. Сюда привозили слушать его князь Голицынъ, Лабзинъ, А. Н. Оленинъ, А. И. Тургеневъ, А. С. Стурдза и другіе. Филаретъ сразу приобрѣлъ себѣ поклонниковъ, покровителей, но и враговъ. Въ числѣ послѣднихъ и наиболѣе сильный былъ Феофилактъ Русановъ, епископъ калужскій.

До появленія Филарета онъ пользовался въ Петербургѣ славою первого проповѣдника. Сдѣлавшись монахомъ не по убѣждению, а по совѣту, Феофилактъ по своему направленію былъ совершенно свѣтскій человѣкъ, старавшійся вторить въ тактъ тогдашнимъ либеральнымъ стремленіямъ государственныхъ людей и тѣмъ заслужившій ихъ расположеніе. Онъ привлекалъ столичную публику новостью содержанія проповѣдей, которая отличались, впрочемъ, странными особенностями. Феофилактъ говорить, напримѣръ, о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современность и не рѣдко разсуждалъ о политикѣ¹⁾. Какъ противоположность сухимъ проповѣдамъ остального духовенства, слова Феофилакта вызывали одобрение слушателей, но религіозной пищи въ нихъ было мало. И вотъ явился новый проповѣдникъ, который приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Онъ выскакывалъ то же самое, что говорилось въ «Сіонскомъ Вѣстнику» 1806 года, въ мистическихъ твореніяхъ Александра Ковалѣкова²⁾ и другихъ русскихъ авторовъ, которые хотя и не далеко удалялись отъ западныхъ протестантскихъ мистико-религіозныхъ сочиненій, но были примѣнены къ понятіямъ тогдашняго общества, и заманчивы съ содержаніемъ подкупали читателей. Въ нихъ шла рѣчь о легчайшемъ пути ко спасенію, предлагались «львицы отъ земли на небо» и указывались «двери благодати». Всѣ они читались съ большимъ увлеченіемъ, потому что соответствовали потребностямъ общества и давали отвѣты на возбужденные имъ вопросы.

Хотя Филаретъ никогда не былъ мистикомъ, въ полномъ значеніи этого слова, а впослѣдствіи былъ однимъ изъ первыхъ про-

¹⁾ Изъ воспоминаній митрополита Филарета, записанныхъ А. В. Горскимъ. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г. № 8, стр. 516.

²⁾ Мистические творенія эти написаны въ періодъ времени съ 1809—1812 г. и изданы въ 1815 году съ разрешенія цензора И. Тимковскаго.

тивниковъ мистицизма, но въ 1810 году, не понятый вполнѣ, онъ являлся какъ бы сторонникомъ этого ученія. Въ самомъ дѣлѣ, выше-приведенная проповѣдь его трактовала о царствѣ Христовомъ, и въ ней проводилась мысль, что царство это не отъ міра сего и внутри насъ есть—все то, что нужно было мистикамъ,—что задѣвало живую ихъ струнку и вызывало горячее сочувствіе къ Филарету, въ которомъ они видѣли своего сторонника и могущественнаго защитника.

— Князь Голицынъ просилъ митрополита Амвросія чаще поручать Филарету произносить проповѣди, и въ 1811 г. онъ произнесъ семь проповѣдей.— Изъ нихъ слова на день «Пятница» и на «Рождество Христово» заслуживаютъ наибольшаго вниманія по мистическому ихъ характеру. Здѣсь затронуты были самые живые вопросы мистики: о возрожденіи духовномъ, о дѣйствіяхъ духа въ сердцахъ вѣрующихъ, о просвѣщеніи внутреннимъ свѣтомъ, о самоуничиженіи, необходимомъ человѣку для устройства внутри себя храма Божія.

— Человѣкъ тогда только сносенъ, говорить Сперанскій, когда онъ въ безсилії; силы или искалеческіи въ началѣ его погубило и губить впослѣдствіи; въ безсилії онъ соединяется съ Богомъ, въ силѣ воюетъ противъ него.

То же самое говорили мистики, то же самое говорилъ и Филаретъ въ 1811 году въ словѣ на Рождество Христово.

«Нѣть высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣть большей славы, какъ раздѣлить безчестіе съ Іисусомъ; нѣть избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣть совершеннѣйшаго возраста, какъ младенчество Іисуса; нѣть лучшаго украшенія для души, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно яслямъ Его... Богъ творить изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ-нибудь, дотолѣ Онъ въ насть не начинаетъ своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть основаніе въ насть храма Его: кто болѣе углубляетъ оное, тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ... Кто далъ намъ сердце, не довольствуется большею или менѣею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ отвергаетъ всякую любовь, которая не основывается на любви къ Нему; всякое наслажденіе, въ которомъ ищемъ себя, есть огорченіе для Него; всякая мысль, наклонная къ тварямъ—измѣна Ему; всякая разсѣянность—удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ со-

единенію и удержаться въ Немъ... Блаженни чисті сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ--и гдѣ? въ самомъ сердцѣ своемъ»¹⁾.

Слова эти вызывали восторгъ слушателей, и известность Филарета росла, а съ нею вѣбѣсть росла и зависть Теофилакта, понявшаго, что молодой проповѣдникъ можетъ затмить его славу. Приверженцы Теофилакта стали распускать слухъ, что въ проповѣди на Благовѣщеніе Филаретъ обокралъ извѣстнаго французскаго проповѣдника Массильона; проповѣдь на день Св. Пасхи въ 1811 году называли одою, а проповѣдь «О дарахъ Св. Духа», сказанную въ праздникъ Св. Троицы, Теофилактъ назвалъ неправославною, а наполненою пантеизмомъ.

Въ то время, когда происходила борьба за первенство между Теофилактомъ и Филаретомъ, явилось третье лицо, не поддававшееся моднымъ идеямъ, не слѣдовавшее за общимъ течениемъ и осуждавшее проповѣдническую дѣятельность того и другаго. То былъ инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи Иннокентій (Смирновъ), человѣкъ очень умный, строгій ревнитель православія, проповѣдникъ не столько блестательный, сколько теплый наставникъ въ благочестіи²⁾.

«О, какіе мы недостойные учители и проповѣдники слова истины! говорилъ онъ. Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, а для насыщенія нечистой своей похоти, такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуется не ради рожденія чадъ духовныхъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, токмо движениемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника или почесать сердце свое щекотаніемъ, слухомъ чести, мѣды и отличія, то же онъ дѣлаетъ, что и любодѣй: тотъ любодѣйствуетъ тѣлесно, а сей духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсь неправаго ученія и духа, тогда какъ матерь во чревѣ своемъ убиваетъ домъ младенца, такъ и проповѣдникъ яdomъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ, во утробѣ матери церкви чадъ духовныхъ. Видить Богъ, какъ въ настоящихъ духовныхъ витіяхъ и проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово! Многіе ли нынѣ своими словами, рѣчами и поученіями, витіеватыми, высокими и таинственными (мистическими), дѣлаютъ то назиданіе, ка-

¹⁾ «Исторія русской словесности древней и новой», соч. А. Галахова, т. II, стр. 454.

²⁾ Иннокентій на 26 году отъ-роду былъ уже архимандритомъ и инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи при ректорѣ Филаретѣ.

кое св. отцы наши древле производили своими простыми, немногими, краткими словами и беседами? Чають многіе навыкиуть проповѣди слова Божія не отъ дѣль, но изъ школьнаго наученія и покушаются проповѣдывать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрованія и явленія плоти и крови... Но всего суетище и лагубище то, что нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія почивають на западныхъ и новѣйшихъ словесникахъ и витіяхъ, а водь благодатнаго ученія въ Св. Златоустѣ Ioannѣ, Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ и прочихъ св. отцахъ и учителяхъ церкви не хотять и видѣть, будто они не нужны для людей нынѣшнихъ. Ужели, Массильонъ, Боссюэть, Бурдалу, Флешье болѣе и лучшее заключаютъ въ себѣ живыхъ водь, чѣмъ студентъ, истекшій изъ устъ св. Златоуста и иныхъ отцовъ церкви и богоумдрыхъ учителей?»¹⁾.

Обвиненіе въ любодѣйствѣ словомъ заставило молодаго тогда Филарета просить подвергнуть критической оцѣнкѣ его проповѣди и въ особенности проповѣдь «О дарахъ Св. Духа». Просматривавшіе ее митрополитъ Амвросій, известный докторъ Меѳодій тверской, М. М. Сперанскій и кн. А. Н. Голицынъ не нашли въ ней ничего неправославнаго и рѣшили немедленно напечатать эту проповѣдь. Она была представлена императору, и въ концѣ іюня Филарету пожалованъ драгоценный наперстный крестъ «за отличие въ проповѣданіи слова Божія». Черезъ недѣлю онъ, имѣя всего 28 лѣтъ отъ рода, былъ посвященъ въ сань архимандрита.

Приписывая столь быстрое возвышеніе Филарета митрополиту, юеофилактъ старался представить Амвросія ретроградомъ и въ одной изъ проповѣдей своихъ говорилъ исключительно о человѣкѣ престарѣломъ, обремененномъ службою, изъ-за котораго всѣми дѣлами митрополіи управляетъ молодой монахъ. Это былъ ясный намекъ на Филарета и митрополита Амвросія. Послѣдній былъ въ крайне непріятномъ положеніи, не зналъ, какъ выдти изъ него, но Филаретъ указалъ ему на способъ прекратить на будущее время проповѣдническую дѣятельность юеофилакта. Молодой архимандритъ напомнилъ митрополиту 20-е правило VI Вселенскаго собора, которымъ воспрещалось проповѣдывать въ чужой епархіи. Амвросій предложилъ это указаніе самому юеофилакту въ засѣданіи Синода,

¹⁾ «Обзоръ рус. духов. литературы Филарета Чернigовскаго». Издавіе 1884 г., т. II, стр. 425.

и голосъ калужскаго археепископа не раздавался болѣе въ церквяхъ Петербурга¹⁾. За то проповѣдническая каѳедра Филарета была всегда окружена множествомъ публики изъ столичной знати.

Самымъ горячимъ поклонникомъ и почитателемъ Филарета былъ князь А. Н. Голицынъ, совершенно подчинившійся его вліянію и просившій даже быть его духовнымъ отцомъ, отъ чего Филаретъ однако уклонился. Это уклоненіе не мѣшало ихъ взаимному сближенію; князь А. Н. Голицынъ часто посыпалъ за Филаретомъ и въ бесѣдѣ съ нимъ проводилъ многіе часы. «Въ продолженіе осени, писалъ Филаретъ отцу 28-го ноября 1811 года, я нѣсколько разъ бывалъ у князя Александра Николаевича и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ (языкѣ). Теперь онъ нездоровъ, помолитесь о немъ, онъ истинный ревнитель вѣры и церкви», — церкви внутренней, мистической, прибавимъ мы.

Собственно говоря мистическое движение, не будучи никогда народнымъ, захватывало только образованное, преимущественно аристократическое общество и укрѣпилось въ немъ подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ тяжкихъ испытаній Отечественной войны 1812 года. Москва была занята непріятелемъ, многія губерніи разорены и остались безъ правителей; сообщеніе съ арміею на нѣсколько дней прекратилось, и въ Петербургѣ не знали, что дѣлается въ значительной части центральной Россіи.

Тамъ Наполеонъ, совершенно неожиданно, наткнулся на новую невѣдомую ему силу — на преданность русскаго народа царю и родинѣ и на его религиозность, незнакомую ни съ мистицизмомъ, ни съ какимъ другимъ ученіемъ, кроме преданій отцовъ и дѣдовъ.

— О! мои бородачи, говорилъ императоръ Александръ впослѣдствіи Шуазель-Гуфье — они гораздо лучше нась. Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю²⁾.

Только глубокая вѣра въ Бога, въ какомъ бы видѣ она ни выражалась, въ состояніи подвигнуть каждого на самопожертвование.

¹⁾ Извѣстіе воспоминаній Филарета. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г. № 8, стр. 516.

²⁾ „Русская Старина“ 1877 г. т. XX, стр. 603.

ваніе, и въ ней одной живой источникъ силы и средства къ сопротивленію врагу, сопряженному всегда съ опасностью жизни. Успѣхи войны приписывались всѣми Промыслу Божію, карающему нечестиваго оскорбителя, насильно вторгшагося въ наше отечество и нанесшаго ему столько бѣствій. Наполеонъ представился всѣмъ антихристомъ, для сокрушенія котораго былъ посланъ Богомъ, какъ тогда называли, «ангелоподобный» Александръ. Но послѣдній, не приписывая ничего себѣ, въ добровольно сожигаемыхъ селахъ, городахъ и, наконецъ, въ заревѣ Москвы, увидѣлъ все величіе своего народа, преклонился передъ нимъ и передъ «перстомъ Божіимъ».

— Пожаръ Москвы, говорилъ государь прусскому епископу Эйлерту¹), — освѣтилъ мою душу, и судь Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ.

Александръ I понялъ, что однѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, тѣхъ, въ которыхъ онъ самъ былъ воспитанъ, т. е. гуманности, любви къ ближнему, понятія о равенствѣ и братствѣ, недостаточно для совершенія великаго подвига самоуничиженія на пользу отечества; что для этого надо что-то высшее, идейное или духовное, — и религія, охвативъ внутренняго человѣка, дала императору иное направлѣніе, переродила его.

— Въ 1812 году, говорилъ онъ²), Господь, по любви и милосердію своему, снова призвалъ меня къ себѣ, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою.

Съ полученіемъ извѣстія о вступленіи Наполеона въ Москву, многіе жители Петербурга стали укладывать свои вещи и собираясь къ выѣзду, будучи увѣрены, что французы скоро явятся въ Петербургъ. «Среди общаго беспокойства, писалъ Филаретъ отцу³), одинъ человѣкъ удивилъ меня своимъ великодушіемъ. Тогда какъ многіе оставляли свои дома, кн. Александръ Николаевичъ (Голи-

¹) Въ 1818 году. „Чтепія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра“. П. Знаменского, стр. 26.

²) Квакеру Грэйз-де-Мобилье въ 1819 г. Записки квакера «Русская Станица». 1874 г. № 1, стр. 18.

³) Отъ 2-го декабря 1812 г. Письма Филарета роднымъ.

цынъ) строилъ въ своемъ домѣ церковь» и передѣлывалъ свой домъ. Завистливые люди старались оклеветать его въ глазахъ государя и навести подозрѣніе въ измѣнѣ отечеству.

— Голицынъ, спрашивалъ однажды Александръ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? Всѣ собираются бѣжать, а ты строишься?

— Да, отвѣчалъ князь, мѣсто, гдѣ я теперь, также безопасно, какъ и всякое другое, куда бы я могъ бѣжать; Господь защита моя, на Него я уповаю.

— Съ какого времени, спрашивалъ государь, у тебя такъ много надежды на помощь Божію, и на чёмъ основано твоё упованіе?

— Сердце мое о томъ свидѣтельствуетъ, отвѣчалъ кн. Голицынъ, и вотъ та богодохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія.

Онъ хотѣлъ подать государю Библію, но она упала нечаянно на полъ и раскрылась.

— Позвольте же мнѣ, сказалъ князь, прочитать вамъ именно то мѣсто, на которомъ раскрылась Библія.

Это былъ 90 псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго вдоворится. Речеть Господеви: Заступникъ мой еси и прибѣжище мое,—Богъ мой, и уповаю на него»...

Слушая чтеніе этого псалма, государь оставался неподвижнымъ и былъ въ крайнемъ изумленіи. Въ ужасные дни тревогъ и волненій, среди бѣдствія, постигшаго отечество, Александръ невольно, въ словахъ Библіи, почувствовалъ нѣкоторое утѣшеніе и видѣлъ въ этомъ озареніе свыше¹⁾.

— Тогда я позпалъ Бога, говорилъ онъ епископу Эйлерту, какъ его описываетъ Св. Писаніе. Съ тѣхъ только поръ, я понялъ Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ.

Князь Голицынъ передалъ государю Библію и совѣтовалъ ему приняться за чтеніе Св. Писанія.

— Я пожиралъ Библію, говорилъ Александръ, находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный, миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь по

¹⁾ Записки квакера «Русская Старина», 1874 г. № 1, стр. 22.

благости своей даровалъ мнѣ духомъ своимъ уразумѣть то, что я читаль; этому-то внутреннему назиданію и озаренію обязанъ я всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова,—вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ Святаго Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія.

Послѣдующія события и обстоятельства еще болѣе укрѣпили государя въ справедливости его мнѣнія и направили по этому пути. Будучи въ Казанскомъ соборѣ, онъ опять услышалъ чтеніе того же 90 псалма и спросилъ священника, кто подалъ ему мысль читать его?

— Никто, отвѣчалъ спрошенный, но я молился Господу и просялъ внушить мнѣ, что именно избрать и прочесть изъ Его божественнаго слова для ободренія и утѣшенія моего государя, и мнѣ казалось потомъ, что этотъ псаломъ былъ именно гласомъ Божіемъ къ Вашему Величеству.

Видя въ этомъ особое знаменіе, императоръ весь предался волѣ Божіей, преклонился предъ промысломъ Всевышняго и пріучилъ себя читать Библію каждый день утромъ и вечеромъ.

— Вѣра побудила меня, говорилъ Александръ однажды кн. Мещерской, отдаться Тому, Кто говорилъ мнѣ въ псалмѣ 90, и внушила мнѣ увѣренность, давала силы совершенно для меня новыя. При каждой трудности, при каждомъ вопросѣ, я преклонялся къ ногамъ моего небеснаго Отца или, углубляясь на нѣсколько минутъ въ себя, взывалъ къ Нему изъ глубины сердца и все чудеснымъ образомъ устраивалось; всѣ затрудненія исчезали передъ Господомъ, Который шелъ впереди меня.

Съ этихъ поръ Александръ часто предавался созерцательной молитвѣ и особенно любилъ бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи Св. Духа и его вліяніи на человѣка, т. е. именно о томъ, о чемъ твердили всѣ мистики. Такое настроеніе государя поддерживалось и послѣдующими обстоятельствами.

1-го октября, въ день Покрова Пресвятая Богородица, Филаретъ освящалъ домовую церковь кн. Голицына, въ присутствіи Св. Синода и блестящаго собранія дворянства. Въ то время Наполеонъ не покидалъ еще Москвы и, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ дней,

проповѣдникъ указывалъ на необходимость всегдашней готовности къ принятію въ себя Царя славы.

« И между тѣмъ Господь при дверехъ, говорилъ Филаретъ. Какой рабъ можетъ пренебрегать посѣщеніемъ владыки своего и какой владыка можетъ снести такое пренебреженіе? Можетъ ли богатый оставить нищаго толцать въ ворота свои отъ утра и до вечера и нищій не проклясть жестокосердаго? Но ты, Господи, съ неизреченными сокровищами щедротъ Твоихъ, съ того времени, какъ возсіялъ надо мною свѣтъ Евангелія Твоего, стоишь у вѣчныхъ вратъ души моей, а я не внемлю Твоимъ кроткимъ толчаніямъ, и вратами тлѣнія убѣгаю скитаться по міру, и просить у враговъ Твоихъ моей погибели »¹⁾.

Если припомнить, что слова эти произносились среди губительной войны, при полученіи отовсюду извѣстій объ оскорблениіи святыни и оскверненіи православныхъ храмовъ, то можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должна была эта проповѣдь произвести на присутствовавшихъ и притомъ такихъ, въ которыхъ, по словамъ Филарета, съ почтеніемъ можно было видѣть примѣры благочестія.

23-го октября Филаретъ опять служилъ въ церкви князя Голицына, и его убѣждали повторить ту же проповѣдь, « но я, говорить онъ ²⁾), не могъ себя принудить къ тому и говорилъ вместо того Бесѣду ³⁾), которую присемъ прилагаю ». Бесѣда эта была повторена въ томъ же храмѣ 30-го ноября въ присутствіи императора Александра и вызвала полное его одобреніе.

« Что мя зовете Господи, Господи и не творите яже глаголю? говорилъ Филаретъ. Страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулять и забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. И такъ неужели Бога оскорблять можно и молитвою? Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою... »

¹⁾ Сочиненія Филарета, Издан. 1873 г. т. I, 182.

²⁾ Въ письмѣ отцу отъ 2-го декабря 1812 г.

³⁾ Бесѣду о Молитвѣ Господней. См. Сочиненія Филарета изд. 1873 г. т. I, стр. 21.

Далѣе касаясь прошенія: да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, Филаретъ спрашивалъ: «не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидають здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ начертать другимъ законъ страха и униженія (Наполеонъ); мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать первомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаєтъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство и собираетъ бездушныхъ подданныхъ своихъ въ сокровищницахъ»¹).

Неудивительно, что послѣ этой проповѣди Филаретъ слышалъ со строны высочайшей особы такія слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ; такія слова благочестія, которыя воспла-меняли его.

Борьба съ Наполеономъ и побѣды, одержанныя русскимъ народомъ, дали Россіи первенствующее политическое положеніе среди европейскихъ державъ, а императору Александру—имя освободителя Европы. Неожиданныя послѣдствія войны, превышавшія самыя большія желанія и самыя отважныя предположенія, естественно приписывались Божественной силѣ, дѣйствовавшей наперекоръ земнымъ разсчетамъ. Всѣ преклонились передъ этою силою и въ ней одной видѣли свое спасеніе. Самъ Александръ I, отрицая значеніе своего вліянія, смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, и на медали, учрежденной въ память 1812 года, повелѣлъ начертать слѣдующія высокознаменательныя слова: «Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу».

Глубокое чувство благодарности и смиренія привело государя къ самоуглубленію, къ внутренней молитвѣ—словомъ, къ мистицизму. Въ этомъ, какъ мы видѣли, онъ нашелъ большую поддержку въ товарищѣ своего дѣтства, князѣ Голицынѣ. Это былъ уже не тотъ человѣкъ, какимъ мы знали его, когда онъ просилъ о запрещеніи «Сионскаго Вѣстника». По природѣ мягкий и воспріимчивый, кн. Голицынъ легко поддавался постороннему вліянію и, окруженный какъ духовными, такъ и свѣтскими мистиками, легко пошелъ по пути внутренней религіи, отрицая вѣщнюю. Божественная за-

¹) Тамъ же, стр. 25.

повѣдь любви къ ближнему сдѣлалась постояннымъ спутникомъ и руководителемъ его сердца. Онъ не понималъ разностей догматическихъ, каноническихъ или обрядовыхъ, раздѣляющихъ между со-бою различныя исповѣданія, и для него не было ни католика, ни протестанта, а существовали только христіане въ общемъ значеніи этого слова. Основываясь на Евангеліи, сближающемъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, князь А. Н. Голицынъ принялъ подъ свое покровительство всѣ секты, не исключая «людей Божіихъ» и даже скопцовъ.

«Ничто, говорить И. Чистовичъ¹⁾, не было болѣе противно ему, какъ фанатизмъ, религіозная нетерпимость и мертвое благочестіе обряда и внѣшней формы. Стремленія князя Голицына на-клонялись къ тому, чтобы вывести русскій народъ изъ того усы-пленія и равнодушія въ дѣлѣ вѣры, какое казалось ему повсюднымъ, пробудить въ немъ высшіе духовные инстинкты и透过ъ распро-страненіе священныхъ книгъ ввести въ него живую струю внутрен-наго пониманія христіанства, между тѣмъ какъ русское общество, по его мнѣнію, довольствовалось однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ и одною внѣшнею набожностью».

Желая очистить религію отъ внѣшнихъ обрядностей и восполь-зовавшись внутреннимъ настроениемъ императора, кн. Голицынъ убѣдилъ его основать «Библейское общество». Мы не имѣ-емъ въ виду входить здѣсь въ подробное описание задачъ и дѣятель-ности этого общества, но замѣтимъ, что императоръ Александръ самъ записался въ его члены, внесъ 25 тыс. руб. и обязался еже-годно вносить по 10 тыс. рублей; что главными дѣятелями и руково-водителями русскаго Библейскаго общества были англичане-пасто-ры Пинкertonъ и Петерсонъ; что членами общества были масоны, мартинисты, мистики и представители всѣхъ вѣроисповѣданій, па-ходившихся въ Россіи. Президентомъ общества былъ князь А. Н. Голицынъ, вице-президентами: графъ В. П. Кочубей и графъ К. Разумовскій, секретарями: В. М. Поповъ, А. И. Тургеневъ и А. Ф. Лабзинъ. Членами общества были: митрополитъ с.-пе-

¹⁾ «Історія перевода Біблії на русскій языкъ». И. Чистовича.—«Хри-стіанское Чтеніе» 1872 г., № 11, 405.

тербургскій Михаилъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) и С.-Петербургской семинаріи Иннокентій; митрополитъ римско-католическій церквей Сестренцевичъ-Богушъ, протестантскій генераль суперинтендентъ Рейнботъ, пасторъ англиканской с.-петербургской церкви Питтъ, сарептскаго евангелическаго братскаго общества пасторъ Шерль, голландскій пасторъ Янсенъ, масоны и мистики Р. А. Кошевъ, Г. Плещеевъ и другіе. Всѣ они имѣли одинаковыя права, и члены русскаго православнаго духовенства не пользовались никакими преимуществами передъ духовенствомъ другихъ вѣроисповѣданій. «Не странны ли, писалъ А. С. Шишковъ, даже не смѣши ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе!»

Что казалось страннымъ Шишкову и нѣкоторымъ другимъ, то для членовъ Библейскаго общества было дѣломъ естественнымъ, полезнымъ и необходимымъ. Въ Библейскомъ обществѣ видѣли арсеналь или оружейную палату, гдѣ ковался вещественный мечъ слова Божія, владѣть которымъ предоставлялось воинамъ Христовымъ. Въ ідеѣ основанія Библейскаго общества видѣли «новое изліяніе Св. Духа на всяку плоть» и думали, что съ помощью одной книги можно будетъ христіанству «расторгнуть обветшалыя пелены, обйтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ.»

Послѣдующія политическія события заставили императора Александра I пробыть долгое время за-границей. Въ Силезіи община моравскихъ братьевъ поразила его мягкимъ характеромъ религіозности, и онъ ставилъ ее потомъ образцомъ истиннаго христіанства. Въ Баденѣ Александръ видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ¹⁾ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ есть доля истины, но что ни одно изъ нихъ не выра-

¹⁾ Результатомъ свиданія было то, что сынъ Ю. Штиллинга былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго ассессора. «Историческ. Вѣсты», 1882 г. № 4, стр. 12.

жаеть универсального высокаго идеала христіанства. Приблизиться къ этому идеалу и было завѣтною мечтою Александра.

— Отчего это,—говорилъ онъ Шуазель-Гуфье,—всѣ государи и народы Европы не условятся жить по-братьски и помогать другъ другу въ своихъ нуждахъ. Торговля сдѣлалась бы общимъ достояніемъ этой громадной семьи. Члены ея, хотя бы и различались въроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла бы ихъ. Для Бога я думаю безразлично—призываютъ ли его люди на греческомъ или на латинскомъ языкахъ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи Его, да бы были честны. Не всегда длинная молитва бываетъ пріятна Богу ¹⁾).

Еще въ 1813 году при первыхъ неудачахъ въ борьбѣ съ Наполеономъ Александръ выѣхѣлъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, тоже мистикомъ, сознали, что только рука Всевышняго могла спасти Германію, и рѣшились въ случаѣ успѣха гласно заявить всему свѣту, что только одному Богу они обязаны благополучнымъ исходомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Послѣдующія превратности войны вплоть до 1815 года еще болѣе убѣждали императора въ необходимости исполнить данное обѣщаніе.

— Я оставляю Францію, говорилъ онъ г-жѣ Крюднеръ въ 1815 году, но до отѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Св. Духу хвалу, которой мы обязаны Ему, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочтенія, дабы люди видѣли, что мы, какъ восточные маги, признаемъ верховную власть Спасителя.

Такъ явился известный актъ «Священнаго союза», по которому подписавшіе его три монарха согласились оказывать другъ другу услуги и почитать себя членами единаго народа христіанскаго. Они взаимно обязались, какъ во внутреннемъ управлѣніи, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, подданныхъ своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ духѣ братства, по заповѣдямъ любви, правды и мира.

¹⁾) «Русская Старина» 1877 г., т. XX, стр. 603.

Сообразно съ этимъ, всѣ три монарха убѣждали своихъ подданныхъ «утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ».

Въ Россіи манифестъ о Священномъ союзѣ былъ принять съ большими восторгами, и 9-го ноября 1815 года Филаретъ сообщаю отцу ¹⁾: «Думаю, не писалъ еще я къ вамъ, что онъ (Александръ) съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ заключили союзъ, которымъ они признаютъ Царемъ-Царей Христа; самымъ спасительнымъ закономъ — законъ христіанскій; себя — приставниками Царя-Христа у своихъ народовъ; свои народы — тремя отраслями одного христіанства и братьями, и къ сему приглашаютъ и прочихъ государей. И такъ, наконецъ, стали принадлежать царства міра Господу нашему и Христу Еgo, какъ говорить оригиналный текстъ Апокалипсиса (*«Нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего и область Христа Его»* Апок. 12,10).

Самъ императоръ Александръ былъ въ восторгѣ отъ акта Священного союза и повелѣлъ копіи съ манифеста выставить на видныхъ мѣстахъ во всѣхъ церквяхъ Имперіи. Духовенству приказано заимствовать изъ него мысли для своихъ проповѣдей и научать прихожанъ братской любви къ ближнему. Въ этихъ проповѣдяхъ часто переходилась граница приличія, и Александръ въ устахъ духовенства получалъ такую характеристику, которая не свойственна человѣку. Архіепископъ Филаретъ назвалъ его вселенскимъ проповѣдникомъ благочестія ²⁾), другіе пошли еще дальше и вызвали протестъ со стороны самого государя.

«Въ послѣдній мой проѣздѣ по губерніямъ, писалъ императоръ Александръ въ указѣ Св. Синоду ³⁾), въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ, долженъ быть, къ сожалѣнію моему, слушать въ рѣчахъ, говоренныхъ духовными лицами, такія несовмѣстныя мнѣ похвалы, кои приписывать можно единому Богу. Поколику я убѣженъ въ глубинѣ сердца моего въ сей

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 200.

²⁾ Въ торжественномъ собраніи конференціи духовной академіи. „См. Исторію С.-Петербургской духовной академіи“ Чистовича, стр. 281.

³⁾ Отъ 27 октября 1817 г. изъ Москвы.

христіанской истинѣ, что черезъ единаго Господа Спасителя Иисуса Христа проистекаетъ всякое добро и что человѣкъ, какой бы ни былъ, есть единое зло,—слѣдовательно, приписывать мнѣ славу въ успѣхахъ, гдѣ рука Божія столь явна была цѣлому свѣту, было бы отдавать человѣку то, что принадлежитъ всемогущему Богу.

«Для того долгомъ считая запретить таковыя неприличныя выраженія, поручаю Св. Синоду предписать всѣмъ епархиальнымъ архіереямъ, чтобы, какъ они сами, такъ и подвѣдомственное духовенство, при подобныхъ случаяхъ, воздержались отъ похвалъ, толико слуху моему противныхъ, а давали бы единому токмо Господу силъ благодареніе за ниспосланыя щедроты и умоляли бы о изліяніи благодати Его на всѣхъ честь, основываясь на словахъ священного писанія: Царю же вѣковъ нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ.»

Прошло шесть лѣтъ послѣ этого указа, и въ 1823 году тотъ же Филаретъ, будучи митрополитомъ московскимъ, на случай встрѣчи императора, писалъ Гаврілу тверскому: «въ рѣчи не хвалите государя, а говорите что-нибудь полезное и правдивое»¹⁾.

Но мы опередили события и должны сказать, что съ тѣхъ поръ какъ Александръ I сталъ во главѣ религіознаго движенія, въ нашихъ гостиныхъ стали чаще говорить о внутреннемъ соединеніи человѣка съ Богомъ, о внутреннемъ возрожденіи и внутреннемъ хожденіи по пути религіи и нравственности.

Прежнее вольнодумство было покинуто обществомъ, и кто не былъ истинно благочестивъ, тотъ старался казаться таковымъ. Идея возрожденія и обновленія внутренняго человѣка завербовала себѣ многихъ дамъ высшаго круга, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ: кн. Голицына, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова, фрейлина Стурдза—имѣли большое влияніе на государя и императрицу Елизавету Алексѣевну. Религіозное настроеніе охватило многихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи, не исключая духовенства, сочувствовавшаго дѣятельности тѣхъ, которые своимъ служебнымъ влияніемъ или путемъ литературы распространили мистическое ученіе.

Съ каждымъ годомъ число выходящихъ мистическихъ книгъ значительно увеличивалось: выходили или новые изданія прежде

¹⁾ „Душеполезное Чтеніе“ 1869 г. Ч. I (мартъ) стр. 114.

вышедшихъ книгъ или новые переводы и новые оригинальные сочиненія. Нѣкоторые изъ нихъ были посвящены высочайшему имени и даже изданы на счетъ государя ¹⁾). На этомъ поприщѣ трудились: Лабзинъ, Уткинъ, Шамшинъ, Сахаровъ, Лубяновскій, сенаторъ З. Карнѣевъ, Хвостова, княгиня Мещерская и друг. Въ десяти-лѣтіе съ 1813 по 1823 годъ вышло до 60-ти мистическихъ сочиненій, изъ коихъ приходилось на долю Эккардтгаузена болѣе 25, Гюнь—9, Ю. Штиллинга—4, Таулера—2, и до десяти сочиненій другихъ иностранныхъ писателей, причемъ «Философія» дю-Туа цѣнилась мистиками едва-ли не выше Евангелія. Въ числѣ оригинальныхъ сочиненій были: «Плодъ полюбившаго истину»—Лопухина; «Мои мысли о Символѣ вѣрѣ» и «Мысли при чтеніи молитвы Господней»—сенатора Карнѣева; «Письма къ другу» и «Совѣтъ души моей»—Хвостовой и другія. Словомъ, мистическая литература настолько обогатилась, что одинъ изъ переводчиковъ могъ сказать: «Благодареніе Богу! у насъ теперь довольно вышло и выходить мистическихъ книгъ, такъ что въ средствахъ нѣть недостатка». Къ этому надо прибавить, что сверхъ книгъ издавались еще и мистические журналы: «Другъ Юношества» Невзорова (1807—1815) и «Духовный годъ жизни христіанина» (1816 г.).

Всѣ эти изданія, выходившія безъ участія духовной цензуры, встрѣчались русскимъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ, даже перевѣсь надъ ученіемъ православной церкви и послужили къ основанію нѣсколькихъ тайныхъ сектъ, въ числѣ которыхъ была секта и извѣстной Татариновой.

Междудѣмъ, Библейское общество быстро распространялось и, въ видѣ мѣстныхъ отдѣленій, охватило почти всю Россію. Въ короткое время всѣ уголки ея были переполнены книжками и брошюрами общества; но изданные безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній, онѣ не имѣли никакого значенія для народа, валялись по шинкамъ и кабакамъ, и даже были употребляемы на

¹⁾ Высочайшему имени были посвящены переводы: «Христіанской философіи» дю-Туа (1815—1817 г.) и «Благоговѣннѣихъ размышленій о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя» Таулера (1823 г.); послѣдній переводъ былъ изданъ на счетъ государя.

обертки. Все это убѣждало нѣкоторыхъ въ необходимости, не нарушая устава Библейского общества, имѣть въ сторонѣ его руководящій органъ, который давалъ бы необходимыя объясненія основъ религіи, давалъ бы тонъ, направленіе и объяснялъ дѣятельность библейскихъ отдѣленій. Такимъ органомъ въ глазахъ А. Ф. Лабзина могъ бы служить возобновленный подъ его редакцію «Слонімскій Вѣстникъ».

— Человѣкъ есть *l'animal sociable* и требуетъ общества, говорилъ онъ князю А. Н. Голицыну. Но какія есть у насть общества? Человѣкъ молодой и хорошо воспитанный, вступивъ въ свѣтъ, встрѣчаетъ все то, что опровергаетъ или, по крайней мѣрѣ, противорѣчитъ внушеннымъ ему правиламъ. Куда онъ дѣнется: хотеть ёсть и пить—есть трактиры, хотеть танцевать—есть балы и клубы, въ карты играть—вездѣ есть сообщники. Но еслибы онъ искалъ сообщества для украшенія себя въ добродѣтели, въ вѣрѣ, познаніи истины—гдѣ найти онъ такое общество? Они подозрительны, они преслѣдуются; самый малый кружокъ сопшедшися такихъ людей всегда подверженъ какому-то страху, и, если не прямо гоненію, то тайному или явному надзору и притѣсненію. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, правительству не связывать людямъ руки добро дѣлать?

Однимъ изъ видовъ такого добра А. Ф. Лабзинъ признавалъ изданіе религіозно-нравственнаго журнала и предлагалъ свои услуги. Онъ увѣрялъ князя Голицына, что ничего болѣе не желаетъ, какъ получить просторъ и разрѣшеніе на проповѣданіе людямъ Слова Божія. «Если и государь соизволить признать меня,—писалъ Лабзинъ¹⁾), какъ признаютъ нѣкоторые, годнымъ на служеніе Господу и братьямъ нашимъ, то нужно, чтобы я поставленъ былъ на такой постъ или приведенъ (бы) быть въ такое состояніе, чтобы могъ дѣйствовать съ большими успѣхомъ и безбоязненно».

Прошлая дѣятельность Лабзина, какъ издателя журнала, подверглась, какъ мы видѣли, осужденію, но теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Князь А. Н. Голицынъ изъ враговъ сдѣлался человѣкомъ, сочувствующимъ взглядамъ бывшаго издателя

¹⁾ Въ письмѣ отъ 28 мая 1816 года, Троицкій день, 10 часовъ вечера.

«Сіонскаго Вѣстника». Теперь было такое время, когда Лабзинъ могъ напомнить министру, что только по его представлению бывшій издаатель находится подъ гнѣвомъ государя и оглашеннъ передъ публикою человѣкомъ не только вреднымъ, но и злоумышленнымъ.

— Если осужденіе это правильно, говорилъ Лабзинъ, — тогда пусть оно такъ и останется, если же нѣтъ, то справедливость требуетъ снять клеймо, которое тяготитъ меня, и снять такимъ же гласнымъ образомъ, какимъ оно было наложено. Если нельзя возвратить потерянное, то пусть останусь живымъ свидѣтелемъ того, какъ легко нанести другому долговременный вредъ и какъ трудно оный вознаградить, при всемъ добромъ желаніи.

Эти послѣднія слова, при тогдашнемъ внутреннемъ настроеніи князя Голицына, его честности и душевной чистотѣ, должны были лечь на него тяжелымъ укоромъ, какъ на виновника несчастія человѣка, давно уже шедшаго по тому пути, который теперь признанъ былъ имъ самимъ единственнымъ правильнымъ въ жизни каждого христіанина. Князь Голицынъ просилъ Лабзина доставить ему всѣ книжки «Сіонскаго Вѣстника» и всю переписку по журналу въ 1806 году. Познакомившись ближе съ характеромъ и направлениемъ «Вѣстника», онъ сознался, какую ошибку сдѣлалъ тогда, требуя прекращенія, по его теперешнему мнѣнію, столь полезнаго изданія.

Въ теченіе этого времени, писалъ князь императору Александру¹), «милостію Господа и обстоятельствами, Ему единому известными, почувствовалъ я въ сердцѣ своеемъ развязку всего того, что прежде удивляло мой разсудокъ, и между прочимъ обратилъ я свое вниманіе на «Сіонскій Вѣстникъ», о которомъ мнѣ много говорили. Перечитавъ всѣ мѣста, на кои указано было въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ цензурѣ²), я ужаснулся, сколько отъ невѣжества моего въ духѣ Св. Писанія отяготилъ я судьбу невиннаго.

«Не имѣль я никакой личности тогда, но считалъ, что испо-

¹⁾ Въ собственноручномъ всеподданійшемъ письмѣ 1816 года безъ имена и числа.

²⁾ Замѣчанія эти, какъ мы видѣли, относились исключительно до №№ 6 и 7 „Сіонскаго Вѣстника“ 1806 года.

няю свою должность; одна тому причина, что былъ во тьмѣ, слѣдовательно, и дѣлалъ все ощупью. Свѣтъ Господень просвѣтилъ меня, и я ясно увидѣлъ, что гналь то, что церковь апостольская и древніе отцы учили. Я оставляю правосудію вашему, всемилостивѣйшій государь, разсудить, слѣдуетъ ли возвратить доброе имя тому, у кого оное невинно отнято».

Получивъ предварительное согласіе государя на возобновленіе «Сіонскаго Вѣстника», князь Голицынъ всеподданнѣйшею собственноручною запискою, отъ 18-го ноября 1816 года, испрашивалъ офиціально высочайшее на то разрѣшеніе.

«Десять лѣтъ прошло отъ сего происшествія, говорилъ онъ, и во все сіе время издатель считается подъ нѣкоторымъ замѣчаніемъ, какъ вредный писатель; то я долгомъ счелъ войти во всѣ подробности сего дѣла и прочесть какъ тѣ мѣста въ «Сіонскомъ Вѣстнике», на которыхъ сдѣланы были замѣчанія, такъ и переписку, по сему дѣлу про-исходившую, и не только не нашелъ ничего противнаго христіанству, но, напротивъ, чрезвычайно назидательное сочиненіе, таѣ что надобно сожалѣть о столь долгомъ молчаніи сего журнала, и я иначе не могу представить Вашему Величеству какъ то, чтобы его скорѣе воз-становить для пользы любящихъ духовныя занятія.

«Вопросъ можно сдѣлать: отъ чего я въ 1806 году представлялъ о запрещеніи сего изданія, а нынѣ нахожу его превосходнымъ?—Отъ того, что я былъ въ совершенной тьмѣ, а нынѣ, хотя и не могу сказать, чтобы я былъ уже просвѣщеннымъ, но по крайней мѣрѣ ишу свѣта въ истинномъ источниѣ.

«Не зная духа священнаго писания, все то, что было въ семъ духѣ,казалось мнѣ сокровеннымъ языкомъ какого-нибудь общества, ищущаго вредить религії, а можетъ и правительству. Отъ сихъ началъ я стала дѣйствовать и, думая служить церкви, гналь духъ ея.

«Для лучшаго усмотрѣнія прилагаю здѣсь юнь и юль мѣсяцы 1806 г. «Сіонскаго Вѣстника», на которые указано г. Новосильцовыи, и вы сами увидите истину моего нынѣшняго заключенія.

«Остается одно затрудненіе, что Высочайшимъ Вашимъ именемъ сдѣлано вышеписанное замѣчаніе, но такъ какъ не видно было, что оное послѣдовало по моему представлению, то ежели Вы изволите найти изложенное мною заслуживающимъ уваженія, можно будетъ дать такой оборотъ въ разсужденіи изданія, чтобы видна была моя ошибка, по которой послѣдовало замѣчаніе; ибо не возможно Вашему Величеству цензуровать журналы; основались же Вы на заключеніи управляющихъ министерствами просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

«Обязанностью своею также считаю при семъ случаѣ ходатайствовать предъ Вами о возвращеніи доброго имени тому, у которого отнято оное было по моему невѣжеству, каковымъ-либо вознагражденіемъ.

«Я не говорю о томъ, что всякая оказанная Вами милость издателю успокоила бы мою совѣсть, но осмѣливаюсь сказать, что оное бы было правосудно и со стороны Вашего Величества.

«Я оканчиваю мое признаніе благодареніемъ Господу, что Онъ меня допустилъ исповѣдать предъ Вами на письмѣ мои заблужденія».

Императоръ Александръ не только разрѣшилъ возобновить изданіе «Сіонскаго Вѣстника», но выразилъ готовность оказать нѣкоторое пособіе для первоначального веденія этого дѣла.

— Съ своей стороны, говорилъ князь Лабзину,— я радуюсь, что могъ истинѣ отдать справедливость, не приписывая онаго себѣ, а единствено милости Господней, меня просвѣтившей.

Все еще чувствуя себя какъ бы виновнымъ и желая окончательно очистить свою совѣсть и искупить грѣхъ запрещенія журнала, князь Голицынъ испросилъ Лабзину въ награду орденъ Св. Владимира 2-ой степени, который и былъ препровождень при слѣдующемъ замѣчательномъ рескриптѣ (отъ 12 декабря 1816 года), составленнымъ самимъ княземъ.

«Признавая истинною заслугою обществу всякихъ подвигъ, совершенный для распространенія и укорененія въ народѣ истинъ, служащихъ къ ихъ временному и вѣчному благу, съ особеннымъ удовольствиемъ обратили Мы внимание на добровольную ревность и неусыпные труды, употребленные и употребляемые вами для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единимъ твердымъ и истиннымъ.

«Всѣдѣствіе сего, всемилостивѣше жалуя вамъ знаки второй степени ордена Святаго Равноапостольнаго князя Владимира, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

«Въ увѣреніи, что сіе изъявленіе Нашего благоволенія вновь утвердить васъ въ упражненіяхъ вашихъ, и что вы продолжите способствовать соотечественникамъ различными стезями познанія умудряться во всеобъемлющую простоту христіанства, пребываемъ Императорской Нашей милостію вамъ благосклонны».

Такая оцѣнка предыдущей дѣятельности настолько ободрила Лабзина, что онъ, съ свойственными ему увлеченіемъ и самона-дѣянностью, проектировалъ изданіе на широкихъ началахъ. Онъ

просилъ «Слонскому Вѣстнику» тѣ же привилегіи, которыя даны были «Сѣверной Почтѣ», «Русскому Инвалиду» и Н. М. Карамзину при изданіи его «Исторіи», т. е. чтобы журналъ былъ избавленъ отъ предварительной цензуры и чтобы типографія, въ которой будетъ печататься «Слонскій Вѣстникъ», не останавливала печатаніе книжекъ «за другими встрѣчающимися дѣлами», точно такъ, какъ подобное повелѣніе дано было относительно «Исторіи» Карамзина¹⁾.

Обнадеженный поддержкою и пособіемъ, Лабазинъ говорилъ, что желаніе сдѣлать журналъ достойнымъ той цѣли, которой онъ юсвящается, заставляетъ его сознаться, что онъ одинъ не въ силахъ сдѣлать это, и ему необходимы помощники.

— Надо много читать, прибавляя онь, — дѣлать выписки, што переводить, хлопотать съ типографіею, цензурою и переплетчиками. Все это приходится дѣлать съ крайнею поспѣшностью и на рокъ, такъ что издателю періодического сочиненія не позволяетъ и замечь. Почему я необходимо долженъ имѣть помощниковъ и притомъ не одного, а многихъ. Но отыскать ихъ весьма трудно: во-первыхъ, если и есть у насъ трудащіеся въ сочиненіяхъ и переводахъ, то совсѣмъ другаго рода, а писателей духовныхъ книгъ я совсѣмъ не вижу; во-вторыхъ, если такие и встрѣчаются, то въ такомъ классѣ людей, которые или заняты службою или занимаются симъ рудомъ постоянно не захотятъ; наконецъ, въ третьихъ, кто изъ порядочныхъ людей согласится пойти въ службу къ частному словѣку, безъ того чтобы онъ не принужденъ былъ удовлетворять хъ втрое и вчетверо противъ казеннаго жалованья. Сверхъ того, занятія должны происходить въ ночное время; по ночамъ же собирать мнѣ своихъ сотрудниковъ, когда одинъ будетъ жить, напримеръ, на Литейной, другой въ Коломнѣ, а третій на Петербургской сторонѣ — невозможно. Самое дѣло требуетъ, чтобы они жили, жели не со мною, то подѣлъ меня и вмѣстѣ, дабы если въ нужное время не случилось бы одного дома, другой могъ замѣнить его. Іѣдовательно, нужно мнѣ нанять домъ по близости меня и, если можно, помѣстить всѣхъ моихъ сотрудниковъ вмѣстѣ.

Основываясь на благоволеніи и сочувствіи государя, Лабазинъ не

¹⁾) Записка Лабазина, приложенная при письмѣ его кн. Голицыну отъ 3 января 1817 года.

считалъ уже изданіе «Сіонскаго Вѣстника» предпріятіемъ частнымъ, а дѣломъ государственнымъ, предпринятымъ на общественную пользу. Поэтому онъ находилъ своевременнымъ и приличнымъ учредить при министерствѣ просвѣщенія или при главномъ управлениі духовными дѣлами особый департаментъ для изданія духовныхъ книгъ.

Въ ожиданіи образованія такого департамента, Лабзинъ просилъ князя Голицына причислить къ одному изъ управляемыхъ имъ министерствъ народнаго просвѣщенія или духовныхъ дѣлъ слѣдующихъ лицъ, которыхъ онъ избиралъ себѣ помощниками:

1) Коллежскаго ассесора Егора Чиляева, извѣстнаго по своимъ добрымъ свойствамъ и христіанскимъ правиламъ. Чиляевъ служилъ въ министерствѣ финансовъ въ департаментѣ податей и сборовъ. Лабзинъ просилъ сохранить ему получаемое жалованье и прабавить 600—700 руб. за занятія по «Сіонскому Вѣстнику».

2) Титулярнаго совѣтника Алексея Иконникова, находившагося въ отставкѣ и потому соглашающагося поступить на службу съ жалованьемъ въ 500 руб.

3) Втораго кадетскаго корпуса поручика Юрия Бартенева, съ переименованіемъ его въ чинъ титулярнаго совѣтника и съ назначеніемъ жалованья по 600 руб.

4) Того же корпуса волонтера Василія Спичакова, ожидавшаго выпуска и по слабости своего здоровья и склонностямъ желавшаго быть выпущеннымъ 14 классомъ, для опредѣленія въ гражданскую службу. По мнѣнію Лабзина, онъ годился только для переписки на бѣло, и ему достаточно было жалованья по 400 руб., при готовой квартирѣ.

5) Статскаго совѣтника Василія Кожина,—старика, служившаго прежде въ почтамтѣ и вышедшаго въ отставку съ пенсіею. Онъ готовъ былъ трудиться изъ-за одной квартиры. «Сей, говорилъ Лабзинъ, былъ бы мнѣ полезенъ по самому нездоровью своему, ибо, имѣвъ несчастіе переломить прежде ногу, онъ потому сидѣть всегда дома, а притомъ знаетъ не одинъ языкъ иностранный».

Хотя широкіе замыслы Лабзина и не осуществились, но, обнаженный будущимъ покровительствомъ, онъ торопился приступить

къ дѣлу и 2-го января 1817 года появилось объявление объ изданіи «Сіонскаго Вѣстника»¹⁾.

«Почтенной публики уже известно, — сказано въ немъ, — сколько издатель, за предпріемлемые имъ для нея труды ободренъ милостію благочестиваго Монарха, въ волѣ котораго познаеть онъ волю Правящаго судьбами человѣческими; и, между тѣмъ, какъ все тщаніе его было сбратъ всѣ свои силы, чтобы достойно смириться предъ Тѣмъ, предъ Кѣмъ ничто высокое не велико, и никакое смиреніе не довольно, — онъ получилъ новое свидѣтельство монаршаго о семъ благоволенія, изъянленнаго ему въ отношеніи господина главноуправляющаго духовными дѣлами разныхъ вѣроисповѣданій, отъ 22 декабря сими словами:

«Его Императорское Величество, по зреіомъ дѣла сего разсмотрѣніи, Высочайше указать мнѣ соизволилъ: чтобы не только дозволить «изданіе «Сіонскаго Вѣстника», но, по христіанскому духу сего журнала, поощрить вѣсть къ оному.

«Я увѣренъ, что появленіе опять «Сіонскаго Вѣстника» возрадуетъ всѣхъ христіанскихъ читателей: съ моей стороны, я счастливымъ себя считаю, что могъ быть орудіемъ воли нашего Благочестиваго Государя, ищущаго всѣми средствами истину. Возблагодаримъ за сіе Господа Іисуса Христа, управляющаго сердцемъ царевымъ, коему честь и слава да будеть во вѣки!»

«Подъ симъ егидомъ вступая нынѣ въ сіе поприще, издатель можетъ надежнѣе увѣрить своихъ читателей въ усердіи, которое не преставалъ онъ являть на самомъ дѣлѣ въ теченіе 18 лѣтъ, влекомъ будучи какъ бы понудительной нѣкоею силою, нудившею его не прерывать трудовъ своихъ и тогда, когда всѣ внѣшнія обстоятельства, казалось, требовали прекращенія оныхъ. Сіе побужденіе его, бывшее для многихъ, отчасти жъ и для самого его — сомнительнымъ, нынѣ оправдано, одобрено, утверждено и, смѣю сказать, благословлено изволеніемъ на высокихъ Живущаго и на смиренныхъ Прозирающаго, благоволеніемъ благочестиваго Монарха, благорасположеніемъ и заступленіемъ добродѣтельныхъ душъ, и благосклонности христіанскихъ читателей, кои добрыми своими отзывами о трудахъ издателя и добрыми своими желаніями, видѣть продолженіе оныхъ, низвели на него сіе благословеніе.

«Издатель снова препоручаетъ себя благосклонности и снисходительности христіанскихъ читателей; просить всѣхъ своимъ благословеніями и добрыми желаніями напутствовать его на предпріятіе предлежащаго ему поприща; просить всѣхъ, особенно духовныхъ особъ и занимающихся духовными упражненіями, подкреплять его своими совѣ-

¹⁾ Объявление было напечатано въ морской типографії.

тами, наставлениями и помощю, да не въ судь и осуждение токмо обратаится ему предпріемлемое имъ дѣло, но да послужить къ общему порадованію и удовольствію, или пользѣ; къ угашенію вѣры каждого и всѣхъ; къ соединенію раздѣленныхъ сердецъ и умовъ союзомъ согласія и братолюбія, и къ чести и славѣ Того, о Немже и есть разнствія Іудееви и Еллину;—и есть Іудей, и Еллинъ, и рабъ, и свободъ, и мужескій полъ, и женскій: но вси едино суть. И дабы всякий, кто только пожелаетъ сообщить что-либо издателю, могъ безпрепятственно къ нему относиться, онъ, не имѣя болѣе нужды скрывать своего имени, которое сдѣлалось всѣмъ уже извѣстно, подписывается настоящимъ своимъ именемъ Александръ Лабзинъ.»

Послѣдовавшее въ самомъ концѣ 1816 года разрешеніе издавать «Сіонскій Вѣстникъ» лишило издателя возможности начать его съ первой январской книжки, и потому Лабзинъ, занимавшійся въ то время переводомъ жизни Юнга Штиллинга, рѣшился замѣнить ею первыя три книжки журнала. Описанная въ пяти книгахъ жизнь Штиллинга содержала: 1) дѣтскія и 2) молодыя его лѣта; 3) странствованіе; 4) домашнюю или хозяйственную его жизнь, и 5) ученую дѣятельность. Издатель предлагалъ читателямъ получить въ январѣ первую книжку жизни Ю. Штиллинга, въ февралѣ двѣ слѣдующія, въ мартѣ—двѣ послѣднія и только съ апрѣля начать собственно изданіе «Сіонскаго Вѣстника».

Представляя объявленіе на усмотрѣніе князя А. Н. Голицына, Лабзинъ говорилъ, что силы его уже не тѣ, какія были десять лѣтъ тому назадъ, что глаза отказываются служить ему, и часто одного усердія бываетъ недостаточно, когда духъ стѣсненъ разнаго рода нуждами и хлопотами. Словомъ, онъ намекалъ, что для полнаго успѣха дѣла ему необходимо нѣкоторое денежное пособіе. Впрочемъ, еслибы вопросъ о пособіи хотя нѣсколько затруднилъ кн. Голицына, то Лабзинъ просилъ его не говорить о томъ государю, «ибо я надѣюсь, прибавляя онъ, что Господь Богъ, толь явно благословившій труды мои, при первомъ изданіи моего журнала, безъ всякаго со стороны человѣческой пособія и покровительства, не оставилъ меня и нынѣ своею святою помощью».

Помощь была оказана, и по приказанію императора князь А. Н. Голицынъ вы требовалъ изъ Кабинета «на извѣстное Его Величеству

употреблениe» 15.000 руб. и передалъ ихъ Лабзину на вспомо-
ществование по изданію «Сіонскаго Вѣстника».

Лабзинъ благодариль князя Голицына за оказанную помощь и
содѣйствие.

— Исполнить волю моего монарха, прибавляль онъ,—есть
долгъ для меня священнѣйшій. Быть полезнымъ братьямъ моимъ
есть обязанность для сердца моего сладостная. Молю Бога, да по-
дастъ онъ мнѣ во истину обрѣсти того небеснаго вѣстника, который
бы приносиль отъ Сиона глаголы истины. Я уже счастливымъ себя
почту, если и моя малая лепта въ даръ Богу и ближнему послужить
для той цѣли, для которой я готовъ трудиться до изнуренія силь и
до истощенія всей моей возможности. Итакъ дѣло сіе по волѣ царя
земнаго да совершится во славу Царя небеснаго.

Возобновленный журналъ быль встрѣченъ большими сочув-
ствіемъ всѣхъ классовъ общества и во главѣ подпісавшихся стояли
имена императора Александра, великаго князя Константина Пав-
ловича, кн. А. Н. Голицына, графовъ Разумовскихъ, графини Гурье-
вой, сенатора Хитрова и другихъ¹⁾). Затѣмъ шелъ длинный спи-
сокъ духовныхъ лицъ: архимандритовъ, ректоровъ семинарій, ду-
ховныхъ академій, университетовъ, отдѣленій библейскихъ обществъ
и проч. Одна С.-Петербургская духовная академія съ ея ректоромъ
Филаретомъ выписала 11 экземпляровъ.

Журналъ нашелъ подпісчиковъ по всей Россіи и разсыпался
по всему пространству отъ Архангельска до Астрахани, Херсона
и Одессы, отъ западныхъ губерній до Екатеринбурга и отсюда до
Иркутска, Нерчинска и Троицко-Савска²⁾). Его читали съ увле-
ченіемъ и свѣтскіе и духовные. Духовенству нравилось направле-
ніе журнала, его полемика противъ вольнодумства и возвышенное,
увлекательное пониманіе христіанства.

«Мы помнимъ еще, пишеть Цвѣтковъ³⁾), не сколько такихъ лицъ
изъ московского духовенства. Они были, надобно правду сказать,
лучшими людьми между своими и пользовались общимъ уваженіемъ.
А большинство—мы также и большинство помнимъ—ничего не

¹⁾ Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву, стр. 212.

²⁾ „Русский Архивъ“ 1866 г. № 6, стр. 834.

³⁾ „Духовный Вѣстникъ“ 1862 г. Т. II, стр. 404.

знало кромъ семинарской латыни. Но для нихъ «Сионскій Вѣстникъ» былъ самымъ пріятнымъ материаломъ для чтенія, по чистотѣ и нравственности идей и необыкновенной для того времени легкости слога. Старлки до гроба вспоминали объ этомъ журналѣ съ восторгомъ».

У книгопродавца Глазунова сохранялись письма многихъ священниковъ, которые нетерпѣливо желали знать, скоро ли выйдетъ следующая книжка журнала¹⁾.

«Сионскій Вѣстникъ» сталъ предметомъ разговоровъ въ гостиныхъ, и въ самое короткое время имя его издателя сдѣлалось популярнымъ. Лабзинъ принималъ многочисленныя похвалы съ достоинствомъ и какъ справедливу дань своимъ заслугамъ.

— О «Сионскомъ Вѣстникѣ» я долженъ вамъ сказать правду, говорилъ онъ князю Голицыну — такого журнала ни на какомъ языке нѣтъ. Это хвастливость съ моей стороны, скажутъ мнѣ. Пусть такъ. Хвастливость ли, трусливость ли — все порокъ; но во внутреннихъ моихъ чувствованіяхъ я отвѣчаю только Богу, люди же должны меня судить по самому дѣлу, такъ ли это, или нѣтъ.

Такимъ образомъ приписывая весь успѣхъ піданія себѣ одному и слыша отовсюду похвалы, Лабзинъ, при громадномъ самолюбіи, сталъ скоро, однако же, подозрѣвать, что заслуги его на пользу общества не достаточно цѣняются правительствомъ. Поводомъ къ такому подозрѣнію послужило неудавшееся ходатайство о назначеніи его сенаторомъ и производствѣ его въ тайные совѣтники.

При назначеніи А. Н. Оленина президентомъ Академіи Художествъ, государь поручилъ ему ознакомиться съ причинами, приведшими въ упадокъ Академію, изыскать средства къ ихъ устранинію и, если представится нужнымъ, составить проектъ нового устройства Академіи. Пользуясь тѣмъ, что съ кончиною Чекалевскаго мѣсто вице-президента оставалось незанятымъ, А. Н. Оленинъ считалъ болѣе полезнымъ замѣнить его должностю директора Академіи, главнымъ образомъ потому, что должность вице-президента при президентѣ дѣлалась ничтожною.

¹⁾ Исторія русской словесности А. Д. Галахова. Т. II, стр. 126.

Лабзинъ же считалъ, что, по праву преемства¹), онъ долженъ быть назначенъ вице-президентомъ и, въ непредставленіи его на эту должность, видѣлъ личное оскорблѣніе и нерасположеніе къ нему президента Академіи. Съ своей стороны А. Н. Оленинъ, находя полезнымъ упразднить званіе вице-президента и не желая обижать Лабзина, просилъ кн. А. Н. Голицына исходатайствовать ему чинъ тайного советника и званіе сенатора²). Императоръ Александръ не согласился ни на то, ни на другое и приказалъ назначить Лабзина вице-президентомъ Академіи, «что и будетъ—прибавлялъ кн. Голицынъ—мено исполнено въ Москвѣ»³).

Такое назначеніе теперь не удовлетворяло уже Лабзина, и онъ считалъ его не соотвѣтствующимъ по своимъ заслугамъ.

«Не знаю, писаль онъ Василію Михайловичу Попову⁴), можно ли почесть достаточнымъ воздаяніемъ за претерпѣнное дѣяніе мнѣ знаки второй степени Владимира, когда я и Анну съ брильянтами и 3-го Владимира давно уже имѣлъ и когда тѣ же знаки даны Уварову, который не только всѣмъ меня моложе, но не имѣлъ еще никакого ордена; когда Жуковскому въ то же время за писательство дана пенсія въ 4.000 руб., когда Карамзину дапы чинъ, лента и 60.000 руб., несмотря, что онъ исторію свою писаль, получая за то жалованье, а я трудился на своихъ хлѣбахъ».

— Я поднять теперь на какую-то высоту, говорилъ Лабзинъ В. М. Попову,—съ которой стала виднѣть, и всякий бросаетъ въ меня грязью и каменьями и стрѣлы пускаеть, а я долженъ дѣло дѣлать Слѣдовательно, мнѣ нужно подкрѣпленіе, чтобы думали, по крайней мѣрѣ, что государь ко мнѣ расположенъ. Князь (Голицынъ) замараль меня въ мысляхъ у государя, который прежде самъ меня рекомендовалъ въ директоры къ Чичагову⁵). Князь пустилъ меня

¹) Чекалевскій былъ назначенъ вице-президентомъ изъ конференц-секретарей.

²) Записка Оленина, приложенная къ письму его къ кн. Голицыну отъ 16 августа 1817 г. № 32, Арх. Акад. Художествъ, дѣло 1817 г. № 43.

³) Письмо кн. Голицына Оленину 11 сентября 1817 г. Тамъ же.

⁴) Въ письмѣ отъ 14 декабря 1817 г. Поповъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ и человѣкъ весьма близкій къ кн. А. Н. Голицыну.

⁵) Морскому министру.

на десять лѣтъ пресмыкаться и терпѣть; но, бывши врагомъ моимъ, наконецъ усовѣтился и хоть что-нибудь для меня сдѣлалъ.

Лабзинъ надѣялся, что и теперь князь настоитъ на назначеніи его сенаторомъ и на производствѣ въ чинъ тайного совѣтника.

«Обстоятельства сдѣлали мнѣ его необходимо нужнымъ, писаль онъ Голицыну¹⁾, и я убѣдительнѣйше прошу ваше сіательство исходатайствовать мнѣ оный. При множествѣ возстающихъ на меня и борющихъ мя, защитою служить мнѣніе, что ваше сіательство покровительствуете мнѣ и государь благоволить ко мнѣ. Сенаторство мое разнеслось не только по городу, но по городамъ, такъ что еще 30 августа меня съ симъ званіемъ премногіе поздравляли, и нынѣ, 12-го декабря, меня присыпали поздравлять съ сенаторствомъ же Горголи, Пукаловъ и Василій Степановичъ Поповъ. И такъ, ежели я ни сенаторства, ни чина тайного совѣтника не получу, сіе будетъ значить, что и государь и вы не удостоиваете меня того, чего противникъ мой (А. Н. Оленинъ) и публика почли меня достойнымъ, и это меня много уронить и повредить моему дѣлу.

«Прошу о семъ ваше сіательство весьма».

Просьба эта, послѣ отказа государя, не могла быть исполнена и, чтобы нѣсколько успокоить Лабзина, В. М. Поповъ писалъ ему, что наводятся справки, нѣть ли кого старше его.

«Не правда, мой любезный другъ, отвѣчалъ Лабзинъ, чтобы чины давались по старшинству. Примѣръ тому Галаховъ, Тургеневъ, вы сами: будто не было старше васъ, когда васъ производили? Баарановъ, недавно пожалованный сенаторомъ, былъ экзекуторомъ въ Сенатѣ, когда я былъ уже въ настоящемъ чинѣ. Сколько людей младшихъ меня произведены въ тайные совѣтники».

Лабзинъ указывалъ, что когда онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то братья Моллеры были флотскими капитанами, а теперь уже вице-адмиралы: даже бывшій у него казначеемъ, коллежскій асессоръ Ребиндеръ, переименованный въ военный чинъ, произведенъ уже въ генераль-маиоры и, по преимуществу военныхъ чиновъ передъ статскими, сталъ выше его. Говоря, что ему стало стыдно служить, Лабзинъ просилъ припомнить, что

¹⁾ Въ собственно-ручномъ письмѣ, отъ 30 декабря 1817 года.

еще императрицею Екатериною II пожалованъ онъ былъ въ на-
дворные советники, а въ чинѣ дѣйствительного статского советника
служить уже 14 лѣтъ.

— Чинъ теперь мнѣ непремѣнно надобенъ, хоть съ сенатор-
ствомъ, хоть безъ сенаторства.

«Въ десяти-лѣтнее мое безвременье, писаль онъ вмѣстѣ съ тѣмъ
къ князю Голицыну, въ которое я былъ подъ тяжкимъ гнетомъ, по-
терпѣль я въ здоровыи моемъ и въ спокойствіи, потеряль много про-
тивъ сверстниковъ моихъ по службѣ, и въ чинахъ, и въ мѣстахъ, и въ
наградахъ по онимъ. Тешерь, когда опала моя кончилась (буде она кон-
чилась), я долженъ надѣяться, что тотъ, который ввелъ меня въ оную
и послѣ вывелъ изъ нея, самъ постарается возвратить мнѣ мои потери
и откроеть мнѣ дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыхъ ведуть къ симъ
вознагражденіямъ. Ибо когда фарисей въ Евангеліи говоритъ: «Госпо-
ди, если я кого обидѣль, то вдвое заплачу»; христіанинъ ли не почетъ
сего долгомъ своимъ? Я говорю сіе князю-христіанину, надѣясь, что
онъ не перескажетъ сего князю-министру, который можетъ иногда
оскорбиться симъ напоминаніемъ, или, по крайней мѣрѣ, скажетъ ему,
что я человѣкъ недокучливый (?), просить о себѣ не люблю (?) и же-
лаль бы никогда не имѣть нужды въ томъ Но что жъ дѣлать, когда я
не изъ счастливцевъ, которымъ остается только или отказываться отъ
милостей, или благодарить... А между тѣмъ я вступиль на шестой де-
сятокъ лѣтъ; теперь уже въ одной сажени не распознаю знакомаго че-
ловѣка, скоро совсѣмъ ослѣпну и работою достать хлѣбъ себѣ буду не
въ состояніи. Тогда мнѣ открывается прекрасная перспектива: слѣпой
и слабый старикъ, безъ пріюта, ибо у меня нѣть ни двора, ни кола,
ниже родственниковъ какихъ, кроме тѣхъ, кои отъ меня же зависятъ,
такъ что, вышедшіи въ отставку, я не буду знать, гдѣ мнѣ поселиться,
въ Казани, или въ Астрахани, ибо ни тамъ, ни тамъ мнѣ жить при-
чины не будетъ. Но если мнѣ заикнутся о семъ моемъ положеніи, то,
безъ сомнѣнія, откроются невозможности, которыхъ для другихъ легки
и маловажны, но для меня не могутъ таковыми показаться».

Опасаясь, что не получить ни чина, ни сенаторства, и подозрѣ-
вая, что Оленинъ будетъ настаивать на учрежденіи должности ди-
ректора, Лабзинъ просилъ назначить его скорѣе хотя вице-прези-
дентомъ.

«Графъ Кушелевъ, мужъ не весьма важный, писаль онъ, сотов-
риль для покровительствуемаго имъ Бажанова новое мѣсто, а мой по-
кровитель лишаетъ меня и того, которое уже есть и которое по ли-
ни мѣ достается.

*

«Все сие я говорю не для того, чтобы я хотѣлъ непремѣнно оставаться въ Академіи, а только для того, что буде не хотять сдѣлать мнѣ обиды и вреда, то должно уже перемѣнить меня на такое мѣсто, которое было бы лучше вице-президентскаго. Тогда только прекратятся всѣ толки, почему мнѣ сего мѣста такъ долго не давали, а иначе 18-ти лѣтняя моя служба при Академіи не только безпорочная, но и съ та-кою честностью сопряженная, какой никто изъ моихъ предшественни-ковъ не заслужилъ, не представится безпорочно».

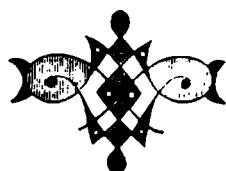
Наконецъ желаніе Лабзина было исполнено, и Высочайшимъ указомъ 12-го января 1818 года онъ былъ назначенъ вице-прези-дентомъ Академіи Художествъ.

Справедливость требуетъ сказать, что, поставленный на этотъ постъ, онъ принималъ горячее участіе въ судьбахъ искусства и его дѣятелей. Родители поручали ему своихъ дѣтей, какъ родному отцу, и Лабзинъ, принимая всѣ мѣры для успѣшнаго образованія учениковъ, старался развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному. Съ этой цѣлью онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ игралъ самъ, сочиняя легкія піесы въ стихахъ¹⁾.

Повидимому, дѣла приняли желаемый оборотъ, Лабзинъ временно успокоился, но не на долго. Явились порицатели его изда-тельской дѣятельности и вызвали рядъ крупныхъ для него не-приятностей.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



О п е ч а т к а .

Въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“, въ статьѣ „Наши мистики-сектанты“ за стр. 61, строка 16, сверху напечатано: 1773 года, слѣдуетъ: 1783 года.

¹⁾ „Русский Архивъ“ 1866 г. № 6, стр. 835

КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина¹⁾.

III¹⁾.

Сраженія подъ Краснымъ, Борисовымъ и при Березинѣ.—Дѣла при Сморгони и Ошманахъ.—Взятие Вильны.—Дѣло подъ Kovно.—Взятие Мемеля.—Отступленіе Макдональда и отпаденіе пруссаковъ.—Очищеніе русской територіи.—Конецъ кампаніи.—Заключеніе.

27

—го октября главная квартира фельдмаршала Кутузова была въ Бѣломъ Холмѣ, а 28-го—въ Ельнѣ. Въ этотъ же день главная квартира французовъ прибыла въ Смоленскъ. Упорство, съ которымъ Наполеонъ склонялся по большой Смоленской дорогѣ, заставляло предполагать, что и изъ этого послѣдняго города онъ направитъ свое отступленіе по дорогѣ на Красный и Оршу, избѣгая такимъ образомъ проселочныхъ и неизвѣстныхъ дороги, которыхъ онъ опасался. Вслѣдствіе такого предположенія, Толь предложилъ обойти Смоленскъ, двигаясь прямо изъ Ельны на Красный. Принимая это направленіе, мы могли лѣстить себя еще надеждою настичь французовъ и принудить ихъ вступить въ сраженіе, тѣмъ болѣе для нихъ невыгодное, что они рисковали быть отброшенными къ Днѣпру, который стѣснилъ бы ихъ правый флангъ. По отношенію къ нимъ мы получили бы тѣмъ большее преимущество, что избѣжали бы при этомъ затрудненій два раза переходить Днѣпъ, чѣмъ имъ неизбѣжно приходилось сдѣлать. Эти соображенія были настолько убѣдительны, что фельдмаршаль ихъ одобрилъ. Платову одному было поручено преслѣдованіе изъ Соловьевъ въ Смоленскъ, а Милорадовичъ получилъ приказаніе подняться на правый берегъ Днѣпра, чтобы затѣмъ снова встать въ авангардѣ арміи, по направленію изъ Ельны въ Красный. 29-го главная квартира прибыла въ Балтутино, по дорогѣ изъ Ельны въ Смоленскъ, а 30-го была перенесена въ Лабково, по дорогѣ изъ Смоленска въ Рославль.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1894 г.

Наполеонъ, видя, что со времени перехода его черезъ Днѣпъръ у Соловьевъ, его не таѣь сильно преслѣдуютъ, вообразилъ, что онъ можетъ безнаказанно остатъся четыре дня въ Смоленскѣ, чтобы дать нѣсколько отдохнуть своимъ войскамъ. Онъ покинулъ этотъ городъ лишь 1-го ноября и направился, съ своею гвардіею, на Красное. Остальные корпуса арміи должны были выступить въ слѣдующіе дни и слѣдоватъ по той же дорогѣ. Надо сознаться, что въ этомъ случаѣ великий полководецъ не оказался на высотѣ своего призванія. Пребываніе въ Смоленскѣ было уже довольно важной ошибкою, а движеніе на Красное — достойнымъ ея дополненіемъ. Вместо того, чтобы подвергаться, такимъ образомъ, опасности быть атакованнымъ съ фланга¹⁾, не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, еслибы прикрылъ себя Днѣпромъ, идя вдоль праваго берега его къ Орши? Такимъ образомъ онъ избавился бы отъ необходимости переходить Днѣпъръ въ первый разъ у Смоленска, а во второй — у Орши, что вполнѣ вознаградило бы его за замедленіе, причиненою котораго было бы дурное состояніе дорогъ на правомъ берегу Днѣпра. Но эта кампанія, казалось, была нарочно создана для того, чтобы показать, насколько можетъ ошибаться самый обширный военный геній, когда онъ позволяетъ себѣ руководиться соображеніями, чуждыми истиннымъ правиламъ искусства.

2-го ноября Кутузовъ выѣхалъ изъ Лабкова и перешелъ въ Щелканово, по близости отъ дороги изъ Смоленска въ Мстиславль, а на слѣдующій день онъ продолжалъ свое движеніе къ Красному. Нашъ 4-й кавалерійскій корпусъ, совершившій весь этотъ походъ, находясь въ авангардѣ, настолько усталъ, что вынуждены были отозвать его оттуда, чтобы дать возможность отдохнуть. Его отдали подъ начальство графа Остермана, который, со своимъ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, былъ оставленъ въ Лучинкахъ для прикрытия праваго фланга арміи и маскированія Смоленска, который былъ занятъ еще непріятелемъ.

3-го ноября генералъ Милорадовичъ, прикрывавшій своимъ авангардомъ движеніе арміи со стороны Смоленска, встрѣтился у села Кобызева непріятельскій корпусъ, который онъ атаковалъ и обратилъ въ бѣгство, нанеся ему уронъ въ 800 человѣкъ убитыми, 1.100 человѣкъ

¹⁾ Я не имѣю при этомъ намѣренія положительно утверждать, что быть атакованнымъ во время движенія во флангъ всегда бываетъ опасно. Совершенно напротивъ, я признаю, что когда армія двигается нераздѣльно, сплошною массою, ея флангъ составляетъ именно самую сильную ея часть, которую никогда нельзя атаковать, не рискуя быть разбитымъ. Но въ данномъ случаѣ было совершенно наоборотъ: французская армія двигалась отдельными корпусами, раздѣленными другъ отъ друга дневными переходами и, атакуя корпуса эти во флангъ, можно было легко раздавать ихъ по одиночкѣ.

плѣнными, отнявъ 12 орудій и 20 зарядныхъ ящиковъ. Графъ Остерманъ получилъ приказаніе замѣстить въ Кобызевѣ генерала Милорадовича, который направился къ Красному. Вслѣдствіе этого приказанія, къ вечеру того же дня мы прибыли въ Кобызево.

4-го авангардъ, встрѣтивъ снова въ окрестностяхъ Краснаго непріятеля, вступилъ съ нимъ въ жаркое дѣло, вся выгода которого оказалась опять-таки на нашей сторонѣ. Въ этотъ день главная квартира Наполеона была въ Красномъ, а наша армія провела ночь между селомъ Ширковымъ и Краснымъ, въ пяти верстахъ отъ этого послѣдняго города.

5-го Кутузовъ рѣшилъ дѣйствовать всею арміею. 5-й, 6-й и 8-й пѣхотные корпуса, съ одною кирасирской дивизіею и двумя отрядами графа Ожаровскаго и Бородина, направились вѣво черезъ села Зуньково, Сидоровичи, Кутьково и Сорокино къ Доброму, близъ дороги изъ Краснаго въ Оршу. 3-й пѣхотный корпусъ и 2-я кирасирская дивизія, подъ начальствомъ князя Голицына, остались въ центрѣ, чтобы дѣйствовать затѣмъ прямо на Красное, между тѣмъ какъ генералъ Милорадовичъ, со 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 1-мъ и 2-мъ кавалерійскими корпусами, получилъ приказаніе оставаться на позиціи, которую онъ занималъ близъ села Мерлина. Въ тотъ моментъ, когда съ нашей стороны началась атака, корпусъ Даву одинъ находился въ окрестностяхъ Краснаго; гвардія Наполеона и корпусъ вице-короля успѣли уже пройти на Ляды, а корпусъ Ней былъ еще назади. Такимъ образомъ, Даву приходилось выдерживать одновременный натискъ всей массы нашихъ войскъ. Въ то время, какъ одна часть нашей главной арміи атаковала его съ фронта, князь Голицынъ напалъ на него во флангъ, а Милорадовичъ тѣснилъ его тылъ. Несмотря на сопротивленіе, какого нельзѧ было ожидать отъ столь истощенныхъ уже войскъ, французы были совершенно разбиты. Даву, шедшій съ частью своего корпуса во главѣ колонны, успѣлъ еще достигнуть Лядъ; остальная часть его корпуса была отрѣзана и бросилась вразыпную въ лѣса, къ сторонаѣ Днѣпра. Почти всѣ бѣглецы были захвачены въ плѣнъ отрядами графа Ожаровскаго и генерала Бородина, которые направились къ Днѣпру; многие утонули въ рѣкѣ, и лишь очень немногимъ удалось спастись и присоединиться къ своему корпусу въ Лядахъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е маршаль Ней, составлявшій арьергардъ французской арміи, очистилъ Смоленскъ, взорвавъ на воздухъ часть его укрѣпленій. 5-го, рано утромъ, Шлатовъ вступилъ въ городъ; онъ оставилъ въ немъ одинъ полкъ егерей и нѣсколько казаковъ и со всѣмъ своимъ корпусомъ направился впередъ для преслѣдованія непріятеля по обоимъ берегамъ Днѣпра. Самъ онъ, съ пятнадцатью казачими полками и съ однимъ егерскимъ полкомъ, пошелъ вдоль праваго берега,

направляясь черезъ Катань на Дубровну, а генералъ-майоръ Денисовъ, съ двумя казаччьими полками и шестью эскадронами драгунъ, следилъ по дорогѣ въ Красное. Сотникъ Наркинъ, составлявшій авангардъ Денисова, нашелъ въ 17-ти верстахъ отъ Смоленска 112 орудій, брошенныхъ непріятелемъ.

Между тѣмъ, 6-го утромъ фельдмаршалъ сдѣлалъ свои распоряженія для встрѣчи Нея, который былъ совершенно отрѣзанъ. Армія построилась на большой дорогѣ, обратившись фронтомъ одновременно на двѣ стороны. 5-й и 6-й пѣхотные корпуса были расположены у Добраго фронтомъ къ Лядамъ, а генералъ Милорадовичъ, подкрепленный еще 3-мъ и 8-мъ пѣхотными корпусами, ожидалъ появленія Нея на позиціи впереди города Краснаго, фронтомъ къ Смоленску. Чтобы отрѣзать всякое отступленіе непріятелю, села Сырокореные и Чернышъ были также заняты нашими войсками. Около трехъ часовъ по полудни передовые легкіе разыѣзы донесли о приближеніи непріятеля. Поднявшись въ это время очень густой туманъ благопріятствовалъ его движению. Наконецъ, когда непріятель подошелъ къ нашимъ на 250 шаговъ разстоянія, онъ былъ встрѣченъ картечнымъ огнемъ 40 орудій. Далеко не смутившись такимъ пріемомъ, непріятель бросился на батареи съ яростью и удивительнымъ мужествомъ, но былъ сильно отбитъ храбрымъ генераломъ Паскевичемъ, который бросился въ штыки и, поддержаный павловскими grenадерами и гвардейскими уланами, произвелъ въ рядахъ непріятеля страшную рѣзню. Между тѣмъ непріятель рѣшилъ сдѣлать еще новую попытку проложить себѣ путь оружіемъ. Около пяти часовъ онъ показался снова, и колонны его, хотя жестоко осыпаемыя картечью одной изъ нашихъ батарей изъ 24-хъ орудій, расположенной на правомъ флангѣ дороги, приближались съ рѣдкою неустранимостью. Падали цѣлые ряды и тотчасъ же замѣщались слѣдовавшими за ними и шедшими умирать на ихъ мѣстахъ. Весь корпусъ Нея прошелъ, такимъ образомъ, сквозь строй и понесъ тяжелыя потери. Въ теченіе нѣкотораго времени непріятель являлъ доказательство геройской настойчивости, но, наконецъ, видя бесполезность своихъ усилий, не выдержалъ и отступилъ въ величайшемъ беспорядкѣ на нѣсколько верстъ назадъ. Въ полночь онъ послалъ парламентера къ Милорадовичу объявить ему, что онъ готовъ сдаться на капитуляцію. Предложеніе это тотчасъ же было принято, и весь корпусъ положилъ оружіе въ числѣ 12.000 человѣкъ. 27 орудій и обозъ, остававшійся еще у этого корпуса, также были сданы въ руки побѣдителей. Это событие довершило полное истребленіе 3-го французскаго корпуса. Однако, самъ маршалъ Ней нашелъ средство спастись выѣхавъ главными своими начальниками и 150 человѣкъ, переправившись черезъ Днѣпръ на лодкахъ.

Нашъ корпусъ не принималъ участія въ сраженіи подъ Краснымъ. Какъ сказано было уже выше, мы оставались въ Кобызевѣ съ графомъ Остреманомъ. Весь день 4-го числа прошель для нась въ настоящей охотѣ. Все время къ намъ приходили болѣе или менѣе значительные отряды французскихъ мародеровъ, которые пытались прорваться съ этой стороны. Мы держали на-готовѣ эскадроны, чтобы атаковывать ихъ при первомъ же ихъ появленіи. Такимъ образомъ, въ теченіе дня, мы захватили въ пленъ болѣе 800 человѣкъ. 5-го графъ Остреманъ получилъ приказаніе отступить къ армії. 6-го, вечеромъ, мы присоединились къ арміи близъ Доброго.

7-го наши отряды, преслѣдовавши непріятеля по направлению къ Лядамъ, захватили еще довольно значительное число плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

Около 30.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 генераловъ и 272 офицера, 15 знаменъ, 266 орудій и 178 зарядныхъ ящиковъ были трофеями побѣдѣ, одержанныхъ нашою арміею въ окрестностяхъ Краснаго въ блистательные дни 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го ноября. Французы, сверхъ того, потеряли болѣе 10.000 человѣкъ убитыми, утонувшими или найдеными умершими на полѣ сраженія оть изнуренія и холода. Вся потеря нашей арміи не превышала 1.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Эта удивительная побѣда является однимъ изъ прекраснѣйшихъ военныхъ подвиговъ нашего вѣка, столь обильного достопамятными событиями. Здѣсь было уничтожено болѣе половины непріятельской арміи. Въ первый разъ русскія войска одержали побѣду, благодаря разумному примѣненію истинныхъ началъ военного искусства, слишкомъ долго не признаваемыхъ у нась и которыя, казалось, были усвоены исключительно однимъ Наполеономъ.

Императоръ французовъ воспользовался замедленіемъ, которое прічирила намъ необходимость заняться разбитіемъ корпуса Нея, чтобы удализться оть нась, пожертвовать этимъ корпусомъ. 7-го Наполеонъ перешелъ Днѣпръ у Орши. Армія его была почти совершенно разстроена. 8-й корпусъ, совершившій почти всю кампанію въ авангардѣ, давно уже не существовалъ. Корпусъ Нея только-что былъ совершенно уничтоженъ. Корпусъ Даву, сильно уже разстроенный подъ Вязьмою, также жестоко пострадалъ подъ Краснымъ, и оть него уцѣлѣли лишь слабые остатки. Такимъ образомъ, въ арміи Наполеона оставались лишь корпусъ вице-короля, испытавшій значительную потерю между Дорогобужемъ и Духовщиною, и наполеоновская гвардія, которая все еще представляла значительный корпусъ. Однако и она много пострадала оть послѣдствій утомительныхъ переходовъ и суровости времени года. Словомъ, дѣйствительная сила великой арміи Наполеона послѣ перехода черезъ Днѣпръ не превышала въ общемъ 30.000 солдатъ. Но импера-

тора французовъ должны были въ скоромъ времени подкрѣпить корпуса маршаловъ Удино и Виктора, которые, будучи расположены въ Череѣ противъ арміи генерала графа Витгенштейна, могли уже свободно сообщаться съ Наполеономъ. Сила этихъ двухъ корпусовъ могла простираяться до 40.000 человѣкъ.

Фельдмаршаль Кутузовъ, видя, что непріятель на много уже опредѣлилъ нась, рѣшилъ употребить для его преслѣдованія одинъ лишь авангардъ и, чтобы не утомлять бесполезно войска, съ главною частью своей арміи направился небольшими переходами на Копысь, где мы должны были перейти черезъ Днѣпръ. Наполеонъ, который, какъ мы уже сказали, желалъ спасти лишь свою собственную особу, заставлялъ свои войска дѣлать такие огромные переходы, что мы не могли следовать за ними, не рискуя изнурить и свои войска. Такимъ образомъ, нашей главной арміи пришлось уступить арміямъ второстепенныхъ честь довершить уничтоженіе непріятельскихъ силъ.

Мы уже видѣли, что когда въ первые дни іюля Барклай покинулъ дрисскій лагерь, чтобы направиться къ Смоленску, то онъ оставилъ на Двинѣ графа Витгенштейна съ значительнымъ корпусомъ войскъ. Съ своей стороны и Наполеонъ, углубляясь въ Россію, оставилъ въ Полоцкѣ 2-й корпусъ подъ начальствомъ маршала Удино, чтобы прикрыть съ этой стороны свою операционную линію отъ Варшавы и Кёнигсберга на Вильну и Смоленскъ. Въ августѣ мысѧцъ Удино былъ подкрѣпленъ еще 6-мъ корпусомъ подъ начальствомъ генерала Гувіонъ-Сень-Сира. Во все время кампаніи Витгенштейнъ держался между Себежемъ и Полоцкомъ, давъ нѣсколько сраженій, тѣмъ менѣе важныхъ, что назначеніе Удино, будучи лишь оборонительнымъ, не позволяло ему предпринять что-либо серьезное; съ другой же стороны, въ интересахъ самого Витгенштейна не заключалось необходимости рисковать переходить на лѣвый берегъ Двины. Наконецъ, получивъ весьма значительные подкрѣпленія, графъ Витгенштейнъ атаковалъ Полоцкъ и овладѣлъ имъ 6-го октября. Затѣмъ онъ продвинулся впередъ до Чашниковъ, тѣсня передъ собой корпусъ Удино, съ которымъ скоро соединился 9-й корпусъ маршала Виктора. Маршалъ этотъ находился въ это время въ окрестностяхъ Смоленска и только-что прибылъ изъ Германіи. 2-го ноября Удино и Викторъ, соединившись, двинулись на позицію Витгенштейна у Чашниковъ, но, послѣ незначительного дѣла, отступили на Череѣ.

На правомъ флангѣ своей операционной линіи Наполеонъ оставилъ князя Шварценберга съ вспомогательнымъ корпусомъ австрійцевъ и 7-мъ корпусомъ, состоявшимъ изъ саксонцевъ и находившимся подъ начальствомъ генерала Рене. Резервная армія генерала Тормасова была противопоставлена Шварценбергу. Сражались съ пере-

мѣннымъ успѣхомъ между Брестомъ и Луцкомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Тормасовъ сдалъ командованіе войсками адмиралу Чичагову, который присоединился къ нему съ молдавскою арміею. Послѣ хорошо соображеныхъ движеній Чичагову удалось отбросить князя Шварценберга въ герцогство Варшавское, обойдя его лѣвый флангъ. Открывъ, такимъ образомъ, дорогу въ Литву, Чичаговъ оставилъ передъ непріятелемъ значительный корпусъ подъ начальствомъ генерала Сакена, чтобы прикрыть свои движенія, а самъ съ остальною частью своихъ войскъ двинулся ускоренными переходами къ Минску, куда и прибылъ 5-го ноября.

При такомъ положеніи дѣлъ у Витгенштейна и Чичагова явилась возможность подать другъ другу руку, чтобы преградить путь непріятелю и воспрепятствовать перейти черезъ Березину,—рѣку, которая, не будучи сама по себѣ особенно широкою, имѣетъ весьма трудные подступы вслѣдствіе обширныхъ болотъ, которыхъ простираются по обоимъ берегамъ и дѣлаютъ оборону ея весьма легкою, ограничивая крайне незначительнымъ числомъ пункты, удобные для переправы.

8-го ноября Кутузовъ прибылъ въ Романово, на слѣдующій день въ Ланники, а 11-го онъ прибылъ въ Кошицы, где были установлены на Днѣпрѣ pontonные мосты. Въ это время Платовъ преслѣдовалъ непріятеля по правому берегу Днѣпра, а генералъ Ермоловъ, съ отрядомъ изъ 14-ти батальоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ, слѣдовалъ за нимъ по лѣвому берегу рѣки, направляясь на Оршу, которая была занята нашими войсками 9-го ноября. Послѣ взятія Орши, Платовъ и Ермоловъ, соединившись, двинулись по большой дорогѣ на Коханово и Толочинъ. 11-го генералъ Милорадовичъ, съ авангардомъ главной арміи, состоявшимъ изъ 2-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 2-го кавалерійскаго корпуса, перешелъ Днѣпръ у Копыса и направился на Толочинъ, чтобы служить поддержкою графу Платову. Въ теченіе 13-го и 14-го наша главная армія также перешла черезъ Днѣпръ и прибыла въ Староселье. Недостатокъ сѣстныхъ припасовъ въ окрестностяхъ большой дороги заставилъ Кутузова направиться на мѣстечко Березино. Кромѣ важнаго преимущества обеспечить существованіе своей арміи, фельдмаршалъ имѣлъ еще въ виду быть въ состояніи воспротивиться движению Наполеона въ томъ случаѣ, еслибы тотъ свернулъ съ Бобра на Игумень. Такъ какъ главный авангардъ Милорадовича принялъ уже другое направленіе, то фельдмаршалъ, чтобы обеспечить движеніе арміи, образовалъ новый авангардъ, составленный изъ 4-го кавалерійскаго корпуса, къ которому было присоединено нѣсколько пѣхоты, состоявшій подъ общимъ начальствомъ генерала Васильчикова. 15-го армія прибыла въ Круглое, а нашъ авангардъ—въ Цезаржинъ. 16-го армія была въ Хомрахъ, а мы—въ Ухвалѣ. Холодъ, который во время сраженій

подъ Краснымъ немного смягчился, въ сколько дней спустя сдѣлался еще суровѣе, чѣмъ прежде. Бывали дни, когда термометръ показывалъ до 20 градусовъ мороза. Послѣ перехода черезъ Днѣпъръ войска нашей главной арміи не располагались болѣе бивуакомъ, но всегда были размѣщаемы по весьма тѣснымъ квартирамъ. Это было еще однимъ преимуществомъ болѣе, приобрѣтеннымъ нами надъ французами, которые были вынуждены проводить ночи подъ открытымъ небомъ.

Между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ выступилъ изъ Минска, и 9-го ноября графъ Ламберть, командовавшій его авангардомъ, явился передъ предмостнымъ укрѣпленіемъ Борисова. Укрѣпленіе это защищалъ генералъ Домбровскій съ одною дивизіею польскихъ войскъ. Генералъ этотъ прибылъ наканунѣ форсированнымъ маршемъ изъ окрестностей Бобруйска. Графъ Ламберть началъ атаку на разсвѣтѣ. Непріятель защищался съ большимъ упорствомъ; но къ вечеру наши войска взяли приступомъ окопы, и непріятель былъ обращенъ въ бѣгство. При этомъ онъ потерялъ одно знамя, 7 орудій, болѣе 2.000 человѣкъ пленными и 1.500 человѣкъ убитыми. Наша потеря была довольно значительна, и самъ графъ Ламберть былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ Наполеонъ соединился съ Викторомъ и Удино, и теперь армія его достигла до 70.000 человѣкъ. Для него наступила тяжелая минута, когда онъ узналъ, что Борисовъ занять арміею Чичагова. Однако, онъ не потерялся и понялъ, что можетъ выйти изъ опаснаго положенія, въ которомъ онъ находился не иначе, какъ призвавъ на помощь весь свой военный геній. Онъ немедленно отдѣлилъ маршала Удино съ его 2-мъ корпусомъ, чтобы принять разбитыхъ войска Домбровскаго и двинуться на Борисовъ. Чичаговъ совершилъ неосторожность, направивъ свой авангардъ подъ начальствомъ графа Павла Шалена на лѣвый берегъ Березины, не поддержавъ его главными силами своей арміи, которая осталась на правомъ ея берегу. 12-го ноября Удино встрѣтилъ графа Павла Шалена въ 16-ти верстахъ отъ Борисова, атаковалъ его, разбилъ и преслѣдовалъ до Борисова. Адмиралъ простеръ свою непредусмотрительность до того, что перенесъ свою главную квартиру въ этотъ городъ, расположенный также на правомъ берегу Березины. Онъ имѣлъ только время спастись самому и приказать сжечь мостъ на рѣкѣ. Такимъ образомъ, обозъ его главной квартиры попалъ въ руки непріятеля.

Съ своей стороны, графъ Витгенштейнъ, замѣчная отступленіе непріятеля изъ Черни, оставилъ свою позицію при Чапникахъ, чтобы начать преслѣдоватъ его. 11-го онъ прибылъ въ Черно, а на слѣдующій день — Холопеничи. 13-го онъ пришелъ въ Бараны на дорогѣ изъ Лепеля въ Борисовъ.

И вотъ мы дошли до момента, самого интереснаго въ этой кампаніи.

Этотъ моментъ могъ сдѣлаться рѣшительнымъ и окончить войну однимъ ударомъ. Дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, чтобы, помѣшивъ императору французовъ и всей его арміи переправиться черезъ Березину, воспрепятствовать тѣмъ самымъ возвращенію ихъ на родину. Меня огорчаетъ, что я лишенъ возможности подробнѣ и съ точностью описать передвиженія Наполеона и нашихъ генераловъ въ теченіе 13-го, 14-го, 15-го и 16-го ноября. Находясь въ главной арміи, а не быть очевиднымъ свидѣтелемъ этихъ важныхъ событий; всѣ же свѣдѣнія, которыхъ я могъ получить отъ офицеровъ изъ армій Чичагова и Витгенштейна, настолько неудовлетворительны и противорѣчивы, что невозможно установить съ достовѣрностью факты. Я ограничусь тѣмъ, что передамъ вкратцѣ и по полученнымъ со всѣхъ сторонъ официальнымъ донесеніямъ то, что произошло при этомъ случаѣ.

Чичаговъ, съ главными силами своей арміи, расположился напротивъ Борисова; одинъ изъ его отрядовъ, подъ начальствомъ генерала Чаплица, наблюдалъ за верхнею Березиною, въ окрестностяхъ Зембина, а другие отряды охраняли нижнее теченіе этой рѣки между Борисовымъ и Березиной. 13-го ноября Наполеонъ совершилъ маневръ, произведя демонстрацію по направлению къ нижней Березинѣ, съ цѣлью возбудить въ насъ опасеніе съ этой стороны. Головы колоннъ, показывая видъ, что они направляются къ Игумену, способствовали тѣмъ самимъ тому, чтобы ввести нашихъ генераловъ въ полнѣйшее заблужденіе. Чичаговъ спустился съ своею арміею внизъ по Березинѣ и далъ Чаплицу приказаніе выступить изъ Зембина и стать передъ Борисовымъ. Наполеонъ, видя, что ему удалось ввести насъ въ обманъ, оставилъ въ Борисовѣ корпусъ маршала Виктора, чтобы еще далѣе прикрыть свои движения, а самъ, на разсвѣтѣ 14-го, направился въ село Студенки, въ 13-ти verstахъ къ сѣверу отъ Борисова, между этимъ городомъ и Зембиномъ. Французы встрѣтили здѣсь лишь нѣсколько казаковъ, которые скоро были отброшены, и непріятель немедленно приступилъ къ постройкѣ двухъ мостовъ. Генералъ Чаплицъ, извѣщенный казаками, послѣдно прибылъ изъ окрестностей Борисова, но не могъ воспрепятствовать переправѣ непріятеля, которая совершилась подъ защитою батареи изъ 30-ти орудій, расположенной на господствующихъ высотахъ лѣваго берега рѣки. Какъ только постройка мостовъ была окончена, маршалъ Удино перешелъ первымъ и атаковалъ слабый отрядъ Чаплица, который послѣ двухчасового боя былъ вынужденъ уступить численному превосходству и отступить, спускаясь по теченію Березины. Въ теченіе 14-го и 15-го французская армія переправилась черезъ рѣку.

Графъ Витгенштейнъ былъ не менѣе Чичагова обманутъ ложными маневрами арміи Наполеона въ день 13-го ноября. Онъ также вообразилъ, что императоръ французовъ намѣренъ направиться къ югу, и

всльдствіе этого рѣшился преслѣдоватъ его по направлению къ Борисову. 14-го онъ выступилъ изъ Баары и пришелъ въ Кострицу. Въ то самое время, когда Витгенштейнъ выполнялъ это передвиженіе, Наполеонъ, съ своей стороны, поднимался по Березинѣ изъ Борисова въ Студенки; такимъ образомъ, обѣ арміи разошлись на разстояніи пятнадцати верстъ. Прибывъ въ Кострицу, Витгенштейнъ узналъ, что Наполеонъ переправился уже черезъ Березину и что корпусъ Виктора находился еще въ Борисовѣ. Онъ рѣшилъ отрѣзать этотъ корпусъ и съ этой цѣлью выступилъ 15-го. Къ вечеру онъ прибылъ въ Старый Борисовъ, но Викторъ, выступившій въ то же утро изъ Борисова, прошелъ уже съ большою частью своего корпуса и позади оставалась лишь одна изъ его дивизій, составлявшая его арьергардъ. Эта дивизія, бывшая подъ начальствомъ генерала Партуно, видя себя отрѣзанною, попыталась продолжить себѣ дорогу, но была отброшена послѣ четырехъ-часового боя. Она не могла даже возвратиться въ Борисовъ, который только-что передъ этимъ былъ занятъ графомъ Платовымъ, пришедшемъ по большой дорогѣ изъ окрестностей Бобо. Непріятельская дивизія, видя себя окруженною со всѣхъ сторонъ, положила оружіе. Генералъ Партуно, три другихъ генерала, болѣе 240 офицеровъ и около 8.000 человѣкъ солдатъ были взяты при этомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя орудіями и двумя знаменами. Одна колонна сдалась въ полночь; остальная же часть дивизіи положила оружіе лишь на слѣдующій день, въ семь часовъ утра.

Междѣ тѣмъ Чичаговъ, извѣщенный, наконецъ, о дѣйствительномъ положеніи вещей, вернулся назадъ и, направившись вверхъ по Березинѣ, 16-го, на разсвѣтѣ, атаковалъ Удино близъ Стакова. Вся французская армія не имѣла еще времени переправиться черезъ рѣку; дурное состояніе мостовъ, построенныхъ поспѣшно, было причиной медленности переправы. Наполеонъ, сознавая важность остановить усилія адмирала, приказалъ придвигнуть маршаловъ Нея и Мортѣ въ помощь Удино. Сраженіе приняло упорный характеръ. Наконецъ, войска Чичагова вынуждены были уступить численному превосходству непріятеля. Армія Чичагова, ослабленная отсутствіемъ корпуса Сакена, оставленнымъ противъ князя Шварценберга, заключала въ себѣ лишь 30.000 человѣкъ солдатъ, тогда какъ французскіе корпуса, принявши участие въ дѣлѣ, насчитывали всего болѣе 40.000 человѣкъ.

Въ то время, какъ французы на правомъ берегу Березины отражали адмирала, на лѣвомъ ея берегу также сражались. Графъ Витгенштейнъ, послѣ уничтоженія дивизіи Партуно, направился на Студенки. Случилось, что маршалъ Викторъ не перешелъ еще въ это время черезъ рѣку. Витгенштейнъ сильно атаковалъ его и нанесъ ему весьма значительную потерю, но, несмотря на всѣ свои усилія и свое значительное численное превосходство, никакъ не могъ опрокинуть непрія-

теля, который въ теченіе всего дня удерживался на лѣвомъ берегу рѣки.

Послѣ того, какъ мы видѣли, что французская армія была доведена до бѣдственнаго положенія, трудно поверить, чтобы Наполеонъ могъ еще одерживать побѣды. Однако, безпристрастіе, котораго я придерживалось, заставляетъ меня признать, что успѣхъ 16-го числа былъ на сторонѣ Наполеона, войска котораго удержали за собою поле сраженія. Сверхъ того, императору французовъ удалось совершить переправу черезъ Березину и открыть себѣ путь къ отступленію за предѣлы Россіи, чѣмъ составляло главную цѣль его дѣйствій. Дѣйствительная потеря французовъ въ этотъ день была весьма значительна и можетъ достигать до 10.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; но и наша потеря была не менѣе значительна. Витгенштейнъ въ своемъ офиціальномъ донесеніи признаетъ 3.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Можно предположить, что онъ, по обыкновенію, уменьшилъ свою потерю, и неоспоримо, что потеря арміи Чичагова была гораздо значительнѣе.

17-го, утромъ, Викторъ переправился черезъ рѣку и сжегъ свои мосты, бросивъ на лѣвомъ берегу 12 орудій и громадный обозъ, которыи Наполеонъ положительно запретилъ переправлять. Всѣ повозки были нагружены всяkimъ добромъ, добытымъ при разграбленіи Москвы. Кавалерія Витгенштейна, овладѣвшая обозомъ, сдѣлала въ немъ богатую находку. Въ тотъ же день Наполеонъ продолжалъ идти по направлению къ Вильнѣ, и 18-го его главная квартира находилась въ Плещеницахъ. Чичаговъ немедленно пустился прослѣдовать непріятеля, между тѣмъ какъ Витгенштейнъ и Платовъ перешли черезъ Березину по двумъ pontonныхъ мостамъ, наведеннымъ близъ Старого Борисова. 17-го наша главная армія прибыла въ Михеевичи, а на слѣдующій день переправилась черезъ Березину въ окрестностяхъ мѣстечка Борисова. Такъ какъ въ главной квартирѣ фельдмаршала не было никакого положительнаго извѣстія о томъ, что происходило въ окрестностяхъ Борисова, то нашъ авангардъ былъ выдвинутъ въ сторону, чтобы разведѣдать о непріятелѣ. 17-го мы прибыли въ Вышнюю Городню, а 18-го—въ Ухолоды, где встрѣтили войска генерала Милорадовича, который въ этотъ день только-что прибылъ въ Борисовъ.

Много порицали адмирала Чичагова за его дѣйствія въ теченіе этой кампаніи. По моему мнѣнію, къ нему отнеслись слишкомъ строго. Я полагаю, что ему можно поставить въ вину лишь одну ошибку; она заключается въ томъ, что послѣ взятія Борисова онъ подвергъ опасности свою главную квартиру и свой авангардъ. Но зато слѣдуетъ признать, что онъ очень хорошо маневрировалъ противъ князя Шварценберга; что же касается до дѣлаемаго ему упрека въ томъ, что онъ упустилъ Наполеона при Березинѣ, то я нахожу упрекъ этотъ слишкомъ мало

основательнымъ. Слѣдуетъ припомнить, что Чичаговъ имѣлъ лишь около 30.000 человѣкъ для обороны теченія рѣки противъ 70.000 человѣкъ непріятеля. Для него было гораздо необходимѣе воспрепятствовать перевѣзъ французовъ со стороны Игумена, чѣмъ въ окрестностяхъ Зембина. Для того, чтобы уѣхать въ этомъ, слѣдуетъ только принять во вниманіе, что, пробиваясь къ Игумену, Наполеонъ на много сокращалъ свою линію отступленія на Варшаву и, сверхъ того, приобрѣталъ возможность совершилъ свое соединеніе съ Шварценбергомъ въ окрестностяхъ Слонима, чтѣмъ снова довело бы его армію до 100.000 человѣкъ, съ которыми онъ могъ бы уже надѣяться спокойно занять свои зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Вислы, а можетъ быть даже и между этой рѣкою и Бугомъ. Еслибы къ такому опасному результату привела перевѣза французовъ къ югу отъ Борисова, то ясно, что Чичаговъ обязанъ былъ особенно наблюдать съ этой стороны, и что, будучи обманутъ передвиженіями Наполеона, онъ долженъ былъ направить туда большую часть своихъ силъ. Ему тѣмъ болѣе было извинительно быть введеннымъ въ заблужденіе на счетъ намѣреній Наполеона, что рѣка, отдѣлявшая его отъ непріятеля, препятствовала ему съ точностью наблюдать за его движеніями. Графъ Витгенштейнъ, не имѣвшій этого препятствія, былъ обманутъ, какъ и адмиралъ; онъ также повѣрилъ тому, что Наполеонъ направился на югъ, и официально извѣстилъ объ этомъ Чичагова; сѣдѣніе это послужило къ еще большему укрѣпленію адмирала въ заблужденіи, въ которомъ онъ находился.

Всеобщее мнѣніе было настолько предрасположено въ пользу графа Витгенштейна, что даже и не подумали приписать ему малоуспѣшность попытокъ нашихъ армій преградить Наполеону путь къ отступленію. Между тѣмъ было бы гораздо справедливѣе обвинить въ этомъ Витгенштейна, чѣмъ адмирала, который въ дѣйствительности маневрировалъ, какъ ему слѣдовало, и какъ бы маневрировалъ и другой, болѣе его искусный военачальникъ. Совсѣмъ напротивъ, образъ дѣйствій Витгенштейна во всѣ эти дни не представляется ничего другаго, какъ сцепленіе явныхъ ошибокъ. Чтобы доказать это, я укажу главнѣйшія изъ нихъ: во-первыхъ, когда французскіе корпуса, расположенные въ Черевѣ, удалились оттуда, чтобы направиться къ Борисову, то Витгенштейнъ поступилъ ошибочно, послѣдовавъ по ихъ слѣдамъ и направившись изъ Чашниковъ въ Черево и Холопеничи, чтобы дѣйствовать на лѣвомъ берегу Березины. Вместо того, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, онъ долженъ былъ скорѣе направиться на Новый Лепель, перейти здѣсь Березинскій каналъ, затѣмъ слѣдовать западнымъ берегомъ этого канала до слиянія его съ Березиною, перейти черезъ эту рѣку, спуститься затѣмъ по правому ея берегу до окрестностей Зембина, гдѣ бы онъ могъ соединиться съ Чичаговымъ. Обѣ соединившіяся арміи представляли бы

тогда силу въ 60.000 человѣкъ, съ которыми можно было уже льстить себѣ надеждою остановить Наполеона и помѣшать ему перейти черезъ рѣку; но достичнуть такого результата отъ несвязанныхъ усилий двухъ армій, раздѣленныхъ рѣкою, нельзя было надѣяться. Во-вторыхъ, движение изъ Холопеничей въ Бараны, совершенное Витгенштейномъ 18-го ноября, было хорошо задумано и позволяло надѣяться, что онъ бралъ на себя обязанность наблюдать за верхнею Березиной съ тѣмъ, чтобы дать возможность Чичагову заняться исключительно нижнимъ теченіемъ этой рѣки, но демонстраціи непріятеля въ тотъ же день, 13-го, скова привели Витгенштейна къ ложному шагу. 14-го онъ повернуль на Борисовъ и изъ Баранъ направился въ Кострицу. Въ тотъ же день французская армія поднялась по Березинѣ изъ Борисова въ Студенки. Витгенштейнъ былъ извѣщенъ объ этомъ движеніи, совершившемся передъ его глазами и разошедшемся съ его собственнымъ движеніемъ, лишь нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ оно было уже выполнено и когда производилась уже переправа французскихъ войскъ. Эта небрежность при такихъ важныхъ обстоятельствахъ тѣмъ менѣе извинительна со стороны Витгенштейна, что еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ освѣтить свой правый флангъ, то его разѣзы не преминули бы встрѣтить французскія колонны и извѣстить его еще вѣ-время, такъ что онъ имѣлъ бы возможность напастъ на Наполеона во время его переправы. Въ третьихъ, извѣщенный, наконецъ, о дѣйствительномъ положеніи вещей, Витгенштейнъ 15-го направился изъ Кострицы на Старый Борисовъ; движение это было новою ошибкою. Въ военномъ искусствѣ существуетъ неоспоримая истинѣ; она заключается въ томъ, что если генераль могъ сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, то онъ дурно дѣйствовалъ. Согласно этому правилу, становится очевиднымъ, что Витгенштейнъ поступилъ дурно, направившись изъ Кострицы въ Старый Борисовъ потому, что этимъ движеніемъ онъ могъ отрѣзать лишь дивизію Партуно; если же онъ изъ Кострицы направился бы чрезъ Холховцы прямо на Веселово и Студенки, то не только эта дивизія, но весь корпусъ Виктора быль бы отрѣзанъ, да къ тому же Витгенштейнъ, сильно атакуя Студенки, могъ бы еще захватить часть французской арміи, которую онъ нашелъ бы на лѣвомъ берегу Березины, и которая переправилась черезъ эту рѣку лишь въ полдень 15-го и утромъ 16-го. Независимо указанныхъ мною трехъ главныхъ ошибокъ, я долженъ еще замѣтить, что мнѣ кажется весьма страннымъ, что въ сраженіи 16-го при Студенкахъ Витгенштейну не удалось опрокинуть въ воду слабый корпусъ Виктора, который въ теченіе цѣлаго дня сопротивлялся съ 12.000 человѣкъ противъ 30.000 человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ Витгенштейна.

Упрекали также и фельдмаршала Кутузова въ томъ, что онъ дви-
«РУССКАЯ СТАРИНА» 1894 г., т. LXXXII. ДЕКАБРЬ.

гался слишкомъ медленно, и утверждали, что онъ могъ еще прибыть въ-время для того, чтобы принять участіе въ дѣлахъ при Березинѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ несправедливости этой критики, слѣдуетъ только принять въ соображеніе, что Кутузовъ не могъ выступить изъ Краснаго ранѣе 7-го ноября, а въ этотъ самый день Наполеонъ переходилъ уже Днѣпъ въ Оршѣ. Это значило уже на много опередить насть; къ тому же императоръ французовъ подвигался кратчайшимъ путемъ, по которому мы не могли слѣдовать по причинѣ недостатка сѣст-ныхъ припасовъ. Къ этому надо присовокупить еще замедленіе, кото-рое неизбѣжно должна была причинить намъ переправа черезъ Днѣпъ. Сверхъ того, большая часть арміи Наполеона состояла изъ корпусовъ Удино и Виктора, свѣжія войска которыхъ могли совершать значитель-ные переходы, тогда какъ солдаты нашей главной арміи были настолько изнурены невообразимыми, только-что перенесенными ими, трудами, что онъ не могъ заставить ихъ дѣлать форсированные переходы, не под-вергая арміи совершенному уничтоженію. Тѣ, которые сдѣлали эту тя-желую кампанію, не станутъ опровергать основательности этихъ дово-довъ.

Что касается поведенія императора Наполеона, то слѣдуетъ при-знать, что оно было выше всякой похвалы. Неминуемая опасность, въ которой онъ находился, еще разъ оживила этотъ блестательный воен-ный гений, который со временеми вступленія въ Москву, казалось, наход-ился въ состояніи усыплениія. Окруженный со всѣхъ сторонъ, импе-раторъ французовъ не теряетъ головы. Искусными демонстраціями обманываетъ онъ находившихся противъ него генераловъ и, проскольз-нувъ, такъ сказать, между арміями, которая готовились уже обрушиться на него, онъ совершаєтъ переправу въ искусно избранномъ пунктѣ, на которомъ преимущества мѣстности находятся на его сторонѣ. Дур-ное состояніе мостовъ замедляетъ переправу и даетъ время нашимъ арміямъ соединиться противъ непріятеля. Въ новыхъ сраженіяхъ раз-умное употребленіе превосходныхъ силъ доставляетъ Наполеону по-бѣду, которую онъ пользуется, чтобы довершить переправу и обезпе-чить свое отступленіе на Вильну. Такимъ образомъ, онъ успѣваетъ разстроить расчеты нашихъ генераловъ, которые льстили себѣ надеж-до въ скоромъ времени заставить его положить оружіе со всемъ его арміею.

Между тѣмъ Чичаговъ сильно преслѣдовалъ французскую армію. Каждый день авангардъ захватывалъ множество пленныхъ и орудій. Графъ Платовъ дѣйствовалъ совокупно съ Чичаговымъ, а Витгенштейнъ взялъ нѣсколько вправо и двигался параллельно съ адмираломъ. Въ это время наша главная армія подвигалась также къ Минску; 19-го она находилась въ Ушѣ, а 20-го—въ Раваницахъ. Нашъ авангардъ пере-

правился черезъ Березину у Борисова 19-го и, направившись по дорогѣ въ Минскъ, прибылъ въ Уперевичи, 20-го — въ Скурецъ, 21-го — въ Старину. Милорадовичъ перешелъ черезъ Березину также у Борисова 20-го и направился влево отъ арміи Чичагова, между этой арміею и Минскомъ. 21-го онъ прибылъ въ село Коссино, близъ дороги изъ Минска въ Зембинъ. Въ этотъ день главная квартира Наполеона находилась въ Молодечнѣ.

Кутузовъ, будучи недоволенъ дѣйствіями нашихъ генераловъ на Березинѣ, рѣшилъ приблизиться къ второстепеннымъ арміямъ для того, чтобы наблюдать за ихъ дѣйствіями, такъ какъ арміи эти, въ силу обстоятельствъ, обратились теперь въ главныя дѣйствующія. 22-го ноября, съ своею главною квартирой, онъ прибылъ въ село Коссино. Отѣважая, Кутузовъ поручилъ предводительство главною арміею генералу Тормасову. 23-го фельдмаршалъ прибылъ въ Бѣлоручье, а на слѣдующій день — въ Радошкевичи, гдѣ и догналъ авангардъ Милорадовича.

Въ то время, какъ Кутузовъ приближался къ театру военныхъ дѣйствій, Наполеонъ рѣшительно удалялся отъ него. Бѣдствія французской арміи росли съ каждымъ днемъ. Казалось, что Провидѣніе приберегло на послѣдніе дни отступленія для непріятеля самыя жестокія страданія изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ оно рѣшило собрать надъ его головою. По мѣрѣ приближенія нашего къ Вильнѣ, морозъ постепенно становился сильнѣе. Онъ ежедневно уносилъ тысячи непріятелей. Дороги были покрыты трупами этихъ несчастныхъ, силы которыхъ, надорванныя голodomъ, были ихъ еще менѣе способными выносить суровое зимнее время. Видъ этихъ бѣдствій и невозможность облегчить ихъ побудили императора французовъ покинуть свою армію, полное уничтоженіе которой становилось неизбѣжнымъ. 23-го ноября всѣ главные начальники арміи были собраны въ императорскую квартиру, въ Сморгонѣ. Наполеонъ объявилъ имъ, что на время своего отсутствія онъ поручаетъ командованіе арміею королю Неаполитанскому. Самъ Наполеонъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ генераловъ, отправился на почтовыхъ прямо въ Парижъ.

25-го ноября генералъ Чаплицъ, съ авангардомъ Чичагова, одержавъ побѣду близъ Сморгони. Непріятельскій арьергардъ былъ совершенно уничтоженъ. При этомъ случаѣ французы потеряли 25 орудій и около 3,000 пленными. На слѣдующій день Чаплицъ сильно преслѣдовалъ, отъ Сморгони до Ошмянъ, непріятеля, который, лишившись охраны своего арьергарда, бѣжалъ въ страшномъ беспорядкѣ. Чаплицъ, пользуясь этамъ беспорядкомъ, захватилъ у непріятеля 61 орудіе и около 2,000 пленныхъ. 26-го главная квартира фельдмаршала находилась въ Молодечнѣ, а 27-го — въ Сморгонѣ. Графъ Витгенштейнъ, который съ своею арміею шелъ вдоль праваго берега Вили, 27-го находился

*

въ Неставишкахъ, а кавалерія, которой онъ приказалъ выдвинуться впередъ, въ Нѣменчинѣ.

28-го генераль Чаплицъ, продолжая преслѣдоватъ непріятеля, явился передъ городомъ Вильною, которымъ онъ и овладѣль, выгнавъ изъ него непріятельскій арьергардъ. Въ то время, какъ Чаплицъ занималъ этотъ городъ, графъ Платовъ обошелъ его и направился къ Погулянкамъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ Вильны, по дорогѣ въ Ковну. Онъ встрѣтилъ тамъ французскія колонны, только-что очистившія городъ. Графъ Платовъ атаковалъ ихъ, жестоко преслѣдовалъ до Понарской горы, убилъ у нихъ 1.000 человѣкъ, захватилъ 4 знамени, 28 орудій, столько же зарядныхъ ящиковъ и болѣе 1.000 человѣкъ пленныхъ. 29-го ноября фельдмаршалъ прибылъ въ Вильну. Въ этомъ городѣ нашли довольно значительные запасы хлѣба и огромные склады военныхъ принадлежностей съ 41 орудіемъ въ арсеналѣ. Число пленныхъ, взятыхъ въ этомъ городѣ, считая въ томъ числѣ и больныхъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ, доходило до 7 генераловъ, 242 офицеровъ и около 15.000 солдатъ.

Въ то время, какъ происходили эти события, наша главная армія, съ своей стороны, также подвигалась впередъ, оставляя Минскъ вѣво. Главная квартира Тормасова, 22-го, находилась въ Шипиахъ, 23-го—въ Дубовикахъ, 24-го—въ Городкѣ, 27-го—въ Раковѣ, 28-го—въ Кисселяхъ и 29-го—въ Воложинѣ. Въ тотъ же день, 29-го, нашъ авангардъ находился въ Ольшанахъ. Изъ Воложина армія двинулась на Ошмяны, а нашъ авангардъ получилъ приказаніе направиться на Вильну. 1-го декабря мы прибыли въ Нарвельшики. 3-го я оставилъ генерала Васильчикова и отправился въ главную квартиру, въ Вильну.

Послѣ взятія Вильны наши арміи, соединившіяся на короткое время,приняли снова различное направление. Въ это время три различныхъ предмета привлекали на себя вниманіе фельдмаршала: во 1-хъ, надлежало преслѣдовать остатки великой французской арміи по ту сторону Нѣмана. Во 2-хъ, маршалъ Макдональдъ, который, съ своимъ отдѣльнымъ корпусомъ, въ теченіе всей кампаніи бродилъ въ окрестностяхъ Риги, все еще находился близъ Митавы съ войскомъ около 25.000 человѣкъ. Слѣдовало не только позаботиться принудить его перейти обратно черезъ Нѣманъ, но даже постараться отрѣзать его отъ этой рѣки, отбросивъ на оконечность полуострова Курляндіи, къ Виндавѣ. Въ 3-хъ, князь Шварценбергъ, съ австрійцами и саксонцами, все еще занималъ Гродненскую губернію. Необходимо было заставить и его очистить территорію Россіи. Фельдмаршалъ совершенно вѣрно разсудилъ, что осуществить эту тройкую цѣль можно было и безъ содѣйствія главной арміи, которая была крайне утомлена только-что совершенными ею тяжелыми походами. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ слѣдующія распо-

ряженія: главная армія Тормасова и авангардъ Милорадовича были расположены по кантонир-квартирамъ въ окрестностяхъ Вильны. Чичаговъ и Платовъ были назначены дѣйствовать въ центрѣ для преслѣдованія остатковъ великой французской арміи по ту сторону Нѣмана. На правомъ флангѣ генераль Паулуччи, выѣхавъ съ гарнизономъ Риги, долженъ былъ слѣдовать за Макдональдомъ при его отступленіи, между тѣмъ какъ Витгенштейнъ, спустившись по правому берегу Нѣмана, облазанъ былъ постараться отрѣзать его отъ Пруссіи. На лѣвомъ флангѣ, для дѣйствій противъ Шварценберга, назначенъ былъ авангардъ генерала Васильчикова и корпуса генераль-маіора Тучкова и генерала Сакена. Этотъ послѣдній находился въ это время на Волыни, имѣя свой правый флангъ на Стырѣ, а лѣвый—близъ Буга. Что же касается до генераль-маіора Тучкова, то онъ только-что вступилъ въ командованіе корпусомъ генерала Эртеля, который въ теченіе всей кампаніи держался на нижнемъ течевіи Припети и вѣль малую войну противъ польскаго корпуса, старавшагося осадить Бобруйскъ. 28-го ноября Тучковъ прибылъ въ Минскъ.

Послѣ сраженія при Погулянкахъ графъ Платовъ продолжалъ преслѣдоватъ французовъ и 2-го декабря, въ 10 часовъ утра, явился передъ Kovno. Непріятель упорно защищалъ городъ. Платовъ вынужденъ былъ приказать нѣсколькоимъ казачимъ полкамъ перейти Нѣманъ по льду, чтобы угрожать отрѣзать отступленіе непріятелю и тѣмъ заставить его очистить городъ, чѣмъ онъ и сдѣлалъ къ вечеру съ довольно значительной потерей. Наши войска напали въ Kovnѣ довольно значительные магазины, 779 зарядныхъ ящиковъ съ полнымъ комплектомъ зарядовъ, 30.000 новыхъ ружей и 30.000 ружейныхъ стволовъ. Армія Чичагова, которая для удобства продовольствія двигалась проселочными дорогами влѣво отъ дороги въ Kovnu, прибыла 6-го декабря въ Гезно на Нѣманъ. Послѣ перехода черезъ Нѣманъ, непріятель направилъ свое бѣгство на Вильковишкіи и Гумбиненъ въ Инстербургъ; графъ Платовъ слѣдовалъ за нимъ въ этомъ направленіи, и Чичаговъ пошелъ также по этой дорогѣ. Изъ Вильковишкіи адмиралъ отдалъ генерала Ланского, съ тремя кавалерійскими и однимъ казачимъ полками, на Августовъ, чтобы забрать нѣсколько бѣглыхъ французовъ, которые бросились въ эту сторону. 21-го декабря Чичаговъ прибылъ въ Вержболово, а 22-го въ Сталупенъ. Въ этотъ же день генераль Чаплицъ, съ своимъ авангардомъ, находился въ Гумбиненѣ, а графъ Платовъ—въ Инстербургѣ.

Въ то время какъ события эти происходили въ центрѣ, на нашемъ правомъ флангѣ маркизъ Паулуччи узнавъ, что Макдональдъ находится въ полномъ отступленіи, пустился его преслѣдоватъ. 8-го декабря онъ выступилъ изъ Риги, а 9-го, въ два часа утра, вступилъ въ Ми-

таву. Изъ Митавы генераль Левистъ, съ главными силами корпуса, направился на Тельшъ, въ то время, какъ самъ маркизъ Паулуччи, съ отрядомъ около 2.000 человѣкъ, двинулся по большой дорогѣ въ Мемель для преслѣдованія непріятеля. 15-го Паулуччи явился предъ Мемелемъ и потребовалъ сдачи города у коменданта, который и сдался военнопленнымъ съ своими 700 человѣкъ гарнизона. Быстрою этого перехода Паулуччи изъ Риги въ Мемель заслуживаетъ похвалы. Онъ сдѣлалъ около 300 верстъ въ восемь дней. Съ другой стороны Витгенштейнъ подвигался также впередъ изъ окрестностей Вильны къ нижнему течению Нѣмана. Значительный отрядъ его арміи подъ начальствомъ генераль-майора Кутузова, двинулся изъ Вильны чрезъ Kovno и Юрбургъ на Тильзитъ, куда онъ прибылъ 11-го декабря. Если бы Кутузовъ былъ сильнѣе, то было бы неизбѣжно отрѣзано отступленіе всему корпусу Макдональда, который не дошелъ еще до Нѣмана. Но Витгенштейнъ не находился настолько близко, чтобы поддержать Кутузова, и этотъ послѣдній былъ прогнанъ изъ Тильзита войсками, направленными противъ него Макдональдомъ, чтобы очистить себѣ путь къ отступленію. По моему мнѣнію, Кутузовъ сдѣлалъ ошибку, желая удержаться близъ Тильзита; ему слѣдовало отступить, не вступая въ сраженіе, въ которомъ значительное численное превосходство непріятеля давало ему всѣ шансы на успѣхъ. Я полагаю также, что еслибы графъ Витгенштейнъ дѣйствовалъ болѣе энергично, то онъ могъ бы еще прибыть въ-время въ Тильзитъ. 27-го ноября онъ находился въ Неставишкахъ на Валі. Отъ Неставищекъ до Тильзита, направляясь чрезъ Вилькоміръ, Кейданы и Юрбургъ, мѣѧ трѣхъ сотъ верстъ и, такимъ образомъ, не дѣлая даже слишкомъ усиленныхъ переходовъ, онъ долженъ бы былъ прибыть къ Тильзиту 12-го декабря. Въ это время Макдональдъ же не прибылъ еще на Нѣманъ, и отступленіе его сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ; но Витгенштейнъ прибылъ въ Тильзитъ четырьмя или пятью днями позже, и Макдональдъ воспользовался этимъ, чтобы миновать этотъ городъ. Корпусъ Макдональда состоялъ большую частью изъ пруссаковъ, которые совершенно противъ своего желанія присоединились къ знаменамъ Наполеона. Бѣдствія французовъ побудили пруссаковъ отдѣлиться отъ ихъ союза, и удобнымъ моментомъ для объявленія обѣ этомъ они выбрали время вступленія русскихъ на ихъ территорію. 18-го и 19-го декабря командовавши пруссаками генералы Йоркъ и Массенбахъ заключили съ Витгенштейномъ условіе, по которому прусскія войска въ числѣ 18.000 человѣкъ съ 60 орудіями были объявлены нейтральными. Это отпаденіе пруссаковъ уменьшило корпусъ Макдональда до 5.000 человѣкъ и 20 орудій, съ которымъ онъ и поспѣшилъ отступить. Наша кавалерія настойчиво его преслѣдовала. 22-го декабря одивъ изъ

корпусовъ арміи Витгенштейна находился уже въ Талпакенѣ и Велая.

Возвратимся теперь къ тому, что происходило на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Генералъ Сакенъ выступилъ въ походъ 1-го декабря и направился на Ружаны. Генераль-маиръ Тучковъ также выступилъ изъ Минска 1-го декабря и двинулся на Слонимъ. Съ своей стороны Васильчиковъ двинулся большими переходами на Нѣманъ и 7-го декабря прибыль въ Мосты. Австрійскія войска всюду отступали при нашемъ приближеніи. Васильчиковъ медленно за ними слѣдовалъ, не вступая съ ними въ сраженіе. 10-го декабря онъ находился въ Малой Брестовицѣ. Князь Шварценбергъ, собравъ свой корпусъ въ окрестностяхъ Бѣлостока, казалось, хотѣлъ удержаться здѣсь въ теченіе несколькиихъ дней. Вслѣдствіе переговоровъ, въ которые Васильчиковъ вступилъ съ нимъ, австрійцы очистили русскую территорію 15-го декабря. Изъ Тыкочина князь Шварценбергъ направилъ свое отступленіе вдоль Нарева на Варшаву. Васильчиковъ перешель границу 17-го декабря. Около же этого времени саксонскія войска также обратно встутили въ герцогство Варшавское, перейдя Бугъ. Слѣдовавшій за ними генералъ Сакенъ также прибыль на Бугъ, а 21-го декабря его корпусъ расположился на квартиры вдоль праваго берега этой рѣки.

Такимъ образомъ совершилось на всѣхъ пунктахъ очищеніе русской территорії послѣ шестимѣсячной, самой тяжелой, кампаніи. Громадныя потери, понесенные непріятелемъ въ теченіе этого времени, едва вѣро-ятны. Довольно умѣренныя исчисленія представляютъ въ общемъ выводѣ 125.000 человѣкъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Сверхъ того непріятель потерялъ пленными 48 генераловъ, 3.800 офицеровъ и 190.000 солдатъ. Пусть къ этому прибавлять еще людей, которые погибли кромѣ того отъ болѣзней, голода, холода и другихъ случайныхъ причинъ, и тогда увидѣть, что общую потерю непріятеля можно безъ преувеличенія опредѣлить болѣе, чѣмъ въ 400.000 человѣкъ. Число достигшихъ Вислы опредѣляютъ приблизительно въ 60.000 человѣкъ; но въ этомъ числѣ слѣдуетъ считать 40.000 австрійцевъ и пруссаковъ, и такимъ образомъ изъ остальныхъ войскъ Наполеона спаслось только около 20.000 человѣкъ. Кромѣ того непріятельская армія потеряла въ теченіе кампаніи 75 знаменъ и 926 орудій. Военные лѣтописи не представляютъ другихъ примѣровъ столь блестательныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ.

Эта кампанія, столь достопамятная причиненнымъ ею необыкновеннымъ истребленіемъ людей, будеть разматриваться потомствомъ, какъ страшный примѣръ опасности удаляться на войнѣ отъ правилъ, предписываемыхъ здравою теорію. Въ самомъ дѣлѣ, никогда торжество истинныхъ началъ искусства не выказывалось столь блестательнымъ образомъ, какъ въ этой удивительной кампаніи. Наполеонъ въ Москвѣ

представляетъ интересное зрѣлище великаго полководца, который во главѣ безчисленной арміи выполнилъ задуманную имъ военную цѣль, но который между тѣмъ долженъ погибнуть отъ того, что онъ забылъ или пренебрѣгъ великимъ принципомъ базы, который одинъ можетъ упрочить успѣхъ военныхъ дѣйствій. Эта единственная ошибка заставляетъ рушиться предпріятіе, задуманное однимъ изъ величайшихъ богда-либо существовавшихъ военныхъ геніевъ и поддержанное исполненскими средствами, доставленными содѣйствіемъ большей части Европы.

Слава, бессмертная слава Кутузову! Это онъ, это глубокая мудрость его совѣтовъ спасли Россію отъ крайней гибели. Я знаю, что, къ сожалѣнію, даже между нами существуютъ люди, настолько неблагодарные или предубѣжденны, чтобы желать лишить его память справедливаго уваженія благодарнаго отечества, но усилия ихъ останутся тщетными.

Дѣйствія фельдмаршала въ теченіе всей кампаніи были такъ прекрасны, что смыло могутъ выдержать изслѣдованія самой придирчивой критики. Ему можно поставить въ упрекъ только двѣ ошибки, но первая изъ нихъ, заключающаяся въ томъ, что онъ далъ Бородинское сраженіе, была вынуждена политическими соображеніями; что же касается до второй, состоящей въ отступательномъ движеніи 14-го октября изъ подъ Малоярославца въ Гончарово, то признаюсь, что для оправданія ея не существуетъ ни одного сколько-нибудь удовлетворительного объясненія. Но какъ долженъ быть великъ этотъ полководецъ, который въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ самой дѣятельной кампаніи совершилъ лишь одну ошибку! Къ тому же взамѣнъ этой ошибки сколько прекрасныхъ дѣйствій, изъ которыхъ любаго было бы достаточно, чтобы упрочить репутацію полководца! Переходъ съ Коломенской дороги на Калужскую, отъ Тарутина къ Малоярославцу, фланговое преслѣдованіе, переходъ отъ Ельни къ Красному и мудрыя соображенія сраженій подъ Краснымъ являются образцами военного искусства, которые всегда будутъ вызывать удивленіе знатоковъ. Низкая зависть и другія столь же низменныя страсти могутъ временно омрачить память Кутузова, но потомство, болѣе справедливо, не преминетъ поставить его, какъ спасителя отечества, на ряду съ Пожарскимъ, а какъ великаго полководца — на ряду съ Суворовымъ.

Миѣ остается сдѣлать только одно еще замѣченіе. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, что планъ завлечения непріятеля въ сердце Россіи былъ рѣшеніемъ, давно уже принятymъ нашимъ правительствомъ. Льстивые писатели стараются распространить это мнѣніе. Эти люди воображаютъ выставить наши дѣйствія въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, не признавая, что наше отступленіе, начиная отъ Нѣмана вплоть до самой Москвы, явля-

лось необходи́мостію вслѣдствіе слабости нашихъ армій, а утверждая, напротивъ того, что отступленіе это было совершено лишь единственно въ силу заранѣе обдуманного плана. Они должны были бы знать, что пріобрѣтенная Россіею слава не имѣеть нужды въ искусственныхъ и лживыхъ прикрасахъ. Правдиваго описанія фактовъ достаточно, чтобы упрочить удивленіе современниковъ и потомства.

1812-й годъ былъ пробнымъ камнемъ, открывшимъ тѣ сокровища, которыхъ заключаетъ въ себѣ Россія, и наши потомки будуть всегда съ гордостю приводить эту достопамятную эпоху отечественной исторіи. Лесть подчасъ бываетъ настолько неискусна, что, желая прикрасить описываемыя ею событія, она лишь унижаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ предположеніе, что наши арміи могли удержаться на Нѣманѣ, не значило ли бы это сдѣлать ихъ отвѣтственными за разореніе миллионовъ жителей, которыхъ они должны были бы защищать? Чтобы доказать лживость этихъ увѣреній, я прошу читателя обратить вниманіе на наступательное движеніе нашихъ армій послѣ соединенія ихъ подъ Смоленскомъ и на предположеніе дать сраженіе подъ Дорогобужемъ. Если бы отступленіе было слѣдствіемъ плана, принятаго правительстvомъ, то осмѣлились либы наши генералы формально преступить его, дѣйствуя наступательно? А наши громадные магазины, устроенные нами съ большими расходами въ Литвѣ и на Днѣпрѣ и которые мы, къ нашему великому счастію, могли скжечь при нашемъ отступленіи, не доказываютъ ли они ясно, что мы вовсе не помышляли отступать настолько по-спѣшно, насколько это было нами исполнено. Истина состоить въ томъ, что, будучи слишкомъ слабыми, мы сперва отступили къ Смоленску, чтобы соединить наши обѣ арміи, а затѣмъ отъ Смоленска къ Москвѣ, чтобы приблизиться къ нашимъ подкрѣпленіямъ. Къ тому же, каковъ бы былъ бы результатъ этого мнимаго плана, возбуждающаго удивленіе невѣждъ, если бы Наполеонъ остановился въ Смоленскѣ? Я надѣюсь, что со мною согласятся, что необходимо по меньшей мѣрѣ предположить, что императоръ французовъ былъ за-одно съ нами, такъ какъ невозможно было предвидѣть что онъ совершилъ эту ошибку. Жалкіе авторы, которые хлопочутъ по-чустому, чтобы убѣдить насъ въ этомъ вздорѣ, весьма смахиваютъ на вѣстовщиковъ Монтескье, которые, воздавъ полководцу хвалу за тысячи глупостей, имъ не сдѣланныхъ, приготовляютъ тысячи другихъ, которыхъ онъ не сдѣлаетъ¹).

¹) Les misérables auteurs qui se battent les flancs, pour nous persuader ces niaiseries, ne ressemblent pas mal à ces nouvellistes de Montesquieu qui, après avoir loué un général de mille sottises qu'il n'a pas faites, lui en préparent mille autres qu'il ne fera pas.

Здѣсь кончаются мои воспоминанія о кампаніи 1812-го года. Такъ какъ движеніе императора Александра отъ Вильны на Калишъ принадлежитъ скорѣе къ кампаніи 1813-го года, то я заканчиваю здѣсь мои записки.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.



ЗАМѢТКА.

Въ отвѣтъ на замѣтку сентябрьского выпуска „Русской Старины“ честь имѣю довести до свѣдѣнія, что статья г. Карини появилась независимо отъ меня и безъ моего вѣдома. Поэтому я не подлежу никакой ответственности.

Но если дѣло ужъшло на ссылки, то мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы ссылаться не на „интересныя“ статьи забытыхъ Сборниковъ 1838 г., а на X томъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній“, напечатанный въ 1871 г., гдѣ находятся подлинные акты русскихъ посольствъ въ Италию.

Пирлингъ.



Записки М. Я. Ольшевского¹⁾.

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Дорога отъ Александрополя до Тифлиса.

Въ февралѣ, послѣ блиновъ, катаний въ санахъ, folle journ  e и тому подобныхъ обычныхъ масляничьихъ удовольствій, я выѣхалъ изъ Александрополя, гдѣ зима была еще въ полномъ разгарѣ.

Путь мой лежалъ черезъ Делижанское ущелье, живописное во всякое другое время, но только не тогда, когда мнѣ пришлось проѣзжать черезъ него въ первый разъ. У меня и до этого ущелья уже порядочно болѣли бока отъ тѣхъ частыхъ скачковъ и толчковъ, которые пришлось терпѣть моему тарантасу, прыгая по безпрестаннѣмъ промоинамъ, зажорамъ и выбоянамъ на разстояніи первыхъ восьмидесяти верстъ, потому что, по мѣрѣ удаленія отъ Александрополя, санная дорога исчезала. Отъ Галуачемана же, небольшаго татарскаго селенія, гдѣ находится минеральный источникъ и откуда начинается Делижанское ущелье, обставленное высокими горами, поросшими разной породы лиственнымъ лѣсомъ, вмѣстѣ съ толчками и скачками, мнѣ угрожали или паденія въ кручу, или обвалы съ горъ. Притомъ изнуренный до-нельзя, отъ боль-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1894 г.

шой гоньбы, почтовые лошади едва тащились по вязкой грязи и не-стаявшему льду.

Болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно такое печальное путешествіе, когда приходится тащиться, въ буквальномъ смыслѣ, станцію въ двадцать верстъ 6—7 часовъ. Въ такомъ печальномъ положеніи и я находился при перѣѣздѣ отъ Галуачемана до Делижана, небольшаго военнаго поселенія, заселенаго преимущественно чинами путей сообщенія и гдѣ поворачиваеть дорога на Эривань.

Такъ же медленно я тащился еще и слѣдующія двѣ станціи. Принимался идти пѣшкомъ, но скоро уставалъ отъ большой грязи. Хотѣть заснуть, но беспрестанные толчки и опасность опрокинуться и слетѣть въ пропасть не дозволяли предаться забвенію. Бралиса нѣсколько разъ за послѣдніе номера «Русскаго Инвалида», но въ нихъ кромѣ телеграммъ и описаній о кровополитной бомбардировкѣ Севастополя, неудачахъ на Дунай и побѣдахъ нашихъ въ Азіатской Турціи, не разъ мною прочитанныхъ, ничего не было интереснаго. То же самое можно было сказать и о военномъ сборникѣ. Да и читать-то нельзя было, потому что наступили сумерки. Оставалось предаться размышеніямъ, и много, много чего промелькнуло какъ изъ давно-прошедшаго, такъ и недавно совершившагося. Наконецъ я перешагнулъ въ будущность.

«Что будетъ со мною въ настоящемъ моемъ чинѣ? Новый главно-командующій меня вовсе не знаетъ. Онъ человѣкъ крутой, своенравный и, какъ видно по его дѣйствіямъ, съ предубѣжденіемъ смотрѣть на Кавказъ и его прежнихъ слугъ».

Такіе вопросы я послѣдовательно задавалъ самому себѣ о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, назначенному къ намъ главнокомандующимъ, о строгихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ котораго на Кавказской линіи носились разныя слухи, можетъ быть и преувеличенные. Извѣстно было и о неумѣстномъ письмѣ, написанномъ имъ изъ Грозной къ Алексѣю Петровичу Ермолову, задѣвшемъ самолюбіе и гордость Кавказской арміи. Носились слухи и о полученномъ главнокомандующимъ анонимномъ рѣзкомъ, но справедливомъ отвѣтѣ на его письмо.

Такія мои размышенія были прерваны вышибомъ меня отъ сильнаго толчка изъ опрокинутаго тарантаса и паденiemъ въ грязь. Глубокая промоина была причиной этого паденія, совершившагося для меня и человѣка безъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ выпачканія въ грязи. Но и въ этомъ непріятномъ случаѣ я видѣлъ покровительство судьбы, потому что, попади тарантасъ не лѣвыми, а правыми колесами въ эту глубокую рытвину, и мнѣ пришлось бы совершить паденіе съ кручи въ ревущую между скалами Акстафу.

Много было возни въ темнотѣ, несмотря на помощь двухъ конвойныхъ казаковъ, чтобы вывезти тарантасъ на ровное мѣсто. На амфи-

татарина нельзя было сердиться, потому что была страшная темень, тѣмъ болѣе, что онъ, бѣдняга, перелетѣвъ съ козель черезъ лошадей, сильно охалъ; а можетъ быть это онъ дѣлалъ изъ боязни или предустроительности, чтобы избавиться отъ браніи.

Ничего другаго не оставалось, какъ, скрѣпя сердце, дать еще разъ зарокъ и, разумѣется, его не исполнить,—неѣздить по ночамъ, въ особенности во время распутицы. Однако на этотъ разъ, добравшись до Акстафинской станціи, я былъ твердъ въ своемъ словѣ и остался на ней дожидаться разсвѣта, несмотря на то, что было только половина перваго.

Акстафинская станція находится на перепутьи. Отъ нея кромѣ Эриванско-Александровского тракта, по которому я прѣѣхалъ, идетъ внизъ по правому берегу Куры почтовая дорога черезъ Елисаветполь, Шемаху въ Баку. По этой же дорогѣ можно проѣхать въ Шушу, Ленкорань, Кубу и Дербентъ. Поэтому разгонъ на Акстафѣ былъ постоянно большой, и почти всегда были задержки въ лошадяхъ; но только этого не могло случиться со мной, какъѣхавшимъ по курьерской подорожной. Притомъ не допускалосьѣзы по ночамъ во избѣженіе происшествій, иногда случавшихся на этомъ трактѣ.

Не знаю, какъ было въ предшествовавшія ночи, но когда я подѣѣхалъ къ почтовой станціи, то у крыльца стояло два тарантаса. Обѣ комнаты заняты были проѣзжающими и ихъ вещами. На диванахъ и стульяхъ, лежа и сидя, спало нѣсколько человѣкъ, судя по одеждѣ которыхъ нужно было заключить, что они туземцы; но кто именно, грузины, армяне или татары, трудно было рѣшить. Грузинъ и армянинъ носить такой же бешметъ, чуху, баранью шапку, кинжалъ на поясѣ, шашку на бедрѣ, какъ и закавказскій татаринъ. Даже переметныя сумы, замѣняющія наши чемоданы и сундуки, не различаются между собою. Развѣ бритая голова укажетъ на козакца, шамшадильца, елисаветпольца и другаго мусульманина, и отличить его отъ грузина и армянина.

Мое положеніе на счетъ ночлега было затруднительное, но смотрѣтель успокоилъ меня тѣмъ, что предложилъ помѣститься у него въ комнатѣ, тѣмъ болѣе, что онъ спалъ за перегородкой. Принесены были самоваръ—эта отрада всякаго проѣзжающаго, и не успѣлъ я выпить перваго стакана чая, какъ взвенѣлъ колокольчикъ. Не пропло и минуты, какъ вошелъ небольшаго роста офицеръ, въ адъютантской формѣ.

Это былъ поручикъ Жуковъ, сынъ управляющаго Ставропольской комиссаріатской комиссией; онъ былъ адъютантомъ главнокомандующаго и былъ посланъ Николаемъ Николаевичемъ къ князю Бебутову съ важными бумагами. Отъ Жукова, мастера поразсказать, представить и нарисовать въ каррикатурѣ, я узналъ, что Муравьевъ черезъ нѣсколько дней прїѣзжаетъ въ Тифлисъ, причемъ коснулся юмористически до

того страха и ужаса, который онъ вездѣ распространяетъ. Разсказаль мнѣ о ночномъ побоищѣ впереди Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ и о пораженіи, нанесенномъ французамъ генераломъ Хрущовымъ, и, несмотря на всѣ мои убѣжденія подождать разсвѣта и представленія о дурной дорогѣ, поѣхалъ далѣе. Съ разсвѣтомъ и я отправился въ путь.

Отъ Акстафы до Тифлиса болѣе сорока верстъ и три перегона. Дорога пролегаетъ по правой возвышенной сторонѣ Куры, которая, протекая въ крутыхъ берегахъ, невидима до десятой версты отъ Тифлиса.

Мѣстность, по которой вы ёдете до Кодь, довольно ровная и только Храмъ составилъ бы естественное препятствіе и то во время таянія снѣга, или большаго дождя, если бы вы не перѣѣзжали черезъ эту рѣку по каменному и особой конструкціи мосту, говорить, выстроенному персіанами. Отъ Кодь же дорога пролегаетъ по мѣстности гористой и каменистой.

На десятой верстѣ вы выѣзжаете на Курѣ, гдѣ, повернувъ круто налево, продолжаете ёхать надъ самой рѣкой по дорогѣ, продѣланной въ скалистомъ берегѣ. Здѣсь вы видите лѣвый берегъ съ казенной фермой, дачей аптекаря Шмидта, да иѣкоторыя строенія на Навтулугѣ, въ томъ числѣ госпиталь и комиссариатскую комиссию. Тифлисъ же невидимъ и съ этой стороны, какъ и съ Дигоинскаго поля: горы заслоняютъ его. Вотъ дача съ огромнымъ домомъ Мирзоева, этого тифлисскаго Ротшильда, а вотъ и Эриванская застава, но, кромѣ садовъ, Навтулуга и части Авлабара съ Метехскимъ замкомъ, да иѣсколькихъ строеній, впереди башни находящихся, остального Тифлиса все-таки не видно.

По мѣрѣ приближенія къ Тифлису дорога становилась суша; снѣгъ виднѣлся кой-гдѣ на возвышенностяхъ; поля и луга зеленѣли; деревья начинали распускаться; въ садахъ же преобладалъ иѣжный бѣло-розовый цветъ, которымъ покрыты были миндалевыя и абрикосовые деревья, доказывавшія благородственность климата и теплоту февральского солнца.

II.

Тифлисъ съ февраля по апрѣль 1855 года.

По прїѣздѣ въ Тифлисъ, я остановился у моего сослуживца, офицера генерального штаба до-академического периода, занимавшагося съ увлечениемъ составленіемъ тригонометрической сѣти Кавказа — Осипа Ивановича Ходзыко. Онъ занималъ большую квартиру въ иѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ Головинскаго проспекта, и какъ охотникъ поговорить, а пожалуй и посплетничать въ свободное время отъ математи-

ческихъ своихъ вычислений, онъ болѣе или менѣе зналъ о всѣхъ городскихъ новостяхъ. Отъ него я узналъ не только о многихъ служебныхъ, но и такихъ частныхъ новостяхъ, которыхъ могли меня вѣ интересовать собственно потому, что личности, о которыхъ шла рѣчь, мнѣ были вовсе неизвѣстны; но я слушалъ его, полагая, что это пригодится мнѣ на будущее время. Онъ же сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ главнокомандующаго черезъ двое сутокъ въ Тифлисъ и что начальникъ главнаго штаба ёдетъ къ нему на встрѣчу въ Душетъ.

— Тифлисъ мраченъ и скученъ не потому только, что великий цѣсть, а что скорбная таинственность окружаетъ его, и безмолвный страхъ несется съ той стороны, откуда ёдетъ Н. Н. Муравьевъ, — проговорилъ онъ скороговоркой, подойдя по обыкновенію слишкомъ близко ко мнѣ.

И дѣйствительно, главнокомандующій везъ съ собою не только безмолвный страхъ, который сопутствовалъ ему, но онъ привезъ съ собою неожиданную, страшно-печальнную, глубоко-поразительную вѣсть — о смерти государя императора. Кто могъ ожидать, что этотъ здоровый, могучій царь, краса и гордость Россіи, такъ неожиданно умретъ. Добро бы о его болѣзни разсыпались по имперіи бюллетени, или пусть бы стоящая молва извѣстила Россію о недугѣ вѣнценосца. Но этихъ предупрежденій не было; а потому неожиданная смерть Николая Павловича была ужасно-поразительна.

Теплія молитвы и тихія слезы собранныхъ на Александровской площади войскъ, находившихся въ Тифлисѣ во время панихиды за упокой души усопшаго, были лучшимъ доказательствомъ любви и преданности къ этому могучему, спартански-строгому, рыцарски-ярavственному и честному, истинному представителю самодержавія и искренно желавшему всего лучшаго своему государству.

По прочтенію манифеста о восшествіи на престолъ Александра Николаевича и послѣ присяги и молебствія о благополучномъ царствованіи нового монарха, а также о дарованії побѣды на врага, чего намъ нужно было въ то время болѣе всего желать, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Во все время этого печального и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнаго церемоніала, я наблюдалъ за нашимъ новымъ главнокомандующимъ, и это я тѣмъ болѣе могъ свободнѣе другихъ дѣлать, что ничѣмъ не былъ занятъ. Признаюсь, впечатлѣніе, произведенное главнымъ начальникомъ, было очень невыгодное, и я убѣдился на дѣлѣ, что его присутствіе на водило на окружающихъ мрачную тоску.

Въ продолженіе двухъ-часового пребыванія на Александровской площасти, ни разу улыбка не промелькнула на лицѣ Николая Николаевича, не было произнесено имъ ни одного привѣтливаго слова. Даже стоявшіе возлѣ него генералъ Реадъ и начальникъ главнаго штаба князь

Барятинскій не были удостоены разговоромъ. Онъ былъ грозно молчаливъ, и только его рѣзкія замѣчанія и отрывистыя приказанія раздавались на площади, уставленной войсками и наполненной народомъ.

И, несмотря на тысячи людей, собравшихся на площади по приказанію и по собственному желанію, мрачное безмолвіе царило на ней, сколько по причинѣ скорби о потерѣ великаго государя, столько подъ впечатлѣніемъ тяжелаго чувства, внущеннаго новымъ главнокомандующимъ. Если онъ дѣйствовалъ такъ преднамѣренно, то вполнѣ достичь цѣли, потому что съ первого раза поселилъ къ себѣ полное нерасположеніе. Но не странно ли, что такъ нелогично дѣйствовалъ человѣкъ, признанный у насъ умнымъ.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, называемый грузинами «гижія», то-есть здѣмъ, и онъ въ особенности былъ золь въ 1855 году. Задулъ сильный сѣверо-западный или съ главнаго Кавказскаго хребта вѣтеръ, всегда гибельно дѣйствующій на растительность, и мгновенно погибъ пѣхонорозовый цвѣтъ, покрывавшій миндальныя и абрикосовыя деревья.

Въ Тифлісѣ погода и температура въ воздухѣ преимущественно зависятъ отъ этого вѣтра. Подуетъ онъ осенью или зимою,—туманъ, снѣгъ и морозъ сопутствуютъ ему. Если же этотъ вѣтеръ заколеблетъ сгущенный душный воздухъ среди знонаго лѣта, то дуновенiemъ своимъ наносить пріятную свѣжестъ и прохладу. Но ни осенью, зимою и лѣтомъ онъ не дуетъ съ такой силой и упорствомъ, какъ въ марта. Можетъ быть это происходитъ именно отъ того, что послѣдній зимній холодъ, сгоняемый съ Кавказскаго хребта, сталкивается съ нагрѣтымъ воздухомъ низменностей, къ которымъ принадлежитъ и Тифлісъ. А какъ не только февраль, но и январь были весьма теплы, а потому бушеваніе мартовскаго вѣтра было особенно сильно.

Наступили дожди съ изморозью по утрамъ. Мтацминда, на покатости которой находится монастырь св. Давида, барометръ для тифлісскихъ жителей, плавала не только въ постоянномъ туманѣ, но по утрамъ бѣлѣла снѣгомъ. Немощенныя тифлісскія улицы и площади сдѣвались непроходимы отъ глубокой грязи. Всегда шумный и полный гуляющихъ, Головинскій проспектъ опустѣлъ. Такъ продолжалось около трехъ недѣль, и такое ненастѣе еще большее навело уныніе на всегда шумный и веселый городъ, а суевѣріе приписывало и эту невзгоду природы новому главнокомандующему.

Во второй половинѣ марта погода начала измѣняться: вѣтеръ стихъ, потеплѣло и просіяло. Къ концу же мѣсяца наступили ясные и даже весьма теплые дни. Исчезла съ улицъ непроходимая грязь. Головинскій проспектъ оживился и наполнился гуляющими. Только «грозный бука», какъ прозвали главнокомандующаго, не просіялъ, а, пожалуй, и не про-

свѣтлѣйшій. Онъ сдѣлался притомъ невидимкой, потому что погрязъ въ дѣла и администрацію края.

Самая суетливая переписка производилась въ канцеляріи намѣстника и въ главномъ штабѣ арміи. Начиная отъ директора канцеляріи и начальника главнаго штаба до послѣднаго писца и писаря, все находилось въ постоянно напряженномъ состояніи и проводило въ суетѣ не только дни, но часто и ночи.

Судя по всему этому, невольно приходила мысль, что прежніе правители, управлявшіе краемъ, были малодѣятельны, и что въ дѣлахъ былъ застой, а потому и было необходимо дать администраціи надлежащее движеніе и направленіе. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Если и начался застой въ администрації, то именно съ пріѣзда Николая Николаевича въ Тифлисъ, потому что важная дѣла, требующія направленія намѣстника или главнокомандующаго, не рѣшались по цѣлымъ недѣлямъ.

Вся же судорожная дѣятельность происходила отъ составленія докладовъ и наведенія справокъ по самымъ обыкновеннымъ дѣламъ и перепискѣ. Подалъ кляузникъ жалобу о давно рѣшенному дѣлѣ и, кроме доклада, несется въ нѣсколько сотенъ листовъ взятое изъ архива запыленное дѣло. Нужно назначить командинра линейнаго батальона или уѣздиаго начальника — вмѣстѣ съ вакантными списками несутся формуляры кандидатовъ. Замѣчена часть въ слабомъ наличномъ составѣ — требуется подробный расходъ. Замѣчена неисправность или ошибка на главной гауптвахтѣ — собираются начальники частей.

По всѣмъ подобнаго рода предметамъ Николай Николаевичъ, какъ намѣстникъ или главнокомандующій, входилъ въ самое подробное разсмотрѣніе или разбирательство, употребляя на это цѣлые часы, и тѣмъ утомлялъ какъ себя, такъ и своихъ подчиненныхъ, обижая ихъ своимъ недовѣріемъ и вселая въ нихъ нерѣшительность и боязнь въ собственныхъ ихъ дѣйствіяхъ, по праву имъ предоставленныхъ.

При такомъ взглядѣ и требованияхъ Муравьевъ, сильно задѣто было самолюбіе ближайшихъ его помощниковъ, въ особенности же страдала гордость начальника главнаго штаба, князя Барятинскаго. Привыкши быть начальникомъ не только фланга, но арміи, которымъ онъ былъ *de facto* въ 1854 году, во время управлениія Кавказомъ генерала Реада, и притомъ будучи всегда вѣжливъ и привѣтливъ, ему грустно, тяжело было испытывать на себѣ самомъ грубое обхожденіе поставленнаго надъ нимъ главнокомандующаго, заставлявшаго его, по всему вѣроятію, преднамѣренно ждать пріема. Но онъ былъ настолько сдержанъ, терпѣливъ и остороженъ, что умѣлъ выдержать и перенести эту пытку въ продолженіе болѣе мѣсяца, удалившись съ Кавказа подъ предлогомъ болѣзни.

Заступившій мѣсто начальника главнаго штаба его помощникъ хотя былъ, какъ подобаетъ финну, истинно честнымъ, до изнеможенія трудящимся и точно исполнительнымъ, но не имѣлъ своего твердаго убѣженія и взгляда, и притомъ былъ крайне нерѣшителенъ. Слѣдствіемъ этого было то, что только тѣ дѣла рѣшались и докладывались, которыхъ требовались главнокомандующимъ или согласовались съ его духомъ и направленіемъ. Дѣла же, болѣе сложныя, требующія усидчиваго разсмотрѣнія и зреаго обсужденія, до благопріятнаго времени громоздились въ кабинетахъ начальника штаба и бездарнаго и выслушившагося изъ писарей дежурнаго штабъ-офицера.

Еще замѣтна была дѣятельность въ управлѣніяхъ оберъ-квартирмайстера, генерала Броневскаго, и интенданта, полковника Колосовскаго. Обѣ эти личности, одаренные здравымъ смысломъ и твердымъ характеромъ, имѣли прямой докладъ у главнокомандующаго,—первый по личному расположению къ нему Николая Николаевича, вызвавшаго его въ Ставрополь по своемъ прибытии на Кавказъ; послѣдній — по праву обѣ управлѣнія большою дѣйствующею арміею. Что же касается инженерной и артиллерійской частей, то въ нихъ занимались только исключительно текущей перепиской.

По гражданскому управлѣнію оказывались еще большія неурядицы и застой въ дѣлахъ, относящихся до управлѣнія краемъ, нежели въ военному, потому что Муравьевъ, какъ намѣстникъ, былъ вовсе несвѣдущъ въ этомъ отношеніи. Директоръ канцелярии Щербанинъ только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣй переселиться въ Петербургъ, гдѣ ему готовилось тепленькое мѣстечко, обѣщанное княземъ Воронцовъ. Вице-директоръ Крузенштернъ хотя былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ, но не имѣлъ бойкихъ административныхъ способностей. Начальникъ гражданскаго управлѣнія и предсѣдатель совѣта, князь Бебутовъ, былъ въ отсутствіи, находясь на турецкой границѣ и одерживая побѣды надъ турками; заступавшій же его мѣсто генералъ Реугъ принадлежалъ къ дюжиннымъ администраторамъ. Ко всему же этому нужно добавить, что, по военнымъ обстоятельствамъ, гражданское управлѣніе не могло имѣть болѣе успешнаго хода и при болѣе лучшихъ администраторахъ.

III.

Неожиданное для меня назначение.

Приближалось Воскресеніе Христово. Погода стояла сухая, теплая, такъ что въ полдень бывало свыше 20° по Реомюру. Помните, что это

было въ началѣ апрѣля. Вездѣ роскошная зелень. Воздухъ свѣжъ, чистъ и пріятель.

Въ великий четвергъ вечеромъ я отправился ко всенощной въ семинарию, находящуюся на Эриванской площади. Что-за притча такая? На улицахъ по разнымъ направлѣніямъ горять огни, подобно небольшимъ кострамъ, вокругъ которыхъ замѣтно присутствіе людей; точно войсковой биваукъ раскинулся на улицахъ Тифлиса.

Подхожу къ одному изъ такихъ мерцающихъ огней и вижу толпу не только мальчишекъ, но и взрослыхъ, изъ коихъ одни прыгаютъ черезъ зажженныя щепки, солому, сѣно, тогда какъ другіе съ крикомъ бѣгаютъ вокругъ съ зажженными пучками соломы. Узнаю, что такой пляской черезъ огонь изгоняется нечистый или злой духъ. И въ русскомъ простонародье существуетъ обычай, остатокъ язычества, — скакать черезъ огонь въ день Ивана Купалы. Это меня такъ заняло, что вмѣсто божественной службы, я проходилъ по разнымъ направлѣніямъ Тифлиса, и истомленный возвратился домой. Но не успѣлъ я войти въ залу, какъ меня встрѣтилъ, по обыкновенію торопливо, мой сожитель.

— Васъ завтра въ десять часовъ требуетъ къ себѣ главнокомандующій, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ форменную записку.

— Чѣмъ бы это значило? спросилъ я, читая записку.

— Безъ сомнѣнія, вамъ предстоитъ назначеніе или командировка, — отвѣчалъ Ходзько, едва не тыкая своимъ длиннымъ носомъ мнѣ въ щеку.

На другой день въ назначенный часъ я былъ въ приемной главнокомандующаго. Кроме двухъ дежурныхъ адьютантовъ, здѣсь находились комендантъ и полиціймейстеръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился исправляющій должность начальника главнаго штаба Индреніусъ, за которымъ внесено было два огромныхъ портфеля и нѣсколько сложенныхъ и свернутыхъ въ трубки картъ и плановъ, и къ которому я обратился съ естественнымъ вопросомъ, меня интересующимъ: зачѣмъ я потребованъ?

— Положительно не знаю, но кажется, вамъ поручается лѣвый флангъ Лезгинской линіи, — отвѣчалъ шепотомъ и таинственно Борисъ Емануиловичъ, поспѣша отойти отъ меня и становясь возлѣ дверей кабинета.

Что-за назначеніе; Лезгинская линія вовсе мнѣ неизвѣстна, подумалъ я. Хотѣлъ снова заговорить съ начальникомъ штаба; да увидѣвъ его задумчивость и озабоченность, не рѣшился беспокоить, чтобы не прервать можетъ быть дѣйствительно серьезнаго размышенія по какому-нибудь важному предмету.

Въ огромномъ домѣ тишина, точно злой духъ, поселившійся въ немъ, налагаетъ на уста являющихся и прислуживающихъ въ этомъ домѣ

печать безмолвія и лишаетъ ихъ способности сознанія собственного достоинства. Странно мнѣ показалось, когда я припомнилъ и сравнилъ тотъ шумъ, суету и свободу въ дѣйствіяхъ, которые царили въ этомъ домѣ при князѣ Воронцовѣ, съ настоящимъ боязливымъ безмолвіемъ и напряженнымъ порядкомъ. Вѣдь власть одна и та же, только лица измѣнились.

Прошло около четверти часа въ такомъ напряженномъ ожиданіи. Наконецъ половина двери растворилась, и вышелъ нашъ грозный главнокомандующій съ закинутыми назадъ руками. Принявъ рапорты отъ коменданта и поліціймейстера, онъ подошелъ ко мнѣ и, остановившись шагахъ въ двухъ, окинувъ меня безмолвнымъ взглядомъ, какъ пропавшагося.

— Я вѣсь назначаю командующимъ войсками на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи.

Безмолвный и спокойный поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ.

— Надѣюсь, что у вѣсь тамъ будетъ порядокъ и не повторится разгромъ Кахетіи, бывшій въ прошломъ году.

— Употреблю всѣ мѣры къ предупрежденію такого несчастія.

— Чѣмъ скорѣе отправитесь къ мѣсту вашего назначенія, тѣмъ лучше.

— Постараюсь безъ замедленія исполнить ваше приказаніе.

— Вы подчиняетесь съ княземъ Меликовымъ тифлісскому губернатору, князю Андроникову. — Генералу дать предписаніе, прибавилъ онъ, обращаясь въ полъоборота къ начальнику штаба, бывшему во все это время истуканомъ. — Прощайте и будьте здоровы, добавилъ онъ, кивнувъ слегка головою и повернувшись отрывисто въ ту сторону, где стоялъ генераль Индровіусъ.

Отъ главнокомандующаго я отправился къ князю Андроникову съ стѣсненнымъ сердцемъ какъ отъ долгаго ожиданія и тяжелаго пріема, такъ и отъ того, что мнѣ приходилосьѣхать въ незнакомый край. Но какъ я былъ оптимистъ, а пожалуй и фаталистъ, то и приписалъ все это судьбѣ. Заставши же дома князя Ивана Малхазовича (такъ звали Андроникова) и переговоривъ съ нимъ, о чѣмъ нужно, я былъ совершенно доволенъ, что мое представление кончилось въ одинъ пріемъ.

— Ну что, зачѣмъ вѣсь требовалъ главнокомандующій, спросилъ меня съ видимымъ нетерпѣніемъ Осипъ Ивановичъ, встрѣчая меня на порогѣ.

— Чтобы объявить, что я назначаюсь на Лезгинскую линію, куда и вѣду завтра,—отвѣчалъ я неопределенно.

— Неужели на мѣсто князя Меликова? — спросилъ меня изумленно мой сожитель.

— Нѣтъ, князь Меликовъ остается начальникомъ праваго фланга,

а я назначаюсь командующимъ войсками на лѣвый флангъ Лезгинской линіи. Общее же начальство надъ этой линіей оть Нухи до Арагвы ввѣряется побѣдителю подъ Ахалцыхомъ и на Чолокѣ, князю Ивану Малхазовичу, отвѣчаль я.

— И вы непремѣнно єдете завтра? спросилъ меня Осипъ Ивановичъ.

— Положительно, отвѣчаль я, переодѣваясь изъ парадной формы въ обыкновенную. Сначала заѣду закупить необходимыя мнѣ вещи, а потомъ откланяюсь добрымъ моимъ знакомымъ,—прибавилъ я.

— А что скажетъ Марья Ивановна, если вы уїдете передъ праздникомъ,—сказалъ вкрадчиво Осипъ Ивановичъ.

— Она, какъ благоразумная женщина, желающая мнѣ добра, вполнѣ одобрить это мое намѣреніе, какъ согласное съ требованіемъ служебныхъ обязанностей,—отвѣчаль я уходя.

Въ предписаніи главнокомандующаго, между прочимъ, упоминалось, что Лезгинская линія для лучшаго и удобнаго управлениія єю раздѣляется на двѣ части: Джаро-Бѣлоканскій округъ съ Нухинскимъ уѣздомъ и предгоріями ввѣряется управлению князя Меликова; Телавскій же уѣздъ съ Тушетіей, Шаватѣй и Хевсуріей поручаются моему вѣдѣнію. Общимъ же начальникомъ надъ всей Лезгинской линіей оть Нухи до Арагвы назначается генерал-лейтенантъ князь Андрониковъ, оть кото-раго я и князь Меликовъ должны получить подробнія инструкціи относительно управления ввѣряемымъ намъ пространствомъ. При этомъ въ предписаніи оговаривалось: что во избѣженіе повторенія погрома, случившагося съ Кахетіей въ 1854 году, вмѣнялось въ непремѣнное правило держать войска сосредоточенно, дабы можно было дать отпоръ вторгающемуся непріятелю; жителей же заставить исполнять во всей точности отдаваемыя приказанія и дѣлаемыя распоряженія.

Такое строгое предписаніе хотя имѣло свое основаніе, но только въ точности оно не могло быть исполнено. Чтобы выяснить, необходимо обратиться къ обзору Лезгинской линіи, племенамъ, живущимъ въ горахъ, такъ сказать, нависшихъ надъ этой линіей, и нашествію Шамиля на Кахетію въ прошломъ году.

IV.

Лезгинская кордонная линія.

Подъ Лезгинской кордонной линіей, принимая ее въ тѣсномъ смыслѣ, подразумѣвались укрѣпленія и посты, съ находящимися въ нихъ

войсками, расположенные у подножия главного Кавказского хребта для защиты Нухинского уезда, Джаро-Былоканского округа, Кахетии и Тушинско-Шаво-Хевсурского округа, отъ нападений непріязненныхъ на мъ горскихъ племенъ. Но какъ хищническіе набѣги и нападенія горцевъ производились и за Алазань, а потому періодически подчинялись начальнику Лезгинской линіи и части Телавского и Сингахского уездовъ, находящіяся по правую сторону Алазани, какъ это было сдѣлано и въ описываемое мною время.

На Лезгинской линіи, кромѣ многихъ постовъ, находились укрѣпленія: Закаталы, Былоканы, Лагодехи, Карагубань, Сацхенисы, Кварели и Натлисъ-Мцемели, построенные у подошвы главного хребта, содержащіеся въ которыхъ подвижные небольшіе резервы обязаны были поспѣшать въ тѣ мѣста, где появлялся непріятель. Сверхъ того находились въ самыхъ горахъ укрѣпленіе пункты, какъ напримѣръ: Мес-сельдигерь, Похалисъ-тавская, Шаугорская, Кипручебская и Кодорская башни, имѣвшія цѣлую наблюдать за непріятелемъ и извѣщать о его появленіи. Эти наблюдательные и извѣщательные посты были постоянные, то-есть въ нихъ находился небольшой караулъ и хвостъ, и зи-мою.

Независимо этого, съ апрѣля по октябрь или ноябрь, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ располагались лѣтніе посты, имѣвшіе одну цѣль съ постоянными постами. Содержаніе наблюдательныхъ и извѣщательныхъ карауловъ на этихъ послѣднихъ постахъ лежало на обязанности Тифлисской дружины, составленной изъ добровольно служащихъ въ ней грузинъ, имеретинъ, и мингрельцевъ. Получаемое милиционерами этой дружины жалованье, продовольствіе, одежда и оружіе производились не отъ казны, а на счетъ земскихъ сборовъ Тифлисской губерніи.

Несмотря на такое множество охранныхъ пунктовъ, безнаказанный хищничество, заключавшіяся въ плененіи одиночныхъ жителей, въ угонѣ нѣсколькихъ штукъ скота и тому подобныхъ происшествіяхъ, были на Лезгинской линіи довольно часты. Это происходило сколько отъ беззечности и неосторожности самихъ жителей, столько отъ слишкомъ закрытой и пересѣченной мѣстности и искусства въ хищничествѣ и воровствѣ горцевъ.

Крутые покатости главного Кавказского хребта, къ которымъ на протяженіи болѣе 250 верстъ примыкаютъ Тушетія, Кахетія и Джаро-Былоканский округъ, достигая вершинами своими до 14 т. футовъ высоты, изрѣзаны глубокими пропастями, по которымъ низвергаются въ Алазань стремительные потоки, и покрыты густымъ строевымъ лѣсомъ. Сколь труденъ надзоръ за такой мѣстностію, столь удобно укрывательство на ней такихъ искусственныхъ воровъ и хищниковъ, какъ дидойды,

анцухцы, капуцины, анкрательцы и другіе горскіе сосѣди Лезгинской линіи.

До начала настоящаго столѣтія, для удалихъ набѣговъ лезгинъ не было предѣловъ, потому что не было силы, могущей наказывать ихъ и препятствовать имъ совершать грабежи и насилия. Самы грузины не могли противиться такимъ набѣгамъ лезгинъ, по совершенному изненоженію и истощенію своихъ силъ, потрясенныхъ персіанами и турками, поочередно глумившимися надъ христіанствомъ. Поэтому лезгинъ не только произвольно хозяйничали и безчинствовали въ Кахетіи, но, безнаказанно перепылава Алазань и Іору, являлись подъ Тифлисомъ, где грабили, унижали и оскорбляли окрестныхъ жителей христіанъ.

Съ появлениемъ же русскихъ войскъ за Кавказомъ и послѣ поражений, нанесенныхъ лезгинамъ генераломъ Гуляковымъ, они должны были отказаться отъ своихъ открытыхъ и безнаказанныхъ набѣговъ. Но какъ не одна страсть къ грабежу, а скорѣе нужда заставила ихъ добывать себѣ существование съ опасностю жизни, то вместо открытыхъ набѣговъ начались безконечныя хищничества и воровства.

Прокрасться невидимкой между наблюдательными постами, просидѣть въ лѣсу или въ пещерѣ нѣсколько сутокъ, пока представится удобный случай, напасть на проѣзжающаго, убить или захватить его со всѣмъ имуществомъ и улечь въ пленъ, угнать нѣсколько штукъ скота или лошадей,—доведено было у этихъ народцевъ до большаго искусства.

Изъ всѣхъ этихъ народовъ, хищнически прокрадывавшихся на Лезгинскую линію, злѣйшими ворами считались дидойцы и капуцины, бывшие ближайшими сосѣдями беспечныхъ кахетинцевъ. Какъ нарочно богатыя селенія Кахетіи: Лялискури, Пшавели, Гремы, Сабуи, Ени-сели, Шильды и Кварели, находились противъ тѣхъ ущелій, по которымъ горцамъ удобнѣе было проходить, и раскинуты были у подножія тѣхъ лѣсистыхъ горъ, въ которыхъ они удобно могли укрываться и производить изъ нихъ свои хищничества.

Хотя Джаро-Бѣлоканскій округъ и Нухинскій уѣздъ, относительно мѣстности, находились въ одинаково невыгодномъ положеніи съ Кахетіей, но джурмутцы, анцухцы, елусуйцы и другіе были менѣе искусные хищники. Притомъ эти горцы, будучи одновѣрцами съ джарцами и нухинцами, старались жить съ ними въ согласіи, а находясь въ стачкѣ съ ними, легче могли производить хищничества подъ нашими укрѣпленіями и даже въ селеніяхъ Сигнахского уѣзда.

Изъ этого оказывается, какъ трудно было вовсе оберечь Лезгинскую линію, а въ особенности Кахетію отъ хищничества горцевъ. Нуженъ былъ неусыпный бдительный надзоръ самыхъ дальнихъ сторожевыхъ постовъ, состоящий не въ томъ только, чтобы сторожить проходы и

наблюдать за всеми тропинками, но доходить по следу до техъ мѣсть, гдѣ скрываются хищники. Нужно было, чтобы и жители были осторожны: ходили не иначе, какъ при оружіи, неѣздили бы по ночамъ, скотъ свой пасли бы подальше отъ горъ, въ лѣсъ не отправлялись бы поодиночкѣ. Но этого не исполнялось какъ со стороны сторожевыхъ постовъ, такъ и со стороны жителей.

Безпечность жителей была такъ велика, что они не принимали надлежащихъ мѣръ предосторожности даже тогда, когда получались предостереженія отъ кордоннаго начальства о спускѣ съ горъ непріятеля въ значительномъ числѣ. Безъ сомнѣнія, этому виной было и мѣстное начальство, по беззаботности не обращавшее на это вниманія и не требовавшее строгаго исполненія, потому что и само большую частью принадлежало къ туземному населенію.

Такъ въ 1854 году, во время нашествія Шамиля на Кахетію, одинъ изъ туземныхъ князей, будучи командующимъ войсками на гѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, сначала по своей безпечности и лѣни дозволилъ непріятелю безнаказанно спуститься съ горъ, а потомъ, когда узналъ о разграбленіи Шильдъ и другихъ кахетинскихъ селеній, растерялся дотого, что не умѣлъ преградить путь отступленія непріятелю, торжественно возвращавшемуся въ горы съ награбленнымъ имуществомъ и плѣнницами, за которыхъ Шамиль получилъ богатый выкупъ.

Это тѣмъ болѣе непростительно, что вторженіе Шамиля въ Кахетію не было неожиданностью для насы. О сборѣ непріятеля въ горахъ было известно заблаговременно, а по свѣдѣніямъ и соображеніямъ нужно было предполагать, что его нападенію подвергнется скорѣй всего Лезгинская линія.

Князь же Меликовъ, руководствуясь при томъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что Шамиль, спустившись въ Джаро-Бѣлоканскій округъ и опираясь на сочувствующее ему тамошнее населеніе, могъ поднять и прочихъ мусульманъ, находящихся за Кавказомъ, и тѣмъ оказать содѣйствіе туркамъ, стянуль большую часть подвѣдомственныхъ ему войскъ къ Закаталамъ. По этой причинѣ скорая помощь войсками не могла быть подана Кахетіи, а потому тѣмъ болѣе строгая осторожность должна была соблюдаваться между кахетинцами, и необходимо было сдѣлать заблаговременные распоряженія къ оборонѣ со стороны самихъ жителей, въ случаѣ появленія непріятеля. Но все это было упущенено изъ виду, и даже не были назначены сборные пункты для жителей въ случаѣ нападенія.

Безпечность жителей и начальства была столь непростительна и велика, что не было обращено вниманія на свѣдѣнія, доставленныя съ передовыхъ постовъ, о появленіи непріятеля въ большомъ числѣ на ближайшемъ хребтѣ. Не проявилось энергіи и дѣятельности даже въ то

время, когда огромные его массы начали спускаться съ Пахалисъ-Тави къ Шильдамъ, какъ будто бы злой духъ, покровительствующій замысламъ Шамиля, отуманилъ взоры кахетинцевъ. Они очнулись только тогда, когда Шильды, Сабуи и Енисели были въ огнѣ, а Хаджи-Муратъ съ конными мюридами на правой сторонѣ Алазани грабилъ Цинондалы.

Но и въ это время было еще не поздно, если бы дѣйствовать дружно, сосредоточенно. Вместо того чтобы конной милиціи, бросившейся по частямъ защищать подверженныя нападенію непріятеля деревни, дѣйствовать совокупно съ двумя ротами Тифлисскаго полка, то можетъ быть Шамилю не удалось бы уйти въ горы съ такимъ торжествомъ и съ такой огромной и богатой добычей.

Изъ этого оказывается, что на Лезгинскую линію нельзя было не обратить особенное вниманіе. Грѣшило было подвергнуть Кахетію вторичному погрому, чтѣ при беззаботности жителей и слабомъ управлѣніи ими легко могло повториться, тѣмъ болѣе, что непріятель, зная доступъ въ нее, былъ обольщенъ богатой добычей.

Опасно было появленіе Шамиля въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, потому что отъ малѣйшаго его тамъ успѣха зависѣло возстаніе всего закавказскаго мусульманскаго населенія, что могло весьма гибельно отразиться на наши военные дѣйствія въ Азіатской Турціи. Поэтому необходимо было по возможности охранить Лезгинскую линію не только войсками, но и дать ей возможно-лучшее военно - административное управление.

Раздѣленіе ея на двѣ части было необходимо, какъ по огромности протяженія, такъ и разнородности населенія; но для единства въ управлѣніи необходимо было оба фланга подчинить одному лицу, который кромѣ направления административныхъ распоряженій къ одной общей цѣли, имѣя подъ рукой подвижной резервъ, могъ бы направлять его по своему усмотрѣнію въ ту сторону, куда это по обстоятельствамъ окажется нужнымъ.

Руководствуясь этими соображеніями, правый флангъ Лезгинской линіи оть Нухи до Лагодехъ, на которомъ находилось пять баталіоновъ, Донской полкъ и восемь орудій, былъ оставленъ по-прежнему подъ начальствомъ князя Меликова. Лѣвый флангъ Лезгинской линіи, начиная оть Лагодехъ (включая и это укрѣщеніе) до Алазани, на которомъ находилось четыре баталіона, двѣ пѣшихъ дружины, Донской полкъ, двѣ сотни конной милиціи при восьми подвижныхъ орудіяхъ, былъ порученъ моему начальству. Общее начальство надъ всею Лезгинской линіей было вѣрено князю Андроникову, и въ его непосредственномъ распоряженіи, имѣвшемъ свое пребываніе въ Царскихъ Колодцахъ, находилось: дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, три сотни казаковъ и

четыре орудия донской № 7 батареи подъ начальствомъ полковника Тихоцкаго. Эти войска, составляя подвижной резервъ, для лѣваго фланга не могли быть особенно полезны по своей отдаленности. Царскіе Колодцы отстояли отъ самаго близайшаго пункта Лагодехъ на семьдесятъ верстъ, Тушетія же была удалена болѣе, чѣмъ на двѣстѣ верстъ.

Но не въ этомъ заключалось избавленіе Кахетіи отъ повторенія разгрома ея Шамилемъ. Необходимо было заставить жителей быть болѣе осторожными и чтобы они исполняли съ большою точностью требованія начальства, относящіяся до ихъ безопасности. Главное требованіе заключалось въ томъ, чтобы сборными пунктами для каждого селенія избраны были такія укрѣпленныя мѣста, въ которыхъ во время вторженія непріятеля могли бы укрываться жены и дети съ имуществомъ, что совершенно необходимо было по разбросанному и беззащитному расположению жилищъ, окруженнѣхъ если не лѣсомъ, то высокими и густыми виноградниками, а также ореховыми, каштановыми и фруктовыми деревьями. Необходимо было также убѣдить кахетинцевъ, чтобы они изъ своихъ домовъ выходили не иначе, какъ при оружії; чтобы обработка садовъ и полей производилась одновременно цѣлыми деревнями, чтобы пастыба лошадей, скота и барановъ производилась общими табунами и стадами подъ прикрытиемъ вооруженныхъ жителей и по возможности дающе отъ лѣса; чтобы съ сумерками прекращаласьѣзда по дорогамъ, а застигнутые темнотой останавливались на ночлегъ возлѣ постовъ.

Достиженіе такихъ требованій, хотя стѣснительныхъ для жителей, но столь необходимыхъ и полезныхъ для края, было сопряжено съ большими затрудненіями, и нужно было употреблять строгія мѣры. Этого тѣмъ затруднительнѣе было достигнуть, что князья и владѣльцы, по рожденной беспечности, также не сочувствовали такимъ требованіямъ, несмотря на то, что они горькимъ опытомъ прошлаго года были убѣждены въ необходимости такихъ строгихъ мѣръ.

Если же читатель пожелаетъ подробнѣе ознакомиться съ Кахетіей и ея обитателями, то я попрошу его отправиться со мною въ Кварели, откуда и совершимъ путешествіе не только по Кахетіи, но и заглянемъ въ Тушетію.

V.

Отъ Тифлиса до Кварели.

Въ Великую Субботу я выѣхалъ изъ Тифлиса. Почтовый трактъ до Сигнаха пролегаетъ черезъ Лачинъ—бывшее имѣніе барона Николая,

а тѣперь принадлежащее тифлисскому Ротшильду Мирзоеву, богатую и хорошо обстроеннюю нѣмецкую колонію Фриденталь и селеніе Муганы на Йорѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ случилось слѣдующее прекурь-зеное происшествіе.

Была отправлена по почтѣ сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ, кажется, казенная, и въ то время, когда почтовая телѣга, на которой вѣзлись эти деньги, перебѣжала черезъ одну изъ канавъ, проведенныхъ изъ Йоры, мостъ обрушился, и опрокинутая телѣга попала въ воду. Не помню, что случилось съ почтальономъ, ямщикомъ и лошадьми, но только знаю, что чемодана съ деньгами не было отыскано, несмотря на то, что конвойные казаки немедленно дали знать ближайшему начальству и что наѣхали и участковый засѣдатель, и исправникъ, и смотритель, и почтмейстеръ. Начались розыски и слѣдствіе, но чемодана не отыскали; онъ, по пословицѣ, дѣйствительно канулъ въ воду.

Молва подозрѣвала въ такомъ таинственномъ исчезновеніи чемодана одного князя, ближайшаго сосѣда по имѣнію къ мѣсту происшествія, того лихаго наѣзданія, который командовалъ въ сраженіи подъ Кюрюкъ-дара мусульманской бригадой. Но молва осталась юридически недоказанною.

Уѣздный городъ Сигнахъ, отстоящій отъ Тифлиса въ семидесяти верстахъ, построенъ на весьма пересѣченной и изрытой глубокими оврагами мѣстности. Въ немъ много садовъ, и окрестности живописны, но нѣть строеній, обращающихъ на себя вниманіе; улицы кривы и во время дождя непроходимо грязны. Спускъ къ Алазани, отстоящей отъ города на десятокъ верстъ, крутъ и каменистъ.

. Отъ Сигнаха до Телава почтовая дорога пролегаетъ вдоль Алазани. Но я, не проѣхавъ и половины дороги, переправился чрезъ Алазань у селенія Кумлисцихи и направился въ укрѣпленіе Сацхенисы, гдѣ и встрѣтилъ Воскресеніе Христово у командинра линейнаго баталіона, полковника фонъ-Кульмана, моего знакомаго еще съ 1844 года, когда онъ служилъ въ Куринскомъ полку, во время моего пребыванія въ первый разъ въ Грозной.

Не буду говорить о приемѣ, въ которомъ, съ почетомъ, присвоеннымъ начальнику, было соединено радуше и привѣтствіе старого знакомаго, но обращусь къ укрѣпленію, находящемуся возлѣ него селенію Гавазамъ и живущимъ между укрѣпленіемъ и селеніемъ капучинцамъ.

Сацхенисы было небольшое каменное, на двѣ роты и четыре орудія, чистенькое, но не вполнѣ отстроенное укрѣпленіе, съ такимъ же небольшимъ форштадтомъ, заселенными женатыми нижними чинами и другими разночинцами. Это укрѣпленіе, построенное у подошвы главного хребта, находилось на р. Сацхенисъ, весьма бурливой и опасной во время дождей и таянія снѣга въ горахъ, и совершенно ничтожной въ другое

время года, которыми свойствами отличались и всѣ остальные потоки, изливающиеся съ горъ въ Алазань.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ укрѣпленія находилось уродливое поселеніе Гавазы, основанное по проекту князя Ивана Малхазовича Андроникова. Оно было уродливо по первоначальному плану и созданию своему. Это поселеніе должно было составиться изъ трехсотъ грузинскихъ семействъ, добровольно туда выселившихся изъ Тифлисской губерніи, надѣленныхъ, кроме льготъ и денежныхъ пособій, большими усадьбами и землею. Поэтому было занято собственно подъ поселеніе пространство, если не ошибаюсь, въ полторы квадратныхъ версты, которое и обнесено было саженнымъ частоколомъ.

Много было употреблено человѣческихъ рукъ и подводъ на вырубку, перевозку и установку этого громаднаго, въ окружности 5—6 верстъ, частокола; но предполагаемая польза отъ этого поселенія не была достигнута въ самомъ началѣ, потому что оно не было заселено и въ половину противъ того, какъ предполагалось. Отъ этого при широкихъ улицахъ и при большихъ площадяхъ образовались огромные пустыри; частоколъ началъ подгнивать, валяться, и некому было поддерживать эту ограду противъ тѣхъ мѣсть, гдѣ не было жителей. Слѣдовательно, огромная ограда обратилась не въ пользу, а въ бремя для тѣхъ жителей, которые уже жили въ Гавааскомъ поселеніи.

Почти на серединѣ разстоянія между укрѣпленіемъ и Гавазами, жили капучинцы, выселившіеся изъ горъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не помню, сколько ихъ было, но, судя по ихъ небольшимъ, покрытымъ дранью лачужкамъ, оборванной одеждѣ, истощеннымъ лицамъ, нужно было полагать, что они не думали улучшить свой бытъ и жили въ той же нищетѣ, какъ и въ горахъ. Лѣнь и праздность не оставляли ихъ и теперь, и если бы не отпускаемый имъ провіантъ и не строгій надзоръ надъ ними, то они, живя и въ нашихъ предѣлахъ, добывали бы себѣ пропитаніе хищничествомъ и воровствомъ.

На другой день Воскресенія Христова я отправился въ Лагодехи. Дорога пролегала черезъ красивый Картубанскій постъ, занятый полу сотней Тифлисской дружины и командой казаковъ, и Угильтехильскую высоту, обильную случавшимися на ней частыми происшествіями, какъ на мѣстности, способной къ укрывательству хищниковъ.

Лагодехи хотя было обширнѣ, но хуже Сахценисъ. Строющіяся въ немъ казармы были не окончены, прежде же существовавшія строенія были ветхи. Небольшое поселеніе, состоящее изъ разочинцевъ, тоже не пользовалось довольствомъ, потому что полевые работы, пастьба скота, доставка льса и дровъ должны были совершаться съ воинской предосторожностью, чтобы не попасть въ руки горцевъ, или не потерять своей скотины. Зато будетъ приволье въ Лагодехахъ, когда уми-

ротворится край. По причинѣ громадныхъ горъ, нависшихъ надъ укрѣпленіемъ, съ которыхъ во время знойнаго лѣта плаваеется прохлада, а зимою защищающихъ отъ холодныхъ вѣтровъ, воздухъ пріятелъ и здоровъ. Кромѣ того,—изобиліе въ строевомъ лѣсѣ, наполненномъ разнаго рода звѣрями и птицами, въ обширныхъ пастибахъ, покрытыхъ душистою и высокую травою, въ чистой водѣ, богатой вкусной форелью.

Осмотрѣвъ 2-й баталіонъ Тифлісскаго полка и команду казаковъ, и сътно отобѣдавъ у полковника Кононовича, того самаго кривоглазаго великана, который вскорѣ за тѣмъ былъ назначеътъ командиромъ Ширванскаго полка, я возвратился къ вечеру въ Сацхенисъ. Моціонъ былъ хорошъ, потому что, кромѣ хожденія пѣшкомъ въ Картубани и Лагодехахъ, я проѣхалъ болѣе семидесяти верстъ верхомъ; зато и сояъ былъ богатырскій.

Переѣздъ изъ Сацхениса въ укрѣпленіе Кварели, мѣстопребываніе командующаго войсками лѣваго фланга Лезгинской линіи, былъ совершеннъ мною съ большими затрудненіями по случаю сильнаго разлитія рѣки, здѣсь протекающей, которая въ обыкновенное время не составляетъ никакого препятствія. Почти всѣ улицы, сады и дворы селенія Кварели, самого огромнаго во всей Кахетіи, были подъ водою. Во многихъ мѣстахъ она стремилась и прорывалась съ особенной силой и производила разныя поврежденія въ домахъ, хотя большую частію каменныхъ, но весьма некрасивой и непрочной постройки.

Кварельское укрѣпленіе, находящееся впереди селенія на ружейный выстрѣль, было окружено съ трехъ сторонъ лѣсистыми горами, отстоящими отъ него въ недальнемъ разстояніи и съ которыхъ вся внутренность была видна, какъ на ладони. Къ такому невыгодному расположению этого укрѣпленія нужно добавить, что каменная ограда и батареи для четырехъ орудій не были окончены, казармы вовсе не имѣлись, а госпиталь, домъ командующаго войсками и другія немногія постройки находились въ самомъ дурномъ состояніи.

Это произошло отъ того, что старое, во всѣхъ отношеніяхъ негодное укрѣпленіе, въ видахъ экономическихъ, хотѣли обновить, замѣнивъ палисадъ каменной оградой и исправивъ вѣкоторыя зданія; на дѣлѣ же вышло, что денегъ и рабочихъ рукъ затрачено было немало, а пользы никакой, потому что само укрѣпленіе было не на мѣстѣ. Извольте видѣть, жаль было бросить старое укрѣпленіе съ ветхими строеніями, тогда какъ на затраченныя деньги для исправленія его можно было выстроить новое на болѣе удобномъ мѣстѣ. Грустно было смотрѣть на подобнаго рода распоряженія, но не время было исправлять ихъ.

Домъ, въ которомъ мнѣ пришлось прожить большую часть года, былъ ветхъ, какъ и другія строенія въ укрѣпленіи, и безъ мебели. Подъ одной крышей со мною помѣщался полковникъ князь Кобуловъ, чело-

вѣкъ добрый, скромный и знающій хорошо Лезгинскую линію, которую онь и обязанъ быть знать въ подробности, какъ начальникъ пѣшой Тифлисской дружины, занимающей передовые извѣщательные посты въ горахъ. По этой причинѣ князь Кобуловъ былъ для меня очень полезнымъ помощникомъ, и я черезъ нѣсколько дней отправился виѣтѣ съ нимъ знакомиться съ Кахетіей и Тушетіей. Но какъ я имѣлъ въ виду указать жителямъ сборные пункты для ихъ семействъ и имущества, въ случаѣ появленія непріятеля въ большомъ числѣ, а равно объявить имъ о мѣрахъ предосторожности, необходимыхъ для ихъ безопасности, а потому въ назначенные дни и даже часы, согласно заблаговременно разосланному маршруту, должны были быть въ сборѣ всѣ жители и ждать моего прїзыва.

VI.

Кахетія и Тушетія.

На коня, уважаемый читатель, и въ сопровожденіи князя Кобурова, съ десяткомъ казаковъ и милиціонеровъ въ трое сутокъ объѣдемъ Кахетію и заглянемъ въ Тушетію.

Отъ Кварели до Шильды по почтовой, колесной, довольно ровной и пролегающей у подножія горъ дорогѣ, считается восемнадцать верстъ. Не дѣжая версты до селенія находится возвышенность, на которой, если бы капитанъ Хитрово, расположенный съ двумя тифлисскими ротами при двухъ орудіяхъ, дѣйствовалъ рѣшительнѣе, и если бы бывшая милиція содѣйствовала своими атаками пѣхотѣ, то непріятель не прошелъ бы безнаказанно съ добычей и пленницами, захваченными въ Цинондахъ.

Красивое селеніе Шильды, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, еще не обстроилось послѣ прошлогоднаго пожара и разрушений, произведенныхъ непріятелемъ. Въ роскошныхъ садахъ видны были тѣ мѣста, гдѣ стояла бивуакомъ Шамилева кавалерія, по спуску съ Похалисъ-Тави. Такъ какъ осмотръ этого пути непріятельского вторженія и сожженной имъ башни, карауль которой, состоящей изъ одного офицера и 18 милиціонеровъ, сдался пѣхотѣ, входилъ въ мой маршрутъ, то я и отправился по горной дорогѣ.

День былъ ясный и довольно жаркій, а потому крутой подъемъ съ частыми глубокими оврагами былъ утомителенъ; но прекрасный видъ на живописную долину Алазани вознаградилъ мой трудъ. Послѣ небольшаго отдыха, подкрепленного походной закуской, и осмотра исправлен-

ной и вновь занятой карауломъ Похалисъ-тавской башни, я отправился въ обратный путь и черезъ Шильды прибылъ на ночлегъ въ Сабуи къ князю Иосифу Джорджадзе,—селеніе, тоже отчасти пострадавшее въ прошломъ году, какъ слишкомъ выдающееся въ Кодарское ущелье.

Около шести часовъ я выѣхалъ изъ Сабуя для осмотра укрѣпленія Натлисъ-Мцемели и Кодорской башни, давъ слово князю Джорджадзе заѣхать къ нему на возвратномъ пути съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Гремы и Енисели, гдѣ жили его братья. Путь лежалъ вверхъ по лѣсистому ущелью, по которому протекала ревущая и пенящаяся Кодора, и по дорогѣ, дотого хорошо разработанной, что можно былоѣхать въ экипажѣ. Разработка этой дороги началась съ 1845 г., одновременно съ устройствомъ Натлисъ-Мцемели и Кодорской башни, и стоила большихъ трудовъ и усилий для преодолѣнія тѣхъ препятствій, которыхъ представляли рѣка, скалы и обвалы.

Небольшое укрѣпленіе Натлисъ-Мцемели, названное такъ по имени древняго храма, на мѣстѣ котораго оно построено, находилось въ столь узкомъ пространствѣ ущелья, что совершенно баррикадировало проходъ и сообщеніе производилось подъ аркой, высѣченной въ скалѣ. Натлисъ-Мцемели находилось въ шести верстахъ отъ Сабуевъ и въ восьми—отъ подошвы песчано-каменистой горы, на которой возвышалась Кодорская башня и куда вилась узкая, состоящая болѣе, чѣмъ изъ двадцати зигзаговъ, дорога.

Съ Кодорской высоты, если смотрѣть впередъ, кромѣ отдаленныхъ сѣжныхъ и обнаженныхъ или ближайшихъ лѣсистыхъ горъ, ничего не видно. Зато живописная картина представится, если повернуть къ тому ущелью, по которомуѣхали. Передъ вами и долина Алазани съ множествомъ деревень, утопающихъ въ садахъ, и Аллавердскій монастырь, и Телавъ. Видны даже Гомборы, штабъ-квартира гренадерскаго стрѣлковаго батальона.

Смотря на Кахетію съ такого отдаленія, невольно забываешь всѣ невзгоды, на ней существующія: и горцевъ, ее тревожащихъ, и страшныя лихорадки, гнѣздящіяся въ болотахъ Алазани, и даже невкусно, грязно поданныя яства, и беспокойные ночи, проведенные на тахтѣ. Кахетія издали рисуется въ вашемъ воображеніи какимъ-то роскошнымъ садомъ. Пожалуй, пламенное воображеніе поэта сравнить ее съ раемъ Магомета или съ волшебными садами Черномора. Пожалуй, небольшой и большеголовый дидоецъ, прокрадывающійся на хищничество, будетъ принять за Черномора, а ловко и быстро скакущій грузинъ, если не за Руслана, то за Фарлафа, черноокая же кахетинка — за гурью.

Возвратившись съ Кодора и побывавъ въ Гремахъ и Ениселяхъ у князей Джорджадзе, гдѣ также назначены были сборныя мѣста для жи-

телей, я отправился далѣе. Путь въ Шавели лежалъ черезъ селеніе Накалакови, гдѣ была переправа черезъ широко разлившуюся рѣку и Шакрианы. Мѣстность на этомъ двадцати-пяти-верстномъ разстояніи была покрыта полями, засѣянными разнымъ хлѣбомъ, преимущественно же пшеницей. Самыя же селенія были окружены огромными садами и виноградниками.

Въ Шавеляхъ я остановился у команчера 3-го батальона Тифлисскаго полка, полковника Карганова, который съ своимъ батальономъ зимовалъ въ этомъ и окрестныхъ селеніяхъ. Это былъ тотъ самый Каргановъ, который, съ ротой кавказскаго сапернаго батальона, храбро защищался подъ Ричой въ Дагестанѣ въ 1842 году противъ огромнаго непріятеля, который, въ чинѣ генерала, былъ командующимъ войсками въ Абхазіи, а потомъ, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Сальянахъ и занимался соленіемъ рыбы и приготовленіемъ балыковъ и икры. Онъ армянинъ по происхожденію и, если не ошибаюсь, то сынъ того Карганова, который извѣстенъ былъ при Ермоловѣ подъ именемъ Ваньки Каина, и, касательно пріобрѣтенія денегъ, шелъ по стопамъ своихъ родичей, не стѣняясь средствами. Но нужно сказать, что Каргановъ заботился о пріобрѣтеніи денегъ не изъ скряжничества, которымъ надѣлены его соотчики, а ради того, что любилъ пожить, поѣсть и поиграть въ карты.

Изъ Шавель я сначала отправился вверхъ по Лопатѣ, тоже бывшей въ разливѣ, для осмотра Кипручебской и Шуагорской башенъ. По Лопатинскому ущелью, густо поросшему въ низменностахъ орѣхомъ, каштаномъ, дубомъ, кленомъ, букомъ, ясенемъ, кизиломъ, боярышникомъ и дикимъ виноградникомъ, а въ верхнихъ частахъ — березой, сосной и елью, пролегалъ одинъ изъ лучшихъ проходовъ изъ дидоевскаго общества.

Въ этомъ ущельи находились хорошия и въ достаточномъ количествѣ пастбища, столь рѣдкія въ Кахетіи по недостатку земли и каменистой почвѣ, на которыхъ паслись стада барановъ и рогатаго скота не только богатыхъ шавельцевъ, но и другихъ селеній. А это служило немалой приманкой каѣвъ для дадойцевъ, такъ и для другихъ хищныхъ сосѣдей. По этой причинѣ, въ скалахъ и пещерахъ, находящихся на Лопатѣ, и въ лѣсахъ, растущихъ по этой рѣкѣ, постоянно скрывались хищники, и чаще другихъ мѣстъ являлись партии въ значительномъ числѣ.

Поэтому на Лопатинское ущелье я обратилъ особенное мое вниманіе, и впереди Шавель, въ продолженіе всего лѣта, держалъ лагерь не менѣе двухъ ротъ со взводомъ горныхъ орудій; хотя я тѣмъ не исполнилъ въ точности предписанія главнокомандующаго, но не только не дозволилъ непріятелю ничѣмъ воспользоваться, а напротивъ того, овъ че разъ былъ ваказанъ за свои хищническія покушенія.

Въ Тушетію путь лежалъ черезъ Лалискури, крайнее селеніе Кахетіи, окруженнѣе водою по причинѣ сильнаго разлитія Стори. Чтобы доѣхать до Тіонетъ, гдѣ сосредоточивалось военное управление Тушетій, нужно проѣхать въ нѣсколько верстъ длиною Алванское поле, главное покосное и пастьбищное мѣсто, на которомъ, въ продолженіе почти всего года, пасутся огромныя стада барановъ и рогатаго скота.

Тушетія вмѣстѣ съ Пшаво Хевсуріей составляеть страну, весьма гористую, даже сравнительно съ Кахетіей. Тушино-пшаво-хевсурскій округъ отдѣляютъ отъ Тафліссской губерніи Гудамакарское ущелье съ запада и Арагва — съ юга; гора же Барбalo съ отраслями, входящая въ составъ главнаго Кавказскаго хребта, съ которой изливаются Алазань и Іора, отдѣляетъ этотъ округъ отъ Кистетіи или обществъ чеченскаго происхожденія.

Тушины, судя по языку и исповѣдуемой ими христіанской религії, въ правилахъ которой они, правда, не вполнѣ тверды, суть грузины. Занимая весьма трудно доступную и легко охраняемую мѣстность, тушины не только не боялись своихъ хищныхъ сопѣдей, дидойцевъ и кистовъ, а напротивъ, по своей отчаянной храбрости, были всегда страшны для нихъ.

По суровой природѣ и образу жизни тушанъ, для непріятеля мало прыманки въ Тушетіи, а между тѣмъ много опасности по тому искусству, съ которымъ тушины устраивали засады и безпощадно обращались съ захваченнымъ непріятелемъ. Отрубленныя у убитаго врага головы и руки натыкались на длинныя, обованыя желѣзомъ палки, съ помощью которыхъ они ходить по своимъ вѣчно снежнымъ горамъ,—съ пѣснями носились по деревнямъ и прибивались къ ихъ жилищамъ. Обычай варварскій и, какъ совершиенно противный нашимъ понятіямъ, хотя строго запрещался, но существовалъ до замиренія Восточнаго Кавказа, если не въ Тушетіи, то въ Пшавіи и Хевсуріи, жители которыхъ болѣе похожи на звѣрей, нежели на людей¹).

Переночевавъ въ Тіонетахъ и сдѣлавъ надлежащія распоряженія, до охраненія края относящіяся, за который менѣе всего можно было опасаться, я отправился въ Телавъ. Переѣздъ этотъ, болѣе чѣмъ въ шестьдесятъ верстъ, былъ совершенъ мною черезъ большія и богатыя садами селенія: Матаны, Ахметы и Руиспіри, принадлежащія князьямъ Челоксевымъ и Макаевымъ.

На пути осмотрѣть древній, замѣчательный своей архитектурой, но не богатствомъ Аллавердскій монастырь, находящійся на правой сторо-

¹) Желающему покороче ознакомиться съ тушино-пшаво-хевсурцами соѣтую прочесть 1-ю часть „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ“ моего старого сослуживца и талантливаго писателя А. Л. Зиссермана. М. О.

нѣ Алазани, противъ Алванскаго поля. Съ этимъ монастыремъ мнѣ необходимо было ознакомиться не изъ одного любопытства, но по причинѣ иносившихся слуховъ, что Шамиль имѣть намѣреніе напасть на него.

По осмотрѣ моемъ оказалось, что за самыи монастырь, обнесенный высокою каменною стѣною и притомъ находящейся на правой сторонѣ Алазани, опасаться нечего. Однако, если бы нападеніе было сдѣлано 28 сентября, въ день храмового праздника, когда стекаются на богоилье тысячи народа и располагаются таборомъ на большомъ пространствѣ въ окрестностяхъ монастырскихъ стѣнъ, то дѣйствительно могъ бы пронзойти большой беспорядокъ. Но такъ какъ были прияты заблаговременно надлежащія мѣры предосторожности, то сознаюсь, я желалъ этого нападенія, потому что непріятель дорого поплатился бы за это свое покушеніе. Однако, поля Алазанская въ этотъ день не были обагрены кровью, и празднованіе св. Нины болѣе чѣмъ десятую тысячами народа хотя было шумно, по причинѣ огромнаго количества выпитаго вина, но безтревожно.

Уѣздный городъ Телавъ, расположенный на возвышенной мѣстности, не далеко ушелъ отъ своего сотоварища Сигнаха. Если сравнивать эти два города, то можетъ быть окажется, что въ Телавѣ улицы менѣе грязны и не пересѣкаются такими глубокими оврагами, что дома менѣе разбросаны и что наконецъ вообще строенія лучше. Такъ напримѣръ, въ Телавѣ имѣется дворецъ грузинскихъ царей, который на самомъ дѣлѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но издали своими блѣющими стѣнами красить этотъ городъ. Что касается мѣстоположенія, богатства садовъ, благородстворенности климата, то трудно отдать преимущество одному городу передъ другимъ. Говорить, что телавскіе родники стоять выше Сигнахскихъ, но въ этомъ отношеніи не могу быть компетентнымъ судьею, потому что въ сыромъ видѣ воды не употребляю, что совсѣмъ дѣлать всѣмъ тѣмъ, которые живутъ или будутъ жить на Кавказѣ.

VII.

Образъ жизни кахетинцевъ.

Кахетинскіе дворяне или, правильнѣе сказать, князья живутъ въ той же простотѣ, въ которой жили ихъ дѣды и отцы. Усадьбы невелики и некрасивы. По преимуществу небольшіе деревянные дома владѣльцевъ состоять изъ двухъ частей. Нижняя часть безъ обонъ; съ однѣми широкими дверями, раздѣленная столбами на нѣсколько отдѣленій,

составляетъ «маранъ», то мѣсто, гдѣ въ разной величинѣ узкогорлыхъ глиняныхъ кувшинахъ, врытыхъ въ землю, сверху тщательно забитыхъ и обмазанныхъ, хранится кахетинское вино. Верхнюю часть составляютъ жилыя комнаты владѣльца, въ которыхъ, чтобы попасть, нужно подняться по крутой приставной, ступеней въ десять, лѣстницѣ, въ которой на ночь вынималось нѣсколько ступеней отъ воровъ; а въ случаѣ появленія непріятеля и вся лѣстница поднималась наверхъ.

По преимуществу комнаты въ домѣ владѣльца небольшія и неопрятныя; вездѣ паутина, пыль; полы простые, со щелями, а иногда проѣденные мышами и даже крысами. Мебель въ нихъ самая обыкновенная, съ неизмѣнными тахтами или, правильнѣе сказать, нарами, покрытыми коврами, на которыхъ хозяева и ихъ гости сидятъ, ёдятъ, пьютъ, спятъ. Можете судить, какъ чисты такие ковры и какъ пріятно и покойно на нихъ спать, хотя бы на мягкихъ перинахъ и подушкахъ, въ которыхъ у кахетинца нѣть недостатка.

Рядомъ или позади дома владѣльца находится изба для прислуги преимущественно женской, съ навѣсомъ для кухни, въ которую не соѣтуя заглядывать, въ особенности въ то время, когда въ ней происходитъ страшнія. Какъ бы ни былъ великъ вашъ аппетитъ, вы его утратите, взглянувъ на повара или кухарку, посуду, на приготовленіе бозбаша, чехерты или плова,—такъ все нечисто, непріятно. Впрочемъ, не касаясь бозбаша, чехерты или плова, вы можете утолить вашъ аппетитъ шашлыкомъ, а также вареной говядиной, рыбой, а въ лѣтнее время огурцами, эстрагономъ, цицмати, кресъ-салатомъ, истребляемыми въ большомъ количествѣ съ солью и овечьимъ сыромъ, не только во время закуски, но въ продолженіе обѣда и запиваемыми виномъ изъ туриыхъ роговъ, кури, азарпешъ.

Кромѣ описанныхъ построекъ въ усадьбѣ каждого владѣльца находятся: небольшая конюшня собственно для верховыхъ лошадей (упряжны же не содержать, потому что большинство не имѣть экипажей); сарай для буйоловъ, питающихъ молокомъ, употребляемыхъ въ работы и для перевозки; сарай для нѣсколькихъ десятковъ овецъ и хлѣбный магазинъ. Всѣ эти постройки обнесены каменной или высокой плетневой оградой, съ воротами на запорѣ, охраняемыхъ нѣсколькими большими собаками. До покоренія Восточного Кавказа такая предосторожность была нелишняя, въ особенности у такихъ владѣльцевъ, усадьбы которыхъ примыкали къ лѣсистымъ ущельямъ.

Если же ко всему этому добавить фруктовый садъ, виноградники и поля, занимающія одинъ-другой десятокъ десятинъ, то вы будете имѣть понятіе о жизни и состояніи князей Чавчавадзе, Джорджадзе, Карабловыхъ, Челокаевыхъ, Макаевыхъ, живущихъ группами въ Квареляхъ,

Сабуяхъ, Гремахъ, Ениселяхъ, Пшавеляхъ, Лалискури, Матанахъ, Ахметахъ, Руиспари.

Взглянувъ на жизнь кахетинскихъ князей, нельзя пройти молчаниемъ простое сельское населеніе Кахетіи, впрочемъ, не многимъ отличающееся отъ своего привилегированного сословія, какъ по наружному виду и одѣждѣ, такъ и въ остальной жизни.

Сельское населеніе можетъ быть раздѣлено на собственниковъ, церковныхъ и княжескихъ селянъ. Первые, имѣя собственную землю, обработкой которой исключительно занимаюсь, кроме казенной подати, другой повинности не знаютъ. Вторые, живя на церковной землѣ, а треты на княжеской, независимо казенной подати, отбываютъ разныя повинности, сбываючи усвоенные, въ пользу монастырей и князей.

Обработка княжеской земли подъ хлѣбопашество, ходъ за виноградниками и соединенные съ этимъ всѣ сельскія работы, а равно постройки и передѣлки въ самой усадьбѣ производятся сельчанами, живущими на землѣ княжеской. Находящіе же въ услуженіи за известную плату, или на опредѣленныхъ условіяхъ, исполняютъ все то, что до обязанностей слуги или служанки, повара или кухарки, конюха, дворника, сторожа, коровницы и тому подобное, относится.

Но такъ какъ кахетинцы, подобно другимъ обитателямъ юга и востока, лѣнивы и не отличаются силой и крѣпостію тѣлосложенія, а потому ходъ сельскихъ работъ вообще медленъ, и все дѣлается безъ особенного старанія, кое-какъ... Съ такою же медленностью, небрежностію совершаются и домашнія работы по усадьбѣ. А какъ къ природѣ кахетинца и вообще грузина примѣшиваются беспечность, беспорядочность, то неудивительно, что въ ихъ жизни царить повсюду неряшество и неопрятность.

Однако насколько бѣдна, грязна, непривлекательна внутренняя жизнь кахетинца, настолько окружающая его природа богата, благорастворена, роскошна. Начиная съ марта по ноябрь, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, селенія утопаютъ въ яркой зелени. Кромѣ виноградниковъ, тѣнистыхъ ореховъ, широколистныхъ каштановъ, мрачные некрасивые дома окружаютъ персиковыя, фиgovыя, гранатовые деревья. Вокругъ васъ журчатъ потоки чистой холодной воды... Часто перепадающіе дожди, независимо наивѣваемой прохлады съ вѣчно сѣйныхъ вершинъ хребта, освѣжаютъ и очищаютъ воздухъ.

Да, прекрасно жить въ Кахетіи, но только не такою тревожною жизнью, при той бѣдной и грязной обстановкѣ, которой жили кахетинцы въ пятидесятыхъ годахъ, во время пребыванія моего на Лезгинской линіи. Грѣшио, если жизнь ихъ не улучшилась, послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, когда непріятель пересталъ ихъ тревожить.

VIII.

Князь Иванъ Малхазовичъ Андronиковъ.

Оставляя на произволъ судьбы такъ щедро одаренную природой Кахетію, обращаюсь къ одному изъ ея сыновъ,—князю Андronикову и къ тому курьезному разговору, который я имѣлъ съ нимъ на другой день послѣ моего прїода въ Телавъ.

Князь Иванъ Малхазовичъ, къ которому я представился передъ отъѣздомъ на Лезгинскую линію, принадлежалъ къ древней грузинской фамиліи и началъ службу въ конно-гвардіи. Хотя онъ получиль весьма ограниченное образованіе и бытъ малосвѣдущъ, потому что ничего не читаль, — о чѣмъ и теперь большинство грузинъ не слишкомъ заботится, — однако же не былъ лишенъ здраваго смысла и хитрости; счастіе же сдѣлало его побѣдителемъ турокъ въ 1853 году подъ Ахалцыхомъ, а въ слѣдующемъ году на Чолокѣ въ Гуріи.

Будучи тифлисскимъ губернаторомъ, онъ хотя не выказалъ административныхъ способностей, но сильно ратовалъ въ пользу Сигнахскаго уѣзда, где находилось его имѣніе Кодалы, которое значительно усовершенствовалось въ его губернаторство. Онъ дотого бытъ слабъ въ административныхъ соображеніяхъ, что, несмотря на всѣ усиленія, не могъ осуществить и привести въ исполненіе, какъ бы желалъ, задуманного имъ проекта по заселенію Гавазъ, изъ которого онъ предполагалъ извлечь для себя существенную пользу.

Какъ семьянина, онъ сосредоточивалъ свою родительскую любовь на своемъ сыне Арчилѣ, схожемъ съ нимъ по образованію и складу умственныхъ способностей и умершемъ отъ тифа въ молодости, несмотря на свои физическія силы, тогда какъ мало обращалъ вниманія на своихъ вполнѣ достойныхъ дочерей. Говорять, что въ этомъ случаѣ главной пружиной была скупость: первоначально большие расходы на образованіе дочерей, а потомъ,—что онъ вышли замужъ, хотя за князей, но не богачей.

Князь Иванъ Малхазовичъ бытъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, но нельзя сказать, чтобы бытъ красивъ. Но, вполнѣ хорошо владѣя русскимъ языккомъ, онъ часто повторяль слова какъ и уже. Вотъ мой разговоръ съ нимъ, когда, явившись, объявилъ ему, что я по его желанію познакомился съ вѣреннымъ мяѣ краемъ.

— Какъ уже Гавазы хорошее поселеніе,—проговорилъ онъ, куя трубку изъ длиннаго чубука и плевувъ на полъ.

— Да, мѣстоположеніе хорошее,—отвѣчалъ я, съ намѣреніемъ не желая его понять.

— Нѣть уже у Гавазъ много земли и хорошая земля уже.
— Можетъ быть, но только въ настоящее время она имъ мало полезна.

— Какъ уже почему—спросилъ князь, снова потянувъ трубку и плонувъ.

— Потому что гавазцы по опасности отъ непріятеля не могутъ ее обрабатывать, какъ бы желали; притомъ должны заниматься поддержкой своего громаднаго падающаго палисада.

Князь остался видимо недоволенъ моимъ отвѣтомъ. Произошло минутное молчаніе, въ продолженіе котораго послѣдовало нѣсколько плевковъ.

— Бично!—Явился грузинъ и чухъ.—Чубукъ! — прибавилъ князь, передавая ему трубку.

— Жители Гремъ уже не будуть собирать свои семейства и имущество на то мѣсто, которое вы имъ показали уже.

— Знаю, ваше сіятельство, что они желаютъ имѣть сборинымъ мѣстомъ для своихъ семействъ и имущества Енисели, но этого не желаетъ владыльецъ селенія, князь Георгій Джорджадзе; притомъ имъ трудно будетъ переправляться черезъ Кодору, если вода въ этой рекѣ будетъ такая большая, какъ, напримѣръ, въ то время, когда я перѣжгаль чрезъ нее, тогда какъ та церковная ограда, въ которой назначено иль сборное мѣсто, находится на той же сторонѣ, гдѣ и селеніе Гремы.

— Но если какъ уже желаютъ этого жители.

— Отъ вашего сіятельства зависитъ подтвердить мое приказаніе жителямъ Гремъ, и они исполнять то, что отъ нихъ требуется. Въ противномъ же случаѣ это поведетъ къ неповиновенію и неисполненію приказаний ближайшаго начальства и можетъ породить тѣ же беззрадки, отъ которыхъ пострадала Кахетія въ прошломъ году, во время нападенія на нее непріятеля.

Повторилось новое молчаніе, продолжительнѣе первого и сопровождаемое большими числомъ плевковъ.

— Такъ уже вы думаете, что это будетъ лучше?—спросилъ онъ, смотря на меня.

— Полагаю, что это будетъ полезнѣе не только для жителей Гремъ, но и для всей Кахетіи.

— Ну, уже и оставимъ такъ,—сказалъ князь Аврониковъ, вставъ и подавая мнѣ руку. — Вы откровенный человѣкъ, будемъ обѣдать. прибавилъ онъ.

Это былъ мой единственный служебный разговоръ съ княземъ Аврониковымъ, потому что, во все времена командованія лѣвымъ флангомъ Лезгинской линіи, онъ всегда соглашался съ моими письменными представлениями, чѣмъ я, разумѣется, былъ совершенно доволенъ. Да и

было причины къ неудовольствію, потому что въ ввѣренномъ мнѣ краѣ было благополучно.

Непріятель не только не имѣлъ успѣха въ своихъ хищническихъ покушеніяхъ, но рѣдко когда возвращался ненаказаннымъ. Если же Шамиль преднамѣревался предпринять что-нибудь рѣшительное, какъ это было 19-го июня и 3-го августа, то, вѣроятно, видя бдительность горныхъ карауловъ и узнавая о мѣрахъ предосторожности, отказывался отъ своихъ намѣреній.

Между тѣмъ и жители Кахетіи, несмотря на введенныя строгости, были доволѣны, потому что поизрасходу не были тревожимы и занимались работами въ полѣ и садахъ, правда, съ предписанными мною предосторожностями. Захвачено въ пленъ дадойцами только двѣ женщины и три мальчика, тогда какъ въ прежніе годы считались пленные десятками и даже сотнями. Ни одна скотина не попала въ руки хищниковъ, а за покушеніе отбить стадо, пасшееся въ Лопатинскомъ ущельи, 20-го сентября, непріятель, спустившійся съ горъ болѣе, чѣмъ въ тысяченомъ составѣ, сильно былъ наказанъ. Даже послѣ извѣстія въ горахъ о неудачномъ штурмѣ Карса 17-го сентября и сильномъ волненіи между мусульманскимъ населеніемъ, живущимъ въ нашихъ предѣлахъ, не случилось ничего неблагопріятнаго.

Несмотря на такое счастливое теченіе дѣлъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда избавлюсь отъ скучнѣйшей Леэгинской линіи и оставлю Кварели. Кромѣ двухъ писемъ къ князю Андроникову, я, въ концѣ октября, отправился къ нему въ Царскіе Колодцы, чтобы лично убѣдить его о роспускѣ войскъ и о сложеніи съ меня команда-вания. Несмотря на всѣ мои доводы, что, по случаю выпавшаго снѣга въ горахъ и обнаженія деревьевъ отъ листвьевъ, нельзя думать о появленіи непріятеля, Иванъ Малхазовичъ не согласился писать въ Тифлисъ. Онъ только и твердилъ, что Карсъ еще не взятъ.

Такимъ образомъ, мое пребываніе въ Кварелахъ было неразлучно съ паденіемъ Карса, и я оставилъ Леэгинскую линію въ первыхъ числахъ декабря, когда наступили морозные утренники и по временамъ перепадалъ снѣгъ, по обыкновенію въ полдень исчезавшій.

IX.

Тифлисъ въ декабрѣ 1855 года.

Возвращеніе мое въ Тифлисъ съ Леэгинской линіи совпадало съ торжественнымъ вѣздомъ въ этотъ городъ главнокомандующаго послѣ взятія Карса.

Впереди Эриванской заставы были устроены триумфальные ворота съ надписью: «Побѣдителю Карса». Тутъ же должна была встрѣтить депутація отъ города, а нѣсколько дѣвушекъ — привѣтствовать булетами цвѣтовъ.

Николай Николаевичъ, сидя въ коляскѣ, принялъ рапорты отъ комманданта и полиціймейстера, съ безмолвною холоднотою выслушавъ привѣтственную рѣчь головы, и только тогда мельнула на его лицѣ улыбка, когда четыре дѣвушки, одѣтые въ блѣдныя платья, дрожа не столько отъ страха, сколько отъ холода, привѣтствовали его цвѣтами.

Но онъ и тутъ показалъ если не черствость своего сердца, то крайнюю ненаходчивость и неумѣстную привѣтливость. Желая обласкать дѣвушекъ, онъ взялъ ихъ къ себѣ въ коляску и повезъ по городу въ тѣхъ же самыхъ зеирныхъ платьицахъ, въ которыхъ онѣ его привѣтствовали, тогда какъ былъ пасмурный и холодный вечеръ. Дѣвушки только тогда были выпущены изъ коляски, когда одна изъ нихъ, болѣе смѣлая, пожаловалась на холодъ. Разсказывали, что послѣ такой неумѣстной овациіи, устроенной губернаторомъ Лукашемъ, любимцемъ Муравьевъ, не только дѣвушки, но и матери ихъ переболѣли.

Представленіе мое главнокомандующему было до крайности сухое. Ни одного привѣтствія или благодарности не было имъ сказано. Мое самолюбіе было страшно задѣто, я былъ сильно взволнованъ и въ такомъ состояніи отправился на обѣдъ къ княгинѣ Марѣ Ивановнѣ Орбеліані и передъ нею налилъ мою желчь на Муравьевъ. Это было сдѣлано съ цѣлью съ моей стороны, потому что мнѣ известно было, что Николай Николаевичъ часто ее посѣщалъ, какъ старую знакомую. Ту же самую мысль высказалъ я доброму князю Бебутову, выслушавшему меня съ полнымъ участіемъ.

Не знаю, съ ихъ ли помощью, или по другимъ причинамъ, но только въ тотъ день, когда всѣ военные и гражданскіе чины приносили поздравленіе главнокомандующему съ полученіемъ имъ Георгія 2-й степени, послѣ разговора съ генералами Лукашомъ, Базинымъ и Мусинипскимъ, съ которыми, какъ со старыми своими сослуживцами, Николай Николаевичъ дозволялъ и пошутить, онъ, по замѣчанію другихъ, удостоилъ меня особенного вниманія. Проходя мимо толпы военныхъ и гражданскихъ чиновъ, онъ остановился противъ меня, слегка кивнувъ головою и загадочно въ полголоса проговорилъ: «Вы, генералъ, безъ мѣста не останетесь».

Черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ главнокомандующимъ на обѣдъ. Тишина и безмолвіе царили въ той комнатѣ, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ человѣкъ на двадцать, и куда, одновременно съ выходомъ Муравьевъ изъ кабинета, вошли двое цѣлѣнныхъ пашей. Одинъ изъ нихъ, высокій и довольно полныи мужчина, былъ тотъ паша, ко-

торый былъ взяты въ плѣнъ генераломъ Ковалевскимъ подъ Пенякомъ. Другой же, худощавый, былъ Бамуль-паша, взятый въ плѣнъ Эриванскимъ отрядомъ подъ Баязетомъ.

За столомъ Николай Николаевичъ указалъ мнѣ мѣсто возлѣ себя, и вотъ разговоръ, веденный мною съ нимъ въ продолженіе обѣда.

— Вы, генераль, командовали войсками на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи.

— Согласно приказанію вашего высокопревосходительства.

— И, кажется, вопреки моего предписанія не держали войска въ совокупности.

— Я располагалъ ихъ сообразно съ обстоятельствами и съ положеніемъ края, мнѣ вѣрнаго. Послѣдствія оправдываются мои расположенія, и если бы я дѣйствовалъ противно этому, то можетъ быть Пшавели, Лялискури или другое Кахетинское селеніе подверглись бы нападенію непріятеля прежде, чѣмъ я поспѣлъ бы на помочь съ подвижнымъ резервомъ.

— А сколько въ вашемъ распоряженіи было войскъ?

— 4½, баталіона, полкъ казаковъ, 8 орудій, три пѣшихъ дружины и двѣ сотни конной милиціи.

— Такъ много! — проговорилъ онъ, нѣсколько разъ пожимая плечами въ продолженіе того, какъ я объявлялъ число войскъ.

— Судя по положенію края и напуганности жителей послѣ погрома, нанесеннаго Кахетіи Шамилемъ въ прошломъ году, судя по предпримчивости непріятеля, въ особенности со второй половины сентября (я не хотѣлъ прямо сказать, послѣ отбитія штурма отъ Карса), этихъ войскъ было едва достаточно.

Главнокомандующій вперилъ въ меня свой холодный надменный взглядъ, вѣроятно желалъ имъ поразить меня, какъ поражаетъ питонъ ту жертву, которую онъ хочетъ пожрать. Но онъ не встрѣтилъ во мнѣ не только смущенія, но я смѣло смотрѣлъ ему въ глаза.

— А что, казаки и милиція получали слѣдующее имъ содержаніе?

— Получали.

— Да точно ли?

— Если я докладываю вашему высокопревосходительству, то точно, потому что я строго слѣдилъ за этимъ.

За этимъ моимъ отвѣтомъ послѣдовалъ новый, холодный инквизиторскій взглядъ моего вопросителя. Между тѣмъ окончился состоящей изъ пяти блюдъ обѣдъ, и я, вмѣстѣ съ другими, послѣдовалъ за главнокомандующимъ въ гостиную.

— Садитесь, — сказалъ онъ, указывая рукой на стулъ возлѣ себя. — Скажите мнѣ, отчего Алексѣй Петровичъ, имѣя въ десять разъ менѣе войскъ, умѣлъ держать въ страхѣ горцевъ, а вы теперь, какъ будто

сговорившись, жалуетесь, что мало войскъ на Кавказѣ, спросилъ онъ, вставая и становясь задомъ къ пылающему камину, взявшись отъ человѣка трубку съ огромнымъ чубукомъ.

— По моему убѣжденію, это происходитъ отъ того, что, въ свою очередь, непріятель сталъ иначе дѣйствовать. Прежде, если мы дѣйствовали наступательно противъ не только извѣстнаго племени, но даже аула, то сосѣди не думали о поданіи помощи атакованной части; а до Кази-Муллы непріятель не имѣлъ понятія о сосредоточиваніи массъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ для вторженія въ наши предѣлы. Сборища же Шамиля, доходящія до десяти тысячъ человѣкъ, быстро сосредоточиваемыя и по центральному своему положенію могутъ угрожать одновременно нападеніемъ на разные пункты, требуютъ соразмѣрнаго числа войскъ въ разныхъ частяхъ Кавказа для сопротивленія и защиты во время нападенія. Притомъ же настоящій непріятель несравненно лучше организованъ и дисциплинированъ противъ прежнихъ лѣтъ и имѣть артиллерію.

— Все это не ново и мнѣ извѣстно, генераль,—отвѣтилъ главно-командующій, выходя изъ гостиной.

— Болѣе вашему высокопревосходительству ничего не могу доложить,— успѣлъ я сказать, когда Николай Николаевичъ, подойдя къ кабинету, кивнулъ мнѣ головой и скрылся.

Наступило Рождество Христово. Погода стояла сухая, безснѣжная. Холода не простирались выше пяти градусовъ. Я отправился въ Сіон-скій соборъ для слушанія литургіи и молебствія по случаю изгнанія двунадесати языковъ, совершенной экзархомъ Грузіи, высокопреосвященнымъ Исидоромъ¹⁾.

Торжественна вообще наша архіерейская служба, но она бываетъ еще торжественнѣе, если совершается въ присутствіи огромнаго числа духовенства и генералитета, сіяющаго парчей и золотомъ. Такъ бывало въ Сіонскомъ соборѣ, когда при молебствіи находилось человѣкъ до тридцати духовенства, да человѣкъ до ста генераловъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ.

Торжественность службы не только ни мало не умалялась отъ того, что этотъ древній храмъ былъ углубленъ, невеликъ, что узкія небольшія окна давали мало свѣту, а темнаго цвѣта стѣны, украшенныя изображеніями св. Нины, Давида, Георгія и другихъ грузинскихъ святыхъ, и низкіе своды дѣлали его еще болѣе мрачнымъ. Напротивъ того, эта мрачность архитектуры, простота иконостаса и живописи и внушали къ этому храму особенно высокое чувство.

¹⁾ Нынѣ умершій митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. М. О.

Послѣ молебствія все отправилось на поклонъ и чаепитіе къ экзарху, жившему надъ Курой въ домѣ, хотя не новомъ и не особенно бросающемся въ глаза, но все-таки красивомъ, сравнительно съ другими зданіями, его окружающими, какъ принадлежащемъ къ постройкамъ старого Тифлиса. Этимъ ограничились мои парадные визиты, какъ необязанные службою, тѣмъ болѣе, что въ половинѣ третьаго мнѣ нужно былоѣхать къ князю Бебутову, у котораго по данному обѣщанію я долженъ былъ обѣдать по праздничнымъ и воскреснымъ днамъ. Князь Василій Осиповичъ съ супругой Марьей Соломоновной, урожденной Аргутинской-Долгорукой, дочерью и сыномъ, только-что выпущеннымъ изъ Шахского корпуса, жилъ на Кухахъ въ одномъ изъ лучшихъ по своей архитектурѣ домовъ. Хотя про Марью Соломоновну носилась молва, что она своенравна, капризна, горда и надменна, но я, пользуясь ея полнымъ вниманіемъ и изъ совершеніаго моего уваженія къ добрѣшему Василію Осиповичу, охотно бывалъ у него, тѣмъ болѣе, что онъ и кормилъ всегда очень хорошо.

— Ну, дорогой однокашникъ, главнокомандующій назначаетъ тебя начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса,—проговорилъ Василій Осиповичъ, обнимая меня по обыкновенію.

— Я вполнѣ убѣжденъ, что этимъ назначеніемъ обязанъ содѣйствію вашего сіятельства.

— Нисколько. Твой разговоръ съ нимъ былъ тому причиной. Николаю Николаевичу понравились твои рѣзкие опредѣленные отвѣты.

— Очень радъ, что могъ расшевелить этого черстваго и надменнаго человѣка.

На третій день праздника я представлялся главнокомандующему, по случаю моего назначенія начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса, и въ этотъ же день былъ приглашенъ къ нему обѣдать.

За столомъ я сидѣть на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ первый обѣдь; но только противъ меня вмѣсто турецкихъ пашей сидѣли генералы, князья Меликовъ и Андрониковъ. Первый — товарищъ по Лезгинской линії; второй — командиръ Тифлисскаго grenадерскаго полка¹⁾). Разговоръ большую частію былъ общій, и только изрѣдка обращался главнокомандующій съ отдѣльными вопросами ко мнѣ или къ сидѣвшимъ напротивъ меня князьямъ. По окончаніи обѣда, я былъ приглашенъ Николаемъ Николаевичемъ въ кабинетъ, въ которомъ, несмотря на то, что было свыше 20 градусовъ, въ каминѣ ярко пылали толстые полѣни.

— Садитесь, курите папиросу, а мнѣ позвольте снять сюртуку.

¹⁾ Въ 1871 году, въ бытность тифлисскимъ предводителемъ дворянства, былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ, а вскорѣ затѣмъ номеръ. М. О.

Я не съѣль, папиросы не взялъ, а на послѣднія его слова молча поклонился.

За этимъ онъ снялъ сюртукъ и галстукъ, разстегнулъ воротъ рубашки и набросилъ на себя шинель солдатскаго покроя, которая, какъ извѣстно, носилась всѣми военными вместо настоящаго пальто. Послѣ этого, куря изъ длиннаго чубука трубку, онъ началъ что-то искать.

— Не могу найти замѣтки мои, о чмъ я хотѣлъ говорить съ вами. Вѣдь вы разумѣете по картѣ, какъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба. Прежде всего поѣзжайте въ Владикарсъ и Ардаганъ. Посмотрите, какъ расположены тамъ войска.

— Я имѣлъ въ виду тотчасъ исполнить это по прибытии въ Александрополь.

— А расположеніе войскъ вамъ извѣстно?

Я рассказалъ ему подробно зимнее расположеніе Александропольскаго корпуса, и онъ слушалъ меня молча въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти часа.

— Продовольствіе войскъ, расположенныхъ въ Владикарсъ и Ардаганѣ, должно производиться тѣмъ хлѣбомъ, который поступаетъ «въ барху или подать съ жителей Карсскаго пашалыка». Это лежитъ на попеченіи начальника Карской области, полковника Лорисъ-Меликова. Вѣдь вы съ нимъ знакомы?

— Очень хорошо.

— Прошу обратить полное ваше вниманіе на непріятеля и имѣть объ немъ самыя точныя и положительныя свѣдѣнія. Чаще доносите и пишите письма къ начальнику штаба, онъ мнѣ будетъ докладывать обо всемъ.

— Постараюсь исполнить, какъ угодно въ-му в-ству.

— Нужно поразгромить и взорвать хорошенъко Карскую цитадель.

— Обращу и на это особенное мое вниманіе.

— Необходимо, чтобы войска исполняли всѣ воинскія предосторожности и не забывали, что они стоять въ непріятельской землѣ. Особенно обращайте вниманіе на Кагызманъ.—Прощайтѣ, генералъ,—добавилъ главнокомандующій, отрывисто поклонившись и уходя отъ меня.

Я поспѣшилъ оставить душный кабинетъ и по высокой температурѣ, и по тяжелому впечатлѣнію отъ безграницаго властолюбія и надменнаго взгляда. По естественному закону Кагызманъ запечатлѣлся въ моей памяти, потому что онъ произнесенъ былъ дважды и съ особыніемъ удареніемъ.

Странно, почему главнокомандующій обращаетъ на этотъ городъ особенное вниманіе, думалъ я. Онъ не можетъ играть никакой роли ни въ стратегическомъ, ни въ торговомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Хотя онъ лежитъ на Араксѣ и между Карсомъ и Баязетомъ, но

черезъ Кагызманъ не пролегаетъ удобной дороги для движенія отрядовъ съ артиллерией и колеснымъ обозомъ. Путь черезъ этотъ городъ дотого малоудобенъ и гористъ, что не служить даже караваннымъ сообщеніемъ, какъ ближайшій.

Но, несмотря на всѣ мои разсужденіе и разсмотрѣніе этого города со всѣхъ сторонъ, я не могъ себѣ дать отчета, почему Николай Николаевичъ такъ его бережетъ и такъ строго на него смотритъ.

«Пойду спрошу у начальника штаба, не знаетъ ли онъ какихъ-либо тайнъ о Кагызманѣ»

Вхожу въ малодоступный и таинственный кабинетъ генерала Индреніуса и застую его обложенными со всѣхъ сторонъ огромными кипами бумагъ. Жаль мнѣ стало труженика, что я прервала рѣдко нарушаемыя ежедневныя его занятія. Я счель нужнымъ не только спросить его о Кагызманѣ, но и проститься съ нимъ передъ отѣзdomъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и извиненій, которыя расточаются въ подобныхъ случаяхъ, я спросилъ у него, не знаетъ ли онъ чего-ни будь особенного о Кагызманѣ и почему главнокомандующій придаетъ ему такое значеніе. Но Борисъ Эммануиловичъ выразилъ полное свое незнаніе.

— Можетъ быть, Лорисъ-Меликовъ писалъ что-нибудь Николаю Николаевичу о Кагызманѣ,—проговорилъ онъ шепотомъ, боясь, чтобы и стѣны его не выдали.

— А развѣ Лорисъ-Меликовъ находится въ прямой перепискѣ съ главнокомандующимъ?

— Да.... навѣрное не знаю, но кажется, онъ съ нимъ переписывается,—отвѣчалъ нерѣшительно Индреніусъ.

Послѣ этого я послѣшила оставить таинственнаго бирократа и на другія сутки, то-есть 30 декабря, отправился въ Александрополь по той самой дорогѣ, по которой яѣхалъ десять мѣсяцевъ тому назадъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Погребеніе константинопольскаго патріарха Григорія V въ Одесѣ.

10 апраля 1821 года въ Константинополѣ разыгралась такая ужасная картина убийствъ, какія рѣдко встрѣчаются въ исторіи. Въ этотъ день, въ который вся православная церковь торжественно праздновала Свѣтлое Христово Воскресеніе, самымъ варварскимъ образомъ, безъ всякаго суда и изслѣдованія вины, былъ повѣшень вселенскій патріархъ Григорій V.

Константинопольскій патріархъ Григорій V (род. 1751 г., † 1821 г.) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ патріарховъ послѣ паденія Константиноополя. Это былъ человѣкъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Особенно онъ отличался строгостью нрава, простотою въ образѣ жизни, рѣдкою нестяжательностью, горячою ревностію по вѣрѣ, твердостію убѣжденій, любовью къ своей паствѣ и безстрашиемъ въ защищении ея отъ авѣрства турокъ. Патріархъ Григорій родился въ 1751 году, на престолъ вступилъ въ 1798 году. Время патріаршества Григорія совпало со временемъ подготовленія, становившихъ подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ, грековъ къ возстанію и потому было особенно тяжелымъ и опаснымъ для константинопольскаго патріарха, какъ главы христіанской націи и отвѣтственнаго лица предъ султаномъ за спокойствіе его христіанскихъ подданныхъ. И много разъ святѣйший патріархъ Григорій, самъ подвергаясь опасности, ходатайствовалъ предъ турецкими властями и защищалъ своихъ несчастныхъ пасомыхъ отъ жестокости турокъ.

Однажды онъ своими грамотами и заступничествами избавилъ отъ поголовнаго истребленія цѣлую область, въ которой турки намѣревались перерѣзать всѣхъ христіанъ. Патріархъ Григорій отличался рѣдкою благотворительностью: онъ имѣлъ всегда съ собою портфель, изъ кото-

раго раздавалъ милостыню, а когда у него не хватало денегъ, то онъ занималъ, а все-таки не переставалъ благотворить. Будучи отцомъ и защитникомъ своего народа, святѣйшій Григорій былъ въ то же время и вѣрнымъ подданнымъ султана. Онъ постоянно внушалъ своимъ пасомымъ, что слѣдуетъ воздавать «кесарево кесареви», и разъ, когда англійскій флотъ грозилъ Константинополю разрушенiemъ, патріархъ самъ лично, въ сопровожденіи трехъ тысячъ грековъ, явился на крѣпостные работы и, несмотря на свою старость и слабость, самъ носилъ мѣшки земли на сооруженіе укрѣплений вокругъ столицы.

Григорій двадцать два года занималъ константинопольскій патріаршій престолъ. За это время три раза турецкое правительство изгоняло его изъ Константинополя на Аеонскую гору, но каждый разъ само же чувствовало недостатокъ въ его мудромъ правлѣніи и снова возвращало его на патріаршій престолъ. Въ 1818 году патріархъ Григорій въ третій разъ занялъ престолъ, но только для мученической кончины за своихъ пасомыхъ. Въ началѣ 1821 года открылось восстание грековъ противъ турокъ, и началась кровавая борьба ихъ за свою независимость.

Лица, руководившія восстаниемъ, очень хорошо понимали опасное положеніе патріарха Григорія и поэтому приняли мѣры для его спасенія. Они предлагали ему въ его полное распоряженіе корабль, на которомъ онъ могъ бѣжать изъ Константинополя тогда, когда ему могла угрожать опасность, но мужественный патріархъ отказался отъ такого плана своего спасенія, какъ недостойнаго его сана. Онъ рѣшился не оставлять своей паству, особенно въ такое опасное для нея время, и готовился защищать ея интересы до самой своей смерти. Онъ видимо предчувствовалъ свою мученическую кончину и готовился къ ней.

Восстание грековъ, начавшееся въ Дунайскихъ княжествахъ, вскорѣ послѣ того вспыхнуло и на югѣ въ Пелопоннесѣ. Турецкое правительство крайне ожесточилось противъ грековъ. Султанъ Махмудъ II, въ своей безсильной злобѣ противъ восставшихъ, дошелъ до того, что рѣшился истребить всѣхъ жившихъ въ Константинополѣ грековъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно невинныхъ и непричастныхъ дѣлу. Съ этой целью онъ предписалъ патріарху, чтобы тотъ въ день Св. Пасхи приказалъ собраться всѣмъ взрослымъ грекамъ въ ихъ храмы. Патріархъ проникъ въ тайный планъ султана. Онъ догадывался, что въ светлую ночь Воскресенія Христова въ самую пасхальную заутреню для константинопольскихъ грековъ приготовлялось поголовное избіеніе, и рѣшился, насколько могъ, отклонить его, хотя бы съ опасностю жизни для себя. Онъ, по секрету, далъ знать грекамъ, чтобы тѣ не собирались во множествѣ по церквамъ въ ночь на св. Пасху. Неизвѣстно почему, потому ли, что султанъ узналъ о секретномъ распоряженіи патріарха по поводу данного ему султаномъ извѣстного предписанія, или по со-

вѣту своихъ министровъ, только султанъ отказался отъ поголовнаго истребленія грековъ въ Константинополѣ. Вѣроятѣе всего совѣтъ турецкихъ министровъ подѣйствовалъ на сultана, совершенно основательно представивъ ему, что такимъ звѣрскимъ истребленіемъ неповинныхъ грековъ султанъ могъ вооружить противъ себя положительно всѣ европейскіе народы и правительства. Озлобленная душа Махмуда требовала мщения, и вотъ, по совѣту тѣхъ же министровъ, онъ рѣшился предать позорной смерти представителя православія и греческой національности, вселенскаго патріарха Григорія — въ самый радостный для всѣхъ христіанъ день Свѣтлого Христова Воскресенія. И дѣйствительно, нужно отдать дань удивленія изобрѣтательности турокъ въ мучительствѣ и истязаніяхъ даже послѣ смерти несчастныхъ жертвъ ихъ звѣрства. Всё устроено было такъ, чтобы какъ можно болѣе надругаться надъ несчастнымъ патріархомъ даже послѣ его кончины.

Патріархъ предчувствуя близость своей смерти. Въ великую субботу онъ прощался со всѣми. Въ день Св. Пасхи, 10 апрѣля, онъ совершилъ послѣднее богослуженіе. Долѣе обыкновеннаго продолжалась проскомидія, на которой первосвятитель поминалъ и молился за погибшихъ своихъ друзей и единогрѣцовъ. Нѣсколько разъ прослезился патріархъ во время божественной літургіи и умилъ всѣхъ присутствующихъ своимъ благоговѣйнымъ служеніемъ¹⁾.

Тотчасъ послѣ совершеннія пасхальнаго богослуженія, патріархъ потребованъ былъ въ Порту, гдѣ его подвергали пыткамъ; тутъ же ему объявленъ былъ смертный приговоръ. Патріархъ воротился изъ Порта въ сопровожденіи своихъ палачей, отъ которыхъ онъ дорогомъ потерпѣлъ много поруганій и побоевъ: его толкали ногами, когда онъ, ослабѣвшій послѣ трехдневнаго поста, не имѣлъ силы идти на мѣсто казни. Предъ торжественною пасхальною вечернею службою патріархъ въ полномъ святительскомъ облаченіи повѣшенъ былъ на воротахъ патріаршаго дома. Предъ самою своею казнью первосвятитель благословилъ своихъ несчастныхъ пасомыхъ и со словами: «Господи Іисусе Христе, прими духъ мой» отдался палачамъ. Турецкій визирь присутствовалъ при совершенніи казни и около часу пробылъ около повѣщенаго патріарха, благодушно покуривая трубку. Одновременно съ патріархомъ повѣшено было въ разныхъ частяхъ города шесть старѣйшихъ митрополитовъ — членовъ патріаршаго константинопольскаго синода. Тѣло патріарха и митрополитовъ въ теченіе трехъ дней оставалось на висыпцахъ подъ открытымъ небомъ для народнаго зрѣлища. Въ несчастныхъ грекахъ эти тѣла страдальцевъ возбуждали страхъ и жалость, а турки

¹⁾ Розовъ. Очерки восточной церкви послѣ взятія Константинополя турками. 1880. М. Стр. 51—54. „Странникъ“. 1871. Май.

видѣли въ нихъ удовлетвореніе и возмездіе за тѣ неудачи, которыя они терпѣли отъ восставшихъ грековъ на полѣ бранї. По истеченіи трехъ сутокъ, турки, зная давнишнюю вражду евреевъ къ христіанамъ, отдали имъ тѣло патріарха. По разсказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, тѣло патріарха куплено было жидами за 800 піастровъ. Турки вели разрубить его на части и разбросать по улицамъ города на същеніе собакамъ. Объявлено было подъ угрозою строжайшаго наказанія запрещеніе собирать части тѣла патріарха и совершать погребеніе ихъ, а тѣмъ болѣе оказывать имъ какія бы то ни было почести. Жиды для того, чтобы выслужиться предъ турками, привязали тѣло мученика за ноги, сняли съ него одѣжды и влачили его нагаго по всѣмъ главнымъ улицамъ города и въ особенности вокругъ христіанскихъ церквей и въ насмѣшку кричали громогласно: «сей есть царь христіанскій!» Кромѣ того, жиды, пользуясь случаемъ, издѣвались и надъ христіанской вѣрою. Таская по улицамъ тѣло патріарха, они кричали: «Христіане! что же не придетъ Богъ вашъ сдѣлать чудо, спаси намѣстника своего изъ рукъ нашихъ и воскресить его!»

Но жиды все-таки остались вѣрны себѣ: христіане купили у нихъ за сто тысячъ піастровъ обязательство не разрубать тѣло патріарха на части. Жиды, получивъ выкупъ, бросили тѣло патріарха съ камнемъ на шеѣ въ море, съ полною увѣренностію, что оно навсегда погибнетъ на днѣ морскомъ.

Однако Промыслъ Божій судилъ иначе. Шкиперъ одного греческаго, стоявшаго для безопасности подъ русскимъ флагомъ, судна, грекъ Никола Склаво, находясь съ своимъ судномъ въ Константинополь противъ Балуказара, въ предмѣстїи Галата, и вышедъ въ четвергъ на Пасхѣ, 14 апрѣля, изъ каюты на палубу до восхода солнца, увидѣлъ несомое волнами недалеко отъ судна мертвое тѣло и, разсмотрѣвъ, что оно не обезглавлено, а по длиннымъ волосамъ походило на духовную особу, рѣшился поднять его къ себѣ на судно. Съ этой цѣлію онъ съ четырьмя своими матросами спустился съ судна въ яликъ и, поймавъ тѣло, привязалъ его къ послѣднему. Подведя тѣло къ судну, шкиперъ обернулъ его рогоже и, обвязавъ протянутую подъ киль на другую сторону судна веревкою, погрузилъ его опять въ воду для большей предосторожности, чтобы во время дня никто не могъ примѣтить этого съ константинопольского берега. Въ самую полночь пойманное тѣло поднято было съ соответствующими предосторожностями на судно. Здѣсь между прочими находилось не мало грековъ, спасавшихся бѣгствомъ изъ Константинополя отъ жестокости турокъ. Въ числѣ бѣжавшихъ и искашившихъ уѣзжаща на суднѣ шкипера Склаво находился и бывшій слуга замученнаго патріарха Костанди Банесь. Лишь только тѣло поднято было на палубу и пассажиры начали разматривать его, бывшій тутъ же

слуга узналъ тѣло своего господина. То же самое подтвердили и два другіе пассажира, лично знаяшіе патріарха, это Яни Попадапуло и Яни Николау. Тогда шкиперъ рѣшился доставить тѣло патріарха въ Одессу, гдѣ могли быть свободно отданы покойному почести, соответствующія его высокому сану. Для того, чтобы скрыть находку отъ турокъ, шкиперъ распорядился надѣть на тѣло саванъ и обвернуть его въ полотно; въ такомъ видѣ тѣло патріарха спущено было въ трюмъ и глубоко зарыто въ балластъ. 5-го мая судно съ тѣломъ патріарха Григорія прибыло въ Одессу.

Генераль-губернаторъ г. Одессы графъ Ланжеронъ распорядился снять тѣло патріарха со всѣми предосторожностями, какія требовались тогда законами карантинна. Чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе, Ланжеронъ произвелъ строгое изслѣдованіе того, что дѣйствительно ли привезенное тѣло принадлежало константинопольскому патріарху Григорію. Въ Одессѣ въ это время проживало немало грековъ, бѣжавшихъ отъ звѣрства турокъ; между ними были такие, которые лично знали покойнаго патріарха; таковы были князья Александръ Ганджери и Спаторъ Никола Сутцо. Эти князья въ привезенномъ тѣлѣ узнали тѣло патріарха Григорія. То же самое подтвердили: прибывшіе изъ Константинополя чиновники русскаго посольства при Портѣ: статскій совѣтникъ Минчаки и возвратившійся изъ Іерусалима русскій архимандритъ Гавріилъ. Въ Одессѣ проживалъ бѣжавший отъ турокъ дрітскій или, что то же, силистрійскій митрополитъ Кириллъ, который также въ привезенномъ тѣлѣ призналъ останки константинопольского патріарха Григорія. Для большей убѣдительности весь экипажъ судна, на которомъ было привезено тѣло, привели къ присягѣ, и экипажъ подъ присягою подтвердили достовѣрность показаній шкипера Славо. Между прочимъ допрошеній подъ присягою бывшій слуга патріарха показалъ, что онъ узналъ въ мертвомъ тѣлѣ, принятомъ на судно шкиперомъ Славо, тѣло своего бывшаго господина, патріарха Григорія, по корпусу, по неизмѣнившимся чертамъ лица, по волосамъ на головѣ и бородѣ, по недостающимъ зубамъ (покойному было не менѣе 70 лѣтъ) и особенно по бывшей у покойнаго грыжѣ. Между тѣмъ изъ Константинополя прибывали все новые и новые бѣглецы, которые рассказывали, что въ столицѣ султана уже ходить слухи, что тѣло греческаго патріарха найдено и взято на какое-то греческое судно. Этотъ слухъ косвеннымъ образомъ подтверждалъ побаzanія лицъ, входившихъ въ составъ пассажировъ судна шкипера Славо. Вообще число лицъ, свидѣтельствовавшихъ тѣло патріарха, простиралось до пятидесяти человѣкъ, и все они единогласно подтверждали истинность своихъ показаній присягой и подписомъ на присяжномъ листѣ. По освидѣтельствованіи тѣло патріарха было внесено въ карантинъ, положено во гробъ и поставлено въ особой башнѣ. Явилось гре-

ческое духовенство, которое и стало безпрестанно читать Евангелие, а въ определенные часы для совершать панихиды.

Графъ Ланжеронъ сообщаъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну о доставленіи тѣла патріарха Григорія въ Одессу и просилъ его относительно распоряженій, какія благоугодно будетъ сдѣлать государю императору Александру I объ отданіи послѣднихъ почестей несчастному представителю греческой церкви.

Въ то время въ Одессѣ еще не было архіерейской кафедры, Одесса входила въ составъ Кишиневской митрополіи. Старшій одесскійprotoіерей Петръ Куницкій донесъ рапортъ о случившемся въ Одессѣ событіи 5 мая преосвященному Дмитрію, епископу бендерскому и аккерманскому, который, въ свою очередь, немедленно сообщилъ о томъ же князю Голицыну.

Самымъ выдающимся лицомъ въ православномъ духовенствѣ города Одессы былъ тогда архимандритъ Феофиль, занимавшій видную должность законоучителя Одесского лицея¹⁾). Феофиль пользовался большими

¹⁾ Архимандритъ Феофиль игралъ въ свое время видную роль въ духовномъ мірѣ. Онъ извѣстенъ превратностью своей судьбы, сначала ласковшій его, а потомъ низведшій на степень простыхъ, мало извѣстныхъ людей. Безспорно, это былъ человѣкъ умный, образованный, подвижной и веселый, но чрезвычайно вспыльчивый и барски надменный, какъ и вообще многіе бывшіи судьбы. По окончаніи курса въ Московской славяно-греко-латинской академіи и овдовѣвъ въ санѣ діакона, Петръ Ивановъ (мірское имя Феофила) принялъ монашество и, по желанію с.-петербургскаго митрополита Амвросія, сдѣлался законоучителемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Въ Петербургѣ онъ Феофиль поправился князю Голицыну, и отсюда начинается его карьера. Въ 1817 году онъ получилъ мѣсто законоучителя въ новооткрытомъ Ришельевскомъ лицѣ въ г. Одессѣ и выѣхѣлъ съ тѣмъ санѣ архимандрита и настоятельство въ одномъ изъ лучшихъ монастырей кишиневской епархіи. Вліяніе его на князя Голицына было такъ велико, что, по рекомендациіи Феофила, некоторые лица получали епархіи, вызывались въ Сѵнодъ и пр. Но лишь только Голицынъ палъ, несчастія обрушились и на Феофила. Въ декабрѣ 1824 года онъ, по Высочайшему повелѣнію, удаленъ былъ отъ должности законоучителя лицея, и его почти насильно выпроводили изъ Одессы въ Ростовъ въ настоятели ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря съ лишениемъ, впрочемъ, права всякаго выѣзда изъ монастыря. Здѣсь Феофиль позволялъ себѣ некоторые незаконныя дѣйствія, за которыхъ и поплатился ссылкою на послушаніе въ тверской архіерейской домѣ. Затѣмъ онъ перебывалъ то на епитиміи, то на должностяхъ пастыря въ монастыряхъ: Вологодскомъ, Спасокаменномъ, Оршанскомъ, Богоявленскомъ, Преображенскомъ (Воронежской епархіи), въ Глуховскомъ-Петроцавловскомъ (Черниговской епархіи), въ Сарапскомъ-Петропавловскомъ (Пензенской епархіи), въ нижегородскомъ архіерейскомъ домѣ, въ Печерскомъ монастыре Нижегородской епархіи и, наконецъ, въ Городецкомъ Федоровскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1869 году, 82-хъ лѣтъ отъ роду, принявъ предъ смертью скиму съ именемъ Филоея. „Христ. Чтеніе“, 1872 г., апрѣль, 670 675.

расположеніемъ князя Голицына и потому непосредственно обратился къ министру духовныхъ дѣлъ съ слѣдующимъ письмомъ, возимъвшимъ большее дѣйствие, чѣмъ отношеніе графа Ланжерона и епископа Димитрія.

10-го мая 1821 года о. ѡеофиль писалъ князю А. Н. Голицыну:

«Сіятельнѣйшій князь

Милостивый Государь и Благодѣтель!

«Бѣдственное положеніе братьевъ нашихъ грековъ въ Константиноополѣ, конечно, небезъизвѣстно Вашему Сіятельству. Константинополь, который нѣкогда былъ колыбелью христіанъ, содѣялся нынѣ страшнымъ для нихъ гробомъ. По словамъ ищущихъ спасенія жизни своей въ Одесѣ, не проходитъ дня, чтобы нѣсколько христіанъ не было прінесено въ жертву необузданной лютости варваровъ. Лютость сія, на конецъ, дотого простерлась и увеличилась, что въ самый первый день Пасхи константинопольскій патріархъ Григорій преданъ былъ поносной смерти купно съ шестью архіереями, составлявшими Синодъ. Съ того времени, сіятельнѣйшій князь, какъ христіанско вѣроисповѣданіе получило свободу, нѣть въ исторіи примѣра столь ужаснаго злодѣйства, которое поражаетъ сердце глубочайшею скорбю. Злодѣйство сіе, соединенное съ поруганіемъ имени Христова и разрушеніемъ церквей, по достовѣрныи свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константиноополя, учинено по волѣ тамошняго правительства, которое требовало отъ патріарха, дабы всѣ христіане въ день Пасхи собраны были въ церквяхъ своихъ. Святый іерархъ, проникнувъ тайну злобнаго намѣренія мусульманъ, отклонилъ отъ того осужденныхъ на смерть грековъ и, такимъ образомъ, самъ содѣялся жертвою адскаго ихъ мщенія. Вскорѣ послѣ литургіи, которую патріархъ совершалъ въ домѣ своемъ, правительство заключило его въ темницу; между тѣмъ отдано было повелѣніе, влача его изъ темницы ко вратамъ патріаршескаго дома, повѣсить въ оныхъ. Злодѣйство сіе учинено предъ вечернею службою. Визирь, изъ опасенія, дабы христіане не произвели смятевія, цѣлый часъ находился возлѣ висѣлицы, кура табакъ. Тѣло патріарха, равно какъ и тѣла прочихъ архіереевъ, которые были преданы той же смерти въ разныхъ улицахъ Константиноополя, оставлены были, въ теченіе трехъ дней, для зрѣлища народнаго. Потомъ повелѣно было жидамъ снять тѣло патріарха и влечь оное по улицамъ города, изрыгая ужасныи хулы на Христа Спасителя и Его церковь. Наконецъ, послѣ всѣхъ ругательствъ, учиненныхъ надъ тѣломъ патріарха, брошено было оное съ камнемъ въ море, но Господь посмѣялся злобѣ хулителей своихъ. Тѣло патріарха, брошенное съ камнемъ въ море, на другой день приплыло къ тому самому судну, на коемъ находился одинъ изъ служи-

телей патріаршихъ, было взято на судно и привезено къ одесскому порту въ 5-й день текущаго мая.

«Для удостовѣренія въ истинѣ, что привезенное тѣло есть дѣйствительно тѣло убіеннаго патріарха, было сдѣлано, сіятельнѣйшій князь, слѣдствіе, каковое препровождается къ Вашему Сіятельству господиномъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ.

«На другой день послѣ сего слѣдствія я приглашенъ былъ къ осмотрѣнию онаго совмѣстно съ греческимъ силистрійскимъ митрополитомъ и князьями Ганджери и Сутцо, недавно прибывшими изъ Константиноپоля въ Одессу. По вскрытии гроба, который привезенъ былъ на берегъ гавани, всѣ узнали въ привезенныхъ останкахъ патріарха константинопольского Григорія. Чудно, сіятельнѣйшій князь, послѣ всѣхъ мученій, которыя дѣлаемы были ругателями надъ тѣломъ убіеннаго, всѣ члены онаго и даже самые волосы на головѣ и бородѣ сохранились невредимыми, кромѣ лѣваго глаза, который выколотъ былъ варварами. По совершенномъ удостовѣреніи въ тѣлѣ патріарха, оно обратно было отправлено на судно. Потомъ, какъ скоро были сдѣланы всѣ нужныя со стороны карантина распоряженія, тѣло пока было привезено на берегъ, гдѣ надъ онимъ совершина мною, совмѣстно съ карантиннымъ священникомъ панафида, послѣ которой тѣло было взято и въ сопровожденіи моемъ отнесено въ башню карантинного дома, въ коей попеченіемъ инспектора карантинного былъ нарочито приготовленъ гробъ, внутри обитый жестью, а снаружи покрытый смолою.

«Возсыпая въ сокрушенномъ сердцѣ моемъ жарчайшее благодареніе Всемилосердому Спасителю и нашему Господу Іисусу Христу, чудеснымъ образомъ исхитившему тѣло іерарха изъ рукъ варварскихъ и повелѣвшему морю перенести оное къ берегамъ Россійской земли, я пишу себѣ утѣшительную надеждою, что ваше сіятельство благоволите исходатайствовать всемилостивѣшее соизволеніе Его Императорскаго величества на совершение въ Одессѣ останкамъ вѣнчавшагося мученическою смертю патріарха константинопольского послѣдняго долга христіанскаго съ церковнымъ приличіемъ и на преданіе оныхъ землѣ въ греческой церкви, въ Одессѣ состоящей.

«Съ глубочайшимъ къ особѣ вашего сіятельства почтевіемъ и совершенійшею преданностію имѣю счастіе быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь и благодѣтель, вашего сіятельства всенижайшимъ послушникомъ архимандритъ Феофиль».

Князь Голицынъ получилъ письмо архимандрита Феофила въ Петербургѣ 19-го мая, а 25-го мая о содержаніи его докладывалъ государю въ Царскомъ Селѣ. Императоръ Александръ Павловичъ высочайше повелѣть соизволилъ послать изъ своей придворной ризницы облаченіе для погребенія патріарха, а изъ базенной палаты г. Одессы выдать сумму денегъ, ка-

кая потребуется на расходы по погребению. Государь приказалъ взять изъ придворной ризницы алтабасный золотой саккосъ съ омофоромъ, палицею, подризникомъ и съ прочими принадлежностями архіерейского облаченія. Крестъ и панагію для возложенія на покойнаго патріарха князь Голицынъ вы требовалъ изъ кабинета Его Величества. Крестъ и панагія были безъ драгоцѣнныхъ камней. Недоставало только одной митры, которой въ придворной ризницѣ совсѣмъ не имѣлось. Государь приказалъ взять митру изъ ризницы Александроневской лавры, но только безъ драгоцѣнныхъ камней, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи кабинетъ Его Величества далъ лаврѣ другую митру взамѣнъ взятой. Но и здѣсь встрѣтилось новое затрудненіе. Въ лаврской ризницѣ не нашлось ни одной митры, которая не имѣла бы украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней. Намѣстникъ лавры, архимандритъ Товія, выбралъ самую бѣдную, да къ тому же траурную митру, отдѣланную жемчугомъ, число зеренъ которой простипалось до 1.085 штукъ. Князю Голицыну показалась такая митра очень цѣнной, такою же призналъ ее и графъ Аракчеевъ. Архимандритъ Товія представлялъ на выборъ Голицыну изъ лаврской ризницы еще четыре митры болѣе цѣнныя, и князь Голицынъ въ концѣ концовъ долженъ былъ остановиться на первой митрѣ, рекомендованной архимандритомъ Товіемъ, какъ самой недорогой сравнительно съ другими.

Всѣ принадлежности патріаршаго облаченія посланы были въ Одессу съ фельдъегеремъ Вороновымъ.

Государь повелѣлъ предать тѣло патріарха въ одесской греческой церкви по чиноположенію, соотвѣтствующему его высокому сану. Обрядъ погребенія, согласно волѣ государя, долженъ быть совершать находящійся въ Одессѣ силистрійскій митрополитъ вмѣстѣ съ епископомъ бендерскимъ, викаріемъ Кишиневской митрополіи¹⁾). Въ отношеніи своемъ къ епископу бендерскому, преосвященному Димитрію, князь Голицынъ писалъ, чтобы онъ взялъ съ собою для церемоніи погребенія одного изъ подчиненныхъ ему архимандритовъ, причемъ напоминаль, чтобы къ церемоніи непремѣнно былъ приглашенъ архимандритъ Феофиль, а также и всѣ духовныя лица греческаго исповѣданія и національности, находящіяся въ Одессѣ.

¹⁾ Кишиневскій митрополитъ Гавріїлъ Банulesco умеръ 30 марта 1821 г. и епархіей управлялъ Димитрій Суліма, епископъ бендерскій, викарій Кашина-Кишиневской епархіи, хиротонисанный 16 іюля 1811 года; 18 іюня 1821 г. Димитрій сдѣланъ былъ епископомъ кишиневскимъ; умеръ 4 августа 1844 г. (Строеvъ, „Списки іерарховъ“ 553). До своего епископства Димитрій, окончившій курсъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, долгое время проходилъ должность священника, а затѣмъ протоіерея въ г. Николаевскѣ. Онъ много потрудился въ перевода священныхъ книгъ на молдавскій языкъ. „Христ. Чтеніе“ 1872. Апрель.

Въ отношении къ военному генерал-губернатору графу Ланжерону князь Голицынъ передавалъ тѣ же самыя, уже известныя выше, расположения, причемъ заявлялъ, что всѣ расходы по погребенію патріарха, какъ бы велики они ни были, должны быть сдѣланы на счетъ казны.

Переписка съ Петербургомъ заняла болѣе мѣсяца. Ко времени по-гребенія патріарха прибыли въ Одессу проживавшій въ Яссахъ іерапольскій митрополитъ Григорій и аккерманскій епископъ Димитрій съ ректоромъ Килиніевской духовной семинаріи, архимандритомъ Иринеемъ¹⁾ и со всемъ архиерейскою свитою.

По распоряженію военнаго губернатора Н. Ф. Ланжерона на 17-е іюня назначенъ былъ выносъ, а 19-го числа самое погребеніе патріарха.

Приготовлено было два гроба. Наружный гробъ былъ обить фіолетовымъ плисомъ и обтянутъ золотой сѣткой, а внутри бѣлымъ атласомъ. Достойно удивленія то, что тѣло патріарха, мученически скончавшагося 10 апрѣля, нѣсколько времени влажное по улицамъ города, брошенное затѣмъ въ море, лежавшее нѣсколько дней въ трюмѣ судна и наконецъ сорокъ два дня покоявшееся въ башнѣ одесского карантинна безъ всякихъ особыхъ предосторожностей—сохранилось цѣлымъ и невредимымъ. За два дня до выноса, тѣло патріарха архимандритомъ Феофиломъ при содѣйствіи другихъ благочестивыхъ христіанъ переложено было въ новоустроенный гробъ. Такъ какъ башня, въ которой до сихъ поръ покоялось тѣло, была очень тѣсна, то о. Феофиль распорядился устроить на дворѣ карантинного дома особый одръ, на который поставленъ былъ гробъ, а надъ гробомъ установленъ былъ балдахинъ, обитый малиновымъ плисомъ съ золотыми кистями и барабаномъ. Гробъ патріарха окружены былъ двѣнадцатью подсвѣчниками.

Передъ выносомъ тѣла патріарха вся улица, по которой должно было пройти погребальное шествіе, усыпана была пескомъ, котораго потребовалось до двухъ сотъ возовъ, и по обѣимъ сторонамъ улицы разставлены были шпалерами войска.

Въ 8 часовъ утра 17-го іюня во всѣхъ церквяхъ Одессы начался благовѣстъ. Въ началѣ десятаго часа утра прибылъ къ карантинному дому военный губернаторъ, графъ Ланжеронъ, а вскорѣ послѣ него при колокольномъ звонѣ во всѣхъ городскихъ церквяхъ прибыли: Кириллъ, митрополитъ силистрійскій, Григорій, митрополитъ іерапольскій и Димитрій, епископъ бендерскій и аккерманскій. По совершенніи краткой

¹⁾ Ириней Несторовичъ, впослѣдствіи епископъ пензенскій (съ 1816—1830), въ 1830—1831 годахъ архіепископъ иркутскій, въ 1831 году уволенъ на покой въ Спасоприлуцкій монастырь, въ 1848—1864 годахъ управлялъ Толгскимъ монастыремъ Ярославской еп., умеръ 18 мая 1864 г. Строевъ, „Списки іерарховъ“, 953,556.

панихиды, гробъ патріарха при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ съ стоявшихъ на рейдѣ кораблей и брантахты, вынесенъ былъ священниками за ворота карантинаго дома и установленъ на траурной подъ балдахиномъ колесницѣ, запряженной шестью покрытыми трапуромъ лошадьми.

Шествіе открывалось большимъ запрестольнымъ крестомъ съ двумя впереди его фонарями, которые несли стихарные псаломщики; за ними следовали въ два ряда хоругви отъ всѣхъ одесскихъ церквей, позади хоругвей четыре діакона несли крышку гроба. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ шель стихарный псаломщикъ, неся архіерейскій жезль, а позади его два стихарные псаломщика несли на двухъ малиновыхъ подушкахъ малый архіерейскій омофоръ и крестъ съ панагією. За тѣмъ шель хоръ архіерейскій пѣвчихъ по-парно, а за хоромъ пѣвчихъ шель особый стихарный псаломщикъ съ примикиріемъ (лампадою), послѣ чего следовало духовенство по чинамъ и иаконецъ преосвященные архіереи; предъ каждымъ изъ нихъ шли по два иподіакона съ дакриями и трикиріями, а позади каждого изъ нихъ—протодіаконъ и діаконъ съ кадилами.

Позади преосвященныхъ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, следовала траурная колесница. Непосредственно предъ колесницею шли шесть человѣкъ въ мантіяхъ изъ чернаго сукна, въ траурныхъ шляпахъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, имѣя зажженные факелы въ рукахъ. Точно такимъ же образомъ одѣтые другіе шесть человѣкъ шли около шести лошадей и также имѣли въ рукахъ факелы. У каждого изъ четырехъ угловъ колесницы шло по одному діакону съ кадиломъ, шесть священниковъ поддерживали балдахинъ надъ гробомъ, и двѣнадцать человѣкъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ Одессы шли по сторонамъ колесницы съ возжеными свѣчами. Позади колесницы шель военный генераль-губернаторъ графъ Ланжеронъ въ сопровожденіи множества военныхъ и гражданскихъ чиновъ г. Одессы. Во все время погребального шествія происходилъ во всѣхъ церквяхъ звонъ.

Процессія останавливалась на своемъ пути въ трехъ мѣстахъ для чтенія Евангелія и браткой литіи по усопшемъ: первое мѣсто для этого назначено было при вступленіи въ черту города, второе—между греческимъ училищемъ и Ришельевскимъ лицемъ и третье—близъ соборной церкви.

Шествіе прибыло въ Одесский Преображенскій соборъ во время совершеннія заупокойной літургії. Здѣсь заранѣе установленъ былъ среди церкви четырехъ-ярусный, обитый чернымъ сукномъ и отдѣланный серебрянымъ газомъ катафалкъ, на которомъ подъ балдахиномъ поставленъ былъ гробъ съ тѣломъ патріарха. Вокругъ катафалка поставлено было двѣнадцать траурныхъ подсвѣчниковъ. Во все время совершеннія

литургії по угламъ гроба стояли четыре діакона и постоянно кадили гробъ.

Послѣ литургії и панихиды началось чтеніе Евангелія надъ гробомъ, которое непрерывно днемъ и ночью совершалось до самого по-гребенія. 19-го іюня происходило самое отпѣваніе и погребеніе патріарха. Въ отпѣваніи принимало участіе не только все городское духовенство и русское и греческое, но много духовныхъ лицъ пріѣхало въ Одессу по такому чрезвычайному случаю изъ разныхъ концовъ Кишиневской епархіи. Во время отпѣванія прибывшій незадолго предъ тѣмъ изъ Константинополя патріаршій проповѣдникъ Константина Икономосъ произнесъ на греческомъ языке исполненное краснорѣчія надгробное слово усопшему патріарху Григорію V¹⁾.

По окончаніи отпѣванія, гробъ патріарха въ томъ же самомъ порядкѣ, какої наблюдался при его выносѣ, перевезенъ былъ изъ соборного храма въ греческую церковь, где онъ, по совершенніи панихиды и провозглашеніи вѣчной памяти, священнослужителями опущенъ былъ въ каменный склепъ, устроенный въ самой церкви на сѣверной сторонѣ алтаря. Надъ склепомъ поставлена была мраморная доска съ соотвѣтствующей надписью.

Сумма денегъ, истраченная казною на погребеніе константинопольского патріарху Григорію V, простиралась до 4.540 р.

Такимъ образомъ волею императора Александра I совершенъ былъ послѣдній священный долгъ христіанской вѣры и любви святѣйшему патріарху Григорію V, вѣнчавшемуся мученическою смертію. И нельзя при этомъ не поражаться и не благоговѣть предъ дѣйствіями премудраго Промысла Божія. Когда въ первый разъ достигла до Петербурга печальная вѣсть о мученической кончинѣ константинопольского патріарха, Св. Синодъ просилъ государя сдѣлать распоряженіе о повсемѣстномъ въ Россіи совершенніи панихидъ по усопшемъ патріархѣ. Государь не дозволилъ этого. И вотъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ тому же самому государю Господь судилъ воздать послѣдній христіанскій долгъ и на государственные средства похоронить несчастнаго патріарха.

¹⁾ Константина Икономосъ родился въ 1780 году въ Фессалії; въ 1806 году въ санѣ священника патріархомъ Григоріемъ V сдѣланъ былъ намѣстникомъ солунского митрополита; въ 1819 г. Икономосъ былъ вызванъ къ патріаршему двору и сдѣланъ патріаршимъ проповѣдникомъ. Во время греческаго восстания уѣхалъ въ Одессу. По желавшю императора Александра I былъ вызванъ въ Петербургъ, где занимался учеными трудами. Его перву принадлежитъ сочиненіе: «О ближайшемъ сходствѣ славянскаго языка съ эллинскимъ». Икономосъ представлялся императору Николаю I, предъ которымъ ораочно ходатайствовалъ за грековъ. Въ 1831 году Константина Икономосъ отправился въ Германію, затѣмъ въ Италію и наконецъ на всегда поселился въ Аеннахъ, где и умеръ около 1860 года. „Странникъ“ 1860 годъ. Іюль.

Архимандритъ Феофілъ подробно описаъ порядокъ погребенія патріарха Григорія V въ слѣдующемъ письмѣ князю Голицыну отъ 16-го июля 1821 года.

«Сіятельнѣйшій князь
Милостивый Государь и Благодѣтель!

«Его Преосвященство Дмитрій, епископъ бендерскій и аккерманскій, въ бытность свою въ Одесѣ, доводя до свѣдѣнія вашего сіятельства о погребеніи тѣла блаженной памяти константинопольского патріарха, каковое послѣдовало по распоряженію, учиненному херсонскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжерономъ, въ 19 день истекшаго іюня, предоставилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству церемоніаль погребенія совмѣстно съ надгробнымъ словомъ, при отпѣваніи тѣла произнесеннымъ прибывшимъ сюда изъ Константинополя греческимъ священникомъ, проповѣдникомъ и экономомъ патріаршаго дома на греческомъ языцѣ. Приведши къ окончанію переводъ помянутаго слова на русское нарѣчіе, священнымъ долгомъ поставляю представить онъ купно съ подлинникомъ и церемоніаломъ погребенія вашему сіятельству; причемъ къ общему желанію присутствовавшихъ при погребеніи, а равно и самаго проповѣдника, осмѣливаюсь присовокупить покорнѣйшую мою просьбу объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго соизволенія Его Императорскаго Величества на напечатаніе сего слова, буде ваше сіятельство благоволите признать оное достойнымъ того. Не дерзая быть судію сего творенія, но исполния волю благочестивыхъ слышателей очага, мнѣ весьма пріятно засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ, что творецъ есть богообразный христіанинъ, заслуживающійуваженія какъ по внутреннимъ его качествамъ, такъ и по его благочестивой жизни.

«Будучи исполненъ священнѣйшаго благоговѣнія къ милосердому Промыслу, явившему чудо въ останкахъ блаженной памяти патріарха, невредимо доставленныхъ въ предѣлы нашего отечества въ двадцать шестый день послѣ мученической его кончины, я не могу, сіятельнѣйшій князь, умолчать о томъ, что останки сіи, къ чести и славѣ Распятаго, сорокъ два дня покоившіеся въ башнѣ здѣшняго карантиннаго дома, сохранились также ничѣмъ невредимы. Между тѣмъ совѣтъ докторовъ предполагалъ разрушеніе ихъ на части и совершенную невозможность открыть ящикъ, въ коемъ они находились. Двумя днями прежде того, какъ послѣдовалъ выносъ, ящикъ былъ открытъ мною съ помощью благоговѣнныхъ христіанъ безъ малѣйшаго затрудненія. Тѣло, къ общей радости, найдено цѣлымъ и невредимымъ и, по совершенніи малой панихиды, свободно положено въ уготованный гробъ. При семъ, сіятельнѣйшій князь, нельзя не возблагодарить Бога, избравшаго Россію мѣстомъ покоища останковъ святѣйшаго патріарха, пострадавшаго

за церковь Христа Спасителя нашего, которые, по волѣ благочестивѣшаго монарха нашего, покоятся теперь въ одесской греческой церкви.

«Но позвольте, сіательнѣйшій князь, упомянуть здѣсь и о томъ благочестіи, каковое оказалъ православный народъ при погребеніи покойного патріарха. Почитая за священное дѣло прикоснуться къ ризамъ или ко гробу мученика, онъ не могъ удовлетворить тѣмъ благочестивой ревности своей, но, сопровождая его въ безчисленномъ множествѣ до мѣста, назначенаго для уложенія тѣла его, означеновавъ ревность свою раздробленіемъ на малѣйшія частички полотна, на которомъ тѣло предано было землѣ. Нельзя было безъ умиленія видѣть, сіательнѣйшій князь, съ какимъ восторгомъ каждый цѣловалъ доставшійся ему лѣскуточкѣ, полагалъ оный за пазуху или прижималъ къ сердцу.

«Все, что принадлежитъ до порядка, коимъ происходилъ обрядъ погребенія, представить вашему сіательству церемоніаль, при семъ прилагаемый. Между тѣмъ я за нужное почитаю довести до свѣдѣнія вашаго, сіательнѣйшій князь, что изъ двухъ омофоровъ, присланныхъ по Высочайшему соизволенію, купно съ прочею ризницею, для преданія землѣ съ тѣломъ покойного патріарха, одинъ малый, употребленный въ церемоніи, былъ оставленъ и, съ вѣдома его преосвященства, епископа беядерскаго и аберманскаго, взять въ ризницу Кишиневской митрополіи.

«Повторяя предъ вашимъ сіательствомъ просьбу мою о удостоеніи благосклоннаго вниманія препровождаемаго при семъ надгробнаго слова, имѣю счастіе пребыть съ совершеннѣйшею къ особѣ вашего сіательства преданностью и всегдашимъ послушникомъ, сіательнѣйшій князь, милостивый государь и благодѣтель, вашего сіательства всенижайшій послушникъ, архимандритъ Феофиль».

Согласно ходатайству о. Феофила, проповѣдника Константина Ибономоса получиль изъ кабинета Его Величества наперсный крестъ съ эмалью, осыпанный алмазами, а произнесенное имъ надгробное слово напечатано было, по Высочайшему повелѣнію, на греческомъ и русскомъ языкахъ на счетъ Св. Синода.

Высшая власть церковная, въ лицѣ Св. Синода, не принимала никакого участія въ такомъ чисто церковномъ дѣлѣ, какъ погребеніе патріарха. Это происходило оттого, что министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Синода о прибытии тѣла патріарха въ Одессу. Онъ только сообщилъ Св. Синоду «къ свѣдѣнію» о состоявшемся въ Одессѣ погребеніи патріарха около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ совершившагося события, именно 10-го августа 1821 года.

*

Ровно черезъ полвѣка послѣ мученической кончины святѣшаго патріарха Григорія, въ годъ празднованія Греческимъ королевствомъ пятидесятилѣтія своей независимости, смертные останки его перевезены были изъ Одессы въ Аеніи. Возвращеніе тѣла патріарха послѣдовало по ходатайству греческаго короля Георга I предъ государемъ императоромъ Александромъ II. Въ началѣ апрѣля 1871 года въ Одессу прибылъ греческій пароходъ «Византіонъ», на которомъ находилась особая комиссія для принятія останковъ патріарха. Во главѣ комиссіи стоялъ архіепископъ Каллиникъ, глубокій старецъ, бывшій при патріархѣ Григорії V іеродіакономъ; въ число членовъ комиссіи входилъ и племянникъ покойнаго патріарха, подполковникъ Георгій Ангелопуло.

Торжество перенесенія останковъ патріарха было распределено на три дня и раздѣлилось на три дѣйствія. 8-го апрѣля происходило открытие останковъ патріарха, которое состояло въ томъ, что въ присутствії одесскаго архіепископа Димитрія и членовъ эллинской депутаціи, при запертыхъ дверяхъ храма, былъ раскрытъ склепъ, и останки патріарха съ ветхими гробомъ положены были въ новый гробъ, который затѣмъ поставленъ былъ посреди храма на катафалкѣ. Затѣмъ храмъ былъ открытъ, и народъ допущенъ къ поклоненію.

9-го апрѣля происходило съ особенно торжественною церемоніею, при огромномъ стеченіи народа, перенесеніе останковъ патріарха изъ греческой церкви въ каѳедральный соборъ, где совершиена была заупокойная литургія и панихида, окончившіяся только въ двѣнадцатомъ часу; но служеніе панихиды надъ гробомъ по желанію разныхъ отдельныхъ лицъ продолжалось безъ перерыва до одиннадцати часовъ ночи. Всѣ православные жители Одессы съ великимъ благоговѣніемъ относились ко гробу священно-мученика патріарха. По отзывамъ очевидцевъ, «многіе поклонялись гробу съ крестнымъ знаменіемъ, лобызали не покровъ одинъ, но, подымая покровъ, лобызали самыя доски гроба и старались захватить хоть пылинку отъ праха ветхихъ досокъ его; прикасались лицомъ своимъ къ покрову и святительской мавтіи, бывшимъ на гробѣ».

10-го апрѣля, въ самый день мученической кончины патріарха, при такой же торжественной церемоніи, происходило перенесеніе останковъ патріарха изъ каѳедрального собора на пароходъ. Стченіе народа было такъ велико, что ничего подобного не запомнилъ Одесса въ лѣтописяхъ своего города. Огромная соборная площадь была вся залита народомъ. По совершенніи панихиды въ соборѣ, гробъ патріарха поднятъ былъ священниками, и открылось шествіе величественной процесіи. Впереди ходъ отрядъ казаковъ, затѣмъ слѣдовали пѣхотныя войска съ музыкой, потомъ несли церковныя хоругви и шли пѣвчіе,

а позади ихъ—духовенство; гробъ патріарха несли священики, кисті гроба поддерживали четыре самыхъ почетныхъ лица, двое изъ русскихъ и двое изъ грековъ, позади гроба шелъ генераль-губернаторъ, одесскій градоначальникъ, городской голова, затѣмъ несли городскія знамена. Шествіе замыкала артиллерія и отрядъ казаковъ. По обѣимъ сторонамъ шествія были разставлены войска. Балконы, окна, кровли—все покрыто было зрителями. Процессія въ строгомъ порядкѣ достигла пристани. Послѣ литія и провозглашенія вѣчной памяти патріарху Григорію, гробъ его былъ поставленъ на пароходъ «Византіонъ», который въ тотъ же день отплылъ изъ Одессы. Утромъ 12-го апрѣля онъ прибылъ въ Босфоръ. Турецкое правительство никому изъ грековъ не позволило поклониться праху патріарха. На Босфорѣ болѣе двадцати греческихъ судовъ присоединились къ «Византіону». Отрядъ греческихъ судовъ прошелъ мимо Константинополя самымъ малымъ ходомъ вдоль берега, усыпанного толпами зрителей. Въ Пиреѣ гробъ патріарха былъ встрѣченъ королемъ, духовенствомъ и войсками и на рукахъ принесенъ былъ въ Аеины и поставленъ въ аеинскомъ каѳедральномъ соборѣ¹⁾.

Свящ. В. Жмакинъ.

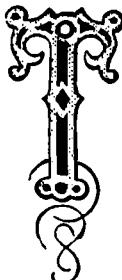


¹⁾ „Странникъ“. Май 1871 г. 177—191.



Заводскій бунтъ на Уралѣ въ 1829 году.

[Изъ быта рабочихъ и горно-заводскихъ крестьянъ Урала¹⁾].



I.

яжелая была пора для нашихъ крестьянъ во время крѣпостничества вънутри Россіи, въ центрѣ просвѣщенія и государственного строя, гдѣ можно было скорѣе найти судь и правду; но каково-то жилось крестьянамъ на окраинахъ, обѣ этомъ врядъ-ли кто знаетъ, ибо наша историческая литература совсѣмъ бѣдна свѣдѣніями о тѣхъ «медвѣжьихъ уголкахъ», «откуда,—по выраженію Гоголя,—хоть три года скаки», и то далеко не ускажешь, о тѣхъ далекихъ мѣстахъ, гдѣ было мало просвѣта, гдѣ былъ только мракъ, невѣжество, гдѣ стояла темнота и была глупь непроходимая, и гдѣ произволъ, самоуправство и грубая воля присныхъ не имѣли себѣ границъ и царили, не зная надъ собой другой власти.

Подъ тягостью непосильного гнета особенно изнывали крестьяне уральскихъ горныхъ заводовъ отъ своихъ управляющихъ и приказчиковъ, которымъ помѣщикъ, жившій по преимуществу въ Петербургѣ и заграницей и не явившійся никогда въ свои обширныя владѣнія, предоставлялъ полнѣйшую свободу дѣйствій и неограниченную власть.

Есть масса примѣровъ безчеловѣчнаго обращенія этихъ правителей съ крестьянами, но того больше безконтрольного обиранія рабочихъ различными поборами, незаконными уплатами долговъ и обремененіемъ заводскими работами, выше урочного положенія. Народъ былъ забить,

¹⁾ Изъ дѣлъ Уфимскаго (прежняго Оренбургскаго) губернскаго правлеія.

замученъ, потому что имъ распоряжался всякий, кто только хотѣлъ маленьку власть имѣть надъ нимъ, и били его кто хотѣлъ и за что хотѣлъ, а чаще всего ни за что, ни про что, такъ себѣ, «здраво живешь».

Въ памяти заводскихъ крестьянъ особенно сильно сохранился образъ приказчика Чижева, который наказывалъ рабочихъ положительно ради своего удовольствія и для поддержанія своего своего престижа. Осмотрѣть онъ въ куреняхъ¹⁾ работы; все найдеть исправно и довольный отправится домой, въ Катавъ-Ивановскій заводъ. «Слава Богу,—думаютъ крестьяне,—проводили». Но не тутъ было. По дорогѣ онъ вспомнилъ: «Ахъ, чортъ возьми, какъ же такъ, сегодня ни одного мужика не отхлесталъ», и съ половины пути возвращается назадъ.

— Эй, Иванъ, возьма-ка розги, да отпорика вотъ Макара. Я, кажется, давненько его не билъ.

— Помилуйте, Дмитрій Аятонычъ!—взмолится тотъ,—за что же? чѣмъ я провинился?

— Знаю, братъ, что ты не виновенъ, но нельзя же приказчику, побывавши въ куреняхъ, не отпороть никого. Что же про меня будуть говорить на заводѣ? Пойми ты, дурья башка! Скажутъ, что приказчикъ не строгъ, плохо осматриваетъ работы, коли не побилъ никого. Нѣть, братъ, ложись. Хоть ты, можетъ быть, не Макаръ, а Захаръ, а все-таки вызоротъ тебя, хоть не больно, а надо.

И пороли, и, конечно, ужъ не тихонько, а какъ слѣдуетъ, основательно. Что же это была бы за порка, если бы пороли такъ себѣ, для виду только. Вѣдь приказчику отъ того мало пользы. Вотъ когда спину вздуютъ до пузырей, тогда, значитъ, приказчикъ—человѣкъ честный, заботится о хозяйствскомъ интересѣ.

Да, были времена, лихія времена! Дай Богъ, чтобы они никогда больше не вернулись. Грубость нравовъ и недостатокъ просвѣщенія—всему виной. Какъ будто строгость въ томъ только и заключается, что непремѣнно надо бить.

И боялись же послѣ того крестьяне этихъ приказчиковъ, кстати сказать, кажется, больше всего на свѣтѣ. До чего доходилъ страхъ первыхъ передъ послѣдними, въ лѣтописяхъ уральскихъ заводовъ разсказывается такой характерный случай, лучше всего рисующій забитость и угнетенность порабощеннаго народа²⁾.

Какъ-то разъ въ сельскую церковь во время богослуженія вошелъ молодой парень и всталъ въ шапкѣ.

¹⁾ Мѣсто, гдѣ производится выжиганіе угля.

²⁾ „Уфим. губ. вѣд.“ 1893 г. № 36.

— Что ты дѣлаешь? Сними шапку! — толкнулъ его рядомъ стоящій мужичекъ.

— А что! — удивился тотъ. — Рази Егоръ Тимоѳеевичъ здѣсь?

Егоръ Тимоѳеевичъ Бисяринъ былъ приказчикъ этого завода.

— Дурень! чать тутъ церковь!

— А ..а! — протянулъ парень и скинулъ шапку.

Рѣдки, очень рѣдки бывали случаи, чтобы заводскіе управляющіе и приказчики когда-нибудь терпѣли за свои злодѣянія народу законное возмездіе. Въ Катавскихъ, напримѣръ, заводахъ, насчитывается единственный одинъ только примѣръ, какъ приказчикъ Утушкинъ, за дерзкіе свои поступки съ народомъ, послѣ цѣлаго ряда слезныхъ жалобъ губернскій власти, наконецъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственностіи и заключенъ въ тюрьму.

Народъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда земскій исправникъ Оршеневскій «во всей формѣ и орденахъ», точно Ѳхаль арестовать какого высокаго преступника, явился на заводъ. Дѣло было утромъ. Утушкинъ сидѣлъ въ заводской конторѣ и дѣлалъ распоряженія: кого выпороть розгами, кого отправить въ острогъ, кому заняться какой работой, когда туда вошелъ исправникъ.

— Утушкинъ! — обратился онъ къ нему, — за всѣ твои злоупотребленія властью, по распоряженію начальства, именемъ закона, я арестую тебя.

Приказчикъ вѣкоторое время смотрѣлъ на Оршеневскаго, точно хотѣлъ сказать: «Не съ ума ли ты сошелъ. Кто же, моль, его, главнаго здѣсь хозяина, арестовать можетъ?» Исправникъ повторилъ свое требование.

— Не имѣшь права, — крикнулъ Утушкинъ. — Я здѣсь уполномоченное лицо, я дѣлаю все, что слѣдуетъ, въ интересахъ владѣльца, и никто не имѣть права распоряжаться здѣсь, кромѣ меня и хозяина. А васъ я знать не хочу. Знайте, что, если я донесу владѣльцу, вы платитесь за эту дерзость. Убирайтесь къ чорту!

Но исправникъ впередъ предвидѣлъ такой отвѣтъ и, конечно, пришелъ не съ пустыми руками и не одинъ. Онъ отворилъ дверь и машиналъ кому-то. Явилась три казака, схватили Утушина, заковали его въ жељза и посадили сначала въ заводскій острогъ, где уже сидѣло десять крестьянъ, ранѣе посаженныхъ имъ. Къ дверямъ былъ приставленъ казачій караулъ, съ приказаніемъ не допускать къ нему никого. Но народъ и безъ того боялся показаться ему на глаза. Даже тогда, когда его отправляли въ тюрьму въ г. Уфу, крестьяне не показывали носа изъ своихъ домовъ, а то, чего доброго, соскочить съ телѣжки, да и отпореть тутъ же, — «зачѣмъ-де глазѣете!» Дорогой Утушкинъ все-таки не переставалъ увѣрять всѣхъ, что онъ скоро вер-

нется и по-прежнему будетъ тиранить народъ. Но этому не суждено было сбыться; онъ умеръ въ тюрьмѣ, не дождавшись суда и расправы надъ нимъ. Видимо, совѣсть, какъ неутомимый судья, сломила дикую натуру гордости и своеволія, и онъ не выдержалъ нравственныхъ мученій передъ неизвѣстнымъ еще ему, во, очевидно, тяжкимъ и строгимъ возмездіемъ.

II.

Чрезвычайно сильный антагонизмъ между рабочими и служащими почему-то особенно замѣчался на заводахъ, такъ называемыхъ Верхне-Исетскихъ или Катавскихъ: Усть-Катавскомъ, Катавъ-Ивановскомъ, Юрзинскомъ и Миньскомъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ, которые въ описываемое время, т. е. въ 1829 году, когда тамъ произошло одно изъ печальныхъ происшествій, стоявшее несоколькихъ жизней, принадлежали княгинѣ Аннѣ Григорьевнѣ Бѣлосельской-Бѣлоозерской, супругѣ князя Александра Михайловича. Чѣмъ объяснить непримиримую вражду первыхъ послѣдними—Богъ вѣсть. Можно только предполагать одну причину, что раньше заводы эти принадлежали и даже основаны¹⁾ частнымъ предпринимателемъ, симбирскимъ купцомъ Иваномъ Борисовичемъ Твердышевымъ (впослѣдствіи за свое усердіе произведенъ въ коллежскіе асессоры), а крестьяне и рабочіе были выходцами изъ другихъ областей, переселенные сюда чуть не насильно, когда, послѣ 1735 года, по проекту секретаря сената Кирилова, предположено было образовать новую губернію—Оренбургскую, куда приглашали не только желающихъ, но различнымъ предпринимателямъ, кто бы они ни были, позволялось покупать изъ центральныхъ губерній крестьянъ и переводить ихъ на новыя и нетронутыя земли. Служащіе же, т. е. приказчики и управляющіе, назначались большою частью «изъ своихъ», изъ «симбириковъ», которые на остальную братію—рабочихъ, смотрѣли свысока, какъ «не ихняго поля ягода».

Рабочими были по преимуществу крестьяне Рязанской и Московской губерній, селившіеся на новыхъ мѣстахъ отдѣльно другъ отъ друга, т. е. выходцы изъ одного селенія отъ поселенцевъ, вышедшихъ изъ другой губерніи или уѣзда и даже волости, застраивались особыми улицами, которые и по днѣсь носятъ названія тѣхъ сель и деревень, откуда

¹⁾ Родословіе этихъ заводовъ таково: Катавъ-Ивановский построенъ на р. Катавѣ въ 1755 г., Юрзинъ-Ивановскій на р. Юрзинѣ—въ 1758 г., Усть-Катавскій въ 1759 г. и Миньскій въ 1762 году.

вышли эти крестьяне, какъ, напримѣръ, Никольская, Никитинская, Калиновская и проч., и, конечно, рѣдко сходились съ тѣми поселенцами, которые были присланы сюда самимъ хозяиномъ и жили здѣсь на «особливомъ», какъ бы льготномъ, положеніи. Даже тогда, когда послѣ смерти въ 1771 году Твердышева, умершаго бездѣтнымъ, заводы эти по наслѣдству перешли къ сестрѣ его, бывшей замужемъ за Мясниковымъ, а эта послѣдняя при выдачѣ своей дочери Екатеринѣ Ивановны замужъ за статского совѣтника Григорія Васильевича Козицкаго, отдала ей всѣ заводы Катавскіе въ приданое, отъ которой они потомъ, также въ качествѣ приданаго, перешли къ дочери Аннѣ Григорьевнѣ [впослѣдствіи статсъ-дама]¹); на заводахъ этихъ остались тѣ же порядки, какіе были и во времена купеческаго управления, и на крестьянъ мало обращалось вниманія помѣщицей ихъ, которая, видимо, не знала, до чего тутъ доходило самоволіе и самоуправство служащихъ, хотя главное управление заводовъ было въ Петербургѣ подъ ея личнымъ руководствомъ.

Помимо грубаго, деспотического обращенія съ крестьянами, управляющіе, конторщики, приказчики и куренные мастера эксплуатировали ихъ елико возможно. Народъ обременялся непосильными работами, провіантъ продавался не по покупной цѣнѣ, а такъ, какъ вздумается конторщику, какъ это было въ 1828 году, когда рожь на базарѣ стоила 35 коп., заводскія конторы отпускали ее своимъ крестьянамъ по 75 коп. пудъ, и такая цѣна произвольно удерживалась и въ теченіе 1829 г., несмотря на значительное уменьшеніе прежнихъ цѣнъ на рынкѣ. Сильно рабочіе жаловались еще на то, что конторы производили непомѣрные вычеты изъ заработанныхъ ими денегъ въ уплату долговъ будто бы помѣщицѣ за взятыхъ для заводскихъ же работъ лошадей и за сѣмена на посѣвъ полей, и долги эти съ каждымъ годомъ, несмотря на каждомѣсячная уплаты, накаплялись все больше и больше, а у нѣкоторыхъ доходили до 300—500 рублей, хотя крестьянами княгини они были всего только десять лѣтъ.

«Я самъ былъ свидѣтелемъ,—говорить въ своемъ донесеніи, отъ 21 іюля 1829 г., начальнику уральскихъ горныхъ заводовъ заводскому исправнику Шузыревскому²), что крестьянину Павлу Григорьеву работавшему съ 1 марта по 15 іюня, причиталось 10 руб. 40 коп., но Миньскою заводской конторою ему выдано было только 2 руб. 80 коп., а остальные вычеты за долги, слишкомъ въ 300 руб., числящіеся за чимъ».

Слѣдовательно, не было никакого сомнѣнія, что конторщики и

¹⁾ „Уфимскія губ. вѣд.“ 1893, № 26, „Русск. Старина“, апрѣль 1892.

²⁾ Шузыревскій былъ командированъ за Катавскіе заводы, вслѣдствіе происходившихъ тамъ беспорядковъ для производства слѣдствія.

приказчики не столько оберегали интересы своей помѣщицы, сколько заботились о набитіи своего кармана.

Терпѣли, терпѣли крестьяне, наконецъ и ихъ нечеловѣческое терпѣніе лопнуло. Среди нихъ нашелся какою-то грамотей, заводской служащій Илья Таракановъ, настроилъ онъ имъ просьбу, и они, въ сентябрѣ 1828 года, подали ее оренбургскому гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому советнику О. Л. Дебу, изложивъ подробнѣ, какъ приказчики «чинили имъ обиды, жестокіе побои и притѣсненія». Къ прошенію этому подписалось и за безграмотностію «приложили руки» 2.571 человѣкъ. Но губернаторъ Осипъ Львовичъ, одинъ изъ самыхъ худшихъ губернаторовъ оренбургскихъ, бездѣятельный, несправедливый и отличавшійся не особенно завидной репутацией въ дѣлѣ управлениія¹⁾, вместо того, чтобы, въ виду серьезности дѣла, самому лично на мѣстѣ провѣрить эту жалобу и разобрать дѣло или хотя по крайней мѣрѣ командировать изъ г. Уфы²⁾ для производства слѣдствія особаго своего чиновника, распорядился очень неумѣло. Тараканова, якобы главнаго возмутителя и засѣнщика, онъ приказалъ безъ всякой причины заключить въ тюрьму, а производство дознанія поручилъ управляющему тѣхъ же Катавскихъ заводовъ, подполковнику Гаферланду.

Конечно, послѣ того не трудно догадаться, какъ производилось это слѣдствіе. «Свой своему по неволѣ другъ» — здѣсь оправдалось какъ нельзя быть точнѣ. Гаферландъ, само собою разумѣется, выгородилъ во всемъ своихъ подчиненныхъ служащихъ, дѣйствовавшихъ, какъ потомъ оказалось, по его же наущеніямъ, и обвинилъ во всемъ крестьянъ, препроводивъ изъ нихъ пять человѣкъ въ тюрьму.

Понятно, что такая воопіющая несправедливость не могла пройти безслѣдно. Народъ не выдержалъ. Доведенный притѣсненіями до послѣдней степени напряженности въ своей ненависти къ притѣснителямъ, онъ дождался только единственной одной спички, чтобы воспламениться. Гаферландъ чиркнулъ этой спичкой, огонь вспыхнулъ, и начался пожаръ, такой пожаръ, который потомъ пришлось заливать вооруженной силой. Разыгралась драма, драма плачевная, кровавая, одна изъ тѣхъ горькихъ драмъ, какими полонъ быть нашего крѣпостничества и особенно заводскаго люда гордыхъ твердынь величественнаго Урала, но о которыхъ почти нѣть никакихъ свѣдѣній въ нашей литературѣ.

¹⁾ Въ архивѣ генераль-губернаторской канцелярии есть много дѣлъ о его незаконныхъ и несправедливыхъ дѣйствіяхъ.

²⁾ Здѣсь необходимо замѣтить, что центръ гражданскаго управлениія Оренбургской губерніи была г. Уфа, гдѣ жилъ и гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ же сосредоточивалось все военное управление этого края, подъ личнымъ завѣдываніемъ начальника всей губерніи, такъ называемаго военнаго губернатора.

III.

Дѣло началось, можно сказать, изъ-за пустяковъ, но потомъ, благодаря неумѣлымъ распоряженіямъ, разгорѣлось въ открытое возмущеніе.

24-го мая этого 1829 года въ Юрзань-Ивановскій заводъ прїѣхалъ земскій исправникъ Коуровъ, которому послѣ Гаферланда было поручено дальнѣйшее производство слѣдствія по крестьянской жалобѣ. Но едва только онъ успѣлъ остановиться на квартирѣ, какъ къ нему съ жалобой на приказчика Максима Костина явился крестьянинъ Егоръ Шерстеневъ. Хотя жалоба эта заключала самое заурядное явленіе въ заводскомъ быту, но исправникъ почему-то придалъ ей иное значеніе, чѣмъ слѣдовало бы въ сущности.

Шерстеневъ разсказывалъ, что, состоя при заводѣ сотеннымъ урошникомъ, онъ весь мѣсяцъ май, вмѣстѣ съ сыномъ, провелъ въ «дрово-сѣкахъ»¹⁾, гдѣ принималъ куренные дрова для жженія угля. Окончивъ приемку, онъ 22-го числа возвратился въ Минскій заводъ, но на другой день приказчикъ Костинъ отдалъ приказаніе отправиться его сыну Федору въ дер. Шубину за тесомъ, причемъ выдалъ ему, для этой работы, одинъ станъ колесь, который на самомъ дѣлѣ были никуда не годны,—сырыя и неокованыя. Въ виду этого, Шерстеневъ не исполнилъ приказанія приказчика, а купивъ у сосѣда новый станъ колесь, отправился въ поле на распашку земли для посѣва. Костинъ призналъ такой поступокъ за ослушаніе, вы требовалъ къ себѣ Шерстенева и «оштрафовалъ его лозами», при этомъ и самъ «таскалъ его за волоса».

По опросу свидѣтелей, дѣйствительно подтвердились, что Шерстеневъ былъ наказанъ розгами, но приказчикъ «за волоса его не таскалъ». Напротивъ, самъ Шерстеневъ, послѣ его оштрафованія, ругалъ Костина буяномъ, разбойникомъ и кровопійцей.

«Усматривая въ сей неправильной жалобѣ непозволительный по-клепъ» на строгость Костина, исправникъ, не долго думая, приказалъ бывшему съ нимъ унтеръ-офицеру горнозаводской команды взять Шерстенева подъ стражу.

— Ребята, заступитесь!—крикнулъ Шерстеневъ толпившемуся около квартиры исправника народу, потомъ рванулся, оторвалъ у унтеръ-офицера рукафъ и былъ таковъ.

Крестьяне, предводительствуемые своими односельчанами: Строевыми, Сырцовыми, Шиндиными и Слыцзовыми, запутались и стали застойчиво требовать «наказать Костина за Шерстенева». Исправникъ сначала ласково уговаривалъ ихъ, потомъ началъ на нихъ кричать и

¹⁾ Мѣстность, гдѣ вырубается лѣсъ.

страшать угрозами. Но это мало помогло дѣлу. Народъ еще больше за-
волновался.

Въ виду такого оборота дѣла, для успокоенія крестьянъ, исправни-
ку следовало бы хоть наружно показать, что онъ сочувствуетъ имъ и
готовъ наказать приказчика. Наконецъ, чтобы оградить себя и спасти
Костина, онъ могъ временно даже арестовать его. Но вместо этого
онъ вынулъ изъ своей папки Высочайшій манифестъ отъ 12 мая 1826
г. и указъ Правительствующаго Сената отъ 10-го августа 1826 г.¹⁾
и прочель ихъ крестьянамъ. Тутъ поднялся такой шумъ, гвалтъ, гамъ,
крики, полетѣли камни въ окно, что исправникъ давай Богъ ноги, сѣль
въ телѣжку и уѣхалъ въ сосѣдній Катавъ-Ивановскій заводъ.

Обо всемъ случившемся, конечно, сообщено было губернскому на-
чальству, а Юрезань-Ивановская контора, чтобы еще больше обвинить
крестьянъ, следомъ за этимъ послала исправнику донесеніе, что «75 че-
ловѣкъ урочинъ углесидовъ, нѣкоторые не склавъ въ кучи дрова, дру-
гие, хотя и склали, но, не осыпавъ землею и не обложивъ дерномъ,
самовольно безъ позволенія конторы, куренныхъ мастеровъ и надзира-
телей, по наущенію Егора Шерстенева, уѣхали домой для исправле-
нія своихъ нуждъ».

На мѣсто происшествія былъ командированъ правящій должность
заводскаго исправника чиновникъ Пузыревскій, который пришелъ къ
совершенно иному выводу.

Несправность крестьянъ произошла отъ ненастнаго и холоднаго
времени, заставивъ ихъ гораздо позже обыкновеннаго обрабатывать по-
ля и засѣвать яровое, что дѣйствительно было необходимо для поддер-
жанія ихъ немудренаго хозяйства, и къ тому же съ 1-го мая по 17-е
июня шли непрерывные дожди, не позволявшіе имъ выполнить заводскіе
уроки и поставившіе ихъ въ невозможность продолжать работу въ бо-
лотистыхъ и неровныхъ мѣстахъ, наполнившихся водой.

«Все это показываетъ,—какъ доносить онъ 21-го июля главному на-
чальнику горныхъ заводовъ,—что крестьяне ни чуть не расположены
уклоняться отъ работы, а напротивъ обнаруживаетъ «кичливый и не-
благонамѣренный духъ» приказчика Утушкина, другаго Костина и по-

¹⁾ Особеннаго интереса нѣть приводить эти указы дословно; чтобы понять ихъ, достаточно сказать, что первый начинается такъ: „Извѣстно стало, что распространяются слухи, что кавенныя крестьяне будуть освобождены отъ уплаты податей, а помѣщики отъ повиновенія ихъ господамъ. Но эти слухи есть ложные, поэтому всѣ крестьяне во всей точности должны исполнять всѣ обязанности, закономъ предписанные“. Во второмъ же указѣ говорилось, „что крестьяне, не повинующіеся предписаніямъ закона по сему указу, будуть пре-
даваться военному суду“.

добныхъ имъ куренныхъ мастеровъ»; и, какъ одну изъ вѣрнѣйшихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ для успокоенія крестьянъ, онъ предлагалъ смынить съ должностей этихъ двухъ приказчиковъ и еще двухъ куренныхъ мастеровъ Сигина и Любимова, «ибо они могутъ довести ненавидѣвшій ихъ народъ до послѣдней крайности». Увы! начальство не вняло голосу Пузыревскаго, оказавшагося потомъ пророческимъ.

Въ этотъ же пріѣздъ, крестьяне Миньского завода просили исправника дать отпускъ 25-ти человѣкамъ изъ нихъ, чтобы сѣздили въ Уфу выручить Тараканова, за которого «они обязались круговой лорукой защищать его». Съ такой же просьбой на другой день 17-го июля явилось къ нему еще 6-ть крестьянъ Юрезань-Ивановскаго завода, также просившихъ для той же цѣли отпустить 50 человѣкъ. Конечно, Пузыревскій не уважилъ ихъ просьбы и насколько могъ старался отговорить ихъ отъ такого опаснаго предприятия. Онъ только, соглашаясь на ихъ доводы, разрѣшилъ имъ отсрочку на выполненіе заводскихъ работъ. Но едва онъ уѣхалъ изъ завода, какъ 45 человѣкъ категорически отказалисьѣхать въ курени, а 18-го числа крестьяне Шерстеневъ и Карнеевъ самовольно отправились въ Уфу съ цѣлью освободить Тараканова, для чего необходимая на ихъ проѣздѣ сумма была собрана съ окрестныхъ крестьянъ по раскладкѣ: съ крючныхъ мастеровъ по 1 руб., съ подмастерьевъ—70 к., рабочихъ—40 к. и со всѣхъ прочихъ, желавшихъ помочь этому дѣлу, по 50 коп. Узнавъ такой казусъ, исправникъ снова принужденъ былъ пріѣхать въ Юрезань.

Возбужденіе крестьянъ уже дошло до высшей степени, и утро 21-го июля разразилось открытымъ возмущеніемъ. Зачинщики—Базановъ, Карабановъ, Строевъ, Марахтинъ и Сырдовъ, явившись къ Пузыревскому, настойчиво требовали, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ списокъ крестьянамъ, въ числѣ 2.571 человѣкъ, подписавшихся подъ новой просьбой, которую они хотѣли подать губернатору на незаконныя дѣйствія бывшаго управляющаго Гаферланда и на несправедливо произведенное слѣдствіе о Таракановѣ. Но исправникъ отказался подтвердить подлинность всѣхъ подписавшихся и сталъ снова уѣщеватъ ихъ, «что такой своевольный поступокъ не пройдетъ даромъ, ибо помимо уѣзданого суда дѣло будетъ представлено выше».

— Что вы намъ тольуете!—отвѣчали крестьяне,—мы сами хорошо знаемъ, что дѣлаемъ. Вы вотъ лучше освободите намъ Тараканова, а то мы безъ него никогда не будемъ спокойны.

Пузыревскій, понятно, ничего не могъ сказать имъ на это, и зачинщики ушли объявить о такой неудачѣ своимъ односельчанамъ, которые «въ значительномъ количествѣ» уже собрались за околицей. Исправникъ хотѣлъ былоѣхать туда «разогнать толпу», но его успѣли предупредить во-время, что цѣль сбора крестьянъ наласть на него съ управлѣ-

щимъ заводами Петровымъ, связать ихъ и потомъ начать поголовное избіеніе всѣхъ заводскихъ служащихъ.

Дѣйствительно, немнога погодя, толпа въ 300 человѣкъ подошла къ дому управляющаго и такими же требованіями, съ какими являлась къ исправнику, приступила къ нему. Между тѣмъ, другая шайка, гораздо больше первой, собиралась на противоположной сторонѣ улицы, у забора, противъ квартиры Петрова.

Кое-какъ увѣщаніями и обѣщаніями управляющему удалось уговорить первую, и она отхлынула прочь. Но тутъ, подъ предводительствомъ крестьянинна Базанова, приступила другая, стоявшая до того у забора.

Пузыревскій и Петровъ стояли, окруженные только пятью преданными имъ рабочими, и откуда-либо другой помощи трудно было ожидать. Нельзя было не опасаться насилия со стороны остервенѣвшихъ крестьянъ. На грѣхъ еще исправникъ взялъ подъ свое покровительство крестьянина Сурина, одного изъ пославшихся въ Уфу ходоковъ для освобождѣнія Тараканова, но не исполнившаго порученія, такъ какъ на пути туда былъ перехваченъ полиціей. Крестьяне же считали, что онъ самъ добровольно передался властямъ.

— А ты здѣсь, измѣнишь! здѣсь, продажная душа! — увидя его, заорали бунтовщицы. — Бери его!

И вѣсолько человѣкъ начали вбираться на крыльцо дома. Крики и угрозы сыпались со всѣхъ сторонъ. Бѣшенство крестьянъ возрастало съ непомѣрной силой. И исправнику ничего не оставалось дѣлать, какъ только удовлетворить желаніе крестьянъ. Онъ выдалъ имъ Сурина, и толпа на нѣкоторое время успокоилась.

Сначала предводитель шайки Базановъ нѣкоторое время тихо и «пристойно» разговаривалъ съ нимъ, потомъ вдругъ схватилъ его за воротникъ кафтана и началъ наносить ему удары. Сурину однако удалось вырваться, и онъ бросился бѣжать въ домъ управляющаго. Базановъ за нимъ, преслѣдуя его, ногоньетъ въ коридорѣ, снова береть за шиворотъ, выволакиваетъ наружу, толпа нахлынула на него, и началась несчастному нещадная потасовка.

«Ни повелительный голосъ, ни просьбы, ни увѣщанія» управляющаго и исправника не повели ни къ чему.

— Уйдите вы отсюда ради Бога безъ грѣха, — отвѣчали крестьяне, — а то и вамъ то же будетъ. И какъ хотѣлось мучили, били и топтали ногами свою жертву. Они хотѣли выпороть его розгами и ужъ приготовились къ этому. Только «напоминанія религіозныя» по случаю воскреснаго дня немнога поколебали ихъ намѣреніе.

— Побойтесь Бога, братцы! — умолялъ Пузыревскій, — сегодня праздникъ, люди Богу молятся, а вы кровь проливаете. Ну, будешь, побили, бросьте!

Толпа, наконецъ, оставила Сурина, хотя главные зачинщики, Базановъ и Карабановъ, все еще кричали: «Бей его до смерти! Онъ намъ измѣнникъ!»

Много еще помогло благопріятному обороту дѣла и то, что исправникъ, въ угоду крестьянамъ, поспѣшилъ приказать посадить его подъ стражу при заводской полиції.

Удовлетворивъ такимъ образомъ свою месть и успокоенные Пузыревскими, что «чрезъ десять дней къ нимъ пріѣдетъ слѣдователь и вѣт ихъ жалобы разбереть по правдѣ», крестьяне мало-по-малу стали расходиться, но при этомъ не забыли напомнить исправнику, чтобы «въ заводъ для допроса быть вытребованъ и Таракановъ, а то они до той поры не будутъ спокойны, а ежели только участъ его будетъ отягчена, они произведутъ всеобщее волненіе».

— Мы вѣдь черезъ два дня получимъ отъ него извѣстіе и тогда готовы рѣшиться на все,—говорили они въ заключеніе.—Тогда посмотримъ, что будетъ съ вами.

Дѣло все болѣе и болѣе принимало угрожающій характеръ. Отношенія крестьянъ къ заводскимъ служащимъ обострялись съ каждымъ часомъ. Опасно становилось жить и въ заводахъ, и въ деревняхъ. И въ тотъ же день Петровъ надумалъ покинуть Юрзань-Ивановскъ и уѣхать въ Уфу, но, чтобы бунтовщики не преградили ему путь, онъ попросилъ Пузыревского проводить его.

Едва только выѣхали они изъ завода, толпа крестьянъ во главѣ съ тѣми же зачинщиками, окружила ихъ за околицей.

— Стой! Куда ёдешь?—крикнулъ на управляющаго Карабановъ.

Петровъ перетрусила дотого, что едва могъ вымолвить, что ёдетъ въ Уфу.

— А, въ Уфу! Жаловаться!—заоралъ другой зачинщикъ, Строевъ.—А, ну-ка, братцы!

— Постой! Постой! Что орешь?—вступилъ за управляющаго Базановъ и потому, обращаясь къ послѣднему, строго сказалъ: «Ежели въ Уфу, то поѣжай и Тараканова намъ привези, а иначе не являйся!»

Вся толпа повторила тѣ же слова, и на голову управляющаго посыпались со всѣхъ сторонъ различные укоризны, дерзости и ругань. Пузыревскій сталъ было уговаривать ихъ, но Карабановъ и Базановъ перебили его:

— Не съ вами говорять, молчите и слушайте, а то и вамъ будеть!...

Наконецъ, толпа отхлынула, и управляющій цѣль и невредимъ поѣхалъ своей дорогой.

IV.

Въ Уфѣ только тогда всполошилось все губернское начальство, когда прибывшій туда управляющій рассказалъ о случившемся, а до того власти пальцемъ не пощевелили на всѣ извѣстія изъ заводскихъ конторъ и отъ исправника. Тотчасъ же полетѣли во всѣ стороны курьеры. Прежде всего было сообщено въ Оренбургъ военному губернатору, генералъ - адъютанту П. К. Эссену. Была послана также эстафета министру финансовъ, такъ какъ заводскіе крестьяне подчинялись вѣдомству этого министерства, и въ ближайшія крѣпости разосланы отношенія съ требованіемъ вооруженныхъ командъ. А между тѣмъ, для производства слѣдствія въ Юрзанскій заводъ былъ командированъ совѣтникъ Оренбургскаго губернскаго правленія, Дударь, и уфимскій земскій исправникъ.

По полученіи такого печального извѣщенія, генералъ - адъютантомъ Эссенъ было сдѣлано распоряженіе для усмиренія непокорныхъ движенья ближайшія команды башкиръ и мещераковъ изъ Троицкаго и Уфимскаго уѣздовъ и казаковъ Уфимской станицы и внутренней стражи, и въ свою очередь Петръ Кирилловичъ донесъ объ этомъ случаѣ въ Петербургъ.

Волненія, между тѣмъ, среди крестьянъ ни чутъ не прекращались. Когда отъ совѣтника Дударя нѣкоторые изъ возмутителей узнали, что Таракановъ не будетъ освобожденъ изъ острога, снова начали собираться шайки, одна изъ которыхъ едва-едва не разнесла по бревенкамъ Юрзанскую заводскую контору, и только благодаря вышательству горно-заводской команды солдатъ и Пузыревскаго, также присутствовавшаго при слѣдствіи, бунтовщикамъ не удалось сдѣлать этого. Они ходили всюду съ ножами и топорами...

Выѣхавшіе слѣдомъ за Дударемъ для точнаго изслѣдованія дѣла и. д. оренбургскаго гражданскаго губернатора, вице-губернаторъ Безобразовъ, и совѣтникъ Пермскаго горнаго правленія, Сочеляевъ, не добѣжая нѣсколько верстъ до Юрзанскаго завода, на дорогѣ получили извѣстіе, что крестьяне въ воскресеніе 28-го іюля рѣшили собраться со всѣхъ окрестныхъ деревень въ Юрзань, чтобы произвести «окончательное возмущеніе.» И дѣйствительно, по приѣздѣ въ заводъ, вице-губернаторъ засталъ у дома крестьянина Базанова большое собріще и «замѣтилъ особенное настроеніе крестьянъ, которое, по мѣрѣ разговора съ ними, обнаружило въ ихъ закоренѣлости, но, послѣ увѣшаній, они пали на колѣни и просили войти въ ихъ тѣгостное положеніе.»

При вторичномъ сборѣ крестьянъ на другой день, 29-го іюля, они подали вице-губернатору прошение, съ именными «регистромъ» 2.581 именъ, въ которомъ жаловались на Гаферланда и на неправильно произведенное слѣдствіе по дѣлу Тараканова, гдѣ, между прочимъ, говорили: «А нынѣ узнать, что Таракановъ заключается въ тюрьмѣ, о которомъ весьма всѣ соболѣзнують, ибо ему, Тараканову, преграждены всѣ пути къ оправданію».

Безобразовъ принялъ просьбу, провѣрилъ по списку всѣхъ собравшихся, отмѣтилъ отсутствующихъ и, успокоивъ ихъ, что самъ подробно разбереть ихъ просьбу, просилъ разойтись по домамъ, и крестьяне безпрекословно всѣ отправились на работы.

Вице-губернаторъ дѣйствовалъ осторожно, боясь вооружить противъ себя крестьянъ и тѣмъ испортить дѣло. Пока еще губернскіи властямъ нельзя было развернуться, чтобы показать свою силу, ибо «не вѣсть что могло произойти», а надежда на заводскую полію была плохая, такъ какъ ея было слишкомъ мало, да она и сама боялась крестьянъ и, какъ напримѣръ, во время первого волненія 21-го іюля разбрѣжалась отъ страха по окрестностямъ. Воинскія же компании еще не успѣли прибыть въ заводы, хотя имъ и было предписано идти форсированнымъ маршемъ.

Наконецъ, 1-го августа изъ Уфы прибыли 37 казаковъ, за ними еще 150 башкиръ и мещераиковъ изъ ближайшихъ кантоновъ Уфимскаго уѣзда, затѣмъ явилось 100 мещераиковъ изъ 3-го кантона, а потомъ 2-го августа прибыла пѣхотная команда въ 288 человѣкъ, такъ что численности войскъ было достаточно, чтобы при случае удержать крестьянъ въ повиновеніи.

Чувствуя уже за собой опору, вице-губернаторъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе, и 3-го августа, чрезъ исправника, приказалъ крестьянамъ снова собраться въ Юрьеванскій заводъ къ раннему обѣду. Но они не исполнили этого приказанія и начали собираться только вечеромъ и даже ночью, такъ что сборъ ихъ состоялся на другой день.

Едва только наступило утро четвертаго числа и собранные крестьяне, въ ожиданіи начальства, стояли спокойно на площади у заводской поліціи, переговариваясь между собой,—вдругъ тряхнулъ тревогу барабанъ, и изо всѣхъ концовъ заводскихъ улицъ по этому сигналу показались вооруженные съ ногъ до головы, съ нагайками въ рукахъ, въ синихъ мундирахъ, конные казаки, за ними на извозчныхъ своихъ лошаденкахъ, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ шашками на-голо, башкирскіе панцырники и мещераики, склонивъ за кони склонъ шагомъ, съ заряженными ружьями, бѣжала пѣхота. Крестьяне вздрогнули, перетрусили, поднялся плачь, стоны, крики. Коннина бо-

манды окружили бунтовщиковъ со всѣхъ сторонъ. Шѣхота заняла мѣсто внутри каре.

Пользуясь этой минутой всеобщаго смятенія, тутъ же прибывшій въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ властей вице-губернаторъ обратился къ народу съ рѣчью ¹⁾:

«Просьбу вашу я разсмотривалъ, и требуется много соображеній по прежнимъ дѣламъ, находящимся нынѣ на производствѣ въ Оренбургской палатѣ уголовнаго суда, и поэтому не нахожу возможнымъ сдѣлать ей теперь окончательное разрѣшеніе. Но, чтобы всѣ жалобы ваши были на виду у правительства, я препроводилъ эту просьбу предсѣдателю судебной палаты. Отъ сего присутственнаго мѣста зависить дать ей законное направление. Съ своей стороны я настою, чтобы дѣло окончилось скорѣе. Служитель Таракановъ будетъ имѣть случай лично объяснить при спросахъ все то, что вы въ просьбѣ просите.

«Теперь обращаюсь къ списку. Въ немъ показано 2.571 душа. Между тѣмъ это — неправда. По перекличкѣ оказалось совершеннаго возраста до 18 лѣтъ 1.219 душъ, малолѣтковъ отъ 18 до 1 года — 949 душъ, вдвойнѣ написанныхъ — 215 душъ, умершихъ трое, въ числѣ коихъ нашлись такие, которые далеко прежде возникшихъ жалобъ умерли. Написано именъ такихъ, какихъ никогда не было въ имѣніи, 148 душъ и двадцать номеровъ по ошибкѣ или умышленно къ составленію числа 2.571 душа вами надбавлено. Слѣдовательно, по списку имѣютъ право просить только 1.219 душъ. Зачѣмъ же вы обманываете начальство? Правительство печется объ васъ. Всѣмъ вашимъ жалобамъ данъ ходъ, и теперь онѣ присланы горнымъ правленіемъ для законнаго производствѣ и направленія. Что правительство печется объ васъ, видно изъ указовъ пермскаго горнаго правленія отъ 20-го мая и 11-го и 17-го юля сего года: 1) объ уменьшеніи по заводамъ владѣлицы вашей расположения на рабочихъ людей уроковъ; 2) предписано Юрезань-Ивановской заводской конторѣ, дабы она выдавала вамъ деньги подъ зарплаты, если вы нуждаетесь; 3) постановлено въ обязанность госпожѣ вашей выдавать вамъ провизію по истинно покупной цѣнѣ, и 4) помимо того, обращено вниманіе избавить вашихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ работы въ рудникахъ.

«Но вы не вняли симъ для вашей просьбы распоряженіямъ и начинаете дѣлать дерзости» ²⁾...

¹⁾ Рѣчь эта была представлена потомъ (9 августа) ген.-ад. Эссену. Приводимъ изъ нея только то, что относится къ дѣлу, избѣгая повтореній и уже известныхъ данныхъ.

²⁾ Здѣсь всего страннѣе то, что упоминаемыхъ Безобразовымъ указомъ крестьяне и въ глаза не видали, и никакихъ распоряженій начальства для

Далѣе вице-губернаторъ перечислилъ всѣ незаконныя дѣйствія крестьянъ, ихъ самовольные поступки и грубое обращеніе съ управляющими, съ исправникомъ и проч. и въ заключеніе сказаъ:

«Вы сдѣлали сами себѣ хуже. Теперь пеяйте на себя и на своихъ вожаковъ. Главныхъ изъ нихъ я отдамъ подъ военный судъ, а съ вами будетъ особыя расплаты»...

Крестьяне, въ числѣ 1.076 человѣкъ (за исключеніемъ 107, рабѣ изъявившихъ повиновеніе, которые находились въ сторонѣ отъ прыхихъ), стояли въ смущеніи и упорно молчали.

— Что онъ настѣ страшаетъ! — вдругъ изъ толпы выскочилъ одинъ изъ возмутителей, Осипъ Базановъ. — Мы до царя дойдемъ...

Народъ заволновался, начался снова шумъ, раздались крики. Видимо сильно было вліяніе на крестьянъ этого зачинщика. Можно было ожидать, что онъ увлечетъ за собой толпу.

Видя такой оборотъ дѣла, Безобразовъ, выѣхавъ, крикнулъ:

— Взять его!

Солдаты конвойной команды подскочили и вмигъ связали преступника. Въ толпѣ поспѣхъ ропотъ, послышались угрозы и брань по адресу властей. Крестьяне «яростно желали» удержать Базанова среди себѣ и хотѣли его освободить, когда солдаты повели его подъ арестъ въ заводскую полицію. Однако, «повелительный голосъ» вице-губернатора въ «сила команды положили тому границы».

Исхитивъ такимъ образомъ изъ толпы главнаго зачинщика бунта и потомъ отдѣливъ еще восемь, ему подобныхъ, не оставалось уже ничего болѣе, какъ приступить къ дѣйствительнымъ мѣрамъ полицейскаго наказанія, которое было совершено сначала надъ этими десятью преступниками, а вслѣдъ затѣмъ еще надъ другими одиннадцатью возмутителями, которые были не менѣе тѣхъ виновны въ заговорѣ и дерзостяхъ противъ исправника Пузыревскаго и управляющаго Петрова.

Крестьяне смирились, пали на колѣни и молили о пощадѣ. Послѣ увѣщанія приглашенного для этого случая священника и по прочтеніи имъ покаянныхъ молитвъ, они обѣщались впередъ быть въ полномъ послушаніи. Только 34 человѣка, «не взирая на произведенное надъ ними дѣйствіе усмиренія», оставались упорными въ своихъ требованіяхъ, почему они и были всѣ заключены подъ стражу. На другой день четырнадцать изъ нихъ «восчувствовали свое заблужденіе и принесли рас-

облегченія ихъ состоянія въ теченіе этого года сдѣлано не было. Мѣстныя власти ровно никакъ не заботились о томъ, какъ тиранили крестьянъ правительчики, а не госпожа ихъ, которая ничего не знала объ этомъ и никакихъ приказаний для истязанія крестьянъ не дѣлала.

каиніе». Но 20 человѣкъ остались совершенно непреклонными, оправдывая свое упрымство присягой Тараканову.

Власти были рады такому скорому и благопріятному окончанию дѣла. Безобразовъ, оставивъ на заводахъ воинскую команду въ 338 человѣкъ башкиръ и мещеряковъ, на другой же день уѣхалъ въ Уфу, откуда 9-го августа сообщилъ военному губернатору, «что въ заводахъ Ивановскомъ и Миньскомъ съ принадлежащими къ нимъ деревнями Шубиной и Тюбелясакиной возмущеніе прекращено; крестьяне приведены въ повиновеніе; тишина, порядокъ и спокойствіе возстановлены»; при этомъ испрашивалъ разрѣшенія, какъ поступить съ остальными непокорными, изъ коихъ девять человѣкъ причислены были къ главнымъ возмутителямъ, какъ-то: Юрзанского завода — Осипъ Базановъ, Филиппъ Кузнецова, Мартынъ Костины, Семенъ Базановъ, Аѳанасій Строевъ, Иванъ Карабановъ и Игнатій Сырцовъ, и Миньского завода: Егоръ Шерстеневъ и Андрей Карнеевъ; другіе же одиннадцать значились «подобными имъ», но менѣе виновные: Юрзанского завода: Яковъ Шондинъ, Савелій Самойловъ, Петръ Кузнецова и Никита Шлемовъ, и Миньского завода: Тимоѳей Малостенковъ, Иванъ Владыкинъ, Филиппъ Шерстеневъ, Агаѳонъ Лысовъ, Елисеи Шерстеневъ, Василій Воробьевъ и Петръ Чернцовъ.

Въ отвѣтъ на сообщеніе Безобразова, Эссенъ увѣдомилъ, что, по донесенію его о первомъ возмущеніи крестьянъ въ Петербургъ, государю императору угодно было повелѣть отдать виновныхъ подъ военный судъ.

Тогда, подъ предсѣдательствомъ командира 3-го батальона 22-й пѣхотной дивизіи, въ Юрзанскомъ заводѣ, 20-го сентября, была учреждена временная военно-судная комиссія, которая очень скоро окончила возложенное на нее порученіе, и уже 24-го октября того же 1829 года вынесла виновнымъ такую «сентенцію»: «Егора Шерстенева, Осипа Базанова, Ивана Карабанова, Аѳанасія Строева, Игнатія Сырцова, Мартына Костина, Андрея Карнеева, Семена Базанова и Филиппа Кузнецова на мястѣ казнить смертью, а девять человѣкъ, какъ оказавшихся, по испытаніи надъ ними умирительныхъ мѣръ, упорными и опасными для общества — Тимоѳея Малостенкова, Ивана Владыкина, Филиппа Шерстенева, Савелія Самойлова, Петра Кузнецова, Якова Шондина, Никиту Шлемова, Агаѳона Лысова и Елисея Шерстенева «артибузировать», и Василія Воробьевъ лишить жизни.

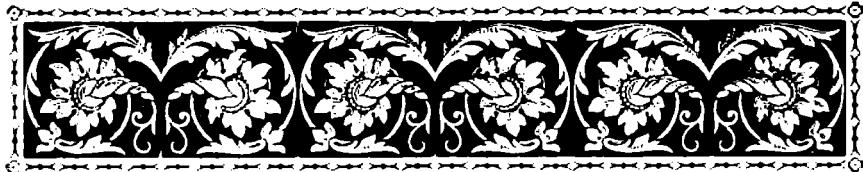
«Приговоръ прочесть имъ, заковавъ въ цепи, а потомъ отправить ихъ за крѣпкимъ карауломъ въ Уфимскій тюремный замокъ, взыскавъ изъ описанного у нихъ имѣнія на 5.356 руб. 68 коп., причиненные по причинѣ ихъ непослушанія казенные убытки.

«Тараканова же, виновника всѣхъ разстройствъ, какъ за прежніе, такъ и за настоящіе его поступки, писанныя его рукою письма и разныя бумаги, съ симъ вмѣстѣ препроводить во 2-й департаментъ пермскаго горнаго правленія»...

Но что сталось съ этимъ преступникомъ, виновнымъ только въ строченіи жалобъ, изъ дѣла не видно. По всей вѣроятности, не помиловали и его. Очевидно, судя поэтому, въ старину сильнѣе преслѣдовалось писаніе различныхъ кляузъ доморощенными, но не признанными адвокатами.

П. Юдинъ.





НА ИНДІЮ.

(По поводу небывалого похода атамана Платова).



В октябрьской книжкѣ «Исторического Вѣстника» за 1893 годъ помѣщенъ довольно интересный и увлекательно написанный очеркъ г. А. В. Арсеньева, озаглавленный «Атаманъ Платовъ—завоеватель Индіи», въ которомъ описывается, какъ говорить и самъ авторъ, «легендарный походъ» Платова по повелѣнью императора Павла I для «уязвленія Англіи въ Индіи», по плану генерала альянса Наполеона, который, слѣдомъ за донскими казаками, «хотѣлъ провести черезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, на судахъ спустить ее до Астрахани, а тамъ по Каспійскому морю до самаго Астрабада». Но не берусь судить, насколько въ данномъ случаѣ высоко воспарилъ генералъ Наполеона, не имѣвшаго ни малѣйшаго представлѣнія о киргизскихъ степяхъ и народахъ этой страны вообще и о тактикѣ и военныхъ дѣйствіяхъ тамъ въ особенности, чтобы выдумать такой неудобовыполнимый и безразсудочный проектъ, по которому вся побѣдоносная армія его, послѣ же двухъ-трехъ переходовъ по дикимъ и безводнымъ степямъ, среди инородческаго населенія, враждебнаго всему европейскому, погибла бы неминуемо и безвозвратно, скорѣѣ даже, чѣмъ подъ Москвой. Для того, чтобы завладѣть въ то время Индіей, недостаточно еще было имѣть только 1.000.000 воиновъ. Надо было знать, куда и гдѣ вести, и какъ вести ихъ... Когда въ описываемое время не только предгорія Алайскаго хребта и Гималайскія горы находились въ рукахъ другихъ владѣтелей, но и большая часть степи между Аральскимъ и Каспійскимъ морями не была

еще подчинена намъ, такъ что далеко еще до Индіи большую половину «побѣдоносной» арміи пришлось бы потерять въ борьбѣ съ отчаянными туркменами и текинцами ¹⁾), въ дикой, кровопролитной партизанской войнѣ, которую лихо ведутъ эти народы въ своихъ излюбленныхъ степяхъ, знакомыхъ имъ со дня рождения, гдѣ извѣстны каждому изъ нихъ малѣйшая тропинка, незначительный кустикъ, овражекъ, камешекъ, колодецъ, бугорокъ, что очень важно для дѣйствія въ открытомъ бою на широкомъ просторѣ почти дѣвственной пустыни. И такимъ образомъ этотъ геніальный планъ Наполеона для овладѣнія Индіей—нисколько не геніаленъ. Онъ даже не выдерживаетъ критики всякаго мало-мальски знакомаго съ киргизскими степями, съ духомъ азіатскихъ народовъ, особенно въ то время, и съ веденіемъ войны (такъ называемой «малой») въ этихъ странахъ. Да о дѣйствіяхъ большихъ отрядовъ тамъ не можетъ быть и рѣчи и нѣть никакого смысла... Вотъ если бы теперь, послѣ цѣлаго ряда опытовъ и послѣ завладѣнія почти всѣми азіатскими государствами, лежащими по дорогѣ въ Индію, Россія вздумала идти туда, то успѣхъ былъ бы вполнѣ обеспеченъ, даже съ арміей, въ десять разъ меныше пред назначенной Наполеономъ.

Помимо вышеприведенного разсказа въ мартовской книжкѣ «Нового Слова» за 1894 г., появился еще одинъ разсказъ: «Терпи казакъ!» г. Чернова, въ которомъ, хотя подъ другимъ соусомъ и въ другой окраскѣ, но также сюжетомъ избранъ походъ на Индію.

Не бера на себя трудъ оцѣнивать литературные достоинства и цѣлостность историческихъ данныхъ, какъ одного, такъ и другаго разсказа, а тѣмъ болѣе нѣкоторая совсѣмъ даже неосновательная выходки послѣдняго автора противъ первого, я ограничусь только однимъ необходимымъ замѣчаніемъ, для чего и избираю совершенно нейтральное изданіе «Русскую Старину», какъ не заинтересованную ни тѣмъ, ни другимъ.

Въ обоихъ этихъ разсказахъ страннымъ кажется, что нѣть у нихъ конца; оба они обрѣзаны и недосказаны. Положимъ, какъ у одного, такъ и у другаго автора есть точные указанія, когда послѣдовалъ высочайший рескриптъ Павла I на имя донскаго атамана В. П. Орлова о приготовленіи казаковъ къ походу,—но и только. Не указано, въ какое время они собрались, когда выступили съ Дона, во сколько времени дошли до г. Оренбурга, когда выступили оттуда и, наконецъ, и самое главное—ни у одного не показано въ ремя возвращенія казаковъ, а между тѣмъ это очень важно,—поэтому безошибочно

¹⁾ Судя по разсказу А. В. Арсеньева, направление войскъ лежало черезъ Усть-Ургъ.

можно было бы судить о действительности совершенного Платовымъ на Индию похода.

Впрочемъ, у А. В. Арсеньева въ разсказѣ (на стр. 65, вын. 1), между прочимъ, сказано: «Уже въ слѣдующемъ 1801 году М. И. Платовъ былъ назначенъ вмѣсто Орлова въ войсковыи атаманомъ (и пробылъ въ этой должности до смерти въ 1818 году), но до похода на Индию или послѣ?»

Вопросъ этотъ, повидимому, поставленъ потому, что А. В. самъ не увѣренъ въ томъ, былъ ли въ дѣйствительности совершенъ этотъ походъ и вель ли Платовъ 41 полкъ и 2 роты конной артиллеріи по необозримымъ степямъ киргизскимъ, и за неимѣніемъ объ этомъ точныхъ данныхъ называетъ его «легендарнымъ», хотя, судя по смыслу этой выноски, какъ будто пріурочиваетъ походъ къ 1800 году (?). Г-нъ же Черновъ настойчиво увѣряетъ, что походъ на Индию былъ и что «войско вель атаманъ Вас. Петр. Орловъ. Платовъ же, въ чинѣ генералъ-маиора, командовалъ только первой колонной изъ 13 полковъ» (см. стр. 370, вын.). Но такъ ли это? былъ ли на самомъ дѣлѣ походъ подъ названіемъ «Походъ на Индию» и дѣйствительно ли уходили въ 1801 году съ Дона казаки?

Но прежде, чѣмъ подтвердить мысль эту архивными данными, не лишне, миѣ кажется, провести параллель логическихъ доказательствъ несообразности предположеній о существованіи этого похода. Начнемъ по порядку.

Высочайшій реескриптъ на имя Орлова о сборѣ донцовъ въ походъ данъ въ Петербургъ 12-го января 1801 года (какъ увѣряютъ оба автора), гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Отъ нѣсь ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре... Соберитесь вы съ онымъ (т. е. войскомъ) и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите и съ артиллерию прямо черезъ Бухарію и Хиву на р. Индусъ, и на завоеванія англичанскія, по ней лежащія; войска того края ихъ та-коваго же рода, какъ ваше, а тамъ, имѣя артиллерию, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пощилите своихъ лазутчи-ковъ приготовить, или осмотрѣть дороги... Соберите войска къ заднимъ станицамъ и тогда, увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Орен-бургу, куда пришель, опять ожидайте повелѣнія идти далѣе»¹⁾.

Теперь прослѣдимъ, во сколько времени человѣчески возможно выполнить распоряженіе этого указа, и могли ли казаки съ Дона уже въ

¹⁾ Изъ разсказа г. Чернова (см. «Новое Слово», мартъ 1894 г. стр. 363—364) мы выбрали только тѣ выраженія, которыхъ необходимы для ниже идущихъ объясненій.

концу марта быть въ киргизскихъ степяхъ, какъ увѣряютъ оба автора, и пройти даже Эмбу (Арсеньевъ, стр. 67—69).

Отъ Петербурга до Дона около 1.600 верстъ. Если мы предположимъ, что курьеръ, отправленный на Донъ съ этой бумагой, былъ посланъ въ самый день выхода рескрипта и если онъ дѣлалъ по 25 верстъ въ часъ или около 500 верс. въ сутки (чего быть не можетъ), то прибыть туда не раньше, какъ черезъ четверо сутокъ, т. е. 16 или 17-го марта. Пока были сдѣланы распоряженія, да пока посланы съ этимъ извѣщеніемъ по всѣмъ станціямъ гонцы, да пока-то казаки повернулись, да собрались, да выѣхали на сборный пунктъ,—времени прошло немало. Если теперь при нынѣшихъ путяхъ сообщенія въ случаѣ мобилизациіи казакамъ данъ срокъ для сбора три дня, то въ то время при трудности передачи извѣстій (вѣдь телеграфовъ тогда не было, кажется?) и при убѣйственныхъ дорогахъ для сбора срокъ надо по меньшей мѣрѣ утроить. И слѣдовательно войско донское могло собраться шіпішемъ въ 10 дней. На донесеніе объ этомъ и обратную оттуда посылку фельдѣгера съ приказаниемъ надо также не менѣе 10 дней, такъ что казаки могли выступить съ Дона не раньше 5-го февраля. Если же, слѣдя точному указанию вышеприведенного рескрипта, раньше выступленія войска были посланы лазутчики «приготовить и осмотрѣть дороги», то врядъ ли въ 2—3 мѣсяца эти посланные могли исполнить возложенное на ихъ поченіе, когда отъ Старочеркасска до Оренбурга было около 1.800 верстъ.

Допускаемъ, что этого не было исполнено, такъ какъ въ этомъ не требовалось особенной надобности, и предположимъ, что казаки пошли прямо безъ всякаго осмотра дорогъ. Но если бы они дѣлали шіпішемъ по 50 верс. въ день съ неизмѣнными дневками черезъ два перехода или хоть даже безъ нихъ, то только къ концу марта могли едва-едва добраться до Оренбурга, гдѣ въ эту пору уже начинается «теплынь», и поэтому не могло быть никакой рѣчи, какъ говорятъ гг. авторы, о метеляхъ, страшныхъ морозахъ и сильной смертности отъ холода и голода (?). Но гг. авторы идутъ еще далѣе и категорически утверждаютъ, что казаки прошли Оренбургъ, зашли далеко въ степь и даже за Эмбу (у г. Арсеньева). Удивительно, какіе лихіе казаки! Въ 1½ мѣсяца отмахали чуть не 4.000 верстъ, да еще по степи безлюдной, на безкорницѣ, при сильныхъ стужахъ, голодѣ и безъ дороги, точно на крыльяхъ летѣли! Словъ неѣть, хотя донцы и дѣйствительно лихачи, но чтобы птицей летать,—воли ваша — врядъ - ли молодцы.... Къ этому не хѣшаетъ еще прибавить, что еслибы казаки дошли къ концу марта до Эмбы, то имъ не представлялось бы никакого труда, горя и лишений идти дальше, когда тамъ въ это время открывается такая жара, какой въ Петербургѣ въ самое жаркое лѣто не бываетъ. Роскошная трава испускаетъ букетъ всевозможныхъ ароматовъ. Озера и рѣки блестятъ

чистой, зеркальной струей. Кругомъ стаи различныхъ пернатыхъ поютъ, свищутъ, стрекочатъ. Степь широкая только въ это время дышеть и живеть. Поэтому какіе же тутъ могутъ быть страшные холода и метеоры? Невольно вслѣдствіе этого является мысль замѣтить авторамъ двухъ показанныхъ выше сочиненій, что прежде чѣмъ писать «о метеляхъ и холодѣ», нужно было бы узнать климатическая условія Оренбургскаго края вообще и Киргизской степи въ особенности.

Такимъ образомъ только по этому одному трудно повѣрить, чтобы въ описываемое время былъ совершенъ походъ Платовыи, да еще въ такой короткій срокъ,— два мѣсяца отъ дня изданія рескрипта (12 января 1801 г.) до вступленія на престолъ императора Александра I (12-го марта). Не было ли этой походъ въ другое время или хоть не были ли сдѣланы распоряженія подобныя для такого похода? Теперь приходится обратиться къ архивнымъ даннымъ.

Если бы на самомъ дѣлѣ походъ этотъ былъ, то въ архивахъ Оренбурга, черезъ который будто бы проходили донцы, во всякомъ случаѣ, хотя отрывочные, но имѣлись бы свѣдѣнія объ этомъ. Не могло же быть, чтобы только одни донские казаки въ числѣ 27.507 человѣкъ были назначены въ походъ, когда на границѣ степей существовали ближайшія войска, болѣе опытныя для веденія степной войны и болѣе привычныя къ передвиженіямъ по степямъ, какъ напримѣръ, оренбургскіе и уральскіе казаки, полки башкиръ, татарей и мещераоковъ и регулярныя войска по крѣпостямъ и городамъ. Почему же непремѣнно отдано было преимущество непривычнымъ къ степнымъ походамъ донцамъ и тащить ихъ еще за 2 тыс. верс. на линію, на которой стояло войско больше, чѣмъ было назначено донцамъ. Если уже уральскіе (бывшіе яицкіе) казаки, въ числѣ 2½ тыс., и калмыки ходили на Хиву съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, то въ этакомъ походѣ они обязательно должны были быть. Между тѣмъ мѣстные (оренбургскіе) архивы о ихъ назначеніи ничего не говорятъ и также спокойно умалчиваютъ вообще о индѣйскомъ походѣ. Зато есть неопровергнутия данные объ экспедиціи на Хиву, да и то уже въ царствованіе императора Александра I.

Въ архивѣ упраздненной канцелярии бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства за 1804 годъ находятся объ этомъ свѣдѣнія, хотя далеко неполныя, по которымъ все-таки приблизительно можно составить такой разсказъ.

Эмиръ бухарскій издавна искренно желалъ завязать торговый и дружественные сношения съ могущественной Российской державой и не разъ еще при Екатеринѣ II присыпалъ въ высочайшему двору нашему своихъ уполномоченныхъ сановниковъ въ качествѣ посланцевъ. Даже при часто случавшихся междуособіяхъ въ степяхъ среди подвластныхъ и неподвластныхъ кочевниковъ, бухарское правительство обращалось за

помощю къ Россіи и возлагало на нее большія надежды для обузданія хищническихъ нападеній текинцевъ и хивинцевъ. Еще въ 1796 годѣ ханскій намѣстникъ Максумъ Даніаловъ писалъ императрицѣ, прося, да огражденія бухарского государства отъ грабежныхъ шаекъ хивинскаго хана Ака-Мухаммета, десять тысячъ русскаго войска и 50 пушекъ. Но посланныя на Оренбургъ два посольства не были приняты оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ барономъ Игельстромомъ, потому что не имѣли вѣрительныхъ грамотъ, и принуждены были ни съ чѣмъ уѣхать 14-го июля 1797 года во-свои. Только одинъ бухарский мулла Пехманъ-Куди-Корчій, посланный моремъ на Астрахань, успѣлъ достичь Петербурга и представиться императору Павлу I; но обѣщано ли было ему какое содѣйствіе для отраженія бухарскихъ владѣній отъ Ака-Мухаммета,—того изъ дѣла не видно.

Когда же Наполеонъ заключилъ съ императоромъ Павломъ I союзъ противъ англичанъ, то тутъ-то, видимо, нашъ государь вспомнилъ о просьбѣ бухарцевъ, и былъ по всей вѣроятности составленъ планъ вступательныхъ дѣйствій по направленію къ Индіи черезъ «Бухарію и Хиву», съ надеждой на помощь бухарского государства и всѣхъ степенныхъ киргизъ, тѣмъ болѣе еще, что въ концѣ 1800 года туркменскій владѣлецъ Пиръ-Гали-хантъ просилъ императора принять его съ народомъ въ подданство Россіи¹⁾). И вотъ поэтому-то на Донъ отъ 12-го января 1801 г. и былъ посланъ рескриптъ выступать казакамъ на «Бухарію и Хиву», хотя походъ этотъ въ то время не осуществился.

Со вступленіемъ императора Александра I-го на престолъ, о проектѣ этомъ забыли, конечно, и навѣрно никогда не вспомнили бы, какъ вдругъ, въ началѣ 1803 года, только-что принявшій ханское достоинство бухарскій владѣлецъ молодой Миръ-Гейдеръ-хантъ прислая пъ Его Величеству своего диванъ-беги²⁾ Ишъ-Мухамета Байкишіева съ поздравленіемъ по поводу вступленія императора на прародительскій престолъ и въ вѣрительной грамотѣ, между прочимъ, писалъ «о стѣсненномъ положеніи Бухаріи», окруженнѣй со всѣхъ сторонъ хивинцами и текинцами. Въ отвѣтъ на эту грамоту «по большомъ Его Величества титулѣ» была послана бухарскому эмиру слѣдующая грамота:

«Божію милостію мы, Александръ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

¹⁾ См. Материалы по исторіи Оренбург. губ. 1889, в. II стр. XXIII. Рескрипты Павла оренбург. военн. губернатору Бахметьеву 23 ноября 1800 г. Слч. мою ст. «Адаевскій бунтъ», «Русская Старина», июль, 1893 г., стр. 13.

²⁾ Первый министръ или намѣстникъ ханскій. Не было еще ни разу, чтобы въ качествѣ посланника къ нашему двору присыпалась такая «важная и высокая» у бухарцевъ особа. Видимо, хантъ хотѣлъ показать Россіи и высказать больше уваженія императору.

«Бухарскія земли владѣтелю Миръ-Гейдеръ-хану, наше Императорскаго Величества поздравленіе.

«Листъ вашъ, отправленный къ высочайшему двору нашему съ посланикомъ вашимъ, почтеннымъ диванъ-богемъ, издавна вамъ усерднымъ Ишъ-Мухамедомъ Байкишевымъ исправно намъ доставленъ, и онъ посланикъ, купно съ прочими чиновниками свиты его, удостоенъ всемилостивѣшаго предъ наше Императорское Величество представлениія. Мы съ особою благодарностю принялъ изображенія въ томъ листѣ изъявленія поздравленія вашего съ нашимъ вступленіемъ на Императорскій наслѣдственный всероссійскій престолъ и искренняго расположенія вашего бояре и бояре утвердить существующую между обоюдными нашими подданными прежнюю дружбу и доброе согласіе, симъ восхотѣли изъявить и вамъ такое же наше удовольствіе въ томъ, что и ваше высокостепенство по желанію всѣхъ подвластныхъ вашихъ приняли владѣніе земель, доставшихся вамъ послѣ высокостепенія родителя вашего, въ доказательство чего, охотно и позволили помянутому посланику вашему ѿхать предѣлами имперіи нашей, въ высокому союзнику нашему Его Величеству султану въ Константинополь съ порученіемъ на имя его отъ васъ листомъ для доставленія. О обстоятельствахъ же, представленныхъ намъ тѣмъ посланикомъ вашимъ въ особомъ его приложениі, на имя наше поданномъ, мы, повелѣвъ объявить ему наше высочайшее соизволеніе, которое и дано ему на письмѣ, повелѣли государственному канцлеру графу Воронцову и вамъ сообщить объ ономъ. Впрочемъ, мы, Великий Государь, наше Императорское Величество, по всемилостивѣшемъ увольненіи его отъ двора нашего въ Константинополь и обратно къ вамъ, повелѣли дать сю нашу Императорскую грамоту въ знакъ особаго высочайшаго нашего къ вамъ благоволенія.—Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктпетербургѣ марта 31-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1803 г. и царствованія нашего третіе».

«Александръ».

Но что было написано графомъ Воронзовымъ бухарскому хану,—изъ архивныхъ источниковъ, къ сожалѣнію, узнать нельзя. Можно только догадываться, что дѣло касалось усмиренія кочевниковъ и предположенія похода на Хиву, по крайней мѣрѣ объ этомъ уже составлялся проектъ въ канцелярии оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, который потомъ въ началѣ 1804 года былъ представленъ на благоусмотрѣніе государя, и въ отвѣтъ на это изъ Петербурга получилось такое, нeliшенное интереса, письмо графа Кочубея, 1-го, отъ 23-го августа 1804 года.

«Милостивый государь мой, князь Григорій Семеновичъ!

«Съ курьеромъ, сегодня отправляемымъ, получите ваше сіятельство полное разрѣшеніе на представлениія ваши, касательно устроенія ли-

нії Оренбургской на лучшихъ основаніяхъ¹), и экспедиція на Хиву; а изъ рескриптовъ, по сему случаю данныхъ, усмотрите вы, милостивый государь, какъ отличное благоволеніе, съ коимъ Его Величество принять изволилъ представлениа ваши, такъ и особенную высочайшую къ вамъ довѣренность. Послѣдняя наипаче ощутительна должна быть вашему сіятельству въ томъ расширениі, которое дается вамъ относительно времени и способовъ къ приведенію въ дѣйство вышеупомянутой экспедиції.

«По извѣстной осмотрительности вашего сіятельства и опытности, столь долговременнымъ служеніемъ пріобрѣтеної никакого сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, что вы не иначе экспедицію сию предпримете, какъ по весьма зреюмъ уваженіи пользы, которой отъ нея ожидать можно, и положительной увѣренности въ успѣхѣ ея. Не удобно было бы и малѣйшее что-либо отважить въ разсужденіи народовъ сихъ, которые, такъ какъ по свойствамъ азіатскихъ народовъ довольно вѣдьмъ, тотчасъ и при малѣйшей неудачѣ въ состояніи возмечтать о себѣ много и могутъ наносить намъ беспокойства. Я потому и по искренней моей къ вашему сіятельству преданности не могъ не извѣсниться съ вами здѣсь, особенно съ тою откровенностью, которая всегда меня въ разсужденіи васъ руководствовала, увѣренъ будучи, что, отдавая полную справедливость чувствамъ моимъ, вы въ прямомъ смыслѣ изволите принять изъясненія мои. Впрочемъ, ваше сіятельство, сообразивъ со всему подробностію планъ экспедиції и опредѣлившись вре-
мя, когда предпринять ее положите, не оставите, конечно, представить его на Высочайшее усмотрѣніе, чего Его Величество и ожидаетъ. Но затѣмъ и пока все сіе будетъ устраиваться, какія полезныя распоряженія можете вы, милостивый государь, начать по случаю усиленія поселеній лині? Добро, которое сіе произведеть, оставить по вѣдѣмъ всегдашнюю память. Я съ своей стороны искренно желаю, чтобы не только вы предупрѣди образовать сіе поселенное войско²); но чтобы и на другихъ границахъ нашихъ, гдѣ только можно, порядочная милиція водворена быть могла.

«Г-нъ Платовъ, снабдясь, какъ вы изъ рескрипта усмотрѣть изволите, повелѣніемъ о назначеніи трехъ полковъ, не получаетъ однакожъ ни-

¹) По проекту Волковскаго была проведена новая линія крѣпостей, такъ называемая «Ново-Илецкая» линія, составленная изъ 6 форпостовъ (ниже Оренбурга по Уралу) на земляхъ Оренбургскаго и изъ 3-хъ—на земляхъ Уральскаго казачьихъ войскъ. (См. «Материал. по исторіи Оренбур. губ.. 1877, I, стр. 37).

²) По тому же проекту и въ томъ же 1810 году было сформировано четыре поселенныхыхъ батальона, которые потомъ въ 1842 г., подъ именемъ бѣлоголовыхъ солдатъ, перечислены въ оренбургскіе казаки. (См. тамъ же, стр. 44).

какого извѣщенія о предметѣ наряда сего. Я о семъ нужнымъ призналь упомянуть вашему сіятельству, считая, впрочемъ, что вы такъ распорядитесь, дабы полки сіи были собраны по мѣстному соображенію вашему такъ, чтобы имъ не оставаться долгое время праздными въ войскѣ».

Далѣе въ письмѣ идутъ сообщенія о подполковникѣ Ермолаевѣ, адъютантѣ кн. Волконского, но это для настоящей статьи не интересно.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ (26-го сентября) князь Волконский получилъ письмо и отъ Платова, еще разъ подтверждающее распоряженіе о «неизвѣстномъ» походѣ. Матвѣй Ивановичъ вотъ что писалъ оренбургскому военному губернатору:

Милостивый Государь,

Князь Григорій Семеновичъ!

«Имѣвъ счастіе получить по нарочной естафетѣ Всевысочайшее имяное Его Императорскаго Величества отъ 20-го числа прошлаго авгуستа мѣсяца секретное повелѣніе о пріуготовленіи къ походу трехъ войска Донскаго казачьихъ полковъ и откомандированіи оныхъ по первому отзыву Вашего Сіятельства подъ главное ваше начальство, приказавъ имъ выступить въ то время и прийти на то сборное мѣсто, какое для сего отъ васъ, въ слѣдствіе данного вамъ отъ Его Императорскаго Величества повелѣнія, назначено будетъ,—я въ споспѣществованіе онаго и дабы не упустить времени, 1-го числа отрядилъ состоящіе въ готовности три полка подъ командою подполковника и походнаго атамана Карасева 1-го и войсковыхъ старшинъ Малахова 1-го и Комисарова 1-го, и приказалъ имъ слѣдовать по пути къ сторонѣ Оренбурга—войска Донскаго къ Иловлинской станицѣ, ожидая о дальнѣйшемъ слѣдованіи предписанія, о чемъ донесено отъ меня и Его Императорскому Величеству. Ваше же сіятельство о семъ увѣдомляя, покорѣйше прошу не оставить извѣстить меня, куда приказано будетъ полкамъ симъ идти отъ упомянутой станицы.

«Имѣю честь пребывать всегда съ особливѣйшимъ къ вамъ почтаниемъ и совершенной преданностью.

№ 4456.

Въ Черкаскѣ.

Сентября 7 дня

1804 года.

Милостивый Государь,

Вашего сіятельства

Покорный слуга

Матвѣй Платовъ.

Высочайшія распоряженія, какъ увидимъ ниже, были сдѣланы не только по полкамъ Оренбургской инспекціи, но и другимъ, ближайшимъ къ ней. Видимо, готовились къ этой экспедиціи не на шутку, такъ что являлось очень сомнительнымъ, чтобы конечнымъ пунктомъ похода была Хива. Изъ всѣхъ распоряженій, подъ видомъ усмирѣнія

кочующихъ ордынцевъ, беспокоявшихъ своими воровскими набѣгами приграничныхъ жителей, и наказанія покровительницы ихъ—вѣроломной сосѣдки нашей—Хивы,—однако, довольно рельефно выглядывало стремленіе пробраться до Индіи не для завладѣнія ею, а съ цѣлію завязать торговыя сношенія съ ней и стать твердой ногой въ Азіи, чтобы руководить мелкими туземными государствами. Но правительство съ тѣми боевыми силами, которая имѣлись въ распоряженіи оренбургскаго военнаго губернатора и составляли отдельный Оренбургскій корпусъ¹⁾, очевидно, не рѣшалось рискнуть на такой дальний походъ. По этому же случаю было приказано вывести изъ Екатеринбурга Екатеринбургскій мушкательный полкъ, обязанность котораго состояла лишь въ наблюденіи за ссыльно-каторжными, работавшими по заводамъ Уральскаго хребта, но министръ финансовъ воспротивился этому, объясняя необходимостію имѣть въ Екатеринбургѣ этотъ полкъ на случай усмиренія ссыльныхъ рабочихъ, такъ какъ другой воинской команды нѣтъ по близости, и государь императоръ, впредь до устройства Особой Горной команды, приказалъ полкъ этотъ оставить на прежнемъ мѣстѣ²⁾.

По случаю также этого предпринимаемаго похода и могущественный графъ Аракчеевъ, начальникъ всей артиллеріи, не замедлилъ сдѣлать свое распоряженіе и прислалъ кн. Волконскому, отъ 11 октября 1804 г. собственноручное письмо³⁾, въ которомъ писалъ;

Ваше сіятельство!

Милостивый Государь
Григорій Семеновичъ!

Всилу имѣнаго указа, предписываю я господ. маюру Брамсу исполнить ваше повелѣніе; но какъ оные роты еще артиллеріи не-комплектны, то предписалъ я въ случаѣ надобности употребить лошадей съ конскою упряжью резервной артиллеріи у полковника Тарарыкина состоящей; артиллерійскихъ же орудіевъ состоять въ оныхъ ротахъ полевыхъ 12, и полковыхъ 4, а достальные 8 орудіевъ такъ же могутъ быть взяты изъ резервной артиллеріи отъ Господина Полковника Тарарыкина, уведомя обо всемъ ономъ вашего сіятельства, на-

¹⁾ Корпусъ этотъ составляли: пѣхотные полки: Рыльскій мушкательный, Оренбургскій гарнизонный и Уфимскій мушкательный; артиллеріи—23 орудія (полевыхъ и полковыхъ); кавалерія и конница: Оренбургскій драгунскій полкъ, Оренбургскій непремѣнныи казачій, Тентярскій конный; Оренбургское казачье войско могло выставлять еще 5 полковъ, Уральское—до 4 тысячъ человѣкъ конными; башкіры и мещераи—до 12 конныхъ полковъ, а всего до 30 тысячъ человѣкъ.

²⁾ Изъ сообщенія графа Кочубея князю Волконскому отъ 4 октября 1804 г. № 4295 (см. «Отношенія Министерскія» № 4801 въ Оренбургскомъ центральномъ архивѣ).

³⁾ Приводится здѣсь подлинникомъ, съ сохраненіемъ орографіи.

дѣяся, что не оставитъ мою артиллерию вашимъ пособіемъ, пребывавъ
съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію
вашего сіятельства
Милостиваго Государя
Покорный слуга
Графъ Аракчеевъ.

Въ письмѣ же отъ 11 октября 1804 года, С. К. Вязьминовъ
увѣдомлять князя Волконскаго, что по высочайшему повелѣнію изъ
Омска выступили на Оренбургъ роты 9-го артиллерійскаго полка.

Но, несмотря на то, что войска стягивались къ Оренбургу со всѣхъ
сторонъ и въ Оренбургъ усиленно готовились къ хивинскому походу,
экспедиція эта не состоялась, чему была помѣхой только-что открыв-
шаяся война съ Турцией, и тѣ казачьи части, которыя были предна-
значены въ степной походъ, пошли въ обратную сторону, къ турецкой
границѣ. Оставшіеся же въ Оренбургскомъ краѣ пѣхотные полки по
высочайшему повелѣнію, подъ наблюденіемъ шефа Рыльского мушка-
терскаго полка генерал-маіора Окулова, были заняты приготовленіемъ
1.300 воловыхъ фуръ «для подвижныхъ провіантскихъ магазиновъ»,
которыя были сдѣланы только къ 1-му юля слѣдующаго 1805 года и
отправлены въ европейскую армию.

Такимъ образомъ «гениальный» планъ похода на Хиву и Индію,
выдуманный, естati сказать, не «великимъ» Наполеономъ, а простымъ
смертнымъ, русскимъ генераломъ-отъ-инфanterіи княземъ Волконскимъ,
войкой уже испытаннымъ и вполнѣ ознакомившимся съ климатическими
условіями и духомъ народовъ Зауральского края,—не приведенъ быль
въ исполненіе по счастливой случайности, хотя эта случайность про-
изошла отъ интригъ того же Наполеона, настроившаго враждебно Тур-
цию противъ Россіи. Другаго же похода, можно поручиться вполнѣ, не
было на Индію, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Я
перерылъ всѣ почти мѣстные архивы: оренбургскій центральный (весъ),
Тургайской областной (до 1831 г.), самарскій губернскій и часть
уфимскаго, но нигдѣ ничего даже подходящаго о индійскомъ походѣ
временъ Павла не находилъ. Впрочемъ, настойчиво утверждать не
могу. Можетъ быть, въ архивѣ бывшей военной коллегіи (теперь воен-
наго министерства) найдутся и болѣе положительныя свѣдѣнія.

П. Юдинъ.



Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНЪ» историческіе или историко-литературные статьи и материалы въ 1893—94 г.

Д. Г. Анучинъ,—А. В. Арсеньевъ.
Н. И. Барсовъ,—С. Бердяевъ,—В. А. Бильбасовъ,—Н. Богдановскій.
А. Бороновъ,—В. Ф. Боцюновскій,—М. Брадке, рожд. Коандеръ.
П. А. Валуевъ, графъ,—Н. В. Веригинъ,—Ф. А. Витбергъ,—К. А. Вескій,—Г. Воробьевъ,—А. Вышеславцевъ.
А. Голомбовскій,—Д. Гофштеттеръ.
Баронъ Н. В. Дризенъ,—Н. Ф. Дубровинъ,—Ф. Духовниковъ.
Ф. П. Еленевъ.
Жилакинъ, В., свящ.,—Э. А. Жуковскій.
Н. Ф. Здекауэръ,—С. П. Зыковъ.
Н. С. Иванина,—Ильинскій, А. И., докторъ,—Ильинскій, Пав. священникъ Н. К. Имеретинскій,—В. А. Ивсарскій.
М. Л. Каземъ-Бекъ,—Какушкинъ, А. А.,—Ф. П. Кеппенъ,—М. А. Кистанскій,—А. М. Княжевичъ,—В. П. Кулинъ.:
К. Н. Ламадорфъ,—Н. П. Лебедевъ,—П. С. Лебедевъ,—Н. Леоновъ.
А. М. Ловагинъ,—М. Лопатина.
Л. Н. Майковъ,—Н. Михайловскій,—П. О. Морозовъ,—В. Мустафинъ.
В. Назарьевъ,—Неизвѣстный.
Н. Н. Оглоблинъ,—С. Ф. Огородниковъ,—А. П. Озеровъ,—М. Я. Озвѣтовскій.
Л. П. Павлищевъ.—Вал. Алексан. Панаевъ,—М. Л. Песковскій,—П. Пролингъ,—М. М. Поповъ.
Л. М. Савеловъ,—А. И. Савельевъ,—І. Д. С.,—И. С.,—В. Съ,—Н. И. Съ,—А. Ф. Селивановъ,—В. Д. Смирновъ,—Н. Н. Соколовъ,—В. Ильин. Суревскій,—А. В. Стабровскій,—В. В. Стасовъ,—Г. И. Студенкинъ,—Г. Ф. Спербергъ.
В. В. Тимошуку,—И. Н. Толстой,—А. Н. Труворовъ,—Н. А. Тучковъ.
Огарева.
Н. Финдейзенъ.
А. А. Харитоновъ,—В. Храневичъ.
Цвѣтаевъ, профессоръ,—П. Н. Цуриковъ.
Е. А. Чебаевскій,—И. А. Чистовичъ.
А. Ш.,—К. Шварсалонъ,—В. И. Шенрокъ,—Н. К. Шильдеръ,—Н. І. Ширяевъ,—И. А. Шляпкинъ.
Л. П. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ.

Редакторъ „Русской Старинѣ“

С. Зыковъ.

¹⁾ Подробный списокъ лицъ, сообщившихъ редакціи свои статьи въ основанія журнала (1870—1892 г.), былъ помещенъ въ декабрьской книжкѣ 1892 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1894 Г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЬ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

СТРАН.

I. Высочайший манифестъ, ноябрь .	I—II
II. Памяти Императора Александра III, декабрь .	I—XVI

Записки и Воспоминанія.

I. За полстолѣтія 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ. Часть вторая. Гл. VIII—XIII, Доктора А. И. Ильинскаго, юль стр. 1—43, августъ 1—53, сентябрь 101—126, октябрь 81—100, ноябрь .	92—106
II. Записки М. Я. Ольшевскаго. Кавказъ съ 1841—1866 гг. Часть третья, гл. III—XIII, часть четвертая, гл. I—IX, юль стр. 44—108, сентябрь 22—43, ноябрь 214—240, декабрь	155—197
III. Замного лѣтъ. Воспоминанія Неизвѣстнаго, (1844—1884), юль стр. 109—134, сентябрь 44—62, октябрь .	67—80
IV. За Австрію и противъ нея (изъ военныхъ воспоминаній) В. Назарѣева, августъ .	168—186 *

V. Изъ воспоминаній о крымской войнѣ Н. Богдановскаго, августъ.	187	193
VI. Записки Д. И. Ростиславова, профессора С.-Петербургской духовной академіи, гл. XXXVIII, августъ стр. 1—11, декабрь .	53—81	
VII. Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой. 1856—1860. Гл. VII—XIV, сентябрь стр. 63—100, октябрь 1—45, ноябрь 1—26, декабрь .	1—27	
VIII. Изъ записокъ герцога Евгенія Виртембергскаго. I—II, октябрь стр. 46—66, ноябрь . . .	154—173	
IX. Записки Василія Антоновича Инсарскаго Главы XVII—XX, ноябрь стр. 27—57, декабрь .	28—52	

П о р т р е т ы.

- I. Портретъ доктора А. И. Ильинскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 7-й книгѣ).
- II. Портретъ М. Я. Ольшевскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 9-й книгѣ).
- III. Портретъ герцога Евгенія Виртембергскаго. Гравир. К. Адтъ.
(При 10-й книгѣ).
- IV. Портретъ Ф. А. Бюллера. Грав. К. Адтъ.
(При 11-й книгѣ).
- V. Портретъ въ Богѣ почившаго Императора Александра III. Грав. К. Адтъ.
(При 12-й книгѣ).
-

Изслѣдованія.—Историческіе и биографическіе очерки.—Переписка.—Рассказы, материалы и заметки.

I. Адаевскій бунтъ на полуостровѣ Мангышлакѣ въ 1870 году. П. Л. Юдина, июль	135—156
II. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. М. Л. Песковскаго, июль стр. 157—194, августъ 84—96, сентябрь 127—144, октябрь 179—200, ноябрь	174—188
III. Автобиографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга вторая. Гл. I—II, июль стр. 195—230, сентябрь 204—233, октябрь	127—142
IV. Зачатки единовѣрія на уралѣ. П. Л. Юдина, августъ	54—83
V. Нѣкоторые эпизоды изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго вѣка. В. Храневича, августъ	97—135
VI. Самозванецъ Янъ-Фаустинъ Луба. Г. Воробьевъ, августъ	136—167
VII. Польскіе повстанцы 1863 года въ Оренбургскомъ краѣ (къ исторіи польскаго мятежа 1863 года). П. Л. Юдина, августъ	194—200
VIII. Кладъ царя Александра Македонскаго. А. Голомбіовскаго, августъ	201—212
IX. Записка трехъ товарищѣй министровъ императору Александру. Сообщ. А. М. Княжевичъ, августъ	212—216
X. Наши мистики-сектанты. А. Ф. Лабинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ» I—V. Н. Ф. Дубровина, сентябрь стр. 145—203, октябрь 101—126, ноябрь 58—91, декабрь	98—132
XI. Письма В. Ушакова И. И. Сосницкому, сентябрь	234—241
XII. Кутузовъ въ 1812 году. Историческая характеристика Д. П. Бутурлина. I—III. Сообщ. Н. К. Шильдеръ, октябрь стр. 201—220, ноябрь 193—213, декабрь	133—153
XIII. Письмо Шишкова императору Александру I, октябрь	221—230
XIV. Баронъ Ф. А. Бюллерь, ноябрь	189—192
XV. Свѣдѣнія объ Ioannѣ или Иванѣ Антоновичѣ, пра- внукѣ царя Ioanna Алексѣевича, декабрь	82—97

XVI. Погребение константинопольского патриарха Григория V въ Одессѣ. Свящ. В. Жакина, декабрь	198—213
XVII. Заводской бунтъ на Уралѣ въ 1829 г. I—IV. П. Л. Юдина, декабрь .	214—224
XVIII. На Индию. (По поводу небывалаго похода атамана Платова). П. Л. Юдина	231—241

Исторія русской литературы.

I. Литературные отзывы современниковъ о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» I—VIII. В. И. Шенюка, октябрь .	143—175
II. Отзывы современниковъ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя. I—ХІІІ. В. И. Шенюка, ноябрь	107—134

Обзоръніе историческихъ журналовъ и статей.

I. Государственный Совѣтъ и Сенатъ при Царѣ I и въ первую половину царствованія императора Александра I. (Временникъ Демидовскаго юридического лицея, книги 61 и 62).—Исторія евреевъ въ Россіи («Русский Архивъ» 1894 г. № 5), Н. Ф. Дубровина, августъ	217—236
--	---------

Библиографический замѣтки.

1. Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Палькова. VI. Ф. Г. Волковъ (основатель русскаго театра), его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины. Биографический очеркъ А. А. Ярцева. Съ портретами Ф. Г. Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Пильщиковъ и Семеновой(на оберткѣ юльской книги „Русской Старинѣ“).
2. Архивъ книжный Ф. А. Куракина. Книга четвертая, изданная почетнымъ членомъ археологического института княземъ Ф. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1893. 478+XXII. Цена 4 руб. (тамъ же).

стран.

3. К. А. Ивановъ. Средневѣковый замокъ и его обитатели въ эпоху про-
цвѣтанія рыцарства. Съ рисунками. Издание „Учебного магазина“. Спб.
1894 г. 80 стр. Цѣна 50 к. (тамъ же).
4. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VII. Судебныя рѣчи (1883—1892).
Спб. 1894 г. 320 стр. Цѣна 2 руб. (на оберткѣ августовской книги
„Русской Старины“).
5. Французы и русскіе въ Крыму. Письма французскаго офицера къ своей
семье во время восточной войны 1853—1856 гг. генерала Эрбе, бывшаго
полковаго адъютанта 95-го пѣхотнаго полка. Перевѣль съ французскаго.
С. Л. Халютинъ. Минскъ 1894 г. 328 стр. (тамъ же).
6. Сборникъ материаловъ для исторіи рода Челищевыхъ. Посмертный трудъ
Николая Андреевича Челищева. Спб. 340+XX (на оберткѣ сентябрь-
ской книги „Русской Старины“).
7. Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевые замѣтки. Часть первая.
Испанія.—Египетъ.—Цейлонъ и Индія. Спб. 1894 г. (тамъ же).
8. Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павлен-
кова. VII. А. В. Колычовъ, его жизнь и литературная дѣятельность
Биографический очеркъ В. В. Огаркова. Съ портретомъ Колычова и
алфавитнымъ указателемъ его стихотвореній, положенныхыхъ на музыку
(на оберткѣ октябрьской книги „Русской Старины“).
9. Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевые замѣтки. Часть вторая.
Бирма.—Ява.—Китай и Тонкинъ.—Кохинхина.—Камбоджа.—Сіамъ. Спб.
1895. (тамъ же).
10. Краткій курсъ исторіи военного искусства въ средніе и новые вѣка.
Часть II. Исторія военного искусства въ новые вѣка до вѣка Лю-
довика XIV и Петра Великаго включительно. Книжка 1-я. Воен-
ное искусство въ Западной Европѣ. Съ 29 чертежами, планами и
картами. Составилъ экстраординарный профессоръ Николаевской ака-
деміи генеральнаго штаба полковникъ Гейманъ. Спб. 1894 г. (на
оберткѣ ноябряской книги „Русской Старины“).
11. С. Соважъ. Россійская Императорская армія. 16 наглядныхъ таблицъ
формъ обмундированія. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р. 50 коп. (тамъ же).
12. Николай Васильевич Гоголь и его „Переписка съ друзьями“. Историко-
литературный очеркъ П. А. Матвеева. Спб. 1894 г. XXIII+152. Цѣна
1 р. 50 (на оберткѣ декабряской книги „Русской Старины“).
13. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года.
Составилъ В. И. Семеновъ. Спб. 1894 г. Цѣна 75 коп. (тамъ же).



ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТИНИК

на 1895 годъ.

Съ октябряской книжки 1894 г. право издания журнала „Русский Вестник“ перешло въ Товарищество „Общественная Польза“. Въ журналѣ примутъ участіе бывшіе сотрудники и редакт. Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того вновь образованы приглашенія дающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное членство въ нихъ талантливый С. С. Гатиццевъ вновь образовываетъ изъвѣштія такой успѣхъ ежемѣсячнаго „Политическія Обозрѣнія“ и дастъ рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ обѣщаны: Д. В. Григоровичъ его новое произведение. П. П. Гайдамакъ—повѣсть, и новый романъ К. Ф. Головинка (Орловскаго) „На вѣсахъ“, который начнетъ публикацію съ ноябряской книжки 1894 г., и новые подписчики на 1895 г. могутъ приобрести романъ бесплатно, при заявленіи своеемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. И. Ф. Дубровинскимъ—новый исторический этюдъ „Наполеонъ I въ современномъ существѣ и въ русской литературѣ“. Проф. Н. А. Любимовъ дастъ рядъ статей, вице-дентъ Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ опубликованы: повѣсть „Перемелется,—мужа будеть“ Д. М. Позника, новый романъ Вс. С. Соловьева—повѣсть „Покинутый“ Пронского, повѣсть И. Н. Данилова и много другихъ произведений.

Редакція и контора журн. «Русский Вѣстникъ» помѣщаются въ Имп. Товариществѣ „Общественная Польза“ (Больш. Подъяч., 39), куда и просить обращаться авторовъ, имѣющихъ надобность до редактора, который принимаетъ по вторникъ отъ 12 до 2 час. и субботами отъ 3 до 5 часовъ пополудни.

Годовое издание „Русского Вѣстника“, состоящее изъ ежемѣсячн. книжекъ, ходящихъ каждаго 1 числа, въ 1895 г. стоять въ Петербургѣ и Москве безъ доставки перес. 15 р. 50 к., съ доставкой. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Испускается разсрочка взносовъ только透过 Главную Контору журн. „Русский Вѣстникъ“, Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносять девять рублей, остальная сумма къ 1-му июня. 2) Для служащихъ за поручительствомъ казнач. со вносомъ 50 к. въ мѣсяцъ, впередъ до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихъ испускается уступка и разсрочка платежа: при подпискѣ вносять 3 р., а затѣмъ при получении каждой книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За нишу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза—14 р. Въ прочія мѣста загран. подписка приним. съ пересы. по существу.

Подписанія на „Русский Вѣстникъ“ приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ журн. „Русский Вѣстникъ“ въ Товариществѣ „Общественная Польза“ (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. „Нового Времени“ (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Редакціи „Новаго Вѣдомості“—ва Страст. бульв., въ книжн. магазинѣ „Нового Времени“ (Кузнецк. д. Третьякова) и у И. И. Печковской (Петровск. линіи). И городскими и иностраными просители покорнейше адресоваться прямо въ Контору „Русского Вѣстника“ Спб. Товарищество „Общественная Польза“ Больш. Подъяч., д. 39. Статьи сланные въ редакцію безъ условій, предлагаются въ полное распоряженіе и съдѣльно сокращеній, срока помѣщенія и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи печати неудобныя, не возвращаются.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ юля и августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга выйдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписьная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдельные книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ назначаеуть пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждого года.

Всѣ прочие подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждого года.

Студенты университетовъ и Демидовскаго Юридического лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели Военно-Юридической академіи платить по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевский островъ, 5 линія д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи, С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высыпаемъ ивногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, Профессоръ И. Сергиевскій.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(32-І ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ	На города	Заграницу
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р.—к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р.—к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р.—к.
" 6 " 5 " 50 к.	" 6 " 6 " — "	" 6 " 9 " — "
" 3 " 3 " — "	" 3 " 3 " 50 "	" 3 " 4 " 80 "
" 1 " 1 " 30 "	" 1 " 1 " 50 "	" 1 " 1 " 90 "

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гр. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гр. ивногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при неизрѣдѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб.. къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзыскаса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты простоянавливается.

2—1

Открыта подписка на 1895 годъ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная
безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ,
во взаимной помощи и въ стремлениі ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширного и все еще мало изслѣдовавшаго отечества—вотъ материалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы.

Освѣщающіе нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа мы высоко цѣнимъ всемирный исторический опытъ и употребляемъ всѣ усилия, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и вѣнчайшей политики, была органомъ цѣльныхъ, живыхъ, отзывчивыхъ

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересыпкою для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода 5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р.; для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к., заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новыи подписанікамъ, оплатившимъ юдовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня получения въ Главной Конторѣ подписаныхъ денегъ; оплатившимъ полу юдовую подписку ранне 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сего года.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиныхъ дворовъ; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.
Томскъ—при книжномъ магазинѣ П. И. Макушкина.

Редакторъ-Издатель А. Пороховщикова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

1895 г. НОВЪ 1895 г.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ 12 ПЕРЕПЛЕТЕННЫХЪ ТОМОВЪ
ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

А. Θ. ПИСЕМСКАГО
за 14 рублей

Подписчики получаютъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста
Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за пересылку премій:

1) журналъ НОВЪ, 24 выпуска. 2) особый иллюстрированный от-
дѣль МОЗАИКА, 24 выпуска, составляющій самостоятельный жур-
наль. 3) особый журналъ литературные СЕМЕЙНЫЕ ВѢЧЕРА, 12
книжекъ романовъ и повѣстей.

4) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ ФОРМАТА IN-FOLIO

„ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ“

въ двухъ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ

5) 12 ТОМОВЪ полнаго собрания сочинений А. Θ. ПИСЕМСКАГО
въ 12-ти изящныхъ переплетахъ.

XI (1895) подписанной годъ начался съ 1-го Ноября 1894 г.

С.Петербург. и Моск. подпісч. 12 переплет. томовъ полнаго собрания сочинений
А. Θ. ПИСЕМСКАГО и ДВѢ новыя переплетен. книги «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ» выдаются
при самой подпискѣ, начиная съ 1-го нояб. 1894 г.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за всѣ вышеобъявленныя изданія вѣдѣтъ съ перес.
во всѣ мѣста Россійской Имперіи безъ всякой доплаты за пересылку премій 14 р.

Допускается подписка на «НОВЪ» съ разсрочк. платежа на слѣдующихъ условіяхъ:

I. Для частн. лицъ, подписывающ. на одинъ экземпляръ: При подпискѣ висы-
лаются не менѣе двухъ руб., а затѣмъ предоставл. на усмотрѣніе подписч. висылать
или по 1 р. ежемѣс., или по 2 р. кажд. два мѣс., или по 3 р. кажд. три мѣс., или,
наконецъ, по 4, 5, 6, 7 р. каждые четыре, пять, шесть, семь мѣсяцевъ—до полной
уплаты всѣй годовой подписной цѣни, т. е. 14 р. Безплатн. преміи, т. е. 12 переплет.
томовъ сочин. Писемского и 2 переплет. книги «Живописной Россіи», висылаются или
выдаются подписч. только по уплатѣ всѣхъ 14 рублей.

II. Для казен. и обществен. учрежд., подписывающ. на не сколько экземпляровъ:
При самой подпискѣ висылаются или вносятся за каждого подписчика не менѣе 4 р.
Затѣмъ слѣдующіе взносы денегъ могутъ быть производимы частями и въ сроки по
усмотрѣнію самаго учрежденія, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы
деньги за годовую подписку всѣхъ подписчиковъ были полностью уплачены не позже
1-го октября 1895 года. Учрежд., не виславшія денегъ къ этому сроку, лишаются
права получ. бесплатн. преміи. бесплатн. преміи, т. е. 12 переплет. том. соч. Писемского
и 2 кн. «Живописной Россіи», висыл. или выдают. подписч. только по уплатѣ всѣхъ 14 р.
Подпаска приим. исключ. въ книжныхъ магаз. Товарищ. М. О. Вольфъ въ С.-Пе-
тербургѣ, Гостиный дворъ, № 16; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редак-
ціи «НОВИ» въ С.-Петербургѣ, Васильевский Островъ, 16 линія, собств. д. № 5-7

Редакторъ и издатель Александръ Мавrikевичъ ВОЛЬФЪ.

Второе десяти-
летие издания. Открыта подписька на 1895 годъ XI годъ
издания
на Еженедельный иллюстрированный журналъ путешествий и приключений на суше и на морѣ

ВОКРУГ СВѢТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХъ
50 № №
въ годъ

по изяществу виѣшности и полнотѣ содѣржанія не уступающихъ имъ одному даже изъ болѣе дорогихъ журналовъ. Каждый № состоитъ изъ 2-хъ печати. листъ, заключающихъ въ себѣ 16 стр. текста и отъ 6-ти до 8-ми рисунковъ русскихъ и заграничн. художниковъ. Содержаніе

каждаго № составляютъ полные захватывающаго интереса романы, изображающіе приключения и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путешестій, интересные повѣсти и разсказы, хроника событий, научныи извѣстія, смѣсь. Въ журналѣ по-прежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Давченко, Н. Н. Каразинъ, С. Ш. Метъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ, С. А. Качинъ и многіе другіе.—Иностранныя литература путешестій и приключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журнальныхъ произведеніяхъ яи корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ Жюля Верна, съ рисунками Бенкета и Ру; романъ изъ жизни лопарей: "Снѣжная липа", съ художественными иллюстраціями; романъ изъ эпохи восстания сидаевъ: "Наслѣдникъ раджи", съ рисунками Клерса и мн. др. Очень оригинальный ром. военнаго характера, написанный капитаномъ Даира и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки Стивенсона, Киплинга, Райдера-Хансарда, Айдса, Лори, Ганиве и друг.

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ БУДЕТЬ ПОМѢЩЕНО:

12 ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЛУЧШИМИ ЗАГРАНИЧН. ХУДОЖНИКАМИ КНИГЪ

Собрание сочиненій МАЙНЬ-РИДА,

состоящее изъ слѣдующихъ романовъ (безъ сокращеній) этого лубимаго писателя:

- 1) Затерянная гора.
- 2) Островъ дьявола.
- 3) Извартерония.
- 4) Переселенцы Трансваала.
- 5) Есадиль безъ головы.
- 6) Водная пустыня.
- 7) Пропавшая сестра.
- 8) Морской волкъ.
- 9) Охотники за черепахами.
- 10) Дочери сиваттера.
- 11) Прогулка боевозъ.
- 12) Охотники за жирафами.

Кромѣ того, при доплатѣ 1 рубля на упаковку и пересылку, годовые подписчики получать **РОСКОШНЮЮ ПРЕМІЮ**: огромную, размѣръ 17×27 вер., художественную олеографію, исполн. въ 40 крас. въ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ,

«ТЕРЕКЪ ШУМИТЬ» Эта большая олеографическая картина изображаетъ горный пейзажъ на Кавказѣ. Южная лунная ночь. Плынья въ бушу, идется Терекъ между горныхъ тѣнищъ. Онъ дикъ и неукротимъ, но человѣкъ все же успѣлъ наложить на него свою руку: черезъ рѣку перекинутъ мостъ, стойко выдерживавшій напоръ ея сердитыхъ волнъ. — Такому сюжету картины. Что касается исполненія, то оно со стороны художественности не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эффектъ лунного света, ночное южное небо, пѣнявшаяся вода подъ серебряными лучами лѣсницы, гравида горъ, уходящихъ вдаль и въ высъ — все это передано съ неподражаемымъ искусствомъ и съ такой художественной правдой, что получается полная иллюзія. Глядя на картину, забываешь, что это — только картина, а не дѣйствительность.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА съ романами Майнъ-Рида, съ пересылкою и доставкою

4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. за $\frac{1}{2}$ года. 1 р. 40 к. за $\frac{1}{4}$ года.

Допускается разсрочка годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца. Годовые подписчики, уплативши при подпискѣ за пересылку премію, позу-
чать ее немедленно, съ первыми №№ журнала.

Адресъ редакціи "Вокругъ Свѣта". Москва, Валовая ул., д. Т-во И. Д. Сытина.
Редакторъ Е. И. Киселевъ.

Издатель: Т-во И. Д. Сытина.

Принимается подписка на 1895 г.
 НА ЖУРНАЛЪ
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
 ИЗДАВАЕМЫЙ
 ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНИИ
 ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

Въ неофиц. части 1894 г. были помещены следующія статьи: О классномъ чтеніи эпическихъ в драматическихъ произведеній. *M. Яна*, пер. *B. Яковлева*.—Этюды выразительного чтенія. *D. D. Коровякова*.—Принципы правописанія и ихъ примѣненіе къ русскому языку. *K. Житомирскому*.—О постановкѣ русского языка въ средней школѣ. *I. Соломоновскому*.—Дидактическое значеніе и мѣсто Библейской истории по взгля-дамъ гербартіанцевъ.—По поводу нашихъ предшественниковъ, добромъ поминаемыхъ. *A. H. Острогорскому*.—Къ вопросу о дѣтскихъ характерахъ. *E. П.*.—Замѣтка по поводу юбилея Лобачевскаго. *I. Н. Долбня*.—Два направления въ школьной математикѣ. *B. П. Ермакова*.—Роль памяти въ математикѣ. *B. П. Ермакова*.—Основные дѣйствія надъ періодическими десятичными дробями. *H. Соколова*. Простые физич. опыты и приборы. *A. Королевова*.—Знать и мочь и естествознанія. *Ландеберга*.—О нравственномъ воспитаніи. *M. Демкова*.—Статьи *I. Я. Герда*, *K. B. Ельницкую*, *A. Флерова*, *A. A. Боголюбовой*, *B. Шидловскую*, *A. C. Виренкуса* и др.—Обзоръ дѣтской литературы за 1893 г. *M. B. Соболева*.—Критика и библиографія. — Рефераты.—Въ приложениі: 1) Обзоръ дѣятельности Педагог. Музея. 2) Работы учрежденной Главнымъ Научникомъ в.-у. з. комиссіи по обсужденію меръ для огражденія зреїнія воспитанниковъ сихъ заведений отъ порчи.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно. Подписная цѣна за годъ: съ доставкою и пересылкой—5 р.. за границу—6 р. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи: Спб., Фурштадтская, 12/4, кв. 9.
 Изданіе 1894 г. все разошлось по подпискѣ.

Редакторъ А. Острогорскій.

1

Издается
съ 1889 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

Подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Издание
годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

Еженедѣльный иллюстрирован. журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія

52 №№ по 16 стран. журнального формата съ иллюстраціями.

12 книгъ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ каждая книга 120—180 стр., съ рис.

4 ЦѢНА ЗА ГОДЪ
РУБЛЯ безъ доставки.
Съ доставк. на домъ и пересыпкою по Россіи ПЯТЬ руб.
Заграницу восемь.

Въ отдельной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну въ журнале «ПРИРОДА и ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣть возможность дать БЕСПЛАТНО СТОЛЬ ЦѢННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ.

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

Въ наступающемъ году будуть даны слѣдующія книги «Полезной библиотеки»:

1. Въ глубь Абиссинии. Юрий Кази-Бека. 2. Начало и конецъ міра. Ш. Ришара.
3. Домашняя лабораторія. Ф. Федо. 4. Письма изъ Африки. Генрих Сенкенберг.
- Перев. съ польскаго. 5. Астрономъ-любитель. Е. Предтеченскаго. 6. Полярный міръ. Лебатейля. Телескопъ и Мирроскопъ. Цюрхера и Марголе. 8. Комнатное цветоводство. Ф. Медведева. 9. Чудеса растительнаго міра. Ф. Груздева. 10. Спорть вовсѣ временя. В. Семенова. 11. Драгоценныя камни. И. Святскаго. 12. Водосы. Лебатейля.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будуть помѣщены: «За гранный льдово». Большой истор. ром. въ трехъ част. Н. Н. Соколова. «На рифѣ». Разск. Рейнана. «Гауль» (Изъ записной кн. разбѣг.). Больш. разск. изъ жизни перв. изслѣдов. Центр. Азіи Н. Н. Каразина, иллюстрир. самимъ автором. «По роднымъ краямъ». Рядъ очерк. изѣбѣт. писат. В. А. Тихонова, посвящен. интересы, уголки, нашего обширн. отч. съ иллюстр. художн. В. Г. Казандея, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго и И. И. Шишкина. «Поклонники дьявола» и «Русскій колонізъ въ Малой Азіи». Д-ра А. В. Елисеева, съ иллюстр. Э. К. Соколовскаго. «Варить или не варить?» Очерки В. В. Битнер. «На Бахалии» и «По Алтаю». Проф. А. М. Никольскаго. «Жертвы моря». Разскажи о кораблекр. А. Я. Максимова. «Дерево-людовѣдъ». Разск. В. П. Желяховской. «Очерки И. И. Пыльцева, автора «Стар. Петербурга» и др. «Живая машина». Очеркъ И. И. Ясинскаго. «Призвание доктора Чилищевъ». Разск. А. Е. Зарина. «Лагерная жизнь въ Бенгалии». Живоп. очерки и карт. изъ индійск. жизни и прир. В. Джонстон-Желяховскаго. «Величайшіе телескопы». Пр. С. П. фон-Глазенапа. «Небесныя явленія». Рядъ попул.-астрономич. очерк. Е. А. Предтеченскаго. «Восьмилетие хищниковъ». Очеркъ Камиля Фламмарiona. «Страна амазоній» и «Марокко». Живописные очерки, посвященные исторіи, прир. и прав. жит. Дагомеи и Марокко. «Тайны цветовъ». Очеркъ изъ жизни раст. П. Вольногорскаго. «Самозащита растений» и «Сватавшіяся растенія». Очеркъ А. Карницкаго. «Народные птицы» и «Волосатые люди». Очеркъ Д. А. Коропчевскаго. «Три брата жезлзного века» (жезлзо, сталь и чугунъ). Очеркъ И. Святскаго и мн. др.

Контора и редакція жур. «ПРИРОДА и ЛЮДИ»: Спб., Стрѣмянная ул., 12 собств. домъ; Издатель П. Сойминъ.

Редакторъ С. Груздевъ.

Допуск. разсрочка: при подпискѣ 2 р., въ 1 февраля 1 р. и въ 1 мая остатки.

За 1889—1890 г. журн. весь разошелся за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. остал. но-больш. колич. экз., чѣна котор. въ брош. видѣ, со всими прилож. 4 р. за кажд. годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 р. Перес. съ налож. платеж. по вѣсу и разстоянію.

Открыта подписка на 1895 г.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛъ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣкамъ выработавшихся бытowychъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будуть посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложенийъ, въ которой войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатного листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ материаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѣНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой .	10 р. —
Безъ доставки и пересылки .	8 — 50 к.
За границу	12 — —

Разсрочка платежа — по соглашенню съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кievskoy Stariны“ за всѣ прежніе годы, кроме 1882 и 1886, по 8 руб. голъ, а отдельныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кievъ, Кузнецкая ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *K. Гамалль*.

Редакторъ *B. Науменко*.

3—1

Открыта подписька на 1895 годъ на
ежемѣсячный литературно-научный и политический журналъ
СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ 1894 г. въ «Сѣверномъ Вѣстнике» было напечатано: «Заринцы», поэз. В. Минулич (автора «Мицочки»). «Неизычимые», поэз. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ», ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершенномътье» и «Татьянинъ день», разск. гр. Л. А. Толстаго. «Лушка», разск. Е. Лѣтниковой. «Въ странѣ пиратовъ», разсканіи Д. Мордовцева. «Женская жизнь», поэз. М. Крестовской. «Утрачена», разск. А. Стернъ. «Тайна души», поэз. Ф. Нефедова. «Чищеничики изъ окороды», быль И. Трахимовскаго. «Гомочки», поэз. В. Дмитревой. Статьи: «Розы между художниками», В. Стасова. «Новые союзы изъ Европы», гр. А. Камаревскаго. «Тики преступниковъ», проф. Ю. Петри. «Воспоминаніе о П. Чайковскомъ», Г. Ларина. «Дѣл славянскихъ поэзий», П. Боборыкина. «Первый публикъ изъ Европы», проф. А. Шеловенка. «Встрѣчи Ипп. Гея. «Земское страхование» И. Ворнера. «Сельскія библиотеки» В. Вахтерова. «Тургеневъ и Толстой», проф. Д. Осипенко-Кулиновскаго. «О себялюбіи, какъ доказателѣ общественной жизни» проф. А. Исаева. «Причины свободы отъ царственныхъ животныхъ» проф. И. Вагнера. «Соляка письмъ Герцену» Е. Никрасовой. «Жоржъ Зандъ» П. Вейберга. «Въ Палестинѣ» очерки, Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (1825—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Амеля», пер. гр. Ш. Толстой, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстаго. «Семейство Полонскихъ», ром. Г. Сениевича. «Современная Нюбель», ром. Іоанаса Ли. «Торжество смерти», ром. Г. д'Аннуціо, и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналь: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Принципиальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и библиографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италии, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая газета Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературные замѣтки А. Волынскаго.

Условия подписки на 1895 г.	По полугодиямъ.	По четвертиль годъ.
Безъ дост. въ Сиб. На годъ. Январь. Июль. Январь. Апрѣль. Июнь. Окт.		
въ конт. журнала 12 р.— к. 6 р.— к. 6 р.— к. 3 р.— к. 3 р.— к. 3 р.— к. 3 р.		
Съ доставкой въ Сиб. 12 > 50 > 6 > 50 > 3 > 50 > 3 > 50 > 3 > 50 > 3 >		
Съ перес. въ Импер. 18 > 50 > 7 > — > 6 > 50 > 3 > 50 > 3 > 50 > 3 > 50 > 3 >		
Заграницей 15 > — > 8 > — > 7 > — > 4 > — > 4 > — > 4 > — > 3 >		

Подписка на всѣ означеніе сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за рачателствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: Въ гг. конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ московск. отдѣл.—Тверская, близъ памятника Пушкина, д. Сазанова. Кроме того въ Спб.—въ Книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магаз. Карбасникова, «Нового Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

Объ изданіи въ 1895 году

НОВАГО ЖУРНАЛА.

посвященного вопросамъ критики и библіографії

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНІЕ.

Задача нового издания—путемъ критико-библіографического разбора всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся интересныхъ новинокъ русской литературы, помочь читающей публики разобраться въ массѣ печатного материала, появляющагося на книжномъ рынке и въ периодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы, съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены будутъ особы заметы о томъ, чтобы №№ нового издания доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія материала. Въ составъ журнала войдутъ между прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Руководія *литературно-критическихъ и научныхъ статьяхъ общую характеристику*, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ.

2) *Журнальное обозрѣніе*. Разборъ статей и произведеній изящной словесности, появляющихся въ периодической печати. При этомъ будетъ обозрѣваемы не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные и иллюстрированные журналы, а также ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣтятся что-либо выдающееся или интересное въ литературномъ отношеніи.

3) *Книжная ятакопись*. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдельныхъ изданіяхъ.

4) Смѣсь. Мелкія статьи и замѣтки. *Литературные и научные новости*. Биографіи выдающихся деятелей литературы и науки. Свѣдѣнія о всѣхъ вновь выходящихъ достойныхъ вниманія книгахъ (съ указаніемъ ихъ формата, числа страницъ, цѣны и пр.). Перечень журнальныхъ статей.

5) Отношения редакціи.

6) Объясненія исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще произведеніяхъ печати.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, начиная съ 1-го января 1895 года, нумерами, заключающими въ себѣ (смотря по количеству материала, подлежащаго обзору) отъ 82 до 64 столбцовъ текста.

Подписанная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ ПЯТЬ руб., на полгода ТРИ руб Заграницу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ маѣ.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ 6-я Рождественская ул. д. 10, кв. 10. Иногородные обращаются исключительно по указанному адресу; отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается кроме конторы редакціи (открыта ежедн. отъ 12 до 3 часовъ пополудни) также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ столицы.

Черезъ редакцію можно выписывать слѣдующія книги, составленія И. В. Скворцовъ: Статьи и изслѣдованія (1876—1892 г.) по вопросамъ политики, общественной жизни и литературы. С.-Петербургъ 1894 г. часть I, цѣна 1 руб. 35 коп. съ пересылкой. 2) Въ области практической философіи, цѣна 60 копѣкъ съ пересылкой. 3) Записки по педагогикѣ. Издание. 4-е С.-Петербургъ 1893 г. (складъ при книжномъ магазинѣ Думнова), цѣна 1 рубль. 4) Русская история томъ I (до Иоанна III). С.-Петербургъ. 1894, цѣна 1 рубль 25 копѣкъ съ пересылкой. Малочь можно прилагать почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель И. В. Скворцовъ. 2—1

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. LXXXII. 1894 г. ДЕКАБРЬ.

17

ГОДЪ 2-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ. ГОДЪ 2-й

НОВОЕ СЛОВО

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
(выходитъ безъ предварительной цензуры).

Годъ существованія нового журнала—достаточное время для того, чтобы ясно опредѣлить его направление и жизнеспособность.

«Новое Слово», съ самого возникновенія, намѣтило кругъ своихъ задачъ весьма определено: по мѣрѣ силъ и вѣшнихъ условій удовлетворять жаждѣ новизны въ области науки, искусства, философскихъ движений и литературныхъ направлений.

Лучшія имена, авторитетъ которыхъ для нового дѣла былъ весьма важенъ, украсили списокъ сотрудниковъ только-что народившагося журнала. Въ оставшемся редакціи постоянно заботилась, чтобы въ «Новому Слову» привлекали и новые силы, которымъ принадлежитъ будущее литературы.

Русская читающая публика, особенно провинциальная, также отзывчива ко вскому полезному и добросовѣстному начинанію. Новый журналъ въ первый же годъ достигъ значительного распространенія, такъ что не представляется нужнымъ говорить здесь объ обширности его программы и разнообразіи помѣщеннаго за годъ материала.

Воть имена авторовъ, произведенія которыхъ были напечатаны въ «Новомъ Словѣ»:

В. А. Бильбасовъ, Г. К. Градовскій, Д. Л. Мордовицъ, М. Л. Песковскій,
М. А. Протопоповъ, Н. П. Кораблевскій, С. Г. Фругъ, П. Н. Чертновъ, А. К.
Клеменбургъ, Н. К. Никуфоровъ, В. Я. Соколовъ, Р. Соловьевъ, Е. А. Красиль-
никовъ, К. Громовъ (псевдонимъ), Н. Э. Гейнце, В. И. Леманъ, Аль. Аль. Пыжевъ,
С. И. Уманецъ, Н. Ф. Льсковъ (Борельскій), Н. П. Стажегичъ, А. А. Соколовъ,
П. Л. Юдинъ, Ф. И. Покровскій, женщ.-врачъ М. И. Покровская, Ф. Соловьевъ,
И. Порошинъ, Н. Терская, П. Н. Небольсинъ, В. К. Булаковъ, П. П. Булыгинъ,
Е. Д. Мякоевъ, Н. Диннелштедтъ, М. Круковской, Е. Р-дова, В. Е. Чеми-
хина и мн. др.

Избѣгалъ сухихъ статей и переводного балласта, редакція предпочитаетъ беллетристику оригинальную и живыя, популярныя статьи какъ научнаго, такъ и публицистического содержанія.

Въ каждой книжкѣ помѣщаются преимущественно законченными произведеніемъ.

Журналъ «Новое Слово» выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цен-
зуры, большими книжками (около 80 печатныхъ листовъ) на лучшей бумагѣ въ изящ-
номъ видѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 10 р., на полгода 5 р. съ пересылкою.

Новымъ подписанчикамъ. Такъ какъ многіе изъ гospодъ новыхъ подписанчиковъ
вероятно пожелаютъ имѣть въ своей библиотекѣ журналъ съ его основаніемъ, то остав-
шися полные экземпляры «Нового Слова» за 1894 годъ годовые подписанчики мо-
гутъ получить за половину цѣну—5 р., высыпая за оба года 15 р. Допускается
разсрочка.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ контору журн. «НОВОЕ СЛОВО», Сапер. пер., 6.

Редакторъ-Издатель И. А. Ваталинъ.

1—1

Открыта подписка на 1895 годъ
(пятнадцатый годъ издания).

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣнчаной политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южного Края» и «Сѣверного телеграфного агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Оттолоски (маленький фельетонъ). X. Вѣсти ст. юга: корреспонденціи «Южного Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южного Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшняя извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Баржевая хроника и торговый отдаѣль. XVIII. Почтовый ящики. XIX. Календарь. XX. Справочная свѣдѣнія: дѣла, назначенные къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, сѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывающихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ «Южномъ Край», помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамилии, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событиямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

◆ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: ◆

съ пересылкою многородными:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

съ доставкою въ Харьковъ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
------	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ, въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. Йозефовичъ. 3-1

XVII ГОДЪ.

• О ПОДПИСКѢ •

Годъ XVII

на ежемесячный художественный и юмористический журналъ карикатуръ

ШУТЬ

НА 1895 ГОДЪ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЬ» ПОМЪЩАЕТЪ:

Богѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіа). Богѣе типъ карикатуръ — первыи и карандашъ. Не менѣе сомнѣй столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, рассказовъ, анекдотовъ, прозы, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Карикатуры-рецензіи на всѣ новыи илл. даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. Карикатуры на художественные выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся героевъ дн. Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ».

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для подписчиковъ
РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:**— ДОМОСТРОЙ —**
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

въ 25 главахъ съ изящными рисунками.

Текстъ Алѣши Чудиловича.

I. Какъ дѣти учiti и страхомъ спасати. II. Какъ дочь воспитати. III. Изъ невѣstu взятіи. IV. Какъ дѣткамъ отца и мати любити. V. Наказъ мужу и женѣ, и людамъ. VI. Похвали женамъ. VII. Женамъ наказъ о пьянствѣ. VIII. Изъ мужу жену любити. IX. Какъ друга дома принимати. X. О праведномъ христіанѣ. XI. О неправедномъ житіи. XII. Какъ всяческое платье кроить и обвязки бѣдѣ. XIII. Какъ платье женѣ носить. XIV. Какъ кормить приходящихъ въ дому. XV. Какъ въ людѣходить и къ себѣ принимати. XVI. Какъ жить человѣку, самъ же вѣрить. XVII. Какъ дачу снимать и за нее не платить. XVIII. О торговомъ лицѣ и о завоеваніи. XIX. Какъ болѣзни лѣчить. XX. Какъ отъ всякихъ скорбей пречувати. XXI. Какъ съ начальниками и подчиненными быти. XXII. Какъ слугъ наказати. XXIII. Какъ всякому человѣку руководѣничати. XXIV. Какъ чиновника упомянуть и чистоту соблюдать. XXV. Какъ должникамъ платати.

За пересыпку премія приплати не полагается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.

На годъ . . .

7 руб.

На 6 мѣсяцевъ . . .

4 >

Заграницу . . .

10 >

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.

На годъ . . .

6 р. № 1

На 6 мѣсяцевъ . . .

3 , № 1

Разсрочка по соглашению съ конторою.

Адресъ редакціи: Спб. Садовая, 7.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКІ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1893 годъ.

Въ ученыхъ Запискахъ помещаются:

I. Въ отдѣлѣ науки: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и изысканіямъ изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованіе факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорская рецензія на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлечения изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посыпанные обозрѣю коллегій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университѣтѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложения: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментариями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованіе.

Ученые Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписанная книга въ годъ со всѣми приложеніями ♂ руб., съ пересыпкой 7 руб. Отдельные книги можно получать въ редакціи по 1 руб. ♂ руб. Подпись принимается въ Правленіи университета Редакторъ Ф. Мищенко.

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

изданіе съ 44 выпуска Т-ва А. Гранатъ и К°, бывшаго Т-ва А. Гарбель и К°.

Издание имѣеть цѣлью въ общедоступномъ и скромномъ изложении дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важныя автобіографіи жизни и тѣмъ содѣйствовать разностороннему гармоническому развитію.

Въ изданіи принимаютъ участіе: Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. А. Г. Гусаковъ, Діонео,маг. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левитскій, пр.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Луницкій, проф. И. Н. Михалевскій, прив.-доц. П. Н. Милковъ, С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Макотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. Э. Л. Радловъ, М. Н. Ремезовъ, пр.-доц. А. Р. Смирцовъ, А. П. Субботинъ, проф. А. С. Трубарь, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. А. И. Чупровъ и др.

Все изданіе составитъ всего 8 томовъ (108—115 выпусковъ). Вышло 94 выпуска (составляющихъ 6 томовъ и 7 вып. 7-го тома) до слова САЛАСТЬ; въ нихъ помѣщено 64.618 статей и замѣтокъ, 1.311 портретовъ и рисунковъ, 18 географическихъ картъ, хромо- и олeографіи, таблицы рисунковъ, 2 серии „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“.

Цѣна тому (14 вып.) на обыкновенной бумагѣ 4 р. 20 к., на лучш. бумагѣ 5 р. 60 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересыпку приплачивается 10%, цѣны. По окончаніи изданія цена будетъ посѣщенна. Допускается разсрочка на слѣд. усlovіяхъ: при подпискѣ вносятся 5 руб., послѣ чего высыпаются 6 том. съ наложенными платежемъ въ 5 р., остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными веносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отрывками печати и выдержками изъ текста висятъ по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковский, 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

З ВЪЗДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТЕКУЩИХЪ СОБЫТИЙ.

ЕЖЕНЕДЬЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛъ

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ КНИГЪ ЕЖЕМЪСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА

Журналъ «ЗВЪЗДА» поставилъ своею главною задачею быть иллюстрированнымъ обозрениемъ текущихъ политическихъ и общественныхъ событій, отмѣтъ въ иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ и проч. всякое выдающееся явленіе каждой страны, отдавая при этомъ первое мѣсто отечественной русской жизни. Важнѣйшія событія будутъ посвящены экстренное №№. Художественнымъ отдѣломъ завѣдуетъ художникъ В. П. Овчинниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА: пять рублей безъ доставки. Шесть рублей съ доставкою и пересыпкою во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 мая 2 руб., — и 1 сентября остаточная.

52 ежедѣйныхъ №№. каждый изъ 24 страницъ журнального формата съ иллюстраціями. **12** книгъ ежемѣсячного литературного журнала. Каждая книга объемомъ болѣе 240 стр. больш. форм. **12** №№. моднаго журнала въ годъ, до 500 рис. съ прилож. двѣнадцать листовъ выкроекъ узоровъ и вышивокъ.

Въ 1895 году въ журналъ «ЗВЪЗДА» будуть напечатаны слѣдующія произведения:

Соловьевъ Всев.—Серг.—Истор. повѣсть «Недоразумѣніе». Полонскій Я. Н.—«Изъ воспоминаний». Маминъ-Сибирякъ.—Повѣсть Ясинікій, І. І.—Повѣсть «Три портреца Челапека Ивановскаго». Потапенко, И. Н. Пов. «Гордость семьи». Баранцевъ, И. С.—Повѣсть. Пронынскій, Сергѣй.—Фантастический разсказъ «Мраморная роза». Мережковскій, Д. С.—Статья «Новый идеализмъ». Гиппиусъ, З. Н.—«Зло». Фофановъ, И. М.—Рассказъ «Рога». Карадзинъ, И. Н.—Рассказъ «Честь возстановлена». Бѣлецкій, А. Н. (Масловъ)—Повѣсть. Тихоновъ, В. А.—Пов. «Лукошиниковъ». Морозовскій, Д. А. (Таранскій)—Романъ «Любовь-призракъ». Чумина, О. Н.—Ром. «Молодые побѣги». Заринъ А. Е.—Романъ «Исторія одного гардероба». Елисѣевъ, А. В.—Д.-ръ. Очеркъ «По Японіи». Сафоновъ, С. А.—Позма «Призраки». Максимовъ, А. Я.—Рассказъ «Не судить Богъ». Левашъ, А. И.—Романъ «Темные силы». Стѣлевъ В. А.—Повѣсть «Ядъ Локусты». Астафьевъ С. Л. Историч. романъ «Сандомирская панна». А также стихотворенія: Полонскаго, Я. П.; Майкова, А. Н.; Фофанова, И. М.; Величко, В. А.; Мережковскаго, Д. С.; Михаловскаго, Д. Л.; Льсова, К. Л.; Сафонова, С. А.; Талина, Ф. Е. и другихъ.

12 книгъ приложенийъ будуть заключать въ себѣ двѣнадцать избранныхъ романовъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ всѣхъ странъ.

Франція—Альфонсъ Доде.—«Приключенія Тартарена изъ Тарасконъ». Англія—Уильямъ Коллинзъ.—«Лунный камень». Германія—Георгъ Зберсь—«Слово». Швейцарія и Норвегія—Бюренсторнъ-Бернсенъ.—«На Божемъ пути». Данія—Іоаннъ Ли.—«Современная Ніобель». Венгрия—Марѣ Іональ.—«Божья воля». Польша—Ежи Омішко.—«Миртала». Италія—Габріэль Амунціо.—«Невинная жертва». Испанія—Серантесъ.—«Донъ Кіхотъ». Польский переводъ въ двухъ книгахъ. Америка—Маркъ Твенъ.—«Приключенія Фина Гиппербергина» и наконецъ

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ съ иллюстраціями Дора, представляющій собою

Собраніе басенъ ЛАФОНТЕНА,

отпечатанный на веленевой бумагѣ, въ форматѣ журнала «ЗВЪЗДА», въ переводахъ: Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Мережковскаго, Лихачева, Коринфскаго, Талина, Зарина и др.

Бонтора въ редакціи журнала «ЗВЪЗДА» Спб. Стреліянная ул. собств. д. № 12.
Завѣдн. литературной частью А. Е. Заринъ. За редактора издатель Петръ Сойминъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 81 и 82 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1894 года.

А.

- Аваловъ, полковн. 1850 г., т. LXXXI, февр., 128.
Августинъ Благородскій, архіеписк. Дмитріевъ съ 1814 г., архіен. москов. съ 1818 г. † 1819 г., т. LXXXI, янв., 207—209.
Августъ II, кор. польскій, т. LXXXI, мартъ, 183.
Агаф'евъ, Афанасій, священ. 1869 г., т. LXXXI, іюнь, 164, 173.
Агафоновъ, Ив. Панкратьевъ, окруж. воен.-медиц. инспекц. Варшав. окр. † 1868 г., т. LXXXII, авг., 11, 12, 13, 21, 26.
Агрикъ, художн. иллюстр. „Мертвыхъ Душъ“, т. LXXXII, окт., 176.
Адамовъ, профес., медикъ, 1852 г., т. LXXXI, апр., 9, 10.
Адлербергъ, гр. Александ. Владими. ген.-ад., мин. двора, р. 1818 г. † 1888 г., т. LXXXI, янв., 164, мартъ, 12, 13, апр., 57, 141.
Адлербергъ, гр. Влад. Фед.. ген.-ад., мин. двора 1862 г., т. LXXXI, янв., 118, 126, 131, февр., 107, май, 21, 22, мартъ, 12, 13.
Адлербергъ, гр., Николай, т. LXXXI, мартъ, 12.
Азаравичъ, А. А. А. т. LXXXI, апр., 228.
Александра, В. С., т. LXXXII, ноябр., 149.
Александровъ, Ив. Сергеевъ, LXXXII, сент., 84, ноябр., 110, 139, 191.

- Александровъ, Конст. Серг., т. LXXXII, окт., 149, 155, 157—165, ноябр., 107, 134, 136, 146, 147.
Александровъ, Серг. Тимоѳ., т. LXXXII, окт., 163, ноябр., 135—139, дек., 99, 100.
Алябинъ, соообщ. поправку къ заліскамъ М. Я. Ольшевскаго, томъ LXXXII, сент., 233.
Алябовъ, подп., директ. Лицейского пансиона 1824 г., т. LXXXI, 103.
Александра Іоакимовка, вел. книг., т. LXXXII, декабр., 50.
Александра Нимолаевна, вел. книг., въ супруж. принцессы Гессенъ-Касельская, р. 1825 † 1844 г., томъ LXXXI, апр., 132.
Александра Феодоровна, императр. р. 1798 г., † 1860 г., томъ LXXXI, мартъ, 81, апр., 171, іюнь, 19, томъ LXXXII, іюль, 23, авг., 41.
Александръ I, императ., р. 1777 г., † 1825 г., т. LXXXI, янв., 104, 205, февр., 31, 71—76, 236, мартъ, 4, 103, 135—144, 163, апр., 171, 172, май, 78, 80, іюнь, 120—134, 205, 208, 211—216, т. LXXXII, іюль, 136, 137, 217, авг., 212—229, сент., 186, 198, 206, 207, 216, 219—225, 231, окт., 46, 58, 124, 125, 206, 221—230, ноябр., 80—83, 156—158, 167—172, 194, 214, декабр., 53, 54, 68, 97, 107—129, 154, 203, 205, 206, 209, 235—237.
Александръ II, императоръ, родил. 1818 г., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 163—172, февр., 22, 32, 66, 188, 229,

апр., 47, 51, 57, 141, 224—226, 232,
май, 6, юнь, 19—22, 26, т. LXXXII,
июль, 3, 14, 15, 24, 26—29, 38, 43,
авг., 17, 25, 31, 67, сент., 52, 82, 93,
102, 103, 116, 122, окт., 93, 95, нояб.,
20, 116, 190—192, декабр., 167, 212,
XVI.
Александръ III, императоръ, род.
26 февр., 1845 г., † 20 окт. 1894 г., т.
LXXXII, декабр., I—XVI.
Александръ, герцогъ Виртембергск.,
1798 г., т. LXXXII, окт., 58.
Александръ, принцъ Дарштадтскій,
т. LXXXII, декабр., 49.
Александръ, царь Македонскій, т.
LXXXII, авг., 201—212.
Александровскій, В. П., фл.-адъют.,
1854 г., т. LXXXI, февр., 126, 127,
май, 194—196, т. LXXXII, юнь, 50.
Александровскій, пензенск. губерн.,
т. LXXXI, янв., 143.
Александровскій, В. И., алексинск.
уѣздн. предвод. дворянъ. 1885 г., т.
LXXXI, янв., 113.
Алексѣевъ, И. А., чл. комит. по рѣ-
шенію еврейск. вопроса 1808 г., т.
LXXXII, авг., 231.
Алексѣй, герцогъ Брауншвейгскій,
сынъ правительн. Анны Леополь-
дов., † 1787 г., т. LXXXII, дек., 97.
Алексѣй Михайловичъ, царь, род.
1629 г., † 1676 г., т. LXXXI, март.,
164, 189, апр., 215, май, 206, 207,
т. LXXXII, авг., 137, 138, 141, 142,
152, 155, 161, сентя., 242.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, род.
1690 г., † 1718 г., т. LXXXI, март.,
170, апр., 211, т. LXXXII, дек., 82.
Алонеусъ, Максимъ Максим., рус.
послан. въ Берлинъ, р. 1748 г., †
1822 г., т. LXXXI, апр., 160, 166,
173, 176, май, 83.
Алтуховъ, полковн. 1854, т. LXXXII,
июль, 80.
Альбадиль, бар., гофмаршалъ, управ.
гоф-интенд. конторою, 1821 г., т.
LXXXI, мартъ, 240.
Альбрехтъ, ген.-м., † 1850 т. LXXXI,
апр., 134.
Альферовъ, Романъ, намѣстн. ковель-
скій, 1582 г., т. LXXXI, май, 63.
Альчевская, Х. Д., дѣятельница по
народн. образованію 1870 г., томъ
LXXXI, юнь, 157, 190, 192, томъ
LXXXII, нояб., 183, 184.
Альшевскій, докт., 1865 г., т. LXXXII,
авг., 14.
Амвросій, Зертись-Каменскій, архиеп.
московск., р. 1708 г., † 1771 г., т.
LXXXII, авг., 57.
Амвросій, Оратскій, еписк. пензенск.
и сызранскій, р. 1778 г., † 1827 г.,
т. LXXXI, апр., 101, май, 104.

Амвросій, Подобідовъ, митроп. сиб.
и новг., р. 1742 г., † 1818 г., томъ
LXXXI, янв., 204, май, 91, 96, 103,
104, 114, юнь, 123, 127, т. LXXXII,
июль, 197—212, сент.. 185, 216, 217,
223, окт., 103, 118, нояб., 74, 78, 79,
декабр., 76—81, 104, 106.
Амвросій, Протасовъ, архиеп. тверск.,
† 1831 г., т. LXXXI, май, 104.
Амвросій, Яковлевъ-Ординъ, архиеп.
рязанск., † 1809 г., т. LXXXII,
декабр., 76—80.
Д'Андре, А. И., т. LXXXI, мартъ, 91.
Андреевскій, Никол., свящн., 1802 г.,
т. LXXXII, окт., 102.
Андреевскій, Э. С., докт., чл. медіц.
совѣта на Кавказѣ, 1854 г., томъ
LXXXI, янв., 143, февр., 126—128,
мартъ, 65, май, 174, 190, 191, юнь,
92.
Андреевъ, И. Н., т. LXXXI, февр., 99.
Андреевъ, Н. А., профес. Варшавск.
унив., докт. 1868 г., т. LXXXII,
авг., 26—38.
Андрющенъ, Ен., Иванъ Малхазо-
вичъ, ген.-лейт., воен. губ. Тифлиса,
† 1868 г., томъ LXXXI, май, 177,
183—193, юнь, 91, 92, т. LXXXII,
июль, 69, 103, сент. 28, декабр., 172,
173, 177—180, 189—191, 195.
Анна Іоанновна, императрица, род.
1693 г., † 1740 г., т. LXXXI, янв.,
144, февр. 28, мартъ, 248, 256, 257,
258, апр., 216.
Анна Леопольдовна, правительница,
р. 1718 г., † 1746 г., томъ LXXXI,
мартъ, 259, томъ LXXXII, декабр.,
82—97.
Анна Павловна, вел. кнаг., въ супр.
королева Нидерландская, р. 1795 г.,
† 1865 г., т. LXXXII, нояб., 158.
Анна Петровна, царевна, въ зам.
герцогиня Голштинская, р. 1708 г.,
† 1728 г., т. LXXXI, мартъ, 245,
248—250.
Анна Феодоровна, вел. кнагина, р.
1781 г., † 1860 г., т. LXXXII, нояб.,
158, 159.
Анненковъ, М. Н., т. LXXXI, апр.,
235.
Анненковъ, Никол. Никол., ген.-ад.,
ген.-губ. юг.-зап. врага, р. 1799 г., †
1865 г., т. LXXXI, янв., 131.
Анненковъ, Пав. Васил., критикъ,
писатель, р. 1813 г., † 1887 г., т.
LXXXII, окт., 41.
Антоній (Знаменскій), архиеп. гр.-
славскій † 1824 г., т. LXXXII, сен-
тябрь, 221.
Антоній, еписк. оренбур. и уфимск.,
1859 г., т. LXXXII, авг., 73, 74.
Антоновичъ, В. Б., профес. Кіевск.
унив., т. LXXXII, авг., 108—110.

- А**нтонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій, род. 1714 г., † 1774 г., т. LXXXII, декабр., 82—97.
Анучинъ, Дм. Гавр., сенаторъ, ген.-отъ-инфант., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231, 234, 235.
Апраксинъ, гр., Петръ Матвеевичъ, президентъ Юстиціи коллегії † 1727 г., т. LXXXI, мартъ, 253, апр., 211.
Апраксинъ, гр., коман. кавалергард. полка, 1830 г., т. LXXXI, апр., 38.
Аракчеевъ, Алексѣй Андреевъ, ген.-артил., р. 1769 г., † 1834 г., томъ LXXXI, янв., 213, февр., 11, 102, мартъ, 137, май, 209, 210, іюнь, 208, 215, 217, т. LXXXII, окт., 227, 228, декабр., 206, 240, 241.
Аргутинскій - Долгоруковъ, князь, команд. войскъ въ Приказн. краѣ, 1850 г., т. LXXXI, янв., 143, 144, 166, апр., 126, 135, май, 9.
Аренбергъ, кнаг., Елис. Борис., см. Шаховская кнаг.
Аренбергъ, кн., 1792 г., т. LXXXI, мартъ, 101, 107.
Ареопагитскій, свящ., препод. Рязанской дух. семин. 1815 г., т. LXXXI, іюнь, 98, 99, 100, 101, 106.
Арзаковъ, учит. Гифлеск. гимн. 1847 г., т. LXXXI, мартъ, 63.
Аристоѳ, Евменій Филипповъ, проф. Казанске унів. 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 46—51, 60, апр., 8, 29, 30, т. LXXXII, авг., 38.
Архадій, еписк. оренб. и уральскій 1834 г., т. LXXXII, авг., 66.
Ардитъ, лейб-медикъ, т. LXXXII, авг., 47.
Архольдъ, писат., т. LXXXI, янв., 126.
Арсеньевъ, А. В., сообш.: "Преосвященный полонофиль". Эпизодъ изъ временипольского восстания 1831 г.", т. LXXXI, мартъ, 215—222, упомин. т. LXXXII, декабр., 231—234.
Арсеньевъ, Конст. Конст., писатель, р. 1837 г., т. LXXXI, апр., 96, май, 140.
Арсеньевъ, Юлій Констант., олонецк., тульск. губернат., † 1873 г., томъ LXXXI, февр., 109, 113.
Арсеньевъ, чинов. собствен. Е. И. В канцел. 1840 г., т. LXXXI, февр., 96.
Артемовскій, Семенъ Степан., оперн. пѣвецъ 1844 г., т. LXXXI, февр. 98.
Архангельскій, майоръ 1870 г., томъ LXXXII, іюль, 152—154.
Ардимовичъ, Виет. Автон., дс. тн. сов., первоприсут. въ I дсп. сената, † 1893 г., т. LXXXI, апр., 231, 233—236.
Аршеневскій, воспитан. Дворянск. полка 1856 г., т. LXXXII, іюль, 31, 32.

- Ахатинъ**, З. И., учитель, 1870 г., т. LXXXII, авг., 86, 87.
Ахвердовъ, шт.-капит. 1854 г., томъ LXXXI, май, 200.
Аекасій, Протопоповъ, преподават. Спб. духовн. акад. 1814 г., т. LXXXI, май, 100.

Б.

- Багговутъ**, Александ. Фед., ген.-отъ-кавал., р. 1806 г., т. LXXXI, май, 189, т. LXXXII, іюль, 82—86, 108, 104.
Багговутъ, Карлъ Фед., ген.-лейт., † 1812 г., т. LXXXII, ноябр., 200.
Багратіонъ, кн., Ив. Романовъ, томъ LXXXI, мартъ, 99.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., род. 1766 г., † 1812 г., томъ LXXXII, окт. 203—207, ноябр., 157.
Багратіонъ - Мухранская, кнгиня, Аня Ив., т. LXXXI, мартъ, 70, 73.
Багратіонъ-Мухранскій, кн., Г. Е., директ. деп. суд. дѣлъ на Кавказѣ, впослѣд. сенат., ст.-секр. † 1877 г., т. LXXXI, апр., 150, май, 8.
Багратіонъ-Мухранскій, кн., Иванъ, ген.-м. 1854 г., гифлеск. предвод. двор. 1880 г., т. LXXXI, май, 179, 189, т. LXXXII, іюль, 82, 86.
Багратіонъ-Мухранскій, кн., капит. 1870 г., т. LXXXII іюль, 152—154.
Важановъ, Василій Борисовъ, прото-пресвит., † 1883 г., т. LXXXI, іюнь, 204.
Важанова, полков. 1852 г., т. LXXXI, февр., 156.
Важитъ, генер. 1855 г., т. LXXXII, декабр., 192.
Валланоѣтъ, Яковъ Петровъ, команд. войск. донск. 1849 г., т. LXXXI, янв., 140, 141, 161, 168, февр., 147—159, іюнь, 65.
Валовічъ, Виет. предсѣд. Нѣжинск. земск. управы 1872 г., т. LXXXII, окт., 185.
Валунина, т. LXXXII, декабр., 6, 7.
Валунина, Мих. Александ., р. 1814 г., † 1876 г., т. LXXXII, октябрь, 23, ноябр., 17—21, 24, 25, декабр., 3, 4.
Валашовъ, Александ. Дм. МИНИ. поліції, 1810—1816 г., ген.-губ. рязанскій 1824 г., р., 1770 г., † 1837 г., т. LXXXII, декабр., 53—71.
Валжанинъ, ген.-м., и. д. начальн. Оренбургск. края 1858 г., т. LXXXII, авг., 71.
Валле, Петръ Ив., помѣщ., 1818 г., т. LXXXI, май, 98, 108.
Валлинъ, директ. капитула орденовъ, 1830 г., т. LXXXI, янв., 60.

- Валлини, Ник. II., купецъ, 1870 г., т. LXXXII, юль, 187, 188.
- Вальбланк, вице-презид. мед.-хир. ак. 1855 г., т. LXXXI, июнь, 23, томъ LXXXII, юль, 13.
- Варанова, Анастасия, т. LXXXII, сент., 230, окт., 136.
- Вараховъ, гр., Александр. Трофимовъ, полковн., † 1888 г., т. LXXXI, янв., 113.
- Вараховъ Д. О., 1804 г., т. LXXXI, май, 227.
- Вараховъ, Мих. Александр., 1820 г., т. LXXXII, сентябр., 230, окт., 130, 131.
- Варатова, княжна, Нина, т. LXXXI, май, 201.
- Варатова, кн., чиновн. 1836 г., томъ LXXXI, янв., 25.
- Варатинский, врачъ 1855 г., томъ LXXXI, июнь, 29—31.
- Варклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан., фельдмарш., р. 1761 г., † 1818 г., т. LXXXI, июнь, 208, т. LXXXII, окт., 201, 208, 214, 215, декабр., 138.
- Варминский, професс. Казанск. унив. 1852 г., т. LXXXI, апр., 30.
- Варонъ, преподав. 1-й казанс. гимн. 1843 г., т. LXXXI, февр., 57—60.
- Варсовъ, Е. В., писат., т. LXXXI, мартъ, 241—243.
- Варсуковъ, Никол. Платонов., писатель, т. LXXXII, ноябр., 129, 153.
- Вартенева, Прасковья Арсеньевна, фрейлина, р. 1811 г., † 1872 г., т. LXXXI, февр., 99, 112.
- Вартеневъ, П. И., издат. "Русского Архива", т. LXXXI, мартъ, 144.
- Вартеневъ, Юрий, поруч. 1816 г., т. LXXXII, декабр., 124.
- Варатинская, княжна, Анна Ив., см. Толстая, графиня.
- Варатинская, княжна, Елизав. Александровна, см. Чернышева, гр-ня.
- Варатинская, княжна, Елиз. Ив., т. LXXXI, мартъ, 3, 4, т. LXXXII, декабр., 30, 31.
- Варатинская, княжна, Леонила Ив., въ зам. княг. Витгенштейнъ, томъ LXXXI, мартъ, 3, 5.
- Варатинская, княжна, Марія Иван., въ зам. княг. Коцубей, т. LXXXI, мартъ, 3, 5, май, 11, 19, т. LXXXII, ноябр., 57.
- Варатинская, княг. Марія Феодоровна, рожд. гр-ня Келлеръ, р. 1739 г., † 1858 г., т. LXXXI, февр., 29, 39, мартъ, 3—5, апр., 36, 51, июнь, 41, т. LXXXII, ноябр., 33, 41, декабрь, 32—36, 51.
- Варатинская княжна, Ольга Ив., въ зам. гр-ня Давыдова, т. LXXXI,
- марть, 3, 5, т. LXXXII, декабр., 28—30.
- Варатинская, книг., рожд. Шернборнъ, т. LXXXI, февр., 29.
- Варатинская, книг., рожд. Бутенева, т. LXXXI, февр. 33.
- Варатинский, кн., Александр. Ив., ген.-ф. намѣстн. Кавказа, р. 1814 г., † 1879 г., т. LXXXI, янв., 35, 44, 139, 164, 168, 173, 177, 179, 181, февр., 17, 21—45, 101, 115, 128, 131, 171, мартъ, 3—38, 66, 69, 79, 84, апрѣлъ, 36—59, 126, май, 4—6, 176—196, июнь, 36—61, 76, 90, томъ LXXXII, юль, 48, 68, 70, 106, сент., 23, ноябр., 27—57, 215—240, декабр., 28—52, 168, 169.
- Варатинский, кн., Анат. Ив., команд. Преображен. полка, т. LXXXI, февр., 41—44, мартъ, 3—13, 32, 38, апр., 36, 53, 56, 57, май, 10, июнь, 36, 52—61, т. LXXXII, ноябр., 27, 31, 32, 38, 43—45, 50, 56, декабр., 31, 34.
- Варатинский, кн. Викт. Иванов., т. LXXXI, февр., 33, 43, мартъ, 3, 32, т. LXXXII, ноябр., 27—31, 45, дек., 29, 32—36, 48.
- Варатинский, кн., Владими. Ив., томъ LXXXI, февр., 22, 40—43, мартъ, 3, апр., 38, 39, июнь, 35, 59, 62, т. LXXXII, ноябр., 31, 35, 38, 45, 46, 49—57, декабр., 33, 34, 49.
- Варатинский, кн., Данил. Асанасьев., бояринъ 1694 г., т. LXXXI, февр., 27.
- Варатинский, кн., Ив. Ив., тн. сов., послан. въ Мюнхенъ, томъ LXXXI, февраль, 28—39, мартъ, 3—5, томъ LXXXII ноябр., 30, декабр., 35.
- Варатинский, кн., Ив. Петр., бояринъ, † въ монаш., т. LXXXI, февр. 27.
- Варатинский, кн., Иванъ Серг., ген.-поруч. 1773 г., т. LXXXI, февраль, 28, 29.
- Варатинский, кн., Ив. Фед., москов. главнокомандующий, томъ LXXXI, февр., 27.
- Варатинский, кн., Мих. Петр., посолъ въ Персию, т. LXXXI, февр. 27.
- Варатинский, кн., сержантъ-гвардій 1792 г., т. LXXXI, февр., 80, 85.
- Варатинский, кн., Юрий Никитичъ, бояринъ 1676 г., т. LXXXI, февр., 27.
- Варатинский, кн., Яковъ Петровичъ, воевода, т. LXXXI, февр., 27.
- Варатинский, Фед. Петров., посолъ въ Крыму 1603 г., въ Стокгольмъ, 1607 г., т. LXXXI, февр., 27.
- Варатинский, кн., Фед. Юрьевичъ, окольничій, т. LXXXI, февр. 27.
- Варатинские, князья, объ ихъ родословіи, т. LXXXI, февр., 27—30.

- Васосинъ, министръ герц. Голштинскаго 1725 г., т. LXXXI, март., 244.
- Батурина, ген. 1847 г. т. LXXXI, мартъ, 73.
- Бауэръ, Фед. Вильмовъ, ген.-инж. и ген.-квартирмейст., 1782 г., томъ LXXXI, февр., 79, мартъ, 98, 99, 105.
- Бахметьевъ, оренб. воен. губернатор. 1800 г., т. LXXXII, декабр., 236.
- Бахметьевъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, окт. 205.
- Башпуджий, спб. коменд. 1834 г., т. LXXXI, апр., 43.
- Башпуджий, свящ. 1795 г., т. LXXXII, авг., 98, 99.
- Беберъ, ген., инспект. морск. кадет. корпуса, 1817 г., т. LXXXII, июль, 213, 226, окт., 137.
- Бебутова, Екатерина, Maria Соломон., рожд. Аргутинская-Долгорукая, т. LXXXII, декабр., 195.
- Бебутова, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф., членъ Госуд. Сов., р. 1791 г., † 1858 г., т. LXXXI, мартъ, 72, 73, 89, 92, апр., 138, 141, май, 176, 177, 181, 183, 186, 189, 193, 194, 196, июн., 90, т. LXXXII, июль, 44, 47 — 108, сент., 22, ноябр., 224, декабр., 165, 170, 192, 195.
- Бебутова, кн., Конст. Ал., редакторъ „Гифлийского Вѣстника“ 1876 г., т. LXXXI, май, 136, 137.
- Безакъ, Александ. Павл., оренбург. ген.-губерн. съ 1860—1864 г., ген.-адъют., † 1869 г., т. LXXXI, май, 37, т. LXXXII, июль, 138.
- Безбородко, кн., Александ. Андр., канцлеръ, род. 1747 г., † 1799 г., т. LXXXI, мартъ, 95, 96, 194, 199, 203, 204.
- Безобразовъ, Александ. Мих., сен., р. 1783 г., † 1871 г., томъ LXXXI, янв., 37.
- Безобразовъ, Никол. Александ., писатель, † 1867 г., т. LXXXI, февр., 102, 103.
- Безобразовъ, оренб. вице-губернатор. 1829 г., т. LXXXI, апр., 46, томъ LXXXII, дек., 225—229.
- Белотовъ, Андрей Никол., профес., р. 1825 г., т. LXXXI, апр., 3—7, 29, май, 30, июнь, 26.
- Бекович-Черкасскій, кн., Алексан., кап. гвар. Преображенск. полк., совершилъ походъ въ Хиву 1716 г., т. LXXXII, декабр., 235.
- Бельгардъ, А. К., команд. кавказск. резервн. гренадер. бригад. 1847 г., т. LXXXI, апр., 130.
- Бемъ, Иаковъ, писатель-историкъ, т. LXXXI, июнь, 121.
- Бенедиктовъ, Мих. Степан., писат., р. 1753 г., † 1838 г., т. LXXXII, ноябр., 125.
- Бенкендорфа, гр., Александ. Христофор., шефъ жанд., р. 1783 г., † 1844 г., т. LXXXI, январь, 43, февраль, 108, мартъ, 215, 216, 220, 221, 222, май, 19, т. LXXXII, окт., 198.
- Бенингсенъ, гр., Леонтий Леонтиевъ, генер., р. 1745 г., † 1826 г., томъ LXXXII, окт., 206, 208, 214 — 216, ноябр., 198, 199.
- Берви, Васил. Фед., профес. физиол. Казанс. унив., р. 1792 г., † 1859 г., т. LXXXI, мартъ, 60—62, апр., 4, 10, 31.
- Бергъ, гр-на, т. LXXXII, сен., 117—119.
- Бергъ, гр., Фед. Фед., ген.-фельдшар., намѣстн. Царства Польскаго, род. 1794 г., † 1874 г., т. LXXXII, авг., 11, 13, 21, 26—28, сент., 101—123, окт., 86—91.
- Берсеневъ, полковн. 1852 г., томъ LXXXI, февр., 170.
- Берь, ст. сов. 1847 г., томъ LXXXI, февр., 120.
- Бестужевъ, Александр. Александр. (Марлинскій), писат. декабристъ, р. 1797 г., † 1837 г., т. LXXXII, окт., 157.
- Бестужевъ, Мих. Ал., декабр. писатель, род. 1800 г., † 1871 г., томъ LXXXII, сент., 191.
- Бестужевъ, Мих., резидентъ въ Копенгагенѣ 1725 г., т. LXXXI, мартъ, 244, 246, 248.
- Бестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петров., кабин.-министръ, потомъ государ. канцлеръ, род. 1693 г., † 1766 г., т. LXXXI, мартъ, 259, 260, 262, июнь, 221, 222, 224.
- Бибиковъ, Александ. Ильичъ, ген.-аншефъ, р. 1729 г., † 1774 г., томъ LXXXI, май, 144.
- Бланкортъ, полковн. 1859 г., т. LXXXII, авг., 74.
- Бильбасовъ, Васил. Алексѣев., сообщ.: „Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ“, т. LXXXI, февр., 70—95, мартъ, 94—112, апр., 157—178, май, 76—90.
- Биллигъ, Н. Н., сенат., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231.
- Биронъ, Іоганн-Эрнстъ, герц. Курильскій, род. 1690 г., † 1772 г., т. LXXXI, мартъ, 257—259.
- Бистромъ, ген., команд. л.-гв. Семёновск. полка 1856 г., томъ LXXXII, июль, 9, 11, 12.
- Блаватскій, эриванск. вице-губерн. 1855 г., т. LXXXI, 78, 79.
- Благосвѣтловъ, Григор. Евлампіевъ, профес., р. 1826 г., † 1880 г., томъ LXXXII, окт., 27, 30.

Виноградъ, Н., священ. Вятской губ., 1869 г., т. LXXXI, июнь, 152, 168.
 Виссельдтъ, Г. У., проф. судебно-медицинск. Казанск. унив. 1840 г. томъ LXXXI, янв., 65—76, мартъ, 51, 52, апр. 11.
 Владовъ, гр. Дм. Никол., ст.-секр., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1785 г., † 1864 г., т. LXXXI, мартъ, 221, т. LXXXII, сент., 189—191, нояб., 214.
 Выходовъ, Н., инспект. народ. школы Кубанск. обл., 1872 г., т. LXXXII, сент., 141, 142, нояб., 178, 179, 182.
 Вобрикова, Надежда Рафаилов. въ зам. Егорова, т. LXXXI, июнь, 206.
 Вобра, генер. 1831 г., томъ LXXXI, мартъ, 216.
 Вобылевъ, Ф. О., ред. газ. "Кавказъ", т. LXXXI, мартъ, 67.
 Богданова, танцовщица, т. LXXXI, мартъ, 31.
 Богдановичъ, И., т. LXXXII, сент., 187.
 Богдановскій, Н., сообщ.: "Воспоминанія о крымской войнѣ", томъ LXXXII, авг., 187—193.
 Богомоловъ, Андрей Алексеевичъ, военно-медицинск. инспект. Варшавск. окр. 1869 г., т. LXXXII, авг., 21, 26—53, сент., 102, 112, 113, 122—125, окт., 83—88, 95, 96.
 Боднарскій, Осипъ Максимов., проф. Московск. универ., род. 1808 г., † 1877 г., т. LXXXI, мартъ, 143, 144.
 Возжерновъ, Ив. Никол., сообщ.: замѣтка къ ст. "Наши мистики-сектанты", т. LXXXII, ноябр., 214.
 Возжевенч., уніатск. свящ. 1797 г., т. LXXXII, авг., 105.
 Вожъ, Ив. С., врачъ 1820 года, томъ LXXXI, май, 93, 96.
 Волгарскій, ст. сов. 1820 года, томъ LXXXI, июнь, 215.
 Вольчаки, Иосифъ Антонов., профес. физики Казанск. унив., † 1876 г., т. LXXXI, янв., 99, февр., 62—64.
 Ворковскій, подполковн. 1853 г., т. LXXXII, июль, 86.
 Вородинъ, директ. канц. имп. конно- заводства 1856 г., т. LXXXI, июнь, 46.
 Вороздиль, генер. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 135.
 Воссе, архитект. т. LXXXI, май, 14.
 Воткинъ, Васил. Петров., писатель, р. 1811 г., † 1869 г., т. LXXXII, сент., 79.
 Воткинъ, Серг. Петров., профес., медикъ, † 1889 г., т. LXXXII, июль, 22, авг., 29, сент., 52, окт., 27, 28,
 Вохоновскій, священ. 1798 г., т. LXXXII, авг., 101, 102, 111, 113.
 Еомрскій, каноникъ 1864 г., т. LXXXII, авг., 195.

Фонъ Ерадже, попечит. киевск. уч. окр., затѣмъ директ. 3 деп. мин. госуд. им., т. LXXXI, февр., 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 25, 101.
 Ерандтъ, Л., авт. критич. статьи о Гоголѣ, т. LXXXII, ноябр., 111—113.
 Еравицкая, гр-ня, Александра Васильев., рожд. Энгельгардъ. статьи дамы Екатерины II, р. 1754 г. † 1838 г., т. LXXXI, апр., 169—170.
 Ерауншвейгъ, Р. И., сенат., † 1888 г., LXXXI, мартъ, 64.
 Еревергъ, И. Х., мгавск. губернат., сенат. † 1885 г., т. LXXXI, янв., 108, 121, 122.
 Ерикнертъ, А., профес., т. LXXXI, мартъ, 244, 247, 251.
 Ериммеръ, гр., Отто-Фридрихъ, об.-маршалъ гольштии, службы, воспит. имп. Петра III, т. LXXXI, июнь, 221.
 Ериммеръ, ген.-лейт. 1854 г., т. LXXXI, май, 194, т. LXXXII, июль, 82, 83, 106, сент., 23.
 Ерискоргъ, Максимъ Максимов., ст.-секр., тов. госуд. контролера, † 1873 г., т. LXXXI, янв., 116, 118, 127, 128, 130, т. LXXXII, июль, 71, 73, 94, 103, сент., 25.
 Еродовскій, В. Л., деканъ медиц. факульт. Варшавск. унив. 1866 г., т. LXXXII, авг., 31—34.
 Ерохъ, Фед. Петров., мин. финанс., 1853—1856 гг., т. LXXXI, апр., 128.
 Ероневскій, генер., об.-квартирмайст. кавказ. арміи 1855 г., т. LXXXII, декабр., 170.
 Ерошевскій, К. О., врачъ 1850 г., т. LXXXI, янв., 167.
 Ерунгеръ, Андрей Осипов., команд. войсками казан. воен. округа † 1893 г., т. LXXXI, май, 184, т. LXXXII, июль, 60, 69, сент., 28, нояб., 92—93.
 Ерусловъ, вологод. гражд. губернат. 1831 г., т. LXXXI, мартъ, 217, 219.
 Ерюхъ, Фед. Павл., художн., † 1869 г., т. LXXXI, янв., 126, февр., 13, 16.
 Ерюзъ, гр-ня, рожд. Румянцева, т. LXXXI, мартъ, 195.
 Ератчаниковъ, ставроп. губернат. 1845 г., т. LXXXII, ноябр., 219.
 Еудбергъ, бар., Андрей, ген.-ад., дипломатъ, † 1881 г., т. LXXXII, ноябр., 191.
 Еукариновъ, прап. 1854 г., т. LXXXI, май, 32, 33—36, 49.
 Еудатовъ, Фокіонъ Естафьев., епископольск. губернат. 1872 г., т. LXXXII, сент., 32, 38.
 Еулаковъ, Андрей Терентьев., перм. бергъ-инспект. 1822 г., т. LXXXI, янв., 214.
 Еулаковъ, Конст., оф. я.-гв. Московск.

- полка, 1830 г., т. LXXXI, янв., 105.
- Булгаковъ, Петръ Алексѣевъ, ст.-секрет., † 1883 г., т. LXXXI, янв., 130, февр., 102, мартъ, 66, май, 198.
- Булгаковъ, Серг. Алексѣевъ., ген. отъ инф., † 1808 г., т. LXXXI, февр., 168.
- Булгаковъ, полковн. 1854 г., т. LXXXII, сент., 33, 37.
- Булгаринъ, Фаддей Венедикт., писатель, р. 1789 г. † 1860 г., т. LXXXI, февр., 17, 191, т. LXXXII, ноябр., 113, 125, 132.
- Вуле, профес. Москов. унив. 1820 г., т. LXXXI, сент., 170.
- Бунаковъ, Н. Ф., педагогъ 1868 г., т. LXXXI, апр., 88—90, июнь, 136, т. LXXXII, июль, 159.
- Бунте, Никол. Христ.-чл. Госуд. Сов., 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.
- Буницимъ, земск. дѣятель Екатеринослав. губ. 1863 г., т. LXXXI, апр., 95.
- Буссау, генер. 1855 г., т. LXXXII, сент., 59.
- Бутенева, см. Баратинская, кнаг.
- Бутеневъ, Аппол. Петр., дипломатъ, † 1886 г., т. LXXXI, февр., 33, т. LXXXII, сент., 181, 190.
- Бутковъ, Владил. Петров., государь-секрет., р. 1813 г., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 117, 130, февр., 103, 108, 109, 116—120, мартъ, 86, апр., 127, 128.
- Бужнеровъ, Александ. Мих., профес., химикъ, т. LXXXI, мартъ, 53, 60.
- Бутурлини, гр., Александ. Борис., ген.-фельдмарш., род. 1694 г., † 1767 г., т. LXXXI, мартъ, 250.
- Бутурлини, Дм. Петров., директ. публичн. библ., р. 1790 г., † 1849 г., т. LXXXII, окт., 201—220, ноябр., 193—213, декабр., 133—154.
- Бутурлини, Ив. Васильев., воевода, 1661 г., т. LXXXI, мартъ, 229.
- Бутурлини, Фома, бояринъ 1580 г., т. LXXXI, май, 61.
- Бухаринъ, И. Н., гофмейст., 1886 г., т. LXXXI, янв., 113.
- Бухольцъ, А. Ф., ординат. Уяздовск. госпит. 1869 г., т. LXXXII, сент., 117, 118.
- Быковъ, Александ. Мих. начальн. и.-х. акад. 1870 г., т. LXXXII, авр., 25, 27, 28, ноябр., 99.
- Вылинскій, Лука, священ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 132, 133.
- Вѣгичевъ, В., писат., т. LXXXI, янв., 24.
- Вѣлавинка, Екат. Григор., въ зам. Облевухова, т. LXXXII, ноябр., 153.
- Вѣлавинка, Дм. Григор., т. LXXXII, ноябр., 153.
- Вѣлинскій, Е. Ф., врачъ 1868 г., т. LXXXII, авг., 27.
- Вѣлинскій, воевода 1619 г., т. LXXXII, авг., 144, 156.
- Вѣлинскій, Вискаріонъ Григор., р. 1810 г., † 1848 г., т. LXXXI, янв., 10, 11, май, 138, т. LXXXII, окт., 144—168, ноябр., 114—116, 122—128, 144, 147.
- Вѣловъ, И. Д., педагогъ, директ. учит. семинар. въ Дерптѣ 1868 г., т. LXXXI, июнь, 136—141, 150, 152, 158, 161, 168, 171, 172, т. LXXXII, июль, 193.
- Вѣлосельская-Вѣлозерская, кнагиня, Анна Григорьевна, землевладѣлица Уфимск. г. 1829 г., т. LXXXII, декабр., 217.
- Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, кн., Александ. Мих., т. LXXXII, декабр., 217.
- Вѣльский, Ив., стольникъ 1581 г., т. LXXXI, май, 59.
- Вѣльгаевъ, В. Т., кол. асесс. 1859 г., т. LXXXI, мартъ, 74, 75.
- Вѣжливый, кутаисск. воен.-губ., ген.-лейт., 1844 г., т. LXXXI, февр., 114, мартъ, 92, май, 191, т. LXXXII, июль, 93.
- Вѣзеръ, бар., Ф. А., почетн. опекунъ директ. москов. гл. архива, мин. ин. дѣлъ, т. LXXXII, ноябр., 189—192.

В.

- Ваконундъ, надзират. 1-й казанск. гимназ. 1846 г., т. LXXXI, янв., 85, 90.
- Вакуловъ, предсѣд. саратовск. уездн. училищн. совѣта 1872 г., т. LXXXII, окт., 183.
- Вальдемаръ, датск. королевичъ 1640 г., т. LXXXII, авг., 151, 152, 155.
- Ваниновскій, Петръ Семенов., воен. мин. 1890 г., т. LXXXII, июль, 121.
- Вартаамъ, еписк. житомирск. 1796 г., т. LXXXI, февр., 241, т. LXXXII, авг., 111, 116, 122.
- Васильевъ, капит. 1764 г., т. LXXXII, декабр., 96.
- Васильевскій, тифл. вице-губерн. 1841 г., т. LXXXI, февр., 110, 120.
- Васильчикова, Анна, 1806 г., т. LXXXI, янв., 206.
- Васильчиковъ, кн., Александръ Иларіонов., публицистъ, 1872 г., т. LXXXII, окт., 190—197.
- Васильчиковъ, кн., Викт. Иларіон., дѣят. по народн. образов., т. LXXXII, июль, 184, окт., 196—200.
- Васильчиковъ, кн., Илар. Васильев., ген. 1812 г., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1777 г., † 1847 г., т. LXXXI, апр.,

- 127, т. LXXXII, окт., 209—218, нояб., 195—199, 207—210, декабр., 139, 148, 149, 151.
- Васильчиковъ**, Петръ Александр., обществен. дѣят. по народн. образ., 1872 г., т. LXXXII, юль, 184, окт., 196—200.
- Васиневскій**, секретарь черниговск. консисторія 1806 г., т. LXXXII, окт., 104.
- Ватсонъ**, Эрнестъ Карлов., писатель, 1870 г., т. LXXXI, май, 123.
- Вахрушевъ**, Александръ, т. LXXXII, ноябр., 64.
- Введенскій**, Иринархъ Ив., писат. педагогъ, † 1855 г., т. LXXXI, юнь, 47.
- Вейкартъ**, докт. 1784 г., т. LXXXI, март., 201—203.
- Вейль**, Карлъ Ив., гадзират. 1-й казанск. гимназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 85, 89.
- Векротъ**, помѣш., 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 6, 7, 10, 16, 36.
- Величковскій**, уніатск. священ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 128.
- Вельжинскій**, Илья, т. LXXXI, февр., 236.
- Вельтманъ**, Александ. Фомичъ, писат., † 1871 г., т. LXXXI, янв., 10.
- Вельяминовъ**, Никита Андреев., воевода тобольск. 1665 г., т. LXXXI, мартъ, 228.
- Вельяминовъ**, А. А., генер. 1846 г., т. LXXXI, янв., 140, 147, февр., 135, 150.
- Венцель**, полковн. генер. штаба 1837 г., впосл., сенат., т. LXXXI, янв., 50.
- Вердеревская**, г-жа, т. LXXXI, февр., 112.
- Вердеревский**, губернат. подольск. 1795 г., т. LXXXII, авг., 118.
- Вердеревский**, Василий Евграфов., предсѣд. казен. палаты въ Перми, 1847 г., т. LXXXI, май, 178, 193.
- Верезинъ**, ген.-м., команд. Тенгинск. пол. 1854 г., т. LXXXI, февр., 146. юнь, 67, т. LXXXII, юль, 93, 144.
- Вернеръ**, И. А., авт. статьи "Курск. губ.", итоги статист. исслѣдований," 1887 г., т. LXXXI, апр., 236.
- Вернеръ**, г-н, врачъ келецк. госпитала 1864 г., т. LXXXII, авг., 8.
- Вертеловскій**, инспект. 1-й казанск. гимназ. 1850 г., т. LXXXI, февр., 46.
- Реселовскій**, Конст., секрет. акад. наукъ, т. LXXXI, янв., 46.
- Визуальскій**, есендэз, польск. повстан. 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.
- Выгель**, Филиппъ Филиппов., р. 1787 г., † 1866 г., т. LXXXII, сент., 178, 189—191, ноябр., 145, 146.
- Фонъ-Вилькинъ**, Денисъ Ив., см. Фонвицинъ.
- Вильбуа**, ген.-фельдцеймейстеръ 1762 г., т. LXXXI, мартъ, 261, 262.
- Вилегорстъ**, Александ. Петров., коман. новогеоргиев. крѣпости. артил. 1865 г., т. LXXXII, авг., 19.
- Вильде**, баронетъ, Яковъ Васильев., лейб-мед., р. 1765 г., † 1854 г., т. LXXXI, юнь, 15, т. LXXXII, юль, 14, 15, 21, 43.
- Вильде**, ординат. Уядовск. госпит. 1869 г., т. LXXXII, сентябр., 123, окт., 89, 90.
- Вильмотъ**, миссъ, т. LXXXI, февр., 73.
- Вильчинскій**, вратч., 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 17—19.
- Вильчиковскій**, Никол. Александ., г-н, докт. 1-го воен.-сухопутн. госпит. 1865 г., т. LXXXII, юль, 38.
- Викибергъ**, В., предсѣд. таврич. земск. управы 1878 г., т. LXXXII, окт. 187.
- Виноградовъ**, Никол. Андреев. проф. Казанск. унив., 1882 г., т. LXXXII, юль, 38, ноябр., 101.
- Винницкогородѣ**, бар., Фердин. Фед., ген., р. 1770 г., † 1818 г., т. LXXXII, ноябр., 201.
- Витбергтъ**, Александ. Лавр., художн., архитект., т. LXXXII, ноябр., 65.
- Витгенштейнъ**, князина, Леонида Ив. см. Баратинская.
- Витгенштайнъ**, Ен., Левъ, т. LXXXII, декабр., 28.
- Витгенштейнъ**, сѣвѣ. Ен., Лидовикъ, фельдмарш., р. 1769 г., † 1843 г., т. LXXXII, декабр., 138, 140—151.
- Витгенштейнъ**, Ен., Эмилій, ген.-ад., † 1878 г., т. LXXXI, апр., 133.
- Витте**, Ф. Ф., почетн. Варшав. учеб. окр., 1868 г., т. LXXXII, авг., 37.
- Віардо-Гаросія**, Паулина, п'вница, р. 1821 г., т. LXXXI, февр., 97, 100.
- Владиміровъ**, Василий Дм., ст. сов., штаб-лікарь Семенов. полка, 1854 г., т. LXXXI, юнь, 3—17, т. LXXXII, юль, 4—12.
- Владиміровъ**, профес. 1876 г., т. LXXXI, май, 137, 138.
- Владиміръ** Александровичъ, великий князь, т. LXXXII, ноябр., 116.
- Владиславлевъ**, Владик. Андреев., жана, полковн., литерат., † 1856 г., т. LXXXI, янв., 126.
- Владиславлевъ**, Мих. Ив., профес., рект. Соб. унив., † 1890 г., т. LXXXI, юнь, 187.
- Владиславъ** IV, кор. польскій 1640 г., т. LXXXI, май, 203, т. LXXXII, авг., 150—153, 155, 159.
- Властвъ**, Георг. Констант., ставро. губернат., 1862 г., т. LXXXI, янв., 139, 167, т. LXXXII, ноябр., 235—237.

- Внуковъ, Мих., бояринъ 1580 г., т. LXXXI, май, 61.
- Водковозъ, Васил. Ив., педагогъ, † 1886 г., т. LXXXI, июнь, 153, 156, 159, 201, т. LXXXII, ноябрь, 186.
- Волжинъ, Н. А., льговскій предвод. дворянъ. 1845 г., т. LXXXI, марта, 18, 21, 33.
- Волконскій, кн., Григор. Семенов., оренб. воен. губернат., 1804 г., т. LXXXII, декабрь, 237—241.
- Волконскій, кн., Серг. Григор., декабрь, † 1865 г., т. LXXXII, ноябрь, 11.
- Волконскій, кн., Григор., послан. въ Неаполь, т. LXXXI, февр., 99.
- Волконскій, свѣта. кн., Пётръ Мих., мн-ръ двора, фельм., р. 1776 г., † 1852 г., т. LXXXI, февр., 100, июнь, 209.
- Володуцкій, гл. докт. Александр. госпит. 1868 г., т. LXXXII, авг., 26, 28.
- Волоцкій, ставроп. губернат., 1850 г., впосл. сенат., т. LXXXI, янв., 168, февр., 45, май, 171, 172.
- Волошениковъ, дьякъ 1643 г., т. LXXXII, авг., 145, 151.
- Волынскій, Мих., воевода 1661 г., т. LXXXI, марта, 229.
- Волынскій, авт. критич. ст. о Пере-пискѣ съ друзьями Гоголя, т. LXXXII, ноябрь, 130—131.
- Вольватъевъ, агрономъ, т. LXXXI, 25, 26.
- Вольфъ, надзират. 1-й казанс. гим., 1841 г., т. LXXXI, янв., 85, 91.
- Вольфъ, Никол. Ив., ген.-м., об.-квартиром. 1850 г., чл. воен. сов. 1858 г., т. LXXXI, марта, 66, апр., 142, 152, май, 177, 178, 198, июнь, 90, 91.
- Вольховскій, начальн. штаба на Кавказѣ, т. LXXXI, янв., 111.
- Фонъ-Большогенъ, бар., Лудвигъ, воспитат. герцога Евгения Бирембергскаго, т. LXXXIII, ноябрь, 171, 172.
- Воробьевъ, Г., сообщ.: "Царь Иванъ IV и паша Григорій XIII", т. LXXXI, май, 52—75, "Самозванецъ Янъ-Фаустинъ Луба," т. LXXXII, авг., 136—167.
- Воробьевъ, Семенъ Никол., 1871 г., т. LXXXII, окт., 184, 185.
- Воронецъ, ген., директ. дворянск. полка 1856 г., т. LXXXII, июль, 29, 30.
- Воронковъ, полковн. 1853 г., т. LXXXII, июль, 93, 103, сент., 25.
- Воронцовъ, А. С., педагогъ 1875 г., т. LXXXI, июнь, 160.
- Воронцовъ, Екат. Ксаверіев., супруга намѣстн. Кавказ., т. LXXXI, февр., 146, мартъ, 64—67, 73, 88, 93, апр., 132, 134, 138, 141, 150, 151, май, 173, 174, 184, 187, 190.
- Воронцова, кнаг., Марія Васил., рож. княжна Трубецкая, по перв. мужу Столыпина, т. LXXXI, апр., 150, 151.
- Воронцовъ, гр., Александ. Романов., госуд. канцл., писатель, р. 1741 г., † 1805 г., т. LXXXII, юль, 137, сентябрь, 191, 192, декабрь, 237.
- Воронцовъ, В. П., авт. соч. "Крестьянская община," 1893 г., т. LXXXI, апр., 236.
- Воронцовъ, гр., Мих. Иларіонъ, видаванцъ. 1744 г., т. LXXXII, декабрь, 87, 88, 89.
- Воронцовъ, кн., Мих. Сем., намѣстн. Кавказа, р. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXI, янв., 136—147, 155, 166, 171—173, февр., 104—130, 135, 164, марта, 63—93, апр., 48, 124—156, май, 171—199, июнь, 81, 84, 91—93, т. LXXXII, юль, 49, 51, 68, окт., 205, ноябрь, 48, 49, 222, декабрь, 36, 37, 170, 172.
- Воронцовъ, кн., Семенъ Мих., ген.-м. свиты 1853 г., † 1882 г., т. LXXXI, февр., 126, мартъ, 71, апр., 134, 150, май, 171.
- Воронцовъ, гр., Семенъ Роман., посолъ въ Лондонъ, р. 1744 г., † 1832 г., т. LXXXI, мартъ, 199, 261, т. LXXXII, авг., 222, 223, 226, 227, 234.
- Ворцель, польск. эмигр. 1856 г., т. LXXXII, окт., 3—5.
- Брангель, бар., Александр. Васильев., команд. Люблинск. пѣх. пол. 1831 г., † 1842 г., т. LXXXI, янв., 109, 123.
- Брангель, Александр. Евстафіев., вутанс. ген.-губ., начальн. Прикасп. края, ген.-ад., ген. отъ инф., т. LXXXI, апр., 130, июнь, 64, 65, т. LXXXII, юль 83—86, сентябрь, 25, ноябрь, 220, 222, 236.
- Брангель, бар., Егоръ Васильев., профес., инспект. классовъ, учили. правовѣд. 1836 г., † 1841 г., т. LXXXI, янв., 109, 120, 123.
- Брангель, бар., Егоръ Егоровъ, дир. деп. мин-ва юстиц., впосл. сенат., т. LXXXI, янв., 109.
- Брангель, бар., начальн. дивиз. кримск. арміи 1854 г., т. LXXXII, авг., 9—11, 191, 192.
- Брезскій, бар., Ипполітъ Александр., ген.-лейт. 1852 г., т. LXXXI, янв., 150, 151, 179, 180, февр., 143, 144, 163—165, июнь, 67, т. LXXXII, ноябрь, 220.
- Брезскій, бар., директ. канцл. воен. мин-ва † 1855 г., т. LXXXI, янв., 128, 131, 173, 177.
- Бронченко, Фед. Павл., ст. секр., мн-ръ финанс. съ 1844 г., † 1862 г., т. LXXXI, февр., 121, мартъ, 67, 76, апр., 126, 127.

Всеволожская, Татьяна, вдова стольника 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 173.
 Всеволожский, ген.-м., управ. кавк. минер. водами 1848 г., т. LXXXI, мартъ, 82.
 Вульфъ, Маркъ Андреев., медиц. инспект. надъ Уральск. завод. 1840 г., т. LXXXI, янв., 63, 64.
 Вильгорский, гр., Матв. Юрьев., т. LXXXI, февр., 99, апр., 46.
 Вильгорский, гр., Мих. Юрьев., об-шникъ, р. 1787 г., † 1858 г., т. LXXXI, янв., 126, февр., 14, апр., 46, т. LXXXII, декаб., 42, 43.
 Вынодомский, капит. л.-гв. Семенов. полка 1744 г., т. LXXXII, декаб., 83—86, 92.
 Вѣтринскій, Иродіонъ Яков., проф. Спб. духовн. акад. 1814—1825 г., чл. гм. певч. комитета, директ. Могилев гимназ. 1834 г., т. LXXXI, февр., 226, май, 93, 100.
 Ваземскій, кн., Пётръ Андреев., тов. мин. нар. просв., писат., р. 1792 г., т. LXXXIII, сент. 189—192, ноябр., 127—139.

Г.

Габлицъ, Карлъ Ив., сенат., писат., р. 1752 г., † 1821 г., т. LXXXI, июль, 124.
 Гавріль, Банулеско, митроп. кишиневскій, † 1821 г., т. LXXXII, дек., 206.
 Гавріль, Петровъ, митроп. новгород. и спб., р. 1730 г., † 1801 г., т. LXXXI, мартъ, 101.
 Гавріль, архиманд., профес. богосл. Казан.унив. 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 54—56.
 Гаврушевичъ, Ив., т. LXXXIII, ноябр. 182, 183.
 Гагарина, книг., рожд. Лопухина, 1800 г., т. LXXXIII, ноябр., 164.
 Гагарина, книг., Софья Андреев., т. LXXXI, апр., 133.
 Гагаринъ, кн., Александ., Ив., кутайск. губернат. 1851 г., † 1857 г., т. LXXXI, мартъ, 74, апр., 145, май, 184, т. LXXXII, июль, 50, 51.
 Гагаринъ, Григ. Юрьев., вице-презид. акад. худож., об.-гофм. † 1893 г., т. LXXXI, мартъ, 87, 88, апр., 145, июнь, 84, 92.
 Гагаринъ, кн., Пав. Павл., предсѣд. комитета мин-въ съ 1865 г., т. LXXXI, апр., 127.
 Гагаринъ, кн., Ю. П., управл. приказомъ обществ. праирѣнія на Кавказѣ 1854 г., т. LXXXI май, 193.

Гагаринъ, кн., сенат., 1843 г., т. LXXX, ноябр., 189, 190.
 Гагаринъ, кн., 1816 г., т. LXXXII, декаб., 99.
 Гагемайстеръ, Ю. А., директ., кре-дитн. канц., т. LXXXI, мартъ, 74.
 Гайдебуровъ, П. А., редакт.-издат. газ. «Недѣла», 1871 г., т. LXXXI, 127, 129.
 Галафоффъ, генер. 1840 г., т. LXXXI, февр., 161.
 Галаховъ, Алексѣй Дм., препод. рус. словесн., писатель, т. LXXXIII, сент., 159, ноябр., 121, 122, 144.
 Галкинъ, Никол. Алексѣев., директ. 1-й казанск. гимназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 77, 79, 93, февр., 49, 50.
 Гамалея, тамбов. губерн., 1837 г., впосл. тов. мин. гос. имущ., т. LXXXI, янв., 44, 45, 52, 59.
 Гамзинъ, Анастас. Петр., т. LXXXI, мартъ, 74.
 Ганзенъ, инж.-ген.-лейт. 1860 г., т. LXXXII, ноябр., 223.
 Гантутъ, полковн. 1863 г., т. LXXXIII, июль, 93.
 Ганецкій, полковн. 1853 г., генер. 1861 г., т. LXXXII, июль, 103, 104, сент. 25, 42.
 Гангъ, Елена Андреев., рожд. Фадеева, писат.-да, † 1842 г., т. LXXXI, мартъ, 79.
 Ганкъ, сенат. 1840 г., т. LXXXI, янв., 126, мартъ, 63.
 Гарабурда, Мих., секретарь в. книж. Литовскаго 1581 г., т. LXXXI, май, 63.
 Гарнбальди, р. 1807 г., † 1882 г., т. LXXXII, декаб., 15—25.
 Гартманъ, Н. Н., директ. лицей, т. LXXXI, янв., 108.
 Гартманъ, Ф. Е. почетн. оценку, † 1887 г., т. LXXXI, янв., 124.
 Гасаненко, Дм., педагог 1867 г., т. LXXXI, апр., 78—80, 90, июнь, 136.
 Гауже, фрейлина 1850 г., т. LXXXII, декаб., 49, 50.
 Гаферлихъ, подполковн., управл. катаевск. заводами Уфим. губ. 1828 г., т. LXXXIII, декаб., 219, 220, 226.
 Гедеоновъ, Александ. Мих., директ. имп. театровъ 1853 г., р. 1793 г., т. LXXXI, февр., 100.
 Гедроницъ, Йосифъ, еписк. самогитскій 1831 г., т. LXXXI, мартъ, 218, 219.
 Гедроницъ, Симонъ, предсѣд. римско-католич. коллег. въ Спб. 1830 г., т. LXXXI, мартъ, 218, 219.
 Гедроницъ, вказъ, ген.-м. 1831 г., т. LXXXI, мартъ, 216, 218, 219.
 Геевскій, Степ. Лукчъ, р. 1813 г., т. LXXXI, февр., 230—234.
 Гейденъ, гр., Логинъ, адмир., и

- команд. Ревельск. порта 1845 г., т. LXXXI, февр., 111.
- Гейденъ**, гр., Логинъ Логиновичъ, ген.-ад., т. LXXXII, февр., 111.
- Гейденъ**, гр., Фед. Логинов., ген.-ад., т. LXXXI, февр., 111, мартъ, 64.
- Гейманъ**, шт.-кап. 1850 г., т. LXXXI, 167.
- Геймаръ**, генер. 1831 г., т. LXXXI, май, 236.
- Геллеръ**, г-жа, рожд. Майдель, т. LXXXI, янв., 115.
- Геллеръ**, полк., начальн. топографич. дело 1835 г., т. LXXXI, янв., 115.
- фонъ-Гельбигъ**, Георгъ, секр. саксонского посольства въ Россіи 1787—1796 г., † 1813 г., т. LXXXI, мартъ, 199, 203.
- Гельманъ**, Евг. Аристов., падзир. 1-й казанск. гимназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 85, 90.
- Гендиковъ**, гр., 1856 г., т. LXXXI, июнь, 45.
- Георгій Михаиловичъ**, вел. князь, т. LXXXI, мартъ, 239.
- Геристъ**, чиновн. собствен. Е. И. В. канцл. 1840 г., т. LXXXI, февр., 96.
- Геруа**, Алекс. Клавдіевичъ, ген.-ад., нач. штаба ген.-инспектора инжен. 1844 г., т. LXXXI, янв., 131, 132.
- Герценъ**, Александ. Ив., писатель, р. 1812 г., † 1870 г., т. LXXXII, сент., 64—100, окт., 3—45, нояб., 3—26, дек., 4—27.
- Герценъ**, Александ. Александ., т. LXXXII, сент., 66, 85, 87, 92, окт., 8, 10, 13, 38, 40, 42, 43, 45, нояб., 4, 5.
- Герценъ**, Луиза Ив., т. LXXXII, окт., 11.
- Герценъ**, Наталья Алексѣвна, т. LXXXII, окт., 12, 20, 37, 41, нояб., 6, 7, 12, 14, 15, 23, 24.
- Герценъ**, Ольга Александ., т. LXXXII, окт., 13, 36, нояб. 3, 7, 23.
- Герштенцвейгъ**, Алекс. Данилов., ген.-ад., начальн. гражд. управы въ Царствѣ Польск., р. 1818 г., † 1861 г., т. LXXXI, февр., 104, т. LXXXII, авг., 50, дек., 46, 47.
- Герштенцвейгъ**, Даниилъ Алекс., ген. отъ артил., р. 1790 г., † 1848 г., т. LXXXI, февр., 104.
- Гессе**, генер. 1829 г., т. LXXXII, июль, 58.
- Гироз**, Никол. Карлов., ст.-секрет., мин. ин. дѣлъ, т. LXXXI, янв., 46, т. LXXXII, нояб., 191.
- Гладышъ**, подполковн. 1854 г., т. LXXXII, ноябр., 128, 129.
- Глика**, Влад. Андреев., ген.-лейт., г-н. начальн. Уральскихъ заводовъ 1840 г., т. LXXXI, янв., 63.
- Глика**, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. LXXXI, янв., 126, февр. 13, 16, 98, 99, 100, 211.
- Глика**, Серг. Никол., писатель, р. 1774 г., † 1847 г., т. LXXXII, сент., 198.
- Глика**, Федоръ Никол., писатель и поэтъ, р. 1788 г., † 1880 г., его письма, т. LXXXI, июнь, 218—220.
- Глѣбовъ**, ген.-прокур. при Ек. II, т. LXXXI, апр., 217.
- Глѣбовъ**, помощн. начальн. м-х. акад. 1868 г., т. LXXXII, авг., 27.
- Глѣдинъ**, Д. Т., земск. дѣят. 1870 г., т. LXXXI, апр., 65, 66.
- Гогель**, Григ. Фед., ген.-ад., 1844 г., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 103, февр., 123.
- Гогель**, И. И., ген., помощн. нач. штаба на Кавказѣ, † 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 68, 90, апр., 141, июнь, 90.
- Гогель**, Фед. ген., начальникъ 25-й пѣхотн. дивиз. 1821 г., т. LXXXI, янв., 102.
- Гоголь**, Никол. Вас., писатель, р. 1810 г., † 1852 г., т. LXXXI, апр., 153, т. LXXXII, сент., 238. Отзызы современниковъ о немъ, окт., 143—178, нояб., 107—153.
- Годунова**, Ксения Борисовна, томъ LXXXII, авг., 151.
- Годуновъ**, Борисъ, царь, т. LXXXII, авг., 151.
- Годуновъ**, Петръ Ивановичъ, воевода тобольск. 1665 г., т. LXXXI, март., 228.
- Годуновъ**, Степ. Васильев., окольничій 1581 г., т. LXXXII, май, 60.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, кн., см. Кутузовъ.
- Голенищевъ**, начальн. штаба Казанскаго окр. 1880 г., т. LXXXII, ноябр., 93, 94.
- Голицына**, кнаг., Юлія Фед., томъ LXXXII, ноябр., 7—11.
- Голицына**, книг., рожд. Хитрово, т. LXXXII, ноябр., 80.
- Голицынъ**, кн., Александ. Никол., мн-ръ народн. просв., об.-прокур. сподида, р. 1773 г., † 1844 г., томъ LXXXI, янв., 206—209, февр., 226, 228, мартъ, 137, 140, апр., 116, июнь, 122—134, т. LXXXII, мюль, 203, 206, 210—215, 228, сент., 203—206, 217—225, окт., 103, 116, 120, 136, ноябр., 80—83, декаб., 101—131, 203—207, 210.
- Голицынъ**, кн., Борисъ Алексѣев., бояринъ, воспитат. Петра I, род. 1641 г., † 1714 г., томъ LXXXI, мартъ, 173.
- Голицынъ**, кн., Василий Борисов.,

- камергеръ, гвардій кан., р. 1729 г., † 1771 г., т. LXXXI, мартъ, 103, 110.
- Голицынъ, кн., Дм. Владім., ген. отъ кав., москов. ген.-губернат., р. 1771 г., † 1844 г., т. LXXXI, янв., 127.
- Голицынъ, кн., Дм. Мих., дипломатъ, р. 1665 г., † 1738 г., т. LXXXI, мартъ, 244, 245, 251, 254, 256.
- Голицынъ, кн., Мих. Мих., генераль-фельдмарш., р. 1675 г., † 1730 г., т. LXXXI, мартъ, 257.
- Голицынъ, кн., Н. М., т. LXXXI, янв., 114.
- Голицынъ, кн., С. П., т. LXXXI, февр., 103.
- Голицынъ, кн., Юрій Николаев., дирижеръ и композиторъ, р. 1823 г., † 1872 г., томъ LXXXII, окт., 8, 9, 19—21, нояб., 7—9, 15—17.
- Голицынъ, кн., камергеръ, 1745 г., т. LXXXI, июнь, 224, 225.
- Голицынъ, кн., генер., 1812 г., томъ LXXXII, 135.
- Голицынъ, кн., ген.-ад. 1879 г., т. LXXXII, окт., 94.
- Головина, т. LXXXII, сент., 200.
- Головинъ, Евг. Александ., команд. кавказ. корп., 1837 г., оставск. ген.-губ. 1847 г., ген. отъ инф., р. 1782 г., † 1858 г., т. LXXXI, янв., 111, февр., 120, июнь, 84.
- Головинъ, гр., Никол. Фед., адмиралъ † 1745 г., т. LXXXI, мартъ, 259.
- Головинъ, гр., Гавр. Ив., камер., род. 1660 г., † 1734 г., т. LXXXI, мартъ, 245, 253, 255, 258.
- Головинъ, Алексд. Вас., ст.-секрет., р. 1821 г., 1886 г., т. LXXXI, февр., 9, май, 117, т. LXXXII, нояб., 174, 175.
- Головинъ, Васил. Мих., кругосвѣтн. плователь, р. 1776 г., † 1802 г., т. LXXXI, янв., 7.
- Голомбюзовій, А., сообщ.: „Дѣло о чародѣйствѣ во второй половинѣ XVIII вѣка“, т. LXXXI, февр., 238—244, „Кладъ царя Александра Македонскаго“, т. LXXXII, авг., 201—212.
- Голожастовъ, певоръ, 1870 г., т. LXXXI, июнь, 156.
- Голубевъ, тайн. сов., членъ совѣта мин-ва фин., т. LXXXI, янв. 15, 16, июнь, 47.
- Голубинскій, студентъ Московской духов. акад., 1820 г., т. LXXXI, июнь, 105, 106.
- Голубцова, начальница Александровскаго малолѣтн. кадет. корп., 1866 г., т. LXXXII, юль, 22.
- Голубцовъ, С. П., попечит. Одесск. учеб. окр., 1870 г., томъ LXXXII, сент., 132.
- Голубцовъ, тайн. сов., 1827 г., томъ LXXXI, мартъ, 4.
- Гольштейнъ-Бекская, принцесса, Екатерина, въ зам. книг. Бартианская, т. LXXXI, февр., 28.
- Гольштейнъ-Бекскій, прин. Петръ Августъ, ген.-губ. лифл. и эст., т. LXXXI, февр., 28.
- Гольстоффъ, Ф. Г., директоръ лицез., 1835 г., т. LXXXI, янв., 112.
- Гольтерманъ, Ю. А., воен.-медиц. инспекторъ. Казанск. окр. 1880 г., т. LXXXII, нояб., 92, 93.
- Гольцевъ, Викторъ Александ., профес. 1882 г., т. LXXXI, май, 140.
- Гольцъ, гр., Александ., прусск. посл. въ Спб. 1789—1795 г., т. LXXXI, май, 83.
- Гоменкъ, Григорій, протоіер., 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 123.
- Гонзаго, Марія, невѣста Владислава IV, т. LXXXII, авг., 159.
- Гонсівскій, Александ. Корвинъ, воевода, † 1645 г., т. LXXXII, авг., 157.
- Гончаровъ, Ив. Александ., писатель, цензоръ съ 1856—1873 г., р. 1814 г., † 1891 г., т. LXXXI, май, 121.
- Гончаръ, начальн. некрасовецъ, т. LXXXII, нояб., 8, 10, 11.
- Горбачевскій, Есандъ, участн.польск. восст., 1863 г., томъ LXXXII, авг., 198.
- Городки, Ив. Савичъ, спб. об.-поліційн., сенат., писат., † 1862 г., т. LXXXI, янв., 12, т. LXXXII, декабр., 130.
- Гордзевъ, Кессарь Никол., помѣщ., 1841 г., т. LXXXI, янв., 69.
- Горликъ, врачъ, 1854 г., т. LXXXI, май, 200.
- Горчаковъ, кн., Александ., генер., 1812 г., род. 1764 р., † 1825 г., томъ LXXXI, июнь, 209, т. LXXXII, окт., 205.
- Горчаковъ, кн., Александ. Михаїл., госуд. канцл., р. 1797 г., † 1882 г., томъ LXXXI, янв., 108, апр., 221, 225—227, т. LXXXII, нояб., 191.
- Горчаковъ, кн., Мих., Дм., ген.-ад. главноком. крымск. арміи, 1855 г., намѣстн. Царства Польскаго, род. 1792 г., † 1861 г., т. LXXXI, мартъ, 12, май, 177, юнь, 26, т. LXXXII, юль, 119, 124, 125, 132, авг., 48, 191, сент., 55, 57, 62.
- Горянскій, Іоаннъ, свящ. 1820 г., т. LXXXI, май, 105.
- Госперъ, катол. пасторъ 1820 г., т. LXXXII, сент., 225.
- Гофштеттеръ, Д., сообщ.: „Письма: Растопчина, Нелидова, Каховскаго и Ливенъ къ Ивану Петрову. Лишнюю.—Пять реєскриповъ императ.“

- Павла I къ Ив. Петр. Ляпунову.—Челобитная имп. Петру I, поданная, въ 1718 г., дѣлако Аграфеной Тимофеевой, дочерью Ляпуновой», т. LXXXI, май, 231—235. «Письма Ф. Глинки къ И. И. Хатову», июнь, 218—220.
- Граббе**, гр., Мих. Павл., ген.-м., род. 1834 г., † 1877 г., т. LXXXI, янв., 140, 147.
- Граббе**, 1816 г., т. LXXXII, декаб., 99.
- Граве**, т. LXXXII, авг. 74.
- Грановскій**, Тимоѳ. Никол., профессоръ, † 1855 г., т. LXXXII, окт., 39.
- Грассь**, Л. И., авт. соч. „Страхование сельскохоз. посѣвовъ отъ неурожая“, 1893 г., т. LXXXI, апр., 236.
- Граффъ**, Викт. Егоров., т. LXXXI, апр. 67.
- Гребеніка**, Евген. Павлов., писатель, р. 1812 г., † 1848 г., томъ LXXXI, июнь, 126.
- Гребеній**, главн. докт. 2-го сухопут. госпит. 1857 г., т. LXXXII, юль, 14.
- Грековъ**, Степ., ген.-м., † 1824 г., т. LXXXI, янв., 140, июнь, 214.
- Гречъ**, Никол. Ив., писат., р. 1787 г., † 1867 г., томъ LXXXI, янв., 118, 126, февр., 191, 204, томъ LXXXII, сент., 189, окт., 149—149, 169.
- Грибоѣдовъ**, Александ. Серг., писатель, род. 1793 г., † 1829 г., томъ LXXXII, сент., 237—239, окт., 172.
- Григорій**, Постниковъ, архіепископъ казанск. 1852 г., митропол. спб. 1856 г., томъ LXXXI, февр., 227—229, мартъ, 54, 56, 222, апр., 27, май, 100, июнь, 203, томъ LXXXII, сент., 222, окт., 141.
- Григорій**, митроп. москов. 1859 г., т. LXXXII, авг., 73, 78.
- Григорій V**, патріархъ константинопольскій, р. 1751 г., † 1821 г., т. LXXXIII, декаб., 198—213.
- Григорій XIII**, папа римскій, томъ LXXXI, май, 52—75.
- Григорьевъ**, Апол. Алекс., писатель и критикъ, род. 1822 г., † 1864 г., т. LXXXII, ноябр., 118, 120, 149.
- Григорьевъ**, Вас. Васын., профес. ориенталистъ, 1869 г., р. 1816 г., т. LXXXI, мартъ, 120, апр., 236.
- Григорьевъ**, капит., 1853 г., томъ LXXXII, юль, 93, 103, сент. 25.
- Гриммъ**, Фридрихъ-Мельхіоръ, корреспондентъ имп. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. LXXXI, февр., 71, 72, мартъ, 193, 194, 198, 200, 201, 202, апр., 170, 171, май, 79, 82.
- Гринвальдъ**, генер., команд. кавалер-
- гардскаго пол., т. LXXXI, апр., 40, 41, июнь, 46.
- Григиченко**, офиц. 1853 г., т. LXXXI, май, 185
- Гротъ**, Конст. Карлов., ст.-секрет., чл. Госуд. Сов., 1894 г. т. LXXXI, янв. 113, апр., 231—232, 233—236.
- Гротъ**, Яковъ Карлов., акад., род. 1812 г., † 1893 г., т. LXXXI, апр., 93, 94.
- Груберъ**, профес.-анатомъ 1880 г., т. LXXXI, июнь, 21, 22.
- Грузинская**, княжна, Варв. Ильин. см. Орбелиянн.
- Гулькоевичъ**, управ. дѣлами кавказ. комитета, 1865 г., ст.-секрет., † 1872 г., т. LXXXI, мартъ, 86.
- Гудаковъ**, генер. 1855 г., т. LXXXII, декаб., 175.
- Гурко**, начальн. гражд. управл. на Кавказѣ при Нейгардтѣ, т. LXXXI, февр., 110.
- Гурко**, белорусскій помѣщикъ 1802 г., т. LXXXI, май, 224.
- Гурьевъ**, гр-ня, 1816 г. т. LXXXII, декаб., 127.
- Гурьевъ**, гр., Дм. Александ. мин. финанс., † 1825 г., томъ LXXXII, авг., 234.
- Гурьевъ**, маиоръ л.-гв. Измайл. пол. 1744 г., т. LXXXII, декаб., 83, 85, 86, 88, 90, 94, 95, 96.
- Гурьевъ**, маршалъ 1855 г., т. LXXXI, май, 21.

Д.

- Дабижъ**, кн., окружн. инспект. народныхъ школъ въ Херсонск. губ. 1870 г., т. LXXXI, сент., 132.
- Давыдова**, гр-ня, Ольга Ив., см. Барятинская.
- Давыдовъ**, Денисъ Васильев., патрі-зантъ 1812 г., писат., род. 1784 г., † 1839 г., т. LXXXII, ноябр., 213.
- Давыдовъ**, капит. 1853 г., т. LXXXI, май, 177.
- Дадиншилдакъ**, кн., сванетск. владѣт. кнѧзь, 1857 г., т. LXXXI, апр., 145, т. LXXXII, юль, 51, ноябр., 222.
- Данакуровъ**, сенат. 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.
- Данилевскій**, Григ. Петров., писат.-романистъ, род. 1829 г., т. LXXXI, февр., 192.
- Данилевскій**, Никол. Яковлев., чл. сов. мин. госуд. имущест., писат., † 1885 г., т. LXXXII, окт. 177.
- Даниловъ**, свящ., 1800 г., т. LXXXII, окт., 102.
- Данилъ**, архіер., могилев. и витеб. 1820 г., т. LXXXII, окт., 119.

*

- Даргомыжский, Александ. Серге., композит., р. 1813 г., † 1869 г., т. LXXXI, янв., 125, 126, февр., 98, 100, 210, 211.
- Дасаевъ, капит. 1826 г., т. LXXXI, май, 213.
- Дашковъ, Д. Д., дѣят. по народн., образов., 1870 г., томъ LXXXII, июль, 184, 185.
- Дашковъ, кн., ген.-лейт., 1798 г., т. LXXXI, май, 234.
- Двуженовъ, полковн. 1853 г., томъ LXXXII, июль, 93, 103.
- Дебу, Осипъ Львовичъ, оренб. гражд. губернат. 1828 г., LXXXII, декабр., 219.
- Девель, Фед. Данилов., ген.-лейт., команд. 1-го кавказ., армейского корп., † 1866 г., томъ LXXXII, сент., 39.
- Девиль, докт. 1840 г., т. LXXXII, ноябр., 6, 7, 8, 10.
- Деверь, гр. Антонъ Мануилов., спб. об.-полиціймейст., † 1745 г., томъ LXXXI, мартъ, 250.
- Деверь, гр., 1847 г., томъ LXXXI, мартъ, 65, 87, 92.
- Деіеръ, жандарм. полковн., 1831 г., т. LXXXI, мартъ, 217, 220, 221.
- Декаро, предсѣд. училищн. совѣта въ Харьковѣ, 1872 г., т. LXXXII, июль, 188.
- Деларю, Мих. Данилов., писатель, † 1868 г., т. LXXXI, янв., 113.
- Деллингаузенъ, бар., ген.-ад., директоръ III деп. мин. гос., имущ., 1838 г., т. LXXXI, 52, 53.
- Деллингаузенъ, бар., Э. И., ген. отъ инф., р. 1825 г., † 1888 г., томъ LXXXI, мартъ, 64.
- Демидчикъ, студентъ Москов. духовн. акад. 1820 г., т. LXXXI, июнь, 105.
- Дельвигъ, бар., Антонъ Антоновичъ, писат., род. 1798 г., † 1831 г., т. LXXXI, янв., 111, томъ LXXXII, ноябр., 124.
- Демидовъ, гр. Ив. Д., мин. нар. просв., т. LXXXII, ноябр., 174.
- Дементьевъ, М. С., томъ LXXXI, мартъ, 19, 23, с. LXXXII, ноябр., 30.
- Демидовъ, директ. Пажеск. корп. 1829 г., т. LXXXI, 106.
- Денисова, Екат. Адріан., см. Егорова.
- Денисовъ, Адріанъ Карловичъ, атаманъ войска донскаго, р. 1763 г., † 1841 г., т. LXXXI, июнь, 205—218, т. LXXXII, декабр., 136.
- Денисовъ, капит. 1826 г., т. LXXXI, май, 213.
- Денисовъ, Н. Е., т. LXXXI, мартъ, 19.
- Деніковскій, докт. 1864 г., томъ LXXXII, июль, 39, 40, авг., 13.
- фонъ-Дерикъ, нач. III. отд. канц. воен. мин-ва, 1836 г., т. LXXXI, янв., 117.
- Державина, Дарья, томъ LXXXII, сент., 230.
- Державинъ, Гаврій Романов. мн-ръ юстиції, писат., р. 1743 г., † 1816 г., т. LXXXI, мартъ, 55, 56, май, 221—227, июль, 121, томъ LXXXII, авг., 223, 227, 235, сент., 230, окт., 103, ноябр., 63, 112, 117.
- Державинъ, Ив. Семен., об.-смыщен. арміи и флота 1800 г., т. LXXXI, февр., 223, т. LXXXII, сент., 230.
- Держаковъ, Илья П., педагогъ 1870 г., т. LXXXII, авг., 87—90.
- Дорожковъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, ноябр., 201.
- Досаже, полковн. 1854 г., т. LXXXII, июль, 80, 94, 103, 106.
- Десимонъ, Андрей Францов., чл. совѣта гг. управы въ Тифлісѣ, впосл. чл. комисс. прошеній, † 1880 г., т. LXXXI, февр., 120, май, 180.
- Джорджадзе, кн., Іосифъ, 1860 г., т. LXXXII, декабр., 183.
- Джулковскій, Ник. Дм., директоръ почтов. департ. 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.
- Джукиновскій, Ст. Сем., чл. спб. біблейск. общ-ва 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.
- Дибичъ, бар., Ив., ген. 1796 г., т. LXXXII, окт., 51—64, ноябр., 154—173.
- Дибичъ-Забалханскій, гр. Ив. Ив., фельдмаршаль, р. 1785 г., † 1831 г., т. LXXXII, окт., 51.
- Дмитрій, самозванецъ, т. LXXXII, авг., 143, 146.
- Дмитрій Константиновичъ, велик. князь, т. LXXXI, мартъ, 239.
- Дмитрій, Сулима, еписк. бендерск. и аккерманск. 1821 г., † 1844 г., т. LXXXII, декабр., 203, 204, 206, 207, 210, 212.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., мн-ръ юстиції, писатель, род. 1760 г., † 1837 г., т. LXXXI, февр., 73.
- Дмитріевъ, Мих. Александр., об. прокуроръ московск. сената, писат., † 1866 г., т. LXXXII, ноябр., 63.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ, Александръ Матв'евъ, ген.-поруч., род. 1758 г., † 1803 г., т. LXXXI, мартъ, 194, 199.
- Доброіюзовъ, Николай Александ., критикъ, р. 1836 г., † 1861 г., писатель, т. LXXXI, июнь, 47.
- Добротолъ, Платонъ Ив., професс. Московск. духовн. акад., т. LXXXI, июнь, 105.

- Долгорукова, княжна, Екатер. Алексеевна, невѣста Петра II, † 1745 г., т. LXXXI, мартъ, 256.
- Долгорукій, кн., Васил. Лукичъ, тиц. сов., дипломатъ, † 1739 г., томъ LXXXI, мартъ, 244, 245, 248, 257.
- Долгорукій-Крымскій, кн., Васил. Мих., генер. † 1782 г., т. LXXXI, мартъ, 115.
- Долгорукій, кн., Ив. Алексеевъ, об. камерг., фаворитъ Петра II, † 1739 г., т. LXXXI, мартъ, 256.
- Долгорукій, кн., Ив. Мих., авт. соч. «Капище моего сердца», род. 1764 г., † 1823 г., т. LXXXII, окт., 101, 103.
- Долгорукій, кн., Пётръ Владим., составитель родословия книги, род. 1816 г., † 1868 г., т. LXXXI, февр., 27, т. LXXXII, окт., 33—35, нояб., 17, 21, 22.
- Долгоруковъ, кн., Василий Андреевъ, ген.-ад., воен. мин., шефъ жанд., р. 1804 г., † 1867 г., т. LXXXI, май, 46, 47.
- Долгоруковъ, кн., Владими. Андреевъ, москов. ген.-губ., т. LXXXII, ноябр., 105, 106.
- Долгоруковъ, кн., Никол. Александъ, ген.-губ. виденск., 1863 г., т. LXXXI, февр., 104.
- Долотникъ, полковн. 1854 г., томъ LXXXII, июль, 71, 80, 83, 93, 97, 103.
- Доминичъ, священникъ 1796 г., томъ LXXXII, авг., 104.
- Домбровскій, генер., 1812 г., томъ LXXXII, декабр., 140.
- Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алекс. Мих. ген.-губ., ю.-з. края, императ. комиссаръ въ Болгар. 1878 г., гла. начальн. Кавказа съ 1882 г., † 1893 г., т. LXXXI, янв., 143, мартъ, 64, май, 176, 177, т. LXXXII, сент., 26, Досмей, Ильинъ, еписк. орловскій съ 1798—1817 г., † 1827 г., томъ LXXXI, мартъ, 165.
- Достоевскій Фед. Мих., писатель, р. 1822 г., † 1881 г., т. LXXXII, ноябр., 113, 120.
- Дохтуровъ, Дм. Серг., ген., 1812 г., р. 1765 г., † 1816 г., т. LXXXII, окт., 46, ноябр., 201, 202.
- Дроадовъ, Афанасій, воспит. Рязанск. семин. 1815 г., впосл. рект. Спб. духовн. акад., впосл. архіер. саратовскій и астраханск., т. LXXXI, іюнь, 97.
- Дружинина, Ольга Семен., томъ LXXXII, сент., 230.
- Дружининъ, Алексѣй, об. секрет. синода 1832 г., т. LXXXI, мартъ 222.
- Дружининъ Пётръ А., генер. 1820 г., т. LXXXII, сент., 230.
- Дружининъ, Я. А., ст. сов. 1808 г., т. LXXXII, авг., 231.
- Друдна-Соловьевская, книг. Наталия Никол., дѣят. по народн. образованію, т. LXXXI, апр., 89, т. LXXXII, июль, 158—163.
- Дубельть, Леонтий Васильевъ, начальштаба корп. жандарми., 1836 г., т. LXXXI, февр., 108.
- Дубенскій, Порфирий, адъют. воен. министра, 1836 г., т. LXXXI, янв., 18, 19.
- Дубенскій, директ. деп. госуд. имущ., 1838 г., сенат., томъ LXXXI, янв., 8—37, 121.
- Дубининъ, докт., 1854 г., т. LXXXI, май, 38.
- Дубовицкий, Александъ Петровъ, подполк. л.-гв. Преображен. пол. 1824 г., т. LXXXII сент., 226.
- Дубовицкий, Пётръ Александъ, проф. Каз. ун., впосл. презид. м.-х. акад. 1857 г., т. LXXXII, июль, 14, 21, 35, 36, авг., 21—33.
- Дубровинъ, Ник. Фед., акад., писат., ген.-лейт. р. 1836 г., сообщ.: «Наши мистики-сектанты. Александръ Федоровичъ Лабинъ и его журналъ „Сионскій Вѣстникъ“», т. LXXXII, сент., 145—208, окт., 101—126, ноябр., 58—91, декабр., 98—132, „Обозрѣніе историческихъ журналовъ и статей“, т. LXXXI, мартъ, 241—264, апр., 209—228, май, 202—230, т. LXXXII, авг., 217—236, „Памятн. императора Александра III“, декабр., I—XVI, упом., ноябр., 214.
- Дылевъ, П., т. LXXXII, окт., 182, 183.
- Дылановъ, маюръ, † 1853 г., т. LXXXII, июль, 83, 85, сент., 43.
- Дюгуръ, проф. Харьк. ун., т. LXXXII, сент., 170.
- Дюкруа, И. А., т. LXXXI, мартъ, 65, 74, 83, 92.
- Дютрессоль, преподав. 1-й казанск. гимназ. 1842 г., т. LXXXI, февр., 57, 58.
- Дюренъ, Оттонъ Иван., композит., т. LXXXII, декабр., 42—45.

Е.

- Евгений, Болховитиновъ, митр. кіев., род. 1767 г., † 1837 г., т. LXXXI, февр., 228, 229, т. LXXXII сент., 167, 170, 180, ноябр., 75, 79, 82.
- Евгений, герцогъ Виртембергск., ген. отъ инф. русск. службы, р. 1783 г., † 1857 г., Извлеченіе изъ его зап., т. LXXXII, октябр., 46—66, ноябр., 154—173, упом. 207, 208, 211.
- Евгентія Максимилиановна, всі. кн., т. LXXXII, ноябр., 175.

Въдомиковъ, гр. Ник. Ив., ген. отъ инф.. р. 1804 г., † 1873 г., т. LXXXI, май, 7, т. LXXXII, ноябрь, 219, 228—238.

Евзиховъ, священ. 2-го кадет. корп. 1818 г., т. LXXXII, сент., 217.

Европеусъ, т. LXXXII, окт., 26.

Бытушевскій, В. А., писат., педагог., 1880 г., т. LXXXI, май, 137, 139, июнь, 179—182, 202, т. LXXXII, ноябрь, 178.

Егорова, Екат. Адриановна, рожд. Денисова, т. LXXXI, июнь, 205, 206.

Егорова, Надежда Рафаиловна, см. Бобрикова.

Егоровъ, Адріанъ Ив., † 1866 г., т. LXXXI, июнь, 205, 206.

Егоровъ, Александръ Андріановичъ, т. LXXXI, июнь, 206.

Егоровъ, Ив. Асан., полковн., сѣвск. предв. дворян. 1822 г., т. LXXXI, июнь, 206.

Егоровъ, Ник. Адріан., миров. судья Таганрог. округа 1893 г., т. LXXXI, июнь, 206.

Екатерина I, императр. р. 1679 г., † 1727 г., т. LXXXI, мартъ, 244—255, апр., 216.

Екатерина II, императр., р. 1729 г., † 1796 г., т. LXXXI, январь, 205, февр., 70—95, 238, мартъ, 94—112, 193—205, 260, 261—263, апр., 157—178, 199—208, 217, 220, май, 76—90, 145, 146, 148, 171, 218, июнь, 120, 224, т. LXXXII, августъ, 56, 57, 217—220, сентябрь, 145, 237, окт., 9, 59, 65, ноябрь, 61, 80, 81, 214, декабрь, 82, 87, 96, 97, 131, 235.

Екатерина, герцог. Брауншвейгская, дочь правит-цы Аны Леопольдовны, † 1807 г., т. LXXXII, декабрь, 83.

Екатерина Палловна, велика. кнаг., въ зам. королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. LXXXII, ноябрь, 166.

Екатерина Петровна, царевна, въ зам. герцогиня Мекленбургская, т. LXXXII, декабрь, 82.

Елагинъ, Н. В., писат., т. LXXXI, мартъ, 140, 145, 148, апр., 118, т. LXXXII, июль, 209.

Елачичъ, Францъ Осипов., профес. Казанс. унив. 1852 г., т. LXXXI, апр., 3, 7—10, 13, 26.

Елешній, кн. Дм., намѣстн. кашинск. 1581 г., т. LXXXI, май, 63, 64.

Елизавета Алексѣевна, императр., род. 1779 г., † 1826 г., т. LXXXI, мартъ, 103, апр., 169, 170, 172, май, 78, 80, т. LXXXII, ноябрь, 158, 161, 163, 168, дек., 117.

Елизавета Петровна, императрица,

род. 1709 г., † 1761 г., т. LXXXI, мартъ, 195, 249—251, 259, 260, апр., 216—218, июнь, 210, томъ LXXXII, июль, 43, авг., 56 сент., 197, декабрь, 83—95.

Елизавета, герцог. Брауншвейгская, дочь правительн. Аны Леопольдовны, † 1782 г., т. LXXXII, дек., 84, 97.

Елисомій, камерг., пропаганд. скончества 1804 г., т. LXXXII, сент., 229.

Елюхинъ, Ив. Вас. лейбъ-мед., род. 1791 г., † 1863 г., т. LXXXI, апр., 141, июнь, 19, 23, т. LXXXII, июль, 12—43, авг., 21—25, 49, окт., 95.

Еланчикъ, Мих. Пав., полковникъ, 1855 г., т. LXXXI, июнь, 18.

Ермоловъ, подполков. 1804 г., томъ LXXXII, декабрь, 239.

Ермоловъ, Александ. Петров., ф.-ад., † 1836 г., том. LXXXI, мартъ, 194, апр., 228.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ артил., род. 1777 г., † 1861 г., т. LXXXI, янв., 147, 170, февр., 135, 150, 168, мартъ, 194, апр., 228, июнь, 77, 83, том. LXXXII, июль, 47, 49, декабрь, 139, 164, 184, 193.

Ерошкинъ, Петъръ Дмитр., московск. главнокоманд., 1790 г., † 1805 г., т. LXXXI, янв., 205, апр., 219, 220.

Еспиловичъ, Я. Г., т. LXXXI, апр., 231.

Ефремовъ, полковникъ 1812 г., томъ LXXXII, окт., 212.

Ж

Ждановъ, харьков. вице-губернат., т. LXXXI, янв., 15.

Жеборицкій, генер., 1854 г., томъ LXXXII, авг., 192.

Жедрицкій, помѣщикъ, 1830 г., т. LXXXII, сент., 186.

Желтухинъ, Петръ Фед., кіевск. ген.-губ., предсѣдат. дивана Молдавії и Валахії, † 1829 г., том. LXXXI, янв., 27, 28.

Желтухинъ, ген., директ. Пажескаго корп., 1856 г., т. LXXXII, июль, 12.

Жемчужниковъ, Мих. Никол., сіб. губернат. 1837 г., LXXXI, январь, 44, 45.

Жемчужниковъ, Антонъ Антонов., т. LXXXII, окт., 14.

Жеребцовъ, Никол. Арсеньев., публичность по крестьян. вопр., † 1868 г., т. LXXXI, янв., 53, февр., 8.

Жиловичъ, ксендзъ, польск. повстан., 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.

Жиржевичъ, Ив. Степ., симбир., впо-

слѣдств. витебск. губерн., р. 1789 г. † 1848 г., т. LXXXI, янв., 144.

Жемахинъ, В., свящ., сообщилъ. „Къ исторіи Крутицъ въ Москвѣ“, том. LXXXI, янв., 204—209, „Погребеніе константинопольск. патріарха Григорія V въ Одессѣ“, том. LXXXII, декаб., 198—213, упом. т. LXXXI, мартъ, 139.

Жековъ, сотрудникъ „Слѣдств. вѣдомостъ“ 1869 г., т. LXXXI, май, 124, 125.

Жуковскій, Василій Андр. писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. LXXXI, январь, 59, апр., 153, т. LXXXII, юль, 15, окт., 166—170, ноябр., 107—132, 146—149, декабр., 129.

Жуковскій, Евг. Мих. ген.-лейтен., коменд. Новогеорг. крѣп. 1865 г., т. LXXXII, авг., 19, 20.

Жуковскій, поруч. 1859 г., т. LXXXII, декабр., 165.

Жулюковскій, Н. Д., чл. спб. Библейскаго общ-ва 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.

Журавскій, полковн., команд. 21-й артил. бригады 1853 г., т. LXXXI, май, 212, 213, т. LXXXII, юль, 85.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Парф., членъ редакц. комм., ст.-секретарь, † 1881 г., т. LXXXI, июнь, 45.

Заблоцкій-Десятовскій, Пав. Парфентьевич, проф. мед.-хир. акад. 1855 г., т. LXXXI, июнь, 23, томъ LXXXII, юль, 35, авг., 48.

Заблоцкій, А. И., чл. Госуд. Сов., т. LXXXI, янв., 46, 47, 53, февр., 25.

Зaborовскій, докт. 1865 г., т. LXXXII, юль, 39, 40.

Забѣлинъ, А. И., директ. Молодечненской учит. семинар. 1870 г., т. LXXXII, сент., 136, 137.

Завадовскій, гр., Василій Петров., т. LXXXI, июнь, 35, 36, 42, 54.

Завадовскій, гр., Петръ Васил., перв. мин. народн. просв., род. 1738 г., † 1813 г., т. LXXXI, февраль, 236, т. LXXXII, август., 223, 227, ноябр., 76—78, 83.

Загорскій, проф. я-х. акад., физиологъ, 1855 г., т. LXXXI, июнь, 23.

Загоскинъ, Мих. Никол., писат., директ. московск. театра., р. 1789 г., † 1852 г., т. LXXXI, февр., 191.

Замка, директ. канц. главноуправл. путями сообщ. 1844 г., т. LXXXI, февр., 102.

Закревскій, гр., Арсеній Андр., министръ вн. дѣлъ, москов. ген.-губ., р. 1783 г., † 1865 г., томъ LXXXI, февр., 107.

Залѣшанинъ - Волоховъ, бояринъ, 1580 г., том. LXXXI, май, 59, 61, 72, 74.

Зальцеръ, капит. 1826 г., т. LXXXI, май, 213.

Замятинъ, Дм. Никол., мин. юстиц., род. 1805 г., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 108, 109.

Замойскій, Янъ, 1580 г., т. LXXXI, май, 53, 65.

Зарудный, В. И., директ. черномор. и авовскаго маяковъ, 1868 г., том. LXXXII, юль, 181—183.

Затлеръ, бар., Фед. Карлов., генер.-интендантъ 1864 г., томъ LXXXII, юль, 119, окт., 69.

Захарчицъ, Польск. повстан., 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.

Зѣрновъ, 1816 г., т. LXXXII, декабр., 99.

Зденеауръ, Ник. Фед., д. тн. совѣт., заслуж. проф. мед.-хир. академіи, т. LXXXI, июнь, 23, 24, т. LXXXII, юль, 35, авг., 24.

Зѣйдеръ, Фридрихъ, докт. философ., пасторъ, р. 1771 г., † 1834 г., томъ LXXXII, окт., 66.

Зѣйдлицъ, инспект. 1-й казанск. гимн. 1846 г., том. LXXXI, янв., 94—100, февр., 46, 49.

Зеленинъ, полковн. корп. воен. топографъ 1870 г., т. LXXXII, юль, 135—156.

Зеленый, П., земск. дѣят. Харьков. губ. 1869 г., т. LXXXI, стр. 84.

Зеленый, кап.-лейт. 1846 г., т. LXXXI, апр., 156.

Зиннинъ, Ник. Никол., учен. секрет. мед.-хир. акад., 1855 г., т. LXXXI, июнь, 24, т. LXXXII, юль, 20, 21.

Зыгоставъ, преподават. 1-й казанск. гимназ. 1842 г., т. LXXXI, февр., 50.

Зкаменскій, П., писат., т. LXXXII, декабр., 102.

Зозуленко, Семенъ Захаров., народн. учит. Херсонск. губерн. 1871 г., т. LXXXII, авг., 93—95.

Золотаревъ, И. Ф., директ. походн. канц. намѣстн. кавказ. 1852 г., т. LXXXI, апр., 149.

Золотаревъ, Анна, третья жена Богдана Хмѣльницкаго, т. LXXXI, май, 207, 208.

Зоммеръ, Богд. И., помош. инспект. студ. Казанск. унив., томъ LXXXI, янв., 82—93, февр., 48, 49, мартъ, 41, 46, апр., 34.

Зотогъ, Рафаилъ Мих., писатель, † 1870 г., т. LXXXI, февр., 191, 204.

Зубовъ, Валерьянъ Александр. ген.-м., род. 1771 г., † 1804 г., том. LXXXI, апр., 174, май, 223—225, 227, томъ LXXXII, ноябр., 166, 167.

Зубовъ, Никол. Александ., т. LXXXII, нояб., 166, 167.

Зубовъ, гр., впосл. ии., Платонъ Александр., р. 1767 г., † 1822 г., томъ LXXXI, апрѣл., 169, 170, 177, май, 171, т. LXXXII, окт., 59, нояб., 155, 166, 167.

И.

Ибрагимъ-паша, главнокоманд. турецк. арміей въ Крыму, 1771 г., т. LXXXI, мартъ 114—134, апр., 201, 202, 207, 208, май, 146, 160, 161.

Иванцовъ, Александр. Борисовъ, горн. инжен. 1853 г., т. LXXXI, апрѣл., 137, май, 174.

Ивановъ, Н. Г., членъ Оренбургск. учен. архивн. комисс. 1890 г., т. LXXXII, июль, 135.

Ивановъ, Александр. Андр., художн., † 1858 г., т. LXXXII, сент., 94—96.

Ивановъ, Никол. Алекс., проф. Казан. унив., историкъ, род. 1812 г., томъ LXXXI, апр., 26.

Ивановъ, свящ. 1800 г., т. LXXXII, окт., 102.

Иванюковъ, И. И., авт. сочин. «Падение крѣпости права въ Россіи», 1882 г., т. LXXXI, апр., 236.

Игельстромъ, бар., оренб. воен. губ. 1797 г., т. LXXXII, декабр., 236.

Извединова, Марія, томъ LXXXII, нояб., 148—152.

Измайлова, Александр. Ефим., писат., р. 1779 г., † 1831 г., томъ LXXXII, окт., 148.

Илонниковъ, Алексѣй, чин. 1816 г., т. LXXXII, декабр., 124.

Иларіонъ, Григоровичъ, еписк. Крутицкій, † 1760 г., т. LXXXI, янв., 204.

Иларіонъ Поповъ, іеромон. 1744 г., т. LXXXII, декабр., 94.

Иларіонъ, о., устроитель Коневского монаст. 1824 г., т. LXXXII, сент., 210—212.

Иловайскій, Александр. Вас., генер. 1812 г., т. LXXXII, нояб., 201, 203.

Иловайскій, Александр., генер.-майоръ 1820 г., т. LXXXI, июнь, 214, 216.

Ильинская, Марія Александ., рожд. Александрова, т. LXXXI, май, 45.

Ильинский, А. И., докт. Его воспоминанія „За постоюгѣтія”, 1841—1892 г., т. LXXXI, янв., 62—100, февр., 46—69, мартъ, 39—62, апр., 3—35, май, 29—51, июнь, 3—32, т. LXXXII, июль, 3—43, авг., 3—53, сентябр., 101—126, окт., 81—100, нояб., 92—106.

Ильинский, Владимиръ, т. LXXXII, июль, 28—31, 33.

Ильинский, ген., нач. Владикавказа воен. окр. 1849 г., т. LXXXI, янв., 146.

Ильинский, свящ. 1798 г., т. LXXXII, авг., 101, 102.

Именитъ, Ф. А., начальн. отдѣл. медиц. деп.—та мин. вн. дѣлъ 1854 г., томъ LXXXI, июнь, 8.

Имеретинский, ии., Никол. Констан., ген.-м., начальн. штаба войскъ Варшавск. окр. 1868 г., т. LXXXII, сент., 107, 108, 112.

Имшенецкий, Мих., т. LXXXII. окт., 180—182.

Индрикіусъ, Борисъ Емануиловичъ, генер., испр. должн. начальн. гд. штаба на Кавказѣ 1855 г., т. LXXXII, декабр., 171, 172, 197.

Иннонентій, Иванъ Борисовъ, архиеп. херсонск. и тавріч. род. 1800 г., † 1857 г., т. LXXXI, мартъ, 142.

Иннонентій, Смирновъ, ректоръ Спб. дух. акад. 1800 г., еписк. пензенск. и оренбург., † 1819 г., т. LXXXI, февр., 225, 226, мартъ, 143, май, 91, 92, 99, 103—108, июнь, 127, 134, т. LXXXII, июль, 196—205, 212, 215—230, сентябр., 204—206, 214, 220, 227, окт., 132, декабр., 105, 114.

Иксарскій, Антонъ, помѣщ. † 1860 г., т. LXXXI, янв., 4.

Иксарскій, Василий Антоновъ, его записки, т. LXXXI, янв., 3—61, февр., 3—45, мартъ, 3—38, апрѣл., 36—59, май, 3—28, июнь, 33—62, т. LXXXII, нояб., 27—57, декабр., 28—52, упом. т. LXXXI, февр., 101, апр., 228.

Ирина, царевна, 1640 г., т. LXXXII, авг., 151, 152, 155.

Ириней, Несторовичъ, еписк. пензенск. съ 1816—1830 г., архиеп. иркут. 1831 г. † 1864 г., т. LXXXII, дек., 207.

Исааковъ, Никит. Вас., гл. нач. воен.-учебн. заведеній, т. LXXXII, нояб., 174.

Иондоръ, эзархъ Грузіи, впослѣд. митроп. спб., т. LXXXI, апр., 154, т. LXXXII, декабр., 194, 195.

Ишимова, Александра Осиповъ, писательница, педагогъ, изд.—ца „Звѣздочки”, т. LXXXII, нояб., 148—152.

І.

Іеронимъ, Срѣтенскій, писп. Новгород. духовн. сем. 1810 г. впослѣд. игуменъ Деревянце монаст., † 1820 г., томъ LXXXI, февр., 227, апр., 115, 116.

Іоанникий, холмско-варшав. архиеп. 1868 г., т. LXXXII, сентябр., 102—105.

Іоаннъ Александровичъ, царь, † 1696 г., т. LXXXII, декабр., 82.

Иоаннъ Антоновичъ, императоръ, р. 1740 г. † 1764 г., т. LXXXI, мартъ, 259, томъ LXXXII, декабр., 82—97.
Иоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г. † 1584 г., томъ LXXXI, мартъ, 232, 233, апр., 215, май, 52—75.
Иоаннъ, царевичъ, 1580 г., т. LXXXI, май, 60, 64, 74.
Иовъ (Смирновъ), иеромон. законоуч. морск. корп., † 1818 г., т. LXXXII, июль, 220—224, 229, сент., 216, окт., 119, дек., 100.
Юона, Павинский, архиепис. тверской, 1820 г., впосл. кавалерий, † 1833 г., т. LXXXII, окт., 118.
Йорданъ, Фед. Ив., профес.-граверъ, род. 1800 г. † 1883 г., т. LXXXII, ноябр., 118.
Йосифъ Сѣмашко, митроп. литовскій, † 1868 г., т. LXXXI, февр., 235.
Йосифъ, еписк. оренб. 1850 г., томъ LXXXII, авг., 67.

И.

Кабатъ, лейбъ-окулистъ 1855 г., томъ LXXXI, июнь, 23.
Каблуковъ, сенат. 1830 г., т. LXXXI, мартъ, 8.
Кавалерій, рязанс. губ. 1800 г., т. LXXXII, декабр., 79, 80.
Кавалерія, Софія Конст. т. LXXXI, июнь, 199.
Кавелинъ, Конст. Дм., профес. Спб. унів., писат., р. 1818 г. † 1885 г., т. LXXXI, май, 140.
Кадашевъ, Ив. Степан. 1640 г., томъ LXXXII, авг., 144.
Казакінъ, Петръ Семен., проф. Моск. дух. акад., писатель, род. 1819 г., † 1878 г., т. LXXXI, мартъ, 140, т. LXXXII, июль, 215, окт., 107—111, 115.
Кази-Магома, сынъ Шамиля, томъ LXXXII, ноябр., 231, 232, 235—237.
Кази-Гирей, султанъ, команд. Моздокск. полка 1849 г., томъ LXXXI, янв., 134.
Кайсаровъ, Петръ Серг., дѣлоизвѣст. еврейск. комит. 1808 г., т. LXXXII, авг., 235.
Калайдозъчъ, Никита, свящ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 126, 127.
Калашниковъ, чин. мин. гос. имущ. 1837 г., впосл. тн. сов., т. LXXXI, янв., 29—31, 42, 48, 51, апр., 228.
Калининъ, инт.-запит. 1798 г., томъ LXXXI, май, 232.
Калининъ, полковникъ 1854 г., томъ LXXXII, июль, 80.
Калмыкова, г-жа, т. LXXXI, май, 137.

Калустова, генер., интендан. 1853 г., т. LXXXI, май, 173, 184.
Камбель, профес. Казан. унів. 1852 г., т. LXXXI, февр., 57—62, апр., 26, 27.
Каменецкій, Осипъ Кирил., лейбъ-м. † 1823 г., т. LXXXI, май, 97.
Каменскій, гр., Серг. Мих., ген. отъ инф. 1807 г., † 1835 г., т. LXXXI, июнь, 207.
Каминскій, Феликсъ, помѣщ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 110.
Камковъ, полковн. 1853 г., т. LXXXII, июль, 70, 80, 86, 93, 103.
Кампінгъ, гр., Егоръ Франц., мин. финанс. съ 1823 по 1844 г., р. 1774 г. † 1845 г., т. LXXXI, янв., 47—49, 119, февр., 107, 108, 122, апр., 66—68, 77, 127, май, 116.
Каплеръ, А. Х., тифл. губернат., впосл. сенат., т. LXXXI, февр., 44, 45, апр., 233, май, 9, томъ LXXXII, ноябр., 221.
Каподистрій, гр., Ив. Антонов., государствен. канцл., род. 1776 г. † 1831 г., т. LXXXI, июнь, 128.
Каразинъ, Васил. Назаровъ, профес., писат., род. 1773 г., † 1842 г., томъ LXXXII, сент., 202.
Караинъ, І., земск. дѣят. Харьков. губ. 1868 г., т. LXXXI, апр., 84.
Караманінъ, Никол. Мих., исторіогр., род. 1766 г., † 1826 г., т. LXXXI, февр., 191, томъ LXXXII, авг., 226, ноябр., 112, декабр., 123, 129.
Карасевъ, подполковн. 1804 г., томъ LXXXII, декабр., 239.
Каратыгинъ, артистъ, томъ LXXXI, янв., 126.
Каргаполь, полковн., командир. 3-го бат. Тифл. полка 1856 г., впосл. генер., команд. войск. въ Абхазіи, т. LXXXII, декабр., 184.
Кареліхъ, Филиппъ Яковлев. лейбъ-медикъ, † 1866 г., т. LXXXI, июнь, 19, 23, т. LXXXII, июль, 40, авг., 31, сент., 112, окт., 92, 93.
Каринъ, писатель, т. LXXXII, дек., 154.
Карльгофъ, Никол. Ив., ген.-м., ген.-квартирмайст. Кавказ. арм. 1857 г., т. LXXXII, ноябр., 223.
Карлебергъ, надворн. 1-й казанск. гімн. 1841 г., томъ LXXXI, янв., 86, 91.
Карль-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургомій, отецъ правителян. Анны Леопольдовны (Карловны), томъ LXXXII, декабр., 82.
Карль-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, супругъ царевны Анны Петровны, томъ LXXXI, мартъ, 244—251, 255.
Каріолинъ-Пинсмій, об.-прокур.

- сената 1837 г., впосл. сенат., томъ LXXXI, янв., 44.
- Карновичъ, Евг. Петров., писат., р. 1822 г., т. LXXXI, мартъ, 135, 136, 139.
- Карильевъ, Васил. Ив., директ. хозяйст. деп. мин. въ внутр. дѣлъ, 1837 г., том. LXXXI, янв., 26—60, февр., 4, июнь, 44.
- Карильевъ, З., сенатор. 1816 г., томъ LXXXII, декабрь, 118.
- Каролина, принц. Баденская, 1792 г., т. LXXXI, апр., 171.
- Каршинскій, подполковн., 1864 г., т. LXXXII, авг., 8.
- Каршовъ, ген.-лейтен. 1820 г., том. LXXXI, июнь, 214.
- Карташевская, М. Г., т. LXXXII, ноябрь, 149.
- Катенинъ, Александ. Андр., оренб., затѣмъ спб. ген.-губ., † 1860 г., т. LXXXII, авг., 70, 71, 74, 77—80.
- Катковъ, Мих. Никифор., издатель „Москов. Вѣд.“, р. 1818 г., † 1887 г., т. LXXXII, сент., 140.
- Кауфманъ, Конст. Петров., ген.-ад., виленск., затѣмъ туркест. ген.-губ., р. 1818 г., † 1882 г., том. LXXXI, мартъ, 64, апр., 181, том. LXXXII, июль, 94, 99.
- Кахановъ, Мих. Семенов., ст.-секр., чл. Госуд. Сов. 1894 г., р. 1833 г., т. LXXXI, апр., 137, 231.
- Каховский, гр. Мих., генер. 1798 г., т. LXXXI, май, 232.
- Качалова, Н. А., предсѣд. Новгор. губерн. земск. управы 1869 г., том. LXXXI, апр., 85, 86.
- Каченовскій, Дм. Иванов., профес., † 1872 г., т. LXXXI, апр., 87.
- Кашникъ, В. С., учитель 1870 г., т. LXXXII, июль, 184, авг., 85, 90, 91, сент., 140.
- Каюстъ, воен. инжен., профессоръ, † 1878 г., т. LXXXI, мартъ, 237.
- Квятка (Основыненко), Григ. Фед., писат., род. 1778 г., † 1843 г., том. LXXXII, окт., 158.
- Квятковскій, Стефанъ, свящ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 126.
- Квятковский Мартынъ,польск. историкъ, т. LXXXII, авг., 137.
- Келлеръ, гр-ня, Марія Федор., см. Баратинская Екатерина.
- Кельсієва, Варв. Тимоѳ., т. LXXXII, окт., 30, декабрь, 7, 9, 11, 12.
- Кельсієвъ, Васил. Ив., писатель, † 1872 г., т. LXXXII, окт., 30, ноябрь, 17, декабрь, 5, 6, 8, 11, 12.
- Кемфордъ, команд. Навагинск. полка 1853 г., т. LXXXI, июнь, 67.
- Кемпнеръ, Пётр Ив., академикъ, р. 1793 г., † 1864 г., т. LXXXI, янв., 53, февр., 10, 11.
- Кесслеръ, инж. ген.-лейт. 1860 г., т. LXXXII, ноябрь, 223.
- Кишаки, Д. И., кутанс. губернскій предв. дворян. 1885 г., т. LXXXI, февр., 110.
- Киркінъ, т. LXXXI, янв., 114.
- Киріллъ II, митропол. 1261 г., том. LXXXI, янв., 204.
- Киріллъ, митропол. сицилійскій 1821 г., т. LXXXII, декабрь, 202.
- Киріллъ Богословскій - Платоновъ, рект. Спб. дух. акад., т. LXXXI, май, 100, июнь, 98.
- Киріловъ, Ив. Васил., славянофиль, писат., род. 1806 г., † 1856 г., том. LXXXII, сент., 155.
- Киселевъ, гр., Пав. Дм., генер.-ад., мин. госуд. имущ., род. 1788 г., † 1872 г., том. LXXXI, янв., 22—60, 121, 122, февр., 4, 11, 12, 101, мартъ, 91, июнь, 43—45.
- Киселевъ, Фед. Фед., управляющій имѣніемъ князей Х., т. LXXXI, июнь, 36—41.
- Киттары, профес. Казанскаго унив. 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 53.
- Кітеръ, профес., медикъ 1852 г., т. LXXXI, апр., 9, июнь, 23, 25, 26.
- Кіткери, надзвірат. 1-ї Казанской гімназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 86, 92.
- Кішінскій, ген.-м., 1853 г., томъ LXXXI, янв., 143, т. LXXXII, іюль, 72, 81—84, 103, 107, сент., 25.
- Кішімутінъ, Фед., подьяч. Новгород. приказа 1698 г., т. LXXXII, авг., 204.
- Клаустъ, профес. Казан. унив., хімикъ, 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 53, 60, апр., 15.
- Клевцовъ, Марія Мих., см. Корфъ, баронеса.
- Клейнхольцъ, гр., Петръ Андр., ген.-ад., главноуправл. путами сообщ. р. 1793 г., † 1869 г., томъ LXXXI, янв., 126, 127, 128, 131, февр., 102, 123.
- Клюковъ, директ. II деп. мин. госуд. имущ. 1838 г., т. LXXXI, янв., 29, 42—45, 51, 52, 54, 55, февр., 4, 12.
- Клюкъ фонъ - Клютенау, Францъ Карлов., ген.-лейт. 1840 г., р. 1794 г., т. LXXXII, ноябрь, 228.
- Ключаревъ, Ф. П., 1789 г., т. LXXXII, ноябрь, 62.
- Кляживичъ, Александръ Максимов., мин. фінанс., т. LXXXI, апр., 127.
- Кляживичъ, А. М., сообщ. „Записка трехъ товарищъ министровъ императору Александру I“, т. LXXXII, авг., 212—216.
- Кляживинскій, священ. 1796 г., томъ LXXXII, авг., 98, 99.

Кижицкий, сенат. 1836 г. LXXXI, янв., 24.
Кизаевъ, А., директ. народн. училищъ Херсонск. губ. 1870 г., томъ LXXXII, сент., 133.
Кобуловъ, кн. полковн. 1860 г., томъ LXXXII, декабр., 181, 182.
Кобылинъ, Андр. Мих., нач. отды. деп. госуд. казначейства 1847 г., т. LXXXI, февр., 122.
Ковалевский, Евграфъ Петров., мин., народ. просв. т. LXXXI, сент., 41.
Ковалевский, Егоръ Петров., ген. горн. инж., литеатр., р. 1811 года, † 1868 г., т. LXXXII, сент., 41.
Ковалевский, Николай, свящ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 119, 120.
Ковалевский, Петър Петров., ген. лейт., начальн. артил. Кавказской арміи, р. 1806 г., † 1855 г., томъ LXXXII, юль, 48, 53, 59, 80, 85, сент., 27, 41, 42, декабр., 193.
Ковалевский, Фед., 1871 г., т. LXXXII, окт., 184.
Ковалевский, директ. 2-ой Казанск. гимназ. 1841 г., т. LXXXII, янв., 75.
Коваленский, полковн. 1854 г., томъ LXXXII, юль, 99.
Ковалинский, тн. совѣт., рязанск. граждан. губернат. 1797 г., томъ LXXXII, май, 231.
Ковальевъ, Александ., писатель-мистикъ, 1816 г., т. LXXXII, декабр., 103.
Кожинъ, Василій, статс.совѣтникъ 1816 г., т. LXXXII, декабр., 124.
Коаловская, Анна Вас., см. Солдникова.
Козловский, Викент. Мих., ген. отъ инф., † 1871 г., т. LXXXI, янв., 135, 136, 148, 150, 155, 156, 160—167, 173, 177, 178, мартъ, 84, 85, т. LXXXII, ноябр., 218.
Козловъ, Н. И. дѣйств. тайн. совѣт., главн. воен. медицин. инспект. арміи 1877 г., т. LXXXI, юль, 84—40, авг. 25, окт., 83—100.
Козловъ, профес. Казанск. унив., томъ LXXXI, юль, 26.
Козодавлевъ, Осипъ Петров., писатель, мин. вн. дѣлъ, р. 1754 года, † 1819 г., томъ LXXXI, юнь, 124, т. LXXXII, авг., 231.
Комонинъ, Серг. Александ., ген.-ад., саб. об.-полиціймейст., 1832 года, т. LXXXI, янв., 53.
Колеминъ, А. И., д. ст. сов. 1885 г., т. LXXXI, янв., 113.
Коленко, З., директ. Екатеринославской гимназ. 1870 г., т. LXXXI, апр., 77, 78, томъ LXXXII, сент., 127, 128

Колосовский Ив. Григ., ген.-интенд., кавказ. арміи 1860 г., ген.-лейтен. † 1879 г., т. LXXXII, ноябр., 223, декабр., 170.
Коломинъ, Никл. Никл., бывш. чл. редакц. комисс., помощн. управл. земск. отд. ми-ва вн. дѣлъ 1868 г., т. LXXXI, апр., 231.
Комичевъ, Степ. Алексѣев., вице-канцл., р. 1746 г., † 1805 г., томъ LXXXI, февр., 84, 90.
Комбакашъ, Александ. Андр., рожд. Крыжановская, т. LXXXI, мартъ, 87, 91, 92.
Колюбакина, М. В., т. LXXXI, май, 191, 192.
Колюбакинъ, Мих. Петров., эриванскій, впосл. кутанс. вице-губерн., губернат. Баку, ген.-лейт., сенат., † 1872 г., т. LXXXI, мартъ, 87, 91, 92, май, 192, 193, т. LXXXII, ноябр., 221, 222.
Колюбакинъ, Никол. Петров., окруж. нач. Закаталь 1848 г., т. LXXXI, мартъ, 86, 87, 88, 91.
Колюпановъ, Н., ветлужск. предвод. дворян. 1872 г., т. LXXXII, окт., 186.
Комаровский, гр. Евграфъ Федотов., ген.-ад., р. 1769 г., † 1843 г., томъ LXXXI, февр., 80, 85, апр., 172.
Комаровъ, Алекс. Виссарион., начал. Закасп. обл. 1885 г., т. LXXXI, янв., 115.
Комаровъ, Виссар. Виссар., бывш. полковн. генер. шт., издат. газеты «Свѣтъ», т. LXXXI, янв., 115, юнь, 197.
Комаровъ, Влад. Савичъ, генералъ, † 1849 г., т. LXXXI, апр., 132.
Комаровъ, Дм. Виссар., ген., нач. дивн. на Кавказѣ, †, т. LXXXI, янв., 116.
Комаровъ, Конст. Виссарион., коменд. Ивангород. крѣп. 1885 г., впослѣд. Варшавск. кр., т. LXXXI, январь, 115.
Комовский, ст.-секрет., сенат. † 1863 г., т. LXXXI, янв., 106, 114.
Коковиницъ, гр., Петър Петров., ген. отъ инф., р. 1764 г., † 1822 г., т. LXXXI, окт. 213, 214.
Конопницъ, полковн., командиръ Ширванск. полка 1860 года, томъ LXXXI, декабр., 181.
Константинъ, М. А., сообщ. «Соликамскій преданія: Бритъ бороды.—Соликамскій воевода и разбойники.—Случай», т. LXXXI, янв. 210—214.
Константиновъ, О. И., редакт. газ. «Кавказъ», 1860 г., т. LXXXI, апр., 138.

- Константи́нъ Никола́евичъ, великий князь, р. 1827 г., † 1892 г., томъ LXXXI, янв., 114, май, 188.
- Константи́нъ Павловичъ, великий князь, цесаревичъ, р. 1779 г., † 1831 года, т. LXXXI, янв., 102, 104, 118, июнь, 210, 213, т. LXXXII, ноябр., 81, 157, 158, 161, 167, 170, декабр., 127.
- Константи́нъ Иоаномо́стъ, проповѣдникъ, р. 1780 г., † около 1860 г., т. LXXXII, декабр., 209, 211.
- Коншинъ, В. Д., т. LXXXI, февр., 209.
- Копьевъ, Ю. А., ф.-ад., бригадный командир Южн. арміи 1855 г., † 1857 г., т. LXXXI, мартъ, 68—70, 83, 86.
- Корейша, полковн. 1849 г., т. LXXXI, февр., 67.
- Кореонъ, Фаддей, 1864 г., т. LXXXI, авг., 195.
- Корниловъ, Владими́р Алексе́ев. ген.-ад., адмирал, † 1854 г., т. LXXXI, май, 182.
- Корниловъ, Ф. П., чл. Госуд. Совета 1894 г., т. LXXXI, янв., 108, апр., 232.
- Корнукт - Троцкій, профес.-ботан. 1860 г., т. LXXXI, мартъ, 54.
- Королевъ, Ф. И., 1870 г., т. LXXXII, июль, 186.
- Корсаковъ, Ив. Никол., ген.-м., ф.-ад. 1782 г., т. LXXXI, мартъ, 195.
- Корфъ, баронесса Марія Мих., рожд. Клевцовъ, т. LXXXI, апр., 63.
- Корфъ, гр., Модестъ Андреев., директоръ публичн. библ., чл. Госуд. Сов., р. 1800 г., т. LXXXI, янв., 51, апр., 62, 63.
- Корфъ, бар., Никол. Александ., педагог-писатель, переписка его съ разн. лицами, т. LXXXI, апр., 60—98, май, 115—143, июнь, 135—202, т. LXXXII, июль, 157—194, авг., 84—96, сент., 127—144, окт., 179—200, ноябр., 174—188.
- Корфъ, Никол. Андреев., камергеръ 1744 г., ген.-авшефъ, ген.-полиційм., сенат., † 1766 г., т. LXXXII, декабр., 83—97.
- Корфъ, бар., Фед. Карлов., ген.-лейт. 1812 г., р. 1774 г., † 1823 г., томъ LXXXII, окт., 219, ноябр., 207—210.
- Корфъ, Фед. Фед., писатель, редакторъ „Рус. Инвалида“, † 1853 г., т. LXXXI, май, 115.
- Корфъ, бар., начальн. 3-й гвард. дивизіи 1869 г., т. LXXXI, май, 37, т. LXXXII, сент., 117.
- Коршъ, Валентинъ Фед., журналистъ, пзд. «Спб. Вѣд.» р. 1828 г., † 1883 г., т. LXXXI, апр., 70—74, 94, май, 116, 120—128, 131, июнь, 139, 142, томъ LXXXII, июль, 174.
- Кочинский, бар., Мих. Осинов., директоръ Новгород. учит. семинарии 1870 г., р. 1835 г., † 1883 г., томъ LXXXII, сент., 133, 134, окт., 188, 193, ноябр., 186, 187.
- Костомаровъ, С. А., тн. сов., † 1887 г., т. LXXXI, янв., 113.
- Костомаровъ, Никол. Ив., проф., историкъ, р. 1817 г., † 1885 г., томъ LXXXI, май, 121.
- Костыревъ, капит., 1826 г., т. LXXXI, май, 215, 216, 217.
- Котельниковъ, Евлампій, основатель секты духовносцевъ, томъ LXXXII, окт., 227, 229.
- Котельниковъ, Петръ Ив., профес. Казанск. унів. 1852 г., т. LXXXI, апр., 28.
- Кохановичъ, митроп. грекоуниатскій 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 125.
- Коковский, Всеволодъ Порфириевъ, директ. педагогич. музея въ Спб., р. 1836 г., † 1891 г., т. LXXXII, іюнь, 185, 188.
- Коковский, могилевскій губернат. 1780 г., т. LXXXI, апр., 218, 220.
- Копебу, гр-ва, томъ LXXXII, сент., 124—126, окт., 82, 83, 87.
- Копебу, гр., Пав. Евстафьевъ, ген.-губ. Новорос. края, впосл. Ц. Польского, р. 1801 г., † 1884 г., томъ LXXXI, янв., 143, 166, февр., 128, 131, мар., 64, 89—93, апр., 67, 132, 142, май, 177, июнь, 90, 91, т. LXXXII, іюль, 126, 132, авг., 51, сент., 119—125, окт., 81—97.
- Копебу, Ф. Е., т. LXXXI, апр., 135.
- Копебу, управл. Шемахинск. палацово-государств. имущество 1853 г., т. LXXXI, май, 179.
- Кочетовъ, А. И., педагогъ, издатель „Семья и Школа“, 1870 г., томъ LXXXI, іюнь, 156.
- Кочетовъ, Иоакимъ Семенов., протоиерей, чл. акад. наукъ, † 1854 года, т. LXXXI, май, 100, т. LXXXII, декабр., 81.
- Кочубей, Елаг., Марія Ив., см. Баратинская.
- Кочубей, кн., Викт. Павл., мин. ви. дѣлъ, предѣзд. Госуд. Сов., р. 1768 г., † 1834 г., т. LXXXI, май, 223—225, іюнь, 124, т. LXXXII, авг., 227, сент., 215, 225, декабр., 113, 237, 240.
- Кочубей, Демьянъ, сенат. 1836 года, т. LXXXI, янв., 24.
- Кочубей, кн., Левъ Виеторовъ., томъ LXXXII, ноябр., 36—39, 44, декабр., 33, 34.
- Кочубей, кн., Мих., томъ LXXXI, марта, 5, 6.
- Кочубей, кн., Сергій, томъ LXXXI, февр., 117.

Копшелевъ, Александ. Иван., земскій дѣлт., публицистъ, род. 1807 года, † 1883 г., т. LXXXI, май, 139.
Копшелевъ, Родионъ А., ген.-лейтен., сенат., мистикъ, т. LXXXI, мартъ, 144, іюнь, 124, 132, томъ LXXXII, сент., 219—221, 224, декабрь, 114.
Копницъ, священ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 129.
Краевскій, Андрей Александр., журналистъ, р. 1810 г., † 1889 г., томъ LXXXI, іюн., 10, 61, іюнь, 45, томъ LXXXII, окт., 32.
Крапоткинъ, генер., † 1869 г., томъ LXXXII, сент., 116.
Краусгартъ, Александръ, польскій историкъ 1890 г., т. LXXXII, авг., 136, 139.
Крейцъ, гр., Кипріанъ Антоновичъ, генер., р. 1779 г., † 1850 г., томъ LXXXI, май, 236.
Крейцъ, гр., Пётръ Кипріановъ, полковникъ 1854 г., т. LXXXII, авг., 191, 192, 193.
Крженецкій, Йосифъ, 1864 г., томъ LXXXII, авг., 195.
Кривошапкинъ, Мих. Фомичъ, гражданска. медик. инспект. въ Казани 1880 г., т. LXXXII, ноябрь, 101.
Криницкій, Павель, священ. 1832 г., т. LXXXI, мартъ, 222.
Кричтовичъ, еписк. армяно-католіческій 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 125.
Кроначевъ, инспект. 1-ї Казанской гимназ. 1841 г., т. LXXXI, январь, 77—80, 93, 94.
Крученштернъ, Алексѣй Федоровъ, чиновн. особ. поруч. при намѣстн. Кавказ. 1850 г., ст.-секрет., † 1887 г., т. LXXXI, мартъ, 64, 65, 79, 92, апр. 136, т. LXXXII, ноябрь, 224, 225, декабрь, 170.
Крупскій, кн., Александ., т. LXXXI, мартъ, 173.
Крыжановская, Александ. Андр., см. Колюбакина.
Крыжановскій, ген.-ад., оренб. ген.-губернат 1870 г., томъ LXXXII, іюль, 148.
Крыловъ, Ив. Авдр., баснописецъ, р. 1768 г., † 1844 г., т. LXXXII, ноябрь, 112.
Крыловъ, об.-гоф-фурьеръ 1800 г., т. LXXXII, ноябрь, 161.
Крюднеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингхоффъ, пієтістка, писательница, р. 1766 г., † 1824 г., т. LXXXI, мартъ, 144, іюнь, 130, 131, томъ LXXXII, іюль, 213, 216, сент., 225, декабрь, 115.
Крюднеръ, бар., рус. послан. въ Венеціі, Констанц. и Берлинѣ, † 1802 г. т. LXXXI, іюнь, 131.

Крюковской, генер. † 1852 г., томъ LXXXI, іюн., 142, 165, 168, 173—175, 180, февр. 140, 144, 145, апр. 149.
Кудашевъ, кн., полковн. 1812 г., т. LXXXII, окт., 214.
Кудрикій, Ѹ., т. LXXXI, февр., 235.
Кузнеццовъ, золотопромышленн., томъ LXXXI, май, 20.
Кувыминъ - Короваевъ, полковникъ 1857 г., т. LXXXI, іюн., 187, іюнь, 90.
Куколовский, полковн., команд. Тверскаго драгун. пол. 1853 г., томъ LXXXII, іюль, 93, 103, сент. 25, 42.
Кукольниковъ, Несторъ Васил., писатель, род. 1812 г., † 1868 г., томъ LXXXI, іюн., 126, февр. 13, 14, іюнь, 122.
Кукольниковъ, Платонъ Васильевичъ, т. LXXXI, февр., 17.
Кулаговский, профес. мед.-хир. акад. 1855 г., т. LXXXI, іюнь, 24, 26.
Кулаковъ, Никол. Иванов., артистъ 1837 г., т. LXXXII, сент., 234, 235, 240.
Кулишъ, Пантелеимъ. Александ., писатель, р. 1819 г., т. LXXXII, окт., 167, ноябрь, 116, 149, 150.
Куломзинъ, А. Н., бывш. миров. посредникъ перв. призыва 1862 г., т. LXXXI, апр., 231.
Кульгачевъ, подполковн., начальн. Аргунск. санджака 1854 г., томъ LXXXII, сент., 35.
Кульманъ, маіоръ, воинск. начальн. въ Грозной 1849 г., т. LXXXI, іюн., 134, 156, 178, т. LXXXII, декабрь, 179.
Куницкій, Петръ, протоіер. въ г. Одессѣ 1821 г., т. LXXXII, декабрь, 203.
Купидоновъ, Васил. Гаврилов., врачъ 1880 г., т. LXXXII, ноябрь, 101.
Кураминъ, кн., Алексѣй Борисов., мих. вн. дѣлъ 1807 г., р. 1759 г., † 1829 г., т. LXXXII, авг., 230, 231.
Кураминъ, кн., Борисъ Ів., послан. при разн. европейск. дворахъ, род. 1671 г., † 1727 г., т. LXXXI, апр., 210, 213.
Кусовъ, купецъ, масонъ 1820 г., томъ LXXXII, сент., 217.
Кутайсовъ, гр., Александ. Ив., ген.. р. 1784 г., † 1812 г., томъ LXXXII, окт., 206.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., камерд. Павла I, об.-гофмарш., т. LXXXI, май, 221, 223, т. LXXXII, октабр., 60, ноябрь, 158.
Кутейниковъ, Дм., ген.-м. 1820 года, т. LXXXI, іюнь, 214.

Кутузовъ-Голенищевъ, кн. Смоленскій, Мих. Илар., фельдмарш., род. 1745 г., † 1813 г., т. LXXXII, окт., 46, 201—220, нояб. 193—213, декабр., 133—154.

Кутузовъ, гр., 1835 г., томъ LXXXI, апр., 57.

Кюп, Ч. А., композит., воен.-инж., LXXXI, февр., 211.

Л.

Лабинъ, Александ. Фед., вице-презид. акад. худож., 1812 г., мартинистъ, р. 1766 г., т. LXXXI, февр., 225, марта, 143, 144, май, 94, 101, 105, 106, июнь, 121, 122, 127, 128, 132, т. LXXXII, июль, 212—230, сентябр., 145—203, 215—228, окт. 101—126, 145—203, 215—228, окт. 101—126, ноябр., 58—91, декабр., 98—132.

Лабинцевъ, генер., т. LXXXI, мар., 84, июнь, 67.

Лавровская, Елизавета Андреевна, пѣвица, т. LXXXI, февр., 97.

Лагарігъ, Фредерікъ Сезарь, воспит. имп. Александра I, р. 1754 года, † 1838 г., т. LXXXII, авг., 220, окт., 125.

Лагода, полковн. 1853 г., т. LXXXII, июль, 71, 73, 80, 89, 90, 94, 103.

Ладинскій, ген.-лейт., начальн. гражданск. управы на Кавказѣ 1844 г., томъ LXXXI, февр., 110, марта, 64, 71, 72.

Лажечниковъ, Ив. Ив., писатель-романистъ, р. 1794 г., † 1869 г., томъ LXXXI, февр., 191.

Лазаревъ, Ал., предсѣд. Жиздринск. управы 1872 г., т. LXXXII, окт., 186.

Лазебниковъ, адъют. штаба на Кавказѣ 1848 г., т. LXXXI, марта, 90.

Лакманъ, консулъ въ Лиссабонѣ 1885 г., т. LXXXI, янв., 113.

Ламанскій, Евгений Иван., ти. сов., т. LXXXI, апр., 231.

Ламбертъ, гр., Йосифъ, т. LXXXI, апр., 141, т. LXXXII, декабр., 49.

Ламбертъ, гр., Карлъ Карлов., на-мѣстникъ Царства Польскаго, род. 1815 г., † 1865 г., т. LXXXI, февр., 43, 104, апр., 57, май, 6, 19, томъ LXXXII, авг., 50, декабр., 41—49.

Ламбертъ, гр., генер. 1812 г., томъ LXXXII, декабр., 140.

Ламбертъ, гр., Марк-Шарль, ген. отъ инф., сенат., р. 1773 г., † 1843 г., т. LXXXI, марта, 99, 106.

Ламадорфъ, гр., К. Н., сообщ. «Пепериска обѣ одной трети копѣйки», т. LXXXI, мартъ, 240.

Ламадорфъ, псковск. губернат. 1805 г., т. LXXXII, окт., 107.

Ланге, Васил. Ив., инспект. стул. въ Казанск. унив. 1849 г., т. LXXXI, марта, 40—44, апр., 29, 30, 31, 33, 34.

Лангевичъ, диктат. народоваго жов-да 1864 г., т. LXXXII, авг., 7.

Ланжеронъ, графъ, Н. Ф., одесскій ген.-губернат. 1821 г., т. LXXXII, декабр., 202—208, 210.

Ланская, Варвара Дм., въ зам. Ман-нева, т. LXXXI, марта, 204.

Ланская, Ульяна Яковл., т. LXXXI, марта, 200, 201.

Ланской, гр. Александ. Дм., ген.-ад. род. 1758 г., † 1784 г., т. LXXXI, марта, 193—205, апр., 228.

Ланской, Дм. Артемьев., полоцкій коменд. 1772 г., т. LXXXI, марта, 195.

Ланской, Францъ, родонач. фамилії дворянъ Ланскихъ, томъ LXXXI, марта, 195.

Ланской, генер. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 149.

Ласточкинъ, свящ. 1841 года, томъ LXXXI, янв. 71, 72.

Лаубе, Н. И. директ. почтов. деп., ст.-секрет., т. LXXXI, янв., 56, 105, 107.

Лебедевъ, Н. И., полковн., т. LXXXII, авг., 191.

Левашовъ, гр., 1838 г., т. LXXXI, янв., 59, июнь, 43, 44, 51, т. LXXXII, ноябр., 51—55.

Левенвольдъ, гр., Рейнгольдъ, камер-геръ Екатерины I, † 1758 г., томъ LXXXI, марта, 245.

Левинскій, уніатск. еписк. 1798 г., т. LXXXII, авг., 101.

Левист, генер. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 150.

Левицкий, Мих., варшав. коменданть, т. LXXXI, марта, 84.

Левицкий, Никол. Мих., полковникъ † 1849 г., т. LXXXI, марта, 82, 83, апр., 131.

Левицкий, Феодосій. священ. въ Балтѣ 1820 г., т. LXXXII, окт. 119.

Лекицкий, ксендзъ, польск. повстан. 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.

Левицкий, фотографъ, томъ LXXXII, ноябр., 11.

Левицкий, Левъ Львов., профессоръ хирург. клиники Казанск. универс. 1880 г., р. 1842 г., т. LXXXII, ноябр., 101.

Левицкий, Н. Г., т. LXXXII, сентябр., 189, 190.

Леэръ, Генрихъ Антонов., профес. начальн. Николаев. акад. генералы штаба, р. 1829 г., т. LXXXI, марта, 237—239.

Лелли, управл-й дипломат. канц.

- намѣстн. кавказ. 1848 г., т. LXXXI, мартъ, 92.
- Лелонгъ**, Рудольфъ Карлов., полковн., инспект. классовъ Александръ. мадолѣти. корпуса 1856 г., т. LXXXII, юль, 22.
- Лентовскій**, Александ. Егор., проф. Казанск. унив. 1852 г., т. LXXXI, апр., 3, 4, б, 13—25, апр., 30, юнь, 25, 26.
- Леонтий**, митроп. московск. и коломенскій 1890 г., т. LXXXII, сент., 105.
- Леонтьевъ**, Пав. Мих., профес. Москов. унив., публицистъ, р. 1822 г., † 1875 г., т. LXXXII, авг., 91.
- Леонтьевъ**, ген.-м. 1725 г., т. LXXXI, мартъ, 257.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., р. 1814 г., † 1841 г., т. LXXXI, 11, 21, 22, томъ LXXXII, окт., 164, 172, 176.
- Лесевичъ**, Вл. В., литераторъ 1870 г., т. LXXXII, 177—180.
- Лестокъ**, гр., Йоганнъ Германъ, лейбъ-мед. Елизаветы Петровны, р. 1692 г., † 1767 г., т. LXXXII, юль, 43.
- Лефло**, франц. посолъ въ Россіи 1877 г., т. LXXXI, апр., 221.
- Лефорть**, Францъ Яковлев., адмиралъ, род. 1653 г., † 1699 г., томъ LXXXII, авг., 204.
- Либентъ**, гр.—ия, об.-гофмейстерина 1800 г., т. LXXXII, ноябр., 158, 159, 161.
- Либень**, кн., Карлъ Андреев., ген.-лейт. 1799 г., мин. народ. просв. съ 1828—1833 г., р. 1767 г., † 1845 г., т. LXXXI, май, 233, юнь, 124.
- Либентъ**, кн., П. И., 1870 г., почет. чл. сиб. педагог. общ., т. LXXXII, ноябр., 174.
- Лидерсь**, гр., Александ. Никол., ген. отъ инф., ген.-ад., р. 1790 г., † 1874 г., т. LXXXII, юль, 118, 122, 126, 130.
- Лихеевъ**, авт. статьи «Описanie рукописей Фотия», т. LXXXI, мар., 141.
- Лихтенфельдъ-Гоаль**, П. Ф., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231.
- Лимаковскій**, Владим. Антонов., начальникъ штаба Кавказ. окр. 1866 г., ген.-лейт., т. LXXXII, ноябр., 223.
- Линдегренъ**, профес. Казанск. унив. 1852 г., т. LXXXI, апр., 3, 10—11.
- Линденеръ**, полковн., смотрит. 2-го сухопутн. госпитала 1856 г., томъ LXXXII, юль, 14, авг., 14—18.
- Линевичъ**, Никол. Петров., полковн., команда Кубанск. пѣх. пол. 1850 г., т. LXXXI, апр., 142, 151.
- Линевъ**, А. Л., писат. 1870 г. томъ LXXXII, юль, 188—191.
- Липницкій**, Августъ, ксендзъ, 1864 г., т. LXXXII, авг., 195.
- Липрианки**, Пав. Петров., ген.-отъ-инф., род. 1796 г., † 1864 г., т. LXXXII, авг., 189—191.
- Лисаневичъ**, Ив. Алексѣев., предсѣд. уѣзди. земск. управы воронеж., 1868 г., т. LXXXII, окт. 179, 180.
- Лисаневичъ**, генер., † 1824 г., янв., 140
- Лисовскій**, Ираклій, еписк. волынск., 1796 г., т. LXXXII, авг., 113.
- Лисьевичъ**, Фед., священ. 1820 г., т. LXXXII, окт., 119.
- Лихачевъ**, Васил. Ив., боровскій намѣстникъ, 1659 г., т. LXXXII, сент., 242.
- Лихачевъ**, генер. 1812 г., т. LXXXII, окт., 205.
- Лихутинъ**, генер. 1860 г., т. LXXXII, юль, 61.
- Лобанова**, княжна, 1844 г., т. LXXXI, февр., 99.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Алексѣй Яковлев., т. LXXXII, декабр., 32, 33, 34.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Дм. Ив., генер., р. 1758 г., † 1838 г., т. LXXXI, юнь, 215, 218, LXXXII, ноябр., 197.
- Лобачевскій**, Никол. Ив., рект. Казанск. унив., р. 1793 г., т. LXXXI, мартъ, 54, 55, 57.
- Логановскій**, Мих., священ. 1820 г., т. LXXXI, май, 105.
- Лоди**, Андр. Петров., пѣвецъ, т. LXXXI, 1842 г., янв., 124.
- Лодыженскій**, ген.-лейт. 1870 г., т. LXXXII, юль, 143.
- Ломакинъ**, начальн. полуо—ва Манышланъ 1871 г., ген.-м., т. LXXXII, юль, 155.
- Лонгиновъ**, Мах. Никол., писат., † 1875 г., т. LXXXI, май, 23.
- Лонгиновъ**, Н. М., секрет. при им-пѣт Елизавѣтѣ Алексѣевнѣ, т. LXXXII, авг., 234.
- Лопатинка**, М., соообщ.: «Изъ бумагъ старого помѣщика. Наставление сыну моему Николаю Михайловичу Палицыну», т. LXXXI, мартъ, 206—214.
- Лопухинъ**, кн., Петръ Васильев., мн-ръ юстиціи въ 1803—1810 г., т. LXXXI, май, 227, т. LXXXII, ноябр., 75.
- Лорисъ-Меликовъ**, гр., Мих. Таріевъ, ген.-ад., мн-ръ дѣлъ, † 1888 г., т. LXXXI, мартъ, 64, т. LXXXII, юль, 49, 54, 56, 65, 67, 90, 101, сент., 31, 33, 38, декабр., 196, 197.
- Лористонъ**, гр. 1812 г., т. LXXXII, авг., 234.
- Лотинъ**, воен.-мед. инспект. Оренб. окр. 1880 г., т. LXXXII, юль, 39, 40, ноябр., 93, 95—99.

Лофтусъ, лордъ, англ. посолъ въ Спб. 1877 г., т. LXXXI, апр., 225.
 Луба, Янъ-Фаустинъ, самозванецъ 1645 г., т. LXXXII, 136—167.
 Лузановъ, подполковн. 1853 г., т. LXXXII, 71, 80, 85, 94, сент. 42.
 Лузашевскій, Гилярій Автовов, преподават. 1-й Казанск. гимн. 1842 г., т. LXXXI, февр., 52—56.
 Луканъ, тифл. воен. губернат., 1844 г., т. LXXXI, февр., 114, т. LXXXII, ноябр., 221, декабр., 192.
 Лупула, Василій, господарь молдавскій, 1650 г., т. LXXXI, май, 207.
 Лутогинъ, капит. 1854 г., т. LXXXII, июль, 71.
 Лысенковъ, предсѣд. Шемахинск., вице-губр. Самарск. казен. палаты, т. LXXXI, апр., 125, 136, 137, 144.
 Львовъ, кн. Алексѣй Мих., бояринъ 1643 г., т. LXXXII, авг., 145, 151, 154.
 Львовъ, Алексѣй Фед., композит., директ. пѣвческ. капеллы 1840 г., р. 1799 г., † 1870 г., т. LXXXI, янв., 126, т. LXXXII, декабр., 42, 44.
 Львовъ, А. Ф., ген.-м. свиты 1844 г., т. LXXXI, февр., 99—101.
 Львовъ, Никол., священ., т. LXXXI, мартъ, 141.
 Лыжникъ, Н. П., т. LXXXII, ноябр., 147.
 Лѣнивцевъ, А. А., чл. Спб. библейск. общ.-ва 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.
 Людвигъ, герцогъ Виртембергскій 1798 г., т. LXXXII, окт., 58, 59.
 Люстингъ, надзират. 1-й Казанск. гимназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 86, 92.
 Липунова, Аграфена Тимофеевна, ея чадобитна 1718 г., т. LXXXI, май, 234, 235.
 Липуновъ, Ив. Петров., шефъ Сибирск. грек. полка, 1799 г., т. LXXXI, май, 231—234.
 Липуновъ, Тимоѳей Александр., по-мѣщанинъ 1718 г., т. LXXXI, май, 234.
 Липенко, Мих. Василь., полковн., команд. войск. въ крѣп. Воздвиженск. 1852 г., т. LXXXI, февр., 169—171.

III.

Магницкій, Мих. Леонтьев., попеч. Казанск. унив. съ 1819—1826 г., р. 1787 г., † 1844 г., т. LXXXII, авг., 234.
 Маевскій, Т. А., чиновн. мин. нар. просв. 1869 г., т. LXXXI, 153.
 Маркозъ, Ив. Степан., гетманъ, т. LXXXII, авг., 204—206.
 Майдель, бар., Е. И., команд. Кабард.

пол. 1850 г., впосл. ген.-отъ-инф., коменд. Петроп. крѣп., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 136, 139, 152, 166, 173, февр., 140, 143, 145, т. LXXXII, сент., 28, 42.
 Макарій, архим., авт. ист. описанія Юрьева монаст., LXXXI, мартъ, 141, 148, апр., 118.
 Макаровъ, Никол. Макаровъ, настоят. собора св. Владимира въ Спб. 1824 г., † 1856 г., т. LXXXI, апр., 102.
 Максимовичъ, Ив. Корнилов., команд. Образцов. пѣх. полка 1847 г., т. LXXXI, янв., 103, мартъ, 73, апр., 228.
 Максимовичъ, священ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 130, 131.
 Максимовъ, драмат. артистъ, т. LXXXI, июнь, 39.
 Малевичъ, Стефанъ, уніатск. свящ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 126, 127.
 Мальцевъ, купецъ 1858 г., т. LXXXII, авг., 60.
 Мамоновъ, 1725 г., т. LXXXI, мартъ, 245.
 Мандъ, лейбъ-медикъ 1855 г., т. LXXXI, июнь, 18—20, т. LXXXII, июль, 16.
 Мансей, штабъ-хирургъ 1744 г., т. LXXXII, дек., 87.
 Мардѣфельдъ, бар., прусск. послан. въ Спб. 1745 г., т. LXXXI, июнь, 223.
 Маржеретъ, т. LXXXI, мартъ, 172.
 瑪丽А Александровна, императрица, р. 1824 г., † 1880 г., т. LXXXII, авг., 23, 24, 78; сент., 103, 104, декабр., 49.
 瑪丽А Павловна, вел. княгиня, въ зам. великая герцогиня Саксен-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. LXXXII, ноябр., 156, 161.
 瑪丽А Феодоровна, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. LXXXI, янв., 205, февр., 226, май, 19, июнь, 210, 213, т. LXXXII, окт., 62—64, 120, ноябр., 156, 161—170.
 Маркевичъ, Марія (Маркъ Вовчокъ), писательница, т. LXXXII, окт., 30, 31, 40.
 Маркевичъ, Андрей Ив., директ. морск. корп. 1816 г., т. LXXXII, июль, 209, 213, окт., 138.
 Маркевичъ, купецъ, масонъ 1818 г., т. LXXXII, сент., 217.
 Маркозъ, гр., генер. 1812 г., т. LXXXII, окт., 202.
 Маркусъ, В. М., 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.
 Марселисъ, Петръ, датск. агентъ въ Спб. 1640 г., т. LXXXII, авг., 151.
 Мартыновъ, А. П., артистъ, т. LXXXII, декабр., 100.

Масальский, Ив. Владим., магистръ Спб. духовн. акад. 1816 г., т. LXXXI, июнь, 102.
 Масальский, К., писатель, т. LXXXI, янв. 29, февр., 191, т. LXXXII, окт., 162, 163.
 Масальский, кн., начальн. артил. Варшавск. округа 1866 г., т. LXXXII, авг., 20.
 Матвеевъ, П. А., т. LXXXII, ноябр., 116.
 Матушевичъ, писат., т. LXXXI, мартъ, 165, 174, 175.
 Матвеичъ, каноникъ 1864 г., т. LXXXII, авг., 195.
 Матвеичъ, еписк. подольск. 1813 г., т. LXXXI, июнь, 125.
 Матиева, Варвара Дм., см. Ланская.
 Матиевъ, ст. сов., т. LXXXI, мартъ, 204.
 Мезенцовъ, полковн., начальн. Сунженск. линіи 1853 г., † 1855 или 1856 г., т. LXXXI, июнь, 67, т. LXXXII, сент., 233.
 Медендорфъ, г-жа, въ зам. Минквицъ, т. LXXXI, апр., 133.
 Мейеръ, ген.-лейт. 1860 г., т. LXXXII, ноябр., 223.
 Мекленбургскій, герцогъ, Георгій Георгіевичъ, т. LXXXI, мартъ, 239.
 Мекленбургскій, герцогъ, Михаилъ Георгіевичъ, т. LXXXI, мартъ, 239.
 Меликова, книаг. Александра Мак., см. Орбеліані.
 Меликовъ, кн., Леванъ Ив., ген.-отъ-кав., ген. ад., бывш. начальн. Дагестан. обл., въ 1880 г. помощи. начальства Кавказа, † 1892 г., т. LXXXI, мартъ, 64, апр., 48, т. LXXXII, июль, 155, 156, ноябр., 220, 221, 236, декабр., 172, 173, 176, 177, 195.
 Меллеръ-Закомельская, баронесса, предств.-да Варшав. ком. красн. креста 1870 г., т. LXXXII, сент., 124.
 Меллеръ-Закомельской, бар., полковн., команд. Куринск. егерск. пол., 1850 г., т. LXXXI, янв., 149, 150, 157, 170, 173, мартъ, 66, т. LXXXII, сент., 124.
 Мельгуновъ, ярослав. вологод. и арханг. ген.-губерн. 1780 г., т. LXXXII, 96.
 Мельниковъ, П. И., авт. статьи объ архив. Фотии, т. LXXXI, мартъ, 138, 144, 148.
 Менгденъ, Бина, фрейлина 1744 г., т. LXXXII, декабр., 87, 90.
 Менгденъ, бар., В. М., 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.
 Менгденъ, бар-са, Юліана, воспитат-ца Ioanna Antonovicha, т. LXXXII, декабр., 90, 91, 95.
 Менгденъ, генер. 1868 г., т. LXXXII, сент., 107.

Меншиковъ, кн., Александ. Данилов., генералиссимусъ, р. 1673 г., † 1729 г., т. LXXXI, мартъ, 245 — 256, апр., 216.
 Меншиковъ, кн., Александ. Серг., морск. мн-ръ, р. 1787, † 1869 г., т. LXXXI, янв., 59, 114, май, 176, 188, т. LXXXII, сент., 46, 47.
 Мертваго, Дм. Дм., об.-прокур. 7-го департ. сената, т. LXXXI, февр., 96, 102, 124.
 Мецз, Фед. Фед., генер., директ. Александров. малойѣтв. кадет. корп. 1856 г., т. LXXXII, июль, 22, 23, 33.
 Мещерская, книаг. Софія Сергіев.. т. LXXXII, іюль, 217, сент., 206, 207, окт., 132, 136, декабр., 110, 117, 118.
 Мещерскій, кн., Владими. Петров., писатель, ред.-издат. „Гражданіна“, т. LXXXI, май, 129, 130.
 Мещерскій, кн., Петръ Серг., об.-прокур. синода съ 1817—1833 г., т. LXXXI, мартъ, 215, 222, іюнь, 124, 133, т. LXXXII, іюль, 217.
 Мизло, Н. Д., т. LXXXII, окт., 173, 174, 175.
 Миллеръ, маіоръ Пензенск. пѣх. пол. 1744 г., т. LXXXII, декабр., 83 — 87, 90, 91.
 Милорадовичъ, гр., Мих., Андр., ген.-отъ-инф., спб. ген.-губернат., † 14 декабря 1825 г., т. LXXXI, апр., 237, т. LXXXII, сент., 215, окт., 202, 209, 212 — 217, ноябр., 195, 203 — 212, декабр., 133 — 149.
 Милославскій, кн., Васил. Ив., 1581 г., т. LXXXI, май, 61.
 Милославскій, кн., Фед. Ив., 1581 г., т. LXXXI, май, 61.
 Мильковичъ, Н. В., офиц. 1825 г., т. LXXXI, янв., 101, 103.
 Мильковичъ, шомѣщ. 1847 г., т. LXXXI, мартъ, 73.
 Мильгинъ, гр., Дм. Алексіев., воен. мин-ръ, т. LXXXI, іюнь, 197, т. LXXXII, іюль, 21, 38, 39, 42, сент., 120, ноябр., 223, 239, декабр., 46, 47.
 Милютинъ, Никол. А., ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXXXI, апр., 232, 234.
 Милютинъ, Юрій Николаев., 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.
 Мінхіхъ, гр., Бурхардъ-Христоффъ, ген.-фельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. LXXXI, мартъ, 258, 259, 262, іюнь, 131.
 Минкина (Шуманская), Анастасія, домоправит-ца гр. Аракчеева, т. LXXXI, янв., 214.
 Минквицъ, Александр. Фед., ген.-ад., команд. Харьковск. воен. окр. 1868 г., т. LXXXI, апр., 133, т. LXXXII, сент., 106, 107, 113 — 117.

- Минчаки**, ст. сов. 1821 г., т. LXXXII, декабр., 202.
- Мировичъ**, подпор. 1764 г., т. LXXXII, декабр., 96.
- Миропольскій**, Серг. И., педагогъ, писат. 1870 г., т. LXXXI, мартъ, 137, 138, 140, 149, апр., 110, юнь, 158, 159, 179, 182—202, т. LXXXII, юнь, 193, 207, 216, окт. 130.
- Михаилъ**, митроп. спб. 1817 г., т. LXXXI, юнь, 127, 128, т. LXXXII, юнь, 217, 220, 226—229, сент., 205, 207, 208, 217, 223, 230, окт., 118—121, 130, 137—141, декабр., 114.
- Михаилъ Михайловичъ**, вел. князъ, т. LXXXI, мартъ, 239.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князъ, предсѣдъ Госуд. Совета, т. LXXXI, янв., 117, февр., 126, мартъ, 76, 88, 239, май, 18, 175, т. LXXXII, юнь, 33, сент., 48, ноябр., 37.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 г., † 1849 г., т. LXXXI, янв., 132, февр., 101, апр., 58, 132, май, 11, т. LXXXII, авг., 49, ноябр., 158.
- Михаилъ Федоровичъ**, царь, т. LXXXI, мартъ, т. LXXXII, авг., 137, 140—156, 161, 162.
- Михайловскій**, уніатск. священ. 1795 г., т. LXXXII, авг., 128, 129.
- Михайловскій**, полск. эмигр. 1856 г., т. LXXXII, окт., 31, 32.
- Михайловскій**, Я. Т., т. LXXXII, ноябр., 186.
- Михайловскій-Данилевскій**, Алекс. Ив., ген.-лейт., воен. истор., † 1848 г., т. LXXXI, янв., 117, т. LXXXII, юнь, 131.
- Михайловъ**, щвеницъ 1843 г., т. LXXXI, февр., 98.
- Мишишкъ**, воевода 1619 г., т. LXXXII, авг., 143.
- Модестовъ**, А. Д., протоиер. Рязанск. девичьего монастыря, т. LXXXI, юнь, 96.
- Можайскій**, В., инспект., народн. училищъ 1870 г., т. LXXXII, сент., 133.
- Монсей (Платоновъ)**, преподават. Спб. духовн. акад. 1814 г., т. LXXXI, май, 100
- Монсей**, экзархъ Грузіи, т. LXXXII, сент., 223.
- Моллеръ**, полковн. 1864 г., т. LXXXII, юнь, 80, 94, 103.
- Молостовъ**, Влад. Порфириевъ, ген.-м., попечит. Казанс. учебн. окр. 1849 г., т. LXXXI, мартъ, 40, 42, апр., 28, 30, 31.
- Моль**, графъ, 1864 г., т. LXXXII, авг., 195.
- Мордвиновъ**, Александ. Семенов., полномочн. мин. въ Генуѣ и Вене-
- ци 1792 г., т. LXXXI, мартъ, 94—96.
- Мордвиновъ**, гр., Никол. Семенов., чл. Госуд. Сов., р. 1754 г., † 1845 г., т. LXXXI, май, 236.
- Мордвиновъ**, С. А., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231.
- Мордовцевъ**, Даниилъ Лукічъ, писатель, р. 1830 г., т. LXXXI, февр., 192—209, мартъ, 167, 182, 186, 188.
- Морозовъ**, Борисъ Ив., бояринъ, дядка царевича Алексія Михайлова, † 1661 г., т. LXXXI, мартъ, 230, 231, т. LXXXII, авг., 155.
- Морошкинъ**, Мих. Яковъ, священ., писат., † 1870 г., т. LXXXI, мартъ, 140.
- Мосальевъ**, полковн. 1854 г., т. LXXXII, юнь, 80, 86, сент., 42.
- Мувоский**, Никол., об.-священ. архін и флота 1832 г., т. LXXXI, мартъ, 222.
- Муравьевъ**, Андрей Н., духовн. писат., т. LXXXI, мартъ, 140, апр., 118.
- Муравьевъ**, Мих. Никол. (Виленскій), р. 1796 г., † 1866 г., т. LXXXI, янв., 44, 45, т. LXXXII, сент., 117.
- Муравьевъ-Карский**, Ники. Ники, ген.-ад., намѣстникъ кавказск., р. 1793 г., † 1866 г., т. LXXXI, февр., 101, 115, апр., 148, май, 188, 197, т. LXXXII, юнь, 50, сент. 43, 190, ноябр., 41, 216, 221, декабр., 164, 165, 167—170, 192—197.
- Мусатъ-Пушкинъ**, Мих. Никол., попечит. Казанс. затѣмъ Спб. учебн. окр., р. 1795 г., † 1862 г., т. LXXXI, янв., 77, 79, 93.
- Мусатий**, генер. 1855 г., т. LXXXI, декабр., 192.
- Мусоргскій**, Модестъ Петров., композит., р. 1836 г., † 1881 г., т. LXXXI, янв., 126.
- Мухамедъ-Неджати-эфенди**, уполномочен. отъ дивана, плѣнный въ Россіи 1771—1775 гг., его записки, т. LXXXI, мартъ, 113—134, апр., 179—206, май, 144—169.
- Мысловская**, Марина, мать самозванца Луба, т. LXXXII, авг., 143.
- Мідниковъ**, Фед. Никол., основатель журнала "Народн. Школа", т. LXXXI, май, 139, юнь, 139—143, 150—161, 179, 193, т. LXXXII, сент., 142, ноябр., 174, 179, 186, 187.
- Мивовскій**, профес. мед.-хир. акад., 1855 г., т. LXXXI, юнь, 23.

Н.

Набоковъ, Дм. Н., вице-директ. комиссариат. д-та морск. ин-ва, 1855 г., т. LXXXI, янв., 114.

- Надеждинъ, Ник. Ив., профес., чи-
сат., р. 1804 г., † 1856 г., т. LXXXI,
янв., 10, июнь, 95—111.**
- Назаровъ, ген.-м., губерн. Эриванск.
губ., т. LXXXII, ноябр., 221.**
- Назарьевъ, В., сообщ.: „За Австрию
и противъ нея. Извѣстія военныхъ вос-
поминаній 1850 и 1858 годовъ“, т.
LXXXIII, авг., 168—186.**
- Назарьевъ, Валеріанъ, педагогъ 1872
г., т. LXXXIII, юль, 191—194**
- Назимовъ, ген.-м., команд. 18-ї артил-
ьеріад. 1855 г., т. LXXXII, сент., 25.**
- Назоровъ, И. И., ген.-м., первый
эриванск. воен. губернат. 1850 г.,
т. LXXXI, апр., 134.**
- Назоровъ, предсѣдат. казен. палаты
въ Тифлісѣ 1847 г., т. LXXXI, февр.,
119.**
- Наполеонъ I, императоръ, т. LXXXII,
окт., 203, ноябр., 83 85, 87, 193—213,
декаб., 108, 112, 115, 133—154, 231—
241.**
- Нараповичъ, Пав. Андреев., профес.,
мед.-хир. акад. хирургъ, р. 1801 г.,
† 1874 г., т. LXXXI, юнь, 22, 24,
т. LXXXII, юль, 20.**
- Нарышкинъ, Е. Д., т. LXXXII, сент.,
136.**
- Нарышкинъ, Левъ Кирилл., бояринъ,
р. 1668 г., † 1705 г., т. LXXXII,
авг., 201, 204, 206.**
- Нарышкинъ, об.-камергеръ 1800 г.,
т. LXXXII, ноябр., 158, 159.**
- Нарышкинъ, Васіл. Трофим., первый
русс. романистъ, р. 1780 года,
† 1825 г., т. LXXXII, окт., 148.**
- Наталиѧ Алексѣевна, царевна, род.
1714 г., † 1728 г., т. LXXXI, мартъ,
249, апр., 157, т. LXXXII, окт., 138.**
- Наталиѧ Алексѣевна (принцесса Гес-
сенть-Дармштадтская Вильгельмина),
вел. князъ, первая супруга цесаревъ.
Павла Петровича, р. 1755 г., † 1776 г.,
т. LXXXII, окт., 65.**
- Невзоровъ, М., издат. „Друга юно-
шества“, т. LXXXII, сент., 200,
201, окт., 116, 117.**
- Невѣрововъ, ген.-м. 1856 года, томъ
LXXXII, юль, 98, 99, сент., 25.**
- Невѣровъ, Януарій Мих., попечит.
Кавказ. учебн. окр. 1871 г., т. LXXXII,
сент., 137—144, ноябр., 182.**
- Нейгардтъ, Александ. Ив., ген.-
ад., сенат., р. 1784 г., † 1845 г., т.
LXXXI, янв., 131, февр., 103—105,
110.**
- Немлюдовъ, Матвѣй, подполковн.,
стрѣлк. приказа 1698 г., т. LXXXII,
авг., 201.**
- Немлюдовъ, предсѣд. училища со-
вѣта въ Харьковѣ, т. LXXXII, юль,
188.**
- Нектарія, монахиня Москов. Рожде-
ствен. монаст., рожд. княжна Хо-
ванская, т. LXXXI, янв., 205—207.**
- Нелідовъ, ген.-ад. 1798 г., т. LXXXI,
май, 232.**
- Неммортъ, профес. мед.-хир. акад.
1855 г., т. LXXXI, 23, 24.**
- Непокойчіцій, ген.-ад. 1854 года,
т. LXXXII, юль, 122.**
- Нерсесъ, армянск. патріархъ 1853
г., т. LXXXI, май, 184.**
- Несецкій, Касп., польск. геральдикъ,
т. LXXXII, авг., 138.**
- Нессельроде, графъ, Карлъ Васил.,
канцл., р. 1780 года, † 1862 года,
т. LXXXII, ноябр., 190.**
- Несторовъ, Пётръ Петров., ген.-лейт.
1849 г., т. LXXXI, янв., 133—181,
февр., 131, 132, апр., 134.**
- Неофіахъ, медикъ 1864 г., т. LXXXII,
ноябр., 21, 22.**
- Нѣльцовъ, полковн., команд. Бѣлевск.
полка 1864 г., т. LXXXII, юль, 93,
сент., 33, 37.**
- Нижакоръ, митроп. Саб. 1855 года,
т. LXXXI, юнь, 17.**
- Нижнитко, Александ. Вас., профес.
Спб. унив., академ., р. 1804 года,
† 1878 г., т. LXXXII, сент., 86.**
- Нижнитко, Д. Н., членъ Новоузенской
земск. управы 1868 г., т. LXXXI,
май, 124—126.**
- Нижнитко, гр., ген.-ад. 1855 года,
т. LXXXII, окт., 74, 75.**
- Нижнодимъ, архіеп. орловск. 1832 г.,
т. LXXXI, мартъ, 222.**
- Николаи, бар., Александ. Павл., по-
печитель Киевск. и Кавказ. учебн.
окр., управл. гражд. частью на Кав-
казѣ, р. 1822 г., т. LXXXI, февр.,
127, мартъ, 64, апр., 149.**
- Николаи, бар., команд. Кабардинск.
полка 1844 г., т. LXXX, янв., 139,
151, 167, февр., 151, 164.**
- Николаи, надвірат 1-ї Каванск.
гімназ. 1841 г., т. LXXXI, янв., 86, 96.**
- Николаи I, імператоръ, р. 1796 г.,
† 1855 г., т. LXXXI, янв., 53, 104,
110, 127, февр., 103, 107, 118, 127,
129, 172—190, 229, мартъ, 72, 80,
81, 221, 240, апр., 26, 141, май, 8,
21, 48, 172, 187, 194, 199, 210, 217,
юнь, 18—23, 37, 83, т. LXXXII,
июль, 14, 16, 43, 109, 110, 121, 123,
авг., 17, 39, 41, 45—50, сент., 45, 82,
238, 240, окт., 9, 47, ноябр., 20, 158,
190, декаб., 56, 167, 168, 229.**
- Николай Александровичъ, наслѣд-
никъ-цесаревичъ, † 1865 года, томъ
LXXXI, мартъ, 239, т. LXXXII,
июль, 20, авг., 23, 25.**
- Николай Константиновичъ, вел.
князъ, т. LXXXI, мартъ, 239.**

Николай Михайловичъ, вел. князь, т. LXXXI, мартъ, 239.
 Николай Николаевичъ, вел. князь, † 1891 г., т. LXXXII, июль, 39, сент., 33, 48, окт., 94, 95.
 Николъ, Пётръ Андреев., тамбовск. губернат. 1812 г., т. LXXXII, сент., 230.
 Ниродъ, графъ, генер. 1854 года, т. LXXXI, май, 191, т. LXXXII, июль, 71, 93, 105, сент., 42.
 Новиковъ, И. А., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231.
 Новиковъ, Никол. Ив., писатель, р. 1744 г. † 1818 г., т. LXXXII, сент., 219, нояб., 66, декаб., 98, 99.
 Новосильцовъ, Никол. Никол., тов. мин. юстиц. 1804 г., впосл. статсъ-секр., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1762 г., † 1838 г. т. LXXXI, май, 225, т. LXXXII, авг. 212—216, 222—224, нояб., 59—61, 67—86, 214, декаб., 121.
 Новосильцовъ, кригсъ-комиссаръ 1730 г., т. LXXXI, мартъ, 259.

О.

Облеуховъ, Дм. Дм., † 1889 г., т. LXXXII, нояб., 153.
 Обхомієвскій, врачъ-гемеопатъ 1856 г., т. LXXXI, июль, 28.
 Оболенскій, кн., Дм. А., директ. комиссариат. д-таморск. мин-ва 1855 г., т. LXXXI, янв., 114.
 Оболенскій, кн., М. А., директ. Московск. г.-р. архива мин. ин. дѣлъ, † 1873 г., т. LXXXII, нояб., 191.
 Обольяниновъ, Пётръ Хрисанф., ген.-прокур. 1800 г. † 1841 г., т. LXXXII, октябр., 102.
 Обручевъ, оренб. ген.-губернат. 1846 г.; т. LXXXII, июль, 138.
 Обуховичъ, Филиппъ, польскій дипломатъ въ Россіи и Венеції, † 1657 г., т. LXXXII, авг., 137.
 Огарева, Наталия Алексѣевна, см. Тучкова-Огарева.
 Огаревъ, Никол. Платонов., писатель, т. LXXXII. сент., 63—100, окт. 3—45, нояб., 3—26, декаб., 3—27.
 Оглоблинъ, Н., сообщ.: "Бытовыя черты XVII вѣка: Небесные гласы тюменскому ямщику противъ новаго устава и воистового креста (1662 г.)", т. LXXXI, мартъ, 223—225; "Извѣстныя дѣла 1666—67", стр. 225—226; "Челобитная тобольского воеводы кн. Ив. Борис. Репнина о смысли воеводства 1672 г.", стр. 226—227; "Грамотка пѣмѣцк. полковника русской службы къ товарищу, 1665

г.", стр. 228; "Челобитная томскихъ боядиленныхъ стариковъ, 1661 г.", стр. 229, "Дѣло о пошении царской грамоты не по чину—за голенищемъ, 1660 г.", стр. 230. "Извѣстное дѣло объ оскорблении царской парсыны, 1660 г.", стр. 231—233, "Дѣло о ворожебныхъ письмахъ, 1652 г.", стр. 234—236, "Челобитная всего г. Турийска объ оставлениѣ воеводы на новый срокъ, 1687 г.", стр. 236. Огнєвъ, И. Д. директ. Полтавск. гимназии 1825 г., т. LXXXI, февр., 233. Одоецовскій, кн., Влад. Федор. сенат., писатель, † 1875 г., т. LXXXI, янв., 126, т. LXXXII, окт., 158, нояб., 119. Одоецовскій, кн., Ив. Васил., сенат., т. LXXXI, апр., 217.
 Ожаровскій, гр., генер. 1812 г., т. LXXXII, декаб., 135.
 Оверецковскій, Пав. Яковы., прото-пресвит. 1800 г., т. LXXXI, февр., 223.
 Оверовъ, А. П., совѣтн. посольства въ Конст., послан. во Швейц. об-гофмейст., т. LXXXI, янв., 113.
 Охлопко, подполковн. 1854 г., т. LXXXI, июль, 71, 80.
 Охлопковъ, ген.-м., шефъ Рыльск. мушкаторск. полка 1804 г., т. LXXXII, декаб., 241.
 Оленевскій, профес. мед.-хир. акад. 1855 г., т. LXXXI, июнь, 24.
 Оленинъ, Алексѣй Никол., презид.-акад. худож., † 1841 г., т. LXXXII, декаб., 108, 128—131.
 Олсуфьевъ, гр., Васил. Дм., т. LXXXI, мартъ, 264.
 Ольсуфьевъ, москов. губернат. 1837 г., т. LXXXI, янв., 44, 45.
 Ольга Николаевна, вел. княгиня, королева Вюртембергская, р. 1822 г., т. LXXXI, июнь, 20.
 Ольденбургскій, принцъ, Николай Петровичъ, т. LXXXI, мартъ, 239.
 Ольшевскій, Мелетій Яковы., его записки: "Кавказъ съ 1841 по 1866 г.", т. LXXXI, янв., 133—181, февр., 131—171. июнь, 63—94, т. LXXXII. июль, 44—108, сент., 22—43, нояб., 215—240, декаб., 163—197, упом. сент. 233.
 Оникифоръ, архіер. вологодскій 1820 г., т. LXXXII, окт., 119.
 Опоччинина, Варвара Яковы., рожд. княж. Орбеліані, т. LXXXI, февр., 126.
 Опоччинінъ, Алексѣй Петров., ген., тифл. коменд., † 1885 г., т. LXXXI, февр., 126, июнь, 67.
 Опоччинінъ, А. П., начальн. архива инжен. деп., ти. сов., † 1887 г., т. LXXXI янв., 124.

Опочининъ, Влад. Петров., морякъ, † 1889 г., т. LXXXI, янв., 125, февр., 110—112.
 Орбеліаніи, княжна, Александра Максимовна, въ зам. кнаг. Мелникова, т. LXXXI, апр., 48.
 Орбеліаніи, княжна, Анастасія зам. кнаг. Гагарина, т. LXXXI, мартъ, 74, апр., 145.
 Орбеліаніи, кнаг., Варвара Ильинична, рожд. княжна Грузинская, т. LXXXI, апр., 146, май, 180, 193, 200, 201.
 Орбеліаніи, княжна, Варвара Яковлевна, см. Опочинина.
 Орбеліаніи, княжна, Софія Яковлевна, см. Святополкъ-Мирская.
 Орбеліаніи, княгиня, Марья Ивановна, т. LXXXII, декабрь, 192.
 Орбеліаніи, кн. Григорій Дмитриевич, начальник Приказа края 1858 г., вносил. ген., отъ инф., чл. Госуд. Сов., т. LXXXII, ноябрь, 220, 224, 225.
 Орбеліаніи, кн., Илья, командир Грузинск. гренад. полка, ген.-м., † 1853 г., т. LXXXI, апр., 146, май, 186, 188, т. LXXXII, юль, 67—86, 103.
 Орбеліаніи, кн., Макарий, 1847 г., т. LXXXI, апр., 47—49.
 Оржельская, гр-ня, т. LXXXI, мартъ, 188.
 Орлова-Давыдова, гр-ня, Ольга Ивановна, см. княжна Барятинская.
 Орлова - Чесменская, гр-ня, Анна Алексеевна, р. 1783 г. † 1848 г., т. LXXXI, февр., 42, мартъ, 136—142, 145, 151, апр., 102, т. LXXXII, сент., 207, окт., 130—136.
 Орловъ-Чесменский, гр., Алексей Григорьевич, ген.-аншефъ, р. 1737 † 1807 г., т. LXXXI, мартъ, 145, апр., 203, 205.
 Орловъ, кн., Алексей Федорович, шефъ гвард., р. 1787 г., † 1861 г., т. LXXXI, янв., 59, февр., 102, 104, 107, 108, 178, май, 16, 216, 217, юнь, 83.
 Орловъ, В. Е., авт. соч., «Формы крестьянской землевлад. въ Москов. губ.», 1881 г., т. LXXXI, стр., 235.
 Орловъ, Вас. Петр., донской атаманъ 1800 г., т. LXXXII, декабрь, 232, 233.
 Орловъ-Давыдовъ, гр., т. LXXXI, февр., 42.
 Орловъ-Денисовъ, гр., Василий Васильевъ, ген. 1812 г., р. 1775 г., † 1844 г., т. LXXXII, окт., 218, ноябрь, 198, 199, 213.
 Орловъский, К. И., тифлис. гражд. губернат. 1860 г., † 1876 г., т. LXXXI, февр., 115, мартъ, 78, 79, май, 7.
 Орнатский, о., священ. 1834 г., т. LXXXI, мартъ, 141.

Осокинъ, Алексей Гаврилович, т. LXXXI, апр., 9, 10.
 Оссолинскій, канцлеръ 1643 г., т. LXXXII, авг., 147, 151—154, 164, 166.
 Остенъ-Сакенъ, гр., Диего Ерофеевич, ген.-ад., † 1881 г., т. LXXXI, февр., 104, май, 188, т. LXXXII, авг., 184, 186, окт., 75, 76, декабрь, 139, 142, 149, 151.
 Остерманъ, гр., Андриан Иванович, кабинет-министръ, род. 1636 г., † 1747 г., т. LXXXI, мартъ, 245, 257—259.
 Остерманъ, гр., Иван Андреевич, канцлеръ, род. 1725 г., † 1811 г., т. LXXXI, февр., 72, 74, май, 76—78.
 Остерманъ-Толстой, гр., ген. 1812 г., т. LXXXII, окт., 213, 218, ноябрь, 199, декабрь, 134, 135, 137.
 Остроградский, Виктор Михайлович, педагог-писатель, т. LXXXII, 176, 177.
 Остроградский, Михаил Васильевич, академикъ, р. 1801 г., † 1861 г., т. LXXXI, мартъ, 237.
 Отрышковъ, Наркисъ Илья, т. LXXXI, февр., 17—24, мартъ, 9—13, юнь, 39, т. LXXXII, ноябрь, 41.
 Отсолитъ, чл. военно-медицинск. уччен. комитета 1860 г., т. LXXXII, юль, 36.

III.

Павловъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXXXI, янв., 198, 199, 212, февр., 79, 223, мартъ, 204, 262, май, 223, 233, 234, юнь, 120, 206, 207, т. LXXXII, юль, 124, 136, авг., 101, 217—219, сент., 172, 225, 237, окт. 46—66 ноябрь, 64, 81, 154—173, декабрь, 79, 231, 232, 236, 241.
 Павловъ, Саббатовский, архиепископъ астраханский, т. LXXXI, май, 104, т. LXXXII, юль, 201, 204.
 Павленко, ген. 1826 г., т. LXXXII, декабрь, 71.
 Павловский, Констант., секрет. синода, 1832 г., т. LXXXI, мартъ, 222.
 Павловъ, Петровъ Петровъ, начальникъ инспекторского отдѣла канц. воен. мин-ва, 1835 г., т. LXXXI, янв., 117.
 Павловъ, ген., нач. штаба на Кавказѣ, вносил. корп. команд. Варшав. воен. окр., т. LXXXI, янв., 117.
 Павловъ, Михаилъ Даниловичъ, воевода 1662 г., т. LXXXI, мартъ, 223.
 Павловъ, Николай Филипповъ, т. LXXXII, ноябрь, 113—116, 134, 139—144.
 Павловъ, Герасимъ Петровъ, професс.

Спб. духовн. акад. 1815 г., т. LXXXI, февр., 227, т. LXXXII, окт., 112, ноябр., 151.
 Паленъ гр. Павелъ, генер. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 140.
 Паленъ гр., спб. воен. губернат. 1800 г., т. LXXXII, ноябр., 158, 159, 166, 169.
 Палицынъ, Мих. Борисов., помѣш. 1811 г., т. LXXXI, 206—214.
 Панаевъ, Влади. Ив., бывш. ст.-секрет. и управл. канц. мин-ва ипп. двора, авт. воспоминаній, р. 1792 г., † 1859 г., т. LXXXII, ноябр., 62, 63.
 Панаевъ, Ив., Ив., писатель, т. LXXXI, июнь, 34, 45, 121.
 Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиц., р. 1801 г., † 1874 г., т. LXXXI, февр., 116, мартъ, 72, 261, 262, апр., 200, 201 203—205, май, 12, 175.
 Пановъ, авт. статьи объ архим. Фотии, т. LXXXI, мартъ, 148.
 Панчулидзе, ген.-м. 1812 г., т. LXXXII, ноябр., 195.
 Парротъ, профес. Дерпт. унив. 1820 г., т. LXXXII, сент., 170.
 Паскевичъ, кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, Ив. Федоров., ген.-фельдмарш., намѣстн. Царства Польск., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXII, февр., 105, 185, мартъ, 72, 80, май, 189, т. LXXXII, июль, 122—127, авг., 39—44, 48, 50, окт. 213, ноябр., 206, дек., 136.
 Паскевичъ, кн. 1860 г., т. LXXXI, апр., 57.
 Пасекъ, Дюмидъ Васил., ген.-м., кавказ. герой, р. 1808 г., † 1845 г., с. LXXXII, июль, 89.
 Пасекъ, Петръ Богданов., генер., моргилев. губернат., р. 1736 г., † 1804 г., т. LXXXI, апр., 220.
 Пасекъ, Татьяна Петров., рожд. Кучина, писательница, р. 1810 г., † 1889 г., т. LXXXII, окт., 38, 39, ноябр., 11, 23, 24.
 Пасекъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, окт., 217.
 Патерсонъ, агентъ Великобританск. библейск. общ-ва въ Спб. 1812 г., т. LXXXI, июнь, 123—126, 130.
 Патерсонъ, врачъ 1848 г., т. LXXXI, мартъ, 82.
 Паулуччи, маркизъ, ген. отъ инф., курлянд., эстл. въ Псков. ген.-губ. 1824 г., т. LXXXII, июль, 49, дек., 149, 150.
 Паульсонъ, Йосифъ Ив., педагогъ, р. 1828 г., т. LXXXI, июнь, 140, 141, 161—175.
 Пеликанъ, Венцеславъ Венцеслав., презид. мед.-хирург. акад. 1855 г., т. LXXXI, май, 46, 47, июнь, 7, 23, т. LXXXII, июль, 13, 14.

Пеликанъ, Евг. Винцензлав., профес., директ. медиц. деп. мин-ва вѣд. дѣлъ 1868 г., т. LXXXI, июнь, 23—29, т. LXXXII, авг., 31, 32.
 Переяславъ, саратов. губернат. 1837 г., т. LXXXI, янв., 44, 45.
 Перекусихина, Мария Савишина, камерь-юнгфера Екатерины II, т. LXXXII, ноябр., 80.
 Перовскій, гр., Васил. Алексѣев., ген.-ад. оренб. ген.-губ. 1834 г., т. LXXXII, июль, 138, ноябр., 33.
 Перовскій, Левъ Алексѣев., мн-ръ вѣд. дѣлъ 1851 г., т. LXXXI, апр., 147.
 Песковскій, М. Л. сообщ. „Баронъ Николай Александров. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лѣтъ“, т. LXXXI, апр., 60—98, май, 115—143, июнь, 135—202, т. LXXXII, июль, 157—194, авг. 84—96, сентяр., 127—143, окт., 179—200, ноябр., 174—188.
 Петерсонъ, англиканс. пасторъ 1816 г., т. LXXXII, декабр., 113.
 Петровскій, профес. Харьковск. унив. 1850 г., т. LXXXI, май, 26.
 Петровъ, Александ. Васил., профес. Казанск. унив. 1870 г., т. LXXXI, мартъ, 51.
 Петровъ, Осипъ Аѳ., арт.-пѣвецъ, 1844 г., т. LXXXI, февр., 98.
 Петровъ, ген.-лейт. команд. армейск. корп. 1891 г., т. LXXXII, июль, 86.
 Петръ I, императоръ р. 1672 г., † 1725 г., т. LXXXI, янв., 202, 210, февр., 191—209, мартъ, 164—192, 241—244, 246, 252—255, 260, апр., 209—216, май, 145, 234, 236, т. LXXXII, авг., 100, 201, 204, 223, окт. 138, 222, декабр. 82, 97.
 Петръ II, императоръ, † 1730 г., т. LXXXI, мартъ, 244, 245, 249—251, 255, 256, апр., 216.
 Петръ III, императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., т. LXXXI, мартъ, 261, апр., 157, май, 145, июнь, 220—222, 224, т. LXXXII, окт., 65.
 Петръ, герцогъ Брауншвейгскій, сынъ правит-цы Анны Леопольдовны, † 1798 г. т. LXXXII, декабр., 97.
 Петръ Георгиевичъ, принцъ Ольденбургскій, т. LXXXII, ноябр., 192.
 Петрушевскій, А. Ф., педаг.-писат., 1870 г., т. LXXXII, ноябр., 186.
 Пепольть, резидентъ герцога Шлезвига Гольштейна. въ Спб. 1735 г., т. LXXXI, июнь, 220, 221.
 Пещуровъ, Исковск. губерн. 1837 г., т. LXXXI, янв., 44, 45.
 Шиловъ, Романъ Мих., думный дворянинъ 1581 г., т. LXXXI, май, 52, 53, 60, 61.
 Шилленко, офицеръ 1850 г., т. LXXXII, ноябр., 37.

- Шилецкий, докт. 1853 г., т. LXXXI, май, 174.
- Шимонский, волынск. помѣщ. 1831 г., т. LXXXI, мартъ, 215—219, 222.
- Шинкертонъ, англикан. пасторъ 1820 г., т. LXXXII, окт., 121, декабр., 113.
- Ширлигъ, о., Павелъ, писатель, т. LXXXI, янв., 202, т. LXXXII, сент., 202, декабр., 153.
- Широговъ, Никол. Ив., хирургъ, профес., р. 1800 г., † 1881 г., т. LXXXI, февр., 127, май, 16, июнь, 24, 25, т. LXXXII, авг., 24, сент., 52, 182, окт., 27, 122, нояб., 174.
- Шисемский, Алексѣй Феофилактовъ, писатель, р. 1820 г., † 1881 г., т. LXXXII, окт., 143.
- Шискиновъ, священ. 1796 г., т. LXXXII, авг., 124.
- Шитть, пасторъ англиканской церкви 1813 г., т. LXXXI, июнь, 124, т. LXXXII, сент., 222, декабр., 114.
- Шлатовъ, гр. Матв. Иван., ген. отъ кавал. наказн. атаманъ войска Донск. 1810 г., т. LXXXI, июнь, 208, 217, т. LXXXII, нояб., 205—208, 211, 213, декабр., 133, 135, 139, 142, 143, 146, 148, 149, 231—241.
- Шлагонъ, Березинъ, инспекторъ Спб. дух. акад., т. LXXXI, июнь, 98.
- Шлатовъ, Петръ Левшинъ, митроп. московск., р. 1737 г., † 1812 г., т. LXXXI, янв., 206, 207, т. LXXXII, авг., 65, окт., 118, нояб., 74, 81, декабр., 78, 81.
- Шляпъ-бекъ-Кокумъ, ген.-м., 1854 г., т. LXXXII, авг., 189—192.
- Шлевъ, тов. мин. внѣдѣль, т. LXXXII, нояб., 106.
- Шлентнеръ, Петр. Александр., акад., рект. Спб. унив., писатель, р. 1798 г., † 1865 г., т. LXXXII, окт., 157, 166—173, нояб., 148—152.
- Шланцевъ, Г., масонъ, т. LXXXII, декабр., 114.
- Шлаковъ, чиновн. II отд. Собств., Е. В. канц. 1840 г., т. LXXXI, янв., 44.
- Шнитъ, писатель, т. LXXXII, нояб., 67.
- Шогодинъ, Мих. Петровъ, историкъ, журналистъ, р. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXII, сент., 45, 186, 198, окт., 148, нояб., 135, 137, 146, 153.
- Шогоскій, ксендзъ польск. повстан. 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.
- Подольскій, Андрей Ив., писатель, р. 1806 г., † 1886 г., т. LXXXII, нояб., 125.
- Позднѣевъ, сенат. 1816 г., т. LXXXII, декабр., 39.
- Позеяъ, Мих. Павл., ст.-секрет. 1836 г., т. LXXXI, янв., 118, 119, 126—130, февр., 101—112, 120, апр., 128.
- Полевой, Ксенофонтъ, писатель, р. 1801 г., т. LXXXII, авг., 168.
- Полевой, Никол. Алекс., журналистъ, писатель, р. 1796 г., † 1846 г., т. LXXXI, мартъ, 168, т. LXXXII, окт. 146—148, нояб., 133.
- Полозиковъ, Левъ, стольникъ 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 173.
- Поликарповъ (Гайтанниковъ), рект. Москов. духов. акад., т. LXXXI, май, 105.
- Политковомій, Александр. Гаврил., тайн. сов., директ. канц. комитета инвалид., † 1853 г., т. LXXXI, янв., 128.
- Половцовъ, подполковн. 1852 г., т. LXXXI, февр., 144, 145.
- Полонскій, Яковъ Петровъ, поэтъ, писатель, р. 1820 г., т. LXXXI, мартъ, 61, апр., 146.
- Полонскій, секрет. 2 департ. спб. палаты гражд. суд. т. LXXXI, июнь, 54—56, 58, т. LXXXII, нояб., 30.
- Полторацкій, прапорщикъ 1823 г., т. LXXXI, май, 236.
- Полубенскій, Ив., священ. москов. единовѣрческ. церкви 1803 г., т. LXXXII, окт., 122, 124.
- Поллонскій, Алексѣй Сидоровъ, свящ. 1815 г., т. LXXXII, декабр., 78, 79.
- Помораревъ, Е., сообщ. замѣтку по поводу ст. Шварсалонова „Итальянские историч. документы о Россіи“, т. LXXXII, сент., 242.
- Попель, Маркель, уннат. свящ. 1868 г., т. LXXXII, сент. 104.
- Поповъ, Александр. Федоровъ, математ. профес. Казанск. унив., т. LXXXI, февр., 62, 63.
- Поповъ, Василий. Мих., директ. деп. духовн. дѣль 1817 г., т. LXXXI, июнь, 124, 128, 129, 133, т. LXXXII, сент., 223, декабр., 113, 129.
- Поповъ, Василий. Степановичъ, тн.-сов. 1808 г., т. LXXXII, авг., 231, 235, декабр., 130.
- Поповъ, директ. деп. народн. просв. 1836 г., т. LXXXII, юль, 212, 219.
- Поповъ, авт. ст. обѣ архим. Фотій, т. LXXXI, мартъ, 136, 137, 141, апр., 110, 118, т. LXXXII, юль, 207.
- Порошкій, полковн., команд. запас. парка 1-й гренадер. артил. бригады 1854 г., т. LXXXI, май, 31, 34, 47, 48, 50.
- Посниковъ, Алексѣй, дьякъ 1659 г., т. LXXXII, сент., 242.
- Посниковъ, Мих., воевода 1665 г., т. LXXXI, мартъ, 228.
- Поссевинъ, Антоній, дипломатъ, † 1611 г., т. LXXXI, май, 57—75.

- Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ.
Александр., ген.-фельдм., р. 1788 г.,
† 1791 г., т. LXXXI, мартъ, 194—
203, апр., 228, т. LXXXII, сент.,
237, нояб., 214.
- Потоцкій, Никол., гетманъ, т. LXXXI,
мартъ, 175.
- Потоцкій, С. О., т. LXXXI, май, 223,
224.
- Приесмыцкій, Іосифъ Антонов.,
штабъ-докт. гвардейск. корпуса
1854 г., т. LXXXI, май, 44, 45,
июнь, 4, 5, 16, 28, т. LXXXII, юль,
11, 36.
- Прибиль, докт. 1854 г., т. LXXXI,
июнь, 8.
- Прибылова, хвівица, † 1854 г., т.
LXXXI, мартъ, 74.
- Принцъ, Александра Петр. въ зам.
Харитонова, т. LXXXI, мартъ, 82,
83, 93, апр., 151.
- Принцъ, Анна Петр., въ зам. Лине-
вичъ, г. LXXXI, мартъ, 82, апр.,
131, 142, 151, май, 170.
- Принцъ, Екат. Петр. т. LXXXI,
май, 170.
- Принцъ, Петър Александр. полковн.,
пятигорск. комендантъ 1848 г., т.
LXXXI, мартъ, 82—84, апр., 146.
- Прюцовскій, кн., А. А., московск.
главнокоманд. 1792 г., т. LXXXI,
мартъ, 101.
- Прокоповичъ, уніатск. священ. 1798
г., т. LXXXII, авг., 102.
- Протопоповъ, Дм. Ив., деканъ ме-
диц. факульт. Казан. унів. 1850 г.,
т. LXXXI, мартъ, 57, 58, 60, апр.,
3—5.
- Прѣстѣвъ, Степ. Матв., окольничій
1646 г., т. LXXXII, авг., 159.
- Предильниковъ, Ф. А., пермскій
гражд., т. LXXXII, янв., 210.
- Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1794 г.,
т. LXXXI, май, 144—148.
- Пузиревскій, чиновн. 1828 г., т.
LXXXII, декаб., 221—225, 228.
- Пургольдъ, Влад. Фед., чл. деп. удѣ-
ловъ, т. LXXXI, янв., 125.
- Пушкинъ, Александ. Серг. писат.,
р., 1798 г., † 1837 г., т. LXXXI,
янв., 110, февр., 18, апр., 62, май,
197, юнь, 103, т. LXXXII, сент.,
179, 180, 193, окт., 162, 164, 166, 172,
174, нояб., 109, 118, 123—126, 132,
133, 146, 152.
- Пушкинъ, думный дворянинъ 1643 г.,
т. LXXXII, авг., 145, 151.
- Пфель, правит. канцел. вамѣсти. вар-
шавск. 1869 г., т. LXXXII, сент.,
113—115, 117.
- Пыпкинъ, Александ. Никол., профес.,
писат., т. LXXXI, май, 141.
- Пятровскій, Александ. Петров., пе-
- дагогъ, публицистъ, р. 1840 г., т.
LXXXI, май, 137—139 юнь, 181.
т. LXXXII, нояб., 186.
- P.**
- Радзивиллъ, кн., Альбрехтъ, надворн.
литовск. маршалокъ 1581 г., т.
LXXXI, май, 63, т. LXXXII, авг.,
140.
- Радзивиллъ, кн., Карлъ, гетманъполь-
скій, т. LXXXI, мартъ, 165, 174, 175.
- Радзимовскій, Іоаннъ, священ., 1796
г., т. LXXXII, авг., 132, 133.
- Радишечскій, ксендзъ, польск. пов-
стан. 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.
- Раевскій, Никол. Никол., ген. 1812 г.,
р. 1771 г., † 1839 г., т. LXXXII,
окт., 209—216, 220.
- Разумовскій, гр., Андрей Кириллов.,
послан. въ Італію 1792 г., р. 1752 г.,
† 1836 г., т. LXXXI, мартъ, 101, 106,
май, 85, 86, юнь, 124, 134, т. LXXXII,
декаб., 99.
- Рамалановъ, Никол. Александр. ху-
дожн.-скульпт., р. 1815 г. † 1867 г.,
т. LXXXI, февр., 17.
- Раденъ, генер. 1868 г., т. LXXXII,
сент., 108—112, 123.
- Радичъ, капит. 1854 г., т. LXXXII,
сент., 43.
- Разводовскій, гр., варшав. коменд.
1869 г., т. LXXXII, сент., 121.
- Разумовскій, гр., мин. пар. просв.
1812 г., т. LXXXII, сент., 195—198,
декаб., 113.
- Рамзай, бар., ген.-ад. 1868 г., т.
LXXXII, авг., 26, 27, сент., 101,
117.
- Рашевскій, И. О., педагогъ 1872 г.,
т. LXXXI, юнь, 198, 199.
- Реальтъ, ген. отъ кавалер., † 1855 г.,
т. LXXXI, апр., 152, 153, май, 172—
176, 182, 189—193, юнь, 91, т. LXXXII,
декаб., 167, 169.
- Ребиндерь, ген.-м. 1817 г., т. LXXXII,
декаб., 130.
- Рейнботтъ, ген.-суперъ-интенд. 1813 г.,
т. LXXX, юнь, 124, т. LXXXII,
сент., 222, декаб., 114.
- Рейнгардтъ, учит. 1870 г., т. LXXXII,
авг., 85.
- Рейтертъ, Мих. Христофор.. мин. фи-
нанс. 1866 г., ст.-секр., чл. Гос. Сов.
р. 1820 г., † 1890 г., т. LXXXI, янв.,
114, т. LXXXII, нояб., 27.
- Рейхель, Марія Каспаров., рожд.
Ернѣ, т. LXXXII, окт., 36, 37.
- Ремезовъ, педагогъ 1870 г., т. LXXXI,
юнь, 156.
- Репинъ, кн., Аввакита Ив., фельдм.,
презид. воен. коллегіи, р. 1668 г.,
† 1726 г., т. LXXXI, 244, 245.

- Репнина, кн., Борисъ Александр., бояринъ 1650 г., т. LXXXI, мартъ, 226.
 Репнина, кн., Ив. Борисов., воевода 1671 г., т. LXXXI, мартъ, 226—227, 236.
 Решетъ, ген. чл. совѣта главн. управ. Кавказа 1854 г., т. LXXXI, май, 193, июнь, 91, 92, т. LXXXII, декабрь, 170.
 Ржевской, Ив. Ив., воевода Енисейский 1660 г., т. LXXXI, мартъ, 230, 231, 232.
 Ржеуцкий, гр., т. LXXXII, авг., 192.
 Римская-Корсакова, т. LXXXI, февр., 112.
 Риттеръ, Христіанъ Богданов., гл. докт. 1-го сухонутн. госпит. 1860 г., т. LXXXII, июль, 34, 38.
 Рихтеръ, А. А., т. LXXXI, апр., 232.
 Рихтеръ, Борисъ Борис., кам.-юнк. 1838 г., т. LXXXI, янв., 122, 123.
 Рихтеръ, Оттонъ Борисов., команд. Имп. гл. квартирм., чл. Госуд. Сов. 1894 г., т. LXXXI, янв., 123.
 Рихтеръ, П., т. LXXXII, окт., 180.
 Рильскій, профес. и-х. акад. 1856 г., т. LXXXII, июль, 14.
 де-Робертъ, А., певчоръ 1868 г., т. LXXXI, июнь, 151.
 Ровень, бар., авт. критич. статьи о Гоголь, т. LXXXII, ноябр. 107—109, 123—127, 141, 144, 149.
 Ровень, бар., команд. Гребенск. пол. 1850 г., т. LXXXI, янв. 138, 169, февр., 120, 161.
 Рововъ, д. ст. сов. юристъ 1852 г., т. LXXXI, апр., 150.
 Романовъ, протоіер. 1849., т. LXXXI, апр., 128.
 Россестъ, интенд. казанск. воен. округа 1880 г. т. LXXXII, 95.
 Рославльскій, проф. Харьков. унів. 1850 г. т. LXXXI, май, 26.
 Россеть, Аркад. Осип., т. LXXXII, ноябр., 107.
 Rossi, гр-на, т. LXXXI, февр., 99.
 Ростиславовъ, Дм. Ив., профес. Сиб. духовн. акад., р. 1809 г., † 1877 г., его записки т. LXXXI, июнь, 95—119, т. LXXXII, сент., 3—21, дек., 53—81, упом. 102, 108, 113.
 Ростовцевъ, гр., Іаковъ Ив., ген.-ад., нач. гл. шт. воен. уч. завед. 1855 г., † 1860 г., т. LXXXI, февр., 188, т. LXXXII, июль, 27, 29, 30, 32.
 Ростопчинъ, гр., Фед. Вас., москов. главнокоманд. 1812 г., т. LXXXI, май, 231, 232, т. LXXXII, сент., 193—195, окт., 209, 210, 219.
 Ротъ, ген. тифлес. коменд. 1853 г., т. LXXXI, май, 176, 193, июнь, 90.
 Ртищевъ, начальн. Грузіи, 1824 г., т. LXXXII, окт., 222.
 Рудаковъ, П. Д., подполк. 1853 г., т. LXXXII, июль, 93, 103.
 Рудаковскій, русск. резидентъ въ Могилевѣ 1725 г., т. LXXXI, мартъ, 244.
 Руджинскій, гл. воен.-медиц. инспек. Варшавск. окр. 1865 г., т. LXXXII, авг., 32, ноябр., 99.
 Рудковскій, самарск. полиціймайст. 1844 г., т. LXXXI, янв., 185.
 Ружинъ, подполк.. начальн. полу-ва Мангышлака, † 1870 г., т. LXXXII, июль, 144—149, 155.
 Румянцева, гр-на, Екат. Мих., рожд. княжна Голицына, т. LXXXI, февр., 71.
 Румянцевъ, гр., Никол. Петр., чрезв. послан. и полномочн. и-ръ въ Германіи 1781 г., капитанъ, р. 1754 г. † 1826 г., т. LXXXI, февр., 70—95, мартъ, 94—112, апр., 157—178, май, 76—90, 227.
 Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петъръ Александ., фельдмарш., р. 1725 г., † 1796 г., т. LXXXI, февр., 70, 71, 75, мартъ, 113, 195, май, 89.
 Румянцевъ, гр., Серг. Петров., т. LXXXI, февр., 71, 73.
 Руничь, Ди. Павл., попеч. Сиб. учеб. окр., т. LXXXII, ноябр., 76, декабр., 99, 100.
 Рындловскій, Никол., земск. дѣят. Екатериносл. губ. 1868 г., т. LXXXI, апр., 83.
 Рѣдкінъ, Петръ Григ., проф., род. 1808 г. † 1891 г., т. LXXXI, июнь, 154, 198, 200, т. LXXXII, ноябр., 174.
 Рѣпинскій, Григ. Козьмичъ, сенат., т. LXXXI, янв., 44.
 Рюминъ, Гавріль Васил., рязанск. помѣш. ст. сов., † 1827 г. т. LXXXII, декабр., 53, 54, 67—76.

С.

- Савелова, Надежда Адріанов., рожд. Егорова, т. LXXXI, июнь, 206.
 Савельевъ, Леонидъ Михайл., сообщ.: «Донской атаманъ Денисовъ», т. LXXXI, июнь, 205—218.
 Савельевъ, земск. дѣятель Екатеринослав. губ., 1867 г., т. LXXXI, апр., 82.
 Савичъ, Ив. Ив., 1856 г., т. LXXXII, сент. 67, 87—98.
 Садиковскій, Викторъ, архіеф. минскій, 1796 г., т. LXXXII, авг., 99, 116, 122.
 Салиасъ, писат.-роман., т. LXXXI, февр., 192.
 Салтыкова, гр-на, въ зам. кнаг. Голицына, т. LXXXI, мартъ, 103.

- Салтыкова, гр-на, Екат. Петров., см. Шувалова.
- Салтыковъ, Васил. Фед., генер. 1741 г., т. LXXXII, декабр., 83.
- Салтыковъ, гр. С. А., подполк. гвар. 1730 г., т. LXXXI, мартъ, 257, 258.
- Самаринъ, Юрий Фед., писатель, р. 1819 г. † 1876 г., т. LXXXI, апр., 235. т. LXXXII, окт., 149, 155, 156, ноябр., 135.
- Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, † 1887 г., т. LXXXI, янв., 126.
- Самсоновъ, А. П., ген.-лейт., почет. оценщикъ, т. LXXXI, янв. 107
- Самчевскій, Іосифъ, т. LXXXI, февр., 222—230, т. LXXXII, окт., 105
- Сапіга, канц. вел. кн-ва Литов. 1644 г., т. LXXXI, мартъ, 245, т. LXXXII, авг., 141, 144, 147.
- Саранчовъ, маляръ, виленск. колиціймейст. 1864 г., т. LXXXII, авг., 199.
- Сарченко, врачъ 1856 г. т. LXXXII, июль, 32.
- Сатина, Елена Алексѣев., т. LXXXII, окт., 37, 39.
- Сатинъ, Ник. Мих., т. LXXXII, окт., 37, 38, 40, 41.
- Сафонова, рожд. Маразли, т. LXXXI, февр., 110.
- Сафоновъ, Степ. Васильев., директ. канц. намѣст. Кавказ. 1846 г., сенат. 1852 г., т. LXXXI, февр., 110, 116, 119, 120, мартъ, 65, 72, 83, 89, 91, 92, апр., 135, 138, 149
- Сахаровъ, Ив. Александр., инспект. 1-й Казанск. гимн. 1852 г., т. LXXXI, янв., 86, февр. 46—50, 66, апр., 27.
- Сахаровъ, И. П., т. LXXXII, сент., 190.
- Свѣчина, т. LXXXII, сент. 200.
- Свѣчникъ, подполк. 1854 г., т. LXXXII, июль, 70, сент., 43.
- Свѣчниковъ, Аветикъ, тифлос. город. голова 1853 г., т. LXXXI, май. 181.
- Святополь-Мирской, кн-на, Софія Яковл., рожд. княжна Орбелiani, т. LXXXI, февр., 126.
- Святополк-Мирский, кн., Дм. Ив., чом. намѣст. Кавказ., т. LXXXI, янв., 139, 167, февр., 126.
- Северинъ-Потоцкій, гр., 1808 г., т. LXXXII, авг., 231.
- Севрюгинъ, о. Савва, священ. единовѣрч. церкви 1868 г., т. LXXXII, авг., 70, 71.
- Селезневъ, библиотекарь Ипп. лицея 1835 г., т. LXXXI, янв., 112.
- Селивановскій, содержат. типогр. въ Москвѣ, т. LXXXI, янв., 9, 10.
- Селивановъ, крестьян., основ. скопческ. секты, † 1823 г., т. LXXXII, сент., 225.
- Селінъ, вратъ 1865 г., т. LXXXII, июль, 40, 41.
- Сельвамъ, генер. 1854 г., т. LXXXII, июль, 127, 128.
- Семенскій, Фед. Васильев., настоѧтель. Казанск. собора съ 1798—1810 г., т. LXXXI, мартъ, 160.
- Семеновъ, Вас. Никол., попеч. Кавк. учебн. окр. 1849 г., т. LXXXI, мартъ, 70, апр., 128, 134.
- Семеновъ, Д. Л., педагогъ, т. LXXXI, июнь, 156, т. LXXXII, сент. 139—143.
- Семеновъ, Никол. Петров., тайн. сов., сенат. 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.
- Семеновъ, Петръ Петр., сенат., през. геогр. Общ-ва 1894 г., т. LXXXI, апр., 231, 234, 235.
- Сенакъ-де-Мельки, Гавріль, воен. интенданть, р. 1736 г., † 1803 г., т. LXXXI, мартъ, 94, 95, 96, 103, 109.
- Сенківскій, Осипъ Ив. (бар. Бромбенусъ), профес. Сиб. унив., писат., † 1858 г., т. LXXXI, мартъ, 114, т. LXXXII, окт., 144, 145, 146, 149, 158, 159, 170, ноябр., 110, 132.
- Серамюкъ, митроп. кіевск. 1813 г., т. LXXXI, июнь, 127.
- Серафимъ, митроп. сиб. ст. 1821 по 1843 г., т. LXXXI, янв., 144, февр., 228, 229, мартъ, 163, 222, июнь, 127, т. LXXXII, июль, 217, сент., 223, 231.
- Сербкъ, А. С., помѣш. 1800 г., т. LXXXII, сент., 174, 182.
- Сергій, архіеп. разанск. 1824 г., т. LXXXII, декабр., 53, 76.
- Серебряковъ, полковн. 1850 г., т. LXXXI, янв., 152, 173, 179, февр., 161, т. LXXXII, сент. 42.
- Середа, Ив. Васильев., инсп. училищ. Екатеринод. губ. 1869 г., т. LXXXI, апр., 78.
- Середа, И., инсп. вар. училищ. 1870 г., т. LXXXII, сент., 127—132.
- Серко-Соловьевичъ, Александръ, т. LXXXII, окт., 28, 29.
- Серко-Соловьевичъ, Николай, т. LXXXII, окт., 28, 45.
- Сеславинъ, Александръ Никит., партіянъ 1812 г. р. 1790 г. † 1858 г., т. LXXXII, ноябр., 201, 213.
- Сестренцевичъ-Богуцкій, митропол. римско-католич. церкви въ Россіи 1813 г., т. LXXXI, июнь, 123, 125, т. LXXXII, сент., 222, декабр., 114.
- Симашко, Юліанъ И., педагогъ, т. LXXXI, июнь, 156, 175—178.
- Симеонъ Крыловъ, архіер. тульскій 1820 г., т. LXXXII, окт. 119.
- Симеонъ Полоцкій, т. LXXXI, мартъ, 189.
- Симеонъ, архіеп. тобольск. 1662 г., т. LXXXI, мартъ, 225.
- Симолинъ, Ив. Матв., рус. повѣр. въ

- дѣлахъ въ Парижѣ, р. 1721 г. † 1797 г., т. LXXXI, май, 79, 82, 85, 87.
- Симоновъ**, рект. Казанск. унив. проф.-астром., т. LXXXI, мартъ, 39, 40, 42, 58.
- Симонъ, архиеп. рязанск., 1800 г., т. LXXXII, декабр., 76—78.
- Сингаевский**, Мих., 1719 г., т. LXXXII, авг., 109.
- Ситковскій, воспит. Рязанск. семин. 1820 г., т. LXXXII, 3, 4, 8, 12.
- Сицкій-Ярославскій**, кн., Ив., стольникъ 1581 г., т. LXXXI, май, 52, 53.
- Синкій, Юрий, бояринъ, 1643 г., т. LXXXII, авг., 151.
- Скавронская, гр-на, сестра Елис. П., т. LXXXII, декабр., 83.
- Скальковский**, Никан. Алексеев., проф. Казанск. унив. 1852 г., т. LXXXI, апр., 3, 11—13.
- Скобелевъ**, Ив. Никит., ген.-штф., коменд. Спб. крѣп., † 1849 г., т. LXXXI, янв., 103.
- Смбагель**, Мих. Дм., генер.-ад., р. 1843 г. † 1882 г., т. LXXXI, май, 186, т. LXXXII, июль, 98, 103, сент., 26.
- Смирновъ**, инспект. 2-й Казанск. гимн. 1841 г., т. LXXXI, янв., 76—79, 93, февр., 49.
- Скребицкий**, интенданть въ Варшавѣ при в. кн. Конст. Павл., т. LXXXI, мартъ, 84.
- Скребицкий, А. И., 1894 г., т. LXXXI, апр., 231, 234.
- Смудиевъ**, архитекторъ 1851 г., т. LXXXI, апр., 147.
- Слонецкая, т. LXXXI, янв., 29.
- Схапцова, г-жа, т. LXXXI, июнь, 53.
- Слѣпцовъ, команд. Сунжен. п. 1849 г., † 1852 г., т. LXXXI, янв., 145, 146, 155, 163, 170, 172, февр., 143, апр., 149, июнь, 53.
- Смирнова**, Александ. Осипов., рожд. Россетти, т. LXXXII, ноябр., 132, 135, 136.
- Смирновъ**, В. Д., проф., сообщ. „Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецк. пѣн. въ России въ 1771—1775 гг.“, т. LXXXI, мартъ, 113—134, апр., 179—208, май, 144—169.
- Смирновъ**, чиновн. мин. гос. имущ. 1840 г., т. LXXXI, февр., 7.
- Смычниковъ**, Д., предств. Перм. губ. земск. управы, 1872 г., т. LXXXII, окт., 183.
- Смѣльскій**, Елеазарь Никитичъ, гд. докт. военно-учебн. завед. 1856 г., т. LXXXII, июль, 12, 15, 16.
- Соболевскій**, Вас. Льзов., ген.-м., нач. хѣст. войскъ Варшавск. воен. окр. 1864 г., т. LXXXII, авг., 9, 26, 27.
- Соболевскій**, врачъ 1780 г., т. LXXXI, мартъ, 201, 203.
- Соймоновъ, ген.-лейт. † 1855 г., т. LXXXII, авг., 191.
- Соловьевъ**, Н. А. 1870 г., т. LXXXII, июль, 186.
- Соколовский**, Алексѣй Андреев., проф. фармацевт. въ Казан. и Московск. унив., т. LXXXI, янв., 80, февр., 68.
- Сомолюйтъ**, Ксанфій Васил., врачъ 1880 г., т. LXXXII, июль, 50, ноябр. 101.
- Сомоловъ**, Н. Н., сообщ.: „Петръ Великій въ Вальтеръ-Скотты-мотильѣ“, т. LXXXII, февр., 191—209, мартъ, 164—192.
- Сомоловъ**, препод. 1-й Казан. гимн. 1843 г., т. LXXXI, февр., 57.
- Солжибуръ**, гр., Влад. Александр., писат. † 1882 г., т. LXXXI, янв., 126, февр., 101, май, 178, 179, 188, 193.
- Соловьевъ**, Вс. Серг., писат., т. LXXXI, февр., 192.
- Соломина**, Петръ, педагогъ 1868 г., т. LXXXI, стр. 97.
- Соломинова**, Анна Вас., въ зам. Ковловская, т. LXXXI, мартъ, 84, 85.
- Сорожникъ**, М., т. LXXXII, окт. 171, 172.
- Сосницкая**, Елена Яковл., артистка, т. LXXXII, сент., 240, 241.
- Сосницкий**, Ив. Ив., артистъ Имп. театр., р. 1794 г. † 1871 г., т. LXXXI, янв., 126, т. LXXXII, сент., 234—241.
- Сочельниковъ**, совѣт. Перм. горн. прав. 1829 г., декабр., 225.
- Сперансій**, гр., М. М., д. тайн. сов. чл. Госуд. Сов., р. 1772 г. † 1839 г., т. LXXXI, янв., 29, 130, февр., 74, май, 224—228, т. LXXXII, июль, 218, авг., 225, 228, 234—236, сент., 156, 159—167, 225, окт., 103, 119, 120, 124 ноябр., 76, 82, декабр., 104, 106.
- Сперансій**, законоуч. акад. худож. 1818 г., т. LXXXII, сент., 217, дек., 99.
- Средневскій**, Осип Евсеев., препод. Рязанск. духов. сем., т. LXXXII, декабр., 77.
- Стадль**, Е. Я., посолъ въ Лондонѣ, т. LXXXI, февр., 111.
- Станельбергъ**, полковн. 1812 г., т. LXXXII, ноябр., 195, 197.
- Станевичъ**, ст. сов., писат. 1800 г., т. LXXXI, февр., 225.
- Станиславъ-Августъ**, кор. польскій, т. LXXXI, февр., 236.
- Станкевичъ**, Алексѣй, писат., † 1840 г., т. LXXXII, авг., 142, окт., 38, 39.
- Старницкий**, Егоръ Павл., пред. Тифл. судебн. палаты 1867 г., сенат. чл. Госуд. Сов. 1879 г. т. LXXXI, май, 175.

Стасовъ, Влад. Васил., писатель, т. LXXXI, февр., 209.
 Стасюлевичъ, Мих. Матв., ред.-изд. "Вѣстн. Европы", т. LXXXI, май, 116—143.
 Статковскій, изм. пут. соообщ. 1859 г., т. LXXXI, февр., 128, іюнь 76, т. LXXXII, нояб., 227.
 Станичъ, 1815 г., т. LXXXII, авг., 235, 236.
 Ставенъ, Р., директ. Лондон. миссіон. общ-ва 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 127.
 Степановскій, полкск. пос. въ Россіи 1640 г., т. LXXXII, авг., 153—167.
 Степановъ, Никол. Алекс., худож.-картинац. 1858г., т. LXXXI, янв., 126.
 Степановъ, секрет. Верхов.-тайн. сов. 1726 г., т. LXXXI, мартъ, 256.
 Степановъ, Еліс. Мих., въ зам. Энгельгардтъ, т. LXXXI, февр., 112, 123.
 Степановъ, въ замуж. Яфимовичъ, т. LXXXI, февр., 112, 123.
 Степановъ, Мих., адмир., т. LXXXI, февр., 123.
 Стефанъ Баторій, 1580 г., т. LXXXI, май, 52—75.
 Стефанъ Романовскій, еписк. волог. и устюж. 1828 г., † 1841 г., т. LXXXI, мартъ, 215—222.
 Степаніанскій, полковн., об.-квартирм. Кавказ. армії 1853 г., т. LXXXI, іюнь, 90.
 Степаніанская, Над. Лукін, рож. Прібылкова, т. LXXXI, мартъ, 74.
 Столпнянскій, педаг. 1871 г., т. LXXXI, іюнь, 191, 193.
 Столыпинъ, Алексѣй Григор., адъют. герц. Лейхтенб. 1830 г., т. LXXXI, мартъ, 9, нояб., 53, 54.
 Столыпинъ, Аркад. Ім., ген. 1859 г., т. LXXXII, авг., 61—82.
 Стороженко, Никол. Мих., х. ст. сов. чернаг. пред. дворян. 1812 г., т. LXXXI, апр., 237.
 Стомонінъ, Влад. Якови., педагогъ, т. LXXXI, іюнь, 153, 154.
 Стожновскій, Никол. Ів., сенат., пред. деп. гражд. и духовн. дѣлъ Госуд. Сов. 1892 г., т. LXXXI, апр., 231, 235.
 Стравинская, Анаст. Мих., рожд. Сатина, т. LXXXII, окт., 41.
 Страшнінскій, Эдуардъ, 1864 г., т. LXXXII, авг., 195.
 Стражаловъ, Степ. Фед., сенат., управ. кабинет. Екатерини II, 1792 г., т. LXXXI, мартъ, 104, 111, 112, апр., 157, 163, 169, 170.
 Стремоуховъ, Н. А., курскій губерн. пред. двор., т. LXXXI, мартъ, 19.
 Строгаковъ, гр., Александъ, Сергіевъ, превзія. акад. худ. р. 1734 г. † 1811 г., т. LXXXII, нояб., 214.

Строгановъ, гр., Александъ Григ., т. LXXXI, май, 12.
 Строгаковъ, гр., Пав. Алекс. мін ви. дѣлъ 1802 г., сенат., т. LXXXII, авг., 212—216, 222—224, нояб., 158—161, 214.
 Строгановъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попеч. Москов. учеб. окр., сен., р. 1794 г. † 1882 г. т. LXXXII, нояб., 174, 175.
 Строевъ, Пав. Мих., археологъ, т. LXXXI, мартъ, 218, апр., 115.
 Стройновскій, еписк. вілен. 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 125.
 Стромиловъ, Евгр. Ів., предс. рязан. уоловн. палаты, † 1868 г. т. LXXXII, дек., 54, 55, 78, 79.
 Струве, преподав. 1-й Казан. гімн. 1844 г., т. LXXXI, февр., 50, 51, 52.
 Струновъ, інсп. сельск. хов-ва ю. Россіи т. LXXXI, февр. 11, 12.
 Стрѣшнєвъ, Вас. Ів., бояринъ 1646 г., т. LXXXII авг., 159.
 Стрѣшнєвъ, Ів. дьякъ 1581 г., т. LXXXI, май, 61.
 Студенінскій, курскій землевѣ. 1845 г., т. LXXXI, мартъ, 21, 22.
 Стурда, Александъ. Скаратовъ., р. 1791 г. † 1854 г., т. LXXXI, 128—130 т. LXXXII, іюль, 224, сент., 200, 205, 220, 221, нояб. 75, 82, дек., 103.
 Стурда, Роксана (Александра) Скаратовна, въ зам. граф. Эдельштѣн, фрейлина 1813 г., т. LXXXI, іюнь, 130, 131, т. LXXXII, дек. 115.
 Суворинъ, Алексѣй Серг., изл. "Нов. Времена" апр., 94—96, май, 128.
 Суворова, Еліз., Е А., рожд. Хитрово т. LXXXI. мартъ, 70.
 Суворовъ-Рымникій, кн. Италійск. Алекс. Вас., генералис., род. 1729 г., † 1800 г., т. LXXXI, мартъ, 181, іюнь, 206, 209.
 Суворовъ, кн., Конст. Аркад., адъют. намѣст. Кавказ. 1847 г., т. LXXXI, мартъ, 70.
 Сукоянъ, А. П., т. LXXXI, февр. 117.
 Суровцевъ, Григ., подъяч. кн. Смол 1698 г., т. LXXXII, авг., 204.
 Сусловъ, полков., ком. Гребенъ каз. пол. 1840 г. ген., т. LXXXI, янв., 136, 157, 162.
 Сухозанетъ, Ів. Онуфр., ген.-ад., воен. мін., р. 1788 г. † 1861 г., т. LXXXI, февр. 102, 103, т. LXXXII, іюль 14—21, 33, 35, авг., 14—16, 78, окт., 95, дек. 47.
 Сушковъ, Н. В., біографъ м. Філарета, т. LXXXI, мартъ, 138, 141, 143.
 Смисловъ, Василій, ген.-м. 1820 г., т. LXXXI, іюнь 214.
 Сѣченовъ, проф., т. LXXXII, іюль, 22.

Т.

Тайзани, учредит. пароход. по Невѣ, т. LXXXI, юнь, 53, 54.

Талугоровъ, ген.-м., команд. Новор. драгун. пол. 1853 г., т. LXXXII, юль, 93, 100, 103.

Таннель, А. С., ст.-секр., т. LXXXI, февр., 118.

Тарасенко-Острѣшновъ, писат. 1838 г., т. LXXXI, янв., 53.

Тарасовъ, Дм. Еремеевичъ, лейбъ-мед., 1856 г., т. LXXXI, юнь, 22.

Тариковскій, директ. канц. императ. двора, т. LXXXI, юнь, 38.

Тарханъ-Моуравова, ген.-ад., начальн. Кавказ. гренад. дивизіи, т. LXXXI, апр., 48, 49, т. LXXXII, юль, 56, 71, 94, 103, ноябр., 221.

Татаринова, основ-цасекты, † 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 144, т. LXXXII, юль, 213, 216, сент., 225, 226, 229, окт., 120, декабр., 100, 118.

Татариновъ, П. Е., т. LXXXI, апр., 231.

Татариновъ, ст.-секрет., государств. контролеръ съ 1864 — 1873 г., т. LXXXI, янв., 128.

Твердышевъ, Ив. Борисов., симбир. купецъ 1829 г., т. LXXXII, дек., 217.

Тегимутъ, презид. Великобританск. Библейск. общ-ва 1813 г., т. LXXXI, юнь, 125.

Тетенборкъ, адъют. в. кн. Михаила Павловича, впосл. ген. свиты, т. LXXXI, апр., 58, 59.

Тиентгаузенъ, гр-на, т. LXXXI, май, 20, 21.

Тимковскій, Ив. Осипов., цензоръ, 1852 г., т. LXXXII, сент., 181, 187, окт., 118, ноябр., 67, 69.

Тимошукъ, Вѣра Вас., перев. съ нѣм. „Изъ записокъ герцога Евгения Виртембергскаго“, т. LXXXII, окт., 47 — 66, ноябр., 154 — 173, состав. Азбучный указатель къ „Р. Ст.“, 1894.

Тихофеевъ, Ив. Васил., педагогъ 1841 г., т. LXXXII, янв., 71, 72, 73, 74, 75.

Тихончукъ, полковн. 1856 г., т. LXXXI, янв., 173, т. LXXXII, юль 71, сент., 30, декабр., 178.

Товбичъ, команд. Горского полка 1849 г., т. LXXXI, янв., 134.

Товіз, архимандр., намѣстн. Алекс.-Невской Лавры въ Спб. 1821 г., т. LXXXII, декабр., 206.

Токмачевъ, директ. канц. мин. гос. имущ. 1838 г., впосл. сенат., т. LXXXI, янв., 54, 55, 56, 57.

Толстакъ, гр-на, Анна Ив., рожд.

княжна Баратинская, т. LXXXI, февр., 29.

Толстой, гр., Александр. Никол., по-мѣщ. 1850 г., т. LXXXI, февр., 29, мартъ, 17, т. LXXXII, декабр., 35.

Толстой, гр., Александра. Петров., об-прокур. синода 1868 г., т. LXXXII авг., 71, 74, 78, 79, сент., 104, ноябр., 153.

Толстой, гр., Александъ Констант., писат., р. 1834 г. † 1875 г., т. LXXXI, февр., 191, май, 3, 4, 5.

Толстой, гр., Дм. Андреев., презид. ак. наукъ, мин. вѣд., писатель, р. 1823 г. † 1889 г., т. LXXXI, янв., 114, февр., 71, май, 132, юнь, 187, 141, 142, 156, 202, т. LXXXII, окт., 195, ноябр., 106, 174 — 176.

Толстой, Ив. Матв., мн-ръ почты и телеграф., † 1867 г., т. LXXXI, янв., 126, февр., 99, апр., 57.

Толстой, гр., Левъ Никол., писатель, т. LXXXII, ноябр., 11, 12.

Толстой, гр., Никол. Александъ., об-гофмарш., об-шеникъ, р. 1761 г., † 1816 г., т. LXXXI, февр., 29.

Толстой, гр., Фед. Андреев., т. LXXXII, сент., 173.

Толстой, гр., Фед. Петров., вице-презид. имп. акад. худож., р. 1783 г., † 1873 г., т. LXXXI, февр., 12.

Толстой, Феофиль Матв. (псевдон. Ростиславъ), писатель, муз. критикъ, т. LXXXI, янв., 126.

Толстой, ген. 1782 г., т. LXXXI, мартъ, 196.

Толстой, гр., 1725 г., т. LXXXI, мартъ, 249, 250, 251, 255.

Толь, гр., Карлъ Фед., главно-управ. путями сообщ., р. 1777 г. † 1842 г., т. LXXXI, янв., 127, май, 235, 236, т. LXXXII окт., 214, 215, декабр., 133.

Томаровъ, помощн. воен.-медиц. инспекц. Казанск. окр. 1880 г., т. LXXXII, ноябр., 93, 97.

Тормасовъ, Александр. Петров., московск. главнокоманд.. † 1819 г., т. LXXXI, янв., 207, 208, 209, т. LXXXII, юль 49, т. LXXXII, декабр., 138, 139, 147, 148, 149.

Торкуа, бар., Н., шемахинск. вице-губернат. 1844 г., т. LXXXI, февр., 103.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инж. генер., р. 1818 г. † 1884 г., т. LXXXII, сент., 56.

Траппъ, Ю. К., профес. мед.-х. акад., т. LXXXI, юль, 24.

Фон-Требера, воспитат. герц. Евгения Виртембергскаго, т. LXXXII, окт., 56, 59, 60, ноябр., 154 — 173.

Третьяковъ, Пав. Мих., собиратель картинъ, т. LXXXI, февр., 209.

Трифиллій (Инниховъ), митрополит крутицкій, † 1702 г., т. LXXXI, 204.
 Тромповскій, генер. 1859 г., т. LXXXI, июнь, 43.
 Трошинскій, ст.-секрет., 1808 г., т. LXXXII, авг., 235.
 Трубецкой, кн., Никита Юрьевичъ, ген.-фельдмарш. 1762 г., т. LXXXI, мартъ, 259.
 Туликова, Анна Яковл., въ замуж. Шванвичъ, т. LXXXI, февр., 125.
 Тулиновъ † 1884 г., т. LXXXI, февр., 125.
 Тургеневъ, Александ. Ив., директ. д-р духовн. дѣлъ 1817 г., т. LXXXI, июнь, 124, т. LXXXII, сент., 220, окт., 30, 31, 136, декабр., 103, 113.
 Тургеневъ, Александръ Михаил., р. 1772 † 1863 г., т. LXXXII, авг., 218.
 Тургеневъ, Ив. Серг., писатель, р. 1818 г., † 1883 г., т. LXXXII, сент., 67, 79, окт., 22, нояб., 11, 12.
 Турчаковскій, майоръ, † 1853 г., т. LXXXII, июль, 83, 85, сент., 43.
 Тутолминъ, Тимоѳ. Ив., генер.-поруч., генер.-губернат. арханг. и олонецк. 1784 г., минск 1795 г., т. LXXXI, апр., 221, т. LXXXII, авг., 111, 112.
 Тучкова, Елизавета Ив., т. LXXXII, декабр., 26.
 Тучкова-Огарева, Наталья Алексѣев., ея воспоминанія. 1856—1860 г., т. LXXXII, сент., 63—100, окт., 3—45, нояб., 3—26, декабр., 3—27.
 Тучковъ, Пав. Алексѣев., московск. ген.-губерн. 1850 г., т. LXXXII, сент., 93, окт., 203—207, декабр., 26.
 Тучковъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 149, 151.
 Тхоржевскій, эмигрантъ 1856 г., т. LXXXII, сент., 67, 68, 76, 96, окт., 9, 11, 31, 34, 36, нояб., 15, 16 декабр., 7, 20.
 Тышлевичъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, нояб., 203.

У.

Уварова, гр-ня, Парасковья Серг., т. LXXXII, июль, 163—176, окт., 197, нояб., 176, 177, 178.
 Уваровъ, гр., Серг. Семен., министр. народ. просв., † 1855 г., т. LXXXI, июнь, 124, т. LXXXII, декабр., 129.
 Уваровъ, чиновн. особ. поруч. при управл. кавказ. учебн. окр. 1850 г., т. LXXXI, апр., 134.
 Уваровъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, нояб., 211.
 Узловскій, ксендзъ, польск. повстан. 1863 г., т. LXXXII, авг., 198.
 Унгернъ-Штерибергъ, ген., 1854 г., т. LXXXII, сент., 36.

Урбановичъ-Пильецкій, Мартина Степанов., ст. сов., послѣдов. секты Татариновой 1838 г., т. LXXXII, сент., 226.
 Устимовскій, курскій губернат., т. LXXXI, мартъ, 20, 21.
 Устриловъ, Ф. Г., вице-директ. канц. воен. мин-ва 1855 г., т. LXXXI, янв., 128.
 Уткинъ, Е. И., присяжн. поверен. 1870 г., т. LXXXI, май, 122, 124.
 Ухтомскій, кн., стольникъ 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 173.
 Ушаковъ, Андрей Ив., ген.-аншефъ. начальн.тайной канцеляріи, † 1747 г., т. LXXXI, мартъ, 245, 250.
 Ушаковъ, В., т. LXXXII, сент., 234—241.
 Ушаковъ, Ив. Ив., ген., начальникъ Уяздовск. госп. 1868 г., т. LXXXII, сент., 107—112.
 Ушинскій, Конст. Дм., педагогъ-писатель, т. LXXXI, июнь, 141—150, 153, 161, 187, 188, 189, 202, т. LXXXII, июль, 165, 167, авг., 89, окт., 180.



Фабриціусъ, преподават. 1-й Казанск. гимназ. 1843 г., т. LXXXI, февр., 57, 62.
 Фадеевъ, А. М., чл. совѣта гм. управ. Закавказ. края 1848 г., т. LXXXI, мартъ, 79.
 Фальконетъ, скульпт., т. LXXXII, ноябр., 214.
 Фесенко, Егоръ, педагогъ 1868 г., т. LXXXI, апр., 88, 90—92, июнь, 136, 156.
 Фесслеръ, Игнат., докт. филос., преподават. Спб. духовн. акад. 1820 г., т. LXXXII, сент., 170, 225, окт., 117.
 Фетисовъ, ген.-м., команд. Тульск. пол. 1853 г., т. LXXXI, июль, 93, 103, сент., 33, 34.

Фетъ (Шеиншиль), Асанасій Асанас., писатель, р. 1820 г., т. LXXXI, февр., 12—21.
 Фигнеръ, Александ. Самойл., партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXXXI, ноябр., 213.
 Филаретъ, Аифитетровъ, еписк. казахск. 1820 г., архіеп. рязанск. 1826 г., т. LXXXI, июнь, 100, 110, т. LXXXI, сент., 223.
 Филаретъ Гумилевскій, архіеп. чернигов., † 1866 г., т. LXXXI, мартъ, 142, т. LXXXI, сент., 205, 206, 216, 219.
 Филаретъ (Василий) Дроздовъ, митр. московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. LXXXI, янв., 214—217, февр., 190.

- 226—229, мартъ, 138, 143, 222, 264,
май, 91—106, июнь, 97, 98, 123, 127,
128, 134, т. LXXXII, июль, 197—228,
сент., 183, 185, 205, 206, 216, 222,
223, окт., 105, 109, 110, 113, 119, 120,
нояб., 74, 152, декабр., 78, 102—127.
Филатова, К. М., учительница 1870 г.,
т. LXXXII, авг., 85.
Филипповичъ, Анастасій, наставникъ
самозвана Лубы, 1840 г., т. LXXXII,
авг., 141.
Филипповъ, Александръ, авт. статьи
„Правительствующая олигархія по-
слѣ Петра Великаго“, т. LXXXI,
мартъ, 251—254.
Филиппъ, Володкевичъ, уніацк. ми-
троп. 18-го ст., т. LXXXI, февр. 217.
Филипова, Григорій, ген.-лейт., ко-
манд. прав. крыла кавказ. армії
1845 г., т. LXXXI, мартъ, 69, т.
LXXXII, ноябр., 219, 238.
Философовъ, А. П., т. LXXXI, янв.,
115, 121.
Фирсова, Н. Н., предсѣд. Новгород.
земск. управы 1871 г., т. LXXXII,
окт., 187—189, 193.
Фирсова, Никол. Алексеевъ, профес.
предсѣд. общ. археології, ист. и етногр.
при Казанск. унів. 1863 г., т.
LXXXI, мартъ, 46, 62.
Фитингхоффъ, бар., Б. И., членъ спб.
біблейск. общ.-ва, 1813 г., т. LXXXI,
июнь, 124.
Флавіанъ, архимандр., рект. Новгор.
духовн. семинар. 1803 г., т. LXXXI,
апр., 100.
Фитингхоффъ, баронъ, дс. тайн. совѣтъ,
т. LXXXI, июнь, 131.
Флетчеръ, т. LXXXI, мартъ, 172.
Флоринський, профес. 1863 г., т.
LXXXI, апр., 96.
Фомінінъ, Денисъ Иванъ, писатель, т.
LXXXII, сент., 237, 238, окт., 151.
Фотеръ, профес. 1849 г., т. LXXXI,
мартъ, 39, 57, 58, 59, 60.
Фотій (Петръ Никитичъ) Спасскій,
архим., настоятель новгород. Юрьев-
монаст., р. 1792 г., † 1838 г., его
автобіографія, т. LXXXI, мартъ,
135—163, апр., 99—123, май, 91—114,
т. LXXXII, июль, 195—230, сент.
204—233, окт., 121—142, упом. т.
LXXXI, февр., 226, т. LXXXII, окт.,
106, 107, 112, 113, 118, 227, 229, ноябр.,
75, 76.
Франкъ, докт. гвардейской пѣхоты,
1856 г., т. LXXXII, июль, 5, 11.
Фрейгантъ, г-жа, т. LXXXI, февр.,
99.
Фрейгантъ, Алекс. Васильевъ, пе-
тергофскій комендантъ 1885 г., т.
LXXXI, май, 175, 186.
Фрейгантъ, ген. 1847 г., т. LXXXI,
- янв., 137, 147, 171, февр., 143, май,
186, т. LXXXII, июль, 122.
Фролковъ, учитель 1872 г., т. LXXXII,
сент., 141, 143.
Фундъ, совѣт. 1745 г., т. LXXXI,
июнь, 220, 221.
Фурманъ, писат., т. LXXXI, февр.,
191.
Фусь, Н. И., чл. спб. Біблейск. общ.
1813 г., т. LXXXI, июнь, 124.

X.

- Халубинскій**, профес. Варшавск. унів.
1860 г., т. LXXXII, окт., 89, 90.
Ханыкова, Никол. Влад., орієнта-
листъ, т. LXXXI, мартъ, 66.
Ханыкова, Яковъ Владими., оренб.
губерн. т. LXXXI, янв., 111, 113.
Харитонова, Анна Александ. въ зам.
Мільковичъ, т. LXXXI, мартъ, 73.
Харитонова, Александра Петровн.,
см. Принцъ.
Харитоновъ, Алексей Александ., се-
нат., его воспомінанія, т. LXXXI,
янв., 101—132, февр., 96—130, мартъ,
63—93, апр., 124—156, май, 170—
201, упом. апр., 228.
Харитоновъ, А., генер., † 1826 г., т.
LXXXI, янв., 104, 105.
Харитоновъ, Конст. Александ., офиц.
1847 г., т. LXXXI, мартъ, 73.
Харитоновъ, Петръ А., род. 1852 г.,
т. LXXXI, апр., 154.
Хатовъ, Александ. Ільичъ, т. LXXXI,
май, 235, 236.
Хатовъ, И. Ильичъ, т. LXXXI, июнь,
218, 220.
Хвостова, послѣдовательница масон-
ства, 1817 г., т. LXXXII, июль, 213,
сент., 225, 226, 227, декабр., 117, 118.
Хвостовъ, Дм. Иванъ, писатель, р. 1763 г.
† 1835 г., т. LXXXI, окт., 102.
Хвостовъ, чиновн. собств. Е. И. В.
канцел. 1840 г., т. LXXXI, февр., 96.
Хільковъ, кн. И. Андреевъ, бояринъ,
1662 г., т. LXXXI, мартъ, 224, 225.
Хитрово, Никол. Мих., команда. Се-
меновск. полка 1854 г., т. LXXXI,
июнь, 4, 29, 30.
Хитрово, капит. 1860 г., т. LXXXII,
декабр., 182.
Хитрово, сенат. 1816 г., т. LXXXII,
декабр., 127.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ Ма-
морозовскій, † 1657 г., т. LXXXI,
май, 202—208, т. LXXXII, авг., 142.
Хмельницкій, Михаіль, чигиринск.
подстароста 1616 г., т. LXXXI,
май, 202.
Хованскій, Петръ Иванъ, воевода кіев-
скій 1698 г., т. LXXXII, авг., 201, 205.

Ходакъ, Осипъ Ив., офиц. генерал. штаба 1855 г., т. LXXXI, апр., 147. т. LXXXII, декабр., 166, 171, 172, 173.
 Ходкевичъ, гр., Александр., т. LXXXI, февр., 236.
 Холодовскій, чиновн. мин. госуд. имущ. 1838 г., т. LXXXI, янв., 55, 56, 57, февр., 3, 5.
 Холубинскій, врачъ 1870 г., т. LXXXII, сент., 123.
 Хоментовскій, ген. окружн. интенд. Варшав. окр. 1869 г., т. LXXXII, сент., 115.
 Хомутовъ, ген. отъ кавал. 1854 г., т. LXXXII, сент., 47.
 Комяковъ, Алексѣй Степ., писатель, † 1860 г., т. LXXXII, окт., 159, ноябр., 125, 139.
 Храневичъ, В., сообщ. «Нѣкоторые эпизоды изъ времени воссоединенія уніатовъ въ ковцѣ прошлаго вѣка», т. LXXXII, авг., 97—135, упом. т. LXXXI, февр., 220—222.
 Храповицкій, Александръ Васильев., ст. секрет. † 1801 г., т. LXXXI, мартъ, 205.
 Хрестющій, генер. 1856 г., т. LXXXI, июнь, 79.
 Хрулевъ, Степ. Александр., генер. 1855 г., т. LXXXII, авг., 173, сент., 36, 37, 39, 59.
 Крущевъ, Д. П., т. LXXXI, янв., 60, февр., 11, май, 21, 23.
 Крущевъ, ген. 1855 г., т. LXXXII, декабр., 166.

III.

Цвѣтаевъ, Д. В., профес., т. LXXXI, апр., 203.
 Цѣбллеръ, П. М., директ. москов. учит. школы 1872 г., т. LXXXII, июль, 184, сент., 134—136.
 Цертелевъ, кн., П. Н. 1894 г., т. LXXXI, апр., 231.
 Цез., сенаторъ, т. LXXXI, янв., 114.
 Цеплюсовскій, еписк. луцкій 1813 г., т. LXXXI, июнь, 125.
 Цилле, педагогъ 1842 г., т. LXXXI, янв., 99.
 Циммерманъ, подполковн. генерал. штаба 1862 г., чл. воен. сов., т. LXXXI, апр., 149.
 Цитовичъ, гл. докт. Брестъ-Литов. госпит. 1868 г., т. LXXXII, авг., 26.
 Цициановъ, кн., астраханск. воен. губернат. 1803 г., т. LXXXII, июль, 137.
 Цыщуринъ, Фед. Степ., директ. мед. департ. 1864 г., т. LXXXII,

июль, 38, 39, 41, авг., 12, 13, 20, 21, окт., 95.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковъ., т. LXXXII, ноябр., 133—135.
 Чавчавадзе, кн., Александр., поэтъ, † 1847 г., т. LXXXI, февр., 119.
 Чавчавадзе, княгиня, Анна Ильин., т. LXXXI, май, 193, 200, 201.
 Чавчавадзе, кн., Давидъ Александр., ген.-лейт., † 1884 г., т. LXXXI, янв., 165, 166, 179, 180, февр., 119, т. LXXXII, июль, 80—86, 93, 97, 103.
 Чавчавадзе, кн., Ісонъ, ген.-майоръ 1854 г., т. LXXXI, май, 189.
 Чавчавадзе, кн., капит. 1853 г., т. LXXXII, июль, 87.
 Чаплинскій, Даниилъ, подстароста 1639 г., т. LXXXI, май, 203—206.
 Чаплинъ, генер. 1812 г., т. LXXXII, декабр., 141, 148, 149.
 Чарторижскій, кн., Адамъ, мн-ръ иностр. дѣлъ 1806 г., р. 1770 г. † 1861 г., т. LXXXI, февр., 235, май, 223—227, т. LXXXII, авг., 212—216, 221, 224, 225.
 Чахотинъ, С. И., драгоманъ генер. консульства въ Константинополѣ 1894 г., т. LXXXI, мартъ, 115.
 Чапкій, Фадей, т. LXXXI, февр., 234—237.
 Чекалевскій, вице-презид. академіи худож. 1816 г., т. LXXXII, декабр., 128, 129.
 Чемигъ, поруч. 1764 г., т. LXXXII, декабр., 96.
 Чемаревъ, полковн., батаил. коман. Дворянск. полка 1866 г., т. LXXXII, июль, 30.
 Чемодановъ, Ив., стольникъ 1659 г., т. LXXXII, сент., 242.
 Ченгеръ, ген.-м., команд. войсками въ Зап. краѣ 1864 г., т. LXXXII, авг., 7.
 Чепелевская, Прасковья Ильинична, основат-ца женск. педагог. курсовъ въ Москве, т. LXXXI, июнь, 157, т. LXXXII, июль, 169.
 Черевковъ, ген.-м. 1820 г., т. LXXXI, июнь, 214.
 Черкасовъ, бар., Ив., 1744 г., т. LXXXII, декабр., 87, 88, 89, 92.
 Черкасовскій, кн., Алексѣй Михайл., госуд. канцлеръ, р. 1680 г. † 1742 г., т. LXXXI, мартъ, 258, 259.
 Черкассовъ, кн., Влад. Александр., чл. редакц. комм. 1863 г., управл. гражд. частью въ Болгаріи 1877 г., † 1878 г., т. LXXXI, апр., 234.
 Чернецкій, польск. эмigr. 1866 г.,

т. LXXXII, сент., 67, 68, 76, 96, окт., 9, 31—35, декаб., 7—9, 20.
 Черновъ, авт. ст. "Терпіи казакъ", 1894 г., LXXXII, декаб., 232, 233.
 Чернышевъ, гр., Елисав. Александръ, въ зам. книг. Барятинская, т. LXXXII, окт., 141, нояб., 46.
 Чернышевъ, гр., Александ. Ив. воен. мин. р. 1786 г. † 1862 г., т. LXXXI, янв., 126—132, февр., 104—107, 113, 117, 120, 121, апр., 127, 128, июнь, 205, 211—218, т. LXXXI, нояб., 45.
 Чернышевъ, Ив. Григ., презид. адмиралтейства коллегии, р. 1726 г., † 1797 г., т. LXXXI, апр., 161, 167.
 Чернышевъ, Никол. Гаврилов., писат.-публицистъ, р. 1728 г., † 1889 г., т. LXXXI, июнь, 47, т. LXXXII, окт., 32, 33, 144, 149, 150, нояб., 131, 145.
 Черижевъ, Мих. Григ., генер. 1877 г., т. LXXXI, апр., 224.
 Черткова, Е. И., т. LXXXI, июнь, 157.
 Чеславский, фаблопроизвод. общаго присут. инжен. деп. 1838 г., т. LXXXI, янв., 124.
 Четыркинъ, Романъ Серг., генер.-штабъ докт. дѣйств. арміи 1855 г., т. LXXXI, авг., 39, 40.
 Чимлевъ, Егоръ, коллежск. ассес. 1816 г., т. LXXXI, декаб., 124.
 Чимлевъ, шемахинск. воен. губерн. 1844 г., т. LXXXI, февр., 114.
 Чистовичъ, Иларіонъ Алексѣевичъ, профес. Слѣд. духовн. акад., писатель, р. 1828 г. † 1873 г., его ср. "Очеркъ изъ истории религиознаго мистицизма въ царствование Александра I", т. LXXXI, июнь, 120—134, 203—204, упом. т. LXXXII, декаб., 113.
 Чистовичъ, начальн. мед.-х. акад., т. LXXXII, авг., 25.
 Чичаговъ, Пав. Васильев., адмир., морск. мин-ръ р. 1765 г., † 1849 г., т. LXXXI, сент., 200, декаб., 129, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149.
 Чичеринъ, Б. Н., т. LXXXI, окт., 13, 14.
 Чоглоковъ, Александръ Пав., шанс-сийб. уѣздн. предв. дворянъ 1854 г., т. LXXXI, май, 37, 38, 45, 46, 47.
 Чоглоковъ, ген. 1812 г., т. LXXXII, нояб., 211.
 Чортовъ, полковн. 1744 г., т. LXXXII, декаб., 86, 88, 91.
 Чупровъ, А. И., т. LXXXII, июль, 185.
 Чупятовъ, маюоръ 1853 г., т. LXXXII, июль, 85.

III.

Шадъ, профес. Харьков. унив., т. LXXXII, сент., 170.
 Шайкоха, писатель, т. LXXXII, авг., 137.
 Шаляпинъ, кн., маюоръ 1853 г., т. LXXXII, июль, 85, 87.
 Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. LXXXI, янв., 146—181, февр., 42, 109, 135—166, 171, марта, 66, 72, апр., 149, июнь, 49, 90, 94, т. LXXXII, июль, 49, нояб., 220, 228—240, декаб., 173, 176—178, 186, 191, 193, 194.
 Шамшевъ, Фед., подполковн. 1820 г., т. LXXXI, июнь, 214.
 Шарыповъ, Семенъ Данилов., т. LXXXII, окт., 167, 170.
 Шарлотта-Христина, супруга царевича Алексія, т. LXXXII, декаб., 82.
 Шатиловъ, Іосифъ Никол., президентъ имп. московск. общ. сельск. хозяйства 1870 г., т. LXXXII, июль, 183—186, авг., 85, 90.
 Шафировъ, бар., Петър Павлов., государь канцлеръ, р. 1671 г. † 1739 г., т. LXXXI, апр., 213.
 Шахматовъ, кн., Сергій (въ иночествѣ Ангелитъ), воспитат. морск. корп., 1828 г., † 1837 г., т. LXXXII, июль, 217.
 Шаховская, княг. Варвара Александ., т. LXXXI, мартъ, 101, 107.
 Шаховская, книжна, Елисав. Борисов., въ зам. книг. Аренбергъ, т. LXXXI, мартъ, 101, 107.
 Шаховской, кн. А И., генер. отъ артил., 1878 г., т. LXXXI, мартъ, 64.
 Шаховской, кн., команд. л.-гв. Уланск. пол., 1867 г., т. LXXXI, май, 236, т. LXXXII, сент., 112, 123.
 Швановичъ, Анна Яковн. см. Тулинова.
 Шварсалонъ, К., сообщ.: "Итальянские исторические документы о Россіи", т. LXXXI, янв., 197—203, упом. т. LXXXII, сент., 242.
 Шварцъ, артил. генер., т. LXXXI, май, 8.
 Швейргенцъ, посолъ въ Римъ отъ Иоанна IV, 1680 г., т. LXXXI, май, 55, 56, 58, 69.
 Шевыревъ, Степ. Петров., профес., т. LXXXII, окт., 148—169, нояб., 116, 124—128, 135—145.
 Шейерль, пасторъ Сарент. евангелич. общ. 1813 г., т. LXXXII, сент., 222.
 Шелеховъ, директ. 2-го деп. мин. госуд. имущ., т. LXXXI, янв. 14, 23, 36, 53, 56.
 Шенрокъ, В., сообщ.: "Литератур-

- ные отзывы современниковъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, т. LXXXII, окт., 143—178; „Отзывы современниковъ о „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя“, ноябр., 107—153.
- Шеницъ, Андрей Мих., 1824 года, т. LXXXII, декабрь, 54, 55, 57, 58, 65.
- Шеншицъ, Леонтий, стольникъ, 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 173.
- Шереметевъ, Владими., стольникъ, 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 173.
- Шерингъ, ген.-штабъ докт., 1854 г., т. LXXXI, май, 37—47, июнь, 4—32, т. LXXXII, июль, 4—9, 23, 38, 39.
- Шорль, пасторъ, Сарентъ евангелич. общества, 1816 г., членъ библейск. общ., т. LXXXII, декабрь, 114.
- Шерриборнъ, лордъ, т. LXXXI, февраль, 29.
- Шестаковъ, Пётръ Дмитриевичъ, род. 1826 г., † 1890 г., попечит. Казанск. учебн. округа, 1882 г., т. LXXXI, мартъ, 46.
- Шестовъ, врачъ 1856 г., т. LXXXII, июль, 21, авг., 23—25.
- Шидловскій, ген., гла. начальн. цензуры, 1870 г., ч. LXXXI, июнь, 156.
- Шильдаевъ, учитель, 1872 года, т. LXXXII, июль, 192.
- Шиловская, рожд. Вердеревская, т. LXXXI, май, 178.
- Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ, ген.-ад., инжен., р. 1785 г., † 1854 г., т. LXXXII, июль, 129, 130.
- Шильдеръ, Никол. Карлов., ген.-лейт., сообщ., „Кутузовъ въ 1812 г. Историческая характерист. Д. П. Бутурина“, т. LXXXII, октябрь, 201—220, ноябр., 193—213, декабрь, 133—154, упом. окт., 130.
- Шипулинъ, дьякъ, 1643 года, томъ LXXXII, авг., 151.
- Ширинский-Шихматовъ, кн., Алексѣй Александровичъ, т. LXXXI, мартъ, 139.
- Ширинский-Шихматовъ, кн., Павелъ Александровичъ, т. LXXXI, мартъ, 139.
- Ширинский-Шихматовъ, кн., Платонъ Александръ, министръ народн. просв., р. 1790 г., † 1853 года, т. LXXXI, апр., 7, 26, т. LXXXII, июль, 218, 224, сент., 183, 184.
- Ширинский-Шихматовъ, кн., Серг. Александръ, писатель, род. 1783 г., † 1837 г., т. LXXXI, мартъ, 139.
- Ширинъ, Н. Л., сообщ., Баловень счастья. Эпизодъ изъ русской истории конца XVIII в., т. LXXXI, мартъ, 193—205.
- Шишковъ, Александ. Семен., адм., мин. нар. просв., р. 1763 г., † 1841 г., т. LXXXII, сент., 177, 221, 222,
- «его письмо императору Александру I», окт., 221—230, декабрь, 114.
- Шлегель, Г. докт. Новогеоргиевск. воен. госпит., 1865 г., т. LXXXII, авг., 14, 15, 16.
- Шлихенбахъ, полковн., команд. Виленск. пол., † 1854 г., т. LXXXII, июль, 52, сентябрь, 42.
- Шлихенбахъ, начальн. школы гвард. подпрап., 1832 г., т. LXXXI апр., 39.
- Шмидтъ, клинич. профес. Ульдовск., госпит., 1868 г., т. LXXXII, авг., 28.
- Шмидтъ, чиновъ почтов. вѣд., 1836 г., авт. соч. о Польск. кампании 1830 г., т. LXXXI, янв., 118.
- Шонертъ, ген.-майоръ, 1855 года, т. LXXXII, сент., 25.
- Шопенъ, членовн. мин. госуд. имущ., 1840 г., т. LXXXI, февр., 10.
- Шостакъ, Андр. Андр., полковн., тифис. полиціймейст., 1852 г., т. LXXXI, апр., 152, 153.
- Шостакъ, офиц., 1853 г., т. LXXXII, июль, 89, 90.
- Шпилевская, Наталия Ивановна, т. LXXXI, май, 43.
- Шпилевский, Степ. Гаврилов., врачъ, членъ воен.-медицин. учен. комитета, 1864 г., т. LXXXI, май, 43.
- Шрамковъ, команд. Донск. полка, т. LXXXI, янв., 141.
- Шредеръ, графъ-маклеръ 1840 г., т. LXXXI, июнь, 36, 42, 51, 52.
- Штадельбергъ, гр., Густавъ Оттонов., подполковн., р. 1766 г., † 1850 г., т. LXXXI, февр., 80, 85.
- Штейнъ, бар., мин. короля прусск., 1812 г., т. LXXXII, авг., 219.
- Штеръ, Матеей, сенаторъ, 1817 г., т. LXXXII, июль, 217.
- Шторхъ, К. А., т. LXXXI, апр., 93.
- Шуазель-Гуфье, графиня, рожд. Нарышкина, т. LXXXI, апрѣль, 132, июнь, 93.
- Шувалова, графиня, Екат. Петровна, рожд. Салтыкова, р. 1743 г., † 1816 г., т. LXXXI, мартъ, 104, 111, 112 апр., 169, 170.
- Шуваловъ, гр., Андр. Петровичъ поэз., р. 1744 г., † 1789 года, т. LXXXI, мартъ, 104.
- Шуваловъ, гр., Петръ, спб. губерн. предвод. дворян., т. LXXXI, май, 3, 4, 5.
- Шуваловъ, 1730 г., т. LXXXI, мартъ, 259.
- Шуваловъ, гр., 1855 г., т. LXXXI, май, 21, т. LXXXII, сент., 172, 187.
- Шугуровъ, М. Ф., сотрудникъ „Русск. Архива“, т. LXXXI, апр., 215—220, май, 218—230, т. LXXXII, авг., 228—326.

- Шубинскій, польск. писат., 1890 г., т. LXXXII, авг., 138.
 Шульгинъ, Александ. Серг., москов. об.-полиціймейст. 1816 г., т. LXXXI, янв., 208.
 Шульгинъ, И. П., профес., 1835 г., т. LXXXI, янв., 111.
 Шульманъ, полковн., команд. 25-го пѣх. Смоленск. пол., 1864 г., впосл. ген., т. LXXXII, авг., 9, 11.
 Шульцъ, Павл. Антон., тайн. сов., сенат. 1894 г., т. LXXXI, 231.
 Шульцъ, ген. отъ кавал., 1870 г., т. LXXXII, июль, 66, 91.
 Шумахеръ, Алекс. Данил., тайный совѣт., сенат., 1894 г., т. LXXXI, апр., 232.

III.

- Щастливцевъ, ст. сов., вице-дирек. канц. намѣстн. кавказ. 1848 г., т. LXXXI, апр. 135.
 Щегловъ, В. Г., авт. ст. „Государst. Собѣтъ въ Россії“, т. LXXXI, мартъ, 251—263, т. LXXXII, авг., 218—228.
 Щедровъ, Андрей, дьякъ, 1580 г., т. LXXXI, май, 61, 72.
 Щепкинъ, Никол. Мих., т. LXXXII, еснт., 94.
 Щепкинъ, Никол. Павл., дѣйс. ст. сов., 1894 г., р. 1825 г., т. LXXXI, апр., 231, 234.
 Щепкинъ, Мих. Семен., артистъ, р. 1788 г. †1863 г., т. LXXXI, февр., 17, т. LXXXII, сент., 94.
 Щепкинъ, С. П., чиновн. минис. госуд. имущ., 1872 г., т. LXXXII, июль, 187.
 Щерба-Нефедовичъ, землан. воен. губернаторъ, 1844 г., т. LXXXI, февраль, 114.
 Щербатскій, первоприсут. въ Конотоп. духовн. правлен., 1802 года, томъ LXXXII, окт., 102.
 Щербатовъ, кн. Мих. Мих., исторіографъ, сенат., р. 1733 г. † 1790 г., т. LXXXI, мартъ, 199.
 Щербачевъ жандарм. подполковн., 1851 г., т. LXXXI, апр., 146.
 Щербакова, Юлія Ив., рожд. Прибыль, т. LXXXI, мартъ, 74.
 Щербакова, М. П., началь. гражд. управы Кавказа, 1850 года, томъ LXXXI, янв., 143, февр., 106, 116, 126, 127, мартъ, 69, 79, апр., 136, 138, 142, 143, 149, май, 173—180, июнь, 91, т. LXXXII, декаб., 170.

IV.

- Эвенгофъ, пасторъ 2-го кадет. корп. 1816 г., т. LXXXII, декаб., 99.
 Эверсмайлъ, профес. Казан. универс. 1850 г., т. LXXXI, мартъ, 53.
 Эдельштѣгъ, графиня, А. С., см. Стурда.
 Эдельштѣгъ, гр. об.-гофмейст., Саксенъ-Веймарск. двора, 1813 г., т. LXXXI, июнь, 130.
 Эйлеръ, прусскій епископъ, 1816 г., т. LXXXII, декаб., 108, 109.
 Эйхвальдъ, Э. Э., профес. мед.-хир., акад., 1885 г., т. LXXXI, июнь, 23.
 Эккъ, профес. медик.-хирург. акад. 1855 г., т. LXXXI, июнь, 23, 24.
 Эльснеръ, бар., полковн., директ. Гродвен. кадет. корп. 1798 г., т. LXXXII, окт. 56.
 Эммануель, полковн., 1812 года, томъ LXXXII, нояб., 195, 209, 210.
 Энгельгардтъ, Еліс. Мих., см. Степновая.
 Энгельгардтъ, ген.-майор., директ. инст. пут. сообщ. 1847 года, т. LXXXI, февр., 123.
 Энгельгардтъ, командиръ стрѣлк. роты л.-гв. Семеновскаго полка, 1856 г., т. LXXXII, июль, 10.
 Энгельгольмъ, вице-директ. 1-го деп. мин. госуд. имущ., 1838 г. впосл. чл. комисс. прошеній, т. LXXXI, янв., 14, 52, 59.
 Энокинъ, лейбъ-мед., 1850 года, т. LXXXI, янв., 164.
 Эристова, кнаг., Елена, т. LXXXI, мартъ, 74, апр., 137, 152.
 Эристова, кн., Г. Д., чинов. особ. поруч. при намѣстн. кавказскомъ, 1850 г., т. LXXXI, апр., 138.
 Эристова, кн., Григ. Евстаѳ., генераль., 1854 г., сенат., т. LXXXI, апр., 49, 50, май, 189, т. LXXXII, сент., 28, нояб. 222.
 Эристова, кн., Г. Р. полковникъ, начальн. центра Кавказ. линіи, 1850 г., т. LXXXI, апр., 139.
 Эристовы, кнагы, т. LXXXII, окт., 222.
 Эртель, ген., 1812 г., т. LXXXII, декаб., 149.
 Эспехо, Марія Васил., во 2-мъ братѣ Колюбакина, томъ LXXXI, мартъ, 92.
 Эспехо, ген., т. LXXXI. мартъ, 92.
 Эссеъзъ, П. Е., ген.-ад., Оренб. воен. губернат., 1829 г., т. LXXXII, декаб., 225, 227, 229.

**

Ю.

Юдинъ, П. Л., сообщ.: «Къ исторіи русскаго раскола», т. LXXXI, яв., 182—196, «Адаевскій бунтъ на полуостровѣ Мангышлакѣ въ 1870 году», т. LXXXII, июль, 135—156, «Зачатки единовѣрія на Уралѣ», авг., 54—83, «Польскіе повстанцы 1863 г. въ Оренбургскомъ краѣ; къ исторіи польскаго мятежа 1863 года», 194—200, «Заводскій бунтъ на Уралѣ въ 1829 г.», декабрь, 214—230, «На Индію, по поводу небывалаго похода атамана Платова», 231—241.

Юзефовичъ, полковн., 1812 г., т. LXXXII, ноябрь, 195, 196, 210.

Юнге, профес. мед.-хир. акад., окулистъ, т. LXXXII, июнь, 22, 35.

Юрьевичъ, профес. 1870 года, томъ LXXXII, авг., 91.

Юрьевскій, ген., 1812 г. т. LXXXII, ноябрь, 213.

Юршевъ, куп., 1770 г., т. LXXXII, августъ, 57.

Юрьевъ-Гахаринъ, кн., Никита Романовъ, вамбѣстъ, новгородск. 1581 г., т. LXXXI, май, 61, 64.

Юрьевъ, С. А., писатель, ред. «Рус. Мысли», † 1888 г., т. LXXXI, май, 139, 140.

Юстъ, Юлій, датскій посланникъ въ Спб. 1717 г., т. LXXXI, мартъ, 170, 171, 173, 182, 188.

Юсупова, книжина, 1820 года, т. LXXXII, сент. 178.

Я.

Яблочкова, артистка-пѣвица, 1853 г., т. LXXXI, май, 183.

Ягодинъ, генераль 1845 года, томъ LXXXII, ноябрь, 34, 35.

Ягужинскій, гр., Чав. Иван., ген.-прокур., впосл. кабинетъ министр., р. 1683 г., † 1736 г., т. LXXXI, мартъ, 257, 258.

Языковъ, Никол. Мих., поэтъ, р. 1803 г., † 1846 г., т. LXXXI, апр., 153, т. LXXXII, октябрь, 173, ноябрь, 145.

Якобсонъ, Ив. Давыдовъ., ген.-адмираль, впосл. членъ воен. совѣта † 1874 г., т. LXXXI, янв. 117, 130

Якобъ, профес. Харьковск. унив. 1820 г., т. LXXXII, сентябрь, 170.

Яковлевъ, Дан Семеновъ., воевода 1662 г., т. LXXXI, мартъ, 225.

Ямевичъ, узяцъ священ., 1796 г. т. LXXXII, авг., 129.

Якобъ, голланд. пасторъ, чл. Спб. библейск. общ., 1816 г., т. LXXXII, сентябрь, 222, декабрь, 114.

Яникий, Антоній, свящ., 1796 г. т. LXXXII, авг., 113.

Янковскій, маюръ, 1826 года, томъ LXXXI, май, 213, 214, 215.

Яншина, команд. л.-гв. гусарскаго полка, 1856 г., т. LXXXII, июль, 14.

Я.

Еадлеевъ, А. М., т. LXXXI, июнь, 133.

Федоровъ, Борисъ Мих., писатель, р. 1799 д. † 1875 г., томъ LXXXI, февраль, 191.

Феодоръ Алексѣевичъ, царь, родил. 1661 г., † 1682 г., т. LXXXI, апр., 215.

Феодоръ Ioannovichъ, царь, т. LXXXI, мартъ, 195.

Феодотъ, Василъ К., преподават Харьков. учит. семин. 1881 г., т. LXXXI, июнь, 183, 188—195.

Феофанъ Прокоповичъ, т. LXXXI, мартъ, 257.

Феофанъ, архимандр. одесск., 1820 г., т. LXXXII, октябрь, 119.

Феофилактъ, Русановъ, епис. ка-лужск., 1804 г., архиеп. рязанск., 1809 г., экзархъ Грузіи, 1817 г., т. LXXXII, сентябрь, 161, 164, 216, 225, октябрь, 118, 119, 124, ноябрь, 74, декабрь, 103, 105, 106.

Феофиль (Петръ Ивановъ), архим., законоуч. перв. кадет. корпуса. 1817 г., Ришельевск. лицей, 1821 г., р. 1787 г., † 1869 г., т. LXXXII, июль, 220, 221, сентябрь, 216, декабрь, 203—207, 210, 211.

Фомичъ, Ив., дьякъ, 1659 года, томъ LXXXII, сентябрь, 242.

Составила Указатель Вѣра Васильевна Тимошукъ.



